ПСИХОЛОГІЯ ЧУВСТВОВАНІЙ.

ПСИХОЛОГІЯ

ЧУВСТВОВАНІЙ

ВЪ ЕЯ ИСТОРІИ И ГЛАВНЫХЪ ОСНОВАХЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

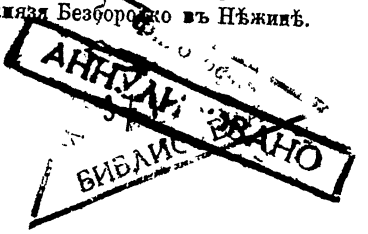
НИКОЛАЯ ГРОТА.

I. Исторія анализа и синтеза чувствованій.
II. Основы анализа и синтеза чувствованій

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1879—1880.

В
4[illegible]
[illegible]

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-Филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.



ДОРОГИМЪ РОДИТЕЛЯМЪ МОИМЪ

ЯКОВУ КАРЛОВИЧУ ГРОТУ

и

НАТАЛЬѢ ПЕТРОВНѢ ГРОТЪ

ВЪ ЗНАКЪ

НЕИЗМѢННОЙ ЛЮБВИ и ГЛУБОКОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Многіе современные представители точныхъ знаній пробуютъ отрицать самостоятельное значеніе психологической науки, полагая возможнымъ всѣ задачи этой послѣдней передать въ вѣдѣніе экспериментальной физіологіи. Несмотря однако на заманчивость такого объединенія двухъ родственныхъ наукъ, развитіе независимой психологіи не только не прекращается, но постоянно разростается въ большіе и большіе размѣры. Ежедневное появленіе во всѣхъ ученыхъ литературахъ Запада новыхъ трудовъ по вопросамъ психологическимъ, изъ которыхъ многіе весьма замѣтно подвигаютъ пониманіе сложныхъ психическихъ состояній, поневолѣ наводитъ на мысль, что психологическая наука способна развиваться далѣе своими собственными средствами и что въ ней есть много задачъ, которыя не могутъ быть рѣшены при помощи одного только микроскопа или другихъ какихъ-либо орудій точнаго естествознанія. Необходимость тѣснаго взаимодѣйствія между психологіей и науками о физическомъ организмѣ конечно уже не отвергается почти ни однимъ изъ современныхъ психологовъ; но между взаимодѣйствіемъ и полнымъ сліяніемъ различіе довольно существенно. Французскій психологъ эмпирической школы Рибо весьма вѣрно, кажется намъ, понялъ отношеніе психологіи къ физіологіи, признавъ первую *высшею* наукою, опирающеюся на вторую, *низшую*, подобно тому какъ физіологія въ свою очередь принуждена опираться на другія низшія, по сравненію съ нею, науки физико-химическія. Съ эмпирической точки зрѣнія порядокъ

низшихъ и высшихъ наукъ опредѣляется весьма просто — степенью сложности явленій, подлежащихъ анализу той или другой вѣтви знанія. Физіологическія явленія, объединяемыя однимъ общимъ феноменомъ *жизни*, конечно гораздо сложнѣе физико-химическихъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Точно также психическія явленія, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ новымъ элементомъ *сознанія*, представляютъ еще болѣе высокую степень сложности, чѣмъ явленія физіологическія въ тѣсномъ значеніи. Но, собственно говоря, въ механизмѣ развитія науки непосредственное вліяніе оказываетъ не столько самая степень сложности *явленій*, сколько вытекающая изъ этой послѣдней степень сложности *пріемовъ* науки при изслѣдованіи этихъ явленій: если явленія одного круга настолько сложнѣе явленій другого круга, что для ихъ анализа необходимъ рядъ новыхъ, совершенно самостоятельныхъ пріемовъ изслѣдованія, то и науки, соотвѣтствующія тому и другому кругу явленій, должны быть самостоятельны, т. е. обработка ихъ должна находиться въ рукахъ различныхъ спеціалистовъ, людей съ различно развитыми умомъ и наблюдательностью. Такъ какъ при изслѣдованіи психическихъ явленій, благодаря новому элементу сознанія, дающему имъ высшій характеръ сложности, уже нельзя довольствоваться однимъ внѣшнимъ пріемомъ физіологическаго эксперимента и такъ какъ именно въ этомъ элементѣ сознанія, обратною стороною котораго является фактъ самосознанія, находится указаніе на совершенно особое орудіе психологическаго изслѣдованія, называемое внутреннимъ опытомъ: то самостоятельное мѣсто психологіи въ ряду другихъ естественныхъ наукъ и не можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что пользованіе этимъ важнымъ вспомогательнымъ орудіемъ „внутренняго опыта“ требуетъ и совершенно особаго развитія ума и наблюдательности, рѣдко доступнаго спеціалисту-физіологу, привыкшему обращаться по преимуществу въ мірѣ внѣшнихъ явленій. Такимъ образомъ психологія — наука самостоятельная какъ по своему матеріалу, такъ и по совокупности пріемовъ его анализа. Однако присоединеніе новаго орудія изслѣдованія отнюдь не освобо-

ждаетъ психологію отъ строгаго подчиненія тѣмъ *общимъ принципамъ*, которые выработаны развитіемъ не одной какой-либо частной вѣтви знанія, а всей науки въ ея совокупности. Въ числѣ такихъ общихъ принциповъ первое мѣсто занимаютъ тѣ истины, что спеціальныя изслѣдованія отдѣльныхъ группъ явленій должны предшествовать построенію цѣлой науки, и далѣе, что въ каждый моментъ развитія знаній всякое научное изслѣдованіе должно стоять въ ближайшей связи съ прошедшею разработкою даннаго вопроса, — съ его исторіей. Къ сожалѣнію, психологи слишкомъ часто отступали отъ этихъ принциповъ и этимъ до нѣкоторой степени объясняется безуспѣшность и безполезность многихъ работъ по психологіи.

Слѣдуя указаннымъ двумъ началамъ, мы избрали предметомъ настоящаго труда одинъ изъ спеціальныхъ вопросовъ психологіи — вопросъ о природѣ, развитіи и распредѣленіи *чувствованій* и затѣмъ старались поставить свою собственную теорію въ тѣсную связь и зависимость со всей предшествующей *исторіей* вопроса. Почему выборъ нашъ палъ именно на указанный кругъ психическихъ явленій, а не на какую-либо другую область этихъ послѣднихъ, мы считаемъ излишнимъ объяснять, ибо такой выборъ обыкновенно совершается безсознательно и вытекаетъ часто изъ случайнаго направленія занятій того или другого изслѣдователя. Первоначальнымъ толчкомъ для разработки избранной нами темы послужило именно случайное знакомство съ интересной и талантливой книгой покойнаго французскаго психолога Дюмона (Dumont. Théorie scientifique de la sensibilité. Paris, 1875). Первымъ результатомъ нашихъ собственныхъ занятій въ области чувствованій была статья, помѣщенная въ сентябрской книжкѣ Revue philosophique за 1878 г., подъ заглавіемъ: „Essai sur les principes d'une classification nouvelle des sentiments“. Сознавая недостатки этой работы, мы продолжали изученіе вопроса какъ съ теоретической, такъ и съ исторической точки зрѣнія. Изученіе исторіи и литературы вопроса, вслѣдствіе чрезвычайной неразработанности этого предмета, потребовало большихъ трудовъ

и большой затраты времени. Поэтому *историческій* отдѣлъ составилъ болѣе трехъ четвертей настоящаго сочиненія. Но хотя мы и посвятили относительно немного времени на дальнѣйшую независимую разработку теоретической стороны вопроса, тѣмъ не менѣе повѣрка собственныхъ выводовъ, вызванная изученіемъ его исторіи, естественно повела уже сама по себѣ и къ дальнѣйшему развитію теоріи. Такимъ образомъ и *теоретическій* отдѣлъ, несмотря на меньшіе размѣры, представляется въ сущности результатомъ долговременнаго и подъ-часъ довольно неблагодарнаго труда.

Хотя выборъ предмета нашей монографіи и былъ, какъ мы сказали выше, дѣломъ случая, тѣмъ не менѣе едва-ли можно отрицать, что этотъ предметъ принадлежитъ къ числу самыхъ заманчивыхъ и интересныхъ въ области психологіи и потому, надѣемся, читатели извинятъ насъ, если, для болѣе нагляднаго пониманія всего послѣдующаго, мы сначала вкратцѣ охарактеризуемъ его судьбу въ связи съ общимъ ходомъ развитія человѣческой мысли.

Умственная, и въ частности познавательная, дѣятельность человѣка имѣетъ два различные источника. Одинъ—*внутренній* или *мѣстный*, состоящій въ наслѣдственной потребности всѣхъ органовъ познанія искать пищу для своей дѣятельности и перерабатывать матеріалъ, доставляемый ощущеніями, въ болѣе сложные продукты, каковы представленія и понятія. Другой—*внѣшній* или *общій*, состоящій въ инстинктивномъ стремленіи человѣка воспользоваться всѣми доступными ему средствами, а стало-быть и органами познанія, для постановки себя въ наилучшія условія взаимодѣйствія съ окружающимъ міромъ. Сначала эти оба влеченія *безсознательны*, но, при развитіи человѣческаго индивидуума, они постепенно превращаются въ *сознательные мотивы* для двухъ различныхъ направленій познавательной дѣятельности — *теоретическаго* и *практическаго*.

Мотивъ внутренній, состоящій въ такъ называемой любознательности, сначала влечетъ человѣка въ самыя отдаленныя и всего менѣе доступныя въ ежедневномъ опытѣ сферы міровой жизни.

Оттого теоретическое познаніе у всѣхъ народовъ, и у европейскихъ въ частности, начиналось съ самыхъ общихъ умозрѣній о составѣ и происхожденіи міра и только впослѣдствіи стало переходить на болѣе близкіе предметы. Этимъ объясняется вообще послѣдовательность развитія *теоретическихъ* наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ фактъ, что первыми науками были — метафизика, сначала въ формѣ ѳеогоній и космогоній, и астрономія; между тѣмъ естественныя науки, обращенныя на ближайшія явленія, возникли гораздо позднѣе и вполнѣ сложились лишь въ новое время; науки же о духовныхъ явленіяхъ въ человѣкѣ, т. е. психологическія, какъ относящіяся къ явленіямъ, *наиболѣе* близкимъ къ сознанію, и теперь еще весьма мало разработаны.

Зато мотивъ внѣшній, состоящій въ стремленіи человѣка устроить свою жизнь, заставлялъ его, напротивъ, прежде всего обратить вниманіе на *ближайшее*, т. е. на непосредственно окружающія его условія жизни. Эти непосредственныя условія заключаются прежде всего въ его отношеніяхъ къ другимъ живымъ существамъ. Оттого *практическое* познаніе у всѣхъ народовъ начинается съ построенія этики, т. е. ученія о нравахъ и о законахъ общежитія. Этика и политика—первыя практическія науки; практическое примѣненіе естественныхъ наукъ развилось гораздо позднѣе, а практическія науки, направленныя къ примѣненію астрономіи и общей теоріи міра и его происхожденія, конечно должны будутъ явиться послѣдними.

Изъ этихъ *общихъ* соображеній о ходѣ развитія двухъ главныхъ вѣтвей познавательной дѣятельности человѣка уже легко вывести понятіе о ходѣ развитія теорій, относящихся къ области чувствованій. *Чувствованія*, служа предметомъ столько же теоретическаго изученія (какъ особый классъ психическихъ явленій), сколько и практическаго (какъ важнѣйшія пружины нравственной дѣятельности человѣка), и будучи въ то же время самыми *внутренними* явленіями сознанія, т. е. самою *ближайшею* областью человѣческаго опыта, естественно должны были,съ одной стороны, весьма рано сдѣлаться предметомъ анализа для *практической* науки,

а именно этики, — съ другой стороны должны были весьма поздно стать объектомъ серіознаго *теоретическаго* изслѣдованія. Дѣйствительный ходъ развитія науки о чувствованіяхъ, изложенный въ „историческомъ отдѣлѣ“ нашей книги, надѣемся, вполнѣ подтвердитъ вѣрность этого положенія. Въ настоящую же минуту мы укажемъ только на одинъ замѣчательный контрастъ, достаточно доказывающій, что анализъ чувствованій въ теченіе долгихъ вѣковъ имѣлъ совершенно практическій характеръ.

Съ одной стороны, какъ извѣстно каждому, хотя бы поверхностно знакомому съ исторіей греческой науки, одинъ изъ главныхъ вопросовъ, о которыхъ спорили древнія философскія школы, былъ именно вопросъ о значеніи явленій удовольствія и страданія. Не только разногласіе циническої и киренайской, а впослѣдствіи стоической и эпикурейской школъ было основано на различныхъ ученіяхъ объ удовольствіи и страданіи, но и у большинства другихъ греческихъ философовъ, даже ранѣе Сократа, вопросъ объ основахъ этихъ явленій стоялъ на видномъ мѣстѣ и былъ однимъ изъ тѣхъ фокусовъ, въ которыхъ сосредоточивались многія частныя метафизическія положенія тѣхъ или другихъ мыслителей. Такимъ образомъ отвергать *древность* ученій о чувствованіяхъ и въ особенности о природѣ основныхъ явленій удовольствія и страданія едва-ли возможно. Но, съ другой стороны, мы еще и въ настоящее время почти у каждаго психолога встрѣчаемъ жалобы на неразработанность вопросовъ, относящихся къ этимъ явленіямъ. Возьмемъ для примѣра отзывы Горвица, самаго ближайшаго изъ нашихъ предшественниковъ по анализу чувствованій. Въ I т. его „Психологическихъ анализовъ“ (1872) мы находимъ слѣдующія положденія: „ученіе о чувствѣ, говоритъ онъ, есть самое туманное изъ всѣхъ психологическихъ ученій“, и далѣе: „распредѣленіе чувствованій (на классы) — чрезвычайно трудная и еще вовсе нерѣшенная задача“. Еще рѣзче эти же мысли выражены имъ во 2 части II т. того же сочиненія, вышедшей въ 1878 г. „Именно ученіе о чувствѣ, говоритъ онъ здѣсь, всего дальше отъ какого-либо единогласія психологовъ: не существуетъ ни соотвѣтствующей фактамъ (sachge-

mässe) и исчерпывающей дѣло классификаціи чувствованій, ни общепризнаннаго взгляда на какой-либо изъ поставленныхъ (наукою) коренныхъ вопросовъ (относящихся къ этимъ явленіямъ), ни какого-либо годнаго къ употребленію начала (Ansatz) для построенія научной теоріи чувства, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрывковъ (ausser einigen vereinzelten Bruchstücken); напротивъ, во всѣхъ частяхъ нашей области господствуютъ раздоръ, противорѣчіе и замѣшательство".

Если теперь сопоставить эти разсужденія, вполнѣ подтверждаемыя и отзывами другихъ современныхъ спеціалистовъ. съ указаннымъ выше фактомъ *древности* ученій о чувствѣ и если прибавить, что эти ученія почти непрерывно возникали одно за другимъ не только въ древнегреческій. но и въ новый періодъ развитія знаній: то невольно возникаетъ вопросъ. отчего же усилія столькихъ вѣковъ не могли привести ни къ какимъ прочнымъ результатамъ? Очевидно, оттого именно, что анализъ чувствованій почти до нашего времени не былъ подчиняемъ серіознымъ требованіямъ и пріемамъ теоретической науки, что̀ въ свою очередь происходило оттого, что этика, съ ея мотивами, интересами и методами, долго господствовала надъ психологіей и въ особенности руководила анализомъ такихъ внутреннихъ, субъективныхъ психическихъ явленій, каковы чувствованія.

Можетъ-быть намъ скажутъ, что въ такомъ случаѣ и теперь еще едва-ли настала пора для окончательной передачи анализа чувствованій изъ рукъ „этики" въ руки „психологіи", т. е. для перехода этого анализа изъ вѣдѣнія практической науки въ вѣдѣніе теоретической. Можетъ-быть, поэтому. и наша собственная теорія чувствованій будетъ отнесена еще къ числу тѣхъ, которыя представляютъ лишь новое доказательство „раздора, противорѣчій и замѣшательства" психологовъ въ этой области. Этотъ вопросъ должна рѣшить критика. Но мы все же убѣждены, что время полнаго освобожденія „психологіи чувствованій" отъ вліянія практическихъ соображеній и мотивовъ очень близко, если оно еще и не наступило; а въ такую переходную эпоху всякая новая обработка

вопроса, всякая новая точка зрѣнія при его анализѣ конечно не могутъ быть излишними для уясненія дѣла, особенно если изложенію *теоріи* предшествуетъ подробный *историческій* разборъ, способный сколько-нибудь оріентировать спеціалистовъ среди еще такъ мало разработаннаго и для многихъ отчасти даже неизвѣстнаго литературнаго матеріала. И этому историческому разбору, разумѣется, мы также еще не могли сообщить надлежащей полноты и законченности: и онъ долженъ составлять въ настоящее время лишь *переходную* ступень къ болѣе совершеннымъ работамъ по тому же предмету. Но мы всетаки надѣемся, что собственно историческая часть нашего труда хоть *на время* пополнитъ одинъ изъ самыхъ важныхъ пробѣловъ въ исторіи психологіи и что, въ связи съ теоретической частью, она встрѣтитъ нѣкоторое сочувствіе, если не въ публикѣ, то по крайней мѣрѣ въ средѣ спеціалистовъ.

Николай Гротъ.

Нѣжинъ.
Январь 1880 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Вступленіе . . . . . VII—XIV

I. Исторія анализа и синтеза чувствованій . . . 1—410

Предварительныя замѣчанія . . . . . 3 — 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Исторія классификаціи психическихъ феноменовъ и взглядовъ на отношеніе чувствованій къ прочимъ явленіямъ психической жизни. . . 8—143

Глава I. Древній періодъ. . . . . 8— 40

Глава II. Средневѣковой періодъ . . . . . 41— 65

Глава III. Новый періодъ до Канта . . . . . 66— 88

Глава IV Новѣйшій періодъ (начиная съ Канта). . . . . 89—136

Общіе выводы . . . . . 137—143

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Исторія ученій объ удовольствіи и страданіи и различныхъ способовъ классификаціи чувствованій (и аффектовъ). . . . . 144—410

Глава V. Древній и средневѣковой періоды . . . . . 144—193

Глава VI. Новый періодъ отъ Бэкона до второй половины XVIII в 194—244

Глава VII. Новый періодъ съ сороковыхъ годовъ XVIII в. . . . . 245—317

Глава VIII. Современныя направленія въ наукѣ о чувствованіяхъ. 318—404

Общіе выводы. . . . . 404—410

II. Основы анализа и синтеза чувствованій. . . . . . 411—551

Предварительныя замѣчанія. . . . . 413—417

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Критическій опытъ о значеніи чувствованій въ связи съ классификаціей психическихъ явленій, объ условіяхъ образованія чувствованій и объ основахъ ихъ классификаціи . . . . . 418—551

Глава IX Значеніе чувствованій въ ряду психическихъ явленій . 418—443

Глава X. Условія образованія первоначальныхъ чувствованій . . 444—467

Глава XI Основы классификаціи первоначальныхъ чувствованій 468—480

Глава XII. Законы осложненія чувствованій. . . . . 481—499

Глава XIII Развитіе первичныхъ чувствъ (и волненій) въ связи съ основами ихъ классификаціи. . . . . 499—528

Глава XIV Краткій очеркъ дальнѣйшаго развитія чувствъ (и волненій) изъ первичныхъ во вторичныя и еще болѣе сложныя. . . . . 528—546

Общія выводы . . . . . 546—551

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Азбучный указатель именъ къ историческому отдѣлу . . . . . 553—565

II Дополнительный указатель именъ къ теоретическому отдѣлу. . . . 566—568

Нѣкоторыя поправки 569

I. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ИСТОРІЯ

АНАЛИЗА И СИНТЕЗА ЧУВСТВОВАНІЙ

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПСИХОЛОГІИ, СО ВРЕМЕНИ ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Каждая наука имѣетъ свою исторію. Литература исторіи науки независима отъ литературы самой науки. Исторія психологіи, слѣдовательно, должна имѣть самостоятельную литературу. Къ сожалѣнію, послѣдняя еще весьма бѣдна. Уже въ древнее время, по почину Аристотеля, возникъ обычай въ психологическихъ трактатахъ излагать ученія предшественниковъ. Этотъ обычай перешелъ потомъ къ отцамъ церкви и къ схоластическимъ писателямъ, а отъ нихъ и къ писателямъ новаго времени. Но до конца прошлаго вѣка историческое изложеніе рѣдко отдѣлялось отъ теоретическаго анализа, а въ историко-философскихъ трудахъ психологическіе взгляды органически связывались съ прочими философскими ученіями тѣхъ же писателей. Настоящая литература исторіи психологіи начала возникать только въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

По объему предмета, всѣ сочиненія по исторіи психологіи можно раздѣлить на четыре разряда: 1) сочиненія, относящіяся къ исторіи психологіи вообще; трудъ Фр. Авг. Каруса (Gesch. d. Psychol., Leipz. 1808) былъ однимъ изъ первыхъ въ этомъ родѣ; послѣднюю работу представляетъ сочиненіе Гармса (Die Philos. in ihrer Gesch., I. Psychologie, Berl. 1818); въ промежуткѣ достаточно назвать обширный, хотя и не слишкомъ основательный, трудъ Блэкея (Hist. of the Philos. of Human Mind, Lond. 1850. 4 vol.);

2) сочиненія, относящіяся къ исторіи психологіи въ отдѣльныя эпохи и у отдѣльныхъ народовъ; напр. трудъ Штёкля, обнимающій древній и средневѣковой періоды (Die Specul. Lehre v. Menschen u. ihre Geschichte, Würzb. 1858—59. 2 B.), монографіи Дитерици по психологіи и антропологіи у Арабовъ, новѣйшія работы Рибо по исторіи современной англійской и германской психологіи, сочиненія по библейской психологіи, по психологіи Евреевъ (Якобсонъ) и т. д.; 3) изложенія психологическихъ системъ или теорій отдѣльныхъ лицъ; этотъ отдѣлъ сравнительно самый богатый; особенно много монографій существуетъ по психологіи Аристотеля, Платона и Канта; но есть работы, касающіяся и другихъ древнихъ и новыхъ психологовъ, какъ напр. Демокрита, Плотина, Григорія Нисскаго, Тетенса и пр.; 4) работы по исторіи развитія отдѣльныхъ психологическихъ вопросовъ; спеціальныхъ сочиненій этого рода весьма немного, но часто можно встрѣчать краткіе очерки по исторіи отдѣльныхъ вопросовъ при теоретическомъ ихъ разборѣ: въ монографіяхъ, въ общихъ трудахъ по психологіи, въ статьяхъ о нихъ, помѣщенныхъ въ философскихъ и энциклопедическихъ словаряхъ и т. д.

Нашъ историческій анализъ относится къ четвертому разряду работъ; но при составленіи его мы отчасти руководились указаніями сочиненій по всѣмъ четыремъ разрядамъ. Подробное ихъ перечисленіе мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ мы вездѣ на нихъ ссылаемся, когда является возможность извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу. Поэтому мы ограничимся указаніями на самыя важныя работы четвертаго разряда, относящіяся спеціально къ исторіи ученій о чувствованіяхъ. Совершенно удовлетворительнаго и полнаго труда по этому предмету не существуетъ. Всего подробнѣе исторія нашего вопроса разобрана: у Вильйома изъ болѣе древнихъ монографовъ (Villaume. Vom Vergnügen, Tübing. 1788. I Th. p. 1—119)[1]), у Гамильтона изъ новыхъ (W. Hamilton, Lectures on Metaphysics, vol. II. L. XLIII, p. 444—476 въ изд. 1877 г.) и у Дюмона изъ новѣйшихъ (L. Dumont. Théorie scient. de la sensib., Paris. 1875, p. 26—63). Болѣе краткіе историческіе очерки можно найти у Фолькмана (Lehrb. d. Psychol. Cöthen, 1876, II B., p. 291—301) и у Вундта (Grundz. d. physiol. Psychol., Leipz. 1874, p. 458—463). Разрозненныхъ историческихъ указаній много у Булье (Du plaisir et de la douleur, Paris. 1877) и отчасти у Горвица (Psychologische Analysen, II Th. 2 H. Magdeb. 1878, особ. p. 31—32). По исторіи вопроса въ отдѣльныя эпохи всего обстоятельнѣе монографіи Покорнаго (J. Pokorny, Z. Gesch. d. Lehre v. d. Gefühlen, v.

[1]) Статью Рейнхольда Ueber die bisherigen Begriffe d. Vergnügungen, мы не могли достать

Wolff bis Hegel. Jglau. 1863, u. Die Hauptpuncte d. Lehre v. d. Gefühlen bei Herbardt u. seiner Schule. Znaim. 1867)[1]). Спеціально по исторіи классификаціи чувствованій укажемъ только на очеркъ Бэна (The Emot. a. the Will, 3 ed. Lond. 1875. Append. B., p. 591—604). Отдѣльныя историческія замѣтки разбросаны впрочемъ въ бо́льшей части монографій о чувствованіяхъ, не говоря о многихъ трудахъ по психологіи и по исторіи философіи. Мы будемъ всегда ссылаться на тѣ изъ нихъ, которыми пользовались.

Во всѣхъ названныхъ нами историческихъ монографіяхъ есть существенные недостатки. Въ однихъ—неполнота, въ другихъ—односторонность, и почти во всѣхъ смѣшеніе различныхъ точекъ зрѣнія. Отъ этого конечно происходитъ то, что въ мнѣніяхъ отдѣльныхъ писателей о числѣ основныхъ теорій, имѣющихъ задачею объясненіе удовольствія и страданія, а равно и въ формулахъ, употребляемыхъ ими для опредѣленія этихъ теорій, господствуютъ явныя противорѣчія и полное несогласіе (ср. Hamilton, l. c., p. 445, Dumont, p. 25, Wundt, l. c., p. 458, Horwicz, p. 301)[2]). Однихъ этихъ противорѣчій достаточно, конечно, чтобъ убѣдиться, что исторія нашего вопроса представляетъ еще область совершенно неразработанную. Неразработанность эта болѣе всего объясняется трудностью дѣла. Горвичъ справедливо указываетъ на то, что матеріаломъ для подобной исторіи, если хотѣть разработать её вполнѣ основательно, мало считать одни психологическія сочиненія. Вся этика и частью богословная догматика должны быть приняты въ расчетъ историкомъ, не говоря о другихъ вѣтвяхъ знанія, въ которыхъ ученіе о чувствованіяхъ играло видную роль. Историческое изложеніе такихъ обширныхъ размѣровъ предполагаетъ конечно изслѣдованія, которыя не подъ силу одному человѣку (ср. Horwicz, l. c., Vorwort, p. VII). Мы тоже конечно должны отказаться отъ такой идеально-полной разработки вопроса, но полагаемъ однако, что и въ болѣе краткомъ анализѣ можно отчасти избѣгнуть упомянутыхъ выше недостатковъ, если вѣрно раздѣлить задачу и правильно понять ходъ развитія, какъ психологіи вообще, такъ и даннаго вопроса въ частности. Достигли-ли мы такого правильнаго пониманія, не намъ судить, но мы во всякомъ случаѣ старались объ этомъ.

Прежде всего надо раздѣлить задачу. Въ историческомъ изложеніи ученій о чувствованіяхъ необходимо имѣть въ виду по крайней мѣрѣ три

---

[1]) Есть даже монографіи о теоріяхъ чувствованій у отд. писателей (напр. Morgott, die Theorie d. Gefuhle im System d. heilig. Thomas. 1864; Heinze, Stoicorum de affectibus doctrina. Berl. 1860 и т д.)

[2]) Гамильтонъ признаетъ двѣ коренныя точки зрѣнія, Вундтъ—три, Горвицъ—четыре, Дюмонъ—пять.

раздѣльные вопроса: 1) вопросъ объ отношеніи чувствованій къ другимъ явленіямъ въ системахъ различныхъ психологовъ и психологическихъ школъ; 2) вопросъ о самыхъ теоріяхъ, стремящихся объяснить явленія удовольствія и страданія, и въ 3) вопросъ о различныхъ способахъ классификаціи чувствованій. Первый вопросъ общій, второй и третій—частные, спеціальные. Первый вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ самъ по себѣ: взгляды на отношенія чувствованій къ другимъ явленіямъ всегда зависѣли отъ характера общей классификаціи послѣднихъ и ею опредѣлялись. Поэтому въ первой, общей, части историческаго отдѣла мы разсмотримъ «Исторію классификаціи психическихъ явленій вообще и, въ частности, воззрѣній на отношенія чувствованій къ прочимъ феноменамъ психической жизни». Во второй, спеціальной, части мы разберемъ: «Исторію ученій объ удовольствіи и страданіи вообще и, въ частности, способовъ классификаціи чувствованій». О болѣе спеціальномъ дробленіи анализа въ той и другой части мы не будемъ теперь говорить. Замѣтимъ только, что мы избираемъ хронологическій порядокъ изложенія, какъ самый естественный, и дѣленіе анализа на главы будетъ равносильно дѣленію развитія вопроса на эпохи. Начнемъ мы свой разборъ съ самаго зарожденія психологіи у Грековъ, чтобъ прослѣдить развитіе изучаемыхъ идей въ сознаніи всей цѣпи народовъ, совокупными усиліями которыхъ создалось органически-связное прошлое современной психологіи.

Главная задача историческаго отдѣла будетъ заключаться конечно во второй части. Въ этой второй части мы будемъ, по мѣрѣ силъ, останавливаться на ученіяхъ всѣхъ тѣхъ писателей, которые сдѣлали сколько-нибудь важные вклады въ науку о чувствованіяхъ. Но, чтобъ знать, у какихъ именно писателей слѣдуетъ искать стоящихъ вниманія теорій, надо прослѣдить предварительно весь процессъ развитія сознанія о самостоятельномъ значеніи чувствованій, рядомъ съ другими психическими явленіями. Такую именно задачу и имѣетъ первая часть. Задача эта въ извѣстномъ смыслѣ отрицательная, такъ какъ мы пройдемъ множество эпохъ съ тѣмъ только, чтобъ убѣдиться, что въ эти эпохи существовали серіозныя препятствія для правильной постановки нашего вопроса. Но такъ какъ мы держимся убѣжденія, что и въ отрицательныхъ положеніяхъ своихъ всякій историческій анализъ долженъ опираться на факты, то мы рѣшились нисколько не сокращать изложенія подъ-часъ мелочныхъ и повторяющихся подробностей. Гдѣ дѣло идетъ о фактахъ, тамъ лучше излишекъ, чѣмъ недостатокъ. Притомъ такой пріемъ изложенія избавитъ зато другихъ работниковъ въ той же области отъ тѣхъ безплодныхъ исканій, которыя тормозили нашъ трудъ. Отъ сокращенія первой части насъ удержало еще и то соображеніе, что психологическая литература всѣхъ странъ, не говоря уже о русской, весьма бѣдна

историческими вкладами. Мы лично впрочемъ убѣждены, что нашъ историческій отдѣлъ во всѣхъ частяхъ своихъ весьма далекъ отъ настоящей полноты изложенія. Хорошій знатокъ исторіи психологіи легко замѣтитъ множество весьма важныхъ пробѣловъ и многіе очерки найдетъ слишкомъ поверхностными. Но бо́льшей полноты мы не могли достигнуть, какъ по недостатку времени и мѣста, такъ и по невозможности достать иныя пособія и источники; много мѣшала намъ конечно и самая неразработанность всей исторіи психологіи: объ ученіяхъ нѣкоторыхъ писателей, при неимѣніи подлинныхъ сочиненій, мы не могли найти даже самыхъ ничтожныхъ намековъ въ многочисленныхъ историческихъ пособіяхъ, которыя у насъ были подъ руками. Надѣемся, что наши преемники въ изученіи того-же вопроса будутъ имѣть возможность исправить всѣ эти невольные промахи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторія классификаціи психическихъ феноменовъ и взглядовъ на отношеніе чувствованій (и аффектовъ) къ прочимъ явленіямъ психической жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древній періодъ.

Чѣмъ древнѣе научныя теоріи, тѣмъ менѣе онѣ обнаруживаютъ раздѣльности по отношенію къ рѣшаемымъ ими задачамъ. Эта мысль оправдывается и въ области психологіи. Чѣмъ далѣе мы углубляемся въ древность, тѣмъ труднѣе мы можемъ разграничить ученія, касающіяся классификаціи психическихъ явленій, отъ теорій, относящихся къ самой природѣ духовнаго начала. Сознанія раздѣльности этихъ двухъ задачъ не было до Аристотеля. Это доказываетъ всего лучше Платоновское дѣленіе души на части, которое является первой отчетливой попыткой классификаціи и представляетъ однакоже по преимуществу теорію природы духовнаго начала, или вѣрнѣе духовныхъ началъ. Аристотель первый создалъ понятіе *свойствъ, состояній* (ἕξεις, πάθη) души и этимъ самымъ отдѣлилъ вопросъ о классификаціи этихъ свойствъ отъ вопроса о природѣ ихъ субстрата. Но къ этимъ писателямъ мы еще воротимся. Интересно знать прежде всего, въ какомъ положеніи находился разбираемый вопросъ въ досократовскій періодъ философіи. Судить объ этомъ, конечно, можно только предположительно, въ виду крайней скудости источниковъ.

Несомнѣнно, что главныя психологическія понятія, которыя легли въ основу Платоновской и Аристотельской классификаціи, образовались еще въ доисторическую эпоху развитія греческой мысли. Этихъ основныхъ понятій было три: душа, какъ жизненный принципъ, принципъ растительныхъ функцій организма; душа, какъ страстное начало, объединяющее идеи чувственности

и стремленія; душа, какъ познающее и мыслящее начало [1]). Всѣ эти понятія не были вновь созданы первыми греческими философами, а возникли ранѣе, какъ плодъ народной наблюдательности. Это доказывается существованіемъ уже въ народномъ языкѣ, въ народной греческой литературѣ терминовъ, ясно выражающихъ эти понятія. Эти термины 1) ψυχή, отъ ψύχω, дышу,—дыханіе [2]), потомъ вся совокупность функцій, составляющихъ непремѣнное условіе жизни, наконецъ принципъ этихъ функцій, принципъ жизни вообще — жизненное начало; 2) θυμός, вѣроятно отъ θύω, (Curtius, Griech Etym. 1873, § 320), сильно двигаюсь, бушую, свирѣпствую, волнуюсь, — оживляющее, бодрое начало въ человѣкѣ, потомъ принципъ страстности, волненія вообще; 3) νοῦς, νόος, отъ γνοFο, γνω (Curtius, ib., § 135), одного корня съ глаголомъ γιγνώσκω, познаю, испытываю, — вѣроятно сначала мысль, мнѣніе, потомъ принципъ мышленія, познанія. Эти понятія встрѣчаются въ упомянутыхъ значеніяхъ у Гомера,—стало быть они составляли уже народное достояніе въ эпоху героическую. Да и не одни эти понятія встрѣчаются у Гомера. Не говоря о многихъ другихъ, понятія ἦτορ, καρδίη и φρήν какъ бы составляютъ статическій коррелатъ упомянутыхъ динамическихъ идей. Ἦτορ, первоначально *легкое*, повидимому главнымъ образомъ представляется органомъ жизненнаго начала, ψυχῆς (ψύχω, дышу); καρδίη, *сердце* (κραδ, schwingen, zucken, Curtius, ib., § 39) считалось, кажется, органомъ чувствъ, стремленій, страсти (ср. κῆρ), соотвѣтствуя понятію θυμός; наконецъ φρήν, *грудобрюшная преграда*, praecordia, органъ силы, потомъ умственной силы, сознанія, мыслительной способности (Insbes. als Sitz des bewussten oder geistigen Lebens, d. h. Geisteskraft, Bewusstsein, Besinnung. Seiler, Wörterb. 1872. p. 616), соотвѣтствовало понятію νοῦς (φρεσὶ νοεῖν, ἐνὶ φρεσὶ γνῶναι) [3]). Правильны-ли, или нѣтъ, эти сопоставленія, можетъ рѣшить только филологъ,—несомнѣнно всетаки, что въ народной греческой фантазіи уже было стремленіе не только различить, но и локализировать такъ или иначе душевныя функціи. Это вполнѣ понятно, если обратить вниманіе на вѣроятное происхожденіе упомянутыхъ идей о душѣ. Понятіе души, какъ жизненнаго начала, принципа дыханія, должно было неизбѣжно возникнуть весьма скоро за появленіемъ первыхъ формъ общественной жизни — быта семейнаго и стаднаго, ибо какъ скоро грубый эгоизмъ далъ мѣсто первымъ

---

[1]) Ср. Volkmann, Lehrbuch d. Psychologie, Cothen, 1875, I, § 9.

[2]) Къ производству этого слова Платономъ въ Кратилѣ (400, B) отъ выраженія φύσιν ἔχει (φυσέχη—ψυχή) конечно нельзя относиться иначе, какъ къ шуткѣ О родствѣ этого понятія съ подобными понятіями въ другихъ языкахъ ср Horwicz, Psychol. Analysen, Halle, 1872, p. 2.

[3]) По поводу этихъ сопоставленій ср. Seiler, къ словамъ ἦτορ, καρδίη, φρήν.

проблескамъ альтруистическаго интереса, явилось вниманіе и къ событію *смерти,* наблюденіе надъ которымъ вѣроятно породило понятіе жизненнаго принципа, покидающаго человѣка съ послѣднимъ вздохомъ его и, стало быть, связаннаго съ процессомъ дыханія. Не замедлила явиться точно также, съ развитіемъ общественной жизни, и идея страстнаго начала: отъ народной наблюдательности не могъ ускользнуть контрастъ состояній душевнаго спокойствія и душевнаго волненія, выражающагося въ гнѣвѣ, страхѣ, любви, ревности, и другихъ аффектахъ, играющихъ роль такихъ мощныхъ двигателей въ быту древняго человѣка; наклонность неразвитаго ума всѣ замѣченныя явленія сейчасъ-же обобщать въ понятіи особой силы, особаго дѣятеля, съ болѣе или менѣе мистическимъ характеромъ, и подала поводъ къ происхожденію новаго понятія θυμός. Наконецъ и понятіе νοῦς, въ виду инстинктивной наклонности первобытнаго человѣка поклоняться всему непонятному и благоговѣть предъ неизвѣстными *причинами* непонятныхъ феноменовъ, должно было возникнуть уже въ ту пору, когда отдѣльныя личности первобытной общины стали выдвигаться впередъ своими дарованіями и, достигая степени вождей и руководителей, превратились для народнаго воображенія въ конкретные символы высшаго разумѣнія и высшей нравственной энергіи; надо было конечно и этимъ фактамъ найти raison d'être, обобщить ихъ въ понятіи особаго дѣятеля, и вотъ явилась новая душевная сила, νοῦς.

Но одно дѣло было построить нѣсколько независимыхъ по содержанію понятій, другое дѣло — замѣтить ихъ общую основу и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія. Въ первобытную эпоху познавательная дѣятельность имѣетъ коллективный характеръ: каждое понятіе создается не лицомъ, единицей, а цѣлой группою единицъ, народной массой. При такомъ безличномъ происхожденіи знаній, въ нихъ не можетъ быть единства: отдѣльныя идеи, хотя бы и одного порядка, остаются разобщенными; притомъ въ силу той-же безличности, нѣтъ однообразія и въ самомъ толкованіи понятій: вездѣ господствуетъ элементъ субъективный, вездѣ оттѣнки въ толкованіи, а отсюда смѣшеніе однородныхъ понятій, — употребленіе одного въ значеніи другого, какъ скоро утратилось сознаніе первоначальныхъ мотивовъ, повліявшихъ на этимологическій строй терминовъ. Эта неясность, сбивчивость отражается и у Гомера: понятіе θυμός употребляется въ значеніи ψυχή (θυμὸν ἀποπνείειν) и въ значеніи начала мысли, воли (ἔπος ἔμπεσε θυμῷ); понятіе νοῦς въ значеніи θυμός (χαίρειν νόῳ); также сбивчиво употребленіе понятій ἦτορ, καρδίη и φρήν, въ отношеніи другъ къ другу и къ упомянутымъ выше идеямъ. Предстояло устранить всѣ эти неясности, разсѣять туманъ въ народныхъ психологическихъ представленіяхъ. Задачу эту могли выполнить

во всемъ ея объемѣ только тѣ мыслители, для которыхъ внутренній міръ человѣка сталъ особымъ объектомъ изученія, въ умѣ которыхъ духовная жизнь выдѣлилась изъ общаго хаоса міровой жизни, безразлично духовной и физической, объективной и субъективной. Сократъ, какъ извѣстно, первый поставилъ науку о человѣкѣ вполнѣ самостоятельно. Но однако уже и въ досократовскій періодъ греческой философіи были мыслители, пытавшіеся понять отношенія и свойства духовныхъ отправленій человѣка[1]). Поэтому съ нашей точки зрѣнія представителей этого періода можно раздѣлить на двѣ группы. Одни исключительно сосредоточились на изслѣдованіи общихъ основъ сущаго и только какъ-бы случайно, мимоходомъ, касались вопроса о природѣ и свойствахъ человѣка, представлявшагося для нихъ далеко не самымъ важнымъ звеномъ творенія или проявленіемъ общаго начала,—къ этой группѣ относятся, повидимому, такъ называемые Іоническіе и Элейскіе философы. Другіе, изучая міръ, считали человѣка однимъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ мірового процесса и, съ болѣе и болѣе возраставшимъ интересомъ, стремились проникнуть въ его природу и опредѣлить его отправленія,—это Велико-греческіе философы (Пиѳагорейцы и Эмпедоклъ) и Атомисты (Анаксагоръ и Демокритъ). Психологическія изреченія мыслителей первой группы, насколько они намъ извѣстны изъ Аристотеля, Стобея и другихъ важнѣйшихъ источниковъ этого времени, отличаются такимъ отрывочнымъ характеромъ и такъ мало имѣютъ цѣннаго содержанія, что о нихъ не стоитъ и распространяться. Дѣло ограничивалось чаще всего только замѣчаніями о матеріальномъ составѣ души, при чемъ душа опредѣлялась обыкновенно по аналогіи съ общимъ міровымъ началомъ[2]), и понятія отдѣльныхъ функцій сливались въ одно туманное цѣлое. Мыслители второй группы имѣютъ, напротивъ, нѣкоторыя заслуги передъ психологіей, ибо своими, хотя и наивными, теоріями душевныхъ отправленій, они во всякомъ случаѣ приковали интересъ своихъ преемниковъ къ изученію внутренней жизни человѣка и были, такимъ образомъ, косвенными виновниками дальнѣйшихъ успѣховъ психологіи. Къ несчастію, извѣстія, дошедшія до насъ объ этой эпохѣ, недостаточны для вполнѣ правильной оцѣнки заслугъ этихъ лицъ. Для рѣшенія нашего вопроса, о количествѣ и отношеніяхъ основныхъ единицъ психической жизни, они, повидимому, сдѣлали мало. Всего болѣе интересовался этимъ вопросомъ, кажется, **Пиѳагоръ,** и можно думать, что дѣленіе души на три части, передаваемое Діогеномъ Лаэрціемъ[3]), принадлежало

---

[1]) Ср. мнѣніе Бика (S. A Byck) о Демокритѣ Die Vorsokratische Philos. d. Griech. 2 Th. Lpz. 1877, p 167.

[2]) Ср. Stob, Ecl. phys, Cap. 41 (περὶ ψυχῆς).

[3]) Περὶ βίων etc, Πυθαγόρας. VIII, 30.

дѣйствительно ему, а не одному изъ позднѣйшихъ Пиѳагорейцевъ, напр. Архиту [1]). Вопервыхъ, основатель нравственной секты нуждался въ теоріи душевныхъ отправленій; вовторыхъ Стобей приписываетъ Архиту нѣсколько иную классификацію, сходную скорѣе съ Платоновской [2]). Согласно съ упомянутымъ мѣстомъ Діогена Лаэрція, Пиѳагоръ признавалъ три раздѣльныя душевныя силы — умъ, разсудокъ и страстное начало (νοῦς, φρένες и θυμός), которыя объединялъ въ общемъ понятіи ψυχή, лишенномъ уже первоначальнаго исключительнаго значенія жизненной силы [3]). Эти части души Пиѳагоръ локализировалъ по органамъ тѣла, дѣлилъ на высшія и низшія силы [4]), и приписывалъ имъ различную судьбу послѣ смерти организма. Пиѳагоръ, стало быть, стоялъ уже значительно выше грубыхъ и сбивчивыхъ народныхъ представленій. Однако мы ничего не знаемъ о томъ, какое содержаніе въ подробностяхъ онъ признавалъ за упомянутыми тремя понятіями и, стало быть, не можемъ ничего отвѣчать на вопросъ, какъ онъ понималъ отношеніе *чувствованій* къ другимъ психическимъ феноменамъ. По всей вѣроятности въ понятіи θυμός идея чувствованій сливалась у него съ идеею стремленій, какъ и у позднѣйшихъ греческихъ мыслителей. Остальные философы досократовскаго періода и во главѣ ихъ **Эмпедоклъ, Анаксагоръ и Демокритъ,** несмотря на несомнѣнныя заслуги ихъ передъ психологіей, сдѣлали еще меньше въ области разбираемаго нами вопроса. Все ихъ вниманіе было сосредоточено на спеціальномъ анализѣ одного психическаго процесса, ощущеній, при чемъ каждый изъ нихъ пытался создать свою самостоятельную теорію [5]); къ вопросу же объ основныхъ категоріяхъ душевныхъ явленій они были, повидимому, болѣе или менѣе, равнодушны. Ихъ задача состояла скорѣе въ объединеніи всѣхъ психическихъ феноменовъ въ одномъ понятіи познающаго начала (φρόνησις Эмпедокла, νοῦς Анаксагора, γνῶσις Демокрита), чѣмъ въ различеніи разнородныхъ отправленій. Эмпе-

---

[1]) Такъ думаетъ Fr. A. Carus, Gesch. d Psychol, p. 181 Другого мнѣнія держится H. Ritter, Gesch. d. Pythag. Philos., Hamb 1826, p. 222 и 223, ср. его Gesch. d. Philos., Hamb 1836, I p. 448. Zeller, видя въ этомъ ученіи слѣды Платоновскаго вліянія, тоже приписываетъ его, подобно Карусу, позднѣйшимъ Пиѳагорейцамъ, Die Philos. d. Griechen. 2 Aufl. III. 2, p. 76. Но отчего нельзя предположить обратнаго вліянія Пиѳагора на Платона, онъ не говоритъ.

[2]) Eclog. Phys., Cap. 41, 34 (878) Οἱ δὲ περὶ Πλάτωνα καὶ Ἀρχύτας καὶ οἱ λοιποὶ πυθαγόρειοι τὴν ψυχὴν τριμερῆ ἀποφαίνονται, διαιροῦντες εἰς λογισμὸν καὶ θυμὸν καὶ ἐπιθυμίαν. Впрочемъ Плутархъ (De plac phil. IV. 4) приписываетъ это самое дѣленіе Пиѳагору.

[3]) διαφέρειν τε ψυχὴν ζωῆς. Diog. L., l. c., 28.

[4]) Въ этомъ смыслѣ душа διττὴν ζωὴν ζῇ, καθ' αὑτήν τε καὶ μετὰ τοῦ σώματος. Stob., l. c., 33 (874), ср. Cic. Tusc IV. 5.

[5]) Ср. Theophr., De sensu et sensibil. 1, 7—11 (Эмпедоклъ), 27—31 (Анаксагоръ), 49—50 (Демокритъ, ср. Mullach., Fragm. 359—365). Ср. Аристотель, De sensu.

доклу и Демокриту прямо приписывается смѣшеніе понятій души и ума (ψυχή и νοῦς)[1]), про Анаксагора же Аристотель говоритъ, что хотя онъ, казалось (ἔοικε), и различалъ эти два принципа[2]), тѣмъ не менѣе пользовался ими, какъ одною сущностію (ὡς μιᾷ φύσει)[3]), т. е. не разграничилъ точно содержанія обоихъ понятій. Демокриту, впрочемъ, Плутархъ приписываетъ дѣленіе души на двѣ части, разумную (τὸ μὲν λογικὸν ἔχουσαν) и неразумную (τὸ δ'ἄλογον)[4]), но остается подъ сомнѣніемъ, не идетъ-ли здѣсь рѣчь просто о логическомъ противуположеніи двухъ родовъ познанія (γνῶσις γνησίη и γνῶσις σκοτίη, διὰ τῆς διανοίας и διὰ τῶν αἰσθήσεων), о различеніи которыхъ Демокритомъ упоминаетъ Секстъ Эмпирикъ[5]). При матеріалистической тенденціи Демокрита трудно даже предположить, чтобъ онъ противуполагалъ другъ другу высшую и низшую душу въ томъ смыслѣ, какъ Пиѳагоръ, или какъ Платонъ. Отдѣльныя же функціи познавательнаго начала различалъ не одинъ Демокритъ: Анаксагоръ разграничивалъ пассивныя познавательныя функціи ума отъ активныхъ, движущихъ[6]); Эмпедоклъ, хотя и подчинялъ ощущеніе и мышленіе одному принципу[7]), тѣмъ не менѣе едва-ли смѣшивалъ эти два отправленія, какъ можно думать изъ словъ Аристотеля[8]). Различная ихъ локализація[9]) и намеки на противоположеніе Эмпедокломъ мышленія и ощущенія, съ точки зрѣнія познавательнаго достоинства этихъ процессовъ[10]), приводятъ къ обратному заключенію. Зато удовольствіе и страданіе, вообще *чувствованія*, не имѣли въ ученіяхъ этихъ мыслителей самостоятельнаго мѣста. Для Эмпедокла удовольствіе было только постояннымъ аккомпаниментомъ ощущенія, неизбѣжно сопровождая всякій актъ познанія равнаго равнымъ[11]), для Анаксагора то же значеніе имѣло страданіе[12]). Демокритъ же, какъ извѣстно, былъ склоненъ къ мнѣнію, что аффекты

---

[1]) Stob., l. c. C. 40, 7 (790), ср. Арист., De anima, A. 2. 404. a. 28 (Демокритъ).

[2]) Arist., de an., A. 2. 405. a. 13. Ср. Стобей, ibid., 7 (790), гдѣ Анаксагоръ стоитъ на ряду съ Пиѳагоромъ и Платономъ.

[3]) Arist., l. c., ib. 14.

[4]) Plut., De plac. phil., IV, 4 (De an. part.).

[5]) Πρὸς λογικούς, A. 138, 139. (Ed. Bekkeri, p. 221).

[6]) Arist., de an., A. 2. 405. a. 17: ἀποδίδωσι δ' ἅμφω τῇ αὐτῇ ἀρχῇ, τό τε γινώσκειν καὶ τὸ κινεῖν, λέγων νοῦν κινῆσον τὸ πᾶν.

[7]) Cp. Theophr., De sensu, 10.

[8]) Arist., de an., Γ. 3. 427. a. 21. Ѳеоѳрастъ говоритъ осторожнѣе: ἢ ταὐτὸν ἢ παραπλήσιον ὂν τῇ αἰσθήσει τὴν φρόνησιν.

[9]) Мышленіе онъ помѣщалъ въ крови (Karsten, Reliquiae, Vol II. 1838. C. 317; Theophr., l. c., 10), ощущенія въ органахъ чувствъ (Theophr., l. c., 7: τῷ ἐναρμόττειν εἰς τοὺς πόρους τοὺς ἑκάστης αἰσθάνεσθαι).

[10]) Ср Sext. Emp., l. c., A. 122: критерій истины не ощущенія, а ὀρθὸς λόγος.

[11]) Ср. Theophr., l. c., 16: διὰ τῶν αὐτῶν γὰρ ποιεῖ τὴν αἴσθησιν καὶ τὴν ἡδονήν При этомъ теорія страданія въ прямомъ противорѣчіи съ теоріей ощущенія.

[12]) Theophr., l. c., 17: πᾶσαν γὰρ αἴσθησιν εἶναι μετὰ λύπης. ср. ib. 29.

болѣзненное явленіе въ человѣкѣ, которое слѣдуетъ лѣчить [1]), и вообще разсматривалъ чувствованія болѣе съ практической, нравственной точки зрѣнія, чѣмъ съ точки зрѣнія теоретической, психологической [2]). Стало быть, въ досократовскій періодъ Философіи ничего серіознаго не было сдѣлано для отдѣленія чувствованій отъ прочихъ психическихъ феноменовъ, и вообще классификація послѣднихъ не составляла еще ясно поставленной психологической задачи. Попытки таковой несомѣнно были, но въ самой неопредѣленной формѣ. Главная заслуга этого времени — частный анализъ основъ высшаго психическаго отправленія, мышленія, несомнѣнно послужившій косвенно цѣлямъ классификаціи въ послѣдующую эпоху. Этотъ анализъ, съ своеобразнымъ характеромъ, продолжался и въ софистической школѣ [3]), и реакція противъ направленія софистовъ въ лицѣ **Сократа** была только послѣднимъ звеномъ выработки понятія *ума,* составлявшаго съ тѣхъ поръ въ теченіе всей древней, средневѣковой и новой Философіи постоянный и главный ингредіентъ классификаціи психическихъ явленій. Ученикъ Сократа и выразитель его реформы, Платонъ, считается обыкновенно авторомъ первой серіозной теоріи о способностяхъ души въ Греческой наукѣ [4]). Но мы увидимъ скоро, что классификація душевныхъ силъ у Платона далеко не представляется такой ясной и простой, какъ можно думать изъ извѣстныхъ мѣстъ его Республики.

Извѣстно, что **Платонъ** въ Республикѣ приводитъ дѣленіе души на три части, не вполнѣ сходное съ дѣленіемъ Пиѳагора и скорѣе соотвѣтствующее системѣ трехъ народныхъ понятій, обозначавшихъ духовное начало и о которыхъ мы выше говорили. Тѣмъ не менѣе существуетъ предположеніе, что эта классификація, ранѣе Платона, была выработана однимъ изъ учениковъ Пиѳагора, Арезомъ Кротонскимъ, отъ котораго Платонъ могъ ее заимствовать [5]). Дѣйствительно, Стобей приводитъ отрывокъ изъ сочиненія Ареза о природѣ человѣка, въ которомъ душа разсматривается какъ состоящая изъ трехъ частей (τριχϑαδία): ума (νόος), страстнаго начала (ϑύμωσις) и желательнаго принципа (ἐπιϑυμία) [6]). Платонъ въ Республикѣ говоритъ тоже, что душа имѣетъ три вида (εἴδη, γένη) [7]), т. е. что есть три самостоятельныя

---

[1]) Mullach Fragm., I. 345: σοφίη δὲ ψυχὴν παϑέων ἀπαιρέεται, какъ ἰατρικὴ избавляетъ отъ болѣзней тѣла.

[2]) Ср. ib. Mullach., Moral. Fragm., 340 и слѣд.

[3]) Ср. Zeller, Sophist. Erkenntnisstheorie, въ I томѣ Philos. d. Griechen, p. 895 — 906 (изд. 1869 г.).

[4]) Ср. диссерт. Тауберта: De an. hum. facult. Berol. 1866: quod attinet ad philosophiam Graecorum, divus videtur fuisse Plato, qui primus in facultates animae accuratius inquisiverit.

[5]) Ср. Volkmann, l. c., I. 22, Anm.

[6]) Ecl. phis., C 41, 27 (848).

[7]) IV. 435, C. 441, C; IX. 580, E

части души, душевныя начала: τὸ λογιστικόν (λόγος, νοῦς), источникъ познанія (ᾧ μανθάνει ἄνθρωπος); τὸ θυμοειδές (θυμός), источникъ волненія (ᾧ θυμοῦται); τὸ ἐπιθυμητικόν (ἐπιθυμία), источникъ разнообразныхъ физическихъ желаній (ᾧ ἐπιθυμοῦμεν)[1]). Какъ ни точны повидимому эти опредѣленія, тѣмъ не менѣе Шенье, авторъ извѣстнаго сочиненія о психологіи Платона, считаетъ возможнымъ доказывать, что Платонъ никогда и не пробовалъ дать классификацію душевныхъ силъ и что его теорія въ Республикѣ есть не болѣе, какъ анализъ нашихъ моральныхъ способностей (facultés morales), при чемъ онъ основывается на аналогичныхъ, будто-бы, сужденіяхъ Порфирія и Ямвлиха о Платоновской классификаціи[2]). Намъ кажется, что эти разсужденія автора составляютъ ненужную трату словъ и времени. Для какихъ бы цѣлей Платонъ ни принялъ означенную классификацію, она представляетъ своимъ существованіемъ несомнѣнный фактъ, и Платонъ не только дѣлилъ душу на части, но и опредѣлилъ каждой изъ нихъ особое мѣсто въ организмѣ: уму въ головѣ, страстному началу въ груди, низшей душѣ въ желудкѣ (ниже грудобрюшной преграды)[3]). При этомъ различеніе имъ трехъ силъ отнюдь не противорѣчитъ дѣленію души на двѣ части, разумную и неразумную, какъ думаетъ Шенье[4]). Извѣстно, что всѣ греческіе философы были склонны къ такой двойной группировкѣ душевныхъ способностей, соединяя два низшіе принципа въ одномъ общемъ понятіи. Шенье, очевидно, не замѣтилъ, что Платонъ въ приводимомъ имъ мѣстѣ Тимея[5]) нѣсколько далѣе различаетъ въ неразумной, смертной душѣ (τὸ θνητόν) лучшую и худшую часть.

Но если Платонъ и далъ весьма опредѣленную общую классификацію психическихъ началъ, то онъ всетаки былъ далекъ отъ послѣдовательнаго и однообразнаго проведенія ея въ частностяхъ. Въ подробностяхъ у него, напротивъ, много нелѣпаго, сбивчиваго, противорѣчиваго, и съ этой точки зрѣнія онъ дѣйствительно заслуживаетъ эпитета «посредственнаго классификатора» (classificateur médiocre). Въ особенности мало онъ сдѣлалъ для разграниченія *чувствованій* отъ прочихъ явленій. Въ понятіяхъ θυμοειδές и ἐπιθυμητικόν съ одной стороны понятіе чувствованій, аффектовъ сливается съ идеею стремленій, желаній, съ другой стороны одинъ нераздѣльный классъ чувствованій дробится, безъ всякихъ психологическихъ основаній, на два

---

[1]) Ср. ib. IV. 436, B. 439, E. 440, A; IX. 581, A. B. Дать точное обозначеніе третьему принципу Платонъ затрудняется и рядомъ съ терминомъ ἐπιθυμητικόν предлагаетъ другое названіе φιλοχρήματον, ὅτι διὰ χρημάτων μάλιστα ἀποτελοῦνται αἱ τοιαῦται ἐπιθυμίαι.

[2]) Chaignet, De la psychologie de Platon, Paris 1862, p. 231 и слѣд. (236).

[3]) Tim., 69. E. 70, A. B.

[4]) loc. cit, p. 232—234, 243.

[5]) Chaignet, loc. cit., p. 232, прим. 2.

класса[1]). Болѣе того, удовольствіе признается существеннымъ ингредіентомъ и высшей познавательной дѣятельности[2]), и въ результатѣ оказывается, что родовъ удовольствія столько, сколько душевныхъ началъ[3]), т. е. что чувствованія пріятнаго и непріятнаго не составляютъ для Платона особаго класса душевныхъ явленій. Между тѣмъ рядъ другихъ мѣстъ доказываетъ, что Платонъ далеко не смѣшивалъ чувствованій и ощущеній[4]), чувствованій и умственной дѣятельности[5]), а особенно чувствованій и стремленій, такъ какъ вторыя исходятъ, по его мнѣнію, изъ души, первыя же связаны болѣе съ тѣломъ[6]). Какую же роль признавалъ онъ въ концѣ концовъ за разбираемымъ классомъ феноменовъ? Вопросъ этотъ разрѣшается отчасти опредѣленіемъ удовольствія какъ γένεσις, κίνησις, въ противоположность понятію сущности, οὐσία[7]). Всякое чувствованіе есть, съ этой точки зрѣнія, переходное состояніе въ психической жизни организма. Страданіе есть результатъ насильственнаго, противуестественнаго толчка, претерпѣваемаго нашей природой въ какой-либо нашей дѣятельности; удовольствіе — только продуктъ внезапнаго возвращенія организма въ нормальное состояніе[8]), ощущаемый переходъ къ природѣ (αἰσθητὴ εἰς φύσιν γένεσις), какъ выражается Аристотель, излагая мнѣніе Платона[9]). Такимъ образомъ, не давая чувствованіямъ особаго мѣста въ своей классификаціи, но и не смѣшивая ихъ съ другими явленіями, Платонъ считаетъ ихъ возможнымъ аккомпаниментомъ психическихъ отправленій всѣхъ трехъ классовъ, въ ихъ колебаніяхъ между нормальнымъ и ненормальнымъ процессомъ.

---

[1]) На это дробленіе указываетъ уже Боссюэтъ въ своемъ Traité de la connaissance de Dieu. (См. Chaignet, l. c, p. 231, прим. 2).

[2]) Resp, IX. 581, E: ἡ τοῦ εἰδέναι ἡδονή. Ср. понятіе εὐφραίνεσθαι въ Протагорѣ, 338.

[3]) Resp., ib., 580, E. τριῶν ὄντων τριττὰ καὶ ἡδοναί μοι φαίνονται, ἑνὸς ἑκάστου μία ἰδία....

[4]) Удовольствія и страданія, въ противуположность къ ощущеніямъ спеціальнымъ, суть «κοινὰ παθήματα» Tim., 64, A.

[5]) Въ XXII главѣ Филеба (37, 38) Платонъ разбираетъ природу удовольствія параллельно, но самостоятельно отъ природы мнѣнія, и хотя говоритъ о зависимости первой отъ второй (ἡδονὴ μετὰ δόξης γίγνεται ὀρθῆς ἢ ψεύδους), тѣмъ не менѣе спеціально выставляетъ реальность и самобытность удовольствія (τὸ ὄντως ἥδεσθαι), даже въ случаѣ мнимаго повода (ἐὰν μὴ ὀρθῶς ἥδεται)

[6]) Въ XXV гл. Филеба (41) Платонъ говоритъ: τὸ μὲν ἐπιθυμοῦν ἦν ἡ ψυχὴ τῶν τοῦ σώματος ἐναντίων ἕξεων, τὸ δὲ τὴν ἀλγηδόνα ἢ διὰ πάθος ἡδονὴν τὸ σῶμα ἦν τὸ παραδεχόμενον Ср. ib. XIX (34).

[7]) Phileb., гл. XXXIII (53). Это понятіе удовольствія, какъ κίνησις, у Платона общее съ Киренаиками, Diog. L. II. 8, 86. Ср. ib. X, 136.

[8]) Ср. Tim., 64, D· τὸ μὲν παρὰ φύσιν καὶ βίαιον γιγνόμενον ἀθρόον παρ' ἡμῖν πάθος ἀλγεινόν, τὸ δ' εἰς φύσιν ἀπιὸν πάλιν ἀθρόον ἡδύ.

[9]) Eth. Nic., H. 12. 1152. b. 13. Ср. ib. 1135. a. 13.

Аристотель, наслѣдовавъ эти ученія отъ Платона, какъ извѣстно, не одобрилъ ихъ безусловно, а напротивъ, выходя изъ критики Платоновскаго дѣленія души, пытался создать новую, самостоятельную классификацію. Главная заслуга Аристотеля несомнѣнно состоитъ въ неоднократномъ протестѣ противъ дѣленія души на раздѣльныя по мѣсту (τόπῳ) части; по его мнѣнію, силы души могутъ быть разграничиваемы только логически, дѣйствіемъ ума (λόγῳ) [1]), и потому должно говорить не о частяхъ, а объ отдѣльныхъ способностяхъ, силахъ (δυνάμεις) души [2]), которыя онъ только въ переносномъ значеніи позволяетъ себѣ называть частями [3]). Въ этой критикѣ Платоновскаго дробленія замѣтно усиленное стараніе доказать единство души, которое Платонъ, по мнѣнію Аристотеля, нарушилъ своимъ дѣленіемъ [4]). Но какъ ни краснорѣчивы возраженія Аристотеля противъ теоріи его предшественника, онъ всетаки, въ концѣ концовъ, принужденъ былъ сдѣлать уступку своимъ метафизическимъ принципамъ и признать самостоятельность и раздѣльность по крайней мѣрѣ двухъ психическихъ началъ,—души, какъ энтелехіи тѣла, уничтожающейся при его разрушеніи [5]), и души, какъ части божества, извнѣ приходящей въ тѣло и выходящей изъ него въ моментъ смерти для вѣчнаго бытія [6]). Оттого нѣкоторые критики и полагаютъ, что Аристотель не только не опровергъ дѣленія души на части, но еще болѣе упрочилъ его [7]). Такой выводъ представляетъ крайность. Аристотель былъ психологомъ и метафизикомъ. Какъ метафизикъ, онъ былъ приведенъ къ теоріи, похожей на Платоновскую, вслѣдствіе непобѣжденнаго и до сихъ поръ противорѣчія между нравственной потребностью человѣка признать

---

[1]) De an, B. 2. 413. b. 13—24. Cp. Eth. Nic., A 13. 1102. a. 28.

[2]) De an., B. 3. 414. a. 31, ib. Γ. 9. 432 a. 15, ib. 10. 433. a 30. b. 1, и т. д. Ср. терминъ διαφοραί, ib. Γ. 3. 427. a. 17.

[3]) De an, B. 2 413. b. 7. ib 27. Cp. De juvent 1. 467. b. 17. Eth. Nic, Z. 13. 1144. a. 9 и проч. Ср. терминъ μέρη, Eth. Nic., Z. 2. 1139. a. 4.

[4]) De an., A. 5. 411. a. 30 — b. 27. Аристотель изслѣдуетъ въ этомъ мѣстѣ два вопроса: πότερον ὅλῃ τῇ ψυχῇ νοοῦμεν καὶ αἰσθανόμεθα ἢ μορίοις ἑτέροις ἕτερα; затѣмъ τί ποτε συνέχει τὴν ψυχὴν εἰ μεριστὴ πέφυκεν, общій отвѣтъ: ἐν ἑκατέρῳ τῶν μορίων (τοῦ σώματος) ἅπαντ' ἐνυπάρχει τὰ μόρια τῆς ψυχῆς καὶ ὁμοειδῆ εἰσὶν ἀλλήλοις καὶ τῇ ὅλῃ.

[5]) τὸ φθαρτόν. De an, B. 2. 413. b. 27. Cp. ib. 414. a. 17: οὐ τὸ σῶμά ἐστιν ἐντελέχειά ψυχῆς, ἀλλ' αὕτη σώματός τινος Καὶ διὰ τοῦτο καλῶς ὑπολαμβάνουσιν οἷς δοκεῖ μητ' ἄνευ σώματος εἶναι μήτε σῶμά τι ἡ ψυχή· σῶμα μὲν γὰρ οὐκ ἔστι, σώματος δέ τι ...

[6]) De an, B 2. 413. b. 24: περὶ δὲ τοῦ νοῦ καὶ τῆς θεωρητικῆς δυνάμεως οὐδέν πω φανερόν, ἀλλ' ἔοικε ψυχῆς γένος ἕτερον εἶναι, καὶ τοῦτο μόνον ἐνδέχεται χωρίζεσθαι, καθάπερ τὸ ἀίδιον τοῦ φθαρτοῦ. Ср. Περὶ ζώων γεν., B. 3. 736. b. 27: λείπεται δὲ τὸν νοῦν μόνον θύραθεν ἐπεισιέναι καὶ θεῖον εἶναι μόνον.

[7]) Cp. Taubert., l. c., p. 12 Etenim philosophus Stagirites tantum abest, ut diversas animae partes tollere studeat, ut divisionem illam (Platonis) discidiumque facultatum inter se etiam augere videatur atque accuratius circumscribere, neque vero ita, ut Platonis errores corrigere, vel unitatem animae prorsus ei contingat demonstrare

загробную жизнь и невозможностью съ другой стороны предположить, чтобы и прочіе организмы, гораздо менѣе одаренные, хотя устроенные по тому же типу, могли быть тоже способны къ загробному существованію. Но, какъ психологъ, Аристотель твердо стоялъ на почвѣ единства души[1]) и необходимости замѣнить понятіе частей ея — понятіемъ способностей; стало быть, для психолога изъ двухъ противорѣчивыхъ воззрѣній бо́льшую цѣну имѣетъ то, которое вноситъ новыя начала въ классификацію духовныхъ явленій. Аристотель, съ этой точки зрѣнія, несомнѣнно представляется полезнымъ реформаторомъ, изображаетъ собой новый моментъ въ развитіи вопроса. Но въ чемъ же состояла его классификація, какъ онъ примѣнилъ свои новые принципы? Этотъ вопросъ не легко рѣшить, ибо, формально по крайней мѣрѣ,—количество и содержаніе отдѣльныхъ группъ разсматривается въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій различно. Поэтому одни историки (напр. Brentano, Die Psychol. d. Aristot.) признаютъ, что главное значеніе имѣетъ группировка на три класса, другіе (напр. Зеленогорскій, Ученіе Аристотеля о душѣ), что важнѣе всего дѣленіе на четыре класса, третьи (Стобей и Немесій изъ древнихъ, изъ новыхъ Drobisch въ Empirische Psychologie, Stöckl въ Speculative Lehre des Menschen, T. I, и др.) приписываютъ Аристотелю дѣленіе на пять классовъ, (atque ita quidem in physicis, по Немесію), четвертые (Тренделенбургъ) наконецъ полагаютъ, что Аристотель считалъ всякое дѣленіе души на способности несостоятельнымъ. Дѣйствительно, Аристотель дѣлитъ душевныя функціи то на два класса[2]), то на три[3]), то на четыре[4]), а въ иныхъ мѣстахъ число различаемыхъ имъ группъ явленій доходитъ до пяти[5]) и шести[6]); однажды, даже, онъ говоритъ, что ихъ въ извѣстномъ смыслѣ безконечное число (τρόπον γάρ τινα ἄπειρα φαίνεται)[7]). Сперва всѣ эти разнорѣчія производятъ въ умѣ изслѣдователя туманъ. Но при тщательномъ сличеніи всѣхъ означенныхъ мѣстъ, туманъ этотъ постепенно разсѣевается. Говоря о пяти и болѣе

---

[1]) Онъ и умъ не всегда отдѣляетъ отъ понятія души: λέγω δὲ νοῦν ᾧ διανοεῖται καὶ ὑπολαμβάνει ἡ ψυχή. De an., Γ. 4. 429. a. 23. Ср. ib. 10 и B. 2. 414 a 18.

[2]) De an., Γ. 3. 427. a. 17. ib. 9. 432. a. 15, Eth. Nic, A. 13 1102. a. 28. ib. Z. 2 1139. a. 4. Polit, Γ. 4. 1277. a. 6.

[3]) De an, B. 2. 414 a. 12, ср. Eth. Nic., A. B. 1102. a. 32

[4]) De an., B. 2. 413. b. 12, ср. ib. 3. 415. a. 6, ср. Eth. Nic Z. 2. 1139. a. 17 (гдѣ подразумѣвается еще τὸ θρεπτικόν), ib. 13. 1144. a. 9, ср. Eth. M. A. 4. 1185, a. 15—21.

[5]) De an., B, 3. 414. a 31. ср ib. Γ. 10. 433 b. 2. Ср. Стобей, Ecl. Phys., C. 41, 34 (878).

[6]) De an., Γ. 9. 432. a. 24—b. 9 При этомъ неясно, какъ его способности относятся къ платоновскимъ тремъ, т. е. входятъ-ли платоновскія понятія ἐπιθυμητικόν и θυμικόν въ число перечисляемыхъ имъ способностей, или составляютъ нѣчто особое—тогда бы оказалось всего семь или восемь душевныхъ силъ. Ср. ib. 433. b. 2—4.

[7]) De an, ib. 432. a. 24, ср. ib. 433. b. 2: выраж. πάμπολλα γίνεται.

способностяхъ, Аристотель очевидно имѣетъ въ виду только отрицательную цѣль — доказать, какъ нелѣпо всѣ замѣчаемые оттѣнки въ душевныхъ явленіяхъ приписывать особымъ душевнымъ началамъ, особымъ *частямъ* души. Понятіе «частей» создаетъ такія рѣзкія границы между классами, что переходныя ступени дѣлаются совершенно невозможными, и поневолѣ всякій оттѣнокъ пришлось бы выдѣлить въ понятіе особой части; оттого частей слѣдовало-бы признать гораздо болѣе, чѣмъ думалъ Платонъ. Аристотелевское понятіе способности, возможности (δύναμις) гораздо гибче. Способность въ развитіи своемъ именно допускаетъ возможность многихъ оттѣнковъ (моментовъ), и число способностей отнюдь не должно непремѣнно соотвѣтствовать числу оттѣнковъ. Этотъ принципъ, который очевидно лежитъ въ основѣ Аристотелевской критики и собственной классификаціи, и объясняетъ совершенно всѣ кажущіяся разнорѣчія въ его текстѣ. Аристотель въ своей классификаціи психическихъ явленій выходилъ изъ того же принципа, какъ и Платонъ, что типовъ духовнаго существованія столько, сколько ступеней развитія сознанія въ природѣ [1]), но только съ той разницей, что Платонъ считалъ возможными всего лишь три такихъ ступени развитія, между которыми глубокая бездна; Аристотель же стоялъ на точкѣ зрѣнія *постепенной* эволюціи сознанія, и потому предполагалъ число ступеней безконечнымъ и не считалъ ихъ рѣзко очерченными. Три ступени, растительнаго, животнаго и человѣческаго сознанія, были для него только *наиболѣе выдающимися*, — между ними возможенъ рядъ переходныхъ ступеней. Перечисленіе или упоминаніе этихъ переходныхъ ступеней на ряду съ коренными, выдающимися, и заставляло Аристотеля называть иногда не только четыре способности, но и пять, и болѣе. Это доказывается, во первыхъ, несогласіемъ обозначеній способностей тамъ, гдѣ онъ говоритъ о болѣе нежели трехъ, и, во вторыхъ, связью, въ которую онъ ставитъ всѣ второстепенныя ступени, объединяя ихъ въ одномъ изъ трехъ понятій главныхъ функцій.

Аристотель вообще перечисляетъ слѣдующія способности: 1) τὸ θρεπτικόν (φυτικόν или γεννητικόν), 2) τὸ αἰσθητικόν (αἴσθησις), 3) τὸ ὀρεκτικόν (ὄρεξις, иногда ἐπιθυμητικόν), 4) τὸ κινητικὸν κατὰ τόπον (τὸ κινοῦν, или просто κίνησις), 5) τὸ βουλευτικόν, 6) τὸ φανταστικόν, 7) τὸ διανοητικόν или λογιστικόν (иначе νοῦς). Но двѣ изъ этихъ способностей очевидно входятъ въ другія понятія и Аристотель повидимому выдѣлялъ ихъ иногда, только чтобъ придать бо́льшую силу своей критикѣ дѣленія души на части, отчего и не упо-

[1]) Ср. De an. B. 3. 414, a—415, b.

минаетъ ихъ нигдѣ болѣе, какъ въ опроверженіи Платоновской теоріи. Это, во первыхъ, τὸ φανταστικόν: въ сочиненіи о сновидѣніяхъ онъ прямо говоритъ, что φανταστικόν — способность, тождественная τῷ αἰσθητικῷ [1]), а въ десятой главѣ III книги De anima, — что фантазія бываетъ или умственною (λογιστική), или чувственною (αἰσθητική) [2]). Послѣднее мнѣніе конечно болѣе полно выражаетъ его пониманіе дѣла. Фантазія, стало быть, есть моментъ чувственности, или умственной дѣятельности, въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи [3]). Во вторыхъ, понятіе βουλευτικόν частью входитъ въ понятіе λογιστικόν, частью — въ значеніи προαιρετικόν — составляетъ лишь дополненіе къ понятію ὀρεκτικόν (βουλευτικὴ ὄρεξις) [4]), когда ὄρεξις, при посредствѣ ума, превращается въ βούλησις [5]), ибо Аристотель различаетъ въ общемъ понятіи ὄρεξις три частныя понятія: ἐπιθυμία, θυμός и βούλησις [6]): желательная способность присуща всѣмъ ступенямъ развитія души [7]); умъ, какъ движущая сила, тоже дѣйствуетъ подъ вліяніемъ общей способности стремленія, ὄρεξις [6]), которая при участіи разума и превращается въ βούλησις. Стало быть, болѣе рѣзко различающихся способностей Аристотель называетъ пять: душа питающая, душа ощущающая, сила стремленія, сила движенія, душа мыслящая. Но сила стремленія и сила движенія совпадаютъ у него въ большинствѣ случаевъ съ силою ощущенія. Во первыхъ, понятія ощущеній (объективныхъ и субъективныхъ) и желаній онъ считаетъ нераздѣльными [8]), и въ этомъ всѣ его отзывы настолько совпадаютъ другъ съ другомъ, что подробнѣе доказывать тождество силы ощущенія и силы стремленія было бы излишне. Что касается силы движенія, то онъ отдѣляетъ её иногда отъ силы ощущенія и говоритъ, напримѣръ, что изъ организмовъ, одаренныхъ

---

[1]) De insomn. 1. 459 a. 15. Тождество общей основы не мѣшаетъ различать ея двоякое развитіе in actu, оттого τὸ εἶναι φανταστικῷ καὶ αἰσθητικῷ ἕτερον

[2]) De an. 433. b. 28.

[3]) Ср De insm. 1. c, a. 17. ἔστι δὲ φαντασία ἡ ὑπὸ τῆς κατ' ἐνέργειαν αἰσθήσεως γινομένη κίνησις

[4]) Ср Eth. Nic. Γ. 5. 1113. a. 10 и Z. 2 1139. a. 23

[5]) Ср. ibid. Γ. 7. b. 3: Ὄντος δὴ βουλητοῦ μὲν τοῦ τέλους βουλευτῶν καὶ προαιρετῶν πρὸς τὸ τέλος.

[6]) De an. B. 3. 414 b. 2.

[7]) Ἔν τε τῷ λογιστικῷ γὰρ ἡ βούλησις γίνεται, καὶ ἐν τῷ ἀλόγῳ ἡ ἐπιθυμία καὶ ὁ θυμός. De an Γ. 9. 432. b 5. Ср. Taubert, l. c., 23.

[8]) De an Γ. 10. 433. a. 18 — 23: τὸ ὀρεκτὸν γὰρ κινεῖ, καὶ διὰ τοῦτο ἡ διάνοια κινεῖ, ὅτι ἀρχὴ αὐτῆς ἐστὶ τὸ ὀρεκτόν .. ἓν δή τι τὸ κινοῦν τὸ ὀρεκτόν... ὁ μὲν νοῦς οὐ φαίνεται κινῶν ἄνευ ὀρέξεως ἡ γὰρ βούλησις ὄρεξις.

[9]) Ὅπου μὲν γὰρ αἴσθησις... ἐξ ἀνάγκης καὶ ἐπιθυμία De an. B. 2. 413. b. 23. Ср ib 3. 414 b. 4 и пр.

второю изъ этихъ способностей, иные имѣютъ и первую, другіе нѣтъ[1]). Это мѣсто и подало поводъ нѣкоторымъ критикамъ настаивать на томъ, что Аристотель признаетъ четыре особыя душевныя силы. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ онъ только констатируетъ біологическое наблюденіе, не имѣющее прямого дѣйствія на его психологическія теоріи. Это доказывается многочисленными мѣстами его сочиненій, гдѣ онъ разсматриваетъ движеніе только какъ результатъ стремленія[2]), и стремленіе называетъ послѣдней причиной движенія[3]), почему и отождествляетъ, съ одной стороны, принципы желанія и движенія[4]), съ другой стороны—принципы движенія и ощущенія[5]). Стало быть, αἴσθησις, ὄρεξις и κίνησις κατὰ τόπον энтелехіи одной общей душевной силы, моменты развитія одной и той же δύναμις, и еслибъ даже эволюція этой δύναμις и не могла доходить въ иныхъ организмахъ до послѣднихъ звеньевъ, то этимъ единство основы ихъ не можетъ быть нарушено. Такою теоріею объясняется и тотъ фактъ, что Аристотель, перечисляя свыше трехъ способностей, остается вѣренъ себѣ только въ указаніи трехъ главныхъ началъ, на ряду съ которыми ставитъ ad libitum второстепенные моменты развитія второго, *чувственнаго* начала[6]), какъ всего вѣрнѣе называть его.

---

[1]) τῶν δ' αἰσθητικῶν τὰ μὲν ἔχει τὸ κατὰ τόπον κινητικόν, τὰ δ' οὐκ ἔχει. ib. 415. a 6, ср. ib. 414 b 17 и 432. b. 19: πολλὰ γάρ ἐστι τῶν ζῴων, ἃ αἴσθησιν μὲν ἔχει, μόνιμα δ' ἐστὶ καὶ ἀκίνητα διὰ τέλους

[2]) De an, Γ. 10. 433. a 30: ὅτι μὲν οὖν ἡ τοιαύτη δύναμις κινεῖ τῆς ψυχῆς ἡ καλουμένη ὄρεξις, φανερόν Ср. выше a. 13: предположивъ сначала, что ἄμφω ταῦτα κινητικὰ κατὰ τόπον, νοῦς καὶ ὄρεξις, Аристотель приходитъ къ выводу, что и νοῦς οὐ φαίνεται κινῶν ἄνευ ὀρέξεως. Ср. ib. b. 17: κινεῖται γὰρ τὸ κινούμενον ᾗ ὀρέγεται Ср. De motu anim. 6. 701. a. 1: ὄρεξις καὶ τὸ ὀρεκτικὸν κινούμενον κινεῖ. И т. д.

[3]) Ср. ib. 701. a. 35: τῆς μὲν ἐσχάτης αἰτίας τοῦ κινεῖσθαι ὀρέξεως οὔσης.... Въ 9-ой главѣ III кн. De an., 433. a. 6, Аристотель только потому отрицаетъ за ὄρεξις значеніе единственнаго движущаго начала, что здѣсь подъ ὄρεξις разумѣетъ очевидно только ἐπιθυμίαν, отчего и вноситъ въ слѣдующей главѣ въ понятіе ὄρεξις новый элементъ, βούλησις.

[4]) Ср. ib. 433. b. 27: ὅλως μὲν οὖν, ὥσπερ εἴρηται, ᾗ ὀρεκτικὸν τὸ ζῷον, ταύτῃ αὐτοῦ κινητικόν (ταύτῃ, т. е. δυνάμει, ср. ib b. 18: ἡ κίνησις ὄρεξίς τίς ἐστιν ἢ ἐνέργεια). Въ 9-й главѣ III кн., 432. a. 19—22, Аристотель повидимому намекаетъ, что способность движенія есть особая часть души (κἂν εἰ μόριόν τι), но самый вопросъ πότερον ἴδιόν τι παρὰ τὰ εἰωθότα λέγεσθαι καὶ τὰ εἰρημένα, ἢ τούτων ἕν τι, доказываетъ возможность подчиненія другой способности, что и подтверждается анализомъ. Оттого во второмъ перечисленіи эта способность болѣе и не названа (433. b. 2—4).

[5]) Ср. De somno 2. 455. b. 34: ὅτι μὲν οὖν ἡ τῆς αἰσθήσεως ἀρχὴ γίνεται ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ μέρους τοῖς ζῴοις, ἀφ' οὗπερ καὶ ἡ τῆς κινήσεως, διώρισται πρότερον ἐν ἑτέροις. Если Аристотель въ 9-й главѣ III кн. De an., 432. b. 19, говоритъ, что αἰσθητικόν не можетъ быть причиною движенія, то онъ только разумѣетъ этимъ, что присутствіе способности ощущать еще не достаточно для возможности движенія.

[6]) Такъ онъ въ одномъ мѣстѣ перечисляетъ θρεπτικόν, αἰσθητικόν, διανοητικόν, κίνησις (413. b. 12); въ другомъ: θρ, ὀρεκτικόν, αἰσθ., κινητικόν, διαν. (414. a. 31); въ третьемъ: φυτικόν, ὀρεκτικόν (= αἰσθητικόν) и λόγον ἔχον (λογιστικόν) (1102. a. b); въ четвертомъ: θρεπτικόν (τέταρτον μόριον, 1144 a. 9) и къ нему αἴσθησις, νοῦς, ὄρεξις (1139. a. 18) и т. д. (Ср. 432 и 433).

Теперь остается только разсмотрѣть вопросъ, какое дѣленіе началъ болѣе существенно у Аристотеля изъ двухъ, оставшихся еще не разобранными: дѣленіе ли на два, или же на три принципа? Мы находимъ у него троякую дихотомію души. Съ одной стороны, какъ мы уже видѣли, онъ противополагаетъ безсмертное начало, умъ—смертному, душѣ въ собственномъ смыслѣ. Съ другой стороны, душа логическая, разумная, противополагается душѣ нелогической, неразумной[1]). Въ третьихъ, наконецъ, начало активное, умъ — началу пассивному, желанію (ὄρεξις)[2]). Первое дѣленіе, по скольку оно не совпадаетъ со вторымъ, вытекая изъ теоріи будущей судьбы отдѣльныхъ способностей, имѣетъ, какъ мы уже сказали, значеніе метафизическое и независимое отъ собственно-психологическихъ теорій. Другія же два дѣленія, психологическія, поставлены самимъ Аристотелемъ въ соотвѣтствіе въ его Политикѣ. Онъ говоритъ: τῆς ψυχῆς ὁρῶμεν δύο μέρη, τό τε ἄλογον καὶ τὸ λόγον ἔχον, καὶ τὰς ἕξεις τὰς τούτων δύο τὸν ἀριθμόν, ὧν τὸ μέν ἐστιν ὄρεξις τὸ δὲ νοῦς[3]). Значитъ, душа человѣка имѣетъ двѣ коренныя силы, разумную и неразумную, которыя въ своемъ проявленіи, въ дѣйствіи, принимаютъ видъ ума и желанія. Иначе сказать, разумная душа имѣетъ главнымъ содержаніемъ умственную дѣятельность, душа неразумная проявляется главнымъ образомъ въ стремленіи, въ желаніи. Это разграниченіе очевидно соотвѣтствуетъ до сихъ поръ господствующему (если не въ наукѣ, то въ публикѣ) дѣленію душевныхъ способностей на высшія и низшія, различенію разумныхъ и чувственныхъ отправленій души, какъ часто выражаются. Такая дихотомія психической дѣятельности очевидно имѣетъ болѣе практическія (нравственныя) основы, чѣмъ теоретическія. Теорія, наука не можетъ признать подобнаго рѣзкаго контраста и помириться съ глубокой бездной, создаваемой этой дихотоміей въ области психическихъ отправленій, и Аристотель ясно сознавалъ эти истины и стремился наполнить эту бездну. Между двумя крайними звеньями—душою разумною и душою неразумною въ строгомъ смыслѣ слова (душа питающая, τὸ θρεπτικόν) онъ вставляетъ среднее звено—способность ощущенія и сознательнаго стремленія. Тотъ фактъ, что онъ её причисляетъ въ опытахъ дихо-

---

[1]) οἷον τὸ μὲν ἄλογον αὐτῆς εἶναι, τὸ δὲ λόγον ἔχον Eth. N, A 13. 1102. a. 27. ib. Z. 1. 1139. a. 4 Polit. H 15. 1334. b. 18.

[2]) Polit A. 6. 1254. b. 5. Ὄρεξις здѣсь называется παθητικὸν μόριον,—νοῦς ἄρχει τῆς ὀρέξεως, какъ начало активное. Ср. ib. Γ. 4 1277. a. 6· ψυχὴ ἐκ λόγου καὶ ὀρέξεως. Наконецъ ib 1334. b. 20. Различеніе въ душѣ δύω διαφοραί τὸ νοεῖν (τὸ κριτικόν) и τὸ κινητικὸν κατὰ τόπον (De an., Γ. 3. 427. a. 17, ib. 9. 432. a 15) очевидно принадлежитъ не самому Аристотелю (выраженіе ὁρίζονται), и онъ излагаетъ это ученіе только, чтобъ разобрать и разбить его.

[3]) H. 15. 1334. b. 18

томіи, то къ разумному [1]), то къ неразумному началу [2]), доказываетъ только, что эта способность дѣйствительно имѣетъ у него значеніе самостоятельной посредствующей ступени, и въ результатѣ получается правильная трихотомія души: способность питанія (роста и размноженія), способность ощущенія (чувства, желанія и движенія) и способность мышленія (теоретическаго и практическаго, при чемъ въ первомъ различаются еще моменты усвоенія и творчества) [3]). Подробный разборъ отдѣльныхъ моментовъ развитія каждой силы—не наше дѣло [4]). Но намъ нельзя обойти вопроса: какое же мѣсто въ классификаціи Аристотеля занимали удовольствіе и страданіе, пріятныя и непріятныя чувствованія? Къ нему мы и перейдемъ.

Мы видѣли, что нигдѣ, даже при самомъ подробномъ перечисленіи душевныхъ способностей, Аристотель не даетъ отдѣльнаго мѣста способности организмовъ ощущать удовольствіе и страданіе, т. е. *чувствовать*. Очевидно Аристотель, подобно Платону, приписываетъ однимъ и тѣмъ же душевнымъ силамъ способность желанія и способность чувствованія [5]). Но такъ какъ Аристотель гораздо опредѣленнѣе разграничилъ понятія растительной и животной силы, то онъ уже не дробитъ область чувствованій на двѣ области, а сводитъ всѣ желанія и чувствованія (ὀρέξεις въ обширномъ значеніи) къ одной силѣ, къ той же, къ которой относитъ ощущеніе и движеніе. Можно думать, пожалуй, что этому противорѣчитъ самая трихотомія желательнаго начала (ἐπιθυμία, θυμός, βούλησις), съ которою феномены разбираемаго порядка вносятся, какъ будто, во всѣ три сферы

---

[1]) τούτου, т. е. τοῦ λόγον ἔχοντος, τὸ μὲν ὡς ἐπιπειθὲς λόγῳ (а именно ὄρεξις), τὸ δ' ὡς ἔχον καὶ διανοούμενον. Eth N. A. 7. 1098. a. 4, ср ib 13. 1102. b 30 τὸ ὀρεκτικὸν μετέχει πως λόγου, ᾗ κατήκοόν ἐστιν αὐτοῦ καὶ πειθαρχικόν, хотя это и ἄλογον μόριον Ср. ib. 13. 1103. a. 2: διττὸν ἔσται καὶ τὸ λόγον ἔχον.. Ср. Polit. H. 14. 1333. a 16 (δύο μέρη — не въ цѣломъ, а конечно только въ разумной душѣ). Ср. также Eth. Eud. 1219. b. 28.

[2]) Eth. N. A. 13. 1102. a b: φαίνεται δὴ καὶ τὸ ἄλογον διττόν (τὸ φυτικόν, τὸ ὅλως ὀρεκτικόν). Въ Метафизикѣ, Θ 2. 1046. a. 37 — b. 2, Аристотель говоритъ: ἐν ψυχῇ καὶ τῆς ψυχῆς ἐν τῷ λόγον ἔχοντι, δῆλον ὅτι καὶ τῶν δυνάμεων αἱ μὲν ἔσονται ἄλογοι αἱ δὲ μετὰ λόγου. Значитъ какъ высшая, такъ и нисшая часть души имѣютъ столько же разумныя, сколько и неразумныя предрасположенія Эта мысль объясняется только тѣмъ фактомъ, что ὄρεξις принадлежитъ одинаково къ обѣимъ частямъ и вноситъ въ первую элементы низшіе (влечетъ къ чувственному), во вторую элементы высшіе (подчиняетъ разуму)

[3]) De an. B. 2. 414 a. 12: ἡ ψυχὴ δὲ τοῦτο ᾧ ζῶμεν καὶ αἰσθανόμεθα καὶ διανοούμεθα πρώτως Ib. 4. 415. a. 17: τί τὸ νοητικὸν ἢ τὸ αἰσθητικὸν ἢ τὸ θρεπτικόν; ср. 432. b. 6: εἰ δὲ τρία ἡ ψυχή.. Ср De p. an 736. 6. 12. Eth. N. A. 7. 1098. a 1—4.

[4]) Во всякомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ слишкомъ схематической классификаціей ихъ у Брентано, l. c, p. 69 и слѣд (Von der mehrfachen Gattung der Krafte in den Seelentheilen).

[5]) Ср. объ этомъ Taubert, l. c, p. 23. Quum autem affectus jucundi et injucundi, sicut apud Platonem, propriae animae facultatis actio non habeatur, etiam quae nos affectui illi solemus tribuere in voluntate ponuntur.

душевной жизни. Но едва ли такое заключеніе было бы правильно: всѣ эти понятія очевидно означаютъ только три функціи второго начала души, при чемъ одна функція возникаетъ изъ взаимодѣйствія его съ низшимъ началомъ (ὄρεξις, направленная къ потребностямъ ψυχῆς θρεπτικῆς превращается въ ἐπιθυμία), другая — изъ взаимодѣйствія съ высшимъ началомъ (βούλησις есть ὄρεξις, подчиненная вліянію ума), третья, наконецъ, представляетъ совокупность энергій второй силы, возникающихъ изъ внутренней ея самодѣятельности. Единство основного принципа при этомъ конечно нисколько не нарушается. Итакъ Аристотель всѣ чувствованія считалъ однимъ моментомъ развитія второй, животной души. «Тамъ, гдѣ имѣютъ мѣсто ощущенія, является и удовольствіе и страданіе, а гдѣ есть послѣднія, необходимо возникаетъ и желаніе»[1]). Но изъ отсутствія особой способности, въ классификаціи Аристотеля, для выраженія совокупности однихъ только феноменовъ удовольствія и страданія, отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ могъ смѣшивать эти послѣднія съ какими-либо другими, смежными или несмежными явленіями. Аристотель былъ слишкомъ глубокій аналитикъ, чтобъ допустить подобную ошибку. Такъ въ X книгѣ Никомаховской этики, гдѣ онъ разбираетъ природу удовольствія и страданія, онъ, во первыхъ, весьма ясно высказывается въ томъ смыслѣ, что удовольствіе (а значитъ и страданіе) не есть ни разсудочный феноменъ, ни ощущеніе[2]). Точно также не смѣшиваетъ онъ чувствованій и съ желаніями, ибо признаетъ различную близость ихъ къ дѣятельностямъ организма[3]). Наконецъ, хотя онъ и сомнѣвается, нельзя ли отождествить понятія дѣятельности и чувствованій пріятнаго и непріятнаго, её сопровождающихъ[4]), тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, онъ ихъ ставитъ только въ отношеніе предшествующаго и послѣдующаго, т. е. различаетъ другъ отъ друга[5]). Стало быть, Аристотель весьма отчетливо сознаетъ самобытность этого класса душевныхъ явленій. Это еще болѣе подтверждается его критикою, направленною противъ Платоновскихъ понятій κίνησις и γένεσις[6]). Эта критика, хотя и отзывается нѣсколько софистическимъ духомъ, тѣмъ не менѣе приводитъ его къ опредѣленію удовольствія, какъ особаго, цѣль-

---

[1]) De an., B. 2. 413. b. 23. Ср. ib. 3. 414. b. 4. ᾧ δ' αἴσθησις ὑπάρχει τούτῳ ἡδονή τε καὶ λύπη καὶ τὸ ἡδύ τε καὶ λυπηρόν, οἷς δὲ ταῦτα, καὶ ἡ ἐπιθυμία

[2]) Eth. N. K. 5. 1175. b. 34: οὐ μὴν ἔοικέ γε ἡ ἡδονὴ διάνοια εἶναι οὐδ' αἴσθησις Стало быть Вундтъ неправъ, считая Аристотеля послѣдователемъ теоріи, по которой чувствованіе есть eine Bethätigung der Erkenntnisskraft. Phys. Psych., p. 458.

[3]) Ib. b. 30: οἰκειότεραι δὲ ταῖς ἐνεργείαις αἱ ἐν αὐταῖς ἡδοναὶ τῶν ὀρέξεων.

[4]) Ib. b. 33. ὥστ' ἔχει ἀμφισβήτησιν, εἰ ταὐτόν ἐστιν ἡ ἐνέργεια τῇ ἡδονῇ.

[5]) Ib. 4. 1175. a. 5: ἡδονὴ ἕπεται τῇ ἐνεργείᾳ, ср. ib. 10, также 15: ἡ ἡδονὴ τελειοῖ τὰς ἐνεργείας и т. д.

[6]) Eth. N. K. 2. 1173, a. 31—b. 20. Также 3. 1174. a. 13....

наго и самобытнаго феномена (ὅλον τι, τέλειόν τι)[1], вполнѣ законченнаго (ὡρισμένον), хотя и имѣющаго различныя степени интенсивности[2]. Словомъ сказать, чувствованія удовольствія и страданія совершенно самостоятельный моментъ въ развитіи способностей, присущихъ второму началу души. Это второе начало могло бы быть также удобно опредѣляемо понятіемъ, соотвѣтствующимъ этому моменту, т. е. понятіемъ τὸ παθητικόν, какъ и понятіями прочихъ моментовъ (αἰσθητικόν, ὀρεκτικόν)[3]. Чувствованія составляютъ у Аристотеля только не главный, а второстепенный классъ психическихъ явленій. Это объясняется тѣмъ, что въ ученіяхъ древнихъ философовъ въ понятіе души входило, какъ особый ингредіентъ, понятіе жизни, такъ что главные классы, вслѣдствіе бо́льшаго объема цѣлаго, были на одну степень общѣе, чѣмъ въ новой психологіи, сузившей понятіе души. Во всякомъ случаѣ Аристотель сдѣлалъ значительные успѣхи въ психологической классификаціи, сравнительно съ предшественниками и, какъ намъ кажется, былъ во многихъ отношеніяхъ дальновиднѣе даже нѣкоторыхъ свѣтилъ современной психологіи. Но объ этомъ будетъ рѣчь въ свое время.

Если мы такъ долго остановились на ученіи Аристотеля, то при этомъ мы имѣли въ виду, что Аристотель—высшій моментъ развитія не только древней психологіи, но и *всей* психологіи, которая предшествовала эпохѣ возрожденія наукъ вообще, и психологіи въ частности. До Аристотеля развитіе психологіи шло постоянно въ гору—періода зрѣлости она достигла въ Аристотелѣ. Потомъ психологія, раздѣляя судьбу прочихъ наукъ, шла внизъ по наклонной плоскости, пока не достигла періода старческаго дѣтства въ мистическихъ построеніяхъ Новоплатониковъ,—это лучше всего доказывается возвращеніемъ психологовъ этой школы къ древнегреческому ученію о душепереселеніи. Патристика и схоластика, въ первую эпоху, стояли приблизительно на той же почвѣ, какъ и греческая психологія послѣдняго періода. Съ распространеніемъ трудовъ арабскихъ философовъ, въ схоластической наукѣ произошелъ поворотъ къ болѣе здравымъ идеямъ. Но пока этотъ поворотъ могъ принести настоящіе плоды, должно было пройти еще много вѣковъ. Сначала надо было добросовѣстно усвоить и переварить старое. Въ этомъ постепенномъ усвоеніи прошли послѣдніе вѣка схоластики и отчасти

---

[1]) Ib. 1174. a. 15. 17, ib. b. 5. 13

[2]) Ib. 2. 1173. a. 24. καθάπερ ὑγίεια ὡρισμένη οὖσα δέχεται τὸ μᾶλλον καὶ ἧττον, οὕτω καὶ ἡ ἡδονή. .

[3]) Если Аристотель не пользуется въ этомъ смыслѣ терминомъ παθητικόν, то потому только, что въ его время онъ имѣлъ болѣе широкое значеніе: παθητικὸν μόριον τῆς ψυχῆς означаетъ совокупность всѣхъ способностей неразумной души, т. е. второе и третье начало вмѣстѣ. Polit. A 5. 1254. 6. 8. Только у Плотина означенное понятіе вполнѣ спеціализировалось.

эпоха возрожденія наукъ. Плоды всесторонняго усвоенія древней науки въ области *психологіи* начали ясно сказываться только въ XVI вѣкѣ [1]).

Послѣ Аристотеля первую оригинальную классификацію мы встрѣчаемъ у **Стоиковъ**. Діогенъ Лаэрцій, Плутархъ, Стобей и позднѣйшіе писатели патристической эпохи (напр. Немесій) единогласно приписываютъ Стоикамъ дѣленіе души на восемь частей (ὀκτὼ μέρη) [2]); только Тертулліанъ говоритъ о дѣленіи души Зенономъ на три части, но Вейгольдтъ вѣроятно правильно приписываетъ это свидѣтельство исторической неточности [3]), такъ какъ согласить его съ показаніями большинства источниковъ нѣтъ никакой возможности. Части души, по ученію Стоиковъ, были: τὸ ἡγεμονικόν, высшее, правящее начало (λογιστικόν, λογισμός, διανοητικόν); пять чувствъ, πέντε αἰσθήσεις (или πέντε τῶν αἰσθητῶν, πέντε αἰσθητήρια, μέρη αἰσθητικά: ὁρατικόν, ἀκουστικόν, ὀσφρητικόν, γευστικόν, ἁπτικόν), седьмая часть — способность слова, рѣчи, φωνητικόν (φωνᾶεν ὑπὸ τοῦ Ζήνωνος εἰρημένον, или просто φωνή), восьмая часть производительная сила, σπερματικόν (γεννητικόν, σπέρμα, σπερματικοὶ λόγοι). Спрашивается прежде всего, какъ понимали Стоики дѣленіе души на части? Рядомъ съ понятіемъ частей мы у нихъ встрѣчаемъ понятіе силъ (δυνάμεις), но эти понятія очевидно не совпадаютъ,—δυνάμεις, какъ мы видимъ изъ свидѣтельства Стобея, суть отдѣльныя способности одной какой-нибудь части души [4]); только къ нимъ и примѣнимо положеніе, что одинъ и тотъ-же субстратъ (ὑποκείμενον) можетъ имѣть нѣсколько различныхъ сферъ дѣятельности (ποιότητας) [5]); въ упомянутыхъ же восьми главныхъ частяхъ очевидно самые субстраты различные [6]). Первоначально душа, какъ всеобщая сущ-

---

[1]) Дробишъ въ историч. очеркѣ ученій о способностяхъ (Seelenvermögen) даже прямо перескакиваетъ съ Аристотеля на Вольфа, находя этотъ скачекъ не такимъ большимъ, какъ можетъ казаться по промежутку времени (Emp. Psych 1842, p. 302)

[2]) Diog. Laert., Zeno, L. VII, 1, 110 и 157. Plut., De Plac Phil, L. IV. C. IV (de an. part.), ср. ib. Cap. XXI (unde sensus an. obtingat) Stob., Ecl. Phys. 41, 25 (836), ib. 34 (878). Nemes De nat. hom. C. XV (96).

[3]) Weygoldt. Zeno von Cittium u. seine Lehre. (Diss. Inaug.) Jena. 1872, p. 36. Можетъ быть Тертуліанъ смѣшалъ здѣсь воззрѣніе Зенона съ ученіемъ позднѣйшаго Стоика-Эклектика Посидонія, который, по свидѣтельству Плутарха, считалъ необходимымъ предположить для объясненія аффектовъ неупоминаемыя прочими Стоиками силы θυμός и ἐπιθυμία и, сопоставляя съ ними τὴν λογιστικὴν ἀρχήν, дѣйствительно признавалъ въ человѣческой душѣ три главныя части. Ср. Ritter et Preller, Hist. phil. e. f. l. c, Ed. Quinta, 1875. p. 409 (§ 429). Также Zeller, l. c, III, 1 p 516

[4]) Ecl. Phys., 41, 34 (878) οἱ ἀπὸ Ζήνωνος ὀκταμερῆ τὴν ψυχὴν διαδοξάζουσι, περὶ τὰς δυνάμεις εἶναι πλείονας, ὥσπερ ἐν τῷ ἡγεμονικῷ ἐνυπαρχουσῶν φαντασίας, συγκαταθέσεως, ὁρμῆς, λόγου

[5]) Ср. ib. 33 (874).

[6]) ib 33 (876): κατὰ μὲν τοὺς στωικοὺς ἔνιαι μὲν (т е δυνάμεις) τῇ διαφορότητι τῶν ὑποκειμένων σωμάτων. Имъ противуполагаются способности, различающіяся ἰδιότητι ποιότητος περὶ τὸ αὐτὸ ὑποκείμενον.

ность, есть единая теплая воздухообразная субстанція (πνεῦμα ἔνθερμον, Diog. L. VII, 1. 157); но когда она дѣлается ингредіентомъ человѣческаго тѣла, то отъ нея отдѣляются въ разные органы особыя части, πνεύματα, съ спеціальными способностями, прежде составлявшими принадлежность всеобщей души[1]). Такъ сила зрѣнія имѣетъ субстратомъ субстанцію, идущую отъ органа умственной дѣятельности (ἀπὸ ἡγεμονικοῦ) до глаза, сила воспроизведенія другую субстанцію, простирающуюся до половыхъ органовъ (μέχρι τῶν παραστατῶν) и такъ относительно каждой силы, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Плутархъ[2]). Хотя всѣ эти отдѣльныя πνεύματα продолжаютъ быть въ связи съ своимъ источникомъ, такъ что весь духовный субстратъ въ человѣкѣ сравнивается Плутархомъ, когда онъ излагаетъ эту теорію Стоиковъ, съ полипомъ, имѣющимъ много ногъ (πολύπους)[3]), тѣмъ не менѣе эти развѣтвленія души имѣютъ самостоятельныя функціи, и при матеріалистическихъ взглядахъ Стоиковъ на душу едва-ли понятіе «частей» можетъ быть признано метафорическимъ. Такимъ образомъ въ этомъ вопросѣ Стоики дѣлаютъ, въ сравненіи съ Аристотелемъ, шагъ назадъ и приближаются снова къ Платоновской точкѣ зрѣнія[4]). Взглянемъ теперь на опредѣленія классовъ душевныхъ явленій. Очевидно, классификація ихъ совершенно произвольная и разнокалиберная. Съ своей сенсуалистической точки зрѣнія, они поставили умъ наравнѣ съ пятью чувствами, какъ особый видъ ощущенія (sensuum fons atque ipse sensus), а за симъ изъ всѣхъ функцій прежней растительной души удержали почему-то одну только способность воспроизведенія и точно также изъ дѣятельныхъ психическихъ отправленій дали самостоятельное значеніе только одному отправленію—слова, рѣчи[5]). Никакого отдѣленія пассивнаго отъ активнаго, общаго отъ частнаго, главнаго отъ второстепеннаго, никакого единства идеи и никакой полноты содержанія мы въ этой классификаціи не находимъ. Дополнительное раз-

---

[1]) Cp. Sext Emp., Adv. Phys, A. 102. (Ed. Bekk. 414) πᾶσαι αἱ ἐπὶ τὰ μέρη τοῦ ὅλου ἐξαποστελλόμεναι δυνάμεις ὡς ἀπό τινος πηγῆς τοῦ ἡγεμονικοῦ ἐξαποστέλλονται. . οἷόν ἐστι τὸ μέρος τῇ δυνάμει, τοιοῦτον πολὺ πρότερόν ἐστι τὸ ὅλον.

[2]) De Plac. Philos, L. IV, C. XXI.

[3]) Ibid.: ἀπὸ τοῦ ἡγεμονικοῦ ἑπτὰ μέρη εἰσὶ τῆς ψυχῆς ἐκπεφυκότα καὶ ἐκτεινόμενα εἰς τὸ σῶμα καθάπερ αἱ ἀπὸ τοῦ πολύποδος πλεκτάναι. . αὐτὸ δὲ τὸ ἡγεμονικὸν κατοικεῖ ἐν τῇ ἡμετέρᾳ σφαιροειδεῖ κεφαλῇ

[4]) Успѣхъ, сравнительно съ Аристотелемъ, представляетъ развѣ выдѣленіе изъ понятія души растительнаго принципа. Cp. Clem. Alex., Strom., Ed. Sylb., p. 328: οὐ μὴν οἵ γε Στωϊκοὶ τὴν φυτικὴν δύναμιν ἤδη ψυχὴν ὀνομάζουσιν. Но это выдѣленіе не полное, какъ показываетъ ученіе о σπερμ. μέρος Вполнѣ его осуществилъ только Панэцій: τὸ δὲ σπερματικὸν οὐ τῆς ψυχῆς μέρος, ἀλλὰ τῆς φύσεως. См. Nemes. De nat. hom., C. XV. (96).

[5]) Послѣднюю ошибку, по свидѣтельству Немесія, исправилъ Панэцій: Π. δὲ ὁ φιλόσοφος τὸ μὲν φωνητικὸν τῆς καθ' ὁρμὴν κινήσεως μέρος εἶναι βούλεται. De nat. hom., C. XV, (96).

граниченіе способностей въ ἡγεμονικόν, — различеніе фантазіи, воспріятія (συγκατάθεσις), стремленія и разума (λόγος) тоже не имѣетъ никакой психологической почвы. Такимъ образомъ классификація Стоиковъ представляетъ, какъ намъ кажется, полное смѣшеніе понятій и явный упадокъ психологическаго анализа, и это не удивительно, въ виду чисто практическаго направленія ихъ системы. Послѣ сказаннаго, уже легко представить себѣ, какое мѣсто они давали *чувствованіямъ* въ своей группировкѣ, — не трудно видѣть, что они не удѣляли имъ ровно никакого мѣста. Многознаменательная оговорка εἰ ἄρα ἐστίν, относящаяся къ явленію удовольствія и передаваемая намъ Діогеномъ Лаэрціемъ [1]), лучше всего поясняетъ ихъ точку зрѣнія. Стоики протестуютъ противъ мнѣнія, что удовольствіе составляетъ коренной предметъ стремленія въ животныхъ [2]). Напротивъ, удовольствіе только несущественный придатокъ позднѣйшаго развитія духовной природы (ἐπιγέννημα), да и самое стремленіе есть нѣкотораго рода роскошь (ἐκ περιττοῦ) [3]). По мнѣнію Клеанѳа, передаваемому Секстомъ Эмпирикомъ, удовольствіе есть даже нѣчто противоестественное (μὴ κατὰ φύσιν) и недостойное играть роль въ жизни [4]); стремленіе къ удовольствіямъ (φιληδονία) Стоики сравнивали съ такими болѣзненными процессами въ тѣлѣ (ἀῤῥωστήματα), какъ подагра [5]). При такихъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ, неудивительно, что они, еще болѣе предшественниковъ Аристотеля, смѣшивали понятіе *чувствованій*, насколько они ихъ признавали, съ понятіемъ стремленій [6]). Въ упомянутой выше классификаціи они имѣютъ только одно выраженіе для всѣхъ этихъ явленій,— ὁρμή. Но и ὁρμή только моментъ умственной дѣятельности, а потому неудивительно, что Стоики причисляютъ всѣ аффекты къ категоріи сужденій (κρίσεις, opiniones) [7]) и считаютъ ихъ движеніями души, происходящими отъ искаженія разумнаго пониманія вещей [8]). Итакъ Стоики не только не внесли никакихъ новыхъ плодотворныхъ взглядовъ въ изучаемый нами вопросъ, но и сдѣлали шагъ назадъ по всѣмъ пунктамъ, интересующимъ насъ теперь, срав-

---

[1]) L. c, VII 1. 86.

[2]) Ib. 85: ὃ δὲ λέγουσί τινες πρὸς ἡδονὴν γίγνεσθαι τὴν πρώτην ὁρμὴν τοῖς ζῴοις, ψεῦδος ἀποφαίνουσιν.

[3]) Ex superfluo, какъ переводитъ Cobet въ изд. Diog. L. Parisiis, 1862, p 178

[4]) Adv. Eth., 73.

[5]) Diog. L., l c., VII, 1. 115.

[6]) Ἐπιθυμία причисляется ими къ πάθη, наравнѣ съ ἡδονή, D. L., ib. 110; βούλησις — къ εὐπαθίαι рядомъ съ χαρά, ib 116.

[7]) Diog. L, ib. 111. δοκεῖ δ' αὐτοῖς τὰ πάθη κρίσεις εἶναι. Ср Cic, Tusc. IV, 7.

[8]) Cic. ib. 6. Est igitur Zenonis haec definitio, ut perturbatio sit, quod πάθος ille dicit, aversa a recta ratione animi commotio. Ср. Diog L., ib 110. ἄλογος καὶ παρὰ φύσιν ψυχῆς κίνησις

нительно съ тѣми результатами, которые уже были добыты. Перейдемъ къ Эпикурейцамъ.

Эпикурейцы повидимому относились еще равнодушнѣе Стоиковъ къ правильной классификаціи моментовъ духовной дѣятельности. Плутархъ и Діогенъ Лаэрцій приписываютъ Эпикуру только одно разграниченіе, заслуживающее вниманія, а именно разумной души отъ неразумной [1]), заимствованное Эпикуромъ, вѣроятно, отъ Демокрита. Разумная душа помѣщается Эпикуромъ въ сердце, неразумная разлита по всему организму. Это двоеніе души мы встрѣчаемъ потомъ и у Лукреція, въ противуположеніи понятій animus и anima [2]). Какъ согласить съ этой дихотоміей, съ одной стороны ученіе Эпикура о четырехъ элементахъ души, огненномъ (πυρῶδες), воздушномъ (ἀηρῶδες), вѣтряномъ (πνευματικόν) и безъимянномъ (ἀκατονόμαστον), которыя изображали собою начала теплоты, покоя, движенія и ощущенія въ душѣ [3]); съ другой стороны — противуположеніе дѣятельныхъ и страдательныхъ функцій души [4]); наконецъ, различеніе въ душѣ нѣсколькихъ спеціальныхъ отправленій, перечисляемыхъ вскользь у Діогена [5]), — вопросъ, который едва ли можно рѣшить при ничтожныхъ свѣдѣніяхъ, какія дошли до насъ о психологическихъ теоріяхъ Эпикура. Точно также трудно согласить упомянутое дѣленіе души на двѣ части съ обычнымъ Эпикуру сведеніемъ душевной жизни къ ощущеніямъ и аффектамъ (αἰσθήσεις καὶ πάθη) [6]). Впрочемъ несомнѣнно, что аффекты Эпикуръ помѣщалъ въ разумную душу, ибо изъ отраженія ихъ на дѣятельности сердца, онъ пришелъ къ мысли, что сердце органъ разумной души [7]). Въ понятіи аффектовъ Эпикуръ, подобно Зенону, смѣшивалъ идею стремленій съ идеею *чувствованій* удовольствія и страданія, такъ какъ послѣднія представлялись ему только моментами въ развитіи желанія [8]). Изъ всего сказаннаго видно, что въ

---

[1]) De plac phil. IV. 4. Diog. L X. 66.

[2]) De rerum natura, rec. Munro. Cantabr. 1860. L. III, v. 136 и слѣд. (p 63).

[3]) Stob. Ecl phys. 41, 1 (798). Plut., l. c., IV. 3

[4]) По мнѣнію Эпикура: еслибъ душа была нематеріальна, οὐδὲν ἂν ἐδύνατο ποιεῖν οὔτε πάσχειν. Diog. L, l. c, 68

[5]) Diog L. X. 63: τοῦτο δὲ πᾶν αἱ δυνάμεις τῆς ψυχῆς δηλοῦσι καὶ τὰ πάθη καὶ αἱ εὐκινησίαι καὶ αἱ διανοήσεις καὶ ὧν στερόμενοι θνήσκομεν.

[6]) Diog. L. ib. 63. 68 и др.

[7]). Diog. L. ib. 66: τὸ δὲ λογικὸν ἐν τῷ θώρακι, ὡς δῆλον ἔκ τε τῶν φόβων καὶ τῆς χαρᾶς.

[8]) Желанія только тогда имѣютъ смыслъ для Эпикура, когда они направлены къ уничтоженію недостатка, причиняющаго страданіе (ср. Diog L. ib. 149), стало быть страданіе равносильно желанію; постепенное удовлетвореніе желанія и уничтоженіе страданія есть то, что мы называемъ удовольствіемъ, и высшая ступень, предѣлъ (ὅρος) удовольствія—это полное прекращеніе страданія (τοῦ ἀλγοῦντος ὑπεξαίρεσις), ср. Diog. L. ib. 139 и II, 8. 89.

ученіи Эпикура теоретическіе интересы при анализѣ духовной природы человѣка были еще слабѣе, чѣмъ въ ученіи его современника Зенона.

Въ одно время съ Зенономъ и Эпикуромъ жилъ и дѣйствовалъ еще мыслитель, Пирронъ, основатель самостоятельной школы, такъ называемой **Скептической.** Но отъ него мы не можемъ ожидать какихъ-либо новыхъ теорій о душевныхъ силахъ, такъ какъ Скептики всегда выходили изъ отрицанія возможности какого бы то ни было знанія и не только внѣшній міръ, но и внутренніе духовные процессы считали недоступными изслѣдованію [1]). Поэтому о психологическихъ теоріяхъ Скептиковъ въ области нашего вопроса нечего и говорить.

Пиѳагоръ, Платонъ, Аристотель, Зенонъ и Эпикуръ имѣли каждый свою школу, своихъ послѣдователей и продолжателей. Но ближайшіе преемники этихъ мыслителей не внесли никакихъ важныхъ преобразованій въ изучаемый нами вопросъ. Въ школахъ первыхъ двухъ, т. е. въ пиѳагорейской и въ древней академіи, повидимому, господствовало Платоновское дѣленіе души [2]). Ближайшіе **Перипатетики** болѣе или менѣе точно придерживались ученія Аристотеля. По извѣстію Стобея, они продолжали стоять за единство души [3]). Можетъ быть въ перечисленіи ея способностей были маленькія варіаціи [4]); но это конечно не существенно, — тѣмъ болѣе, что въ Эвдемовской этикѣ классификація ихъ не различается отъ собственно-аристотелевской [5]). Ученія Зенона такъ сливаются въ историческихъ свидѣтельствахъ съ ученіями его ближайшихъ послѣдователей, Клеанѳа и Хризиппа, что отдѣлить ихъ невозможно, поэтому мы и говорили выше объ ученіяхъ Стоиковъ вообще. Психологическія теоріи Эпикура тоже мало измѣнились въ ученіяхъ его преемниковъ, какъ мы можемъ заключать изъ сочиненія **Лукреція.**

Послѣ основанія стоической, эпикурейской и скептической философіи, самостоятельное развитіе греческой мысли почти прекратилось. Въ послѣдніе два вѣка древней эры всѣ упомянутыя выше школы смѣшались и перепутались подъ знаменемъ двухъ возобладавшихъ направленій мысли — скептическаго и эклектическаго. О скептикахъ мы уже говорили. Ученія

---

[1]) Ср. Diog. L. IX. 103: πῶς δ' ὁρῶμεν ἢ πῶς νοοῦμεν ἀγνοοῦμεν.

[2]) Ср. Stob. Ecl. Phys. 41, 34 (878): οἱ δὲ περὶ Πλάτωνα καὶ Ἀρχύτας καὶ οἱ λοιποὶ πυθαγόρειοι. . , хотя изъ того же мѣста слѣдуетъ, что Архитъ и прочіе, слѣдуя отчасти Аристотелю, признавали рядомъ съ частями души до семи способностей, перечисленіе которыхъ представляетъ смѣсь всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, и потому мало интересно

[3]) Ibid. 33 (874 и 876).

[4]) Ср. Stob. Ecl. Eth. C. 5′, 7 (244). τὸ λογικὸν дѣлится на ἐπιστημονικόν и βουλευτικόν, τὸ ἄλογον на ἐπιθυμητικόν и θυμικόν.

[5]) Ср. Eth. Eud. B. 1219 b.

Эклектиковъ тоже имѣютъ для насъ мало значенія, ибо они примыкали къ теоріямъ тѣхъ или другихъ самостоятельныхъ мыслителей V и IV вѣковъ: господствовали, разумѣется теоріи Платона, Аристотеля и Стоиковъ. **Цицеронъ,** напр., примыкалъ къ ученіямъ о душѣ Платона и Стоиковъ [1]). Между позднѣйшими Эклектиками, **Галенъ** держался ученія Платона о частяхъ души [2]). Вопросъ о душевныхъ силахъ серьезно интересовалъ, впрочемъ, кажется, только одного **Посидонія** [3]). Съ первыхъ вѣковъ нашей эры, греческая философія вступила въ связь съ восточными міросозерцаніями, преимущественно іудейскаго происхожденія. **Филонъ** Александрійскій считается обыкновенно родоначальникомъ этого направленія, отличительная черта котораго состояла въ мистическомъ стремленіи войти въ прямое общеніе съ божествомъ и исходною точкою котораго было противуположеніе добра и зла, бога и матеріи. Какъ мало новыхъ психологическихъ обобщеній мы можемъ надѣяться найти въ этомъ періодѣ греческой философіи, лучше всего видно изъ сбивчивыхъ теорій о душевныхъ силахъ у самого основателя новаго направленія. Филонъ придерживается то стоической, то платоновской, то аристотелевской классификаціи душевныхъ силъ [4]), то наконецъ предлагаетъ *новыя комбинаціи* прежнихъ понятій, которыя своею нелогичностью, по мнѣнію Целлера, обнаруживаютъ только полное равнодушіе автора къ однообразной теоріи душевной дѣятельности [5]). Такое же искусственное сплетеніе Платоновскихъ и Аристотелевскихъ понятій встрѣчаемъ мы и у **Новопиѳагорейцевъ** [6]), которые представляютъ новую комбинацію греческой философіи съ восточными элементами. Новопиѳагорейцы - Платоники (pythagoreisirende Platoniker, по выраженію Ибервега) стояли на той же точкѣ зрѣнія, какъ мы видимъ изъ ученія **Плутарха** Херонейскаго, сочетавшаго понятія частей души, принятыя Платономъ, съ понятіями способностей, созданными Аристотелемъ, и пришедшаго этимъ путемъ къ предположенію пяти частей души—питающей, ощущающей, желательной, страстнаго начала и разумнаго [7]). Но конечно всего важнѣе, для представителей

---

[1]) Zeller, l. c., III, 1, p. 592.

[2]) Zeller, l. c., ib. p. 741.

[3]) См. выше, стр. 26, прим. 3.

[4]) См. Carus, Gesch. d. Psychol., p. 344 и слѣд. Также Stöckl, Die Specul. Lehre v. Menschen, I. Th, p. 523.

[5]) Zeller, l. c., III, 2 p. 347 и 348

[6]) Ср. Zeller, l. c, ib. p. 120

[7]) Ср. Zeller, l. c., ib. 163 и 164. Странно, что весьма похожую классификацію и терминологію мы встрѣчаемъ въ 1 книгѣ Нϑ. Μεγ., какъ извѣстно ложно приписанную древними самому Аристотелю (1185. a. 15—23: здѣсь впрочемъ рѣчь только о четырехъ частяхъ души).

мистицизма и теософіи, было различеніе двухъ началъ души, въ зачаткѣ встрѣченное нами почти у всѣхъ древнихъ греческихъ философовъ, но достигшее своего полнаго развитія только въ послѣдній періодъ. Дѣленіе души на безсмертную, разумную, высшую часть и смертную, неразумную, низшую мы встрѣчаемъ и у Филона и у Новопиѳагорейцевъ, но рѣзче всего оно выразилось въ ученіи Нуменія, принадлежавшаго къ той же школѣ, какъ и Плутархъ. Уже Плутархъ противуполагаетъ ψυχή и νοῦς, какъ два самостоятельныя начала; **Нуменій** же, по свидѣтельству Стобея, говоритъ прямо не о двухъ частяхъ души, а о двухъ независимыхъ душахъ въ человѣкѣ, и это воззрѣніе, какъ можно заключить изъ того же свидѣтельства, имѣло не одного, а многихъ представителей съ оттѣнками во взглядахъ [1]). Высшимъ выраженіемъ греческой философіи послѣдняго періода былъ Новоплатонизмъ, и ученіе Плотина, основателя Новоплатоновской школы, дастъ намъ лучшее понятіе о положеніи изучаемаго нами вопроса въ эту эпоху.

Плотинъ былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ геніальныхъ мыслителей и писателей древности и, по геніальности, вполнѣ заслуживаетъ быть поставленнымъ на одну линію съ Платономъ и Аристотелемъ. Но значеніе его философіи, сравнительно съ системами двухъ послѣднихъ, совершенно особенное. Философія Плотина, не въ переносномъ значеніи и не въ извѣстныхъ частяхъ только, а вся цѣликомъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова, есть общій итогъ, подведенный *цѣлому* развитію греческой мысли. Это доказывается не только тѣмъ, что Плотинъ принялъ въ соображеніе и пытался скомбинировать въ одно органическое цѣлое всѣ важнѣйшія доктрины предшественниковъ [2]), но даже и характеромъ его самостоятельныхъ, новыхъ положеній. Всѣ самостоятельныя усилія Плотина обращены на примиреніе и соглашеніе двухъ противуположныхъ направленій въ пониманіи мірового развитія, ярко выразившихся уже въ древней философіи, а именно монизма и дуализма. Вся мистическая система эманацій, основанная на гипотезѣ одного общаго начала и объясняющая послѣдующее двоеніе добра и зла, совершеннаго и несовершеннаго, постепеннымъ ослабленіемъ производительной силы, ухудшеніемъ продуктовъ истеченія по мѣрѣ удаленія ихъ отъ высшаго начала,—вся эта система есть несомнѣнно грандіозный опытъ примиренія двухъ противуположныхъ потребностей ума. Но дѣло примиренія, вездѣ трудное, въ философіи труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Гипотеза ухудшенія продуктовъ творенія предполагаетъ рядомъ съ высшимъ началомъ

---

[1]) Stob., Ecl. phys, l. c., 25 (836): ἄλλοι δέ, ὧν καὶ Νουμήνιος, οὐ τρία μέρη ψυχῆς μιᾶς. ἢ δύο γε, τὸ λογικὸν καὶ ἄλογον, ἀλλὰ δύο ψυχὰς ἔχειν ἡμᾶς οἴονται, ὥσπερ καὶ ἄλλοι, τὴν μὲν λογικὴν τὴν δὲ ἄλογον. .

[2]) Ср. Владиславлевъ. Философія Плотина. СП 1868. Глава семнадцатая

что-то другое, что̀ парализуетъ его творческіе акты и служитъ причиною менѣе и менѣе совершенныхъ результатовъ. Эманація есть раскрытіе содержанія высшаго начала. Такое раскрытіе содержанія, развитіе, движеніе, не могло бы быть въ то же время ухудшеніемъ, пониженіемъ, еслибъ оно не встрѣчало препятствій, задерживающихъ и ослабляющихъ его. Отсюда гипотеза начала мрака, матеріи, второго начала, къ которой неизбѣжно былъ приведенъ и Плотинъ, подобно всѣмъ спиритуалистамъ. Матерія, конечно, для Плотина есть μὴ ὄν, не сущее, но такъ или иначе это всетаки вторая сила во вселенной и, какъ ни избѣгаетъ нашъ философъ самаго разговора объ этой силѣ, она всетаки вездѣ проглядываетъ и тормозитъ его монистическія тенденціи, служа неисчерпаемымъ источникомъ противорѣчій и парадоксовъ. Все сказанное надо имѣть въ виду и при анализѣ психологическихъ взглядовъ Плотина. Человѣкъ есть микрокосмъ, въ анализѣ котораго у Плотина повторяется та же борьба монизма съ дуализмомъ. Сколько страницъ Плотинъ тратитъ на доказательство, что душа едина и неизмѣнна и что нетолько въ отдѣльныхъ функціяхъ индивидуальной жизни она пребываетъ единою, но таковою же остается и во всѣхъ индивидумахъ въ сложности [1]), и между тѣмъ нельзя ему опровергнуть факта, что дѣятельности индивидумовъ вообще, и каждаго въ частности, разнообразны, и что душа eo ipso содержитъ въ себѣ нѣсколько способностей, нѣсколько частей. Какъ же помирить это противорѣчіе? Плотинъ и тутъ употребляетъ ту же уловку, какъ въ теоріи мірового развитія. Онъ предполагаетъ, что матерія — въ данномъ случаѣ тѣло — объясняетъ дѣленіе, разнообразіе душевныхъ функцій (ἡ δ' ὕλη ἐμέρισε, какъ онъ поясняетъ примѣромъ зерна). Тѣло—органъ души [2]), и такъ какъ этотъ органъ имѣетъ много частей, то душа, распредѣляя свои силы по частнымъ органамъ [3]), въ извѣстномъ смыслѣ является дѣлимою (μεριστή), но не въ томъ смыслѣ, какъ у Стоиковъ [4]), которые тоже учили о распространеніи изъ души по органамъ ряда силъ и способностей, представлявшихъ основу для дробленія души на части, — а совершенно въ особомъ значеніи. Въ каждой части организма душа всетаки остается цѣльною и нераздѣльною, и такою же пребываетъ и въ цѣломъ организмѣ [5]). Слѣдовательно началомъ дѣленія

---

[1]) Ср Plotini opera, recogn. A. Kirchhof. Lips. 1856. Vol. I, глава VIII (Ed. Basil. 477—481).

[2]) L. c., I. C. XXVI, p. 258, 22 (E. B. 388): πρὸς γὰρ ταύτην τὴν ἀντίληψιν πᾶν τὸ σῶμα ὄργανον τῇ ψυχῇ παρεῖναι. Ср. ib. p. 257, 22.

[3]) L. c , ib. 258, 17.

[4]) Плотинъ неоднократно критикуетъ понятіе ἡγεμονοῦν ψυχῆς μέρος, находя, что кто такъ учитъ — ἀνεξετάστως λέγει, l. c., C IV, p. 47, 15 (363).

[5]) L. c., ib. 46, 18: μεριστὴ μὲν, ὅτι ἐν πᾶσι μέρεσι τοῦ ἐν ᾧ ἐστιν, ἀμέριστος δὲ ὅτι ὅλη ἐν πᾶσι καὶ ἐν ὁτῳοῦν αὐτοῦ ὅλη.

(μερισμός) являются состоянія тѣла, неспособнаго принять въ себя душу недѣлимою, а не состоянія души[1]). Итакъ душа одновременно должна быть признана и дѣлимою, и недѣлимою[2]). Понятіе способности, силы души (δύναμις, ἰσχύς) конечно получаетъ, вслѣдствіе такой теоріи, болѣе послѣдовательное примѣненіе у Плотина, чѣмъ у кого-либо изъ предшествующихъ философовъ[3]). Но, какъ мы увидимъ сейчасъ, отсюда же вытекаютъ и многія несообразности въ классификаціи душевныхъ явленій у Плотина. Считая душу вполнѣ независимой отъ тѣла, онъ естественно признаетъ извѣстную степень взаимодѣйствія между ними только въ тѣхъ дѣятельностяхъ, которыя очевидно совершаются при участіи тѣлесныхъ органовъ, какъ ощущеніе, аффектъ, желаніе. Тамъ же, гдѣ участіе органовъ незамѣтно, такъ сказать, для невооруженнаго глаза, Плотинъ, въ силу своихъ спиритуалистическихъ тенденцій, спѣшитъ отвергнуть всякое взаимодѣйствіе между тѣломъ и душою, и отсюда знаменитое его положеніе, что не душа находится въ тѣлѣ, а тѣло въ душѣ[4]), — иначе сказать, что душа представляетъ какъ бы болѣе широкую область, чѣмъ тѣло, которое служитъ необходимымъ органомъ только для нѣкоторой части этой области. Отсюда выводъ, что дѣятельности души, а слѣдовательно и способности ея, двоякаго рода — высшія и низшія, а такъ какъ способности — имманентная принадлежность души, то и душа нѣкоторымъ образомъ двоится на высшую и низшую[5]), и двоеніе это въ сущности надо понимать гораздо рѣзче, чѣмъ хочетъ сознаться Плотинъ, ибо низшія способности, проявляющіяся только при содѣйствіи тѣлесныхъ органовъ, конечно унизили бы достоинство мірового ума, отражающагося въ высшихъ душевныхъ функціяхъ нашихъ, еслибъ онѣ во всемъ своемъ объемѣ и содержаніи составляли его ингредіентъ. Оттого невольное противуположеніе въ нашей душѣ высшаго, божественнаго начала

---

[1]) L. c., ib 46, 27· μένει γὰρ μεθ' ἑαυτῆς ὅλη, περὶ δὲ τὰ σώματά ἐστι μεμερισμένη, τῶν σωμάτων τῷ οἰκείῳ μεριστῷ οὐ δυναμένων αὐτὴν ἀμερίστως δέξασθαι· ὥστε εἶναι τῶν σωμάτων πάθημα τὸν μερισμόν, οὐκ αὐτῆς.

[2]) L. c., ib. 47, 1: οὐχ οἷόν τε εἶναι ψυχὴν οὔτε ἀμέριστον οὖσαν μόνον οὔτε μόνον μεριστήν, ἀλλ' ἀνάγκη ἄμφω τοῦτον τὸν τρόπον εἶναι, ἐκ τῶνδε δῆλον. Cp. ib 46, 15: ἡ δ' ὁμοῦ μεριστή τε καὶ ἀμέριστος φύσις, ἣν δὴ ψυχὴν εἶναί φαμεν ... Cp. ib. 48, 10—25.

[3]) Ср. Владиславлевъ, у с., стр. 163.

[4]) L. c , C XXVI, p 258, 3 (E. B. 388): διὸ καὶ Πλάτων καλῶς τὴν ψυχὴν οὐ θεὶς ἐν τῷ σώματι ἐπὶ τοῦ παντός, ἀλλὰ τὸ σῶμα ἐν τῇ ψυχῇ, καί φησι τὸ μέν τι εἶναι τῆς ψυχῆς ἐν ᾧ τὸ σῶμα, τὸ δέ ἐν ᾧ σῶμα μηδέν, ὧν δηλονότι δυνάμεων οὐ δεῖται τῆς ψυχῆς τὸ σῶμα.

[5]) L. c., Vol. II, C. XLVII, p. 427, 18 (E. B. 5): διείλομεν δὴ τὰ κοινὰ καὶ τὰ ἴδια τῷ τὰ μὲν σωματικὰ καὶ οὐκ ἄνευ σώματος εἶναι (низшія способности, низшая душа), ὅσα δὲ οὐ δεῖται σώματος εἰς ἐνέργειαν, ταῦτα ἴδια ψυχῆς εἶναι.... Cp. ib 428, 3 (E. B. 6): διττὸν οὖν τὸ ἡμεῖς и т. д. Ср. I. C. XXVI, p. 259, 11—14 (E. B 389): τὸ μὲν γὰρ ἔδει σώματι διδόναι.., τὸ δὲ σώματι οὐδαμοῦ κοινωνοῦν.

(τὸ θειότατον)—низшему, подчиненному [1]). Итакъ и въ психологіи у Плотина дуализмъ сочетается съ монизмомъ, а отсюда—рядъ колебаній, неясностей, противорѣчій.

Посмотримъ теперь ближе, какія имснно способности признавалъ Плотинъ. Къ низшей душѣ принадлежатъ: αἴσθησις (αἰσθητικὴ φαντασία), πάθος, ἐπιθυμία и θυμός. Ощущеніе и аффектъ Плотинъ весьма ясно различаетъ, приписывая эти два рода явленій особымъ способностямъ [2]). Точно также ясно, что онъ не смѣшиваетъ желаніе и страстное начало [3]), а также различаетъ ихъ отъ ощущенія [4]). Но аффектъ и желаніе—двѣ способности, которыя Плотинъ не такъ ясно разграничиваетъ [5]). Можно однакоже думать, что допуская иногда неточности въ выраженіи, Плотинъ на дѣлѣ всетаки отличалъ аффектъ, какъ способность къ удовольствіямъ и страданіямъ, отъ желательной силы души, которая у него, подобно Платону, соотвѣтствовала «питающей душѣ» Аристотеля (τὸ θρεπτικόν), служа символомъ не только питательныхъ, но и производительныхъ и растительныхъ отправленій организма [6]). Способности высшей души не такъ легко назвать, ибо Плотинъ и вообще мало придаетъ значенія аккуратному перечню способностей души, въ виду положенія о ея единствѣ и неизмѣнности, относительно же высшей души онъ особенно неясно выражается, въ виду отсутствія осязательнаго критерія для различенія ея способностей по тѣлеснымъ органамъ, какъ было въ области низшихъ силъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что принципъ дѣленія высшихъ способностей совершенно другой, чѣмъ низшихъ. Для послѣднихъ основа была физіологическая, для первыхъ она логическая. Ставя центръ дѣятельности высшей души въ функціи познанія, Плотинъ различаетъ ея способности по характеру познавательныхъ отправленій. Отчетливо онъ отмѣчаетъ способность воображенія (τὸ φανταστικόν), къ которой повидимому

---

[1]) Ср. ib. II. C. XLIII, p. 363, 5 (E. B. 505). Божественному уму противуполагается совокупность способностей, которыя Плотинъ не безъ пренебреженія называетъ терминомъ φλυαρίαι πρὸς τὸ θνητὸν νεύουσαι. Тотъ же контрастъ выражается противуположеніемъ ошибочнаго мнѣнія, связаннаго съ ощущеніями,—непреложному разуму (ψευδὴς δόξα, νοῦς ἀναμάρτητος), ib. C. XLVII, p. 427, 6—26 (E B. 5). Умъ, какъ высшее начало, есть даже «въ нѣкоторомъ смыслѣ отдѣльная (χωριστός) и самостоятельная часть души». Ср. Владиславлевъ, у. с., стр. 184.

[2]) L. c., I C. XXV, p. 206 (E. B. 303).

[3]) См. напр. ib. 210, 29 (306). Также C. XXVI. 259, 20—30 (389). Ср. II. C XLVII, p. 427, 10 (5).

[4]) См. II C. XLIII, p. 363, 9 (505).

[5]) См. I. C. XXV, p. 206, 24 (303), также ib. 209, 22 (305), также ib. 211, 29 (307): ὅ ἐστι ῥίζα καὶ ἀρχὴ τοῦ ἐπιθυμοῦντος καὶ παθητικοῦ εἴδους

[6]) L. c, I. C XXVI, p. 259, 20—27 (389): ὅ γάρ τοι καὶ γεννᾷ καὶ τρέφει καὶ αὔξει, τοῦτο καὶ τούτων ἐπιθυμεῖν ἀνάγκη. Ср. ib. C. XXV, p. 211, 29 (307).

относится и сила памяти (μνημονευτικόν)[1]), силу разсудка (διάνοια) и умъ (νοῦς)[2]). Такъ какъ высшая и низшая части души представляютъ весьма рѣзкій контрастъ у Плотина, съ точки зрѣнія нравственной цѣны ихъ операцій, то въ ученіи его есть признаки постановки между той и другой еще третьей, переходной группы способностей, служащихъ средствомъ взаимодѣйствія между божественнымъ умомъ и низшими физическими отправленіями души[3]). Къ этой группѣ относятся повидимому ἀντίληψις (воспріятіе)[4]); низшая διάνοια (разсудочная дѣятельность, сопутствующая ощущеніямъ)[5]), а затѣмъ и фантазія съ памятью, при такой классификаціи, должны составлять тоже функціи средней души[6]), такъ что на долю высшей остаются ἡ διάνοια ἡ ἀληθής и νοῦς, двѣ способности, которыя различаются только по объекту своихъ отправленій: объектъ ума—высшій, сверхчувственный міръ, объектъ разсудочной дѣятельности—тѣ феномены, которые проникаютъ въ умъ чрезъ посредство ощущеній, фантазіи и воспріятія, и относятся къ чувственному міру. Такимъ образомъ Плотинъ окольными путями приходитъ къ тому же дѣленію душевныхъ способностей на три класса, съ котораго Платонъ и Аристотель прямо начали свое изложеніе, и Рихтеръ можетъ быть правъ, начиная изслѣдованіе Плотиновской классификаціи разграниченіемъ трехъ сферъ душевной жизни по Плотину[7]), хотя надо замѣтить, что этотъ ученый нѣсколько иначе опредѣляетъ частныя дѣятельности души въ двухъ высшихъ сферахъ, чѣмъ мы это сдѣлали (присоединяя къ той и другой между прочимъ понятіе воли, котораго мы не нашли у Плотина)[8]). Но если и могутъ быть разногласія въ пониманіи частностей Плотиновской классификаціи, то всетаки несомнѣнно, что понятія, въ нее входящія, заимствованы авто-

---

[1]) L. c., ib. p. 266, 22, 31 (394): τοῦ φανταστικοῦ ἄρα ἡ μνήμη, ср. ib. 267, 24 (395). Собственно эту способность правильнѣе было бы обозначить терминомъ μνημονευτικόν, который прямо противуполагается понятію αἰσθητικόν, такъ какъ τὰ φανταστικὰ δύο. Фантастикóн у Плотина просто способность представленія и въ этомъ смыслѣ и αἴσθησις — φαντασία (низшая) и μνήμη — φαντασία (высшая). Ср. Владиславлевъ, у с., стр. 180.

[2]) У Платона и Аристотеля ученіе о ступеняхъ познанія стоитъ совсѣмъ особо отъ ученія о способностяхъ души, и оттого мы объ немъ не говорили.

[3]) L. c., C. X, p. 106, 21 (491)· ὥσπερ δὲ ἐν τῇ φύσει τριττὰ ταῦτά ἐστι τὰ εἰρημένα, οὕτω χρὴ νομίζειν καὶ παρ' ἡμῖν ταῦτα εἶναι.... Ср. Zeller, l. c., III. 2, p 518.

[4]) Ср. Владиславлевъ, у. с, стр 179. Мы лично не убѣждены, чтобы ἀντίληψις составляла у Плотина особую способность, рядомъ съ фантазіей. Ср l. c., C. XXVI, p 267, 14 (394): ὁ δὲ λόγος ἀναπτύξας καὶ ἀπάγων ἐκ τοῦ νοήματος εἰς τὸ φανταστικὸν ἔδειξε τὸ νόημα οἷον ἐν κατόπτρῳ καὶ ἡ ἀντίληψις αὐτοῦ οὕτω καὶ ἡ μονὴ καὶ ἡ μνήμη

[5]) Ср. Владиславлевъ, у. с., стр. 191 (ἡ τῶν ψευδῶν λεγομένη διάνοια).

[6]) Это доказывается лучше всего связью памяти съ ощущеніями.

[7]) Arthur Richter, Neu-Platonische Studien, Heft IV. Die Psychologie des Plotin. Halle. 1867, p 61

[8]) Ср. ibid. p. 71 и слѣд. (Кар III u. IV).

ромъ частью отъ Платона, частью отъ Аристотеля[1]). Плотинъ далъ только новую ихъ комбинацію и снабдилъ каждое отчасти новымъ содержаніемъ. Но выиграло-ли отъ этого дѣленіе? Не трудно видѣть, что Плотиновская система способностей стоитъ несравненно ниже не только аристотелевской, но даже платоновской и стоической системы душевныхъ силъ, такъ какъ въ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, формальная основа классификаціи была одна,—у Плотина же распредѣленіе одного класса способностей основано на физіологическихъ данныхъ, дѣленіе другого имѣетъ логическую подкладку, третья группа, наконецъ, вытекаетъ изъ потребности наполнить промежуточными звеньями пропасть, созданную собственнымъ воображеніемъ автора. Ясно, что результатомъ такихъ ненаучныхъ комбинацій могла быть только и система ненаучная, искусственная, служащая новымъ образчикомъ паденія разумной психологіи въ послѣдній періодъ, а также примѣромъ тѣхъ заблужденій, къ которымъ неизбѣжно приводитъ постановка психологіи въ зависимость отъ этики, теоріи—отъ практическихъ постулатовъ.

Остается спросить себя, въ заключеніе, что́ сдѣлалъ Плотинъ по вопросу о выдѣленіи *чувствованій* въ системѣ психическихъ явленій? Относя чувствованія, желанія, ощущенія къ низшей душѣ, способности которой онъ группировалъ, основываясь на физіологическихъ соображеніяхъ, Плотинъ могъ имѣть болѣе правильный взглядъ на отношенія этихъ явленій, чѣмъ на отношенія высшихъ силъ души. Дѣйствительно, мы уже видѣли, что Плотинъ отличалъ аффекты, πάθη, отъ желаній, ἐπιθυμίαι. Παθητικόν—это та сила души, которая служитъ причиною состояній удовольствія и неудовольствія[2]). Очевидно Плотинъ раздѣлялъ въ этомъ вопросѣ наиболѣе правильный въ древности взглядъ Аристотеля. Это видно между прочимъ и изъ того обстоятельства, что онъ не ставитъ явленій чувствительности въ безусловную зависимость отъ нашихъ «мнѣній» о вещахъ, а, напротивъ, признаетъ возможность внезапнаго происхожденія первыхъ,—подъ вліяніемъ какого-либо инстинктивнаго сознанія, напр. объ опасности[3]).

---

[1]) Ср. Владиславлевъ, у. с., стр. 319 и Richter, l. c., p. 60. Болѣе Плотинъ заимствовалъ въ своемъ ученіи о способностяхъ повидимому отъ Аристотеля, тогда какъ въ метафизическомъ анализѣ души онъ, очевидно, по преимуществу выходилъ изъ платоновскихъ теорій. Въ этомъ сочетаніи конечно причина многихъ недостатковъ, потому что ученіе Аристотеля о способностяхъ рѣшительно не клеится съ ученіемъ о предсуществованіи души, о душепереселеніи и т. д.

[2]) L. c, I. C XXV, p. 210, 32 (306): οὐ μὴν ἀλλ' ἔτι λεκτέον. ὅτι ποτὲ τὸ παθητικὸν τῆς ψυχῆς λέγεται εἶναι. Λέγεται δὴ πάντως περὶ ὃ τὰ πάθη δοκεῖ συνίστασθαι· ταῦτα δέ ἐστιν οἷς ἕπεται ἡδονὴ καὶ λύπη

[3]) L c., ib. p. 211, 4 (306): τῶν δὲ παθῶν τὰ μὲν ἐπὶ δόξαις συνίσταται... τὰ δέ ἐστιν ὡς ἡγησάμενα αὐτὰ ἀπροαιρέτως ἐμποιεῖν ἐν τῷ πεφυκότι δοξάζειν τὴν δόξαν ὁ δ' ἐκτὸς τῆς δόξης

Однако Плотинъ, признавая независимость явленій удовольствія и страданія, не былъ достаточно проницателенъ, чтобы свести къ этимъ двумъ основамъ всѣ явленія чувствительности, и стремясь аристотелевскія идеи вездѣ сочетать съ платоновскими, въ понятіи θυμοειδές, θυμός, страстнаго начала, выдѣлилъ опять въ особую группу рядъ аффектовъ[1]), уничтоживъ этимъ самымъ цѣльность понятія παθητικόν.

Итакъ Плотинъ во всемъ сумѣлъ парализовать, такъ или иначе, тѣ здравые взгляды, которые онъ заимствовалъ, не безъ научнаго такта, отъ высшаго представителя греческой мысли, Аристотеля. Главная причина тому лежитъ конечно въ вышеуказанномъ преобладаніи практическаго, примирительнаго направленія. Послѣ Плотина греческая философія еще болѣе запуталась въ сѣтяхъ мистицизма и связаннаго съ нимъ ложнаго схематизма.

Въ ученіи о способностяхъ, впрочемъ, преемники Плотина мало отступали отъ своего учителя. Однако были новые оттѣнки въ ихъ взглядахъ. Такъ **Порфирій**, какъ мы можемъ заключать изъ отрывка его изслѣдованія о способностяхъ души, передаваемаго Стобеемъ, признавалъ повидимому только четыре способности — умъ, разсудокъ, силу фантазіи и способность ощущенія. Первыя двѣ онъ объединялъ въ высшемъ понятіи ума вообще, остальныя двѣ въ понятіи ощущающей души[2]). Какъ онъ понималъ отношеніе обѣихъ главныхъ силъ души — не вполнѣ ясно. Намъ кажется, что, подобно ближайшимъ предшественникамъ Плотина, онъ былъ склоненъ различать двѣ раздѣльныя души, а не только двѣ силы[3]). Это можно заключить отчасти и изъ ученія Порфирія о пневматическомъ тѣлѣ, въ которомъ странствуютъ души послѣ смерти до полнаго очищенія, послѣ котораго отъ высшаго духовнаго начала отдѣляются, вмѣстѣ съ воздушной оболочкой, и низшія способности души, и оно продолжаетъ жить чисто духовною жизнью[4]). Эти низшія способности, составляютъ, стало быть, по существу независимый отъ ума агрегатъ.

У **Ямвлиха** разграниченіе ума и души, какъ совершенно независимыхъ началъ, представляется такимъ же рѣзкимъ дуализмомъ, какъ ученіе Ну-

---

φόβος, ἐλθὼν ἄνωθεν αὖ ἀπὸ τῆς δόξης, οἷον σύνεσίν τινα παρασχὼν τῷ λεγομένῳ τῆς ψυχῆς φοβεῖσθαι Ср ib. 212, 9 (306).

[1]) Ср. Владиславлевъ, у. с., стр. 168

[2]) Stob, Ecl. Phys., l. c., 24 (p. 832).

[3]) Послѣднее думаетъ Zeller, l. c., III. 2, p. 589. Но что же значитъ фраза, встрѣчающаяся въ отрывкѣ Порфирія, приведенномъ у Стобея (ibid), а именно: οὐ γὰρ ἐκ μιᾶς ἥ τε νόησις οὐσίας ὁρμᾶται καὶ ἡ αἴσθησις, и далѣе. καὶ δεῖ ἄλλην μὲν θέσθαι τὴν τοῦ νοῦ δύναμιν καὶ «ἑτερογενῆ»... ἄλλην δὲ πάντῃ τὴν αἰσθητικήν?

[4]) Ср. Zeller, l. c., ib. p. 592 и 593.

менія о двухъ душахъ[1]). **Проклъ** очевидно тоже различалъ высшую и низшую душу, приписывая твореніе нѣкоторыхъ силъ послѣдней не деміургу, а подчиненнымъ богамъ[2]). Въ болѣе подробной классификаціи способностей онъ держится то платоновскихъ, то аристотелевскихъ опредѣленій[3]). Новымъ и интереснымъ въ его группировкѣ является только предположеніе еще особой познавательной способности, стоящей выше ума (νοῦ κρεῖττον),— это высшая сила самосознанія души (τὸ ἑαυτῆς ἓν), дающая возможность человѣку, по закону познанія равнаго равнымъ, проникнуть природу самого высшаго начала вселенной — эннады[4]). Умъ, по этому ученію, только вторая, по достоинству, сила души, соотвѣтствующая одноименному второму міровому началу. Эти мистическія грезы были достойнымъ заключеніемъ обратнаго движенія психологическаго сознанія въ послѣднюю эпоху греческой психологіи.

На основаніи разсмотрѣнныхъ нами главныхъ явленій въ развитіи изучаемаго вопроса въ древній періодъ[5]), мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) до классификаціи психическихъ *явленій*, какъ таковыхъ, т. е. какъ простыхъ эмпирическихъ фактовъ, греческая мысль вовсе не дошла; высшимъ, по психологической цѣнѣ, было ученіе о *способностяхъ* души, созданное Аристотелемъ и отъ него заимствованное нѣкоторыми послѣдующими мыслителями; ранѣе этого ученія о способностяхъ, а отчасти и послѣ него, господствовало ученіе о *частяхъ* души и даже о нѣсколькихъ самостоятельныхъ душевныхъ началахъ; 2) по исполненію своему въ частностяхъ, классификація большею частью была *случайнымъ* наборомъ психологическихъ понятій, болѣе всего бросавшихся въ глаза составителямъ, и господствующимъ недостаткомъ было отсутствіе общаго научнаго принципа въ группировкѣ; исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только классификація Аристотеля, основанная на принципѣ ступенеобразнаго развитія сознанія; 3) единственнымъ общепризнаннымъ дѣленіемъ души, было ея дѣленіе на *разумную* и *неразумную*, имѣющее очевидно подкладку не научную, т. е. теоретическую, а практическую — нравственную; среди классификацій, имѣв-

---

[1]) Cp. Zeller, l. c., p. 639 и 640, прим 1

[2]) Ibid p. 736.

[3]) Ibid. p. 737

[4]) Ibid. p 738, особенно прим 4

[5]) О другихъ менѣе крупныхъ представителяхъ греческой философіи, затрогивавшихъ мимоходомъ вопросъ о силахъ или частяхъ души, какъ въ эпоху мистицизма (Лонгинъ, Сиріанъ и др), такъ и въ прочіе періоды древней философіи, мы не упоминали, какъ по недостатку мѣста, такъ и по убѣжденію, что взгляды второстепенныхъ подражателей и передѣлывателей ничего не измѣняютъ въ общей оцѣнкѣ историческаго значенія эпохи и составляютъ поэтому ненужный балластъ въ историческомъ изложеніи.

шихъ теоретическую подкладку, преобладающую роль играла трихотомія души на жизненное начало, чувственное, и умственное (познающій принципъ); въ опредѣленіи отношеній двухъ первыхъ началъ господствовало болѣе всего разногласій; 4) *чувствованія*, при всѣхъ древнихъ способахъ группировки, постоянно составляли одну крупную, органически цѣльную единицу съ явленіями желанія, воли. Разграниченіе тѣхъ и другихъ явленій происходило иногда только при частномъ анализѣ общихъ единицъ дѣленія: въ этомъ отношеніи всего замѣчательнѣе аристотелевская группировка частныхъ моментовъ сензитивной души. Плотинъ тоже имѣлъ особое понятіе для выраженія совокупности явленій удовольствія и страданія, но за то выдѣлилъ часть феноменовъ этого порядка въ другое понятіе θυμός.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Средневѣковой періодъ.

Обратимся теперь къ среднимъ вѣкамъ, т. е. къ христіанской философіи перваго періода. Втеченіе всего этого времени, и даже до конца XVI вѣка, психологія осталась, до извѣстной степени, вѣрна традиціямъ греческой философіи. Но и въ этомъ періодѣ, хотя и лишенномъ производительной силы, способной совершить коренные перевороты въ направленіи какой-либо вѣтви научнаго познанія, мы тѣмъ не менѣе можемъ замѣтить своего рода развитіе, движеніе впередъ, приведшее безсознательно къ важнымъ перемѣнамъ въ положеніи изучаемаго вопроса. Этимъ объясняется тотъ любопытный фактъ, что смѣна моментовъ въ развитіи психологическаго сознанія въ средніе вѣка съ одной стороны обратна, съ другой стороны тождественна смѣнѣ ихъ въ древній періодъ. Обратный порядокъ касается характера усвоенія греческой науки. Патристика, будучи современна послѣднему періоду греческой философіи, стояла, подобно ей, на почвѣ мистицизма и эклектицизма, и отчасти тяготѣла къ стоическимъ теоріямъ. Постепенно мистицизмъ и эклектицизмъ стали ослабѣвать, подъ вліяніемъ потребности къ болѣе здравому и систематическому міровоззрѣнію, и христіанская философія, въ процессѣ усвоенія стараго, дошла до болѣе научныхъ идей аристотелевской и платоновской философіи. Но представляя, съ другой стороны, своего рода движеніе впередъ, средневѣковое познаніе прошло тѣже моменты развитія, какъ и греческое. Періодъ мистицизма и эклектицизма соотвѣтствовалъ досократовскому періоду младенчества греческой психологіи, эпоха Альберта Великаго и Ѳомы Аквината соотвѣтствуетъ второму, зрѣлому и высшему періоду греческаго развитія. Дунсъ Скотъ съ своимъ девизомъ «voluntas est superior

intellectu» вводитъ средневѣковую философію въ идеи сходныя съ тѣми, которыми отличался третій періодъ греческой философіи, наконецъ въ мистицизмѣ XIV, XV, и частью XVI вѣковъ, мы видимъ подобіе того движенія, которое происходило въ греческой философіи четвертаго періода[1]). Послѣ этого въ мысляхъ совершаются перевороты, которые справедливо считаются признакомъ новой эры развитія.

Патристическая психологія и схоластическая, до распространенія Арабскихъ переводовъ и сочиненій, стоятъ, какъ мы замѣтили, на почвѣ мистицизма и эклектицизма. Это особенно ясно обнаруживается въ ученіяхъ Патристовъ, которыя Губеръ не безъ основанія разбираетъ въ связи съ Новоплатонизмомъ[2]). Новоплатонизмъ, христіанская философія и гностицизмъ— три одновременныя движенія мысли, которыя ожесточенно боролись другъ съ другомъ въ первые вѣка нашей эры и между которыми восторжествовало то движеніе, которое въ нравственномъ отношеніи стояло выше прочихъ[3]). Но въ психологическихъ теоріяхъ эти три движенія выходили приблизительно изъ тѣхъ же началъ. Въ частности, въ ученіи о способностяхъ, преобладала, во всѣхъ трехъ направленіяхъ, идея единства души, входившая подъ часъ въ коллизію съ дуализмомъ, вытекавшимъ изъ нравственной потребности различенія въ человѣкѣ высшаго духовнаго начала, связаннаго съ божествомъ, и низшаго, связаннаго съ плотью и какъ бы для нея созданнаго. Классификація способностей «единой души» во всѣхъ трехъ направленіяхъ представлялась дѣломъ несущественнымъ, второстепеннымъ, и отсюда — господство эклектицизма и равнодушное допущеніе противорѣчій. У первыхъ христіанскихъ писателей, апологетовъ, ученіе о способностяхъ души поставлено еще слишкомъ неясно и заключаетъ въ себѣ только намеки, на которыхъ мы не будемъ останавливаться[4]).

На рубежѣ II и III вѣковъ являются два писателя, одинъ на западѣ— Тертулліанъ, другой на востокѣ — Климентъ Александрійскій, у которыхъ мы находимъ первые ясные признаки пробуждающагося интереса христіанскихъ мыслителей къ рѣшенію изслѣдуемаго нами вопроса. Но на востокѣ вопросъ этотъ занималъ христіанскихъ писателей болѣе, чѣмъ на западѣ. На западѣ только Августинъ внимательнѣе отнесся къ нему. На востокѣ, у Климента, Григорія Нисскаго и Немесія, мы встрѣчаемся съ болѣе подробнымъ анализомъ, хотя окончательнаго и вполнѣ опредѣленнаго рѣ-

---

[1]) Ср. Harms. Die Philos. in ihrer Gesch., I. p. 212.

[2]) Die Philosophie der Kirchenvater, Munchen 1859.

[3]) Ср. Huber, l. c., p 65 и слѣд

[4]) Ср. объ этой эпохѣ Stockl Die specul. Lehre vom Menschen, B. II, §§ 53 и 55.

шенія мы у нихъ и не находимъ. Разсмотримъ кратко, сначала ученія западныхъ писателей, потомъ восточныхъ[1]).

Тертулліанъ стоялъ за строгое единство и цѣльность души и не признавалъ ея дѣленія на части[2]). Тѣмъ не менѣе онъ различалъ въ душѣ способности (ingenia), и прежде всего противуполагалъ высшія, разумныя способности—низшимъ, неразумнымъ[3]). Это противуположеніе онъ выражалъ повидимому также понятіями animus (mens) и anima[4]). Какъ кажется, въ этомъ ученіи Тертулліанъ ближе всего стоялъ къ Эпикурейцамъ (Лукрецію), ибо страсти и желанія помѣщалъ, какъ они, въ разумную душу. Между функціями высшей души онъ ставилъ прежде всего разсудокъ и свободную волю[5]). **Лактанцій,** христіанскій риторъ, не смотря на свое скептическое отношнніе къ философіи вообще, имѣлъ однако же нѣкоторыя антропологическія представленія и, различая въ душѣ человѣка разумъ, способность ощущенія и способность рѣчи, по всей вѣроятности находился подъ вліяніемъ стоическихъ писателей[6]). Очевидно въ этихъ теоріяхъ нельзя искать чего-либо новаго и оригинальнаго. **Августинъ,** съ котораго многіе писатели ведутъ начало средневѣковой психологіи[7]), особенно настаивалъ на понятіи единой души и отождествлялъ идеи души и духа[8]). Способности единой души онъ перечислялъ различно. Лѣстница семи душевныхъ отправленій по степени достоинства, приводимая Карусомъ[9]), очевидно имѣетъ не психологи-

---

[1]) Изъ источниковъ первыхъ рукъ мы, къ сожалѣнію, могли достать только сочиненія Тертулліана (De anima), Климента, Немесія и Августина (De civit. Dei). Пособіями при изложеніи будутъ Huber (упом. соч.), Stockl (упом. соч.), Carus. Gesch d Psychol, Volkmann. Lehrb. d. Psych· I т, Stigler. Die Psychol. d. heil. Gregor v. Nyssa, Regensb. 1857 и др. менѣе важныя руководства, которыя мы и будемъ указывать въ свое время.

[2]) Biblioth. patrum ecclesiastic. Cur. Lindner, Fasc. IV. Tertull De anima. См С. 14 (anima indivisibilis): душа одна и нераздѣльна. Устройство ея сравнивается съ органомъ и, подобно ему, spiritus non separabitur in partes, quia per partes administratur, substantia quidem solidus, opera vero divisus. Ср. С. 10: о тождествѣ animae et spiritus: ipsa erit anima spiritus, sicut ipsa dies lux.

[3]) Ср. С 16· дѣленію души Платономъ на rationalis et irrationalis «et nos quidem applaudimus», но объ способности даны человѣку не при самомъ сотвореніи naturale enim rationale credendum est.. irrationale autem posterius intelligendum est, ut quod acciderit ex serpentis instinctu и т д

[4]) См ibid. С 12. Animus впрочемъ только особая функція (officium) animae.

[5]) Для Тертулліана мы, въ видѣ пособій, пользовались еще Губеромъ, l. c., p. 121 и слѣд., и Штиглеромъ, l с. р 53 и 54

[6]) Ср. Huber, l. c., p. 229. По Штеклю, l. c., II. p. 252, онъ различалъ въ душѣ, какъ и Тертулліанъ, разумъ и душу въ тѣсномъ смыслѣ.

[7]) См Harms, l. c, p. 205 и слѣд. Ср. также Carus, l. c., p. 373.

[8]) Ср. Volkmann, l. c., p. 24 Huber, l. c, p. 288 и слѣд. Мнѣніе Гюнтеровой школы (Stigler, l. c., p. 42) объясняется тѣмъ, что съ нравственной точки зрѣнія Августинъ дѣйствительно противуполагалъ добрую и злую душу и какъ бы училъ о двухъ душахъ (ср. Carus, l. c., p. 395); но въ психологіи Августина это воззрѣніе не имѣло примѣненій.

[9]) L. c., p. 393.

ческое, а нравственное значеніе; но и помимо этого замѣтны колебанія. Штёкль приписываетъ Августину различеніе въ душѣ вегетативной силы, сензитивной, и разума[1]). Это понятія аристотелевскія. Но это дѣленіе во всякомъ случаѣ не ясно у него обозначено. Повидимому психологическими теоріями своими, какъ и иными (Huber), Августинъ былъ болѣе всего обязанъ Новоплатоникамъ. Такъ можно думать изъ того мѣста «De civ. Dei», гдѣ онъ различаетъ: въ разумной душѣ разумъ, разсудокъ и волю, въ неразумной — память, ощущеніе и желаніе[2]). Но эту классификацію онъ сократилъ, и господствующимъ является различеніе трехъ силъ: памяти, разсудка и воли[3]), составляющихъ вмѣстѣ, подобно лицамъ св. Троицы, одну нераздѣльную душу и въ этомъ смыслѣ тождественныхъ другъ другу[4]). *Чувствованіямъ* при этомъ конечно не удѣлялось особаго мѣста, и Августинъ прямо признаетъ радость, печаль, страхъ и др. аффекты за проявленія воли[5]). О прочихъ представителяхъ западной церкви по нашему вопросу мало можно сказать интереснаго: **Кассіанъ** напр. держался платоновской классификаціи душевныхъ силъ[6]). Изъ нецерковныхъ писателей этого времени **Боэцій**, комментаторъ Аристотеля, придерживался, на оборотъ, аристотелевской классификаціи[7]).

На востокѣ традиціи древне-греческой философіи сохранились и полнѣе и чище, и потому не удивительно, если восточные авторы обнаруживаютъ бо́льшую обстоятельность въ своихъ психологическихъ ученіяхъ. Но, слѣдуя духу времени, и они не создали ничего новаго, а только комбинировали новыя христіанскія и прежнія языческія понятія. Напр., у Климента Александрійскаго и позднѣе у Немесія обнаруживается стремленіе соединить въ одно цѣлое, по возможности, всѣ понятія способностей, какія встрѣчались у Греческихъ философовъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ, христіанскихъ идей. Григорій Нисскій тоже едва-ли былъ чистымъ послѣдователемъ Аристотеля.

Климентъ можетъ считаться не только выразителемъ восточно-патристическихъ ученій, но въ частности и гностицизма, къ которому онъ былъ

---

[1]) L. c., p. 405.

[2]) Lib. V, C. XI. Animae irrationali dedit (т. е. Творецъ) memoriam, sensum, appetitum; rationali autem insuper mentem, intelligentiam, voluntatem.

[3]) См Huber, l. c., p. 296. Harms, l. c., p. 210, Volkmann, l. c, p. 24. Также Noack., Philos. gesch. Lexicon, I L, p. 64. и Stöckl, l. c., II, p. 410 и 411.

[4]) Ср. Carus, l. c, p. 394

[5]) De Civ Dei, Lib. XIV, C. VI: Nam quid est cupiditas et laetitia, nisi voluntas in eorum consensionem, quae volumus? Et quid est metus atque tristitia, nisi voluntas in dissensionem ab his, quae nolumus?

[6]) См. Carus, l. c., p. 398.

[7]) Ср. Stöckl, l. c., ib, p. 526.

склоненъ. Въ 16-ой главѣ 6-ой книги «Stromata» Климентъ придерживается стоической классификаціи способностей, присоединяя къ восьми силамъ души, которыя ими признавались, еще двѣ, а именно: силу образующую (leibbildende Kraft — по толкованію Губера, Lebensgeist des Fleisches — по переводу Штёкля) и силу Святаго Духа, могущую возникнуть изъ вѣры (τὸ διὰ τῆς πίστεως προσγιγνόμενον ἁγίου πνεύματος χαρακτηριστικὸν ἰδίωμα)[1]. Но въ этой же главѣ можетъ быть замѣчено, съ такою же ясностію, противуположеніе двухъ началъ, разумнаго и неразумнаго, духовной и тѣлесной души[2]. Наконецъ, въ 3-ей книгѣ Педагога, Климентъ явно высказывается, какъ послѣдователь платоновской трихотоміи души (τριγενοῦς οὖν ὑπαρχούσης τῆς ψυχῆς и т. д.)[3]. Послѣ Климента, въ ученіи **Оригена**, мы находимъ болѣе рѣзкое противуположеніе души и ума (духа). Душа занимаетъ посредствующее мѣсто между тѣломъ и умомъ, и къ ней относятся способности воспріятія и представленія съ одной стороны, желанія и аффекты съ другой стороны[4]. Но Оригенъ, какъ психологъ, едва ли можетъ быть поставленъ наравнѣ съ Климентомъ. **Григорій Нисскій** чаще всего склоняется къ аристотелевскому ученію о способностяхъ души (νοῦς, αἰσθήσεις, θρεπτικὴ δύναμις)[5]. Но ему же принадлежитъ позднѣе централизація всѣхъ способностей, въ духѣ Стоиковъ, подъ верховнымъ началомъ ума[6]. Въ третьемъ случаѣ, наконецъ, Григорій беретъ за основаніе своихъ нравственныхъ теорій платоновское распредѣленіе душевныхъ силъ[7]. Къ тому же платоновскому ученію склоняется и **Григорій Назіанзинъ**[8]. Сочиненіе **Немесія** «О природѣ человѣка», при первомъ знакомствѣ съ нимъ, совершенно сбиваетъ съ толку, потому что мы встрѣчаемъ у него нѣсколько различныхъ и несогласныхъ классификацій (Главы V, XIV, XV, XXVI) и повидимому съ каждою изъ нихъ онъ самъ соглашается. Эта кажущаяся непослѣдовательность объ-

---

[1]) Clem. Alex. Opera, ex recens. Dindorfii. Vol. III, p. 223 и слѣд. Ср. Huber, l. c., p. 146.

[2]) Τὸ λογιστικὸν καὶ ἡγεμονικόν, и ἄλογον μέρος или ζωτικὴ δύναμις, или иначе πνεῦμα σωματικόν, благодаря которому αἰσθάνεται ὁ ἄνθρωπος, ἐπιθυμεῖ, ἥδεται, ὀργίζεται, τρέφεται, αὔξεται, l. c., p. 224 (136). Ср. Volkmann, l. c, p. 23. Также Stöckl, l. c, p. 164.

[3]) Clem. Alex., l. c., Vol. I, p. 325 (L. III. C. I, S. 1): νοερόν или λογιστικὸν γένος, θυμικόν θηριῶδες, и ἐπιθυμητικόν. Прежніе гностики, напр. Валентиніанцы, тоже придерживались платоновской трихотоміи души, ср. Stockl, l. c, II, p. 58.

[4]) Ср. Huber, l. c., p. 175. По мнѣнію Штекля, Оригенъ впрочемъ не далъ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ объ отношеніяхъ ума, души и тѣла. Ср. l. c., II, p. 201.

[5]) См. Stigler, l c, p. 43—46 и слѣд. Ср. Volkmann, l. c, p. 24. Также Huber, l. c., p. 196, Carus, p. 377 и Stockl, l. c., p. 295, особ. примѣч. 10.

[6]) Volkmann, l. c, p. 24.

[7]) Ср. Carus, l. c, p. 381.

[8]) Volkmann, l c., ibid.

ясняется тѣмъ предположеніемъ, что Немесій вовсе не намѣревается дать самъ какую-либо опредѣленную классификацію психическихъ силъ, самостоятельную или заимствованную, а имѣетъ въ виду единственно историческую задачу — разобрать содержаніе всѣхъ понятій способностей, которыя были созданы греческими мыслителями, выходя повидимому изъ положенія эклектиковъ, что главные представители греческой философіи расходились только въ словахъ, на дѣлѣ же ученія ихъ другъ другу не противорѣчатъ. Поэтому, разобравъ извѣстный кругъ способностей, онъ приводитъ другую ихъ классификацію и затѣмъ приступаетъ къ подробному разбору тѣхъ новыхъ попятій, которыя она представляетъ въ сравненіи съ прежнею и которыя остались еще неизслѣдованными, и т. д. [1]). Первый перечень способностей повидимому въ связи съ ученіемъ Плотина: тѣло называется органомъ души и психическія способности (ψυχικαὶ δυνάμεις) дѣлятся на фантазію, разсудокъ и память (φανταστικόν καὶ διανοητικὸν καὶ μνημονευτικόν)[2]). Это дѣленіе представляетъ извлеченіе изъ Плотиновской группировки, заимствованное можетъ быть отъ какого-нибудь позднѣйшаго Новоплатоника. Въ частномъ разборѣ первой способности ясно новоплатоновское вліяніе: φανταστικόν признается силою неразумной души (τῆς ἀλόγου ψυχῆς) и отождествляется съ чувственнымъ воспріятіемъ, органы его — внѣшнія чувства[3]). Но уже въ анализѣ второй силы замѣтно вліяніе Стоиковъ. Частными способностями ея признаются: αἵ τε κρίσεις καὶσυγκαταθέσεις καὶ ἀποφυγαὶ καὶ ὁρμαὶ[4]), — все это стоическія понятія въ видоизмѣненной группировкѣ[5]). Въ слѣдующемъ затѣмъ различеніи въ разумной душѣ разума и слова: ἐνδιάθετος λόγος и προφορικὸς λόγος (φωνή)[6]), Немесій опять, можетъ быть, находится подъ вліяніемъ Стоиковъ. Затѣмъ онъ даетъ аристотелевское дѣленіе и приступаетъ къ анализу неразумной души, дѣля её, подобно Стагириту, на двѣ части: τὸ ἐπιπειθὲς λόγῳ и ту, которая οὐ πείθεται λόγῳ. Но въ новомъ дробленіи первой изъ нихъ онъ переходитъ къ платоновскимъ понятіямъ τὸ ἐπιθυμητικὸν и τὸ θυμικόν[7]), и слѣдующія главы посвящены разбору содер-

---

[1]) Ср. l. c, C. XV; περὶ μὲν οὖν τοῦ λογικοῦ ἐν τοῖς προλαβοῦσιν εἴρηται· περὶ δὲ τοῦ ἀλόγου νῦν διαληψόμεθα Также глава XXVI: τὰ δὲ ὄργανα τῶν μὲν ἄλλων ἔμπροσθεν εἴρηται· τῆς δὲ κατὰ προσαίρεσιν κινήσεως νῦν ἐροῦμεν.

[2]) L. c., C. V.

[3]) L. c, C. VI: φανταστικὸν μὲν οὖν δύναμις.. διὰ τῶν αἰσθητηρίων ἐνεργοῦσα (75) и далѣе, ἔστι δὲ αἰσθητήρια μὲν πέντε· αἴσθησις δὲ μία, ἡ ψυχικὴ, ἡ γνωρίζουσα διὰ τῶν αἰσθητηρίων τὰ ἐν αὐτοῖς γινόμενα πάθη.

[4]) L. c, C. XII (p. 91).

[5]) Ср. выше, стр. 28.

[6]) L. c., C. XIV.

[7]) L. c., C. XVI (p. 97).

жанія этихъ платоновскихъ понятій. Съ XXII главы Немесій снова переходитъ къ понятіямъ аристотелевскимъ и разбираетъ функціи питающей души. Въ XXVI-ой онъ даетъ новое дѣленіе души: на силы собственно-душевныя, и силы жизненныя и физическія (φυσικαὶ δὲ καὶ ζωτικαί). Послѣднія онъ приблизительно отождествляетъ съ силами разобранной питающей души [1]). Первыя дѣлитъ на способность ощущенія и силу движенія. Къ понятію движенія (можетъ быть подъ вліяніемъ Панэція) онъ относитъ нѣсколько функцій: передвиженіе тѣла, голосовыя движенія и дыхательныя [2]), каковыя отправленія онъ потомъ и разбираетъ подробнѣе. При всемъ томъ, Немесій повидимому не прочь присоединиться къ мнѣнію о коренномъ различіи разумной и неразумной души, какъ потому, что неразумная душа встрѣчается особнякомъ въ животныхъ, такъ и потому, что неразумную душу было бы нелѣпо (τῶν ἀτοπωτάτων) считать за часть души разумной [3]). Въ виду такого разнообразія различеній [4]), едва-ли правильно было бы приписывать Немесію какіе-нибудь опредѣленные взгляды на предметъ [5]). Немесій — историкъ и затѣмъ замѣчательный аналитикъ: каждое понятіе онъ разбираетъ до тонкостей, и Карусъ правъ, говоря, что Немесію принадлежитъ первая настоящая антропологія [6]), т. е. всестороннее описаніе отправленій человѣка. Еслибъ Немесій обладалъ сверхъ того даромъ критики [7]) и классификаціи, то его сочиненіе несомнѣнно составило бы эпоху въ психологіи. Въ настоящемъ видѣ оно является скорѣе интереснымъ историческимъ памятникомъ. Въ своемъ подробномъ анализѣ Немесій касается, конечно, и вопроса о *чувствованіяхъ*, но, какъ видно изъ XVII главы его сочиненія, не различаетъ, подобно предшественникамъ, чувствованій удовольствія и страданія отъ явленій желанія [8]). Послѣ Немесія можно упомянуть еще объ ученіяхъ Іоанна Филопона въ VI в., Максима Исповѣдника въ VII в. и Іоанна Дамаскина въ VIII в.

---

[1]) L. c., C. XXVI. Новое понятіе мы встрѣчаемъ у него здѣсь въ δύναμις σφυγμική, силѣ пульсаціи; понятіе это указываетъ на вліяніе Галена и вообще медицинской школы, что̀ подтверждается и собственными словами Немесія, напр. во II-й главѣ (p. 53).

[2]) Здѣсь опять замѣтно вліяніе медицинской школы.

[3]) Приводя эти аргументы, Немесій, по крайней мѣрѣ, ихъ не опровергаетъ. L. c., C XVI (p 97).

[4]) Cp. Carus, l. c., p. 383—390.

[5]) Такъ дѣлаетъ Huber, l. c., p. 324.

[6]) L c., p. 381.

[7]) Нѣкоторыя критическія наклонности у него несомнѣнно есть, какъ видно изъ первыхъ главъ его сочиненія, но онъ не примѣняетъ ихъ къ рѣшенію вопроса, насъ интересующаго.

[8]) Πάλιν δὲ τὸ ἐπιθυμητικὸν διαιρεῖται εἰς δύο, εἰς ἡδονὰς καὶ λύπας· ἐπιτυγχάνουσα γὰρ ἡ ἐπιθυμία ἡδονὴν ἐμποιεῖ, ἀποτυγχάνουσα δὲ λύπην (p. 99); ср. главу XVI (p. 98).

Іоаннъ Филопонъ, выходя изъ аристотелевскихъ понятій, создалъ новую варіацію на старую тему. Признавая субстанціальность каждой части души, онъ утверждалъ, что въ человѣкѣ существуютъ три особыя души, которыя только кажутся одною, ибо онѣ постоянно дѣйствуютъ вмѣстѣ: двѣ низшія служатъ орудіемъ высшей [1]). **Максимъ Исповѣдникъ** дѣлитъ душу на активную и пассивную; первая обладаетъ способностями познанія и воли, вторая распадается на часть, подчиняющуюся разуму (способность желанія), и часть, ей не подчиненную (питающая душа) [2]). **Іоаннъ Дамаскинъ** настаиваетъ опять на единствѣ ума и души [3]) и не даетъ ничего новаго, отказываясь сознательно въ своихъ сочиненіяхъ отъ всякой самостоятельности мышленія [4]): въ ученіи о способностяхъ души онъ примыкаетъ къ Аристотелю [5]).

Изъ сдѣланнаго обозрѣнія патристическихъ ученій ясно, что ни одного крупнаго новаго понятія въ области изучаемаго нами вопроса въ эту эпоху не было создано, и ни одна классификація не представляетъ такихъ новыхъ основаній, которыя бы подвинули дѣло впередъ. Искусственное сочетаніе старыхъ понятій, случайно заимствованныхъ изъ разныхъ системъ, построенныхъ греческими мыслителями,—вотъ единственная форма, въ какой проявлялась классификація психическихъ явленій въ эпоху патристики. Любопытною представляется только Августиновская попытка поставить *волю* среди понятій, обозначающихъ главныя силы души. Такое нововведеніе объясняется вліяніемъ христіанской этики, и мы увидимъ ниже, какое важное значеніе получаетъ это понятіе во всей средневѣковой психологіи.

Подъ вліяніемъ внѣшнихъ, политическихъ переворотовъ и внутреннихъ причинъ, заключавшихся въ развитіи самого христіанства, окрѣпшаго и выработавшаго органическую систему догматовъ въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами, писательская, по преимуществу апологетическая, дѣятельность Отцовъ церкви постепенно ослабѣвала и наконецъ прекратилась. Но стремленіе ознакомиться съ результатами греческаго познанія ослабѣло не надолго. Новое движеніе явилось съ развитіемъ и основаніемъ школъ при Карлѣ Великомъ, и интересъ къ усвоенію плодовъ древней образованности сталъ все болѣе возрастать, по мѣрѣ распространенія произведеній греческихъ философовъ. Въ первую эпоху схоластики, т. е. до XIII в., при малочисленности источниковъ, ознакомленіе съ древней философіей и самые интересы, изъ него вытекав-

---

[1]) Huber, l. c., p. 326. Ср. Stöckl. l. c., p. 497.
[2]) Huber, l. c, p. 353, прим. 218.
[3]) Ср. Volkmann, l. c., p. 24.
[4]) Ср. Huber, l. c, p. 359.
[5]) Ср. Stöckl, l. c., II, p. 522.

шіе, были односторонни. Въ этомъ періодѣ психологія стояла почти на той же ступени развитія, какъ въ патристическую эпоху. Только послѣ распространенія Арабской философіи, она сдѣлала значительные успѣхи.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи находилось ученіе о способностяхъ души до Арабскихъ философовъ. Исторія схоластической философіи прекрасно обработана въ сочиненіи Штёкля[1]) и, не имѣя времени и возможности прослѣдить развитіе нашего вопроса въ эпоху схоластики по первымъ источникамъ[2]), мы будемъ основывать свое изложеніе главнымъ образомъ на трудѣ этого добросовѣстнаго ученаго, такъ какъ для насъ важны не столько подробности, сколько общій смыслъ ученій.

Въ схоластической наукѣ перваго періода мы встрѣчаемъ уже бо́льшую потребность къ систематическимъ построеніямъ въ области психологіи, чѣмъ въ эпоху патристики; но мистицизмъ продолжаетъ господствовать, и всѣ системы, поэтому, стоятъ на искусственной, воображеніемъ созданной почвѣ. Исходною точкою служатъ по преимуществу платоновскія и новоплатоновскія понятія. Стоическія идеи, преобладавшія въ ученіяхъ Отцевъ церкви перестаютъ оказывать замѣтное вліяніе на группировку душевныхъ силъ. Аристотелевскія понятія, какъ и въ эпоху патристики, стоятъ на второмъ планѣ. Вліяніе оригинальныхъ христіанскихъ идей замѣтно возрастаетъ и теорія душевныхъ способностей ставится въ тѣсную связь съ ученіями о Св. Тройцѣ и объ искупленіи. Главный интересъ сосредоточенъ на опредѣленіи ступеней познанія, и логическія соображенія преобладаютъ надъ психологическими. Единство души, за немногими исключеніями, служитъ основою дальнѣйшихъ построеній, и рѣчь идетъ въ большинствѣ случаевъ о способностяхъ, а не о частяхъ души. *Чувствованія* въ понятіи аффектовъ по прежнему сливаются съ явленіями воли, а понятіе воли, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, получаетъ все болѣе возрастающее значеніе.

Въ числѣ лицъ, призванныхъ Карломъ Великимъ въ концѣ VIII в., для преподаванія въ Палатинской школѣ, находился монахъ **Алкуинъ**, и въ сочиненіи о душѣ (De animae ratione), имъ написанномъ, находятся интересныя указанія на классификацію душевныхъ функцій, какъ онъ её понималъ. Душа— простая, недѣлимая и единая сущность, по мнѣнію Алкуина; но въ своей дѣятельности она проявляетъ различныя силы и вслѣдствіе этого обозначается разными именами: «anima est, dum vivificat; dum contemplatur, spiritus est; dum sentit, sensus est; dum sapit, animus est; dum intelligit, mens

---

[1]) Geschichte der Philos. d. Mittelalters, Mainz. 1864 — 66. III тома въ 4 кн. I-й относится весь къ эпохѣ, къ которой мы теперь переходимъ.

[2]) Таковыхъ не имѣется въ нашихъ рукахъ.

est; dum discernit, ratio est; dum consentit, voluntas est; dum recordatur, memoria est»[1]). Вся эта система понятій, хотя и обнаруживаетъ слѣды самостоятельности автора, тѣмъ не менѣе имѣетъ главной подкладкой новоплатоновскую классификацію способностей и притомъ, повидимому, въ Августиновской ея переработкѣ. Въ IX вѣкѣ **Іоаннъ Скотъ Эригена** своимъ сочиненіемъ «De divisione naturae», въ которомъ между прочимъ проявляется впервые стремленіе примирить философію съ религіей—подчинивъ авторитетъ началу разума, положилъ болѣе прочное начало схоластической философіи, почему и считается обыкновенно ея основателемъ. Въ классификаціи способностей Эригена, яснѣе другихъ, обнаруживаетъ на себѣ вліяніе Новоплатонизма. Подобно Плотину, Іоаннъ Эригена колеблется между признаніемъ единой души, которая вся цѣликомъ есть жизнь, есть разсудокъ, есть разумъ, есть чувство и есть память, и потребностью разграничить жизненную силу, образующую и оживляющую тѣло, отъ высшей части души, не имѣющей никакого соприкосновенія съ органами тѣла[2]). Низшей душѣ онъ приписываетъ растительныя функціи, чувственное желаніе и чувственное воспріятіе, составляющее низшую познавательную силу[3]). Въ фантазіи и памяти, подобно Плотину, онъ различаетъ два момента и ставитъ эти два отправленія какъ бы на границѣ, въ видѣ посредствующей ступени, между высшими и низшими отправленіями души[4]). Высшія способности онъ дѣлитъ на разсудокъ (intellectus), разумъ (ratio) и внутреннее чувство (sensus interior)[5])[6]) и, подобно Новоплатоникамъ и Августину, ставитъ ихъ въ связь съ моментами высшаго начала, а именно съ лицами Св. Тройцы: разумъ соотвѣтствуетъ Богу-Отцу, разсудокъ—Богу-Сыну, внутреннее чувство Святому духу[7]). Но такъ какъ три момента Божественной сущности ставятся имъ, кромѣ того, въ связь съ тремя метафизическими понятіями οὐσία, δύναμις и ἐνέργεια, то и упомянутыя три способности высшей души приводятся въ соотвѣтствіе съ сими послѣдними[8]).

Послѣ Эригены вниманіе ученыхъ на нѣкоторое время было всецѣло поглощено знаменитымъ споромъ о природѣ общихъ понятій, и остальные психологическіе вопросы отступили на второй планъ; когда

---

[1]) Cit. ap. Stoeclum, l. c., p. 19.
[2]) См. Stöckl, l. c., p. 92 и 93.
[3]) Ib., p. 92 и p. 79.
[4]) Ib., p. 80.
[5]) Эта способность напоминаетъ Прокловскую силу самосознанія.
[6]) См. Stöckl, l. c., p. 79.
[7]) Ib., p. 82.
[8]) Ib., p. 83.

заходила рѣчь о составѣ души, то повторялось, безъ особенныхъ перемѣнъ, ученіе Іоанна Эригены. Такъ, напр., **Абеляръ** — прямой послѣдователь Эригены и, подобно ему, уподобляетъ высшія познавательныя силы души лицамъ Св. Троицы [1]). Однакоже въ первой половинѣ XII вѣка, въ самый разгаръ борьбы за universalia, въ монастырѣ Св. Виктора въ Парижѣ, была основана философская школа, которая опять обратила вниманіе ученыхъ на рѣшеніе разносторонних психологическихъ проблеммъ. Основателемъ этой школы былъ **Гугонъ** (Hugo). Гугонъ въ своемъ сочиненіи «о душѣ», въ четырехъ книгахъ, настаивая, подобно предшественникамъ, на единствѣ и простотѣ духовнаго начала, во первыхъ противуполагаетъ чувственныя отправленія души разумнымъ [2]), затѣмъ называетъ главныя три силы души аристотелевскими терминами: жизненной силы, чувственной души и разума; но противуполагая, кромѣ того, способность воспріятія способности желанія, онъ каждой изъ упомянутыхъ трехъ силъ приписываетъ особую функцію воспріимчивости и особое волевое отправленіе [3]). Распредѣленіе функцій воспріимчивости обнаруживаетъ повидимому вліяніе новоплатоновское, вѣроятно чрезъ посредство Эригены. Дѣленіе волевыхъ отправленій на чувственное желаніе, волю и духовное желаніе возникло повидимому самостоятельно. Постановка развитія души въ соотвѣтствіе съ развитіемъ моментовъ Св. Троицы уже основывается не на логическихъ, а на этическихъ соображеніяхъ [4]) и, кажется, не имѣетъ никакой связи съ группировкой способностей. Кромѣ того Гугонъ авторъ теорій: о трехъ моментахъ высшей познавательной дѣятельности (cogitatio, meditatio и contemplatio) [5]) и о трехъ глазахъ разумной души, чрезъ которыя она по очереди созерцаетъ тѣлесный міръ, себя самое и наконецъ Бога [6]). Гармсъ видитъ въ этомъ послѣднемъ ученіи явное вліяніе Платонизма, и затѣмъ высказываетъ мысль, съ которой нельзя не согласиться, а именно, что психологія Гугона была болѣе этикой, нежели физикой [7]): въ строгую систему понятія различныхъ душевныхъ отправленій очевидно не были имъ приведены.

Болѣе систематичности и единства представляютъ построенія другого настоятеля школы Св. Виктора, **Рихарда**, ученика и преемника Гугона. Онъ различаетъ въ человѣкѣ высшія и низшія способности, духъ (spiritus) и

---

[1]) Ib , p 260 и 261.
[2]) Cp. Carus, l. c , 405.
[3]) Stöckl , l. c , p. 335.
[4]) Cp. ib., p. 315.
[5]) Ib., p. 352.
[6]) Harms, l. c., p. 213.
[7]) Ib., p. 215.

душу (anima), какъ двѣ силы одной, простой сущности. Какъ познавательная сила, эта сущность есть духъ; какъ сила, дающая жизнь и служащая источникомъ чувственнаго воспріятія и чувственнаго желанія, она называется душою [1]). Въ душѣ, какъ цѣломъ, кромѣ этого различенія, съ нравственной точки зрѣнія, высшихъ и низшихъ отправленій, — Рихардъ разграничиваетъ психологически силу разума, источникъ познанія, отъ силы стремленія (affectio), источника волевой дѣятельности; первой онъ подчиняетъ фантазію, второй чувственность. Но въ познавательныхъ отправленіяхъ, рядомъ съ воображеніемъ и разсудкомъ, онъ отмѣчаетъ еще третій моментъ ума (intelligentia), приписывая каждой изъ этихъ силъ особый родъ дѣятельности (ex imaginatione cogitatio, ex ratione meditatio, ex intelligentia contemplatio) [2]). Очевидно, что понятія въ этой системѣ заимствованы бо́льшею частью отъ предшественника и что, не смотря на различныя перестановки, прибавлявшіяся въ каждомъ поколѣніи, и въ этой системѣ еще можно найти слѣды новоплатоновскихъ мистическихъ вліяній. Вліяніе Платонизма во всѣхъ его формахъ еще яснѣе обнаруживается въ ученіяхъ современника Рихарда, Исаака Стеллы, который, по мнѣнію Штёкля, представляетъ много сходства съ Викторинцами въ своихъ психологическихъ ученіяхъ. **Исаакъ Стелла**, выразивъ сначала протестъ противъ всякаго дѣленія души на части, различаетъ въ ней затѣмъ три коренныя силы: разсудокъ, желаніе и страстность (est igitur anima rationalis, concupiscibilis, irascibilis) [3]), — высшее, низшее и среднее въ душѣ. Эти понятія, очевидно, чисто платоновскія. Соединяя затѣмъ двѣ послѣднія силы въ общемъ понятіи аффекта и приписывая разуму познавательныя отправленія, онъ разчленяетъ послѣднія на пять ступеней — ощущеніе, фантазія, разсудокъ, разумъ и умъ. Въ этой классификаціи мы опять узнаемъ Августиновскія, т. е. видоизмѣненныя новоплатоновскія, идеи. Монахъ **Альхеръ**, съ которымъ Исаакъ Стелла находился въ перепискѣ, написалъ тоже психологическое сочиненіе «De spiritu et anima», въ которомъ онъ группировалъ познавательныя способности совершенно одинаково съ Исаакомъ [4]). Остальные писатели этой эпохи представляютъ мало интереснаго и въ ихъ ученіяхъ безъ всякой системы и критики комбинируются понятія, взятыя отчасти у писателей школы Св. Виктора, отчасти у Отцевъ церкви. Атропологія **Петра Ломбардскаго**, напр., обна-

---

[1]) Stöckl., l c., p. 369.
[2]) Ib., p. 370 и 371.
[3]) Ibid., p. 385, 386 и слѣд.
[4]) Ibid., p. 389 и 390.

руживаетъ смѣшанное вліяніе Августина и Гугона[1]), **Іоаннъ Саллисберійскій,** подражая въ своей системѣ ученію Викторинцевъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ образчикъ полнаго смѣшенія понятій, ибо аффекты ставитъ въ исключительную зависимость отъ фантазіи и отъ силы воспроизведенія[2]). Только ученіе **Алана Риссельскаго** о двухъ отдѣльныхъ душахъ, разумной и физической, представляетъ совершенно особое проведеніе новоплатоновскихъ воззрѣній[3]).

Во всякомъ случаѣ изъ даннаго очерка ясно видно, что въ первый періодъ схоластики господствовалъ духъ Новоплатонизма и соединеннаго съ нимъ мистицизма. Оттого ученія о ступеняхъ познанія занимали главное мѣсто, ученія же объ общихъ функціяхъ души стояли на второмъ планѣ. Иногда даже частныя познавательныя способности ставились на одну степень съ общими силами всей души, и послѣднія поглощались первыми, имѣвшими количественное превосходство. При такомъ положеніи дѣла, явленія *чувствительности* и воли не только сливались во едино въ понятіи аффекта, но вмѣстѣ съ послѣднимъ часто терялись посреди преобладающаго большинства понятій другого порядка. Только иногда аффекту придавалось значеніе одной изъ главныхъ способностей, но только благодаря тому, что съ этимъ понятіемъ была связана нравственная идея *свободной* воли. Сторона же чувствительности почти совсѣмъ упускалась изъ виду. Важнѣе всего въ эту эпоху еще неясно формулированная попытка Викторинцевъ противупоставить обыкновенному дѣленію души на три части различеніе во всѣхъ коренныхъ отправленіяхъ ея — познавательной и желательной силы.

Громадный переворотъ въ схоластической наукѣ совершился послѣ XII вѣка, благодаря распространенію новыхъ переводовъ и комментаріевъ на сочиненія Аристотеля. Переворотъ этотъ имѣлъ слѣдствіемъ замѣну симпатій къ Новоплатонизму, симпатіями къ перипатетическимъ ученіямъ. Главную роль въ этомъ переворотѣ играли Арабскіе философы, особенно Ависенна и Аверроэсъ, а отчасти и Іудейскіе, напр. Моисей Маймонидъ и его школа, принявшая на себя трудъ перевода на латинскій языкъ работъ Арабскихъ философовъ надъ сочиненіями Аристотеля.

И Арабскіе философы, подобно западнымъ представителямъ средневѣковаго знанія, начали съ усвоенія новоплатоновскихъ ученій, какъ болѣе доступныхъ и симпатическихъ, по своей таинственности, для начинающаго

---

[1]) Ср. ibid., p. 406 и 407: понятія памяти, ума и любви, а затѣмъ чувственности, разума и воли вѣроятно частью заимствованы отъ перваго, частью отъ второго.

[2]) Ibid., p. 427.

[3]) Ср. ib., p. 418

свое философское развитіе народа. Но они гораздо ранѣе перешли къ реальному аристотелевскому направленію мышленія, чѣмъ ученые запада и служили «руководителями послѣднихъ къ философіи Аристотеля»[1]). Однако въ X в., ранѣе Ависенны, Арабы въ своей психологіи и антропологіи находились еще подъ вліяніемъ Галена[2]), а Галенъ, какъ извѣстно, придерживался Платоновскихъ понятій о душевныхъ силахъ[3]). Только въ представленіяхъ своихъ о всеобщей душѣ они были подъ давленіемъ Новоплатонизма[4]). Впрочемъ, въ ученіи о способностяхъ, Арабы X вѣка, какъ обнаруживаютъ ихъ взгляды по этому вопросу въ изложеніи Dieterici, представляютъ уже соединеніе платоновскихъ представленій съ аристотелевскими[5]). Этимъ объясняется между прочимъ, почему у Ависенны, не смотря на близкое родство его теоріи о силахъ души съ теоріями его предшественниковъ, Аристотелизмъ уже такъ ясно сказывается.

Въ ученіи о единой душѣ, силы которой надо понимать, какъ вѣтви одного дерева или какъ занятія одного ремесленника (который можетъ быть то кузнецомъ, то плотникомъ, то каменщикомъ), **Арабы** X вѣка явно обнаруживаютъ аристотелевское направленіе[6]). Въ представленіяхъ о частныхъ функціяхъ растительной, животной и разумной силы души они напоминаютъ то Платона, то Аристотеля[7]). Зато предположеніе, что три господина въ душѣ суть желательная сила, страстное начало и сила разума, заставляетъ признать тѣсное родство ихъ взглядовъ съ платоновскими[8]). Второстепенныхъ силъ въ душѣ, Арабскіе философы этого времени насчитываютъ до 23-хъ, и при этомъ въ перечнѣ ихъ обнаруживается такое смѣшеніе понятій, что подробный разборъ этой классификаціи былъ бы напрасною тратою времени[9]). Достаточно сказать, что Платоновская мысль—сравнивать части души съ составными элементами человѣческой общины—доведена въ этой классификаціи до абсурда[10]).

---

[1]) См. Friedrich Dieterici, Die Logik u. Psychologie der Araber im X J. Leipzig, 1868, p. VIII (5).

[2]) Ср. Его же, Die Lehre v. der Weltseele bei den Arabern im X J., ib., 1872, p. XI (2). Ср. также Die Anthropologie der Araber etc, ib., 1871, p. IV и т. д.

[3]) См. выше, стр. 31.

[4]) Ср. Dieterici, Die Logik.., p. VII (3)

[5]) Die Anthropologie der Araber, p. 8 и слѣд. Обязаны ли они этимъ сочетаніемъ Галену, или самимъ себѣ, мы не беремся судить, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ не имѣетъ для насъ особенной важности

[6]) Ibid., p. 9.

[7]) Ibid., p 8 и 9.

[8]) Ibid., p. 11

[9]) Ср. ibid., p. 10: въ числѣ второстепенныхъ душевныхъ силъ упоминается, напр., тепло, холодъ, сырость, сухость и т. д.

[10]) Ср. ib., p. 10 и слѣд.

Авиценна опредѣляетъ спеціальныя отправленія растительной, животной и человѣческой души такимъ образомъ, что нельзя уже сомнѣваться въ громадномъ вліяніи на него Аристотеля. Душѣ растительной приписываются только: сила питанія (vis nutritiva), сила роста (v. augmentativa) и сила производительная (v. generativa). Душѣ животной или сензитивной (τὸ αἰσθητικόν Аристотеля) приписывается съ одной стороны рядъ отправленій воспріимчивости (virtus comprehensiva), съ другой стороны рядъ двигательныхъ силъ (virtus motiva въ совокупности)[1],—опять вліяніе Аристотеля ясно. Но за симъ дѣленіе воспріимчивости на внѣшнее чувство и внутреннее чувство, а въ особенности субтильное разграниченіе пяти моментовъ внутренняго чувства (sensus communis, phantasia, imaginatio, vis existimativa и memoria)[2] скорѣе объясняется вліяніемъ новоплатоновскихъ идей[3]. Дѣленіе virtus motiva на virtus concupiscibilis и virtus irascibilis[4] тоже скорѣе напоминаетъ Плотина, ибо у Аристотеля, рядомъ съ этими силами, стояла βούλησις, а главное κίνησις κατὰ τόπον. Наконецъ въ ученіи объ умѣ, выходя изъ аристотелевскаго различенія ума дѣятельнаго и ума страдательнаго (intellectus possibilis, по выраженію Авиценны) и, какъ будто основываясь на приведенныхъ выше намекахъ Аристотеля на различную природу ума и души[5], Авиценна считаетъ должнымъ признать умъ за особое начало и, выходя отсюда, примыкаетъ въ объясненіи его происхожденія къ эманаціонному ученію Новоплатониковъ[6]. **Аверроэсъ** былъ представителемъ на Западѣ въ XII вѣкѣ тѣхъ же психологическихъ ученій, какія Авиценна защищалъ на Востокѣ вѣкомъ ранѣе. Ученіе объ общемъ, дѣятельномъ разумѣ въ противуположность индивидуальному, пассивному (vis cogitativa), входящему въ составъ матеріальной души, и у него составляла главную основу теоріи душевныхъ силъ[7]. Особо излагать систему понятій, представляющую почти полное повтореніе авиценновской, мы считаемъ излишнимъ[8]. Достаточно знать, что Арабскіе философы второго періода, какъ своими психологическими ученіями, такъ и вообще всѣми своими философ-

---

[1]) Ср. Stöckl, l. c, II, p. 36.

[2]) Ibid., p. 37 и слѣд

[3]) Ср. сходную систему понятій у Августина: Stockl, Specul. Lehre v. Menschen, II, p 406 и 407.

[4]) Philos. d. Mittelalt., ibid., p. 39.

[5]) См. выше, стр 17, прим 6

[6]) См. Stockl, ibid., p. 41 и 42.

[7]) Stockl, ib., § 28, p. 110 и слѣд

[8]) Изложеніе взглядовъ Моисея Маймонида и его школы мы тоже считаемъ безполезнымъ, такъ какъ и эти писатели раздѣляли психологическія воззрѣнія Авиценны. Ср. Stöckl, ib., § 79.

скими воззрѣніями приблизились къ Аристотелю, а такъ какъ переводы на латинскій языкъ созданной ими аристотелевской литературы оказали громадное вліяніе на характеръ средневѣковой философіи съ XIII вѣка, то, переходя къ послѣдней, мы должны ожидать нѣкотораго измѣненія въ понятіяхъ, сравнительно съ первымъ періодомъ. Но при этомъ мы отнюдь не должны упускать изъ виду, что, кромѣ измѣняющихся внѣшнихъ вліяній, въ каждомъ періодѣ развитія ума, есть правильное преемство внутреннихъ традицій, и что во всемъ объемѣ аристотелевскія понятія не могли восторжествовать надъ другими идеями, уже вошедшими въ плоть и кровь средневѣковыхъ мыслителей. Это замѣчаніе дѣйствительно подтверждается ученіями о силахъ души въ эту новую эпоху. Аристотелевское противуположеніе ума дѣятельнаго и ума страдательнаго, доведенное Арабскими философами до крайне рѣзкихъ предѣловъ, не могло приняться на почвѣ христіанскаго ученія о недѣлимыхъ, въ своихъ отправленіяхъ, индивидуальныхъ душахъ, и Альбертъ Великій, а равно и Ѳома Аквинатъ съ ожесточеніемъ опровергаютъ эту теорію. Взамѣнъ того, подъ вліяніемъ тѣхъ же христіанскихъ традицій, важное мѣсто получаетъ въ анализѣ способностей души понятіе *воли,* постепенно выдвигавшееся послѣ Августина и получающее, со времени Альберта Великаго и Ѳомы Аквината, окончательное право гражданства въ классификаціи психическихъ силъ.

Уже въ ученіяхъ первыхъ представителей разбираемой эпохи, **Александра Алезскаго** и **Вильгельма Овернскаго,** недѣлимой душѣ приписываются, согласно съ Аристотелемъ и его Арабскими комментаторами, — вегетативныя, сензитивныя и интеллектуальныя отправленія, причемъ уже Вильгельмъ называетъ ученіе Арабовъ о дѣятельномъ умѣ, какъ объ отдѣльномъ отъ индивидуальной души принципѣ,—предположеніемъ, ни на чемъ не основаннымъ [1]). Но у этихъ писателей силы души представляются совершенно неразличимыми отъ самой ея сущности: въ каждой дѣятельности душа признается дѣйствующею во всемъ своемъ объемѣ [2]). Иной взглядъ мы находимъ у **Альберта** и у **Ѳомы Аквината.** Предположеніе, съ одной стороны единой души, съ другой стороны высшихъ и низшихъ способностей въ этой единой душѣ, требовало, при болѣе глубокомъ пониманіи духа христіанскаго ученія, отдѣленія способностей отъ самой сущности души [3]), такъ какъ иначе пришлось бы предположить, что въ низшихъ душевныхъ отправленіяхъ,

---

[1]) Ср. Stöckl, l. c., p. 325 и 343.

[2]) Ibid., p. 344.

[3]) По ученію Альберта, anima substantia est, quia .. substat naturalibus potentiis, quae fluunt ab ipsa (Stöckl, l. c., p. 409, примѣч. 4 и 5).

служащихъ, между прочимъ, источникомъ нашей грѣховности, дѣйствуетъ тотъ же принципъ, какъ и въ высшихъ, выражающихъ родство наше съ сверхчувственнымъ міромъ. Въ древней философіи сознаніе подобнаго контраста вело къ признанію особыхъ частей души; въ средневѣковой, христіанской философіи единство и недѣлимость души составляли непоколебимую аксіому и приходилось отдѣлить отъ души ея различныя способности (potentiae), соотвѣтствующія разнообразію ея дѣятельностей [1]). Способности признаются только существенными принадлежностями души (proprietates animae essentiales). По отдѣленіи души отъ тѣла, тѣ способности, которыя требуютъ физическихъ органовъ для своего проявленія, по мнѣнію Ѳомы Аквината, продолжаютъ потенціально оставаться принадлежностью души, хотя и не могутъ перейти въ дѣйствіе [2]). Но, ставя подобныя гипотезы, упомянутые писатели отнюдь не допускали признанія полной самостоятельности какой либо душевной силы и потому, какъ я уже упомянулъ, съ ожесточеніемъ нападали на ависенновское ученіе о дѣятельномъ умѣ [3]). Критику этого понятія мы не будемъ излагать, какъ не относящуюся прямо къ дѣлу. Что касается до самого распредѣленія способностей, то въ общемъ Альбертъ Великій, комментаторъ аристотелевскаго сочиненія «de anima», и Ѳома Аквинатъ, его ученикъ, повторяютъ классификацію Аристотеля, различая растительныя, чувственныя и умственныя способности души (potentiae vegetativae, sensitivae, intellectivae) [4]). Въ спеціальномъ анализѣ каждой группы способностей оба писателя находятся подъ вліяніемъ Ависенны, за исключеніемъ классификаціи частныхъ способностей высшей, разумной силы души. Въ разумной душѣ, какъ и въ чувственной, оба они различаютъ способности познавательныя отъ способностей желательныхъ, т. е. противуполагаютъ уму начало *воли,* слѣдуя въ этомъ случаѣ традиціямъ собственно христіанской философіи [5]). Такъ какъ и Альбертъ Великій и Ѳома Аквинатъ очевидно находятся подъ одними и тѣми же вліяніями, и послѣдній только подробнѣе развиваетъ классификацію, которую мы встрѣчаемъ уже у Альберта, то — во избѣжаніе повтореній — мы ограничимся изложеніемъ системы Аквината [6]) Въ душѣ растительной опять различаются,

---

[1]) Ѳома Аквинатъ думаетъ, что diversae actiones animae non possunt reduci ad unum principium immediatum .., sed oportet, quod habeat (anima) plures et diversas potentias, correspondentes diversitati suarum actionum. Stöckl, l. c , p. 634, прим. 3. Ср. Volkmann, l. c., p. 24.

[2]) Stockl, ibid , p. 637 (§ 175).

[3]) Ср. Stöckl, p 411 для Альберта Великаго, и p. 622 и слѣд. для Ѳомы Аквината (§ 173).

[4]) Ср. Stöckl, p. 409, p. 636 и слѣд.

[5]) Ср. Stöckl, l c., p. 415 и p. 641 и слѣд. (§ 177).

[6]) Ученіе Альберта подробно изложилъ Штекль, l. c., §§ 116—118. Ср. также Carus l. c., p. 407 и слѣд.

какъ у Ависенны: сила питанія, сила роста и производительная сила (nutritivum, augmentativum, generativum). Въ чувственной душѣ тоже разграничиваются силы воспріимчивости и силы движущія. Первыя дѣлятся на внѣшнія и внутреннія чувства. Внутреннихъ чувствъ приводится четыре, вмѣсто пяти, признаваемыхъ Ависенной, при чемъ опускается сила фантазіи[1]). Къ моторнымъ силамъ, кромѣ чувственнаго желанія (appetitus sensitivus), причисляется сила внѣшняго движенія (motivum secundum locum)[2]), и въ этомъ случаѣ Ѳома Аквинатъ очевидно точно воспроизводитъ идею самого Аристотеля. Сила желанія дѣлится на: чувственное желаніе (concupiscibilitas) и способность гнѣва (irascibilitas). Особо говорится объ аффектахъ (passiones), однако послѣднія распредѣляются въ концѣ концевъ въ двѣ только что названныя области желательной силы[3]). Въ разумной душѣ, какъ я сказалъ, различаются прежде всего умъ и воля, при чемъ волю Ѳома Аквинатъ подчиняетъ уму (intellectus movet voluntatem). Въ умѣ различается разсудокъ отъ разума и каждому приписываются, какъ теоретическія (спекулативныя), такъ и практическія отправленія, а рядомъ съ разсудкомъ ставится еще «умственная» память (memoria intellectiva). Воля разсматривается, какъ способность желанія въ сферѣ интеллектуальной жизни (appetitus rationalis),—объектъ ея составляетъ добро вообще (bonum in genere), а не какое-либо спеціальное благо[4]).

Таково ученіе Ѳомы Аквината. Новыхъ понятій очевидно не создали въ разсматриваемой области ни Ѳома Аквинатъ, ни его предшественникъ. Но, придерживаясь въ значительной части своихъ ученій о силахъ души, Аристотеля и его комментаторовъ, они всетаки дали оригинальную постановку двумъ вопросамъ,—о значеніи воли въ ряду прочихъ силъ и объ отношеніи души къ ея способностямъ. Этихъ двухъ пунктовъ было достаточно, въ виду авторитета, которымъ пользовались Альбертъ Великій и его ученикъ, чтобъ повліять серіозно на дальнѣйшее развитіе вопроса: вниманіе современниковъ и ближайшихъ послѣдователей Ѳомы Аквината сосредоточилось на рѣшеніи этихъ двухъ задачъ. Одни изъ нихъ, какъ напр. **Эгидій Колонна**[5]), повторяли мнѣнія своихъ великихъ учителей, говоря, что способности души реально отличаются отъ ея сущности и что воля подчинена разсудку; другіе—болѣе самостоятельные — отстаивали обратные взгляды. Въ числѣ послѣднихъ

---

[1]) Stöckl, l. c., p. 637.
[2]) Ibid., p. 638.
[3]) Ibid., p. 639.
[4]) L. c., p. 641 и слѣд. (§ 177 и 178). Ср. Harms, l. c., p. 219.
[5]) Ср. Stöckl, l. c., p. 772 и слѣд.

первое, по времени, мѣсто принадлежитъ **Генриху Гентскому.** Онъ не допускалъ, чтобъ душа могла быть чѣмъ-то отличнымъ отъ своихъ потенцій, и, если не ошибаемся, первый ясно высказалъ мысль, что воля—способность, стоящая выше ума, ибо выраженіе ума есть мудрость, выраженіе воли — любовь, а любовь выше мудрости[1]). Съ полною послѣдовательностію и подробностью оба эти положенія провелъ **Дунсъ Скотъ.** Разборъ перваго вопроса привелъ его къ выводу, что способности различаются только по различнымъ отношеніямъ и направленіямъ дѣятельности, а такъ какъ послѣднія вытекаютъ изъ свойствъ объектовъ, то въ различіи объектовъ— источникъ различія душевныхъ способностей. Обращенная къ чувственному міру, душа является чувственною силою, къ сверхчувственному міру — интеллектуальною силою, и т. д. Слѣдовательно силы души не только отъ самой души, но и другъ отъ друга не могутъ отличаться реально: различіе въ обоихъ случаяхъ формальное[2]). По вопросу о волѣ, Дунсъ Скотъ приходитъ къ извѣстному положенію, что воля, направляя познаніе на тѣ или другіе объекты, выше разсудка (causa superior, imperans intellectui), и наоборотъ разсудокъ, доставляя волѣ объектъ, къ которому она стремится, служитъ ей и, стало быть, ниже ея (intellectus autem est causa subserviens voluntati)[3]). Въ остальныхъ пунктахъ ученіе означенныхъ писателей о способностяхъ души, повидимому, не отличалось отъ ученія Ѳомы Аквината.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему развитію вопроса въ направленіи, которому Дунсъ Скотъ далъ главный толчекъ, мы должны упомянуть, что одновременно со школою Ѳомистовъ существовала еще другая школа, примкнувшая къ мистическимъ ученіямъ о душѣ Викторинцевъ, т. е. взявшая на себя защиту почти оставленныхъ въ эту эпоху новоплатоновскихъ идей. Важнѣйшимъ представителемъ этой мистической школы былъ **Бонавентура,** современникъ Ѳомы Аквината. Его ученіе главнымъ образомъ состояло въ проведеніи мистической лѣстницы шести познавательныхъ способностей[4]), но разсуждая о коренныхъ силахъ, которыя духъ открываетъ въ себѣ при самосозерцаніи, онъ называетъ память, разсудокъ и волю[5]), очевидно слѣдуя идеямъ Августина. Рѣшая затѣмъ интересовавшій его современниковъ вопросъ объ отношеніи ума и воли, онъ полагаетъ, что свобод-

---

[1]) Ср Stockl, l. c., p. 752 и слѣд. (§ 204).
[2]) Ib., p. 846 и 847.
[3]) Ib., p 849 и слѣд.
[4]) См. Stöckl, l. c., p. 903 и слѣд. (§ 239—242). Также Carus, l. c., p. 410.
[5]) Stockl, ib., p. 905.

ный выборъ (liberum arbitrium) зависитъ одинаково отъ обѣихъ силъ, и этимъ самымъ примиряетъ, нѣкоторымъ образомъ, двѣ противорѣчивыя теоріи[1]).

Ученіе Дунса Скота получило дальнѣйшее развитіе въ XIV вѣкѣ, въ теоріи Вильгельма Оккама, знаменитаго номиналиста. **Оккамъ,** вездѣ возстававшій противъ ненужнаго умноженія принциповъ, и относительно души полагалъ, что нѣзачѣмъ принимать нѣсколько различныхъ силъ, когда разнообразіе направленій въ дѣятельности единой души достаточно объясняетъ различіе ея функцій. Отсюда прямой выводъ, что то, что́ мы называемъ душевными силами,—ничто иное, какъ разныя названія для различныхъ актовъ одной души. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ возможнымъ говорить о степеняхъ достоинства душевныхъ способностей, т. е. различныхъ психическихъ отправленій и, подобно Дунсу Скоту, дѣятельность воли ставитъ выше дѣятельности разума[2]). Ученикъ Вильгельма Оккама, **Іоаннъ Буриданъ,** повторяетъ его ученіе о способностяхъ, но признаетъ тождественную цѣну воли и разума въ свободѣ выбора[3]), а потомъ даже склоняется къ мнѣнію, что воля зависитъ отъ разума, а не наоборотъ[4]). На тѣхъ же вопросахъ былъ сосредоточенъ интересъ и прочихъ номиналистовъ, послѣдователей Оккама, въ XIV и XV вѣкѣ, и никакихъ новыхъ рѣшеній мы въ ихъ ученіяхъ не встрѣчаемъ. Тоже можно сказать и о реалистахъ этой эпохи, между которыми главное мѣсто принадлежитъ Раймунду Сэбундскому[5]). Однимъ изъ выдающихся мыслителей конца XIV и начала XV в. былъ мистикъ **Іоаннъ Герсонъ.** Въ ученіи о способностяхъ Герсонъ представляетъ оригинальную комбинацію номинализма и мистицизма. Признавая различіе душевныхъ силъ только по имени, а не въ дѣйствительности (distinctas dico non re, sed nomine), онъ въ частной группировкѣ ихъ примыкаетъ къ мистическому направленію Викторинца Рихарда и Бонавентуры. Мы встрѣчаемся у него съ тѣми же субтильными различеніями моментовъ, какъ въ сферѣ познанія, такъ и въ области воли[6]). Интереса новости его классификація не представляетъ.

Въ XIV и XV вѣкахъ мы видимъ вообще паденіе теоретическихъ интересовъ, какъ въ древней философіи послѣ Аристотеля. На первый планъ

---

[1]) Ibid., p. 899: hinc est, quod liberum arbitrium est facultas rationis et voluntatis (прим. 9).

[2]) См. Stöckl, l. c., p. 1017.

[3]) Ibid., p. 1023 и слѣд

[4]) Ibid., p. 1025

[5]) Ср. ibid., p. 1067 и слѣд.

[6]) Ibid., p. 1088 и слѣд.

выступаютъ ученія нравственныя и, какъ всегда бываетъ въ исторіи человѣчества, перенесеніе центра тяжести съ интересовъ теоретическихъ на практическіе повело снова къ мистицизму. **Нѣмецкіе мистики** этой эпохи, Экхардтъ, Таулеръ и другіе, лучше всего воплощаютъ въ своихъ ученіяхъ направленіе того времени. Психологическія идеи этихъ мыслителей отрывочны, блѣдны и не содержатъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на самостоятельность, а потому мы и не будемъ на нихъ останавливаться. Первенствующее значеніе въ ученіяхъ Мейстера Экхардта и его послѣдователей, повидимому, играла идея единства всѣхъ силъ души, — къ перечисленію ихъ они были равнодушны [1]).

Итакъ въ третью эпоху средневѣковой философіи понятія, заимствованныя отъ Аристотеля, восторжествовали надъ всѣми прочими. Но, подъ вліяніемъ христіанскихъ ученій, въ анализѣ высшей, разумной души, понятіе воли заняло такое же почетное мѣсто, какъ понятіе ума, и возгорѣлся даже ожесточенный споръ о томъ, какая изъ этихъ двухъ силъ должна быть выше поставлена. Этотъ споръ имѣлъ конечно не психологическую, а этическую подкладку. Съ психологической точки зрѣнія важно только то, что дихотомія души на *познавательныя* и *желательныя* силы окончательно упрочилась и могла уже соперничать съ классической трихотоміей.

Эпоха возрожденія наукъ, какъ переходная эпоха, представляетъ конечно весьма запутанное сочетаніе явленій, составляющихъ прямое продолженіе и заключеніе стараго, съ такими, которые должны быть разсматриваемы, какъ начало новаго движенія. Поэтому психологическія теоріи этого времени должны быть, частію, отнесены къ средневѣковой философіи, и могутъ дополнить матеріалъ для общей оцѣнки ея значенія, частью къ новой философіи, составляя законный антэцедентъ тѣхъ переворотовъ въ строѣ науки, которые совершились въ концѣ XVI вѣка. Къ явленіямъ послѣдняго порядка надо отнести ученія ожесточенныхъ противниковъ схоластики, каковы Лаврентій Валла, Вивесъ и Петръ Рамусъ, ученія новыхъ натурфилософовъ, какъ Бернардинъ Телесій и Ѳома Компанелла, наконецъ ученія основателей протестантизма, главнаго источника новаго развитія, и тѣ мистическія системы, которыя сложились уже подъ вліяніемъ лютеранства, какъ напр. система Якова Бэме. Стало быть въ анализѣ заключительныхъ явленій средневѣковой философіи слѣдуетъ коснуться, во первыхъ, мистическихъ ученій, примыкающихъ къ направленіямъ Викторинской школы, Бонавентуры и нѣмецкихъ мистиковъ XIV в.; во вторыхъ, ученій, воз-

---

[1]) Ср. Ritter, Gesch. d Philos., Hamb. VIII т. (1845), p. 511 и 512.

становляющихъ древнюю Платоновскую и Аристотелевскую философію, а также системы Стоиковъ, Эпикурейцевъ и другихъ греческихъ школъ; наконецъ, въ третьихъ, ученій тѣхъ мыслителей, которые прямо примыкаютъ къ традиціямъ схоластической философіи, каковъ напр. извѣстный Суарецъ. Постараемся быть какъ можно болѣе кратки.

Мистическая психологія, основы которой были положены въ школѣ Св. Виктора въ XV в., нашла себѣ новаго представителя въ лицѣ **Николая Кузана,** который имѣлъ послѣдователями—въ началѣ XVI в. Шарля Булье (Bovillus), автора многихъ психологическихъ сочиненій (Liber de sensibus, liber de intellectu и др.), а въ концѣ того же вѣка знаменитаго Джордано Бруно. У всѣхъ трехъ представителей Кузанской школы мы видимъ, какъ у писателей школы Виктора, особенный интересъ къ опредѣленію ступеней познанія, и потому встрѣчаемся съ извѣстными понятіями: внѣшняго чувства, разсудка, разума и ума (mens)[1]) (ср. Исаака Стеллу). Понятіе внутренняго чувства, которое мы находимъ напр. у **Булье,** очевидно заимствовано отъ Ѳомистовъ[2]). Но когда рѣчь идетъ о всей душѣ, то Николай Кузанъ и его послѣдователи различаютъ, по прежнему, разумную силу души (mens) отъ чувственнаго и жизненнаго начала (anima, vis animativa)[3]), при чемъ однако обѣ силы приписываются одной и той же сущности, которая есть mens per se, anima ex officio. Очевидно, стало быть, что Кузанская школа въ изслѣдуемой области повторяетъ старыя положенія,—понятія перваго и второго періода схоластики (ученіе Bouillé объ умѣ дѣятельномъ и возможномъ заимствовано, напр., отъ Арабской школы). Въ ученіи **Дж. Бруно** мы находимъ, кромѣ того, обычное противуположеніе ума и воли, хотя психологія этого послѣдняго вообще представляетъ мало интереснихъ элементовъ[4]).

Въ XV и XVI вѣкахъ, вслѣдствіе извѣстныхъ политическихъ переворотовъ, распространились сначала въ Италіи, потомъ и въ другихъ странахъ, творенія греческихъ философовъ въ подлинникахъ. Явились комментаторы къ нимъ, расплодились приверженцы различныхъ философскихъ школъ древности, вступившіе въ борьбу другъ съ другомъ,—и научные интересы оживились, настала эпоха такъ называемаго возрожденія науки. Прежде всего вошла въ моду Платоновская философія. Но комментаторы и приверженцы ея въ область психологіи, по крайней мѣрѣ, внесли мало

---

[1]) Ср. Stöckl, l. c., III т., p. 73, 104 и 106
[2]) Ibid, p 91.
[3]) Ibid., p. 70, 71, также 89.
[4]) Ср. ibid., p. 132 и 133.

новыхъ, оживляющихъ началъ. Въ классификаціи душевныхъ силъ, какъ и въ другихъ психологическихъ вопросахъ, они скорѣе примкнули къ новоплатоновскому направленію мистическихъ школъ, развившихся въ эту эпоху. **Марсилій Фичинъ,** напр., признаетъ въ душѣ три силы: начало жизни и одновременно чувственности, силу разсудка (способность мышленія), и умъ (mens)[1]). Эта трихотомія напоминаетъ Плотиновскую. Весьма сходную классификацію душевныхъ силъ мы встрѣчаемъ, въ началѣ XVI вѣка, у извѣстныхъ мистиковъ, **Агриппы** изъ Неттесгейма и **Франциска Цорци**[2]). Ихъ современникъ, **Рейхлинъ,** въ ученіи котораго Штёкль видитъ возстановленіе каббалистической теософіи, находится, въ своей теоріи о десяти условіяхъ познанія[3]), подъ весьма сходными вліяніями, и понятія, имъ употребляемыя, всего болѣе напоминаютъ средневѣковыхъ Новоплатониковъ. Въ психологическихъ воззрѣніяхъ антисхоластическихъ Аристотеликовъ мы тоже не замѣчаемъ никакихъ важныхъ нововведеній. Ученіе **Петра Помпонація** о томъ, что мышленіе и воля, силы разумной души, требуютъ въ своихъ отправленіяхъ участія тѣла, какъ объекта[4]), уже встрѣчается у нѣкоторыхъ схоластическихъ писателей второго періода. Различеніе **Цезальпиномъ** въ душѣ—ума и жизненнаго духа, божественнаго и земного моментовъ[5]), тоже не представляетъ ничего новаго. **Цабарелла** различаетъ, по прежнему, вегетативную, сензитивную и интеллективную силы, придавая имъ значеніе особыхъ душъ[6]). Наконецъ **Кремонинъ** возобновляетъ Арабское ученіе о дѣятельномъ и возможномъ умѣ[7]). Очевидно всѣ эти Аристотелики, въ своихъ психологическихъ теоріяхъ, были весьма далеки отъ настоящаго Аристотеля. — Возстановителемъ Стоицизма въ эту эпоху считается **Юстъ Липсій,** но онъ отъ Стоиковъ заимствовалъ только дѣленіе души на разумную и неразумную[8]). То же дѣленіе, но подъ вліяніемъ Эпикурейцевъ, проводитъ уже въ XVII в. **Петръ Гассенди,** котораго Штёкль, по духу его направленія, справедливо причисляетъ къ представителямъ средневѣковой философіи[9]). Подобно Эпикурейцамъ, Гассенди противуполагаетъ понятія animus и anima, и не сходится съ своими учителями только въ ученіи о составѣ и судьбѣ разумнаго начала: послѣднее, по его мнѣнію, не можетъ со-

---

[1]) Stockl, ibid , p. 155.
[2]) Ibid., p. 420 и 428.
[3]) Ibid , p. 410.
[4]) Ib , p. 219.
[5]) Ib., p. 258 и 259.
[6]) Ib., p. 269.
[7]) Ib., p 274.
[8]) Ib., p. 313.
[9]) Ib , p. 316.

стоять изъ матеріальныхъ атомовъ и должно быть безсмертно[1]). Скептики эпохи возрожденія высказываютъ довольно неопредѣленныя сужденія объ отношеніи душевныхъ силъ. По ученію **Шаррона**, душа есть причина жизни, ощущенія, движенія и мышленія[2]); при этомъ онъ повидимому противуполагаетъ высшее, духовное начало—низшему, страстному[3]); познавательныя способности онъ дѣлитъ на память, воображеніе и разумъ[4]); высшею силою души считаетъ волю[5]). Въ классификаціи аффектовъ у Шаррона, по прежнему, смѣшаны чувствованія съ явленіями воли.

Таковы ученія тѣхъ мыслителей, которые пытались возвратить прежнюю славу различнымъ системамъ греческихъ философовъ. Во всѣхъ этихъ ученіяхъ мы находимъ болѣе элементовъ средневѣковой психологіи, чѣмъ древне-греческой. Собственно схоластическая наука тоже еще пыталась въ эту эпоху отстаивать свои принципы въ неравной борьбѣ съ ожесточенными и многочисленными противниками. Самымъ замѣчательнымъ ея представителемъ въ это время, и однимъ изъ послѣднихъ ея защитниковъ былъ, какъ извѣстно, **Франциск Суарецъ,** жившій во второй половинѣ XVI в. Въ своемъ сочиненіи о душѣ онъ является защитникомъ той классификаціи душевныхъ силъ, какую выработали Альбертъ Великій и Ѳома Аквинатъ. Способности души, напр., считаются отличными отъ самой сущности души; различаются силы вегетативныя, сензитивныя и разсудочныя; къ первымъ причисляются силы питанія, роста и размноженія; въ области сензитивныхъ потенцій чувственная воспріимчивость противуполагается чувственному желанію; внѣшнее чувство различается отъ внутренняго чувства, котораго составъ опредѣляется почти также, какъ у Ѳомы Аквината; разсудочной силѣ приписываются дѣятельныя и пассивныя отправленія (intellectus possibilis); наконецъ, рядомъ съ разсудкомъ высшею силою признается воля[6]).

Послѣ этого, можетъ быть слишкомъ растянутаго, хотя несомнѣнно *поверхностнаго* (за недостаткомъ первыхъ источниковъ) очерка средневѣковаго развитія изучаемаго нами вопроса, мы полагаемъ возможнымъ сдѣлать слѣдующіе общіе выводы: 1) основная идея классификаціи психическихъ явленій осталась въ этотъ періодъ приблизительно тою же, какъ и въ древній періодъ; за немногими исключеніями исходною точкою служило понятіе *способности;* въ эпоху высшаго развитія средневѣкой философіи

---

[1]) Ib., p. 323 и 324
[2]) Ib., p. 377.
[3]) Ср. Ritter, l. c., X B., p. 220.
[4]) Ib., p. 221 и Stöckl, ib.
[5]) Ibid , p. 379
[6]) Stöckl, ib., §§ 142 и 143 (p. 671 и слѣд.)

явилась потребность точнѣе опредѣлить отношенія способностей къ самой душѣ и послѣднимъ способомъ рѣшенія этого вопроса было сведеніе различія способностей къ различію направленій въ дѣятельности единой души (В. Оккамъ); понятіе частей души почти окончательно стушевалось; 2) въ частномъ исполненіи, классификація душевныхъ силъ находилась поочередно подъ вліяніемъ различныхъ древне-греческихъ системъ понятій; но въ подробностяхъ распредѣленія этихъ понятій древнія системы рѣдко воспроизводились вполнѣ точно, — замѣчается большею частію наклонность къ эклектическому сочетанію нѣсколькихъ системъ и въ общемъ построеніи отражаются обыкновенно и новыя, христіанскія идеи; коренныя понятія не измѣнились, но въ число ихъ поступило одно, игравшее прежде (напр. у Аристотеля) второстепенную роль, — понятіе *воли;* 3) общаго согласія въ дѣленіи душевныхъ силъ, разумѣется, быть не могло; но однако было одно дѣленіе, которое чаще другихъ повторялось и возникло изъ видоизмѣненія Аристотелевской группировки; оно состояло въ различеніи разсудочныхъ, страстныхъ и вегетативныхъ силъ, при чемъ какъ первыя, такъ и вторыя параллельно дѣлились на *познавательныя* и *желательныя* (умъ и воля, чувственная воспріимчивость и чувственное желаніе); иногда и въ области вегетативной душевной дѣятельности предлагалось аналогичное различеніе, хотя содержаніе главныхъ группъ, въ такомъ случаѣ, понималось нѣсколько иначе и подходило болѣе всего къ Плотиновской классификаціи; такимъ образомъ, рядомъ съ прежней трихотоміей души, образовалась въ средніе вѣка параллельная дихотомія ея на познавательныя и желательныя силы, которая, какъ мы увидимъ, вскорѣ восторжествовала надъ прежней классификаціей и господствовала въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ, пока не замѣнила её новая трихотомія, основанная уже на иныхъ началахъ; 4) понятіе чувствованій и въ средніе вѣка продолжало быть слитымъ съ понятіемъ желанія, иногда въ общемъ понятіи аффекта; такъ какъ въ желательной силѣ различалось до трехъ моментовъ и въ каждый изъ нихъ входила извѣстная область чувства (любовь, напр., считалась обыкновенно состояніемъ, habitus, высшаго момента — воли), то чувствованія дробились, по прежнему, на нѣсколько различныхъ сферъ, и вполнѣ однообразный анализъ этого круга явленій долженъ былъ представлять большія трудности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Новый періодъ до Канта.

Уже въ попыткахъ замѣнить средневѣковаго Аристотеля другими древними авторитетами могутъ быть замѣчены признаки наступавшаго переворота въ развитіи познанія; но кромѣ этой косвенной борьбы, схоластическая философія подверглась нападеніямъ цѣлаго лагеря прямыхъ и открытыхъ противниковъ, и прежде всего филологовъ. Главное мѣсто среди послѣднихъ, въ XV вѣкѣ, занимаютъ Лаврентій Валла и Агрикола; въ XVI в.—Людовикъ Вивесъ и Петръ Рамусъ. Самостоятельныхъ и новыхъ психологическихъ ученій мы однако въ этой школѣ почти не находимъ. Подъ руками у насъ, напр., лежитъ сочиненіе **Людовика Вивеса** «De anima et vita libri III» (Brugis, 1638): коренныя понятія душевныхъ силъ, разбираемыя въ этомъ сочиненіи, опять взяты изъ средневѣковаго Аристотеля и классификація ихъ весьма мало разнится отъ Суарецовской. Сначала разсматриваются facultates animae vegetativae: f. nutriens, f. auctrix, anima generativa и другіе второстепенные виды той же силы (p. 1 — 14); потомъ рѣчь идетъ о внѣшнихъ чувствахъ (p. 14 — 31), о внутреннемъ чувствѣ (de cognitione interiore, p. 31 — 35), и объ аппетитахъ и движеніяхъ сензитивной души[1]); наконецъ начинается разборъ разсудочныхъ силъ, которыхъ анализъ занимаетъ значительную часть II-ой книги (p. 50 и слѣд.). Въ группировкѣ разсудочныхъ силъ мы можемъ предположить вліяніе Августина или одного изъ его послѣдователей, ибо главное значеніе придается понятіямъ ума (mens sive intelligentia), воли и памяти, «in quibus relucet imago divinae trinitatis, sicuti a sanctis patribus demonstratum

[1]) Ex cognitione censuraque noxii et benefici, appetitus nascitur congruentis, fuga autem damni et aversio: tum motus animi de bono praesenti, ac malo, deque eisdem venturis aut iam appetentibus, qui affectus dicuntur, seu perturbationes.... loc. cit., p. 34.

est»[1]); но впрочемъ въ частномъ разборѣ этихъ силъ опять не разъ замѣчается вліяніе новѣйшихъ схоластическихъ писателей. Такое повтореніе въ психологіи старыхъ среднсвѣковыхъ теорій объясняется тѣмъ, что борьба упомянутыхъ лицъ противъ схоластики была направлена совершенно въ другую сторону,—болѣе всего противъ схоластической діалектики и метафизики и противъ самой формы схоластической науки. Для коренного преобразованія психологіи недостаточно было одного отрицанія формы, нужно было поставить эту науку на совершенно новую почву—опытнаго наблюденія, а это могло случиться только послѣ Бэконовской реформы. Поэтому нельзя удивляться тому, что и въ остальныхъ школахъ, съ которыхъ начинается новая философія и которыми реформа Бэкона несомнѣнно была подготовлена, мы находимъ мало новаго по вопросу о классификаціи душевныхъ явленій.

Въ первой половинѣ XVI вѣка протестантизмъ и новая физическая философія, возникшая въ Италіи, были главными исходными точками дальнѣйшихъ движеній въ области мысли. Меланхтонъ и Парацельзъ — выразители направленія, возникшаго подъ вліяніемъ протестантизма[2]), врачъ Карданъ и Телесій—главные представители Итальянской натуръ-философіи. **Меланхтоновская** классификація душевныхъ силъ представляетъ почти полный сколокъ съ классификаціи Ѳомистовъ, но точнѣе придерживаясь Аристотеля, Меланхтонъ прибавляетъ къ аппетитивной силѣ чувственной души силу локомоторную; кромѣ того онъ еще сокращаетъ число силъ внутренняго чувства (общее чувство, память и чувственное сужденіе), отношеніе же воли и разсудка понимается также, какъ у Ѳомы Аквината[3]). **Парацельзъ**, хотя въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть и принадлежитъ къ тому же лагерю мыслителей, какъ Меланхтонъ,—въ нашемъ вопросѣ является первымъ звеномъ особаго, вполнѣ мистическаго, направленія. Въ человѣ-

---

[1]) Ibid p 50 Въ этомъ мѣстѣ сочиненія мы находимъ, между прочимъ, любопытное перечисленіе всѣхъ понятій, какія употреблялись въ то время почти безразлично для выраженія идеи душевной силы: Ita hominis anima, quâ est hominis, ex tribus constat *praecipuis*, sive *functionibus*, sive *facultatibus*, sive *viribus*, sive *muneribus* ac *officiis*, sive (ut alii appellant) *potentiis* ac *partibus*, non quod partes habeat id, quod est insectile, sed partes pro officio ac munere usurpamus

[2]) См Риттеръ, l. c., IX т, 3-я книга, 2-я глава.

[3]) Stockl, l c., p. 534 и 535. Карусъ полагаетъ, что исходною точкою для Меланхтона было различеніе въ душѣ пяти потенцій (vegetativa, sentiens, appetitiva, locomotiva, rationalis), основанное на Аристотелѣ (l. c., p 440). Этимъ дѣло конечно мало измѣняется. Целлеръ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Melanchtons Schrift uber die Seele ist eine Nachbildung der gleichnamigen Aristotelischen», но всетаки онъ соглашается, что въ классификаціи способностей у Меланхтона есть элементы, посторонніе Аристотелю. Gesch. d. deutschen Philos., München, 1875, p. 30.

ческомъ организмѣ онъ различаетъ: безсмертный духъ, исходящій отъ Бога, звѣздный духъ — источникъ ощущенія и мышленія, исходящій изъ звѣздъ, и наконецъ плоть, слагающуюся изъ физическихъ элементовъ. Въ фантастическихъ построеніяхъ Парацельза интересна только попытка выдѣлить принципъ жизни, въ видѣ особой таинственной силы (Архей), изъ состава души[1]). Мы увидимъ вскорѣ, что отличительная черта психологіи новыхъ вѣковъ состоитъ именно въ выдѣленіи жизненной силы изъ круга душевныхъ силъ въ собственномъ смыслѣ. Въ ученіяхъ Итальянскихъ физиковъ можно встрѣтить тоже болѣе или менѣе замѣтное расположеніе къ устраненію понятія вегетативной души изъ классификаціи душевныхъ силъ. Такъ у врача **Іеронима Кардана** мы находимъ противуположеніе «души», съ функціями ощущенія, воображенія и разсудка, — высшему духу (mens)[2]), въ которомъ разумъ (intellectus) различается отъ воли[3]); вегетативныя функціи, повидимому, объясняются механически, изъ устройства самого тѣла. У **Телесія,** современника Кардана, мы находимъ еще болѣе ясную дихотомію: животная душа, принципъ жизни и движенія, противуполагается человѣческой душѣ. Главныя отправленія животной души — ощущеніе, желаніе, чувство удовольствія и страданія, и движеніе; изъ ощущенія развиваются «дальнѣйшія функціи»: мышленіе, память, воспроизведеніе. Въ человѣческой душѣ различаются разумъ и воля[4]). Такимъ образомъ на первый планъ отчетливѣе, чѣмъ въ предыдущее время, выступаетъ двойная дихотомія: животная душа противуполагается человѣческой, познавательная сила въ той и другой различается отъ желательной[5]).

Въ концѣ XVI-го и началѣ XVII вѣковъ, соединенныя вліянія протестантизма и натурфилософіи породили цѣлый рядъ новыхъ мистиковъ-натурфилософовъ, каковы Яковъ Бэмъ, Іоаннъ Гельмонтъ и Робертъ Флуддъ. Но прежде нихъ надо упомянуть еще объ одномъ Итальянскомъ физикѣ, образовавшемся подъ вліяніемъ Телесія,—о Ѳомѣ Кампанеллѣ. **Ѳома Кампанелла,** кромѣ мистическаго ученія о трехъ «прималитетахъ» всего сущаго, а стало быть и человѣческаго духа (potentia, sapientia и amor), подобно Телесію, противуполагаетъ чувственную силу разумному духу, считая третьимъ началомъ въ человѣкѣ тѣло[6]). Упомянутые же мистики примыкаютъ

---

[1]) Ср. Carus, l. c., p. 441 и Stockl, l. c., p. 447.

[2]) Stöckl, ib. p. 455.

[3]) Hieron. Cardani, De subtilitate. Novimbergae. 1550. Liber XIII: De anima et intellectu (p. 290).

[4]) См Stockl, l. c., §§ 75 и 76.

[5]) Ibid. p. 341.

[6]) Stöckl, l. c., p. 363. Ср. о томъ же подробнѣе у Каруса, l. c., p. 445.

въ ученіи о душѣ къ теоріямъ Парацельза. У **Гельмонта** мы находимъ, напр , то же понятіе Архея, жизненнаго духа, который приготовляетъ тѣло къ принятію сензитивной души; функціями послѣдней признаются память, разсудокъ и желаніе. Кромѣ сензитивной души, человѣку приписывается безсмертный духъ (mens), въ которомъ сливаются силы разума, воли и любви [1]). Всѣ частныя понятія заимствованы очевидно отъ средневѣковыхъ мистиковъ. **Робертъ Флуддъ** тѣ же главныя идеи выражаетъ понятіями mens, anima и spiritus: приписывая каждой душѣ особое познавательное отправленіе, онъ очевидно также остается вѣренъ теоріямъ средневѣковыхъ мистиковъ [2]). Въ ученіи **Якова Бэма** о трехъ частяхъ души: огненной, свѣтовой (lichtes Odem) и животной, мы видимъ новую мистическую концепцію, не представляющую конечно никакого научнаго интереса [3]); во всякомъ случаѣ о растительной душѣ уже нѣтъ и помина.

Таковы были ученія мыслителей, составлявшихъ переходную ступень отъ схоластики къ новой философіи и первый моментъ въ развитіи послѣдней. Нельзя не упомянуть еще о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ ученыхъ, конца XVI и начала XVII вѣковъ, которые обогатили однако психологическую литературу цѣлымъ рядомъ трактатовъ о душѣ и о различныхъ спеціальныхъ ея отправленіяхъ. Въ числѣ ихъ находятся **Гокленіусъ** и **Кассманъ**, главные виновники настоящаго названія науки о душѣ, ибо они первые ввели терминъ «психологіи». Не имѣя подъ руками ни одного изъ этихъ психологическихъ *учебниковъ*, какъ выражается Карусъ, подробно ихъ перечисляющій [4]), мы, къ несчастію, не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о теоріяхъ, которыя въ нихъ излагаются. Тѣмъ не менѣе, самый фактъ появленія, на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, всей этой еще мало изслѣдованной литературы доказываетъ серіозный подъемъ интереса къ психологическимъ вопросамъ, подъ вліяніемъ новыхъ направленій мысли, и объясняетъ отчасти значительные и быстрые успѣхи психологическаго анализа въ XVII в., въ школахъ Бэкона и Декарта. Изъ краткаго изложенія содержанія всѣхъ этихъ учебниковъ у Каруса можно заключить, что авторы ихъ большею частію придерживались теорій Аристотеля и потому признавали въ душѣ три главныя способности или части: facultas vegetans sive vitalis или anima vegetativa, f. sentiens или anima sensitiva и f. sive a. rationalis. Воля называлась altera mentis humanae facultas (Boucardus) или altera logica facultas rationis (Cassman).

---

[1]) Stöckl, l. c., 466—468 Carus, l. c., p. 442 и 443

[2]) Stöckl, l. c , p. 475.

[3]) Ibid. p. 587.

[4]) L. c., p. 454 и слѣд.

Приступая къ изложенію исторіи вопроса въ главныя эпохи новой философіи, обнимающія XVII, XVIII и XIX вѣка, мы должны сперва слегка ориентироваться въ громадномъ матеріалѣ, съ которымъ будемъ имѣть дѣло. Разбирать теоріи каждаго отдѣльнаго лица, который касался такъ или иначе изслѣдуемаго предмета въ данныя эпохи, немыслимо по громадности матеріала, да и не нужно даже съ точки зрѣнія нашихъ цѣлей. Изъ предыдущаго анализа уже достаточно выяснилось, что наша задача состоитъ въ опредѣленіи господствующихъ теорій, а не всѣхъ мелкихъ оттѣнковъ въ пониманіи тѣхъ или другихъ частностей. Притомъ въ новой философіи препятствія къ анализу чувствованій въ томъ или другомъ видѣ, какъ мы увидимъ вскорѣ, устранились, поэтому намъ остается только опредѣлить зависимость общаго характера этого анализа, въ различные моменты, отъ характера поочередно господствовавшихъ способовъ классификаціи психическихъ явленій и взглядовъ на ихъ отношенія. Вслѣдствіе этого, мы ограничимся очеркомъ теорій тѣхъ мыслителей, которые выдаются, по самостоятельности своихъ умозрѣній. Такимъ образомъ мы подготовимъ почву для второго историческаго разбора, предположеннаго въ слѣдующей части. Въ этомъ второмъ историческомъ анализѣ будутъ дополнены нѣкоторые неизбѣжные, по самому методу изложенія, пробѣлы третьей и четвертой главъ настоящей части.

Лордъ Бэконъ не былъ психологомъ-спеціалистомъ. Его психологическія теоріи разсѣяны въ бѣглыхъ замѣткахъ въ различныхъ его сочиненіяхъ. Въ III-ей главѣ 4-й книги сочиненія «De augmentis scientiarum» Бэконъ всего яснѣе излагаетъ свою классификацію душевныхъ способностей, намѣреваясь дать планъ «той части человѣческой философіи, которая касается души» (philosophiae humanae circa animam). Ученіе о душѣ онъ дѣлитъ на двѣ части: 1) о душѣ разумной, божественнаго происхожденія (de anima rationali, quae divina est), и которую онъ иначе называетъ «дыханіемъ жизни» (spiraculum vitae), слѣдуя библейскому ученію о сотвореніи человѣка, и 2) о душѣ неразумной, которую имѣютъ и животныя (de irrationali, quae communis cum brutis)[1]). Въ другомъ мѣстѣ той же главы онъ называетъ тѣ же части «anima rationalis и anima sensibilis», разумною и чувственною душею[2]). Говоря о способностяхъ души, онъ перечисляетъ разсудокъ, разумъ, фантазію, память, аппетитъ и волю[3]). Но кромѣ того

---

[1]) Works of Francis Bacon, London. 1875 и слѣд. Vol. I, p. 604.

[2]) Ibid., p. 613. Ср. p. 605.

[3]) Ibid., p. 607: Facultates autem animae notissimae sunt: intellectus, ratio, phantasia, memoria, appetitus, voluntas, denique universae illae, circa quas versantur scientiae logicae et ethicae. Стало быть данное перечисленіе не исчерпываетъ всего числа способностей.

онъ говоритъ о способностяхъ чувственной души: движеніи (motus voluntarius) и ощущеніи (sensus)[1]). Затѣмъ онъ проводитъ различіе между ощущеніемъ и воспріятіемъ (perceptio)[2]). Въ слѣдующей главѣ того же сочиненія и въ англійскомъ трактатѣ «Of the advancement of learning», Бэконъ, распредѣляя анализъ душевныхъ способностей между этикой и логикой, упоминаетъ еще объ одномъ классѣ явленій—объ аффектахъ[3]). Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его сочиненій можно заключить, что онъ не смѣшиваетъ аппетитовъ или желаній съ аффектами (passions), которые очевидно соотвѣтствуютъ у него нашему понятію *чувствованій*, ибо отношеніе удовольствія и страданія къ «спеціальнымъ» аффектамъ онъ сравниваетъ съ отношеніемъ свѣта къ отдѣльнымъ цвѣтамъ[4]). Но во всякомъ случаѣ Бэконъ довольно неопредѣленно высказывается о числѣ душевныхъ силъ, и различеніе трехъ способностей (memory, imagination, reason), о которомъ говоритъ Блэкей[5]), очевидно касается только познавательной сферы, а не всей души въ совокупности. Но, какъ ни неопредѣленно проведена классификація душевныхъ явленій у Бэкона[6]), она ведетъ къ двумъ утѣшительнымъ выводамъ: что понятіе вегетативной силы отсутствуетъ во всѣхъ перечисленіяхъ способностей души[7]), и что понятіе чувствованій, въ понятіи аффектовъ, начинаетъ отдѣляться отъ понятій аппетита, желанія. Самымъ существеннымъ является у Бэкона дѣленіе души на разумную и чувственную, заимствованное, можетъ быть, у Телесія[8]), но есть намеки и на противуположеніе познавательныхъ отправленій души — волевымъ. Эти намеки находимъ, во первыхъ, въ распредѣленіи анализа душевныхъ силъ между этикой и логикой и, во вторыхъ, въ противуположеніи понятій «разсуждающей и управляющей областей» душевной жизни (judicial and ministerial provinces), а также разума и воли[9]).

---

[1]) Ibid. p. 609 и 610.

[2]) Ibid. p. 610 и 611.

[3]) Ibid. p 615. Ср. l. c., III, p 382.

[4]) L. c., Vol. III, p. 437: pleasure and pain are to the particular affections as light is to particular colours.

[5]) History of the philos of Mind. Vol. II, p. 184.

[6]) Въ своемъ каталогѣ histor. partic. Бэконъ еще иначе перечисляетъ facultates intellectuales. Works, l. c., Vol. I, p. 409 (№ 78).

[7]) Въ названномъ каталогѣ Бэконъ упоминаетъ правда о facultates — attractionis, digestionis, retentionis, sanguificationis и т. д. (Works, v. I, p. 407, № 47), но очевидно онъ разумѣетъ здѣсь способности тѣла, и анализъ ихъ относитъ къ наукѣ «circa corpus hominis», ср. ib. p. 586 и слѣд. (глава II).

[8]) Ср. Works, l. c., Vol. I, p. 606. Изъ этого мѣста ясно, что Бэконъ былъ знакомъ съ психологическими теоріями Телесія и раздѣлялъ иногда его мнѣнія. Ср. ib., прим. 1.

[9]) L. c., Vol. III, p. 382. Ср. I, p 615: ratio и voluntas, ratio и actio.

У **Гоббеса**, ученика Бэкона, мы находимъ дальнѣйшее проведеніе тѣхъ общихъ началъ, которыя легли въ основу Бэконовской классификаціи. Въ I-й главѣ сочиненія «Human Nature» Гоббесъ говоритъ, что природа человѣка есть «сумма его природныхъ способностей», какъ напр. способностей питанія, движенія, размноженія, ощущенія, разума и т. д. Эти различныя способности Гоббесъ дѣлитъ на животныя (animal) и разумныя (rational), но такъ какъ человѣкъ состоитъ «изъ тѣла и души», то первыя изъ нихъ Гоббесъ называетъ способностями тѣла (faculties of body), вторыя — способностями души. Первыя суть силы питанія, движенія и размноженія; силы души двоякаго рода: познавательныя или воспріемлющія (conceptive) и двигательныя (motive)[1]). Такимъ образомъ, понятіе жизненныхъ силъ отходитъ окончательно въ область науки объ организмѣ, и на долю психологіи остаются двѣ коренныя способности: воспріятія и движенія. Дѣятельность воспріятія связана главнымъ образомъ съ возбужденіемъ мозга (agitation of the brain), но она можетъ отражаться и на сердцѣ, и отсюда возникаютъ тѣ состоянія, которыя называются страстями или аффектами (passions) и которыхъ главная сущность въ удовольствіи и страданіи[2]).

У современника Гоббеса, **Декарта**, не смотря на все различіе его основоположеній отъ тѣхъ, которыя были приняты Бэконовской школой, мы находимъ въ данной области взгляды, почти тождественные только что разобраннымъ. Во первыхъ, Декартъ выдѣляетъ тѣ функціи, которыя принадлежатъ одному тѣлу и принципомъ которыхъ онъ признаетъ особую теплоту (une espèce de feu), пребывающую въ сердцѣ[3]). Во вторыхъ, всѣ функціи души Декартъ дѣлитъ на страданія (passions de l'âme) и дѣйствія (actions); первыя суть всевозможныя воспріятія или познанія души (toutes sortes de perceptions ou connaissances), вторыя — состоянія нашей воли (toutes nos volontés)[4]). Этотъ контрастъ двухъ родовъ отправленій для насъ гораздо важнѣе, чѣмъ объединеніе всѣхъ функцій души въ понятіи мыслей (pensées)[5]), или, что́ то же, актовъ сознанія, ибо это объединеніе представляетъ новость только въ смыслѣ термина, находившагося въ связи съ метафизической системой Декарта. Точно также для насъ мало имѣетъ значенія другая попытка — сблизить двѣ главныя группы отправленій, доказавъ,

---

[1]) Hobbs's Tripos in three discourses: the first, Humane nature, etc. 3 Ed. London. 1684, p. 2 (§§ 4—7).

[2]) Ср ibid. Chap VII и VIII (p. 37, 41 и друг.).

[3]) Oeuvres de Descartes, Ed. de Jules Simon, Paris. 1844. Passions de l'âme. I p., Art. 8 Ср. также Art. 17.

[4]) L. c., Art. 17.

[5]) Idibid.

что всякое страданіе души отражается въ видѣ дѣйствія въ тѣлѣ и обратно [1]). Всѣ эти разсужденія, вытекая изъ метафизическихъ соображеній, нисколько не уничтожаютъ факта указаннаго выше разграниченія. Какъ дѣйствія, такъ и воспріятія души Декартъ дѣлитъ на два новые класса: одни имѣютъ источникомъ душу, другіе тѣло. Въ области воспріятій, первый классъ составляютъ перцепціи нашей воли и связанныхъ съ ней идей (imaginations ou autres pensées, qui en dépendent), ибо, по мнѣнію Декарта, «c'est aussi en elle (т. е. въ душѣ) une passion d'apercevoir qu'elle veut»; второй классъ имѣетъ источникомъ тѣло и возникаетъ изъ впечатлѣній, передаваемыхъ нервами. Эти воспріятія дѣлятся опять на три класса: 1) перцепціи, относящіяся къ внѣшнимъ объектамъ (т. е. ощущенія), 2) воспріятія, относящіяся къ тѣлу нашему (состоянія голода, жажды, наши аппетиты и проч.), 3) воспріятія, которыя мы относимъ къ душѣ и ближайшаго повода которыхъ мы не знаемъ, какъ напр. чувства радости, гнѣва и друг. [2]). Всѣ эти состоянія могутъ быть названы passions, но въ тѣсномъ смыслѣ слова этотъ терминъ относится только къ третьему классу [3]). Его анализомъ Декартъ и занимается въ своемъ сочиненіи объ аффектахъ, опредѣляя этотъ родъ перцепцій иначе: понятіями *чувствованій* (sentiments) или «еще лучше» волненій (émotions) [4]). Изъ этого очерка видно, что Декартъ отличалъ чувствованія отъ ощущеній и отъ дѣйствій воли, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но это нисколько не мѣшало ему смѣшивать чувствованія съ желаніями, ибо желаніе, по его мнѣнію, есть то же чувствованіе, только относящееся къ будущему (je distingue les temps, говоритъ онъ) [5]). Другимъ недостаткомъ въ теоріи Декарта о чувствованіяхъ является дробленіе ихъ, какъ у древнихъ, на два класса, ибо состоянія голода, жажды, боли суть очевидно тоже чувствованія. Тѣмъ не менѣе изъ анализа теорій этихъ трехъ мыслителей, стоявшихъ на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ и давшихъ руководящія начала философіи всего XVII и частью XVIII вѣковъ, можно ясно видѣть, какой громадный переворотъ совершился въ ученіи о душевныхъ силахъ и какъ постепенно устранялись неудобства изученія природы чувствованій. Выдѣленіе понятія вегетативныхъ силъ души въ другую область сузило сферу собственно психологическихъ вопросовъ и дало бо́льшій просторъ спеціальному ихъ изслѣдованію. Замѣна иѳическихъ и логическихъ принциповъ классификаціи

---

[1]) Ср ib, Art. 1 и 2. L'action et la passion ne laissent pas d'être toujours une même chose.

[2]) Ibid. Art. 18—25 включ.

[3]) Ibid. Art. 25.

[4]) Ibid. Art. 28.

[5]) Ibid. Art. 57. Ср. Art. 69 и 86.

психологическими, выразившаяся въ окончательномъ торжествѣ дихотоміи душевныхъ отправленій на познавательныя и волевыя, была причиною перенесенія центра тяжести психологическаго анализа съ вопроса о ступеняхъ духовнаго совершенства и объ отношеніи этихъ, чисто воображаемыхъ ступеней, — на вопросъ о природѣ и отношеніи *реальныхъ* феноменовъ духовной жизни. Наконецъ, отнесеніе *волненій* къ категоріи «воспріятій», какъ это сдѣлали Гоббесъ и Декартъ, повліяло на болѣе тщательное изученіе этого класса явленій, такъ какъ требовалось опредѣлить его отношеніе къ прочимъ родамъ воспріятій. Но такъ какъ чувствованія всетаки не имѣли еще вполнѣ самостоятельнаго мѣста въ системѣ душевныхъ явленій, сливались частью съ познавательными, частью съ желательными отправленіями, то анализъ ихъ долженъ былъ оставаться несовершеннымъ и болѣе или менѣе односторонпимъ, и это продолжалось до второй половины XVIII вѣка, когда они были выдѣлены въ особую группу. Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь предстоитъ подтвердить фактами, что до конца XVIII в. классификація стояла приблизительно на той же почвѣ, какъ въ системахъ упомянутыхъ философовъ.

Малебраншъ различаетъ двѣ коренныя способности: познаніе (entendement) и волю. Первую онъ сравниваетъ съ способностью матеріи «принимать различныя фигуры» (примѣръ — воскъ), вторую съ способностью матеріи «быть движимою». Способность познанія состоитъ въ томъ, что мы можемъ воспринимать различныя идеи, способность воли—въ томъ, что мы можемъ испытывать различныя расположенія или желанія (inclinations) [1]). Первая способность совершенно пассивна [2]), вторая разумѣется активна. Первая содержитъ понятія: ощущеній, куда относятся и чувства удовольствія и страданія [3]), фантазіи и познанія въ собственномъ смыслѣ (entendement pur) [4]); вторая—понятія «естественныхъ желаній» и страстей. Но въ сущности въ этихъ частныхъ разграниченіяхъ выражаются только различныя стороны однихъ и тѣхъ же отправленій, или моменты въ развитіи тѣхъ же коренныхъ способностей [5]). Желанія различаются отъ аффектовъ

---

[1]) Oeuvres de Malebranche. Ed. de J. Simon. Paris. 1877. Recherche de la verité, I часть, стр. 3, ср. стр. 7.

[2]) Тамъ-же, стр. 5: la faculté de recevoir différentes idées et différentes modifications dans l'esprit, est entièrement passive et ne renferme aucune action, et j'appelle cette faculté... entendement.

[3]) Стр. 4: Telles sont le plaisir et la douleur, la lumière et les couleurs, les saveurs, les odeurs etc.

[4]) Тамъ-же, II часть, 5-я кн. Гл. I, p. 129 и 132.

[5]) Ср. ib. p. 130. Здѣсь Малебраншъ высказывается въ пользу двойной дихотоміи: entendement дѣлится на 1) sens ou imagination и 2) entendement въ тѣсномъ смыслѣ; volonté параллельно на 1) inclinations naturelles и 2) passions.

только тѣмъ, что первыя имѣютъ источникомъ Творца, по скольку Онъ обращаетъ нашу любовь на Себя, какъ на высшее благо, вторыя—Его же, по скольку Онъ заставляетъ насъ любить самихъ себя, свое тѣло и все, что́ можетъ быть полезно къ его сохраненію [1]). Стало быть, различіе между inclinations и passions у Малебранша тоже самое, какъ у Декарта между appetits и passions. Но разница въ томъ, что Малебраншъ тѣ и другія явленія относитъ къ волѣ, а не къ воспріимчивости, какъ Декартъ.

Спиноза заявляетъ во II книгѣ Этики, что познаніе и воля одно и то же, ибо каждый отдѣльный актъ воли (volitio) и идея предмета, къ которому онъ направленъ, одно и то же: движеніе воли есть только утвержденіе или отрицаніе, заключающееся въ самой идеѣ [2]). Но тѣмъ не менѣе онъ высказываетъ въ III книгѣ положеніе, что душа наша въ однихъ случаяхъ дѣйствуетъ, въ другихъ претерпѣваетъ, — первое при адэкватныхъ идеяхъ, второе при инадэкватныхъ [3]). Выраженія: адэкватныя и инадэкватныя идеи, означаютъ, что при собственныхъ дѣйствіяхъ душа остается вѣрна своей природѣ, когда же она подвержена дѣйствію другихъ предметовъ, т. е. когда она претерпѣваетъ, она подвергается измѣненіямъ въ своей природѣ [4]). Къ области инадэкватныхъ идей относятся, бо́льшею частью, и аффекты, при помощи которыхъ сила дѣйствія (agendi potentia) тѣла и души то увеличивается, то уменьшается [5]). Къ аффектамъ Спиноза относитъ не только *чувствованія* радости и печали, но и желанія [6]), которыя называетъ сознательными аппетитами [7]); но такъ какъ въ понятіи желанія онъ соединяетъ идеи всѣхъ нашихъ «аппетитовъ, актовъ воли, стремленій и порывовъ (impetus)» [8]), то очевидно, что въ терминѣ «аффектовъ» у него вполнѣ смѣшиваются идеи чувствованія и воли, и это не удивительно, ибо онъ въ принципѣ не признаетъ особаго значенія за чувствованіями и считаетъ ихъ моментами развитія желанія [9]), которое для него есть «самая сущность человѣка» (ipsa

---

[1]) Ib p. 131 и 132.

[2]) Ben de Spinoza. Opera, quae supers. omnia Ed C. Bruder. Lipsiae. 1843. Vol. I, p 262 и 263 (Propos. XLVIII и XLIX).

[3]) Ib. p. 272 (Prop. I): Mens nostra quaedam agit, quaedam patitur, nempe quatenus adaequatas habet ideas, eatenus quaedam necessario agit, et quatenus ideas habet inadaequatas, catenus necessario quaedam patitur. Cp. ib , p. 277 (Prop. III).

[4]) Cp. ib p 271 (Def. II): nos pati dico, quum in nobis aliquid fit vel ex nostra natura aliquid sequitur, cujus nos non nisi partialis sumus causa.

[5]) Ib (Def. III). Cp. p. 280 (Prop XI).

[6]) Ib p. 280 (Prop XI, Schol.).

[7]) Cupiditas est appetitus cum eiusdem conscientia Ib. p. 279 (Prop. IX. Schol.)

[8]) Ib. p. 317 (Def. I, Explic.).

[9]) Laetitia et tristitia est ipsa cupiditas sive appetitus, quatenus a causis externis augetur, vel minuitur, iuvatur vel coercetur... ib. p. 314 (Prop. LVII, Demonstr)

hominis essentia)[1]). Такимъ образомъ, при тѣхъ же основныхъ различеніяхъ, какъ у предшественниковъ, Спиноза сильно запуталъ въ дальнѣйшемъ анализѣ отношенія отдѣльныхъ классовъ явленій, изъ стремленія, свойственнаго всей Декартовской школѣ, а ему въ особенности, — обнять всѣ феномены бытія въ одномъ понятіи. У Декарта высшимъ, объединяющимъ было понятіе pensée, у Спинозы — понятіе désir.

Послѣ Гоббеса, Бэконовскіе принципы продолжалъ развивать **Джонъ Локкъ**, современникъ Спинозы. Локкъ различаетъ тожс въ душѣ двѣ коренныя способности: воспріятія (perception) или разумѣнія, и воли[2]), разграничивая параллельно силы всего существующаго на мышленіе и движеніе[3]). Но онъ, при этомъ, рѣзко возстаетъ противъ обыкновеннаго пониманія способностей, какъ особыхъ агентовъ, раздѣльно въ насъ существующихъ и имѣющихъ разныя отправленія[4]). По его мнѣнію, способность воли надо понимать, какъ возможность начинать различныя дѣйствія[5]), а способность разумѣнія— какъ возможность получать воспріятія[6]). Удовольствіе и страданіе Локкъ называетъ простыми идеями и считаетъ ихъ явленіями, сопровождающими каждое чувственное воспріятіе и каждую мысль[7]). Желаніе, подобно всѣмъ страстнымъ движеніямъ души, Локкъ считаетъ дѣйствіемъ удовольствія и страданія. Это тотъ родъ безпокойства («uneasiness»), который возникаетъ изъ отсутствія вещи, способной доставить удовольствіе[8]). Противъ смѣшенія желанія съ актомъ воли (volition)[9]) Локкъ энергически протестуетъ, ибо желаніе—только пассивное возбужденіе ума (affection de l'esprit), которое большею частью находится въ оппозиціи съ волей[10]). Тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ главнымъ стимуломъ воли желаніе, какъ состояніе безпокойства, вызываемое отсутствіемъ какого нибудь блага[11]). Во всѣхъ страстяхъ Локкъ замѣчаетъ присутствіе какого нибудь безпокойства, т. е. желанія, но такъ какъ онъ, кромѣ того, въ каждомъ аффектѣ признаетъ какое либо удовольствіе или страданіе, или мысль о таковыхъ, то его пониманіе аффекта мало отличается отъ Спинозовскаго. Разница только въ томъ, что

---

[1]) Ib p. 316 (Def. I)

[2]) Essai philosophique concernant l'entendement humain, p. M. Locke, trad. p. M. Coste. Amst. 1758. L. II, Ch. VI, § 2 (T I, p. 239). Ср. L. II, Ch. XXI, § 5 (T. II, p 143).

[3]) Ibid. Ch. XXI, § 4 (ib. p 140—143).

[4]) Ib. § 6 (ib. p. 145).

[5]) Ib. § 7 (ib. p. 146).

[6]) La puissance d'apercevoir est ce que nous appellons entendement. Ib. § 5 (p. 144).

[7]) L. II. Ch. VII, § 1 и 2 (T I, p. 240 и 241). Ср , L. II, Ch. XX, § 1 (T. II, p. 125).

[8]) Ib. Ch. XX, § 6 (ib. p. 129), ср. ib. § 3 (ib. p 126)

[9]) По замѣчанію переводчика, M. Locke en voulait ici au P. Malebranche, ib. p. 176.

[10]) Ib. Ch. XXI, § 30 (ib. p. 176 и 177).

[11]) Ib. Ch. XXI, § 31—40 (ib. p. 178—195).

у Спинозы центръ тяжести аффекта былъ въ желаніи, у Локка, подобно Гоббесу,—въ удовольствіи и страданіи.

Лейбницъ въ своемъ «Новомъ опытѣ человѣческаго разумѣнія» шагъ за шагомъ разбираетъ и опровергаетъ положенія Локка, но въ изслѣдуемомъ вопросѣ, онъ приходитъ въ концѣ концовъ къ выводамъ, которые только въ оттѣнкахъ, а не въ цѣломъ разнятся отъ взглядовъ Локка. Хотя онъ, подобно Спинозѣ, и высказываетъ сомнѣніе о коренномъ различіи идей воли и разумѣнія, которыя Локкъ считалъ *простыми* идеями, даваемыми рефлексіей[1]), тѣмъ не менѣе онъ de facto вездѣ разграничиваетъ феномены перцепціи, къ которымъ относитъ и явленія удовольствія и страданія[2]) и которые приписываетъ разумѣнію (l'entendement, chez les Latins: intellectus), какъ особой способности души[3]),—отъ явленій воли, которыя дѣлитъ на appétitions и volitions[4]). Рѣшеніе вопроса о значеніи понятія способности Лейбницъ старается отклонить, хотя онъ повидимому соглашается съ Локкомъ, что способности не могутъ быть реальными агентами[5]). Желаніе Лейбницъ считаетъ слабымъ хотѣніемъ (velléité), при сравненіи съ настоящимъ актомъ воли[6]), иначе сказать желаніе, есть низшая ступень воли, воля въ зародышѣ; коренного различія между желаніемъ и волей Лейбницъ, стало быть, не признаетъ. Кромѣ того, онъ называетъ желаніе полуболью, приготовленіемъ къ страданію, признакомъ расположенія къ нему[7]). Изъ этого видно, что и у Лейбница, какъ у всѣхъ мыслителей XVII в., отношенія *чувствованій*, желаній и воли не такъ ясно очерчены, какъ было бы желательно[8]). Ясно различаются въ эту эпоху понятія разумѣнія и воли; чувствованія же и желанія составляютъ нѣчто среднее, переходное между той и другой главной группой феноменовъ, сливаясь, какъ было и въ предшествующія эпохи, въ одно общее понятіе аффекта или страсти. Какъ осложненія удовольствія и страданія, аффекты входятъ въ область перцепцій, какъ моменты проявленія желанія они отно-

---

[1]) Oeuvres de Leibnitz Ed de Jacques. Paris. 1842 L II, Ch. VI (p 73) On peut douter si toutes ces idées sont simples, car il est clair, par exemple, que l'idée de la volonté renferme celle de l'entendement.

[2]) Cp. ib. Ch VII (p. 74): *perceptions* du plaisir et de la douleur

[3]) L. II, Ch. XXI, § 5 (p. 114).

[4]) Ib. § 5 (p. 113).

[5]) Mais je ne pense pas, qu'on ait besoin ici de décider cette question et de s'enfoncer dans ces épines, ib. § 6 (p. 115).

[6]) Ib. Ch XXI, § 30 (p. 121)

[7]) Ib Ch. XX, § 6 (p 107).

[8]) Какъ Лейбницъ понималъ отношеніе силы воспріятія (percepti0) и силы стремленія (appetitus), съ точки зрѣнія своей теоріи о монадахъ и о предустановленной гармоніи, мы разбирать не будемъ, ибо эта теорія мало имѣетъ общаго съ нашими задачами.

сятся къ области воли. Такое двусмысленное положеніе конечно не благопріятствовало анализу чувствованій; но такъ какъ исключительное вниманіе къ изслѣдованію познавательныхъ отправленій человѣка, зависѣвшее отъ помѣщенія аффектовъ въ низшую, животную душу, съ измѣненіемъ принциповъ классификаціи, было замѣнено, въ эпоху новой философіи, болѣе широкимъ и равномѣрнымъ изученіемъ всѣхъ сторонъ духовной жизни, то у каждаго писателя XVII в. мы найдемъ въ свое время и особую теорію удовольствія и страданія, и болѣе или менѣе оригинальный опытъ классификаціи аффектовъ, какъ явленій, находящихся въ связи съ этими элементарными основами субъективной воспріимчивости.

Въ XVIII в. первыми выдающимися психологами были: Беркли, преемникъ Локка, и Вольфъ, преемникъ Лейбница. Психологія **Беркли,** какъ извѣстно, имѣла задачи довольно одностороннія и занимающій насъ вопросъ естественно могъ, только мимоходомъ, обратить на себя вниманіе знаменитаго автора «Новой теоріи зрѣнія». Однако, въ «Принципахъ человѣческаго познанія» (1710) мы находимъ у него слѣдующую мысль: «Духъ есть простое, недѣлимое, дѣятельное, существо (active being), — по скольку оно воспринимаетъ идеи, оно называется разумѣніемъ, по скольку оно производитъ ихъ или какъ нибудь иначе ихъ перерабатываетъ (operates about them), оно называется волею»[1]). Но вслѣдъ за тѣмъ, исходя изъ положенія, что природа духа не дозволяетъ ему созерцать самого *себя*, а только — свои дѣйствія, результаты своей дѣятельности (effects which it produceth), онъ отказывается признать разумѣніе и волю за идеи особыхъ силъ духа, отличныхъ другъ отъ друга и отъ идеи сущности, къ которой эти силы могутъ быть отнесены, ибо мы такихъ силъ не можемъ никакими способами открыть въ себѣ. Всѣ слова, обозначающія, съ обычной точки зрѣнія, духовныя силы (will, understanding, mind и т. д.) изображаютъ собою не какія либо отличныя другъ отъ друга идеи, а нѣчто совершенно непохожее на идеи, что́ въ идею и облечено быть не можетъ[2]). Такое скептическое отношеніе къ средствамъ психологическаго познанія должно было конечно имѣть послѣдствіемъ замѣтное равнодушіе къ классификаціи душевныхъ способностей.

Въ 1732 году появилось сочиненіе, которое цѣликомъ посвящено вопросу о числѣ и объ отношеніи способностей души. Это — «Эмпирическая психологія» **Вольфа.** Два года позже вышла въ свѣтъ «Раціональная психо-

---

[1]) Works of George Berkeley, by Campbell Fraser, Oxford, 1871. Vol I, p 169 (P. I, 27).

[2]) Ibid. p. 170.

логія» того же писателя, которая, дополняя эмпирическую, должна была выяснить, что́ такое способности души, и въ какомъ смыслѣ онѣ присущи душѣ [1]). По мнѣнію Дробиша, ученіе о способностяхъ души, подъ вліяніемъ Вольфа, обратило на себя снова вниманіе и подверглось дальнѣйшей обработкѣ [2]). Надо отдать справедливость Вольфу, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что вся классификація способностей изложена у него такъ ясно и опредѣленно, какъ никогда не излагалась ранѣе. Система его вполнѣ подтверждаетъ всѣ наши предшествующіе выводы о процессѣ развитія вопроса, на всемъ протяженіи христіанской философіи. Въ средніе вѣка, рядомъ съ дѣленіемъ души на вегетативную, сензитивную и интеллективную силы, утвердилось различеніе въ каждой изъ двухъ послѣднихъ—познавательныхъ и желательныхъ способностей. Въ новой философіи понятіе вегетативныхъ силъ души почти безслѣдно исчезло, а дихотомія желательныхъ и познавательныхъ силъ получила преобладаніе надъ дихотоміей сензитивныхъ и интеллективныхъ способностей; но послѣдняя не сразу исчезла; она скрывалась, напр., и въ Декартовскомъ разграниченіи аппетитовъ отъ высшихъ аффектовъ. Вольфъ, въ своей классификаціи,—настоящій выразитель превращеній, совершившихся въ новое время. У него именно вторая дихотомія подчинена первой: въ facultates cognoscendi и appetendi, въ обѣихъ, содержатся pars inferior и pars superior, низшія и высшія силы [3]). Прежде всего надо коснуться Вольфовскаго пониманія самого термина «способности». Вольфъ, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, опредѣляетъ душу вообще, какъ силу воспріятія, или какъ начало представляющее (vis perceptiva seu universe repraesentativa), въ противуположность тѣлу, котораго природа выражается понятіемъ движущей силы (vis motrix) [4]). Душа, какъ представляющая единица, подвержена различнымъ модификаціямъ (diverso modo modificabilis). Способности суть именно различныя активныя потенціи этой единицы. Говорить о способностяхъ души, значитъ утверждать, что ей присущи раз-

---

[1]) Psychologia Empirica meth. scient. pertract. Francof. et Lipsiae, 1732, p. 20 (§ 29): Quotnam sint animae facultates et quales sint, in Psychologia empirica declaramus: quid vero proprie sint et quomodo animae insint, in Psychologia rationali demum declarabitur.

[2]) Empir. Psychol, Leipz 1842, p. 302 (§ 124). Ср. Taubert l. c., p. 35: Attamen, quod re vera ad fac. pertinet animae, inter recentiores philosophos primus Wolfius invenitur, qui doctrinam illam longius prosequi conabatur. Оттого оба историка «ab Aristotele statim in Wolfii Psychologiam transeunt», что́ конечно значительно облегчило имъ работу.

[3]) Вся эмпирическая психологія дѣлится на двѣ части. Въ первой, послѣ общаго введенія о душѣ, разбирается сначала p inf f. cogn. (S. II), затѣмъ p. sup. f. cogn. (S. III). Во второй p. inf. f. appet. (S. I) и p. sup. f. appet. (S. II). Тотъ же планъ проведенъ болѣе сжато въ S. I и II первой главы раціон. психологіи.

[4]) Psychol. rationalis meth. sc. pertr. Francof. et Lipsiae, 1734, p. 59 (§ 80).

личные способы дѣйствія [1]). Считать способности за особыя реальныя силы нельзя, ибо тогда возникли бы затрудненія относительно простоты духовнаго начала (circa simplicitatem animae) [2]). Такимъ образомъ Вольфъ, по вопросу о природѣ способностей, по крайней мѣрѣ въ *теоріи*, держится общей со времени Оккама, номиналистической точки зрѣнія. Каждую изъ главныхъ силъ души онъ разбиваетъ на рядъ второстепенныхъ, и тутъ ясно обнаруживаются недостатки психологическаго анализа въ первой половинѣ XVIII в. и искусственность системы классификаціи, лишенной прочныхъ опытныхъ основъ. Вотъ схематическое изображеніе Вольфовской группировки:

I. Facultas cognoscendi
- Pars inf.
  - a) sensus.
  - b) imaginatio.
  - c) fac. fingendi.
  - d) memoria.
- Pars sup
  - a) attentio et reflexio.
  - b) intellectus.

II. Facultas appetendi
- Pars inf.
  - a) voluptas et taedium.
  - b) appetitus sensitivus.
- Pars sup. — a) voluntas et noluntas.

Нѣкоторыя изъ этихъ способностей снова дробятся на второстепенныя (напр. intellectus), и схоластическій характеръ анализа, по мѣрѣ углубленія автора въ подробности, постепенно возрастаетъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Мы остановимся подробнѣе только на вопросѣ объ отношеніи *чувствованій* къ прочимъ классамъ явленій. Считая чувствованія удовольствія и страданія первымъ моментомъ въ развитіи желательной силы, Вольфъ начинаетъ анализъ послѣдней съ слѣдующихъ словъ: appetitus nascitur ex cognitione, non tamen per saltum (аппетитъ рождается изъ познанія, но внезапнаго перехода, скачка Вольфъ не допускаетъ) [3]): изъ познавательнаго акта сначала возникаетъ удовольствіе (или страданіе), потомъ сужденіе о достоинствѣ объекта (de bonitate objecti), и наконецъ аппетитъ [4]). Первые два момента, болѣе или менѣе, совпадаютъ, ибо удовольствіе само есть интуитивное познаніе какого либо совершенства [5]). Аппетитъ есть стремленіе души къ объекту (inclinatio animae ad objectum), возни-

---

[1]) Ibid. p. 59—61 (§ 81) и Psych. emp., p. 20 (§ 29).
[2]) Psych. rat., ib. p. 62 (§ 82).
[3]) Psych. Emp., p. 378 (§ 509).
[4]) Ibid. p. 388.
[5]) Ibid. p. 389 (§ 511). Ср. p 397 (§ 518). Taedium est cognitio intuitiva imperfectionis cuiuscunque, sive verae, sive falsae.

кающее изъ сознанія его доброкачественности, и противуполагается отвращенію (reclinatio) отъ объекта, въ которомъ мы открываемъ зло [1]). Болѣе сильныя проявленія (actus vehementiores) чувственнаго аппетита и отвращенія Вольфъ называетъ аффектами. До сихъ поръ мы видимъ у нашего писателя вполнѣ ясное сознаніе различія чувствованій отъ стремленій, но въ понятіи аффектовъ эти двѣ идеи не могли не войти въ обычную связь. Однако Вольфъ, признавая участіе весьма замѣтной доли (insignis gradus) удовольствія или страданія въ каждомъ аффектѣ, весьма правильно протестуетъ противъ принятаго въ XVII в. обыкновенія, считать самое удовольствіе и страданіе за виды аффекта [2]). Скорѣе можно сказать, что всѣ аффекты суть различныя видоизмѣненія удовольствія и страданія[3]). Но, самъ противорѣча въ другомъ мѣстѣ своему принципу классификаціи (вытекающему ex notione generum et specierum), Вольфъ въ числѣ аффектовъ называетъ и желаніе (въ понятіи cupiditas), какъ предвкушеніе удовольствія [4]). Такимъ образомъ, въ системѣ Вольфа, несмотря на болѣе ясную постановку нашего вопроса, чѣмъ у его предшественниковъ, мы находимъ еще нѣкоторую сбивчивость въ различеніяхъ, въ связи съ общими традиціями, которымъ онъ слѣдовалъ.

Послѣ Вольфа, въ Германіи вырабатываются новыя начала классификаціи, первымъ представителемъ которыхъ былъ Тетенсъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Прежде чѣмъ перейти къ этой эпохѣ, посмотримъ, въ какомъ положеніи находилось дѣло въ Англіи и во Франціи, въ первой половинѣ XVIII в. Сочиненіе **Юма** «О человѣческой природѣ» появилось въ 1739-40 г. Интересы Юма вращались болѣе въ сферѣ вопросовъ, касавшихся теоріи познанія, какъ то: объ опредѣленіи его границъ и о коренныхъ процессахъ, его составляющихъ. Къ вопросу о классификаціи душевныхъ явленій Юмъ, подобно Беркли, былъ равнодушенъ. Намеки, которые мы находимъ у него въ этомъ отношеніи, доказываютъ, что онъ ближе всего примыкалъ къ Локку, хотя иногда сказывается, повидимому, прямое вліяніе Декарта. Всѣ психическія явленія понимаются имъ, какъ воспріятія (perceptions), которыя дѣлятся на два класса: впечатлѣнія (impressions) и идеи (ideas); это различеніе сводится иначе къ разграниченію чувства и мышленія (feeling and thinking) [5]). Впечатлѣнія дѣлятся далѣе на

---

[1]) Ibid. p. 440 и 441 (§§ 579 и 581).

[2]) Voluptas ac taedium perperam pro affectuum speciebus habentur. Ibid. p. 459 (§ 606 — 607)

[3]) Ibid. p. 459, прим къ § 607.

[4]) Praegustus voluptatis Ibid. p. 615 (§ 805). Ср прим.

[5]) Treatise on human nature by D. Hume Ed. by Green a. Grose. Lond 1874. B I, P. I, S. I (Vol. I, p. 311).

ощущенія (sensation) и рефлексію (reflexion)[1]), или—что́ то же—на оригинальныя (первичныя) и вторичныя, рефлексивныя[2]). Къ первымъ относятся ощущенія извнѣ (impressions of the senses) и всѣ тѣлесныя страданія и удовольствія; ко вторымъ — страсти и «другія эмоціи, имъ подобныя» (resembling them). Послѣднія возникаютъ изъ оригинальныхъ впечатлѣній или изъ ихъ идей[3]). Страсти Юмъ дѣлитъ на непосредственныя (direct), прямо возникающія изъ удовольствія и страданія, и посредственныя, косвенно связанныя съ этими феноменами[4]). Между первыми Юмъ называетъ желаніе и отвращеніе, и это служитъ ему переходомъ къ разбору вопроса о волѣ. Подъ волею онъ ничего не разумѣетъ иного, какъ только «внутреннее впечатлѣніе, которое мы сознаемъ въ себѣ, когда сознательно даемъ начало какому нибудь новому движенію тѣла нашего, или новому воспріятію ума»[5]). Такимъ образомъ и явленія воли Юмъ причисляетъ къ категоріи впечатлѣній (ср. Декарта) и притомъ очевидно къ категоріи вторичныхъ впечатлѣній. Главнымъ мотивомъ рѣшеній воли служатъ аффекты, при чемъ болѣе сильные аффекты превозмогаютъ вліяніе слабыхъ[6]). Поэтому дѣйствія воли составляютъ какъ бы итогъ, подведенный аффектамъ, находящимся въ борьбѣ другъ съ другомъ. О способностяхъ мышленія (памяти и воображеніи) мы не будемъ говорить особо[7]). Очевидно и безъ того, что Юмъ не стремился дать опредѣленную и ясную классификацію психическихъ феноменовъ, и что онъ имѣетъ второстепенное значеніе въ исторіи разбираемаго вопроса.

Сочиненіе **Гертли,** «Наблюденія надъ человѣкомъ» появилось впервые въ 1749 г. Въ введеніи къ этому сочиненію, Гертли отчетливѣе Юма группируетъ по классамъ всѣ психическія явленія. Но тѣмъ не менѣе, мы встрѣчаемъ у него двѣ классификаціи, основанныя на различныхъ принципахъ и взаимная связь которыхъ не обозначена съ достаточною ясностію. Во первыхъ, Гертли различаетъ ощущенія и идеи, предостерегая противъ смѣшенія того и другого понятія. Идеи онъ дѣлитъ на чувственныя (ideas of sensation, which resemble sensations) и умственныя (intellectual), или простыя (первичныя Юма) и сложныя (вторичныя). Удовольствія и страданія относятся частью къ области ощущеній, частью къ области идей,

---

[1]) Ib. S. II (p. 316).
[2]) B. II, P. I, S. I (Vol. II, p 75).
[3]) Ibid. S. I (p. 76).
[4]) Idibid.
[5]) Ib P. III, S. I (p. 181).
[6]) Ср. ib. S. III и IV (особ. p. 199)
[7]) Ср. B. I, P. I, S III (Vol. I, p 317)

ибо всѣ наши внутреннія состоянія (internal feelings) сопровождаются удовольствіемъ или страданіемъ [1]). Такова одна классификація. Кромѣ того, Гертли говоритъ, что человѣческую душу можно считать снабженною (endued) способностями: памяти, воображенія, разумѣнія, волненія (affection) и воли (ср. Бэкон. классиф.). Волненія имѣютъ объектомъ удовольствіе и страданіе, подобно тому, какъ объектъ силы разумѣнія суть простыя ощущенія и идеи [2]). Аффекты, достигшіе извѣстной степени интенсивности, побуждаютъ насъ къ различнымъ дѣйствіямъ и въ этомъ смыслѣ могутъ быть обозначены терминами желанія или отвращенія [3]). Желаніе же и отвращеніе на той ступени интенсивности, когда они довольно сильны, чтобъ вызвать дѣйствіе, называются волею [4]). Такимъ образомъ Гертли, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, начиная съ Бэкона, частью различалъ, частью смѣшивалъ феномены, входящіе въ понятія чувствованій, желаній и воли.

У Юма и Гертли принятое Локкомъ различеніе въ душѣ феноменовъ разумѣнія и феноменовъ воли, можетъ быть, подъ вліяніемъ скептицизма Беркли въ критикѣ этихъ понятій, отошло, стало быть, на второй планъ, уступивъ мѣсто другому Локковскому различенію первичныхъ, простыхъ и вторичныхъ, сложныхъ душевныхъ явленій. Но контрастъ явленій познавательной и волевой дѣятельности всетаки скрыто пребывалъ въ ихъ теоріяхъ, какъ видно изъ дѣленія Юмомъ теоретической части своего трактата на двѣ книги: 1) о разумѣніи и 2) о страстяхъ, и изъ противоположенія въ теоріи Гертли ощущеній и разумѣнія съ одной стороны — аффектамъ, желаніямъ и волѣ съ другой стороны. У **Рида** этотъ контрастъ, составлявшій особенность времени, снова занялъ первое мѣсто. Въ «Изслѣдованіи человѣческой души», появившемся въ 1764 г., мы не находимъ еще никакихъ ясныхъ указаній, относящихся къ вопросу о классификаціи душевныхъ силъ. Но зато въ «Опытахъ объ умственныхъ силахъ человѣка», напечатанныхъ впервые въ 1785 г., а равно и въ «Опытахъ объ активныхъ силахъ человѣческой души» (1788) мы находимъ ясныя опредѣленія касательно изслѣдуемаго вопроса. Во первыхъ посмотримъ, какъ Ридъ понимаетъ термины *силы, способности* ума. По его мнѣнію, было бы нелѣпо предположить, чтобъ что-либо могло дѣйствовать, не имѣя «силы» дѣйствовать (power to operate) [5]). Стало быть можно говорить о душевныхъ силахъ, но неправильно считать тер-

---

[1]) Observations on man, 6-th Ed. Lond. 1834. P. I, p 1.
[2]) Ibid. p. 2.
[3]) Ibid. Ch. III, S. III, p. 232.
[4]) Ibid. p. 233.
[5]) Works of Th. Reid., by Sir Will. Hamilton. 7-th Ed. Edinb. 1872. Vol. I, p. 221, a.

мины «сила» и «способность» синонимами. Понятіе силы шире. Способности — это тѣ силы души, которыя ей прирождены (which make part of the constitution of the mind), другія силы — пріобрѣтенныя — называются привычками. Особую силу составляетъ способность души пріобрѣтать привычку (это capacity въ отличіе отъ faculty)[1]. Въ главѣ VII перваго изъ названныхъ двухъ сочиненій Ридъ даетъ дѣленіе душевныхъ силъ. Онъ находитъ, что каждое дѣленіе душевныхъ способностей, вслѣдствіе ихъ разнообразія и смежности ихъ отправленій, можетъ подлежать возраженіямъ. Поэтому и принимаетъ, безъ разсужденій, обычное, по его словамъ, дѣленіе ихъ на силы разумѣнія (understanding) и воли. Воля обнимаетъ активныя силы души въ собственномъ смыслѣ и тѣ, которыя *вызываютъ* дѣйствія души, какъ аппетиты, страсти и аффекты. Разумѣніе обнимаетъ наши созерцательныя способности, посредствомъ которыхъ мы воспринимаемъ объекты, постигаемъ, или помнимъ воспринятое, анализуемъ и осложняемъ послѣднее, наконецъ судимъ и разсуждаемъ о немъ[2]. Эта классификація не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій. Но надо сказать еще два слова объ отношеніи *чувствованій* къ другимъ явленіямъ у Рида. Чувствованія удовольствія и страданія Ридъ, довольно необычно, обнимаетъ въ понятіи ощущеній (sensations) *или* чувствованій (feelings), тогда какъ то, что мы называемъ обыкновенно ощущеніями, онъ опредѣляетъ понятіемъ воспріятій (perceptions)[3]. Чувствованія удовольствія и страданія Ридъ не только отличаетъ отъ актовъ сужденія, но прямо противополагаетъ послѣднимъ, сравнивая напр. чувство головной боли съ сужденіемъ, «что солнце больше земли»[4]. Однако Ридъ, какъ мы видѣли, еще не ставитъ чувствованій въ особый классъ, вѣроятно потому, что идеи пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ связаны у него тѣсно съ идеями различныхъ аффектовъ: всѣ аффекты дѣлятся у него на пріятныя чувствованія и непріятныя[5]. Но, съ другой стороны, онъ употребляетъ почти какъ синонимы понятія аффекта и желанія; страсти—это аффекты же, только обладающіе большею степенью интенсивности (degree of vehemence)[6]. Такимъ образомъ у Рида опять пу-

---

[1]) Ibid. p. 221, b. Для болѣе подробныхъ разъясненій объ отношеніи различныхъ силъ у Рида см. прим. Гамильтона (ib) и Vol II, p. 518, b. и слѣд.

[2]) Ibid. p. 242, a. На слѣдующихъ страницахъ Ридъ проводитъ ту же классификацію болѣе подробно и тщательно. Ср. также Vol II, p. 511.

[3]) Ibid. p. 310, a. Perception has always an external object, говоритъ онъ.

[4]) Ibid. Vol. II, p. 671 и 672. When we feel without judging, or judge without feeling, it is impossible, without very gross inattention, to mistake the one for the other.

[5]) Ibid. p 559 и слѣд.

[6]) Ibid. p. 572 Слово «appetite» для Рида синонимъ термина «passion». Ср. ib. p 554, a.

таются понятія чувствованій, аффектовъ и желаній, при общемъ дѣленіи способностей на познавательныя и желательныя [1]). Иначе сказать, Ридъ въ Англіи — такой же выразитель господствовавшей въ XVII и XVIII в. идеи классификаціи душевныхъ силъ, какимъ Вольфъ былъ въ Германіи, и это еще подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что и у Рида есть также намеки на другую, второстепенную дихотомію души, принятую Вольфомъ, ибо и онъ употребляетъ еще понятія *животныхъ* и *разумныхъ* силъ (параллельно которымъ ощущенія различаются отъ высшихъ чувствованій пріятныхъ и непріятныхъ) [2]).

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ важномъ представителѣ англійской психологіи въ концѣ XVIII в., о **Дюгальтѣ Стюартѣ**, авторѣ «Элементовъ философіи человѣческаго духа». Первый томъ этого сочиненія появился въ 1792 г., т. е. ранѣе антропологіи Канта, и хотя второй томъ (болѣе важный для насъ) вышелъ только въ 1814 г., тѣмъ не менѣе, какъ по связи его съ I-мъ т., такъ и по общему направленію психологіи Дюгальта Стюарта, объ этомъ послѣднемъ писателѣ, отправляющемся изъ теорій Рида, слѣдуетъ говорить въ исторіи XVIII вѣка. Дюгальтъ Стюартъ, постоянно употребляя терминъ способности, не посвящаетъ однако особой главы въ своемъ сочиненіи *классификаціи* душевныхъ способностей. Впрочемъ уже въ I т. онъ очевидно кладетъ въ основу своего изслѣдованія различеніе силъ *воли* и *перцепціи* [3]). Въ началѣ второго тома онъ объясняется точнѣе. Различая, «по примѣру нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей», *интеллектуальныя* и *активныя* силы души, онъ находитъ эти понятія предпочтительными предъ прежними понятіями разумѣнія и воли, которыя страдаютъ двусмысленностію [4]). Разумѣніе, напр., означаетъ только одну сторону интеллектуальной жизни и не такъ удобно для цѣлей классификаціи, такъ какъ послѣдняя имѣетъ главной задачею внести порядокъ въ анализъ предметовъ психологіи, а для этого конечно нужна точность выраженія. Разби-

---

[1]) Различеніе желанія отъ воли въ собств. смыслѣ, взятое Ридомъ у Локка (ib. p. 531 и 532), для насъ не важно, ибо это очевидно есть только различеніе моментовъ развитія «воли» въ обширномъ значеніи слова.

[2]) Vol I, p. 312: sensations a. feelings differ not only in degree, but in kind and dignity. Some belong to the *animal* part of our nature ; others belong to *rational* and moral part (у Вольфа pars infer и pars super.). Замѣчательно еще, что, подобно Вольфу, Ридъ часто неосторожно злоупотребляетъ понятіемъ способности, и количество «оригинальныхъ силъ ума» въ *спеціальномъ* анализѣ у него значительно возрастаетъ (ср. статист. таблицу ихъ, составленную въ насмѣшку Пристли, Blakey, l. c , Vol. III, p. 202).

[3]) Elements de la philos. de l'esprit humain, p. Dugald-Stewart, trad. p. Peisse. Paris. 1843—45. T. I, p. 49.

[4]) Ibid. T. II, p. 10 и слѣд.

рая въ упомянутомъ сочиненіи главнымъ образомъ *умственныя* отправленія человѣка, которыя онъ приписываетъ цѣлому ряду частныхъ способностей, Дюгальтъ Стюартъ мало интересенъ для насъ [1]), и съ насъ достаточно было убѣдиться, что и онъ еще стоялъ на точкѣ зрѣнія «дихотоміи» души. Разсмотрѣвъ ученія нѣсколькихъ типическихъ представителей англійской психологіи въ XVIII в. [2]), перейдемъ къ главнымъ представителямъ французской психологіи той же эпохи, къ Кондильяку и другимъ.

У французскихъ психологовъ, сенсуалистовъ и матеріалистовъ, мы встрѣчаемъ мало вниманія къ вопросу о классификаціи психическихъ явленій, не потому, чтобъ эта классификація противорѣчила принципамъ сенсуалистическаго матеріализма (классификація явленій вещь совершенно независимая отъ способовъ толкованія ихъ общей природы), а потому, что ихъ вниманіе было вполнѣ поглощено стремленіемъ объяснить всѣ психическіе процессы, какъ ихъ *обыкновенно перечисляютъ*, отправленіями матеріи и свести къ одному общему источнику, къ ощущеніямъ. Эта задача заставляла ихъ, во первыхъ, сильнѣе настаивать на единствѣ общей основы, чѣмъ на *разнообразіи проявленій* психической жизни, а во вторыхъ привлекала главное вниманіе ихъ на анализъ познавательныхъ операцій, въ то время какъ прочія отправленія отодвигались на второй планъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, означенныя лица безъ критики принимали господствовавшія въ **ихъ** время различенія. Эти соображенія между прочимъ оправдываются и на Кондильякѣ.

Кондильякъ, въ «Опытѣ о происхожденіи человѣческихъ знаній» (1746), говоритъ, что можно различать два рода отправленій души, смотря потому, относятся ли они къ разумѣнію, или къ волѣ. Задача его опыта состоитъ только въ анализѣ первыхъ [3]). Въ «Трактатѣ объ ощущеніяхъ» (1754) Кондильякъ доказываетъ, что всѣ состоянія сознанія, начиная отъ простой чувственной перцепціи и кончая волей, суть модификаціи ощущенія (la sensation transformée) [4]). Эта модификація, иначе сказать, развитіе ощущенія, идетъ слѣдующимъ порядкомъ: за перцепціями слѣдуютъ всегда *чувства удовольствія и страданія* [5]); удовольствіе и страданіе, привлекая вниманіе

---

[1]) Сочиненія Phil. of the active a. moral powers of man, Edinb. 1828, мы не имѣемъ подъ руками.

[2]) О Пристли мы не говорили, ибо не имѣли подъ руками его сочиненій, да притомъ онъ былъ, какъ извѣстно, приверженцемъ Гертли и его взгляды не имѣютъ самостоятельнаго значенія.

[3]) Oeuvres de l'abbé de Condillac. 3-me Ed Paris. 1787. Vol. I, p 15 (I p., S. II)

[4]) Ibid. Vol. III, p. 475

[5]) Ibid. p. 11: удовольствіе и страданіе возникаютъ почти одновременно съ перцепціей объекта (ср. § 2: dès cet instant ellecommence à jouir ou à souffrir).

наше къ ощущенію, вліяютъ на образованіе *памяти;* изъ памяти возникаетъ *сужденіе* [1]); изъ сужденія образуется критическое отношеніе нашего сознанія къ настоящему, порождающее *желаніе* чего либо лучшаго [2]); изъ желанія образуется *воля,* т. е. желаніе абсолютное, увѣренное въ своемъ успѣхѣ [3]). Страсть—это только болѣе сильное, не допускающее соперниковъ, желаніе [4]). При такомъ взглядѣ на процессъ развитія сознанія (conscience), Кондильякъ, понятно, относилъ къ области разумѣнія не только чувства удовольствія и страданія, но и желаніе [5]), а стало быть, въ извѣстномъ смыслѣ, и самую волю. Но однако мы видѣли, что онъ признавалъ и возможность различенія воли отъ разумѣнія. Важнѣе всего, что Кондильякъ менѣе другихъ смѣшивалъ явленія удовольствія и страданія съ желаніями, отдѣливъ тѣ и другія рядомъ посредствующихъ отправленій сознанія.

О **Гольбахѣ** и **Гельвеціѣ** мы подробно говорить не будемъ, ибо, подобно Кондильяку, они стремились всѣ психическіе феномены поставить въ связь съ ощущеніями и мало дорожили правильной ихъ классификаціей [6]). Зато мы остановимся на тѣхъ теоріяхъ, которыя изложены по данному вопросу въ знаменитой «Энциклопедіи», изданной **Дидеро** и **Даламберомъ.** Это сочиненіе лучше всего выражаетъ характеръ ученій, господствовавшихъ во Франціи, да и вообще въ ученомъ мірѣ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ VI томѣ Энциклопедическаго словаря (1756), подъ словомъ faculté, высказывается мысль, что «способностей или силъ (puissances) души двѣ: разумѣніе и воля» [7]). Но въ той же статьѣ говорится ниже, что «человѣкъ» имѣетъ три рода способностей: познавать, желать и двигать свое тѣло [8]). Но эта послѣдняя способность (движенія) относится отчасти къ области воли, поскольку движенія произвольны, отчасти къ физической природѣ человѣка,

---

[1]) Ibid. p 474· c'est le plaisir et la peine qui, occupant notre capacité de sentir, produit cette attention d'où se forment la mémoire et le jugement.

[2]) Ibid. p. 475.

[3]) Ibid. См. также p. 40. on entend par volonté, un désir absolu et tel que nous pensons qu'une chose desirée est en notre pouvoir. Локкъ, по мнѣнію Кондильяка, проводитъ между желаніемъ и волею болѣе различія, нежели слѣдуетъ (ib. p. 466).

[4]) Ibid. p. 38.

[5]) Ibid. p. 475· le désir n'est donc que l'action des mêmes facultés, qu'on attribue à l'entendement.

[6]) О классификаціи Гольбаха, ср. Mémoires pour servir à l'hist. de la philos. au XVIII s. p. Damiron. Paris. 1858. T I, p. 132. Гельвецій придавалъ большое значеніе чувствамъ удовольствія и страданія, за которыми признавалъ вліяніе и на мысли и на дѣйствія наши и отъ которыхъ производилъ всѣ страсти и желанія Ср. De l'esprit, P., 1758. III disc., Ch IX Въ сочиненіи De l'homme (Oeuvres. T. III), Ch. I (p. 2). Гельвецій противуполагаетъ мимоходомъ два понятія: facultés intellectuelles et passions.

[7]) P 361, b.

[8]) Ibid. p. 362, a.

поскольку они непроизвольно вытекаютъ изъ закона самосохраненія (actions naturelles). На долю души остаются, стало быть, всетаки только: способность разумѣнія или воспріятія и сила воли. Первая, можетъ быть, подъ вліяніемъ Вольфа [1]), дѣлится на низшую и высшую (инстинктъ и разумъ); ощущеніе и *чувство* относятся къ низшей силѣ воспріимчивости; такъ какъ чувства удовольствія и страданія вызываютъ желаніе, то «первая способность намъ дана, чтобъ направлять вторую». Желаніе, связанное съ яснымъ сознаніемъ добраго и дурнаго въ объектѣ, называется волей (ou appétit rationnel) [2]). Такимъ образомъ преобладающую роль имѣетъ контрастъ разумѣнія и воли, который потомъ высказывается въ другой формѣ—въ противоположеніи аппетитивной, активной способности — сензитивной, пассивной [3]).

Всѣхъ приведенныхъ фактовъ конечно достаточно, чтобъ вывести слѣдующія общія заключенія: 1) понятіе способности, хотя и продолжало держаться въ первый періодъ новой философіи, тѣмъ не менѣе подъ способностями души большею частью разумѣлись только «возможности» дѣятельности ея въ различныхъ направленіяхъ: номиналистическая теорія преобладала; 2) въ ученіи о количествѣ и качествѣ душевныхъ силъ совершилось крупное преобразованіе; изъ трехъ главныхъ, древнихъ и средневѣковыхъ, понятій отчасти удержались только два — понятіе низшей, животной, и высшей, человѣческой души, но надъ этою дихотоміей скоро вполнѣ восторжествовала другая дихотомія души: на воспріемлющія или познающія, по преимуществу *пассивныя* способности, и желательныя или волевыя, *активныя*. Такъ какъ воспріятіе признавалось большею частью главнымъ корнемъ дальнѣйшихъ отправленій души, то тѣ и другія способности часто обнимались въ общемъ понятіи разумѣнія, а явленія, имъ соотвѣтствующія, въ общихъ понятіяхъ перцепцій, идей или ощущеній. 3) Идеи *чувствованій* (удовольствія и страданія) и желаній все еще смѣшивались въ понятіи аффектовъ, но всетаки раздѣльность этихъ двухъ моментовъ уже гораздо яснѣе сознавалась, чѣмъ въ эпоху средневѣковой философіи. Удовольствія и страданія обыкновенно отчислялись къ области воспріятія, по скольку оно составляетъ главную основу аффекта; желанія же — къ области воли.

---

[1]) Ср. ib. p. 362, b (гдѣ имя Вольфа даже упоминается).
[2]) Ibid. p. 362, b.
[3]) Ibid. p. 365, a.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новѣйшій періодъ (начиная съ Канта).

Выдѣленіе чувствованій въ третій, совершенно особый классъ психическихъ явленій постепенно подготовлялось въ XVII и XVIII в., съ одной стороны возрастающимъ интересомъ къ общему анализу феноменовъ удовольствія и страданія, а также аффектовъ, изъ нихъ вытекающихъ, съ другой стороны спеціальнымъ анализомъ нѣкоторыхъ категорій чувствованій, особенно нравственныхъ и эстетическихъ, первыхъ по преимуществу въ школѣ англійскихъ и шотландскихъ моралистовъ (Шефтесбэри, Кларкъ, Фергюсонъ, Адамъ Смитъ, Палей и др.), вторыхъ главнымъ образомъ въ школахъ нѣмецкихъ и французскихъ эстетиковъ (Баумгартенъ, Баттё, и друг.). Во второй половинѣ XVIII в. появляется поэтому, особенно въ Германіи, цѣлый рядъ монографій по вопросу о чувствованіяхъ удовольствія и страданія, и переворотъ въ классификаціи главныхъ группъ душевныхъ явленій дѣлается потребностью времени. Кантъ, какъ главный выразитель всѣхъ философскихъ потребностей конца XVIII в., далъ первый серіозный толчекъ нововведеніямъ и въ области изучаемаго нами вопроса. Но Кантъ имѣлъ предшественниковъ и во главѣ ихъ стоялъ Тетенсъ. Ранѣе Тетенса уже Зульцеръ (Verm. philos. Schriften, 1763) и Платнеръ (Anthropologie für Aerzte u. Weltweise, 1772) намекали на существованіе третьей силы души, силы чувства, или вѣрнѣе ощущенія (Vermögen zu empfinden), но эти намеки еще не ясны и эти писатели часто сами противорѣчили себѣ, что̀ видно изъ того обстоятельства, что одни историки имъ приписываютъ сознаніе трехъ способностей, другіе только двухъ[1]). Тетенсъ первый высказался вполнѣ ясно,

---

[1]) Ср. напр. отзывы Фолькмана, l. c., II т., p. 293, съ отзывами Покорнаго (J. Pokorny, Gesch. d. Lehre v. d. Gefühlen, p. 2 и 3). Первый считаетъ Зульцера, второй Платнера пред-

и потому его обыкновенно считаютъ первымъ основателемъ трихотоміи души, которую Кантъ своимъ авторитетомъ только выдвинулъ впередъ [1]). Переходя къ Тетенсу, мы начинаемъ изложеніе *второго* періода новой философіи, съ точки зрѣнія классификаціи психическихъ явленій, который продолжается отчасти и до сей поры. Впрочемъ мы еще будемъ не разъ встрѣчаться съ отклоненіями въ пользу старой дихотоміи души, которыя объясняются, частію безсознательною инерціею въ развитіи научныхъ истинъ, которая никогда не допускаетъ *внезапныхъ* переходовъ къ новому; частію, сознательною реакціею «противъ новшествъ», къ которой такъ склонны нѣкоторые дѣятели науки, во всѣ эпохи ея развитія.

Тетенсъ въ своихъ «Философскихъ опытахъ о человѣческой природѣ и ея развитіи» (1777) излагаетъ слѣдующую теорію. Сравненіе наблюденій скоро научило различныя дѣйствія души сводить къ нѣсколькимъ кореннымъ силамъ. Очевидно, что понятія многихъ второстепенныхъ (abgeleitete) силъ ничего другого не содержатъ, какъ различеніе степеней интенсивности, съ которою дѣйствуетъ одна коренная способность; другія указываютъ на различныя направленія ея дѣятельности; третьи сводятся къ различенію объектовъ, на которыя она обращена. Число коренныхъ силъ признается различное. Большинство писателей называетъ, «какъ въ катехизисѣ», двѣ коренныя способности: умъ и волю, которыхъ предѣлы опять различно опредѣляются. Нѣкоторые признаютъ еще третій принципъ: чувствительности (Empfindsamkeit) [2]). На эту точку зрѣнія именно и становится самъ Тетенсъ. Онъ приходитъ къ своимъ тремъ понятіямъ силъ путемъ слѣдующихъ разсужденій. Прежде всего надо различать въ душѣ простую, пассивную воспріимчивость (Empfänglichkeit) къ впечатлѣніямъ—отъ активной силы, перерабатывающей эти впечатлѣнія. Сила воспріимчивости или чувства (Receptivität oder Gefühl) и сила дѣятельности ума (Activität) — вотъ двѣ коренныя силы души [3]). Но дѣятельность души простирается не на одни только представленія. Душа дѣйствуетъ еще въ другомъ направленіи, отчасти совершая

шественниками Тетенса. Другіе писатели этого времени, Мендельсонъ, Эберхардъ, Кампе и пр. стояли очевидно на Вольф. точкѣ зрѣнія (см. ibid) Горвицъ, рядомъ съ Тетенсомъ, называетъ Тидемана предшественникомъ Канта. Zur Naturgesch. d. Gef. Berlin. 1876, p. 6. Но замѣчательно, что идея трихотоміи душевныхъ явленій почти одновременно возникла и у одного французскаго писателя, а именно у швейцарца Бонне (ср. его Philalèthe, составл. въ 1767-68 г., Ch. I Oeuvres, T VIII, p 402. je ne saurais douter raisonnablement que je ne sois doué de sensibilité, d'entendement, de volonté и т. д.).

[1]) Ср. Pokorny, ib , p. 3. Volkmann, ib., p. 293 Taubert, l. c., p. 42. Drobisch., l. c., p. 309, прим. 2 и т. д.

[2]) Philos. Vers. ub. die Menschl. Natur, Leipzig 1777. 2 тома. X Vers., 2 (B. I, p 619).

[3]) Ibid. p. 621.

новыя измѣненія въ своемъ внутреннемъ состояніи, отчасти дѣйствуя на внѣшнюю среду. «Какъ относится дѣятельная способность души, помощью которой эта послѣдняя производитъ новыя модификаціи, къ той силѣ, которая образуетъ представленія и мыслитъ»[1])? Первую въ отличіе отъ второй, отъ силы разума, Тетенсъ считаетъ нужнымъ обозначить въ особомъ понятіи «силы дѣятельности» (Thätigkeits-Kraft)[2]). Предполагая, что *воля* означаетъ ничто инос, какъ способность *быть дѣятельнымъ* (внѣ области представленій), онъ приходитъ къ окончательному выводу, что въ душѣ три коренныя силы: *чувство, разумъ* и *воля*[3]). Считать одну изъ этихъ силъ болѣе коренной и первоначальной и опредѣлять ею общую сущность духовнаго начала Тетенсъ не считаетъ возможнымъ, хотя и соглашается, что сила чувства всего ранѣе проявляется въ душѣ[4]). По поводу классификаціи Тетенса, надо еще замѣтить, что онъ разумѣетъ въ понятіи чувства еще далеко не то, что̀ стали разумѣть въ этомъ словѣ послѣ. Способность чувства обнимаетъ не только чувствованія удовольствія и страданія и ихъ осложненія, но въ одинаковой степени и ощущенія наши, т. е. элементарные акты познанія. Въ этомъ смыслѣ онъ противуполагаетъ простыя ощущенія самыхъ вещей (die blossen Empfindungen der Dinge selbst) *квалифицированнымъ* или *аффицирующимъ* ощущеніямъ, которыя содержатъ въ себѣ еще указаніе на *отношеніе* ощущеній въ собственномъ смыслѣ — къ современному имъ состоянію души[5]). Эти квалифицированныя ощущенія и соотвѣтствуютъ нашимъ чувствованіямъ[6]). Съ этого времени, чувствованія уже у большинства психологовъ относятся къ области воспріимчивости и отдѣляются отъ желаній и аппетитовъ. Но предстояло еще выдѣлить изъ понятія «чувства» ощущенія съ объективнымъ содержаніемъ, скорѣе принадлежащія къ области мышленія и познанія, чѣмъ къ области чувства. Это выдѣленіе совершилъ Кантъ[7]).

---

[1]) Ibid. p. 622 и 623.

[2]) Ibid. p. 625.

[3]) Ibid. p. 626.

[4]) Ibid. XI Vers., особ. § 3 (стр. 737).

[5]) Ibid. p. 185 (II Vers., III, 3)

[6]) Онъ впрочемъ и самъ иногда употребляетъ понятіе Gefühl въ настоящемъ смыслѣ, противуполагая его понятію Empfindung и сливая оба въ понятіи Empfindniss (ощущеніе съ признакомъ пріятности или непріятности, l. c., особ. p. 214—216).

[7]) Впрочемъ формально онъ и тутъ имѣлъ предшественника въ Абихтѣ (Vers. e. Metaphysik. d. Vergn., Leipz. 1789), который, основываясь на Кантовскихъ же *намекахъ* въ «Крит. практ. разума», первый высказалъ, что именно чувства нельзя смѣшивать съ силой представленія, и что рядомъ съ послѣдней существуетъ въ человѣкѣ способность къ чувствованіямъ пріятнаго (Verm. zu angen. Gefühlen). Einl, § 10 (p. 30). Впрочемъ въ сущности Абихтъ признаетъ только одну основную психическую силу — силу сознанія (Kraft des

Довольно ясно **Кантъ** поставилъ вопросъ уже въ введеніи къ «Критикѣ силы сужденія» (1790), гдѣ онъ отличаетъ познавательную способность души (Erkenntnissvermögen) отъ способности чувствовать удовольствіе и страданіе (Gefühl der Lust u. Unlust) и отъ желательной силы (Begehrungsvermögen)[1]; однако болѣе подробное и мотивированное проведеніе этой классификаціи мы находимъ только въ его «Антропологіи» (Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Königsb. 1798). Нельзя не согласиться съ Розенкранцемъ, что въ этомъ сочиненіи Кантъ выказываетъ особенное богатство наблюдательности. Первая часть антропологіи дѣлится на три книги, изъ которыхъ первая, бо́льшая, посвящена анализу познавательной силы, вторая—анализу чувствъ удовольствія и страданія, третья—разбору желательной способности[2]. Въ познавательной дѣятельности Кантъ различаетъ два момента, чувственный и интеллектуальный (Sinnlichkeit und Verstand), или пассивный и активный[3]. Эти два момента называются также низшимъ и высшимъ: хотя Кантъ открыто и не возстаетъ противъ этихъ наименованій, но онъ едва ли особенно имъ сочувствуетъ; по крайней мѣрѣ онъ предпринимаетъ цѣлую «апологію» для оправданія чувственности противъ взводимыхъ на нее ложныхъ обвиненій[4]. Разбирая отправленія познавательной способности, Кантъ начинаетъ съ чувственности, даетъ сначала анализъ пяти внѣшнихъ чувствъ (§ 14—22), потомъ внутренняго чувства (родъ самосознанія, «wo man eine Seele in sich wahrnehmen glaubt», § 23), затѣмъ воображенія (facultas imaginandi), которое дѣйствуетъ то продуктивно, то репродуктивно (§ 27 и слѣд.) и къ которому относится между прочимъ память (§ 33). О другихъ способностяхъ, которыя ставятся Кантомъ въ связь съ чувственностью мы не будемъ говорить, такъ какъ тутъ приводятся понятія, не получившія дальнѣйшаго развитія въ психологіи. Съ § 39 начинается анализъ активной познавательной дѣятельности, отъ разума исходящей. Въ неё входятъ понятія разума, силы сужденія и разсудка; отношенія этихъ послѣднихъ не могутъ интересовать насъ въ настоящую минуту. Во второй книгѣ, какъ я сказалъ, разбираются *чувства* удовольствія и страданія. Этого разбора мы коснемся въ слѣдующей части, а пока замѣтимъ только, что и феномены

Bewusstseins), которая только имѣетъ различныя направленія или модификаціи (ср. p. 50: Gefuhl, als eigene Gattung d Modification des Bewusstseins)

[1]) Sammtl. Werke (Ros. u. Schub.), IV Th (Leipz. 1838), Einl., особенно стр. 40 (таблица). О предшеств. 1790-му г. намекахъ Канта на трихотомію см. подробно у Бона Мейера: Kant's Psychologie Berl. 1870, III Ab. I Kap , p. 41—65.

[2]) S. Werke, VII Th., 2 Abth. (Leipz 1838).

[3]) Ib., § 7 (p 28).

[4]) Ib., § 8—11 (p. 31 и слѣд.).

удовольствія и страданія дѣлятся на чувственные и интеллектуальные [1]). Въ третьей книгѣ разсматривается желательная способность и тутъ прежде всего идетъ рѣчь объ аффектахъ. Взглядъ Канта на аффекты чрезвычайно интересенъ, если взять во вниманіе новыя основы его классификаціи. Различая аффектъ отъ страсти, Кантъ говоритъ, что страсть есть непреодолимое или трудно преодолимое для разума стремленіе (Neigung) субъекта; аффектъ же есть, напротивъ, такое преобладаніе въ душѣ чувствъ удовольствія или страданія, которое не допускаетъ дѣйствія размышленія. Тѣ и другія состоянія души одинаково интенсивны (heftig im Grade) и, уничтожая власть разума, составляютъ болѣзнь духа; притомъ расположеніе къ аффектамъ (Французы) исключаетъ расположеніе къ страстямъ (Итальянцы и Испанцы) и обратно [2]). При такомъ взглядѣ Канта на дѣло, нельзя не удивляться, почему онъ не помѣстилъ анализа аффектовъ во второй отдѣлъ антропологіи, — тѣмъ болѣе что онъ дѣлитъ всѣ аффекты на проявленія радости и проявленія печали [3]). Объяснять это обстоятельно можно родственностью аффектовъ и страстей, какъ мотивовъ дѣятельности, но это соображеніе — формальное. Гораздо вѣрнѣе предположить, что Кантъ не могъ, въ этомъ случаѣ, отрѣшиться отъ традицій прошлаго и, какъ всегда бываетъ въ исторіи научныхъ успѣховъ, не въ состояніи былъ провести свою реформу до конца. Понятія воли въ собственномъ смыслѣ Кантъ вовсе не разбираетъ въ своей антропологіи. Но въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ касается отношеній желанія и воли. Разница между ними въ томъ, что воля пробуждается разумомъ, тогда какъ желаніе, въ тѣсномъ значеніи, имѣетъ источникомъ чувствованія удовольствія и страданія [4]).

Реформа Канта, созрѣвшая въ послѣднюю четверть XVIII в., совершилась на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, и усвоеніе его системы классификаціи принадлежитъ уже нашему вѣку, къ которому мы и переходимъ [5]).

---

[1]) Ibid. Zw. Buch, Eintheil. p. 143

[2]) Ib. § 72 и 73 (p. 170 и слѣд.). Въ § 79 Кантъ называетъ болѣзнью только страсть, а аффектъ опредѣляетъ понятіемъ Rausch.

[3]) Ib. § 75 (p. 174) Въ § 74 Кантъ даже прямо *противуполагаетъ* аффектъ способности желанія.

[4]) Cp. Kirchmann, Philos. Bibliothek, 20 Band: Erläuter. zu Kants Anthropologie in pragm. Hins № 68 (p 74)

[5]) Для возможной полноты упомянемъ, оканчивая XVIII в., еще о монографіи Флемминга, которая вышла ранѣе Антропологіи Канта, но послѣ его Критики силы сужденія (Flemming Versuch ein Analytik d. Gefuhlvermogens, Altona, 1793). Флемминтъ, можетъ быть, уже находился подъ вліяніемъ Канта (часто имъ упоминаемаго), ибо иногда говоритъ объ особой способности чувства (Gefuhlvermögen, p. 13 и др.). Однако эту способность онъ подчиняетъ общей, коренной силѣ представленія и говоритъ прямо, что имѣть чувствованія

Если сравнить то, что́ было сказано о классификаціи Канта, съ выдержками о томъ же предметѣ изъ новѣйшихъ сочиненій по психологіи болѣе замѣчательныхъ современныхъ представителей этой науки, напр. Бэна[1]) или Горвица[2]), то не останется сомнѣнія на счетъ того факта, что классификація, установленная Кантомъ, и теперь есть *господствующая*. Но какъ для полноты изложенія, такъ и для ознакомленія съ крупными уклоненіями и съ разногласіями въ частностяхъ, мы остановимся всетаки на теоріяхъ выдающихся психологическихъ школъ XIX в., хотя въ нашемъ столѣтіи, въ теченіи котораго психологическія сочиненія выходили не единицами и десятками, а сотнями, какой либо полноты достигнуть труднѣе, чѣмъ во всякую другую эпоху. Сначала мы займемся нѣмецкой психологіей текущаго столѣтія, потомъ слегка коснемся французской, наконецъ перейдемъ къ англійской.

Исторія нашего вопроса въ нѣмецкой психологіи нынѣшняго вѣка довольно полно, хотя вкратцѣ, изложена Фолькманомъ въ примѣчаніяхъ къ анализу понятія чувствованій[3]); болѣе подробно, хотя и не съ такой полнотой, изложилъ её Покорный въ своихъ двухъ монографіяхъ по исторіи чувствованій[4]). Но, имѣя подъ руками почти всѣ нужные матеріалы и источники и исходя изъ нѣсколько иной точки зрѣнія, чѣмъ эти авторы, мы чувствуемъ потребность сдѣлать новый и самостоятельный опытъ краткаго обзора нѣмецкихъ ученій послѣ Канта, относящихся къ классификаціи психическихъ явленій. Мы частью будемъ держаться хронологическаго порядка (соображаясь съ временемъ появленія разбираемыхъ сочиненій); частью, гдѣ это окажется удобнѣе, будемъ поочереди останавливаться на отдѣльныхъ психологическихъ школахъ Германіи. За бо́льшими подробностями относимъ

не значитъ владѣть «особою» способностью (p. 21). Любопытно еще то, что Флеммингъ не считаетъ признаковъ удовольствія и страданія существенною принадлежностью понятія «чувства» (p. 18), хотя и признаетъ явленія того и другого порядка нераздѣльно-связанными другъ съ другомъ (p. 24).

[1]) Бэнъ говоритъ въ сочиненіи Mental and Moral science, London, 1875, p. 2, слѣдующее: «the only account of Mind strictly admissible in scientific Psychology consists in specifying three properties or functions—*Feeling*, *Will* or volition, and *Thought* or Intellect—through which all our experience, as well objective as subjective, is built up.».

[2]) У Горвица въ Psychologische Analysen auf phys. Grundlage, I Th. Halle. 1872, p. 156, мы находимъ слѣдующія слова: «*Fast alle* Psychologen gliedern die Seelenerscheinungen in die drei grossen Kathegorien des *Erkennens*, des *Fühlens* und des *Wollens*, welche Bedeutung sie auch im übrigen dieser Eintheilung beilegen mögen. Auch *wir schliessen uns derselben an*, natürlich mit dem Vorbehalt spater ihre Berechtigung zu prufen».. Это дѣленіе Горвицъ принимаетъ за основу при расположеніи матеріала между частями своего сочиненія, еще не оконченнаго до сихъ поръ.

[3]) L. c., II B. (Cöthen, 1876), p. 294 и слѣд.

[4]) Привед. выше на стр. 4 и 5.

читателя заранѣе къ подлиннымъ сочиненіямъ, которыя будемъ приводить.

Послѣ Канта разсмотримъ сначала тѣ психологическія ученія, въ которыхъ трихотомія Канта съ различными видоизмѣненіями полагалась въ основу анализа. Сюда относятся ученія Якоба, Вебера, Каруса и Фриза; Фр. Г. Якоби относится къ той же категоріи писателей, хотя его система носитъ совершенно особый характеръ. Трихотомія Канта была развита имъ не столько въ психологическомъ, сколько въ метафизическимъ направленіи. У **Якоби** способность чувствованія разсматривается, какъ «органъ непосредственнаго познанія сверхчувственнаго міра», какъ органъ вѣры и въ концѣ концевъ отождествляется съ *разумомъ* (Vernunft), въ противуположность разсудку (Verstand)[1]). Отсутствіе психологическихъ основъ въ этой системѣ позволяетъ намъ ограничиться этими краткими указаніями. Замѣтимъ только еще, что къ Якоби отчасти примкнули, какъ показываютъ изслѣдованія Покорнаго, нѣкоторые австрійскіе психологи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, какъ напр. Іегеръ, Лихтенфельсъ и Прохазка[2]). Имѣя подъ руками сочиненія **Лихтенфельса** и **Прохазки**, мы должны однако сознаться, что не находимъ ихъ классификацію въ той мѣрѣ сходною съ классификаціею Якоби, какъ думаетъ Покорный. Правда, мы у обоихъ встрѣчаемъ понятіе разума, какъ органа сверхчувственнаго познанія; но зато оба протестуютъ противъ обычнаго (übliche) дѣленія души на три силы. Лихтенфельсъ различаетъ двѣ коренныя способности: воспріятія и стремленія. Каждая можетъ быть направлена на чувственный и на сверхчувственный міръ. Отсюда получается въ результатѣ тетрахотомія душевной дѣятельности[3]). Прохазка точно также приходитъ сначала къ дихотоміи душевной дѣятельности (на Geistesthätigkeiten и Gemüthsthätigkeiten), а затѣмъ къ тетрахотоміи: въ области познанія — воспріятіе (Wahrnehmung) противуполагается мышленію[4]), въ области сердечной жизни различается способность чувствованія отъ способности стремленія[5]). Разумъ, органъ познанія сверхчувственнаго, противополагается, въ области мышленія, всѣмъ другимъ дѣятельностямъ, направленнымъ на чувственный міръ[6]). Познакомившись съ этими, болѣе поздними, противниками Кантов-

---

[1]) Ср. Pokorny, l. c., p. 9, a.

[2]) Ibid. p. 9, b и 10, a.

[3]) Lehrbuch z. Einl. in die Philos., Wien. 1852 (2-te Aufl.), p. 46: A. Das sinnl. Wahrn.-Verm. oder d. Sinn. B. Das übersinnl. (od. innere, ib p. 59) Wahrn. - Verm oder die Vernunft C. Das Sinnl. Bestreb.-Verm. oder d. Trieb. D. Das Uebersinnl. Bestr.-Verm. oder die Freiheit.

[4]) Neue Darstell. d empir. Psychol., Wien. 1841, p. 39 (§ 44).

[5]) Ibid p. 132 и слѣд. (§ 212 и др.).

[6]) Ibid. p. 58 и слѣд. (§ 71).

ской трихотоміи, мы нѣсколько забѣжали впередъ. Воротимся къ упомянутымъ выше ближайшимъ послѣдователямъ Канта.

Якобъ ясно высказывается въ пользу трихотоміи души[1]), хотя, примкнувъ къ Зульцеровскому опредѣленію чувствованій, какъ *субъективныхъ ощущеній*[2]), онъ не такъ опредѣленно разграничиваетъ чувство и мышленіе, какъ Кантъ. Однако онъ высказывается прямо противъ предположенія, что чувствованія суть акты познанія (Erkenntnisse)[3]). Чувствованія онъ дѣлитъ на 1) внѣшнія или органическія, которыя обнимаетъ въ понятіи чувства жизни (thierisches Lebensgefühl)[4]), проявляющемся столько же въ пріятныхъ и непріятныхъ состояніяхъ, сколько и въ формѣ безразличнаго чувства[5]) и на 2) внутреннія, духовныя. Такъ какъ въ первыхъ (внѣшнихъ) сказывается субъективная оцѣнка познавательныхъ и желательныхъ актовъ души[6]), а вторыя (внутреннія) зависятъ отъ характера отношеній между смѣняющимися въ душѣ представленіями[7]), то ясно, что, не смотря на все свое желаніе, Якобъ не въ состояніи поставить чувствованій въ положеніе совершенно самостоятельное и равноправное съ другими классами явленій[8]).

Веберъ, написавшій два сочиненія, касающіяся нашего предмета[9]), излагаетъ теорію, сходную съ ученіемъ Якоба. Онъ ясно высказывается въ пользу трихотоміи души. Такъ какъ чувство не имѣетъ ничего общаго ни съ познаніемъ, ни съ желаніемъ, то остается признать его за третье начало, которое служитъ до извѣстной степени пунктомъ соединенія двухъ другихъ[10]).

Фр. Авг. Карусъ, признавая три главныя способности въ душѣ, становится на совершенно новую и особую точку зрѣнія, на которую нельзя не обратить серіознаго вниманія. Выходя изъ мысли, что психическая жизнь ча-

---

[1]) Grundr. d Erfahrungs-Seelenlehre. Halle. 1800. См. p. 63: понятія Fühlen, Erkennen и Begehren онъ называетъ «das Einzige was wir von d Seele wissen», ср. также p. 65 (§ 95). Распредѣленіе анализа этихъ трехъ классовъ явленій на три «Hauptstucke» тоже свидѣтельствуетъ въ пользу трихотоміи.

[2]) Ср. ib. p. 79.

[3]) Ibid. p. 83 и 86

[4]) Ibid. p. 300 (§ 525)

[5]) Ibid. p. 302 (§ 528).

[6]) Ibid. p. 307 (§ 537).

[7]) Ibid. p. 325 (§ 572 и слѣд.). Эти внутр. чувства называются иначе аффектами (ibid. p. 331).

[8]) Эта двусмысленность заставляетъ Фолькмана причислить Якоба прямо къ представителямъ Вольф. точки зрѣнія (l c., p. 294), съ чѣмъ мы не можемъ согласиться.

[9]) Vom Selbstgefühle u. Mitgefuhle, Heidelb. 1807, и Ueber Einbild. Kraft und Gefühl, Stuttg. 1817.

[10]) Ср. въ послѣдн. соч Einl, p. 9 — 13 и § 10, p 57 и ссылку на первое у Покорнаго, l. c., p. 4.

стью связана съ внѣшнимъ міромъ, частью слѣдуетъ независимому теченію, онъ во первыхъ противуполагаетъ субъективный моментъ, чувство,—объективному, ощущенію и стремленію [1]). Слѣдуя далѣе принципу *развитія*, т. е. постепеннаго осложненія сознанія, онъ даетъ нѣсколько иныя, чѣмъ какія были до него, наименованія тремъ классамъ *элементарныхъ* явленій: *ощущеніе, стремленіе, чувствованіе* — вотъ его термины [2]). Изъ ощущенія развиваются дальнѣйшія ступени умственной дѣятельности—память, фантазія, наконецъ разумъ; изъ стремленія развивается воля въ трехъ отношеніяхъ: къ настоящему (аффектъ, страсть), къ прошедшему и къ будущему; изъ чувствованій элементарныхъ возникаютъ высшія ступени: чувствъ эстетическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ [3]). Проведеніе системы въ частностяхъ, какъ можно видѣть изъ этого очерка, едва ли можетъ удовлетворить современнаго психолога, но коренные принципы ея весьма сходны съ тѣми, которые и мы положимъ ниже въ основу своей классификаціи. Относительно системы Каруса можно еще прибавить, что онъ ставилъ чувствованія, подобно Веберу, между мышленіемъ и волею, и теорію чувствованій разсматривалъ, какъ посредственную ступень между ученіемъ объ умѣ (Noologie) и ученіемъ о волѣ (Thelematologie) [4]).

Въ числѣ прямыхъ послѣдователей Кантовской трихотоміи надо еще упомянуть **Фриза,** котораго антропологія вышла первымъ изданіемъ только въ 1820 году, — стало быть гораздо позднѣе разобранныхъ выше сочиненій. Фризъ самъ говоритъ, что онъ выходитъ изъ ученія Канта, хотя и отступаетъ отъ Канта въ двухъ пунктахъ, а именно понятіе стремленія онъ замѣняетъ понятіемъ *силы дѣятельности* (Thatkraft) [5]), стремленіе же считаетъ сложнымъ продуктомъ взаимодѣйствія (Verbindung) этой послѣдней силы съ силою чувства (Gemüth или Herz) [6]). Другая особенность не такъ важна для насъ: по мнѣнію Фриза, слѣдуетъ разбирать феномены каждаго класса не отдѣльно и въ опредѣленномъ порядкѣ, а по ступенямъ развитія духовной жизни, въ чемъ онъ ссылается на авторитетъ Платона и Аристотеля [7]). Но такой принципъ нуженъ Фризу только для того, чтобъ имѣть возможность потомъ привлечь понятія стремленія (Trieb) и сужденія

---

[1]) Psychologie, Leipz. 1808. I B., p. 118. Оттого онъ сначала считаетъ die zweigliederige Eintheilung—die angemessenste.

[2]) «Sinn, Trieb, Gefühl», ib. p. 119 и слѣд.

[3]) Всю эту схему осложненій см. на стр. 121—123.

[4]) Ibid. p 364.

[5]) Handbuch d. psych. Anthropologie. Jena 1837. 2-te Ausg. I B., p. 45—47 (a)

[6]) Ibid. p. 42.

[7]) Ibid. p. 47—49 (b).

(Beurtheilung) въ тѣ отдѣлы антропологіи, которые посвящены объясненію различныхъ феноменовъ *чувства*[1]).

Разсмотрѣвъ вкратцѣ мнѣнія главныхъ послѣдователей Кантовской трихотоміи въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка, мы должны остановиться теперь на столь же значительномъ рядѣ другихъ германскихъ мыслителей, которые представляютъ реакцію въ пользу прежнихъ направленій. Во первыхъ скажемъ о **Маасѣ**, который прямо возвращается къ Вольфовской классификаціи, по крайней мѣрѣ въ общихъ ея основахъ. Онъ признаетъ только двѣ силы: представленія и желанія, и каждую дѣлитъ на низшую и высшую. Къ низшей силѣ представленія относятся ощущенія (die zugleich das Gefühlsvermögen ausmachen) и воображеніе; къ высшей—разсудокъ, сила сужденія и разумъ, и т. д.[2]). Отнесеніе чувствованій къ области мыслительной дѣятельности онъ мотивируетъ тѣмъ, что, съ одной стороны, всѣ чувствованія суть ощущенія (u. alle Empfindungen gehören den Sinnen an), съ другой стороны всякое чувствованіе есть сознаніе, «сознаніе же, которое не есть актъ представляющей силы, есть безсмыслица (ein Unding)». *Чувствованія* суть поэтому ощущенія, направленныя только не на объективное, а на субъективное[3]). Въ ученіи объ отношеніи аффектовъ и страстей Маассъ однако слѣдуетъ Канту: тѣ и другія явленія относятся къ болѣзненнымъ состояніямъ[4]), но аффекты — это преувеличенныя чувствованія (übermässige innere Gefühle), страсти же вовсе не суть чувствованія, — это сильныя желанія и отвращенія (Begierden oder Verabscheuungen)[5]).

Кромѣ Мааса къ Вольфовской дихотоміи, хотя и другимъ путемъ, воротились Вейсъ (одновременно съ Маассомъ) и позднѣе Кругъ. Исходной точкой для **Вейса** послужило предпринятое уже Карусомъ изслѣдованіе элементарныхъ психическихъ процессовъ. За таковые Вейсъ признавалъ ощущеніе и стремленіе, которыя примѣшаны ко всѣмъ дѣятельностямъ души[6]). *Чувство* же представляетъ равновѣсіе обоихъ этихъ элементовъ, и, не можетъ быть координировано двумъ другимъ классамъ явленій[7]). Поэтому, въ противуположность Карусу, Вейсъ думаетъ, что теорія чувствованій

---

[1]) Ср. 3-ter Abschnitt, 1 и 2 Cap.

[2]) Maass. Vers. üb. die Gefühle u. bes. üb. die Affecten. Halle u. Leipz., 1811 (тотъ же авторъ издалъ ранѣе сочиненіе Vers. üb. die Leidenschaften), § 4 (p. 8—10).

[3]) Ibid. § 2 (p. 5 и 6).

[4]) Ibid. p. 30.

[5]) Ibid. § 7 (p. 24, 26).

[6]) Untersuch. üb. d. Wesen u. Wirken d. menschl. Seele, v. Chr. Weiss. Leipz. 1811. § 6 (p. 33 и слѣд.).

[7]) Ibid. p. 50 и др.

должна быть помѣщена во главѣ, а не въ срединѣ между теоріями представляющей и желательной дѣятельности [1]), такъ какъ чувство составляетъ первую ступень духовной дѣятельности, на которой ощущеніе и стремленіе еще не успѣли дифференцироваться, выражаясь по современному (отсюда понятіе Urgefühl) [2]). Только въ этомъ смыслѣ чувство и имѣетъ нѣкоторое самобытное значеніе, ибо какъ скоро духовная дѣятельность раздвоилась на двѣ присущія ей вѣтви, то чувство дѣлается равносильнымъ, какъ мы уже замѣтили, равновѣсію дѣятельности въ двухъ означенныхъ направленіяхъ. Хотя главной исходной точкой для Вейса былъ Карусъ, но необходимо замѣтить, что онъ находился отчасти и подъ вліяніемъ Фихте старшаго, который, если не ошибаемся, первый пытался объяснить чувство, какъ равновѣсіе, или, по его выраженію, тождество (Identität) познанія и желанія [3]). Болѣе прямыхъ послѣдователей Фихте мы найдемъ ниже въ Шеллингѣ, Гегелѣ и ихъ ученикахъ.

Кругъ стоялъ на той же почвѣ, какъ Вейссъ, въ признаніи *двухъ* коренныхъ элементовъ духовной дѣятельности — ощущенія и стремленія [4]); онъ согласенъ также, что на той ступени сознанія, гдѣ нѣтъ еще мѣста опредѣленнымъ представленіямъ и желаніямъ, обнаруженія жизни (Lebensäusserungen) могутъ быть справедливо названы *чувствованіями* [5]). Но Кругъ не ограничился принятіемъ этихъ видоизмѣненій старой теоріи, но самую эту теорію подвергъ критикѣ, и его критика Кантовской трихотоміи чуть ли не самая проницательная, какая когда-либо была написана. Подробнымъ ея разборомъ занимается между прочимъ Гамильтонъ въ своихъ лекціяхъ по Метафизикѣ [6]). Въ краткомъ введеніи къ своей монографіи Кругъ предупреждаетъ, что его книжка направлена вся противъ признанія особой, вновь созданной (neu geschaffene) способности чувствованія [7]). Мы изложимъ его критику только въ главныхъ пунктахъ. По мнѣнію Круга, задача психолога свести количество способностей «къ возможно меньшему числу» [8]). Различіе душевной дѣятельности по родамъ (der Art nach) сводится къ различію ея направленій [9]). Направленій этихъ два: отъ объекта къ субъекту (теоретиче-

---

[1]) Ibid. § 14 (p. 81).
[2]) Ibid. p. 84.
[3]) Ср. Volkmann, l. c., p. 297.
[4]) Grundl. z. e. neuen Theorie d. Gefuhle, Konigsb. 1823, p. 45.
[5]) Ibid. p. 44. Ср. p. 47.
[6]) Lectures on Metaphysics, l. c., Vol. II, p. 421 и слѣд.
[7]) L. c., p. 7.
[8]) Ibid. p. 21.
[9]) Ibib. p. 22.

скій или идеальный моментъ—дѣятельность представляющая, д. познанія)[1], и обратно: отъ объекта къ субъекту (практическій или реальный моментъ — дѣятельность желательная и волевая)[2]. *Чувствованія* удовольствія и страданія не могутъ составлять особаго класса дѣятельностей души, ибо тогда, кромѣ направленія внутрь и направленія наружу, слѣдовало бы признать еще третье направленіе, или не признавать въ чувствованіяхъ никакого направленія, но то и другое невозможно[3]. Если же признать, что они имѣютъ одно изъ двухъ указанныхъ направленій, то чувствованія и войдутъ либо въ область познанія, либо въ область желанія. Изъ послѣдующаго анализа (III Abschn.) и обнаруживается дѣйствительно, что въ чувствованія входятъ одинаково элементы и ощущенія (познанія) и стремленія (воли)[4].

Критика Круга встрѣтила тотчасъ же отпоръ и антикритику со стороны **Рихтера** (Ueber das Gefühlsvermögen. Leipzig. 1824), Нейбига и **Біунде**[5]. Имѣя подъ рукою монографію Нейбига, мы изложимъ въ двухъ словахъ его возраженія. **Нейбигъ** предполагаетъ доставить своимъ сочиненіемъ ясное знаніе *чувствованій*, какъ особыхъ явленій души, и указать на ихъ различіе отъ представленій и стремленій[6]. Чтобъ доказать это, Нейбигъ избираетъ самый правильный путь, какой возможенъ: онъ анализируетъ рядъ духовныхъ состояній, возникающихъ въ сознаніи нашемъ подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, и вездѣ оказывается, что чувство пріятнаго или непріятнаго составляетъ явленіе особое и самостоятельное отъ прочихъ моментовъ (ich *liebe* mein Weib, das ich *kenne*, aber nicht erst *erstrebe*, weil ich es ja schon habe и т. д.)[7]. Разобравъ множество примѣровъ, Нейбигъ приходитъ къ заключенію, что въ нашей душѣ два совершенно различныхъ явленія: Vorstellungen u. Gefühle[8]. Другимъ рядомъ примѣровъ изъ житейскаго быта онъ точно такъ же доказываетъ, что чувствованія и *стремленія* феномены совершенно различнаго порядка[9]. Отсюда общій выводъ, что возможны три коренныя состоянія душевной

---

[1]) Ibid. p. 23.

[2]) Ibid. p. 24.

[3]) Ibid. p 49, 50 и слѣд.

[4]) Въ своемъ философ. словарѣ (Allg. Handworterb. d. philos. Wissensch. Leipz. 1833. B. III, p. 689) Кругъ подробнѣе излагаетъ свою теорію и приходитъ къ построенію особой «таблички» первичныхъ способностей (ib. p. 691).

[5]) Vers. einer system. Darst. d. empir Psychol, Trier. 1831 (во II т.) Возраженія Biunde резюмированы Гамильтономъ, Lect. on Metaph Vol. II, L. XLI, p. 423 и слѣд. (6-th Ed. 1877). Изложеніе ихъ будетъ ниже.

[6]) Die Gefuhllehre. Baireuth. 1829, p. 13.

[7]) Ibid. p. 18 и др.

[8]) Ibid. p. 21.

[9]) Ibid. p. 24 и слѣд.

дѣятельности: представленія, чувствованія, и дѣйствія (Handlungen), которыя выполняетъ наша воля[1]). Послѣ этихъ разсужденій, Нейбигъ переходитъ къ критикѣ ученія Круга, какъ главнаго представителя противуположной теоріи[2]). Критика эта занимаетъ цѣлыхъ 50 стр. маленькой книжки Нейбига. Ея сущность въ слѣдующемъ. Сначала онъ доказываетъ, что всякое теоретическое познаніе вызываетъ особыя чувства удовольствія или страданія, затѣмъ, — что всякая практическая дѣятельность вытекаетъ не прямо изъ представленій, а чрезъ посредство удовольствій и страданій, какъ прямыхъ мотивовъ того или другаго дѣйствія. Поэтому Нейбигъ и отвергаетъ, чтобъ дѣятельность человѣка имѣла только двоякое направленіе[3]).

Остановившись нѣсколько подробнѣе на изложеніи ученій тѣхъ писателей, которые въ первыя три десятилѣтія нынѣшняго вѣка, подъ вліяніемъ Канта, обратились къ новымъ попыткамъ спеціальнаго анализа чувствованій, мы считаемъ себя въ правѣ гораздо короче пройти психологическія системы нѣмецкихъ идеалистовъ, начиная съ Фихте и кончая Гегелемъ. Признать за чувствованіями то видное значеніе, которое имъ далъ Якоби, по мнѣнію Фолькмана, было дѣломъ несовмѣстнымъ съ тенденціями послѣкантовскаго идеализма[4]). **Фихте,** какъ мы видѣли, называлъ чувствованія, «абсолютнымъ или относительнымъ тождествомъ познанія и желанія». **Шеллингъ** стоитъ на сходной точкѣ зрѣнія, хотя отождествляетъ чувствованія болѣе съ актами воспріятія и познанія; чувствованія — высшая потенція, хотя и низшая ступень познанія[5]). Наконецъ **Гегель** считаетъ чувствованія низшею ступенью развитія, какъ ума, такъ и воли[6]). Къ этимъ тремъ вожакамъ идеализма примкнулъ рядъ послѣдователей. Къ Фихте присоединился, напр., кромѣ Вейсса, о которомъ мы уже говорили, Шлейермахеръ, опредѣлявшій чувство какъ «безразличіе (Indifferenz) знанія и дѣйствія»[7]): въ чувствѣ прекращается мышленіе и начинается воля[8]).

Психологическая литература Шеллинговой школы слишкомъ обширна, чтобъ ее здѣсь перечислять[9]). Упомянемъ только К. Г. Каруса и Шуберта.

---

[1]) Ibid. p. 29.
[2]) Ibid. p. 32 и слѣд.
[3]) Ibid. p. 36—43.
[4]) L. c, p. 297.
[5]) Ibid. p. 299
[6]) Ibid. Ср Pokorny, l. c., p. 15.
[7]) Volkm., ibid. p. 298
[8]) Pokorny, ibid. p. 12.
[9]) См перечень ея у М. М. Троицкаго въ «Нѣмецкой психологіи». Москва, 1867. Стр. 334.

Важнѣйшими послѣдователями Гегеля въ области психологіи были Розенкранцъ, Эрдманъ и Мишеле [1]). Такъ какъ мы изложили выше воззрѣнія одного послѣдователя Фихтевскаго направленія (Вейсса), то, для полноты анализа, изложимъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ взгляды одного изъ самыхъ извѣстныхъ послѣдователей Шеллинга, Шуберта, и теорію Розенкранца, одного изъ важнѣйшихъ Гегеліанцевъ. Самыхъ «патріарховъ» нѣмецкаго идеализма мы оставимъ въ покоѣ, такъ какъ чрезмѣрная глубокомысленность ихъ слога и геніальная безпорядочность ихъ изложенія затруднили бы ясное пониманіе дѣла, хотя конечно и послѣдователи, бравшіе на себя обязанность истолкованія простымъ смертнымъ таинственныхъ изреченій «пророковъ» не далеко ушли отъ учителей своихъ съ точки зрѣнія ясности изложенія.

Послѣднее можно одинаково сказать и о Карусѣ и о Шубертѣ, хотя уловить ходъ мыслей Шуберта немного легче. Пріемъ анализа души «въ ея развитіи», который мы могли замѣтить уже у Каруса, Вейсса и Круга, въ школѣ Шеллинга рѣшительно получилъ преобладаніе. **Шубертъ** уже и въ заглавіи своего сочиненія (Geschichte d. Seele) выражаетъ эту тенденцію. Послѣдняя сама по себѣ не содержитъ ничего предосудительнаго и даже составляетъ отличительную черту и современной намъ психологіи, но сквозь призму идеалистической натурфилософіи Шеллинга, она облеклась въ совершенно особыя полумистическія формы. Рядомъ съ душой опять выступаетъ понятіе «жизненной силы», не говоря о еще болѣе загадочной «элементарной природной силѣ» (elementare Naturkraft) [2]). Душѣ, высшему члену этой тріады, приписываются три обнаруженія жизненности (Lebensäusserungen): одно, благодаря которому она приготовляетъ тѣло къ взаимодѣйстію съ внѣшнимъ міромъ; другое, при помощи котораго она воспринимаетъ и ощущаетъ, и третье — самоутвержденіе души (Selbstbezeugung), благодаря которому она проявляетъ свое существованіе въ своихъ дѣйствіяхъ [3]). Первая ступень обнимаетъ конечно только растительное существованіе организма, со второй начинается анализъ психическихъ процессовъ. Сила воспріятія имѣетъ два направленія: внѣшнее и внутреннее [4]). Это различіе по нашему есть различіе ощущеній и чувствованій — для Шуберта ощущенія и чувствованія синонимы. Впослѣдствіи изъ тѣхъ и другихъ «чувствованій» развивается вся умственная дѣятельность, чрезъ посредство памяти и воображенія, которыя суть тоже виды внутреннихъ чувствъ

---

[1]) Ср Троицкій, тамъ же стр. 355.
[2]) Gesch. d. Seele, 4 Ausg. Stuttg u. Tub., 1850, II B. § 28.
[3]) Ibid § 29 (p. 125 и слѣд.).
[4]) Ibid. p. 140, 141 и слѣд.

(innere Sinne)[1]). Въ этомъ развитіи душа постепенно достигаетъ высшей ступени совершенства — степени духа (Geist). Такимъ образомъ съ одной стороны стоитъ воспріимчивость во всѣхъ видахъ и на всѣхъ ступеняхъ осложненія; съ другой стороны, очевидно,—дѣятельность, сила дѣйствія, низшая ступень которой есть сила стремленія (Begehrungsvermögen)[2]). Такимъ образомъ дуализмъ ясенъ. Въ общихъ принципахъ эта психологія Шеллингіанца не представляетъ ничего особеннаго: принципъ развитія, осложненія, ученіе о двухъ коренныхъ направленіяхъ собственно душевной дѣятельности—все это не бросается рѣзко въ глаза; но способъ проведенія системы въ частностяхъ, смѣшеніе научныхъ идей съ мистическими грезами, призма идеализма, отрицающаго внѣшній міръ, и т. д.,—всѣ это дѣлаетъ возможныя идеи *невозможными*, и распутать всѣ «Gedankenkeime» въ «Исторіи души» Шуберта есть дѣло невыполнимое въ такомъ краткомъ очеркѣ.

Въ психологіи **Розенкранца** *чувствованіе* отличается отъ ощущенія, но этимъ понятіямъ дается значеніе, обратное тому, къ какому мы привыкли. Чувствованіе имѣетъ болѣе *объективное* содержаніе, ощущеніе наоборотъ—*субъективное*. Оттого не удивительно, что чувствованіе называется первою ступенью теоретическаго духа[3]). Во всякомъ случаѣ дѣятельность духа имѣетъ два главныя направленія—теоретическое и практическое. Ступени перваго момента, т. е. дѣятельности ума, суть: созерцаніе (Anschauen, первая частная ступень котораго и есть чувство), представленіе и мышленіе[4]). Ступени практическаго духа суть: практическое чувство (сюда относятся между прочимъ инст. стремленія, затѣмъ удовольствія и страданія), сердце (Gemüth: желаніе, расположеніе, страсть), воля, стремящаяся къ достиженію блаженства, т. е. къ примиренію разума съ объектомъ[5]). Сколько бы ни было искусственности въ этой классификаціи, какою бы странною ни могла показаться ея терминологія, — ясно всетаки во первыхъ, что Гегеліанцы окончательно усвоили дихотомію душевной жизни на тѣхъ новыхъ началахъ, которыя были развиты предшествующими поборниками идеализма, и во вторыхъ, что чувство въ этой дихотоміи получило значеніе первой ступени развитія, какъ теоретическаго, такъ и практическаго духа[6]). О

---

[1]) Ibid. § 38.

[2]) Ibid. § 35 (240): «Was am thierischen Leibe die Bewegung, die durch den Muskel geschieht, das ist im Wesen der Seele das Wollen u. Begehren».

[3]) Psychologie od. Wissensch v. subj. Geist. Konigsb. 1843, p. 260 и слѣд.

[4]) Ibid. p. 250.

[5]) Ibid. p 336 и слѣд. Аффекты при такой классификаціи естественно разсматриваются какъ ступень развитія желанія при переходѣ его въ страсть (ib. p. 351).

[6]) Ср. у Розенкранца ibid. p. 413: «*Nach Hegel* ist das Fuhlen **kein** besonderes Vermogen des Geistes, nur eine seiner Formen.... Hegel nennt die **unmittelbare Bestimmtheit** des Geistes Gefuhl. Es tritt daher in jeder Sphare der Entwickelung *von Neuem* auf...»

другихъ Гегеліанцахъ мы уже говорить не будемъ, ибо съ маленькими видоизмѣненіями они высказывали тоже самое [1]).

Изложенныя до сихъ поръ психологическія системы нынѣшняго вѣка дали намъ возможность познакомиться съ двумя главными направленіями послѣ-кантовской психологіи. Одно направленіе просто примкнуло къ ученію Канта о трехъ коренныхъ способностяхъ души, хотя и пыталось дать трихотоміи Канта различныя новыя формы. Другое—отвергло трихотомію въ пользу дихотоміи, но эта дихотомія, кромѣ рѣдкихъ исключеній, уже не имѣла ничего общаго съ прежнею. *Чувствованія* de facto всетаки составляли почти всегда особый классъ явленій, но имъ давалось значеніе: или общаго источника феноменовъ прочихъ классовъ, или сложнаго продукта сочетанія этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, чувствованія становились то началомъ, то конечною цѣлью развитія мышленія и воли: имъ приписывалось значеніе объединяющаго принципа. Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ двумя другими направленіями, въ которыхъ чувствованія тоже—въ одномъ de jure и de facto, въ другомъ только de facto—имѣли значеніе особаго класса феноменовъ, но въ которыхъ мы видимъ обратныя попытки—совершить объединеніе всѣхъ явленій не въ понятіи чувства, а либо въ понятіи представленія—школа Гербарта, либо въ понятіи воли—школа Шопенгауера.

Значеніе психологіи **Гербарта** съ нашей точки зрѣнія троякое: во 1) Гербартъ, первый среди нѣмецкихъ психо́говъ, подвергаетъ строгой критикѣ и осужденію понятіе способности души, которое съ различными оттѣнками въ пониманіи господствовало въ нѣмецкой психологіи отъ Вольфа и до Гегеля; во 2) замѣнивъ понятіе способностей души понятіемъ состояній сознанія (Zustände des Bewusstseins), онъ сводитъ эти состоянія къ тремъ главнымъ категоріямъ: представленій, чувствованій и желаній; въ 3) разнообразіе этихъ состояній троякаго типа онъ старается объяснить модификаціями *одной* коренной силы души—силы представленія (Vorstellungsvermögen), употребляя и это понятіе въ переносномъ значеніи, ибо въ сущности мы *никакихъ реальныхъ силъ и способностей* въ себѣ открыть не можемъ [2]), и всѣ состоянія души объясняются *смѣною представленій*, а не дѣятельностью какой-либо силы. Всѣ эти задачи, въ цѣломъ и въ частностяхъ, составляютъ главное содержаніе различныхъ психологиче-

---

[1]) У Эрдмана напр. въ его Grundriss d. Psychologie (5-te Ausg. 1873) планъ изложенія пневматологіи, т. е. ученія о *духѣ*, слѣдующій: I Intelligenz: A. Anschauung. B Vorstellung. C. Denken. II Wille: A. Determinirter W. B. Indermin. W. C. Character.

[2]) J. Fr. Herbart. Sämmtliche Werke, herausg. v. Hartenstein. VI B. Leipzig. 1850, p. 74.

скихъ сочиненій Гербарта [1]). Къ каждому основоположенію онъ возвращается не разъ и не въ одной формѣ выраженія, поэтому невозможно въ нашемъ очеркѣ изложить его теорію съ совершенной полнотой, и мы ограничимся нѣсколькими выдержками изъ одной главы второй части его «Schriften zur Psychologie», которая прямо относится къ нашему вопросу [2]). Направленіе свое Гербартъ прямо называетъ *реализмомъ* въ противуположность вышеразсмотрѣнному идеализму и говоритъ, что основательный реализмъ непремѣнно долженъ выходить изъ опроверженія идеализма [3]). Это опроверженіе въ области нашего вопроса касается главнымъ образомъ понятія способностей, которымъ Гербартъ, какъ мы уже замѣтили, противуполагалъ *состоянія сознанія* [4]). Такихъ состояній сознанія три типа: представленіе, чувство и желаніе. Всѣ эти понятія Гербартъ называетъ высшими понятіями классовъ душевныхъ явленій (oberste Klassenbegriffe) [5]). Они представляютъ только *отвлеченія* ума, при наблюденіи имъ преобладающихъ въ душѣ въ каждую минуту состояній, ибо въ сущности въ *каждомъ* психическомъ актѣ заключаются *всѣ* элементы сознанія и вся разница въ распредѣленіи ихъ, въ преобладаніи одного надъ другими (оттого всѣ Klassenbegriffe sind Benennungen a potiori) [6]). Что касается до отношеній отдѣльныхъ классовъ «состояній» души, то желанія и чувствованія суть только *способы* существованія въ нашей душѣ представленій [7]). Представленія, по теоріи Гербарта, могутъ приходить въ четыре различныя положенія по отношенію къ сознанію, при взаимодѣйствіи другъ съ другомъ: они или «занимаютъ мѣсто» въ сознаніи, или приходятъ въ связанное состояніе, или поднимаются на порогъ сознанія (выясняются), или обратно опускаются за него. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ представленіе можетъ спокойно подчиняться своей судьбѣ, но можетъ и бороться противъ различныхъ вліяній, стремящихся подавить его. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ и возникаютъ новыя состоянія, основанныя на отношеніяхъ борющихся представленій и которымъ мы даемъ имена чувствованій и желаній [8]). Отсюда уже достаточно ясно,

---

[1]) Sämmtl. Werke. B. V, VI и VII.

[2]) Ibid. B. VI, I Abschn., I Cap: «Ueb. die Verbindung der sogenannten drei Hauptvermogen der Seele» (§§ 103 и 104, p. 68 и слѣд.) Для болѣе полнаго ознакомленія читателя съ ученіемъ Г. о чувствованіяхъ относимъ его къ упомянутой выше второй монографіи Покорнаго.

[3]) Ibid. p. 71.

[4]) Ibid p. 73.

[5]) Ibid. p. 68.

[6]) Ibid p 70.

[7]) Ibid. p. 78: Die Begierden u. Gefuhle sind nur Arten u. Weisen, wie unsere Vorstellungen sich im Bewusstsein befinden.

[8]) Ibid. p. 74—78.

что Гербартъ всѣ три класса феноменовъ старался объединить въ понятіи представленія. Скажемъ еще нѣсколько словъ о послѣдователяхъ Гербарта.

Школа Гербарта имѣетъ, какъ извѣстно, и теперь еще многочисленныхъ представителей въ Германіи. На поприщѣ психологіи къ болѣе старому, отчасти вымершему поколѣнію, принадлежатъ Дробишъ, Вайцъ и Фолькманъ, къ молодому поколѣнію Гербартіанцевъ относятся Лазарусъ, Линднеръ и Нагловскій, написавшій монографію о чувствованіяхъ. Для образца разберемъ кратко теоріи Дробиша и Нагловскаго, двухъ крайнихъ звеньевъ въ развитіи школы Гербарта [1]).

Дробишъ въ своей «Эмпирической психологіи» только подробнѣе развиваетъ идеи Гербарта. Въ началѣ книги онъ различаетъ три различныя дѣятельности души. Одна совершается *въ насъ* (in uns)—это представленіе, другая происходитъ *надъ нами* (mit uns)—это страдательная дѣятельность, обнимаемая понятіемъ чувства, третья выходитъ *изъ насъ* (aus uns)—это дѣйствіе. Качественное выраженіе этихъ дѣятельностей мы имѣемъ въ представленіяхъ, чувствованіяхъ и стремленіяхъ (Strebungen) [2]). Съ этой *качественной* стороны (Qualität, Beschaffenheit) всѣ три класса явленій могутъ быть координарованы; но со стороны *происхожденія* (Ursprung) нельзя сказать того же: тутъ чувствованія и желанія находятся въ зависимости отъ представленій; представленія могутъ возникать безъ участья другихъ явленій, но обратный феноменъ невозможенъ [3]). Послѣдній (пятый) отдѣлъ эмпир. психологіи Дробишъ посвящаетъ подробному анализу вопроса о способностяхъ души. Первая глава содержитъ изложеніе и критику популярныхъ понятій о силахъ души, вторая—изложеніе и критику философскихъ ученій объ этомъ предметѣ, начиная съ Аристотеля, третья—изложеніе ученій Гербартовой школы. Здѣсь между прочимъ еще болѣе рѣзкой критикѣ, чѣмъ у Гербарта, подвергается понятіе способностей, на мѣсто котораго ставится понятіе *дѣятельностей* (Thätigkeiten) [4]), *движеній души* (immanente Bewegungen d. Seele) [5]). Понятіе «способностей» оказывается не только несогласимымъ

---

[1]) Извѣстное сочиненіе Лазаруса Das Leben d. Seele повидимому должно было бы заключать въ себѣ отвѣтъ и на нашу тему, но на дѣлѣ центръ тяжести этого сочиненія лежитъ въ иныхъ вопросахъ, чѣмъ какіе насъ интересуютъ. Фолькманъ же интереснѣе, какъ историкъ психологіи, чѣмъ какъ самостоятельный психологъ, и притомъ никакихъ крупныхъ нововведеній, сравнительно съ Дробишемъ, мы не нашли у него.

[2]) Empirische Psychologie nach naturwissensch. Methode. Leipzig. 1842, p. 36 и 37 (2, 3).

[3]) Ibid. p. 38.

[4]) Ibid. p 342 (140).

[5]) Ibid. p. 346 (141).

съ идеею единства души, но и произвольною выдумкою. Наблюдая дѣятельность, мы выводимъ отсюда, что значитъ предварительно была дана ея возможность, но эта возможность есть представленіе (Vorstellungsweise) въ головѣ наблюдающаго и не имѣетъ никакого основанія въ самыхъ вещахъ [1]). «Силы» души — это *логическія абстракціи,* довольно удобныя, чтобы служить самыми общими понятіями *классовъ* душевной дѣятельности, но нисколько не годныя для объясненія явленій въ ихъ индивидуальности [2]).

Нагловскій—болѣе молодой писатель, выступившій на литературное поприще въ 60-хъ годахъ въ своей монографіи о *чувствованіяхъ* [3]). Въ свое время мы еще коснемся подробнѣе этой книги, а теперь остановимся только на предварительныхъ замѣчаніяхъ, высказанныхъ Нагловскимъ во введеніи и въ § 1 его анализа. Во введеніи Нагловскій старается точно разграничить области ощущенія и чувства. Выводы Нагловскаго слѣдующіе: всѣ состоянія, которыя основываются на простой перцепціи органическихъ раздраженій, суть ощущенія; всѣ же тѣ состоянія, которыя не составляютъ непосредственнаго продукта нервныхъ раздраженій, а суть результатъ одновременно сталкивающихся въ сознаніи представленій—суть чувства; ощущенія составляютъ первоначальныя, чувствованія — производныя (abgeleitete) состоянія [4]). Послѣдняя основа чувствованій—въ ощущеніяхъ [5]). Но это не мѣшаетъ и ощущеніямъ содержать элементы удовольствія и страданія, чисто-физическаго характера, тогда какъ духовныя удовольствія и страданія входятъ въ область чувства [6]). Такая теорія имѣетъ очевидно слабыя стороны: чувствованія удовольствія и страданія разъединяются опять въ двѣ области, какъ въ древней философіи; таковы послѣдствія постановки чувствованій въ зависимость отъ представленій. Въ § 1 общаго анализа Нагловскій различаетъ, подобно всѣмъ Гербардтіанцамъ, три главныя формы психическаго существованія: представленіе, чувство и стремленіе [7]). Противъ понятія способностей онъ дѣлаетъ приблизительно тѣ же возраженія, съ какими мы познакомились выше, и прямо называетъ чувствованіе и стремленіе особыми *модификаціями* представленій при встрѣчѣ ихъ въ сознаніи [8]). Правда, онъ различаетъ представленіе, какъ *объективную*

---

[1]) Ibid. p. 342 и 343
[2]) Ibid. p. 289.
[3]) Das Gefuhlsleben, dasgest aus prakt Gesichtspuncten. Leipzig 1862.
[4]) L. c, p. 27.
[5]) Ibid. p. 29.
[6]) Ibid. p. 30.
[7]) Ibid. p. 41.
[8]) Ibid. p 42: «Gefuhl u. Streben resultiren aus Vorstellungen».

дѣятельность, отъ чувствованій, какъ *субъективныхъ* состояній, но только въ томъ смыслѣ, что представленія отвѣчаютъ на вопросъ — что́ такое служитъ предметомъ сознанія, чувствованія на вопросъ — какъ эти представленія относятся другъ къ другу и къ субъекту [1]). Стремленіе въ этомъ смыслѣ содержитъ оба момента — это *субъективно - объективное* состояніе души, ибо, вытекая изъ субъективныхъ основъ, оно направлено на объективный міръ. Любопытно еще то, что Нагловскій ясно возстановляетъ Кантовскій способъ постановки чувства, какъ средней области (Mittelregion) между представленіями и стремленіями [2]).

Въ связи съ ученіями Гербардтіанцевъ необходимо ознакомиться со взглядами еще одного писателя, котораго часто причисляютъ къ школѣ Гербардта, но который, по крайней мѣрѣ въ области нашего вопроса, значительно отступаетъ отъ послѣдняго и прямо выходитъ изъ критики Гербардтовской теоріи. Это — Лотце. Критика его направлена, главнымъ образомъ, противъ отрицательнаго отношенія къ понятію *способности*. По мнѣнію **Лотце**, хотя понятіе это и заключаетъ въ себѣ тождесловіе, тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ вниманія рядомъ съ противуположными попытками объясненія. Понятіе способностей возникаетъ при разчлененіи душевной жизни на нѣсколько разнородныхъ группъ явленій [3]). Означая только рядъ возможностей, которыя лежатъ въ природѣ души и которыми обозначается, какого рода должны быть дѣйствія ея при столкновеніи съ опредѣленнымъ раздраженіемъ, понятія эти совершенно безобиднаго свойства [4]). Если рядомъ съ основными способностями ставятся второстепенныя, то тутъ вина въ исполненіи, а не въ принципѣ. Какъ простыя возможности, способности не противорѣчатъ и ученію о *единой* душѣ, ибо указываютъ только направленія ея дѣятельности [5]). Но возстановляя права этого понятія, Лотце однако признаетъ, что оно мало приноситъ пользы, ибо способности суть абстракціи, основанныя на качественномъ различіи, и не содержатъ тѣхъ количественныхъ идей, какъ понятія физическихъ силъ, имѣющія столь важное примѣненіе въ наукѣ. Ученіе о способностяхъ души годится, стало быть, только для классификаціи матеріала, служащаго основою для дальнѣйшихъ теорій [6]). Что касается до числа способностей, то Лотце слѣдуетъ

---

[1]) Ibid. p. 42 и 43: «Nicht was das Subjekt Anderes weiss, — sondern wie es sich selbst weiss...»

[2]) Ibid. p. 44.

[3]) Medicinische Psychologie oder Physiologie d. Seele. Leipzig. 1852, p. 149 (§ 13).

[4]) Ibid. p 151

[5]) Ibid. p. 150.

[6]) Ibid. p. 151.

въ общемъ ученію Гербардтіанцевъ. Онъ дѣлитъ психическіе феномены на три класса: представленіе, чувство и воля[1]), но предпочитаетъ термину представленія терминъ *ощущенія* (Empfinden)[2]), который относится къ болѣе элементарному процессу, изъ коего и развивается вся высшая умственная дѣятельность. При опредѣленіи отношеній отдѣльныхъ классовъ феноменовъ онъ отнюдь не ставитъ чувствованій и стремленій въ полную зависимость отъ представленій. Онъ говоритъ напр., что слѣдованіе *чувствованій* за представленіями нельзя объяснять ни природою представленій, ни какимъ-либо ихъ осложненіемъ (Complication), такъ что всякое существо, способное къ представленіямъ, испытывало бы чувствованія какъ «аналитическое послѣдствіе этой способности (Fähigkeit)»; напротивъ, должно такъ понимать дѣло, что представленія, отражаясь обратно на цѣломъ составѣ души (zurückwirkend auf das Ganze der Seele), пробуждаютъ въ душѣ особую способность чувствованія, изъ которой и рождаются новые феномены удовольствія и страданія[3]).

Перейдемъ теперь къ направленію Шопенгауэровскому. Ни Шопенгауэра, ни Гартмана нельзя назвать психологами въ настоящемъ смыслѣ слова. Оба эти писателя болѣе трудились на поприщѣ теоріи познанія и метафизики. Тѣмъ не менѣе можно говорить о психологіи Шопенгауэровской школы. **Шопенгауэръ** стоитъ довольно опредѣленно на почвѣ дихотоміи, но не души, а всего человѣческаго организма въ совокупности, ибо Шопенхауэръ, какъ извѣстно, монистъ и пантеистъ. Противуполагая два начала въ человѣкѣ—интеллектъ и волю, онъ среди другихъ метафоръ употребляетъ слѣдующія: воля—сущность человѣка, интеллектъ—случайный признакъ; воля—матерія, интеллектъ—форма; воля—теплота, интеллектъ—свѣтъ[4]). Развивая эту мысль во всѣхъ частностяхъ, онъ приходитъ наконецъ къ такому положенію, что воля во всѣхъ животныхъ существахъ есть первоначальный и субстанціальный принципъ; интеллектъ, напротивъ, составляетъ вторичное образованіе (ein secundäres, hinzugekommenes)—простое орудіе, находящееся на службѣ у перваго принципа и которое, сообразно съ требованіями этой службы, получаетъ болѣе или менѣе совершенную и сложную организацію[5]). Въ область воли Шопен-

---

[1]) Ibid. p 145 и др.

[2]) Ibid. p 136 и др.

[3]) Ibid. p. 150. Тѣже теоріи въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ Лотце развиваетъ въ I ч. своего Микрокосма (Кн. II, Глава II), который переведенъ и на русскій языкъ (Москва. 1866).

[4]) Die Welt, als Wille u. Vorstell. Leipzig. 1873 (4 Aufl. v. Frauenstädt). II B. Kap. 19, p. 225.

[5]) Ibid. p. 228 и слѣд

гауэръ вноситъ и всѣ чувствованія: «все, говоритъ онъ, что̀ составляетъ непосредственно наше благо и наше страданіе, наше удовольствіе и неудовольствіе, очевидно есть только возбужденіе (Affection) воли, есть движеніе и модификація нашего хотѣнія или нехотѣнія»[1]). Однако въ другомъ мѣстѣ, противуполагая чувствованія пріятнаго и непріятнаго объективнымъ ощущеніямъ, которыя служатъ источникомъ представленія, Шопенгауэръ говоритъ о нихъ, какъ о мотивахъ, *возбудителяхъ* воли[2]). Такимъ образомъ de facto въ вѣкъ Шопенгауэра оказалось уже труднымъ смѣшивать чувствованія, какъ мотивы хотѣнія, съ самыми актами хотѣнія.

Гартманъ слѣдуетъ главнымъ положеніямъ Шопенгауэровской философіи. Однако различеніе чувствованій отъ другихъ феноменовъ психической жизни у него выступаетъ рѣзче, чѣмъ у Шопенгауэра. Хотя онъ и признаетъ трудность отдѣленія удовольствія и страданія отъ прочихъ воспріятій (объективнаго характера)[3]), тѣмъ не менѣе, по его мнѣнію, простѣйшее самонаблюденіе убѣждаетъ насъ, что удовольствіе и страданіе съ одной стороны, и представленіе съ другой стороны, суть гетерогенныя вещи и могутъ быть только насильственно смѣшиваемы[4]). Но зато, по его мнѣнію, большинство замѣчательныхъ мыслителей всѣхъ временъ сознавало, что удовольствіе и страданіе имѣетъ ближайшую связь съ «царствомъ воли». Однако онъ сознаетъ, что воля и удовольствіе два разные момента въ сознаніи. Воля есть обнаруженіе (Veräusserlichung) сознанія, удовольствіе и страданіе представляютъ возвращеніе сознанія къ самому себѣ, поэтому воля *первичный* моментъ, удовольствіе *вторичный*[5]). Удовольствіе и страданіе — это результаты удовлетворенія или неудовлетворенія воли и, гдѣ этотъ моментъ не наступаетъ, тамъ воля функціонируетъ безсознательно[6]). Такимъ образомъ Гартманъ въ теоріи, подобно Шопенгауэру, старался включить чувствованія въ область волевыхъ отправленій, но, различая моменты воли и ея удовлетворенія, онъ всетаки de facto признавалъ три момента въ психической жизни: представленіе, какъ мотивъ воли; волю — какъ настоящее проявленіе индивидуальности психической единицы; удовольствіе и страданіе, какъ обратное отраженіе волевой дѣятельности въ самосознаніи. Такъ, кажется намъ, слѣдуетъ понимать психологію Шопенгауэровской школы.

---

[1]) Ibid. p. 225: Шопенгауэръ удивляется, что это ученіе уже можетъ быть найдено у Августина. Ср ib. p. 237 и др.

[2]) Ibid. Кар. 3 (Ueber die Sinne), p. 30 и слѣд.

[3]) Philos. d. Unbewussten. 6 Aufl. Berlin. 1874. Abschn. B. Cap. III, p. 212.

[4]) Ibid. p. 216. «Die sich nur gewaltsam in einen Topf werfen lassen».

[5]) Ibid. p. 216.

[6]) Ibid. p. 217 и слѣд.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами направленій, въ которыхъ, при дихотоміи или трихотоміи душевной жизни, отдѣльные классы явленій или просто координировались другъ другу (Лотце) или поочередно сводились то къ тому, то къ другому классу, какъ первоначальному или коренному (Идеалисты, Гербардтіанцы, Шопенгауристы), слѣдуетъ разсмотрѣть еще два направленія, которыя возникли почти одновременно съ упомянутыми, но представляютъ совершенно особыя основы и пожалуй всего болѣе отступаютъ отъ Кантовской классификаціи душевныхъ явленій. Это школа Бенеке и школа физіологическая. Важнѣйшій современный представитель этой послѣдней Вундтъ. Обѣ школы имѣютъ одну общую особенность, а именно, что ставятъ *ощущенія*, какъ элементарную основу всего психическаго развитія, внѣ круга остальныхъ явленій (относящихся къ извѣстнымъ тремъ классамъ), такъ какъ всѣ *эти* явленія составляютъ болѣе или менѣе поздніе ступени обнаруженія сознанія. Впрочемъ во всемъ остальномъ принципы обѣихъ школъ совершенно различны.

Подъ какими бы посторонними вліяніями ни находился Бенеке въ частностяхъ своего ученія, несомнѣнно, что въ общемъ и въ главномъ его психологическая система представляетъ совершенно новое и оригинальное построеніе. **Бенеке**, подобно Гербардту, отвергаетъ понятіе способностей въ примѣненіи къ обозначенію общихъ классовъ психическихъ феноменовъ, но понятіе это остается у него съ совершенно особымъ значеніемъ. Извѣстно, что Бенеке отличалъ прежде всего нѣсколько основныхъ *процессовъ* (Grundprocesse) въ развитіи душевной дѣятельности. Силы или способности—это то, что дѣйствуетъ въ этихъ процессахъ [1]). Первый основной процессъ—это образованіе чувственныхъ воспріятій, ощущеній, подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій [2]). Для этого въ душѣ должны быть предположены внутреннія силы или способности и притомъ въ безчисленномъ множествѣ, которыя, составляя всю сущность души, воспринимаютъ каждая въ отдѣльности соотвѣтствующее ей раздраженіе [3]). Въ новѣйшее время физіологическое ученіе о безчисленныхъ клѣточкахъ мозга, изъ которыхъ каждая предназначена для особой функціи, представляетъ сходство съ теоріей Бенеке касательно «Urvermögen». Второй, третій и четвертый основные процессы состоятъ только въ дальнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ и новыхъ образованіяхъ этихъ основныхъ силъ подъ вліяніемъ постепеннаго накопленія раздраженій и

---

[1]) Lehrbuch d. Psychol. als Naturwissensch., 3-te Aufl. (bearb. v. Dressler) Berlin. 1861. I Cap. § 19 (p. 14).

[2]) Ibid. § 22 (p 16).

[3]) Ibid. § 23 (p. 17).

соотвѣтственнаго развитія души[1]). Коренныя формы этого развитія выражаются у Бенеке тѣми понятіями, которыми въ другихъ психологическихъ школахъ обозначались главныя способности. Двѣ болѣе коренныя формы, образующіяся ранѣе всего изъ ощущеній, — это представленіе и желаніе. Потомъ, подъ вліяніемъ новыхъ осложненій, къ нимъ присоединяется новая форма развитія — *чувство*[2]). Всѣ эти образованія вытекаютъ изъ нѣсколькихъ коренныхъ отношеній между раздраженіемъ (Reiz) и способностью, его воспреемлющею. Стало быть, основы ихъ даны уже въ ощущеніяхъ[3]). Представленіе, напр., возникаетъ тогда, когда раздраженіе количественно соотвѣтствуетъ напряженію способности, его воспреемлющей и, когда, вслѣдствіе этого соотвѣтствія, послѣдняя твердо усвоиваетъ себѣ раздраженіе, прочно наполняется имъ[4]). Когда раздраженіе не довольно значительно для совершеннаго удовлетворенія способности, то возникаетъ *стремленіе* (Aufstreben) къ большему ея удовлетворенію (zu höherer Erfüllung)[5]), но стремленіе (желаніе) возникаетъ и обратно, когда подъ вліяніемъ какихъ-нибудь дальнѣйшихъ процессовъ, раздраженіе — достаточное сначала — ослабляется и улетучивается, и способность дѣлается опять свободною и неудовлетворенною[6]). Наконецъ, чувствованія удовольствія и страданія имѣютъ тоже первоначальныя основы въ тѣхъ случаяхъ воспріятія, гдѣ раздраженіе съ избыткомъ, но не чрезмѣрно, наполняетъ или же напротивъ сверхъ мѣры переполняетъ содержимое способности[7]). Изъ всего предыдущаго ясно, что различіе представленій, стремленій и *чувствованій* сводится у Бенеке къ различію формъ взаимодѣйствія между внѣшними раздражителями и внутренними воспріемниками раздраженій. Каждый психическій актъ можетъ быть попеременно: представленіемъ, желаніемъ (wenn der Reiz entschwunden) и чувствованіемъ, при сравненіи двухъ и болѣе психическихъ актовъ между собою (Gefühlsfactoren)[8]). Такъ какъ чувствованіе основывается на сравненіи, а для сравненія нужны уже образовавшіеся слѣды, то чувствованіе и составляетъ болѣе позднюю форму образованія, чѣмъ представленіе и желаніе. Изъ этого очерка можно видѣть, что Бенеке, хотя и признавалъ *три* класса душевныхъ явленій, но разнообразіе ихъ объ-

---

[1]) Ibid §§ 24—38 (p. 18 и слѣд.).
[2]) Ibid. § 115 (p. 84), ср § 235 и слѣд.
[3]) Ibid. § 58 (p. 42).
[4]) Ibid ср. § 58, 2 и § 115.
[5]) Ibid § 58, 1.
[6]) Ibid. § 115.
[7]) Ibid. § 58, 3 и 5
[8]) Ibid. § 235.

яснялъ первоначальными условіями воспріятія, какъ перваго и основного психическаго процесса, дающаго направленіе дальнѣйшей психической дѣятельности.

Физіологическая школа, основаніе которой было положено трудами Іоганна Мюллера и первыхъ психофизиковъ, Вебера и Фехнера, достигла своего полнаго развитія и выраженія въ работахъ Вундта, построившаго цѣлую психологическую систему изъ переработки отрывочныхъ и спеціальныхъ изслѣдованій своихъ предшественниковъ. Окончательную форму эта система получила въ послѣднемъ трудѣ Вундта, въ его «Физіологической психологіи». Какъ смотритъ **Вундтъ** въ этомъ сочиненіи на отношенія отдѣльныхъ классовъ психическихъ явленій? Въ своемъ предшествующемъ психологическомъ трудѣ Вундтъ склонялся въ пользу той теоріи, которая смѣшиваетъ чувствованія съ ощущеніями и представленіями, считая ихъ за продуктъ «темной или безсознательной познавательной дѣятельности». При такой теоріи, по выраженію самого Вундта, различеніе чувствованій отъ интеллектуальныхъ феноменовъ, возможно уже только на ступени развитаго самосознанія, — для первоначальнаго же сознанія ощущеніе и чувствованіе совпадаютъ [1]). Но если такова была теорія Вундта въ «Душѣ человѣка и животныхъ» [2]), то онъ самъ становится критикомъ ея и построителемъ новаго ученія въ «Физіологической психологіи». Здѣсь онъ приходитъ къ выводу, что возникновеніе чувствованій независимо отъ развитія ощущеній и представленій, и предшествуетъ появленію самосознанія въ человѣкѣ, ибо не только у человѣка въ неразвитомъ состояніи, но и у животныхъ ясно сказывается существованіе *чувствованій* рядомъ съ ощущеніями; они даже играютъ видную роль при образованіи самосознанія. Поэтому чувствованія представляются Вундту въ концѣ концовъ особыми явленіями, возникающими изъ отношенія (Beziehung) ощущеній къ сознанію [3]). Испытывать чувствованія, занимающія мѣсто между двумя контрастами удовольствія и страданія, по поводу различныхъ ощущеній и другихъ внутреннихъ состояній, — есть первоначальная особенность (ursprüngliche Eigenthümlichkeit) сознанія [4]). Третій классъ первоначальныхъ состояній

---

[1]) Grundzüge d physiolog Psychologie. Leipzig. 1874, p. 460, ср. ib p 462.

[2]) См подробнѣе Vorles. üb. Menschen u. Thierseele. Leipz. 1863. B. II, 30-te Vorles. (p. 1 и слѣд.) Очевидно однако, что и здѣсь уже В на ступени «самосознанія» различаетъ явленія познавательной дѣятельности отъ чувства и желанія, и выводитъ ихъ только изъ одного общаго источника, изъ ощущеній. «Wir konnen alle Erscheinungen, говоритъ онъ, die ausserhalb des Erkenntnissprozesses stehen in die zwei Worte des Fuhlens u. des Begehrens zusammenfassen» и т. д.

[3]) Grundz, ib. p. 455.

[4]) Ibid p. 456.

души составляютъ у Вундта *душевныя движенія* (Gemüthsbewegungen), возникающія изъ обратнаго дѣйствія чувствованій на ходъ нашихъ представленій. Душевныя движенія распадаются на аффекты и стремленія (Triebe)[1]). Аффекты суть непосредственныя дѣйствія чувствованій на теченіе представленій[2]). Стремленія же суть душевныя движенія, возникающія тоже изъ чувствованій, но направленныя на будущія впечатлѣнія[3]). Можно также назвать аффектъ душевнымъ движеніемъ, основаннымъ на *настоящихъ* чувствованіяхъ, стремленіе — такимъ, которое основано на чувствованіяхъ *будущихъ*, при чемъ однако эти будущія чувствованія до извѣстной степени антиципируются[4]). Какъ чувствованія движутся между контрастами удовольствія и страданія, такъ стремленія измѣняются между двумя противуположными направленіями — желаній и отвращеній (Widerstrebungen)[5]). Съ стремленіями у Вундта тѣсно связано понятіе движеній. Наружныя движенія суть дополненія и продолженія внутреннихъ и дѣлятся имъ на рефлекторныя и произвольныя[6]). Первыя составляютъ механическое послѣдствіе стремленій, безсознательно производящихъ иннервацію; при вторыхъ тоже все совершается съ механическою неизбѣжностью, кромѣ импульса воли; но импульсъ воли у Вундта совпадаетъ съ дѣятельностью апперцепціи[7]). Апперцепціею же онъ называетъ полное сосредоточеніе нашего вниманія на какомъ-нибудь представленіи, такъ что послѣднее, прежде находившееся только въ полѣ зрѣнія нашего сознанія, попадаетъ, такъ сказать, въ самый фокусъ умственнаго зрѣнія[8]). Такъ какъ апперцепція опредѣляется отчасти причинами, лежащими внѣ нашего контроля, то свобода воли для Вундта представляетъ только постулатъ, не поддающійся совершенно неоспоримымъ доказательствамъ[9]). Какъ бы то ни было, воля ставится Вундтомъ въ зависимость отъ познавательныхъ актовъ, насколько они могутъ вліять на превращеніе стремленія въ импульсъ къ движеніямъ и дѣйствіямъ. Но стремленія, съ другой стороны, разсматриваются какъ антиципаціи чувствованій[10]). Наконецъ чувствованія, если и не смѣши-

---

[1]) Ibid p 800
[2]) Ibid. p. 801.
[3]) Ibid. p. 807
[4]) Ibid. p. 800.
[5]) Ibid. p. 807
[6]) Ibid p. 20 (XXI Cap.).
[7]) Ibid. p. 835.
[8]) Ibid. p. 717: Den Eintritt einer Vorstellung in das innere Blickfeld wollen wir die Perception, ihren Eintritt in den Blickpunct die *Apperception* nennen.
[9]) Ibid. 835 и 836.
[10]) Ср. объ этомъ подробнѣе Vorles, l. c., II B., 50-te Vorl., p. 325 и слѣд.

ваются съ ощущеніями, то всетаки считаются продуктами оцѣнки отношеній ощущеній или представленій къ прочему содержанію сознанія, т. е. значитъ всетаки особою группою *познавательныхъ* актовъ [1]). Отсюда видно, что хотя Вундтъ и различаетъ de jure, подобно прочимъ современнымъ психологамъ, три класса явленій болѣе *элементарныхъ*, изъ которыхъ возникаютъ всѣ дальнѣйшія осложненія, а именно ощущеніе, чувствованіе и стремленіе, тѣмъ не менѣе онъ отдаетъ пальму первенства ощущеніямъ и поэтому считаетъ всѣ психическія явленія настолько близко связанными другъ съ другомъ и опредѣлимыми при помощи другъ друга, что не придаетъ большой психологической цѣны упомянутой классификаціи, и въ дѣленіи своего изложенія на отдѣлы беретъ за основаніе совершенно иные принципы [2]). Въ самое послѣднее время Вундтъ снова высказывался о томъ же вопросѣ въ небольшой журнальной статьѣ [3]). Здѣсь онъ уже прямо говоритъ, что представленіе и чувство суть понятія, вытекающія единственно изъ *психологической абстракціи* и которымъ на дѣлѣ соотвѣтствуютъ не различные процессы, а только координированные моменты одного и того же процесса [4]). Дифференціаціи этихъ моментовъ предшествуетъ въ неразвитомъ сознаніи одинъ цѣльный процессъ «ощущенія» [5]). На болѣе высокой ступени чувство выдѣляется какъ особый моментъ, который слѣдуетъ объяснять не изъ наличныхъ представленій или изъ отношеній ихъ между собою, а изъ реакціи сознанія на представленія [6]). Чувство, желаніе и воля, въ отношеніи другъ къ другу, тоже составляютъ различные моменты одного процесса, въ совокупности обозначаемаго понятіемъ душевнаго движенія (Gemüthsbewegung) [7]). Но затѣмъ оказывается, что въ этомъ цѣльномъ процессѣ *воля* имѣетъ значеніе главной функціи [8]). Чувство, такимъ образомъ, является въ концѣ концовъ моментомъ реакціи воли, т. е. *субъективной* реакціей сознанія на представленіе [9]). Вундтъ этимъ путемъ приближается къ воззрѣніямъ Шопенгауэровой школы. Но на первомъ планѣ у него стоитъ однако положеніе, что понятія — представленія, чувства

---

[1]) Ср. ibid. p. 426 и слѣд.

[2]) Онъ, напр., помѣщаетъ анализъ однихъ чувствованій въ отдѣлъ объ ощущеніяхъ (II Abschn.), анализъ другихъ (эстетическихъ) въ отдѣлъ о представленіяхъ (III A.), душевныя движенія разбираетъ въ главѣ о взаимодѣйствіи представленій (IV A.).

[3]) Vierteljahresschrift f. wissensch. Philos., III Iahrg., II Heft (Leibz. 1879). Wundt. Ueb. das Verhältn. d. Gefühle z. d. Vorstellungen.

[4]) L. c., p. 131. Ср. p. 134.

[5]) Ibid. p. 137.

[6]) Ibid. p. 140—142.

[7]) Ibid. p. 145 и слѣд.

[8]) Ibid. p. 147 и слѣд.

[9]) Ibid. p. 148—150. Ср p. 139.

и воли суть лишь абстракціи ума, и что въ сущности въ каждомъ дѣйствительномъ психическомъ процессѣ всѣ эти моменты сосуществуютъ вмѣстѣ [1]).

Вундтъ — такая современность, что, повидимому, послѣ него не о комъ и говорить въ области нѣмецкой психологіи. Но есть однако еще одинъ нѣмецкій психологъ, который въ настоящемъ смыслѣ представляетъ своими трудами *послѣднее слово* нѣмецкой психологической науки. Это **Горвицъ**. Онъ самъ въ предисловіи къ своимъ «Психологическимъ анализамъ» говоритъ, что задача его найти «новыя» основы для психологіи, и преимуществомъ своимъ считаетъ то, что его работы представляютъ дальнѣйшій шагъ развитія, сравнительно съ трудами Лотце, Вундта и др. [2]), хотя впрочемъ «Физіологическая психологія» послѣдняго вышла позднѣе I т. анализовъ Горвица. Горвицъ принадлежитъ несомнѣнно тоже къ физіологической школѣ, но у него совершенно особая задача: «свести всѣ психологическіе процессы къ одному простому физико-психическому коренному элементу», т. е. элементарному процессу [3]). Трудъ его еще не оконченъ и нельзя съ увѣренностью предугадать *всѣ* выводы, къ которымъ онъ придетъ, но во всякомъ случаѣ, какъ мы уже замѣтили выше, Горвицъ присоединяется, при группировкѣ разбираемаго имъ матеріала, къ обычному дѣленію душевныхъ явленій на три большія категоріи: явленій познанія, чувства и воли, оставляя за собою право впослѣдствіи провѣрить законность этой классификаціи [4]). Изъ появившихся до сихъ поръ двухъ томовъ сочиненія можно заключать, что задача Горвица состоитъ въ сведеніи всѣхъ психическихъ процессовъ къ чувствованіямъ, какъ къ кореннымъ основамъ всѣхъ феноменовъ сознанія. Но мы не видимъ, какимъ образомъ достиженіе этой цѣли могло бы устранить ту или другую классификацію различныхъ моментовъ развитія элементарнаго процесса, каковъ бы онъ ни былъ. Во всякомъ случаѣ Горвицъ пока остается для насъ новѣйшимъ представителемъ въ Германіи трихотоміи душевныхъ явленій, установленной авторитетомъ Канта.

Хотя въ анализѣ ученій нѣмецкихъ мыслителей о нашемъ предметѣ мы коснулись едва-ли десятой части всѣхъ трудовъ, затрогивающихъ этотъ вопросъ въ нѣмецкой психологической литературѣ нынѣшняго вѣка, тѣмъ не менѣе мы, кажется, не забыли ничего важнаго, разобрали всѣ *главныя* направленія и можемъ перейти къ французской и англійской психологіи того же періода.

---

[1]) Ibid. p. 151. Впрочемъ пользу и необходимость этихъ понятій Вундтъ не отрицаетъ

[2]) Psychol. Analysen. I Th., Vorw., p. III и IV.

[3]) Ibid. p V.

[4]) L. c., p. 156.

Во Франціи вліяніе Канта въ классификаціи психическихъ явленій начало сказываться только въ послѣднія два десятилѣтія, да и то не столько прямо, сколько чрезъ посредство англійскихъ психологовъ, особенно Гамильтона. До шестидесятыхъ годовъ французская психологія представляетъ полную разноголосицу по этому вопросу и, если господствовала всетаки трихотомія душевныхъ явленій, то къ французскимъ психологамъ всего скорѣе можно примѣнить слова Ренувье, что «главнымъ двигателемъ этой реформы было суевѣрное уваженіе къ числу *три* и что внѣ этого священнаго числа часто нельзя найти ничего общаго между классификаціями, которыя оно внушало»[1]). Впрочемъ нигдѣ не было и такихъ разнообразныхъ отступленій отъ трихотоміи, какъ во Франціи.

Первая половина нынѣшняго вѣка была не особенно благопріятна для развитія психологіи во Франціи. Вмѣстѣ съ реакціей въ началѣ нынѣшняго вѣка противъ школы Кондильяка, послѣдними представителями которой были Кабанисъ, Траси и отчасти Ларомигьеръ, произошла и реакція противъ психологіи въ пользу метафизики, нравственной философіи и исторіи философіи. **Ларомигьеръ,** послѣдній приверженецъ ученій Кондильяка, уже склонявшійся къ новому направленію, еще былъ въ пользу дихотоміи душевной дѣятельности, которую онъ, подобно своему учителю, дѣлилъ въ «Опытѣ о способностяхъ души» на двѣ главныя вѣтви: разумѣніе и волю. Но эти понятія были для него уже только общими знаками, простыми названіями, за которыми скрывался рядъ частныхъ реальныхъ способностей[2]). Три способности, относимыя имъ къ области разумѣнія, были: вниманіе, сравненіе, разсужденіе[3]). Область воли параллельно составляли три способности: желанія, предпочтенія (préférence), свободы[4]). Ощущеніе было выдѣлено въ этомъ ученіи изъ круга духовныхъ отправленій[5]). Значеніе общей основы духовнаго существованія получила такимъ образомъ идея дѣятельности (заключавшаяся въ понятіи коренной функціи — вниманія)[6]), а такъ какъ мотивомъ дѣятельности слѣдуетъ считать потребность (besoin), то изъ потребности къ дѣятельности и объясняется все духовное развитіе[7]). Такимъ образомъ во внѣшнюю форму Кондильяковской классификаціи Ларо-

---

[1]) Psychol. rationnelle. 2 Ed. Paris. 1875. T. I, p. 243.

[2]) Fragmens philos. p. V. Cousin, Paris. 1826 Статья первая (разборъ «Опыта Ларомигьера), p. 25.

[3]) Ibid. p. 23.

[4]) Ibid. p. 24.

[5]) Ibid. p. 19 и слѣд.

[6]) Ibid. p. 21.

[7]) Ibid. p. 26.

мигьеръ влилъ рядъ новыхъ понятій и принциповъ, послужившихъ точкой исхода для новой французской психологіи[1]). **Ройе-Колларъ, Мэнъ де-Биранъ и Кузенъ,** первые представители и дѣятели реформы въ области французской философіи въ нынѣшнемъ вѣкѣ, не смотря на свои живыя симпатіи къ шотландскимъ психологамъ, особенно къ Риду и Дюгальду Стюарту, всего менѣе обнаруживали такта при анализѣ психологическихъ вопросовъ, которые для нихъ, впрочемъ, стояли на второмъ планѣ[2]). Поэтому мы прямо перейдемъ къ ученику Кузена **Жуффруа,** который написалъ въ 1828 году маленькую монографію «О способностяхъ души». Главныя мысли Жуффруа слѣдующія. Какъ вещи можно знать только по ихъ свойствамъ, такъ душу можно знать только по ея способностямъ[3]). О способностяхъ души можно узнать только по различнымъ видимымъ феноменамъ духовной жизни, отъ которыхъ мы и заключаемъ къ различію ея особенностей[4]). Способность души отличается отъ свойства тѣла тѣмъ, что она подлежитъ контролю воли[5]). Стало быть, высшая способность человѣка — это воля, принципъ личной власти (pouvoir personnel), управляющій всѣми прочими естественными способностями (capacités naturelles) человѣческаго духа[6]). Безъ контроля воли способности эти были бы не способностями, а простыми *свойствами* (simples propriétés) нашей природы[7]). Поэтому каждая способность имѣетъ два способа существованія, которые психологъ не долженъ упускать изъ виду и основное единство которыхъ онъ долженъ всегда помнить[8]). Въ классификаціи способностей онъ, кромѣ того, не долженъ сложныхъ явленій приписывать особымъ способностямъ. Отъ несоблюденія этихъ правилъ вытекали длинныя перечисленія способностей у нѣкоторыхъ психологовъ[9]).

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ предметѣ см. въ упомянутой статьѣ Кузена и въ сочиненіи Тэна: Les philosophes classiques du XIX s. en France. Paris. 1868 (3-me Ed.).

[2]) Мэнъ де Биранъ, какъ извѣстно, только волю считалъ настоящимъ проявленіемъ мыслящей души (âme pensante), ощущенія, волненія, страсти, движенія, воображеніе и даже ассоціація — все это феномены, стоящіе внѣ области настоящей духовной дѣятельности и имѣющіе субстратомъ не душу, а тѣло и его органы (см. Lélut, Physiologie de la pensée, 2-me Ed. Paris. 1862. I, p. 22 и слѣд.) Кузенъ, на сколько можно заключать изъ критики Ларомигьеровской классификаціи, сочувствовалъ болѣе всего признанію трехъ основныхъ способностей la sensibilité, l'activité volontaire, la raison (см. l c., ib. p 49), но, будучи первымъ приверженцемъ трихотоміи во Франціи, онъ мало развилъ это ученіе, и въ упомянутой статьѣ весьма трудно отдѣлить изложеніе чужихъ теорій отъ его собственныхъ воззрѣній.

[3]) Mélanges philosophiques, 5-me Ed. Paris. 1875, p. 243.

[4]) Ibid. p. 244 (ср. p. 269 и 270).

[5]) Ibid. p. 247 (ср. p. 265).

[6]) Ibid. p. 249.

[7]) Ibid. p. 261.

[8]) Ibid. p. 262.

[9]) Ibid. p. 270

По мнѣнію Жуффруа въ человѣкѣ шесть коренныхъ способностей, которыя болѣе не разложимы: воля (volonté, liberté, faculté personnelle), первоначальныя наклонности или инстинкты (penchants primitifs), способность движенія (f. locomotrice), способность выраженія (f. expressive), чувствительность (sensibilité), умственныя способности (f. intellectuelles)[1]). Такимъ образомъ и у Жуффруа шесть родовъ способностей, сводимыхъ къ двумъ классамъ (правящихъ и правимыхъ), но эта система, подъ вліяніемъ новой переработки, почти ничего не имѣетъ общаго съ системой Ларомигьера. У другихъ писателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ напр. у **Ламменэ** и **Леру,** мы встрѣчаемъ мистическія трихотоміи, напоминающія средневѣковыя системы понятій[2]).

Съ пятидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ трудовъ многочисленныхъ историковъ философіи, вышедшихъ изъ школы Кузена, французы близко знакомятся какъ съ современными явленіями въ англійской и нѣмецкой философіи, такъ и съ системами древняго міра. Аристотель, Платонъ, Локкъ и Кантъ пробуждаютъ новый интересъ къ разработкѣ классификаціи психическихъ явленій: Гарнье, Ренувье и Лелю — вотъ главные дѣятели пятидесятыхъ годовъ въ области нашего вопроса. Въ сочиненіяхъ всѣхъ этихъ трехъ писателей можно найти дѣйствительно, кромѣ развитія собственныхъ теорій, болѣе или менѣе подробныя историческія изложенія, и связь ихъ ученій съ тѣми или другими новыми и древними школами ясно замѣтна. **Гарнье,** напр., беретъ за основаніе самого Платона и Аристотеля. Способности онъ понимаетъ въ смыслѣ древнихъ δυνάμεις[3]). Различеніе четырехъ способностей: движенія (f. motrice), расположеній (inclinations), воли и ума (intelligence), хотя несомнѣнно находится во внутренней связи съ классификаціей Жуффруа, тѣмъ не менѣе формально приближается къ ученію Аристотеля объ этомъ предметѣ[4]). Терминъ «расположеній», обнимающій между прочимъ феномены удовольствія и страданія, конечно неудаченъ[5]), но зато весьма вѣрно различеніе способности движенія отъ воли, которое очевидно заимствовано Гарнье у древнихъ[6]).

Ренувье выходитъ изъ видоизмѣненной Аристотелевской классификаціи *категорій*, какъ общихъ законовъ представленія, и ставитъ въ связь съ

---

[1]) Ibid. p. 272.

[2]) У Ламменэ, напр., различаются въ душѣ три начала: la force, l'intelligence et l'amour (ср. Renouvier, l. c., p 242). Припомнимъ Ѳому Кампанеллу.

[3]) Traité des facultés de l'âme. Paris. 1852. T. I, p. 44.

[4]) Ibid. p. 51. Ср. также p. 55 и слѣд

[5]) Ср. ibid. p. 56.

[6]) Ibid. p. 61 и слѣд.

ними отдѣльные классы душевныхъ явленій. Съ категоріями отношенія, числа, положенія, преемства, качества и измѣненія (le devenir) сближаются отдѣльныя функціи ума (intelligence)[1]; воля подчиняется категоріи причинности; страстное начало (le coeur)—категоріи цѣлесообразности (finalité)[2]. Ощущенія ставятся особо, какъ четвертое необходимое условіе психической дѣятельности[3]. Но этотъ рядъ явленій, по связи съ физическими отправленіями организма, не стоитъ на совсѣмъ равной ступени съ прочими классами, и въ другихъ мѣстахъ говорится только о трехъ главныхъ функціяхъ души[4]. Душа въ цѣломъ, какъ принципъ сознанія, сближается съ девятою категоріею — личнаго начала (personnalité)[5]. Явленія, не могущія войти ни въ область познанія, ни въ область воли, какъ мы сказали, объединяются въ понятіи сердца. Но этому классу явленій даются и другія наименованія: sensibilité, sentiment, amour, penchant, passion, tendance[6]. Такимъ образомъ, идея чувства смѣшивается съ идеей стремленія, безъ чего классификація Ренувье была бы довольно близка къ Кантовской.

Лелю говоритъ, что онъ выходитъ изъ принципа Декарта и Малебранша, что основной аттрибутъ души есть мысль: la pensée, говоритъ онъ, comprend la sensation aussi bien, que la réflexion, la passion tout aussi bien, que la volonté[7]. Однако въ классификаціи проявленій мысли Лелю слѣдуетъ принципамъ новѣйшей философіи: «чувство, разумѣніе и воля — вотъ три части, три стороны, три способности человѣческаго ума»[8]. Внѣ этихъ способностей Лелю, какъ и Ренувье, повидимому ставитъ ощущеніе или воспріятіе[9], но это разграниченіе у него не такъ рѣзко, какъ видно изъ дальнѣйшаго подробнаго развитія его классификаціи. Въ этой болѣе подробной классификаціи различаются: 1) внутреннія чувства, которыя развиваются въ аппетиты, потребности, инстинкты, аффекты, желанія и страсти; 2) внѣшнія чувства, которыя восходятъ чрезъ посредство воображенія и понятій къ умственнымъ способностямъ (aptitudes), талантамъ и наконецъ къ высшимъ силамъ разумѣнія, 3) воля, которая связываетъ и примиряетъ прочія способности[10].

---

[1]) Essais de crit. gén Traité de psychologie rationnelle. Paris. 1875 (2 Ed. 1-я вышла въ 1854 г), p. 215 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 216

[3]) Ibid. p. 217.

[4]) Ibid. p. 232 и др

[5]) Ср. Ibid. p. 2.

[6]) Ibid. p 224 и слѣд.

[7]) Physiologie de la pensée. 2 Ed. Paris. 1862. I vol, p. 21 (Art III).

[8]) Ibid p. 27.

[9]) Ср. ibid. p. 37.

[10]) Ibid. p. 46.

Такимъ образомъ писатели пятидесятыхъ и отчасти шестидесятыхъ годовъ, вышедшіе изъ спиритуалистической школы Кузена и Жуффруа, признаютъ во всей силѣ понятіе способности, и въ классификаціи способностей уже ясно преобладаетъ обычная трихотомія, при чемъ мы однако встрѣтили одну попытку поставить особо отъ воли способность движенія.

Одновременно съ этой школой во Франціи возникла другая, физіологическая, самымъ замѣчательнымъ представителемъ которой въ эту эпоху былъ **Флурансъ.** Разработка психологическихъ вопросовъ физіологами всегда начиналась съ анализа спеціальныхъ феноменовъ и у Флуранса синтезъ еще очень слабый. Постоянной и строго опредѣленной классификаціи психическихъ явленій у него нѣтъ. Онъ то различаетъ память, сужденіе и волю [1]), то воспріятіе, сужденіе и волю [2]), то инстинктъ, сужденіе и разумъ [3]), смотря по тому, съ какой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ духовную дѣятельность человѣка. Въ новѣйшее время физіологическая школа во Франціи получила два направленія. Съ одной стороны физіологи и медики продолжаютъ писать изслѣдованія по психологическимъ вопросамъ; съ другой стороны психологи, отчасти подъ вліяніемъ современнаго англійскаго эмпирическаго направленія, пишутъ психологическія изслѣдованія, опирающіяся на физіологическія данныя и принципы. Въ обоихъ направленіяхъ классификація основныхъ факторовъ и проявленій духовной дѣятельности не составляетъ существенной задачи. Между физіологами достаточно упомянуть **Фурнье,** который въ своемъ «Опытѣ психологіи», отождествляя душу съ принципомъ жизни, приписываетъ ей, съ совершенно новой точки зрѣнія, три коренныя силы (pouvoirs): воспріятія (perception du sensible et de l'intelligent), движенія (mouvement de la matière du corps), памяти или силы пріобрѣтенія и удержанія знаній (acquisition et conservation des connaissances) [4]). Волю, мысль, воображеніе, разумъ и т. д. Фурнье признаетъ только за различные способы дѣятельности (modes d'activité) человѣка и не считаетъ возможнымъ приписывать эти классы феноменовъ особымъ способностямъ души. Къ школѣ психологовъ - эмпириковъ принадлежатъ, между прочимъ, Рибо и бельгійскій ученый Гузо. Эти психологи въ своихъ сочиненіяхъ слѣдуютъ грубо - эмпирической классификаціи, какую даетъ невооруженное наблюденіе, а такъ какъ такое наблюденіе содержитъ субъективные элементы, то и классификаціи получаются несходныя [5]). **Рибо,**

---

[1]) Psychologie comparée. Paris. 1864 (2 Ed.), p. 69.
[2]) Ibid. p. 254.
[3]) Ibid. p. 3 и слѣд.
[4]) Essai de Psychologie. Paris. 1877. Vocabul., p. XI (fac. de l'âme).
[5]) Ср Ribot L'Hérédité. Paris. 1873 и Houzeau. Fac. ment. des animaux. Mons. 1872.

впрочемъ, совершенно сознательно пренебрегаетъ классификаціей, такъ какъ онъ не находитъ въ психическихъ феноменахъ того характера независимости, который необходимъ для яснаго различенія отдѣльныхъ классовъ[1]). Притомъ же Рибо, какъ извѣстно, первый серіозно возсталъ во Франціи противъ теоріи «способностей», въ критикѣ которой онъ примыкаетъ къ англійскому психологу Бэли.

Но зато среди спиритуалистовъ окончательно восторжествовала трихотомія душевныхъ явленій въ смыслѣ Канта и Гамильтона. Её принимаетъ **Лемуанъ** въ своемъ сочиненіи «О привычкѣ»[2]); ей слѣдуетъ и **Булье** въ своей монографіи «Объ удовольствіи и страданіи»[3]).

Въ новѣйшихъ французскихъ монографіяхъ о чувствованіяхъ, аффектахъ и страстяхъ мы, впрочемъ, большею частію встрѣчаемся съ стремленіями найти какой-нибудь новый и оригинальный путь для болѣе удовлетворительнаго объясненія природы и отношеній всѣхъ этихъ явленій. При этомъ часто является потребность и въ новой постановкѣ общей классификаціи психическихъ феноменовъ. Упомянемъ, напр., о **Летурно**, который въ своей физіологіи страстей даетъ слѣдующую оригинальную классификацію феноменовъ церебральной или психической дѣятельности[4]):

1) Пассивныя свойства церебр. дѣят.: { a) чувствительность (sensibilité) / b) впечатлительность.

2) Активныя способности человѣка { a) воля (сюда же относятся желанія и страсти) / b) память / c) разумѣніе.

Дюмонъ въ своемъ сочиненіи объ удовольствіи и страданіи тоже отступаетъ отъ обычной трихотоміи въ пользу дихотоміи, нѣсколько напоминающей ученіе нѣмецкаго философа Круга. По его мнѣнію возможны только два направленія психической дѣятельности — снаружи внутрь (du dehors au dedans), куда относятся всѣ познавательныя отправленія, и обратно — изнутри наружу (du dedans au dehors); это послѣднее направленіе обнимаетъ инстинкты, желанія, дѣйствія, волю. Такъ какъ удовольствія и страданія не могутъ войти ни въ одинъ изъ этихъ двухъ классовъ, а третье направленіе невозможно, то отсюда слѣдуетъ, что удовольствія не суть реальные фено-

---

[1]) См La psychol anglaise contemporaine. Paris 1875 (2-me Ed), p. 29 (Introd.).
[2]) L'habitude et l'instinct. P. 1875, p. 27: sensibilité, volonté, raison.
[3]) Le plaisir et la douleur. P. 1877 (2 Ed.), p. 9 и др.
[4]) Physiologie des passions, p. Ch. Letourneau. Paris. 1878 (2-me Ed.), p. 44.

мены, а только способы перехода отъ одного феномена къ другому. Они соотвѣтствуютъ перемѣнѣ, а не реальному состоянію [1]).

Такимъ образомъ мы дали образчики всѣхъ разнообразныхъ направленій, какія можно встрѣтить въ области изучаемаго нами вопроса, во французской психологіи нынѣшняго вѣка. Перейдемъ къ англичанамъ.

Въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка новые опыты классификаціи боролись съ старыми традиціями. Попытки нововведеній начинаются съ перваго же десятилѣтія нынѣшняго вѣка и продолжаются въ разнообразныхъ направленіяхъ вплоть до Гамильтона, который съ 30-хъ годовъ, какъ въ своихъ печатныхъ статьяхъ, такъ особенно въ своихъ лекціяхъ метафизики въ Эдинбургскомъ университетѣ (составленныхъ въ 1836 г., но напечатанныхъ только въ 1861, послѣ его смерти), старался замѣнить старую дихотомію душевныхъ явленій трихотоміей въ смыслѣ Канта.

Классификація **Кирвана** въ его «Метафизическихъ опытахъ» (1809), въ которой пассивныя модификаціи души (ощущенія, чувствованія, волненія) отличаются отъ активныхъ модификацій (сужденіе и воля) [2]), еще мало отступаетъ отъ обычныхъ принциповъ XVIII в. Но замѣчательна попытка реформы, сдѣланная Броуномъ, лекціи котораго «О философіи челов. духа» впервые вышли въ 1820 г. **Броунъ**, считая дихотомію души (разумѣніе и воля), можетъ быть, болѣе древнею, чѣмъ она была на дѣлѣ, признаетъ это дѣленіе во всякомъ случаѣ весьма *нелогическимъ*, уже потому, что могущество воли въ областіи умственныхъ отправленій такъ же велико, какъ и въ собственной сферѣ, которую ей обыкновенно предоставляютъ [3]). Но главный аргументъ его, какъ противъ этого дѣленія, такъ и противъ различенія интеллектуальныхъ и активныхъ силъ (Ридъ) состоитъ въ томъ, что въ обѣихъ классификаціяхъ трудно дать опредѣленное мѣсто явленіямъ чувства, каковы печаль, радость, удивленіе и т. д. [4]). Отвергнувъ эти два способа группировки, господствовавшіе въ XVIII в., Броунъ собирается приступить къ выработкѣ своей собственной классификаціи, предлагая слушателямъ напередъ забыть о господствовавшихъ прежде пріемахъ [5]). Аргументы Броуна заставляютъ ожидать классификаціи, сколько-нибудь сходной съ Кантовской трихотоміей, но ожиданія эти не оправдываются. Прежде

---

[1]) Théorie scientif. de la sensibil., Paris. 1875, p. 81 (Ch. V).
[2]) Blakey. Hist. of the philos of Mind. Vol. IV, p. 31.
[3]) Lectures on the Philos of the mind. 19-th Ed. Edinb. 1851. Vol. I, p. 391. Ср. p. 407.
[4]) Ibid p. 391, 392 и слѣд.
[5]) Ibid. p. 400.

всего Броунъ предлагаетъ дѣлить *состоянія* души (affections, states) на такія, которыя имѣютъ матеріальные, внѣшніе источники (external aff.), и такія, которыхъ происхожденіе внутреннее, духовное (interral aff.)[1]). Первыя суть чувственныя возбужденія наши (sensitive aff.), вторыя обнимаютъ собою два различные класса: интеллектуальныхъ состояній и волненій (emotions)[2]). Терминъ «волненій» Броунъ предпочитаетъ выраженію «активныя силы», ибо это послѣднее выраженіе двусмысленное, требующее дополненія въ понятіи чего-то пассивнаго, и потому еще, что терминъ волненій лучше обнимаетъ такія состоянія, какъ печаль, радость и т. д., въ которыхъ нѣтъ ничего активнаго[3]). Но куда же въ такомъ случаѣ Броунъ помѣщаетъ явленія воли? Отвѣтъ мы находимъ въ дѣленіи волненій по времени, къ которому они относятся,—на непосредственныя (настоящія), ретроспективныя (относящіяся къ прошедшему) и проспективныя (относящіяся къ будущему)[4]). Къ послѣднимъ относятся желанія, страхъ, надежда, ожиданіе и др. явленія[5]), изъ сложенія и взаимодѣйствія которыхъ Броунъ объясняетъ всю волевую и нравственную дѣятельность человѣка.

Попытка Броуна имѣла послѣдователей, въ числѣ которыхъ можно назвать **Пэйна** (Paine. Elements of Mental a. Moral Science, 1828), который впрочемъ и внѣшнія возбужденія, параллельно внутреннимъ, дѣлилъ на два класса[6]). Въ это же время были однако и новые опыты классификаціи: такъ напр. **Баллантинъ** (J. Ballantyne. An examination of the Human Mind, 1828) различалъ въ человѣческой душѣ четыре начала: сензитивное, принципъ ассоціаціи, начало воли и начало движенія[7]); **Джонъ Юнгъ,** умершій въ 1829 г. (Lectures on Intellectual philosophy, publ. 1835), сводилъ духовныя явленія къ тремъ принципамъ: ощущенія, памяти и сужденія.

Но параллельно этимъ попыткамъ ввести новую классификацію, не находившимъ никакого или встрѣчавшимъ мало сочувствія въ Англіи, были приверженцы и старой дихотоміи. Между ними назовемъ Джемса Милля и **Аберкромби.** Послѣдній впрочемъ, слѣдуя узко-эмпирическимъ пріемамъ, мало придавалъ значенія какой бы то ни было стройной классификаціи и только мелькомъ противуполагалъ, по примѣру Рида, умственныя силы или процессы, каковы память, воспріятіе, воображеніе и сужденіе, — ак-

---

[1]) Ibid. p. 403.
[2]) Ibid. p. 408 и 409.
[3]) Ibid. p. 404.
[4]) Ibid. Vol. III, p. 31 и слѣд.
[5]) Ibid. p. 313 и слѣд. (Lect. LXV и слѣд.).
[6]) Blakey, l. c., IV, p. 47.
[7]) Blakey, l. c., ibid. p. 63.

тивнымъ и нравственнымъ силамъ человѣка, куда относилъ желанія, аффекты, волю и пр.[1]). **Джемсъ Милль** отнесся къ дѣлу внимательнѣе, хотя только въ серединѣ II т. своего «Анализа феноменовъ человѣческаго духа» дошелъ до разбора вопроса объ общей классификаціи душевныхъ явленій. Милль говоритъ, что феномены *мысли*, т. е. духа (какъ поясняетъ въ примѣчаніи Бэнъ), повидимому слѣдуетъ распредѣлять въ два большіе класса, — интеллектуальныхъ и активныхъ силъ человѣческаго духа. Къ первому классу относятся ощущенія и идеи, какъ существующія сами по себѣ явленія; ко второму — тѣ же ощущенія и идеи, не только какъ существующія, но и какъ возбуждающія человѣка къ дѣятельности[2]). Съ этой второй точки зрѣнія ощущенія и идеи являются какъ удовольствія и страданія[3]), причемъ Милль, отчасти сходно съ Броуномъ, различаетъ тѣ удовольствія и страданія, которыя зависятъ отъ непосредственныхъ причинъ, отъ тѣхъ, кои надо отнести къ причинамъ отдаленнымъ (remote causes)[4]). «Идея удовольствія» для Милля есть выраженіе тождественное «желанію», «идея страданія» — это «отвращеніе» (aversion), т. е. желаніе удалиться отъ предмета[5]). Такое отождествленіе даетъ поводъ къ особому разбору феноменовъ удовольствія и страданія, какъ мотивовъ дѣятельности[6]), а это служитъ переходомъ къ анализу воли, которая, будучи особымъ состояніемъ души, возникаетъ изъ «идеи дѣйствія» въ связи съ идеей удовольствія, какъ его послѣдствія[7]). Очевидно, что въ этой системѣ Милля, при нѣкоторыхъ элементахъ Броуновской психологіи, преобладаетъ старая классификація Рида.

Послѣ Джемса Милля въ Англійской литературѣ нѣкоторое время преобладаютъ сочиненія по логикѣ, метафизикѣ и нравственной философіи. Собственно психологическія сочиненія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ представляютъ мало интереса, особенно съ нашей спеціальной точки зрѣнія[8]). Между метафизиками, какъ психологъ, выдается только Гамильтонъ, комментаторъ Рида и Дюгальда Стюарта, оказавшій сильное вліяніе

---

[1]) Inquiries conc the intellect. powers 19-th Ed. Lond, 1871 (1-е изд. 1830), p 51 и 52. Ср. также p. 24 и др.

[2]) Analysis of the phenom. of the human Mind. New Ed. by J. St. Mill. London. 1869 (1-е изд. 1829). Vol. II. Ch. XVI, p. 181.

[3]) Ibid Ch. XVII и слѣд.

[4]) Ibid. Ch XVIII, p. 187. Отношеніе удовольствія и страданія къ прошедшему и будущему составляетъ вопросъ особаго порядка (ib. Ch. XX и слѣд.).

[5]) Ibid. p. 191 и слѣд

[6]) Ibid. Ch. XXII и слѣд

[7]) Ibid. p. 328.

[8]) Болѣе выдающійся психологъ этой эпохи Douglas (On the Philosophy of the Mind, 1839); но не имѣя подъ руками его сочиненій, мы не нашли о его системѣ никакихъ свѣдѣній и въ историческихъ пособіяхъ, которыми пользовались (ср. Блэкей, l. c., IV, p 611).

на развитіе нашей науки въ Англіи во всѣ послѣдующія десятилѣтія. Къ нему мы и перейдемъ.

Когда **Гамильтонъ** впервые высказался въ пользу классификаціи Канта, мы не беремся опредѣлить. Во всякомъ случаѣ въ своихъ лекціяхъ по метафизикѣ, которыя онъ читалъ, почти безъ измѣненій, въ теченіе 20 лѣтъ (1836 — 56), онъ ревностно отстаивалъ противъ Круга трихотомію Канта; а такъ какъ его преподаваніемъ пользовался рядъ поколѣній, то неудивительно, что между послѣдующими англійскими, а также и американскими психологами, его классификація сдѣлалась господствующею, — тѣмъ болѣе, что онъ не удовольствовался простымъ выдѣленіемъ чувствованій въ особую группу явленій, а сверхъ того выработалъ новую теорію удовольствія и страданія, имѣющую и въ наше время послѣдователей среди самыхъ замѣчательныхъ англійскихъ и французскихъ психологовъ[1]). Изъ двойного анализа вопроса о классификаціи психическихъ явленій, даннаго Гамильтономъ въ его лекціяхъ по метафизикѣ[2]), мы для краткости изложимъ только возраженія Кругу, лучше всего выражающія теорію, которой Гамильтонъ сочувствовалъ. Возраженія эти почти всѣ заимствованы имъ у нѣмецкаго психолога тридцатыхъ годовъ, Біунде[3]).

Во первыхъ, что касается «направленій» психической дѣятельности, Гамильтонъ соглашается съ Біунде, что такихъ направленій можно предположить три, а не два, а именно входящее (ineunt), имманентное и выходящее (transeunt)[4]). Чувствованія конечно составляли бы область имманентныхъ состояній души. Но дѣло въ томъ, что теорія направленій вообще, по своей неопредѣленности, непримѣнима къ классификаціи психическихъ явленій. Во первыхъ, можно и воспріятіе и дѣйствіе считать направленіемъ наружу (outward), поскольку они зависятъ отъ взаимодѣйствія съ внѣшнимъ міромъ; внутренній характеръ слѣдовало бы тогда приписать обратно всѣмъ познавательнымъ и другимъ актамъ, направленнымъ на самый субъектъ, на нашу собственную природу. Въ такомъ случаѣ чувствованія имѣли бы то внѣшній, то внутренній характеръ, смотря по тому, направлены ли они на внѣшніе или на внутренніе объекты[5]). Во вторыхъ, перенесеніе теоріи дѣйствія и противодѣйствія въ область одушевленнаго неудобно потому, что при этой теоріи феномены воли и желанія потеряли бы вся-

---

[1]) Ср Dumont, l. c., p. 66.

[2]) Lectures on Metaphysics, by S. Will. Hamilton. Ed. by Mansel a. Veitch, Edinb. a. Lond., 1877 (6-th Ed.). Vol. I. Lect. XI, p. 182 — 189. Vol. II. Lect. XLI, p. 414 — 428.

[3]) Ср. выше, стр. 100, прим. 5.

[4]) L. c., II, p 423.

[5]) Ibid. p 244.

кій реальный характеръ, такъ какъ дѣйствіе и противудѣйствіе даны уже въ познаніи или, вѣрнѣе говоря, въ самомъ актѣ чувственнаго воспріятія [1]). Такимъ образомъ одинъ аргументъ Круга о двоякомъ направленіи психической дѣятельности опрокинутъ. Другой аргументъ, состоящій въ томъ, что познаніе и воля не нуждаются ни въ какомъ посредствующемъ принципѣ (principle of mediation) [2]) опровергается еще удобнѣе. Дѣло въ томъ, что одно познаніе оставляетъ насъ безъ возбужденія къ дѣйствію, — только чувствованія вливаютъ въ насъ теплоту и жизнь, потребныя для дѣятельности. Еслибъ познаніе одно могло возбуждать въ насъ волю и желаніе, то все, что́ мы знаемъ, въ одинаковой степени дѣлалось бы объектомъ желанія. Между тѣмъ мы къ одной вещи стремимся, другой избѣгаемъ. Точно также всѣ люди стремились бы къ однимъ вещамъ, одинаково для всѣхъ извѣстнымъ. Между тѣмъ — къ чему одни стремятся, того другіе избѣгаютъ [3]). Всѣ эти факты объясняются только тѣмъ, что между познаніемъ и волей есть соединительный принципъ (какъ бы мостъ), состоящій въ *чувствованіяхъ* пріятнаго и непріятнаго, возникающихъ изъ познавательныхъ актовъ [4]). Подобно тому, какъ чувствованія служатъ переходомъ отъ воспріятій къ желаніямъ, и въ наукѣ о душѣ теорія чувствованій должна слѣдовать за ученіемъ о познавательныхъ способностяхъ и предшествовать ученію о волѣ [5]). Къ этому остается прибавить только, что Гамильтонъ пытался установить не только новую классификацію, но и новую терминологію коренныхъ способностей. Понятія воли и желанія онъ старался объединить въ выраженіи «conative (or exertive) powers», трудно переводимомъ на русскій языкъ (предпріимчивыя силы?) [6]).

Классификація Гамильтона была принята большинствомъ англійскихъ психологовъ современной эмпирической школы, а также проникла и въ среду американскихъ писателей. Въ числѣ первыхъ назовемъ Самуила Бэли и Александра Бэна. Изъ числа послѣднихъ упомянемъ **Эпхама** (Upham). Въ своихъ «Элементахъ философіи ума» онъ говоритъ, что есть три главныя и ясно опредѣленныя точки зрѣнія, съ которыхъ должно разсматривать душу, а именно: умъ, чувствительность (the sensibilities) и воля. Къ одному или къ другому изъ этихъ основныхъ состояній души можетъ быть пріурочено всякое явленіе, относящееся къ нашему духовному существова-

---

[1]) Ibid. p 425.
[2]) Ср. ibid. p. 427 (внизу)
[3]) Ibid. p. 426.
[4]) Ibid. p. 427. Ср. p. 425 и 426.
[5]) Ibid. p. 428.
[6]) Ibid. Vol. I, p. 184 и слѣд.

нію [1]). Сообразно съ этимъ онъ дѣлитъ и сочиненіе свое на три части [2]). Изъ двухъ названныхъ выше англійскихъ психологовъ, **Бэли** замѣчателенъ главнымъ образомъ своею критикою ученія о способностяхъ души [3]) и имѣетъ въ этомъ отношеніи почти то же значеніе въ Англіи, какъ Гербардтъ въ Германіи. Классификаціи своей онъ поэтому не придаетъ особеннаго значенія. Она состоитъ въ различеніи: сензитивныхъ возбужденій (sensitive affections), къ которымъ относятся (a) ощущенія и (b) волненія (mental emotions), интеллектуальныхъ отправленій и актовъ воли (volitions) [4]). Для **Бэна** классификація составляетъ болѣе важное дѣло. Онъ начинаетъ съ общей классификаціи душевныхъ явленій каждое свое сочиненіе, относящееся къ психологіи [5]) и возвращается къ ней не однажды и въ послѣдующихъ анализахъ. Различая чувство, волю и мысль, онъ къ каждому классу причисляетъ нѣсколько второстепенныхъ функцій. Въ область воли входятъ «всѣ дѣйствія человѣческихъ существъ», поскольку они руководятся чувствованіями. Къ области мысли относятся «силы», называемыя воспріятіемъ, памятью, пониманіемъ, отвлеченіемъ, разумомъ, сужденіемъ и воображеніемъ, которыя онъ сводитъ къ тремъ кореннымъ функціямъ: различенія, отождествленія и удержанія въ памяти (retentiveness) [6]) Особо отъ всѣхъ этихъ высшихъ психическихъ отправленій Бэнъ ставитъ низшую чувственную область душевной дѣятельности (inferior region of Mind), къ которой относитъ движенія, ощущенія, аппетипы и инстинкты [7]). Изъ этихъ явленій ощущепія частью относятся къ области чувства, частію къ области мышленія [8]). Анализъ всѣхъ поименованныхъ чувственныхъ феноменовъ составляетъ какъ бы неизбѣжное введеніе въ разборъ трехъ главныхъ классовъ явленій. Правильно ли создавать такую «переднюю» предъ «чистыми горницами» психической дѣятельности, — мы увидимъ ниже.

Трихотомія душевныхъ состояній, однако, и въ Англіи не исключительно господствовала въ послѣднія десятилѣтія. Во первыхъ, **Джонъ Стюартъ Милль** въ своей Логикѣ говоритъ, что состоянія сознанія «согласно

---

[1]) Elements of Mental Philosophy, by Th. Upham. New York. 1855. Vol. I, p. 47 (§ 30).

[2]) III-й т. этого сочиненія (о волѣ) имѣетъ особое заглавіе Philosophical a. pract. Treatise on the Will (forming the third volume и т. д.). New York. 1855.

[3]) См. краткое изложеніе этой критики у Ribot, Psychol. Angl, Introd, VI.

[4]) См. Bain. The Senses a. the Intellect. Lond. 1868 (3-d Ed.), Appendix, p. 671 и Ribot, l. c., p. 408 (статью о Бэли).

[5]) Ср. Senses a. Intellect, ib. p. 2 и слѣд. The Emotions and the Will. Lond. 1875 (3 Ed.), p. 3 и Mental a Moral Science Lond. 1875 (4 изд.), p. 2

[6]) M. a. M. Sc, ibid.

[7]) Senses a. Intellect, p. 57 и слѣд.

[8]) Ibid. p. 2.

классификаціи, которой мы постоянно слѣдовали», суть мысли, возбужденія, желанія и ощущенія: «послѣднія столь же истинно состоянія души, какъ и три первые разряда»[1]). Такимъ образомъ Милль дѣлитъ всѣ психическія явленія на четыре класса. Во вторыхъ, англійская физіологическая школа, къ которой мы относимъ, кромѣ Карпентера, Маудсли и Льюиса, между прочимъ и Герберта Спенсера, — искала другихъ, физіологическихъ принциповъ классификаціи.

Карпентеръ, напр., даетъ оригинальную схему психическихъ отправленій въ связи съ различными отдѣлами центральной нервной системы. Во главѣ этой схемы особымъ крупнымъ шрифтомъ поставлено понятіе *воли*, какъ высшаго, чисто-психическаго отправленія[2]). **Маудсли** за основу различенія беретъ подраздѣленіе нервныхъ центровъ на четыре разряда[3]); а затѣмъ дѣятельность высшихъ мозговыхъ центровъ разсматривается въ пяти классахъ отправленій: мышленіе, чувство, воля, дѣйствіе, память (и воображеніе)[4]). **Льюисъ** въ «Вопросахъ о жизни и духѣ», исходя изъ теоріи «психологическаго спектра», основанной на аналогіи между зрѣніемъ и сознаніемъ, доказываетъ, что всѣ психическіе процессы — воспріятія, понятія, сердечныя движенія, желанія и хотѣнія — слагаются изъ трехъ основныхъ видовъ возбужденія, а именно: *ощущенія*, *мысли* и *движенія*. «Каждое душевное состояніе представляетъ функцію этихъ трехъ *перемѣнныхъ*». Но такъ какъ ощущеніе, мысль и движеніе для него одно и то же, что дѣятельность органовъ чувствъ, мозга и мышцъ, то ясно, что признаваемая имъ тройственность всѣхъ психическихъ процессовъ имѣетъ вполнѣ физіологическую основу[5]). **Герберта Спенсера**, по характеру его психологическихъ принциповъ, тоже можно отнести къ школѣ физіологовъ. Въ главѣ «о составѣ ума» онъ говоритъ, что ближайшіе составные элементы (components) души—это ощущенія (feelings) и отношенія между ощущеніями (relations between feelings)[6]). Эту классификацію онъ подробнѣе развиваетъ въ концѣ своего сочиненія. Здѣсь онъ рѣзче настаиваетъ на необходимости различать эти два рода состояній сознанія (modes of consiousness), не въ силу абсолютнаго ихъ несходства, а съ точки зрѣнія *преобладанія* въ умѣ одного рода состояній

---

[1]) Система Логики, перев. подъ ред. Лаврова. Сп. 1866. Т. II, Кн. VI (о Лог. нравственныхъ наукъ), стр. р. 421. Въ изд. «Анализовъ» своего отца (Vol II, p. 185 и 186, прим.) Дж. Ст. Милль находитъ еще возможнымъ абстрагировать эмоціональный элементъ удовольствія и страданія отъ ощущеній въ собственномъ смыслѣ.

[2]) Principles of mental physiology (4 ed.). London. 1876, p. 125.

[3]) Физіологія и патологія души. Пер. Исаина. СП. 1871, стр. 60.

[4]) Тамъ же, Главы V—IX.

[5]) Вопр. о жизни и духѣ. Пер. съ Англ. СП. 1875. Т. I, стр. 149 и слѣд.

[6]) The principles of Psychology. Lond. 1870. Vol. I. P. II. Ch. II, p. 163

надъ другимъ [1]). «Отношенія ощущеній между собою» составляютъ тотъ рядъ состояній, которыя обыкновенно называются «познаніями» (cognitions). Поэтому Спенсеръ, противуполагая ощущенія познаніямъ, дѣлитъ каждый изъ этихъ главныхъ классовъ феноменовъ на четыре параллельные подъкласса и подъ эти второстепенныя восемь группъ (presentative, presentative-representative, representative, re-representative cognitions and feelings) подходятъ всѣ обыкновенно различаемыя категоріи явленій. Ощущенія и чувствованія удовольствія (и страданія) составляютъ двѣ различныя группы «чувствованій» (represent. feelings, present. feel.), третью группу составляютъ эмоціи и т. д. [2]). Замѣтимъ, что въ этой классификаціи мы не встрѣчаемъ вовсе понятій воли, желаній и т. д. Это объясняется оригинальнымъ предположеніемъ Спенсера, что то, что́ мы называемъ волею, есть только другая сторона того общаго процесса, къ которому относятся различныя модификаціи ощущенія, каковы память, чувство, разумъ. Память, разумъ, чувство и воля для Спенсера почти синонимическія выраженія — все различіе сводится къ разнообразію точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать каждый психическій актъ. Память, разумъ, чувство и воля — это все неизбѣжные и органически-связанные другъ съ другомъ моменты или элементы каждаго сознательнаго психическаго акта, и всѣ эти моменты разомъ исчезаютъ (simultaneously disappear), при переходѣ сознательнаго психическаго дѣйствія въ автоматическое [3]).

Вотъ характеристическія направленія въ англійской психологіи нынѣшняго вѣка. О психологическихъ ученіяхъ въ другихъ странахъ, кромѣ Германіи, Франціи и Англіи, мы не будемъ подробно говорить, такъ какъ въ этихъ ученіяхъ мало самостоятельнаго и психологія въ тѣхъ странахъ не выработала никакихъ новыхъ и оригинальныхъ построеній. Всего замѣчательнѣе конечно психологія, развившаяся въ нынѣшнемъ вѣкѣ въ Италіи. Направленія ея сложились главнымъ образомъ подъ вліяніемъ нѣмецкой и французской философіи. Назовемъ только **Росмини,** который находился подъ вліяніемъ Канта и былъ въ первую половину нынѣшняго вѣка самымъ плодовитымъ писателемъ по философіи въ Италіи. Въ своей психологіи онъ высказывался, между прочимъ, въ пользу трихотоміи души и признавалъ въ ней: принципъ сензитивный (который понималъ болѣе въ смыслѣ Тетенса, чѣмъ въ смыслѣ Канта), принципъ ума и принципъ воли, которые,

---

[1]) Ibid. Vol. II. P. VIII. Ch. II (Classification), p. 512.
[2]) Ibid. p. 513 и 514.
[3]) Ibid. Vol. I. P. IV. Ch. IX (The Will), p. 495 и слѣд.

взаимно проникая другъ друга, образуютъ единую душу[1]). Между психологами-Гегеліанцами въ Италіи можно упомянуть Флоренци. Въ послѣднія десятилѣтія въ Италіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы стали появляться монографіи по вопросу о чувствованіяхъ удовольствія и страданія (напр. P. Mantegazza. Fisiologia del piacere, посл. изд. Milano. 1877)[2]).

Въ Россіи законченныхъ психологическихъ системъ съ вполнѣ самостоятельными основами еще не существуетъ. Однако въ послѣднее время являлись опыты «самостоятельнаго *изложенія*» психологическихъ теорій, выработанныхъ наукою запада, и даже попытки развить «самостоятельныя начала» для *будущей* русской психологической науки. Изъ числа первыхъ, для образчика, назовемъ работы Ушинскаго и Каптерева. Въ числѣ послѣднихъ выдающееся мѣсто принадлежитъ критическимъ трудамъ Кавелина и Сѣченова.

Ушинскій и Каптеревъ присоединяются къ классификаціи психическихъ явленій въ обычныя три группы. «Мы избираемъ, говоритъ **Ушинскій**, общепринятое дѣленіе, которое имѣетъ уже тотъ авторитетъ, что оно создано не какимъ-нибудь психологомъ, а выработано всѣмъ человѣчествомъ. Раздѣленіе психическихъ явленій на явленія сознанія, чувства и воли есть дѣленіе не научное, но общечеловѣческое, которое только перешло въ психологію и оставалось въ ней до тѣхъ поръ, пока Гербардтъ, а за нимъ Бенеке не пытались замѣнить его новою теоріею»[3]). Противъ этихъ историческихъ положеній конечно можно многое возразить послѣ всего предшествующаго анализа. Во первыхъ, Гербардтъ и Бенеке сами не были абсолютными противниками даннаго дѣленія, а во вторыхъ ничѣмъ нельзя доказать, чтобъ это дѣленіе было «общечеловѣческое», такъ какъ оно стало распространяться только съ конца прошлаго вѣка. Если Ушинскій разумѣетъ давнишнее существованіе всѣхъ этихъ понятій въ языкѣ, то это еще ничего не говоритъ, такъ какъ кромѣ этихъ понятій во всѣхъ языкахъ такъ же стары понятія памяти, воображенія, разума, разсудка, ощущенія, движенія и т. д. Если брать языкъ за критерій «общечеловѣческой классификаціи», то психическая жизнь раздробилась бы на гораздо большее число группъ. Какъ бы то ни было, Ушинскій считаетъ упомянутую три-

---

[1]) См. Ferri. Essai sur l'hist. de la philos. en Italie. Paris. 1869. T. I, p. 186 и слѣд.

[2]) О развитіи итальянской психологіи см. подробнѣе въ упомянутомъ трудѣ L. Ferri (во 2 т.). Въ концѣ этого труда (T. II, p. 365 и слѣд.) Ferri прилагаетъ между прочимъ весьма полный библіографическій перечень итальянской философской литературы XIX стол.

[3]) К. Ушинскій. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагог. антропологіи. Изд. 3-е. СП. 1873. Т. I, стр. 173 (§ 19).

хотомію самымъ естественнымъ дѣленіемъ и подтверждаетъ эту мысль примѣрами изъ ежедневнаго опыта. «Всякій замѣчаетъ надъ собою, говоритъ онъ, что *видѣть* цвѣтокъ еще не значитъ *любоваться* имъ, а любоваться имъ еще не значитъ *желать* сорвать его. *Видѣть* картину горя еще не значитъ *испытывать* горе, а чувствовать горе еще не значитъ *желать* отъ него избавиться»[1]). Послѣдующій анализъ подтверждаетъ окончательно, что Ушинскій признаетъ эту трихотомію за наилучшій способъ дѣленія психическихъ феноменовъ и притомъ, нисколько не расходясь съ Кантомъ, признаетъ, что чувствованіе есть *среднее*, связующее звено между явленіями сознанія (т. е. мышленія) и явленіями воли; тѣ и другія одинаково вызываются чувствомъ; отсюда слѣдуетъ, что чувствованія составляютъ «средоточіе всѣхъ душевныхъ явленій: изъ нихъ они всѣ исходятъ и къ нимъ всѣ возвращаются»[2]). Ушинскій находился очевидно подъ вліяніемъ нѣмецкихъ психологовъ. **Каптеревъ** скорѣе примыкаетъ къ англійской психологической школѣ и вліяніе Бэна въ особенности сказывается не разъ. Поэтому Каптеревъ, подобно англичанамъ, выдѣляетъ въ особый классъ ощущенія, какъ *основную* группу явленій въ психической жизни. Кромѣ ощущеній, которыя еще нераздѣльно заключаютъ въ себѣ познавательный и эмоціонный элементы[3]), онъ признаетъ какъ особые классы явленій: представленія, чувствованія[4]) и волю. представленія и чувствованія, развиваясь изъ ощущеній[5]), раскрываютъ предъ нами пассивную сторону человѣка, воля — активную, такъ какъ человѣкъ «является существомъ не только *познающимъ* и *чувствующимъ*, но и творческимъ, *дѣятельнымъ*»[6]).

Въ критическихъ трудахъ Кавелина и Сѣченова мы видимъ стремленіе создать новыя начала и для классификаціи психическихъ явленій. **Кавелинъ** даетъ даже весьма строгую критику обычной трихотоміи. «Психическія явленія, говоритъ онъ, принято подраздѣлять на три группы и приписывать ихъ тремъ различнымъ способностямъ или силамъ души: чувству, уму и волѣ. Особнякомъ отъ нихъ, безъ систематической съ ними связи, являются чувственныя или внѣшнія впечатлѣнія, производящія такъ называемую непосредственную, чувственную достовѣрность. Съ такой классификаціей люди прожили очень долго и свыклись съ нею; но она не выдерживаетъ и поверхностей критики». Почему же именно? «Строгое раз-

---

[1]) Тамъ же, § 20.
[2]) Тамъ же, Т. II, стр. 225 (§ 17).
[3]) Педагогическая психологія. Сп. 1877, стр. 377.
[4]) Тамъ же, стр. 373 и слѣд. (Глава IX).
[5]) Ср. тамъ-же, стр 230 (Глава V).
[6]) Ср. тамъ-же, стр. 528 (Глава XIV).

граниченіе чувствъ, мыслей, дѣйствій, лежащее въ основаніи этой классификаціи, продолжаетъ Кавелинъ, при теперешнемъ состояніи знанія, немыслимо. Есть чувства, освѣщенныя и проникнутыя мыслію; есть мысли холодныя и согрѣтыя чувствомъ; дѣйствія бываютъ вольныя и невольныя; чувства и мысли — активныя и пассивныя. Всѣ психическія явленія такъ тѣсно между собою связаны, такъ переходятъ быстро и безпрестанно одни въ другія, что намъ теперь даже трудно вдуматься въ тотъ строй мыслей, въ ту степень знанія, которые могли подать поводъ къ рѣзкому разъединенія фактовъ, непрерывно измѣняющихся одинъ въ другой. Но кромѣ искусственности и мертвенности этой классификаціи, въ психологіяхъ невольно поражаетъ крайняя неполнота содержанія и слабость анализа и критики»[1]). Пусть будетъ такъ, но какъ пособить горю? «Вмѣсто того, чтобы различать психическія явленія и изучать каждое изъ нихъ по одиночкѣ, надо ихъ сопоставить и сличить между собою; психологическую анатомію надо дополнить физіологіей души»[2]). Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, мы однако должны замѣтить, что физіологія, какъ и слѣдуетъ изъ словъ самого автора, всетаки предполагаетъ анатомію; притомъ для того, чтобы сличать и сопоставлять, надо же предварительно что-нибудь различить. Это заставляетъ искать у автора какихъ-нибудь началъ дѣленія. Дѣйствительно, нѣсколько далѣе авторъ различаетъ двѣ стороны въ душевной жизни, «которыя не должны быть смѣшиваемы». «Одною душа обращена къ внѣшней природѣ и подлежитъ одинаковымъ съ нею законамъ; это область непроизвольныхъ и безсознательныхъ явленій. Сюда относятся чувства, представленія, мысли и непроизвольныя дѣйствія. Другою своею стороною душа живетъ тою жизнію, которую мы собственно и считаемъ психическою: это область воли, произвольныхъ и сознательныхъ явленій... Сюда принадлежатъ и всѣ тѣ измѣненія, которымъ, вслѣдствіе ея (т. е. произвольности), подвергаются чувства, представленія, мысли и дѣйствія»[3]). Отсюда получается слѣдующая группировка душевныхъ явленій:

I. Область безсознательной необходимости: непроизвольныя — чувства, представленія или мысли (ср. стр. 128 и слѣд.), дѣйствія

II. Область сознательности и воли: произвольныя — чувства, представленія или мысли, дѣйствія

[1])-Задачи психологіи. СП. 1872, стр. 121 (Глава VI).
[2]) Тамъ же, стр. 123.
[3]) Тамъ же, стр. 127.

Различеніе этихъ двухъ главныхъ областей конечно имѣетъ болѣе внѣшній характеръ — это старое (хотя и въ новой формѣ) противуположеніе *низшихъ* и *высшихъ* отправленій (anima sensitiva и rationalis). Качественный перечень остается тотъ же, что и въ системѣ, подвергнутой критикѣ, и Сѣченовъ, какъ намъ кажется, совершенно правъ, приписывая Кавелину признаніе слѣдующихъ главнѣйшихъ формъ душевныхъ проявленій: a) психическіе факты, стоящіе на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ; b) чувство; c) акты мышленія и d) воля[1]). Такимъ образомъ классификація Кавелина, несмотря на строгую критику прежнихъ пріемовъ, осталась приблизительно на старой почвѣ. Эта критика повидимому болѣе всего была направлена противъ понятія *отдѣльныхъ* способностей или силъ души, но вѣдь это понятіе давно отошло въ прошедшее, по крайней мѣрѣ оно отсутствуетъ во всѣхъ сколько-нибудь научныхъ современныхъ психологическихъ сочиненіяхъ Запада!

Сѣченовъ въ своей статьѣ «Кому и какъ разработывать психологію», во II-й главѣ, говоритъ о двухъ основныхъ формахъ, которыми резюмируется для самосознанія вся чисто духовная сфера человѣка: это умъ и чувство (родовое имя для чувствъ удовольствія, отвращенія, ожиданія, страха, радости, тоски, печали, восторга и т. д.). Ощущенія и поступки (внѣшнее проявленіе духовной дѣятельности) онъ отбрасываетъ въ сторону, какъ полуфизическіе процессы[2]). Волю Сѣченовъ не ставитъ особо, хотя и признаетъ, что человѣкъ, какъ существо духовное, стоитъ внѣ законовъ матеріальнаго міра, есть властелинъ матеріи[3]). Это кажущееся противорѣчіе объясняется тѣмъ, что свободу человѣка Сѣченовъ повидимому всецѣло выводитъ изъ высшихъ формъ чувства и умственной дѣятельности[4]), желанія же онъ, кажется, причисляетъ къ области чувства и страсти[5]). Однако, если Сѣченовъ дѣлитъ на двѣ области *собственно-психическую* дѣятельность, то въ этомъ еще не дано полной классификаціи психическихъ явленій. Вѣдь въ сущности и мысли и чувства близко связаны съ отправленіями высшихъ центровъ нервной системы. Поэтому можно, строго говоря, разсуждать только о *большей или меньшей* независимости духовныхъ явленій отъ матеріальныхъ условій. Стало быть, основъ *полной* классифи-

---

[1]) Психологическіе этюды И. Сѣченова. СП. 1873, стр. 135 (Замѣчанія на книгу г. Кавелина).

[2]) Психол. эт., стр. 166. Объ ощущеніяхъ онъ прямо такъ не говоритъ, но выводъ нашъ неизбѣжно вытекаетъ изъ остального.

[3]) Тамъ-же, стр. 169 (№ 3, 4).

[4]) Тамъ-же, стр. 188.

[5]) Тамъ-же, стр 170 (№ 5), ср. тамъ-же стр 83.

кціи надо искать у Сѣченова въ его теоріи *рефлекса*, къ типу котораго онъ самъ же сводитъ всѣ духовныя отправленія. Рефлексъ всегда начинается чувственнымъ возбужденіемъ, продолжается опредѣленнымъ психическимъ актомъ и кончается мышечнымъ движеніемъ[1]). Этотъ «опредѣленный психическій актъ» очевидно обнимаетъ собою явленія мышленія и чувства. Такимъ образомъ Сѣченовъ, какъ можно вывести изъ сопоставленія всѣхъ его мыслей, признаетъ въ каждомъ психическомъ актѣ четыре момента: чувственное возбужденіе (ощущеніе), мысль, чувство, движеніе (дѣйствіе). Но каждое изъ этихъ явленій всетаки содержитъ въ себѣ цѣльную форму рефлекса. Смотря по преобладанію того или другого момента, рефлексъ называется либо актомъ воспріятія (рефлексъ съ усиленнымъ началомъ), либо актомъ мышленія (рефлексъ съ задержаннымъ концомъ), либо явленіемъ чувства, страсти (рефлексъ съ усиленнымъ концомъ, ибо страсть вызываетъ сильныя движенія); наконецъ рефлексъ, въ которомъ движеніе составляетъ главную сторону, носитъ названіе непроизвольнаго движенія, т. е. движенія въ собственномъ смыслѣ. Такой цѣльной классификаціи мы у Сѣченова впрочемъ не находимъ; къ такой общей схемѣ однако невольно приводитъ весь его анализъ. Если мы невѣрно поняли автора или чего-нибудь не досмотрѣли, то покорнѣйше просимъ насъ поправить.

Итакъ въ первыхъ опытахъ *русской* психологіи, явившихся въ послѣднія два десятилѣтія, отразились приблизительно тѣ же движенія, съ какими мы познакомились на Западѣ. Перейдемъ теперь къ общему обзору развитія нашего вопроса въ эпоху новѣйшей философіи.

Изученіе этой эпохи привело насъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) понятіе способности отступило окончательно на задній планъ въ классификаціи духовныхъ явленій, хотя и были серіозныя попытки, особенно въ Германіи и во Франціи въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, возстановить реальное значеніе этого понятія; попытки эти встрѣтили сильный отпоръ (Гербардтъ, Бэли, Рибо и др.) и за понятіемъ этимъ окончательно признано одно только *номинальное* значеніе; большинство психологовъ, обходя его совершенно, приняло за обычай выражать въ классификаціи только *разнородныя группы явленій*. 2) Преобладающимъ пріемомъ классификаціи была трихотомія душевныхъ явленій (мысли, чувствованія и акты воли), впервые выработанная германскими психологами конца прошлаго вѣка; но трихотомія эта не сразу была усвоена, не въ одной формѣ являлась и не царила исключительно. 3) Симпатіи къ старой дихотоміи встрѣчаются въ первой

[1]) Ср. Гл. II въ «Рефлексахъ головнаго мозга», Психол. Эт., стр. 39.

половинѣ нынѣшняго вѣка и въ Германіи (Маасъ, Кругъ) и во Франціи (Ларомигьеръ) и въ Англіи (Джемсъ Милль, Аберкромби). 4) Различіе въ формахъ проявленія трихотоміи касается, какъ терминологіи, такъ и взглядовъ на отношенія отдѣльныхъ классовъ явленій; терминъ познанія иногда замѣнялся терминомъ ощущенія (Лотце), терминъ чувства — старыми терминами: страсти, сердца, наклонности (Лелю, Ренувье, Гарнье), терминъ воли — выраженіями: стремленіе (Карусъ), дѣйствіе (Фризъ, Нейбигъ), душевное движеніе (Вундтъ); разнообразіе взглядовъ на отношенія классовъ иногда касалось только порядка ихъ перечисленія, но въ большинствѣ случаевъ одинъ изъ трехъ классовъ считался первоначальнымъ и изъ него выводились прочія явленія; иногда впрочемъ эти три главныя группы явленій соподчинялись и выводились изъ особаго общаго источника — изъ ощущеній, составлявшихъ въ такомъ случаѣ какъ бы преддверіе психическаго развитія. 5) Попытки найти другія, *новыя* начала для классификаціи встрѣчаются отчасти и въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка (Жуффруа, Т. Броунъ), но особенно часто онѣ стали повторяться съ половины его; въ этомъ отношеніи можно указать на самыя различныя направленія: съ одной стороны рядомъ съ упомянутыми тремя классами явленій на одну линію ставился какой-нибудь четвертый классъ — то ощущенія (Прохаска, Ренувье, Дж. Ст. Милль), то движенья (Гарнье, который впрочемъ далъ остальнымъ классамъ не вполнѣ обычную терминологію); съ другой стороны, реформа вовсе не принимала въ соображеніе стараго и исходила изъ совершенно новыхъ началъ. Нововведенія такого характера шли иногда отъ самихъ психологовъ (Спенсеръ), но большею частью авторами ихъ были физіологи, взявшіеся за обработку психологіи; при этомъ усилія направлены большею частью на сведеніе моментовъ психической дѣятельности къ основнымъ функціямъ нервной системы (Фурнье, Карпентеръ, Льюисъ, Сѣченовъ) или на объясненіе различныхъ классовъ психическихъ явленій разнообразіемъ элементовъ центральной нервной системы (Маудсли); въ самое послѣднее время впрочемъ въ средѣ психологовъ-эмпириковъ были и такіе, которые, не довѣряя даннымъ самонаблюденія и ожидая вѣроятно успѣховъ физіологической психологіи, съ пренебреженіемъ относились къ какой бы то ни было законченной классификаціи душевныхъ явленій (Бэли, Рибо и др.). 6) При всей разнородности психологическихъ системъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, *чувствованія* удовольствія и страданія однако, если не всегда въ теоріи, то по крайней мѣрѣ de facto, уже не смѣшивались ни съ какими другими явленіями, и самостоятельный анализъ ихъ несомнѣнно вступилъ съ конца прошлаго вѣка на почву правильнаго, хотя и медленнаго развитія.

Подробный разборъ историческихъ фактовъ долженъ былъ убѣдить насъ, какъ постепенно, но тѣмъ не менѣе правильно, развивалось психологическое познаніе со времени возникновенія его въ теоріяхъ первыхъ греческихъ философовъ. Мы видѣли, какъ основами для общей классификаціи было сначала понятіе нѣсколькихъ «особыхъ духовныхъ началъ», потомъ «частей души», затѣмъ «способностей души, какъ реально-отличныхъ другъ отъ друга единицъ», далѣе «способностей, какъ простыхъ названій для выраженія различныхъ направленій, въ которыхъ можетъ совершаться дѣятельность души», какъ наконецъ всѣ эти понятія были отвергнуты въ классификаціи, и принципомъ ея сдѣлалась въ послѣднее время — единственно доступная нашему наблюденію «разнородность *явленій* сознанія». Мы видѣли также, какъ сначала въ характерѣ классификаціи преобладали по преимуществу нравственные мотивы; какъ рядомъ съ послѣдними постепенно развились соображенія логическія, и какъ въ теченіе всего древняго и средневѣкового періода практическій характеръ тѣхъ и другихъ мѣшалъ правильному и быстрому развитію настоящаго психологическаго анализа. Мы могли видѣть однако, что теоретическія различенія развивались своимъ чередомъ, хотя до XVI в. они постоянно отодвигались на второй планъ посторонними элементами классификаціи. Въ развитіи собственно-психологической системы мы отмѣтили четыре или вѣрнѣе даже пять моментовъ: 1) растительныя, животныя или чувственныя, умственныя способности или части души (древній періодъ); 2) то же дѣленіе съ различеніемъ въ чувственныхъ и умственныхъ отправленіяхъ двухъ сторонъ: познавательной и желательной (средневѣковой періодъ); 3) противуположеніе пассивныхъ и активныхъ силъ души, разумѣнія и воли; при чемъ какъ познавательныя, такъ и желательныя отправленія продолжали иногда дѣлиться на высшія и низшія (новый періодъ до конца XVIII в.); 4) признаніе между разумѣніемъ и волею третьяго разряда отправленій, которыя объединялись въ понятіи чувствованій (новый періодъ съ конца XVIII в.); 5) стремленіе найти новыя основы для классификаціи психическихъ явленій, и притомъ по преимуществу физіологическія, въ современную намъ эпоху.

Такова общая схема психологическаго анализа въ различныя эпохи и съ нею всегда въ ближайшей связи находилась теорія *чувствованій*. Въ періодъ новой философіи, когда собственно психологическія понятія яснѣе стали обособляться, можно было замѣтить четыре способа пониманія отношеній между чувствованіями и прочими явленіями. Чувствованія разсматривались или какъ моментъ умственной, познавательной дѣятельности, или какъ ступень развитія желаній, воли, или какъ ощущенія особой категоріи, или, наконецъ, какъ самостоятельная группа явленій. Въ древній и средне-

вѣковой періоды существовали тѣ же теоріи, но онѣ являлись въ болѣе скрытыхъ формахъ и проводились съ мéньшею послѣдовательностію. Авторы ихъ не отдавали себѣ яснаго отчета въ своихъ направленіяхъ и часто высказывали въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій взгляды, противорѣчившіе одинъ другому, —чему значительно содѣйствовалъ обычай дробить чувствованія, какъ и всѣ прочіе феномены, на два совершенно раздѣльныхъ класса (низшихъ и высшихъ).

Спрашивается, какое вліяніе могли оказать эти различные способы пониманія значенія чувствованій на самый *анализъ удовольствія и страданія*, въ элементарныхъ и сложныхъ формахъ ихъ проявленія, и на характеръ *классификаціи чувствованій* въ различныя эпохи? Вопросъ этотъ необходимо разъяснить для ближайшаго опредѣленія задачъ второй части историческаго отдѣла.

Несомнѣнно, что бóльшая или мéньшая раздѣльность, съ какою чувствованія представлялись сознанію психологовъ, вліяла и на болѣе или менѣе точную и опредѣленную постановку вопросовъ при разборѣ этихъ явленій. Настоящую постановку анализъ чувствованій могъ, стало быть, получить только со второй половины прошлаго вѣка. Въ виду этого и мы въ слѣдующей части дольше всего остановимся на этомъ послѣднемъ періодѣ. Но такъ какъ всетаки различныя ученія объ удовольствіи и страданіи существовали и въ тѣ эпохи, когда чувствованія входили въ составъ какой-нибудь другой группы явленій, то спрашивается, находились ли эти ученія въ прямой зависимости отъ взглядовъ на отношеніе чувствованій къ другимъ феноменамъ? Въ этомъ конечно не можетъ быть сомнѣнія, въ виду тѣхъ подробностей, которыхъ мы должны были касаться въ предъидущихъ главахъ. Однако было бы ошибочно считать упомянутые четыре взгляда на общее значеніе чувствованій единственными началами, опредѣляющими характеръ различныхъ объясненій удовольствія и страданія. Рядъ другихъ соображеній участвуетъ, кромѣ того, въ выработкѣ этихъ объясненій, и вслѣдствіе этого послѣднія принимаютъ множество спеціальныхъ оттѣнковъ. Конечно эти соображенія могутъ подробно выясниться только при изложеніи самыхъ теорій отдѣльныхъ писателей, т. е. a posteriori. Но указать на главныя изъ нихъ необходимо теперь же, чтобъ читатель могъ составить себѣ заранѣе представленіе о количествѣ возможныхъ разнородныхъ способовъ толкованія. Это количество во всякомъ случаѣ значительнѣе, чѣмъ думали Гамильтонъ, Вундтъ, Дюмонъ и Горвицъ. По мнѣнію Гамильтона, Платонъ былъ основателемъ одного класса мнѣній, Аристотель— другого. Ученіе Платона состояло въ признаніи удовольствія за простое отрицаніе страданія, за удовлетвореніе потребности организма. Ученіе

Аристотеля, представлявшее «исправленіе» и «расширеніе» Платоновской теоріи, состояло въ признаніи удовольствія за послѣдствіе безпрепятственнаго упражненія какой-нибудь естественной способности организма[1]). При изложеніи ученій другихъ писателей, Гамильтонъ старается доказать, что одни изъ нихъ представляютъ возстановленіе ученія Платона, другія — искаженіе и одностороннее проведеніе Аристотелевской теоріи. Вундтъ говоритъ, что существовали три главныя теоріи о «природѣ чувствованій», между которыми возможны впрочемъ переходныя ступени. Первая и самая древняя теорія считаетъ чувствованія особою формою дѣятельности познавательной силы (Стоики, школа Локка и школа Лейбница). Вторая объясняетъ ихъ взаимодѣйствіемъ представленій (Гербардтъ и Бенеке). Третья признаетъ чувствованія за особыя состоянія, которыя возникаютъ въ душѣ подъ вліяніемъ ощущеній и представленій, за субъективныя дополненія объективныхъ ощущеній и представленій (Платонъ, Аристотель, Кантъ)[2]). Горвицъ высказываетъ мысль, что у философовъ и психологовъ встрѣчаются четыре различныя воззрѣнія касательно сущности и причины чувствованій (ueber d. Wesen u. d. Grund. d. Gefuhle), а именно: 1) пріятно то, что́ полезно организму, — непріятно то, что́ вредно (Вольфъ, Кантъ); 2) чувствованія основаны на контрастѣ (Анаксагоръ, Штиденротъ, Вундтъ); 3) Шопенгауэро-Гартмановская теорія, считающая причиною желанія недостатокъ (ein Mangel) и отрицающая самостоятельность чувствованій; 4) чувствованія зависятъ отъ физіологическаго молекулярнаго равновѣсія въ нервной ткани, — сюда отчасти подходитъ теорія Бенеке)[3]). Наконецъ Дюмонъ различаетъ пять классовъ теорій: 1) однѣ ставятъ удовольствіе и страданіе въ зависимость отъ желанія и воли (Эпикурейцы); 2) другія — въ зависимость отъ сужденія о внѣшнихъ объектахъ (Вольфъ и его школа); 3) третьи — отъ сужденія о самомъ себѣ (оцѣнка полезнаго и вреднаго, — теорія Декарта); 4) четвертыя ставятъ чувствованія въ связь со всѣми видами дѣятельности, но предметомъ оцѣнки служитъ *качество* дѣятельности (Платонъ, Аристотель и т. д.); 5) пятыя тоже, но предметомъ оцѣнки считается *количество* или интенсивность силъ и движеній (Аристотель — Гербардтъ)[4]).

Общихъ точекъ соприкосновенія между этими четырьмя способами

---

[1]) Hamilton, l. c., Vol. II, p. 445—458. Въ концѣ концовъ Г. находитъ возможнымъ даже и эти двѣ теоріи свести къ единству и доказываетъ, что различіе ихъ касается лишь подробностей, а не сущности дѣла.

[2]) Wundt. Physiol. Psychol., 458—463.

[3]) Horwicz. Psychol. Analysen. II. 2, 31—32.

[4]) Dumont, l. c., p. 26 и слѣд.

группировки ученій объ удовольствіи и страданіи, какъ видно на первый же взглядъ, весьма мало, и еслибъ всѣ приведенныя классификаціи были правильны и еслибъ свести ихъ въ одну, то число раздѣльныхъ способовъ толкованія уже значительно возросло бы, сравнительно съ предположеніями упомянутыхъ писателей. Но къ несчастью, простое сведеніе упомянутыхъ четырехъ классификацій къ одной ни къ чему бы не послужило, ибо, очевидно, точки отправленія у каждаго историка совершенно различныя, да и каждая классификація въ отдѣльности не представляетъ должнаго единства и цѣльности. Поэтому, вмѣсто безплодной критики, мы постараемся сами найти критерій для опредѣленія всѣхъ разнородныхъ способовъ объясненія удовольствія и страданія, основываясь на соображеніяхъ общаго психологическаго характера. Наша группировка, по отношенію ко второй части историческаго отдѣла, будетъ имѣть апріорный характеръ, но мы и не намѣрены предрѣшать вопроса. Мы укажемъ теперь только на рядъ *возможныхъ* точекъ зрѣнія и будемъ ждать со стороны фактовъ подтвержденія или опроверженія поставленной нами исторической гипотезы.

Прежде всего постараемся опредѣлить общіе признаки всѣхъ ученій объ удовольствіи и страданіи, насколько они лежатъ въ самыхъ *понятіяхъ*, подлежащихъ объясненію. Первый признакъ состоитъ въ неизбѣжномъ признаніи этихъ феноменовъ за феномены *сознанія*. Чувствовать удовольствіе или страданіе значитъ для всякаго человѣка — *сознавать* въ себѣ что́-то такое, но что́ именно? Понятіе удовольствія и страданія, очевидно, опредѣляютъ для каждаго извѣстныя явленія, имѣющія мѣсто *въ немъ самомъ*, а не внѣ его — это второй общій признакъ. Въ третьихъ, такъ какъ это понятія соотносительныя, взаимно дополняющія другъ друга, то всѣ толкователи должны быть согласны въ томъ, что источникомъ этихъ явленій служитъ оцѣнка какихъ-то *отношеній*, могущихъ отражаться въ сознаніи. Въ четвертыхъ, наконецъ, въ понятіяхъ удовольствія и страданія уже лежитъ идея, что отношенія эти, служащія предметомъ оцѣнки, представляютъ либо какую-нибудь *гармонію*, либо *дисгармонію* (контрастъ удовольствія и страданія). Стало быть, понятія, съ которыми мы имѣемъ дѣло, уже по внутреннему значенію своему изображаютъ собою *явленія сознанія, вытекающія изъ оцѣнки гармоніи или дисгармоніи какихъ-то отношеній*. Въ чемъ же заключаются основы для возможнаго разногласія психологовъ?

Во первыхъ, если удовольствіе и страданіе суть феномены *сознанія*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ самая *оцѣнка*, результатъ которой они составляютъ, была непремѣнно сознательная. Этотъ вопросъ въ самыхъ понятіяхъ не предрѣшается и рѣшеніе его можетъ быть двоякое — утвердительное

или отрицательное. Затѣмъ, если удовольствіе и страданіе суть явленія *субъективныя*, то это не значитъ, чтобъ и *причины* ихъ были субъективныя, т. е. чтобъ явленія эти вытекали непремѣнно изъ оцѣнки субъективныхъ отношеній. Можетъ быть, источникъ ихъ лежитъ въ оцѣнкѣ *объективныхъ* отношеній, т. е. отношеній объектовъ другъ къ другу, или же *смѣшанныхъ* отношеній,—отношеній объектовъ къ намъ или насъ къ объекту. Здѣсь второй источникъ разногласія. Наконецъ, въ третьихъ, вопросъ заключается въ томъ, какого рода гармонія и дисгармонія служатъ основою контраста удовольствія и страданія? Представляется ли гармонія, напр., величиною постоянною, или же измѣнчивою, иначе сказать — *абсолютною* или *относительною*? Вопросъ этотъ есть вопросъ о *критеріи* оцѣнки предполагаемыхъ отношеній. Служитъ ли такимъ критеріемъ степень приближенія ихъ къ какому-нибудь абсолютному типу, или такого абсолютнаго типа нѣтъ и все зависитъ отъ временныхъ, измѣнчивыхъ условій, въ которыхъ мы находимся? Рѣшеніе опять можетъ быть двоякое.

Итакъ каждый изъ трехъ отмѣченныхъ вопросовъ заключаетъ въ себѣ возможность нѣсколькихъ рѣшеній (два, четыре и два). Такъ какъ рѣшеніе каждаго вопроса не предопредѣляетъ еще рѣшенія двухъ остальныхъ, то изъ комбинаціи отдѣльныхъ точекъ зрѣнія является возможность шестнадцати раздѣльныхъ теорій, имѣющихъ каждая свой особый характеръ. Интересно знать теперь, стоятъ ли эти шестнадцать теорій въ какомъ-нибудь опредѣленномъ отношеніи къ упомянутымъ выше четыремъ категоріямъ воззрѣній на мѣсто чувствованій среди остальныхъ феноменовъ психической жизни?

Такъ какъ сознательная оцѣнка отношеній объектовъ другъ къ другу и отношеній ихъ къ намъ возможна только подъ условіемъ интеллектуальныхъ процессовъ, имѣющихъ предметомъ внѣшній міръ, то эти два класса воззрѣній естественно должны быть связаны съ предположеніемъ, что чувствованія представляютъ особые виды сужденій, особый моментъ *умственной дѣятельности*. Точно такъ же, обратно, гипотеза безсознательной оцѣнки тѣхъ же отношеній всего ближе къ предположенію, что чувствованія суть особые виды *ощущеній*. Затѣмъ, если ставить чувствованія въ связь съ сознательной или безсознательной оцѣнкой отношеній насъ къ объектамъ, то чувствованія должны быть признаны моментами *воли*, *желанія*, ибо именно въ направленіи нашей воли, нашего хотѣнія и обнаруживаются свойства *нашего* отношенія къ внѣшнему міру. Наконецъ, предположеніе, что чувствованія имѣютъ главнымъ источникомъ оцѣнку внутреннихъ отношеній, т. е. отношеній нашихъ собственныхъ *тканей* или *процессовъ* другъ къ другу, или напр. отношеній нашей *дѣятельности* къ нашимъ *силамъ*,—непре-

мѣнно должно быть связано съ признаніемъ *самостоятельности* чувствованій въ кругу другихъ психическихъ феноменовъ. Въ виду такой родственности между мнѣніями объ общемъ значеніи чувствованій и объясненіями ихъ природы, упомянутыя шестнадцать теорій слѣдующимъ образомъ располагаются въ четыре большія группы:

А. Чувствованія суть виды сужденій.:	I. Сознательная оцѣнка абсолютныхъ достоинствъ и недостатковъ вещей. II. С. о. относительнаго достоинства вещей. III. С. о. абсолютной пользы или вреда вещей. IV. С. о. относительной пользы или вреда объектовъ.
Б. Чувств. суть особые виды ощущенія:	V. Безсознательнательная оцѣнка абсолютн. достоинства внѣшнихъ отношеній. VI. Б. о. относительной цѣны внѣшнихъ отношеній. VII. Б. о. абсолютной пользы или вреда вещей. VIII. Б. о. относительной ихъ пользы или вреда.
В. Чувств. суть моменты желанія, дѣятельности воли:	IX. С. о. абсолютной цѣны нашихъ дѣйствій (точка зрѣнія абсолютной морали). X. С. о. относительной цѣны нашихъ дѣйствій. XI. Б. о. абсолютнаго достоинства нашихъ дѣйствій (теорія нравств. истинктовъ). XII. Б. о. относительнаго успѣха нашихъ дѣйстій (удовольствіе вытекаетъ изъ удовлетворенія инстинктивныхъ стремленій).
Г. Чувств. суть самостоятельныя психическія явленія:	XIII. С. о. абсолютной гармоніи и дисгармоніи внутреннихъ отношеній или отправленій. XIV. С. о. относительной гармоніи внутрен. отправленій. XV. Б. о. абсолютной гармоніи внутреннихъ отправленій. XVI. Б. о. относительной ихъ гармоніи.

Вторая часть историческго анализа укажетъ намъ, насколько эта классификація *возможныхъ* воззрѣній на предметъ оправдывается историческимъ опытомъ. Но мы теперь же должны сдѣлать нѣсколько ограниченій. Во первыхъ, многія изъ указанныхъ теорій, какъ слишкомъ односторонніе или искусственныя, могутъ остаться на дѣлѣ совершенно безъ представителей. Во вторыхъ, особенно при разграниченіи чувствованій на нѣсколько различныхъ сферъ, одни и тѣже писатели могутъ оказаться одновременно представителями нѣсколькихъ теорій. Въ третьихъ, могутъ встрѣтиться новыя разногласія при спеціальномъ проведеніи каждой теоріи[1]).

[1]) При оцѣнкѣ внутреннихъ отношеній, напр., можетъ быть предположена либо психологическая, либо физіологическая почва.

Въ четвертыхъ, новыя различія могутъ быть встрѣчены въ самомъ выраженіи каждой изъ нихъ, въ связи съ сочувственными автору философскими или психологическими терминами. Наконецъ, при склонности человѣческаго ума къ противорѣчіямъ и ко всевозможной непослѣдовательности, является возможность несоотвѣтствія между характеромъ объясненія удовольствія и страданія и взглядомъ писателя на отношеніе чувствованій къ другимъ явленіямъ. Въ виду громаднаго матеріала, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло, отдѣльный разговоръ о всѣхъ подобныхъ отступленіяхъ по поводу каждаго писателя немыслимъ, и потому мы предоставляемъ читателю отыскивать ихъ самому; мы же будемъ слѣдить за *общимъ* развитіемъ вопроса, стараясь давать весь нужный матеріалъ для оцѣнки мелкихъ извилинъ въ ходѣ этого развитія.

Относительно пріемовъ *классификаціи* чувствованій и аффектовъ у разныхъ писателей мы ничего не въ состояніи сказать ранѣе анализа самыхъ фактовъ, ибо въ этой области до сихъ поръ нѣтъ границъ произволу. Несомнѣнно только то, что и въ классификаціи тоже такъ или иначе отражались воззрѣнія писателя на отношенія чувствованій къ другимъ психическимъ явленіямъ, и это заставляло однихъ психологовъ включать въ означенную классификацію различныя формы *желанія и страсти*, другихъ—различныя *ощущенія* полуобъективнаго характера, третьихъ — такія *сужденія* о вещахъ, которыя ничего не имѣютъ общаго съ явленіями удовольствія и страданія. Болѣе правильная классификація чувствованій стала возможна только со времени признанія ихъ самостоятельнаго значенія въ ряду феноменовъ сознанія. Но была ли выработана на дѣлѣ группировка, вполнѣ удовлетворительная съ научной точки зрѣнія, — вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ окончательно только въ теоретическомъ отдѣлѣ нашего труда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія ученій объ удовольствіи и страданіи, и различныхъ способовъ классификаціи чувствованій (и аффектовъ).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Древній и средневѣковой періодъ.

Мы говорили въ свое время, чтоявленія удовольствія и страданія интересовали философовъ въ древніе и средніе вѣка гораздо болѣе съ *нравственной* точки зрѣнія, чѣмъ съ психологической. Можно даже сказать, что если въ эти эпохи и являлись одна за другою теоріи, имѣвшія цѣлью объяснить психическія или физическія условія возникновенія удовольствія и страданія, то эти теоріи имѣли почти всегда значеніе только *вспомогательныхъ средствъ* при опредѣленіи нравственной цѣны означенныхъ явленій. Опыты классификаціи «аффектовъ» тоже имѣли большею частью значеніе этическое и, за немногими исключеніями, представляли собою перечень тѣхъ «подводныхъ камней», которыхъ долженъ избѣгать человѣкъ, желающій спокойно скоротать свой вѣкъ, не навлекая на себя никакихъ бурь и несчастій. При такомъ общемъ настроеніи, сравнительная бѣдность, безсвязность и односторонность анализа чувствованій у древнихъ и средневѣковыхъ писателей не должны насъ удивлять. Понятія удовольствія и страданія, аффекта, желанія и страсти, имѣли у нихъ значеніе какихъ-то туманныхъ пятенъ въ области самосознанія, постоянно мѣнявшихъ очертанія въ глазахъ каждаго новаго наблюдателя и приходившихъ въ самыя разнообразныя отношенія другъ съ другомъ, смотря по *субъективнымъ* нравственнымъ требованіямъ отдѣльныхъ мыслителей. Однако, мы не позволимъ себѣ пройти совершеннымъ молчаніемъ ученій древнихъ и средневѣковыхъ

философовъ. *Древніе* философы въ особенности, кромѣ этики, большею частью «придумывали» и какую нибудь физику, т. е. теорію образованія вещей и отношенія процессовъ, составляющихъ жизнь, — причемъ конечно стремились первую поставить такъ или иначе въ связь съ послѣдней. Вслѣдствіе этого, явленія удовольствія и страданія толковались часто по аналогіи съ какими-нибудь физическими процессами или ставились въ зависимость отъ послѣднихъ. Хотя эти толкованія обыкновенно и имѣли мало научнаго значенія, мало связи другъ съ другомъ, и притомъ рѣдко покидали почву общихъ сентенцій, тѣмъ не менѣе, во всей своей совокупности, они несомнѣнно составили собою сводъ традицій. оказавшихъ огромное вліяніе на развитіе вопроса въ новое время. Поэтому-то и интересно всетаки дать образчики теорій, набросанныхъ различными писателями въ долгій, двадцати-вѣковой періодъ *гегемоніи* этики въ области наукъ о человѣкѣ. Мы это и сдѣлаемъ, стараясь не пропускать сколько-нибудь важныхъ ученій и обращая главное вниманіе на тѣхъ представителей философіи, которые въ разобранныхъ выше опытахъ классификаціи психическихъ явленій давали чувствованіямъ удовольствія и страданія сколько-нибудь самостоятельное значеніе. Замѣтимъ кстати, что ученія объ *аффектахъ* мы должны будемъ разбирать съ такимъ-же вниманіемъ, какъ и самыя теоріи удовольствія и страданія, ибо послѣдніе феномены, какъ мы видѣли, составляли большею частью ингредіентъ первыхъ.

Въ древнемъ періодѣ, послѣ краткаго очерка положенія дѣла до Сократа, мы подробнѣе остановимся на ученіяхъ: Платона, Аристотеля, первыхъ Стоиковъ, Эпикура и Плотина.

Воззрѣнія древнѣйшихъ греческихъ философовъ на удовольствіе и страданіе извѣстны въ наше время только въ краткихъ изреченіяхъ. Эти изреченія .касаются разнообразныхъ сторонъ дѣла, — то вопроса о самомъ существованіи удовольствія и страданія, т. е. о числѣ коренныхъ и реальныхъ состояній чувствительности[1]), то вопроса объ условіяхъ возникновенія удовольствія и страданія, т. е. о самыхъ процессахъ (физическихъ или психическихъ), ихъ составляющихъ[2]), то наконецъ вопроса о нравственномъ достоинствѣ этихъ явленій, объ отношеніи ихъ къ общему состоянію счастья или блаженства, къ которому люди стремятся, и т. д. Мы остановимся

---

[1]) Рѣшеній этого вопроса можетъ быть нѣсколько, какъ мы увидимъ ниже: или удовольствія и страданія оба суть состоянія мнимыя, болѣзненныя, ненормальныя, или одно изъ нихъ коренное, реальное, а другое мнимое, фиктивное, или оба состоянія реальны, или есть еще третье, столь же реальное состояніе — равнодушія, безразличнаго отношенія къ вещамъ.

[2]) См. выше перечень различныхъ точекъ зрѣнія, стр 142.

только на тѣхъ изъ нихъ которыя касаются второго вопроса, такъ какъ для психолога они почти одни только и имѣютъ вѣсъ.

О первыхъ, «іоническихъ» философахъ нечего и говорить. Изъ такихъ ничтожныхъ намековъ, какъ у Аристотеля о **Гераклитѣ**[1]), ничего важнаго нельзя заключить. Только объ ученіи **Діогена изъ Аполлоніи**, раздѣлявшаго теорію Анаксимена о происхожденіи вещей изъ воздуха, можно сказать кое-что, опираясь на свидѣтельство Θеофраста. Удовольствіе, по Діогену, есть *облегченіе*, ощущаемое отъ поступленія въ кровь и распространенія по всему тѣлу большого количества воздуха, соотвѣтствующаго потребностямъ природы (κατὰ φύσιν ὤν); страданіе наоборотъ возникаетъ, когда воздухъ плохо примѣшивается къ крови, и эта послѣдняя сгущается и дѣлается болѣзненною (ἀσθενέστερον). Лучшимъ показателемъ степени удовольствія, доступнаго намъ въ каждую минуту, служитъ языкъ, какъ самый тонкій, по мнѣнію Діогена, органъ воспріятія; отсюда значеніе языка при діагнозѣ болѣзней, выражаясь современнымъ языкомъ[2]). Теорія эта своею наивностью вполнѣ соотвѣтствуетъ общимъ физическимъ представленіямъ эпохи іоническихъ философовъ.

Объ ученіи **Пиѳагора** мало свѣдѣній, но изъ одного мѣста Стобея можно заключить, что Пиѳагоръ понималъ удовольствіе, какъ результатъ выполненія условій, *полезныхъ* организму, соотвѣтствующихъ его привычкамъ и востановляющихъ въ немъ гармонію[3]). Эмпедоклъ и Анаксагоръ ставили чувствованія въ связь съ условіями ощущенія[4]). По **Эмпедоклу** удовольствіе сопровождаетъ ощущеніе равнаго равнымъ, — напротивъ воспріятіе противуположнаго вызываетъ страданіе (ἐχθρὰ γὰρ εἶναι, т. е. τὰ ἐναντία)[5]). **Анаксагоръ**, полагая, что всякое ощущеніе происходитъ чрезъ противуположное, такъ какъ равное въ равномъ не можетъ вызвать перемѣны (τὸ ὅμοιον ἀπαθὲς ὑπὸ τοῦ ὁμοίου), и соглашаясь съ Эмпедокломъ, что ощущеніе противуположнаго производитъ боль, полагалъ, что всякое ощущеніе сопровождается страданіемъ (πόνος, λύπη)[6]).

Демокритъ считалъ удовольствіе (τέρψις) и неудовольствіе (ἀτερπίη)

---

[1]) Eth. Nic. K. 5. 1176. a. 6 (относительность удовольствій).

[2]) Theophr. De sensu VIII (43)

[3]) Stob. Ecl phys. Cap. 41, 60 (1048): καθ' ἡδονὴν διώκουσα (т. е. ἡ ψυχὴ) τὸ πρόσφορον καὶ οἰκεῖον ὁμοιότητι καὶ συνηθείᾳ βίου διαίτης. Ср. Byck, l c, I, p. 87: «Die pythag. Ascetik bezweckte... die Bewahrung d. innern Harmonie» etc.

[4]) Ср. Theophr. De sensu. III (16) объ ученіи Эмпедокла: αἰσθήσει γάρ τινι ἡ μετ' αἰσθήσεως τὴν ἡδονὴν καὶ λύπην

[5]) Theophr ib. 16, ср. 9 (II). Болѣе подробное выясненіе этой теоріи у Бика, loc cit., I, p. 152 и слѣд.

[6]) Theophr. ib. 17 и 27—30 (V).

показателями полезнаго и вреднаго (ξυμφορέων καὶ ἀξυμφορέων)[1], но кромѣ того ставилъ эти явленія въ связь съ условіями ощущенія: когда въ поры органовъ чувствъ проникаютъ гладкіе, скользкіе атомы, то мы ощущаемъ удовольствіе, когда же напротивъ атомы шершавы, колючи (τραχέα καὶ σκαληνὰ σχήματα), то они застрѣваютъ въ порахъ и вызываютъ боль. Съ удовольствіемъ связаны ощущенія бѣлаго и сладкаго, — напротивъ черное и горькое суть непріятныя ощущенія[2].

Таковы объясненія удовольствія и страданія у философовъ досократовской эпохи. Тутъ очевидно мы уже имѣемъ образчики нѣсколькихъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но выраженія еще такъ неопредѣленны и общи, что подвести каждое ученіе подъ опредѣленную рубрику можно только предположительно, легко подвергаясь возможности ошибиться[3]. Нравственная проповѣдь **Сократа** значительно увеличила интересъ мыслящихъ людей его времени къ точному опредѣленію отношеній между удовольствіемъ и «счастьемъ», и анализъ удовольствія и страданія вступилъ въ новый фазисъ развитія. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ Платонъ. Но и въ мелкихъ сократическихъ школахъ, особенно у **Циниковъ** и **Киренаиковъ**, теорія удовольствія, хотя и съ другой точки зрѣнія, играетъ видную роль. Контрастъ мнѣній этихъ двухъ школъ Платонъ выражаетъ въ Филебѣ. Одни (враги Филеба,—рѣчь идетъ очевидно о Циникахъ) признаютъ реальнымъ только страданіе, а удовольствіе считаютъ простымъ отсутствіемъ страданія (χαίρειν λέγονται ὅταν μὴ λυπῶνται, ἡδονὰς οὔ φασιν εἶναι)[4]; другіе, сторонники Филеба (οἱ περὶ Φίληβον — рѣчь идетъ о гедонистахъ), главное значеніе признаютъ за удовольствіемъ[5]. Къ послѣднимъ относится упрекъ, влагаемый въ уста Сократу, что люди склонны ставить удовольствіе выше печалей[6]; ихъ же разумѣетъ Платонъ, говоря о людяхъ, которые не желали бы жить, если бы не испытывали голода и жажды, и состояній удовольствія, изъ нихъ вытекающихъ (πάντα τὰ ἑπόμενα τοῖς τοιούτοις παθήμασι)[7]. Оттѣнки въ этихъ практическихъ ученіяхъ объ удовольствіи и страданіи, возникшихъ впрочемъ уже ранѣе Сократа (παλαιοὶ

---

[1]) Mullach. Fragm. Philos Graec. Vol. I, p. 340 (8). Cp. Zeller, Die Philos d. Griech. I, p. 747.

[2]) Ср Theophr. De sensu. XIII (73) и объясненіе этого мѣста у Бика, l. c., Vol. II, p. 159—160 и примѣч

[3]) Для Діогена ср. XV-ю точку зр. (стр. 142), для Пиѳагора — III, для Эмпедокла и Анаксагора — VI, для Демокрита — VII?

[4]) Phileb. C. XXVI, XXVII (43, 44), XXXI (51).

[5]) Ibid. C. XXVII, ср. C XLII (66).

[6]) Ibid. C. XXV.

[7]) Ibid. C. XXXIII.

ἄνδρες)[1]) и господствовавшихъ также и послѣ Платона, еще подробнѣе указываетъ Аристотель, и мы кстати перечислимъ ихъ, чтобы дать понятіе о преобладающихъ интересахъ въ анализѣ чувствованій у древнихъ, — тѣмъ болѣе, что даже Платонъ и Аристотель, къ которымъ мы потомъ перейдемъ, несмотря на болѣе серіозное отношеніе къ дѣлу, всетаки не пренебрегали вопросами этическаго характера. Кромѣ двухъ крайнихъ теорій, изъ которыхъ одна признаетъ удовольствіе за единственное счастье, другая напротивъ считаетъ удовольствіе абсолютнымъ зломъ[2]), Аристотель указываетъ еще на рядъ посредствующихъ, *примирительныхъ* направленій. Такъ, напр., *иные* считаютъ нѣкоторыя удовольствія добромъ, большую же часть — чѣмъ-то преступнымъ; *другіе* считаютъ всѣ удовольствія позволительными, но всетаки не признаютъ удовольствія за высшее благо[3]); наконецъ *третьи*, убѣжденные сами въ томъ, что удовольствіе есть благо, полагаютъ всетаки, что лучше для нашей жизни считать удовольствіе зломъ, хотя бы оно и не было таковымъ, такъ какъ люди склонны часто дѣлаться рабами своихъ удовольствій[4]).

Всѣ эти теоріи очевидно отвѣчаютъ на первый и третій изъ поставленныхъ выше вопросовъ; самыхъ же условій возникновенія удовольствія и страданія представители мелкихъ сократическихъ школъ касаются только слегка. Объ ученіи Киренайковъ, напр., мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія у Діогена Лаэртскаго. Удовольствіе Аристиппъ и его послѣдователи ставили въ связь съ тихимъ движеніемъ (λεῖα κίνησις), страданіе — съ порывистымъ движеніемъ (τραχεῖα κ.), конечно въ организмѣ[5]). Оцѣнка въ обоихъ случаяхъ *относительная*, — то, что́ производитъ въ одномъ существѣ тихое движеніе, въ другомъ вызываетъ порывистое[6]). Но происходитъ-ли она сознательно или безсознательно, изъ текста Діогена не видно.

У **Платона** теорія чувствованій не составляетъ органически - связнаго цѣлаго, а заключается въ множествѣ замѣтокъ, разбросанныхъ въ нѣсколькихъ діалогахъ; но болѣе спеціально анализу удовольствія посвященъ, какъ извѣстно, діалогъ Филебъ. Приступая къ изложенію ученія Платона, замѣтимъ, что мы главнымъ образомъ имѣли въ виду это послѣднее сочиненіе, находя излишнимъ мозаическое склеиваніе разбросанныхъ изрѣченій, какъ

---

[1]) Ср Arist. Eth. Nic. A. 9. 1098. b. 27.

[2]) Ibid. K. I. 1172. a. 27 и слѣд. Ср. H. 12. 1152. b. 8.

[3]) Ibid. H. 12 1152. b. 10 и слѣд.

[4]) Ibid K. 1. 1172. a. 29.

[5]) L. c. Lib. II, 8, 86.

[6]) Оттого λυπεῖσθαι ἄλλον ἄλλου μᾶλλον. Diog. ibid. 93. Φύσει δ'οὐδὲν ἡδὺ ἢ ἀηδές, но διὰ δὲ σπάνιν ἢ ξενισμὸν ἢ κόρον τοὺς μὲν ἥδεσθαι τοὺς δ' ἀηδῶς ἔχειν, ibid 94.

это дѣлаетъ Шенье въ своемъ трудѣ по психологіи Платона[1]). Мы помнимъ изъ прежняго (см. I главу), что Платонъ признавалъ удовольствіе и страданіе за переходныя состоянія души, ощущающей колебанія организма между положеніями, соотвѣтствующими его природѣ и несогласными съ нею. Этимъ способомъ онъ ставилъ оба феномена на одинъ уровень и сознавалъ, что анализъ одного необходимо предполагаетъ анализъ другаго[2]). Общимъ условіемъ удовольствія и страданія Платонъ считалъ *сознаніе* (φρόνησις)[3]), такъ какъ при малыхъ перемѣнахъ въ состояніи организма (μετρίαι καὶ σμικραὶ μεταβολαί), не доходящихъ до сознанія, какъ напр. въ процессѣ роста, чувствованія пріятныя и непріятныя невозможны[4]). Чѣмъ же отличаются замѣтныя перемѣны, производящія удовольствіе, отъ тѣхъ, которыя вызываютъ страданіе? Нѣкоторые историки, основываясь особенно на одномъ мѣстѣ Республики[5]) и на свидѣтельствѣ Аристотеля[6]), полагаютъ, что Платонъ считалъ удовольствіемъ «наполненіе себя тѣмъ, что́ соотвѣтствуетъ нашей природѣ», страданіе — результатомъ ощущенія пустоты по отношенію къ чему-либо потребному для организма[7]). Такъ дѣйствительно, Платонъ понималъ чувствованія, связанныя съ удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ голода и жажды[8]). Но эта формула, кажется намъ, далеко не выражаетъ у Платона природы всѣхъ процессовъ, вызывающихъ удовольствіе и страданіе. Напротивъ того, изъ болѣе внимательнаго изученія Филеба можно думать, что Платонъ безразлично связывалъ удовольствіе то съ наполненіемъ, то съ опорожненіемъ организма, а равно и съ другими процессами въ немъ, когда они только служатъ ко благу его (περὶ σωτηρίαν)[9]), и обратно, страданіе ставилъ въ связь со всѣми отправленіями, вредными организму[10]). Такимъ образомъ «физическія» опредѣленія условій удовольствія и страданія (πληρώσεις и κενώσεις) у Платона должны быть

---

[1]) Ср. для даннаго вопроса 1 с., II p. Ch. III (p. 293 и слѣд.).

[2]) Phileb. C XVII (31): λύπης δ'αὖ χωρὶς τὴν ἡδονὴν οὐκ ἄν ποτε δυναίμεθα ἱκανῶς βασανίσαι.

[3]) Phileb. C. X (21): человѣкъ, лишенный всякаго сознанія (κενὸς ὢν πάσης φρονήσεως) долженъ находиться въ невѣдѣніи (ἀγνοεῖν), радуется ли онъ или печалится.

[4]) Ibid. C. XXVI (43).

[5]) L. IX, p. 585.

[6]) Eth. Nic. K. 2. 1173. b. 7

[7]) Ср. Chaignet, l. c, p. 296 и Dumont. Théorie Scient., p. 50.

[8]) Phileb. C. XX (35): голодъ и жажда суть ἐπιθυμίαι πληρώσεως, — принятіе пищи, ἔδωδή, есть πλήρωσις и въ этомъ смыслѣ ἡδονή (Ср. C. XVII, 32).

[9]) Ibid. C. XXI (35), C. XXVI (42), C XXVIII (47): удовольствіе можетъ возникать или τῷ τὰ ξυγκεκριμένα βίᾳ διαχεῖν ἢ τὰ διακεκριμένα ξυγχεῖν.

[10]) Ibid. C. XXI и XXVI: Εἴρηταί που πολλάκις, ὅτι τῆς φύσεως ἑκάστων διαφθειρομένης μὲν ξυγκρίσεσι καὶ κενώσεσι καί τισιν αὔξεσι καὶ φθίσεσι, λῦπαι τε καὶ ἀλγηδόνες καὶ ὀδύναι καὶ πάνθ' ὁπόσα τοιαῦτ' ὀνόματα ἔχει, ξυμβαίνει γιγνόμενα.

повидимому понимаемы какъ *метафоры*. Платонъ употреблялъ pars pro toto совершенно сознательно, ибо любилъ вообще картинныя выраженія, и едва ли правильно понимать эти выраженія дословно и даже пытаться объяснять возникновеніе такой воображаемой теоріи, какъ это дѣлаетъ Аристотель [1]). Единственными общими объясненіями удовольствія и страданія представляются намъ тѣ, которыя ставятъ *страданіе* въ зависимость отъ всякой порчи (φθορά) организма, отъ всякаго нарушенія въ немъ гармоніи (ἁρμονία λυομένη), отъ разрушенія его природы (λύσις τῆς φύσεως, φύσις διαφθειρομένη), — *удовольствіе*, напротивъ, сводятъ къ сознанію возстановляемой гармоніи въ природѣ организма (φύσις ἁρμοττομένη), возвращенія его въ свою сущность (ἡ εἰς τὴν οὐσίαν ὁδός, εἰς τὴν φύσιν κατάστασις, ἀναχώρησις πάντων и т. д.) [2]). Теорія эта представляетъ несомнѣнно попытку обобщить всѣ явленія даннаго порядка въ одномъ ясно поставленномъ принципѣ *гармоніи* внутреннихъ процессовъ. Оцѣнка правильности или неправильности въ ихъ теченіи очевидно предполагается сознательною, такъ какъ въ процессахъ, недоступныхъ сознанію, такая оцѣнка считается невозможною. Поэтому для яснаго опредѣленія Платоновской точки зрѣнія, остается только спросить, рѣшилъ-ли онъ еще вопросъ объ абсолютности или относительности оцѣнки? Отвѣтомъ на это служатъ только что перечисленныя нами выраженія, гдѣ постоянно идетъ рѣчь о *природѣ* и о *сущности* организма. Дюмонъ совершенно правильно заключаетъ изъ этихъ выраженій, что Платонъ признавалъ нормальный, совершенный типъ организма, при отступленіи отъ котораго человѣкъ испытываетъ страданіе и наоборотъ [3]). Впрочемъ, и помимо этихъ выраженій, весь строй философіи Платона, выходившей изъ предположенія постоянныхъ сущностей въ основѣ предметовъ, ручается за симпатіи его къ *абсолютизму* и въ данномъ вопросѣ. Такимъ образомъ Платонъ является, повидимому, совершенно послѣдовательнымъ выразителемъ XIII точки зрѣнія, т. е. объясняетъ удовольствіе и страданіе «изъ сознательной оцѣнки внутреннихъ отношеній, съ точки зрѣнія абсолютной ихъ гармоніи». Такъ думаетъ очевидно и Дюмонъ, называя подобную теорію именемъ Платона. Но мы сейчасъ убѣдимся, что это предположеніе требуетъ ограниченій. Платонъ, какъ мы видѣли въ свое время, признавалъ нѣсколько ступеней духовныхъ отправленій съ точки зрѣнія

---

[1]) Eth. Nic. K. 2. 1173. a. 13: ἡ δόξα δ' αὕτη δοκεῖ γεγενῆσθαι ἐκ τῶν περὶ τὴν τροφὴν λυπῶν καὶ ἡδονῶν.

[2]) Phileb. C. XVII и XXVI. Примѣръ объясненія страданія отъ жара и холода, и удовольствія при охлажденіи и согрѣваніи доказываетъ вѣрность нашей мысли.

[3]) L. c., 49.

нравственнаго достоинства и на всякой ступени считалъ возможными особыя удовольствія и страданія. Всего рѣзче выступалъ у него дуализмъ *высшихъ* и *низшихъ* наслажденій; для послѣднихъ Платонъ употреблялъ термины ἥδεσθαι, χαίρειν, для первыхъ терминъ εὐφραίνεσθαι [1]). Кромѣ того онъ въ томъ же смыслѣ различалъ чистое удовольствіе (καθαρὰ ἡδονή) отъ нечистаго (ἀκάθαρτος), т. е. предшествуемаго страданіемъ неудовлетворенности. Чистыми, высшими удовольствіями, неимѣющими ничего общаго съ низшими [2]), онъ считалъ эстетическіи и умственныя наслажденія, связанныя съ идеями прекраснаго, симметріи и истины (κάλλος καὶ ξυμμετρία καὶ ἀλήθεια) [3]). Такъ какъ эти наслажденія связаны съ интеллектуальнымъ созерцаніемъ и не вытекаютъ изъ удовлетворенія какой-либо потребности организма [4]), то ясно, что условіемъ ихъ, съ точки зрѣнія Платона, не можетъ быть правильность *внутреннихъ* отношеній. Источникъ ихъ, напротивъ, лежитъ въ созерцаніи неизмѣнныхъ *внѣшнихъ* красотъ (ἀεὶ καλὰ κατ'αὐτά) [5]). Отсюда ясно, что разобранная выше теорія Платона касается только физическихъ наслажденій и страданій, возникновеніе же духовныхъ радостей связано съ сознательной оцѣнкою абсолютныхъ достоинствъ самихъ вещей (I-я теорія) [6]), и приписывать Платону *одно* послѣдовательное ученіе, какъ дѣлаетъ Дюмонъ, было бы неправильно.

Перейдемъ теперь къ вопросу о *классификаціи* чувствованій у Платона. Тутъ необходимо сказать прежде всего, что классификація тоже можетъ выходить изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Различеніе удовольствій и страданій по достоинству—есть одна точка зрѣнія (нравственная), различенія количественныя (по интенсивности и продолжительности) — другая,

---

[1]) Protag. 338.

[2]) Phileb C. XXXI (51): οὐδὲν ταῖς τῶν κινήσεων προσφερεῖς (ἡδοναὶ), ср. C. XXXII (52).

[3]) Ср. ibid. C XL (64). Это тѣ три понятія, изъ которыхъ слагается τὸ ἀγαθόν, какъ предметъ нашего созерцанія.

[4]) Πείνας τοῦ μανθάνειν μὴ ἔχειν ib. C. XXXI: всѣ удовольствія, имѣющія предметомъ красивые цвѣта и формы, ароматы и звуки, отличаются тѣмъ, что лишеніе ихъ нечувствительно и не приноситъ страданія (τὰς ἐνδείας ἀναισθήτους καὶ ἀλύπους). Аристотель очевидно не далъ себѣ отчета въ этомъ понятіи «чистыхъ» удовольствій у Платона, иначе возраженіе противъ Платона (Eth. Nic. K. 2. 1173. b. 15: τοῦτο δ'οὐ περὶ πάσας συμβαίνει τὰς ἡδονάς и т. д.) не имѣло бы мѣста, такъ какъ самъ Платонъ очевидно признавалъ, что высшія удовольствія не предшествуются страданіемъ, потребностью (ἔνδεια).

[5]) Ibid. Созерцаніе это вызываетъ τινὰς ἡδονὰς οἰκείας

[6]) О страданіяхъ, связанныхъ съ созерцаніемъ недостатковъ вещей, т. е. дисгармоніи во внѣшнихъ отношеніяхъ, Платонъ ясно не говоритъ, но эта односторонность въ выраженіи не уничтожаетъ конечно его общей тенденціи, — тѣмъ болѣе, что существованія зла (τὸ κακόν) рядомъ съ добромъ онъ не отрицаетъ. Притомъ онъ же говоритъ о сочетаніи удовольствія и страданія при созерцаніи зрѣлищъ, трагическихъ и комическихъ. Ср. ibid. C. XXIX.

различеніе по качеству — третья точка зрѣнія (психологическая). Качественное различеніе можетъ имѣть опять двоякую задачу, или — перечисленіе общихъ, основныхъ состояній чувствительности, или — классификацію всѣхъ сложныхъ и частныхъ состояній, называемыхъ чувствованіями, волненіями, аффектами и т. д. О нравственномъ различеніи высшихъ и низшихъ удовольствій у Платона мы уже говорили. Съ этимъ этическимъ различеніемъ связано особое психологическое, о которомъ мы скажемъ прежде всего[1]). Противуполагая низшія чувствованія, которыя Платонъ повидимому связываетъ съ тремя физическими потребностями человѣка: голодомъ, жаждою и половымъ влеченіемъ[2]) и съ возбужденіемъ страстнаго начала, — чувствованіямъ высшимъ, имѣющимъ источникъ свой въ интеллектуальномъ созерцаніи, онъ кромѣ того различаетъ чувствованія, связанныя съ настоящими *объективными* событіями — реальныя, такъ сказать, отъ чувствованій, связанныхъ съ *субъективною* дѣятельностью души (τῆς ψυχῆς αὐτῆς ἡδοναί) и притомъ спеціально съ дѣятельностью памяти (εἶδος ἡδονῶν διὰ μνήμης γεγονός)[3]), т. е. идеальныхъ, какъ выражаются современные психологи. Эти послѣднія, вслѣдствіе своего интеллектуальнаго происхожденія, могутъ быть даже мнимыми — въ болѣзненныхъ случаяхъ, напр. въ маніяхъ (ἐν μανίαις καὶ πάσαις ἀφροσύναις)[4]). Легко видѣть, что эти два контраста не могутъ вполнѣ совпадать, такъ какъ понятія реальныхъ и идеальныхъ удовольствій одинаково обнимаютъ часть низшихъ и часть высшихъ — низшія могутъ возникать изъ воспроизведеній памяти безъ внѣшняго повода, высшія могутъ имѣть, наоборотъ, внѣшній источникъ. Но всетаки оба контраста содержатъ родственнный элементъ, ибо и тотъ и другой до извѣстной степени имѣютъ своимъ основаніемъ—противуположеніе *неразумныхъ* отправленій души *разумнымъ*. Собственно въ качественной классификаціи Платонъ ограничивается только легкими намеками. Элементарныхъ настроеній души (διαθέσεις), т. е. состояній чувствительности, онъ признаетъ три: удовольствіе, страданіе, и состояніе, въ которомъ мы не радуемся и не страдаемъ (μήτε λυπεῖσθαι μήτε ἥδεσθαι), т. е. состояніе *равнодушія* (это τρίτη τις ἡμῶν διάθεσις)[5]). Поэтому Платонъ и отрицаетъ, чтобы отсутствіе печали

---

[1]) Классификаціи чувствованій съ количественной точки зрѣнія вовсе нечего искать у Платона и вообще въ древности, такъ какъ она возникла гораздо позднѣе. Намекъ Платона въ Филебѣ (C. XV): ἄπειρον ἡδονὴ.. τῷ μᾶλλον (καὶ ἧττον) такъ и остается намекомъ.

[2]) Chaignet, l. c., 311.

[3]) Phileb. C. XIX (33).

[4]) Ibid. C XXI и XXII.

[5]) Ibid. C. XVIII (32). Такое состояніе сопровождаетъ напр. обыкновенно умственную жизнь (τὸν τοῦ φρονεῖν καὶ νοεῖν βίον).

было равносильно радости (οὐκ ἂν εἴη τὸ μὴ λυπεῖσθαι ποτὲ ταὐτὸν τῷ χαίρειν)[1]). Съ состояніемъ равнодушія не должно смѣшивать тѣхъ состояній, которыя представляютъ смѣсь (μῖξις) удовольствія и страданія. Сочетанія послѣднихъ могутъ быть весьма разнообразны: то страданія и удовольствія тѣлесныя соединяются съ тѣлесными же, то духовныя съ духовными, то разнородныя, и притомъ иногда удовольствіе уравновѣшивается страданіемъ, иногда нѣтъ[2]). Примѣръ сочетанія физическаго страданія съ духовною радостью мы имѣемъ, когда страдаемъ отъ физическихъ потребностей (жажда), но испытываемъ удовольствіе, вслѣдствіе надежды получить желаемое. Если же мы ни на что не надѣемся, то страдаемъ вдвойнѣ (διπλῇ τινι λύπῃ), т. е. тѣломъ и душою (при мысли о желаемомъ—προσδοκίᾳ τινὶ πόθῳ)[3]). Во всѣхъ сильныхъ волненіяхъ, какъ напр. въ гнѣвѣ, зависти, страхѣ, любви и т. д. удовольствіе сочетается съ страданіемъ[4]). Наши чувствованія при созерцаніи комедій и трагедій тоже составляютъ смѣсь обоихъ элементовъ, да и «не только въ драматическихъ представленіяхъ, но и во всей житейской трагедіи и комедіи страданія постоянно примѣшиваются къ удовольствіямъ» (λύπας ἡδοναῖς ἅμα κεράννυσθαι)[5]). Въ этомъ смыслѣ конечно надо понимать и извѣстную басню у Платона (въ Федонѣ) о способѣ появленія удовольствія и страданія на землѣ. Въ сущности ученіе Платона о смѣшеніи удовольствія и страданія заключаетъ въ себѣ ту широкую мысль, на которой основывается анализъ чувствованій и въ новое время, а именно, что бо́льшая часть послѣднихъ суть *сложныя* проявленія сознанія. Жаль только, что Платонъ ограничился немногими примѣрами разчлененія (напр. чувства зависти) и не подумалъ о болѣе или менѣе *полномъ* проведеніи своего положенія въ частностяхъ. Сознавая всю законность вопроса о томъ, сколько родовъ удовольствій (и страданій) и каковы они (ὁπόσα ἐστὶ καὶ ὁποῖα εἴδη)[6]), онъ полагаетъ, что для спеціальныхъ цѣлей его анализа, перечисленіе этихъ родовъ излишне[7]), и потому онъ только вскользь даетъ перечень главныхъ аффектовъ, каковы: гнѣвъ, страхъ, желаніе (πόθος), печаль, любовь, ревность, зависть[8]). Самая

---

[1]) Ibid. C. XXVI (43). Соотвѣтственно тремъ кореннымъ настроеніямъ возможны и три рода жизни—пріятной (ἡδὺς), печальной (λυπηρὸς βίος) и безразличной (μηδέτερος).

[2]) Ibid. C. XXVIII (46): αἱ μὲν (μίξεις) ἐξ ἴσων εἰσὶ λυπῶν τε καὶ ἡδονῶν, αἱ δ'ἐκ τῶν ἑτέρων πλειόνων.

[3]) Ibid C. XXI (36).

[4]) Ibid. C. XXIX (47).

[5]) Ibid. C. XXIX (50).

[6]) Ibid. C. IX (19).

[7]) Ibid. C. X (20): τῶν δέ γε εἰς τὴν διαίρεσιν εἰδῶν ἡδονῆς οὐδὲν ἔτι προσδεησόμεθα κατ' ἐμὴν δόξαν.

[8]) Ср. ibid. C. XXIX (47) и C. XXX (50).

безпорядочность этого перечня указываетъ на ничтожное значеніе, которое ему придаетъ Платонъ. Только при сравненіи разбросанныхъ мѣстъ его сочиненій видно, что, признавая три части души, онъ связывалъ съ желательною частью — чувственныя удовольствія и страданія голода, жажды и пола; съ страстнымъ началомъ — аффекты гнѣва, страха, надежды, храбрости, честолюбія, зависти [1]); съ умственнымъ принципомъ — эстетическія и интеллектуальныя волненія. Но строго опредѣленной и вполнѣ однообразной системы у Платона нечего и искать. Изъ всего сказаннаго можно видѣть вообще, что у Платона ученіе объ удовольствіи и страданіи имѣло характеръ еще довольно неопредѣленнаго *наброска*, въ которомъ было нѣсколько глубокихъ мыслей, но рядомъ съ ними еще болѣе противорѣчій и двусмысленныхъ утвержденій. Любопытно, какъ воспользовался первыми и на сколько съумѣлъ устранить послѣднія великій ученикъ Платона.

Аристотель, какъ мы видѣли, болѣе отчетливо, чѣмъ всѣ другіе древніе философы, сознавалъ самобытность явленій удовольствія и страданія, и всѣ эти явленія объединялъ въ одномъ изъ моментовъ чувственнаго начала. Къ такому результату привела его между прочимъ критика Платоновскаго понятія удовольствія, какъ движенія, какъ переходнаго состоянія. По мнѣнію Аристотеля удовольствіе состоитъ не въ движеніи, а скорѣе напротивъ въ покоѣ, въ успокоеніи (ἐν ἠρεμίᾳ) [2]), и если для возникновенія удовольствій и страданій нужны перемѣны, то сами явленія, будучи результатами этихъ перемѣнъ, не суть перемѣны (οὐκ ἀλλοιώσεις) [3]), — въ нихъ мы имѣемъ напротивъ рядъ самобытныхъ и вполнѣ законченныхъ состояній. Въ чемъ же состоятъ самыя условія появленія то удовольствія, то страданія? Аристотель совершенно ясно ставитъ эти феномены въ связь съ дѣятельностію, съ *отправленіями* организма (ἐνέργειαι): удовольствіе, по мнѣнію Аристотеля, завершаетъ собою дѣятельность (τελειοῖ τὴν ἐνέργειαν) и внѣ дѣятельности удовольствіе невозможно [4]). При этомъ само удовольствіе есть «безпрепятственное осуществленіе состоянія, свойственнаго природѣ организма» [5]). Страданіе конечно, обратно, слѣдуетъ за препятствіемъ этому

---

[1]) Cp. Steger. Platonische Studien. Insbr. 1872, p. 34.

[2]) Eth. Nic. H. 15 1154. b. 28.

[3]) Phys. H. 3. 247. a. 18

[4]) Eth. Nic. K. 5. 1175. a. 20: ἄνευ τε γὰρ ἐνεργείας οὐ γίνεται ἡδονή, πᾶσάν τε ἐνέργειαν τελειοῖ ἡ ἡδονή. Cp. ib. 4. 1174. b. 23

[5]) Ibid., H. 13. 1153. a. 12: διὸ καὶ οὐ καλῶς ἔχει τὸ αἰσθητὴν γένεσιν φάναι εἶναι τὴν ἡδονὴν (какъ Платонъ), ἀλλὰ μᾶλλον λεκτέον ἐνέργειαν τῆς κατὰ φύσιν ἕξεως, ἀντὶ δὲ τοῦ αἰσθητὴν ἀνεμπόδιστον. Этому мѣсту, повидимому, противорѣчитъ Реторика, A. 11. 1369. b. 33: тутъ ἡδονὴ называется κίνησίς τις αἰσθητὴ εἰς τὴν ὑπάρχουσαν φύσιν. Дѣйствительно здѣсь мы имѣемъ выраженіе скорѣе теоріи Платона, чѣмъ Аристотеля. Можетъ быть это мѣсто

осуществленію или за нарушеніемъ природнаго состоянія. Эта теорія напоминаетъ Платона, и если обратить вниманіе еще на другое мѣсто Этики, гдѣ Аристотель говоритъ, что лучшая дѣятельность та, которая «при наилучшемъ расположеніи организма, направлена къ лучшему своему объекту»[1]), то можно думать, что Аристотель, подобно своему учителю и только въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ, объяснялъ удовольствіе и страданіе «изъ сознанія гармоніи или дисгармоніи въ отправленіяхъ нашего организма съ точки зрѣнія *абсолютной* цѣны ея» (ср. XIII). Такъ и думаетъ, напр., Дюмонъ[2]). Но едва-ли правильно считать Аристотеля абсолютистомъ. Несомнѣнно, что онъ вѣрилъ съ *нравственной* точки зрѣнія въ абсолютно-пріятныя вещи (ἁπλῶς ἡδέα) и абсолютно-ненавистное страданіе (ἡ μὲν λύπη ἁπλῶς κακόν)[3]), а также въ возможность идеальнаго типа человѣка, удовольствія котораго должны служить мѣрою для истинно-пріятнаго[4]). Но отсюда еще нельзя заключать, чтобы въ каждомъ частномъ случаѣ онъ считалъ условіемъ удовольствія — удовлетвореніе абсолютной нормы, и обратно. Между тѣмъ въ этомъ-то предположеніи и заключается сущность абсолютизма въ тѣхъ ученіяхъ, которыя ставятъ чувствованія въ зависимость отъ внутреннихъ отношеній, такъ какъ возможности идеальной нормы развитія человѣческаго организма въ ту или другую сторону не отрицаетъ ни одинъ релативистъ, — иначе релативисты не могли бы вообще имѣть никакой этики, т. е. теоріи счастія. Каждая этика именно основана на признаніи того или другаго идеала, къ которому долженъ стремиться, по ея понятіямъ, человѣкъ, и свою этику имѣютъ конечно всѣ релативисты — наравнѣ съ абсолютистами. Даже самый крайній гедонизмъ имѣетъ свою мораль. Конечно, мораль въ свою очередь можетъ имѣть абсолютныя или относительныя основы, но «психологія не мораль», и съ психологической точки зрѣнія Аристотель въ анализѣ чувствованій, какъ мы увидимъ сейчасъ, былъ совершеннымъ релативистомъ, въ противуположность своему учителю, Платону.

Дѣйствительно, рядомъ выраженій подтверждается, что Аристотель сознавалъ *относительный* характеръ человѣческихъ удовольствій и страданій. Каждому человѣку пріятно, по его мнѣнію, то, чего онъ называется

испорченное или подложное, а можетъ быть Аристотель и не такъ дорожилъ измѣненіемъ данныхъ выраженій Платона въ вышеприведенномъ смыслѣ Zeller называетъ это мѣсто Реторики только «неяснымъ выраженіемъ того же ученія» l. c., II 2, 478, прим.

[1]) καθ' ἕκαστον βελτίστη ἐστὶν ἡ ἐνέργεια τοῦ ἄριστα διακειμένου πρὸς τὸ κράτιστον τῶν ὑφ' αὑτήν. Ibid. K. 3. 1174. b. 18. Ср. ib. 14.

[2]) Loc. cit., 50.

[3]) Eth. Nic. H. 13. 1153. a. 4, ib. 14. b. 2.

[4]) Ibid K. 5. 1176. a. 17. ἔστιν ἑκάστου μέτρον ἡ ἀρετὴ καὶ ὁ ἀγαθὸς, ᾗ τοιοῦτος, καὶ ἡδοναὶ εἶεν ἂν αἱ τούτῳ φαινόμεναι καὶ ἡδέα, οἷς οὗτος χαίρει.

любителемъ (φιλοτοιοῦτος) [1]; удовольствія быть справедливымъ не понимаетъ человѣкъ несправедливый, музыкальныхъ наслажденій — не музыкантъ [2]; каждый вообще предпочитаетъ ту дѣятельность, которую онъ болѣе всего любитъ [3]; любители игры на флейтѣ, напр., неспособны внимательно слушать разговора, когда происходитъ игра на ихъ любимомъ инструментѣ [4]; во вкусахъ отдѣльныхъ возрастовъ тоже есть различія: удовольствія дѣтей не имѣютъ цѣны для взрослыхъ [5]. Вообще удовольствія и страданія у людей представляютъ не мало разнообразія (οὐ μικρὸν διαλλάττουσι ἐπίγε τῶν ἀνθρώπων); одно и то же однихъ радуетъ, другихъ огорчаетъ и что́ для однихъ представляетъ предметъ печали и ненависти, то другимъ пріятно и мило [6]; даже для одного и того же человѣка то же самое не всегда пріятно (οὐκ ἀεὶ δ' οὐδὲν ἡδὺ καὶ τὸ αὐτό) [7]. Но такое положеніе вещей Аристотель, впрочемъ, не считаетъ вполнѣ нормальнымъ [8]: если онъ говоритъ, что каждому животному свойственны особыя удовольствія, какъ и особая дѣятельность [9], то онъ это понимаетъ всетаки въ такомъ смыслѣ, что удовольствія животныхъ одинаковаго типа должны были бы пребывать одинаковыми (ἀδιαφόρους εὔλογον εἶναι) [10]. Если это не такъ, — если, напр., люди наслаждаются разными вещами, то причина этому въ разстройствахъ и нарушеніяхъ, которымъ подвергается природа человѣка (φθοραὶ καὶ λῦμαι ἀνθρώπων) [11]; поэтому-то критеріемъ правильныхъ чувствованій и могутъ служить только добродѣтельные люди. Точно также если Аристотель и не отрицаетъ, что всякая перемѣна должна нравиться, такъ какъ новыя впечатлѣнія ощущаются живѣе, и по мѣрѣ повторенія ослабляется вниманіе, а стало быть и удовольствіе, — то всетаки страсть къ постояннымъ перемѣнамъ онъ объясняетъ порочностью людей (διὰ πονηρίαν τινά) [12]. Стало быть въ этикѣ Аристотель былъ абсолютистомъ въ противуположность фи-

---

[1]) Eth. Nic. A. 9. 1099 a. 8. Ср. выраж φιλητικός. ib Γ. 13. 1117. b. 30.

[2]) Ibid. K 2. 1173. b. 28.

[3]) Ibid. K. 2. 1175. a. 13: οἷον ὁ μὲν μουσικὸς τῇ ἀκοῇ περὶ τὰ μέλη, ὁ δὲ φιλομαθὴς τῇ διανοίᾳ περὶ τὰ θεωρήματα οὕτω καὶ τῶν λοιπῶν ἕκαστος.

[4]) Ibid K. 5. 1175. b. 3. Ср. ib. b. 12, 18.

[5]) Ibid. K. 2. 1174. a. 1.

[6]) Ibid. K. 5. 1176. a 10.

[7]) Ibid. H. 15. 1154. b 20.

[8]) Отсюда частыя противуположенія удовольствія и страданія у больныхъ и здоровыхъ людей, ib. K. 2. 1173. b. 23. Ср. 1176. a. 13.

[9]) Ibid. K. 4. 1176. a. 3: δοκεῖ δ' εἶναι ἑκάστῳ ζῴῳ καὶ ἡδονὴ οἰκεία, ὥσπερ καὶ ἔργον· ἡ γὰρ κατὰ τὴν ἐνέργειαν. Ср. Polit. A. 8. 1256. a. 27.

[10]) Ibid. K. 5. 1176. a. 8 и слѣд.

[11]) Ibid. K. 5. 1176. a. 21.

[12]) Ibid. H. 15. 1154. b. 28. Ср. ibid. K. 4. 1175. a. 6—10.

лософамъ Киренайской школы, по мнѣнію которыхъ всѣ удовольствія имѣютъ одинаковую цѣну [1]), но за то съ психологической точки зрѣнія его слѣдуетъ противуполагать Платону, какъ представителя того ученія, которое объясняетъ возникновеніе удовольствія и страданія изъ сознанія *относительной гармоніи* въ отправленіяхъ нашего организма (XIV т.)[2]). Что Аристотель считаетъ оцѣнку *сознательною*, а не безсознательною (ср. XVI т.), видно изъ того обстоятельства, что въ сочиненіи о душѣ онъ сравниваетъ удовольствіе съ утвержденіемъ, страданіе съ отрицаніемъ [3]) и говоритъ, что «радоваться и печалиться значитъ осуществлять сознательную середину въ преслѣдованіи добра или зла» [4]). Такова преобладающая теорія Аристотеля касательно условій возникновенія удовольствія и страданія. Но вслѣдствіе неясной постановки вопросовъ въ ту эпоху, мы у него находимъ и другія опредѣленія второстепенной важности, которыя могли бы дать поводъ считать Аристотеля послѣдователемъ другихъ теорій, еслибъ главное его ученіе не было всетаки такъ точно выражено. Такъ напр. онъ говоритъ, что и прекрасное и полезное представляются пріятными, т. е. повидимому иногда переноситъ причины удовольствія въ сферу *внѣшнихъ* отношеній [5]); точно также на основаніи нѣкоторыхъ отзывовъ его о зависимости удовольствія и страданія отъ дѣятельности нашей, направленной на внѣшній міръ, можно было бы счесть его приверженцемъ одной изъ теорій третьяго порядка и т. д. Но не надо давать себя сбивать противорѣчіями въ словахъ и выраженіяхъ писателя, и всѣ стремленія историка должны клониться къ тому, чтобы открыть, если возможно, главную теорію того автора, о которомъ идетъ рѣчь. У Аристотеля подобная теорія есть; такого дуализма, какъ у Платона, у него не можетъ быть усмотрѣно, — и это совершенно понятно, въ

---

[1]) Ср. Diog. L II, 8 (87): μὴ διαφέρειν ἡδονὴν ἡδονῆς μηδὲ ἥδιόν τι εἶναι.

[2]) Въ этомъ смыслѣ, кажется, надо понимать, напр, мѣсто Политики (Θ. 7. 1342. a. 25): ποιεῖ δὲ τὴν ἡδονὴν ἑκάστοις τὸ κατὰ φύσιν οἰκεῖον.

[3]) De an. III, 7. 431. a. 9: ὅταν δὲ ἡδὺ ἢ λυπηρόν, οἷον καταφᾶσα ἢ ἀποφᾶσα διώκει ἢ φεύγει.

[4]) Ibid. a 10 καὶ ἔστι τὸ ἥδεσθαι καὶ λυπεῖσθαι τὸ ἐνεργεῖν τῇ αἰσθητικῇ μεσότητι πρὸς τὸ ἀγαθὸν ἢ κακόν, ἢ τοιαῦτα Терминъ αἰσθητικὴ μεσότης мы переводимъ «сознательная середина», потому что А. вездѣ противуполагаетъ понятіе αἰσθητικός понятію ὀρεπτικός, куда входятъ всѣ «безсознательныя» отправленія души. Если ἡδονή, какъ источникъ ἐπιθυμίας и можетъ сопровождать растительныя отправленія, то только при участіи αἴσθησις, т. е. сознательнаго воспріятія. Ср. еще въ Реторикѣ A. 11. 1370 a. 32: ἀνάγκη πάντα τὰ ἡδέα ἢ ἐν τῷ αἰσθάνεσθαι εἶναι παρόντα ἢ ἐν τῷ μεμνῆσθαι γεγενημένα ἢ ἐν τῷ ἐλπίζειν μέλλοντα. Кирхманъ въ примѣчаніяхъ къ упомянутому выше мѣсту (Philos. Biblioth. 43-ter B. 1871, Anm. 263) тоже приходитъ къ выводу, что Аристотель сводитъ удовольствія и страданія къ *сознанію* извѣстныхъ явленій (впрочемъ его выраженіе «Sucht diese Zustände auf ein blosses Wissen zuruckzufuhren» слишкомъ рѣзко, какъ и отзывъ Вундта, Phys. Psych., p. 458).

[5]) Ср. Eth Nic. B. 2. 1105. a. 1.

виду общаго духа послѣдовательности и единства въ системѣ Аристотеля, въ противуположность системѣ его учителя. Теперь обратимся къ вопросу о *классификаціи* чувствованій у Аристотеля.

Съ точки зрѣнія нравственной цѣны чувствованій, Аристотель, подобно Платону, допускаетъ контрастъ высшихъ и низшихъ удовольствій, но становится совершенно на иную точку зрѣнія, которая дѣлаетъ этотъ контрастъ несравненно мягче; переходъ отъ одной крайности къ другой у него постепенный, и градація имѣетъ относительныя, а не абсолютныя, основы. Это видно изъ того, что Аристотель считаетъ *удовольствіе вообще* добромъ, какъ въ силу его противуположности страданію, которое всегда есть зло и должно быть избѣгаемо (φευκτόν) [1]), такъ и въ силу общаго влеченія къ нему всѣхъ животныхъ и людей [2]), — даже и тѣлесныя удовольствія (σωματικαὶ ἡδοναί), которыя Аристотель противуполагаетъ душевнымъ (ψυχικαί) [3]), не представляютъ сами по себѣ ничего дурнаго, по скольку они являются органическою необходимостью [4]) и въ той мѣрѣ, въ какой они безвредны [5]). Зло представляетъ только невоздержность (ὑπερβολή) [6]) и преслѣдованіе вредныхъ удовольствій (βλαβεραί) [7]). Вообще, если нѣкоторыя удовольствія и гадки (εἰ ἔνιαι φαῦλαι ἡδοναί), то это не мѣшаетъ удовольствію быть благомъ, такъ какъ и наука можетъ быть обращена къ дурнымъ предметамъ [8]). Отсюда видно, что контрастъ высокихъ и низкихъ наслажденій у Аристотеля сводится къ различію умѣренныхъ и неумѣренныхъ [9]), а также обращенныхъ на предметы достойные человѣка и на предметы недостойные его [10]), т. е. вредные ему — конечно въ *нравственномъ* отношеніи, а не въ физическомъ, ибо здоровью вредить могутъ даже научныя занятія [11]). Если за всѣмъ тѣмъ Аристотель и считалъ одни удовольствія *лучше* другихъ [12]), то дѣло шло очевидно только о частныхъ оттѣн-

---

[1]) Eth. Nic. H. 14. 1153. b 3.

[2]) Ibid b 25. Этотъ аргументъ Аристотель заимствовалъ повидимому отъ Аристиппа. Ср Diog. L., l. c., II, 8. 88.

[3]) Ibid. Γ. 13. 1117. b. 28.

[4]) Ἀναγκαῖαι ἡδοναί. Ib H. 14 1154. a. 17.

[5]) Ibid. b 4.

[6]) Ibid. a. 16.

[7]) Ibid. b. 5.

[8]) Ibid. 1153. b. 7. Здѣсь Аристотель вѣроятно разумѣетъ софистовъ

[9]) Ἡδοναὶ τοῦ σώφρονος καὶ τοῦ ἀκολάστου. Ibid. 13 1153. a. 34.

[10]) Κυρίως ἀνθρώπου ἡδοναί въ противуположность δευτέρως καὶ πολλοστῶς ἡδοναί. Ibid. K. 5. 1176. a. 26.

[11]) Καὶ τὸ θεωρεῖν ποτὲ βλάπτει πρὸς ὑγίειαν Ibid. H. 13 1153. a. 20.

[12]) О физическихъ удовольствіяхъ, напр, Аристотель всетаки говоритъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ: Eth. Nic. K. 6 1176 b. 19 и 1177. a. 7: ἀπολαύσειέ τ' ἄν τῶν σωματικῶν ἡδονῶν ὁ τυχὼν καὶ ἀνδράποδος οὐχ ἧττον τοῦ ἀρίστου Ср. ibid. 5. 1176. a. 1. διαφέρει δὲ ὄψις ἁφῆς καθα-

кахъ — всетаки ни одно удовольствіе, какъ таковое, не составляетъ зла съ его точки зрѣнія. Какъ отлична эта теорія отъ Платоновской, въ которой одни удовольствія считаются абсолютно-высшими, другія абсолютно-низшими!

Качественная классификація чувствованій и для Аристотеля не составляла ясно-поставленной задачи. Коренными состояніями онъ повидимому считалъ только удовольствіе и страданіе. Говоря о возможности отсутствія того или другого (μηδέτερον), онъ добавляетъ, что такое состояніе безразличія для многихъ по природѣ тягостно (πολλοῖς λυπηρόν διὰ τὴν φύσιν)[1]). Отсюда можно заключать, что онъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ отсутствіе всякой дѣятельности и, только при этомъ условіи, предполагаетъ возможнымъ полное безчувствіе, — когда же есть дѣятельность, то мы или страдаемъ или радуемся. Безразличіе самой дѣятельности возможно только при равновѣсіи удовольствія и страданія, каковое легко можетъ наступить, такъ какъ дѣйствіе, пріятное съ точки зрѣнія одного природнаго расположенія, можетъ быть непріятнымъ и противоестественнымъ съ точки зрѣнія другой противуположной наклонности организма (τῇ ἑτέρᾳ φύσει παρὰ φύσιν)[2]). Поэтому фразу Аристотеля, что удовольствіе не всегда предшествуется страданіемъ[3]), не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ возможности *полнаго* затишья въ области чувствованій въ періодъ дѣятельности организма, а только въ томъ значеніи, что въ данной области отсутствіе дѣятельности сопровождается отсутствіемъ всякаго чувства, — въ другихъ же сферахъ, если только организмъ проявляетъ свою энергію, то удовольствіе или страданіе непремѣнно сопутствуютъ такому проявленію. Такъ кажется надо понимать ученіе Аристотеля о *коренныхъ* состояніяхъ. Полной классификаціи частныхъ категорій удовольствія и страданія мы и у него не находимъ, хотя онъ тоже сознаетъ возможность различать *виды* тѣхъ и другихъ[4]). Перечисленіе аффектовъ у него, впрочемъ, полнѣе, чѣмъ у Платона: «аффектами (πάθη) я называю, говоритъ онъ, желаніе, гнѣвъ, страхъ, безстрашіе (θράσος), зависть, радость, дружбу, ненависть, любовь (πόθος), ревность, состраданіе, — вообще всѣ состоянія, за которыми слѣдуетъ удовольствіе или печаль»[5]). Послѣднее прибавленіе показываетъ, что со-

---

ρότητι, καὶ ἀκοὴ καὶ ὄσφρησις γεύσεως. ὁμοίως δὲ διαφέρουσι καὶ αἱ ἡδοναί ... Ср. выраженіе βέλτισταί ἡδοναὶ ἀπὸ τῆς ὄψεως, τῆς ἀκοῆς, τοῦ διανοεῖσθαι. Eth. Meg. B. 7. 1205. b. 26.

[1]) Eth. Nic. H. 15. 1154 b. 6

[2]) Ibid 22—25· ὅταν δ' ἰσάζῃ οὔτε λυπηρὸν δοκεῖ οὔθ' ἡδὺ τὸ πραττόμενον.

[3]) Ibid K. 2. 1173. b. 15—19

[4]) Ср. ibid. K. 2 1173. b 28. Также 5. 1175. b. 15. δῆλον ὡς πολὺ διεστᾶσιν, и 1176. a. 2.

[5]) Ibid. B 4 1105. b. 21.

вершенной полноты въ перечисленіи Аристотель не искалъ; изъ него же можно заключать, что аффекты Аристотель считалъ не простыми осложненіями удовольствія и страданія, а особыми движеніями души, которыя служатъ источниками радости и печали. Но если Аристотель не выработалъ ясной классификаціи чувствованій, то онъ за то указалъ на главные принципы, изъ которыхъ она должна выходить. Онъ говоритъ, что удовольствій и страданій столько, сколько ощущеній [1]),— а такъ какъ ощущеніе есть сознаніе какой нибудь энергіи организма, то каждой дѣятельности организма долженъ соотвѣтствовать особый видъ удовольствія (и страданія) [2]). Этотъ принципъ представляетъ, какъ мы увидимъ ниже, самую эмпирическую основу для классификаціи чувствованій, и нельзя не жалѣть, что въ теченіе столькихъ вѣковъ ни одинъ психологъ не пробовалъ имъ воспользоваться. Кромѣ всего отмѣченнаго, у Аристотеля есть опыты болѣе спеціальнаго анализа нѣкоторыхъ классовъ аффектовъ и чувствованій, какъ напр., интеллектуальныхъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе достойными стремленій человѣка. Но разборъ этихъ подробностей не входитъ въ нашу программу [3]). Мы убѣдились, что Аристотель, подобно Платону, не имѣлъ въ виду систематическаго и полнаго построенія въ изучаемой области, но однако съумѣлъ поставить въ обѣихъ сферахъ вопроса, насъ занимающаго, болѣе послѣдовательные и точные принципы, чѣмъ его предшественникъ. Возстановленіе и развитіе этихъ принциповъ, а также возможно-полное примѣненіе въ частностяхъ — вотъ основанія для современной науки о чувствованіяхъ и это отчасти доказано уже быстрыми успѣхами, какія анализъ удовольствія и страданія сдѣлалъ съ Гамильтона, принявшаго за исходную точку своей теоріи опредѣленія Аристотеля [4]). Но объ этомъ рѣчь въ свое время.

Къ ученіямъ Платона и Аристотеля объ удовольствіи и страданіи, по мнѣнію Гамильтона, въ древности, т. е. философами Греціи и Рима, ни-

---

[1]) Ibid. K. 4. 1174. b. 26: καθ' ἑκάστην δ' αἴσθησιν ὅτι γίνεται ἡδονὴ δῆλον (ср ib 20). Тоже относится и къ страданію ср. ib. K. 2. 1174. a. 11.

[2]) Ibid. K. 5. 1175. b 26. καθ' ἑκάστην γὰρ ἐνέργειαν οἰκεία ἡδονή ἐστιν.

[3]) Самый полный спеціальный разборъ аффектовъ А. даетъ во 2-й книгѣ Реторики, причемъ съ десятокъ ихъ онъ подробно опредѣляетъ и разсматриваетъ въ частныхъ проявленіяхъ, но большой системы и полноты въ этомъ анализѣ мы не видимъ, — задача его чисто практическая. Тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя цѣнныя психологическія замѣчанія и такія опредѣленія, которыя перешли къ преемникамъ и господствовали въ теченіе многихъ вѣковъ. Такъ напр. страхъ опредѣляется какъ страданіе, связанное съ представленіемъ о будущемъ злѣ, долженствующемъ принести вредъ и печаль (B. 1382 a. 21). Можетъ быть и стоическая теорія аффектовъ вышла изъ обобщенія этихъ Аристотелевскихъ опредѣленій и различеній.

[4]) Ср. Lectures on Metaphysics Vol. II Lect. XLII, IX, p. 440 и Lect. XLIII, p. 451.

чего не было прибавлено заслуживающаго вниманія[1]). Съ такимъ мнѣніемъ нельзя вполнѣ согласиться. Если дальнѣйшій анализъ и приведетъ насъ можетъ быть къ заключенію, что теоріи Платона и Аристотеля были самыми солидными въ древности, то нельзя сказать однако, чтобы послѣдующіе греческіе философы не открыли никакихъ новыхъ сторонъ дѣла и не пытались иными путями объяснить природу данныхъ явленій. О ближайшихъ послѣдователяхъ Платона и Аристотеля дѣйствительно не стоитъ говорить: если нѣкоторые изъ нихъ, какъ Спевсиппъ и Эвдоксъ, ученики Платона, и Θеофрастъ, ученикъ Аристотеля, и касались мимоходомъ разбираемаго вопроса, то объ ихъ ученіяхъ мы имѣемъ во первыхъ слишкомъ мало свѣдѣній, а во вторыхъ главный интересъ, по крайней мѣрѣ первыхъ двухъ, заключался въ опредѣленіи нравственной цѣны удовольствія[2]). Но зато изъ того, что̀ дошло до насъ о Стоикахъ и Эпикурейцахъ можно до извѣстной степени воспроизвести двѣ новыя и самостоятельныя психологическія доктрины касательно условій возникновенія удовольствія и страданія. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о ихъ достоинствѣ, мы во всякомъ случаѣ не можемъ согласиться съ Гамильтономъ, чтобы въ ученіяхъ Платона и Аристотеля заключалось все, что̀ древніе сдѣлали въ области науки о чувствованіяхъ.

Стоики, какъ мы убѣдились выше (Гл. I), отрицали самобытность явленій удовольствія и страданія и даже сомнѣвались въ реальности этихъ феноменовъ. Смѣшивая стремленія и чувствованія въ понятіи аффекта, они опредѣляли аффекты какъ движенія души, связанныя съ извѣстными (неправильными) представленіями (или мнѣніями) о вещахъ, считая общимъ источникомъ ихъ — неумѣренность[3]). Но во первыхъ, мы увидимъ ниже, что этимъ

---

[1]) Ibid. p 453

[2]) Ср. о Спевсиппѣ у Целлера, l. c., II Th. 1 Abth., p. 663 (и прим. 5); объ Эвдоксѣ ibid p. 690 (сходство съ Аристиппомъ). Θеофрастъ повидимому, подобно Аристотелю, всѣ удовольствія считалъ истинными (ἀληθεῖς) и порицалъ только отсутствіе мѣры, недостатокъ сдержанности (ср. Zeller, l. c., II Th. 2 Abth., p. 687. Anm. 2) Въ сочиненіи Θ. De sensu (VI, 31—33) мы находимъ впрочемъ и кое-какія теоретическія обобщенія, но въ нихъ ничего кромѣ намековъ не заключается и оцѣнить ихъ значеніе весьма трудно. Всего важнѣе, кажется, то, что Θеофрастъ, опровергая Анаксагора, пытался объяснить удовольствіе и страданіе контрастомъ умѣренной и чрезмѣрной дѣятельности, — нарушеніе мѣры и есть искаженіе природы: τὸ ὑπερβάλλον λύπην τε ποιεῖ καὶ φθείρει... ἡ γὰρ ὑπερβολὴ παρὰ φύσιν. Принципъ количественной оцѣнки онъ примѣняетъ и къ объясненію различія нѣкоторыхъ родственныхъ аффектовъ (напр. μῆνις, ὀργή и θυμος). Ср Zeller, ibid. p. 691, Anm 3. Но всѣ эти положенія такъ мало разработаны, что точно опредѣлить степень прогресса Θеофраста, сравнительно съ Аристотелемъ, невозможно. Нельзя не жалѣть, что до насъ не дошло сочиненіе его Περὶ παθῶν.

[3]) Omnium autem perturbationum fontem esse dicunt intemperantiam. Cic. Tusc IV, 9. Къ аффектамъ прилагаются между прочимъ опредѣленія ἄλογος συστολή, ἄλογος ὄρεξις, ἄλογος ἔπαρσις и т. д. Diog. Laert. VII. 1 (111, 113, 114...).

пессимистическимъ взглядамъ противорѣчилъ рядъ другихъ отзывовъ, въ которыхъ напр. удовольствіе, одинъ изъ главныхъ аффектовъ, порицается не такъ безусловно; а во вторыхъ, и въ этихъ отрицательныхъ опредѣленіяхъ заключается позитивная подкладка, такъ какъ сведеніе чувствованій къ *сужденіямъ* о хорошемъ и дурномъ (opiniones boni et mali) даетъ возможность признавать въ Стоикахъ представителей III или IV изъ отмѣченныхъ нами теорій, въ которыхъ удовольствіе и страданіе сводятся къ *сознательной* оцѣнкѣ пользы и вреда вещей. Вопросъ только въ томъ, были ли Стоики абсолютистами или релативистами. Повидимому и у нихъ, какъ у Аристотеля, абсолютизмъ въ Этикѣ соединялся съ релативизмомъ въ психологической теоріи удовольствія. Требованіе, чтобъ человѣкъ жилъ согласно съ своею природою (ὁμολογουμένως или ἀκολούθως τῇ φύσει), чему его научаетъ разумъ, уже предполагаетъ, что есть люди, не повинующіеся разуму, которые вслѣдствіе неправильныхъ представленій объ отношеніи предметовъ къ намъ находятъ удовольствіе въ вещахъ, самыхъ противуестественныхъ съ нравственной точки зрѣнія. Вообще абсолютизмъ въ морали обыкновенно является протестомъ противъ замѣчаемой относительности психическихъ наклонностей людей. Такимъ образомъ мы, не колеблясь, можемъ признать Стоиковъ, на основаніи подобныхъ соображеній, представителями IV-й теоріи: оцѣнка пользы и вреда, какъ источниковъ удовольствія и страданія, предполагается *относительною*, зависящею отъ большей или меньшей разумности субъекта. Впрочемъ гораздо важнѣе ученія Стоиковъ о природѣ удовольствія и страданія, первый опытъ систематической *классификаціи* аффектовъ, ими предпринятый.

Съ нравственной точки зрѣнія они, какъ я уже упомянулъ, не всегда безусловно порицали удовольствіе, да это было бы и странно, такъ какъ идея счастья, естественно лежавшая въ основѣ ихъ Этики, требовала противовѣса понятію «незаконно-пріятнаго» въ другомъ какомъ-нибудь понятіи «законной радости». Отсюда (у Хризиппа) контрастъ терминовъ ἡδονή и χαρά [1]), отсюда вообще старое противуположеніе высшихъ и низшихъ чувствованій, достойныхъ одобренія и порицанія (αἰσχραὶ ἡδοναί) [2]), неизбѣжно вытекающее изъ положенія, что удовольствія и страданія не могутъ быть отождествляемы ни съ добромъ, ни съ зломъ (οὐδέτερα, ἀδιάφορα), такъ какъ они принадлежатъ къ числу тѣхъ явленій, которыя *сами по себѣ* не полезны и не вредны (μήτ' ὠφελεῖ μήτε βλάπτει) [3]). Рядомъ съ этимъ нравственнымъ

---

[1]) Diog. L. ib. 116: καὶ τὴν μὲν χαρὰν ἐναντίαν τῇ ἡδονῇ.

[2]) Ibid. 103.

[3]) Ibid. 102.

контрастомъ, который у Стоиковъ далеко не такъ ясно поставленъ, какъ у ихъ предшественниковъ, мы находимъ у нихъ, какъ сказано, болѣе интересный опытъ психологической классификаціи, какъ основныхъ аффектовъ, такъ и дальнѣйшихъ осложненій, съ ними связанныхъ. Въ этомъ дѣлѣ Стоики, хотя несомнѣнно пользовались спеціальными анализами аффектовъ у Платона и особенно Аристотеля, пошли гораздо далѣе своихъ предшественниковъ, и система ихъ является главною подкладкою классификаціи чувствованій у всѣхъ средневѣковыхъ, а отчасти и у новыхъ писателей.

Развитіе ихъ системы слѣдующее. Во первыхъ, состояніе волненія (πάθος) противуполагается апатіи, состоянію равнодушія, отличающему мудреца[1]). Основою для волненій конечно служатъ удовольствіе и страданіе (πόνος). То и другое является двоякимъ, смотря по отношенію къ настоящему или будущему благу. Отсюда контрастъ удовольствія въ собственномъ смыслѣ и желанія (bonorum futurorum opinio), страданія и страха (ex malis futuris), которыя представляютъ четыре главныхъ рода аффектовъ (τὰ ἀνωτάτω γένη τῶν παθῶν)[2]). Каждое изъ четырехъ родовыхъ понятій заключаетъ въ себѣ нѣсколько видовыхъ. Виды страданія суть: состраданіе, зависть, соревнованіе, ревность? (ζηλοτυπία), горе (ἄχθος), смущеніе (ἐνόχλησις), обида? (ἀνία), печаль (ὀδύνη) и унынie (σύγχυσις). Виды страха: боязнь (δεῖμα), нерѣшительность? (ὄκνος), стыдъ, испугъ (ἔκπληξις), потрясеніе (θόρυβος) и безпокойство (ἀγωνία). Виды желанія: потребность (σπάνις), ненависть, сварливость (φιλονεικία), гнѣвъ, любовь, злоба, досада? (θυμός). Наконецъ виды удовольствія: очарованіе (κήλησις), радость чужому горю (ἐπιχαιρεκακία), наслажденіе (τέρψις), веселость? (διάχυσις)[3]). Такимъ образомъ Стоики (Зенонъ или Хризиппъ, все равно въ данномъ случаѣ) перечисляютъ 26 аффектовъ, которые распредѣляютъ въ четыре главные класса. Различія видовыхъ понятій обусловливаются: то различіемъ *объектовъ*, которые служатъ предметомъ удовольствія или страданія, то различіемъ *субъективнаго* характера нѣсколькихъ родственныхъ аффектовъ, то различіемъ *времени*, къ которому они относятся.... Эта разнообразіе точекъ зрѣнія конечно умаляетъ достоинство классификаціи не менѣе, чѣмъ случайность, безсвязность, односторонность и неполнота и въ самомъ перечнѣ частныхъ понятій. Но весьма важно, что уже въ древности были не только намѣчены первые

---

[1]) Ibid. 117.

[2]) Ср. Cicero Tuscul IV, 6 и Diog. L., ibid. 110 λύπη, φόβος, ἐπιθυμία, ἡδονή.

[3]) Diog L., ibid. 111—115 Переводъ отдѣльныхъ терминовъ предоставляемъ провѣрить филологамъ-спеціалистамъ, — мы считали полезнымъ сдѣлать полное и возможно точное перечисленіе, чтобъ облегчить читателю, не имѣющему подъ руками Діогена или не знающему по гречески, оцѣнку достоинства классификаціи Стоиковъ.

принципы классификаціи чувствованій (Аристотель), но и сдѣлана попытка проведенія извѣстной общей идеи въ частностяхъ, и эта заслуга принадлежитъ именно Стоикамъ. Стало быть, Стоики въ извѣстномъ смыслѣ имѣютъ такія же серьёзныя заслуги передъ психологіей въ изучаемой области, какъ Платонъ и Аристотель. Ихъ теорія можетъ быть неправильна и полна противорѣчій, но и они пытались сдѣлать шагъ впередъ, стремились выработать свою самостоятельную точку зрѣнія, а вѣдь въ исторіи древней науки мы большею частью и цѣнимъ только *стремленія,* а не результаты, — оригинальныя идеи, а не спеціальныя ихъ примѣненія. Характерная черта стоическаго ученія заключается въ томъ, что Стоики первые въ древности сдѣлали ученіе объ удовольствіи и страданіи составною частью общаго ученія объ аффектахъ. Ни у одного изъ предъидущихъ философовъ понятіе аффекта (πάθος) не имѣло такого *объединяющаго* значенія. До Аристотеля отношеніе всѣхъ этихъ понятій вообще точно и ясно не опредѣлялось. Аристотель называлъ аффектами всѣ внутренніе источники удовольствія и страданія, психическіе *прецеденты* послѣднихъ; но вообще онъ не подчинялъ одной группы явленій другой. Стоики первые признали аффектъ за родовое понятіе, и послѣ нихъ, начиная съ Плотина, еще болѣе упрочившаго это положеніе дѣла, подчиненіе теоріи удовольствія и страданія общему ученію объ аффектахъ сдѣлалось всеобщимъ не только въ теченіе всей средневѣковой, но и въ теченіе значительнаго періода новой философіи. Вопросъ, насколько правильно такое подчиненіе, остается пока открытымъ, но вліяніе Стоиковъ на будущихъ изслѣдователей въ этомъ случаѣ всетаки безспорно.

Ученіе **Эпикурейцевъ** объ удовольствіи и страданіи, какъ извѣстно, родственно ученію Киренаиковъ: апологія удовольствія составляла задачу тѣхъ и другихъ, но въ характерѣ этой апологіи существенное различіе. Воззрѣнія Эпикура во многомъ прямо противуположны ученію Киренаиковъ[1]). Объясняется этотъ фактъ тѣмъ, что послѣднее, въ силу своей крайней грубости, шло въ разрѣзъ съ преобладавшими стремленіями греческой цивилизаціи: необходимо было его смягчить, и это отчасти сдѣлали уже позднѣйшіе послѣдователи Аристиппа — Анникеридъ, Θеодоръ и ихъ приверженцы. Эпикуръ, по свидѣтельству Діогена, большую часть своихъ положеній заимствовалъ отъ Θеодора[2]), но въ результатѣ оказалась совершенно оригинальная концепція[3]). Мы уже видѣли, что Эпикуръ считалъ

---

[1]) Ср. Diog. L. II, 8. 87 и 89, также X, 136 и 137.

[2]) Ibid. II, 8. 97: ἐξ οὗ φασιν Ἐπίκουρον λαβόντα τὰ πλεῖστα εἰπεῖν.

[3]) Dumont окрещиваетъ ея именемъ одну изъ пяти различаемыхъ имъ теорій, l c., p. 27 и слѣд.

страданіе и удовольствіе моментами въ развитіи желанія. Страданіе онъ прямо отождествляетъ съ стремленіемъ, съ неудовлетворенною потребностью[1]); удовольствіе есть только прекращеніе страданія (τοῦ ἀλγοῦντος ὑπεξαίρεσις), удовлетвореніе потребности: значеніе его отрицательное[2]). Вслѣдствіе этого идеалъ человѣка выражается понятіями ἀπονία, ἀταραξία (полное отсутствіе страданій)[3]), и цѣль жизни состоитъ въ томъ, чтобы мы ни тѣломъ бы не страдали, ни душею бы не волновались[4]). Тогда намъ нечего болѣе искать какого-либо иного блага — печаль души нашей разрѣшается (ὁ τῆς ψυχῆς χειμὼν λύεται)[5]). Въ виду этихъ положеній, Эпикура слѣдуетъ считать представителемъ одной изъ теорій третьяго порядка: удовольствіе и страданіе объясняется изъ развитія нашей дѣятельности. Такъ какъ въ частныхъ случаяхъ оцѣнку полезнаго и справедливаго Эпикуръ считаетъ относительною[6]), то онъ является представителемъ X-й теоріи, объясняющей удовольствіе и страданіе изъ сознанія относительной успѣшности нашихъ дѣйствій. Но Эпикуръ, подобно Платону, не былъ послѣдовательнымъ выразителемъ одной точки зрѣнія. Отрицая de iure всѣ удовольствія, не составляющія прямаго удовлетворенія естественныхъ желаній, онъ de facto рядомъ съ этими естественными и необходимыми удовольствіями[7]) признавалъ возможность и такихъ, которыя, будучи независимы отъ какихъ-либо природныхъ стремленій, порождаются пустымъ мнѣніемъ о вещахъ (κενὴ δόξα) и причиняютъ только вредъ (βλάβης ἀπεργαστικαὶ ἡδοναί)[8]). Происхожденіе этого рода чувствованій Эпикуръ очевидно такъ же объясняетъ, какъ Стоики объясняли происхожденіе всѣхъ удовольствій и страданій. Дуализмъ въ самой теоріи возникновенія удовольствій составляетъ основу и для классификаціи чувствованій въ смыслѣ психологическаго различенія удовольствій, связанныхъ съ успокоеніемъ отъ страданія (καταστηματικὴ ἡδονή) отъ тѣхъ, которыя состоятъ въ движеніи (ἐν κινήσει)[9]). Рядомъ съ этимъ контрастомъ у Эпикура есть другой — между

---

[1]) Diog. L. X, 144 и 146: τὸ κατ' ἔνδειαν ἀλγοῦν.

[2]) Idibid., ср. 139, также II, 8 87 и 89. Ср. Cicero De Fin. II. 4, 5 (cit. ap. Ritt. et Prell).

[3]) Ibid. X, 128. 136.

[4]) Ibid. 128: μήτ' ἀλγῶμεν μήτε ταρβῶμεν. Ср. 131: μήτε ταράττεσθαι κατὰ ψυχήν.

[5]) Ibid. 128.

[6]) Ibid. 151: κατὰ μὲν τὸ κοινὸν πᾶσι τὸ δίκαιον τὸ αὐτό.., κατὰ δὲ τὸ ἴδιον... οὐ πᾶσι συνέπεται τὸ αὐτὸ δίκαιον εἶναι (δίκαιον же ἔστι σύμβολον τοῦ συμφέροντος, ib. 150)

[7]) Ibid. 149: φυσικαὶ καὶ ἀναγκαῖαι

[8]) Ibid. 149. Къ нимъ Эпикуръ относитъ удовольствія, которыя связаны съ почестями и отличіями ὡς στέφανον καὶ ἀδριάντων ἀναθέσεις.

[9]) Ibid. 136.

душевными и тѣлесными удовольствіями, который не совпадаетъ съ первымъ, ибо физическія и духовныя удовольствія одинаково могутъ быть спокойными или же состоять въ движеніи[1]). Съ точки зрѣнія нравственной цѣны, контрастъ физическихъ и психическихъ удовольствій повидимому совпадаетъ съ контрастомъ низшихъ и высшихъ, достойныхъ стремленія и недостойныхъ, такъ какъ высшее благо состоитъ, по мнѣнію Эпикура, не въ питьѣ и яствахъ, не въ любовныхъ наслажденіяхъ и въ яденіи рыбъ и другихъ вещей, предлагаемыхъ за пышной трапезой, а въ добродѣтели и разсудочной дѣятельности (φρόνησις)[2]). Но за то въ области страданій наоборотъ: духовныя хуже тѣлесныхъ (χείρους τὰς ψυχικάς), по мнѣнію Эпикура, такъ какъ послѣднія относятся только къ настоящему, первыя же простираются и на прошедшее и на будущее[3]). Все это впрочемъ только смутные намеки на систему; въ сущности Эпикурейцы, въ противуположность Стоикамъ, едва ли дорожили опредѣленной классификаціей аффектовъ, и въ изреченіяхъ, которыя имъ приписываются по этому предмету, много тумана и противорѣчій. Для насъ имѣетъ значеніе только ихъ опытъ проложить новое направленіе при объясненіи происхожденія элементарныхъ чувствованій, а именно—поставить ихъ въ связь съ развитіемъ желанія. Стоическія и эпикурейскія воззрѣнія на природу, какъ и на нравственное значеніе удовольствія, страданія и аффектовъ съ греческой почвы перешли на римскую[4]) и господствовали совмѣстно не только среди прямыхъ послѣдователей Зенона и Эпикура, но и въ другихъ философскихъ школахъ въ послѣдніе вѣка до Р. Х. и въ первые послѣ Р. Х. Такъ большая часть эклектиковъ придерживалась стоической этики. Даже Филонъ, основатель Іудейско-Александрійской школы, раздѣлялъ еще стоическое ученіе объ аффектахъ[5]). Это не должно впрочемъ насъ удивлять, такъ какъ мы видѣли выше, что психологическія ученія этого періода вообще не отличались самостоятельностью. Новыя основы пытался дать психологіи и этикѣ Плотинъ, и у него мы естественно должны искать теперь какихъ-ни-

---

[1]) Напр. изъ психическихъ удовольствій ἀταραξία καὶ ἀπονία καταστηματικαί εἰσιν ἡδοναί, ἡ δὲ χαρὰ καὶ εὐφροσύνη κατὰ κίνησιν ἐνεργεία βλέπονται (ibid.).

[2]) Ср. ib. 132. Этому положенію противорѣчатъ впрочемъ другія, приписываемыя Эпикуру и его ученикамъ. Ср. Ritt et Prell, l. c, p. 357 (§ 381).

[3]) Diog. L., ibid. 137: τὴν γοῦν σάρκα πρὸς τὸ παρὸν μόνον χειμάζειν, τὴν δὲ ψυχὴν καὶ τὸ παρελθὸν καὶ τὸ παρὸν καὶ τὸ μέλλον.

[4]) Представителями Эпикурейской доктрины въ Римѣ Dumont считаетъ напр. Эннія и Тита Ливія, см. l. c., p. 27. Цицеронъ и Виргилій принадлежали къ числу приверженцевъ Стоической теоріи.

[5]) Ср. Zeller, l. c, III Th. 2 Abth., p. 352.

будь новыхъ идей и по вопросу о природѣ удовольствія и страданія, а равно и аффектовъ. Дѣйствительно мы найдемъ у него теорію съ оригинальнымъ отпечаткомъ.

Въ свое время было указано, что **Плотинъ** создалъ особое понятіе способности съ цѣлью обнять явленія удовольствія и страданія (τὸ παθητικόν). Въ виду этого уже можно думать, что онъ имѣлъ какое-нибудь опредѣленное воззрѣніе на природу чувствованій и волненій. Такъ какъ πάθη относились у него къ числу тѣхъ низшихъ отправленій, которыя душа совершаетъ совмѣстно съ тѣломъ, то центръ тяжести теоріи Плотина долженъ былъ заключаться естественно въ опредѣленіи характера участія этихъ обоихъ началъ въ данной категоріи отправленій, тѣмъ болѣе, что вся психологія Плотина сосредоточивалась нѣкоторымъ образомъ на рѣшеніи вопроса объ отношеніи души и тѣла. Стремленіе Плотина сочетать дуализмъ съ монизмомъ дало начало той теоріи волненій, которую потомъ въ болѣе полномъ развитіи мы встрѣтимъ у Спинозы, поставившаго себѣ подобную же задачу. Сходство между Плотиномъ и Спинозою начинается уже съ самыхъ общихъ опредѣленій. Мы видѣли, что Спиноза противуполагалъ «страданія» (passiones) дѣйствіямъ, какъ инадэкватныя состоянія души, въ которыхъ индивидуальное начало подвергается измѣненіямъ, адэкватнымъ состояніямъ, въ которыхъ то же начало только проявляетъ свою природу. То же противуположеніе страданій дѣйствіямъ, хотя и не въ такой абсолютной и общей формѣ мы встрѣчаемъ и у Плотина. Онъ говоритъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ измѣненія, нѣтъ и «страданія»[1],—страдать (т. е. быть аффицированнымъ) значитъ переставать быть тѣмъ, чѣмъ былъ[2]) (ср. опредѣленіе инадэкватнаго состоянія у Спинозы). Въ другомъ мѣстѣ Плотинъ доказываетъ, что если и страданіе и дѣйствіе заключаются въ извѣстнаго рода движеніи, то разница между ними заключается въ томъ, что въ дѣйствіи движеніе, вслѣдствіе безстрастности, сохраняетъ свою природу, страданіе же напротивъ заключается «въ принятіи иного состоянія, чѣмъ въ какомъ предметъ находился»[3]). Таково общее опредѣленіе «аффекта», которое Плотинъ

---

[1]) Ср. Plotini opera, Kirchhoff. I. C. XXV. 209, 12. (p. 305). ἐν οἷς οὐδεμία ἀλλοίωσις οὐδὲ πάθος

[2]) Ibid. 232, 14 (p. 321): τὸ δὲ παθεῖν αὐτοῖς τὸ μὴ εἶναι ὅπερ ἦσαν.

[3]) Ibid. II. C. XXXIX. 214, 11 (p. 586): καὶ κίνησις μὲν ἐπ' ἀμφοῖν, ἡ δὲ διαφορὰ ἡ διαιροῦσα τὸ ποιεῖν καὶ τὸ πάσχειν τὸ μὲν ποιεῖν, καθ' ὅσον ποιεῖν, ἀπαθὲς τηροῦσα, τὸ δὲ πάσχειν ἐν τῷ διατίθεσθαι ἑτέρως ἢ πρότερον εἰχε... γίνεται τοίνυν τὸ αὐτὸ ἐν σχέσει τινὶ ποιεῖν, ἐν ἄλλῃ δὲ πάσχειν и т. д Замѣчательно еще, что Плотинъ, какъ позднѣе Декартъ, указываетъ на то, что понятія дѣйствія и страданія съ точки зрѣнія «взаимодѣйствія вещей» соотносительны и дополняютъ другъ друга.

опять, какъ Спиноза, впослѣдствіи дополняетъ заявленіемъ, что страданіе можетъ быть двоякое: въ смыслѣ *ухудшенія* или въ смыслѣ *улучшенія* (т. е. природы измѣняющагося субстрата)[1]). Такое ухудшеніе и улучшеніе въ одушевленномъ организмѣ и проявляется, какъ мы увидимъ ниже, въ формѣ печали и удовольствія. Опредѣляя характеръ участія души и тѣла въ аффектѣ, Плотинъ тоже приходитъ къ положенію, сходному съ Спинозовскимъ; но аргументація его конечно особая. Прежде всего надо замѣтить, что Плотинъ считаетъ невозможнымъ, чтобъ одной души или одного тѣла было достаточно для возникновенія аффекта. Одной души недостаточно потому, что въ такомъ случаѣ пришлось бы ей приписать тѣ видимые признаки, которыми аффектъ проявляется, какъ напр. блѣдность или румянецъ[2]). Притомъ, еслибы душа, находясь во всѣхъ частяхъ тѣла, претерпѣвала волненія, то она бы вся цѣликомъ должна была страдать и не могла бы локализировать свое страданіе въ извѣстномъ мѣстѣ организма, какъ напр. въ пальцѣ, когда мы говоримъ, что палецъ болитъ[3]). Одного тѣла для возникновенія аффекта тоже мало, такъ какъ тѣло само по себѣ безчувственно (ἄψυχον)[4]). Такимъ образомъ участье обоихъ началъ необходимо[5]), но въ чемъ же состоитъ роль каждаго изъ двухъ факторовъ?

Собственно говоря самый аффектъ, т. е. удовольствіе или страданіе, принадлежитъ тѣлу: душа безстрастна — она только познаетъ перемѣны, происходящія въ тѣлѣ[6]). Состояніе души, стало быть, есть не страданіе, а только *сознаніе* страданія, и это сознаніе конечно безстрастно, — оттого и возможность здравой оцѣнки аффекта[7]). Такимъ образомъ подъ аффектомъ Плотинъ разумѣетъ, подобно Спинозѣ, извѣстныя перемѣны въ тѣлѣ и идеи этихъ перемѣнъ[8]), хотя онъ прибавляетъ, что такія идеи возникаютъ только при болѣе значительныхъ превращеніяхъ въ тѣлѣ[9]), — этой оговорки у Спи-

---

[1]) Ibid. 214, 4: διττὸν γὰρ εἶναι τὸ πάσχειν, τὸ μὲν ἐν τῷ χεῖρον γίγνεσθαι, τὸ δ' ἐν τῷ βέλτιον ἢ οὐδέτερον.

[2]) Ibid. I, C. XXV. 209, 28 (305).

[3]) Ibid. C. XXVI. 287, 9 (412): εἰ δὲ ἦν αὐτὴ παθοῦσα ἐν παντὶ ὅλη τῷ σώματι οὖσα, οὐκ ἂν εἶπεν οὐδ' ἂν ἐμήνυσεν ὅτι ἐκεῖ....

[4]) Ibid. 286, 9 (411).

[5]) Ibid. 286, 5. χρὴ γὰρ τὰ πάθη τὰ τοιαῦτα.. τινος κοινοῦ καὶ συναμφοτέρου.

[6]) Ibid. C XXVI. 285, 26 (410): ἡμῖν δὲ ἡ τούτου, т. е. τοῦ σωματος, ἀλγηδὼν καὶ ἡ τοιαύτη ἡδονὴ εἰς γνῶσιν ἀπαθὴ ἔρχεται. Ср. ib. 287. 7 (412): πᾶσα δὲ ἥσθετο τὸ ἐκεῖ πάθος οὐκ αὐτὴ παθοῦσα. Ср. также ib. 286, 30 (411) и C. XXV. 211, 20. (307).

[7]) Ibid. 287, 21 (412): ἀλλ' οὖν τὴν αἴσθησιν αὐτὴν (τῆς ψυχῆς) οὐκ ὀδύνην λεκτέον, ἀλλὰ γνῶσιν ὀδύνης. γνῶσιν δὲ οὖσαν ἀπαθῆ εἶναι, ἵνα γνῷ καὶ ὑγιῶς ἀπαγγείλῃ....

[8]) Ibid C. XXV. 232, 18 (321). Ср. это мѣсто съ III опред. Спинозы въ III части Этики въ началѣ (Ed. C. H. Bruder, p. 271): per affectum intelligo corporis affectiones... et simul harum affectionum ideas (у Плотина γνώσεις, δόξαι C. XXV. 211, 6).

[9]) Ibid. 232, 20: ταῖς δὲ ψυχαῖς αἱ γνώσεις συνημμέναι τῶν σφοδροτέρων· εἰ δὲ μή, οὐ γινώσκουσιν. Въ этомъ случаѣ Плотинъ повторяетъ мысль своего учителя Платона.

нозы мы не находимъ. Починъ въ зарожденіи аффекта, какъ видно изъ всего этого, долженъ принадлежать тѣлу, но возможенъ и обратный случай: воспроизведенія извѣстнаго представленія, съ которымъ прежде соединялся аффектъ, уже достаточно иногда для возникновенія удовольствія и страданія, и въ этомъ смыслѣ душа можетъ тоже сдѣлаться источникомъ движенія, производящаго аффектъ [1]). Это даетъ поводъ къ различенію двоякаго рода аффектовъ: возникающихъ непредвидѣнно (ἀπροαιρέτως) — изъ физическихъ условій, т. е. безъ участія чувственной фантазіи, или при участіи ея, — изъ представленій о чемъ либо хорошемъ и дурномъ [2]). Такова общая теорія возникновенія удовольствій, страданій и др. аффектовъ у Плотина. Въ частности, различіе удовольствій и страданій зиждется тоже на отношеніяхъ души и тѣла. Мы видѣли, что природа претерпѣвающаго предмета можетъ то улучшаться, то ухудшаться. Въ примѣненіи къ живому организму Плотинъ опредѣляетъ страданіе какъ сознаніе отторженія (ἀπαγωγῆς) тѣла (отъ души), вслѣдствіе отнятія у него образа (ἐνδάλματος), отъ души исходящаго,—удовольствіе, какъ сознаніе организмомъ возстановляемаго въ тѣлѣ образа души [3]). Вообще удовольствіе и страданіе относятся къ нарушенію и возстановленію *единства* обоихъ началъ [4]). Но такъ какъ душа сама не страдаетъ, то естественно, что въ обоихъ случаяхъ, да и вообще въ аффектѣ, превращенія сводятся къ различнымъ измѣненіямъ въ состояніяхъ тѣла, при сравненіи съ состояніемъ, свойственнымъ ему отъ природы [5]). Такимъ образомъ Плотинъ, подобно Платону, связываетъ физическіе аффекты съ сознательною [6]) оцѣнкою гармоніи или дисгармоніи внутреннихъ отношеній [7]), при сравненіи съ абсолютнымъ типомъ (т. XIII). Но и у Пло-

---

[1]) Ср. Ibid , C XXV, 210 и 211 (306), также 209, 32. διὰ ψυχὴν μὲν ταῦτα τὰ πάθη, περὶ δὲ τὴν ἄλλην σύστασίν ἐστι γιγνόμενα. ἀλλ' ἡ μὲν αἰσχύνη ἐν ψυχῇ δοξης αἰσχροῦ γενομένης... τά τε τοῦ λεγομένου φόβου ἐν μὲν ψυχῇ ἡ ἀρχή .. Ср. Владиславлевъ, у. с. стр. 165 и 166.

[2]) Ср. Ibid. 211, 4 (306). Такъ напр. страхъ можетъ быть двоякій. Ср. 212, 9 (307). Выраженія: προσδοκία κακοῦ и οἰηθεὶς ἀγαθὸν αὐτῷ τι ἔσεσθαι принадлежатъ тоже Плотину.

[3]) Ibid C XXVI. 286, 26 (411).

[4]) Ibid. 286, 10: διαιρούμενον γὰρ οὐκ αὐτό, ἀλλ' ἡ ἐν αὐτῷ ἕνωσις, и ниже 22: κάτω τε οὖν καὶ ἄνω αἰωρούμενον φερόμενον μὲν κάτω ἀπήγγειλε τὴν αὑτοῦ ἀλγηδόνα, πρὸς δὲ τὸ ἄνω τὴν ἔφεσιν τῆς κοινωνίας Ср. изложеніе этой теоріи у Целлера, l. c., III. 2, p. 521, и у Рихтера, Psychol. d. Plotin (l. c.), p 64.

[5]) Ibid. C. XXV. 232, 18 (321): λυομένων δὲ τῶν συστάσεων ἢ συνιουσῶν ἢ μετατιθεμένων παρὰ τὴν κατὰ φύσιν σύστασιν τὰ μὲν πάθη ...

[6]) Ср. ib. C. XXVI. 297, 18 (420): ὅθεν καὶ αἰσθήσεως δεῖ καὶ συνέσεώς τινος ἐν τῷ ὀργίζεσθαι. Вообще же самое понятіе γνῶσις уже указываетъ на необходимость участія сознанія въ аффектахъ.

[7]) Что всѣ аффекты Плотинъ сводитъ къ внутреннимъ отношеніямъ видно между прочимъ изъ объясненія условій возникновенія трусости и храбрости: ib. C. XXV. 209, 7 (305).

тина есть зародыши еще другого ученія — въ теоріи высшаго чувства, *любви* (ἔρως), возникающаго изъ созерцанія абсолютной красоты, истины и добра, и обратнаго чувства, связаннаго съ созерцаніемъ зла (αἰσχρόν)[1]). Плотинъ и тутъ остается вѣренъ своему учителю (ср. т. I). Такимъ образомъ Плотинъ въ теоріи удовольствія и страданія въ сущности прямой послѣдователь Платона и новостью является только форма, въ которую онъ облекъ идеи учителя; эта форма несомнѣнно обладаетъ оригинальнымъ отпечаткомъ, зависящимъ отъ общихъ психологическихъ и метафизическихъ воззрѣній Плотина, и можно безъ преувеличенія сказать, что въ этой формѣ теорія Платона выиграла, по крайней мѣрѣ получила болѣе ясное и точное выраженіе. Достоинство ея обнаруживается между прочимъ и въ указанномъ выше сходствѣ опредѣленій Плотина и Спинозы. Заимствовалъ ли послѣдній у перваго, или пришелъ самостоятельно къ тому же ученію — все равно: то и другое одинаково рекомендовало бы нашему вниманію теорію знаменитаго основателя новоплатоновской школы. Въ области классификаціи Плотинъ не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго, кромѣ развѣ упомянутаго различенія аффектовъ первичныхъ и вторичныхъ (изъ воспроизведенія); но собственно этихъ выраженій мы у него не находимъ, — есть только намеки на нихъ, а это значительно уменьшаетъ важность означеннаго различенія. Кромѣ того Плотинъ, по примѣру предшественниковъ, разграничиваетъ физическія и психическія удовольствія[2]) и затѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, безъ всякой впрочемъ системы, подобно Платону и Аристотелю, перечисляетъ самые типическіе аффекты[3]), которые у него въ концѣ концовъ, какъ мы видѣли выше, группируются въ двухъ Платоновскихъ понятіяхъ θυμοειδές и ἐπιθυμητικόν (или παθητικόν въ тѣсномъ смыслѣ слова).

Послѣдователи Плотина не выработали никакихъ новыхъ, чѣмъ либо замѣчательныхъ теорій по вопросу о природѣ чувствованій и о группировкѣ ихъ. Психологія вообще отошла на задній планъ у дальнѣйшихъ представителей Новоплатонизма. Поэтому Плотиномъ мы и закончимъ анализъ древнихъ ученій и перейдемъ къ среднимъ вѣкамъ. Но прежде припомнимъ

---

[1]) Ibid. II. C. XLIV. 375, 13 (p. 291): περὶ μὲν οὖν τοῦ πάθους οὐ τὸν ἔρωτα αἰτιώμεθα ὅτι ἐγγίνεται ἐν ψυχαῖς ἐφιεμέναις καλῷ τινι συμπλακῆναι καὶ ὡς ἡ ἔφεσις αὕτη ἡ μέν ἐστι παρὰ σωφρόνων αὐτῷ τῷ κάλλει οἰκειωθέντων .. οὐδεὶς ἀγνοεῖ δήπου Ср. ниже 20 и т. д. Объ этомъ понятіи любви, входящемъ въ составъ высшихъ отправленій, ср. также у Рихтера, l. c, p. 81.

[2]) Ibid. II C. XXXV, 131. 20 (721) σώματος ἡδονή, ψυχῆς χαραί.

[3]) Ср. напр. I. C. XXV 209, 23 (305): λῦπαι καὶ ὀργαὶ καὶ ἡδοναὶ ἐπιθυμίαι τε καὶ φόβοι. Также II. C. XLVII. 420, 14. ἡδοναὶ καὶ λῦπαι φόβοι τε καὶ θάῤῥη ἐπιθυμίαι τε καὶ ἀποστροφαὶ καὶ τὸ ἀλγεῖν. И т. д.

главные результаты, къ которымъ мы пришли до сихъ поръ. Если считать Платона дѣйствительно основателемъ въ древности первыхъ систематическихъ и сознательныхъ построеній въ изучаемой области, то нельзя не указать на то замѣчательное совпаданіе, что въ анализѣ удовольствія и страданія древній міръ закончилъ тѣмъ самымъ ученіемъ, съ которымъ впервые выступилъ, и что дуализмъ въ объясненіи условій возникновенія чувствованій такимъ образомъ въ концѣ концовъ остался неустраненнымъ. Въ промежуткѣ были опыты объединенія всѣхъ феноменовъ даннаго порядка въ одномъ какомъ-нибудь принципѣ: самый замѣчательный изъ нихъ принадлежалъ Аристотелю, другой — Стоикамъ; но затѣмъ всетаки платоновская теорія въ новой обработкѣ была послѣднимъ словомъ психологіи древняго періода. Кромѣ только что упомянутыхъ крупныхъ явленій въ исторіи вопроса въ первый фазисъ его развитія были, какъ мы видѣли, явленія болѣе мелкія, которыя въ совокупности съ первыми могли убѣдить насъ, что уже въ древности были зародыши многихъ толкованій, отмѣченныхъ нами въ концѣ I части. Въ теченіе средневѣковаго періода психологія, какъ мы видѣли, по преимуществу стояла на почвѣ старыхъ традицій. Но мы убѣдились однако, что въ ней были и оригинальные элементы, которые начали проявляться уже со времени Августина и постепенно настолько окрѣпли, что въ концѣ среднихъ вѣковъ психологическая система если и не видоизмѣнилась въ основахъ своихъ, то по крайней мѣрѣ приняла новыя формы: система эта обогатилась новыми частностями и источникомъ превращеній были новыя идеи о человѣкѣ, внесенныя христіанствомъ. Чувствованія въ эту эпоху болѣе, чѣмъ прежде, слились съ явленіями воли и дробились на нѣсколько классовъ въ понятіяхъ отдѣльныхъ моментовъ воли, приходившихся на долю различныхъ духовныхъ началъ въ человѣкѣ. Стало быть, такія теоріи аффектовъ, которыя могли бы сколько-нибудь удовлетворить настоящимъ научнымъ требованіямъ, въ средніе вѣка еще менѣе были возможны, чѣмъ въ древности. Но изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобъ въ этотъ періодъ не могло появиться никакихъ оригинальныхъ комбинацій старыхъ понятій и чтобы скачокъ въ развитіи нашего вопроса былъ такой внезапный отъ древняго къ новому времени, отъ теоріи Платона къ теоріи Декарта, какъ часто думаютъ или заставляютъ думать, умалчивая о средневѣковыхъ писателяхъ въ историческихъ изложеніяхъ по нашему предмету. Напротивъ, уже изъ предыдущей части мы вынесли убѣжденіе, что развитіе психологіи отъ древняго къ новому строю было строго преемственно, — средніе вѣка тоже играли важную роль въ трансформаціи понятій. Отсюда мы можемъ уже a priori заключить, что и въ анализѣ аффектовъ и чувствованій было такое же преемство и что Декартъ не былъ такимъ ге-

ніальнымъ творцомъ изъ ничего въ ученіи «о страстяхъ души», какимъ его многіе считаютъ. Но обратимся къ дѣлу.

Разборъ средневѣковыхъ ученій о чувствованіяхъ представляетъ не малыя трудности, вслѣдствіе совершенной неразработанности предмета: къ средневѣковой психологіи всегда относились съ пренебреженіемъ и въ самыхъ подробныхъ трудахъ по исторіи философіи въ этотъ періодъ (напр. Штёкля) мы нашли мало точныхъ указаній. Однако мы надѣемся по крайней мѣрѣ намѣтить главныя явленія и выяснить хоть общія ступени перехода отъ древнихъ ученій къ новымъ.

Христіанская этика уже сама по себѣ прибавила новую точку зрѣнія къ тѣмъ, которыя были выработаны въ древнее время. Стремясь сосредоточить все вниманіе нравственной личности на достоинствѣ ея дѣятельности при сравненіи съ абсолютнымъ идеаломъ, она пыталась выдвинуть на первый планъ особый рядъ чувствованій, которыя связаны «съ сознательною оцѣнкою абсолютнаго достоинства нашихъ поступковъ» (IX т.) На ряду съ этими чувствованіями признавались и тѣ, которыя уже въ сознаніи древнихъ моралистовъ связывались съ созерцаніемъ абсолютнаго блага, абсолютной истины и красоты (I т.). Всѣ остальныя чувствованія и аффекты признавались относящимися къ отправленіямъ плоти (carnis) и это заставляло большинство христіанскихъ философовъ перваго періода относиться къ нимъ съ предубѣжденіемъ и пренебрегать ихъ анализомъ. Нравственный Идеалъ христіанина представлялся для нихъ совершенно безстрастнымъ въ отношеніи къ низшимъ аффектамъ, неспособнымъ ни къ какому страстному движенію ни въ смыслѣ удовольствія, ни въ смыслѣ страданія[1]). Человѣкъ, хотя и не безстрастенъ по природѣ своей, но долженъ стремиться однако къ уподобленію своего физическаго образа этому Идеалу, что́ возможно при правильномъ пользованіи разумомъ; слѣдовательно и человѣкъ можетъ тоже избѣгнуть аффектовъ, разрушающихъ достоинство его разумной природы[2]). При такихъ абсолютныхъ нравственныхъ ограниченіяхъ неудивительно, что у Отцовъ церкви въ первые вѣка христіанства систематическаго анализа и классификаціи удовольствій и страданій въ собственномъ смыслѣ не было. У Тертулліана и Климента Александрійскаго, у Оригена и Григорія Нисскаго[3]) мы едва находимъ отдѣльныя сентенціи

---

[1]) Ср. Clem Alex, Strom., l. c., II, p. 180 (L. VI. C. IX. S 276): Αὐτὸς δὲ ἁπαξαπλῶς ἀπαθὴς ἦν, εἰς Ὃν οὐδὲν παρεισδύεται κίνημα παθητικὸν οὔτε ἡδονὴ οὔτε λύπη.

[2]) Ср. изложеніе теоріи Григорія Нисскаго въ диссертаціи Moeller'a: Gregorii Nyss. de natura hominis doctrina. Halis. 1854, p. 37 и слѣд.

[3]) Ученіе Григ. Нисскаго повидимому всего обстоятельнѣе. Ср. ibid. Также Stigler. Die Psychol. d. heiligen Gregor v Nyssa, p. 103 и 104. На Григ. Нисскаго иногда ссылается и Ѳома Аквинатъ.

по этому вопросу и то большею частію нравственнаго характера, изъ которыхъ конечно трудно построить что-либо цѣльное. Болѣе точныя опредѣленія удовольствія, страданія и аффектовъ начинаются съ Августина. У Немесія разбору этихъ явленій посвящены четыре главы сочиненія «О природѣ человѣка». Въ трудахъ Іоанна Дамаскина и приписываемыхъ Діонисію Ареопагиту имѣются тоже, повидимому, нѣкоторыя данныя. Болѣе обстоятельно изъ писателей патристической эпохи отнесся къ дѣлу, кажется, только Немесій. Но Ѳома Аквинатъ въ своемъ анализѣ страстей чаще всего ссылается на Августина и Іоанна Дамаскина. Поэтому мы остановимся вкратцѣ только на ученіяхъ этихъ трехъ писателей.

Августинъ считается вообще, какъ мы замѣтили, основателемъ средневѣковой психологіи. Но онъ не столько заботился о построеніи новыхъ ученій, сколько о примиреніи теорій древне-греческихъ философовъ съ Евангеліемъ и вообще съ Священными книгами. Всѣ его сочиненія представляютъ стремленіе связать сентенціи греческихъ философовъ съ текстами Священнаго писанія и фраза «haec locutio utrum scripturis sanctis congruat, cum quaererem, inveni...» можетъ считаться выраженіемъ общаго принципа, имъ руководившаго. Въ ученіи объ аффектахъ, которое опредѣленнѣе всего выражено въ 6—9 главахъ XIV кн. De civ. Dei, Августинъ соединяетъ стоическую классификацію основныхъ аффектовъ съ собственными опредѣленіями, основанными на христіанскомъ ученіи о добрѣ и злѣ. Мы уже видѣли, что всѣ аффекты онъ считалъ проявленіями воли. Воля является желаніемъ, когда мы сознательно предпринимаемъ достиженіе того, чего хотимъ; когда мы сознательно пользуемся тѣмъ, къ чему стремились, то воля превращается въ удовольствіе; воля дѣлается страхомъ, когда мы сознательно отвращаемся отъ того, что противорѣчитъ нашимъ желаніямъ; наконецъ, когда мы не одобряемъ того, что совершается съ нами противъ нашей воли, то воля принимаетъ видъ печали[1]). Но такъ какъ воля тождественна любви, т. е. стремленію нашему къ соединенію съ объектомъ, то всѣ эти аффекты могутъ быть опредѣляемы и изъ понятія любви[2]). Различеніе че-

---

[1]) De Civ. Dei. L XIV. C. VI: Cum consentimus appetendo ea, quae volumus, cupiditas, cum autem consentimus fruendo his, quae volumus, laetitia vocatur. Itaque cum dissentimus ab eo, quod accidere nolumus, talis voluntas metus est, cum autem dissentimus ab eo, quod nolentibus accidit, talis voluntas tristitia est Ср. опредѣленіе «страданія», ib. L. XXI. C III Frustrata quippe cupiditas sive non perveniendo, quo tendebat, sive amittendo, quo pervenerat, vertitur in dolorem Также Music, L VI C. V (cit ap. Stoecl Die Specul Lehre v. Menschen. II B., p. 402, прим 2), гдѣ терминъ laetitia замѣненъ терминомъ voluptas

[2]) Ср De civ. Dei L. XIV. C. VII: Amor ergo inhians habere, quod amatur, cupiditas est; id autem habens eoque fruens, laetitia est; fugiens, quod ei adversatur, timor est; idque, si acciderit, sentiens, tristitia est.

тырехъ основныхъ аффектовъ — удовольствія, печали, желанія и страха очевидно стоическое [1]). Объектомъ воли, стремленія можетъ быть какъ добро, такъ и зло [2]), и на этомъ основывается различеніе правильной воли, любви къ добру (recta voluntas, bonus amor) отъ испорченной воли и любви къ злу (voluntas perversa, malus amor). Объекты законныхъ чувствованій абсолютны: граждане «sanctae civitatis» боятся вѣчнаго наказанія, желаютъ вѣчной жизни, страдаютъ въ ожиданіи искупленія нашего тѣла, радуются въ надеждѣ на избавленіе; точно также боятся грѣховъ, желаютъ быть твердыми (perseverare), страдаютъ отъ грѣховъ и радуются добрымъ дѣламъ [3]) и т. д. Объектами же испорченной воли служатъ, конечно, относительныя блага. Такимъ образомъ релативизмъ соединяется по прежнему съ нравственнымъ абсолютизмомъ и въ цѣломъ признается три источника, изъ которыхъ могутъ возникать чувствованія: сознательная оцѣнка 1) абсолютной цѣны нашей дѣятельности (IX), 2) абсолютныхъ достоинствъ и недостатковъ вещей (I) и 3) относительной успѣшности нашихъ дѣйствій (X), направленныхъ къ достиженію презрѣнныхъ вещественныхъ благъ. Послѣдняя точка зрѣнія имѣетъ сходство съ эпикурейской (не въ практическомъ, конечно, а только въ теоретическомъ смыслѣ); вторую мы встрѣтили уже у Платона, а первая, какъ мы видѣли, составляетъ самобытный продуктъ христіанской этики. Но эта точка зрѣнія чисто этическая.

Болѣе психологическимъ характеромъ, какъ мы сказали, отличается ученіе **Немесія**, но зато оно представляетъ эклектическое соединеніе опредѣленій, заимствованныхъ изъ нѣсколькихъ древнихъ философовъ. По вопросу о природѣ аффекта вообще, Немесій изъ критики древнихъ ученій приходитъ къ опредѣленію его, какъ движенія въ неразумной части души, сопровождаемаго воспріятіемъ [4]), — это опредѣленіе напоминаетъ Плотина. Въ ученіи объ удовольствіи Немесій, повидимому, болѣе всего сочувствуетъ аристотелевскому опредѣленію его, какъ состоянія, соотвѣтствующаго безпрепятственному отправленію какой-либо нашей дѣятельности [5]), не согла-

---

[1]) Въ началѣ VIII главѣ A. прямо ссылается на Стоиковъ

[2]) Ibid. C. VIII. Proinde volunt, cavent, gaudent et boni et mali; atque, ut eadem aliis verbis enuntiemus, cupiunt, timent, laetantur et boni et mali..... Ipsa quoque tristitia .. reperitur in bono, et maxime apud nostros.

[3]) Ibid. C. IX: Metuunt (cives sanctae civitates) poenam aeternam, cupiunt vitam aeternam; dolent in re... exspectantes redemptionem corporis sui; gaudent in spe, quia fiet sermo qui scriptus est: absorpta est mors in victoriam, etc.

[4]) De nat. hom , C. XVI (99): οὕτως οὖν ἡ κίνησις τοῦ ἀλόγου πάθος ἐστὶ κατ' ἄμφω τὰ σημαινόμενα οὐ πᾶσα δὲ κίνησις τοῦ παθητικοῦ πάθος καλεῖται· ἀλλ' αἱ σφοδρότεραι καὶ εἰς αἴσθησιν προβαίνουσαι...

[5]) Ibid., C. XVIII (105)

шаясь съ платоновскимъ и эпикурейскимъ опредѣленіями удовольствія, какъ переходнаго состоянія и какъ одного прекращенія страданій [1]). Но различая удовольствія, связанныя съ дѣятельностію въ собственномъ смыслѣ отъ тѣхъ, которыя сопровождаютъ созерцаніе [2]), онъ является представителемъ въ теоріи удовольствія дуализма, основаннаго Платономъ. Соглашаясь далѣе съ Аристотелемъ въ томъ, что разнообразіе удовольствій основано на различіи дѣятельностей и родовъ восприятія [3]), онъ однако въ самой классификаціи удовольствій, страданій и аффектовъ вообще (виды страха и гнѣва) слѣдуетъ Стоикамъ [4]), хотя въ частности понятія и термины у него не вполнѣ тождественны тѣмъ, которыя мы нашли въ изложеніи стоическихъ ученій у Діогена Лаэрція. Можетъ быть Немесій заимствовалъ свою терминологію у позднѣйшихъ Стоиковъ. Такъ или иначе, мы находимъ у него эклектическое смѣшеніе воззрѣній, которыя трудно привести къ общему знаменателю.

Объ ученіи **Іоанна Дамаскина**, не имѣя подъ руками подлинника, мы можемъ судить только по тѣмъ изреченіямъ, которыя приписываются ему Ѳомою Аквинатомъ. Изъ нихъ можно заключать, что Дамаскинъ пытался сочетать ученіе Стоиковъ съ нѣкоторыми воззрѣніями Платона, напр. въ смыслѣ различенія двойнаго принципа аффектовъ, желательнаго и страстнаго [5]). Стоическія вліянія обнаруживаются: въ самомъ опредѣленіи страсти, какъ движенія неразумной души въ предположеніи добраго (полезнаго?) или дурнаго (вреднаго?) [6]), въ мнѣніи, что аффектъ вообще есть противуестественное состояніе [7]), въ различеніи тѣхъ же четырехъ основныхъ аффектовъ, которые признавалъ и Августинъ и которые Дамаскинъ опредѣляетъ однако

---

[1]) Ibid. C. XVIII (103 и 104): опредѣленія удовольствія Платономъ и Эпикуромъ Немесій считаетъ родственными и опровергаетъ ихъ вмѣстѣ, доказывая, что οὐκ ἔστι γένεσις ἡ ἡδονή.

[2]) Ibid C. XVIII (106). Какъ дѣятельностей два рода — практическая и теоретическая, такъ δῆλον οὖν, ὅτι καὶ τῶν ἡδονῶν τῶν παρεπομένων ταῖς ἐνεργείαις ταύταις εἴδη δύο· καὶ τούτων δὲ καθαρώτερον τὸ θεωρητικὸν τοῦ πρακτικοῦ.

[3]) Ibid. C XVIII (105): ὅσα γὰρ ἐνεργειῶν εἴδη, τοσαῦτα καὶ ἡδονῶν и т. д.

[4]) Ibid. C. XVIII (101): ср. общее дѣленіе на ἀναγκαῖαι ἅμα καὶ φυσικαί, φυσικαὶ μὲν οὐκ ἀναγκαῖαι δὲ и οὔτε ἀναγκαῖαι οὔτε φυσικαὶ, а также частныя дѣленія: τῆς λύπης εἴδη τέτταρα (C XIX), τοῦ φόβου εἴδη ἕξ (C. XX), и τοῦ θυμοῦ τρία εἴδη (C XXI).

[5]) Cp. S. Thomae Aquinatis. Opera omnia, Parmae 1852 — 1869. Tom. II. Summae Theologiae, Vol. II, compl. primam secundae. Q XXX, Art. 1 (p. 110, b.): изъ Дамаскина (Lib 2. orth Fidei C. 12)· Irrationale obediens et persuasibile rationi dividitur in concupiscentiam et iram. Haec autem est irrationalis animae pars passiva et appetitiva.

[6]) Ibid Q. XXII, Art. 3: Passio est motus irrationalis animae per suspicionem boni et mali (или in imaginatione boni et mali).

[7]) Ibid. Q. XXIV, Art. 2: Operatio quidem, quae secundum naturam, motus est; passio vero, quae praeter naturam. Ср Q. XXXI, Art. 1.

ближе къ Стоикамъ [1]), наконецъ, въ классификаціи частныхъ видовъ основныхъ аффектовъ, причемъ повторяются почти тѣ же понятія, какъ и у Немесія [2]).

Изъ этихъ образчиковъ видно, что у Отцовъ церкви въ общемъ господствовала смѣсь древнихъ теорій, между которыми первое мѣсто принадлежало стоической; но однако уже и въ эту эпоху видно стремленіе переработать старое въ какомъ-то новомъ направленіи. Это стремленіе, конечно, всего яснѣе обнаруживается у Августина, и мы увидимъ, что оно принесетъ впослѣдствіи свои плоды, такъ какъ у Ѳомы Аквината мы найдемъ вполнѣ разработанное въ этомъ новомъ (спеціально-христіанскомъ) смыслѣ ученіе объ аффектахъ.

Въ первую эпоху схоластики психологія, какъ мы видѣли выше, находилась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ мистическихъ новоплатоновскихъ воззрѣній. Особенное вниманіе на психологическіе вопросы было обращено въ школѣ Св. Виктора; но мы уже знаемъ, что логическія различенія моментовъ познавательной дѣятельности сосредоточивали на себѣ главный интересъ Гугона и его послѣдователей. Ученіе объ удовольствіи и страданіи вслѣдствіе этого находится въ забросѣ, и объ аффектахъ и чувствованіяхъ говорится вскользь только для того, чтобы противупоставить высшія чувства христіанина низшимъ желаніямъ и аффектамъ, которыхъ онъ долженъ избѣгать. **Гугонъ** напр. считаетъ движущими началами въ жизни христіанина страхъ и любовь и противуполагаетъ свѣтскій и рабскій страхъ, которыхъ надо избѣгать, законному страху человѣка передъ наказаніемъ и при мысли о возможности потерять данное ему благо. Этотъ страхъ находится въ близкой связи съ христіанской любовью, которая стремится къ соединенію съ Богомъ. Объектами этихъ высшихъ чувствъ вообще ставятся абсолютныя идеи Бога и ближняго [3]). **Рихарду**, ученику Гугона, принадлежитъ различеніе семи основныхъ аффектовъ: надежды, страха, радости, страданія, ненависти, любви и стыда, параллельно которымъ онъ распредѣляетъ человѣческія добродѣтели и которыя онъ мистически уподобляетъ семи дѣтямъ Ліи [4]). **Исаакъ Стелла**, усвоившій себѣ трихотомію Платона, признаетъ два принципа аффектовъ: concupiscibilitas и irascibi-

---

[1]) Ibid Q. XXX, Art. 2: Exspectatum bonum concupiscentiam constituit, praesens vero laetitiam, similiter exspectatum malum timorem, praesens vero tristitiam.

[2]) Ср напр. ibid. Q. XXXV, Art. 8: Videtur quod Damascenus, Lib. 2. orth. Fidei, C. 13, inconvenienter quattuor tristitiae species assignet; quae sunt acedia, aches, misericordia et invidia.

[3]) Ср Stockl, Gesch. d. Philos. d. Mittelalt., B. I, p. 351.

[4]) Ibid. p. 373.

litas, считая радость и надежду (gaudium et spes) продуктами дѣятельности перваго, страданіе и страхъ (dolor et metus) — второго принципа [1]). Въ основѣ всѣхъ этихъ различеній лежатъ конечно мотивы чисто практическаго характера.

Во вторую эпоху схоластики, когда всѣ научные интересы подъ вліяніемъ арабскихъ философовъ значительно оживились, психологическій интересъ къ анализу чувствованій и аффектовъ долженъ былъ снова вступить въ силу. У самихъ **Арабовъ** существовало въ X вѣкѣ весьма полное и систематическое ученіе объ удовольствіи и страданіи и о различныхъ классахъ этихъ явленій, которое напоминаетъ болѣе всего платоновскую теорію. Въ иныхъ пунктахъ есть впрочемъ сходство и съ Аристотелемъ и даже съ Эпикурейцами, но въ цѣломъ получается у этихъ писателей довольно оригинальная система, въ которую вошло несомнѣнно и много самобытныхъ, восточно-религіозныхъ элементовъ. Всѣ удовольствія Арабы X в. дѣлили на четыре категоріи: a) естественныя, связанныя съ желательнымъ началомъ въ человѣкѣ, т. е. сопровождающія отправленія растительной жизни (принятіе пищи и питья) и которымъ не соотвѣтствуютъ никакія страданія; b) животно-чувственныя, связанныя съ отправленіями животной души и которымъ параллельно соотвѣтствуетъ рядъ страданій (половыя чувства и тѣ, которыя возникаютъ изъ тѣла: чувство мести); c) человѣческія духовныя удовольствія (и страданія), вытекающія изъ отправленій разумнаго человѣческаго начала; d) духовныя ангельскія удовольствія, присущія душѣ послѣ того какъ она покинетъ тѣло. Собственно человѣку доступно два рода удовольствій и страданій: тѣ, которыя требуютъ участья тѣла, и тѣ, въ которыхъ душа единственная участница. Первыя распадаются на семь видовъ (чувствованія, связанныя съ ощущеніями зрѣнія, слуха, вкуса, осязанія, запаха; половыя чувства; чувство покоя). Вторыя связаны съ созерцаніемъ истиннаго, прекраснаго и добраго: въ послѣднемъ случаѣ добрые и дурные поступки самихъ людей служатъ для нихъ объектомъ удовольствія и страданія [2]). Таковы главныя черты классификаціи чувствованій у арабскихъ писателей X вѣка, — различенія у нихъ такъ разнообразны, что подробное ихъ изложеніе заняло бы слишкомъ много мѣста. Но изъ сказаннаго уже видно, что въ основѣ первой, общей группировки лежитъ платоновское разграниченіе ступеней самосознанія, въ основу же второй классификаціи, — удовольствій и страданій, свойственныхъ человѣку, — напротивъ, скорѣе положенъ аристотелевскій принципъ соотношенія чувствованій и ощущеній. Изъ бо-

[1]) Ibid. p. 386.

[2]) См. Dieterici. Die Anthropol. d. Araber im X Jahrh., p. 147 и слѣд.

лѣе подробнаго ознакомленія съ арабской классификаціей чувствованій, мы бы, впрочемъ, увидѣли, что она исчерпываетъ и рядъ такихъ точекъ зрѣнія, о которыхъ у древнихъ философовъ не было и помина, но въ ней господствуетъ всетаки общій недостатокъ почти всѣхъ древнихъ и средневѣковыхъ классификацій — разобщеніе отдѣльныхъ классовъ чувствованій другъ отъ друга, вслѣдствіе слишкомъ рѣзкаго различенія отдѣльныхъ началъ, составляющихъ душу въ цѣломъ. Это разобщеніе сказывается и при объясненіи условій возникновенія удовольствій и страданій. Опять мы имѣемъ дѣло по крайней мѣрѣ съ тремя различными принципами: физическія удовольствія ставятся въ зависимость, какъ у Эпикурейцевъ, отъ простого прекращенія чувственныхъ страданій и отъ удовлетворенія желаній; полудуховныя радости человѣческой души — отъ созерцанія внѣшнихъ абсолютныхъ красотъ; наконецъ, собственно-духовныя наслажденія вытекаютъ изъ сознанія абсолютныхъ достоинствъ и недостатковъ нашей дѣятельности (нравственно-религіозная точка зрѣнія)[1]). Стремленія подвести всѣ эти категоріи кажущихся условій удовольствія къ какому-либо общему психологическому принципу, могущему объяснить возникновеніе *всѣхъ* чувствованій, не замѣтно.

Теперь было бы весьма интересно и важно опредѣлить, насколько вся эта система, несомнѣнно находившаяся подъ вліяніемъ платоновской теоріи[2]), отразилась въ ученіяхъ Арабовъ XI и XII в., оказавшихъ такое могущественное дѣйствіе на развитіе европейской науки, и насколько она была видоизмѣнена подъ вліяніемъ усилившихся у нихъ симпатій къ Аристотелю. Къ несчастію мы лично не имѣемъ никакихъ средствъ для рѣшенія этого вопроса. Несомнѣнно только, что **Авиценна** въ своемъ сочиненіи о душѣ слѣдовалъ еще платоновскому различенію желательнаго и страстнаго принципа аффектовъ[3]) и что Ѳома Аквинатъ въ своемъ ученіи о страстяхъ принималъ въ соображеніе нѣкоторые взгляды Авиценны, такъ какъ иногда на него ссылается. Но изъ этихъ ссылокъ трудно составить себѣ опредѣленное понятіе объ ученіи Авиценны. Что же касается до **Аверроэса**, то по изслѣдованіямъ Ренана, мораль занимала мало мѣста въ его философіи. «Вообще, говоритъ Ренанъ, этическія сочиненія Аристотеля, вѣроятно потому, что они носятъ на себѣ слишкомъ ясный греческій отпечатокъ, не имѣли у Арабовъ того значенія, какъ логическіе, физическіе и

---

[1]) Ibid. p. 137 и слѣд.

[2]) Ср. напр. ibid. p. 144, главу «Wie die Freude u. der Schmerz zusammen zu einer Zeit vorhanden sein können», которая содержитъ многія положенія, знакомыя намъ изъ Филеба.

[3]) Ср. Stöckl, l. c., II B. 1 Abth., p. 39.

метафизическіе труды его»[1]). Этимъ отчасти объясняется, почему и **Ѳома Аквинатъ** не ограничился въ анализѣ чувствованій простымъ усвоеніемъ аристотелевскихъ теорій, а напротивъ подвергъ воззрѣнія «Философа» свободной критикѣ на ряду съ ученіями Отцовъ церкви и другихъ писателей, которыми онъ пользовался. Изъ этой критики у Аквината получилось совершенно оригинальное и строго систематическое цѣлое, въ которомъ рядомъ съ стоическими, платоновскими и аристотелевскими элементами мы находимъ много самостоятельнаго, вытекающаго изъ основоположеній спеціально-христіанской антропологіи, уже заявленной Августиномъ. Къ изложенію системы Ѳомы Аквината мы и перейдемъ теперь, такъ какъ она служитъ лучшимъ выраженіемъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлало ученіе объ аффектахъ въ средніе вѣка, и лучшимъ образцомъ тѣхъ метаморфозъ, которыя прошло это ученіе, прежде чѣмъ принять ту болѣе совершенную, сравнительно съ древнимъ періодомъ, форму, въ какую облекъ его Декартъ. У Декарта мы, конечно, найдемъ и новые, имъ лично выработанные принципы, но въ его ученіе о страстяхъ вошло еще больше средневѣковыхъ элементовъ, заимствованныхъ отъ Ѳомы-ли Аквината, или отъ какихъ-нибудь другихъ средневѣковыхъ писателей, преемственно развивавшихъ ученіе послѣдняго[2]).

Мы видѣли выше, что уже въ древности (у Стоиковъ и у Плотина) теорія удовольствія и страданія сдѣлалась составною частью общаго ученія объ аффектахъ. Средніе вѣка тоже усвоили себѣ эту постановку вопроса, и Ѳома Аквинатъ, положивъ её въ основу своей теоріи страстей, окончательно упрочилъ на долгое время подчиненіе понятій удовольствія и страданія понятію аффекта. Ученію объ аффектахъ посвящено большое количество отрывковъ въ многотомныхъ трудахъ Аквината, но болѣе систематически онъ сгруппировалъ свои положенія въ первой части второго тома своего главнаго сочиненія «Summa Theologica» (Quaest. XXII—XLIX). На этомъ послѣдовательномъ анализѣ аффектовъ, сначала общемъ, потомъ спеціальномъ (primo in generali, secundo in speciali), мы и будемъ главнымъ образомъ основывать свое изложеніе, иногда принимая во вниманіе и ту главу сочиненія «De veritate», въ которой болѣе кратко разсматриваются тѣ же вопросы (Quaest. XXVI. Art. 1—6), а равно и другія мѣста въ со-

---

[1]) E. Renan. Averroès et l'Averroïsme. Paris. 1866 (3-me Ed.), p. 159.

[2]) Къ послѣднимъ вѣроятно принадлежитъ и Nicander Jossius, напечатавшій въ Римѣ въ 1580 г. свой Tractatus novus, utilis et jucundus de voluptate et dolore, de risu et fletu, somno et vigilia, deque fame et siti, и котораго Dumont считаетъ предшественникомъ Декарта въ его теоріи удовольствія и страданія. См. l. c., p. 43. Монографіи Никандра Іоссія мы не могли достать.

чиненіяхъ того же автора, которыя въ состояніи будутъ помочь намъ. Конечно, по характеру нашей работы, мы должны будемъ ограничиться разборомъ только главныхъ положеній Аквината, хотя его ученіе представляетъ такую полноту и столько интересныхъ частностей, что анализу послѣдняго можно было быть посвятить цѣлое сочиненіе [1]).

Нами было уже замѣчено, что Аквинатъ не слѣдуетъ рабски какому-нибудь одному старому авторитету, а напротивъ, принимая во вниманіе всѣ извѣстныя ему положенія предшественниковъ, начиная съ Платона и кончая Отцами церкви и Священнымъ писаніемъ, пытается выработать новое цѣлое. Но въ это цѣлое вошло всетаки не мало старыхъ элементовъ, потому что, отвергая одни взгляды Аристотеля, Августина и другихъ писателей, онъ кладетъ другія положенія тѣхъ же авторовъ въ основу собственныхъ выводовъ и доказательствъ. Прежде чѣмъ опредѣлять, что́ новаго въ теоріи Аквината, изложимъ послѣдовательно ея существенное содержаніе.

Понятіе passio и Ѳома Аквинатъ, какъ впослѣдствіи Декартъ, понимаетъ уже въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ: въ первомъ смыслѣ pati значитъ то же, что́ recipere — получать что-нибудь, а въ духовной жизни— *воспринимать* что-нибудь (Декартовская perception), во второмъ смыслѣ это *воспріятіе* чего-нибудь (receptio) сопровождается потерею (abjectio) чего-либо другого, противуположнаго [2]). Въ этомъ значеніи passio тождественна всякому движенію, измѣненію въ предметѣ (motus, transmutatio, alteratio). Есть впрочемъ еще третій, тѣснѣйшій смыслъ этого термина, для насъ не важный. Аквинатъ въ своемъ анализѣ очевидно имѣетъ въ виду второе значеніе понятія: passio въ этомъ значеніи и въ примѣненіи къ человѣку обнимаетъ собою тѣ явленія, которыя обыкновенно называются *аффектами*. Аффектъ принадлежитъ по существу нашей плоти, — душа принимаетъ въ немъ участіе только случайно (per accidens), вслѣдствіе соединенія своего съ тѣломъ [3]), а именно двоякимъ путемъ: поскольку всякое волненіе, начинаясь въ тѣлѣ, оканчивается въ душѣ (это физическіе аффекты,

---

[1]) Фолькманнъ и Штекль впрочемъ ссылаются на одну, уже существующую по этому предмету монографію Моргота (Morgott. Die Theorie des Gefühls im Systeme des heil Thomas. Eichstätt. 1864), и большой интересъ для насъ представляетъ то обстоятельство, что, по Фолькманну, M. — ein warmer Lobredner d. Gefühlslehre Thomas', но мы не могли достать этой книжки, не смотря на всѣ старанія. Es ist zu bedauern, говоритъ Штекль, dass diese ausgezeichnete Abhandlung nicht in den Buchhandel gekommen ist (B. II, p. 640)

[2]) Opera omnia (l. c.). Vol. II (Summa Theol. II, 1) Q. XXII Art. 1.

[3]) Ibid. Vol. IX. De veritate. Q. XXVI. Art. 2. Illud, quod per se patitur passione propria, corpus est. Si ergo passio proprie dicta aliquo modo ad animam pertineat, hic non est nisi secundum quod unitur corpori, et ita per accidens

passiones corporales), и поскольку обратно душа, какъ движущій принципъ тѣла, можетъ вызвать въ немъ волненіе (это духовные аффекты, passiones animales)[1]). Вслѣдствіе этого, разумѣется, аффекты принадлежатъ болѣе низшимъ потенціямъ души, чѣмъ высшимъ; а какъ движенія души, они принадлежатъ болѣе желательному, чѣмъ воспріемлющему началу: ratio passionis magis invenitur in parte appetitiva, quam in parte apprehensiva[2]) и притомъ magis in actu appetitus sensitivi, quam intellectivi[3]). Поэтому аффектомъ иногда прямо называется всякое движеніе чувственнаго аппетита[4]). Главнымъ источникомъ всѣхъ аффектовъ (causa effectiva) Аквинатъ считаетъ какое-нибудь внѣшнее благо или зло (bonum sive malum)[5]). Такимъ образомъ вообще принципъ страсти *внѣ* человѣка, въ какомъ-нибудь объектѣ[6]), и страсть опредѣляется, какъ порывистое стремленіе къ своему объекту[7]). Но поскольку доброе и злое, т. е. полезное и вредное (conveniens sive non conveniens), опредѣляется отчасти «матеріальнымъ расположеніемъ» (dispositio materialis) субъекта, — причина аффектовъ отчасти субъективная[8]). Аффекты различаются по родамъ и видамъ (genere et specie): различіе потенцій души, служащихъ принципами ихъ, даетъ дѣленіе по родамъ, различіе объектовъ въ дѣятельности одной и той же потенціи лежитъ въ основѣ видовыхъ подраздѣленій[9]). Впрочемъ и родовое дѣленіе основано въ концѣ концовъ только на болѣе крупномъ различіи цѣлыхъ классовъ *объектовъ*, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ потенціямъ[10]). По потенціямъ прежде всего различаются аффекты, относящіеся къ желательному началу (concupiscibile), отъ тѣхъ, которые относятся къ страстному принципу (irascibile). Противуположность тѣхъ и другихъ опредѣляется во первыхъ тѣмъ, что passio concupiscibilis имѣетъ объектомъ простое (обыкновенное) добро и зло (simpliciter bonum et malum), напротивъ passio irascibilis — трудно до-

---

[1]) Idibid: Dupliciter passio attribuitur animae per accidens. Uno modo ita quod passio incipiat a corpore et terminetur in anima.. et haec est quaedam passio corporalis... Alio modo ita, quod incipiat in anima, in quantum est corporis motor et terminetur in corpus, et haec dicitur passio animalis.

[2]) Ibid. Vol. II Q XXII. Art. 2.

[3]) Ibid. Art. 3

[4]) Ibid. Q. XXXV. Art. 1· Omnis autem motus appetitus sensitivi dicitur passio.

[5]) Ibid. Q. XLIII. Art. 1.

[6]) Ibid. Vol. IV. Q. XLVIII Art. 1 Passio даже non est meritoria quia habet principium ab exteriori. Только участіе воли можетъ дать ей pr ab interiori.

[7]) Ibid. Vol. III Q. XXVII. Art. 2: Omnis autem passio cum quodam impetu inclinat in suum objectum.

[8]) Ibid. Vol. II Q. XLIII. Art. 1 и 2.

[9]) Ibid Q. XXIII. Art. 1.

[10]) Idibid: Major enim differentia objecti requiritur ad diversificandam speciem potentiarum, quam ad diversificandam speciem passionum vel actuum.

стижимое (напр. будущее) добро или трудно устранимое зло (cum circumstantia difficultatis)[1]): оттого объектомъ *страстнаго* аффекта служитъ не столько хорошее и дурное, сколько трудность или легкость, возможность или невозможность достиженія перваго и устраненія второго[2]). Вслѣдствіе этого, во вторыхъ, страстные аффекты непремѣнно предполагаютъ движеніе, напротивъ желательные иногда состоятъ въ движеніи, иногда сопровождаются покоемъ, состоятъ въ успокоеніи (quietatio) послѣ движенія[3]). Отсюда же слѣдуетъ среднее положеніе страстнаго аффекта между двумя крайними проявленіями желанія[4]). Таково главное, родовое различіе аффектовъ, но такъ какъ и желаніе и страсть направлены на хорошее или дурное, то Ѳома Аквинатъ соглашается съ тѣмъ, что каждое родовое понятіе надо раздробить на два, откуда получатся четыре основные аффекта (principales sive generales passiones): gaudium et tristitia, радость и печаль, spes et timor, надежда и страхъ, которые разнятся тѣмъ, что относятся,— первые къ настоящему, вторые къ будущему добру и злу: къ нимъ сводятся всѣ остальные виды аффектовъ[5]). Всѣхъ этихъ видовъ одиннадцать: любовь, ненависть, желаніе, отвращеніе, радость и печаль относятся къ желательному, — надежда, отчаяніе, страхъ, смѣлость и гнѣвъ къ страстному началу[6]). Вездѣ мы видимъ тутъ контрасты — только гнѣвъ не допускаетъ противуположнаго аффекта[7]). Каждый видъ имѣетъ за симъ еще подвиды. Принципами дальнѣйшихъ подраздѣленій (per differentias accidentales) служатъ: еще болѣе частное различіе объектовъ, или же различіе въ самомъ характерѣ аффекта, какъ напр. въ его интенсивности (diversa intensio passionis)[8]).

---

[1]) Ibid. Vol. VII. P. I (Commentum in libros sententiarum, L. III). Dist. XXVI. Q. 1. Art. 2.

[2]) Ibid. Art. 3: Contrarietas, quae contenditur in irascibili, est secundum facile et difficile, sive possibile et impossibile; non autem circa bonum et malum, quia circa hoc est concupiscibilis

[3]) Ibid. Vol. II. Q. XXV. Art. 1: In passionibus concupiscibilis invenitur aliquid, pertinens ad motum, sicut desiderium, et aliquid, pertinens ad quietem, sicut gaudium et tristitia. Sed in passionibus irascibilis non invenitur aliquid pertinens ad quietem, sed solum pertinens ad motum (quia id in quo jam quiescitur, non habet rationem difficilis seu ardui).

[4]) Idibid. Passiones irascibilis et principium habent a passionibus concupiscibilis, et in passionibus conc. terminantur.

[5]) Ibid. Art 4.

[6]) Ibid. Q. XXIII. Art. 4: Sic igitur patet, quod in concupiscibili sunt tres conjugationes passionum, scilicet amor et odium, desiderium et fuga, gaudium et tristitia. Similiter in irascibili sunt tres: scilicet spes et desperatio, timor et audacia, et ira cui nulla passio opponitur. Sunt enim omnes passiones specie differentes undecim....

[7]) Ibid. Art. 3: Unde motus irae non potest habere aliquem motum animae contrarium; sed solummodo opponitur ei cessatio a motu...

[8]) Ibid. Vol. VII. P. I. Dist. XXVI Q. 1. Art. 1.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, общая теорія аффектовъ у Ѳомы Аквината. Разбирая за симъ спеціально каждый изъ 11 видовъ, онъ между прочимъ даетъ и болѣе точный разборъ явленій удовольствія и страданія, или радости и печали (первая пара понятій общѣе: gaudium видъ delectatio, поскольку она можетъ возникать изъ внутренняго (духовнаго) воспріятія, то же и tristitia въ отношеніи къ dolor.)[1]). Изъ разнообразныхъ опредѣленій удовольствія и страданія самыя характерныя тѣ, въ которыхъ удовольствіе признается зависящимъ отъ двухъ условій: отъ общенія (соединенія) съ добромъ или отъ присутствія полезнаго блага, и отъ сознанія этого факта[2]), страданіе точно такъ же — отъ общенія съ зломъ, съ вреднымъ, и отъ воспріятія этого общенія[3]). Вообще сознаніе считается необходимымъ условіемъ оцѣнки хорошаго и дурного (nulla delectatio est in carentibus omni cognitione). Стало быть, для опредѣленія мѣста, куда принадлежитъ ученіе Ѳ. Аквината въ нашей классификаціи различныхъ точекъ зрѣнія, остается спросить себя, былъ-ли онъ релативистомъ или абсолютистомъ. Многія мѣста свидѣтельствуютъ, что Ѳ. Аквинатъ сознавалъ относительность нашихъ удовольствій и страданій, но особенно живо рисуютъ его взглядъ на дѣло слѣдующія слова, въ которыхъ онъ перефразируетъ мысли Аристотеля: «необходимо, чтобы удовольствіе соотвѣтствовало нашей природѣ; откуда слѣдуетъ, что такъ какъ наша природа перемѣнчива, то не всегда намъ будетъ пріятно то же самое, ибо (впослѣдствіи) наша прежняя наклонность измѣнится; и такимъ образомъ вскорѣ для насъ уже не будетъ подходящимъ то, что́ было прежде подходящимъ, и то, что́ прежде доставляло намъ наслажденіе, дѣлается для насъ потомъ менѣе пріятнымъ или даже непріятнымъ (triste); и это все отъ того, что безпрерывное продолженіе (continuitas) одной и той же вещи рождаетъ въ насъ скуку (fastidium), измѣненіе же доставляетъ намъ удовольствіе». Конечно, такое положеніе дѣла и Ѳ. Аквинатъ не считаетъ идеальнымъ: для Бога, ангеловъ и блаженныхъ людей, прибавляетъ онъ, всегда одно и то же дѣйствіе служитъ источникомъ наслажденій[4]); но этотъ нравственный постулатъ опять не

---

[1]) Ibid Vol. II. Q. XXXV. Art. 2.

[2]) Ibid. Q. XXXI Art. 1 и XXXII. Art 1: Ad delectationem duo reperiuntur, scil. consecutio boni convenientis (въ другихъ мѣстахъ conjunctio, adeptio, praesentia), et cognitio hujus modi adeptionis.

[3]) Ibid. Q. XXXV. Art. 1: (Ad dolorem), sicut ad delectationem, duo requiruntur, scil. conjunctio boni, et perceptio hujusmodi conjunctionis, ita etiam ad dolorem duo requiruntur, scil. conjunctio alic mali, et perceptio hujusmodi conjunctionis.

[4]) Ibid. Vol. VII. 2 (Comm. in 4-tum l. sententiarum M. P. L.). Dist. XLIX. Q. III. Art. 2. (arg. 4). Впрочемъ уже вышеупомянутое различеніе causa effectiva passionum отъ causa materialis (dispositio) достаточно доказываетъ релативизмъ нашего писателя; выраженія

надо смѣшивать съ психологической теоріей. Такимъ образомъ ясно, что Ѳ. Аквинатъ придерживался той точки зрѣнія (IV), которая ставитъ удовольствіе и страданіе въ зависимость отъ сознательной оцѣнки отношеній объектовъ къ намъ и притомъ отъ сужденій объ относительной пользѣ и вредѣ вещей. Если онъ при этомъ всетаки повторяетъ аристотелевское положеніе, что всякое удовольствіе слѣдуетъ за дѣятельностью (sequitur operationem)[1]), то только въ томъ смыслѣ, что всякое дѣйствіе на насъ объекта вызываетъ съ нашей стороны отвѣтную дѣятельность, состоящую въ пользованіи (uti) благомъ, имъ доставляемымъ. Впрочемъ мы находимъ у Ѳомы Аквината и рядъ прямыхъ отступленій отъ принципа. Созерцательныя наслажденія (delect. contemplationis) и у него ставятся въ связь съ познаніемъ абсолютныхъ красотъ вещей, абсолютной истины и абсолютнаго блага; нравственныя наслажденія ставятся въ зависимость отъ сознанія абсолютнаго достоинства нашей дѣятельности и вообще нашего превосходства (excellentia propria) и т. д. Но онъ умѣетъ отдѣлять главныя положенія отъ дополнительныхъ и мы у него находимъ, по крайней мѣрѣ, не меньшее единство системы, чѣмъ у Аристотеля и у Плотина. Теперь опредѣлимъ въ общихъ чертахъ, изъ какихъ элементовъ сложилось ученіе Аквината объ аффектахъ.

Сказать навѣрное, что Аквинатъ заимствовалъ такое-то положеніе у такого-то писателя, другое у другого, мы не въ правѣ конечно, такъ какъ въ изложеніи нашемъ есть большіе пробѣлы. Прямое вліяніе Аристотеля, Августина и Дамаскина всего легче констатировать, такъ какъ Аквинатъ на нихъ безпрестанно ссылается; но не въ этомъ дѣло. Вопросъ только въ томъ, какія прежнія направленія отразились въ ученіи изслѣдуемаго нами автора и что́ у него оригинальнаго, сравнительно съ этими разсмотрѣнными уже направленіями. Во всей классификаціи аффектовъ, начиная съ четырехъ основныхъ, безспорно сказывается все то же стоическое вліяніе, которое проходитъ черезъ всѣ средніе вѣка. Замѣну понятія желанія, встрѣченаго нами еще у Августина и Дамаскина, понятіемъ надежды мы нашли уже въ классификаціи Исаака Стеллы, — стало быть она ведетъ свое начало еще отъ первой эпохи схоластики. Опредѣленіе природы удовольствія и страданія, въ связи съ понятіями хорошаго и дурного, тоже можно приписать отдаленному вліянію Стоиковъ. Но зато двойной составъ этого опредѣленія, вслѣдствіе рѣзкаго различія между участіемъ тѣла и

---

sensibile proportionatum sentienti delectat, или operationes sunt delectabiles, in quantum proportionatae et connaturales operanti, и т. д. надо понимать въ томъ же смыслѣ.

[1]) Ср. ibid. Vol. II. Q. XXXII. Art. 1: Omnis delectatio in operationem reducitur sicut in causam.

участіемъ души въ аффектахъ, и предположеніе двойного способа возникновенія страстей, изъ души и изъ тѣла, впервые встрѣчены были нами у Плотина. Косвенное вліяніе платоновскаго ученія сказалось въ дѣленіи всѣхъ аффектовъ на двѣ группы, по различію желательнаго и страстнаго начала. Вліяніемъ Аристотеля или Эпикурейцевъ объясняется противуположеніе удовольствій, связанныхъ съ движеніемъ, — тѣмъ, которыя сопровождаютъ покой; отъ Аристотеля Ѳ. Аквинатъ заимствовалъ также мысль о соотношеніи между аффектомъ и дѣйствіемъ. Понятіе «сензитивнаго» принципа аффектовъ тоже аристотелевское. Эпикурейскую теорію напоминаютъ такія положенія, какъ то, что люди болѣе избѣгаютъ страданія, чѣмъ стремятся къ удовольствію, по причинѣ чувства самосохраненія [1]), или что чувственное страданіе относится только къ настоящему, тогда какъ интеллектуальное и къ настоящему и къ прошедшему [2]). Отъ нихъ же, вѣроятно чрезъ посредство Августина, перешло къ Аквинату положеніе, что удовольствіе и страданіе наравнѣ съ другими аффектами относятся болѣе къ аппетитивной части души, чѣмъ къ принципу воспріятія. Зато нравственныя опредѣленія аффектовъ большею частію прямо заимствованы отъ Отцовъ церкви. Такимъ образомъ, весь скелетъ ученія Ѳ. Аквината собранъ изъ элементовъ, уже входившихъ въ составъ того или другого ученія древнихъ или предшествующихъ средневѣковыхъ писателей. Но всѣ эти элементы искусно скомбинированы въ одно гармоническое цѣлое и дополнены интересными частностями, — всему подведены итоги и найдены своеобразныя и часто остроумныя подтвержденія и доказательства. Конечно у Аквината всетаки много чисто-схоластическихъ и словесныхъ различеній, потерявшихъ впослѣдствіи всякій смыслъ, но отказать ему въ тонкой психологической наблюдательности невозможно, если основательно вникнуть въ его опредѣленія [3]). Въ отношеніи къ крупнымъ вопросамъ наибольшею самостоятельностью и новизною отличается повидимому его общая группировка одиннадцати аффектовъ и затѣмъ принциповъ ихъ дальнѣйшей дифференціаціи, которые ранѣе никѣмъ не были такъ ясно выражены. Вообще, при сравненіи Декарта и Спинозы съ древними, мы убѣдимся, глав-

---

[1]) Ср. l c., Vol. II. Q. XXIX. Art. 3. Соглашаясь въ этомъ пунктѣ съ Августиномъ, онъ такъ выражается. nam amor voluptatis est minor, quam amor conservationis sui ipsius, cui respondet fuga doloris, et ideo magis fugitur dolor, quam ametur voluptas.

[2]) Ср Vol. VII. 2. Dist. XVII. Q. II. Art. 1 (Q-la 3): Dolor qui est in appetitu intellectivae partis, potest esse et praeteritorum et praesentium, quamvis dolor sensitivae partis tantum sit praesentium.

[3]) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ системой Ѳ. Аквината, кромѣ вышеприведенныхъ мѣстъ, см. Index (T. XXV), s. v. passio, delectatio, dolor и т. д.

нымъ образомъ при помощи изложенной только-что системы Аквината, что существенные элементы ученій этихъ основателей новой философіи уже заключались въ той переработкѣ, какую дали теоріямъ Аристотеля, Платона и въ особенности Стоиковъ и Плотина средневѣковые мыслители. Теперь посмотримъ, въ чемъ состояло, развитіе нашего вопроса въ періодъ времени отъ Ѳ. Аквината до Декарта?

До эпохи возрожденія повидимому ничего новаго и важнаго въ этой области не было сдѣлано. Главные преемники Ѳомы Аквината, **Дунсъ Скотъ** и **Вильгельмъ Оккамъ,** стремились къ дальнѣйшему развитію и обособленію понятія воли въ психологіи человѣка, и тѣмъ самымъ содѣйствовали еще большему увеличенію контраста между низшими аппетитами и высшими, произвольными актами человѣка. Съ тѣмъ вмѣстѣ выразилась еще рѣзче противуположность аффектовъ, обращенныхъ на чувственные объекты, и тѣхъ, которые направлены къ объектамъ сверхчувственнымъ (какъ напр. духовная любовь), иначе сказать, дуализмъ въ теоріи стремленій и чувствованій, до извѣстной степени сглаженный Ѳ. Аквинатомъ, снова вступилъ въ полную силу. Изъ писателей эпохи возрожденія, мы оставимъ въ сторонѣ тѣхъ, которые ограничились болѣе или менѣе точнымъ возстановленіемъ одной изъ древнихъ системъ, такъ какъ психологическія ученія ихъ, какъ мы уже убѣдились, не имѣли самостоятельности; точно такъ же мы считаемъ себя вправѣ пройти молчаніемъ мистиковъ, которыхъ интересы лежали совершенно въ иной области и психологическія воззрѣнія коихъ отличались крайнею фантастичностью. Достаточно будетъ для нашихъ цѣлей, если кое-что будетъ сказано о критикахъ и натурфилософахъ. Типическимъ представителемъ первыхъ въ психологіи былъ Людовикъ Вивесъ, вторыхъ — Телесій и врачъ Карданъ. Ими мы и ограничимся.

Въ вышеупомянутомъ сочиненіи **Л. Вивеса** «De anima» вся третья книга (стр. 145—264) посвящена подробному и систематическому анализу аффектовъ. Вивесъ начинаетъ её указаніемъ на трудность предмета, вслѣдствіе его разнообразія, и на необходимость изученія аффектовъ въ виду нравственныхъ цѣлей. Ученія древнихъ въ этой области, по его мнѣнію, не довольно обстоятельны или дурно переданы. Стоики только запутали дѣло своими ухищреніями (argutiis suis), а Аристотель въ реторикѣ коснулся предмета лишь настолько, насколько требовали того «политическія» соображенія[1]). Изъ этого можно заключать, что съ подробнымъ ученіемъ Аристотеля объ удовольствіи и страданіи въ Ником. Этикѣ Вивесъ не былъ знакомъ.

---

[1]) De an. et vita. L. III, p. 145.

Тѣмъ не менѣе онъ слѣдовалъ традиціямъ древнихъ, вѣроятно чрезъ посредство патристическихъ или схоластическихъ писателей, конечно извѣстныхъ ему; поэтому въ цѣломъ его ученіе мало разнится отъ ученія Ѳомы Аквината и только въ подробностяхъ, особенно въ классификаціи аффектовъ и въ терминологіи ихъ, есть извѣстная доля новыхъ элементовъ. Подобно Аквинату, Вивесъ ставитъ удовольствіе и страданіе въ зависимость отъ хорошаго и дурнаго, т. е. полезнаго и вреднаго. «Аффекты суть акты тѣхъ способностей, которыми одарена отъ природы душа наша для слѣдованія добру и для избѣжанія зла»[1]). Это добро и зло *вообще* отождествляются съ полезнымъ и вреднымъ (utile et nocens), съ подходящимъ или неподходящимъ (congruens et incongruens)[2]). Точно такъ же *вообще* оцѣнка этого хорошаго и дурного считается сознательною— аффекты происходятъ изъ сужденій о добрѣ и злѣ (ex judicio; у животныхъ existimatio играетъ роль judicii)[3]). Наконецъ въ *общемъ* же смыслѣ оцѣнка представляется Вивесу относительною. «Добрымъ и дурнымъ въ настоящемъ я называю не столько то, что̀ по истинѣ таково, сколько то, что̀ каждый считаетъ хорошимъ и дурнымъ, по отношенію къ себѣ»[4]). Такимъ образомъ въ цѣломъ Вивесъ, какъ и Ѳома Аквинатъ, послѣдователь теоріи, впервые построенной Стоиками, по которой аффекты вытекаютъ изъ сознательной оцѣнки относительной пользы и вреда вещей. Притомъ и онъ признаетъ, что главная роль въ аффектахъ принадлежитъ тѣлеснымъ органамъ, но за симъ полагаетъ, что подъ вліяніемъ этихъ стимуловъ возбуждается и самая душа — въ смыслѣ растяженія подъ вліяніемъ хорошаго и сжиманія подъ вліяніемъ дурного[5]). Слѣдовательно въ аффектахъ участвуетъ нѣсколько факторовъ, и названія аффектовъ заключаютъ въ себѣ не одинъ элементъ (affectionum non est simplex appellatio)[6]).

Таково общее ученіе Вивеса, но въ примѣненіи къ *частностямъ* отдѣльныя его стороны видоизмѣняются. Во первыхъ, кромѣ добраго въ смыслѣ полезнаго, предметомъ оцѣнки являются иногда абсолютныя достоинства вещей, какъ напр. въ любви друзей другъ къ другу, отца къ

---

[1]) Ibid. 146: Ergo istarum facultatum, quibus animi nostri praediti a natura sunt ad sequendum bonum vel vitandum malum, actus dicuntur affectus, sive affectiones.

[2]) Ср. ниже опредѣленія отдѣльныхъ аффектовъ, p. 153 и слѣд.

[3]) Ibid. p 146: Nam quid bonum esse existimemus, quid malum judicii est. Также p. 147.

[4]) Ibid. p. 146: Bonum et malum in praesentia id voco, non tam, quod re vera tale est, quam, quod quisque sibi esse judicat. Ср. p. 147· Mente aliter atque aliter edocta atque instituta, mutantur affectus augmento et decremento, vel tolluntur prorsus, atque in aliorum vim et quasi jus concedunt.

[5]) Ibid. p. 146—149.

[6]) Ibid. p. 148.

сыну [1]). Чистая и инстинная любовь должна вообще отбросить всякое соображеніе о пользѣ [2]). Тутъ Вивесъ уже очевидно является представителемъ другой точки зрѣнія (I). Во вторыхъ есть аффекты, въ которыхъ польза и вредъ не успѣваютъ оцѣниваться сознательно, которые предшествуютъ всякому сужденію о достоинствѣ вещей въ отношеніи къ намъ и которые представляютъ собою движенія души, въ смыслѣ естественныхъ (инстинктивныхъ) импульсовъ, имѣющихъ источникомъ тѣло [3]). Это положеніе Вивеса напоминаетъ сходное ученіе Плотина о двухъ родахъ аффектовъ. Но у Плотина предметомъ оцѣнки считались внутреннія отношенія, у Вивеса полезное и вредное, поэтому Вивесъ безсознательно становится на новую точку зрѣнія, объясняя нѣкоторые аффекты изъ *инстинктивнаго* пониманія относительной пользы и вреда вещей (VIII).

Въ классификаціи аффектовъ Вивесъ развиваетъ разнообразные принципы. По интенсивности онъ различаетъ легкіе (leves), болѣе сильные (validiores) и самые сильные, которые потрясаютъ всю душу (animum universum concutiunt); по продолжительности нѣкоторые скоропреходящи (in transitu), другіе длительны (manent) [4]). По качеству главною основою разнообразія аффектовъ конечно служитъ разнообразіе ихъ объектовъ; хорошее и дурное можетъ быть: настоящимъ и будущимъ, дѣйствительнымъ и возможнымъ, положительнымъ и отрицательнымъ (такъ какъ absentia boni pro malo est, mali autem pro bono), реальнымъ и воображаемымъ (понятія: tamquam praeterita et tamquam futura) [5]). Изъ всего этого вытекаетъ различеніе множества видовъ аффектовъ, изъ которыхъ впрочемъ многіе представляютъ не только *варіацію* другихъ, но и *сложеніе* нѣсколькихъ [6]). Такъ напр. въ чувство уваженія (veneratio) входятъ элементы страха и стыда, хотя оно и связано съ сужденіемъ о значительномъ и безвредномъ для насъ благѣ [7]). Въ своей классификаціи Вивесъ уже покидаетъ почву платонов-

---

[1]) Ibid. p. 154: Hunc in modum diligimus omnia, quae utilia esse existimamus, aut jucunda animo, corpori, fortunis... Est quum res propter se ipsam amatur, quia in se bona, dectracto respectu omni nostrarum utilitatuum.

[2]) Ср. ibid. p. 159: Sed non est purus amor et verus, quousque utilitatis respectus omnis sit abolitus.

[3]) Ibid. p. 146: Sunt quidam animorum motus seu impetus verius naturales, qui ex affecto corporis consurgunt: ut edendi cupiditas in fame, bibendi in situ.

[4]) Ibid. p. 149.

[5]) Ibid. p. 151.

[6]) Ibid: Superbia monstrum est ex multis mixtum, ex laetitia, et cupiditate, et fiducia.

[7]) Ibid. p. 185. Veneratio ex judicio magni boni oritur, quod bonum nobis non nocet... Habet nihilominus veneratio omnis metus aliquid, pudorisque admistum. Это опредѣленіе весьма сходно съ тѣмъ, которое даетъ послѣ Декартъ: estime есть admiration de la grandeur d'un objet, a veneration—estime съ присоединеніемъ нѣкотораго страха къ объекту (Art. 149 и 162).

скаго различенія двухъ принциповъ аффектовъ, также стоическую схему четырехъ коренныхъ аффектовъ. Болѣе основными онъ считаетъ: наклонность къ тому, что намъ нравится (allubescentia), любовь, радость (laetitia) и желаніе (cupiditas) и имъ противуположныя чувствованія обиды (offensio), ненависти, печали (maeror) и страха [1]). Но при спеціальномъ разборѣ оказывается, что первые четыре суть всѣ болѣе или менѣе виды аффекта любви, вторые — виды аффекта ненависти. Это обобщеніе не ново — мы его встрѣтили уже, хотя въ иной постановкѣ, у Августина. Вообще общій характеръ классификаціи остается и у Вивеса тотъ же, что́ прежде, и только въ терминологіи, а затѣмъ въ спеціальномъ анализѣ можно предполагать нѣкоторыя нововведенія. Впрочемъ, за недостаткомъ времени и мѣста, мы не имѣемъ возможности прослѣдить спеціальный анализъ аффектовъ у Вивеса. Того, что́ было сказано, достаточно, чтобъ убѣдить насъ, что если въ общихъ основахъ теорія аффектовъ еще и оставалась на фундаментѣ, созданномъ древними, тѣмъ не менѣе въ частностяхъ развитіе продолжалось и между Ѳомой Аквинатомъ и Декартомъ были новыя переходныя ступени.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о натурфилософахъ той же эпохи. О **Телесіи** мы узнаемъ изъ Штёкла нѣсколько довольно интересныхъ вещей. Во первыхъ, сообразно съ своей теоріей душевныхъ началъ, въ которой жизненная сила рѣзко разграничена отъ души съ жизненными и умственными отправленіями, онъ, въ противуположность предшественникамъ, уже прямо настаиваетъ на томъ, что *душа*, а не тѣло ощущаетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ испытываетъ удовольствіе и страданіе. Процессы, сопровождающіе эти явленія въ душѣ, онъ опредѣляетъ такъ же, какъ и Людовикъ Вивесъ: пріятное ощущеніе слѣдуетъ за растяженіемъ души подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, непріятное обратно сопровождаетъ сжиманіе ея [2]). Вслѣдствіе такого взгляда на дѣло, Телесій уже не могъ относиться къ аффектамъ, какъ къ болѣзненнымъ явленіямъ въ организмѣ, подобно большинству средневѣковыхъ писателей, и хотя онъ тоже думаетъ, что пріятное и непріятное не могутъ служить постоянными критеріями нашей дѣятельности, тѣмъ не менѣе онъ возвращается прямо къ аристотелевскому ученію, что всѣ тѣ аффекты хороши, которые содѣйствуютъ нашему самосохраненію, и дурны только тѣ, которые переходятъ законную мѣру [3]).

Кардану посчастливилось: его часто упоминаютъ въ краткихъ историческихъ очеркахъ по нашему предмету. Но странно — изъ всей его теоріи

---

[1]) См. ibid p. 151.
[2]) Stockl, l. c., B. III p 335.
[3]) Ibid. p. 339.

выхватываютъ только одно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ не о причинахъ удовольствія и страданія, а только о зависимости этихъ явленій другъ отъ друга, о томъ, что переходъ отъ хорошаго къ дурному производитъ страданіе и обратно, и что поэтому вообще перемѣна играетъ важную роль въ чувствованіяхъ,—и на этомъ положеніи и основываютъ выводы. Насколько такой пріемъ одностороненъ, видно изъ того, что на основаніи этого положенія, Гамильтонъ считаетъ Кардана послѣдователемъ Платона [1]), Дюмонъ—Эпикура [2]). Какъ будто вообще кто-либо изъ «философовъ» когда-нибудь сомнѣвался, что перемѣна и контрастъ имѣютъ важное значеніе для интенсивности чувствованій. Гораздо важнѣе кажутся намъ слѣдующія положенія Кардана, заключающіяся въ его сочиненіи «De subtilitate». Во первыхъ онъ говоритъ весьма ясно, что удовольствіе состоитъ въ познаніи пропорціональности, соразмѣрности тѣхъ вещей, которыя мы ощущаемъ [3]). Стало быть, онъ переноситъ причины удовольствія и страданія въ отношенія чисто объективныя: прекрасное, напримѣръ, доставляетъ наслажденіе зрѣнію, ибо въ немъ лежитъ соразмѣрность [4]); точно такъ же въ области слуха удовольствіе доставляютъ созвучія, въ области ума радуетъ истина, а ложь напротивъ уже сама по себѣ всегда ненавистна [5]). Если онъ за симъ всетаки подъ-часъ измѣняетъ своему принципу и говоритъ, что только иногда удовольствіе связано съ тѣмъ, что̀ само по себѣ достойно любви, какъ напримѣръ прекрасное, а *иногда* съ тѣми вещами, въ которыхъ обнаруживается наше собственное превосходство, какъ напримѣръ въ преслѣдованіи того, чего другіе лишены [6]), то и наше *личное* превосходство является здѣсь какой-то объективной гармоніей, которую мы созерцаемъ [7]): о взаимодѣйствіи же *нашихъ силъ* ничего не говорится. Что Кардану именно въ самыхъ свойствахъ познанія находитъ условія чувствованій, видно и изъ того, что онъ иногда прямо объясняетъ удовольствіе яс-

---

[1]) Lectures on metaphysics, l. c., Vol. II, p. 458.

[2]) L. c., p. 27 и 28.

[3]) De subtil. L. XIII, p. 280: Delectatio in cognitione proportionis posita est ipsorum quae sentiuntur. Ср. p. 278: Prima, quod, ut dixi, proportionata sunt et ob id delectant, inde fit, ut cum diapason dupla constet, ea maxime delectet aures..

[4]) Ibid. p. 275 и 276: Pulchrum igitur quicquid commensuratum est, delectare etiam solet.

[5]) Ibid. L. XIV, p. 290 и 291.

[6]) Ibid. p. 276: Omnis igitur nostra voluptas est aut in his, quae per se amabilia sunt, id est pulchra, seu oculo cognita; aut in quibus praestantes nobis videmur: videmur autem praestantes in assequendo ea, quae aliis negata sunt, aut quia nobilia, aut quia rara, aut quia intacta, aut custodia munita, vel virtute praedita, vel illicita.

[7]) Напр. умственныя наслажденія связаны съ познаніемъ истины прежде всего потому, что solum hoc opus in nobis proprium est atque cum divis tantum commune (ibid, L. XIV, p. 290). Если онъ ниже и говоритъ о «пользѣ познанія истины», то отсюда нельзя ничего заключать, такъ какъ это замѣчаніе единственное въ своемъ родѣ.

нымъ, совершеннымъ познаніемъ, страданіе обратно выводитъ изъ познанія смутнаго, несовершеннаго, или изъ невозможности вообще познавать [1]). Такимъ образомъ Карданъ свелъ всѣ чувствованія къ одному изъ принциповъ, существовавшему въ средніе вѣка и намѣченному уже въ древности (вторая теорія Платона), но не являвшемуся изолированно отъ другихъ. Участіе души въ аффектахъ Карданъ опредѣляетъ тоже не одинаково съ Вивесомъ и Телесіемъ: въ наслажденіи духъ нашъ выходитъ наружу, въ печали возвращается внутрь. Это отражается и въ крови: на кровь главнымъ образомъ переносится способность растягиваться и сжиматься, подъ вліяніемъ удовольствія и страданія [2]).

Классификаціей чувствованій Карданъ не очень интересуется. Перечисляя безъ всякой системы до двадцати аффектовъ [3]), онъ послѣ касается каждаго въ отдѣльности только для того, чтобъ выяснить физіологическій механизмъ и физическія проявленія (effectus) каждаго, не давая никакихъ важныхъ психологическихъ опредѣленій [4]).

Образчики ученій о чувствованіяхъ въ эпоху возрожденія достаточно подтвердили, что и въ это время дѣло не стояло на одномъ мѣстѣ, а двигалось понемногу впередъ. Насколько было возможно, мы даже пытались опредѣлить, что̀ новаго содержала каждая изъ разсмотрѣнныхъ теорій, въ чемъ состояли успѣхи каждаго послѣдующаго писателя. Заручившись всѣмъ этимъ матеріаломъ, мы уже перейдемъ къ новой философіи въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. къ Бэконовскому и Декартовскому направленіямъ, и тутъ мы легко увидимъ, что писатели этихъ двухъ новыхъ школъ тоже не сразу вступили на болѣе плодотворную почву, а развивали ученіе объ аффектахъ съ естественной постепенностью, начавъ съ ассимиляціи идей своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Но предварительно, по принятой нами методѣ, подведемъ итоги всему разобранному періоду.

Мы могли убѣдиться прежде всего, что ученіе о природѣ чувствованій возникло уже въ древнѣйшій періодъ греческой философіи и постепенно, безъ перерыва, иногда быстрѣе, иногда медленнѣе, развивалось въ теченіе всѣхъ древнихъ и среднихъ вѣковъ. Въ этомъ развитіи были два главные

---

[1]) Ibid. p. 275 и 276: Omnis sensus cognitis maxime gaudet... Est enim delectatio in cognoscendo, ut non cognoscendo tristitia. Porro obscura imperfectaque... non possunt delectare. Ср. p. 291: Contemplatio vero ipsa animum exhilarat.

[2]) Ibid. L. XIV, p. 291: Ad delectationem ipsam spiritus extra feruntur; refugiunt ex tristitia intro. Cum spirito vero et sanguinem ipsum ferri palam est. Cum vero extra fertur, dilatatur, refrigeratur et confirmatur si robustae sint vires. Cum vero contrahitur, conculcatur atque absumitur

[3]) Ibid. p. 290.

[4]) Ibid. p. 291 и 292.

момента: сначала ученіе объ удовольствіи и страданіи преобладало надъ общей теоріей аффектовъ и надъ классификаціей ихъ, потомъ обратно ученіе объ удовольствіи и страданіи сдѣлалось ингредіентомъ общаго ученія объ аффектахъ и на классификацію послѣднихъ было обращено главное вниманіе. Точкою раздѣла этихъ двухъ моментовъ вообще были Стоики. Но развитіе ученія объ удовольствіи и страданіи продолжалось и послѣ нихъ въ теченіе древней философіи, хотя Аристотель ранѣе уже былъ *высшимъ* пунктомъ этого развитія. Послѣ Аристотеля, въ ученіе объ удовольствіи и страданіи стали все рѣже и рѣже вноситься новые элементы, тогда какъ наоборотъ классификація аффектовъ продолжала развиваться и обогащаться новыми частностями.

Во всякомъ случаѣ, при обработкѣ ученія объ удовольствіи и страданіи въ древніе и средніе вѣка, были указаны болѣе или менѣе ясно почти всѣ точки зрѣнія, могущія служить къ объясненію природы этихъ явленій (кромѣ II, V, XI, XII, и XVI), хотя преобладающее число представителей имѣла сначала платоновская (XIII) теорія, а затѣмъ стоическая (IV), съ которой, какъ мы увидимъ ниже, начнетъ свое развитіе и новый періодъ. Недостаткомъ древняго и средневѣковаго періодовъ является сравнительная неясность, безсознательность въ постановкѣ вопросовъ и разрѣшеніи ихъ, и по этому самому непослѣдовательность въ проведеніи до конца какой-нибудь теоріи. Въ этомъ отношеніи Аристотель представляетъ почти единственное исключеніе, хотя и онъ не были абсолютно вѣренъ одной теоріи. Въ ученіи объ аффектахъ господствовали стоическія опредѣленія и стоическая классификація, развившіяся вѣроятно на почвѣ аристотелевскаго описанія аффектовъ въ Реторикѣ и подвергшіяся дальнѣйшей разработкѣ и усовершенствованію въ средніе вѣка, какъ въ общихъ основахъ, такъ и въ подробностяхъ. При этомъ всѣ главныя стороны вопроса о классификаціи болѣе или менѣе ясно уже были намѣчены въ эти періоды, — а именно: противуположеніе основныхъ аффектовъ дальнѣйшимъ видоизмѣненіямъ, простыхъ чувствованій—сложнымъ, качественной классификаціи—количественной, объективныхъ источниковъ различенія — субъективнымъ и т. д. Но надъ всѣмъ ученіемъ о чувствованіяхъ и аффектахъ тяготѣли въ теченіе древней и средневѣковой философіи нравственные постулаты, и это конечно болѣе всего мѣшало безпристрастной, научной разработкѣ предмета: этическіе мотивы, со времени Стоиковъ, породили между прочимъ предвзятую мысль, что аффекты—дѣло плоти и что сама душа не подлежитъ волненіямъ, а только узнаетъ объ нихъ и противодѣйствуетъ имъ, когда они сильны. Эта мысль долго господствовала и тормозила непредубѣжденный анализъ. Только въ эпоху возрожденія, подъ вліяніемъ болѣе обстоятельнаго знаком-

ства съ ученіями первыхъ греческихъ философовъ, этотъ предразсудокъ разсѣялся, и у Телесія и Кардана душа уже признается главнымъ факторомъ въ развитіи волненій. Съ этого времени и анализъ аффектовъ уже сталъ интересовать философовъ самъ по себѣ, а не только ради нравственно-религіозныхъ и чисто отрицательныхъ мотивовъ. Въ этомъ измѣненіи «побужденій» и заключается главная черта новаго времени и главный *залогъ успѣха* въ будущемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новый періодъ отъ Бэкона до второй половины XVIII вѣка.

Въ періодъ новой философіи, какъ мы сказали, въ ученіи о чувствованіяхъ мотивы и интересы психологическіе постепенно заняли мѣсто мотивовъ нравственныхъ; теорія удовольствія и страданія понемногу выступила опять на первый планъ, а ученіе объ аффектахъ сдѣлалось составною ея частью, тогда какъ въ средніе вѣка было наоборотъ; наконецъ аффекты опять стали разсматриваться, какъ феномены психической, а не только физической жизни организма. Но всѣ эти измѣненія во взглядахъ наступили не сразу, хотя начало имъ и было положено уже въ эпоху возрожденія; напротивъ, долго еще существовали компромиссы и долго прежнія воззрѣнія на дѣло сквозили чрезъ новую оболочку. Притомъ одни нововведенія скорѣе нашли успѣхъ въ школѣ Декарта, другія въ школѣ Бэкона, одни у одного писателя, другія у другого въ предѣлахъ каждой изъ этихъ школъ, и долго не было ни одного автора, который бы былъ вполнѣ свободенъ отъ предразсудковъ предшествующаго періода. Начнемъ анализъ съ первыхъ представителей Бэконовскаго направленія.

Самъ **Бэконъ**—мы говорили уже—можетъ быть названъ психологомъ только въ виду нѣкоторыхъ, разбросанныхъ въ его сочиненіяхъ, психологическихъ замѣтокъ. Въ такихъ замѣткахъ приходится искать и его воззрѣній на чувствованія и аффекты. Считая аффекты видами удовольствія и страданія[1]), признавая ихъ за явленія духа, а не тѣла[2]) и выдѣляя, вслѣдствіе этого, теорію тѣлесной боли изъ ученія объ удовольствіи и стра-

---

[1]) Ср. выше, стр. 71. прим. 4. Также Works. Vol. V. Перев. De augm., p. 23 и Vol. IV, p. 269 (Catologue: 76 и 77).

[2]) Ср. выраженіе «passions of the mind», Vol. II. Natural. Hist., Cent. VIII, p. 567. (§ 713).

данiи[1]), онъ однако разсматриваетъ всѣ аффекты вообще, какъ болѣзненныя явленiя въ душѣ, которыя подлежатъ леченiю[2]). Ясной теорiи удовольствiя и страданiя Бэконъ не даетъ; но считая объектомъ аффектовъ видимое, настоящее *благо*[3]), онъ повидимому раздѣляетъ стоическую точку зрѣнiя, которую можетъ быть заимствовалъ у Людовика Вивеса[4]). Точнаго описанiя аффектовъ у Бэкона мы не встрѣчаемъ, и это объясняется мнѣнiемъ, что хорошими судьями въ такомъ дѣлѣ могутъ быть только поэты и историки[5]). Всего подробнѣе Бэконъ, подобно Кардану, разбираетъ вопросъ о физическихъ выраженiяхъ душевныхъ аффектовъ и при этомъ перечисляетъ десять видовъ послѣднихъ, и—что̀ довольно оригинально—въ числѣ аффектовъ называетъ смѣхъ (laughing),—можетъ быть онъ разумѣетъ веселость?[6]). Классификацiи удовольствiй и страданiй мы у него тоже не находимъ, если не говорить о противуположенiи удовольствiй интеллектуальныхъ, какъ истинныхъ и не доводящихъ до пресыщенiя, всѣмъ прочимъ удовольствiямъ,—аффектамъ въ собственномъ смыслѣ, которые оканчиваются пресыщенiемъ (satiety) и представляютъ обманъ, иллюзiю (deceit)[7]).

У **Гоббеса** ученiе объ удовольствiи и страданiи разработано подробнѣе, хотя тоже не въ такой строгой системѣ, какъ у Декарта. «Tripos» Гоббеса вышелъ первымъ изданiемъ десятью годами ранѣе, чѣмъ монографiя Декарта, а именно въ 1640 году; у насъ впрочемъ подъ руками только третье изданiе (1784). Мы знаемъ уже, что аффекты Гоббесъ считалъ движенiями сердца, служащими продолженiемъ движенiй мозга, вызываемыхъ воспрiятiемъ. Эти движенiя, вызываемыя воспрiятiями, распространяясь на сердце, необходимо должны либо содѣйствовать, либо препятствовать (either help or hinder) отправленiю жизни (the vital motion): въ первомъ случаѣ возникаетъ то особое движенiе сердца, которое мы называемъ удовольствiемъ (delight, pleasure), во второмъ—страданiе (pain); обращенное къ

---

[1]) Ср Vol. IV, p. 269: Catalogne of partic. histories: 75. History of Bodily Pains, as species of Touch. 76. History of Pleasure and Pain in general. 77. History of affections.

[2]) Diseases and infirmities of the mind и т. д., ibid. Vol. III, p. 437 и Vol. V, p. 23.

[3]) Ср. Vol. I, p. 673. De augm. Scient. L. VI: Notandum est enim affectus ipsos ad bonum apparens semper ferri; вмѣстѣ съ тѣмъ affectus intuentur praecipue bonum *in praesentia*.

[4]) На мысль о вліяніи Вивеса наводитъ сходство отзывовъ Бэкона о Стоикахъ и Аристотелѣ (Vol. III, 437 и V, 23) съ приведенными выше отзывами Вивеса, хотя можетъ быть они только заимствованы изъ одного общаго источника.

[5]) The poets a. writers of history are the best doctors of this knowledge (ibid. Vol. III, p. 438 и V, p. 23).

[6]) Ibid. Vol. II, p. 567—571.

[7]) Ibid. Vol. III, p. 317: Pleasure and delight of knowledge and learning far surpasseth all other (т. е. the pleasures of the affections) in nature.

своему объекту удовольствіе называется любовью, страданіе — ненавистью [1]). Такъ какъ удовольствіе есть въ то же время стремленіе приблизиться къ объекту, то съ этой точки зрѣнія оно представляется аппетитомъ, страданіе же отвращеніемъ (по отнош. къ настоящему), страхомъ (по отношенію къ ожидаемому): удовольствіе, любовь и аппетитъ только различныя названія для одной и той же вещи [2]). Основныя понятія, стало быть, остаются тѣми же, какими они были ранѣе: нѣсколько далѣе Гоббесъ даже прямо перечисляетъ тѣ четыре главные аффекта, которые различали Стоики (delight, pain, appetite, fear). Но у Гоббеса есть и другая классификація, тоже впрочемъ новая только по формѣ: существуетъ, говоритъ онъ, два рода удовольствій — одни аффицируютъ тѣлесные органы чувствъ, и ихъ я называю *чувственными* (sensual); значительная часть такихъ удовольствій имѣетъ задачею призывать насъ къ продолженію рода, — остальныя имѣютъ отношеніе къ личному самосохраненію; другой родъ удовольствій не связанъ съ какой-нибудь частью тѣла и обнимаетъ такъ называемыя душевныя наслажденія, какъ напримѣръ чувство радости (joy); точно такъ же страданія дѣлятся на тѣлесныя (the pain of the body) и нетѣлесныя, какъ напримѣръ печаль (grief) [3]). Помимо этого дѣленія онъ различаетъ аффекты по родамъ воспріятій, съ которыми они связаны. Такъ какъ воспріятія могутъ быть настоящими, связанными съ ощущеніемъ, прошедшими, вытекающими изъ воспоминанія (remembrance) и будущими, которыя мы называемъ ожиданіемъ (expectation), то и всѣ чувствованія распадаются на три соотвѣтственные класса [4]). Въ слѣдующей затѣмъ главѣ Гоббесъ опредѣляетъ отдѣльные виды аффектовъ и притомъ, по полнотѣ и оригинальности перечня можно предполагать, что онъ внесъ нѣкоторые новые элементы въ свое описаніе; но рѣшить точно, какіе именно, мы не беремся. Иные аффекты онъ опредѣляетъ, какъ контрасты по отношенію другъ къ другу; иные, какъ частныя видоизмѣненія одинъ другого: такъ отчаяніе проистекаетъ изъ абсолютнаго лишенія надежды, гордость есть видъ аффекта славы и т. д.; иные оказываются сочетаніемъ нѣсколькихъ простѣйшихъ (emulation is grief together with hope); наконецъ есть и такіе аффекты, которые не имѣютъ имени, а извѣстны только въ своихъ проявленіяхъ, каковы смѣхъ и слезы, и т. д. [5]).

---

[1]) L. c., Hum. Nat. Ch. VII, p. 37. Свою теорію Гоббесъ между прочимъ подтверждаетъ тѣмъ, что Латинскій терминъ jucundum происходитъ «a juvando, from helping».

[2]) Ibid. p. 38.

[3]) Ibid. p 40.

[4]) Ibid. Chap. VIII, p. 41. Задача его въ этой главѣ изслѣдовать: from what conception proceedeth every one of those passions which we commonly take notice of.

[5]) Ibid. Chap. IX, p. 48—62.

Въ своихъ частныхъ опредѣленіяхъ Гоббесъ ставитъ аффекты въ связь съ сознаніемъ или познаніемъ (conception, opinion or knowledge) какого-нибудь внутренняго или внѣшняго блага или зла (good or evil), но такъ какъ «благо» у него только синонимъ того, что́ нравится и что́ содѣйствуетъ жизненнымъ отправленіямъ, а «зло» синонимъ того, что́ не нравится и что́ препятствуетъ теченію жизни[1]), то очевидно оцѣнка въ чувствованіяхъ касается не абсолютнаго блага или зла, а только полезнаго и вреднаго намъ; слѣдовательно у Гоббеса мы имѣемъ дѣло съ особою формою выраженія все той же стоической теоріи. Это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что Гоббесъ вполнѣ признаетъ относительность оцѣнки полезнаго и вреднаго[2]). Впрочемъ выраженіе help or hinder the *vital motion* показываетъ, что у него были сѣмена и другого ученія объ удовольствіи и страданіи, средняго между аристотелевскимъ и эпикурейскимъ.

Итакъ въ ученіяхъ первыхъ представителей англійской эмпирической школы мы находимъ мало новаго. Перейдемъ къ **Декарту**, стяжавшему себѣ такую славу своимъ «Traité des passions de l'âme», вышедшимъ въ свѣтъ въ 1650 г. (въ 1649 г. на латин. яз.).

Декарту принадлежитъ несомнѣнно та заслуга, что онъ одинъ изъ первыхъ въ христіанскую эру пытался обработать занимающій насъ вопросъ въ *особой монографіи*. Такіе опыты уже были въ древности, но иные дошли до насъ только въ ничтожныхъ отрывкахъ, иные вовсе не дошли. Ранѣе Декарта въ новое время намъ извѣстна, со словъ Дюмона, монографія Никандра Іоссія, но она заключаетъ въ себѣ рѣшеніе и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ (de somno et vigilia)[3]). Такимъ образомъ Декартъ въ формальномъ отношеніи дѣлаетъ несомнѣнно шагъ впередъ. Но подробный разборъ его теоріи убѣдитъ насъ, что общія основы его ученія всетаки старыя и притомъ даже необходимо предположить рядъ заимствованій, источникъ которыхъ конечно опредѣлить трудно, по крайней мѣрѣ при тѣхъ

---

[1]) Ibid. Chap. VII, p. 38.

[2]) Idibid: Insomuch that while every Man differeth from other in Constitution, they differ also from one another concerning the common Distinction of Good and Evil.

[3]) Fr. A. Carus (Gesch. d. Psych, p. 493, прим.) упоминаетъ еще о монографіи, впрочемъ съ болѣе практическими задачами: Le Senault. De l'usage des passions. Paris. 1643. Въ перечнѣ психологической литературы конца XVI в и первой половины XVII в. у него-же (p. 453—466) мы не встрѣтили ни одного заглавія, относящагося къ данному предмету, хотя несомнѣнно, что въ общихъ психологическихъ и философскихъ трактатахъ этого времени были опредѣленія удовольствія, страданія и спеціальныхъ аффектовъ. На опредѣленія Гокленіуса и Мартиніуса въ ихъ Lexica philosophica часто ссылается напр. Вольфъ при анализѣ аффектовъ въ Эмпирической психологіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками этихъ лексиконовъ и не могли ими воспользоваться.

матеріалахъ, какими мы обладаемъ. Во всякомъ случаѣ къ знаменитой фразѣ, съ которой онъ начинаетъ свой анализъ не должно относится съ наивнымъ довѣріемъ. Онъ говоритъ: «Il n'y a rien en quoi paraisse mieux combien les sciences que nous avons des anciens sont défectueuses, qu'en ce qu'ils ont écrit des passions,... ce que les anciens en ont enseigné est si peu de chose, et pour la plupart si peu croyable, que je ne puis avoir aucune espérance d'approcher de la vérité qu'en m'éloignant des chemins qu'ils ont suivis. C'est pourquoi je serai obligé d'écrire ici en même façon que si je traitais d'une matière que jamais personne avant moi n'eût touchée»... [1]). Уже *эта* тирада, по крайней мѣрѣ начало ея, можетъ быть, составляетъ повтореніе чужихъ словъ, ибо подобные же отзывы о древнихъ ученіяхъ мы встрѣчали и у Людовика Вивеса и у Бэкона. Но такъ какъ Декарта едва-ли можно заподозрить въ умышленной недобросовѣстности, то удобнѣе всего предположить, что эти мысли были высказаны, когда онъ только еще принимался за писаніе своей монографіи и когда онъ дѣйствительно могъ не знать ученій предшественниковъ: онъ положился на слова какого-нибудь Вивеса (на послѣдняго онъ самъ ссылается, Art. 127) и притомъ былъ въ полной увѣренности, что создастъ нѣчто совершенно новое. При дальнѣйшей разработкѣ предмета онъ узналъ ближе литературу вопроса, подпалъ безсознательно вліяніямъ прежнихъ направленій, но либо забылъ, либо не уяснилъ себѣ, что надо исправить первоначальное легкомысленное утвержденіе. Впрочемъ онъ могъ находиться и въ весьма обыкновенномъ заблужденіи творческихъ умовъ, что они создаютъ нѣчто *совершенно* оригинальное, между тѣмъ какъ ихъ трудъ сводится только къ значительной передѣлкѣ стараго.

Заглавіе труда Декарта уже показываетъ, что онъ съ одной стороны стоялъ на старой точкѣ зрѣнія, подчиняя ученіе объ удовольствіи и страданіи ученію объ аффектахъ, съ другой стороны усвоилъ себѣ вновь возстановленное въ эту эпоху мнѣніе, что аффекты суть главнымъ образомъ явленія *души*. Не ему первому также принадлежитъ стремленіе обработать данный вопросъ болѣе съ «физіологической», чѣмъ съ нравственной точки зрѣнія, но несомнѣнно, что Декартъ въ этомъ отношеніи пошелъ далѣе своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Мнѣніе, что всѣ аффекты по природѣ хороши и что мы должны избѣгать только дурного ихъ примѣненія и эксцессовъ [2]), составляетъ прямое возвращеніе къ здравымъ взглядамъ Аристотеля. Но развивая это мнѣніе, Декартъ впадаетъ въ противоположныя крайности: онъ ду-

[1]) Pass. de l'âme, l. c., p. 505, Art. 1.
[2]) Ibid. Art. 211, ср. Art. 141.

маетъ, что природа не могла дать людямъ ни одного аффекта, который бы всегда былъ порочнымъ и не имѣлъ никакого хорошаго и похвальнаго примѣненія, и поэтому старается доказать, что даже трусость (la lâcheté) имѣетъ хорошую сторону, такъ какъ, вызывая на новыя размышленія и перемѣну въ намѣреніяхъ, она иногда освобождаетъ отъ душевныхъ страданій, могущихъ послѣдовать за извѣстными дѣйствіями, и такъ какъ, замедляя движенія животныхъ духовъ и этимъ сберегая наши силы, она приноситъ пользу и тѣлу нашему[1]); зависть точно такъ же можетъ быть законна, когда она, основываясь на неправильномъ раздѣленіи благъ фортуны, имѣетъ предметомъ самые факты, а не лица, и представляется ео ipso только проявленіемъ усердія къ справедливости[2]). При такихъ воззрѣніяхъ Декартъ конечно главный вѣсъ долженъ былъ ставить въ психологическомъ анализѣ аффектовъ, и если онъ затѣмъ изслѣдуетъ «примѣненіе» каждаго изъ нихъ (l'usage), то и тутъ теоретическія соображенія обыкновенно преобладаютъ надъ практическими. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ самому ученію Декарта.

Мы уже замѣтили, что, подобно Ѳомѣ Аквинату, Декартъ различаетъ обширное значеніе термина passions, въ смыслѣ всѣхъ перцепцій (воспріятій), доходящихъ до сознанія нашего, отъ тѣснаго значенія, въ которомъ passions обнимаютъ только тѣ перцепціи, которыя мы относимъ непосредственно къ душѣ. Эти-то чисто душевныя перцепціи, или аффекты *души*, онъ и предполагаетъ изслѣдовать въ своей монографіи. Всѣ тѣ аффекты, которые относятся къ тѣлу и къ его различнымъ частямъ, какъ напр. голодъ, жажда и другіе аппетиты, а также боль, ощущеніе тепла въ нашихъ членахъ и проч., исключаются изъ области, подлежащей разбору[3]). Такимъ образомъ старый дуализмъ, встрѣченный нами впрочемъ и у ближайшаго предшественника Декарта, Гоббеса, все еще не устраненъ. Въ древности онъ болѣе вытекалъ изъ непосредственнаго противуположенія растительной души животной, а теперь основывается исключительно на контрастѣ души и тѣла, какъ источниковъ волненія. Аффекты души, какъ мы уже видѣли, Декартъ называетъ иначе: темными и смутными перцепціями, чувствованіями и волненіями, — чувствованіями по аналогіи съ внѣшними чувствами (sens extérieurs); волненіями потому, что нѣтъ другихъ состояній сознанія, которыя

---

[1]) Ibid. Art. 175.

[2]) Ibid. Art. 183.

[3]) Ср. Art 24. Тѣмъ не менѣе Декартъ понимаетъ *субъективный* характеръ этого рода перцепцій при сравненіи съ ощущеніями: «nous jugeons, говоритъ онъ, que la première est déjà en nous et que celle qui survient n' y est pas encore, mais en l'objet qui la cause».

бы такъ сильно волновали и потрясали душу [1]). Научное посвященіе этихъ новыхъ терминовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи столь употребительными, повидимому принадлежитъ Декарту.

Въ объясненіи условій возникновенія аффектовъ или чувствованій Декартъ чаще всего слѣдуетъ господствовавшемъ во все предшествовавшее время опредѣленіямъ Стоиковъ; каждый аффектъ, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ какой-нибудь оцѣнки добра или зла (considération du bien ou du mal), постигающихъ насъ или предстоящихъ намъ [2]). Такъ напр. радость (la joie) есть оцѣнка настоящаго блага (cons. du bien présent), печаль (tristesse) — настоящаго зла [3]). Понятія блага и зла конечно надо понимать въ значеніи полезнаго и вреднаго: «Les objets, qui meuvent nos sens, говоритъ Декартъ, n'excitent pas en nous diverses passions à raison de toutes les diversités qui sont en eux, mais seulement à raison des diverses façons qu'ils nous peuvent nuire ou profiter, ou bien en général être importants»[4]). Признаетъ ли Декартъ оцѣнку полезнаго и вреднаго *сознательною* или *безсознательною*, очень трудно рѣшить. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ опредѣленіе аффектовъ, какъ *смутныхъ* перцепцій. Но за то Декартъ называетъ ихъ всетаки особыми актами познанія (espèces de connaissances) [5]), объясняетъ смѣну чувствованій размышленіемъ о причинахъ явленій (ср. Art. 45), наконецъ, какъ мы увидимъ ниже, противуполагаетъ физическіе аффекты духовнымъ на основаніи того, что появленію первыхъ не предшествуетъ никакая функція познанія. Все это говоритъ въ пользу перваго предположенія, хотя несомнѣнно, что впослѣдствіи изъ Декартовскаго понятія смутныхъ перцепцій развилась теорія инстинктивной или интуитивной оцѣнки тѣхъ феноменовъ, которые даютъ начало удовольствію и страданію (ср. ниже ученіе Спинозы). Что же касается до *критерія* оцѣнки пользы и вреда, то Декартъ несомнѣнно считаетъ его *относительнымъ*. Онъ, правда, говоритъ, что задача чувствованій сдѣлать тѣло болѣе совершеннымъ (plus parfait) [6]), но очевидно здѣсь идетъ рѣчь объ относительномъ, индивидуальномъ совершенствѣ. Относительность чувствованій у разныхъ людей Декартъ сознаетъ ясно: въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ одни люди

---

[1]) Art. 27 и 28.

[2]) Ср. Art. 57.

[3]) Art. 61, ср. Art. 91 и 92.

[4]) Art. 52, ср. Art. 56 и 79: Любовь возникаетъ lorsqu'une chose nous est représentée bonne à notre égard, ненависть lorsqu'elle nous est représentée comme mauvaise et nuisible. Желаніе есть une agitation de l'âme causée par les esprits qui la disposent à vouloir pour l'avenir les choses, qu' elle se représente lui être convenables. Ib. Art. 86, ср. Art. 57.

[5]) Art. 139.

[6]) Art. 137.

чувствуютъ страхъ, другіе смѣлость, сообразно съ темпераментомъ тѣла или силою души[1]) и потому, что устройство мозга у людей неодинаковое: «les cerveaux ne sont pas disposés de la même façon»[2]). Относительны точно такъ же и самыя выраженія чувствованій: иные люди, когда плачутъ, имѣютъ то же выраженіе лица, какъ другіе, когда смѣются[3]). Декартъ даже указываетъ на разнообразные факторы, изъ которыхъ слагается индивидуальный характеръ чувствованій: главное дѣйствіе имѣетъ *привычка*; когда кто-нибудь напр. находитъ что-либо грязное въ пищѣ, то потомъ не можетъ видѣть той же пищи безъ отвращенія[4]). Привычка оказываетъ вліяніе не только на людей, но и на животныхъ: иныя собаки напр. чувствуютъ страхъ при выстрѣлѣ ружья, а пріученые охотничьи псы при выстрѣлѣ прибѣгаютъ искать дичи[5]). Кромѣ личной привычки, Декартъ признаетъ даже извѣстныя вліянія на организмъ еще въ утробѣ матери, со стороны ея аффектовъ[6]). Стало быть, Декартъ несомнѣнно ставилъ аффекты въ связь съ *сознательной оцѣнкою относительной пользы и относительнаго вреда объектовъ* (IV). Но однако рядомъ съ этою теоріей мы находимъ у него зародыши и иного опредѣленія, гораздо болѣе прославившагося, потому что оно сдѣлалось исходною точкою для всѣхъ преемниковъ его догматическаго направленія. Дѣло идетъ объ опредѣленіи удовольствія, въ письмѣ къ принцессѣ Елисаветѣ (I, 6), какъ сознанія какого-нибудь нашего совершенства (tota nostra voluptas posita est in perfectionis alicujus nostrae conscientia). Къ сожалѣнію, Декартъ самъ не пытается дать этому опредѣленію значенія господствующаго принципа въ своемъ «Трактатѣ объ аффектахъ»[7]), и по этому уже одному нельзя не удивляться похваламъ, которыя ему расточаютъ, по почину Вольфа[8]), нѣмецкіе писатели прошлаго вѣка, напр. Мендельсонъ, Кестнеръ, Бертранъ и др.[9]). Но помимо того — опредѣленіе это и не ново. Нельзя не согласиться съ Гамильтономъ, что Декартъ въ данномъ случаѣ только неясный выразитель аристотелевскаго ученія, ибо понятіе «совершенства» было и у Аристотеля; но въ сущности такъ далеко и ходить не зачѣмъ: у Ѳомы Аквината мы уже находимъ различеніе

---

[1]) Art. 36.

[2]) Art. 39, ср. Art. 111.

[3]) Art. 113, ср. Art. 216.

[4]) Art. 50.

[5]) Art. 50.

[6]) Art. 136.

[7]) Такія выраженія, какъ въ Art. 137, слишкомъ изолированы.

[8]) Ср Psychol. Empir., § 511, p. 389: Notionem hanc voluptatis distinctam debemus Cartesio и т. д.

[9]) Ср. Hamilton, l. c., Vol. II, p. 460 и 461.

passionis perfectivae отъ passionis corruptivae; у него же источникомъ страданія, doloris, считается appetitus unitatis quae est de perfectione naturae, источникомъ удовольствія — propria excellentia (scil. perfectio). Такимъ образомъ въ намекахъ эта теорія давно существовала, да и не удивительно, ибо она въ особенности соотвѣтствуетъ духу христіанскаго ученія. Но дѣло не въ намекахъ, а въ подробномъ развитіи и примѣненіи извѣстнаго положенія. Декартъ такого примѣненія тоже не сдѣлалъ. Эта заслуга, какъ мы увидимъ ниже, принадлежитъ Спинозѣ. Стало быть Декартъ, при опредѣленіи природы удовольствія и страданія, только облекъ въ новыя формы идеи своихъ предшественниковъ. Совершенно новыми являются лишь нѣкоторые элементы въ объясненіи физіологическаго механизма аффектовъ.

Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ конечно примѣненіе къ толкованію аффектовъ Декартовскаго ученія о «животныхъ духахъ». Всю теорію о животныхъ духахъ онъ точно формулируетъ въ началѣ своего трактата. Изложимъ только сущность дѣла. Декартъ считаетъ нервы какъ бы маленькими трубками, распространяющимися по всему тѣлу отъ мозга, внутри которыхъ содержится особая воздухоподобная субстанція, которую онъ и называетъ животными духами[1]). Но строго говоря, эти животные духи не что иное, какъ болѣе подвижныя и тонкія частицы крови, изъ сердца проникающія сначала чрезъ узкія отверстія въ мозгъ, а оттуда уже въ трубочки нервовъ и затѣмъ въ мускулы[2]). Въ этой тонкой воздушной субстанціи нервовъ протянуты и свободно колеблются тонкія сѣточки (filets), которымъ сообщается движеніе извнѣ, каковое онѣ и передаютъ связаннымъ съ ними частицамъ мозга[3]). Но эти движенія въ мозгу, прежде чѣмъ дойдутъ до сознанія, еще находятъ себѣ объединеніе, переходя, при посредствѣ колебаній той же среды животныхъ духовъ, наполняющихъ полости мозга, въ маленькую мозговую железу (glandula pinealis), которую Декартъ считаетъ настоящимъ мѣстомъ пребыванія души[4]). До сихъ поръ рѣчь идетъ очевидно еще только о простомъ воспріятіи. Но уже въ этомъ процессѣ воспріятія находится вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ аффектовъ. Какъ скоро дошедшее до сознанія ощущеніе наводитъ насъ на мысль о вредѣ или пользѣ объекта, на насъ дѣйствующаго, то въ душѣ возбуждается тотъ или другой аффектъ или волненіе, и это волненіе, сообщаясь животнымъ духамъ въ мозгу, при посредствѣ «маленькаго нерва» (nervus vagus?) рас-

---

[1]) Art. 7.
[2]) Art. 10.
[3]) Art. 12.
[4]) Art. 31 и 32.

пространяется до самаго сердца, которое, реагируя на него обратно, отсылаетъ въ мозгъ новую порцію животныхъ духовъ, способныхъ поддержать и усилить аффектъ, ибо ихъ движеніе сообщается железѣ, а движеніе послѣдней и заставляетъ душу чувствовать [1]). Очевидно въ этой теоріи заключается опытъ объясненія физіологическихъ процессовъ, совершающихся въ мозгу и сердцѣ подъ вліяніемъ аффектовъ, — опытъ, конечно имѣющій большое значеніе съ общей точки зрѣнія, но представляющій мало важности по самому выполненію, ибо физіологическія построенія эпохи Декарта еще были слишкомъ наивны и произвольны.

Во всякомъ случаѣ психологическое ученіе объ аффектахъ мало выиграло отъ этой теоріи; послѣдняя послужила только точкой исхода для особаго толкованія аффектовъ чисто физическаго происхожденія, которымъ не предшествуетъ никакая познавательная функція (aucune fonction de l'entendement). Всѣ почти чувства — печали, радости, любви, гнѣва и т. д., могутъ имѣть, по мнѣнію Декарта, такое физическое, безсознательное происхожденіе; такъ напр. печаль иногда является слѣдствіемъ разстройства тѣла, о которомъ ничего не знаешь [2]). Въ подобныхъ случаяхъ «боль» есть результатъ прямого пораженія нервовъ вслѣдствіе слишкомъ сильнаго ихъ потрясенія (action si violente qu'elle offense les nerfs), удовольствіе равносильно пріятному щекотанію нервовъ (chatouillement); и всѣ чувствованія вообще возбуждаются непосредственнымъ движеніемъ животныхъ духовъ въ мозгу безъ участія души: душа имѣетъ дѣло только съ конечными результатами подобныхъ процессовъ [3]). Признавая этотъ второй путь возникновенія нѣкоторыхъ волненій, Декартъ уже является представителемъ другой точки зрѣнія, а именно той, которая ставитъ чувствованія въ связь съ релативной и инстинктивной оцѣнкой внутреннихъ отношеній (XVI). Эта точка зрѣнія была бы самою правильною при объясненіи всѣхъ примитивныхъ волненій, и нельзя не жалѣть, что она у Декарта примѣнена односторонне, стоитъ на заднемъ планѣ и намѣчена только въ общихъ чертахъ.

Перейдемъ теперь къ *классификаціи* чувствованій у Декарта. Яснѣе предшественниковъ своихъ Декартъ различаетъ ученіе о природѣ аффектовъ отъ классификаціи ихъ, т. е. расчлененія (denombrement) на прими-

---

[1]) Art. 33—36. Ср. Art. 51: La dernière et plus prochaine cause des passions de l'âme n'est autre, que l'agitation dont les esprits meuvent la petite glande, qui est au milieu du cerveau.

[2]) Art. 94.

[3]) Ср. Art. 93 и 94, также Art. 137. Ср. Art. 51: иногда аффекты образуются par le seul tempérament du corps ou par les impressions qui se rencontrent fortuitement dans le cerveau, comme il arrive lorsqu'on se sent triste ou joyeux sans en pouvoir dire aucun sujet.

тивные и сложные, и описанія тѣхъ и другихъ. Онъ дѣлитъ весь трактатъ свой на три части, изъ которыхъ первая посвящена теоріи аффектовъ вообще, вторая — анализу примитивныхъ аффектовъ, третья — синтезу вторичныхъ, т. е. сложныхъ или спеціальныхъ аффектовъ (passions particulières). Въ этомъ онъ дѣлаетъ еще шагъ впередъ сравнительно съ Аквинатомъ, который уже противуполагалъ *общую* теорію аффектовъ *спеціальному* ихъ разбору. Порядокъ различенія примитивныхъ аффектовъ у Декарта слѣдующій. Сначала онъ даетъ краткія опредѣленія всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ волненій и чувствованій, числомъ до 40 (Art. 53—67), и за симъ приходитъ, на основаніи этихъ краткихъ опредѣленій, къ указанію шести примитивныхъ или простыхъ, съ которыми связаны всѣ остальные, какъ болѣе сложные агрегаты изъ нѣсколькихъ простыхъ, или какъ виды послѣднихъ. Остальную часть II отдѣла занимаетъ подробное и всестороннее изслѣдованіе примитивныхъ волненій. Но прежде опредѣленія послѣднихъ, Декартъ разсуждаетъ объ обычаѣ его предшественниковъ дѣлить всѣ аффекты на два класса, сообразно съ двумя аппетитами души — желательнымъ и страстнымъ (concupiscible et irascible). Противъ этого дѣленія онъ возражаетъ слѣдующее: «Pour ce que je ne connais dans l'âme aucune distinction de parties, ainsi que j'ai dit ci-dessus, cela me semble ne signifier autre chose si non qu'elle a deux facultés, l'une de désirer, l'autre de se fâcher; et à cause qu'elle a en même façon les facultés d'admirer, d'aimer, d'espérer, de craindre,... je ne vois pas pourquoi ils ont voulu les rapporter toutes à la concupiscence ou à la colère»[1]). Этотъ открытый протестъ противъ примѣненія къ ученію объ аффектахъ стараго платоновскаго дѣленія души на части очень важенъ: не Декартъ первый отказался отъ этого дѣленія, но онъ первый категорически заявилъ о его несостоятельности. Однако уже это замѣчаніе обнаруживаетъ, что Декартъ былъ знакомъ съ какими-нибудь средневѣковыми работами по данному вопросу и заставляетъ предполагать, что его шесть примитивныхъ аффектовъ имѣютъ нѣкоторую связь съ различеніями предшествующихъ писателей. Онъ считаетъ основными волненіями: удивленіе (admiration), любовь, ненависть, желаніе, радость и печаль[2]). Послѣднія пять понятій для насъ не новы,— всѣ они встрѣчались у того или другого предшествующаго писателя въ числѣ *основныхъ* аффектовъ; но въ сущности и понятіе admiration было подготовлено

[1]) Art. 68.

[2]) Art. 69. Позволяемъ себѣ употребить вмѣсто необычнаго термина *любованія* терминъ *удивленіе*. Хотя у Декарта есть еще понятіе étonnement, qui est un excès d'admiration (Art. 73), но при первомъ опредѣленіи admiration онъ почти отождествляетъ ее съ étonnement (cela fait que nous l'admirons et en sommes étonnés, Art. 53).

признаніемъ со времени Платона особаго класса созерцательныхъ чувствованій; новость составляетъ только внесеніе admiration въ число первоначальныхъ аффектовъ. Такимъ образомъ, если Декартъ и отвергъ окончательно прежнюю теорію четырехъ основныхъ волненій, то на мѣсто ея онъ поставилъ всетаки такую классификацію, всѣ элементы которой могли быть заимствованы имъ изъ предшествующихъ ученій. Изъ шести примитивныхъ аффектовъ Декартъ, кромѣ того, считаетъ удивленіе первымъ по порядку возникновенія, ибо это чувство можетъ явиться ранѣе, чѣмъ мы узнали, полезенъ ли намъ данный объектъ, или нѣтъ. Такъ какъ удивленіе можетъ окончиться и удовольствіемъ и страданіемъ, то въ этомъ понятіи мы имѣемъ какъ бы особое выраженіе того «безразличнаго» чувства, которое принималось уже древними авторами. Но съ другой стороны, такъ какъ удивленіе основано на воспріятіи, вызванномъ какими-нибудь необыкновенными и рѣдкими явленіями (Art. 70), и такъ какъ всѣ субъективныя состоянія, возникающія изъ удивленія, связаны съ созерцаніемъ чего-либо *великаго* или *малаго* (Art. 150 и слѣд.), то въ объясненіи этой категоріи чувствованій Декартъ отступаетъ снова отъ общей своей теоріи и является представителемъ той точки зрѣнія, которая видитъ въ эмоціяхъ результатъ оцѣнки объективныхъ достоинствъ внѣшнихъ отношеній, хотя повидимому *относительныхъ* (II теорія), а не абсолютныхъ, какъ у его предшественниковъ.

Въ подробномъ анализѣ каждаго элементарнаго вида волненій Декартъ примѣняетъ свою теорію животныхъ духовъ и обстоятельно разбираетъ, между прочимъ, физическія выраженія аффектовъ. И этотъ вопросъ, какъ мы видѣли, былъ поставленъ уже ранѣе, но рѣшеніе его у Декарта носитъ совершенно оригинальный характеръ, вслѣдствіе все той же теоріи животныхъ духовъ. Не отрицая остроумія и тонкой наблюдательности, выказываемыхъ нашимъ писателемъ во многихъ частностяхъ упомянутаго анализа, мы должны замѣтить однако, что въ общемъ смыслѣ послѣдній не имѣетъ большого научнаго значенія, ибо переполненъ самыми ребяческими и странными въ наше время объясненіями. Такъ напр. обморокъ, по мнѣнію Декарта, зависитъ отъ временнаго потуханія въ сердцѣ огня, поддерживающаго жизнь (Art. 122); слезы представляютъ результатъ охлажденія паровъ, выходящихъ въ наибольшемъ количествѣ изъ глазъ, вслѣдствіе значительныхъ размѣровъ оптическаго нерва (Art. 128) и т. д.

Число спеціальныхъ аффектовъ Декартъ считаетъ неограниченнымъ (indéfini)[1]), и потому его синтезъ представляетъ попытку достигнуть только

[1]) Art. 68

относительной полноты въ описаніи, и нельзя отрицать, что онъ такой полноты дѣйствительно достигъ, если сравнить его съ предшественниками. Онъ не ограничился простымъ утвержденіемъ, что одни спеціальные аффекты представляютъ *сложеніе* нѣсколькихъ примитивныхъ, другіе — *видоизмѣненіе* примитивныхъ, вслѣдствіе разнообразія ихъ объектовъ; не ограничился также подтвержденіемъ этихъ мыслей «нѣсколькими» примѣрами, но пытался примѣнить эти старые принципы во всѣхъ подробностяхъ, предусмотрѣть всѣ возможныя частности въ осложненіи чувствованій и изложить свое описаніе въ самой строгой системѣ. Не имѣя времени послѣдовать за Декартомъ въ область этихъ подробностей, мы охарактеризуемъ его пріемы въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ его опредѣленіяхъ конечно много новаго: никто повидимому не называлъ еще надежду сочетаніемъ радости и желанія (Art. 165), состраданіе смѣсью печали съ любовью (Art. 185), негодованіе видомъ ненависти съ примѣсью зависти и состраданія (Art. 195), стыдъ видомъ печали, основанной на любви къ самому себѣ и соединенной съ боязнью осужденія, куда входятъ еще элементы скромности и недовѣрія къ своимъ силамъ (Art. 205), и т. д.; но все это частности,—принципы всетаки остаются тѣ же, что́ и у предшественниковъ, и оттого совпаденіе и сходство многихъ другихъ опредѣленій. Характерною чертою является между прочимъ сознаніе, что многія состоянія души сами по себѣ не суть аффекты и если считаются таковыми, то это оправдывается только тѣмъ, что они подаютъ поводъ къ возникновенію аффектовъ, какъ напр. уваженіе, презрѣніе, неблагодарность и т. д. [1]). Но самою важною заслугою Декарта въ этомъ синтезѣ представляется стремленіе въ основу всѣхъ своихъ описаній поставить наблюденіе и самонаблюденіе: остроумныхъ и вѣрныхъ психологическихъ замѣчаній въ III ч. его трактата такъ много, что для оцѣнки ихъ требовалась бы особая монографія. Во всякомъ случаѣ авторы всѣхъ послѣдующихъ описательныхъ работъ по тому же предмету обильно черпали изъ книги Декарта.

Итакъ, если Декартъ и не выработалъ въ изучаемой области такихъ точекъ зрѣнія, которыя бы могли составить совершенно новую эпоху въ развитіи вопроса, а только собралъ и систематически выразилъ принципы, господствовавшіе въ теченіе предшествующаго періода, то въ подробномъ примѣненіи этихъ принциповъ мы тѣмъ не менѣе находимъ у него много интересныхъ и оригинальныхъ частностей, которыя конечно въ наше время утратили бо́льшую часть своего значенія, но которыя оказали не малое вліяніе на характеръ изслѣдованій другихъ писателей XVII и даже XVIII в.

---

[1]) Art. 149 и 180. Ср 194, 207 и др.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ преемникамъ Декарта, Малебраншу и Спинозѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ его современникѣ, который извѣстенъ очень подробной монографіей объ аффектахъ. Это былъ врачъ **Ла-Шамбръ** [1]), весьма плодовитый, но самонадѣянный и не очень глубокомысленный писатель. «Въ его анализѣ страстей нѣтъ обстоятельности, и главное вниманіе обращено на органическія условія и физическія обнаруженія аффектовъ», что́ при тогдашнихъ физіологическихъ теоріяхъ, какъ мы уже замѣтили, приносило мало результатовъ. «Не примыкая явно ни къ какой школѣ, онъ однако находился подъ вліяніемъ Декарта и въ особенности Гассенди», говоритъ одинъ историкъ [2]). Но въ его общей теоріи аффектовъ мы съ своей стороны находимъ еще болѣе ясное отраженіе ученій схоластической эпохи. Считая страсти принадлежащими частью къ области сензитивнаго аппетита, частью къ сферѣ аппетита интеллектуальнаго, qui est la volonté, онъ распредѣляетъ въ концѣ концовъ всѣ «passions simples» между желательнымъ и страстнымъ началами (parties concupiscible et irascible) и относитъ къ тому и другому тѣ самые одинадцать аффектовъ, перечисленіе которыхъ мы встрѣтили у Ѳомы Аквината. При этомъ онъ не измѣнилъ даже ни одного названія. Имена главныхъ смѣшанныхъ аффектовъ (passions mixtes), имъ упоминаемыя, повидимому тоже заимствованы изъ средневѣковыхъ писателей. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ впрочемъ не остается вѣренъ своему первому распредѣленію и, разбирая примитивные аффекты (до сложныхъ онъ и не доходитъ), останавливается сначала на тѣхъ, въ которыхъ заключается влеченіе къ добру, затѣмъ на тѣхъ, «qui attaquent le mal» и наконецъ на тѣхъ, «qui le fuyent». При этомъ являются неожиданно совершенно новыя понятія, какъ напр. le Riz (I ч.) и les Larmes (IV ч.). Анализъ каждаго аффекта распредѣляется такъ: 1) описаніе, 2) природа аффекта, 3) движеніе, которое онъ производитъ «dans les esprits et dans les humeurs», 4) причины всѣхъ этихъ его дѣйствій [3]). Считая аффекты главнымъ источникомъ болѣзней человѣка, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ, Ла-Шамбръ пускается безпрестанно въ практическія разсужденія и совѣты, да и вообще въ его работѣ такъ мало системы и порядка, такъ много постороннихъ и безплодныхъ словоизліяній, что книга читается съ большимъ трудомъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если имя этого писателя затерялось въ исторіи психологіи. Кажется, глав-

---

[1]) De la Chambre Les charactères des passions. Amsterdam. 1658—1662 (5 Vol.?).

[2]) См. Franck, Dictionn., l. c., p. 896, a.

[3]) См ibid. Vol. I, Avis au lecteur, въ которомъ онъ излагаетъ въ общихъ чертахъ свою теорію и свой планъ.

ную роль въ его сочиненіяхъ играли посвященія великимъ міра сего, полныя самой грубой лести и самохвальства. Обратимся же къ Малебраншу и Спинозѣ, которые несомнѣнно примкнули къ Декарту и пытались подвинуть далѣе анализъ изслѣдуемыхъ нами явленій.

Малебраншъ посвятилъ вопросу объ аффектахъ пятую книгу второй части своего сочиненія «Recherche de la vérité (1775)». Мы видѣли выше, что онъ дѣлилъ явленія воли на два класса: inclinations и passions. Аффекты, стало быть, онъ считалъ не особымъ видомъ воспріятій души, какъ Декартъ, а напротивъ проявленіями воли. За симъ у Декарта passions de l'âme составляли высшую потенцію въ душѣ (въ противуположность къ аппетитамъ), у Малебранша наоборотъ низшую, въ сравненіи съ наклонностями души. Оттого значительная доля прежнихъ нравственныхъ предубѣжденій противъ аффектовъ снова выплываетъ наружу въ ученіи ближайшаго преемника Картезія. Отказываясь сначала опредѣленно рѣшить вопросъ о томъ, составляютъ-ли аффекты наказаніе за грѣхопаденіе, или первоначальный даръ природы[1]), Малебраншъ однако въ послѣдующихъ главахъ неоднократно высказываетъ мысль, что аффекты имѣютъ на насъ вредное вліяніе, мѣшаютъ познанію истины и исполненію совѣтовъ, нашептываемыхъ внутреннимъ, отъ Бога исходящимъ, голосомъ[2]). Такое пагубное дѣйствіе онъ объясняетъ порабощеніемъ духа плотью, происшедшимъ вслѣдствіе грѣхопаденія[3]). По его мнѣнію, мы имѣемъ право любить не самое удовольствіе, а только его конечную причину, т. е. Бога[4]). Главною же задачею человѣка должно быть пріобрѣтеніе благодати, которая одна только способна возвратить ему утраченное грѣхомъ умѣніе наслаждаться дѣйствительными, а не мнимыми благами[5]), а поэтому законную цѣль аффектовъ составляетъ развѣ только сохраненіе нашей жизни и нашего тѣла[6]). Этими и подобными практическими размышленіями наполнена значительная часть статьи объ аффектахъ; при этомъ главную черту этики Малебранша составляетъ открытое противуположеніе христіанскихъ воззрѣній стоическимъ и эпикурейскимъ. Съ христіанской точки зрѣнія невозможна апологія ни страданій, ни удовольствій,— задачу христіанина составляетъ устраненіе самыхъ причинъ тѣхъ и другихъ[7]). Въ теоретическихъ разсужденіяхъ своихъ Малебраншъ весьма близко

---

[1]) Oeuvres, l. c., T. IV. L. V. Chap. I, p. 133. Ср. Chap. VI, p. 183 и слѣд.
[2]) Ibid. Chap. IV, особ. p. 162.
[3]) Idibid. ср. Chap. II, p. 137.
[4]) Ibid. p. 166.
[5]) Ibid. p. 167.
[6]) Ibid. p. 171.
[7]) Ibid. Chap. II, ср. p. 168.

придерживается Декарта и только въ немногихъ пунктахъ отступаетъ отъ него и дополняетъ его анализъ. На эти-то отступленія и дополненія мы и обратимъ главное вниманіе.

Пользуясь теоріей животныхъ духовъ для объясненія физической стороны волненій, Малебраншъ отрицаетъ однако, чтобы движеніе частицъ крови въ мозгу могло само по себѣ отозваться какими-нибудь состояніями въ душѣ. Соотвѣтствіе физическихъ и духовныхъ явленій онъ толкуетъ, какъ извѣстно, гипотезою прямого и постояннаго дѣйствія на насъ воли Божіей, благодаря которой происходитъ параллельная смѣна тѣхъ и другихъ феноменовъ [1]). Въ этомъ его первое отступленіе отъ Декарта. Условія возникновенія аффектовъ все тѣ же, какъ и у предшественниковъ, а именно *сознательная оцѣнка полезнаго и вреднаго организму*, т. е. духу или тѣлу [2]). Но гораздо подробнѣе Декарта Малебраншъ останавливается на относительности аффектовъ [3]). Затѣмъ, подобно Декарту, Малебраншъ нѣкоторые аффекты объясняетъ особыми причинами, какъ напримѣръ созерцаніемъ абсолютныхъ совершенствъ, но не въ объектахъ, а въ идеяхъ [4]), и прямымъ дѣйствіемъ чувственныхъ предметовъ на тѣло, въ которомъ движенія животныхъ духовъ возникаютъ независимо отъ сознанія полезнаго и вреднаго [5]). Но за то Малебраншъ не отождествляетъ аффектовъ, волненій и чувствованій, и во всѣхъ «совершенныхъ» страстяхъ признаетъ семь раздѣльныхъ моментовъ, о которыхъ предшественникъ его и не думалъ. Первый моментъ — сужденіе объ отношеніи объекта къ намъ, второй — движеніе воли къ нему или отъ него (послѣднее равносильно движенію къ другому лучшему объекту); третій моментъ — чувствованіе любви, отвращенія, или другое подобное; четвертый — передвиженіе животныхъ духовъ къ частямъ тѣла, которыя болѣе всего заинтересованы; пятый — параллельно возникающее волненіе души (qui se sent agitée par ce débordement inopiné d'esprits); шестой моментъ — новое оживленіе чувствованій въ связи съ этимъ волненіемъ; наконецъ седьмой — чувство внутренней радости, удовлетворенія, которое останавливаетъ развитіе страсти и благодаря которому *всякій* аффектъ души болѣе или менѣе пріятенъ намъ; это чувство Малебраншъ объясняетъ тѣмъ, что всѣ упомянутыя движенія въ организмѣ всетаки соотвѣтствуютъ его природѣ, его потребности къ самосохраненію и оттого доставляютъ

---

[1]) Ibid. Chap. I, p. 132.

[2]) Ср. ibid. p. 145.

[3]) Ibid. p. 141, 142, 192, 193 и т. д

[4]) Ibid. p. 144. Ср. p. 196· admiration представляется, между прочимъ, аффектомъ этой категоріи.

[5]) Ср. Ch. III, p 152.

удовлетвореніе; съ этимъ-то чувствомъ и должна бороться разумная воля христіанина, хотя эта борьба и причиняетъ страданіе, пропорціональное вреду, испытываемому тѣломъ, — если только душу не облегчаетъ сладость «благодати»[1]). Въ ученіи о примитивныхъ аффектахъ Малебраншъ тоже нѣсколько отступаетъ отъ Декарта. Признавая удивленіе, подобно учителю своему, за первый, хотя и несовершенный аффектъ (passion imparfaite), онъ за симъ считаетъ любовь и отвращеніе родоначальниками всѣхъ прочихъ страстей (passions-mères); отъ нихъ ведутъ начало только *три* общіе или примитивные аффекта, изъ которыхъ всѣ остальныя слагаются,—а именно: желаніе, радость и печаль[2]). Спеціальныхъ аффектовъ, возникающихъ изъ этихъ трехъ первоначальныхъ, несчетное число, и много такихъ между ними, которые не имѣютъ особыхъ названій. Главная основа этого разнообразія заключается въ возможности различной интенсивности примитивныхъ чувствованій, откуда и являются безчисленныя комбинаціи. Но этимъ безчисленнымъ превращеніямъ примитивныхъ волненій въ «спеціальныя» Малебраншъ не придаетъ большого значенія, ибо различная интенсивность не измѣняетъ коренныхъ свойствъ каждаго вида, и поэтому-то число аффектовъ всетаки ограниченное[3]). Выходя изъ этихъ положеній, нашъ авторъ освобождаетъ себя отъ труда подробнаго разбора и классификаціи спеціальныхъ чувствованій и почти исключительно ограничивается анализомъ образованія нѣкоторыхъ формъ чувства удивленія[4]). Итакъ Малебраншъ пытался приспособить Декартовскую теорію аффектовъ къ своимъ взглядамъ на отношеніе души и тѣла и къ нравственно-религіознымъ идеямъ, которыхъ онъ держался. Но именно эта-то тенденціозность его анализа и составляетъ существенный недостатокъ. Трактатъ Декарта объективнѣе, менѣе подчиненъ практическимъ постулатамъ и потому стоитъ гораздо выше съ историко-научной точки зрѣнія. Перейдемъ къ Спинозѣ.

Спиноза посвятилъ анализу аффектовъ главнымъ образомъ III-ю часть своей Этики (de natura et origine affectuum); нравственное значеніе этихъ явленій онъ разбираетъ особо въ IV и V книгахъ. Такое строгое разграниченіе теоретической стороны вопроса отъ практической представляетъ значительный успѣхъ и имѣетъ большое удобство для насъ, ибо мы можемъ прямо изложить психологическую теорію Спинозы, не дѣлая никакихъ отступленій въ область нравственныхъ доктринъ этого писателя, даже не смотря

---

[1]) Ibid. Chap. III, p. 147—160.
[2]) Ibid. p. 194 и 195. Ср. Chap. IX.
[3]) Ibid. p. 195.
[4]) Ibid. p. 196 и слѣд.

на то, что конечная цѣль Спинозы была всетаки практическаго характера[1]).

Извѣстно, что Спиноза, будучи въ нѣкоторой степени послѣдователемъ Декарта, такъ значительно измѣнилъ и переработалъ взгляды своего учителя, что скорѣе заслуживаетъ имени самостоятельнаго мыслителя, чѣмъ приверженца какой-нибудь школы. Это особенно выразилось въ его ученіи объ аффектахъ. Взявъ теорію Декарта за исходную точку, Спиноза выработалъ столько новыхъ принциповъ, что гораздо болѣе Декарта можетъ считаться основателемъ *оригинальнаго* направленія. Онъ и самъ настаиваетъ (во введеніи) на самостоятельность своихъ построеній и находитъ, что «знаменитѣйшій Декартъ» въ анализѣ страстей ничего не доказалъ, кромѣ проницательности своего великаго ума (magni sui ingenii acumen). Но что же новаго у Спинозы? Прежде всего его *методъ*: онъ намѣренъ разбирать страсти человѣческія геометрическимъ способомъ (more geometrico), какъ будто бы рѣчь шла о линіяхъ, плоскостяхъ и тѣлахъ[2]). Мысль эта — несомнѣнно замѣчательна для того времени, такъ какъ математическій методъ и теперь успѣшно примѣняется къ изслѣдованію только весьма немногихъ явленій въ области наукъ о духовной дѣятельности человѣка; но въ силу этого именно попытка Спинозы во всякомъ случаѣ была преждевременна. Еслибъ онъ раздѣлилъ свой анализъ на главы и параграфы, то порядокъ и послѣдовательность могли бы только выиграть. Всѣ его аксіомы и пропозиціи не имѣютъ ни малѣйшей математической достовѣрности, и постоянныя ссылки на прежнія, якобы неопровержимыя, изреченія только затемняютъ дѣло, ибо затрудняютъ изученіе и повѣрку его положеній. Такимъ образомъ не въ новомъ методѣ главная заслуга Спинозы: этотъ методъ далъ въ результатѣ только оригинальную форму изложенія вопроса, къ *содержанію* же онъ едвали прибавилъ что-нибудь важное. Стремленіе къ точному развитію мыслей конечно весьма почтенно, но надо знать, въ какой формѣ примѣнять это стремленіе къ каждому предмету. Спиноза въ области *метода* обработки изслѣдуемыхъ имъ вопросовъ сдѣлалъ ту же ошибку, какую Пиѳагорейцы допустили при опредѣленіи природы вещей. Поэтому оставимъ въ сторонѣ вопросъ о математическихъ пріемахъ знаменитаго автора «Этики» и перейдемъ прямо къ содержанію его трактата объ аффектахъ.

---

[1]) Эта практическая цѣль не оказываетъ почти никакого вліянія на содержаніе III части Этики; развѣ только, что, соображаясь съ нею, Спиноза довольствуется опредѣленіемъ *главныхъ* спеціальныхъ аффектовъ, оставляя въ сторонѣ второстепенные, nam reliqui, quos omisi, plus curiositatis, quam utilitatis haberent Opera, l. c., Vol. I. Eth. P. III, Propos LIX, Schol.

[2]) Ibid. Praefatio, p. 271.

Мы видѣли, что подобно Декарту Спиноза различалъ активныя и пассивныя состоянія души или, иначе сказать, ясныя и смутныя *идеи* ея. Послѣдній контрастъ онъ выражалъ еще терминами адэкватныхъ и инадэкватныхъ идей, разумѣя противуположность самобытныхъ явленій души и тѣхъ, которымъ мы сами *отчасти* только служимъ причиною (cujus nos non nisi partialis sumus causa) и главный источникъ коихъ лежитъ внѣ насъ, въ дѣйствіи на насъ другихъ факторовъ [1]). Аффекты главнымъ образомъ относятся къ пассивнымъ, инадэкватнымъ состояніямъ; но всетаки Спиноза признаетъ, что и адэкватныя идеи могутъ быть иногда причиною аффектовъ, такъ что послѣдніе можно отнести частью и къ области дѣйствій [2]). Но нѣтъ ни одного коренного аффекта, который бы Спиноза относилъ *только* къ категоріи дѣйствій души, ибо даже желаніе, cupiditas, опредѣляется какъ сознательный «аппетитъ», а аппетитъ возникаетъ изъ перемѣнъ въ тѣлѣ, состоянія же тѣла нашего никогда не даютъ начала адэкватнымъ идеямъ, т. е. не могутъ быть источникомъ дѣйствій [3]). Итакъ только нѣкоторыя радости и нѣкоторыя желанія признаются дѣйствіями [4]), — печаль же вовсе не можетъ относиться къ этой области, такъ какъ она всегда уменьшаетъ способность души къ дѣйствію [5]). Впрочемъ, говоря вообще, вопросъ о распредѣленіи аффектовъ между двумя группами пассивныхъ и активныхъ состояній души у Спинозы поставленъ довольно неопредѣленно [6]). Въ этомъ конечно высказался общій недостатокъ психологическаго анализа той эпохи, состоявшій въ томъ, что всѣ психическія явленія распредѣляли только въ два класса, и понятіе аффекта соединяло въ себѣ идею чувствованія съ идеею хотѣнія. Въ этомъ отношеніи Спиноза нисколько не опередилъ своихъ предшественниковъ [7]). Но за то онъ положительно вышелъ изъ общей, избитой колеи при объясненіи условій возникновенія волненій.

---

1) Ibid. Def. II, p. 271. Ср. Prop. III. Schol: Videmus itaque passiones ad mentem non referri, nisi quatenus aliquid habet, quod negationem involvit, sive quatenus consideratur naturae pars, quae per se absque aliis non potest clare et distincte percipi.

2) Ibid. Explic p. 272.

3) Ср. Pars II. Prop. XXIX и Coroll.

4) Ср. Pars III. Propos. LVIII и LIX.

5) Ibid Prop. LIX Demonst.

6) Можно думать напр. изъ сказаннаго выше, что Спиноза различалъ понятія affectus и passio, ибо affectus иногда можетъ быть actio, но въ другихъ случаяхъ онъ употребляетъ эти термины, какъ симонимы. Напр въ Explic. при Aff. gen. def. (p. 327) онъ говоритъ: Dico primo affectum seu passionem animi esse «confusam ideam». Nam mentem eatenus tantum pati ostendimus, quatenus ideas inadaequatas sive confusas habet.

7) Напротивъ, онъ иногда даже обнаруживаетъ склонность разсматривать удовольствіе и страданіе, какъ простые моменты въ развитіи желанія, т. е. приближается къ эпикурейской и Августиновской точкѣ зрѣнія: Laetitia et tristitia, говоритъ онъ однажды, est ipsa cupiditas sive appetitus, quatenus a causis externis augetur vel minuitur, juvatur vel coercetur и т. д. Ibid Prop. LVII, Demonstr. На это опредѣленіе Спинозою удовольствія и страданія напираетъ между прочимъ Ribot (L'Hérédité, p. 116)

Изъ критики Декартовскаго дуализма Спиноза, какъ извѣстно, пришелъ къ монистическому ученію о мірѣ, соединивъ всѣ вещи въ понятіи *Бога* съ аттрибутами протяженія и мышленія. Вслѣдствіе этого *сознаніе* получило для него значеніе только оборотной стороны физическихъ отправленій организма, да и вообще душа и тѣло одна и та же вещь (una eademque res), разсматриваемая то со стороны аттрибута мышленія, то со стороны аттрибута протяженія. Но если такъ, то должно быть постоянное соотвѣтствіе какъ между пассивными, такъ и между активными состояніями души и тѣла[1]). Каждое психическое явленіе, не исключая и аффекта, должно быть двуликое: аффектъ, напримѣръ, будучи перемѣной въ тѣлѣ, является въ то же время и параллельной перемѣной въ состояніи души, — отсюда двойное опредѣленіе аффектовъ, уже встрѣченное нами у Плотина[2]). «Подъ аффектомъ я разумѣю, говоритъ Спиноза, перемѣны въ тѣлѣ (affectiones corporis), чрезъ которыя увеличивается или уменьшается его энергія (potentia agendi)..., и идеи этихъ перемѣнъ». Это опредѣленіе онъ дополняетъ ниже въ томъ смыслѣ, что *идея* той вещи, которая увеличиваетъ или уменьшаетъ энергію тѣла нашего, имѣетъ такое же точно вліяніе на развитіе большей или меньшей энергіи нашей мысли[3]). Въ этомъ смыслѣ онъ и разумѣетъ мелькомъ уже Декартомъ высказанное положеніе[4]), что подъ радостью надо понимать тотъ аффектъ, путемъ котораго душа (mens) переходитъ отъ меньшаго совершенства къ большему, подъ печалью — обратный аффектъ, вытекающій изъ перехода ея къ меньшему совершенству[5]). Такъ какъ въ понятіяхъ *радости* и *печали* Спиноза только обобщаетъ идеи удовольствія и страданія[6]), то въ этихъ послѣднихъ опредѣленіяхъ надо искать и первыхъ намековъ на объясненіе условій возникновенія феноменовъ, насъ занимающихъ. Говоря, что каждая вещь стремится удержаться въ свойственномъ ей бытіи (in suo esse perseverare)[7]) и что элементарныя чувствованія связаны съ колебаніями души между бо́льшимъ и ме́ньшимъ совершенствомъ, Спиноза отнюдь не ду-

---

[1]) Ibid. Prop. II. Schol.

[2]) См. выше, стр. 168.

[3]) Ibid. Propos XI.

[4]) Ср выше, стр 201.

[5]) Ibid. Schol.

[6]) Ibid. Porro affectum laetitiae ad mentem et corpus simul relatum titillationem vel hilaritatem voco, tristitiae autem dolorem et melancholiam. Sed notandum titillationem (щекотаніе, Дек. chatouillement, т. е. физическое удовольствіе) et dolorem ad hominem referri, quando una ejus pars prae reliquis est affecta, hilaritatem autem et melancholiam, quando omnes pariter sunt affectae.

[7]) Ср. ibid. Prop. VI и VII.

маетъ при этомъ, подобно Платону, объ *абсолютномъ* совершенствѣ и не ставитъ чувствованій въ зависимость отъ сравненія состояній организма съ какимъ-нибудь неизмѣннымъ типомъ: Спиноза не абсолютистъ, а напротивъ релативистъ, и признаніе *относительности* удовольствій и страданій проводится имъ нисколько не съ меньшею, если не съ большею настойчивостью и послѣдовательностью, чѣмъ Декартомъ и Малебраншемъ. «Тотъ же объектъ не только въ разныхъ людяхъ, но и въ одномъ и томъ же человѣкѣ въ различное время можетъ вызывать различные аффекты» [1]), и это онъ подтверждаетъ многими примѣрами. Аффекты животныхъ тоже относительны; желанія столь же относительны, сколько чувствованія — никто не ищетъ добра, чуждаго его природѣ и свойственнаго природѣ чужой [2]). Самое понятіе добраго и дурного относительно, и мы не потому стремимся къ вещи, что она хороша, а напротивъ, потому находимъ её хорошею, что насъ влечетъ къ ней [3]). Вообще счастье каждаго лица равносильно идеѣ его объ извѣстномъ предметѣ, и потому между счастьемъ одного индивидума и другого различіе такъ же велико, какъ между природою ихъ [4]). Да и не только въ своихъ чувствахъ, но и въ сужденіяхъ о чувствахъ другихъ людей душа подчинена закону относительности [5]). Непосредственною причиною относительности чувствованій Спиноза считаетъ возможность различнаго расположенія частей тѣла. Такъ напр., если мы и испытываемъ сначала удовольствіе, когда ѣдимъ, то по мѣрѣ насыщенія расположеніе тѣла измѣняется (corpus aliter constituitur) и наступаетъ отвращеніе къ той же пищѣ [6]). Но кромѣ непосредственной причины, Спиноза указываетъ и на общую, состоящую въ различномъ воспитаніи: такъ ассоціація удовольствій и страданій съ извѣстными поступками нашими прямо зависитъ отъ принциповъ, внушенныхъ намъ родителями [7]). Стало быть, одинъ вопросъ, касающійся точки зрѣнія Спинозы въ данномъ вопросѣ, рѣшенъ: Спиноза релативистъ. Спрашивается теперь, изъ оцѣнки какого рода отношеній — внутреннихъ, внѣшнихъ, или смѣшанныхъ — онъ объясняетъ возникновеніе аффектовъ. Удовольствіе вытекаетъ изъ увеличенія энергіи, изъ облегченія дѣятельности нашего тѣла, страданіе — изъ уменьшенія энергіи дѣятельности, изъ

---

[1]) Ibid. Prop. LI. Cp. Prop. LVII.

[2]) Ibid. Prop LV Dem. II. Cp. Prop. LVI. Dem.

[3]) Ibid. Prop. IX. Schol Cp. Prop. XXXIX. Schol

[4]) Ibid. Prop. LVII. Schol. Gaudium unius a gaudio alterius (individui) tantum natura discrepat, quantum essentia unius ab essentia alterius differt.

[5]) Ibid. Prop LI. Schol.

[6]) Ibid. Prop LIX. Schol.

[7]) Ibid Append. Defin. XXVII. Explic.

препятствій, ею встрѣчаемыхъ [1]). Разумѣетъ-ли здѣсь Спиноза гармонію и дисгармонію внутреннихъ процессовъ, — подобно Аристотелю, или же, подобно Эпикурейцамъ, степень гармоніи въ отношеніи нашей дѣятельности къ ея объектамъ? И то и другое одинаково вѣроятно: выраженія auget vel minuit наводятъ на первое предположеніе, выраженія juvat vel coërcet — на второе; точно также понятія majoris et minoris perfectionis могли бы привести къ выводу, что Спиноза послѣдователь Аристотеля, но за то утвержденіе, что радость и печаль только результаты безпрепятственнаго и препятствуемаго развитія *аппетита*, напоминаетъ намъ ученіе Эпикурейцевъ. Конечно Спиноза, какъ и всѣ изслѣдователи вопроса до нашего времени, не сознавалъ различія этихъ двухъ точекъ зрѣнія, но другіе писатели выражались яснѣе, — ихъ взгляды можно было сортировать, относительно же Спинозы это трудно [2]). Двусмысленность его теоріи объясняется тѣмъ, что онъ первый въ новое время пытался проложить *новую* дорогу въ объясненіи удовольствія и страданія и не могъ еще отдать себѣ вполнѣ яснаго отчета въ способахъ выполненія этого стремленія къ новому. Важно уже и то конечно, что онъ не удовлетворился поверхностными стоическими опредѣленіями и попробовалъ глубже вникнуть во внутреннія условія данныхъ явленій.

До сихъ поръ мы говорили только объ одной части опредѣленія аффекта у Спинозы. Анализъ другой стороны его подтвердитъ еще болѣе наши выводы. Параллельно тѣлеснымъ перемѣнамъ, какъ мы видѣли, совершается превращеніе идей: каждый аффектъ заключаетъ въ себѣ идеальную сторону, интеллектуальный моментъ. Но значеніе этого интеллектуальнаго момента въ примитивныхъ аффектахъ Спиноза объясняетъ совершенно иначе, чѣмъ его предшественники. Онъ не говоритъ ни объ оцѣнкѣ пользы и вреда, ни о сознаніи объективныхъ качествъ вещей въ элементарныхъ душевныхъ волненіяхъ. Напротивъ, выходя изъ положенія, что душа не можетъ знать ничего о состояніи своего тѣла иначе, какъ только при посредствѣ идей, возникающихъ въ ней параллельно съ перемѣнами, происходящими въ тѣлѣ [3]), онъ настаиваетъ на томъ, что эти идеи въ области аффектовъ возникаютъ *не изъ сравненія настоящаго состоянія организма съ предшествующимъ*, т. е. не изъ сознательной оцѣнки перемѣнъ,

---

[1]) Ibid. Prop. XI.

[2]) Только у Гоббеса мы видѣли такую-же двусмысленность въ выраженіяхъ, ср выше, стр. 197.

[3]) Ср. Pars II. Prop. XIX: Mens humana ipsum humanum corpus non cognoscit, nec ipsum existere scit, nisi per ideas affectionum, quibus corpus afficitur.

съ нами совершающихся, а составляютъ какъ бы автоматически-образующіяся психическія формы, въ которыя облекаются тѣлесныя перемѣны,— иначе сказать, эти идеи представляютъ простое утвержденіе (affirmatio) душою уже происшедшаго увеличенія или уменьшенія въ степени реальности, присущей тѣлу [1]). Оттого аффекты и оказываются большею частью смутными или инадэкватными идеями. Такъ какъ эти смутныя идеи непосредственно мотивируются возрастаніемъ или уменьшеніемъ энергіи дѣятельности не тѣла, а самого мышленія, то очевидно, что во второй части своего опредѣленія Спиноза не измѣняетъ упомянутымъ выше принципамъ, а только ближе выясняетъ механизмъ оцѣнки въ аффектахъ внутреннихъ, *субъективныхъ* отношеній. Идея объективнаго источника или объективной цѣны остается и съ этой стороны устраненною изъ опредѣленія первоначальныхъ волненій, и даже «желаніе» опредѣляется какъ сущность человѣка, въ той мѣрѣ, въ какой она представляется обращенною къ какой-нибудь *дѣятельности* вслѣдствіе той или другой перемѣны въ организмѣ [2]): понятіе дѣятельности тутъ чисто субъективное. Затѣмъ Спиноза уже гораздо яснѣе Декарта рѣшаетъ, какъ мы видѣли, вопросъ о степени сознательности оцѣнки: большая часть аффектовъ относится къ области инадэкватныхъ идей, въ которыхъ оцѣнка хорошаго и дурного инстинктивная, безсознательная; только въ немногихъ случаяхъ, когда аффекты имѣютъ источникомъ насъ самихъ, т. е. относятся къ категоріи *дѣйствій*, адэкватныхъ идей, оцѣнка конечно сознательная. Но это исключеніе, а не правило.

Такимъ образомъ, въ объясненіи механизма *коренныхъ* аффектовъ Спиноза совершенно оставилъ стоическую точку зрѣнія. Въ опредѣленія сложныхъ аффектовъ онъ конечно вноситъ снова указаніе на объективные факторы, но тамъ другое дѣло, — онъ понимаетъ, что сознаніе причинъ и цѣлей является позднѣе, подъ вліяніемъ ассоціаціи, и даже указываетъ на законы ассоціаціи аффектовъ съ идеями ихъ источниковъ. Значитъ, Спиноза пытался пробить новую дорогу въ теоріи волненій и, если его ученіе всетаки имѣетъ много общаго съ тѣми теоріями, съ которыми мы уже встрѣтились въ древности у Аристотеля и Плотина, если затѣмъ и Декартъ въ самой общей формѣ уже ставилъ удовольствіе въ связь съ сознаніемъ какого-нибудь совершенства нашего, то заслуга Спинозы этими фактами нисколько не умаляется, ибо съ одной стороны, Декартъ высказалъ такое положеніе

---

[1]) Ср. ibid. Aff. gener. def. p. 328 (Explic.): Sed notandum . me non intelligere, quod mens praesentem corporis constitutionem cum praeterita comparat, sed quod idea, quae affectus formam constituit, aliquid de corpore affirmat, quod plus minusve realitatis re vera involvit, quam antea.

[2]) Ср. P. III, p. 317 и слѣд.: Affectuum definitiones.

только мимоходомъ, не пытаясь примѣнить его къ объясненію не только сложныхъ, но и примитивныхъ волненій, — Спиноза же именно сдѣлалъ это примѣненіе; съ другой стороны, ученіе Спинозы, хотя оно и сложилось изъ готовыхъ элементовъ, представляетъ въ цѣломъ всетаки совершенно оригинальную комбинацію этихъ послѣднихъ. Теперь перейдемъ къ *классификаціи* аффектовъ, въ области которой заслуги нашего писателя еще болѣе неоспоримы и важны.

Во первыхъ Спиноза, подобно Малебраншу, старался сократить число примитивныхъ аффектовъ, отмѣченныхъ Декартомъ; различая только три основныя волненія — радость, печаль и желаніе (laetitia, tristitia, cupiditas), онъ говоритъ съ удареніемъ, что кромѣ этихъ трехъ, «онъ не признаетъ никакого другого примитивнаго аффекта» (nullum alium agnosco affectum primarium), и обѣщаетъ доказать, что изъ нихъ образуются всѣ прочіе (reliquos ex his tribus oriri)[1]. Изъ этого уже ясно, что Спиноза считаетъ возможными, кромѣ удовольствія и страданія, и такіе аффекты, въ которыхъ не замѣчается ни того, ни другого изъ этихъ двухъ элементовъ, т. е. такіе, которые не увеличиваютъ и не уменьшаютъ силы дѣятельности души[2]: въ этомъ предположеніи о существованіи аффектовъ безъ примѣси удовольствія и страданія конечно еще проглядываетъ старый стоическій взглядъ, что аффектъ понятіе болѣе широкое и обнимающее не однѣ только идеи пріятнаго и непріятнаго. Но помимо этой уступки старымъ традиціямъ, у Спинозы все остальное оригинально. Главная заслуга его состоитъ конечно въ томъ, что онъ первый пытался выяснить *психологическіе законы осложненія чувствованій*. Фактъ самаго осложненія былъ замѣченъ еще въ древности, основные элементы осложненія и продукты его тоже уже давно подвергались анализу, но *принципы* спеціализаціи основныхъ волненій — насколько намъ извѣстно — ранѣе Спинозы не были никѣмъ еще точно обозначены.

Высказывая мысль, встрѣченную уже у предшествующихъ писателей, что число комбинацій основныхъ аффектовъ такъ велико, что опредѣлить его невозможно[3] и что языкъ не исчерпываетъ всего количества возможныхъ видоизмѣненій, онъ идетъ далѣе и замѣчаетъ, что имена аффектовъ образовались гораздо болѣе изъ вульгарнаго употребленія, чѣмъ путемъ глубокаго анализа[4]; поэтому не только возможны аффекты, не

---

[1]) Ibid. Prop. XI. Schol. Cp. Aff. def. IV. Explic. (p. 318)
[2]) Ibid. Prop. XV. Dem. Cp ibid Postul. I.
[3]) Ibid. Prop. LIX. Schol.
[4]) Ibid. Prop LII. Schol.

имѣющіе спеціальныхъ названій, но и тѣ имена, которыя есть, употребляются часто не въ томъ значеніи, въ какомъ должно ихъ понимать. Отсюда весьма законное стремленіе Спинозы *исправить* существующую вульгарную терминологію и создать отчасти новую, болѣе научную: «не объясненіе словъ, а изслѣдованіе природы вещей составляетъ мою задачу», говоритъ онъ [1]). Этотъ принципъ уже доказываетъ большу́ю проницательность Спинозы и нельзя не жалѣть, что на него до сихъ поръ мало было обращено вниманія въ психологіи, ибо многимъ изслѣдователямъ душевной жизни еще и въ наше время не приходитъ въ голову, чтобы можно было разложить психическіе феномены «на какіе-либо элементы, еще не признанные обыкновеннымъ языкомъ», — точно также, какъ это не приходило въ голову древнимъ при ихъ физическихъ построеніяхъ (Ср. Дж. Ст. Милль. Сист. Лог., I т., Гл. VII, § 1). Но всѣ указанныя цѣнныя замѣчанія Спинозы имѣютъ впрочемъ только подготовительный характеръ: важнѣйшее впереди. Признавъ разъ, что число спеціальныхъ аффектовъ безконечно, Спиноза, какъ и Малебраншъ, отказывается отъ объясненія всѣхъ видовыхъ оттѣнковъ [2]). Но за то онъ стремится подробно указать *начала* спеціализаціи примитивныхъ волненій. Всѣ осложненія онъ сводитъ къ двумъ главнымъ типамъ: во первыхъ, простые аффекты входятъ въ сложеніе *другъ съ другомъ*, во вторыхъ они дифференцируются путемъ сочетанія съ идеями *объектовъ*, которые играютъ въ нихъ какую-нибудь роль. Комбинаціи изъ нѣсколькихъ простыхъ аффектовъ Спиноза обозначаетъ особымъ терминомъ «animi fluctuationes» [3]). Законъ этихъ комбинацій онъ выражаетъ такъ: «если тѣло, а стало быть и душа, однажды были разомъ аффицированы двумя различными волненіями, то когда послѣ они будутъ подвергнуты дѣйствію одного изъ нихъ, то это дастъ поводъ къ возникновенію и другого» [4]). Такъ напр. ревность образуется чрезъ соединеніе ненависти съ завистью [5]), и т. д. Но этимъ принципомъ Спиноза объясняетъ всетаки лишь незначительное число спеціальныхъ аффектовъ, по крайней мѣрѣ изъ числа тѣхъ, которые языкъ запечатлѣлъ особыми терминами. Поэтому въ концѣ третьей части, вкратцѣ повторяя всѣ результаты своего изслѣдованія, онъ даже и совсѣмъ выпускаетъ немногія опредѣленія сложныхъ агрегатовъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ чувство-

---

[1]) Ibid. Aff. defin XX. Explic. (p. 321): Meum institutum non est, verborum significationem, sed rerum naturam explicare .

[2]) Ср. Prop LVI. Schol.

[3]) Ср. Prop. XVII. Schol. Также Prop. LIX. Schol. и Aff. Def. XLVIII. Explic.

[4]) Ibid. Prop. XIV: Si mens duobus affectibus simul affecta semel fuit, ubi postea eorum alterutro afficietur, afficietur etiam altero. Ср. ibid. Demonstr.

[5]) Ср. Prop. XXXV Schol.

ваній[1]). Зато подробному изслѣдованію и опредѣленію подвергается гораздо большее число осложненій аффектовъ идеями объективнаго характера. Основою при этомъ служитъ соображеніе, что возможно столько видоизмѣненій радости, печали и желанія, сколько существуетъ видовъ объектовъ, способныхъ вызвать въ насъ эти чувства, ибо изъ этого факта естественно слѣдуетъ, что при объясненіи природы каждаго спеціальнаго волненія необходимо должно выражать и природу соотвѣтствующаго объекта[2]). Чтобъ достигнуть этой цѣли, нужно конечно прежде всего знать, какъ могутъ связываться аффекты съ идеями объектовъ. Такъ какъ всякій примитивный аффектъ заключаетъ въ себѣ идею о соединенномъ съ нимъ увеличеніи или уменьшеніи энергіи душевной дѣятельности, то душа конечно скоро начинаетъ стремиться, насколько это въ ея власти, къ удержанію и пробужденію въ себѣ тѣхъ идей, которыя увеличиваютъ ея энергію, и обратно къ удаленію тѣхъ, которыя её уменьшаютъ. Но всякое увеличеніе или уменьшеніе энергіи душевной дѣятельности связано съ дѣйствіемъ на насъ какого-нибудь объекта, — стало быть, упомянутое стремленіе удержаться въ сферѣ идей, благопріятствующихъ развитію нашей дѣятельности, есть въ то же время стремленіе къ воспроизведенію въ сознаніи тѣхъ объектовъ, которые не препятствуютъ нормальному теченію нашей жизни[3]). Такое тяготѣніе къ объекту или въ противуположную отъ него сторону превращаетъ чувство удовольствія въ любовь къ виновнику его, чувство печали — въ ненависть. Amor est laetitia concomitante idea causae externae; odium — tristitia concomitante idea causae externae, говоритъ Спиноза[4]). Въ этомъ простѣйшемъ случаѣ мы имѣетъ очевидно примѣръ ассоціаціи аффектовъ съ идеями объективныхъ поводовъ по закону *прямой смежности*. Но Спиноза указываетъ и на возможность ассоціаціи по *смежности косвенной:* на основаніи того факта только, говоритъ онъ, что мы видѣли (contemplati sumus) какую-нибудь вещь въ состояніи радости или печали, мы можемъ почувствовать къ ней любовь или ненависть, хотя бы она сама и не служила причиною этихъ аффектовъ[5]). Это тотъ законъ ассоціаціи чувствованій по смежности, который Бэнъ напр. характеризуетъ понятіемъ transfer of feelings from their original cause to some connected object. Засимъ Спи-

---

[1]) Ср. Defin. XLVIII. Explic.: Definitiones zelotypiae et reliquarum animi fluctuationum silentio praetermitto, tam quia ex compositione affectuum, quos jam definivimus, oriuntur, quam quia pleraeque nomina non habent...

[2]) Ibid. Prop. LVI и Demonstr.

[3]) Ср. ibid. Prop. XII и XIII.

[4]) Ibid. Prop. XIII. Schol.

[5]) Ibid. Prop. XV. Coroll. Ср. примѣръ въ Prop. XLVI.

ноза признаетъ и ассоціацію по *сходству:* вслѣдствіе того только, что какая-нибудь вещь похожа на другую, возбуждающую въ насъ удовольствіе или страданіе, мы начинаемъ чувствовать къ ней любовь или ненависть [1]).

Вотъ главные руководящіе принципы Спинозы при объясненіи осложненія аффектовъ посторонними идеями. Если Спиноза еще прямо и не пользуется позднѣе вошедшимъ въ употребленіе терминомъ *ассоціаціи*, то всетаки ясно, что онъ старается поставить въ основу своей теоріи настоящіе законы ассоціаціи. Болѣе того — *всѣ* тѣ принципы, которыми въ новѣйшее время Бэнъ (The Emotions and the Will, 1875) объясняетъ осложненіе волненій, были уже извѣстны Спинозѣ и выражены у него почти въ тождественныхъ формулахъ [2]). Итакъ Спиноза до извѣстной степени предвосхитилъ пріемы послѣдующихъ классификаторовъ чувствованій въ англійской эмпирической школѣ, и этого достаточно, чтобы признать въ немъ одного изъ тѣхъ писателей, которые составляютъ эпоху въ исторіи развитія ученія о чувствованіяхъ. Но мы еще не кончили изложенія его системы. Разсмотрѣвъ послѣдовательную эволюцію аффектовъ изъ простыхъ въ болѣе сложные, въ связи съ приведенными выше законами, Спиноза, какъ мы уже сказали, даетъ въ концѣ III ч. Этики общій сводъ своихъ опредѣленій. Самыя эти опредѣленія не имѣютъ большóй цѣны — въ нихъ много произвольнаго и случайнаго, много парадоксовъ [3]), которые можно объяснить только стремленіемъ всѣ факты подчинить общимъ метафизическимъ постулатамъ, наконецъ въ нихъ много заимствованій изъ Декарта и другихъ писателей предшествующаго времени; однако среди довольно нелѣпыхъ объясненій есть и весьма остроумныя, доказывающія тонкую наблюдательность автора [4]), — всего же важнѣе порядокъ, въ которомъ Спиноза группируетъ матеріалъ въ этой главѣ: онъ разбираетъ во 1) осложненія радости и печали, зависящія отъ ассоціаціи этихъ аффектовъ съ идеями *внѣшнихъ* причинъ, во 2) осложненія тѣхъ же чувствъ, при ассоціаціи съ идеями *внутреннихъ* причинъ, наконецъ въ 3) сложные аффекты, возникающіе изъ развитія желаній [5]). Въ этомъ расположеніи матеріала проявляется сознаніе того факта, что не только внѣшній

---

[1]) Ibid. Prop. XVI.

[2]) Подробное сопоставленіе формулъ, употребляемыхъ Бэномъ и Спинозой мы сдѣлали уже однажды, въ статьѣ Essai sur les principes d'une classification nouvelle des sentiments (Revue philos. Paris. Sept. 1878, p. 249 и 250).

[3]) Ср. приведенные нами примѣры въ упом. статьѣ, p. 249.

[4]) Самыя цѣнныя психологическія наблюденія заключаются въ объясненіяхъ (demonstrationes, explicationes), которыя слѣдуютъ у Спинозы за опредѣленіями каждаго аффекта. Ср. напр. тонкій анализъ чувства гордости. Defin. XXVIII. Explic

[5]) Ср. ibid. Defin. XXIV. Explic. и XXXI. Explic.

міръ, но и самъ человѣкъ можетъ служить источникомъ объективаціи чувствованій. Стало быть, стремленіе къ точному различенію по возможности *всѣхъ факторовъ*, участвующихъ въ образованіи спеціальныхъ волненій, составляетъ вообще отличительную черту Спинозовскаго анализа, и нельзя не поставить этого писателя выше Декарта, опредѣленія котораго, какъ мы видѣли, отличаются гораздо болѣе поверхностнымъ и внѣшнимъ характеромъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что еслибы принципы Спинозы были тотчасъ же правильно оцѣнены и примѣнены къ разбору чувствованій, то развитіе соотвѣтствующаго вопроса въ психологіи пошло бы вдвое быстрѣе. Но таковъ уже законъ, что всякій вопросъ имѣетъ свое время, и всякая эпоха — свои интересы. Хотя психологія съ конца XVII вѣка и начала быстро развиваться, тѣмъ не менѣе главные интересы ея лучшихъ представителей были въ другой области, въ области анализа интеллектуальныхъ процессовъ, и время для всесторонняго изученія чувствованій еще не наступило. Прекрасный трактатъ Спинозы былъ поэтому всетаки случайнымъ явленіемъ въ тотъ періодъ, и мы увидимъ сейчасъ, что для послѣдующихъ замѣчательнѣйшихъ представителей философіи и психологіи изслѣдованіе чувствованій дѣйствительно представлялось второстепеннымъ дѣломъ.

Прежде всего укажемъ на **Локка.** Самое заглавіе его «Опыта» показываетъ, что онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду анализъ интеллектуальныхъ отправленій души. Но задачи его въ этомъ анализѣ были всетаки настолько широкія, что онъ не могъ обойти совершеннымъ молчаніемъ ни одной важной психологической темы, а потому вкратцѣ коснулся и вопроса о природѣ *чувствованій*, а именно сначала въ VII, потомъ въ XX главахъ II книги Опыта (въ книгѣ объ Идеяхъ); но при этомъ онъ и самъ замѣчаетъ, что его очерка отнюдь не должно считать полнымъ трактатомъ объ аффектахъ. Его цѣль — только дать образчики «видовъ удовольствія и страданія»[1]). Изъ этихъ послѣднихъ словъ однако уже ясно, что Локкъ, какъ и прежде разсмотрѣнные представители англійской философіи, стоялъ на болѣе правильной почвѣ въ теоріи удовольствія и страданія, чѣмъ Декартъ и его школа: не удовольствіе и страданіе — виды аффекта, а обратно — аффекты суть модификаціи удовольствія и страданія. Это положеніе уже одно способно заинтересовать изслѣдователя, и потому мы совершенно кратко передадимъ ученіе Локка. Въ этомъ ученіи опять, какъ и въ Декартовскомъ, мы имѣемъ дѣло съ традиціонными опредѣленіями аффектовъ при помощи понятій хорошаго и дурного[2]), ибо Локкъ полагаетъ, что уже при сотвореніи

---

[1]) Essai, l. c, (trad. par M. Coste). Vol. II. L. II. Ch. XX, § 18, p. 134.

[2]) Ср. ibid. p. 135.

нашемъ Создатель связалъ съ идеями многихъ объектовъ удовольствіе и страданіе [1]). Но такъ какъ тѣ же предметы, смотря по силѣ ихъ дѣйствія, могутъ вызывать въ насъ поперемѣнно то удовольствіе, то страданіе (при слишкомъ большомъ раздраженіи) [2]), то Локкъ отлично сознаетъ, что понятія хорошаго и дурного въ концѣ концовъ довольно неопредѣленны, что эти понятія наводятъ насъ только на размышленіе о томъ, что́ мы чувствуемъ *въ самихъ себѣ* [3]). Поэтому онъ иногда даетъ и другія объясненія, болѣе глубокія, говоря напр. о *разстройствахъ,* производимыхъ очень сильными впечатлѣніями въ нашихъ органахъ, или о разрушеніи «темперамента тѣла», необходимаго для сохраненія жизни, какъ о причинахъ различныхъ болей, и ставя, обратно, пріятныя ощущенія въ связь съ умѣренными движеніями въ тѣлѣ [4]). Но къ сожалѣнію Локкъ не распространяется подробнѣе объ этихъ *внутреннихъ* условіяхъ чувствованій, выходя изъ вѣрнаго, но ложно истолкованнаго принципа, что идеи удовольствія и страданія, какъ и всѣ простыя идеи, *не подлежатъ никакому описанію* и что нельзя дать поэтому никакого опредѣленія словамъ, выражающимъ эти состоянія [5]).

По вопросу о *классификаціи* чувствованій Локкъ тоже ограничивается намеками. Прежде всего онъ противуполагаетъ явленія удовольствія и страданія состоянію *равнодушія* [6]): всѣ эти три «элементарныя свойства» могутъ быть присущи какъ тѣлеснымъ ощущеніямъ, такъ и мыслямъ души [7]), — иначе сказать, удовольствіе и страданіе могутъ сопутствовать какъ идеямъ, возникающимъ путемъ ощущенія, такъ и тѣмъ, источникъ которыхъ въ рефлексіи [8]). Всѣ спеціальные аффекты вращаются, по мнѣнію Локка, около идей хорошаго и дурного [9]). Эти послѣднія понятія, какъ мы замѣтили, имѣютъ у него совершенно относительный характеръ: «хорошимъ мы называемъ всегда то, говоритъ онъ, что́ способно произвести или увеличить въ насъ удовольствіе, или же то, что́ можетъ уменьшить или сократить боль; дурнымъ, наоборотъ, мы считаемъ то, что́ способно произвести или увеличить въ насъ боль, или же уменьшить какое-нибудь наше удовольствіе» [10]). Въ этомъ опредѣленіи важно только то, что у Локка впервые ясно выражено различіе

---

[1]) Ibid. Vol. I. L. II. Ch. VII. § 3, p. 243 и § 5, p. 246.
[2]) Ibid. § 4, p 244.
[3]) Ibid. Vol. II. § I, p. 125.
[4]) Ibid. Vol. I. § 4, p. 245 и 246. Ср. Vol. II. § 2, p. 126.
[5]) Ср. ibid. § 1, p. 125.
[6]) Ibid. p. 125.
[7]) Ibid. ср. Vol. II. § 3, p. 242.
[8]) Ibid. § 1, p. 240 и 241.
[9]) Ср. ibid. Vol. I. § 3, p. 126.
[10]) Ibid. § 2, p. 125.

положительныхъ и *отрицательныхъ* источниковъ удовольствія и страданія, получившее въ наше время, особенно подъ вліяніемъ Гамильтона, такое важное значеніе въ научной теоріи чувствованій. Въ связи съ двоякою идеею хорошаго и дурного, какъ источниковъ удовольствія и страданія, и опредѣляются всѣ прочіе аффекты. Любовь есть удовольствіе въ сочетаніи съ представленіемъ о присутствующей или отсутствующей причинѣ его; ненависть — страданіе того же типа; желаніе есть безпокойство, вытекающее изъ отсутствія вещи, способной доставить намъ удовольствіе и т. д. Всѣ страданія въ извѣстномъ смыслѣ слова суть желанія, направленныя къ отсутствующему благу, и потому всѣ аффекты непріятнаго свойства опредѣляются у Локка при помощи понятія «безпокойства». О *принципахъ* спеціализаціи чувствованій Локкъ отдѣльно не говоритъ. Вообще изъ всего сказаннаго видно, что Локкъ имѣлъ въ виду дать только легкое начертаніе теоріи чувствованій, не вдаваясь ни въ какія подробности. Въ этомъ начертаніи ничего существенно-новаго нѣтъ, не только сравнительно съ Декартомъ и Спинозой, но даже при сравненіи съ Гоббесомъ. Вообще повидимому всего ближе Локкъ держался этого послѣдняго писателя, не имѣя ни малѣйшей претензіи быть творцомъ самостоятельной теоріи въ данной области.

Дополненіемъ къ «Опыту» Локка и отвѣтомъ на него со стороны школы Декарта были «Новые Опыты» Лейбница. **Лейбницъ**, какъ и слѣдуетъ ожидать, вращался въ сферѣ совершенно иныхъ понятій, чѣмъ Локкъ, и бо́льшую часть психологическихъ положеній послѣдняго подвергъ строгой критикѣ и осужденію съ своей собственной метафизической точки зрѣнія. Но въ той главѣ, гдѣ Лейбницъ разбираетъ ученія Локка объ удовольствіи и страданіи, вниманіе его обращено почти исключительно на критику частныхъ опредѣленій и вообще разныхъ мелочей въ очеркѣ Локка. Ясно выраженной общей теоріи удовольствія и страданія мы напрасно станемъ искать у Лейбница, и этимъ всего удобнѣе можно объяснить полное несогласіе историковъ при опредѣленіи точки зрѣнія этого писателя въ нашемъ вопросѣ. Гамильтонъ напр. признаетъ Лейбница послѣдователемъ частью Декарта, частью Платона[1]), Дюмонъ причисляетъ его къ приверженцамъ эпикурейской теоріи, находя у него впрочемъ и нѣкоторые элементы теорій Гоббеса и Декарта[2]), наконецъ Вундтъ считаетъ его послѣдователемъ теоріи, отождествляющей чувствованія съ представленіями, т. е. видящей въ нихъ особое проявленіе познавательной дѣятельности, — теоріи, которая

---

[1]) L. c.. Vol. II. Lect. XLIII, p. 462.
[2]) L. c., p. 29 и 30.

ведетъ начало, по его мнѣнію, отъ Аристотеля и Стоиковъ [1]). Такое разнообразіе сужденій уже само по себѣ доказываетъ, что Лейбницъ только вскользь и довольно неопредѣленно выражается о данномъ предметѣ. Но если всетаки искать преобладающихъ симпатій этого писателя, то скорѣе всего придется признать въ немъ послѣдователя тѣхъ самыхъ взглядовъ Декарта, которые послужили исходной точкой и для Спинозы. Дѣло въ томъ, что, подобно Спинозѣ, Лейбницъ ставитъ чувствованія, какъ смутныя идеи [2]), въ зависимость отъ степени *совершенства*, достигаемаго организмомъ въ его дѣятельности [3]). Дѣятельность онъ, какъ и Спиноза, понимаетъ то въ смыслѣ наружу направленной, ибо подобно Эпикурейцамъ считаетъ всѣ аффекты модификаціями стремленія (tendance), сопровождаемыми удовольствіемъ и страданіемъ [4]), — то въ смыслѣ имманентной, внутренней [5]). Отождествлять аффекты съ мнѣніями о вещахъ, какъ дѣлали Стоики, Лейбницъ считаетъ неправильнымъ и согласенъ съ Локкомъ, что удовольствіе и страданіе суть простыя идеи и что понятіе добра возникаетъ изъ факта удовольствія, а не обратно [6]). О совершенномъ сходствѣ между ученіями Спинозы и Лейбница конечно не можетъ быть рѣчи. Главное различіе состоитъ уже въ томъ, что Лейбницъ начинаетъ переходить отъ исключительно субъективнаго и относительнаго пониманія идеи «совершенства» къ объективному и абсолютному, съ которымъ мы встрѣтимся вскорѣ у Вольфа. Онъ говоритъ напр., что любить значитъ находить удовольствіе въ совершенствѣ и счастіи любимаго предмета [7]); хотя онъ и добавляетъ, что такое удовольствіе зависитъ лишь отъ того, что на насъ отражается до извѣстной степени благополучіе ближняго [8]), но *какъ именно* это происходитъ, онъ не говоритъ, и наклонность къ принятію теоріи, ставящей удовольствіе въ связь съ оцѣнкою абсолютной гармоніи внѣшнихъ отношеній (I), всетаки слегка прогля-

---

[1]) L c., p 459.

[2]) Понятіе инстинктивности, безсознательности оцѣнки Лейбницъ весьма ясно проводитъ въ теоріи «маленькихъ безсознательныхъ перемѣнъ» въ организмѣ, изъ которыхъ постепенно слагаются чувствованія довольства и недовольства. Ср. Nouv. Essais, l. c, Chap XX § 6, p. 107.

[3]) Ibid. § 5, p. 108 и Chap. XXI. § 41, p. 134.

[4]) Ibid Chap. XX. § 9, p. 109.

[5]) Къ этому взгляду Лейбницъ впрочемъ болѣе расположенъ уже потому, что не признаетъ реальнаго взаимодѣйствія между монадами, — стремленіе наружу, съ его точки зрѣнія, есть только стремленіе одной идеи къ другой.

[6]) Ibid. § 9, p 109. Также ib. § 2, p 104. Chap. XXI § 41, p. 134 и Chap. VII, p. 74.

[7]) Ibid Chap. XX §§ 4, 5, p. 105: Aimer est être porté à prendre du plaisir dans la perfection, bien ou bonheur de l'objet aimé. Оттого онъ большею частію употребляетъ термины perfection и imperfection въ *общемъ* смыслѣ, безъ дальнѣйшихъ ограниченій.

[8]) Ibid. Le plaisir d'autrui constitue le nôtre: car s'il ne rejaillissait pas sur nous en quelque façon, nous ne pourrions pas nous y intérresser...

дываетъ въ такихъ опредѣленіяхъ. Изъ этого видно, что дѣйствительно и Вундтъ и Дюмонъ въ извѣстномъ смыслѣ правы. Нельзя только согласиться съ Гамильтономъ, чтобы у Лейбница были элементы Платоновской точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ въ томъ значеніи, въ какомъ *мы* понимали её выше (ср. Глава V). Вообще тотъ фактъ, что страданіе и удовольствіе ставятся какимъ-нибудь писателемъ въ отношеніе предшествующаго и послѣдующаго, какъ мы уже замѣтили однажды, не можетъ служить причиною для отнесенія его ученія къ той или другой группѣ. Сколько-нибудь важныхъ опредѣленій спеціальныхъ чувствованій, а тѣмъ болѣе классификаціи послѣднихъ Лейбницъ не даетъ въ своемъ «Новомъ Опытѣ», и потому мы ограничимся сдѣланными замѣчаніями, прибавивъ только, что, кромѣ удовольствія и страданія, Лейбницъ говоритъ и о состояніи равнодушія, которое однако понимаетъ, въ противуположность Локку, какъ minimum сознательности пріятнаго и непріятнаго въ нашихъ воспріятіяхъ [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ ученику Лейбница, Вольфу, скажемъ нѣсколько словъ о ближайшихъ преемникахъ Локка. Часто думаютъ, что отъ Локка сыръ-боръ загорѣлся, что изъ ученій Локка вышли всѣ послѣдующіе англійскіе и шотландскіе философы. Но мнѣніе это представляетъ слишкомъ смѣлое обобщеніе. Шотландская школа моралистовъ и психологовъ, изъ которой потомъ вышли и Юмъ и Ридъ, и Дюгальтъ Стюартъ и Томасъ Броунъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ М. Коша, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ своего существованія, гораздо болѣе обязана вліяніямъ друга Локка, моралиста Шефтесбэри, чѣмъ самого Локка [2]). Къ прямымъ послѣдователямъ Локка въ Англіи на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ принадлежалъ развѣ одинъ Беркли, но «если Беркли и принялъ теорію Локка о томъ, что уму доступны только *идеи*, то теорія *познанія* у Беркли совершенно иная, чѣмъ у Локка»: Локкъ былъ умѣреннымъ реалистомъ, Беркли — идеалистомъ [3]). Вся же шотландская школа, основателемъ которой считается Гётчесонъ, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ примкнула къ Шефтесбэри, а опредѣлить элементы, изъ которыхъ сложилась философія послѣдняго, весьма трудно, ибо это былъ глубоко-образованный человѣкъ, знакомый съ ученіями всѣхъ замѣчательныхъ древнихъ и новыхъ мыслителей [4]). Весьма вѣроятно, что интересъ къ нравственнымъ и политическимъ вопросамъ былъ унаслѣдованъ имъ отъ туземныхъ философовъ, напр. Гоббеса; но способъ ихъ рѣшенія

---

[1]) Ibid. § 1, p 104.

[2]) The Scottish Philosophy from Hutcheson to Hamilton, by James McCosh Lond 1875, p. 29.

[3]) Ср. ibid. p. 28

[4]) Ср. ibid. Art. IV, p. 30 и слѣд.

совершенно противорѣчилъ направленіямъ Бэкона, Гоббеса и Локка. Въ противуположность Локку, Шефтесбэри полагалъ, что есть у насъ если не прирожденныя, то инстинктивныя духовныя свойства и природою данный намъ «здравый смыслъ» [1]). Отсюда уже возникло послѣ Гётчесоновское понятіе внутренняго или «нравственнаго» смысла (moral sense). Такимъ образомъ въ Великобританіи, въ началѣ XVIII в., господствовали двоякіе интересы—къ вопросу о происхожденіи нашихъ знаній, подъ вліяніемъ Локка, и къ вопросу объ основахъ морали, подъ вліяніемъ Шефтесбэри. Представителемъ перваго направленія былъ Беркли, второго—Гётчесонъ. Попытку объединенія этихъ двухъ направленій мы найдемъ у Юма. До Юма мы не встрѣчаемъ въ Англіи никакихъ новыхъ опытовъ психологической обработки вопросовъ объ удовольствіи, страданіи и аффектахъ. Интересы **Беркли** были сначала сосредоточены совершенно въ другой области; впослѣдствіи, въ своемъ Альциφронѣ (Alciphron, or the minute philosopher. 1732), онъ слегка задѣваетъ вопросъ о значеніи удовольствія, но съ чисто нравственной точки зрѣнія. Ранѣе, въ маленькой журнальной статьѣ (The Guardian, № 49, 1713) Беркли пытался только провести различіе между *естественными* и *фантастическими* удовольствіями (pleasures, natural and fantastical): первыя, безъ отношенія къ возрасту и націи, принадлежатъ человѣческой природѣ вообще, вторыя предполагаютъ развитіе какого-нибудь спеціальнаго вкуса въ томъ или другомъ слоѣ общества [2]); въ этомъ дѣлсніи видно желаніе абсолютизмъ сочетать съ релативизмомъ, но точныхъ формулъ, которыя бы опредѣляли природу удовольствія и страданія вообще, мы у Беркли не нашли. **Гётчесонъ**, хотя и былъ авторомъ особаго трактата объ аффектахъ (Essay on the nature and conduct of passions and affections, with illustrations on the moral sense. 1728), тѣмъ не менѣе не сдѣлалъ никакихъ важныхъ успѣховъ, ибо интересовался болѣе нравственною стороною вопроса. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ его теорія аффектовъ, какъ онъ её излагаетъ въ I книгѣ «Системы нравственной философіи» (Glasg. 1755) [3]): удовольствіе и страданіе относятся къ области воли, суть «движенія воли»; всѣ движенія воли вытекаютъ изъ двухъ побужденій — изъ стремленія къ достиженію добра и отвращенію зла по отношенію къ *себѣ*, и изъ стремленія къ тому же по отношенію къ *другимъ*; источникъ перваго побужденія лежитъ въ на-

---

[1]) Ibid. p. 31.

[2]) Berkeley 's Works, l. c, Vol. II, p. 158 и слѣд.

[3]) Упомянутаго опыта объ аффектахъ мы не могли достать; для болѣе подробной характеристики психологическихъ воззрѣній Гетчесона, ср Mc Cosh., l. c, Art. VII и Franck Dict des sciences philos., p 738.

шемъ постоянномъ влеченіи къ собственному совершенству и счастію (это любовь къ себѣ); источникъ второго—въ удовольствіи нашемъ при видѣ всеобщаго совершенства и счастья въ окружающемъ мірѣ[1]). Изъ этихъ выраженій видно уже, что Гётчесонъ скорѣе заимствовалъ свои понятія отъ континентальныхъ философовъ, чѣмъ отъ Локка. Въ ученіи же о коренныхъ аффектахъ онъ идетъ еще далѣе, т. е. возвращается къ стоическимъ понятіямъ: «мы, говоритъ онъ, приняли старое дѣленіе движеній воли на желаніе, страхъ, радость и печаль»[2]). Очевидно, стало быть, что у Гётчесона нечего и искать самостоятельныхъ воззрѣній на нашъ предметъ; въ его анализѣ спеціальныхъ чувствованій, особенно эстетическихъ и нравственныхъ, конечно были оригинальныя черты, но наша задача состоитъ только въ разборѣ общихъ теорій. Новыя воззрѣнія общаго характера мы встрѣчаемъ снова у Юма, но ранѣе изслѣдованій Юма «О природѣ человѣка», явилась «Эмпирическая психологія» Вольфа. Къ этому писателю мы и перейдемъ теперь.

Такъ какъ «Новые Опыты» Лейбница, написанные въ 1704 г., были впервые обнародованы только въ 1765 (въ изданіи Распе), то въ ученіи о чувствованіяхъ **Вольфъ** едва-ли много заимствовалъ отъ своего учителя[3]). Но за то вліяніе Декарта несомнѣнно, и Вольфъ самъ связываетъ свое ученіе съ Декартовскими опредѣленіями, безпрестанно ссылаясь на послѣднія. Однако Вольфъ не прямо *заимствовалъ* у Декарта его положенія, а пытался переработать ихъ, дать имъ отчасти новый, болѣе широкій смыслъ и болѣе послѣдовательное развитіе. Поэтому едва-ли правильно мнѣніе Гамильтона, что теорія Вольфа есть только *испорченная* теорія Декарта[4]). Вольфа скорѣе можно сравнить съ Спинозой, по стремленію къ строгому, однообразному развитію прищиповъ; но однако въ опредѣленіи послѣднихъ Спиноза стоитъ несравненно выше, ибо Вольфъ былъ только систематическимъ и яснымъ выразителемъ тѣхъ *готовыхъ* идей, къ которымъ вообще тяготѣла философія въ теченіе XVII вѣка. Ту двусмысленность въ опредѣленіяхъ удовольствія и страданія, которая составляла отличительную черту ученій Гоббеса, Декарта, Лейбница и даже Локка, Вольфъ возвелъ въ принципъ. Въ его опредѣленіяхъ удовольствія и страданія эти явленія разсматриваются частью (de iure) какъ моменты стремленія, аппетита, частью (de facto) какъ особые виды воспріятія, познанія; точно также

---

[1]) System of Moral philosophy. I Vol. I B. I Sect., VI

[2]) Ibid. V.

[3]) Ср. Hamilton, l. c, Vol II, p. 462

[4]) Ibid. p. 463: Degenarate offspring of the theory of Descartes.

они считаются результатами то объективной оцѣнки, то субъективной; то безсознательной, то сознательной; наконецъ релативизмъ у Вольфа соединяется съ абсолютизмомъ. Поэтому отнести его ученіе къ какому-нибудь опредѣленному классу теорій очень трудно, — въ немъ всего понемногу и оно служитъ лучшимъ доказательствомъ тѣхъ колебаній, которымъ подвергался нашъ вопросъ въ психологіи до второй половины XVIII в. Но у предшественниковъ Вольфа эти колебанія были безсознательныя, Вольфъ же пытался примирить противуположные взгляды въ *одной* теоріи, несомнѣнно стройной, но только съ *формальной* точки зрѣнія.

Прежде всего коснемся порядка и пріемовъ изложенія ученій объ удовольствіи, страданіи и аффектахъ въ Эмпирической психологіи[1]). Заслуга Вольфа заключается въ томъ, что безъ математическихъ пріемовъ Спинозы онъ располагаетъ матеріалъ чуть-ли даже не въ болѣе послѣдовательномъ порядкѣ, чѣмъ авторъ Этики. Всякая мысль правильно вытекаетъ изъ предшествующей, вездѣ въ изложеніи господствуетъ ясность и полнота. Доказательства употребляются столько же апріорныя (дедуктивныя), изъ общихъ принциповъ, сколько и апостеріорныя (опытныя), взятыя изъ области фактовъ. Въ примѣчаніяхъ мы встрѣчаемъ наконецъ частыя и обстоятельныя, для того времени, историческія указанія и даже нѣкоторую критику. Нравственныя соображенія по возможности исключаются изъ психологическаго анализа аффектовъ и только иногда безсознательно отражаются въ немъ. Ученіе объ удовольствіи и страданіи уже ясно ставится во главѣ, а ученіе объ аффектахъ, какъ о послѣдующихъ осложненіяхъ этихъ коренныхъ явленій (подъ вліяніемъ постепенно пріобрѣтаемыхъ понятій о хорошемъ и дурномъ, и вытекающихъ отсюда стремленій), ставится въ концѣ. За каждымъ главнымъ, основнымъ опредѣленіемъ слѣдуетъ рядъ вытекающихъ изъ него и связанныхъ съ нимъ послѣдственныхъ, второстепенныхъ, въ которыхъ разъясняется и дополняется общая идея. Вотъ очеркъ формы; перейдемъ къ содержанію.

«Удовольствіе есть интуитивное познаніе какого-нибудь совершенства, истиннаго или кажущагося», говоритъ Вольфъ въ одномъ изъ первыхъ параграфовъ[2]). Страданіе (taedium) есть точно такое же познаніе какого-нибудь не-

---

[1]) Въ Раціон. психол. (Sect. II. Cap. I, p. 395—435) ничего важнаго для себя мы не нашли и подробно излагать содержаніе соотвѣтствующей главы (De appetitu et affectibus) мы не будемъ Здѣсь Вольфъ говоритъ сначала о врожденномъ намъ стремленіи къ перемѣнѣ воспріятій (percepturitio) и о томъ, насколько развитіе этого стремленія зависитъ отъ удовольствія и страданія, т. е о вліяніи, оказываемомъ на нашу дѣятельность предвидѣніемъ пріятныхъ или непріятныхъ перцепцій. Потомъ рѣчь идетъ о физическихъ выраженіяхъ аппетитовъ.

[2]) Psych. Emp., l. c., § 511, p. 389.

совершенства [1]). Разберемъ послѣдовательно главныя понятія, входящія въ эти опредѣленія. Понятіе *интуитивнаго* познанія означаетъ, что Вольфъ считаетъ оцѣнку совершенства и несовершенства вообще безсознательною; онъ впослѣдствіи подробнѣе разъясняетъ это положеніе, доказывая, что удовольствіе и страданіе возникаютъ изъ смутнаго воспріятія (ex perceptione confusa). Доказывается это, во первыхъ, внезапностью появленія этихъ чувствованій, во вторыхъ (a posteriori) тѣмъ, что большинству людей вообще доступны только смутныя представленія [2]). Но однако Вольфъ не отрицаетъ, что при помощи вниманія и размышленія мы можемъ придти къ ясному сознанію совершенства, какъ источника удовольствія [3]). Удовольствіе отъ такого яснаго сознанія конечно возрастаетъ, и отсюда законы, что въ борьбѣ чувствованій другъ съ другомъ торжествуютъ тѣ, которыя связаны съ болѣе яснымъ сознаніемъ какого-нибудь совершенства или несовершенства [4]), что самыя интенсивныя удовольствія — тѣ, которыя связаны съ познаніемъ и открытіемъ истины (примѣръ Кардана) [5]), и что при точномъ изслѣдованіи понятія совершенства, которое мы въ себѣ сознаемъ, мы научаемся различать истинное удовольствіе отъ кажущагося [6]). Конечно, если имѣть въ виду только эти положенія Вольфа, то двусмысленности мы не откроемъ въ его ученіи о качествѣ оцѣнки, такъ какъ тутъ онъ только разумѣетъ, что подъ вліяніемъ психическаго развитія безсознательные мотивы радости и печали могутъ сдѣлаться сознательными, — этого никто отрицать не можетъ, но къ сожалѣнію въ самомъ понятіи confusa perceptio или cognitio лежитъ нѣкоторая двусмысленность, ибо, по мнѣнію Вольфа, для появленія въ насъ удовольствія недостаточно одного воспріятія чего-либо такого, что́ относится къ числу совершенствъ, — надо именно сознавать, что данный предметъ заключаетъ въ себѣ совершенство [7]); въ сознаніи же факта совершенства лежитъ уже сознательная оцѣнка. Изъ этого мы видимъ, что въ повторяемомъ со времени Декарта понятіи confusa perceptio заключается вообще внутреннее противорѣчіе. Идею «безсознательной оцѣнки» нельзя выразить точно при помощи терминовъ: познаніе, воспріятіе.

---

[1]) Ibid. § 518, p. 397.
[2]) Ibid. § 536, p. 415.
[3]) Ср. ibid. p. 416.
[4]) Ibid. § 527, p 406.
[5]) Ibid. § 532, p. 410.
[6]) Ibid. § 538, p. 417.
[7]) Ср § 513, p. 393 Etenim ut voluptatem percipias, non sufficit, ut tibi conscius sis ejus quod in numero perfectionum est; verum etiam conscius tibi esse debes, quod sit in perfectionum numero. Si enim ignores pertinere hoc, cuius tibi conscius es, ad rei perfectionem, voluptate nulla perfunderis.

Перейдемъ теперь къ понятію «совершенства». Вольфъ разумѣетъ здѣсь столько же совершенство во внѣшнихъ отношеніяхъ, сколько и во внутреннихъ: in re quaedam vel in se[1]). Подъ внутреннимъ совершенствомъ онъ разумѣетъ какъ совершенство интеллекта (intellectus sui)[2]), такъ и совершенство тѣла, — цѣльность его частей, ибо физическую боль (dolor, какъ видъ taedium) онъ объясняетъ нарушеніемъ цѣльности въ организмѣ (solutio continui in corpore)[3]). Подъ внѣшнимъ совершенствомъ онъ разумѣетъ согласіе объекта съ своимъ *прототипомъ* (placet nobis imago prototypo suo similis)[4]). Это сочетаніе объективной точки зрѣнія съ субъективной Вольфъ сознательно противуполагаетъ субъективизму Декарта, который считалъ удовольствіе только результатомъ оцѣнки совершенства, открываемаго нами въ самихъ себѣ[5]). Отсюда также у Вольфа контрастъ понятій pulchrum и bonum, deforme и malum, изъ которыхъ первое и третье означаютъ объективный, второе и четвертое — субъективный источники удовольствія и страданія[6]).

Наконецъ совершенство можетъ быть, по мнѣнію Вольфа, истиннымъ или кажущимся (vera perf. sive apparens). Въ этомъ контрастѣ заключается стремленіе сочетать абсолютизмъ съ релативизмомъ. Истинное представленіе о совершенствѣ вытекаетъ изъ истиннаго сходства, замѣчаемаго между предметомъ и его прототипомъ, конечно абсолютнымъ, и изъ сознанія, что данная вещь дѣйствительно содѣйствуетъ нашему совершенству (nos statumque nostrum re vera perficit), — отсюда понятія истинной красоты (pulchritudinis verae) и истиннаго блага (bonum verum)[7]). Напротивъ кажущееся представленіе о совершенствѣ зависитъ отъ ошибочнаго приписанія предмету или самимъ себѣ какого-нибудь соотвѣтствія[8]), — отсюда понятія: pulchritudo apparens, bonum apparens. Удовольствія и страданія, вытекающія изъ созерцанія истинной красоты и истиннаго блага, постоянны, неизмѣнны[9]); напротивъ тѣ, которыя имѣютъ воображаемый

---

[1]) Ср. § 533, p. 411.

[2]) Ср. § 513, p. 392.

[3]) Ср. § 539—541, p. 418 и 419. Если какая-нибудь боль не сопровождается явнымъ разрывомъ тканей, то observationes microscopicae docent, fibillas tenues esse diruptas, или по крайней мѣрѣ оказывается, что онѣ ruptioni proximae sunt.

[4]) Ibid. § 542, ср. § 512, p. 390.

[5]) Ibid. § 519, p 398.

[6]) Ср. § 543 и слѣд. (p. 420), и § 554 и слѣд. (p. 424): Bonum est, quicquid nos ac statum nostrum internum et externum perfectiores reddit; pulchritudo напротивъ consistit in perfectione *rei*: quod placet, dicitur pulchrum.

[7]) Ср. §§ 512, 514, 546, 564 и т. д.

[8]) Ср. § 510, p. 388, и § 561, p. 428: Notio boni, quae vulgo est, erronea. Ср. § 573.

[9]) Ibid. § 564, p. 430 и § 571, p. 434.

источникъ, измѣнчивы (voluptas apparens mutari potest, mutabilis est)[1]). Это подтверждается опытомъ: мы видимъ, что люди извлекаютъ иногда огромное удовольствіе изъ тѣхъ вещей, которыя со временемъ не будутъ доставлять имъ никакого удовольствія[2]). Впрочемъ воображаемое удовольствіе можетъ со временемъ даже превратиться въ печаль[3]). То же касается обратно и неудовольствія, котораго источникъ кажущійся, субъективный[4]).

Такимъ образомъ очевидно, что у Вольфа въ чрезвычайно ясныхъ выраженіяхъ содержится теорія, заключающая въ себѣ рядъ контрастовъ. Послѣдній контрастъ имѣетъ этическую подкладку, но Вольфъ этого конечно не сознаетъ. Съ психологической же точки зрѣнія въ немъ сказывается стремленіе примирить признаніе какъ абсолютныхъ, такъ и относительныхъ основъ чувства. Нечего и говорить, что подобные контрасты вносятъ разладъ въ теорію Вольфа и что при болѣе глубокомъ анализѣ явленій удовольствія и страданія ихъ нельзя допустить. Но объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ свое время.

Перейдемъ къ *классификаціи* чувствованій и аффектовъ. Прежде всего Вольфъ различаетъ удовольствія и страданія по интенсивности: чѣмъ больше совершенство или несовершенство и чѣмъ то или другое достовѣрнѣе для насъ, тѣмъ больше удовольствіе или страданіе[5]). Затѣмъ онъ различаетъ простое или единичное (simplex) удовольствіе отъ смѣшаннаго (mixta), вытекающаго изъ созерцанія нѣсколькихъ совершенствъ[6]). Далѣе онъ признаетъ возможность сочетанія удовольствія съ страданіемъ[7]). Если одно изъ нихъ сильнѣе, то другое можетъ остаться внѣ предѣловъ сознанія[8]). Рядомъ съ удовольствіемъ и страданіемъ Вольфъ признаетъ состояніе безразличія (indifferentiae), когда мы не знаемъ, куда отнести познаваемое, — въ область-ли совершеннаго, или въ область несовершеннаго[9]). Кромѣ удовольствія и страданія, другихъ примитивныхъ чувствованій Вольфъ повидимому не признаетъ. Первая основа для дальнѣйшаго различенія удо-

---

[1]) Idibid. Также § 562.

[2]) Ibid. § 562, p. 429.

[3]) Ibid. § 563.

[4]) Относительныя чувствованія Вольфъ еще противуполагаетъ абсолютнымъ въ понятіи per accidens, въ отличіе отъ per se: ibid. § 576, p. 436.

[5]) Ср. §§ 516, 517, 521 и 522: Habemus adeo duplex fundamentum graduum tam voluptatis, quam taedii, scilicet magnitudinem perfectionis, vel imperfectionis... et gradum certitudinis judicii de ista perfectione, vel imperfectione.

[6]) Ibid. § 523—525.

[7]) Ibid § 526.

[8]) Ibid. §§ 527, 528 и § 529.

[9]) Ср. §§ 533 и 534.

вольствій и страданій заключается, какъ мы сказали уже, въ контрастѣ понятій pulchrum и bonum, прекраснаго и полезнаго. Полезное или хорошее (bonum) можетъ быть внѣшнимъ и внутреннимъ (externum et internum)[1]). Внутреннія блага дѣлятся на душевныя и тѣлесныя (animi, corporis), а внѣшнія суть блага фортуны[2]). Конечно понятія хорошаго и дурного имѣютъ происхожденіе вторичное: они обозначаютъ объекты, производящіе увеличеніе или уменьшеніе въ степени нашего совершенства; въ опредѣленіи основныхъ чувствованій они у Вольфа, какъ и у Спинозы, не играютъ никакой роли; но за то они служатъ переходомъ къ ученію объ аффектахъ. Сознавая въ объектахъ bonum или malum, т. е. способность увеличить или уменьшить наше совершенство, мы къ нимъ стремимся или бѣжимъ отъ нихъ; отсюда рождаются *аппетитъ* и *отвращеніе*[3]), состоянія противуположныя, къ обозначенію которыхъ Вольфъ видитъ возможность пріурочить средневѣковыя понятія appetitus concupiscibilis и appetitus irascibilis[4]). Отсутствіе стремленія и отвращенія, при видѣ предмета, выражается опять въ понятіи безразличнаго состоянія (status indifferentiae)[5]). Стремленіе къ предмету и отъ него имѣетъ степени (habet gradus): аффекты суть наиболѣе сильныя проявленія аппетитовъ. Такимъ образомъ ученіе объ аффектахъ занимаетъ третье мѣсто во II части Эмпирической психологіи Вольфа.

Въ аффекты входятъ элементы какъ удовольствія и страданія, такъ и стремленія, аппетита. Въ первомъ отношеніи аффекты дѣлятся на пріятные (jucundi), непріятные (molesti) и смѣшанные[6]); значительное преобладаніе удовольствій есть радость, преобладаніе неудовольствій — печаль[7]). Такимъ образомъ понятія радости и печали — собирательныя. Еще болѣе общія собирательныя понятія суть понятія счастія и несчастія (когда удовольствіе или страданіе продолжительны)[8]). Добро и счастье, зло и несчастье могутъ быть наши и чужія. Различіе радостей и печалей, вытекающихъ отсюда, и составляетъ главную основу для дальнѣйшаго разчлененія аффектовъ, какъ сильныхъ стремленій, связанныхъ съ удовольствіями или страданіями, вытекающими изъ этихъ различныхъ видовъ блага и зла. Въ описаніи отдѣльныхъ аффектовъ у Вольфа мало новаго и важнаго для

---

[1]) Ср. §§ 554, 555, 565 и 566.
[2]) Ср. § 556 и 567.
[3]) Ср. § 579, p. 440 и слѣд.
[4]) Ibid. § 583, p. 442.
[5]) Ibid. § 585.
[6]) Ср. § 608—610, p 460.
[7]) Ibid. §§ 614 и 619.
[8]) Ibid. §§ 636 и 637.

психологіи, — достоинство его синтеза составляютъ бо́льшее однообразіе и бо́льшая ясность въ опредѣленіяхъ, вмѣстѣ съ стремленіемъ вывести изъ нихъ по возможности всѣ тѣ второстепенныя положенія, которыя изъ нихъ слѣдуютъ. Всего интереснѣе то, что Вольфъ различаетъ *номинальное* и *реальное* опредѣленія каждаго аффекта. Номинальное опредѣленіе указываетъ на составъ, реальное — на условія возникновенія аффекта[1]). Номинальное опредѣленіе любви напр. слѣдующее: «любовь есть наклонность души къ воспріятію удовольствія изъ созерцанія чужого счастія»[2]). Реальное опредѣленіе: «любовь есть аффектъ, который возникаетъ изъ того, что мы наблюдаемъ въ другомъ что-нибудь, что́ намъ нравится, или что мы представляемъ себѣ въ другомъ что-нибудь какъ хорошее, и именно по отношенію къ намъ»[3]). Въ словахъ очевидно есть разница, но есть-ли разница на дѣлѣ? Развѣ только въ томъ отношеніи, что въ первомъ случаѣ указывается лишь общая наклонность наша къ аффекту, во второмъ разъясняется самый фактъ. Но различіе это конечно весьма несущественное; между тѣмъ Вольфъ нигдѣ не отступаетъ отъ своего пріема и всякому аффекту даетъ такое двойное опредѣленіе. Сначала онъ описываетъ пріятные аффекты, возникающіе при видѣ чужого счастія или несчастья (любовь и ненависть), потомъ непріятные, имѣющіе тѣ же источники (зависть и состраданіе); любовь и состраданіе, ненависть и зависть онъ считаетъ родственными чувствами (comites sunt)[4]). Потомъ слѣдуетъ описаніе пріятныхъ и непріятныхъ аффектовъ, связанныхъ съ созерцаніемъ блага или зла въ себѣ самихъ (acquiescentia et poenitentia)[5]) и съ воспріятіемъ отъ другихъ хорошихъ или дурныхъ сужденій о насъ (gloria, pudor)[6]). Далѣе слѣдуетъ, уже не въ такомъ строгомъ соотвѣтствіи, разборъ дальнѣйшихъ видовъ этихъ основныхъ волненій (напр. gratitudo и favor, какъ виды amoris). Надежда опредѣляется, какъ удовольствіе, возникающее изъ представленія о доступномъ намъ благѣ (bonum obtentu possibile); желаніе, какъ предвкушеніе удовольствія. Потомъ слѣдуютъ контрасты этихъ чувствованій, — различные виды страха (metus, timor, desperatio, terror, fluctuatio, horror), желанія, ненависти. Любопытно, что среди проявленій

---

[1]) Ср. § 653, p. 490: Aristoteles definitione nominali explicat, in quonam amor consistit, Cartesius vero definitione reali docet, quomodo amor oriatur.

[2]) Ibid. § 633, p. 476.

[3]) Ibid. § 649, p. 487.

[4]) §§ 633—749. При подробномъ анализѣ этихъ аффектовъ онъ открываетъ еще болѣе частные виды (напр. irrisio въ связи съ invidia).

[5]) §§ 749—765.

[6]) § 765—784.

страха находится понятіе fluctuationis: смыслъ этого понятія уже иной, чѣмъ у Спинозы. Вообще на Спинозу Вольфъ не ссылается и Этика Спинозы едва-ли оказала большое вліяніе на ученіе Вольфа объ аффектахъ. Отъ простыхъ видовъ спеціальныхъ аффектовъ Вольфъ переходитъ постепенно къ анализу *смѣшанныхъ* аффектовъ, каковъ напр. гнѣвъ: ira est taedium insigne ortum ex injuria nobis vel aliis illata, conjunctum cum odio ejus, qui eam intulit [1]). Послѣдніе параграфы главы объ аффектахъ посвящены разбору сочетаній гнѣва съ другими чувствами, и отношеній гнѣва къ родственнымъ чувствамъ, напр. негодованія [2]). Вся эта теорія спеціальныхъ аффектовъ у Вольфа есть ничто иное, какъ видоизмѣненная и исправленная по своему теорія Декарта,—этого и самъ Вольфъ впрочемъ не отрицаетъ, ибо почти въ каждомъ § онъ то просто ссылается на Декарта, то занимается критикою и поправкою его опредѣленій. Но въ этой области Вольфъ уже не могъ перещеголять своего предшественника, ибо область темная, понятія сбивчивыя, оттѣнки трудно поддающіеся опредѣленію. Несмотря на всѣ усилія, онъ уже не въ состояніи былъ внести въ анализъ аффектовъ того однообразія и той ясности, какими отличается у него анализъ удовольствія и страданія, и несомнѣнно, что Спиноза, лучше его и Декарта, понялъ задачу психолога, когда говорилъ, что его цѣль не въ объясненіи словъ, которыя образовались случайно, а въ опредѣленіи самой сущности дѣла, т. е. характера дѣйствительныхъ отношеній между изслѣдуемыми психическими феноменами.

Вотъ общая характеристика ученія Вольфа. Перейдемъ къ **Юму.** Какъ въ ученіи о способностяхъ души Ридъ имѣлъ въ Англіи приблизительно то же значеніе, какъ Вольфъ въ Германіи [3]), такъ въ ученіи о чувствованіяхъ съ Вольфомъ всего удобнѣе сопоставить Давида Юма. Подобно Вольфу, онъ былъ заключительнымъ звеномъ предшествующаго развитія вопроса въ Англіи и въ то же время исходною точкою для образованія новыхъ ученій о чувствованіяхъ у англійскихъ писателей. Это объясняется между прочимъ положеніемъ, которое онъ занималъ по отношенію къ предшественникамъ. Съ одной стороны, въ его психологическихъ теоріяхъ сказалось вліяніе Локка и Беркли, съ другой стороны въ нравственныхъ построеніяхъ отразились мотивы и интересы, руководившіе шотландскими моралистами. Подъ этимъ двоякимъ вліяніемъ и сложилась та часть трактата Юма «О человѣческой природѣ» (1739—40), которая посвя-

---

[1]) Ср. § 862.
[2]) §§ 863—879.
[3]) См. выше Ч. I, стр. 85.

щена анализу аффектовъ (Treat. of hum. Nat., B. II). Впослѣдствіи онъ повторилъ главныя свои положенія болѣе кратко и послѣдовательно въ небольшомъ разсужденіи объ аффектахъ (A Dissertation on the passions). Собственно ученія о природѣ удовольствія и страданія мы у Юма не находимъ. Полагая подобно Локку, что удовольствіе и страданіе суть оригинальныя впечатлѣнія ума, а аффекты—рефлективныя, онъ думаетъ, что нельзя дать словеснаго опредѣленія ни тѣхъ, ни другихъ[1]), такъ какъ они суть простыя и однообразныя состоянія души. Но по крайней мѣрѣ относительно аффектовъ онъ считаетъ возможнымъ дать «перечисленіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя къ нимъ относятся». Относительно же удовольствія и страданія онъ и этого не признаетъ нужнымъ, ибо держится мнѣнія, что извѣстные объекты уже въ силу устройства нашихъ органовъ производятъ *непосредственно*-пріятныя ощущенія, другія также непосредственно-непріятныя[2]). Поэтому-то ученія о природѣ удовольствія и страданія Юмъ и не предпосылаетъ вовсе разбору аффектовъ, несмотря на то, что считаетъ первыя явленія необходимыми ингредіентами вторыхъ[3]). Но такъ какъ Юмъ по поводу аффектовъ всетаки часто касается феноменовъ удовольствія и страданія, то по косвеннымъ намекамъ не трудно опредѣлить сущность его точки зрѣнія, въ историческомъ значеніи которой онъ впрочемъ конечно не отдаетъ себѣ отчета. Во первыхъ, какъ у Локка, мы находимъ и у него попытку связать удовольствіе съ *дѣятельностью*. Такъ напр. умственныя наслажденія онъ объясняетъ успѣшною работою ума[4]); удовольствіе, доставляемое охотою, состоитъ тоже въ дѣятельности ума и тѣла: въ движеніи, въ упражненіи вниманія, въ преодолѣніи трудностей и неизвѣстности[5]). Точно также обратно попадаются мѣста, гдѣ онъ страданіе, подобно Локку, ставитъ въ зависимость отъ слишкомъ внезапной и сильной перемѣны (too sudden and violent a change)[6]), очевидно въ состояніи организма. Но онъ нигдѣ въ трактатѣ не обобщаетъ этихъ выраженій[7]), и если дѣлаетъ это, то въ понятіи другого порядка, а именно *идея*

---

[1]) Ср. Treat. of hum nat., B. II. P. I. Sect. I. и II. Ср. P. II. S. I, p. 121.

[2]) Ср. A diss. on the pass., S. I (Works Essays. Vol. II, p. 139).

[3]) Ср. Treat. B. II P. III Sect. IX, p. 214: Upon the removal of pain and pleasure there immediately follows a removal of love a. hatred, pride a. humility, desire a aversion, a of most of our reflective or secondary impressions. Ср. P. I. S. XII, p. 118.

[4]) Ibid. Sect. X, p. 224 и 225: Pleasure of study consists in the action of the mind and the exercise of the genius and understanding, in the discovery or comprehension of the degree of success in the attainment of the end ... tho' that passion be not deriv 'd originally from the action and pursuit.

[5]) Ibid. p. 226.

[6]) Ibid. p. 227.

[7]) Въ своей Diss. on the pass. (Sect. II, p. 144) онъ говоритъ, что гордость есть пріят-

пользы (an idea of utility) — вотъ источникъ удовольствія во всѣхъ упомянутыхъ выше случаяхъ [1]). Во многихъ мѣстахъ своего трактата онъ повидимому, рядомъ съ принципомъ пользы, источникомъ наслажденія считаетъ красоту (beauty) [2]). Но въ концѣ концовъ и красота оказывается пріятною главнымъ образомъ вслѣдствіе *идеи пользы,* съ нею связанной [3]). Такимъ образомъ, принципъ пользы и вреда — вотъ что управляетъ въ сущности смѣною пріятныхъ и непріятныхъ впечатлѣній въ нашемъ сознаніи. Поэтому и неудивительно, если у Юма главную роль въ опредѣленіяхъ аффектовъ играютъ опять старыя стоическія понятія блага и зла (Good and Evil) [4]) и если эти понятія часто отождествляются съ понятіями удовольствія и страданія [5]). Слѣдовательно Юмъ, подобно Бэкону, Гоббесу и Локку, остался вѣренъ тому ученію, которое главную причину тѣхъ или другихъ чувствованій искало *въ дѣйствіи объектовъ на насъ* [6]). Остается спросить себя, былъ-ли Юмъ, подобно упомянутымъ психологамъ, релативистомъ или нѣтъ, и считалъ-ли онъ оцѣнку пользы и вреда сознательною или же безсознательною? На первый вопросъ отвѣтить легко, ибо у Юма множество выраженій, доказывающихъ, что онъ считалъ чувствованія относительными. Онъ говоритъ напр., что видоизмѣненія чувствъ гордости и смиренія зависятъ отъ различія темпераментовъ и организаціи людей, хотя и считаетъ эти различія незначительными [7]). Затѣмъ весьма часто онъ напираетъ на

ное чувство on account of some accomplishment or possession, which we enjoy, смиреніе — обратное чувство on account of some defect or infirmity (ср. также выраженія excellence и fault, обозначающія тоже основы любви и ненависти); но во первыхъ «это разсужденіе» явилось гораздо позднѣе,—можетъ быть въ немъ сказалось вліяніе Гертли или друг писателя, во вторыхъ, Юмъ всетаки не примѣняетъ этихъ выраженій къ объясненію *всѣхъ* чувствованій.

[1]) Ibid. p. 225 и 226. Ср. P. II. S. III, p. 137, гдѣ useful и agreable почти синонимы. Ср. P. I. Sect. VIII, p. 97.

[2]) Ср. ibid. S. I, p. 76; ibid. S. VIII, p. 95 и слѣд.; P. II. S. XI, p. 176; P. III. S. X, p. 225 (not the form of the objects!) и т. д.

[3]) Ср. ibid. P. I. S. VIII, p. 96: A great part of the beauty, which we admire either in animals or in other objects, is derived from the idea of convenience and utility.

[4]) Ср. P. III. S. IX, p. 214 и 215 (the mind by an original instinct tends to unite itself with good, and to avoid the evil) и Dissert. on the pass., S. I, p. 139 и 140: According as the probability inclines to good or evil, the passion of grief or joy predominates in the composition.

[5]) Ср. Treat., P. I. S. I, p. 76 и P. III. S. I, p. 181 и S. IX, p. 215: Good and evil, or *in other words* pain a. pleasure.

[6]) Вотъ какъ онъ напр. объясняетъ чувство красоты: beauty is such an order and construction of parts, as either by the primary constitution of our nature, by custom or by caprice is fitted to give a pleasure and satisfaction to the soul. P. I. S. VIII, p. 95. Ср. P. II. S. VIII, p. 160: Every object is attended with some emotion proportion 'd to it; a great object with a great emotion, a small object with a small emotion и т. д.

[7]) P. I. S. III, p 80 (Положеніе, that in all nations a. ages the some objects still give rise to pride a. humility, надо понимать лишь въ самомъ общемъ смыслѣ).

ту мысль, что «мы судимъ о вещахъ болѣе по сравненію ихъ другъ съ другомъ, чѣмъ по внутреннему и реальному ихъ достоинству»[1]). О вліяніи привычки и повторенія на смѣну и развитіе аффектовъ онъ говоритъ даже въ особой главѣ[2]). Такимъ образомъ релативизмъ Юма не подлежитъ сомнѣнію[3]). Второй вопросъ рѣшить труднѣе. Иногда Юмъ объясняетъ механизмъ аффектовъ такъ, что сначала будто бы возникаетъ извѣстное волненіе, а потомъ уже сознаніе обращается къ соотвѣтственному объекту[4]). Говоритъ Юмъ и объ «инстинктивномъ» тяготѣніи нашемъ къ хорошему и дурному[5]). Это бы могло привести къ мысли, что онъ считалъ оцѣнку безсознательною. Но такъ какъ упомянутый выше порядокъ слѣдованія аффектовъ и идей часто извращается — по его же признанію[6]); такъ какъ далѣе смѣну аффектовъ онъ обыкновенно объясняетъ превращеніемъ *идей*[7]); такъ какъ главнымъ источникомъ большинства пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій онъ считаетъ воображеніе[8]), и наконецъ даже животнымъ приписываетъ способность *судить* (judge) о хорошемъ и дурномъ, хотя бы и въ непосредственномъ опытѣ (sensible good or evil)[9]), то вѣроятно онъ сочувствовалъ болѣе предположенію, что сознаніе въ упомянутой выше оцѣнкѣ всегда принимаетъ большее или меньшее участіе. Иначе сказать, въ пониманіи природы удовольствія и страданія и Юмъ, какъ всѣ его предшественники въ Англіи, не пошелъ далѣе той поверхностной теоріи, какую школа Бэкона наслѣдовала отъ средневѣковыхъ представителей стоической точки зрѣнія. Все новое, какъ и у Локка, заключалось лишь въ неясныхъ намекахъ.

За то въ ученіи объ аффектахъ весьма много оригинальнаго, сравнительно съ Локкомъ и Гоббесомъ. Много мы находимъ такого, что́ напоминаетъ пріемы Спинозы, хотя заимствованій съ этой стороны и нельзя предположить. Иныя понятія, какъ напр. симпатіи, иныя темы, какъ напр. особенно внимательный анализъ эгоистическихъ и альтруистическихъ аффектовъ, употребляя современные термины, перешли къ Юму несомнѣнно отъ шотланд-

---

[1]) Ср. ibid. S. VI, p. 89. Ср P. II. S. VIII, p 160 и 161 (результаты сравненія своего положенія съ чужимъ).

[2]) См. P III S. V. Ср. P I. S VI, p. 91.

[3]) Юмъ говоритъ даже, что *перемѣнчивость* составляетъ сущность природы человѣка (Changeableness is essential to it, t e to the nature of man, P. I. S IV, p. 82). Ср. также P. III S. IX, p. 222 (different turn of thought).

[4]) Ibid. P I S. V, p. 86 и P II. S. XI, p. 178.

[5]) Ibid. P III. S. IX, p. 214.

[6]) Ibid. P II S. XI, p. 178 и 179.

[7]) Ср. ibid. S. IX, p. 165.

[8]) Ср. p. 156, 157, 165, 179 и особ. 202 (P. III. S. VI).

[9]) Ibid. P. II. S. XII, p 179.

скихъ моралистовъ. Но и тутъ рѣшеніе вопросовъ самостоятельное и оригинальное, ибо Юмъ вводитъ въ объясненіе аффектовъ новый законъ *ассоціаціи*. Эти оригинальные элементы, особенно теорія ассоціаціи, оказали большое вліяніе на всѣхъ послѣдующихъ англійскихъ и шотландскихъ психологовъ, начиная съ Гертли[1]).

Задача Юма, при анализѣ аффектовъ, опредѣлить ихъ «природу, источники, причины и дѣйствія»[2]). Къ полнотѣ анализа онъ не стремится, — онъ имѣетъ въ виду разобрать только главные аффекты[3]), чтобы показать присутствіе правильнаго механизма въ ихъ появленіи и развитіи вообще, — механизма, столь же доступнаго точному анализу, какъ законы движенія, оптики, гидростатики и вообще естественной исторіи[4]). Термины passions, emotions и affections онъ употребляетъ безразлично[5]). Главными источниками аффектовъ онъ считаетъ, какъ мы сказали, удовольствіе и страданіе, но кромѣ того еще какой-то естественный импульсъ или инстинктъ, который совершенно не подлежитъ объясненію (unaccountable)[6]). Аффекты онъ дѣлитъ, во первыхъ, по интенсивности — на покойные и бурные, слабые и сильные (strong)[7]); во вторыхъ, по происхожденію — на прямые или непосредственные и косвенные или посредственные (direct a. indirect), смотря по тому, возникаютъ ли они прямо изъ хорошаго или дурного, изъ удовольствія или страданія, или же при содѣйствіи другихъ обстоятельствъ, т. е. съ участіемъ другихъ свойствъ[8]). Къ *прямымъ* аффектамъ относятся: радость, печаль, желаніе, отвращеніе, надежда, страхъ, отчаяніе и чувство безопасности. Объ этихъ аффектахъ онъ говоритъ относительно мало[9]) и опредѣляетъ ихъ довольно кратко: радость и печаль суть чувствованія, вытекающія изъ вѣрнаго или вѣроятнаго добра или зла, причемъ радость почти синонимъ удовольствія[10]); страхъ и надежда суть чувства, связанныя съ невѣрнымъ благомъ или зломъ, желаніе и отвращеніе суть послѣдствія первыхъ чувствъ и имѣютъ

---

[1]) Гертли конечно разумѣетъ Юма въ числѣ other ingenious persons since the time of Locke (Observ. on Man. Ch. I, p. 4 въ изд 1834 г.).

[2]) См. Treat. ibid. P. I. S. I и P. II. S. I.

[3]) Ср. P. III. S. IX, p 223.

[4]) Ср. Diss. on Pass. S. VI, p. 166.

[5]) Ср. Treat. ibid. p. 137, 160, 198, 214, 225 и др. Также Dissert., p. 139 и 140

[6]) Treat. P. III. S. IX, p. 215. Ср указаніе на участье оригинальнаго и естественнаго инстинкта въ чувствахъ гордости и смиренія, P. I. S. V, p. 84.

[7]) Ibid. P. I. S. I, p. 76 и P. III. S. IV, p 198.

[8]) Ibid. P. I S. I, p. 76 и 77.

[9]) Ср. Treat. P. III. S IX, p. 214—223, также Diss. S. I.

[10]) Ср Treat. P. I. S. VI, p. 90: Joy has only one object necessary to its production, viz. that which gives pleasure. Отношеніе между понятіями joy и pleasure очевидно то же, какъ у Декарта.

тѣ же источники. Всѣ эти аффекты играютъ у него роль примитивныхъ. Они имѣютъ подвиды, образующіеся изъ видоизмѣненій ихъ силы (degree), изъ разныхъ положеній объектовъ и расположеній ума; но изъ этихъ подвидовъ онъ перечисляетъ только нѣкоторыя варіаціи чувства страха, повторяя опять старыя стоическія понятія[1]). Гораздо полнѣе и глубже анализъ *косвенныхъ* аффектовъ. Всѣ послѣдніе онъ сводитъ къ двумъ главнымъ типамъ — эмоцій, объектъ которыхъ мы сами (Self), и эмоцій, объектами которыхъ служатъ другіе люди и существа (the others). Во главѣ первыхъ стоятъ чувства гордости и смиренія (humility), во главѣ вторыхъ — любовь и ненависть. Особнякомъ стоитъ чувство симпатіи, которое ставится въ основу многихъ объясненій, касающихся осложненій любви и ненависти. Такія осложненія основаны главнымъ образомъ на *смѣшеніи* (mixture) любви и ненависти съ другими волненіями[2]).

О смѣшеніи и даже сліяніи аффектовъ, которое можетъ быть на столько полнымъ, что уже невозможно различеніе элементовъ, Юмъ говоритъ часто[3]); также о превращеніи ихъ другъ въ друга и о взаимномъ поглощеніи (слабаго болѣе сильнымъ)[4]). Результаты столкновенія аффектовъ въ сознаніи онъ признаетъ троякими: или они смѣняютъ другъ друга на небольшихъ промежуткахъ времени, или разрушаютъ и парализуютъ другъ друга, или соединяются и смѣшиваются (mingle together)[5]). Этимъ путемъ образуются многія осложненія гордости, любви и ихъ контрастовъ[6]). Спеціальные аффекты, представляющіе виды любви и ненависти, и дальнѣйшія осложненія этихъ чувствъ, Юмъ разбираетъ особенно подробно. Благодушіе и гнѣвъ составляютъ продолженіе любви и ненависти, соединеніе этихъ чувствъ съ желаніемъ и отвращеніемъ[7]); состраданіе, зависть и злорадство суть «вторичные» аффекты, проистекающіе изъ разныхъ комбинацій любви и ненависти съ симпатіей[8]); уваженіе и презрѣніе — виды любви и ненависти, образующіеся опять при участіи симпатіи[9]) и осложняющіеся

---

[1]) P. III. S. IX, p. 222.

[2]) Ср P, II. S. III, p. 137, ibid S. XI, p. 176.

[3]) Ibid S. VI, p. 153. S. IX, p. 166 и т. д Ср. ibid p. 167 (so totally mix together as to be undistinguishable) и S. XI, p. 177 (inseparable).

[4]) P. III. S. IV, p. 199.

[5]) Ibid. S. IX, p. 217 и 218.

[6]) О взаимодѣйствіи гордости и симпатіи см. P. I. S XI, p. 114 и слѣд.,—отсюда между прочимъ «любовь къ славѣ» (love of fame), вообще vanity and ambition.

[7]) P. II. S. VI, p. 152 и слѣд

[8]) Ibid. S. VII и VIII. Въ этихъ чувствахъ основа непремѣнно двойная, ибо они вытекаютъ изъ сравненія *себя* съ *другими* (отсюда понятія: reverst sensation и double sympathy).

[9]) Ibid. S V, p. 145 и слѣд.

иногда еще чувствами смиренія (+ любовь = почтеніе, respect) и гордости [1]); наконецъ въ составъ половой любви входятъ еще «половой аппетитъ» и чувство красоты [2]). Особо Юмъ говоритъ объ образованіи родственныхъ и дружескихъ привязанностей [3]). Къ несчастію весь этотъ спеціальный анализъ отличается какою-то неопредѣленностью, блужданіемъ и безпорядочностью, — совершенный контрастъ съ Вольфомъ! Нельзя поэтому не согласиться до извѣстной степени съ М. Кошемъ, что «чтеніе книги Юма объ аффектахъ похоже на путешествіе по огромной равнинѣ, которая издали смотритъ очень заманчивою, но въ которой мы не находимъ никакихъ признаковъ плодородія»... Вѣрно также замѣчаніе его, что Юмъ часто схватываетъ важныя обстоятельства, видоизмѣняющія *дѣйствіе* аффектовъ, но что ему совершенно не удалось объясненіе ихъ *природы* [4]). Однако мы не раздѣляемъ мнѣнія вышеупомянутаго писателя, что эта часть трактата Юма наименѣе интересная въ его сочиненіяхъ. Весьма любопытна попытка Юма примѣнить къ объясненію чувствъ любви, ненависти, гордости и смиренія, принципы *ассоціаціи*. Изложимъ сущность теоріи Юма касательно этого вопроса.

Въ упомянутыхъ только что аффектахъ Юмъ различаетъ во первыхъ впечатлѣнія (impressions) удовольствія и страданія, во вторыхъ особыя идеи, съ которыми эти впечатлѣнія связываются [5]). Идеи имѣютъ въ нихъ двоякое участіе: какъ объекты, на которые впечатлѣнія направлены (Self and others), и какъ причины (causes), подъ вліяніемъ которыхъ они образуются. Такимъ образомъ каждый изъ этихъ аффектовъ представляетъ чувственное впечатлѣніе, заключенное въ рамку двухъ идей [6]). Идеи, служащія причинами извѣстнаго аффекта, весьма разнообразны, — Юмъ называетъ ихъ «субъектами» впечатлѣнія [7]). Но всѣ эти «субъекты» имѣютъ общее свойство (quality), благодаря которому они и возбуждаютъ одно и то же чувство [8]). Это общее свойство заключается между прочимъ и въ томъ, что они всѣ вы-

---

[1]) Ibid S. X, p. 173 и слѣд.

[2]) Ibid. S. XI, p. 176 и слѣд.

[3]) Ibid. S. IV, p. 140 и слѣд. Ср. сверхъ того общее перечисленіе превращеній любви, P. III. S. IX, p. 223.

[4]) Ср. Scott Philos., l. c., p. 147 и 149

[5]) Ср. Diss S. II, p. 145: Both, uniting in one action, bestow on the mind a double impulse.

[6]) Treat ibid. P. I S III, p. 78: Here then is a passion plac'd betwixt two ideas.

[7]) Idibid. (the vast variety of *subjects*).

[8]) Ibid. p 79, ср. ibid. 81: Original quality — это one or more circumstances common to all (subjects); конечный выводъ Юма: that' tis not by a different principle each different cause is adapted to its passion (ib. S. IV).

зываютъ удовольствіе или страданіе, но главнымъ образомъ однако—въ общей идеѣ *лица*, къ которому они имѣютъ отношеніе въ томъ или другомъ случаѣ. Стало быть, посредственные аффекты возникаютъ изъ ассоціаціи пріятнаго или непріятнаго впечатлѣнія съ идеею извѣстнаго предмета, ассоціирующагося въ свою очередь съ идеею лица, къ которому этотъ предметъ относится[1]),—иначе сказать, въ посредственныхъ аффектахъ мы имѣемъ примѣръ *двойной ассоціаціи* идей съ впечатлѣніемъ, или двойнаго отношенія идей и впечатлѣній (double relation or association of ideas a. impressions)[2]). Такъ напр. гордость образуется изъ пріятныхъ впечатлѣній, связанныхъ съ идеею какого-либо свойства души, имѣющаго цѣну (здравый смыслъ, остроуміе, ученость, храбрость, справедливость, честность), или какого-нибудь подобнаго же свойства тѣла (красота, сила, ловкость и т. д.), или наконецъ съ идеею какого-нибудь внѣшняго преимущества (богатство, имѣніе, семья, дѣти), если мы только одинъ изъ этихъ предметовъ относимъ къ *себѣ*[3]). Если же тѣ же объекты мы относимъ къ *другому*, то въ насъ возникаетъ любовь[4]); а когда мы къ себѣ или къ другому относимъ объекты обратнаго свойства, то результатомъ являются чувство смиренія или же чувство ненависти. Такимъ образомъ аналогія между любовью и гордостью, ненавистью и смиреніемъ полная[5]). Различіе только въ томъ, что эгоистическія чувства пассивны, т. е. не вызываютъ прямо на дѣятельность,—напротивъ любовь и ненависть активны, т. е. кромѣ причины и объекта имѣютъ цѣль (an end) и порождаютъ расположеніе выказать другому свои чувства (т. е. benevolence a. anger)[6]). Вотъ какимъ путемъ Юмъ примѣняетъ ассоціацію къ объясненію аффектовъ. Характеры ассоціаціи идей и ассоціаціи впечатлѣній онъ при этомъ различаетъ другъ отъ друга: впечатлѣнія связываются только по сходству, напротивъ идеи—по сходству, смежности и по отношенію причины къ дѣйствію[7]). Такое ограниченіе едва ли правильно; но уже

---

[1]) Ibid. S. V, p. 84: These subjects are either parts of ourselves, or somethings nearly related to us. Cp. S. VI, p 89: Everything related to us, which produces pleasure or pain, produces likewise pride or humility. Точно также въ чувствахъ любви и ненависти: The cause of both these passions is always related to a thinking being (ib. P. II. S. I, p. 122).

[2]) Cp. p. 82, 85, 88, 89, 215 Также Diss., S. II a. III.

[3]) Treat. P. I. S. II, p. 78 и 79. Cp. спеціальный разборъ of external advantages a. disadvantages, ib. S. IX и слѣд.

[4]) Ibid. P II. S. I, p. 122

[5]) Ibid. p. 121: There is so great resemblance betwixt these two sets of passions, that we shall be oblig'd to begin with a kind of abridgment of our reasonings concerning the former, in order to explain the latter.

[6]) Ibid. S. VI, p. 153 и 154. Также p. 166: Pride a. humility are only pure sensations, without any direction or tendency to action. (Cp. Diss. p. 156).

[7]) P. I. S. IV, p. 82.

и то много, что Юмъ пытался вообще примѣнить теорію ассоціаціи къ объясненію сложныхъ волненій. При объясненіи чувства симпатіи Юмъ тоже примѣняетъ законы ассоціаціи: основа симпатіи въ сходствѣ темпераментовъ, но кромѣ сходства нужна смежность чувствъ (sentiments) другихъ людей съ нашими [1]). Подъ вліяніемъ этой двойной ассоціаціи, идея о чужомъ состояніи оживляется, а живая идея естественно превращается въ дѣйствительное впечатлѣніе, т. е. въ ощущеніе [2]). Такимъ образомъ Юмъ является продолжателемъ Спинозы въ примѣненіи законовъ ассоціаціи къ объясненію волненій. О другихъ частностяхъ его анализа мы не будемъ говорить, хотя и тутъ много любопытнаго. Особеннаго вниманія напр. заслуживаетъ попытка его — болѣе точно опредѣлить способности животныхъ къ различнымъ чувствамъ гордости, смиренія, любви, симпатіи, ненависти [3]).

Изъ всего сказаннаго уже ясно, что Юмъ въ своемъ родѣ пытался тоже, какъ и Вольфъ, подчинить анализъ чувствованій и аффектовъ болѣе твердымъ началамъ, сравнительно съ прежде господствовавшими, но что и у него почти нѣтъ мыслей, которыя бы въ той или другой формѣ не были высказаны ближайшими предшественниками его въ школѣ Бэкона, или же Спинозою, въ школѣ Декарта. Однако уже болѣе опредѣленною постановкою вопросовъ и своими попытками *объединенія* и Юмъ и Вольфъ оба породили рядъ новыхъ движеній. Съ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка быстро нарождается новая литература вопроса, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи, а отчасти и во Франціи. Эта спеціальная литература, какъ мы уже сказали однажды, послужила главнымъ мотивомъ для реформы въ способѣ классификаціи психическихъ явленій, ибо вызвала признаніе самостоятельнаго мѣста чувствованій въ системѣ послѣднихъ. Послѣ этой реформы, т. е. въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка, означенная литература конечно оживилась еще болѣе. Такимъ образомъ въ развитіи послѣдней можно признать два момента — до реформы Канта и послѣ нея; но тѣмъ не менѣе она составляетъ одно цѣлое, которое неудобно разбивать на части, такъ какъ связь этихъ частей самая тѣсная. Поэтому слѣдующую главу мы посвятимъ обозрѣнію періода, начинающагося съ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка и продолжающагося до 30-хъ годовъ нынѣшняго. Затѣмъ произошелъ, какъ мы увидимъ, нѣкоторый перерывъ въ развитіи спеціальной обработки вопроса, а потомъ, подъ вліяніемъ постепеннаго вторженія естественно-научныхъ

---

[1]) Ibid. S. XI, p. 112.

[2]) Ibid. p. 113: A lively idea (of any object) is converted into an impression.

[3]) Ср. P. I. S. XII, p. 118 и слѣд. и P. II. S. XII, p. 179 и 180. Выводъ: всѣ эти чувства принадлежатъ не только человѣку, но и всему животному міру (extends themselves over the whole animal creation).

методовъ въ психологію и, съ другой стороны, разработки исторіи философіи и развитія историко-философской критики, начинается новая эпоха, критическій анализъ которой составитъ содержаніе VIII и послѣдней главы историческаго отдѣла. Однако, прежде чѣмъ перейдемъ къ новому періоду, мы, по обыкновенію, сдѣлаемъ общій обзоръ предыдущаго. Какой смыслъ въ цѣломъ имѣетъ періодъ, начиная съ Бэкона и до Юма включительно?

Мы уже сказали, что существенная заслуга писателей этого времени заключалась въ перенесеніи анализа чувствованій изъ этики въ психологію, но не надо однако упускать изъ виду, что и въ этотъ періодъ еще почти каждый авторъ, послѣ психологическаго разбора удовольствія, страданія и аффектовъ, пытался сдѣлать примѣненіе своихъ выводовъ къ рѣшенію нравственныхъ задачъ, и что именно это примѣненіе для многихъ даже представляло конечную цѣль и самую заманчивую сторону въ теоретическомъ анализѣ (см. Малебранша). Ученіе объ удовольствіи и страданіи выступило опять у нѣкоторыхъ писателей на первый планъ, но остались тѣмъ не менѣе и такіе, которые главный интересъ ставили въ анализѣ аффектовъ и не стремились къ ясному опредѣленію основныхъ чувствованій пріятнаго и непріятнаго. Аффекты, сказали мы выше, стали опять разсматриваться, какъ феномены духовной, а не тѣлесной жизни, но всетаки бо́льшая часть писателей, начиная отъ Декарта и до Юма включительно, выбрасывали изъ психологическаго анализа аффектовъ разборъ нѣкоторыхъ видовъ удовольствія и страданія, какъ относящихся къ тѣлу.

При спеціальномъ анализѣ *удовольствія* и *страданія* былъ рядъ попытокъ (Гоббесъ, Декартъ, Спиноза, Вольфъ) поставить опять эти феномены въ связь съ оцѣнкою внутреннихъ отношеній, но ни у одного изъ разсмотрѣнныхъ нами мыслителей эта точка зрѣнія не получила такого точнаго выраженія, какое имѣла въ древности у Платона и Аристотеля; у большинства дѣло ограничивалось одними намеками (Гоббесъ, Декартъ, Локкъ, Юмъ) и въ основу самыхъ опредѣленій ставились всетаки старыя понятія полезнаго и вреднаго (bonum et malum, bien et mal, good a. evil). Однако въ развитіи старыхъ теорій являлись иногда новые оттѣнки (ср. намеки на II и XVI точки зрѣнія у Декарта). Вполнѣ послѣдовательнаго проведенія *одной* теоріи мы попрежнему не встрѣчаемъ. Только Вольфъ могъ вездѣ оставаться вѣрнымъ своему общему опредѣленію удовольствія и страданія, благодаря многосторонности или, лучше сказать, двусмысленности послѣдняго, совмѣщенію въ немъ всевозможныхъ способовъ воззрѣнія на дѣло.

Въ ученіяхъ о *примитивныхъ волненіяхъ* мы большею частію имѣли дѣло лишь съ передѣлкою старыхъ системъ понятій, и единства въ этихъ

передѣлкахъ не было: въ самыхъ лучшихъ опытахъ классификаціи примитивныхъ волненій, рядомъ съ понятіями удовольствія и страданія, ставилось понятіе *желанія*, иногда *инстинкта*, т. е. инстинктивнаго стремленія. Это объясняется разсмотрѣнною въ III главѣ первой части «дихотоміею» всѣхъ психическихъ феноменовъ въ означенный періодъ.

Наибольшій успѣхъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ представляетъ анализъ *сложныхъ* аффектовъ. Нѣкоторые писатели даннаго періода пришли къ весьма ясному сознанію *метода*, который долженъ быть примѣненъ къ этому анализу. Они поняли, что въ процессѣ осложненія волненій лежатъ *строгіе законы*; что осложненія эти состоятъ въ *сочетаніи* примитивныхъ волненій, какъ другъ съ другомъ, такъ и съ другими феноменами сознанія; что надо свести къ *немногимъ типамъ* и выразить въ опредѣленныхъ *формулахъ* законы такихъ сочетаній; что предусмотрѣть всѣ соединенія невозможно, что языкъ даже не обладаетъ средствами выразить каждый оттѣнокъ отдѣльнымъ терминомъ; что надо, словомъ сказать, при помощи анализа самыхъ обыкновенныхъ въ человѣческомъ опытѣ чувствованій, опредѣлить такія *общія нормы синтеза*, которыя бы дали потомъ возможность однообразнаго толкованія всѣхъ новыхъ случаевъ, не предусмотрѣнныхъ въ анализѣ. Всѣ эти истины были отчасти сознаны писателями XVII и начала XVIII вѣковъ, и даже стали являться особые термины для выраженія, какъ отдѣльныхъ типовъ осложненія («fluctuatio» Спинозы), такъ и принциповъ осложненія въ ихъ совокупности («ассоціація» Юма). Въ связи съ развитіемъ всѣхъ этихъ положеній подвигалось впередъ и самое описаніе мельчайшихъ условій возникновенія спеціальныхъ волненій и трансформаціи ихъ другъ въ друга: Декартъ, Спиноза, Вольфъ и Юмъ сдѣлали въ этомъ отношеніи всего болѣе вкладовъ въ науку о чувствованіяхъ.

Итакъ для дальнѣйшаго выясненія механизма чувствованій былъ собранъ большой *матеріалъ*, какъ въ смыслѣ описательномъ, такъ и съ точки зрѣнія принциповъ, которые въ главныхъ чертахъ были намѣчены въ данный періодъ. Этимъ и объясняется обильное нарожденіе во вторую половину XVIII в. новыхъ ученій о природѣ чувствованій и волненій, какъ въ общихъ психологическихъ трудахъ, такъ и въ отдѣльныхъ монографіяхъ, — особенно въ Германіи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Новый періодъ съ сороковыхъ годовъ XVIII вѣка.

Въ теченіе тѣхъ ста лѣтъ, которые намъ предстоитъ обозрѣть въ этой главѣ было столько писано по нашему предмету, вышло столько монографій о чувствованіяхъ, столько общихъ психологическихъ сочиненій, а также изслѣдованій по эстетикѣ и нравственной философіи, что не только разобрать, но и перечислить всю эту литературу невозможно. Чтобы не запутаться въ безвыходномъ лабиринтѣ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ въ мнѣніяхъ той массы психологовъ, которые относятся къ разбираемому времени, приходится ограничить свою задачу. Главное вниманіе будетъ обращено нами на разборъ *монографій*, имѣющихъ *прямое* отношеніе къ вопросамъ объ удовольствіи, страданіи, и объ аффектахъ. Сверхъ анализа монографій, мы будемъ останавливаться на разборѣ ученій только тѣхъ писателей по психологіи, которые либо дали видное мѣсто *разбору чувствованій* въ своихъ общихъ психологическихъ трудахъ, либо въ другихъ отношеніяхъ являются *важными звеньями* въ исторіи развитія психологіи. Философовъ, которые не были замѣчательны какъ психологи, мы совсѣмъ не будемъ касаться; точно такъ же мы оставимъ въ сторонѣ, за немногими исключеніями, всѣ эстетическіе и нравственно-философскіе трактаты, какъ имѣющіе только косвенное отношеніе къ нашей темѣ. Мы полагаемъ, что краткій, но по возможности точный анализъ нѣсколькихъ десятковъ *главныхъ* сочиненій послужитъ совершенно достаточнымъ матеріаломъ для оцѣнки общаго значенія эпохи, къ которой мы переходимъ. Анализъ этотъ будетъ *краткимъ*, сказали мы, имѣя въ виду, что и два-три десятка авторовъ составляютъ порядочный матеріалъ для того сравнительно небольшого очерка, который мы можемъ сдѣлать, соображаясь съ мѣстомъ и временемъ, находящимися въ нашемъ распоряженіи. Прежній способъ начертанія *полной* картины каждаго

ученія уже, стало быть, непригоденъ; въ большинствѣ случаевъ нужно будетъ ограничиться двумя задачами: 1) указаніемъ того, что̀ новаго у каждаго писателя и 2) оцѣнкою общаго положенія, занимаемаго имъ въ развитіи разбираемыхъ вопросовъ. Этого будетъ конечно достаточно, ибо изъ предшествующихъ главъ мы уже познакомились съ тѣми центральными пунктами, около которыхъ вращался интересъ психологовъ, изучавшихъ чувствованія; во многихъ случаяхъ мы описали даже и тѣ частныя комбинаціи, которыя выходили изъ примѣненія главныхъ идей, и теперь, на основаніи пройденныхъ образцовъ, воображеніе можетъ дорисовать читателю содержаніе тѣхъ общихъ схемъ, начертаніемъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ мы должны будемъ ограничиваться.

Первая монографія объ удовольствіи и страданіи въ XVIII в. появилась, если не ошибаемся, во Франціи. Это — «Теорія пріятныхъ чувствъ» (Théorie des sentiments agréables. Genève, 1747; 2-е изд. Paris, 1748) **Левэка де Пульи** (Lévesque de Pouilly)[1]). Гамильтонъ, Булье и Дюмонъ приводятъ этого писателя, какъ приверженца теоріи, ставящей удовольствіе въ связь съ умѣренною дѣятельностью органовъ (въ частности удовольствіе связано съ дѣятельностью ума, если она его не утомляетъ)[2]). Еслибъ это положеніе было высказано безъ ограниченій, то Лев. де-Пульи былъ бы однимъ изъ первыхъ ясныхъ выразителей, въ новое время, той теоріи, которую въ намекахъ мы встрѣтили у Гоббеса, Декарта и Локка[3]). Но, повидимому, Де-Пульи прибѣгалъ къ данному объясненію только по поводу нѣкоторыхъ видовъ удовольствія, признавая еще другими источниками удовольствія: извѣстныя свойства самихъ объектовъ (objets qui sont agréables par eux-mêmes), пользу нѣкоторыхъ вещей для насъ (agrément des biens utiles) и сообразную съ нравственнымъ идеаломъ дѣятельность нашу по отношенію къ объектамъ (plaisir attaché à la vertu)[4])... Къ со-

---

[1]) Теорія этого писателя была изложена имъ прежде всего въ «Письмахъ къ лорду Болингброку» (1730) о *разныхъ* психологическихъ вопросахъ. Отдѣльная же монографія его выдержала до пяти изданій, съ 1747 по 1774 годъ (ср. Franck. Dictionn., l. c., Pouilly).

[2]) Ср. Bouiller, l. c., p. 60. Dumont, l. c., p. 58. Hamilton, l. c., p. 465—466.

[3]) Мы говоримъ «однимъ изъ первыхъ», ибо Гамильтонъ упоминаетъ еще объ одномъ предшественникѣ Де-Пульи — Du Bos, написавшемъ Réflexions critiques sur la poésse et la peinture, 1719 (T. I. P. I, §§ 1 и 2); впрочемъ у Du Bos теорія удовольствія составляетъ очевидно не главную задачу, а только вступленіе въ большое сочиненіе по спеціальнымъ вопросамъ эстетики. О Дю-Бо говорятъ еще Мендельсонъ и Вильйомъ, слѣдовательно этотъ писатель вообще пользовался извѣстностью въ XVIII в.

[4]) См. Franck, l. c., p 1381: здѣсь перечислено содержаніе шести главъ монографіи Де-Пульи: Le titre de ces chapitres, говоритъ авторъ статьи лексикона, indique à lui seul l'ensemble de la pensée de l'auteur, le milieu d'idées, pour ainsi dire, où son esprit se meut....

жалѣнію мы не имѣемъ права настаивать на своемъ предположеніи, ибо не могли провѣрить его изученіемъ подлинника [1]).

Во всякомъ случаѣ, если не Де-Пульи, такъ другой писатель этого времени — **Гертли** (Observations on man, 1749) уже несомнѣнно былъ представителемъ чисто *физіологической* точки зрѣнія, если такъ можно выразиться, т. е. стремился поставить удовольствіе въ зависимость отъ естественнаго развитія *внутреннихъ* силъ организма. Ученіе Гертли имѣетъ чрезвычайную важность въ исторіи развитія нашего вопроса, ибо Гертли не только первый пытался перенести объясненіе удовольствія и страданія на настоящую физіологическую почву, но и воспользовался кромѣ того, подобно Юму, теоріей ассоціаціи при толкованіи сложныхъ чувствованій [2]). Теорія ассоціаціи у него впрочемъ тоже имѣетъ физіологическія основы, и потому можно сказать, что Гертли пытался сдѣлать анализъ и синтезъ волненій, основываясь исключительно на физіологической гипотезѣ. Конечно самое проведеніе этой гипотезы не можетъ удовлетворять современную науку, ибо теорія Гертли, теорія *вибрацій*, была продуктомъ современнаго ему состоянія физіологіи, еще находившейся въ то время на младенческой ступени развитія. Но въ прошлыхъ научныхъ построеніяхъ — скажемъ опять — надо болѣе цѣнить общее направленіе, чѣмъ проведеніе мысли въ частностяхъ: въ невѣрной теоріи могутъ заключаться всетаки вѣрныя основанія. Свою гипотезу вибрацій Гертли, по собственнымъ его словамъ, взялъ изъ указаній Ньютона (въ его Принципахъ и въ Оптикѣ), относящихся къ характеру процессовъ ощущенія и движенія; теорія же ассоціаціи заимствована имъ изъ намековъ Локка и его талантливыхъ (ingenious) послѣдователей (Юма?) о вліяніи ассоціаціи на теченіе психическихъ процессовъ [3]).

Чувствованія удовольствія и страданія Гертли, подобно предшествен-

---

[1]) То, что Гамильтонъ, излагая теорію Де-Пульи, не говоритъ объ указанныхъ нами отступленіяхъ, ничего не доказываетъ, ибо Гамильтонъ очевидно тоже не имѣлъ подъ руками подлинника, а пользовался только изложеніемъ Рейнхольда (Ueb. die bish. Begr. d. Vergn., § 1), ср. Hamilt., l. c., p. 466, примѣч. издателя. Гораздо важнѣе ссылка на это сочиненіе въ Энциклопедіи Дидеро, s. v. Passion, Vol. XII (1765), p. 144 Если въ этой статьѣ переданы безъ измѣненія взгляды De Pouilly (ib. p. 142 и 143), то высказанное нами предположеніе окажется невѣрнымъ: придется признать этого писателя совершенно послѣдовательнымъ выразителемъ XVI т. зр., при объясненіи природы удовольствія и страданія. См. ниже изложеніе статей Энциклопед. словаря Дидеро. (Ср еще у Вильйома, l. c., p. 29—32: изложеніе мнѣній Де-Пульи)

[2]) Изъ предисловія его (Observ. on Man, 6 Ed. 1834) видно, что кромѣ Юма онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи еще предшественника — Гея (Gay. Dissert. on fundam. Princ. of Virtue), который тоже старался объяснить всѣ интеллект. удовольствія и страданія при помощи ассоціаціи.

[3]) Ibid. P I ,Ch. I, p. 4. О теоріи вибрацій у Ньютона ср. Blakey, l. c , III, p. 274. О вліяніи Юма на Гертли ср. Троицкаго, Нѣм. Псих , стр. 166.

никамъ, распредѣляетъ въ классы «ощущеній» и «идей». Всѣ ощущенія и идеи суть внутреннія состоянія (internal feelings), и чувствованія eo ipso тоже. Гертли полагаетъ, что всѣ идеи и ощущенія содержатъ въ себѣ первоначально бо́льшую или ме́ньшую примѣсь удовольствія и страданія, но потомъ, по мѣрѣ повторенія, эта примѣсь постепенно исчезаетъ и остаются простыя ощущенія, т. е. выродившіяся пріятныя ощущенія (evanescent pleasures)[1]). Подъ именемъ удовольствія и страданія онъ намѣренъ подвергнуть разбору только тѣ ощущенія, въ которыхъ означенные элементы пребываютъ въ замѣтной степени[2]). Сообразно съ различеніемъ ощущеній и идей, Гертли дѣлитъ удовольствія и страданія на два большіе класса: чувственныхъ (sensible) и интеллектуальныхъ (intellectual), или, что́ то же, элементарныхъ и осложненныхъ (путемъ ассоціаціи)[3]). Первичныя, чувственныя удовольствія и страданія онъ не распредѣляетъ особо на новые классы, держась того же принципа, какъ Аристотель, что съ каждымъ видомъ ощущенія связаны особыя пріятныя и непріятныя чувствованія. Интеллектуальныя же волненія онъ дѣлитъ на шесть классовъ и всего получается поэтому семь группъ (первая родовая, остальныя видовыя), а именно удовольствія и страданія, связанныя 1) съ ощущеніемъ (съ впечатлѣніями внѣшнихъ чувствъ), 2) съ воображеніемъ (естественная и искусственная красота и безобразіе), 3) съ честолюбіемъ (пріятныя и непріятныя мнѣнія о насъ другихъ лицъ), 4) съ себялюбіемъ, selfinterest (обладаніе или необладаніе средствами къ счастію), 5) съ симпатіей (съ удовольствіями и страданіями нашихъ ближнихъ), 6) съ созерцаніемъ божества (theopathy), 7) съ нравственной красотой и безобразіемъ (moral sense)[4]). О значеніи этого распредѣленія мы скажемъ послѣ, а теперь посмотримъ, какъ Гертли примѣняетъ къ объясненію первичныхъ удовольствій и страданій свою теорію вибрацій.

Прежде всего чувственныя удовольствія и страданія суть сами только наиболѣе сильныя ощущенія (most vigorous sensations), стало быть различіе съ самаго начала только *количественное*. Въ количествѣ, *степени* заключается далѣе и различіе между удовольствіемъ и страданіемъ: страданіе — то же удовольствіе, продолженное за извѣстные предѣлы[5]). Каждое

---

[1]) Ср. P. I. Prop. VI, p. 26 (7).

[2]) Ibid. Introduction, p. 1.

[3]) Ср. ibid. Prop. VI, p 22, также Chap. IV: None of the intellectual pleasures and pains can be original. But the sensible pleasures and pains are evidently originals.... they are the common source from whence all the intellectual pleasures and pains are ultimately derived.

[4]) Ibid. Introduct., p. 2. и Ch. IV, p. 261.

[5]) Prop. VI, p. 22: Each pain differs from the corresponding and opposite pleasure not in

удовольствіе переходитъ въ страданіе, при «увеличеніи» вызывающей его причины (by increasing its cause), при чемъ это увеличеніе можетъ имѣть источники субъективные (sensibility of the organ) и объективные (impression, duration). Точно также и обратно, страданіе переходитъ въ удовольствіе, по мѣрѣ ослабленія впечатлѣнія. Сущность удовольствія состоитъ въ соотвѣтствіи вибрацій, производимыхъ впечатлѣніями, съ расположеніемъ вибрирующихъ молекулъ въ нервныхъ тканяхъ: когда вибраціи дѣлаются настолько сильными, что связь и послѣдовательность молекулъ разрушается (solution of continuity in living parts), то мы ощущаемъ страданіе [1]). Изъ этого уже очевидно, что Гертли производитъ чувствованія изъ оцѣнки гармоніи *внутреннихъ* отношеній; но такъ какъ эта гармонія лежитъ въ сферѣ анатомической конструкціи, прямо недоступной сознанію, то оцѣнка конечно предполагается безсознательная: удовольствіе и страданіе служатъ для ума нашего показателями гармоніи и дисгармоніи, а не обратно. Наконецъ, оцѣнка эта *относительная*. Гертли говоритъ, что, подъ вліяніемъ частаго повторенія, отношенія молекулъ (attraction and repulsion of medullary particles) измѣняются, и тогда измѣняется параллельно и дѣйствіе впечатлѣній на насъ въ томъ или другомъ смыслѣ [2]). Итакъ Гертли представляется несомнѣнно выразителемъ XVI точки зрѣнія (безсознательная и релативная оцѣнка внутреннихъ отношеній).

Теперь спрашивается, какъ объяснить образованіе интеллектуальныхъ чувствованій чрезъ превращеніе чувственныхъ по закону *ассоціаціи*? Первое условіе ассоціаціи — сохраненіе слѣдовъ (traces) отъ прежнихъ волненій. Благодаря слѣдамъ, ткани получаютъ предрасположеніе къ повторенію прежнихъ вибрацій въ болѣе слабой степени (miniature vibrations) при дѣйствіи обстоятельствъ, вошедшихъ въ связь съ ними (associated circumstances) [3]). Эти обстоятельства суть идеи всевозможныхъ предметовъ и даже символы этихъ идей, слова, съ которыми мы связываемъ, подъ вліяніемъ

---

kind, but in degree only, i. e. that pain is nothing more than pleasure itself, carried beyond a due limit.

[1]) Ibid. p. 23 и слѣд. Этотъ принципъ объясненія боли напоминаетъ опредѣленіе понятія dolor, данное Вольфомъ (solutio continui) Не беремся рѣшить, простое ли это совпаденіе, или результатъ знакомства Гертли съ Эмпирич. психологіей, но интересно, что есть и другія черты, общія обоимъ авторамъ (напр. противуположеніе въ статьѣ объ аффектахъ доказательствъ a priori доказательствамъ a posteriori, ср. ibid. S. III. Prop. LXXXIX).

[2]) Ibid. p. 24 и 25 (4).

[3]) Ср. ibid. Prop. XXXIII, p 91; Prop. XLIV, p. 105, Prop. LI, p. 116, Prop. LX, p. 130 и Prop. LXIX, p. 146. Во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ объясняется, какъ путемъ ассоціаціи каждая группа чувственныхъ удовольствій и страданій участвуетъ въ образованіи различныхъ интеллектуальныхъ волненій, разобранныхъ въ главѣ IV.

опыта, извѣстныя представленія[1]). Тѣ и другія, т. е. какъ идеи, такъ и ихъ символы, входятъ въ ассоціацію съ впечатлѣніями удовольствія и страданія по *смежности;* ни о какомъ другомъ принципѣ Гертли не говоритъ. Въ результатѣ ассоціаціи являются двоякаго рода продукты: аффекты общіе и аффекты спеціальные, интеллектуальные. Подъ *общими* аффектами Гертли разумѣетъ простыя видоизмѣненія общихъ состояній удовольствія и страданія, вслѣдствіе ассоціаціи ихъ съ идеями обстоятельствъ, содѣйствующихъ и препятствующихъ ихъ развитію. Таковы 1) любовь и ненависть — самыя первыя трансформаціи удовольствія и страданія, подъ вліяніемъ идей объектовъ и другихъ событій (incidents), ихъ вызывающихъ; во 2) желаніе и отвращеніе, или, что́ то же, любовь и ненависть въ ассоціаціи съ импульсами къ дѣятельности, которую они вызываютъ; въ 3) надежда и страхъ, возникающія изъ осложненія желанія и отвращенія идеями бо́льшей или ме́ньшей вѣроятности ихъ удовлетворенія; въ 4) радость и печаль, образующіяся изъ осуществленія или неосуществленія желанія и отвращенія, страха и надежды; наконецъ въ 5) пріятное или непріятное воспоминанія (pleasing a. displeasing recollection), остающіяся по прошествіи радости и печали, и по удаленіи ихъ объекта. Это *общіе* аффекты (general passions), сводящіеся такимъ образомъ къ двумъ группамъ: пяти пріятныхъ (grateful) и пяти непріятныхъ (ungrateful)[2]).

Тѣмъ же способомъ образуются и *спеціальные* интеллектуальные аффекты, но ихъ источникъ уже не въ характерѣ развитія удовольствія и страданія вообще, а въ ассоціаціи спеціальныхъ чувственныхъ удовольствій и страданій другъ съ другомъ и съ различными идеями. Мы можемъ себѣ представить, говоритъ Гертли, что эта ассоціація совершается слѣдующимъ порядкомъ: чувственныя удовольствія даютъ начало удовольствіямъ воображенія; тѣ и другія вмѣстѣ — удовольствіямъ честолюбія; изъ совокупности этихъ трехъ видовъ образуются себялюбивыя чувствованія и т. д.: всякая слѣдующая группа составляетъ результатъ сложной комбинаціи всѣхъ предшествующихъ. Но затѣмъ, обратнымъ порядкомъ, удовольствія воображенія даютъ новую форму чувственнымъ; удовольствія «амбиціи» совершаютъ превращенія въ удовольствіяхъ воображенія и въ чувственныхъ, и т. д. Вслѣдствіе этихъ многочисленныхъ взаимо-вліяній интеллектуальныя чувствованія пріобрѣтаютъ ту ступень сложности (complexness), которую мы наблюдаемъ въ дѣйствительности и которая дѣлаетъ ихъ столь трудными для анализа[3]).

---

[1]) Ср. Prop. XXXIII.

[2]) Ср. P. I. S. III. Prop. LXXXIX, p. 231—235.

[3]) Ibid. p. 232.

Въ главѣ IV Гертли пытается всетаки распутать главныя нити, изъ которыхъ образуются составные узлы эмоцій, разбирая по очереди составъ интеллектуальныхъ удовольствій и страданій каждаго типа, въ порядкѣ отъ простѣйшихъ къ самымъ сложнымъ (pleasures a. pains of moral sense). При этомъ онъ даетъ новыя подраздѣленія каждой группы, повторяя часто различенія, сдѣланныя уже предшественниками, особенно Юмомъ [1]). Вотъ образчики его объясненій. Удовольствія при созерцаніи красотъ природы могутъ образоваться такимъ путемъ: «пріятные вкусы и запахи, красивыя краски плодовъ и цвѣтовъ, мелодическое пѣніе птицъ, пріятная теплота или прохлада воздуха, въ соотвѣтствующіе сезоны, служатъ основою для перенесенія отголосковъ (miniatures) этихъ удовольствій на сельскія сцены» [2])..... Точно также, напр., наслажденіе умственной работой вообще (study of sciences) слагается изъ частаго повторенія пріятныхъ ощущеній, связанныхъ съ отдѣльными актами изученія того или другого предмета, доставляющими какъ эстетическія наслажденія подъ вліяніемъ разнообразія, единства, чудесности объектовъ, такъ и наслажденія рядомъ внѣшнихъ преимуществъ, — почетомъ, богатствомъ и другими послѣдствіями знанія [3]). Нравственныя чувства, связанныя съ понятіями добродѣтели и порока, справедливаго и несправедливаго и т. д., имѣютъ самое сложное образованіе. Тутъ участвуютъ: извѣстныя ассоціаціи словъ и идей, привитыя намъ воспитаніемъ; рядъ непосредственныхъ страданій и наслажденій, связанныхъ съ неумѣренностью или умѣренностью въ жизни; многочисленныя выгоды, прямо или косвенно приносимыя добродѣтелью или порокомъ; гармонія добродѣтелей другъ съ другомъ и соотвѣтствіе ихъ общему порядку и совершенству міра; чувства надежды и страха, связанныя съ идеею будущаго состоянія; наконецъ всѣ размышленія о Богѣ и его совершенствахъ, и чувства, къ нему питаемыя [4]). Отсюда ясно, что Гертли «механически», путемъ ассоціаціи смежныхъ явленій сознанія, старается объяснить постепенное развитіе волненій, чрезъ посредство ряда превращеній простыхъ чувственныхъ впечатлѣній удовольствія и страданія въ такіе сложные комплексы, которые содержатъ десятки элементовъ первичнаго, вторичнаго и другихъ образованій. Эту идею постояннаго увеличенія числа ингредіентовъ каждаго высшаго агрегата Гертли чуть-ли не первый пытался примѣнить во всей ея широтѣ. Но его цѣль впрочемъ — только дать краткія и общія

---

[1]) Ср. напр. дѣленіе pleasures a. pains of ambition (Sect. II Prop XCV, p. 278) и pleas a. pains of sympathy (S. IV. Prop. XCVII, p. 295)

[2]) Ibid. S. I. Prop. XCIV, p. 263.

[3]) Ibid. p. 272.

[4]) Ibid. S. VI. Prop. XCIX, p. 309 и слѣд

указанія, сказать *кое-что* (something) объ образованіи каждаго класса производныхъ волненій, какъ онъ самъ не разъ выражается[1]). Какъ архитекторъ онъ рисуетъ только планъ и предоставляетъ другимъ выполненіе частностей. Въ этомъ лежитъ главный недостатокъ его работы, ибо, при такихъ пріемахъ, онъ не могъ выработать твердыхъ и однообразныхъ *законовъ* осложненія въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ и не могъ дать самому изложенію строго-научнаго порядка. Читая его главу объ интеллектуальныхъ удовольствіяхъ и страданіяхъ, мы еще болѣе, чѣмъ у Юма, странствуемъ по необозримой равнинѣ фактовъ, не видя никакихъ точекъ опоры, никакихъ мѣстъ для отдохновенія, словомъ сказать — никакихъ средствъ для подведенія итоговъ. Въ этомъ сказалась впрочемъ общая черта великобританскаго ума, съ которою намъ еще не разъ придется встрѣчаться. У всѣхъ англійскихъ и шотландскихъ психологовъ мы найдемъ, рядомъ съ ясной постановкою первоначальныхъ принциповъ и съ богатствомъ фактическихъ описаній, совершенную неспособность подчинить послѣднія первымъ, расположить матеріалъ въ такомъ порядкѣ и въ такой связи, чтобы была гармонія между цѣлымъ и частями. Косвенная причина всему этому въ неясномъ пониманіи Англичанами требованій классификаціи: для нихъ классификація равносильна перечисленію всѣхъ въ голову приходящихъ понятій, безъ всякаго соблюденія правилъ однообразія и взаимнаго исключенія.

Послѣ Гертли, главная заслуга котораго очевидно заключается въ гипотезѣ происхожденія всѣхъ чувствованій путемъ ассоціаціи изъ простыхъ удовольствій и страданій, производимыхъ гармоніей или дисгармоніей между данною намъ организаціей и физіологическими отправленіями, въ ней совершающимися, — перейдемъ къ современникамъ его въ Германіи. Были между ними такіе, которые съ небольшими измѣненіями приняли теорію Вольфа — таковы Баумгартенъ (Aesthetik, 1750—1758) и Мендельсонъ (Brieffe ueb. die Empfindungen, 1755). **Баумгартенъ,** признавая оцѣнку объективнаго совершенства источникомъ чувствованій, нѣсколько болѣе Вольфа настаивалъ на участіи въ нихъ субъективнаго момента (possunt turpia pulchre cogitari, ut talia, et pulchriora turpiter)[2]). **Мендельсонъ,** раздѣляя въ общемъ тоже опредѣленія Вольфа, ратовалъ однако противъ предположеніе всякихъ безсознательныхъ источниковъ удовольствія и страданія[3]).

---

[1]) Ср. p 277 и др.

[2]) Ср. H G. Meyer. Leibnitz u. Baumgarten, als Begründer d. deutschen Aesth. Inaug. Diss. Halle. 1874, p. 36.

[3]) Ср. Villaume. Vom Vergnuegen. Tub 1788, p. 75. Ср. Hamilt., l. c., p. 464.

Ученій этихъ и подобныхъ приверженцевъ Вольфа мы подробно не будемъ разсматривать, какъ въ виду ихъ несамостоятельности,такъ и потому, что эти авторы имѣютъ другія, спеціальныя цѣли и только между прочимъ касаются общаго вопроса, нами разбираемаго. Гораздо важнѣе для насъ познакомиться съ ученіемъ писателя, пытавшагося совершенно переработать Вольфову теорію удовольствія. Это—**Зульцеръ,** авторъ первой въ Германіи извѣстной монографіи о пріятныхъ и непріятныхъ чувствованіяхъ (Theorie der angenehmen u. unangen. Empfind. Berl. 1762)[1]). Зульцеръ самъ заявляетъ, что онъ не раздѣляетъ ни теоріи Вольфа, ни теоріи Декарта[2]). Началомъ ему служитъ опредѣленіе удовольствія и страданія, въ духѣ Локка, какъ простыхъ идей (einfache Begriffe), которыя по интенсивности могутъ измѣняться до безконечности, и, вслѣдствіе этого, получать различныя названія, напр. пріятность, удовольствіе, радость, восторгъ, и обратно. Задача его опредѣлить первоначальный источникъ удовольствія и страданія. Начало удовольствія, говоритъ онъ, въ чувствѣ облегченія[3]), въ сознаніи равновѣсія; начало страданія въ чувствѣ принужденія (Zwang). Дѣятельность души заключается въ силѣ мышленія, въ стремленіи мыслить. Когда развитіе этой силы встрѣчаетъ *препятствіе,* или когда дѣятельность не соотвѣтствуетъ силѣ стремленія, то послѣдствіемъ бываетъ страданіе (сравненіе съ рѣкой, которая течетъ покойно, пока не встрѣчаетъ препятствій). Удовольствіе же труднѣе объяснить: свободы дѣйствія и успѣха его мало для возбужденія удовольствія,—необходимо еще сознаніе этого состоянія легкости; но и этого мало—нужно еще живое теченіе дѣятельности (lebhafte Unruhe). Эта живость дѣятельности обусловливается желаніемъ; стало быть, безпрепятственное удовлетвореніе *желанія* (Begierde)—вотъ основа удовольствія: какъ скоро исчезаетъ желаніе, исчезаетъ и удовольствіе, т. е. нисходитъ на степень простого чувства удовлетворенія (blosses Gefallen)[4]). Изъ этого ясно, что теорія Зульцера принадлежитъ къ категоріи тѣхъ, которыя ставятъ чувствованія въ связь съ оцѣнкою нашей дѣятельности по отношенію къ какимъ-нибудь объектамъ. Такъ какъ эта оцѣнка признается относительною[5]) и въ большинствѣ слу-

---

[1]) Впервые это сочиненіе появилось въ 1751, 52 г. на франц. языкѣ въ запискахъ Берлинск Акад. См. Chronol Verzeichniss въ Vermischte Schriften Зульцера, изд 1781 г., 2 Th., p 145.

[2]) Theorie d. angen Empf., l. c., p. 18

[3]) «Freye Leichtigkeit» (aisance), ibid. Въ Verm. Schrift. (1782 г. 1. Th., p. 11) мы находимъ другое выраженіе: Behaglichkeit.

[4]) Ср. ibid p. 18—21.

[5]) Онъ правда полагаетъ, что непосредственныя удовольстія всѣмъ людямъ общи, и что они постоянны, ибо вытекаютъ непосредственно изъ природы души; что различіе вкусовъ только кажущееся, «nur scheinbar» (ср. ib., p. 37 и 38, также p. 25 и 68); но на дѣлѣ

чаевъ сознательною [1]), то точка зрѣнія Зульцера — Эпикурейская (X), чего онъ конечно не сознаетъ, ибо приписываетъ это ученіе себѣ (meine Theorie), между тѣмъ какъ оригинальнаго у Зульцера только то, что всѣ стремленія онъ сводитъ къ одному — стремленію мыслить, *развивать идеи* [2]).

Изслѣдуя природу удовольствій въ подробностяхъ, Зульцеръ проводитъ различіе между субъективными и объективными условіями ихъ (состояніе души и свойства предметовъ) [3]), и тутъ оказывается, что онъ всетаки далеко не вполнѣ эмансипировался отъ вліянія Вольфа: объективное совершенство считается немаловажнымъ факторомъ въ развитіи чувствованій. Разнообразіе объектовъ, сведенное къ единству, вотъ принципъ удовольствія въ зависимости отъ внѣшнихъ условій [4]), — иначе сказать, если есть порядокъ въ расположеніи частей цѣлаго, то мы ощущаемъ удовольствіе, если нѣтъ его — страданіе [5]). Такимъ образомъ Зульцеръ, подобно Вольфу, сидѣлъ всетаки на двухъ стульяхъ, и это подтверждается указанною (въ примѣч.) борьбою въ его ученіи: между релативизмомъ и абсолютизмомъ, между признаніемъ сознательности и признаніемъ безсознательности оцѣнки. Онъ только перенесъ *центръ тяжести* изъ объективнаго міра въ субъективный, изъ безсознательной сферы въ сознательную, изъ области абсолютнаго въ область относительнаго, тогда какъ у Вольфа положеніе дѣла было обратное.

Классификація чувствованій для Зульцера представляется дѣломъ

это оказывается только идеальнымъ требованіемъ воспитаніе, привычки и особыя настроенія (ср. p. 30), порядокъ смѣны объектовъ (ср. p. 65), а главное разнообразіе знаній нашихъ о вещахъ и мнѣній о нихъ (ср. p 68), какъ послѣдствіе всѣхъ вышеупомянутыхъ причинъ дѣлаютъ наши вкусы и чувствованія совершенно *относительными* и весьма различными (ср. p. 24 и 25): общія всѣмъ людямъ чувствованія оказываются въ концѣ концовъ основанными лишь на общности извѣстной обстановки, окружающихъ условій (p. 26).

[1]) Ср. p. 20 и 28 (Fertigkeit zu ueberlegen, какъ cond. s. qua non для развитія чувствованій), 58 (so oft eine verwirrte Idee deutlicher wird, so muss die Seele nothwendig Annehmlichkeit darüber emfinden), 69 (der Geschmack, als nothwendige Folge der Erkenntniss u. Einsicht). Исключеніе Зульцеръ дѣлаетъ только для чувственныхъ, самыхъ низшихъ по достоинству, удовольствій: die Schonheit der Sensation nimmt man undeutlich wahr, говоритъ онъ (p. 95), ср. p. 106: душа наслаждается чувственными образами ohne eine deutliche Kenntniss v. d. Ursachen zu haben.

[2]) Ср. p. 27. Главное условіе удовольствія: Die Seele muss in Stande sein eine Menge Ideen, die in einem einzigen Gegenstande verbunden sind, leicht zu entwickeln. Ср. p. 22 и слѣд.: всѣ чувствованія возникаютъ nur aus dem Bestreben der Seele Ideen hervorzubringen. Ср. p. 29 и 34.

[3]) Ср. p. 22, 27, 35 и др.

[4]) Ibid. p. 42 и слѣд. (47, ср. 53). Для чувственныхъ наслажденій p. 92—95. (Это былъ принципъ, общій всѣмъ нѣмецкимъ эстетикамъ, напр. и Мендельсону тоже).

[5]) Ср. p. 34 и 66: безпорядокъ мѣшаетъ душѣ развивать идеи.

второстепеннымъ. Рядомъ съ удовольствіемъ и страданіемъ онъ признаетъ безразличное состояніе[1]); непосредственныя чувствованія онъ различаетъ отъ посредственныхъ, производныхъ[2]); первыя онъ дѣлитъ на три класса: чувственныхъ, интеллектуальныхъ и сердечныхъ или нравственныхъ волненій[3]); кромѣ того онъ говоритъ особо о «простыхъ аффектахъ», находя, что хорошее ихъ перечисленіе дѣлаетъ Декартъ[4]). Разбирая подробно (II—IV Abschn.) интеллектуальныя, чувственныя и нравственныя эмоціи, онъ старается доказать, что каждый классъ имѣетъ одни и тѣ же субъективные и объективные источники[5]). Удовольствіе дружбы (нравственный аффектъ) онъ объясняетъ, напр., возможностью свободно развивать интереснѣйшія мысли въ бесѣдѣ съ другомъ[6]): симпатическія волненія по поводу чужого счастія и несчастія онъ объясняетъ свободою и стѣсненіемъ, которыя мы ощущаемъ при смѣнѣ въ душѣ идей о какихъ-либо пріятныхъ или непріятныхъ вещахъ, хотя бы онѣ прямо къ намъ и не относились[7]), и т. д. Систематическаго перечня спеціальныхъ чувствованій мы у Зульцера не находимъ.

Итакъ во Франціи, Англіи и Германіи мы встрѣчаемъ одновременно оживленіе интереса къ вопросамъ, насъ занимающимъ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, — оживленіе, проявляющееся частью выходомъ въ свѣтъ особыхъ монографій объ удовольствіи и страданіи, частью стремленіемъ найти новое рѣшеніе вопросу о природѣ этихъ явленій. Этотъ выводъ еще болѣе подтвердится дальнѣйшими фактами, которые мы разсмотримъ. Чтобы облегчить себѣ порядокъ изложенія, мы теперь по очереди разберемъ, насколько можно сжато, развитіе анализа чувствованій во Франціи, Англіи и Германіи съ половины и до конца прошлаго вѣка.

Начнемъ съ французскихъ писателей. Вопросъ о пріятныхъ и непріятныхъ чувствованіяхъ былъ по всей Европѣ въ большой модѣ съ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка. Но только въ нѣмецкой литературѣ мы встрѣтимъ непрерывный рядъ монографій съ господствующимъ психологическимъ характеромъ въ анализѣ этого вопроса. Во Франціи преобладали эстетическія задачи, въ Англіи — нравственныя. Такъ напр. въ 1741 г. во Франціи вышло сочиненіе Андре «Опытъ о прекрасномъ», въ 1746 — сочиненіе

---

[1]) Ibid. p. 34.
[2]) Ibid p. 36.
[3]) Ibid. p. 37.
[4]) Ibid. p. 27.
[5]) О примѣненіи найденныхъ имъ правилъ къ чувственнымъ волненіямъ, ср. p. 95;— къ нравственнымъ, ср. p. 114 и слѣд.
[6]) Ibid p 118.
[7]) Ibid. p. 121.

Баттё «О принципѣ изящныхъ искусствъ», въ 1748 г. — «Физика прекраснаго» Морелли и т. д.[1]). Этихъ писателей мы не будемъ касаться, ибо ихъ сочиненія имѣютъ только косвенное отношеніе къ нашему предмету[2]). Точно также мы не будемъ разбирать отрывочныхъ мнѣній, высказанныхъ о томъ же предметѣ французскими философами-моралистами XVIII в., каковы Монертюи (Essai de philos. morale), Вольтеръ, Монтескьё (Essai sur le goût), Руссо и друг.[3]). Достаточно будетъ для характеристики направленія французовъ, если мы познакомимъ читателя съ воззрѣніями нѣкоторыхъ психологовъ второй половины XVIII в., напр. Кондильяка, швейцарца Бонне, Дидеро и Кабаниса. Изъ монографій объ удовольствіи на французскомъ языкѣ въ эту эпоху мы знаемъ только о двухъ: швейцарца **Бертрана** (Bertrand. Essai s. le plaisir, Neuchâtel, 1777) и нѣмецкаго математика **Кэстнера** (Kaestner. Réflexions sur l'origine des plaisirs, 1767); но и эти монографіи принадлежали не французамъ, а иностранцамъ. Оба названные писателя были послѣдователями Декарта и выходили изъ опредѣленія удовольствія, какъ результата оцѣнки совершенства[5]). Поэтому говорить о нихъ подробнѣе излишне.

Кондильякъ весьма часто, но всегда мимоходомъ и поверхностно, касается вопроса о природѣ удовольствія въ своемъ трактатѣ объ ощущеніяхъ. *Частое* возвращеніе къ этому предмету объясняется, какъ его методомъ изложенія вообще, такъ и взглядомъ на удовольствіе, какъ на главный и единственный принципъ психическаго развитія[6]); *поверхностный* анализъ зависитъ отъ того, что чувствованія удовольствія и страданія Кондильякъ смѣшиваетъ съ ощущеніями: это формы ощущенія, достигшаго извѣстной степени интенсивности[7]), и оттого безразличныхъ состояній души въ сущности нѣтъ, — такія мнимыя состоянія происходятъ только отъ сравнительной оцѣнки однихъ пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній по отношенію къ другимъ: болѣе слабыя кажутся безразличными[8]). Основательнаго анализа при-

---

[1]) Père André, Essai sur le beau. Batteux, Les beaux arts, réduits à un même principe. Morelly, Physique de la beauté.

[2]) Теорія Морелли изложена довольно подробно у Вильйома (Vom Vergn. 1788, p. 112 и слѣд.) — она очевидно принадлежитъ къ той же категоріи, къ которой относились ученія Du Bos и De Pouilly.

[3]) Отзывы всѣхъ этихъ мыслителей часто приводятся у Bouillier (l. c.).

[4]) Ламметри, Гельвецій и Гольбахъ тоже останутся въ сторонѣ, ибо они только мимоходомъ и совершенно поверхностно касались вопроса о природѣ разбираемыхъ явленій.

[5]) Ср. Dumont, l. c., p. 45 и 46; Bouillier, l. c., p. 110.

[6]) Ср. Traité des sens., l. c., I P. Ch. II, § 4 (p. 12) и § 21 (p. 19); ib. Ch. VII, § 3 (p. 61); II P. Ch. VI, § 1 (p. 113): удов. принципъ всякаго движенія, ib. Ch. VIII, § 1 (p. 119).

[7]) Ср. ib. I P. Ch. II (p. 11 и слѣд.).

[8]) Ibid. § 24 (p. 21): Lorsque la statue aura ressenti successivement les plus vives douleurs et les plus grands plaisirs, elle jugera indifférentes, ou cessera de regarder comme agréables ou désagréables, les sensations plus faibles, qu' elle aura comparées avec les plus fortes.

роды удовольствія и страданія, при указанныхъ пріемахъ, мы у Кондильяка конечно не найдемъ. Отрывочныя замѣтки заставляютъ думать, что удовольствіе онъ ставилъ въ зависимость отъ умѣреннаго упражненія нашихъ органовъ и нашихъ силъ, напр. отъ умѣреннаго движенія [1]) и отъ умѣренной умственной дѣятельности [2]); страданіе наоборотъ — отъ чрезмѣрной силы ощущенія, утомляющей органъ [3]); поэтому, при наступленіи отдыха, мы снова чувствуемъ удовольствіе [4]). Но эти убѣжденія не мѣшали Кондильяку употреблять фразы, въ родѣ слѣдующей: «удовольствія слуха, говоритъ онъ, заключаются въ послѣдовательности звуковъ, согласно правиламъ гармоніи» [5]). Онъ говоритъ также, что «полезность» вещей содѣйствуетъ возбужденію въ насъ удовольствія [6]). Такія выраженія были бы конечно совершенно законны, еслибъ онъ пытался поставить ихъ въ связь съ своей общей теоріей, но онъ этого не сдѣлалъ. Оцѣнку соотвѣтствія между впечатлѣніемъ и потребностью органа онъ повидимому считалъ *сознательною* [7]); *релативизмъ* же его не подлежитъ сомнѣнію, ибо онъ самъ употребляетъ это выраженіе въ принятомъ нами смыслѣ [8]).

Классификаціей чувствованій Кондильякъ мало интересуется. Онъ различаетъ чувственныя и интеллектуальныя удовольствія, но послѣднія имѣютъ для него значеніе главнымъ образомъ какъ продукты *воспоминанія* чувственныхъ наслажденій, хотя онъ и ставитъ первыя въ связь съ тѣломъ, вторыя — съ душою вообще [9]). Въ частности онъ различаетъ чувствованія только по степени интенсивности [10]). Аффекты, какъ мы уже говорили, суть для него сильныя желанія, порождаемыя удовольствіемъ и страданіемъ: «любить» синонимъ понятій наслаждаться и желать, «нена-

---

[1]) Ср. II P. Ch. V, § 2 (p. 109 и 110): Le mouvement peut seul procurer tous les plaisirs, dont elle (la Statue) est capable.

[2]) Ibid. § 4 (111): Elle passera par autant de sentiments agréables, qu' elle se formera d'idées nouvelles.

[3]) Ibid. I P. Ch. II, § 23 (p 21). En augmentant le plaisir peut conduire à la douleur, parce que l'impression devient trop forte pour l'organe .. En augmentant elle tend à la destruction totale de l'animal. Ср. II P. Ch V, § 4 (p 111).

[4]) Idibid.: Le repos deviendra son plus grand plaisir.

[5]) Ibid. I P. Ch. VII, § 6 (p 66)

[6]) Ibid. III P. Ch. III, § 5 (p 250).

[7]) Ср ibid. § 7 (p. 251): L'esprit ne peut comparer à la fois qu'un certain nombre d'idées: une trop grande multitude fait confusion Elle nuit donc au plaisir....

[8]) Ср ibid. § 1(p. 249). Понятія bonté и beauté expriment les qualités par où les choses contribuent à nos plaisirs.. tout est sensible à des idées d'une bonté et d'une beauté relatives à lui. Ср. ib. § 3: le bon et le beau ne sont point absolus: ils sont relatifs au caractère de celui qui en juge et à la manière dont il est organisé. Ср. также I P. Ch. III, § 4 (p. 38).

[9]) Ibid. Ch II, § 22 (p. 20).

[10]) Ср. ib. § 24 (p. 22) и Ch. III, § 6 (p. 38).

видѣть» значитъ чувствовать себя не по себѣ, чувствовать неудовольствіе въ присутствіи объекта[1]). Надежда есть любовь въ соединеніи съ сужденіемъ о томъ, что мы можемъ *еще* испытать удовольствіе, страхъ — обратно[2]). Этими и подобными поверхностными опредѣленіями Кондильякъ и ограничивается.

У современника Кондильяка, **Ш. Бонне́,** замѣчанія о природѣ удовольствія и страданія и о механизмѣ аффектовъ тоже очень разнообразны, — мы ихъ находимъ частью въ «Опытѣ психологіи» (1755), частью въ «Аналитическомъ опытѣ о способностяхъ души» (1760), а равно и въ другихъ статьяхъ философскаго содержанія. Бонне однако гораздо сознательнѣе Кондильяка высказывается по всѣмъ вопросамъ, насъ занимающимъ. Въ теоріи его мы имѣемъ сочетаніе воззрѣній, встрѣченныхъ нами у Локка, Кондильяка и Гертли. Но есть и оригинальныя черты. Прежде всего оригинально, что Бонне, какъ мы уже указали въ свое время[3]), рядомъ съ разумѣніемъ и волею признаетъ въ человѣкѣ особую способность чувствовать (sensibilité), подъ которой онъ впрочемъ главнымъ образомъ разумѣетъ силу ощущенія[4]). Еслибъ изданіе сочиненій Бонне, которымъ мы пользуемся, не относилось къ довольно позднему времени (1779—83) и не было значительно поправлено и видоизмѣнено (по его собственному признанію), то этого писателя слѣдовало бы признать прямымъ предшественникомъ Тетенса и Канта въ дѣленіи душевной дѣятельности на три вѣтви. Такъ или иначе, мы видимъ, что и у французскихъ психологовъ второй половины XVIII в. было стремленіе къ реформѣ въ классификаціи духовныхъ явленій.

Въ каждомъ ощущеніи Бонне различаетъ двѣ вещи: то, что́ характеризуетъ объектъ, на насъ дѣйствующій (объект. сторона ощущенія) и то, что́ побуждаетъ душу къ дѣйствію (субъект. сторона). Этотъ активный элементъ ощущенія и состоитъ въ чувствованіяхъ пріятнаго и непріятнаго (какъ мотивахъ дѣятельности)[5]). Объясненіе удовольствія у Бонне совершенно физіологическое, ибо его принципъ таковъ, что чувствуетъ всегда душа, но то, что́ она чувствуетъ, принадлежитъ тѣлу[6]). Какъ она чувствуетъ то, что́ совершается въ тѣлѣ, по его мнѣнію, составляетъ тайну[7]), и съ этой

---

[1]) Ibid. § 5 (p. 38).

[2]) Ibid. § 8 (p. 39).

[3]) См. выше стр. 89, прим. 1.

[4]) См. Oeuvres d'hist. nat. et de philos., de Ch Bonnet. T. VIII, Neuchâtel. 1783, p. 402 и слѣд.

[5]) T. VI (ibid. 1782). Essai anal. sur l'âme. Chap. X, p. 63 и 64.

[6]) Ibid Ch. IX, p. 47· C'est toujours l'âme qui sent; mais c'est toujours le corps qui fait sentir.... L'âme est une puissance que le corps réduit en acte (вліяніе Аристотелевскихъ воззрѣній!).

[7]) Ср. ib. Ch. VI, p. 22 и 23.

точки зрѣнія удовольствіе и страданіе такъ же мало доступны опредѣленію, какъ и другія ощущенія (Локкъ)[1]). Поэтому Бонне ограничивается опредѣленіемъ физіологическихъ условій этихъ явленій. При этомъ онъ пользуется теоріею вибрацій, но не исключаетъ и другихъ видовъ движенія въ нервной системѣ[2]), — вообще стоитъ на болѣе широкой точкѣ зрѣнія, чѣмъ Гертли, и обыкновенно предпочитаетъ пользоваться общимъ понятіемъ *движенія*, полагая, что мы не можемъ знать, какой именно видъ движенія производитъ тотъ или другой видъ удовольствія[3]). Мы знаемъ только, что каждое движеніе можетъ возрастать, и что то самое движеніе, которое на извѣстной ступени производило удовольствіе, перейдя за эту ступень, можетъ повести къ разъединенію молекулъ (solution de continuité) и тѣмъ самымъ къ боли; при этомъ боль будетъ пропорціональна числу разъединенныхъ молекулъ[4]). Стало быть, удовольствіе состоитъ въ легкомъ колебаніи (léger ébranlement), въ маленькихъ и быстрыхъ вибраціяхъ молекулъ, и вообще различіе удовольствія и страданія сводится къ различію *интенсивности* движенія, которому соотвѣтствуютъ тѣ или другія состоянія души,— точно такъ же, какъ основою различія ощущеній, въ тѣсномъ смыслѣ, служитъ *качество* (espèce) этого движенія[5]). Имѣя въ виду количественныя основы пріятнаго и непріятнаго, Бонне чуть-ли не первый приходитъ къ употреблявшемуся такъ часто въ нашемъ вѣкѣ, по почину Канта, сравненію удовольствія съ +, страданія съ — (по аналогіи съ обозначеніемъ ступеней теплоты на скалѣ термометра)[6]). Характеръ участья объектовъ въ произведеніи чувствованій Бонне опредѣляетъ такъ: дѣятельность души подчинена чувствованіямъ, чувствованія—игрѣ фибръ (au jeu des fibres), игра фибръ—дѣйствію объектовъ[7]); слѣдовательно вліяніе объектовъ только *косвенное*. Эта мысль впервые ясно выражена у Бонне. Ученіе о прекрасномъ, полезномъ и добромъ, какъ источникахъ удовольствія, ясно подчинено у него этому принципу[8]). Стало быть пріятное и непріятное зависятъ отъ оцѣнки *внутреннихъ* отношеній. Оцѣнка эта разумѣется *безсознательная*, ибо душа чувствуетъ одни лишь результаты физическихъ перемѣнъ; только съ развитіемъ души является сознательность (напр. въ оцѣнкѣ полезнаго и нравствен-

---

[1]) Ibid. Ch. X, p. 64 (§ 118).
[2]) Ibid. p. 67.
[3]) Ср. T. VIII, Essai de psychol. Ch. LXV, p 128.
[4]) Ibid. p. 128 и 129.
[5]) Ср. T. VI. Ess. anal. Ch. X, p. 64 (§ 118), ср. ib. p. 68 (§ 122).
[6]) Ср. T VIII, Princ. philos., Ch. V, p. 181.
[7]) T. VI Ch X, p. 64 (§ 117).
[8]) Ср. T VIII, ibid Ch. VII, p. 182. Ch. VIII, p. 183. Ch. XI, p. 185 Также T. VI. Ch. XVII, p. 153 (§ 353) и Ch. XXIII, p. 304 (§ 659).

наго). Наконецъ эта оцѣнка всегда *относительная*. Такому предположенію повидимому противорѣчитъ проводимое самимъ Бонне различіе между абсолютнымъ и относительнымъ удовольствіями; но, употребляя выраженія plaisir relatif, plaisir absolu, Бонне различаетъ тутъ совершенно особыя вещи: онъ хочетъ сказать, что одни удовольствія являются результатомъ сравненія душою нѣсколькихъ идей, другія связаны съ единичнымъ ощущеніемъ и зависятъ отъ степени колебанія фибръ[1]). Что и эти удовольствія съ нашей точки зрѣнія тоже относительны, видно изъ другихъ мѣстъ Аналитическаго опыта Бонне. Онъ говоритъ, напр., о темпераментѣ фибръ, т. е. о различныхъ предрасположеніяхъ ихъ, въ силу которыхъ то же ощущеніе одному пріятно, другому непріятно, — одному менѣе, другому болѣе пріятно[2]). Удовольствія, вытекающія изъ сравненія, тѣмъ болѣе относительны, — такъ какъ основою для нихъ служитъ различная степень ясности единичныхъ впечатлѣній[3]).

Итакъ Бонне стоитъ на той же почвѣ, какъ Гертли и Кондильякъ. Подобно Кондильяку, онъ тоже не признаетъ и безразличныхъ ощущеній, ибо каждое колебаніе фибръ имѣетъ извѣстную интенсивность, а стало быть сопровождается и какою-нибудь долею удовольствія или страданія[4]). *Классификація* чувствованій и у него, какъ у Кондильяка, на послѣднемъ планѣ. Кромѣ отмѣченныхъ Кондильякомъ физическихъ и духовныхъ удовольствій и страданій онъ признаетъ еще третій классъ — смѣшанныхъ (mixtes): къ этому классу принадлежатъ удовольствія и страданія воображенія[5]). Говоря особо объ *аффектахъ*, Бонне находитъ, что до сихъ поръ мало сдѣлано для объясненія ихъ механизма и что въ толстыхъ томахъ, написанныхъ объ этомъ предметѣ, главную задачу составляетъ описаніе характера и дѣйствія отдѣльныхъ волненій[6]). Но самъ онъ едва-ли прибавилъ что-нибудь важное къ существовавшимъ прежде объясненіямъ. Оригинальнѣе другихъ положеніе, что характеръ различныхъ аффектовъ зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ рода фибръ, приведенныхъ въ колебаніе и отъ степени этого колебанія[7]). Въ примѣрное изображеніе механизма нѣсколькихъ аффектовъ, напр. любви, надежды, страха, Бонне вноситъ много живости и картинности, но оно имѣетъ мало психологическаго достоинства.

---

[1]) T. VI. Ch. XVII. p. 153 (§§ 351, 352).
[2]) Ibid. Ch. X, p. 66 (§ 120) и p. 67.
[3]) Ср. ib. Ch. XVII, p. 156 и 157 (особ. § 366).
[4]) Ibid. Ch. XXIII, p. 303 и 304. Ср. T. VIII, Princ. philos. Ch. V, p 181.
[5]) Ibid. Essai de Psych. Ch. LXV, p. 128.
[6]) T. VI. Ch. XVIII, p. 176 (§ 402).
[7]) Ibid. p. 178 (§ 412). Ср. p. 179 (§ 413).

Всего характеристичнѣе для разсматриваемой нами эпохи въ развитіи ученія о чувствованіяхъ во Франціи, статьи объ удовольствіи, боли и аффектахъ, находящіяся въ V и въ XII томахъ Энциклопедическаго словаря **Дидеро** и **Даламбера,** ибо здѣсь мы имѣемъ хотя и краткое, но систематическое и цѣльное изложеніе господствовавшихъ въ то время теорій. Изъ собственныхъ словъ автора статьи объ аффектахъ видно, что онъ пользовался монографіей Де-Пульи. Въ статьѣ объ удовольствіи повторяются въ другихъ выраженіяхъ тѣ же самыя мысли. Въ классификаціи удовольствій и страданій вѣроятно отразилось вліяніе Зульцера, монографія котораго была издана особо и на французскомъ языкѣ (вмѣстѣ съ «размышленіями» Кэстнера); въ анализѣ аффектовъ ясно вліяніе Декарта. Статья о боли вѣроятно принадлежитъ другому автору и имѣетъ чисто физіологическій и даже медицинскій характеръ. Тѣмъ не менѣе, въ главныхъ положеніяхъ, всѣ три статьи согласны между собою.

Удовольствіе вездѣ ставится въ связь съ умѣреннымъ упражненіемъ (exercice modéré) нашихъ органовъ или нашихъ способностей. Страданіе, напротивъ, объясняется эксцессомъ въ какой бы то ни было дѣятельности организма. Эта мысль послѣдовательно примѣняется къ объясненію сначала тѣлесныхъ, потомъ интеллектуальныхъ и наконецъ сердечныхъ и нравственныхъ удовольствій и страданій[1]). Замѣтимъ, что нравственныя чувствованія, связанныя съ исполненіемъ обязанностей по отношенію къ Богу, къ себѣ, и къ другимъ людямъ, отдѣляются отъ простыхъ сердечныхъ — въ особую четвертую группу[2]). Интересно прослѣдить, какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ въ основу объясненія кладется одинъ и тотъ же *физіологическій* принципъ. Во первыхъ, въ области тѣлесныхъ удовольствій: пріятность извѣстныхъ красокъ основана на отношеніи ихъ интенсивности (leur force) къ органу зрѣнія — celles qui exercent davantage, sont les plus agréables, tant qu'elles ne (le) fatiguent pas; точно также всѣ мягкіе звуки приводятъ въ колебаніе фибры органа слуха, не утомляя его, — созвучія болѣе или менѣе пріятны, смотря по тому, на сколько они упражняютъ фибры слуха; «тотъ же самый законъ» простирается на обоняніе и вкусъ[1]). Во вторыхъ, въ области интеллектуальной жизни — удовольствіе сопровождаетъ тѣ занятія, которыя доставляютъ упражненіе проницатель-

---

[1]) Ср Vol. XII, 1 c., Plaisir, p. 690. b: Il y a plusieurs sortes de plaisirs; savoir, ceux du corps et ceux de l'esprit et ceux du coeur. Засимъ, какъ у Зульцера, слѣдуетъ проведеніе мысли, что интеллектуальныя удовольствія выше чувственныхъ, сердечныя выше интеллектуальныхъ (ib. p. 691).

[2]) Ср. ib. p. 690. a, и статью Passions, ib p. 143. a.

[3]) Ibid. p. 689. b. (Ср. 142. b.).

ности ума (pénétration), не утомляя ея (игра въ шахматы, обмѣнъ остротъ— pensées fines, чтеніе, размышленіе)[1]). Въ области воображенія, составляющей переходъ отъ чувственной сферы къ интеллектуальной[2]), имѣетъ мѣсто тотъ же законъ: чувство красоты напр. по тому представляетъ собою удовольствіе, что разнообразіе доставляетъ обильную пищу нашему уму, а единство (l'uniformité) дѣлаетъ воспріятіе болѣе или менѣе легкимъ[3]). Въ третьихъ, въ области сердечныхъ чувствъ, удовольствіе ставится въ зависимость отъ умѣреннаго движенія сердца[4]), иначе сказать — отъ умѣреннаго пользованія тѣми способностями, которыя, согласно волѣ Творца, приспособлены къ тому, чтобъ дать намъ прочное счастье: въ этомъ умѣренномъ пользованіи сердечными предрасположеніями и заключается наше совершенство и счастье[5]). Наконецъ, даже и нравственныя чувства основаны на томъ же принципѣ. По выраженію автора статьи «Plaisir», къ справедливымъ и добродѣтельнымъ дѣйствіямъ, кромѣ нравственнаго закона, насъ призываетъ и «теорія чувствованій» (la théorie des sentiments), ибо несправедливость, какъ змѣя, начинаетъ съ того, что разрываетъ сердце (déchire le sein) того, кто носитъ её въ себѣ. Напротивъ, справедливость и доброта дѣлаютъ насъ счастливыми, главнымъ образомъ благодаря тѣмъ умѣреннымъ движеніямъ сердца, которыя вызываются этими свойствами. По отношенію къ намъ самимъ, добродѣтель заключается даже прямо въ томъ, чтобъ избирать занятія, соотвѣтствующія нашимъ талантамъ и нашему состоянію, т. е. могущія доставить законное упражненіе нашимъ силамъ. Поклоненіе Божеству тоже сопровождается чувствомъ спокойной радости и удовлетворенія[6]). Такимъ образомъ всѣ удовольствія, наслажденія и радости наши подчинены одному закону, — во всѣхъ нихъ одинаково обнаруживается оцѣнка гармоніи *внутреннихъ* отношеній, гармоніи между нашими силами и нашею дѣятельностію. Оцѣнка эта первоначально *безсознательная*, ибо самъ Богъ во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ считается источникомъ согласія между свойствами предметовъ и нашими потребно-

---

[1]) Ibid. p. 690. a (Ср. 142. b).

[2]) Дѣло въ томъ, что одинъ разъ объ эстетическихъ удовольствіяхъ говорится на ряду съ чувственными (ст. Plaisir), другой разъ на ряду съ интеллектуальными (ст. Passions).

[3]) Ibid. p. 142. b.

[4]) Ibid. p. 690. a: La tristesse même devient quelquefois délicieuse par cette douceur secrette, attachée à toute émotion de l'âme.

[5]) Ibid. p 143 a: Notre perfection et notre félicité consistent à posséder et à faire usage des facultés propres à nous procurer un solide bonheur, conforme aux intentions de notre auteur, manifestées dans la nature qu'il nous a donnée.

[6]) Ibid. p. 690. b.

стями [1]). Стремленіе наше къ полезному (biens utiles), т. е. къ тому, что́ не производитъ непосредственнаго удовольствія, а только доставляетъ средства къ нему, очевидно является гораздо позднѣе, подъ вліяніемъ развитія, и еще позднѣе является возможность такого искаженія порядка вещей, благодаря которому мы неправильно превращаемъ средство въ цѣль и стремимся къ полезному, ради него самого [2]). Говоря далѣе о вліяніи на наши наклонности и вкусы — воспитанія, обычая, привычекъ и общества, авторъ очевидно разумѣетъ *относительность* нашихъ чувствованій.

Страданія признаются двоякаго типа: тѣ, которыя происходятъ отъ неумѣреннаго напряженія силъ, и тѣ, которыя связаны съ неудовлетвореніемъ нашихъ потребностей (отрицательныя). Но не во всѣхъ, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (чувство голода), природа наказываетъ страданіемъ непослушаніе ея совѣтамъ, т. е. неудовлетвореніе тѣхъ стремленій, которыя вытекаютъ изъ инстинкта самосохраненія; въ области же высшихъ наслажденій — лишеніе не сопровождается болью [3]). Въ отдѣльной статьѣ о *боли* анализъ имѣетъ, какъ я сказалъ, большею частью медицинскій характеръ [4]); но основанія и тутъ тѣ же самыя: чувство боли есть модификація души, состоящая въ непріятномъ воспріятіи, произведенномъ какимъ-нибудь безпорядкомъ въ тѣлѣ (désordre d. le corps). Источники физической боли троякіе: прекращеніе ощущенія, уменьшеніе его силы и чрезмѣрная его интенсивность. Между первымъ и вторымъ случаями разница только въ степени, но во всѣхъ случаяхъ дѣло заключается одинаково въ бо́льшемъ или ме́ньшемъ разъединеніи нервовъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ. Вообще нервы служатъ единственнымъ источникомъ боли, — боль сопровождаетъ всякое дѣйствіе, могущее порвать нервы,— все, что́ растягиваетъ нервъ, тоже производитъ боль [5]). Любопытно, что самое ощущеніе боли приписывается особому *органу*, распространенному во всемъ тѣлѣ и самая дѣятельность котораго равносильна пораненію его, т. е. ощущенію боли [6]). Изъ нѣкоторыхъ словъ можно думать, что этотъ органъ состоитъ именно въ нервахъ, разсѣянныхъ по нашему тѣлу. Какъ бы то ни было, мысль о спеціальномъ органѣ боли весьма интересна, въ виду подобной

---

[1]) Ср. ib. p 142. a: Пріятность связана съ извѣстными ощущеніями, sans qu'on en connaisse la cause, sans qu'on sache comment les objets excitent le sentiment.

[2]) Ibid. p. 143. b.

[3]) Ibid. p. 691. b (Ср. подобныя мысли у Платона и Аристотеля).

[4]) Ср. Vol. V, p 84 и слѣд.: Дѣленіе боли на douleur tensive, d. gravative, d. pulsative et d pungitive.

[5]) Ibid. p. 83 и 84. a

[6]) Ibid. p. 83: On peut dire que l'exercice seul de la fonction de cet organe général en est une lésion, et que son état naturel est de n'être pas affecté du tout.

же гипотезы, поставленной и въ наше время нѣкоторыми физіологами (напр. Ch. Richet, см. ниже, Глава VIII).

Остается сказать еще нѣсколько словъ о разборѣ спеціальныхъ аффектовъ въ Энциклопедіи Дидеро. Яснѣе, чѣмъ во всѣхъ предшествующихъ работахъ объ этомъ предметѣ, въ аффектахъ различаются и разбираются особо два элемента — удовольствія и страданія съ одной стороны, и желанія, воли съ другой стороны. Изъ удовольствія и страданія образуются идеи хорошаго и дурного (bien et mal)[1]), и «размышленіе» о томъ, что́ происходитъ въ насъ при видѣ разныхъ объектовъ, производитъ первоначальное движеніе воли (volonté naissante) въ смыслѣ приближенія къ этимъ объектамъ или удаленія отъ нихъ (désir ou attachement, aversion ou éloignement)[2]). Всѣ движенія души, т. е. аффекты (passions), дѣлятся на такія, которыхъ предметъ мы сами (qui portent sur l'amour de soi-même), и такія, которыя имѣютъ объектомъ другихъ людей (et qui sont tout autant de branches de l'amour ou de la haine). Опредѣленія различныхъ спеціальныхъ аффектовъ при помощи понятій блага и зла слишкомъ извѣстны намъ изъ разбора ученій Декарта, Малебранша и другихъ писателей той же школы, чтобы стоило вновь на нихъ останавливаться, — даже начало то же самое, а именно опредѣленіе понятія admiration. Достаточно замѣтить, что авторъ статьи затрудняется, послѣ всего сказаннаго имъ объ удовольствіи и страданіи, поставить въ число аффектовъ *радость* и *печаль:* онъ отлично сознаетъ, что эти понятія почти тождественны понятіямъ удовольствія и страданія: въ нихъ только проявляется болѣе продолжительное и живое размышленіе о томъ благѣ, которымъ мы наслаждаемся, или о томъ злѣ, отъ котораго мы страдаемъ[3]). Во всѣхъ прочихъ опредѣленіяхъ оригинальныя черты касаются неважныхъ для насъ оттѣнковъ.

Между французскими писателями конца XVIII в. вниманія заслуживаетъ еще одинъ, представляющій собою послѣдняго и самаго крайняго выразителя Кондильяковскаго направленія. Я разумѣю Кабаниса. Въ своемъ сочиненіи «Объ отношеніяхъ между физическою и нравственною природою человѣка»[4]), **Кабанисъ** тоже, хотя и кратко, касается условій возник-

---

[1]) Vol XII, l. c., p 142. a.

[2]) Ibid. p. 144. a.

[3]) Idibid. Для всего остального p. 144—145. Объ анализѣ аффектовъ съ нравств. точки зрѣнія (III) мы тоже не станемъ говорить. Здѣсь всего замѣтнѣе сказывается вліяніе идей Малебранша.

[4]) Сочиненіе это вышло впервые въ «Мемуарахъ Института» въ 1798—99 г., отдѣльною книгою въ 1802 г. (см. Ueberweg. III, 145). Мы пользуемся русск. перев. П. А. Бибикова (СП. 1855, II т.).

новенія удовольствія и страданія. Всѣ явленія чувствительности онъ дѣлитъ на два класса: удовольствій и страданій. И тѣ и другія имѣютъ предметомъ сохраненіе животнаго. Источникъ этихъ явленій въ различныхъ нервныхъ процессахъ. Когда эти нервные процессы вносятъ въ отправленія организма какой-нибудь безпорядокъ, то при слабой степени рождается чувство «неудобства», при бо́льшей напряженности — страданіе; если, на оборотъ, они благопріятствуютъ отправленіямъ, то являются чувства «благосостоянія» или удовольствія. «Но не должно упускать изъ виду, говоритъ Кабанисъ, что и пріятныя впечатлѣнія, въ случаѣ чрезмѣрной своей продолжительности или чрезмѣрнаго напряженія, могутъ вызвать стѣсненіе или даже страданіе»[1])... Стало быть, Кабанисъ объясняетъ чувствованія оцѣнкою *внутреннихъ* отношеній. Это еще подтверждается замѣчаніемъ его, что если природа и влечетъ насъ къ пріятнымъ ощущеніямъ и побуждаетъ насъ избѣгать страданій, то «изъ этого не слѣдуетъ заключать, что первыя всегда намъ полезны, а вторыя вредны»,—нравственное страданіе, напр., «увеличиваетъ душевную силу, если только не сломитъ её»[2]).

Итакъ во Франціи, во вторую половину XVIII в., утвердилась и весьма разносторонне развилась XVI изъ указанныхъ нами точекъ зрѣнія. Были сдѣланы опыты примѣнить *физіологическую* теорію удовольствія и страданія къ объясненію чувствованій всѣхъ классовъ, даже нравственныхъ. Во многихъ случаяхъ въ дѣлѣ такого примѣненія авторы избирали не тотъ путь, который слѣдовало, но всетаки были сдѣланы серіозные успѣхи, и еслибъ направленіе психологіи во Франціи не измѣнилось такъ внезапно въ началѣ XIX в., то заслуги французскихъ послѣдователей Гамильтона (Bouillier, Dumont и др.), возстановившихъ правильное направленіе въ разработкѣ даннаго вопроса въ своемъ отечествѣ, въ эти послѣднія десятилѣтія, не были бы такъ велики. Перейдемъ теперь къ Англичанамъ, со времени Гертли.

Мы сказали уже, что въ Англіи и Шотландіи, во вторую половину XVIII в., нравственные интересы господствовали надъ психологическими. Психологи въ настоящемъ смыслѣ слова, напр. Ридъ и Дюгальдъ Стюартъ, по преимуществу сосредоточились на анализѣ интеллектуальныхъ процессовъ въ человѣкѣ, и стремились открыть элементы и принципы познавательной дѣятельности. Въ сферѣ другихъ психологическихъ вопросовъ и они главнымъ образомъ являлись моралистами (напр. Ридъ въ Essays on the active powers of man). О прочихъ представителяхъ шотландской философіи и говорить нечего: Генри Гомъ, Адамъ Смитъ, Фергюсонъ, Пэлей

---

[1]) Отнош. м. физ. и нравств. прир. чел. Т. I, стр. 158—160.

[2]) Тамъ же, стр. 218—219.

ничего не сдѣлали замѣчательнаго для психологіи въ тѣсномъ смыслѣ. Спеціальныхъ англійскихъ сочиненій о нашемъ вопросѣ въ эту эпоху мы не знаемъ. «Теорія нравственныхъ чувствъ» **Адама Смита** (1759)[1]) — единственное произведеніе, имѣющее хоть нѣкоторое отношеніе къ этому вопросу. Но цѣльнаго анализа удовольствія и страданія мы здѣсь напрасно стали бы искать. Это сочиненіе служитъ богатымъ вкладомъ въ анализъ одного изъ спеціальныхъ классовъ чувствованій нашихъ, а именно симпатическихъ, но и только..... Говоря объ удовольствіи взаимной симпатіи и другихъ родственныхъ чувствованій (ср. Ч. II. Гл. II и др.), Смитъ вовсе не старается разъяснить самыхъ причинъ этого удовольствія. Въ IV ч. своей книги онъ разбираетъ вопросъ «о вліяніи полезности на чувство одобренія», и тутъ мы находимъ много данныхъ для заключенія, что Смитъ считалъ пользу и вредъ въ числѣ главныхъ источниковъ удовольствія и страданія, но нигдѣ не сказано, чтобъ полезное и вредное были единственными причинами пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій[2]). Другіе шотландскіе моралисты этого времени также мало ставили анализъ природы удовольствія въ основу своихъ теорій, касавшихся принциповъ морали (ср. Paley, The principles of moral a. political philosophy. 1785[3])). Однако изъ мыслей **Фергюсона** и **Пэлея**, цитированныхъ Гамильтономъ[4]), можно заключать, что эти моралисты не отрицали связи удовольствія съ дѣятельностью и съ упражненіемъ нашихъ силъ, т. е. не отрицали вполнѣ теоріи Гертли и французскихъ сенсуалистовъ. Они только не давали этому принципу исключительнаго значенія и большею частью обходились безъ него при изслѣдованіи нравственной природы человѣка. Относительно Пэлея замѣтимъ еще, что ему принадлежитъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ мыслей о *классификаціи* волненій. Онъ полагалъ, что всѣ удовольствія, а равно и страданія, психологически тождественны другъ другу, и что ихъ различеніе основано на разнообразіи ощущеній и вообще функцій организма, которыя они сопровождаютъ[5]). Эту мысль мы встрѣтимъ ниже и у нѣкоторыхъ современныхъ писателей: особенно замѣчательны аргументы, приводимые въ ея пользу Гартманомъ.

Вотъ все, что мы считаемъ нужнымъ сказать о моралистахъ, — скажемъ нѣсколько словъ и о психологахъ. **Пристли** развивалъ далѣе принципы Гертли касательно вибраціи молекулъ и ассоціаціи идей. Никакихъ важ-

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ П. А. Бибикова вышла въ СП. 1868.

[2]) Ср. еще Ч. V, Гл. I: о вліяніи обычая и моды на наши понятія о красотѣ и безобразіи.

[3]) Въ главѣ VI первой книги (human happiness) онъ говоритъ, правда, объ удовольствіяхъ, но только съ точки зрѣнія ихъ относительнаго нравственнаго достоинства.

[4]) Hamilton, l. c, Vol. II, p. 479 и 480

[5]) См. Dumont, l. c., p 119 — 120.

ныхъ нововведеній въ изучаемой области за нимъ не извѣстно. Интересы этого писателя были сосредоточены на другихъ психологическихъ вопросахъ, въ особенности на доказательствѣ матеріальности души, — при разборѣ чувствованій онъ повидимому ограничился простымъ подтвержденіемъ мыслей своего учителя[1]). Знаменитый современникъ Пристли и предметъ его нападокъ, **Томасъ Ридъ**, тоже сказалъ мало новаго въ изучаемой области. Ясныхъ опредѣленій удовольствія и страданія мы въ его сочиненіяхъ вовсе не встрѣчаемъ. Къ нашему предмету имѣютъ нѣкоторое отношеніе только тѣ главы «Опытовъ объ интеллектуальныхъ силахъ», въ которыхъ онъ разбираетъ вопросы о прекрасномъ и объ эстетическомъ вкусѣ, и тѣ главы изслѣдованія «О дѣятельныхъ силахъ человѣка», которыя посвящены разбору аффектовъ и страстей. Изъ этихъ главъ можно косвеннымъ путемъ заключать о взглядахъ Рида касательно условій возникновенія удовольствія и страданія. Во первыхъ, въ чувствѣ красоты Ридъ различаетъ два элемента: пріятное волненіе или чувство при видѣ предмета, и мнѣніе или убѣжденіе (opinion or belief), что предметъ заключаетъ въ себѣ какое-нибудь совершенство или превосходство. «Хотя мы можемъ представить себѣ эти два ингредіента чувства красоты разъединенными, говоритъ Ридъ, тѣмъ не менѣе отсюда нельзя вывести (this affords no evidence), что они не имѣютъ необходимой связи между собою». Далѣе Ридъ проводитъ убѣжденіе, что въ предметахъ дѣйствительно должно заключаться реальное превосходство, которое и служитъ источникомъ удовольствія[2]). Стало быть, эстетическія чувства имѣютъ источникомъ оцѣнку *внѣшнихъ* отношеній. Оцѣнка эта относительная[3]) и первоначально инстинктивная, хотя потомъ сужденія о красотѣ дѣлаются сознательными (rational)[4]). Таковы взгляды Рида на основы чувства прекраснаго (ср. VI т. зр.). Всѣ остальныя пріятныя волненія повидимому подчинены у него принципу *полезности*. Физическіе аппетиты необходимы съ точки зрѣнія непосредственнаго сохраненія индивидуума, — нравственные аффекты тоже связаны съ самосохраненіемъ, въ смыслѣ потребности всякаго человѣка пользоваться обществомъ другихъ людей. Но принципъ самосохраненія, какъ видно изъ его же собственныхъ словъ, и есть принципъ полезности и вредности[5]). Слѣдовательно второй ис-

---

[1]) Ср. Introd. Essays въ изданіи Hartley's theory of human mind on the princ. of assoc. London. 1775, p. XVI (объ удов. и страд.) и p. XXVII (примѣры образованія аффектовъ при помощи ассоціаціи). Оригинальна, кажется, только та мысль, что всѣ аффекты наши суть лишь видоизмѣненія двухъ общихъ волненій (general ones) — страха и любви (ib XXVIII).

[2]) On the intell. powers, l. c., Ess. VIII. Ch. IV, p. 498—500 и слѣд

[3]) Ibid. p 500 и 501: In the human kind there are variety in the taste of beauty.

[4]) Idib. p. 501. a.

[5]) On the act. powers, l. c., Ess. III. Ch III, p. 560. a.

точникъ пріятныхъ и непріятныхъ волненій, для Рида, — относительная и первоначально инстинктивная оцѣнка отношеній вещей къ намъ (VIII). Но впрочемъ самъ Ридъ нигдѣ ясно не выражаетъ этихъ двухъ началъ. Для классификаціи волненій Ридъ сдѣлалъ нѣсколько больше. Онъ во первыхъ различаетъ аффекты отъ страстей и въ этомъ является прямымъ предшественникомъ Канта. Ранѣе Рида, у англійскихъ и французскихъ писателей, существовалъ одинъ терминъ «passions», въ которомъ эти двѣ частныя идеи не различались, точно также какъ и въ греческомъ понятіи πάθος. Ридъ говоритъ, что въ англійскомъ разговорномъ языкѣ, до него, понятіе affection употреблялось болѣе для обозначенія добрыхъ волненій (good affections); напротивъ, понятіе passion служило для выраженія недобрыхъ принциповъ (malevolent principles) нашей дѣятельности. Это словоупотребленіе, по его мнѣнію, неудовлетворительно, ибо глаголъ affect и причастіе affected безразлично служатъ для передачи той и другой идеи. Поэтому онъ намѣревается называть аффектами всѣ волненія, имѣющія умѣренную интенсивность, страстями — тѣ же волненія, когда они переходятъ предѣлы умѣренности, т. е. когда душа подвергается сильной пертурбаціи и разстройству, и когда человѣкъ теряетъ всякую власть надъ собою [1]).

Аффекты онъ дѣлитъ на доброжелательные и зложелательные (malevolent). Къ первымъ онъ относитъ: 1) любовь родителей и дѣтей, и вообще родственную любовь, 2) благодарность, 3) состраданіе, 4) уваженіе къ разумному и доброму (esteem of the wise a. the good), 5) дружбу, 6) половую любовь, 7) общественный духъ [2]). Послѣ спеціальнаго описанія каждаго изъ этихъ видовъ волненій, Ридъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній. Для насъ интересно только, что симпатію Ридъ считаетъ не источникомъ, а результатомъ, дѣйствіемъ (effect) доброжелательныхъ аффектовъ, притомъ дѣйствіемъ *необходимымъ* (symp. inseparable from benev. aff.) [3]). Вопросъ о томъ, насколько всѣ упомянутыя волненія первоначальны или пріобрѣтены путемъ воспитанія и ассоціаціи, Ридъ оставляетъ открытымъ. Въ главѣ о зложелательныхъ волненіяхъ Ридъ ограничивается анализомъ 1) соревнованія (emulation) и 2) гнѣва, злобы (resentment, anger) [4]). Въ слѣдующей главѣ онъ разбираетъ понятіе страсти, описываетъ внѣшнія обнаруженія страстей, подвергаетъ критикѣ слишкомъ широкое значеніе, въ которомъ употреблялъ это понятіе Юмъ, соглашается съ старымъ дѣленіемъ стра-

---

[1]) Ibid. p. 558. b.
[2]) Ibid. Ch. IV, p. 560. b — 564. b.
[3]) Свое мнѣніе о симпатіи онъ противополагаетъ мнѣнію Адама Смита, ib. p. 565. a.
[4]) Ibid. Ch. V, p. 566 — 570.

стей на желаніе и отвращеніе, надежду и страхъ, радость и печаль, и затѣмъ дѣлаетъ кое-какія замѣчанія о вліяніи страсти на поведеніе (conduct) человѣка, т. е. на его дѣятельность [1]).

Изъ всего сказаннаго о Ридѣ очевидно, что его анализъ волненій чрезвычайно неполный и односторонній [2]). Единственный важный моментъ этого анализа заключается въ различеніи двухъ понятій (аффекта и страсти), которые въ предшествующее время смѣшивались. Различеніе это важно потому только, что оно послѣ послужило новымъ шагомъ къ разграниченію феноменовъ чувства и воли: у Канта контрастъ аффекта и страсти уже прямо параллеленъ контрасту чувства и воли.

О Дюгальтѣ Стюартѣ мы вовсе не будемъ говорить, ибо въ «Элементахъ философіи человѣческаго духа», кромѣ летучихъ замѣчаній, нѣтъ ничего о природѣ и классификаціи волненій. «Философія же нравственныхъ силъ», имѣя второстепенное отношеніе къ этимъ вопросамъ, принадлежитъ болѣе позднему времени (1828). Извѣстнѣе всего разсужденіе Д. Стюарта о чувствѣ красоты, въ которомъ онъ повидимому мало отступаетъ отъ воззрѣній ближайшихъ своихъ предшественниковъ [3]).

Итакъ у Англичанъ, во вторую половину XVIII в., психологическій анализъ волненій не сдѣлалъ тѣхъ быстрыхъ успѣховъ, какіе можно было ожидать послѣ трудовъ Юма и Гертли. Дальнѣйшей обработкѣ подверглась только теорія нѣкоторыхъ спеціальныхъ, эстетическихъ и нравственныхъ, чувствованій (чувств. красоты, ч. симпатіи и т. д.).

За то въ Германіи, по почину Вольфа, Зульцера и другихъ философовъ, нами упомянутыхъ, теоріи удовольствія и страданія, и чувствованій вообще, непрерывно развивались. Число нѣмецкихъ писателей, занимавшихся спеціально, или между прочимъ, обработкою этихъ вопросовъ во вторую половину XVIII в. было громадно, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что именно въ Германіи созрѣла прежде всего указанная нами въ свое время реформа въ классификаціи психическихъ явленій, а именно признаніе самостоятельнаго класса чувствованій въ системѣ послѣднихъ. Чтобы лучше оріентироваться среди матеріала, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло, сдѣлаемъ прежде всего обозрѣніе важнѣйшей монографической литературы по нашему во-

---

[1]) Ibid. Ch. VI, особ. p. 572.

[2]) Ср. Bain, Emot a. Will 1875. Append. p. 593: In Reid's «Active Powers», Emotion is handled in a very defective way.... There is no allusion to Wonder or Fear... The Aesthetic Emotions are slightly touched on....

[3]) Ср. Blakey, l c., Vol. III, p 436. Также Троицкій, у. с., стр. 212. Болѣе общее замѣчаніе объ ученіи Д Стюарта см. у Бэна, l. c, idibid. Dug. Stew, as usual builds upon Reid's foundation; далѣе оказывается, что и Д Стюартъ дѣлитъ аффекты, подобно Риду, на benevolent a. malevolent.

просу въ эту эпоху. Къ теоріи объ удовольствіи и чувствованіяхъ вообще относятся монографіи: Мейнерса (Meiners. Gedanken ueber die Natur d. Vergnügens. A. d. Ital. Mit Anmerk. Gött. 1777) Реберга (Rehberg. Philos. Gespräche ueb. d. Vergnügen. Nürnb. 1785), Вильйома (1788, см. выше, стр. 4), Абихта (J. H. Abicht. Vers. ein. Metaph. d. Vergnüg. Leipz. 1789), Флемминга (Flemming. Analytik d. Gefühlsverm. Altona. 1793), Дрэвеса (Dreves. Resultate d. philosophirenden Vernunft ueb. die Natur d. Vergnügens. Lpz. 1793), Бендавида (L. Bendavid. Vers. ueb. d. Vergnüg. Wien. 1794), и Тидемана (Tiedemann. Theorie d. Gefühle. Im Kosmopoliten. 1798. Apr., S. 330—346). Ближайшее отношеніе къ тому же вопросу имѣютъ монографіи, касающіяся природы ощущенія вообще, и природы стремленій, напр. Эберхарда (J. A. Eberhard. Allgem. Theorie d. Denkens u. Empfindens. Berlin. 1776), Кампе (J. H. Campe. Ueb. Empfindungs-u. Erkenntnisskraft. Leipz. 1776), Гердера (J. G. Herder. Vom Erkennen u. Empfinden d. menschl. Seele. Riga 1778), Кохіуса (Cochius. Untersuch. üb. die Neigungen. Berl. 1769), Гарве (Chr. Garve. Ueb. die Neigungen. Berl. 1769). Анализомъ чувства прекраснаго занимаются, между прочимъ, монографіи Винкельмана (Winkelmann. V. d. Fähigk. d. Empfind. d. Schönen in d. Kunst. Dresd. 1763), Канта (Kant. Ueb. d. Gef. d. Schönen u. Erhabenen. Königsb. 1764) и Шютца (C. G. Schütz. De orig. et sensu pulchritud. Halle. 1768). Природа нравственныхъ чувствованій изслѣдуется въ сочиненіяхъ Якоба (L. H. Iakob. Ueb. d. moral. Gefühl. Halle. 1788) и Федера (J. G. Feder. Ueb. d. moral. Gefühl. Kopenh. 1792). Спеціальное изслѣдованіе другихъ чувствованій въ концѣ XVIII в. имѣется въ виду въ монографіяхъ: Шмидта (M. J. Schmidt. Gesch. d. Selbstgefühles. Frankf. u. Leipz. 1772)[1]), Рехе (J. W. Reche. Vers. ueb. die humane Sympathie. Düsseld. 1794)[2]). Кромѣ этихъ монографій, изъ числа общихъ психологическихъ трудовъ ближайшее отношеніе къ нашему предмету имѣютъ сочиненія: Тетенса (Philos. Vers Leipz. 1777), Платтнера (Neue Anthrop. Leipz. 1790) и Канта (Anthropol. Königsb. 1798). Мы ограничимся краткою передачею ученій, заключающихся въ важнѣйшихъ изъ монографій первой и отчасти второй группы, и займемся сверхъ того теоріями

---

[1]) Шмидтъ впрочемъ, кажется, сводитъ *всѣ* чувствованія къ «самочувствію», въ смыслѣ способности сознавать свои совершенства и несовершенства, и тогда его монографія имѣетъ общее значеніе.

[2]) Означенная литература всего подробнѣе перечислена у Мааса. Vers. e. Anal. ueb. d. Gefühle, II Th. Halle u. Leipz. 1812. Vorrede. Мы пропустили въ своемъ спискѣ только монографію *Спальдинга* (Ueb. d. Werth d. Gef. im Christenth. Nürnb. 1785), какъ имѣющую особыя, практическія задачи. Прибавили мы *между прочимъ* Флемминга, пропущеннаго Маасомъ, и Кохіуса, упоминаемаго Фолькманомъ.

двухъ изъ только что упомянутыхъ авторовъ, Тетенса и Канта. Порядокъ изложенія будетъ, по прежнему, хронологическій.

Задача **Эберхарда** состоитъ въ проведеніи различія между отправленіями ощущенія и мышленія. Обѣ эти функціи различаются только какъ двѣ ступени обнаруженія одной коренной «представляющей» силы души (Vorstellungskraft). Разница состоитъ въ томъ, что ощущеніе пассивно, не такъ сознательно и представляетъ процессъ менѣе совершенный, мышленіе же активно, вполнѣ сознательно и совершенно[1]). Въ силу этихъ самыхъ свойствъ ощущеніе имѣетъ болѣе субъективный, мышленіе — объективный характеръ. Удовольствіе и страданіе не составляютъ особаго класса феноменовъ. Это — явленія, сопровождающія какъ ощущеніе, такъ и мышленіе. Въ первомъ случаѣ удовольствіе и страданіе непосредственны, во второмъ случаѣ—посредственны, ибо переходною ступенью къ нимъ служитъ размышленіе (Ueberlegung)[2]). Общій источникъ удовольствія и страданія въ сознаніи человѣкомъ (чрезъ ощущеніе или мышленіе) какого-нибудь *совершенства* или *несовершенства* въ его дѣятельности[3]). Это совершенство и несовершенство, согласно духу времени, Эберхардъ въ частности отождествляетъ съ контрастомъ дѣятельности безпрепятственной и встрѣчающей препятствіе; при этомъ онъ доказываетъ, что источникъ препятствія находится всегда въ самой душѣ, а отнюдь не въ тѣлѣ[4]). Поэтому безпрепятственность дѣятельности души заключается единственно въ возможности объединять различныя частныя воспріятія (Partialvorstellungen) въ какомъ-нибудь одномъ, цѣльномъ. Къ такому единству въ *воспріятіяхъ* душа имѣетъ отъ природы стремленіе; слѣдовательно, въ концѣ концовъ, коренная и «единственная» причина всякаго удовольствія заключается въ удовлетвореніи стремленія души — пользоваться легкимъ созерцаніемъ разнообразныхъ объектовъ, при помощи объединенія ихъ въ одномъ цѣльномъ представленіи[5]). Засимъ слѣдуетъ подробное проведеніе этой мысли. Прежде всего устанавливается принципъ, что степень единства и отчетливости общаго представленія обратно пропорціональна разнообразію его состав-

---

[1]) Eberhard, l. c., p 35—44. Въ этихъ опредѣленіяхъ самъ Эберхардъ признаетъ себя послѣдователемъ Лейбница.

[2]) Ibid. p 47—48.

[3]) Ibid. p. 49. Если представленія о совершенствѣ и несовершенствѣ сочетаются вмѣстѣ, то перевѣсъ беретъ то, которое отчетливѣе (примѣры: гнѣвъ и месть).

[4]) Ibid. p. 67—75. Der Seele ist ein jedes Gefühl *ihrer* Realitaten ohne das Gefuhl *ihrer* Einschränkungen, wie die leichte Uebung ihrer Krafte, angenehm, и обратно.

[5]) Ibid. p. 76: Die einzige Ursache des Vergnugens aller Art ist die Befriedigung d. angegebenen wesentlichen Bestrebens d. Seele, d. leichte Anschauen d. Mannichfaltigen vermittelst d Vereinigung zu *einer* Totalvorstellung zu geniessen.

ныхъ элементовъ[1]). Отсюда вытекаетъ рядъ ступеней возрастающей простоты и ясности въ нашихъ концепціяхъ. Три ступени принадлежатъ къ области ощущенія (Continuität, Proportion, Aehnlickeit), и соотвѣтственныя удовольствія объединяются въ понятіи прекраснаго; три другія ступени относятся къ области мышленія, и параллельныя удовольствія выражаются понятіями добраго и истиннаго[2]). Наслажденіе истиннымъ имѣетъ источникомъ наибольшую простоту и единство, и потому всего совершеннѣе. Изъ всего сказаннаго ясно, что въ монографіи Эберхарда мы имѣемъ дѣло только съ особымъ выраженіемъ той самой теоріи, которую встрѣтили у Зульцера. Удовольствіе у обоихъ писателей ставится въ связь съ безпрепятственнымъ удовлетвореніемъ стремленія души мыслить, развивать въ себѣ представленія. Это удовлетвореніе равносильно совершенству душевной дѣятельности, и въ этомъ смыслѣ Вольфовское понятіе совершенства продолжаетъ входить въ составъ опредѣленія удовольствія. Обстоятельной *классификаціи* чувствованій Эберхардъ не даетъ, но изъ его собственныхъ словъ ясно, что основами такой классификаціи должны быть упомянутыя шесть ступеней отношенія между единствомъ и разнообразіемъ въ представленіяхъ[3]). Повидимому приблизительно той же общей теоріи объ отношеніи ощущенія, мышленія и чувства, какъ и Эберхардъ, держались, изъ числа упомянутыхъ выше писателей, ранѣе Эберхарда — **Кохіусъ**[4]) и одновременно съ нимъ — **Кампе**[5]).

Отъ Эберхарда перейдемъ къ Тетенсу, взгляды котораго на природу чувствованій, въ виду сказаннаго выше объ общемъ значеніи этого писателя въ исторіи психологіи, должны быть особенно интересны для насъ. Хотя **Тетенсъ** не разъ говоритъ, что онъ не имѣетъ въ виду подробнаго анализа способности чувствовать, а только краткую постановку вопросовъ въ этой области, тѣмъ не менѣе въ двухъ опытахъ его «О человѣческой природѣ» (II-мъ и XIV-мъ), мы нашли не мало интересныхъ обобщеній. Мы увидимъ, что во многомъ его взгляды сходны съ теоріями Зульцера, Эберхарда и другихъ его современниковъ, но такъ какъ онъ повидимому обстоятельно былъ знакомъ съ психологическими ученіями многихъ англійскихъ и французскихъ философовъ, напр. Юма, Кондильяка, а въ особенности Гертли, Сирча[6]) и

---

[1]) Ibid. p. 77.

[2]) Ibid. p. 78—97.

[3]) Ср. ibid. p. 76.

[4]) См. Volkmann, l. c., II B., p. 293. Также Tetens, Philos. Vers., II B., p. 810.

[5]) Pokorny, Lehre v. d. Gef. v. Wolff b. Hegel, p. 3.

[6]) Ed. Search, авторъ сочиненія Freewill, Foreknowledge and Fate. Lond. 1763,—давно забытый англійскій философъ, повидимому не отличавшійся особенно яснымъ мышленіемъ и изложеніемъ (ср. Franck. l. c., p 1577), но на Тетенса онъ очевидно имѣлъ большое вли-

Бонне, то въ его анализѣ болѣе разносторонности. Мы уже сказали, что говоря о «чувствованіяхъ» Тетенсъ разумѣетъ столько же ощущенія (Empfindungen или gleichgültige Empf.), сколько состоянія удовольствія и страданія (afficirende o. rührende Empfindungen). Ощущенія пріятныя и непріятныя, въ отличіе отъ простыхъ ощущеній, онъ называетъ Empfindnisse [1]). Явленія, относимыя имъ къ области чувства, онъ вообще распредѣляетъ въ слѣдующія четыре группы: мы чувствуемъ, говоритъ онъ, во 1) абсолютные предметы и измѣненія вещей самихъ въ себѣ, какъ внутри, такъ и внѣ насъ; во 2) объективныя отношенія вещей между собою (и тутъ опять различаются внутреннія и внѣшнія ощущенія); въ 3) субъективныя отношенія вещей и ихъ измѣненія по отношенію къ нашему теперешнему состоянію (отсюда и возникаютъ Empfindnisse, въ числѣ которыхъ — чувства красоты, добра и истины); въ 4) вліяніе вещей и отношеній на нашу силу самодѣятельности (selbstthätige Kraft), — отсюда вытекаетъ вообще возбудимость наша къ дѣйствію (Reizbarkeit) [2]). Такимъ образомъ чувствованія въ тѣсномъ смыслѣ представляютъ оцѣнку *отношеній вещей къ намъ*. Но далѣе Тетенсъ употребляетъ всѣ старанія, чтобы доказать, что эти «субъективныя отношенія» служатъ только поводомъ къ возникновенію чувствованій, непосредственнымъ же источникомъ ихъ являются «абсолютныя, положительныя, реальныя» перемѣны, производимыя *въ насъ* такими отношеніями [3]). Стало быть настоящимъ, реальнымъ предметомъ оцѣнки служатъ *внутреннія* отношенія, — спрашивается, какія? Въ отвѣтѣ его на этотъ вопросъ мы опять прежде всего встрѣчаемъ понятіе совершенства: удовольствіе связано съ чувствованіемъ совершенства или, что то же для Тетенса, съ чувствомъ безпрепятственной дѣятельности [4]). Притомъ, какъ совершенство (или благосостояніе) *души*, такъ и совершенство *тѣла* служатъ одинаково источниками удовольствія: въ обоихъ случаяхъ причина пріятности заключается въ

яніе, ибо часто имъ упоминается, и Тетенсъ не пренебрегаетъ подробной критикой его положеній. Судя по Тетенсу, всего замѣчательнѣе гипотезы Сирча: объ осложненіи чувствованій путемъ переноса съ однихъ объектовъ на другіе (смежные) и объ особыхъ нервныхъ фибрахъ (Zufriedenheitsfibern), служащихъ органами пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній (Ср. Tetens, II Vers, V и VI)

[1]) Vers. II, Abschn. III, 2—4.

[2]) Ibid. 4 (I B. p. 190).

[3]) Ibid Abschn. IV, p. 191—210 Термины «абсолютный» и «релативный» онъ употребляетъ здѣсь совершенно въ иномъ смыслѣ, чѣмъ какое нами было принято (ср Бонне), и мы увидимъ ниже, что въ нашемъ смыслѣ Тетенсъ всетаки былъ релативистомъ. Говоря объ абсолютной причинѣ чувствованій онъ разумѣетъ только, что ихъ прямой источникъ составляетъ das gegenwartige Dasein d. Seele (ср XIV Vers., II B p. 809), а не что-либо внѣшнее по отношенію къ душѣ (Verhältnisse d. Dinge werden gedacht, nicht gefuhlt)

[4]) XIV Vers., VII Abschn., 7. (II B. p. 804), ср. ib. 8 (p. 815) и Vers. II (I B. p. 187).

возможности легкаго упражненія силъ (leichte Thätigkeit d. Kräfte). Затрудненіе дѣятельности, сопротивленіе ей и вообще всякое ослабленіе и напряженіе ея (Spannung) непріятно; когда напряженіе прекращается (Entspannung), то мы опять чувствуемъ удовольствіе [1]). При этомъ Тетенсъ невольно выражается часто, подобно предшественникамъ, въ томъ смыслѣ, что удовольствіе состоитъ въ удовлетвореніи *стремленія* души, а именно къ дѣятельности, и притомъ въ особенности души, какъ представляющаго существа (vorstellendes Wesen) [2]). Такая постановка чувствованій въ связь съ стремленіями тѣмъ удобнѣе для Тетенса, что принципъ «дѣятельности» оказывается потомъ недовольно широкимъ: когда мы устали душевно или тѣлесно, *мы стремимся къ покою* (Hang zur Ruhe), а не къ дальнѣйшей дѣятельности, и именно достиженіе покоя доставляетъ намъ наслажденіе [3]). Стало быть, и у Тетенса предметомъ оцѣнки служитъ въ концѣ концовъ бо́льшая или ме́ньшая удовлетворенность нашихъ внутреннихъ, субъективныхъ стремленій, характеръ отношеній *насъ къ объектамъ* [4]), хотя онъ и дѣлаетъ оговорку, что однихъ этихъ внутреннихъ условій недостаточно, что иногда нужны еще благопріятныя внѣшнія обстоятельства [5]). Оцѣнка эта считается Тетенсомъ, какъ мы замѣтили, *относительною*. Тетенсъ часто говоритъ о субъективности вкусовъ отдѣльныхъ людей и объ измѣненіи чувствъ одного и того же человѣка [6]). Онъ даже дѣлаетъ замѣчаніе, что если есть *абсолютныя* объективныя красоты, напр. если видъ цвѣтовъ всѣхъ плѣняетъ, то это объясняется только *сходною* организаціею души у всѣхъ людей, а не внѣшними причинами. «Для существъ другой породы эти абсолютныя красоты могли бы быть или безразличны, или служить даже предметами неудовольствія» [7]). Что касается до степени сознательности, то вѣроятно Тетенсъ считалъ оцѣнку *сознательною*, ибо физіологической гипотезѣ колебанія мозговыхъ «фибръ» онъ не сочувствовалъ: по его мнѣнію, мы не можемъ наблюдать того, что́ происходитъ въ мозгу и т. д. [8]).

---

[1]) XIV Vers., VII, 7. (Особ. p. 809—810).

[2]) Ibid. p. 811 и слѣд. Ср. Vers. II, p. 188: Удовольствіе души зависитъ отъ стремленія, на сколько ihre Triebe u. Thätigkeiten eine Nahrung erhalten.

[3]) Ibid. p. 812—814

[4]) Ср ibid. p. 805: Einige Vergnugen namlich erfodern durchaus die Einwirkung oder das Zuthun ausserer Wesen, und hängen *von den Beziehungen des Menschen auf äussere Dinge* ab.

[5]) Ibid. 9, p. 816 и слѣд.

[6]) Ср. ibid. 7 (p. 806). Также Vers. II, p 206 и слѣд: Die absoluten Wirkungen in d. Seele s. verschieden da, wo ihre Beziehungen auf den Seelenzustand es sind (p. 209). Ср. p. 217 и слѣд.; p. 231—234, и пр.

[7]) Ibid. p. 207.

[8]) Ср. ib. p. 212. Впрочемъ въ отношеніи къ этому вопросу отзывы его неясны. Въ другихъ мѣстахъ онъ всетаки допускаетъ возможность предположенія, что непосред-

Классификаціи чувствованій, въ настоящемъ смыслѣ, Тетенсъ не даетъ, но онъ дѣлаетъ напр. весьма важное разграниченіе между чувствованіями непосредственными или примитивными, вытекающими изъ ощущеній, и вторичными, сложными, связанными съ представленіями [1]). Первоначально-пріятными могутъ быть только ощущенія (это Grundempfindnisse, oder Grundrührungen) [2]) и притомъ какъ внѣшнія, тѣлесныя, такъ и внутреннія, душевныя (d. innere Selbstgefühl, das G. eigener Thätigkeiten) [3]). Напротивъ всѣ удовольствія, связанныя съ представленіями, имѣютъ производный характеръ и объясняются воспроизведеніемъ и ассоціаціей: это идеальныя чувствованія (ideelle Empfindnisse) [4]). Замѣчательно, что Тетенсъ былъ однимъ изъ первыхъ германскихъ психологовъ, усвоившихъ гипотезу *ассоціаціи*, хотя онъ и считаетъ этотъ принципъ еще недостаточнымъ для объясненія сложныхъ чувствованій [5]). Изъ всего сказаннаго видно, что Тетенсъ внесъ въ анализъ чувствованій болѣе раздѣльности и опредѣленности, сравнительно съ предшествующими нѣмецкими писателями, но въ сущности его ученіе не представляютъ важныхъ нововведеній, кромѣ развѣ перенесенія на родную почву нѣкоторыхъ новыхъ теорій иностранныхъ психологовъ [6]).

Гораздо самостоятельнѣе и оригинальнѣе монографическій трудъ **Вильйома** (1788). Прежде всего важно, что Вильйомъ чуть-ли не первый изъ психологовъ XVIII в. пытался сознательно отнестись ко всей предшествующей исторіи вопроса. Историческая часть его труда посвящена разбору ученій объ удовольствіи, начиная съ Платона и Аристотеля, и кончая послѣдними до него явленіями въ германской и французской психологической литературѣ. Конечно очеркъ этотъ довольно поверхностный, ибо Вильйомъ перескакиваетъ отъ пятаго къ десятому и не касается вовсе многихъ весьма важныхъ писателей; характеристика разбираемыхъ имъ ученій тоже всегда односторонняя и неполная. Но эти недостатки объясняются плохимъ состояніемъ исто-

---

ственнымъ источникомъ удовольствія и страданія, какъ и вообще ощущенія, служитъ игра фибръ, ихъ движенія и состоянія (ср. p. 243).

[1]) Ibid Abschn. VI 1, p. 221 и слѣд.: Die Empfindnisse aus Vorstellungen sind abgeleitete Safte v. den afficirenden Empfindungen

[2]) Ibid. 2, p. 222 и 4, p. 238.

[3]) Ibid. p. 238 и слѣд., особ. p. 240 (die inneren Empfind. können also *für sich* urspruugliche Empfindnisse, eigene Quellen v. Lust u. Unlust sein....).

[4]) Ibid. Abschn VII, 1—3 (p. 245 и слѣд.) Разборъ вопроса о томъ, какимъ образомъ идеальныя чувствованія могутъ быть сильнѣе чувственныхъ волненій (ib. p 247 и слѣд.), мы оставимъ въ сторонѣ.

[5]) Ср. ibid. p. 228 (изложеніе и разборъ теорій Сирча и Гертли)

[6]) Возможно, какъ мы сказали выше, что и самая мысль о трихотоміи психическихъ явленій была заимствована имъ отъ Бонне.

ріи философіи вообще до конца прошлаго вѣка. Заслуги Вильйома всетаки велики, ибо онъ чуть ли не первый пытался дать *связное* изложеніе развитія теоріи удовольствія, отдать себѣ отчетъ въ разнообразныхъ способахъ толкованія этого феномена и свою собственную теорію поставить въ гармонію съ воззрѣніями, ранѣе выработанными. Вслѣдствіе этого его теорія гораздо шире и сознательнѣе. Къ несчастію лучшіе изслѣдователи нынѣшняго вѣка, напр. Гамильтонъ и Дюмонъ, повидимому не были знакомы съ книжкой Вильйома, — иначе они должны были бы сознаться, что Вильйомъ самый лучшій ихъ предшественникъ въ прошломъ вѣкѣ. Мы сами, познакомившись основательно съ теоріей этого писателя, должны признать, что онъ предвосхитилъ у насъ многія мысли, которыя мы считали своею собственностью [1]). Исходною точкою теоретическаго анализа у Вильйома служитъ разсужденіе о томъ, можно-ли надѣяться найти *всеобщій* законъ, опредѣляющій условія возникновенія всѣхъ удовольствій, — онъ приходитъ къ предположенію, что такой всеобщій законъ *долженъ* существовать, и что это именно долженъ быть только «законъ», а не «объясненіе причины» даннаго круга явленій, т. е. формула, опредѣляющая ихъ условія, а не коренную ихъ природу [2]). Всеобщій законъ удовольствія Вильйомъ пытается найти чрезъ обобщеніе тѣхъ частныхъ, по его мнѣнію, законовъ, которые были найдены его предшественниками [3]). Въ числѣ этихъ частныхъ законовъ онъ упоминаетъ и принципы «Декарта» и Вольфа, о зависимости удовольствія отъ оцѣнки совершенства, и принципъ Зульцера о зависимости его отъ дѣятельности нашихъ силъ, и положеніе Кохіуса о связи удовольствія съ удовлетвореніемъ стремленій природы нашей къ развитію (Erweiterungs-, Vervollkommnungstrieb) и наконецъ принципъ Мендельсона о связи удовольствія съ созерцаніемъ красоты, симметріи, и т. д. [4]). Стремясь обобщить всѣ эти спеціальные законы удовольствія, Вильйомъ находитъ, что это всего удобнѣе сдѣлать при помощи понятія *дѣятельности*, или упражненія нашихъ силъ вообще [5]). Но такъ какъ оказывается, что и страданіе тоже всегда имѣетъ условіемъ своимъ ту или другую форму дѣятельности [6]),

---

[1]) Уже въ статьѣ Revue Philosoph. (Sept. 1878) мы опредѣляли удовольствіе и страданіе изъ отношенія *дѣятельности къ силамъ организма.* Ту же мысль мы нашли теперь (12 Апрѣля 1879 г.) у Вильйома

[2]) Villaume, l. c, II Th., 1 Cap., особ. p. 9: Ich kann nicht fragen, wenn ich ganz richtig sprechen will: Was verursacht mir Vergnügen? sondern ich muss fragen: Unter welchen Umstanden geniesse ich Vergnugen?

[3]) Ibid. 2 Cap., p. 10 и слѣд.

[4]) Ibid. p. 14—17 Всего В. перечисляетъ девять отдѣльныхъ законовъ, выраженныхъ предшественниками. Мы привели только важнѣйшіе.

[5]) Ibid. p. 18—19.

[6]) Ibid. p. 19—20.

то является потребность болѣе точно и особо опредѣлить источникъ удовольствія. «Я опредѣляю удовольствіе, говоритъ Вильйомъ, какъ отношеніе дѣятельности къ силамъ». Этотъ принципъ, по его мнѣнію, не новый, но до сихъ поръ онъ имѣлъ подчиненное, второстепенное значеніе, — не былъ всеобщимъ [1]), и въ этомъ Вильйомъ до извѣстной степени правъ, ибо *общая формула*, имъ выработанная, несомнѣнно никѣмъ не была еще употребляема, хотя самый принципъ уже существовалъ, напр. въ ученіяхъ Гертли и Бонне, и въ теоріи удовольствія, изложенной въ словарѣ Дидеро. Но Вильйомъ съ этими писателями кажется не былъ знакомъ. Изслѣдуя далѣе понятіе «силы», Вильйомъ приходитъ къ самому широкому его пониманію. «Къ силамъ принадлежатъ, говоритъ онъ, всѣ способности тѣла и души, духа и сердца, получать впечатлѣнія и быть извѣстнымъ образомъ аффицированными.....» [2]). Подъ дѣятельностью онъ поэтому разумѣетъ всякое упражненіе силы, подъ вліяніемъ столько же внутреннихъ, сколько и внѣшнихъ возбужденій. «Напр., я хочу идти и иду,—это дѣятельность; но и то будетъ дѣятельностью, если предметъ дѣйствуетъ на мои чувства и приводитъ ихъ въ движеніе» [3]). Отношеніе дѣятельности къ силѣ можетъ быть: во 1) количественное (интенсивное и экстенсивное), во 2) качественное; кромѣ того въ 3) качество силы опредѣляется различными внѣшними и внутренними обстоятельствами, и въ 4) какъ качество, такъ и количество должно быть оцѣниваемо не только по отношенію къ настоящему состоянію организма, но и въ связи съ непосредственными результатами дѣятельности въ будущемъ: «мы охотно дѣлаемъ то, что́ увеличиваетъ и развиваетъ наши силы въ ближайшемъ будущемъ» [4]). Отсюда вытекаетъ полное опредѣленіе удовольствія, какъ «точнаго отношенія дѣятельности (des Wirkens u. Empfindens, d. Thuns u. d. Bewegtwerdens) ко всѣмъ нашимъ силамъ (тѣла и души и т. д.), — по интенсивности, экстенсивности, продолжительности и качеству, съ точки зрѣнія личнаго или минутнаго расположенія, и сообразно съ ближайшими послѣдствіями его» [5]). Опредѣленіе это имѣетъ только тотъ важный недостатокъ, что въ немъ не указывается различія въ характерѣ упомянутыхъ отношеній силъ и дѣятельности, какъ условій удовольствія, съ одной, и страданія, съ другой стороны. Это различіе конечно подразумѣвается, но къ сожалѣнію оно не опредѣляется со всею необходимою точностью. Кромѣ того Вильйомъ не сознаетъ, что условіе различ-

---

[1]) Ibid. 3 Cap., p. 21
[2]) Ibid 4 Cap., p. 23.
[3]) Ibid. p. 24.
[4]) Ibid. p. 24—27.
[5]) Ibid. p. 28.

наго качества силъ имѣетъ коренную основу тоже въ количественныхъ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу. Стало быть, въ ученіи Вильйома остаются важные пробѣлы. Онъ самъ повидимому сознаетъ это и пытается пополнить ихъ въ 7-ой главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о возможности косвенно заключать отъ закона удовольствія къ «причинѣ» его. Тутъ Вильйомъ ставитъ удовольствіе въ связь съ удовлетвореніемъ «потребности къ дѣятельности», вытекающей отъ притока въ органы, часто упражняемые нами, питательныхъ соковъ, служащихъ источникомъ силы въ этихъ органахъ [1]). Но онъ не даетъ достаточнаго развитія этой мысли и поэтому пробѣлы всетаки остаются. Вся остальная часть его книжки служитъ подтвержденіемъ и является дальнѣйшимъ развитіемъ его мысли. Подтвержденій онъ ищетъ какъ въ ученіяхъ своихъ предшественниковъ, такъ и въ собственныхъ наблюденіяхъ. Собственныя наблюденія, составляя въ то же время и спеціальное примѣненіе его теоріи, изложены довольно безпорядочно. Задачею Вильйома очевидно является постепенное разрѣшеніе всѣхъ возможныхъ недоумѣній и вопросовъ, возникающихъ въ его умѣ въ случайномъ порядкѣ, при сравненіи теоріи съ фактами. Главная мысль всѣхъ этихъ отдѣльныхъ очерковъ состоитъ въ томъ, что всѣ чувствованія наши *относительны* и мѣняются, смотря по обстоятельствамъ, для разныхъ людей и для одного и того же человѣка, вслѣдствіе измѣненія отношеній между нашими силами [2]). Все зависитъ отъ распредѣленія нашихъ силъ, и отсюда объясняется удовольствіе какъ привычныхъ впечатлѣній, такъ и всего новаго; отъ этого распредѣленія зависитъ столько же нормальное состояніе вкусовъ, сколько и ненормальное искаженіе ихъ и т. д. Хотя Вильйомъ, при разборѣ этихъ вопросовъ, касается болѣе или менѣе подробно механизма *всѣхъ* обычныхъ человѣку волненій, но это совершается безъ системы и порядка, и на классификацію чувствованій онъ мало обращаетъ вниманія. Онъ приводитъ, правда, главные, по его мнѣнію, виды удовольствія, но не пользуется своей классификаціей для систематическаго разбора всѣхъ феноменовъ чувствительности. Эти виды слѣдующіе: 1) чистыя чувственныя удовольствія, 2) чистыя нравственныя ощущенія (которыя впрочемъ большею частію берутъ начало въ чувственныхъ же впечатлѣніяхъ), 3) удовольствія чистаго созерцанія (интеллектуальныя, по выраженію другихъ психологовъ), и 4) смѣшанныя удовольствія, возникающія изъ сочетанія тѣхъ или другихъ изъ упомянутыхъ чистыхъ. «Эти четыре главные класса обнимаютъ конечно всѣ удовольствія», говоритъ Вильйомъ [3]). Очевидно, что это распредѣленіе не само-

[1]) Ibid. p. 64—68.
[2]) Ср. особ. 8 Cap., 1 Art., p. 69 и слѣд.
[3]) Ibid. 2 Cap, p. 12—13.

стоятельно, что оно представляетъ только передѣлку Зульцеровой классификаціи, принятой почти всѣми нѣмецкими психологами конца XVIII в. Стало быть, заслуга Вильйома заключается единственно въ попыткѣ выработать болѣе *сознательный* и *общій* принципъ для опредѣленія *условій* удовольствія. Это — принципъ, выше названный нами *физіологическимъ*. Вильйомъ пришелъ только къ новой и оригинальной формулѣ для его выраженія, но нельзя сказать, чтобы эта формула исчерпывала всѣ стороны дѣла. Этимъ объясняется между прочимъ и тотъ фактъ, что Вильйомъ не оказалъ замѣтнаго вліянія на послѣдующее развитіе анализа чувствованій. Его формула, какъ недостаточно полная, не могла удовлетворить слѣдующихъ психологовъ, и исканіе общаго начала и послѣ него продолжается съ тѣмъ же упорствомъ. Въ Германіи, впрочемъ, значеніе анализа Вильйома весьма серіозное, ибо среди нѣмецкихъ психологовъ онъ — первый представитель широкой физіологической теоріи. Отношеніе его къ Зульцеру и другимъ предшественникамъ въ его отечествѣ между прочимъ весьма ясно характеризуется одной фразой, которую онъ самъ употребляетъ, при изложеніи теоріи Зульцера: «Ja, wenn der Verfasser nicht alles auf die Erkenntniss zurück-führte»[1]), говоритъ онъ. Это отрицаніе имъ исключительной связи чувствованій съ дѣятельностью ума, съ теченіемъ представленій, и составляетъ дѣйствительно характеристическую черту его ученія, при сравненіи съ ученіями предшествующихъ нѣмецкихъ психологовъ.

Почти одновременно съ монографіей Вильйома вышла «Метафизика удовольствія» Абихта (1789), а вскорѣ затѣмъ (1793) «Опытъ анализа способности чувствовать» Флемминга. Трудъ Абихта имѣетъ совершенно особое и новое направленіе, вызванное критическими сочиненіями Канта; напротивъ того монографія Флемминга представляетъ собою только новое выраженіе теоріи Зульцера и Эберхарда. Такъ какъ Абихтъ является противникомъ именно этой точки зрѣнія, то ученіе Флемминга удобнѣе изложить сначала, а теорію Абихта послѣ, т. е. какъ можно ближе къ разбору второй книги Антропологіи Канта, такъ какъ Абихтъ пытался предупредить Кёнигсбергскаго философа въ объясненіи удовольствія съ точки зрѣнія «Критики чистаго разума» и «Критики практическаго разума».

У **Флемминга,** сравнительно съ другими представителями школы Зульцера, оригинально во первыхъ то, что онъ выдѣляетъ изъ понятія *чувства* (Gefühl) идеи ощущеній удовольствія и страданія. Эти ощущенія составляютъ только результатъ развитія чувства: чувство относится къ удовольствію и страданію,

---

[1]) Ibid. p. 72.

какъ основаніе къ слѣдствію (wie Grund z. Folge)[1]), хотя впрочемъ связь феноменовъ того и другого порядка самая тѣсная и неразрывная[2]). Но уже какъ скоро удовольствіе и страданіе не составляютъ имманентныхъ признаковъ понятія чувства, то и опредѣленіе этого послѣдняго должно быть независимое. Чувство, будучи феноменомъ чисто субъективнымъ, составляетъ результатъ отношенія представленій нашихъ къ данному въ опытѣ объекту[3]); такъ какъ органомъ сопоставленія въ сознаніи нашемъ представленій и ощущеній служитъ воображеніе, то воображеніе является однимъ изъ главныхъ факторовъ въ развитіи чувства[4]). Предметомъ оцѣнки въ чувствованіяхъ, такимъ образомъ, служатъ очевидно *внѣшнія* отношенія, ибо одна идея объекта сравнивается съ другими[5]). Оцѣнка эта *сознательная*, ибо «внѣ разсудочной дѣятельности и безъ участія понятія, съ точки зрѣнія Флеммингa, чувствованія не могли бы возникнуть»[6]). Наконецъ оцѣнка эта *относительная*, ибо при различныхъ направленіяхъ самодѣятельности духа, т. е. при различномъ составѣ представленій у субъекта, чувствованія принимаютъ разнообразный характеръ[7]). Итакъ Флеммингъ повидимому ставилъ чувство въ зависимость отъ сознательной оцѣнки относительныхъ качествъ предметовъ (II т.). Но принципъ этотъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, не имѣлъ для него всеобщаго значенія. Считая удовольствіе и страданіе прямымъ послѣдствіемъ развитія чувства, онъ однакоже, въ связи съ упомянутымъ выдѣленіемъ этихъ явленій изъ понятія чувства, предлагаетъ совершенно иной принципъ для объясненія условій удовольствія и страданія. Этотъ принципъ есть опять принципъ субъективнаго совершенства и несовершенства, причемъ совершенство и несовершенство, какъ у Зульцера и Эберхарда, заключаются опять въ болѣе или менѣе безпрепятственномъ развитіи представляющей силы: всякое увеличеніе, расширеніе этой силы доставляетъ удовольствіе, и на оборотъ[8]). Но такъ какъ Флеммингъ не ставитъ

---

[1]) L. c., p. 14—18.

[2]) Ibid. p. 24.

[3]) Ibid. p. 20.

[4]) Ibid p. 21: Gefuhle.... setzen die Wirklichkeit eines Objects, oder die Vorstellung desselben, und die Wirksamkeit d. Gemuths, vorzuglich d. Einbildungsvermögens, voraus.

[5]) Cp. ib. p. 19.

[6]) Ibid. p. 34. Ср. p. 27: Флеммингъ оттого и отдѣляетъ ощущенія удовольствія и страданія отъ чувства, что эти ощущенія могутъ быть связаны съ простымъ удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ чувственнаго стремленія (Trieb), тогда какъ настоящее чувство предполагаетъ ясное сознаніе состоянія нашихъ силъ и основано на отношеніи представленій (ср. p. 40).

[7]) Ibid. p. 22. Ср. p. 13, 31 и 42.

[8]) Ibid. p. 24—26. Ср. также p. 31 (Sinnl. Gef.), p. 33 и 36 (Symp. Gef.), p. 37 и 41 (Verstandes-Gef.), p. 44 и 52 (Aesth. G.), p. 70 (Moral. G.).

удовольствія и страданія въ исключительную зависимость отъ удовлетворенія или неудовлетворенія *стремленія* къ развитію представленій [1]), то его ученіе подходитъ скорѣе къ другой категоріи, чѣмъ ученіе Зульцера и его прямыхъ послѣдователей; оно представляетъ *одностороннее* выраженіе аристотелевской теоріи: предметъ сознательной оцѣнки — относительная гармонія въ отправленіяхъ представляющей способности (XIV т.) [2]). *Классификація* чувствованій у Флеммингa совершенно случайная, – она является простымъ перечисленіемъ категорій чувствованій, кажущихся ему *болѣе* самостоятельными, съ цѣлью примѣненія къ каждому главному виду прежде изложенной *общей* теоріи чувства. Въ это перечисленіе входятъ: 1) чувственныя волненія, 2) животныя или тѣлесныя чувствованія, какъ особый видъ первыхъ, 3) симпатическое чувство, 4) разсудочное ч., 5) эстетическое ч., 6) нравственное чувство. Въ анализѣ этихъ спеціальныхъ видовъ чувства мало новаго. Интересно замѣчаніе Флеммингa, при разборѣ разсудочнаго чувства, что сведеніе чувствованій къ неизвѣстнымъ перемѣнамъ въ органахъ, даетъ мало надежды на плодотворные результаты для науки о чувствованіяхъ [3]). Еще интереснѣе попытка сочетанія гипотезы объ *однообразіи* красоты съ признаніемъ *относительности* эстетическихъ чувствованій. Сознавая относительность сужденій людей о прекрасномъ и объясняя её различными направленіями въ развитіи познавательной силы, Флеммингъ полагаетъ, что правильно можетъ быть всетаки лишь одно какое-нибудь направленіе этого развитія, — всѣ остальныя составляютъ искаженіе, затемнѣніе истиннаго вкуса [4]). Эти мысли представляютъ еще отдаленное отраженіе абсолютизма Вольфа (его понятія vetae perfectionis). Особенностью нравственнаго чувства Флеммингъ признаетъ исключительную субъективность его, т. е. зависимость отъ внутреннихъ отношеній — разума къ волѣ [5]).

Задача «Метафизики» **Абихта**, какъ видно изъ его введенія, въ сущности практическая. Онъ стремится опредѣлить природу первоначальныхъ мотивовъ дѣятельности и на этой почвѣ основать новую мораль. Пріемы

---

[1]) Только при анализѣ разсудочнаго чувства (Verstandes-Gefühl) онъ говоритъ, что душѣ свойственъ ein eigenthumlicher Trieb nach Vorstellungen, неудовлетвореніе котораго имѣетъ послѣдствіемъ чувство скуки (p 41).

[2]) Объясненіе «животныхъ чувствованій» (thierische Gefuhle) выражается однако въ болѣе широкой формулѣ: Die Veränderungen einiger Theile d. Körpers wirken so auf das Ganze, говоритъ Флеммингъ, dass dadurch generelle Belebung oder Schwachung, Harmonie o. Disharmonie der ganzen thierischen Lebenskraft hervorgebracht wird (p 28).

[3]) Ibid. p. 39.

[4]) Ibid. p. 54—55. Отсюда положеніе. Es giebt nur *eine* Schönheit, folglich nur *einen* Geschmack oder die Art u. Weise das Schöne zu beurtheilen.

[5]) Ibid. p. 69.

его всецѣло заимствованы отъ Канта. Предположивъ, что у насъ есть особое чувство, воспріимчивое къ удовольствію и страданію, онъ старается доказать, что воспріятія этого чувства вполнѣ *субъективны*, что элементы ихъ лежатъ въ насъ самихъ и что представленія внѣшнихъ предметовъ составляютъ только почву, на которой развиваются эти субъективныя модификаціи сознанія. Словомъ сказать, задача Абихта — доказать, что удовольствіе и страданіе суть такія-же *апріорныя формы чувственнаго опыта*, какими Кантъ призналъ пространство и время, и что относительно предметовъ удовольствія можетъ быть построенъ такой-же рядъ «синтетическихъ сужденій a priori», какъ относительно предметовъ, помѣщаемыхъ нами въ пространствѣ. Эта задача и составляетъ содержаніе «метафизики» удовольствія[1]). Сначала Абихтъ подвергаетъ разбору и критикѣ ученія, ставящія удовольствіе и страданіе въ зависимость отъ внѣшнихъ предметовъ, какъ источниковъ представленій совершенства и гармоніи, несовершенства и дисгармоніи, и приходитъ къ выводу, что удовольствіе не можетъ быть ни темнымъ, ни яснымъ представленіемъ чего бы ни было, присущаго внѣшнимъ предметамъ[2]). Далѣе оказывается, что удовольствіе вообще не можетъ быть «представленіемъ» и что сами представленія, хотя бы они и имѣли содержаніемъ порядокъ, гармонію и совершенство, останутся для насъ всегда лишь сухими и холодными представленіями; вообще сводить всѣ явленія сознанія къ *представленіямъ* неосновательно[3]). Удовольствіе не можетъ быть и смутнымъ представленіемъ объ «отношеніи» предметовъ, и остается признать, что внѣшніе предметы не имѣютъ никакого иного значенія, кромѣ какъ матеріала для представленій, и что послѣднія, чтобы быть пріятными, должны получить особую примѣсь, особую окраску *отъ насъ* (durch uns)[4]). Присутствіе предметовъ впрочемъ вовсе не составляетъ неизбѣжнаго условія удовольствія или страданія, и эти понятія должны исключительно обозначать извѣстный видъ модификацій *сознанія*. Модификаціи эти имѣютъ степени: низшая степень — чувство интереса, которое дѣйствительно составляетъ, хотя и субъективный, придатокъ всѣхъ представленій и ощущеній. По своему характеру, этотъ субъективный придатокъ, какъ мы указали, имѣетъ, по мнѣнію Абихта, полную аналогію съ идеями пространства и времени[5]). Отсюда уже не далеко до вывода, что возможны синтетическія сужденія a priori въ сферѣ чувства: «Если дитя, которое жестокая мать

---

[1]) Einleit., §§ 8—10, p. 20 и слѣд.
[2]) Ibid. Transcedent. Aesth. d. Gef., §§ 11—12 (особ. p. 39).
[3]) Ibid. § 13 (особ., p. 40 и 42).
[4]) Ibid. § 14, особ. p. 45.
[5]) Ibid. § 15, p. 46—51.

крѣпко затянула въ пеленки, вертится и плачетъ, то имъ руководитъ синтетическое основоположеніе a priori, смутно образовавшееся въ душѣ и заключающееся въ мысли, что свобода имѣетъ результатомъ чувство удовольствія». Безсмертный Виландъ, отдѣлывая свои поэтическія картины, тоже руководился сужденіемъ такого типа, а именно, что созерцаніе красоты всѣмъ нравится, и т. д. [1]). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мотивомъ дѣйствія является не опытъ, а какое-то субъективное и тѣмъ не менѣе не допускающее сомнѣній предположеніе, а потому и неизбѣжно придти къ выводу, что есть синтетическія сужденія a priori о предметахъ удовольствія [2]). Изъ этого вытекаетъ далѣе возможность опредѣленія какъ самаго принципа удовольствія, такъ и основаній для упомянутыхъ синтетическихъ сужденій a priori, а равно и самаго числа ихъ, при чемъ Абихтъ надѣется приложить къ дѣлу Кантовскую таблицу *категорій* [3]). Главнымъ принципомъ или закономъ чувства, условіемъ его «возможности» является наше *я*, условіемъ его «дѣйствительности» созерцаніе этого *я* (das Anschauen des Ichs) — *самосознаніе*, т. е. сознаніе себя, *какъ субъекта*, а не просто сознаніе нашего *я*, какъ признака, присущаго отправленіямъ нашего сознанія (такое сознаніе было бы безразличнымъ представленіемъ) [4]). Ощущенія и представленія пробуждаютъ чувство, стало быть и внѣшніе предметы, какъ источники ощущеній и представленій и вытекающей изъ нихъ самодѣятельности духа, оказываютъ извѣстное вліяніе на развитіе чувствованій [5]). Условіе этого вліянія слѣдующее: все, что́ содѣйствуетъ нашему самосознанію, содѣйствуетъ и развитію чувствованій, — все, что́ препятствуетъ ему, вредно отзывается на чувствованіяхъ [6]). Въ слѣдующей главѣ Абихтъ обозрѣваетъ нѣкоторыя «эмпирическія» условія самосознанія или самосозерцанія, какъ напримѣръ обратное отношеніе апперцепціи къ силѣ самосозерцанія, различное дѣйствіе представленій, по степени близости ихъ къ нашему *я*, и т. д. Этимъ и кончается «трансцедентальная эстетика чувства». Во второмъ отдѣлѣ, въ «трансцедентальной аналитикѣ», Абихтъ намѣренъ изложить теорію основныхъ понятій волненія (d. pathischen Urbegriffe) и этимъ самымъ положить начало «чистой логикѣ удовольствія» [7]). Упомянутыя основныя понятія составляютъ парафразу на двѣнадцать категорій Канта [8]). Слабыя стороны Кантовской таблицы кате-

---

[1]) Ibid. § 17, p. 55 и слѣд.
[2]) Ibid. p. 58 и слѣд.
[3]) Ibid p. 59 и 60.
[4]) Ibid. § 18.
[5]) Ibid. § 19, p. 63.
[6]) Ibid. p. 64.
[7]) Ibid. § 29.
[8]) Ibid. § 33, особ. p. 102 (Tafel d. pathischen Categorien).

горій давно всѣмъ извѣстны, а потому мы находимъ излишнимъ подробное изложеніе этой стороны ученія Абихта. Достаточно познакомиться съ образчиками основоположеній a priori которыя онъ выводитъ изъ своей таблицы категорій. Вотъ они: 1) все реальное въ предметахъ хорошо, т. е. доставляетъ удовольствіе, 2) всякій недостатокъ въ предметахъ составляетъ зло, т. е. источникъ страданія, 3) всѣ ограниченные предметы хороши и дурны съ ограниченіемъ. Это сужденія качественнаго характера. Вотъ образчикъ количественнаго основоположенія: всѣ предметы имѣютъ цѣну и въ этомъ смыслѣ хороши. Выводомъ изъ всѣхъ основоположеній, касающихся отношеній предметовъ, служитъ слѣдующая мысль: всѣ предметы находятся въ гармонической связи другъ съ другомъ и въ этомъ смыслѣ хороши. Примѣромъ модальныхъ сужденій можетъ служить слѣдующее: всѣ необходимо хорошіе предметы представляютъ собою самыя вѣрныя и неизмѣнныя блага. Подробное разъясненіе и развитіе этихъ и подобныхъ общихъ положеній составляетъ все содержаніе аналитики (§ 41 — § 58, p. 124 — 203). Стараясь подвести подъ свои общія опредѣленія всѣ возможные виды удовольствія, Абихтъ, разумѣется, дѣлаетъ множество натяжекъ, ибо самыя рамки, имъ избранныя, совершенно произвольны. О трансцедентальной діалектикѣ чувства (Drittes Hauptstück), имѣющей цѣлью найти идеалъ удовольствія, т. е. условія счастія, мы вовсе не будемъ говорить, ибо здѣсь Абихтъ переходитъ къ рѣшенію практическихъ вопросовъ морали. Того, что̀ мы изложили, достаточно, чтобъ сдѣлать общую оцѣнку ученія этого писателя. Абихтъ попробовалъ фактъ субъективности чувства основать на Кантовскомъ принципѣ «субъективныхъ формъ» познанія, но ничего новаго онъ этимъ не сказалъ: субъективность чувства была признана всѣми писателями второй половины XVIII вѣка. Дать то или другое названіе этой субъективности не значило выполнить какое-либо важное научное требованіе, ибо назвать — не значитъ объяснить. Задача психологовъ въ данной области состояла въ томъ, чтобы найти *общую формулу*, которая бы обняла условія развитія удовольствія и страданія. Абихтъ мало сдѣлалъ для отысканія этой формулы: положеніе, что все, что̀ содѣйствуетъ нашему самосозерцанію производитъ удовольствіе и обратно, не заключало въ себѣ ничего новаго, и притомъ, по своей неопредѣленности, оно могло повести къ недоразумѣніямъ, и это подтверждается дальнѣйшими положеніями самого Абихта, въ которыхъ вполнѣ возстановляется отвергнутая сначала зависимость чувствованій отъ качества и взаимныхъ отношеній внѣшнихъ предметовъ. Наконецъ предположеніе возможности синтетическихъ сужденій a priori въ области удовольствія составляетъ совершенную безсмыслицу, ибо оно основано на нелѣпой гипотезѣ о прирожденности такихъ понятій, какъ реаль-

ность, недостатокъ, величина, достоинство и т. д., составляющихъ главный ингредіентъ упомянутыхъ сужденій. Понялъ-ли Кантъ всю несообразность принциповъ своей трансцедентальной аналитики на этомъ неудачномъ опытѣ ихъ примѣненія, трудно рѣшить, но мы вскорѣ увидимъ, что его собственное ученіе объ удовольствіи и страданіи совершенно чуждо «трансцедентальныхъ основоположеній» и представляетъ простой опытъ опредѣленія общихъ и спеціальныхъ эмпирическихъ условій разбираемыхъ феноменовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ Канту, скажемъ нѣсколько словъ еще объ одной упомянутой нами монографіи, касающейся удовольствія, а именно Бендавида, которая вышла за четыре года передъ антропологіей Канта.

«Опытъ объ удовольствіи» **Бендавида**, подобно метафизикѣ Абихта, имѣетъ цѣлью найти новыя основы для эстетики и для морали въ оригинальной общей теоріи удовольствія, изложенію которой посвящены первыя 50 страничекъ его книги. Теорія эта въ цѣломъ представляетъ новый способъ проведенія эпикурейскаго ученія, по которому удовольствіе и страданіе суть только моменты развитія желанія. Бендавидъ выходитъ изъ понятія «инстинкта самосохраненія» (Trieb d. Selbsterhaltung), которымъ обладаетъ каждое существо и который влечетъ насъ къ безконечному продолженію нашего существованія. Эта цѣль инстинкта была бы достигнута, еслибъ онъ не встрѣчалъ противодѣйствія въ другой, *внѣшней* силѣ, препятствующей непрерывности его развитія. Эта сила заключается въ дѣйствіи на насъ внѣшнихъ условій, поперемѣнно то отказывающихъ намъ въ удовлетвореніи (Genuss) требованій вѣчно развивающагося инстинкта, то доставляющихъ намъ то́, чего онъ требуетъ [1]). При такомъ перерывѣ въ его дѣйствіи подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, является, во первыхъ, *самосознаніе,* во вторыхъ — *желаніе* (Begierde) къ возстановленію нарушеннаго развитія инстинкта самосохраненія. Удовлетвореніе желанія есть, стало быть, съ одной стороны — возстановленіе теченія инстинкта, съ другой — подавленіе самосознанія [2]). Пока развитіе инстинкта самосохраненія идетъ безпрерывно, человѣкъ очевидно находится въ безчувственномъ состояніи (im Zustande der Unempfindlichkeit). Какъ скоро совершился перерывъ, возникаетъ желаніе къ самосохраненію, самосознаніе и боль; удовлетвореніе этого желанія и подавленіе самосознанія есть удовольствіе [3]). Стало быть, «удовольствіе есть то состояніе духа, которому предшествовали какое-нибудь желаніе и соотвѣтственный послѣднему актъ самосознанія, но чрезъ которое, вслѣдствіе удовлетворенія этого желанія, мы те-

[1]) L. c, p. 1—12 (I).
[2]) Ibid. p. 12—17 (II).
[3]) Ibid. p. 41—45 (VI), особ. §§ 56—58.

ряемъ сознаніе нашего стремленія къ самосохраненію»[1]). Не смотря на всю запутанность этого опредѣленія, цѣль автора совершенно ясная: онъ хочетъ доказать, что внѣ желанія нѣтъ ни удовольствія, ни боли. Всѣ свои положенія онъ старается притомъ облечь въ точныя, математическія формулы и иногда пользуется даже алгебраическими знаками[2]); но ясность изложенія конечно отъ этого теряетъ, а не выигрываетъ.

Изъ опредѣленія удовольствія, при помощи нѣсколькихъ новыхъ понятій весьма условнаго характера и весьма сомнительнаго достоинства (relatives Maximum, absol. Max., rel. Mimimum etc.), Бендавидъ выводитъ дѣленіе удовольствій на нѣсколько основныхъ видовъ. Прежде всего онъ различаетъ животное удовольствіе отъ человѣческаго: въ первомъ удовлетвореніе не представляетъ само по себѣ максимума возможныхъ измѣненій дѣйствія; во второмъ, на оборотъ, представляетъ именно такой максимумъ. Человѣческія удовольствія дѣлятся еще на нравственныя и эстетическія: вторыя отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что упомянутый максимумъ измѣненій происходитъ въ теченіи максимума времени[3]). Отвлеченная условность этихъ терминовъ такъ очевидна, что нѣтъ надобности изъяснять подробнѣе, на какую безплодную почву вступилъ авторъ «Опыта». Не касаясь заслугъ его въ эстетикѣ и морали, мы можемъ смѣло сказать, что въ общую психологическую теорію удовольствія его трудъ не внесъ ничего важнаго. Перейдемъ къ Канту.

Вторая книга «Антропологіи» **Канта** была попыткою обобщить тѣ воззрѣнія его на природу чувства, которыя отчасти были выражены имъ въ предшествующихъ сочиненіяхъ, при анализѣ спеціальнаго вопроса о природѣ чувствованій прекраснаго и возвышеннаго (Beobacht. ueb. d. Gefühl d. Schönen u. Erhabenen. 1764, и Kritik d. Urtheilskr. 1790, I Abschn. I и II Buch: Analytik d. Schönen, Anal. d. Erhab.). Свою книгу о чувствѣ удовольствія и страданія въ Антропологіи онъ начинаетъ дѣленіемъ всѣхъ удовольствій на *чувственныя* и *интеллектуальныя*, при чемъ тѣ и другія распадаются опять на два новые класса. Первыя имѣютъ два источника: A. Ощущеніе (удовольствіе въ собственномъ смыслѣ, Vergnügen въ отличіе отъ Lust), B. Воображеніе (вкусъ); вторыя имѣютъ тоже два источника: A. Понятія, B. Идеи[4]). Но до анализа интеллектуальныхъ удовольствій, какъ извѣстно, Кантъ вовсе не дошелъ. Вообще анализъ чувствованій не обла-

---

[1]) Ibid. p. 45 и слѣд. (VII), особ. §§ 62 и 63.
[2]) См. напр его ученіе о различіи желаній (§§ 36—55).
[3]) Ibid. §§ 65—81 (особ. p. 51 и 52).
[4]) Sämmtl. Werke, l. c., VII. 1, p. 143.

даетъ той систематичностью и полнотой, какою отличались обыкновенно изслѣдованія Канта. Многіе даже видятъ во всей Антропологіи Канта признаки старческой немощи. Но этому предположенію противорѣчитъ глубина и тонкая наблюдательность, которыя обнаруживаются въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, хотя-бы въ анализѣ чувствованій. Скорѣе можно думать, что, посвятивъ бо́льшую часть своей жизни изслѣдованію познавательныхъ отправленій человѣка, Кантъ не имѣлъ времени въ той мѣрѣ сосредоточиться на анализѣ чувства, чтобы выработать и въ этой области ученіе, вполнѣ цѣльное и дающее отвѣты на всѣ спеціальные вопросы, какіе могутъ быть поставлены въ данной области. Притомъ же Кантъ, очевидно, былъ мало знакомъ съ работами предшественниковъ по тому же вопросу, и этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что онъ самъ связываетъ свои опредѣленія удовольствія и страданія съ ученіемъ одного *итальянскаго* философа, графа Верри, издавшаго маленькую монографію объ удовольствіи и страданіи [1]). Мы вкратцѣ изложимъ самыя выдающіяся положенія Канта, относящіяся къ природѣ чувствованій, чтобы имѣть возможность отвѣтить на вопросъ, какое мѣсто занималъ этотъ геніальный человѣкъ въ исторіи развитія изучаемаго предмета. Во первыхъ, интересно у Канта сравненіе контраста удовольствія и страданія съ + и — (contrarie s. realiter oppositum) [2]), уже однажды встрѣченное нами (у Бонне). Если сопоставить эту метафору: во 1-хъ, съ опредѣленіями удовольствія, какъ чувства, сопровождающаго всякое споспѣшествованіе (Beförderung) жизни, — страданія, какъ чувства вызываемаго препятствіемъ ея теченію (Hinderniss d. Lebens) [3]), во 2-хъ, съ мнѣніемъ, что пріятно всякое чувство, которое побуждаетъ насъ оставаться въ томъ состояніи, въ которомъ мы находимся, — непріятно напротивъ все, что́ заставляетъ насъ покинуть это состояніе [4]), въ 3-хъ, съ положеніемъ, что страданіе непремѣнно должно предшествовать удовольствію и что поэтому никогда одно удовольствіе не слѣдуетъ непосредственно за другимъ [5]); наконецъ, если взять во вниманіе, что понятіе *жизни* для Канта тождественно понятію «жизненной *силы*» (Lebenskraft) [6]),—то будетъ ясно, что и Кантъ опять придерживается той точки зрѣнія, которая считаетъ удовольствіе результатомъ удовлетворенія стремленія, но не сознательнаго (желанія), а безсознатель-

---

[1]) Discorso sull' indole del piacere e del dolore 1781. (Привед. у Dumont, l. c., p. 31 и у Hamilt., l. c., p. 471).

[2]) L. c., § 59, p. 143.

[3]) Ibid. p. 144.

[4]) Ibid. § 75, p. 174.

[5]) Ibid. p. 145

[6]) Ср. ibid. p. 176.

наго стремленія — жить, т. е. инстинкта къ самосохраненію [1]). Стало быть, его теорія родственна теоріи предшествующаго писателя (Бендавида), и представляетъ только не столь ясное выраженіе той же гипотезы. Притомъ чувственныя удовольствія, въ тѣсномъ смыслѣ, Кантъ считалъ относительными [2]). Значитъ Кантъ ставилъ этотъ видъ чувствованій въ зависимость отъ безсознательной оцѣнки относительной успѣшности нашей дѣятельности (XII т.). Но это опредѣленіе однако не имѣетъ у него общаго характера. Во первыхъ, Кантъ самъ разумѣетъ здѣсь только одинъ изъ четырехъ классовъ чувствованій [3]). Во вторыхъ, уже въ теоріи *прекраснаго* онъ отступаетъ отъ него, ибо съ одной стороны отрицаетъ зависимость вкуса отъ желанія [4]), съ другой — считаетъ эстетическія наслажденія абсолютными, ибо признаетъ ихъ (не смотря на ихъ субъективный характеръ) *всеобщими*, независимыми отъ индивидуальнаго характера чувствующаго лица [5]). Не вдаваясь въ разборъ часто весьма остроумныхъ и вѣрныхъ замѣчаній Канта о различныхъ видахъ и условіяхъ *вкуса*, а также о различныхъ отношеніяхъ, въ какія могутъ входить чувственныя удовольствія и страданія другъ съ другомъ, мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ анализѣ *аффектовъ* у Канта. Мы уже говорили, что Кантъ, по странному противорѣчію, помѣстилъ аффекты въ третью книгу Антропологіи (Vom Begehrungsvermögen). Онъ самъ объясняетъ этотъ фактъ тѣсною связью аффектовъ съ *страстями* [6]), но это объясненіе едва-ли достаточно. Объ общемъ пониманіи Кантомъ аффекта уже было сказано [7]); спеціальный анализъ аффектовъ любопытенъ, какъ матеріалъ для классификаціи чувствованій. Родовыми понятіями въ сферѣ аффекта служатъ Декартовскія понятія радости и печали (Freude u. Traurigkeit), какъ видоизмѣненій удовольствія и страданія. Видами радости и печали являются надежда и страхъ, при чемъ Кантъ останавливается подробно на опредѣленіи отдѣльныхъ проявленій страха. Въ

---

[1]) Въ Krit d. Urtheilskr. (S. W., IV Th. § 5, p. 53) онъ прямо говоритъ, что пріятное имѣетъ отношеніе къ «силѣ стремленія»; впрочемъ чрезвычайная неопредѣленность выраженій допускаетъ и другое толкованіе. Гамильтонъ напр. считаетъ Канта послѣдователемъ Платоновской теоріи (l. c, p. 471 и слѣд.).

[2]) Anthrop., l. c., p. 157. Ср. Kr. d. U., l. c. § 7, p. 56 и Beob. d. Schönen, I Abschn. (S. W., IV, p. 399).

[3]) Ср Anthrop., ibid. p. 143: Die Ausdrucke von dem, was gefällt u. missfallt und dem was dazwischen ist, dem Gleichgültigen, sind zu weit, и т. д.

[4]) Kr. d. U., ib. p. 53: Dagegen ist das Geschmacks-Urtheil bloss contemplativ...

[5]) Ibid. § 6, p. 55 и слѣд., также p. 66: Schön ist das, was ohne Begriff allgemein gefällt. Также Anthrop., l. c, § 66, p. 156 и 157: Geschmack ist das Vermögen d. aesthet. Urtheilskraft, allgemein gultig zu wählen.

[6]) Anthrop., § 60, Anm. (p. 150).

[7]) См. Ч. I, Глава IV, стр. 93.

этихъ опредѣленіяхъ любопытнѣе всего то, что и чувство *гнѣва* Кантъ считаетъ видомъ чувства страха, опредѣляя его какъ страхъ, который въ то же время пробуждаетъ тотчасъ же наши силы къ сопротивленію. Помимо этого, остается еще сказать объ общемъ дѣленіи аффектовъ, съ точки зрѣнія степени ихъ нормальности, на проявленія *силы* и проявленія *безсилія* (sthenische u. asthenische), и объ оригинальномъ опредѣленіи смѣха, какъ конвульсивнаго веселья (konvulsivische Fröhlichkeit), освобождающаго жизненную силу (durch Ergiessungen) отъ какого-нибудь препятствія на пути ея развитія[1]), — и всѣ оригинальныя черты Кантовской теоріи чувства съ тѣмъ вмѣстѣ исчерпаны. Очевидно, Кантъ тоже не обогатилъ общаго анализа чувствованій никакими важными новыми взглядами. Вся его заслуга сводится къ отмѣченному нами въ I-й Части стремленію окончательно утвердить въ психологіи самостоятельное значеніе чувствованій. Это стремленіе выразилось, съ одной стороны, въ попыткѣ совершенно независимой обработки этого круга феноменовъ, съ другой — въ различеніи понятій аффекта и страсти, употреблявшихся ранѣе Канта синонимически[2]). Но въ самой обработкѣ упомянутаго предмета Кантъ стоитъ несравненно ниже многихъ изъ названныхъ нами мелкихъ предшественниковъ своихъ, въ особенности же ниже Зульцера и Вильйома, изъ которыхъ послѣднему безъ сомнѣнія принадлежитъ *первое* мѣсто въ исторіи развитія теоріи удовольствія въ Германіи во вторую половину XVIII столѣтія. Послѣ Канта перейдемъ къ нынѣшнему вѣку и займемся прежде всего нѣмецкими монографіями первыхъ трехъ десятилѣтій его, непосредственно примыкающими къ разобраннымъ до сихъ поръ направленіямъ.

Спеціальная литература нашего вопроса въ Германіи, въ первую треть настоящаго столѣтія, насколько она намъ извѣстна, заключается въ сочиненіяхъ слѣдующихъ писателей: Маасъ (Maass. Ueb. d. Leidenschaften. Halle. 1805—1807 и его же Versuch üb. d. Gefühle, bes. üb. die Affecten, Halle u. Lpz. 1811. 2 Th.), Суабедиссена (Suabedissen. Ueb. die innere Wahrnehm. Berl. 1808), Вебера (H. B. Weber. Vom Selbstgef. u. Mitgef. Heidelb. 1807 и его же: Ueb. Einbildungskraft u. Gef. Stuttg. 1817), Круга (Krug. Grundl. z. e. neuen Theorie d. Gefühle u. d. sogenannt. Gefühlsverm. Königsb. 1823), Рихтера (H. Richter. Ueb. d. Gefühlsvermögen Leipz. 1824), Нейбига (A. Neubig. Die Gefühllehre. Bair. 1829), Сметса (W. Smets. Vernunft u. Gefühl. Cöln. 1830), Беккера (H. Becker. Ueb. d.

---

[1]) Anthrop., § 75, p. 174 и слѣд. (отчасти § 76).

[2]) Ср. брошюру Vogt'a: Entwick. u. Beurth. d. Lehre Kant's ueb. d. Unterschied zw. Affect u. Leidensch. Rostock. 1868, § 1.

Wesen d. Gefühls. München. 1830), Шмидта (Ed. Schmidt. Erst. Vers. e. Theorie des Gefühls. Berl. 1831)[1]).

Чтобъ не слишкомъ разбрасываться, мы оставимъ въ сторонѣ анализъ различныхъ способовъ постановки разбираемыхъ нами вопросовъ въ общихъ психологическихъ трудахъ этого времени, напр. Якоба, Каруса, Фриза, Вейса и другихъ[2]), и ограничимся только краткимъ анализомъ главныхъ изъ перечисленныхъ монографій, такъ какъ онѣ вполнѣ ознакомятъ насъ съ положеніемъ вопроса въ Германіи въ данный періодъ. Начнемъ съ Мааса.

Припомнимъ, что **Маасъ** считаетъ чувствованія субъективными ощущеніями и не признаетъ независимой природы этихъ явленій сознанія. Анализъ субъективныхъ ощущеній онъ дѣлитъ на общій и спеціальный отдѣлы: въ послѣднемъ разбираются отдѣльные виды чувствованій. Кромѣ того, каждый отдѣлъ распадается на теоретическую и практическую часть: первая имѣетъ задачею изслѣдовать самую *природу* чувствованій, вторая — ихъ *примѣненіе*, подъ контролемъ нашей свободный воли[3]). Значительная часть теоретической части общаго анализа чувствованій посвящена у Мааса опредѣленію взаимнаго вліянія чувствованій и другихъ состояній духа и тѣла. Подробному разбору послѣднихъ предшествуетъ только *краткій* анализъ чувствованій въ ихъ независимомъ значеніи (an sich); но и эта глава имѣетъ для насъ мало цѣны, ибо выходя изъ предположенія, что чувствованія суть ощущенія и что свойства послѣднихъ предварительно извѣстны всякому, Маасъ ограничивается только бѣглымъ очеркомъ главныхъ свойствъ чувствованій и занимается почти исключительно опредѣленіемъ ихъ интенсивности и условій ихъ количественныхъ измѣненій[4]). Въ этихъ параграфахъ интересно только то, что съ первыхъ страницъ Маасъ ставитъ развитіе чувствованій въ зависимость отъ прирожденнаго *стремленія* всѣхъ нашихъ силъ проявлять себя въ дѣятельности[5]). Но съ другой стороны онъ тутъ же ставитъ чувствованія въ связь съ *представленіями*, доказывая существованіе смутныхъ, неясныхъ чувствованій (dunkle Gefühle) изъ существованія темныхъ представленій[6]). Изслѣдуя «характеръ» чувствованій,

---

[1]) О медицинскихъ монографіяхъ, относящихся къ вопросу о значеніи аффектовъ и страстей въ экономіи организма мы не считаемъ нужнымъ говорить, ибо мы не могли извлечь изъ нихъ никакой пользы. Такія монографіи появлялись и въ концѣ прошлаго вѣка (Gesenius и Monjé) и въ первую треть нынѣшняго (Heinroth и Volkmann).

[2]) О направленіяхъ Шеллингіанцевъ, Гегеліанцевъ, а также Гербардта и Бенеке (Skizzen z. Naturlehre der Gefühle. Gött. 1825), рѣчь впереди.

[3]) См. l. c., 1 Th., Einl., § 3.

[4]) Ibid. I Th., §§ 5—8.

[5]) Ibid. p. 15.

[6]) Ibid. p. 33. Точно также обманчивыя чувствованія основаны на обманчивыхъ представленіяхъ (ib. p. 36).

Маасъ говоритъ, что первое качество (Qualität) ихъ состоитъ въ томъ, что они либо пріятны, либо непріятны, либо смѣшаннаго характера (gemischt), т. е. отчасти пріятны, отчасти непріятны. Дальнѣйшія особенности, т. е. индивидуальныя черты каждаго чувствованія, заключаются въ его «тонѣ» и «ритмѣ» [1]). Пріятное чувство, по мнѣнію Мааса, есть ни что иное какъ сознаніе въ себѣ самой жизни, *чувство жизни* (Lebensgefuhl), — непріятное чувство, напротивъ, есть сознаніе какого-нибудь нарушенія жизни (Störung d. L.), какъ въ смыслѣ какой-нибудь задержки въ ея развитіи, такъ и въ смыслѣ полнаго уничтоженія ея [2]). Изъ этого опредѣленія можно заключать, что Маасъ находился подъ вліяніемъ Канта. Но эту формулу онъ понималъ еще менѣе отчетливо, чѣмъ Кантъ. Замѣчаніе, что «чувство пріятно поскольку оно само по себѣ составляетъ предметъ желанія, непріятно — поскольку оно служитъ предметомъ отвращенія», оставляетъ, по нашему мнѣнію и вопреки мнѣнію Гербардта [3]), совершенно открытымъ вопросъ, зависитъ ли каждое чувствованіе отъ предшествующаго желанія, или не зависитъ, т. е. служатъ ли чувствованія моментами развитія послѣдняго, или нѣтъ. Разсуждая о принципѣ классификаціи чувствованій, Маасъ напротивъ прямо противуполагаетъ чувствованія, какъ *чистыя* ощущенія (blosse Empfindungen), — страстямъ, какъ особаго вида стремленіямъ (Bestrebungen) [4]). Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что такъ какъ жизнь проявляется только чрезъ дѣятельность (durch Wirksamkeit, d. Thätigkeit d. Kräfte), то пріятное чувство есть чувство *дѣятельнаго* сознанія нашихъ силъ; непріятное же чувство возникаетъ какъ въ томъ случаѣ, когда силы недостаточно заняты, такъ и тогда, когда онѣ чрезмѣрно напряжены [5]). Стало быть, Маасъ скорѣе приближается къ «физіологической» гипотезѣ. Но такъ какъ послѣдняя обыкновенно соединяется съ предположеніемъ самостоятельнаго значенія чувствованій среди феноменовъ сознанія, то Маасъ дѣйствительно и говоритъ часто о способности чувствовать, какъ объ особомъ душевномъ принципѣ (Gefühlsvermögen) [6]). Этимъ безсознательнымъ предположеніемъ самостоятельности чувства объясняется и подробное изслѣдованіе о взаимномъ вліяніи: чувствованій на

---

[1]) Ibid. § 10, p. 40 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 39.

[3]) См. Pokorny Zur Geschichte etc., p. 6. Покорный повторяетъ ошибку Гербардта въ пониманіи этого двусмысленнаго замѣчанія, а за нимъ повторяетъ ее и Volkmann, l. c., II, p. 295.

[4]) II Th., Einl., § 87, p. 23.

[5]) Ibid. § 85, p. 12.

[6]) Это противорѣчіе отмѣтилъ уже Покорный, l. c., p. 6, b.

умственные процессы, на воображеніе, на ощущенія въ тѣсномъ смыслѣ слова, на желанія, и обратно. Такое изслѣдованіе приводитъ Мааса къ убѣжденію, что всѣ психическіе феномены находятся въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ и что они въ сущности представляютъ лишь различные способы обнаруженія одной и той же силы [1]). Итакъ въ ученіи о природѣ чувствованій мы находимъ у Мааса много противорѣчій и много недосказаннаго.

Перейдемъ къ *классификаціи* чувствованій, составляющей предметъ второго отдѣла книги. Эта классификація интересна, какъ образчикъ пріемовъ подробнаго разчлененія чувствованій въ германской психологіи начала нынѣшняго вѣка. Сперва Маасъ болѣе обстоятельно разбираетъ свое дѣленіе чувствованій на пріятныя, непріятныя и смѣшанныя. Различеніе понятій Vergnügen и Lust, — обозначеніе удовольствія, дошедшаго до степени аффекта, терминомъ *радости* (Freude), — дѣленіе смѣшанныхъ чувствованій на сладкую боль (süsser Schmerz) и горькую радость (bittre Freude), смотря по преобладанію одного изъ элементовъ [2]), — наконецъ контрастъ понятій «sthenische und asthenische Affekten», для обозначенія котораго Маасъ, впрочемъ, считаетъ болѣе удобными названія «дѣятельныхъ» и «пассивныхъ» [3]), — все это указываетъ опять на знакомство Мааса съ Антропологіей Канта. Но различеніе пріятныхъ и непріятныхъ, пассивныхъ и активныхъ чувствованій Маасъ считаетъ недостаточнымъ для полной классификаціи. Долженъ быть найденъ еще какой-нибудь принципъ дѣленія. Такимъ принципомъ не можетъ быть различіе объектовъ, на которые чувствованія направлены, ибо этотъ принципъ годенъ только для классификаціи стремленій и страстей. Началомъ при дѣленіи чувствованій должны быть не объекты, *на* которые чувствованія направлены, а источники, *изъ* которыхъ они возникаютъ. Такими источниками могутъ быть душа, тѣло и оба вмѣстѣ, поэтому надо различать три главные класса чувствованій: тѣлесныхъ, духовныхъ и животныхъ (animalische) [4]). Отъ изслѣдованія тѣлесныхъ чувствованій Маасъ совершенно отказывается, духовныя онъ дѣлитъ на созерцательныя и дѣятельныя; тѣ и другія распадаются на интеллектуальныя и чувственныя, или — что̀ одно то же — на чувство истины и чувство прекраснаго, нравственное чувство и физическія чувствованія. Оригинальный терминъ «физическихъ» чувствованій означаетъ, что предме-

---

[1]) См. напр. I Th., § 50, p. 335.
[2]) II Th., § 85.
[3]) Ibid. § 86.
[4]) Ibid. §§ 87 и 88.

томъ ихъ служатъ физическое благо и зло (въ противуположность нравственному). Всего подробнѣе Маасъ проводитъ разграниченіе видовъ этихъ физическихъ чувствованій, которыя дѣлитъ прежде всего на эгоистическія (eigene) и симпатическія (theilnehmende). Дальнѣйшія расчлененія не представляютъ ничего интереснаго. Смотря по времени, къ которому физическія чувствованія относятся, они называются: довольствомъ и печалью (по отношенію къ прошедшему), весельемъ и грустью (къ настоящему), надеждой и страхомъ (къ будущему)[1]). Изъ всѣхъ этихъ внѣшнихъ различеній видно, что XVIII вѣкъ мало подвинулъ впередъ дѣло классификаціи чувствованій. Дѣленіе аффектовъ и чувствованій на тѣлесныя и духовныя лежало, напримѣръ, уже въ основѣ Декартовской классификаціи. Противуположеніе интеллектуальныхъ и чувственныхъ аффектовъ еще древнѣе. Наконецъ дѣленіе чувствованій на себялюбивыя и симпатическія повторялось многими писателями XVIII столѣтія.... Но еще бо́льшаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что въ XVIII вѣкѣ былъ постепенно утраченъ правильный принципъ противуположенія *примитивныхъ* и *сложныхъ* волненій, который лежалъ въ основѣ классификацій Декарта, Малебранша, Спинозы и другихъ писателей XVII столѣтія. Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ теоріи чувствованій въ нашемъ вѣкѣ, мы еще болѣе убѣдимся, что XVIII вѣкъ поставилъ означенное дѣло на ложную почву и что только въ послѣдніе годы начали снова являться опыты классификаціи чувствованій, основанные на болѣе правильныхъ началахъ.

Неопредѣленность содержанія формулъ, имѣвшихъ задачею раскрытіе самой природы чувства, со времени Канта тоже все болѣе возрастала, и вскорѣ даже нашлись авторы, которые возвели её въ какое-то правило. Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить **Веберъ**, ученіе котораго мы изложимъ по имѣющейся у насъ монографіи его «О воображеніи и чувствѣ». Двѣ главы этой монографіи спеціально посвящены подробному разбору сущности и дѣйствія чувства (Wesen u. Würksamkeit d. Gefühls). Чтобъ понять ходъ мыслей Вебера, надо вспомнить, что въ концѣ прошлаго вѣка, можетъ быть подъ вліяніемъ Кантовской «Критики силы сужденія», понятіе *чувства* стало понемногу получать болѣе широкое значеніе, чѣмъ какое оно имѣло у Зульцера и его ближайшихъ преемниковъ, — прежде всего оно стало обособляться отъ понятій удовольствія и страданія, и мы встрѣтили даже, въ ученіи Флемминга, попытку совершеннаго выдѣленія изъ него двухъ послѣднихъ. Другіе писатели конца

[1]) Ibid. §§ 88 и 89, особ. p. 36—38.

прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, хотя и считали пріятность или непріятность существенными чертами каждаго чувствованія, всетаки обыкновенно ставили анализъ чувства вообще независимо и во главѣ анализа удовольствія и страданія, какъ частныхъ признаковъ. Стало быть, понятіе чувства получило въ эту эпоху то генерическое значеніе, какое имѣло со времени Стоиковъ и до начала XVIII вѣка понятіе аффекта[1]). Веберъ именно одинъ изъ тѣхъ писателей, у которыхъ эта точка зрѣнія проявляется особенно замѣтно.

Признавая независимость чувства отъ познанія и желанія, онъ однако считаетъ источникомъ его — взаимодѣйствіе двухъ послѣднихъ противуположныхъ принциповъ[2]). Настоящее опредѣленіе «чувства» онъ считаетъ *недостижимымъ*[3]) и даетъ только слѣдующее общее описаніе и характеристику этого понятія: «чувство есть внутреннее (innige) и индивидуальное возбужденіе нашего бытія подъ вліяніемъ взаимодѣйствія ощущенія и стремленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное воспріятіе (Erfassung) этого возбужденія»[4]). Очевидно, что не смотря на многословность эту формулу нельзя назвать особенно ясной и, главное, особенно содержательной: въ сущности мы имѣемъ въ ней опять болѣе сложную репродукцію Кантовскаго отождествленія чувства съ сознаніемъ жизни[5]),—отождествленія, которое отъ Канта перешло также къ Маасу, къ Карусу[6]) и къ другимъ современнымъ имъ писателямъ[7]). Какъ бы то ни было, но Веберъ думалъ дать достаточное объясненіе чувства, выразивъ его двойную связь съ познаніемъ и желаніемъ. Послѣднимъ мнѣніемъ объясняется, между прочимъ, предположеніе, что чувство представляетъ сочетаніе *субъективнаго* съ *объективнымъ*, а не исключительно субъективное состояніе духа, какъ думали другіе[8]). Оставивъ въ сторонѣ замѣчанія Вебера о свойствахъ чувства, въ числѣ которыхъ упоминается ихъ «таинственность», посмотримъ теперь, какъ изъ приведенной выше общей формулы Веберъ опредѣляетъ различіе удовольствія и страданія. Удовольствіе для Вебера только отрицательный фактъ, ибо оно заключается въ отсутствіи препятствій къ развитію внутрен-

---

[1]) См. выше, стр. 164, 192 и др.

[2]) L. c., § 10.

[3]) Ibid. § 11, p. 59 и 60.

[4]) Ibid p. 61.

[5]) Это видно и изъ собственныхъ словъ Вебера, ib. p. 60.

[6]) Ср ссылку на Каруса у самаго Вебера (p. 61).

[7]) Веберъ дальше (p. 63) ссылается еще на сходное опредѣленіе чувства Суабедиссеномъ.

[8]) См. ib. p. 62 и 64.

ней дѣятельности нашего *я*[1]). Коренной законъ (Grundgesetz) удовольствія и страданія заключается въ зависимости послѣдняго отъ всякой задержки и суженія (Verengung) нашей самодѣятельности, перваго же, напротивъ, отъ развитія и разширенія ея[2]). Но основою «дѣятельности» Веберъ считаетъ особое *стремленіе* наше къ саморазвитію, низшая и безсознательная ступень котораго опредѣляется понятіемъ Eigenwille (самоволье?). Стало быть, удовольствіе и страданіе въ сущности представляютъ опять моменты развитія нашего инстинктивнаго стремленія пускать въ дѣйствіе наши силы[3]). Иначе сказать, Веберъ опять держится почти той же теоріи, какъ Бендавидъ, хотя выражаетъ еѐ другими словами. Замѣтимъ еще, что Веберъ различаетъ *абсолютное*, идеальное выраженіе закона удовольствія и страданія отъ *релативнаго*, конкретнаго. Въ первомъ смыслѣ удовольствіе есть результатъ всякаго возвышенія нашего «эмпирическаго» существованія на болѣе идеальную ступень, приближенія конечнаго бытія къ безконечному, вѣчному и абсолютно свободному и наоборотъ — страданіе есть результатъ препятствія къ подобному свободному возвышенію нашего самочувствія (Selbstgefühl)[4]). Но такъ какъ этотъ идеальный законъ въ конкретныхъ случаяхъ претерпѣваетъ различныя индивидуальныя модификаціи[5]), то въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ долженъ быть выраженъ индивидуальный характеръ пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій[6]), т. е. зависимость ихъ отъ темперамента и минутнаго или постояннаго направленія нашей желательной способности[7]).

Классификаціи чувствованій Веберъ не имѣетъ въ виду въ разбираемомъ сочиненіи, но однако онъ указываетъ на главныя *ступени* въ развитіи чувства. Первая ступень — животное удовольствіе и страданіе; вторая — интеллектуальное; третья — эстетическое чувство (послѣднее служитъ первымъ звеномъ при превращеніи самочувствія въ сочувствіе, Mitgefühl); четвертая ступень, наконецъ, — разумное чувство (Vernunftgefühl), имѣющее двѣ частныя ступени: нравственнаго и религіознаго чувства[8]). Ничего новаго въ этихъ понятіяхъ мы не встрѣчаемъ. Интересна только мысль о постепенности развитія самосознанія въ области чувства (ср. Гертли).

---

[1]) Ibid. § 14, особ. p. 70.
[2]) Ibid. §§ 14 и 16, особ. p. 81.
[3]) Ibid. p. 82.
[4]) Ibid. p. 73 и 83.
[5]) Ibid. § 17, p. 85 и слѣд.
[6]) Ibid. p. 89.
[7]) Ср. ibid. § 18, особ. p. 91.
[8]) Ibid. § 15.

Изъ опредѣленій Вебера и вообще изъ постановки чувства у всѣхъ почти нѣмецкихъ писателей первыхъ двухъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка [1]), мы можемъ заключать, что въ это время преобладала наклонность къ признанію чувства за явленіе посредствующее и примиряющее мысль и волю. Эта наклонность вела, между прочимъ, и къ опредѣленію чувства, какъ продукта взаимодѣйствія двухъ другихъ началъ. Но въ стремленіи привлечь понятія представленія и желанія къ опредѣленію природы чувства несомнѣнно лежало внутреннее противорѣчіе. Продуктъ сочетанія, взаимодѣйствія уже не можетъ имѣть той степени самостоятельности, какъ элементы взаимодѣйствующіе, сочетающіеся. Это внутреннее противорѣчіе въ господствующихъ воззрѣніяхъ на чувство отлично понялъ **Кругъ.** Ему предстояло или отвергнуть самостоятельность чувства, или устранить изъ его опредѣленія всѣ посторонніе элементы. Послѣднее было трудно при томъ широкомъ пониманіи чувства, которое, какъ мы видѣли, составляло подкладку нѣмецкой психологіи чувства со времени Канта. Поэтому Кругъ рѣшилъ дилемму въ первомъ смыслѣ. Его монографія, какъ уже было замѣчено, имѣла главной задачей доказать несостоятельность гипотезы, поставившей чувство на степень самостоятельной способности. По его убѣжденію, чувство есть низшая ступень развитія какъ умственной дѣятельности, такъ и воли. Въ виду этого, Кругъ и не интересуется особенно изслѣдованіемъ спеціальныхъ явленій, которыя мы обыкновенно относимъ къ сферѣ чувства, и феномены удовольствія и страданія, напримѣръ, затрогиваются имъ только слегка и въ числѣ прочихъ [2]). Признавая чувствованія за «первыя темныя движенія жизни» (erste dunkle Lebensregungen), дальнѣйшаго объясненія которыхъ невозможно дать, ибо они предшествуютъ сознанію [3]), Кругъ затѣмъ относитъ страданіе (Schmerz) частью къ сферѣ ощущенія (Empfindung e. unsanften Berührung), частью къ сферѣ стремленія, насколько мы стремимся избавиться отъ этого ощущенія; точно также и удовольствіе есть ощущеніе чего-нибудь соотвѣтствующаго нашимъ потребностямъ въ предметахъ (des Angemessenen) и стремленіе къ нему [4]). Эту мысль, что удовольствія и страданія суть одновременно и ощущенія и стремленія на элементарной ступени развитія, онъ проводитъ подробнѣе при анализѣ отдѣльныхъ видовъ чувства. Принципомъ дѣленія

---

[1]) Ср. выше I ч., глава IV.

[2]) Ср. собств. опредѣленіе его задачъ, l. c., Einl., p. 7.

[3]) Ibid. II Absch., p. 40 и III A., p. 103: Gefühle составляютъ das innerste Lebensprinzip d. Seele.

[4]) Ibid. p. 45.

чувствованій онъ принимаетъ отношеніе ихъ къ тому или другому предмету [1]). Чувствованія относятся или къ чувственному или къ внѣ-чувственному (Nicht-sinnliches), или къ тому и другому вмѣстѣ. Оттого Кругъ различаетъ три главныя группы волненій [2]). Внѣ-чувственныя волненія [3]), суть: a) чувство истины, b) нравственное чувство, c) религіозное чувство [4]), смѣшанныя чувствованія суть: a) чувство любви и чувство ненависти, b) чувство чести и чувство мести, c) симпатическое чувство, d) эстетическое чувство [5]). Впрочемъ, Кругъ даетъ понять, что эта классификація не исчерпываетъ всей изслѣдуемой области явленій. Анализъ каждаго изъ отмѣченныхъ видовъ имѣетъ задачею доказать двойной элементъ въ развитіи каждаго чувствованія. Такое признаніе двойственности чувствованій, проведенное во всѣхъ подробностяхъ, привело бы Круга, можетъ быть, къ совершенно оригинальному объясненію удовольствія и страданія изъ двойной оцѣнки отношеній объекта къ субъекту и субъекта къ объекту, но онъ не пошелъ далѣе намековъ и въ цѣломъ скорѣе склонялся къ теоріи, признававшей чувствованія за моменты развитія стремленія, ибо главнымъ источникомъ удовольствія считалъ «потребности» (Bedürfnisse) тѣла и души [6]).

Такимъ образомъ, въ исторіи развитія разбираемыхъ теперь вопросовъ Кругъ очевидно имѣлъ мало значенія. Перейдемъ къ его противникамъ, Рихтеру и Нейбигу.

Книжка **Рихтера** имѣетъ почти исключительно полемическій характеръ. Единственная задача ея — указать на несостоятельность воззрѣній Круга и выставить на видъ всѣ аргументы въ пользу предположенія особой способности чувства въ человѣкѣ. Потому и Рихтеръ далекъ отъ мысли дать полную теорію чувствованій [7]). Онъ касается только тѣхъ вопросовъ, которые были поставлены Кругомъ, и даже въ самомъ порядкѣ ни на шагъ не отступаетъ отъ своего противника. Его доказательства въ пользу признанія самостоятельности чувства не представляютъ ничего оригинальнаго сравнительно съ доказательствами другихъ писателей, которые держались того же мнѣнія; поэтому мы не будемъ о нихъ говорить. Въ классификаціи чувствованій онъ слѣдуетъ порядку, принятому Кругомъ. Поэтому для насъ

---

[1]) Ibid p. 55.

[2]) Ibid. p. 56.

[3]) Мы употребляемъ чуждый Кругу терминъ «волненій» исключительно ради благозвучія.

[4]) Ibid p. 59.

[5]) Ibid. p. 79—98.

[6]) Ср. его Allg. Wörterb. d. philos. Wissensch. IV B., Leipz. 1834, p. 366 (ст. Vergnugen).

[7]) Ср l. c., Schluss, p. 153.

интересно только знать, какъ онъ объяснялъ явленія удовольствія и страданія. Отчетливыхъ опредѣленій этихъ феноменовъ мы у него не находимъ, а потому принуждены опять ограничиться сопоставленіемъ разбросанныхъ намековъ. Различая два значенія понятія *блага*, Рихтеръ говоритъ, что въ одномъ смыслѣ «хорошее» — синонимъ «пріятнаго» и означаетъ то, что́ гармонируетъ съ нашимъ индивидуальнымъ состояніемъ, въ другомъ благо означаетъ совершенство, согласіе чего-нибудь съ законами нравственности; въ томъ же смыслѣ онъ противуполагаетъ, обратно, понятія дурного и злого [1]). Чувствованія, стало быть, являются для него главнымъ образомъ мотивами, опредѣляющими волю (Triebfedern d. Willens) [2]), и онъ поэтому ставитъ всякую волю, всякое стремленіе въ зависимость отъ чувства, а не обратно [3]). Но въ чемъ же тогда лежитъ корень чувства? Рихтеръ не прочь примкнуть опять къ отождествленію понятій чувства и жизни. «Если возможна тѣлесная жизнь, говоритъ онъ, то возможно и физическое чувство удовольствія и страданія.... И если есть духовная жизнь разума, то и эта послѣдняя должна проявляться въ формѣ духовнаго чувства. Поэтому чувствующее *я* должно существовать вездѣ, гдѣ есть способность сознавать свою жизнь» [4]). Слѣдовательно чувство есть непосредственное сознаніе (unmittelbares Innewerden) состоянія, намъ присущаго, и оно всегда либо пріятно, либо непріятно. Чувствовать свою способность къ мышленію, напримѣръ, мы можемъ лишь настолько, насколько мы *легко* или *съ трудомъ* понимаемъ извѣстный предметъ, ибо въ первомъ случаѣ является чувство радости или превосходства, обнаруживающее присутствіе въ насъ извѣстной силы, во второмъ случаѣ — боль и чрезъ неё стремленіе проявить соотвѣтствующую силу [5]). Изъ этихъ выраженій можно заключить, что Рихтеръ сочувствовалъ «физіологической» гипотезѣ, но нигдѣ къ сожалѣнію онъ не высказался съ достаточною ясностью.

---

[1]) Ibid. p. 69—71.

[2]) Ibid. p. 77.

[3]) Ibid. p. 79. Ср. p. 136.

[4]) Ibid. p. 82.

[5]) Ibid. p. 86 и 87. Замѣтимъ, что Рихтеръ склоненъ такъ же къ отождествленію понятій чувства и ощущенія, и терминъ Empfinden онъ употребляетъ часто какъ синонимъ Gefuhl. Есть основаніе думать, что онъ находился подъ вліяніемъ Тетенса (Ср. его отзывъ о Тетенсѣ, p. 154). Фолькманъ предполагаетъ вліяніе Якоби на Рихтера (l. c., p. 295), и это дѣйствительно подтверждается анализомъ чувства истины у Рихтера, въ которомъ онъ защищаетъ «философію чувства» Якоби отъ нападеній Круга (p. 101 — 119). Но объ ученіи Якоби, признававшаго чувство за способность сверхчувственнаго познанія, мы не говорили особо, ибо принципы этого писателя совершенно метафизическіе. Замѣтимъ только, что съ точки зрѣнія Якоби удовольствіе и страданіе должны быть объясняемы абсолютною оцѣнкою вполнѣ объективнаго совершенства и несовершенства: эта идея выражена отчасти и Рихтеромъ во второмъ способѣ опредѣленія *блага*.

Тѣ же мотивы и цѣли, которые руководили Рихтеромъ, послужили исходною точкою и для монографіи **Нейбига**, съ тою разницею, что у Нейбига, рядомъ съ критикою ученія Круга, мы находимъ и вполнѣ ясно выраженную собственную теорію удовольствія и страданія. О возраженіяхъ Нейбига Кругу мы уже говорили и потому теперь изложимъ вкратцѣ ученіе этого писателя объ удовольствіи и страданіи. Выходя изъ положенія, что всѣ чувствованія дѣлятся на явленія удовольствія и страданія, или радости и боли, которымъ не можетъ быть координировано ничего «третьяго» [1]), Нейбигъ, покончивъ съ критикой положеній Круга, переходитъ къ анализу общаго источника и корня этихъ противуположныхъ явленій, а именно «силы чувства» (Gefühlskraft)[2]). Главные принципы этого анализа слѣдующіе. Во первыхъ, каждое чувство возникаетъ только изъ *представленія* соотвѣтствующаго предмета, и, внѣ представленій, вещи не способны возбуждать чувствованій[3]). Во вторыхъ, удовольствіе и страданіе зависятъ по преимуществу отъ представленій *формъ* предметовъ, а не вещества ихъ (Stoff)[4]). Далѣе, такъ какъ тѣ же самые предметы возбуждаютъ иногда пріятныя чувствованія, иногда непріятныя, а иногда оставляютъ насъ совершенно безучастными, то очевидно они *не сами по себѣ* служатъ источниками чувствованій, а только *въ отношеніи своемъ къ намъ*. Стало быть, настоящій источникъ чувствованій въ насъ самихъ[5]). Что́ же именно въ насъ является *само по себѣ* предметомъ любви или ненависти? Безотносительное представленіе о нашемъ *я* не можетъ быть ни пріятно, ни непріятно. Только тѣ явленія въ насъ самихъ возбуждаютъ чувство, которыя имѣютъ отношеніе къ идеѣ собственнаго *совершенства* и *силы* или несовершенства и слабости[6]). Но здѣсь необходимо, по мнѣнію Нейбига, сдѣлать ограниченіе: только свободно-пріобрѣтаемыя совершенства (freierwerbliche Vollkommenheiten) могутъ сдѣлаться непосредственными источниками удовольствія. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ чувствованія суть «самочувствованія» (Selbstgefühle) и при томъ выражаютъ сознаніе какого-либо абсолютнаго достоинства или недостатка въ насъ[7]). Но изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы можно было отрицать фактъ дѣйствія на

---

[1]) L. c., p. 22.
[2]) Ibid p. 65.
[3]) Ibid. p. 73.
[4]) Ibid. p 75.
[5]) Ibid. p. 76—79. Wir sind demnach an uns selbst gewiesen, wenn wir an sich fuhlbare, d. h. an sich liebenswurdige oder hassenswerthe Gegenstande kennen lernen wollen.
[6]) Ibid. p. 80 и 81.
[7]) Ibid. p. 82—85 и слѣд.

насъ внѣшнихъ предметовъ: надо только имѣть въ виду, что мы любимъ и ненавидимъ въ нихъ не ихъ самихъ, а *себя*[1]). Стало быть, всѣ внѣшніе предметы чувствованій должны стоять въ какомъ-нибудь опредѣленномъ отношеніи *къ намъ*: Нейбигъ перечисляетъ различные случаи, когда отношеніе вещей къ намъ является источникомъ ихъ привлекательности или непривлекательности. Вещи, напримѣръ, пріятны, когда они полезны, т. е. служатъ средствами къ пріобрѣтенію совершенствъ (въ этомъ случаѣ оцѣнка вещей, конечно, относительная). Далѣе, пріятны вещи, когда мы считаемъ себя ихъ виновниками (Urheber), когда онѣ способны выставить на видъ наши преимущества (почести, богатство), когда онѣ, хотя и не намъ принадлежатъ, но мысленно присвоиваются нами себѣ (благородное происхожденіе и т. д.), когда онѣ, принадлежа къ тѣлу нашему, смѣшиваются съ признаками духовнаго совершенства, когда предметы являются символами, образами нашихъ собственныхъ «возможныхъ» совершенствъ, когда, наконецъ, они даютъ легкое занятіе уму нашему и этимъ самымъ обнаруживаютъ передъ нами совершенное состояніе нашихъ силъ (предметы эстетическаго наслажденія)[2]). Нейбигъ, впрочемъ, указалъ здѣсь только на главные типы отношеній къ намъ предметовъ, возбуждающихъ чувство, — онъ не отрицаетъ возможности еще и другихъ, подобныхъ же отношеній; притомъ бываетъ, что одинъ предметъ является источникомъ удовольствія съ различныхъ точекъ зрѣнія[3]). Изъ всего изложеннаго очевидно, что Нейбигъ воротился къ тому понятію субъективнаго совершенства, какъ предмета оцѣнки въ чувствованіяхъ, которое было принято нѣкоторыми писателями школы Вольфа. По вопросу о степени сознательности этой оцѣнки и о критеріи ея, въ мнѣніяхъ Нейбига замѣтны колебанія. Предположеніе, что чувствованія могутъ возникать только при посредствѣ представленій, повидимому требовало бы признанія постоянной сознательности помянутой оцѣнки, но дѣленіе самыхъ представленій на ясныя и темныя ведетъ къ подобному же дѣленію чувствованій, т. е. къ признанію рядомъ съ ясными чувствованіями (klare u. deutliche Gef.) такихъ смутныхъ, въ которыхъ мы не сознаемъ, что́ собственно служитъ предметомъ чувства[4]). Та же двойственность касается характера критерія оцѣнки. Не отрицая индивидуальнаго разнообразія чувствованій и называя иныя изъ нихъ обманчивыми, ложными[5]), Нейбигъ противуполагаетъ означенному

---

[1]) Ibid. p. 89.
[2]) Ibid. p. 89—100
[3]) Ibid. p. 101.
[4]) Ibid. p. 110.
[5]) Ср. р. 92, 94, 97 и т. д.

разнообразію — однообразіе и неизмѣнность чувствованій, имѣющихъ нравственную подкладку, а чувствованіямъ ложнымъ онъ противуполагаетъ такія, которыя истинны, непреложны. Стало быть, какъ у Аристотеля и Вольфа, абсолютная нравственная оцѣнка признается на ряду съ относительной психологической. Вообще, при изложеніи своей теоріи чувствованій, Нейбигъ заставляетъ вспомнить не разъ о принципахъ Вольфа, хотя классификація душевныхъ способностей основана у него на совершенно новыхъ началахъ. О категоріяхъ сущаго, какъ условіяхъ бо́льшей или ме́ньшей полноты совершенства[1]), мы не будемъ говорить, ибо тутъ Нейбигъ пускается въ формальныя, словесныя различенія, съ образчикомъ которыхъ мы уже познакомились изъ монографіи Абихта.

Намъ осталось познакомиться еще съ одной замѣчательной монографіей этого времени, о которой не было рѣчи въ I-й Части историческаго отдѣла только потому, что мы не имѣли её въ то время подъ руками. Мы разумѣемъ «Первый опытъ теоріи чувства» Эдуарда Шмидта (352 стр. in 8^0). **Шмидтъ** пытается дать совершенно новую и своеобразную постановку вопросамъ, которые составляли предметъ разногласія въ разбираемую эпоху и къ которымъ относились разсмотрѣнныя только-что монографіи Круга, Рихтера и Нейбига. Но преимущество Шмидта заключается въ основательномъ знакомствѣ съ предшествующей литературой вопроса, что́ даетъ и бо́льшую разносторонность и бо́льшую сознательность его собственнымъ положеніямъ. Мы не будемъ касаться тѣхъ главъ его сочиненія, которыя имѣютъ предметомъ вопросы, находившіеся до сихъ поръ внѣ сферы, нами изслѣдуемой. Для насъ поэтому прежде всего представляетъ интересъ та глава, которая посвящена классификаціи душевныхъ дѣятельностей вообще. Шмидтъ начинаетъ съ разбора понятія способности и возстаетъ противъ гипостазированія его въ идею какого-то самостоятельнаго начала въ душѣ[2]). Способности суть только возможности различныхъ дѣятельностей души, — въ каждой способности выражается возможность дѣятельности *единаго* духа въ извѣстномъ направленіи[3]). При «классификаціи» способностей прежде обыкновенно смѣшивались разнообразныя точки зрѣнія и принципы, и въ этомъ источникъ всѣхъ недоразумѣній между психологами[4]). Необходимо признать два принципа классификаціи: одинъ принципъ состоитъ въ разграниченіи душевныхъ дѣя-

---

[1]) Ср. p. 104 и слѣд.
[2]) L. c, p. 108—110.
[3]) Ibid. p 111—113.
[4]) Ibid. p. 114.

тельностей по внутренней ихъ природѣ, другой — по ихъ направленію. Въ первомъ отношеніи надо различать чувство отъ представленія, какъ субъективную и объективную сторону духа, во второмъ — познаніе и стремленіе, т. е. направленіе отъ объекта къ субъекту и обратно [1]). Критерій направленія приложимъ столько же къ представленію, сколько и къ чувству. Чувство въ направленіи извнѣ внутрь есть ощущеніе (Empfinden), представленіе или сознаніе въ томъ же направленіи есть познаніе. Чувство, въ обратномъ направленіи, есть желаніе и отвращеніе (въ совокупности Trieb), представленіе — воля: «воля есть то же представленіе, она судитъ и заключаетъ въ той же мѣрѣ, какъ познавательная способность» [2]) Стало быть, Шмидтъ въ сущности дихотомъ, и опирается на тѣ же принципы, какъ Кругъ. Только дихотомію Круга онъ пытается сочетать съ признаніемъ самостоятельности чувства, что́ конечно возможно только подъ условіемъ отрицанія самостоятельности воли, — воля есть только второй моментъ въ развитіи какъ представленія, такъ и чувства [3]). Итакъ дихотомія Шмидта по старому двойная, хотя принципъ иной, чѣмъ какой господствовалъ въ школѣ Вольфа. Слѣдуетъ затѣмъ, у Шмидта, оправданіе контраста между представленіемъ и чувствомъ. Чувство для Шмидта есть не иное что, какъ способность къ болѣе или менѣе веселому или печальному настроенію, т. е. способность къ возбужденію, въ смыслѣ удовольствія или страданія, — притомъ чувство не есть знаніе о такихъ состояніяхъ духа, и потому не есть темное представленіе о чемъ-либо, а только именно самое состояніе пріятнаго или непріятнаго расположенія духа [4]). Никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ удовольствія и страданія, понятіе чувства, вопреки мнѣнію Фриза и другихъ, не заключаетъ въ себѣ [5]). Поэтому чувствованія суть субъективныя состоянія, оцѣнивающія только *достоинство* вещей (den Werth), для чего единственными критеріями служатъ удовольствіе и страданіе [6]). Изъ этого всего слѣдуетъ: во 1-хъ, что чувство и представленіе всегда одновременны, т. е. параллельны въ сознаніи, и что

---

[1]) Ibid. p 115.

[2]) Ibid. p. 120 и 121. Поэтому: Man darf nicht Vorstellungs- und Erkenntnissvermögen für identisch halten, da letzteres nur die eine seite des ersteren, das Vorstellen in der einen Richtung ist....

[3]) Ср. Ibid. p. 245.

[4]) Ibid. p. 116. Ср p. 136 и слѣд. Eben diese Zustande, diese Stimmungen, und Nichts weiter, sind die Gefuhle, und dasjenige im oder am menschlichen Geiste, was es möglich macht..., dass derselbe in eine behagliche oder unbehagliche Stimmung versetzt wird, das ist es, was die Sprache mit dem Worte Gefühlsvermogen bezeichnet.

[5]) Ibid. p. 142 и слѣд.

[6]) Ср. ibid. p. 167.

каждый органъ ощущенія равномѣрно служитъ источникомъ для представленій и для чувствованій[1]); во 2-хъ, что представленіе только чрезъ посредство чувства можетъ повліять на направленіе дѣятельности нашей и что послѣднее составляетъ итогъ борьбы не мышленія и чувства, а отдѣльныхъ чувствованій между собою[2]); въ 3-хъ, что не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо противуположеніи чувства и мысли съ точки зрѣнія относительнаго ихъ достоинства (keine Rangordnung unter beiden),— можно только различать разныя и параллельныя ступени развитія чувства съ одной стороны, представленія — съ другой[3]); въ 4-хъ, что относительно чувствованій не можетъ быть рѣчи о томъ, темны ли они или ясны[4]): когда мы говоримъ о темномъ чувствѣ, то мы можемъ разумѣть этимъ только то, что представленіе, связанное съ даннымъ чувствомъ, не ясно, туманно, т. е. что мы не можемъ себѣ дать отчета въ объективныхъ основаніяхъ (Gründe) даннаго чувствованія[5]).

Послѣ подробнаго разбора вопроса объ отношеніи чувства и представленія, Шмидтъ переходитъ къ самому анализу чувствованій и прежде всего даетъ ихъ *классификацію*. Онъ указываетъ на разнообразіе возможныхъ принциповъ такой классификаціи и высказываетъ намѣреніе отыскать наиболѣе естественный[6]). Замѣчательно при этомъ, что онъ дѣйствительно приближается къ самому естественному, Аристотелевскому положенію, что видовъ удовольствія столько же, сколько видовъ ощущенія[7]), но, во первыхъ, онъ рядомъ съ этимъ принципомъ безъ строгой связи ставитъ другой, говоря, что чувствованія различаются, смотря по тому, вызваны ли они настоящимъ присутствіемъ объектовъ или только воспоминаніемъ, представленіемъ о нихъ; во вторыхъ, различая прежде всего внѣшнія и внутреннія ощущенія, онъ на одну ступень съ ними ставитъ третій классъ — религіозныхъ ощущеній (d. religiöse Sinn)[8]), фактъ существованія которыхъ конечно лежитъ внѣ сферы наблюденія. Дѣленіе внѣшняго чувства обычное; къ внутреннему или духовному чувству (das geistige Gefühl) Шмидтъ относитъ: чувство истины, нравственное чувство и эстетическое, слѣдуя въ этомъ дѣленіи обычаямъ своего времени. Оригинально

---

[1]) Ibid. p. 116 и 117.
[2]) Ibid. p. 118.
[3]) Ibid. p. 118 и 119.
[4]) Ibid. p. 153 (ср. предыд. и слѣд.).
[5]) Ibid. p. 158.
[6]) Ibid. p. 172—174.
[7]) Ibid p 174: Die Gefuhle unterscheiden sich je nach den Sinnen.
[8]) Ср. p. 175 и 176. О религіозныхъ чувствованіяхъ подробнѣе, p. 195—198.

только то, что онъ пытается опредѣлить въ сферѣ каждаго изъ названныхъ классовъ чувствованій моменты удовольствія и страданія: чувство вѣры (объектъ котораго истина) противуполагается чувству невѣрія или недовѣрія, нравственное одобреніе — нравственному осужденію, чувство прекраснаго — чувству безобразія[1]). Хотя въ упомянутыя группы входятъ, по мнѣнію Шмидта, всѣ возможныя чувствованія, но такъ какъ нѣкоторыя понятія остались всетаки безъ опредѣленій, то Шмидтъ и ищетъ дополнительнаго принципа въ противуположеніи непосредственныхъ и посредственныхъ чувствованій. Послѣднія, представляя только воспроизведеніе первыхъ, конечно тоже дѣлятся на тѣ же главные классы[2]). Кромѣ того, необходимо еще различать *поводы* къ возникновенію чувствованій. Съ этой точки зрѣнія возможно: во 1-хъ, что мы воспроизводимъ наши собственныя чувствованія, или во 2-хъ, что мы представляемъ себѣ чувствованія другихъ людей (симпатія), или въ 3-хъ, что мы представляемъ себѣ чувствованія другихъ людей къ намъ, возникшія подъ вліяніемъ симпатіи (doppeltes Mitgefühl). Къ первому классу относятся надежда, страхъ, чувство самодовольства, раскаянія и другія подобныя состоянія духа, возникающія съ одной стороны изъ представленій о *прошедшихъ* чувствованіяхъ нашихъ, съ другой — изъ размышленія о *будущихъ*, возможныхъ[3]). Изъ симпатическихъ чувствованій обоего класса рождается инстинктъ общительности (Geselligkeitstrieb), разнообразныя проявленія котораго Шмидтъ подробно разбираетъ.

Послѣ этого онъ переходитъ наконецъ къ анализу *природы чувства* вообще. Способность чувства представляется ему врожденной и первоначальной особенностью духа[4]). Она выражается въ томъ, что духъ, помимо всякаго сознанія и воли, одними впечатлѣніями отъ предметовъ возбуждается непосредственно къ пріятному или къ непріятному настроенію[5]); при этомъ мы не составляемъ предварительно никакихъ сужденій, въ родѣ того, напр., что «эта вещь пріятна, слѣдовательно я хочу таковою и ощущать ее». Предикатомъ такихъ сужденій не могли бы быть также и понятія о «хорошемъ, истинномъ, прекрасномъ, совершенномъ» и т. д., ибо эти понятія подъ вліяніемъ чувства только и слагаются[6]). Вообще гипотеза предшествующаго чувству *сужденія* излишня и можетъ только сбить съ толку[7]).

---

[1]) Ibid. p. 178—179.
[2]) Ср. p. 208—210.
[3]) Ibid. p. 199 и слѣд.
[4]) Ibid. p. 226—227.
[5]) Ibid. p 228.
[6]) Ibid. p. 229—231.
[7]) Ibid. p. 233.

Изъ этого уже видно, что Шмидтъ считалъ оцѣнку въ чувствованіяхъ *безсознательною*, не оформенною въ сужденіе. Поэтому онъ говоритъ только объ *одновременныхъ* чувствованію и объ образующихся *изъ него* представленіяхъ (begleitende Vorstellungen u. V. von dem Gefühle), не признавая никакихъ «предшествующихъ» познавательныхъ актовъ[1]). Сознаніе «причины чувствованія» можетъ являться только послѣ, подъ вліяніемъ сопоставленія упомянутыхъ двухъ представленій, одновременнаго и послѣдующаго[2]). Отъ стремленія чувство тоже независимо: ignoti nulla cupido. Несомнѣнно, что достиженіе желаемаго пріятно, но не надо думать, что достигнутое пріятно потому только, что мы къ нему стремились; ибо отчего же въ сущности мы и желали получить предметъ, какъ не оттого, что онъ представлялся *пріятнымъ*[3])? Стало быть, стремленія зависятъ отъ чувствованій, а не наоборотъ, и каждому классу чувствованій соотвѣтствуетъ особый видъ стремленія[4]).

Далѣе Шмидтъ разсматриваетъ вопросъ, насколько чувствованія имѣютъ «объективныя» основы. Пониманіе субъективности чувствованій въ смыслѣ ихъ относительности онъ считаетъ безусловно неправильнымъ. Въ каждомъ данномъ случаѣ есть только *одно* правильное чувствованіе, и о вкусахъ стало быть очень можно спорить[5]). Конечно Шмидтъ не считаетъ возможнымъ отрицать факта, что вкусы и чувствованія *на дѣлѣ* весьма разнообразны. Но вѣдь то же самое относится и къ представленіямъ о вещахъ, и тѣмъ не менѣе одинъ только скептицизмъ отрицаетъ объективныя и всеобщія основы познанія[6]). Разнообразіе мнѣній о вещахъ основано всегда на второстепенныхъ обстоятельствахъ, мѣшающихъ осуществленію феномена по непреложному закону,—иначе сказать источникъ разногласія лежитъ въ исключеніяхъ. Отчего же нельзя привлечь побочныя обстоятельства (Nebenumstände) и къ объясненію разнообразія въ чувствованіяхъ[7])? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ принципъ, что каждый предметъ во всякое время производитъ въ каждомъ индивидуумѣ одно и то же впечатлѣніе на чувство, и все разнообразіе есть лишь недоразумѣніе, объясняемое побочными обстоятельствами»[8]). Эти побочныя обстоятельства слѣдующія:

---

[1]) Ср ibid. p. 213.

[2]) Ср p. 220 и слѣд.

[3]) Ibid. p. 266—288.

[4]) Ср. ibid. p. 250. Поэтому несостоятельно и дѣленіе чувствованій на корыстныя и безкорыстныя (interessirte und uninteressirte).

[5]) Ibid. p. 271—272

[6]) Ibid. p. 273 и 274.

[7]) Ibid. p. 275.

[8]) Ibid. p. 278.

1) представленіе предмета не вызываетъ чувства, если мы никогда ранѣе не испытали даннаго впечатлѣнія; 2) такъ какъ почти каждый предметъ дѣйствуетъ на чувство чрезъ посредство *нѣсколькихъ* органовъ, то смотря по характеру нашей воспріимчивости мы подвергаемся скорѣе одному воздѣйствію его, чѣмъ другому; 3) многіе предметы возбуждаютъ насъ не сами по себѣ, а въ силу *соприкосновенія* съ другими (Uebertragungen d. Gefühle); 4) *контрастъ* усиливаетъ чувство; 5) *повтореніе* притупляетъ его; 6) *настроеніе* наше въ минуту чувствованія даетъ ему особое направленіе; 7) *степень развитости* органа вліяетъ на степень воспріимчивости къ впечатлѣнію [1]). Шмидтъ полагаетъ возможнымъ вывести изъ всего этого, что неправильность и разнообразіе чувствованій только *кажущіяся* явленія [2]), — иначе сказать, онъ думаетъ, что доказалъ *абсолютныя* основы оцѣнки для чувствованій. Но едва-ли онъ правъ, ибо чувствованія, по его же признанію, очевидно могутъ имѣть всеобщій характеръ, лишь подъ условіемъ равенства не только предметовъ и обстановки, но и субъектовъ [3]), а это требованіе неосуществимо на дѣлѣ, и Шмидтъ именно самъ же указываетъ на причины его неосуществимости. Стало быть, и Шмидтъ опять изъ нравственныхъ соображеній допустилъ въ своей теоріи два противорѣчивыя предположенія относительно *критерія* оцѣнки въ чувствованіяхъ.

Хотя мы дошли до 300-хъ страницъ книги Шмидта, но главный вопросъ все еще остался неразрѣшеннымъ, а именно: *какія же отношенія*, по мнѣнію этого писателя, оцѣниваются чувствомъ? Дѣло въ томъ, что онъ самъ касается этого вопроса только слегка, въ послѣдней главѣ своей книги (VII Absch: Angenehm u. Unangenehm), хотя и считаетъ его важнѣйшею частью изслѣдованія [4]). Эта несообразность объясняется мыслью, что только отъ *будущей* философіи надо ожидать основательнаго рѣшенія даннаго вопроса [5]). Однако Шмидтъ совершенно не допускаетъ, чтобы источникъ оцѣнки могъ быть внутренній, субъективный. Безполезны всѣ тѣ опредѣленія, которыя объясняютъ удовольствіе какъ слѣдствіе возвышенной жизненной энергіи (Lebensthätigkeit) или болѣе свободнаго и легкаго развитія силъ, или смотрятъ на него, какъ на продуктъ удовлетворенія стремленій нашихъ и т. д., ибо здѣсь всегда остается вопросомъ, что́ же возвышаетъ дѣятельность, поднимаетъ силы и проч.? при томъ всѣ эти объясненія суть лишь тождесловія, ибо именно *подъемъ* жизненныхъ отправленій и есть само удо-

---

[1]) Ibid. p 279—289.
[2]) Ibid. p. 290.
[3]) Ibid p. 278.
[4]) Ibid. p. 315.
[5]) Ibid. p. 317.

вольствіе [1]). Принципъ чувства долженъ быть поэтому во *внѣшнихъ* отношеніяхъ, а именно: «равенство или согласіе между частями воспринимаемаго предмета» — вотъ источникъ удовольствія, «неравенство или несогласіе, иначе сказать всякая дисгармонія, являются источникомъ страданія» [2]). Эту мысль Шмидтъ затѣмъ развиваетъ вкратцѣ для каждой области воспріятій и представленій, хотя полную достовѣрность за этимъ принципомъ признаетъ только въ области слуховыхъ впечатлѣній. Итакъ Шмидтъ склоняется въ сущности къ предположенію, что чувствованія представляютъ *безсознательную* оцѣнку *абсолютной* гармоніи и дисгармоніи *внѣшнихъ* отношеній (V т.).

Если мы такъ долго остановились на разборѣ сочиненія Шмидта, то причина этому заключалась нестолько въ большомъ объемѣ его книги, сколько въ стремленіи подтвердить *фактически*, что до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка въ Германіи анализъ чувствованій все еще стоялъ приблизительно на той же почвѣ, на которой онъ находился въ эпоху Зульцера и его послѣдователей, т. е. въ половинѣ XVIII столѣтія.

Нѣмецкіе психологи XIX в., только что разсмотрѣнные нами, хотя и находились болѣе или менѣе внѣ вліянія философскихъ школъ, на которыя раздѣлилась Германія въ эту эпоху, — всетаки отражали на себѣ въ различной мѣрѣ всѣ современныя имъ движенія мысли. Поэтому психологію нѣмецкаго *идеализма*, въ собственномъ смыслѣ, мы оставимъ въ сторонѣ. Всѣ представители этого направленія, начиная съ Фихте и кончая Гегелемъ, болѣе или менѣе смѣшивали чувствованія съ ощущеніями, опредѣляли чувство самыми туманными формулами, составлявшимися изъ условныхъ абстрактныхъ терминовъ, имѣвшихъ значеніе только для каждаго приверженца школы въ отдѣльности, и наконецъ объясняли природу чувства одними лишь произвольными метафорами, прикрывавшими неспособность къ болѣе реальному толкованію. Всего оригинальнѣе въ этомъ послѣднемъ отношеніи гипотеза **Шуберта,** разсматривавшаго чувствованіе какъ питательное вещество (Nahrungsstoff) въ сферѣ духовнаго бытія, и пришедшаго къ странному дѣленію чувствованій на такія, которыя составляютъ *питіе* для души, и такія, которыя служатъ для нея *пищею* (speisenartige) [3]). Совершенною потерею времени былъ бы подробный разборъ этихъ и другихъ подобныхъ полуми-

---

[1]) Ibid. p. 318 и 319.

[2]) Ibid. p 321—322. Это опредѣленіе напоминаетъ ближайшихъ послѣдователей Вольфа. См выше стр 252 и 254.

[3]) Die Gesch. d Seele. IV Ausg., II B. § 32, особ. p. 202· Es sind die Gefühle ihrer Natur u. Wirkung nach unter sich so verschieden, als die Speisen u. Getränke, welche der Leib aufnimmt и т. д.

стическихъ опредѣленій и классификацій[1]). Поэтому въ Германіи намъ осталось познакомиться только съ болѣе реальными современными (по моменту господства) направленіями Гербарта, Бенеке, Шопенгауэра и нѣмецкихъ физіологовъ. О нихъ рѣчь пойдетъ въ слѣдующей главѣ, а теперь коснемся положенія вопроса во Франціи и въ Англіи до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка.

Мы уже видѣли въ свое время, что во Франціи, до половины нынѣшняго вѣка, психологическіе вопросы стояли на второмъ планѣ въ занятіяхъ философовъ, и если они и подвергались обсужденію, то болѣе въ отрицательномъ смыслѣ: весь интересъ французскихъ психологовъ этого времени заключался въ борьбѣ противъ Кондильяковскаго сенсуализма и главнымъ орудіемъ этой борьбы была Эстетика[2]). **Кузенъ** одинъ изъ первыхъ пытался воспользоваться этимъ орудіемъ: «En fait d'esthétique, ce qui préoccupe avant tout le jeune et ardent disciple de Royer-Collard, говоритъ Saisset, c'est de faire voir que l'école sensualiste est incapable de rendre compte du sentiment et de l'idée du beau»... Изъ этихъ побужденій вышла, между прочимъ, статейка Кузена «Du beau réel et du beau idéal (1718)»[3]). Но считая идею прекраснаго независимою отъ нашихъ ощущеній, Кузенъ оставилъ открытымъ вопросъ о томъ, «что̀ дѣлаетъ прекрасныя вещи прекрасными»[4]); еще менѣе, конечно, онъ думалъ объ опредѣленіи общихъ основъ удовольствія.

По стопамъ Кузена, но уже гораздо далѣе пошелъ **Жуффруа**. Кромѣ «Курса эстетики», Жуффруа оставилъ рядъ статей, такъ или иначе относя-

---

[1]) Относимъ читателя, желающаго найти руководство для изученія положенія вопроса въ психологіи нѣмецкаго идеализма къ упомянутой не разъ брошюрѣ Покорнаго, въ которой довольно подробно излагаются теоріи Фихте, Шеллинга, Шуберта, К. Г. Каруса, Гегеля и друг. Замѣтимъ тутъ же, что къ психологической литературѣ идеализма принадлежатъ отчасти и такія сочиненія, которыя открыто стремятся примирить идеализмъ съ естественно-научными теоріями. Такое значеніе въ нашей области имѣетъ напр. монографія Витмаака (Wittmaack Geschichte der Seelengefuhle vom naturhistorisch-rationellen Standtpunct. Leipzig. 1856), которую самъ авторъ называетъ «eine Vermittlerin zwischen den Träumen des Idealismus und den krassen Negationen des Materialismus». Это сочиненіе дѣлится на исторію любви, исторію радости, исторію ненависти и исторію печали. Вліяніе Шуберта, Каруса и другихъ Шеллингіанцевъ ясно отражается въ этомъ произведеніи, несмотря на полемику автора противъ этихъ писателей. Къ тому же направленію относится повидимому и несомнѣнно «трансцедентальный» трудъ Альбрехта Краузе· Die Gesetze d. menschl Herzens wissenschaftlich dargestellt, als die formale Logik d. reinen Gefuhls. Lahr. 1876, съ виду похожій на записки сумасшедшаго и однако имѣющій естественную связь и съ монографіей Абихта и съ ученіями о чувствѣ Шеллингіанцевъ и Гегеліанцевъ

[2]) E. Saisset. L'âme et la vie, suiv. d'un examen crit. de l'esthét. franç. Paris. 1864, p. 94

[3]) Fragm. philos., Paris. 1826, p. 323 и слѣд.

[4]) Saisset, ibid. p. 98.

щихся къ предмету нашего изслѣдованія. Важнѣе всего статья «О себялюбіи» (De l'amour de soi. 1823). Здѣсь мы находимъ эскиссъ цѣлой теоріи удовольствія и страданія. Источникомъ развитія какъ чувства (sensibilité), такъ и ума (intelligence), Жуффруа считаетъ ощущеніе, которое можетъ быть пріятно или непріятно. Эти двѣ формы возбужденія (affection) составляютъ единственную основу чувства [1]). Каждая форма имѣетъ три момента развитія: за удовольствіемъ слѣдуетъ растяженіе нашихъ тканей (dilatation), расширеніе энергіи (expansion) и стремленіе привлечь къ себѣ объектъ (attraction), — этимъ моментамъ соотвѣтствуютъ: чувство радости, чувство любви и желаніе; за болью слѣдуютъ параллельно: сокращеніе тканей, концентрація энергіи и стремленіе оттолкнуть предметъ, чему соотвѣтствуютъ: чувство печали, чувство ненависти и чувство отвращенія [2]). Въ основѣ развитія чувства лежитъ такимъ образомъ двойной инстинктъ, т. е. два различныхъ принципа движенія: принципъ аттрактивный и принципъ репульсивный [3]). Развитіе того и другого принципа составляетъ то, что́ мы называемъ страстью (passion attractive et répulsive). Точкою исхода для страсти служитъ такимъ образомъ ощущеніе, а предметъ ощущенія есть цѣль страсти. Предметъ же ощущенія есть очевидно чувственное благо (le bien sensible) или чувственное зло [4]). Стало быть, цѣль страсти (la fin de la passion) состоитъ въ наслажденіи чувственнымъ благомъ и въ избѣжаніи чувственнаго зла. Очевидно принципъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, а именно «любовь къ себѣ» [5]). Когда въ область чувства вторгается разсудокъ, то естественный характеръ страсти искажается, является сознаніе цѣли и средствъ, и отсюда рождаются новыя формы страсти: страхъ и надежда; далѣе нравственное благо противуполагается чувственному, справедливое — полезному: страсть, при сравненіи съ долгомъ, пріобрѣтаетъ характеръ эгоизма, любовь къ себѣ превращается въ самолюбіе, печаль получаетъ видъ униженія и т. д. [6]).

Изъ этого краткаго очерка видно, что Жуффруа возстановилъ въ означенной статьѣ теорію, отождествляющую удовольствіе съ безсознательной оцѣнкой *полезнаго*. Но тутъ же (стр. 215), въ примѣчаніи (относящемся къ 1833 году?), Жуффруа дѣлаетъ оговорку, что его идеи о природѣ аффекта потомъ расширились и измѣнились, что хотя все сказанное

---

[1]) Mélanges philosophiques, 5-me Ed. Paris. 1875, p. 202 и слѣд.
[2]) Ibid p 205.
[3]) Ibid. p. 206—207.
[4]) Ibid. p. 208 и слѣд.
[5]) Ibid. p 211.
[6]) Ibid. p. 215.

вѣрно о чувственныхъ аффектахъ, но что эти послѣдніе составляютъ вообще одно лишь выраженіе примитивныхъ *предрасположеній* (tendances) нашей природы, которыя составляютъ *условіе*, а не *результатъ* развитія удовольствія и страданія. Отсюда можно заключить, что Жуффруа потомъ сталъ ставить чувствованія въ зависимость отъ развитія какихъ-либо прирожденныхъ *стремленій*, и это подтверждается, во первыхъ, приводимымъ у Дюмона мѣстомъ изъ его «Курса естественнаго права»[1]), — затѣмъ и въ курсѣ эстетики Жуффруа тоже ставитъ удовольствіе въ зависимость отъ всякаго споспѣшествованія природному стремленію чувства «соединять разрозненныя и разбросанныя передъ нами матеріальныя молекулы»; страданіе — отъ всякаго препятствія этой силѣ стремленія[2]). Но это не мѣшаетъ ему признавать въ то же время, что вещи пріятны намъ либо потому, что онѣ полезны, ибо помогаютъ или препятствуютъ нашему развитію (принципъ эгоизма), либо потому, что онѣ «рисуютъ намъ картину возвышенія или паденія человѣческой природы» (принципъ симпатіи)[3]); при этомъ основа чувства въ обоихъ случаяхъ одна и та же, а именно любовь къ себѣ: различіе только въ реальномъ или идеальномъ характерѣ ея источника[4]). Однако, въ чувствѣ симпатіи и въ родственномъ ему чувствѣ прекраснаго удовольствіе уже не представляетъ удовлетворенія какой-либо потребности или какого-нибудь желанія[5]). Такимъ образомъ у Жуффруа единство общаго принципа соединялось всетаки съ нѣкоторою двойственностью въ опредѣленіи частныхъ условій пріятнаго: beauté и utilité суть для него въ концѣ концовъ всетаки два разные источника удовольствія. Вообще ученіе Жуффруа о пріятномъ отличалось нѣкоторою неопредѣленностью; онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ способѣ правильной постановки вопроса объ условіяхъ удовольствія, и можно было бы найти еще другія неточности и противорѣчія въ его теоріи чувства. По стопамъ Жуффруа пошли потомъ всѣ слѣдующіе французскіе эстетики, кончая Шарлемъ Левэкомъ. Изъ школы Жуффруа вышелъ отчасти и Франциск Булье, авторъ современной монографіи объ удовольствіи и страданіи. Но о немъ рѣчь впереди, равно какъ и о другихъ французскихъ психологахъ, начиная съ пятидесятыхъ годовъ.

Изъ англійскихъ психологовъ нынѣшняго вѣка, до Гамильтона, для насъ имѣютъ болѣе важное значеніе только Томасъ Броунъ и Джемсъ

---

[1]) Dumont, l. c, p. 53.
[2]) Cours d'esthétique. Nouv. Ed. p. Damiron. Paris. 1875, p. 15.
[3]) Ibid. p. 19.
[4]) Ср. ibid. p. 20 и 21.
[5]) Ср. ibid. p. 48.

Милль. Мы помнимъ, что оба они до извѣстной степени смѣшивали чувствованія частью съ ощущеніями, частью съ желаніями (первый въ понятіи волненій, второй — посредствомъ отождествленія желанія съ «идеей удовольствія»). Слѣдовательно, полной сознательности и цѣльности въ анализѣ чувствованій у этихъ писателей нельзя предполагать.

Броунъ, напримѣръ, исключаетъ изъ понятія «волненій» чувственныя удовольствія (the mere pleasures of sense) и разумѣетъ подъ волненіями вообще только удовольствія болѣе благороднаго характера, т. е. всѣ высшія наслажденія (all the higher delights): «посредствомъ нашихъ волненій, говоритъ онъ, мы восторгаемся природою, любимъ человѣка и благоговѣемъ передъ Богомъ» [1]). Поэтому анализъ волненій у него совершенно независимъ отъ анализа удовольствія и страданія въ ихъ элементарныхъ формахъ. Эти послѣдніе феномены вообще не составляютъ для Броуна особаго предмета изслѣдованія. Онъ касается пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій только при анализѣ *ощущеній*, какъ вообще, такъ и каждаго класса въ отдѣльности. Удовольствіе и страданіе представляются ему такими же ощущеніями, «какъ и прочія ощущенія»; онъ ихъ ставитъ въ зависимость отъ состоянія нашихъ органовъ и говоритъ, что они вложены въ насъ Творцомъ въ видахъ самосохраненія, ибо каждое ненормальное состояніе ткани, происходящее отъ нарушенія гармоніи между расходомъ и приходомъ силъ сопровождается страданіемъ, и, наоборотъ, каждое умѣренное упражненіе или своевременное отдохновеніе органа сопровождается удовольствіемъ [2]). Такимъ образомъ, при объясненіи чувственнаго удовольствія и страданія, Броунъ склонялся къ физіологической гипотезѣ, но, не различая этихъ явленій отъ ощущеній въ собственномъ смыслѣ, онъ ограничился лишь неясными и разбросанными намеками, изъ которыхъ очень трудно было бы построить цѣльную теорію.

Анализъ волненій, которому Броунъ посвящаетъ почти весь третій томъ своей «Философіи духа», конечно представляетъ много интересныхъ фактическихъ сопоставленій, много тонкихъ наблюденій и описаній, но все это лишь сырой матеріалъ, требующій новой обработки, чтобы принести какую-нибудь пользу. Въ смыслѣ обобщенія, вниманія заслуживаютъ только принципы *классификаціи* волненій, о которыхъ вкратцѣ уже было упомянуто. Въ этомъ отношеніи Броунъ прежде всего различаетъ примитивныя волненія отъ сложныхъ, какими они обыкновенно являются въ «дѣйствительности». Примитивныя волненія (the whole or certainly the

---

[1]) Lect. on the philos. of the Mind, l. c., Vol. III, p 27.
[2]) Ibid. Vol. I, p. 418—425 (Lect. XVIII).

great number of them) суть слѣдующія: радость, печаль, желаніе, удивленіе (astonishment), уваженіе (respect), презрѣніе и два элементарныя нравственныя волненія, служащія основою для различенія порочныхъ и добродѣтельныхъ дѣйствій[1]). Въ этомъ перечисленіи Броунъ очевидно находился подъ вліяніемъ тѣхъ англійскихъ писателей, которые примкнули къ Декартовскому или Спинозовскому направленію въ анализѣ аффектовъ, т. е. подъ вліяніемъ Локка или Юма. Нельзя конечно не радоваться, что Броунъ пытался возстановить значеніе давно забытаго контраста примитивныхъ и сложныхъ волненій, но списокъ первыхъ, къ сожалѣнію, представляетъ у него всетаки довольно случайный наборъ понятій. Притомъ, въ концѣ концовъ, онъ находитъ болѣе удобнымъ разбирать волненія въ ихъ обыкновенномъ *сложномъ* состояніи (in their ordinary state of complication) и съ этой точки зрѣнія принимаетъ за руководство новое дѣленіе ихъ на *непосредственныя*, *ретроспективныя* и *проспективныя*, различіе которыхъ поясняетъ слѣдующимъ примѣромъ: «Мы *любуемся* тѣмъ, что находится *передъ нами;* мы *чувствуемъ угрызеніе совѣсти* по поводу какого-нибудь *прошедшаго* преступленія; мы *надѣемся* на какое-нибудь *будущее* благо»[2]). Къ непосредственнымъ волненіямъ Броунъ относитъ, во первыхъ, рядъ такихъ, которыя не заключаютъ въ себѣ непремѣнно нравственнаго элемента, каковы: чувство веселости, чувство меланхоліи, чувство удивленія (wonder), чувство скуки (wearinnes), чувство прекраснаго, чувство безобразія, чувство возвышеннаго и чувство смѣшного, и во вторыхъ, рядъ нравственныхъ волненій, куда относятся: одобреніе и неодобреніе, любовь и ненависть, симпатія, чувство гордости и чувство смиренія[3]). Ретроспективныя волненія: a) относящіяся къ другимъ людямъ, суть: гнѣвъ и благодарность; b) относящіяся къ намъ самимъ: сожалѣніе (simple regret), довольство (gladness), угрызеніе совѣсти и наслажденіе спокойной совѣстью[4]). Наконецъ, проспективныя волненія представляютъ собою разнаго рода *желанія*. Полное перечисленіе послѣднихъ (т. е. of all the possibilities of human wishes) невозможно. Самыя важныя суть: стремленіе къ продолженію своего существованія, стремленія — къ удовольствію, къ дѣятельности, къ обществу, къ пріобрѣтенію знаній, къ достиженію силы (direct, as in ambition, or indirect, as in avarice), стремленіе къ пріобрѣ-

---

[1]) Ibid. Vol. III, p. 30.

[2]) Ibid. p 31 и 32. Ср. p. 46. Непосредственными волненіями Броунъ называетъ такія, which regard their object simply as existing, without involving, necessarily, any notion of time whatever....

[3]) Ibid. p. 32 и слѣд.

[4]) Ibid. p. 272 и слѣд.

тенію любви и уваженія окружающихъ, стремленіе къ славѣ, желаніе счастья тѣмъ, кого мы любимъ, и несчастья тѣмъ, кого ненавидимъ. Но, кромѣ всего этого, каждое желаніе можетъ имѣть тотъ или другой оттѣнокъ, смотря по близости къ осуществленію, и отсюда различіе «желанія» въ собственномъ смыслѣ, отъ надежды, ожиданія и увѣренности[1]).

Кромѣ основной классификаціи мы находимъ у Броуна дальнѣйшія различенія видовъ многихъ изъ упомянутыхъ главныхъ чувствованій, напр. любви, гнѣва, гордости и т. д. Любопытно, что онъ обыкновенно старается доказать необходимость, *цѣлесообразность* того или другого чувствованія, и поэтому «законныя» формы чувства различаетъ отъ «незаконныхъ», напримѣръ гнѣвъ отъ тщеславія. Даже ненависть представляется ему «необходимымъ» чувствованіемъ, въ значеніи орудія для преслѣдованія зла. Эта нравственная точка зрѣнія заставляетъ его смотрѣть на чувствованія, какъ на готовыя и вложенныя извнѣ нашимъ Творцомъ предрасположенія къ тѣмъ или другимъ состояніямъ, и заставляетъ его упускать изъ виду необходимость психологическаго объясненія. Къ послѣднему онъ прибѣгаетъ рѣдко, и тогда, подобно предшественникамъ своимъ въ XVIII вѣкѣ, пользуется принципомъ ассоціаціи, какъ напримѣръ при объясненіи чувства состраданія. Въ цѣломъ, разборъ волненій у Броуна представляется такимъ же утомительнымъ блужданіемъ среди массы фактовъ, натасованныхъ въ кучу и безъ всякаго внутренняго порядка, какимъ мы признали разборъ аффектовъ у Юма и Гертли.

Джемсъ Милль тоже смѣшиваетъ до извѣстной степени ощущенія и чувствованія удовольствія и страданія. Онъ говоритъ, что есть ощущенія безразличныя (indifferent), пріятныя и непріятныя. Пріятныя и непріятныя ощущенія свойственны всѣмъ органамъ не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ; но для опредѣленія ощущеній, связанныхъ съ внутренними частями тѣла, нѣтъ особыхъ названій[2]). Понятія удовольствія и страданія суть только общія *названія*, придуманныя для обозначенія пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, въ отличіе отъ другихъ[3]) Говоря о причинахъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, Джемсъ Милль различаетъ *непосредственныя* и *отдаленныя* (remote) причины[4]). Но подъ причинами онъ разумѣетъ только *внѣшніе антэцеденты* чувствованій; не углубляясь вовсе въ опредѣленіе того, что́ въ нихъ неизмѣннаго и что́ лежитъ въ основѣ контраста удоволь-

---

[1]) Ibid. p. 325 и слѣд.

[2]) Anal. of the Phenomena of the human Mind. L. 1869. Vol. II. Ch. XVII, p. 184 и 185.

[3]) Ibid. Ch. XIX, p. 191.

[4]) Ibid. Ch. XVIII, p. 187.

ствія и страданія. Въ этомъ смыслѣ онъ и говоритъ, что самыя ощущенія, пріятныя и непріятныя, немногочисленны, — многочисленны же и разнообразны *причины* ихъ [1]). Впрочемъ, еслибъ онъ далъ анализъ коренныхъ ощущеній удовольствія и страданія, то дѣло было бы поправлено, и оставалось бы только спросить о значеніи термина «причины». Но этого-то анализа мы именно и не находимъ у него [2]). Вообще теоріи *животнаго элемента* (the animal element) чувствованій, какъ прекрасно замѣчаетъ Джонъ Стюартъ Милль, нѣтъ въ сочиненіи Джемса Милля [3]). Этимъ объясняется, между прочимъ, почему онъ считаетъ чувствованія, причины которыхъ непосредственны, менѣе интересными для анализа [4]) и говоритъ о нихъ лишь совершенно кратко, различая ихъ по времени, къ которому относятся эти причины. Мысль о причинѣ *прошедшаго* ощущенія, если оно было непріятно, даетъ начало тому состоянію сознанія, которое мы иногда называемъ *антипатіей*, иногда *ненавистью* [5]); если же прошедшее ощущеніе было пріятно, то мы чувствуемъ симпатію или любовь [6]). Когда мы, наоборотъ, *антиципируемъ* непріятное ощущеніе, то при ассоціаціи идей причины и дѣйствія, мы чувствуемъ ненависть, или отвращеніе, или ужасъ; если же непріятное ощущеніе недостовѣрно (not certainly future), то мы чувствуемъ страхъ (dread). Точно такъ же, представляя себѣ въ будущемъ пріятное ощущеніе, мы чувствуемъ радость, или надежду (если ожидаемое удовольствіе недостовѣрно), или любовь, если присоединяется по ассоціаціи идея *причины* ожидаемаго наслажденія [7]). Прибавимъ, что при антиципаціи страданія безъ представленія о причинѣ его, мы, по мнѣнію Милля, должны ощущать печаль (sorrow) [8]). Этими поверхностными замѣчаніями и ограничивается Милль, при анализѣ непосредственныхъ волненій. Въ изслѣдованіи отдаленныхъ источниковъ пріятныхъ и непріятныхъ состояній для насъ интересно только примѣненіе принципа *ассоціаціи*. Этихъ отдаленныхъ источниковъ три класса: 1) богатство, сила, честь и ихъ противуполож-

---

[1]) Ibid. p. 188.

[2]) Ibid. Ср. ibid. p. 231, примѣч. Бэна (44).

[3]) Ibid. p. 234, прим. издателя (45). Чуть ли не единственное мѣсто въ «Анализѣ» Джемса Милля, относящееся къ органической сторонѣ удовольствія и страданія, заключается въ маленькой главѣ «Sensations of disorganization in any part of the body» (Vol I. Ch. I. S. VI, p. 37 и 38), въ которой впрочемъ нѣтъ ничего, кромѣ краткаго описанія *механическихъ причинъ боли*.

[4]) Ср. ibid. Ch. XXI. S. II, p. 206.

[5]) Ibid. S. I, p 201.

[6]) Ibid. p. 203.

[7]) Ibid. p. 204

[8]) Ср. Ch. XX, p. 200.

ности, 2) наши ближніе, т. е. друзья, родственники, соотечественники и люди вообще, 3) прекрасные и возвышенные объекты. Конечно чрезвычайно интересенъ анализъ элементовъ, изъ которыхъ слагаются, напримѣръ, чувство дружбы, чувство родителей къ дѣтямъ и т. д., но надо признать, что Милль всетаки обходитъ главный вопросъ, отчего тѣ или другія отношенія, дающія напр. начало привязанности отца къ дѣтямъ, *первоначально* пріятны для насъ. Психологъ не имѣетъ права отдѣлываться замѣчаніями въ родѣ того, что «ежедневное наблюденіе де показываетъ, что мы привязываемся къ тѣмъ существамъ, которымъ часто благодѣтельствовали»[1]) и т. д. Слѣдовательно Джемсъ Милль, подобно Броуну, едва-ли прибавляетъ что-нибудь важное къ тому, что̀ было сдѣлано для объясненія сложныхъ чувствованій, при помощи ассоціаціи, англійскими психологами XVIII вѣка. Напротивъ даже, оба эти писателя стоятъ гораздо ниже Гертли, который пытался опредѣлить *органическія* условія удовольствія и страданія. Вообще Локковское опредѣленіе этихъ явленій какъ «простыхъ идей» повидимому настолько овладѣло умами англійскихъ психологовъ начала нынѣшняго вѣка, что они стали совершенно равнодушно относиться къ опредѣленію внѣшнихъ и внутреннихъ условій различія пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній. Вопросъ о томъ, что̀ служитъ предметомъ оцѣнки въ тѣхъ и другихъ для нихъ какъ будто бы вовсе не существовалъ[2]). Рѣзкій контрастъ этому направленію представляетъ возникшее вскорѣ направленіе Гамильтона, но прежде чѣмъ перейти къ изложенію болѣе современныхъ ученій объ удовольствіи и страданіи въ Англіи, Франціи и Германіи, сдѣлаемъ общую оцѣнку пройденнаго нами только что періода.

Мы нашли выше, что главная заслуга ранѣе разсмотрѣннаго періода заключалась въ значительныхъ *матеріалахъ*, собранныхъ психологами съ цѣлью описанія и тщательнаго разчлененія сложныхъ волненій. Стремленіе къ такому разчлененію повело, во первыхъ, къ опредѣленію главныхъ принциповъ, общихъ и спеціальныхъ, руководящихъ *осложненіемъ* чувствованій, и во вторыхъ къ открытію нѣкоторыхъ простыхъ *элементовъ*, изъ которыхъ слож-

---

[1]) Ch. XXI. S. II, p. 221.

[2]) Подобное же направленіе имѣетъ анализъ чувствованій и въ упомянутомъ выше (стр. 127) трудѣ американскаго психолога Эпхама. Эпхамъ называетъ волненія «truly simple states of the mind, indefinable. . .» (p. 31). Дѣленіе *естественныхъ* чувствованій (natural sensibilities), въ противуположность нравственнымъ, на emotions and desires (p. 26) тоже напоминаетъ Броуна, дѣленіе аффектовъ на benevolent a. malevolent объясняется еще болѣе отдаленнымъ вліяніемъ Рида. Вообще, примкнувъ къ *новому* дѣленію всѣхъ психическихъ явленій на *три* класса, Эпхамъ въ спеціальномъ анализѣ чувствованій вполнѣ держится *старыхъ* принциповъ — конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, представляя этимъ полный контрастъ Гамильтону.

ныя волненія образуются. Польза такого болѣе тщательнаго изученія состава сложныхъ чувствованій начала сказываться уже въ первой половинѣ XVIII вѣка въ смыслѣ болѣе сознательной постановки ученія объ удовольствіи и страданіи, какъ коренныхъ основахъ всякой эмоціи. Сознавая, что источники этихъ явленій чисто субъективные, внутренніе, психологи этого времени, безъ различія національностей, почти единодушно стали опредѣлять ихъ природу изъ отношеній внутреннихъ, изъ отношенія дѣятельности къ потребностямъ нашихъ тканей и вообще нашей организаціи. Французскіе сенсуалисты, англійскіе матеріалисты и нѣмецкіе психологи школы Зульцера одинаково сходились въ своихъ стремленіяхъ, хотя въ частностяхъ рѣшали задачу различно. Всего болѣе отклонились при этомъ отъ общаго направленія нѣмецкіе психологи, которые сначала подъ дѣятельностью односторонне разумѣли одну лишь *интеллектуальную* дѣятельность и затѣмъ нерѣдко предполагали въ человѣкѣ врожденное *стремленіе* къ такой дѣятельности, отъ степени удовлетворенія котораго и зависитъ собственно характеръ чувствованій. Но вскорѣ однако и въ Германіи явилась попытка болѣе разносторонняго рѣшенія вопроса — въ лицѣ Вильйома. Результатомъ всѣхъ подобныхъ теорій было признаніе *самостоятельности* явленій чувства въ кругу другихъ психическихъ явленій. Однако означенное общее направленіе, вѣроятно вслѣдствіе младенческаго состоянія наукъ, имѣющихъ предметомъ физическую организацію человѣка, не въ состояніи было выработать такихъ общихъ *законовъ* въ сферѣ чувствительности, которые бы одинаково удовлетворяли всѣхъ ученыхъ и вынудили бы единодушное признаніе правильности этой новой постановки вопроса. Этими соображеніями и объясняется *реакція*, наступившая въ концѣ прошлаго вѣка. Въ Германіи послѣдняя приняла самые значительные размѣры. Подъ вліяніемъ Канта понятіе *чувства* снова расширилось за предѣлы явленій удовольствія и страданія и, поднявшись до уровня метафизической отвлеченности, послужило исходною точкою для цѣлаго ряда теорій совершенно новаго порядка. Хотя основою для этихъ теорій продолжало служить предположеніе *субъективности* чувства, но выраженіемъ этой субъективности снова стали служить болѣе отвлеченныя понятія, напр. совершенства и несовершенства. Вскорѣ однако и эти понятія оказались слишкомъ конкретными, и мистическое отношеніе къ явленіямъ чувства проявилось въ самыхъ туманныхъ опредѣленіяхъ его, какъ какой-то посредствующей ступени развитія интеллекта и воли. Вопросъ объ отношеніи чувства къ этимъ другимъ принципамъ духовнаго существованія сосредоточилъ на себѣ главный интересъ нѣмецкихъ психологовъ начала нынѣшняго вѣка, а тѣ, которые не довольствовались рѣшеніемъ одного лишь этого вопроса, стали повторять старыя опредѣленія чувства при помощи понятій совер-

шенства и несовершенства, не только субъективнаго, но и объективнаго. Такимъ образомъ въ Германіи психологія воротилась къ той точкѣ зрѣнія, на которой стояли Вольфъ и другіе писатели начала XVIII в. Разница состояла только въ томъ, что явленія удовольствія и страданія сдѣлались ингредіентами новаго мистическаго понятія «чувства», замѣнившаго собою старое понятіе «аффекта». Во Франціи, въ школѣ спиритуалистовъ, интересъ къ эстетическимъ вопросамъ выразился тоже новыми теоріями чувства, имѣвшими еще болѣе неопредѣленный и не менѣе «сверхъчувственный» характеръ, чѣмъ теоріи нѣмецкихъ идеалистовъ. Въ Англіи, начиная съ Рида, психологи тоже вступили на почву общихъ фразъ въ области анализа чувствованій, и вопросъ о предметѣ оцѣнки, служащей основою пріятныхъ и непріятныхъ волненій отошелъ на задній планъ, вслѣдствіе утвердившагося мнѣнія, что чувствованія удовольствія и страданія, какъ простыя идеи, не подлежатъ опредѣленію; въ такомъ положеніи находилось дѣло въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка.

Классификація чувствованій въ теченіе всего разсмотрѣннаго періода не представляла ничего замѣчательнаго. Въ XVIII в. главное мѣсто занималъ контрастъ физическихъ и интеллектуальныхъ волненій, при чемъ многіе писатели ставили рядомъ двѣ новыя группы — эстетическихъ и нравственныхъ чувствованій. Контрастъ простыхъ и сложныхъ волненій постепенно былъ забытъ, и рѣчь шла большею частью только объ опредѣленіи главныхъ видовъ удовольствія и страданія *вообще*. Вопросъ о *принципахъ* осложненія чувствованій съ тѣмъ вмѣстѣ тоже утратилъ всякій интересъ. Это положеніе дѣла продолжалось и въ первыя дѣсятилѣтія XIX вѣка, особенно въ Германіи. Только въ Англіи явились попытки новаго опредѣленія принциповъ классификаціи чувствованій. Но способъ дѣленія ихъ по *времени*, къ которому они относятся, придуманный Броуномъ и отчасти принятый и Джемсомъ Миллемъ, едва-ли можетъ считаться строго научнымъ.

Такимъ образомъ задача этого третьяго періода состояла какъ будто бы только въ выдѣленіи чувствованій въ самостоятельную группу феноменовъ, на ряду съ феноменами воли и умственной дѣятельности. Какъ только эта задача была достигнута, въ развитіи теоріи чувства наступилъ періодъ упадка и возвращенія къ старымъ, непроизводительнымъ началамъ. Пріобрѣтенныя во вторую половину XVIII в. позиціи были утрачены и предстояло начать все сызнова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Современныя направленія въ наукѣ о чувствованіяхъ.

Мы уже говорили, что приблизительно съ половины нашего вѣка психологія вступила въ новый фазисъ *обновленія*, съ одной стороны вслѣдствіе развитія исторіи философіи и болѣе основательнаго ознакомленія психологовъ съ прошедшею разработкою изслѣдуемыхъ ими вопросовъ, съ другой стороны подъ вліяніемъ взаимодѣйствія между психологіей и науками, имѣющими предметомъ физическое строеніе и отправленія человѣка. Обновленіе въ первомъ смыслѣ особенно ярко обнаруживается въ трудахъ англійскихъ и французскихъ психологовъ, которые уже и ранѣе стояли отчасти на почвѣ *наблюденія* и *экспериментаціи*, но зато очень мало были знакомы съ историческимъ ходомъ развитія науки о духовномъ человѣкѣ. Обновленіе во второмъ изъ указанныхъ отношеній, на оборотъ, особенно замѣтно въ трудахъ германскихъ психологовъ, которые, обратно, и прежде не пренебрегали *историческимъ* изученіемъ, но зато въ собственныхъ построеніяхъ подымались въ заоблачныя пространства.

Такіе писатели, какъ Гербардтъ и Бенеке въ Германіи, какъ Гарнье и Ренувье во Франціи, какъ Гамильтонъ и Джонъ Стюартъ Милль въ Англіи, — представляютъ собою примѣры разнообразныхъ направленій, въ которыхъ прежде всего выразилось указанное стремленіе основать науку о духовныхъ процессахъ на новомъ фундаментѣ. Посмотримъ, какое мѣсто занимаютъ всѣ эти ученые въ исторіи развитія нашего вопроса?

Вліяніе Гербардта на дальнѣйшую обработку теоріи чувствованій въ Германіи было весьма значительно. Сначала Гербардтъ, главные психологическіе труды котораго относятся уже къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго вѣка, былъ довольно изолированъ, хотя его теорія чувствованій уже была извѣстна напр. Эд. Шмидту. Но съ сороковыхъ годовъ его психологическая

доктрина стала пріобрѣтать все болѣе и болѣе послѣдователей, и въ послѣднія десятилѣтія на ряду съ многочисленными общими психологическими учебниками, составленными въ принятомъ имъ направленіи, являлись и особыя монографіи о чувствованіахъ въ духѣ Гербарта, какъ напр. Прейса (L. Preiss. Die Analyse d. Gefühle. Goerz. 1854, и его же Kritische Beiträge z. Analyse d. Gefühle. G. 1861) и Нагловскаго (см. выше, стр. 107). Подробная монографія Покорнаго о Гербартовой теоріи чувствованій лучше всего указываетъ на значеніе, которымъ послѣдняя и теперь еще отчасти пользуется въ Германіи. Изъ обстоятельной передачи Покорнаго мы и заимствуемъ свое краткое изложеніе ученія Гербарта (такъ какъ сами не могли достать V т. его сочиненій), а затѣмъ мы намѣрены болѣе подробно остановиться на современной монографіи Нагловскаго.

Основою для всѣхъ психологическихъ теорій **Гербарта** было признаніе единства принципа душевной дѣятельности. Этотъ принципъ, какъ мы видѣли, заключался въ *представленіи*. Разнообразіе душевныхъ отправленій объясняется разнообразіемъ представленій и ихъ отношеній, а это послѣднее ставится на счетъ тѣлесной, нервной организаціи. Однородность однихъ и разнородность другихъ представленій служитъ поводомъ къ ихъ *взаимодѣйствію*. Взаимодѣйствіе это принимаетъ характеръ *дружественный* или *враждебный*, смотря по тому, могутъ ли быть точки сближенія между представленіями или не могутъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ болѣе сильныя представленія вытѣсняютъ изъ сознанія болѣе слабыя, и этимъ путемъ образуется запасъ скрытыхъ, затемненныхъ, недѣятельныхъ представленій. Какъ воспользоваться этими видами взаимодѣйствія представленій и ихъ результатами для объясненія явленій человѣческаго сердца (Gemüth), т. е. чувствованій и желаній? Состояніе затемненія, т. е. стѣсненія (Spannung) представленій равносильно подавленному стремленію ихъ выйти снова на порогъ сознанія. Сознаніе этого стремленія и той степени содѣйствія, которое ему оказываютъ *настоящія* представленія, и служитъ источникомъ «сердечныхъ» состояній души (поэтому «die Gemüthszustände sind das Bewusstsein der Spannung d. Vorstellungen»). Но въ чемъ же источникъ различія чувствованій и желаній,—двухъ главныхъ сторонъ сердечной жизни? Это различіе Гербартъ выводитъ изъ анализа разныхъ видоизмѣненій равновѣсія между борющимися представленіями. Такихъ видоизмѣненій три: или представленія (силы), изъ которыхъ одно стремится подавить, а другое — прояснить данное третье представленіе, находятся въ *равновѣсіи*, или *перевѣсъ* получаетъ второе изъ нихъ, и третье, благодаря его помощи (Hilfeleistung), подымается *на* порогъ сознанія, или наконецъ превозмогаетъ первое, и послѣднее еще болѣе опускается *за* порогъ сознанія. Во всѣхъ

трехъ случаяхъ имѣетъ мѣсто какое-нибудь *чувствованіе*, а въ двухъ послѣднихъ, сверхъ того, желаніе. Притомъ чувствованіе есть *простое* сознаніе (das blosse Bewusstsein) то неизмѣннаго, то уменьшающагося, то увеличивающагося *напряженія* представленій; желаніе же есть вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе увеличивающейся или уменьшающейся степени ясности (des Klarheitsgrades) ихъ [1]).

Изъ этого изложенія можно видѣть, что Гербартъ снова задумалъ свести чувствованія къ сознательной оцѣнкѣ *внутреннихъ* отношеній, но не вообще, а спеціально — отношеній между *представленіями*. Насколько такая теорія односторонняя, видно изъ слѣдующаго соображенія: если удовольствіе есть результатъ побѣды одного представленія надъ другимъ, то всякое удовольствіе должно быть непремѣнно парализовано одновременнымъ и одинаково сильнымъ страданіемъ, ибо рядомъ съ побѣдившимъ представленіемъ должно всегда существовать побѣжденное, положенію котораго должно соотвѣтствовать равносильное страданіе. Очевидно, что это же соображеніе относится и къ взаимодѣйствію болѣе, чѣмъ двухъ представленій. Такимъ образомъ естественнымъ выводомъ изъ теоріи Гербарта является предположеніе, что всѣ чувствованія и желанія представляютъ лишь самообманъ, такъ какъ въ каждую данную минуту должно существовать два противуположныхъ и взаимно уничтожающихъ другъ друга душевныхъ возбужденій. Въ виду этого, нельзя не признать доли истины и въ слишкомъ рѣзкомъ, можетъ быть, сужденіи М. М. Троицкаго объ этой сторонѣ психологіи Гербарта: «Дикость толкованія феноменовъ чувства и воли, говоритъ онъ, превосходитъ всякую мѣру вѣроятности: это образчикъ психологической чепухи въ цѣломъ и подробностяхъ» [2]).

Мы однако остановимся еще на одной «подробности», чтобы получить полную картину теоріи Гербарта, именно на пріемахъ *классификаціи* чувствованій. Изъ уменьшенія и увеличенія напряженія представленій объясняется, во первыхъ, контрастъ пріятнаго и непріятнаго. Далѣе чувства различаются на два класса, смотря по тому, происходятъ-ли они отъ взаимодѣйствія двухъ, или же болѣе представленій. Въ третьихъ, различіе касается того, зависятъ-ли чувствованія отъ однихъ свойствъ представленій, изъ которыхъ они вытекаютъ, или находятся кромѣ того въ связи съ извѣстнымъ общимъ настроеніемъ духа. Вліяніе настроенія можетъ быть отрицательное или положительное: въ первомъ случаѣ, т. е. при совершенно непредвзятомъ созерцаніи объекта (т. е. представленія) возникаютъ *настоящія*

---

[1]) Pokorny, l. c, p. 5—8.
[2]) Нѣм. психол., стр. 551.

(т. е. тоже непредвзятыя) эстетическія и нравственныя чувствованія; во второмъ случаѣ — *индивидуальныя* и измѣнчивыя. Въ послѣднемъ контрастѣ очевидно опять выражается стремленіе примирить предположеніе абсолютной съ признаніемъ релативной оцѣнки красоты и добра. Въ четвертыхъ, слѣдуетъ отмѣченный уже Платономъ контрастъ между чувствованіями, зависимыми и независимыми отъ «стремленія»; въ пятыхъ, — старый контрастъ чувственныхъ и нечувственныхъ волненій (sinnliche u. nicht sinnliche Gefühle); наконецъ — тоже не новое противуположеніе чистыхъ и смѣшанныхъ чувствованій[1]). Отсюда видно, что Гербартъ понималъ возможность группировки чувствованій съ различныхъ точекъ зрѣнія, но при самомъ проведеніи отдѣльныхъ разграниченій не столько искалъ новыхъ основъ для классификаціи, сколько пытался поставить *старыя* дѣленія въ связь съ своимъ *новымъ объясненіемъ природы чувствованій*. Стало быть, новый способъ освѣщенія старой картины — вотъ вообще главная задача Гербарта. Такое новое освѣщеніе онъ пытался дать и теоріи аффектовъ, полемизируя противъ мнѣнія Канта, что аффекты суть болѣе сильныя чувствованія, а страсти — болѣе сильныя желанія. Различіе между аффектами и чувствованіями не въ разной интенсивности, а въ различномъ критеріѣ оцѣнки взаимодѣйствія между представленіями: въ чувствованіяхъ оцѣнивается свойство размѣщенія представленій въ сознаніи, въ аффектахъ, напротивъ, — количество взаимодѣйствующихъ представленій съ точки зрѣнія условій ихъ равновѣсія[2]).

Итакъ Гербартъ положилъ главныя основанія для переработки теоріи чувствованій во всѣхъ частностяхъ. Послѣдователи Гербарта, — Дробишъ, Вайцъ, Фолькманъ, Прейссъ и другіе дали дальнѣйшее развитіе этимъ основаніямъ, при чемъ во многихъ пунктахъ разнообразно отклонились отъ своего учителя[3]). Мы не имѣемъ времени прослѣдить всѣ эти отклоненія и измѣненія, да притомъ же они и несущественны, въ виду согласія послѣдователей съ главными положеніями основателя школы. Достаточно будетъ остановиться подробнѣе на сочиненіи одного изъ самыхъ современныхъ представителей ученія Гербарта о чувствованіяхъ, Нагловскаго.

Мы узнали въ свое время, что **Нагловскій** проводитъ различіе между ощущеніями и чувствованіями, какъ первоначальными и производными со-

---

[1]) Pokorny, l. c., p. 8—16.

[2]) Ср. Herbart's Werke. VI B., § 106 и слѣд. (особ. p. 100—101).

[3]) Ср. Pokorny, ibid. p. 16 и слѣд. Теорія чувствованій Фолькмана изложена также у Троицкаго (въ упом. соч., стр. 552 и слѣд.).

стояніями души. Ощущенія имѣютъ источникомъ взаимодѣйствіе души и тѣла, чувствованія — взаимодѣйствіе между представленіями. Это послѣднее взаимодѣйствіе имѣетъ двѣ формы: или представленія производятъ взаимное стѣсненіе (gegenseitige Hemmung), т. е. болѣе или менѣе вытѣсняютъ другъ друга изъ сознанія, или они входятъ во взаимную связь (Verbindung) въ смыслѣ осложненія другъ другомъ или полнаго сліянія: это связываніе представленій можно разсматривать и какъ взаимную поддержку ихъ (Unterstützung, Förderung)[1]). Но этихъ двухъ условій, по мнѣнію Нагловскаго, однако еще мало для образованія чувствованій: еслибы *всякое* взаимодѣйствіе представленій вызывало чувствованіе, то смѣна послѣднихъ была бы постоянная; тогда человѣкъ былъ бы вѣчно погруженъ въ созерцаніе собственныхъ внутреннихъ состояній и не могъ бы достигнуть никакого яснаго, объективнаго пониманія міра (Auffassung d. Welt), а также не былъ бы способенъ къ правильной, по плану расположенной, дѣятельности. Итакъ необходимъ еще какой-нибудь факторъ или моментъ, который бы обусловливалъ развитіе чувствованій изъ представленій: этотъ факторъ выясняется при помощи параллели между духовной жизнью и физической. Какъ въ органическихъ отправленіяхъ, такъ и въ обмѣнѣ представленій *нормальный* ходъ процессовъ уже потому не сопровождается чувствомъ, что остается незамѣтнымъ для сознанія, вслѣдствіе неизмѣримо малыхъ промежутковъ времени, въ теченіе которыхъ обмѣнъ совершается; но при каждомъ *ненормальномъ* измѣненіи, задерживающемъ развитіе процесса, является сознаніе характера этой задержки и при томъ именно въ формѣ чувства. Задержки могутъ быть разнообразныя, по типъ ихъ двоякій: либо подавляемыя представленія получаютъ неожиданную *помощь* (напр. въ какой-нибудь репродукціи), либо является какое-нибудь *препятствіе* къ дальнѣйшему соединенію представленій въ смыслѣ контраста (Gegensatz), становящагося между ними. Происходящее отъ этихъ причинъ измѣненіе въ дѣятельности души и составляетъ *природу чувства*. Поэтому чувство есть «непосредственное сознаніе (unmittelbares Innewerden) взаимнаго стѣсненія или поддержки представленій, находящихся въ данную минуту въ сознаніи». Но такъ какъ всякая поддержка представленій есть въ то же время споспѣшествованіе собственной ихъ жизненной дѣятельности (ihrer eigenen Lebensthätigkeit), то чувство можетъ быть опредѣляемо и какъ «непосредственное сознаніе временнаго подъема или пониженія нашей психической дѣятельности»[2]). Изъ этихъ формулъ ясно, что и Нагловской тоже объ-

[1]) Das Gefühlsleben. § 2, p. 45.
[2]) Ibid. p. 46—48.

яснялъ чувствованія изъ *сознательной оцѣнки внутреннихъ отношеній*; но онъ не довольствовался односторонней формулой Гербарта, а отчасти обобщилъ ее при помощи господствовавшаго у чистыхъ Кантіанцевъ понятія *жизне-дѣятельности*, какъ субстрата тѣхъ измѣненій, которыя служатъ источникомъ чувствованій. При болѣе спеціальномъ анализѣ удовольствія и страданія онъ снова возвращается къ этому понятію: контрастъ удовольствія и страданія, двухъ полюсовъ чувствительной жизни, основанъ у него естественно на контрастѣ стѣсненія представленій и споспѣшествованія ихъ развитію [1]); но болѣе глубокую причину того, что первое условіе вызываетъ страданіе, второе — удовольствіе, надо искать въ самой сущности души (im innersten Wesen d. Seele). «Настоящее бытіе души есть сознаніе; способность представленія есть жизнь души и обезпеченіе этой жизни (Lebens-Bürgschaft)». Итакъ отъ понятія представленія Нагловскій переходитъ къ понятію сознанія, а отъ послѣдняго къ понятію жизни [2]). Чтобы окончательно уяснить себѣ точку зрѣнія Нагловскаго, надо обратить вниманіе еще на одно его замѣчаніе (§ 2, Anm.), гдѣ онъ, съ своей точки зрѣнія, пытается опредѣлить причину *относительности* чувствованій. Онъ понимаетъ, что въ послѣднемъ вопросѣ заключается вопросъ о *критеріѣ* оцѣнки взаимодѣйствія между представленіями или, какъ онъ выражается, о единицѣ ихъ измѣренія (Maass-Einheit). Эта единица мѣры есть въ то же время нулевая точка въ скалѣ самосознанія, при чемъ роль *положительнаго* момента играетъ сознаніе всякаго подъема жизненной дѣятельности, а роль *отрицательнаго* момента — сознаніе всякаго пониженія послѣдней. Такая нулевая точка для каждаго человѣка въ отдѣльности и для одного и того же въ разные моменты существованія различна и состоитъ она въ томъ особомъ *среднемъ* ритмѣ психической возбужденности (psychischer Regsamkeit), который свойственъ данному индивидууму въ данный періодъ его жизни. Этотъ средній ритмъ Нагловскій называетъ жизненнымъ чувствомъ (Vitalgefühl) каждаго человѣка [3]). Итакъ Нагловскій релативистъ [4]): чувствованія, по его мнѣнію, возникаютъ изъ *сознательной оцѣнки относительной гармоніи внутреннихъ процессовъ*.

Эта точка зрѣнія (XIV) представляетъ опять прогрессъ, и только предположеніе всегда-сознательной оцѣнки, да особый, односторонній смыслъ, придаваемый понятію «внутреннихъ процессовъ», составляютъ источникъ несо-

---

[1]) Ср. ibid. § 4, p. 54 и слѣд.
[2]) Ibid. p. 56 и 57.
[3]) Ibid. p. 48—49.
[4]) Ср. подробное описаніе относительности чувствованій, тамъ же въ § 6, p. 61—68.

стоятельности ученія современныхъ намъ Гербартіанцевъ. Въ чемъ заключается односторонность этого ученія, мы уже объяснили выше. Прибавимъ только, что у Нагловскаго въ понятіи *ненормальности* (Abnormität) процессовъ мысли, какъ условіи чувствованій, еще нагляднѣе сказывается несообразность Гербартовскаго объясненія чувства изъ взаимодѣйствія представленій. Если бы условіемъ каждаго чувства дѣйствительно служила *задержка* въ нормальномъ взаимодѣйствіи представленій (помѣха этому взаимодѣйствію), то всякое чувство должно было бы быть *болызненнымъ*, а удовольствіе, заключаясь именно въ безпрепятственномъ развитіи представленій, не было бы вовсе *чувствомъ* съ этой точки зрѣнія [1]). Очевидно, теорія Гербарта ведетъ къ самымъ вопіющимъ противорѣчіямъ и парадоксамъ.

Теперь остается познакомиться съ принципами *классификаціи* чувствованій у Нагловскаго. Послѣдній признаетъ два принципа дѣленія: различіе чувствованій касается ихъ *тона* и *условій ихъ возникновенія*. Съ точки зрѣнія «тона» Нагловскій противуполагаетъ удовольстіе неудовольствію или радость страданію (Freude u. Leid). Очевидно это дѣленіе не составляетъ еще классификаціи. Означенный контрастъ имѣетъ однако послѣдствіемъ дробленіе каждой группы чувствованій въ настоящей классификаціи на два парные момента. Съ точки зрѣнія условій возникновенія, Нагловскій различаетъ a) чувствованія, которыя зависятъ отъ одной только *формы* развитія представленій, отъ тѣхъ b), которыя связаны съ *содержаніемъ* послѣднихъ: *формальныя* чувствованія противуполагаются *качественнымъ* (квалитативнымъ). Первыя могутъ быть еще *общими* и *спеціальными*, вторыя — низшими или *чувственными* и высшими или *идеальными*. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ всѣ чувствованія, связанныя съ идеями истиннаго, прекраснаго, добраго, божественнаго, т. е. интеллектуальныя, эстетическія, нравственныя и религіозныя [2]). Главное дѣленіе чувствованій, — на формальныя и квалитативныя, — по собственнымъ словамъ Нагловскаго, было намѣчено уже Гербартомъ, но лучше проведено Вайцомъ, и оно же заключалось въ принятомъ Фолькманомъ противуположеніи *зыбкихъ* и *твердыхъ* чувствованій (vage u. fixe Gef.) [3]). Только это послѣднее дѣленіе и ново въ нѣмецкой психологіи: всѣ дальнѣйшія различенія уже

---

[1]) На тоже противорѣчіе въ теоріи Нагловскаго въ другихъ выраженіяхъ указываетъ Dumont, l c., p. 100—101.

[2]) Ibid. § 3, p. 49 и слѣд

[3]) Ibid. p. 52 (Anm. 2). Русскій переводъ терминовъ vage u. fixe мы заимствовали у Троицкаго (у. с., стр. 554).

извѣстны намъ изъ прежняго. Контрастъ формальныхъ и идеальныхъ чувствованій, принятый школою Гербарта, сдѣлался весьма распространеннымъ въ наше время въ нѣмецкихъ психологическихъ сочиненіяхъ и даже перешелъ отчасти въ наши русскіе учебники (См. напр. «Курсъ опытной психологіи» И. Чистовича, гдѣ формальныя чувствованія различаются отъ предметныхъ)[1]). Въ Германіи, даже внѣ школы Гербарта, онъ нашелъ не мало послѣдователей,—такъ напр. и Горвицъ кладетъ его въ основу дѣленія спеціальнаго класса интеллектуальныхъ чувствованій. Оцѣнку его мы дадимъ впослѣдствіи.

Послѣ Нагловскаго, остановимся еще на ученіи «полу-гербардтіанца» **Лотце.** Мы уже видѣли, что въ теоріи чувства Лотце выходилъ изъ другихъ основаній, чѣмъ Гербартъ и его прямые послѣдователи. Это еще болѣе подтвердится теперь, при подробномъ изложеніи его ученія. Анализу чувствованій посвящена небольшая вторая глава второй книги «Медицинской психологіи». Но на какихъ-нибудь пятидесяти страничкахъ Лотце высказываетъ столько здравыхъ и глубокихъ мыслей, сколько у другого писателя не найдешь въ цѣломъ толстомъ томѣ. Какъ физическія, такъ и интеллектуальныя чувствованія для Лотце обозначаютъ исключительно состоянія удовольствія и неудовольствія. Первыя имѣютъ источникомъ тѣлесныя впечатлѣнія, вторыя — различныя сплетенія (Verwicklungen) представленій и стремленій. «Во всѣхъ случаяхъ мы расположены, говоритъ Лотце, объяснять удовольствіе изъ согласія (Uebereinstimmung), страданіе — изъ противорѣчія (Widerstreit) между дѣйствіемъ какого-нибудь раздраженія и однимъ изъ тѣхъ условій, съ которыми связано законообразное обнаруженіе тѣлесной или духовной жизни»[2]). Этотъ выводъ онъ выдаетъ не за апріорную необходимость, а лишь за *предположеніе*, основанное на безчисленныхъ опытахъ нашихъ, доказывающихъ, что всякое вліяніе, нарушающее гармонію нашего существованія, вызываетъ боль, а всякое вліяніе споспѣшествующаго характера производитъ, наоборотъ, удовольствіе. Но изъ одного лишь факта нарушающаго или споспѣшествующаго вліянія еще не вытекаетъ необходимость *чувства* боли или «благосостоянія». Далѣе въ понятіи души, какъ *интеллигентнаго только* существа, тоже не лежитъ еще мотива къ воспріятію перемѣнъ, въ насъ совершающихся, иначе какъ

---

[1]) Весьма сходную съ классификаціей Нагловскаго группировку чувствованій даетъ польскій психологъ Kosibę въ своей монографіи: O uczuciach ze stanowiska psychologii. Kołomyja. 1878, см. особ p 34: Klasyfikacya uczuć. Авторъ этой монографіи очевидно Гербартіанецъ, хотя онъ заимствовалъ многое и отъ другихъ нѣмецкихъ психологовъ (ср. Przemowa, p. 4).

[2]) Medicin. Psychol., l. c., p. 233.

въ формѣ совершенно безразличныхъ представленій. Словомъ сказать, мы должны имѣть особую способность чувствовать удовольствіе и страданіе, при чемъ это понятіе *особой способности* должно быть понимаемо не какъ объясненіе чувства, а лишь какъ указаніе на необходимость такого объясненія [1]).

Засимъ Лотце дѣйствительно и приступаетъ къ объясненію психическаго и физическаго механизма чувствованій. Изъ прежде приведенныхъ словъ его уже очевидно, что онъ связываетъ послѣднія съ оцѣнкою *внутреннихъ* отношеній. Болѣе точно характеръ этихъ внутреннихъ отношеній онъ старается выяснить послѣ въ параграфѣ, касающемся физіологическаго механизма чувствованій, а теперь съ большимъ тактомъ останавливается прежде всего на вопросахъ о степени *сознательности* и о степени *постоянства* характера упомянутой оцѣнки.

«Въ чувствѣ удовольствія, говоритъ онъ, не лежитъ никакого нагляднаго сознанія (Erkenntniss) согласія между раздраженіемъ и условіями существованія (организма), — оба эти фактора, а равно и форма ихъ взаимнаго отношенія остаются для насъ неизвѣстными... Какъ ощущенія, такъ и чувствованія не представляютъ собою *отраженій* (Abbildungen) соотвѣтствующихъ процессовъ, а суть лишь *послѣдствія* (Folgen) ихъ». О самыхъ процессахъ на основаніи чувствованій можно заключать только изрѣдка и то послѣ многочисленныхъ опытовъ. Только въ данномъ смыслѣ и должно понимать выраженіе, что въ чувствованіяхъ мы *сознаемъ* самую мѣру согласія или противорѣчія между раздраженіемъ и условіями жизни [2]). Изъ этой ограниченной сознательности чувствованій Лотце дѣлаетъ рядъ выводовъ. Во первыхъ, мѣра удовольствія и неудовольствія не имѣетъ никакого опредѣленнаго отношенія къ величинѣ *общей* пользы и вреда раздраженій въ отношеніи къ нашему существованію. Пріятная сладость яда, напр., не есть результатъ вліянія на насъ всѣхъ его свойствъ, а лишь частное дѣйствіе на нервы вкуса одной части этихъ свойствъ. Другія свойства яда очевидно остаются безъ всякаго вліянія на насъ, и потому правильнѣе сказать, что въ чувствованіи оцѣнивается не столько пригодность (die Zuträglichkeit) самаго раздраженія (des Reizes), сколько пригодность *возбужденія*, вызываемаго имъ (т. е. der Reizung). Во вторыхъ, эта пригодность не есть абсолютная, а лишь настоящая, единовременная (augenblickliche Uebereinstimmung): «термометръ не показываетъ утромъ той температуры, которая наступитъ днемъ». Притомъ же согласіе и нарушеніе одной функціи

---

[1]) Ibid. p. 234—236.
[2]) Ibid. p. 236.

можетъ сопровождаться обратно вредомъ или пользою для прочихъ функцій. Вообще чувство надо понимать какъ мѣру съ одной стороны *частнаго*, съ другой стороны *минутнаго* согласія между дѣйствіемъ раздраженія и условіями жизненной дѣятельности [1]). Однако это не значитъ, чтобы чувствованія, служащія мотивами стремленій нашихъ, вовсе не могли служить критеріемъ для выбора полезнаго и вреднаго. «Если, говоритъ Лотце, часто сомнѣваются въ цѣлесообразности органическихъ процессовъ, то это происходитъ большею частью оттого только, что, выходя изъ требованія *совершенной*, но *несбыточной цѣлесообразности*, и подъ вліяніемъ естественнаго неисполненія этого ожиданія, — не замѣчаютъ меньшей, но возможной службы (Leistung), выполняемой (въ нашихъ интересахъ) организмомъ» [2]). Въ предѣлахъ обычной для организма среды, удовольствіе и страданіе несомнѣнно могутъ служить показателями того, что́ ему пригодно, но только въ силу *механическаго* приспособленія, а не какого-либо непосредственнаго чутья къ полезному или вредному (unmittelbare Ahnung der Heilsamkeit)[3]).

Итакъ оцѣнка въ чувствованіяхъ безсознательная, механически-предопредѣленная конструкціей тѣла. Затѣмъ эта оцѣнка — *относительна*, и это объясняется связью ея съ конструкціей органовъ. Есть органы, которые устроены у отдѣльныхъ людей болѣе или менѣе однообразно — это органы, служащіе главнымъ орудіемъ для познанія: тутъ и чувствованія также обладаютъ бо́льшимъ однообразіемъ. Но есть органы, конструкція которыхъ весьма разнится и носитъ индивидуальный отпечатокъ: въ сферѣ дѣятельности этихъ органовъ возможно много колебаній въ чувствованіяхъ и часто встрѣчаются индивидуальныя «идіосинкрасіи». Эти мысли Лотце подтверждаетъ фактами: чѣмъ выше и объективнѣе органы ощущенія, тѣмъ съ одной стороны рѣже и слабѣе, съ другой — однообразнѣе чувствованія у людей. Органъ зрѣнія занимаетъ напр. высшее мѣсто по тонкости и интенсивности объективныхъ и по малочисленности и слабости субъективныхъ воспріятій, ему свойственныхъ [4]).

Разбирая природу нервныхъ процессовъ, связанныхъ съ чувствомъ, Лотце сначала опять возвращается къ мысли о безсознательности оцѣнки.

---

[1]) Ibid. p. 237—239.

[2]) Ibid. p. 240.

[3]) Ibid. p. 241. Напр. приспособленіе раздраженій и чувствованій въ области обычныхъ для организма средствъ питанія «schliesst nicht aus, dass ausserhalb dieses Kreises der adäquaten Lebenselemente Gifte existiren», которые, обладая обычнымъ и даже пріятнымъ для насъ вкусомъ, тѣмъ не менѣе смертельны. Вообще нельзя сказать, чтобы единственная задача чувствованій состояла въ содѣйствіи ихъ нашему самосохраненію.

[4]) Ibid. p. 242—245.

Наше сознаніе не можетъ непосредственно открыть, по его мнѣнію, въ чувствѣ тѣхъ трехъ моментовъ, изъ которыхъ оно въ сущности слагается, т. е. момента наблюденія надъ фактомъ внѣшняго воздѣйствія и условіями функціи, далѣе момента сравненія обоихъ и наконецъ момента связыванія съ послѣднимъ той или другой степени удовольствія или неудовольствія. Въ сознаніи далъ только конечный результатъ всего этого, т. е. *самое чувство*. Но развитіе всѣхъ означенныхъ моментовъ должно, однако, гдѣ-нибудь происходить, и вотъ Лотце приходитъ къ предположенію, что мѣстомъ развитія первыхъ двухъ служитъ физическій организмъ: только третій моментъ, какъ окончательный результатъ остальныхъ, принадлежитъ душѣ [1]). Однако онъ предполагаетъ возможность и такихъ случаевъ, когда физіологическій процессъ имѣетъ совершенно безразличный характеръ, и только въ самой душѣ лежатъ условія сообразности или несообразности раздраженія (напр. въ чувствѣ комическаго). Но чаще обратные случаи, когда душа воспринимаетъ уже готовыя и данныя въ тѣлѣ нарушенія отправленій или соотвѣтствія ихъ. Для объясненія *процесса* возникновенія чувствованій этого класса, Лотце ставитъ двѣ гипотезы: или основою образованія чувствованій, рядомъ съ ощущеніями, служатъ двоякаго рода *нервные* процессы (напр. Störung od. Abnutzung des Nerven, какъ причина боли), или для воспріятія удовольствія и страданія существуетъ *особый органъ*. Во всякомъ случаѣ, существованіе факта анальгезіи или анальгіи, т. е. нечувствительности къ боли, на ряду съ фактомъ анестезіи, полной нечувствительности органа, уже доказываетъ, по его мнѣнію, возможность отдѣленія нервнаго процесса, связаннаго съ чувствомъ, отъ нервнаго процесса, лежащаго въ основѣ ощущенія [2]). Изъ двухъ упомянутыхъ гипотезъ, — та, которая предполагаетъ особый центръ чувства (ein eigenes Centralorgan für d. Gefühl) и «къ которой повидимому склоняется физіологъ Гарлесъ (Harless)», кажется ему менѣе вѣроятной, и гипотезѣ двоякаго процесса въ нервахъ онъ гораздо болѣе сочувствуетъ [3]).

Такова общая теорія чувства, построенная Лотце. Очевидно, что Лотце въ своемъ объясненіи далекъ отъ Гербартіанцевъ. Во первыхъ, онъ признаетъ оцѣнку внутреннихъ отношеній *безсознательною* (т. XVI) и,

---

[1]) Ibid. p. 246· Jene beiden Glieder des Verhältnisses, Reizung u. normale Function, müssen zuerst als physische Processe existiren, sie müssen zweitens sich vergleichen, in dem sie durch Wechselwirkung ein Product erzeugen, welches nun als ein neues Motiv weiterer Ereignisse drittens die Enstehung des Gefühles in der *Seele* bedingt.

[2]) Ibid. p. 252: Diese Phänomene verrathen, говоритъ онъ, eine Ablosbarkeit des Gefuhlserzeugenden Nervenprocesses von dem nur empfindungserzeugenden.

[3]) См. подробнѣе, ibid. p. 252—260.

во вторыхъ — что́ еще важнѣе — онъ устраняетъ одностороннюю гипотезу происхожденія чувствованій изъ взаимодѣйствія *однихъ* только представленій: *отношеніе субъективнаго раздраженія къ субъективной нормѣ отправленія*, въ какой бы то ни было области органической жизни, — вотъ источникъ чувства, по его теоріи.

Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о *классификаціи* чувствованій у Лотце. Онъ весьма часто противуполагаетъ «тѣлесныя» (sinnliche) чувствованія «интеллектуальнымъ»[1]), но болѣе спеціальная классификація тѣхъ и другихъ поставлена довольно неопредѣленно въ «Медицинской психологіи». Однако въ параграфѣ о «причинахъ» различныхъ чувствованій онъ дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ *общихъ* замѣчаній о данномъ предметѣ. Прежде всего, по его мнѣнію, необходимо выдѣлить изъ области чувствованій такія состоянія, которыя только вслѣдствіе неточнаго словоупотребленія и въ виду различной доли участія въ нихъ элемента чувства, вошли въ сферу даннаго понятія. Таковы: различные *образы мыслей* (Gesinnungen), какъ напр. дружба и любовь къ отечеству, различныя *настроенія* (Stimmungen), какъ напр. уныніе и благоговѣніе, наконецъ — *аффекты* (гнѣвъ, ярость)[2]). Мысль эта вѣрная, но вполнѣ-ли вѣрно Лотце относитъ извѣстныя состоянія къ каждой изъ этихъ группъ, покажетъ *теоретическій* анализъ. Важно далѣе сознаніе сложности отдѣльныхъ, какъ интеллектуальныхъ, такъ и тѣлесныхъ чувствованій у Лотце. Наконецъ, важнѣе всего изслѣдованіе вопроса, отчего зависитъ специфическій характеръ отдѣльныхъ чувствованій пріятныхъ, и непріятныхъ: предположеніе, что различіе чувствованій лишь *квантитативно*, что различное качество удовольствія и страданія зависитъ лишь отъ примѣси къ послѣднимъ другихъ элементовъ психической дѣятельности, вытекающихъ изъ данной обстановки, — словомъ сказать, что первоначально всѣ чувствованія обладаютъ «однообразнымъ» качествомъ, по его мнѣнію, не нужно, да и невѣроятно[3]). Какъ различны другъ отъ друга цвѣтовыя и свѣтовыя ощущенія, такъ различны могутъ быть другъ отъ друга — воспріятіе интенсивности и воспріятіе специфической формы отношенія между извѣстными впечатлѣніями и условіями дѣятельности соотвѣтствующихъ органовъ[4]). При спеціальномъ анализѣ чувственныхъ удовольствій и страданій въ разбираемой главѣ «Медицинской психологіи» и интеллектуальныхъ чувствованій въ другихъ мѣстахъ сочиненія Лотце подробно примѣняетъ разсмотрѣнныя нами положенія.

---

[1]) Ср. ibid p. 233, 253, 261 и др

[2]) Ibid. p. 260.

[3]) Ibid p. 261 и 262.

[4]) Ibid. p. 263.

Вопросъ о настоящей причинѣ того, почему согласіе (симметрія) нервныхъ состояній производитъ удовольствіе и обратно, остается нерѣшеннымъ у Лотце, да онъ и не считаетъ возможнымъ на него отвѣтить: выяснены могутъ быть вообще только тѣ *фактическія условія,* на которыхъ основаны чувствованія пріятнаго и непріятнаго въ различныхъ сферахъ [1]). Изслѣдованіе этихъ условій имѣетъ уже конечно болѣе спеціальный чѣмъ общій интересъ, и за недостаткомъ времени мы оставляемъ въ сторонѣ разборъ этихъ подробностей.

Лотце составляетъ очевидно переходное звено отъ нѣмецкихъ полуэмпириковъ и полуреалистовъ, каковы Гербартіанцы, къ настоящимъ эмпирикамъ и реалистамъ, напр. Вундту и Горвицу. Но прежде чѣмъ заняться ученіями послѣднихъ, мы еще должны коснуться направленій Бенеке и Шопенгауэра. Что касается перваго, то для нашихъ цѣлей достаточно будетъ ознакомиться съ той главой его «Психологіи, какъ естественной науки», которая посвящена разбору чувствованій.

Мы видѣли, что «чувствованія» для **Бенеке** составляютъ ту форму сознанія, которая возникаетъ изъ сравненія двухъ или болѣе психическихъ актовъ между собою. Поэтому онъ опредѣляетъ чувство и какъ «непосредственное сознаніе свойства нашей дѣятельности и нашихъ состояній» [2]). Но это опредѣленіе имѣетъ у него гораздо болѣе широкій смыслъ, чѣмъ къ какому мы привыкли. Дѣло въ томъ, что Бенеке вообще усвоилъ себѣ то обширное пониманіе термина *чувства*, какое господствовало у большей части нѣмецкихъ психологовъ первой половины нашего вѣка [3]), и если чувство, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ сравненія нѣсколькихъ элементовъ сознанія, то вѣрно будетъ, съ его точки зрѣнія, и обратное утвержденіе, что всякое сравненіе, сопоставленіе, сознаніе нѣсколькихъ внутреннихъ актовъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, есть чувство. Но такъ какъ такое сознаніе отношеній вообще не всегда выражается въ формѣ удовольствія и страданія, то совокупность явленій этихъ двухъ классовъ еще не наполняетъ всего содержанія понятія «чувства».

Такъ какъ чувство есть сознаніе свойствъ нашихъ состояній, а такое сознаніе возможно лишь при сравненіи ихъ отношенія къ другимъ — на-

---

[1]) Ср. ibid. p. 272.

[2]) Lehrb. d. Psych., als Naturwiss., l. c., VII cap., § 235 (p. 170).

[3]) Труды Бенеке, какъ извѣстно, тоже принадлежатъ этой эпохѣ. Его Lehrbuch d. Psych., als Naturwissenschaft вышелъ 1-мъ издан. въ 1833, вторымъ въ 1845 г. Кромѣ того уже въ 1825 онъ напечаталъ свои Skizzen z Naturlehre d. Gefühle Gottingen (492 стр. in 8°). Однако наибольшее процвѣтаніе системы Бенеке относится къ 50-мъ и отчасти 60-мъ годамъ, поэтому мы и помѣстили его на ряду съ современными писателями.

стоящимъ или прошедшимъ, то въ область каждаго чувствованія входятъ два психическія образованія (Gebilde od. Seelenentwickelungen): одно, *которое* мы чувствуемъ, и другое, *по отношенію къ которому* первое чувствуется (gegen welche dieselbe gefuhlt wird), или *основаніе чувства* (Gefühlsgrundlage). Впрочемъ эти два образованія могутъ быть и *оба* чувствованіями и основами чувствованій—въ отношеніи другъ къ другу [1]). Если всякое взаимное измѣреніе психическихъ актовъ въ сознаніи должно выражаться въ формѣ чувства, то естественно, что всѣ *сознательныя* психическія образованія могутъ быть разсматриваемы какъ чувствованія: ибо ни одно изъ нихъ не тождественно вполнѣ другому и рядомъ съ каждымъ есть въ сознаніи какое-нибудь другое, болѣе или менѣе различное и могущее служить масштабомъ для измѣренія перваго. Но чувствованіями въ собственномъ смыслѣ называются продукты лишь *болѣе замѣтныхъ* различій (d. auffallenderen Verschiedenheiten) [2]). Тѣлесные процессы, на сколько они могутъ быть сознаваемы нами, тоже могутъ давать знать о себѣ въ формѣ чувствованій [3]).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что и Бенеке, подобно Гербарту, ставитъ чувствованія въ зависимость отъ оцѣнки *внутреннихъ* отношеній, но только, какъ и Лотце, не отождествляетъ «внутреннихъ» отношеній съ отношеніями «представленій». Во всякомъ случаѣ и у Бенеке чувствованія имѣютъ значеніе *субъективныхъ* феноменовъ сознанія. Однако, признавая это, онъ дѣлаетъ оговорку, что и характеръ *объективныхъ* отношеній, дѣлающихся при помощи воспріятія «составными элементами» души, можетъ также «подчиненнымъ способомъ» отражаться въ чувствованіяхъ [4]).

Такъ какъ въ сознаніи могутъ находиться рядомъ весьма различные душевные акты, то число возможныхъ формъ чувства безконечно велико. Но главныхъ формъ однако четыре: чувствованія опредѣляются или 1) свойствомъ объективныхъ отношеній, на сколько они сдѣлались субъективными, или 2) свойствами «первоначальныхъ» силъ нашихъ и отношеніями ихъ къ раздраженіямъ (Reizungsverhältnisse), или 3) сочетаніемъ (Zusammenbildungen) однородныхъ образованій, или 4) сочетаніемъ неоднородныхъ образованій [5]). Необходимо болѣе точно выяснить, что̀ именно разумѣлъ Бенеке въ этихъ опредѣленіяхъ.

---

[1]) Ibid. p. 170.

[2]) Ibid. § 236 (p. 171).

[3]) Ibid § 237 (p. 172).

[4]) Ibid. § 238.

[5]) Ibid. § 239 (p. 173). Переводъ собственныхъ формулъ Бенеке не буквальный, но всетаки настолько точный, насколько допускало различіе нѣмецкихъ и русскихъ оборотовъ.

Къ первой категоріи чувствованій относятся тѣ, которыя въ школѣ Гербарта принято называть формальными: чувства контраста, перемѣны, новости, удивленія и т. д. Основаніемъ для измѣренія (Messungsgrundlage) составляютъ въ этой области: сознаніе настоящей смѣны представленій, совокупность нашихъ взглядовъ и принциповъ, наконецъ общія точки зрѣнія науки, морали и т. д. Общая черта всѣхъ этихъ чувствованій состоитъ въ противодѣйствіи другу другу (Entgegenstreben) представленій и въ проистекающей отсюда задержкѣ въ ихъ развитіи. Но самое повышеніе или пониженіе (Steigerung u. Herabstimmung) психической дѣятельности не составляетъ необходимаго условія этихъ чувствованій, а есть только *посредственный* и возможный продуктъ ихъ развитія. Впрочемъ одни чувствованія *по существу* могутъ оказаться пріятными, другія могутъ быть то пріятными, то непріятными, третьи могутъ составлять смѣсь обоихъ состояній [1]).

Ко второй категоріи относятся чувствованія, вытекающія а) изъ сознанія основныхъ свойствъ нашихъ силъ (при сравненіи другъ съ другомъ), напр. чувство крѣпости, жизненности ихъ и т. д.; b) изъ сознанія отношенія между «первоначальными силами» и раздраженіями; отсюда и вытекаютъ чувствованія удовольствія, неудовольствія, пресыщенія (Ueberdruss) и боли [2]). Отчего зависитъ различіе послѣднихъ, мы уже сказали [3]). Происхожденіе этихъ чувствованій можетъ быть основано и на *репродукціи* [4]). Въ частности, развитіе пріятнаго возбужденія (der Lustreizung) можетъ имѣть двоякое основаніе: задержанная сила подвергается или живому возбужденію (lebhafte Erregung) или подъему. Въ первомъ случаѣ возникаетъ чувство пріятнаго, во второмъ — чувство возвышеннаго; соединеніе обоихъ видовъ возбужденія даетъ начало чувству прекраснаго [5]). Условія происхожденія всѣхъ чувствованій второго класса *относительны*, ибо появленіе ихъ зависитъ не отъ одного характера впечатлѣній, а и отъ свойства возбуждаемыхъ силъ. Развитіе души, какъ основы для индивидуальныхъ различій, представляетъ столько же количественныя, сколько и качественныя ступени совершенства [6]).

Къ третьему порядку относятся чувствованія, зависящія отъ количества однородныхъ слѣдовъ въ душѣ; первое мѣсто между ними

---

[1]) Ibid. §§ 240—242.
[2]) Ibid. § 243 и 244.
[3]) Ср. выше, стр. 112 и у Бенеке § 58.
[4]) Ibid. § 245 (p. 176).
[5]) Ibid. § 246.
[6]) Menge d. Vorstellungen, Tiefe u. Innigkeit d. Durchbildung einzelner. Ibid. § 248 (p. 177 и 178).

занимаютъ: чувство ясности и чувство темноты; при этомъ Бенеке замѣчаетъ, что различная степень ясности въ той же мѣрѣ принадежитъ чувствованіямъ, какъ и представленіямъ. Глубина (Innigkeit) чувствованій удовольствія, неудовольствія и т. д. зависитъ тоже отъ степени накопленія однородныхъ слѣдовъ[1]). Количествомъ слѣдовъ и репродукцій, какъ условіемъ ясности чувствованій въ сознаніи, Бенеке объясняетъ между прочимъ и всѣ отклоненія отъ нравственнаго закона, т. е. всѣ неправильности въ оцѣнкѣ достоинства вещей. Дѣло въ томъ, что, строго говоря, всѣ факторы этой оцѣнки, т. е. извѣстныя первоначальныя силы, извѣстныя возбужденія ихъ и законы психическаго развитія даны въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ людямъ, а потому и продукты ихъ взаимодѣйствія, т. е. чувства, должны бы быть одинаковы. На этомъ основывается однообразіе нравственныхъ законовъ, опредѣляющихъ наше отношеніе къ вещамъ. Если за всѣмъ тѣмъ возможны отклоненія, то они объясняются неправильнымъ отношеніемъ ясности пріятныхъ ощущеній «низшаго» и «высшаго» порядковъ[2]). Такимъ образомъ Бенеке пытается дать особую психологическую подкладку абсолютизму нравственныхъ требованій, пытаясь примирить его въ то же время съ фактически-существующимъ релативизмомъ въ сужденіяхъ о добрѣ. Такъ или иначе, Бенеке признаетъ во всѣхъ *конкретныхъ* случаяхъ относительность чувствованій.

Къ четвертой категоріи относятся, какъ мы сказали, чувствованія, основанныя на сочетаніи неоднородныхъ образованій. Такое сочетаніе основано либо на тождественномъ, либо на сходномъ *настроеніи*, вызываемомъ предметами съ различнымъ объективнымъ содержаніемъ: чувствованія, возникающія такимъ образомъ, представляютъ подъемъ настроенія пріятнаго или непріятнаго; сюда же относятся и тѣ формы чувства, въ которыхъ сочетаніе разнороднаго происходитъ болѣе въ силу *внѣшней* связи (чувство чести, гордости, симпатіи и т. д.). При противуположности настроеній происходитъ взаимное ограниченіе образованій, сообразно со степенью этой противуположности и отсюда возникаютъ такія чувствованія, какъ надежда, страхъ и пр.[3]).

Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ очевидно много произвольнаго и случайнаго, много туманныхъ и образныхъ выраженій. Все то же самое можно было сказать проще и яснѣе, и это дѣлаетъ самъ Бенеке, когда послѣ первой, отвлеченной классификаціи возвращается къ старому различенію

---

[1]) Ibid. § 250—254.
[2]) Ibid. §§ 255—262 и слѣд.
[3]) Ibid. § 269 и слѣд.

чувствованій по ступенямъ развитія души на тѣлесныя (sinnliche Gefühle od. vielmehr sinnliche Empfindungen), эстетическія, интеллектуальныя (куда относятся также Selbst- und Ehrgefühl, gesellige u. gesellschaftliche Gefühle) и нравственныя[1]). Впрочемъ самая *классификація* чувствованій очевидно составляетъ для него второстепенную задачу. Для насъ гораздо важнѣе, что и въ разсмотрѣнныхъ нами отвлеченныхъ опредѣленіяхъ вездѣ замѣтно стремленіе Бенеке поставить всѣ чувствованія въ зависимость отъ внутреннихъ отношеній: то представленій между собою, то силъ, то силъ и раздраженій другъ къ другу, то раздраженій и слѣдовъ, то наконецъ настроеній... Критерій оцѣнки всѣхъ такихъ отношеній Бенеке всегда повидимому считаетъ индивидуальнымъ; что же касается до степени ея сознательности, то этотъ вопросъ поставленъ у него не такъ ясно, но вѣроятнѣе однако, что онъ сочувствовалъ гипотезѣ *сознательной* оцѣнки, такъ какъ факторами при образованіи чувствованій вездѣ у него являются только одни акты *сознанія*. Вообще, стало быть, подобно Гербартіанцамъ, Бенеке склонялся къ объясненію чувствованій изъ сознательной оцѣнки относительной гармоніи внутреннихъ процессовъ (XIV). Различіе между его теоріей и теоріею Гербарта заключается только въ подробностяхъ. Что же касается до классификаціи чувствованій, то произвольность и условность ея такъ рѣзко бросаются въ глаза, что мы не считаемъ нужнымъ подробнѣе останавливаться на ея разборѣ.

Школа **Шопенгауэра** представляетъ для нашего времени совершенно необычное направленіе въ рѣшеніи всѣхъ вообще психологическихъ вопросовъ. Мы уже видѣли напр., что Шопенгауэръ и Гартманъ возвратились къ старой постановкѣ чувствованій въ тѣсную связь съ явленіями воли. Отсюда уже можно предполагать, что и объясненіе условій удовольствія и страданія у нихъ совершенно иное, чѣмъ у другихъ современныхъ писателей, и это подтверждается извѣстнымъ парадоксомъ Шопенгауэра, что одно только страданіе — положительный феноменъ: удовольствіе имѣетъ лишь отрицательный характеръ, это есть кратковременное «прекращеніе», «отсутствіе» страданія. Аргументація Шопенгауэра, какъ передаетъ её Гартманъ, слѣдующая: воля, пока она существуетъ, является *неудовлетворенною,* ибо иначе ея бы и не было болѣе, но неудовлетворенная воля есть недостатокъ, потребность, *неудовольствіе;* когда же она удовлетворяется, то неудовольствіе исчезаетъ, и это производитъ чувство удовлетворенія или *удовольствія;* удовольствій другого рода и не существуетъ[2]). Такая постановка

---

[1]) Ibid. § 286 (p. 204).

[2]) Hartmann. Philos. d. Unbew., VI Aufl. (1874), p. 157.

вопроса очевидно составляетъ прямую репродукцію эпикурейскаго ученія[1]).

Теорія самого **Гартмана** имѣетъ нѣсколько иное направленіе. Гартманъ не согласенъ признать удовольствіе за исключительно отрицательный феноменъ. Онъ не отвергаетъ того, что всякое прекращеніе и уменьшеніе страданія есть удовольствіе; однако, по его мнѣнію, нельзя сказать обратно, что всякое удовольствіе есть прекращеніе или уменьшеніе страданія; притомъ вѣдь и всякое прекращеніе или уменьшеніе удовольствія есть страданіе[2]). Стало быть вообще, и удовольствіе и страданіе въ одинаковой степени могутъ быть *позитивны* и *негативны*; нулевою же точкою будетъ всегда «безразличіе» чувства (die Indifferenz d. Gefühls)[3]). Однако и Гартманъ согласенъ съ тѣмъ, что на сторонѣ страданія существуетъ замѣтный *перевѣсъ*: во первыхъ и удовольствіе, подобно страданію, раздражаетъ нервную систему и можетъ окончиться непріятнымъ для насъ состояніемъ; во вторыхъ, дѣйствительно значительная часть удовольствій всетаки обязана происхожденіемъ своимъ прекращенію страданія, т. е. имѣетъ *непрямое* происхожденіе (indirecte Entstehung); въ третьихъ, удовольствіе, какъ результатъ *удовлетворенія* воли, возникаетъ однако только тогда, когда мы имѣемъ позади себя противуположные опыты (т. е. помнимъ случаи неудовлетворенія воли), — между тѣмъ присутствіе неудовлетворенной воли *всегда* сопровождается сознаніемъ неудовольствія; наконецъ, въ четвертыхъ, — удовольствіе удовлетворенія чрезвычайно кратковременно въ сравненіи съ продолжительностью страданія, связаннаго съ неудовлетворенной волей. Изъ этихъ соображеній вытекаетъ *практическій выводъ*, сходный съ Шопенгауэровской теоріей, а именно, что зла въ мірѣ гораздо болѣе, чѣмъ добра, — выводъ, дѣлающій и Гартмана пессимистомъ[4]). Но все это впрочемъ практическіе вопросы. Гартманъ даетъ рѣшеніе и нѣкоторыхъ *теоретическихъ* задачъ, насъ интересующихъ. Изложимъ вкратцѣ его положенія.

Во первыхъ, понятіе чувства для Гартмана обнимаетъ совершенно правильно только явленія удовольствія и страданія[5]). Во вторыхъ, какъ мы уже видѣли[6]), удовольствіе для него обыкновенно равносильно сознанію

---

[1]) Ср. Dumont., l. c., p. 27.

[2]) Hartmann, ibid. p. 656.

[3]) Ibid. p. 215 и 657.

[4]) Ср. ibid. p. 657—660.

[5]) Ср ibid. B. Cap. III (Das Unbew. im Gefühl) и C. Cap. III. 2, p. 403: Das G. kann Lust o. Unlust, Befriedigung o. Unbefriedigung d. Willens sein.

[6]) Ср. выше, стр. 110.

удовлетворенной воли, страданіе—обратно. Теорія его, стало быть, относится къ третьему порядку (см. стр. 144, С). Болѣе точное значеніе ея опредѣлить довольно трудно. Гартманъ правда указываетъ иногда на относительность чувствованій[1]), но не настаиваетъ на этомъ положеніи такъ ясно, какъ другіе писатели. Вопросъ о степени сознательности чувствованій не разъ подвергается анализу, но рѣшеніе его повидимому двоякое: очевидно, что по теоріи Гартмана удовольствіе *обыкновенно* является результатомъ удовлетворенія *сознательной* воли, т. е. сознательнымъ прекращеніемъ сознательнаго страданія. Но съ другой стороны онъ признаетъ и такія удовольствія, основа которыхъ безсознательная и притомъ въ двоякомъ смыслѣ: 1) въ смыслѣ присутствія въ насъ *безсознательной воли* (unbewusster Wille), примѣромъ чему служатъ удовольствія, связанныя съ удовлетвореніемъ инстинктовъ (когда мать радуется новорожденному ребенку и т. д.), и чувственныя удовольствія и страданія нервнаго происхожденія (возможность таковыхъ онъ подтверждаетъ авторитетомъ Лотце), и 2) въ смыслѣ возможности *безсознательныхъ представленій*, т. е. безсознательности самыхъ *объектовъ* воли (хотѣнія и нехотѣнія), и затѣмъ безсознательности даже *тѣхъ воспріятій*, изъ которыхъ непосредственно возникаетъ чувство (такъ какъ эти воспріятія могутъ принадлежать и другимъ, *безсознательнымъ* центрамъ[2]). Изъ этого всего ясно, что Гартманъ считаетъ оцѣнку, дающую начало чувствованіямъ, то сознательною, то безсознательною (т. е. признаетъ и X и XII спос. толков.).

Классификація чувствованій у Гартмана остается въ сторонѣ, ибо, кромѣ обычнаго контраста чувственныхъ и интеллектуальныхъ удовольствій и страданій, мы не находимъ у него никакихъ разграниченій. Но зато онъ подробно останавливается на одномъ принципіальномъ вопросѣ, съ которымъ мы познакомились уже изъ «Медицинской психологіи» Лотце, а именно относительно того, различаются ли удовольствія (и страданія) другъ отъ друга *качественно*, или различіе ихъ состоитъ только въ различной *интенсивности*. Вопросъ этотъ, въ противуположность Лотце, онъ рѣшаетъ во второмъ смыслѣ и аргументація его довольно убѣдительная. Дѣло въ томъ, что возможность «сравненія и взаимнаго измѣренія» удовольствій различнаго рода, страданій различнаго рода, и наконецъ удовольствій и страданій въ ихъ отношеніи другъ къ другу уже доказываетъ по его мнѣнію, однородность этихъ явленій, ибо измѣрять можно только равное равнымъ (Gleiches mit Gleichem). Предпочтеніе однихъ удовольствій другимъ возможно тоже лишь подъ усло-

---

[1]) Ср. ibid. p 215.
[2]) Ibid. p. 217—221.

віемъ, чтобы различіе ихъ было только количественное, а не качественное. Въ виду этого, даже физическія и психическія удовольствія и страданія должны быть однородны другъ другу. Качественное же различіе очевидно зависитъ только отъ *обстановки*, т. е. отъ различія соотвѣтствующихъ воспріятій (объективнаго характера). Конечно элементъ воспріятій, служащихъ источникомъ или сопровождаемыхъ удовольствіемъ и страданіемъ, весьма трудно отдѣлить отъ послѣднихъ, но это отдѣленіе всетаки *возможно*, ибо оба элемента относятся другъ къ другу, какъ причина и дѣйствіе. Даже различная локализація чувствованій должна быть отнесена, по мнѣнію Гартмана, на счетъ воспріятій: напр. боль «сама по себѣ не имѣетъ мѣста» (ist ortslos). Стало быть всѣ соображенія подтверждаютъ, что удовольствіе и страданіе во всѣхъ чувствованіяхъ одного и того же качества [1]). Мы не будемъ рѣшать въ данную минуту, кто правъ — Лотце или Гартманъ, но важно было всетаки теперь же обратить вниманіе читателя на самый фактъ постановки даннаго вопроса въ *современной* психологіи [2]).

Предполагая въ концѣ настоящей главы подвергнуть болѣе подробному анализу самыя *послѣднія*, *крупныя* явленія въ исторіи занимающаго насъ предмета, мы пока оставимъ нѣмцевъ и обратимся къ французамъ и англичанамъ [3]).

Во Франціи анализъ чувствованій въ собственномъ смыслѣ сталъ привлекать психологовъ только въ послѣднія два десятилѣтія, и труды Булье и Дюмона представляютъ лучшее, что́ дала французская психологія съ этой области. Монографіи Булье и Дюмона уже потому имѣютъ важное историческое значеніе, что по поводу ихъ имѣли случай высказать свои убѣжденія и другіе французскіе ученые — въ журнальныхъ статьяхъ и рецензіяхъ (напр. въ Revue philosophique и въ Revue scientifique). Всю эту спеціальную психологическую литературу вопроса во Франціи мы разсмотримъ ниже болѣе подробно. До шестидесятыхъ годовъ у французскихъ писателей «физіологія страстей» преобладала надъ «физіологіей чувства». Мы видѣли уже выше, что такіе психологи 50-хъ годовъ, какъ Гарнье, Ренувье и Лелю, смѣшивали явленія воли и чувства въ понятіяхъ «наклонностей,

---

[1]) Ср ibid. p. 210—215.

[2]) Ср. выше, стр. 266, мнѣніе Пэлея.

[3]) Мелкихъ монографій о чувствѣ, появившихся въ послѣднее время въ Германіи, какова напр. монографія Карнери (Carneri. Gefuhl, Bewusstsein u Wille. 1876. Wien), мы не будемъ вовсе касаться за недостаткомъ времени и мѣста. Монографія Юнгмана (Jungmann, Das Gemuth u. das Gefuhlsverm der neur. Psychol. Innsbt. 1869), послѣдователя дихотоміи Круга, представляетъ, судя по Фолькману (ср. ib. II, p. 296 и 301), болѣе крупный фактъ въ литературѣ вопроса, но къ сожалѣнію мы лично не имѣли возможности ознакомиться съ этой книгой.

сердца, страстей». **Гарнье** посвящаетъ напр. четвертую книгу въ I т. своего «Трактата о способностяхъ души» анализу *наклонностей*. «Всякая наклонность, говоритъ онъ, испытываетъ наслажденіе въ присутствіи своего объекта и страдаетъ въ его отсутствіи, а особенно, если присутствуетъ объектъ обратнаго свойства»; поэтому каждая наклонность имѣетъ два проявленія (deux modes): съ одной стороны веселый аффектъ (la passion gaie), ступени котораго суть: удовольствіе, любовь, желаніе, надежда, чувство безопасности (la sécurité) и чувство благодарности; съ другой стороны, аффектъ печали (la p. triste), проявляющійся въ формахъ страданія, ненависти, отвращенія, страха, сожалѣнія и чувства мщенія (le ressentiment)[1]). Изъ этихъ словъ уже видно, что удовольствіе и страданіе имѣютъ лишь *частный* характеръ въ ряду феноменовъ, разбираемыхъ Гарнье въ этой части сочиненія: потребности, инстинкты, наклонности и страсти въ одинаковой мѣрѣ подвергаются здѣсь анализу. Какъ понимается отношеніе всѣхъ этихъ понятій, видно напр. изъ слѣдующаго опредѣленія: «страсть, говоритъ Гарнье, есть удовольствіе или страданіе, вытекающее изъ удовлетворенія или неудовлетворенія наклонности»[2]). Стало быть, удовольствіе и страданіе ставятся во всякомъ случаѣ въ зависимость отъ успѣшнаго развитія нашей дѣятельности въ отношеніи къ *внѣшнимъ* объектамъ.

Ренувье въ главѣ о страстяхъ стоитъ почти на той же точкѣ зрѣнія. Страсть, по его теоріи, основана на сравненіи двухъ состояній души: первоначальнаго и конечнаго; первоначальное обыкновенно отличается характеромъ *несовершенства*, конечное состоитъ въ *относительномъ совершенствѣ* (perfection relative); но возможенъ однако и обратный случай, что конечное состояніе представляется *будущимъ несовершенствомъ*, — тогда первоначальное является относительно совершеннымъ. Стремленіе наше (la tendance) является «позитивнымъ», когда мы представляемъ себѣ переходъ отъ несовершенства къ совершенству, въ обратномъ случаѣ оно «негативно». На этомъ основано различіе желанія и отвращенія[3]). Когда совершенство или несовершенство переходятъ изъ состоянія возможности въ состояніе дѣйствительности, то возникаютъ аффекты радости и печали[4]). Радость и печаль суть удовольствіе и страданіе *сознанія* нашего и надо отличать ихъ отъ простыхъ *ощущеній* удовольствія и страданія; послѣднія составляютъ конечную цѣль многихъ страстей, но сами не могутъ быть названы стра-

---

[1]) Traité des fac. de l'âme. T. I, p. 97.
[2]) Ibid. p. 296.
[3]) Traité de phychol. rationn. T. I, p. 251 и 252.
[4]) Ibid. p. 265.

стями[1]). Однако очевидно всетаки, что удовольствіе и страданіе, во всѣхъ видахъ, представляютъ результатъ удовлетворенія или неудовлетворенія нашихъ *стремленій*, а потому и конечную ихъ цѣль. Только объектами этихъ стремленій считаются не конкретные предметы, а абстрактныя понятія, напр. *полезнаго*, *необходимаго* и *пріятнаго*[2]), реализація которыхъ зависитъ впрочемъ болѣе или менѣе и отъ присутствія или отсутствія внѣшнихъ объектовъ.

Лелю въ главѣ «физіологія страстей» прежде всего даетъ алфавитный списокъ (85) понятій, относящихся къ этой области явленій, составленный на основаніи Платона, Аристотеля, Цицерона, Декарта, Гоббеса и другихъ авторитетовъ. Въ этотъ списокъ входятъ и такія названія, какъ трауръ, насмѣшка, плачъ, забота и проч.[3]). Стараясь найти какіе-нибудь общіе принципы классификаціи страстей, Лелю между прочимъ приводитъ ихъ дѣленіе на страсти счастливыя и несчастныя или болѣзненныя (douloureuses); къ первому типу относятся — любовь, удовольствіе и желаніе, ко второму — печаль и боль. Стремясь болѣе точно разграничить страсти отъ наклонностей, желаній и другихъ смежныхъ состояній, Лелю опредѣляетъ моменты страсти довольно сходно съ Малебраншемъ[4]).

Вообще у всѣхъ названныхъ писателей 50-хъ годовъ мы встрѣчаемъ общее расположеніе возвратиться къ тому пониманію термина passion, какое господствовало до XVIII вѣка, особенно у Декарта, Малебранша и др. представителей той же школы; явленія воли и чувства естественно сливались другъ съ другомъ при такомъ пониманіи, и чувства пріятнаго и непріятнаго такъ или иначе ставились въ зависимость отъ успѣха нашей дѣятельности въ виду извѣстныхъ *цѣлей*.

Это направленіе въ послѣднее время выразилось въ цѣломъ рядѣ французскихъ монографій о страстяхъ, напр. Летурно, Малье, Мажи и др. **Летурно** ставитъ всѣ страсти въ зависимость отъ нашихъ *потребностей* (besoins), которыя дѣлитъ на 1) потребности питанія (въ частности: besoins de circulation, de respiration, de digestion), 2) потребности сензитивныя (besoin voluptueux, besoins d'exercer les sens spéciaux) и 3) потребности церебральныя, въ частности — аффективныя и интеллектуальныя[5]). Элементами страсти онъ считаетъ впечатлительность (impressionabi-

---

[1]) Ibid. p. 266.
[2]) Ср. ibid. p. 256.
[3]) Physiol. de la pensée, l. c., p. 192.
[4]) Ibid. p. 202.
[5]) Physiol. des passions, l. c., p. 9.

lité), феномены желанія и воли и волненіе. Подъ впечатлительностью онъ разумѣетъ способность человѣка испытывать удовольствіе и страданіе, какъ скоро «вибрація нервныхъ фибръ» переходитъ за нормальные предѣлы (въ этихъ нормальныхъ предѣлахъ впечатлѣнія безразличны)[1]. Объясненіе удовольствія и страданія у Летурно такимъ образомъ *физіологическое*, но это не мѣшаетъ ему ставить эти явленія въ концѣ концовъ въ зависимость отъ нашихъ потребностей, т. е. инстинктивныхъ стремленій, «очевиднымъ импульсомъ» для которыхъ служатъ желанія. Малье (De l'essence des passions. Paris. 1877) и ранѣе его Дескюре (La médecine des passions, въ русск. перев. Москва. 1870) разсматриваютъ страсти, какъ проявленія безпорядочной и ненормальной дѣятельности тѣла и души, т. е. имѣютъ въ виду дать *патологію* страстей, первый — болѣе съ психологической, второй съ физіологической точки зрѣнія[2]. Разумѣется, конечная цѣль этихъ трактатовъ практическая, нравственная. Для насъ они имѣютъ мало цѣны, ибо въ нихъ понятіе страсти принимается въ томъ совершенно спеціальномъ значеніи, которое придается ему популярною рѣчью.

Мажи (Magy. Les passions. 1878) находитъ въ каждой страсти слѣдующіе пять элементовъ: 1) отношеніе къ идеальному или реальному объекту, который составляетъ цѣль страсти; 2) удовольствіе или страданіе, вытекающее изъ обладанія или необладанія объектомъ; 3) тѣсное отношеніе (rapport intime) къ естественному предрасположенію чувствовать (à une prédisposition naturelle de la sensibilité); 4) непрерывный интересъ къ объекту, увеличивающему желаніе или отвращеніе; 5) постоянное расположеніе воли ко всякому дѣйствію, могущему доставить намъ предметъ нашей страсти. Главною основною страсти, по мнѣнію Мажи, служитъ врожденное стремленіе души развивать силы или энергіи, ей присущія, осуществлять идеальный типъ своей природы. Поэтому въ сущности въ человѣкѣ есть только одна страсть, «страсть къ идеалу»[3]. Изъ всего этого можно заключать, что удовольствіе и страданіе, по теоріи Мажи, должны быть связаны съ сознательною оцѣнкою абсолютнаго достоинства нашей дѣятельности въ отношеніи къ объектамъ.

Мы дали здѣсь краткій очеркъ развитія теоріи страстей во Фран-

---

[1]) Ibid L. II. Ch. I, p. 94 и слѣд.

[2]) Впрочемъ классификація страстей, наоборотъ, у Малье основана на физіологическихъ началахъ (онъ различаетъ: органическія, органически-церебральныя и церебральныя страсти), а у Дескюре на особомъ психологическомъ принципѣ (животныя, соціальныя и интеллектуальныя страсти) Болѣе подробный разборъ книги Малье читатель найдетъ въ Rev. Philos., Juin 1879, p. 686 — 692 (G. Compayré).

[3]) См. отчетъ о засѣданіи франц. Акад. Наукъ, 2 Ноября, 1878 г. (Le Temps, 11 Nov. 1878).

пузской психологіи главнымъ образомъ для того, чтобы показать, насколько понятіе аффекта или страсти, прежде тѣсно связанное съ понятіями пріятнаго и непріятнаго, постепенно обособилось отъ послѣднихъ, и какую второстепенную роль въ теоріи аффектовъ играетъ въ наше время анализъ удовольствія и страданія. Но этимъ же самымъ очеркомъ мы выяснили также и то, что и до сихъ поръ существуетъ во Франціи направленіе, ставящее удовольствіе и страданіе въ зависимость отъ сознательнаго или безсознательнаго, относительнаго или абсолютнаго осуществленія или неосуществленія *воли*, *стремленій*.

Любопытно, что къ этому направленію до извѣстной степени примыкаетъ и одинъ изъ главныхъ современныхъ послѣдователей англійскаго эмпиризма во Франціи, **Рибо**, въ своемъ сочиненіи «О наслѣдственности». Отождествляя чувствованія съ субъективными феноменами пріятнаго и непріятнаго, онъ сначала ставитъ ихъ въ зависимость отъ особыхъ состояній нашихъ органовъ, связанныхъ съ процессами жизни (processus vitaux), или отъ какихъ-нибудь воспоминаній нашихъ (о таковыхъ состояніяхъ?), почему и противуполагаетъ *реальныя* чувствованія *идеальнымъ*[1]); но въ состояніи тканей онъ видитъ, такъ сказать, лишь эмпирическую причину чувствованій. «Что же касается до философскаго изученія *послѣдней* причины чуствительныхъ феноменовъ, то въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, говоритъ онъ, что не было прибавлено ничего существеннаго къ тому, что сказалъ Спиноза». Далѣе оказывается, что Рибо находитъ конечное объясненіе чувства въ *желаніи:* удовольствіе и страданіе увеличиваютъ или уменьшаютъ бытіе (l'être), источникъ всѣхъ аффектовъ — любовь наша къ самимъ себѣ, и проч.[2]). Достаточно ли широко Рибо понимаетъ ученіе Спинозы — особый вопросъ; но во всякомъ случаѣ чувствованія служатъ для него показателями степени осуществленія вложенныхъ въ насъ отъ природы «стремленій».

На ряду съ этимъ направленіемъ во Франціи господствуетъ другое, объясняющее удовольствіе и страданіе гармоніей внутреннихъ силъ и процессовъ, безъ всякаго отношенія къ *волѣ*. Это направленіе, какъ мы увидимъ ниже, несомнѣнно составляетъ послѣднее слово французской психологіи въ данной области, ибо оно находитъ себѣ опору и въ современныхъ физіологическихъ теоріяхъ.

Въ Англіи возстановленіе «физіологической» теоріи, забытой въ началѣ нынѣшняго вѣка, наступило всего ранѣе и въ самой опредѣленной формѣ.

---

[1]) L'Hérédité, l. c., p. 114 и 115.
[2]) Ibid. p. 116 и 117.

Представителемъ преобразованія является **Гамильтонъ**, изучившій довольно основательно теоріи предшествующихъ писателей, особенно нѣмецкихъ, и пришедшій къ выводу, что Аристотель изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ психологовъ стоялъ на самой правильной почвѣ и что обновленіе его теоріи можетъ всего благотворнѣе повліять на успѣшное развитіе анализа чувствованій. Къ Гамильтону примкнули почти всѣ новѣйшіе англійскіе и французскіе спеціалисты по анализу явленій удовольствія и страданія, и если были серіозные противники его теоріи, въ ряду которыхъ стоитъ напр. Дж. Ст. Милль, то ихъ остроумныя возраженія не могли всетаки поколебать ученія, преимущества котораго такъ очевидны, что внѣ его трудно представить себѣ возможность какого-нибудь научнаго способа объясненія и классификаціи чувствованій. Изложимъ теорію Гамильтона въ главныхъ ея основаніяхъ.

Установивъ положеніе, что Феномены *чувства*, т. е. Феномены удовольствія и страданія, представляютъ вполнѣ *субъективный* характеръ, при сравненіи ихъ съ Феноменами *познанія* [1]), и что сверхъ того они отличаются отъ явленій *воли* (conations) тѣмъ, что относятся только къ настоящему, тогда какъ стремленія имѣютъ отношеніе лишь къ будущему [2]), Гамильтонъ ставитъ вопросъ: какими общими условіями опредѣляется существованіе удовольствія и страданія, какъ главныхъ аттрибутовъ чувства (the essential attribute of feeling)? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ рядъ формулъ, относительно которыхъ самъ Гамильтонъ сознается, что онѣ нѣсколько туманны (abstruse) и что только примѣненіе ихъ къ частнымъ случаямъ можетъ представить въ настоящемъ свѣтѣ его теорію [3]). Поэтому мы только сжато передадимъ ходъ разсужденій автора, съ тѣмъ чтобы потомъ привести ихъ, по принятому нами методу, къ одному общему знаменателю.

Человѣческая жизнь, говоритъ Гамильтонъ, есть сумма человѣческихъ энергій: сознательная энергія есть сознательная жизнь. Понятіе энергіи равносильно понятіямъ дѣйствія, дѣятельности, и къ нему относятся не только активные, но и пассивные процессы, вообще всѣ жизненные процессы высшаго и низшаго круга, которые доступны сознанію. Дѣятельность человѣка можетъ слѣдовать только по извѣстнымъ опредѣленнымъ путямъ и эти доступные намъ способы дѣйствія (modes of action) назы-

---

[1]) Lect. on Metaph. Vol. II. Lect. XLII, p. 432: The peculiarity of Feeling, therefore, is that there is nothing but what is *subjectively subjective;* there is no object different from self,— no objectification of any mode of self.

[2]) Ibid. p. 433.

[3]) Ibid p. 434.

ваются силами, способностями къ извѣстнымъ дѣйствіямъ (faculties) или къ извѣстнымъ состояніямъ (capacities), предрасположеніями, привычками. Человѣкъ дѣлается субъектомъ удовольствія и страданія только чрезъ упражненіе этихъ силъ своихъ. Энергія каждой силы, доступной сознанію, имѣетъ особое, ей свойственное удовольствіе или страданіе. Спрашивается, какимъ общимъ закономъ обусловливается контрастъ удовольстія и страданія?[1]).

Кромѣ этихъ двухъ феноменовъ возможно еще третье, посредствующее, состояніе *равнодушія*. Существуетъ ли оно реально или представляетъ только продуктъ сложенія двухъ другихъ, Гамильтонъ не рѣшаетъ[2]). Его интересуетъ только вопросъ объ условіяхъ двухъ *противуположныхъ* феноменовъ—удовольствія и страданія. Онъ рѣшаетъ его въ слѣдующей формулѣ: «чѣмъ совершеннѣе дѣятельность (the energy), тѣмъ она пріятнѣе; чѣмъ она несовершеннѣе, тѣмъ болѣзненнѣе (painful)». Эта абстрактная формула, будучи точною, по признанію самого же Гамильтона, не отличается ясностью, — необходимо выяснить ея смыслъ. Совершенство энергіи бываетъ двоякое: 1) съ точки зрѣнія отношенія ея къ осуществляемой силѣ и 2) въ отношеніи ея къ объекту, на который она обращена. Это различіе отношеній можетъ быть названо различіемъ *субъективнаго* и *объективнаго* условій совершенства. Съ субъективной стороны дѣятельность совершенна, если она равносильна всей величинѣ свободной энергіи, которою обладаетъ данная сила, — несовершенна, если 1) проявленіе силы стѣснено или 2) если возбужденіе силы превышаетъ количество энергіи, ей присущей. Величина силы можетъ быть интенсивная и протенсивная (съ точки зрѣнія продолжительности ея дѣйствія). Стало быть, элементами удовольствія, при упражненіи какой-нибудь силы, служатъ: адэкватная интенсивность и адэкватная продолжительность этого упражненія. Элементы страданія же могутъ быть четырехъ родовъ, ибо неадэкватная интенсивность и неадэкватная продолжительность бываютъ опять двоякаго характера (въ смыслѣ избытка или недостатка дѣятельности). Кромѣ того конечно можно еще сравнивать дѣятельности съ эксентенсивной точки зрѣнія — по *количеству* силъ, находящихся въ дѣйствіи[3]). — Объективное условіе совершенства дѣятельности отрицательное[4]), ибо несовер-

---

[1]) Ibid. p. 434—436.

[2]) Въ изданіи сочиненій Рида онъ повидимому отвергаетъ его реальность (ср. Bain. Em. a. Will, l. c., p. 13, примѣч.).

[3]) Ibid. p. 437—439 (IV—VII).

[4]) Гамильтонъ впрочемъ самъ этого выраженія не употребляетъ.

шенство заключается въ томъ, что объектъ препятствуетъ дѣятельности, соразмѣрной съ силами: отсутствіе этого препятствія и есть совершенство [1]).

Изъ всѣхъ этихъ разъясненій слѣдуетъ, что удовольствіе есть результатъ извѣстныхъ гармоническихъ отношеній, страданіе — негармоническихъ (или: of certain agreements a. disagreements). Точнѣе удовольствіе опредѣляется какъ «рефлексъ самопроизвольнаго (spontaneous) и безпрепятственнаго упражненія силы, энергію которой мы сознаемъ». Страданіе, обратно, есть рефлексъ чрезмѣрно-сильнаго (overstrained) или подавленнаго упражненія подобной силы. Терминъ «рефлексъ» означаетъ, что мы въ мысляхъ своихъ можемъ отдѣлить самый фактъ совершенства дѣятельности отъ удовольствія, какъ продукта или спутника (concomitant) этого совершенства. Термины «самопроизвольный» и «безпрепятственный» означаютъ контрастъ субъективнаго и объективнаго условій чувства. Прибавленіе, касающееся *сознательности* энергіи упражняемой силы, необходимо въ виду того факта, что въ человѣкѣ есть силы, дѣятельность которыхъ лежитъ за предѣлами сознанія [2]).

Изъ всѣхъ этихъ опредѣленій ясно, что Гамильтонъ дѣйствительно стремится возстановить Аристотелевское опредѣленіе удовольствія, и не подлежитъ уже сомнѣнію, что онъ ставитъ феномены чувства главнымъ образомъ въ зависимость отъ внутреннихъ отношеній — *дѣятельности и силъ*; внѣшніе объекты оказываютъ вліяніе только какъ импульсы къ дѣятельности, т. е. вліяніе косвенное и чисто отрицательное (ср. выраженіе unimpeded exertion). Точно также изъ послѣдующихъ замѣчаній ясно, что оцѣнка внутреннихъ отношеній предполагается *относительною*: «trahit sua quemque voluptas», говоритъ Гамильтонъ словами Виргилія [3]). Но за то нельзя рѣшить съ полною достовѣрностью, считалъ-ли онъ эту оцѣнку сознательною или безсознательною. Что самые феномены удовольствія и неудовольствія сознательны, нечего было и доказывать. Если Гамильтонъ всетаки напираетъ на фактъ «сознательности» и кромѣ того различаетъ *силы*, смотря по тому, сознательно-ли ихъ упражненіе или безсознательно, то все это скорѣе объясняется предположеніемъ *сознательности самой оцѣнки* внутреннихъ отношеній. Впрочемъ уже самое отсутствіе, въ данномъ случаѣ, оговорки обратнаго свойства наводитъ на мысль, что Гамильтонъ считалъ *выводъ о степени соотвѣтствія* между силою и ея дѣйствіемъ сознательнымъ, а не безсознательнымъ, и это предположеніе

---

[1]) Ср. ibid. p. 439.
[2]) Ibid. p. 440—442.
[3]) Ibid. p. 443.

подтверждается еще болѣе его собственными словами въ одной изъ слѣдующихъ лекцій: «чувство удовольствія, говоритъ онъ, испытывается, когда какая нибудь сила *сознательно* упражняется соотвѣтствующимъ образомъ (is consciously exerted in a suitable manner),—иначе сказать, когда мы *не сознаемъ* ни какого-либо стѣсненія энергіи, ни чрѣзмѣрнаго напряженія ея...»[1]). Послѣ всего сказаннаго мы едва ли ошибемся, если дѣйствительно отнесемъ Гамильтона къ послѣдователямъ совершенно той самой точки зрѣнія, на которой стоялъ Аристотель (XIV).

Въ отношеніи къ *классификаціи* чувствованій Гамильтонъ тоже пытался выработать точные принципы, согласные съ его теоріей удовольствія и страданія. Прежде всего важно то, что онъ первый ясно противупоставилъ *положительныя* или абсолютныя, какъ онъ иначе выражается, удовольствія и страданія, сопровождающія гармоническую или дисгармоническую дѣятельность, — *отрицательнымъ* или относительнымъ, вытекающимъ изъ одного лишь прекращенія противуположнаго чувствованія. Но едва ли правильно, если онъ затѣмъ еще подраздѣляетъ *положительныя страданія* на такія, которыя вытекаютъ изъ подавленія самопроизвольной энергіи какой-нибудь силы, и такія, которыя связаны съ чрезмѣрнымъ ея напряженіемъ[2]). Нетрудно убѣдиться, что страданія перваго типа тождественны тѣмъ *отрицательнымъ* страданіямъ, которыя связаны съ прекращеніемъ или ненаступленіемъ дѣятельности, соотвѣтствующей потребностямъ организма и могущей доставить намъ положительное удовольствіе. Но на этомъ вопросѣ мы подробнѣе остановимся впослѣдствіи. Классификацію спеціальныхъ видовъ удовольствія и страданія Гамильтонъ основываетъ опять на томъ правильномъ принципѣ, который былъ намѣченъ уже Аристотелемъ. «Такъ какъ чувствованія суть состоянія не примитивныя и независимыя, а такія лишь, которыя сопровождаютъ упражненіе нашихъ активныхъ или возбужденіе нашихъ пассивныхъ *способностей*, то различіе ихъ должно основываться на различіи силъ, дѣйствіемъ которыхъ они являются»,—иначе сказать: «въ той мѣрѣ, въ какой различны другъ отъ друга сознательныя энергіи или процессы, составляющіе жизнь, — въ той мѣрѣ различны и соотвѣтствующія чувствованія (the correlative feelings)»[3]). Силы и дѣятельности наши дѣлятся на тѣлесныя или чувственныя и духовныя (высшія). Отсюда противуположеніе чувствованій-ощущеній (sensations) чувствованіямъ въ собственномъ смыслѣ (sentiments), или внѣш-

---

[1]) Ср. ibid. L. XLIV, p. 477.
[2]) См. ibid. p. 442.
[3]) Ibid. p. 491 (L. XLV).

нихъ чувствованій (sensitive or external feelings) — внутреннимъ (mental or internal feelings). Къ первому классу относятся, во первыхъ, чувствованія, связанныя съ дѣятельностію пяти извѣстныхъ органовъ чувствъ (въ совокупности sensus fixus), во вторыхъ — тѣ, которыя сопровождаютъ общую чувствительность нашу (sensus communis или vagus), т. е. такъ называемыя мускульныя и органическія ощущенія [1]). Внутреннія или интеллектуальныя чувствованія Гамильтонъ дѣлитъ прежде всего на *созерцательныя* (contemplative) и *дѣятельныя* (practical); первыя суть спутники нашихъ познавательныхъ процессовъ, вторыя — волевыхъ. Созерцательныя чувствованія дѣлятся опять на два класса, смотря по тому—связаны ли они съ дѣйствіемъ вспомогательныхъ способностей (subsidiary faculties) или съ дѣйствіемъ главныхъ, производительныхъ силъ ума (elaborative faculties)[2]). Практическія чувствованія дѣлятся на слѣдующіе классы: 1) чувствованій, имѣющихъ отношеніе къ самосохраненію, 2) связанныхъ съ наслажденіемъ (enjoyment of our existence), 3) связанныхъ съ сохраненіемъ рода, 4) относящихся къ нашему стремленію развиваться и совершенствоваться, 5) связанныхъ съ нравственнымъ закономъ [3]). Всѣ эти виды созерцательныхъ и дѣятельныхъ чувствованій дѣлятся на новые подвиды или же содержатъ въ себѣ ряды спеціальныхъ чувствованій, которые Гамильтонъ и разсматриваетъ подробнѣе. Такъ напр. вспомогательныя интеллектуальныя чувствованія онъ дѣлитъ еще на такія, которыя связаны съ самосознаніемъ, и такія, которыя относятся къ силѣ воображенія. Но всѣхъ этихъ частностей мы не будемъ касаться. Очевидно и безъ того, что Гамильтонъ руководствовался въ своей классификаціи тѣми обычными психологическими разчлененіями понятій, которыя созданы были традиціей и вульгарнымъ употребленіемъ. Единства дѣленія въ частностяхъ его классификаціи нѣтъ и оттого много произвола и даже противорѣчій. Напр. чувствованія голода, жажды и другія органическія отнесены имъ съ одной стороны ко второму классу *ощущеній* (sensus communis), а затѣмъ входятъ снова въ кругъ практическихъ чувствованій, а именно тѣхъ, которыя относятся къ *самосохраненію* [4]), т. е. разомъ являются и низшими и высшими, и внѣшними и внутренними. Стало быть, общія рамки, взятыя Гамильтономъ всетаки не довольно опредѣленны и точны. Вообще *одинъ* правильный принципъ недостаточенъ еще для вполнѣ правильнаго проведенія теоріи. Главная задача, какъ мы увидимъ впо-

---

[1]) Ibid. p. 492—495.
[2]) См. p. 495—517 (Lect. XLV и XLVI).
[3]) Ibid. p. 517 и слѣд.
[4]) Ср. p. 492 и 518.

слѣдствіи, заключается въ правильной классификаціи самыхъ отправленій нашего организма, могущихъ служить источникомъ чувствованій, и эту именно задачу не выполнилъ удовлетворительно еще ни одинъ психологъ до настоящаго времени.

Однако, если Гамильтонъ не сумѣлъ примѣнить свою теорію во всѣхъ частностяхъ, то ему все-таки первому въ нашъ вѣкъ принадлежитъ, какъ мы видѣли, заслуга ясной постановки чувствованій въ зависимость отъ *количественныхъ* отношеній дѣятельности и силъ. Послѣ него почти всѣ англійскіе психологи въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ стали объяснять феномены удовольствія и страданія тѣми же физіологическими законами. Но прежде чѣмъ говорить подробнѣе о послѣдователяхъ Гамильтона, мы должны коснуться знаменитыхъ возраженій Джона Стюарта Милля на изложенную нами теорію.

Дж. Ст. Милль согласенъ признать, что задачи, поставленныя Гамильтономъ, совершенно законны съ научной точки зрѣнія и представляютъ большой интересъ. Но онъ сомнѣвается въ возможности достигнуть въ данной области какого-нибудь конечнаго результата, т. е. найти *одну* причину тамъ, гдѣ ихъ множество (a plurality, perhaps a multitude of different causes)[1]). Несостоятельность теоріи Гамильтона болѣе всего доказывается тѣмъ, что она не удобопримѣнима въ объясненію нѣкоторыхъ феноменовъ удовольствія и страданія. По мнѣнію Милля «если мы предлагаемъ теорію, то обязаны доказать все, что́ она утверждаетъ». «То, что́ составляетъ препятствіе для доказательства теоріи, должно считаться въ то же время препятствіемъ и къ утвержденію ея». Между тѣмъ Гамильтонъ «строитъ свою теорію, основываясь на одномъ классѣ явленій», и невозможность приложенія ея къ другому классу извиняетъ неспособностью объяснить послѣднія причины явленій (the ultimate phaenomena of creation),—такой образъ дѣйствія недостоинъ философа, по мнѣнію Милля[1]). Но Милль въ данномъ случаѣ едва ли правъ; скорѣе должно согласиться съ Дюмономъ, что возраженія Милля противны «философскому духу», или, вѣрнѣе сказать, правиламъ науки, ибо «они сводятся къ положенію, что извѣстная теорія должна быть признана невѣрной, если неясно примѣненіе ея къ какому-нибудь частному случаю; еслибъ дѣло было такъ, то что́ сталось бы съ индукціей?» справедливо замѣчаетъ Дюмонъ. «Законный методъ состоитъ, напротивъ, въ допущеніи того, что извѣстное предложеніе, правильное относительно извѣстнаго числа слу-

---

[1]) An examination of S. W. Hamilton's philosophy. London. 1872 (4-th Ed.) Ch. XXV, p. 555.

[2]) Ibid. p. 561.

чаевъ, вѣрно и въ примѣненіи ко всѣмъ другимъ подобнымъ, пока не будетъ доказано противуположное»[1]),—Милль же дѣйствительно не доказалъ, чтобы въ разсмотрѣнныхъ имъ случаяхъ дѣйствовали какіе-нибудь *другіе* законы.

Итакъ возраженія Милля, уже a priori взятыя, нисколько не опровергаютъ теорію Гамильтона. Но мы увидимъ сейчасъ, что и a posteriori они односторонни и представляютъ лишь логическое недоразумѣніе.

«Для повѣрки теоріи Гамильтона возьмемъ, говоритъ онъ, одно изъ простѣйшихъ органическихъ чувствованій — удовольствіе сладкаго вкуса. Это удовольствіе, согласно съ теоріей, происходитъ отъ свободнаго упражненія, безъ стѣсненія или эксцесса, одной изъ нашихъ силъ или способностей; но какой именно способности? — способности ощущать сладость? Такое объясненіе не годится, ибо, если будетъ пущена въ дѣйствіе способность ощущать сладкое, то какова бы ни была *степень* ея дѣйствія—большая или малая, результатомъ будетъ всегда вкусъ сладкаго, доставляющій удовольствіе». Точно также, если горькій предметъ всегда непріятенъ, то нельзя предположить, чтобы причиною тому была извѣстная *степень* дѣйствія способности ощущать горькое. Остается думать, что рѣчь здѣсь должна идти о способности ощущать *вкусъ* предметовъ въ абстрактномъ смыслѣ, т. е. *вообще*[2]). «Положимъ, говоритъ Милль, я ощущаю въ различные моменты вкусъ двухъ различныхъ предметовъ: апельсина и ревеня». По теоріи Гамильтона удовольствіе имѣетъ мѣсто, если всѣ внутреннія условія дѣятельности органа выполнены и извнѣ нѣтъ препятствій для этой дѣятельности. Но вѣдь и то и другое имѣетъ мѣсто при ощущеніи вкуса какъ того, такъ и другого изъ названныхъ предметовъ: «объектъ присутствуетъ, находится въ соприкосновеніи съ нашими органами», и всѣ препятствія къ естественному и свободному дѣйствію его на эти органы устранены. И все-таки результатомъ въ одномъ случаѣ является удовольствіе, въ другомъ — чувство отвращенія. Гамильтонъ возразилъ бы на это, что самъ объектъ (ревень) въ одномъ изъ случаевъ такого свойства, что онъ нарушаетъ дѣятельность вкусовой способности и требуетъ отъ нея бóльшаго напряженія, чѣмъ другой объектъ. «Но гдѣ тому доказательство? Да и чтó значило бы это утвержденіе? О большемъ напряженіи какого дѣйствія была бы рѣчь?— дѣйствія способности ощущать вкусъ? Если такъ, то страданіе отличалось бы отъ удовольствія только большею или меньшею интенсивностью своею». Всѣ эти соображенія приводятъ Милля къ выводу, что если и вѣрно, что

---

[1]) Théorie Scientif., p. 66.

[2]) Ср. J. St. Mill., ibid. p 558.

ощущеніе, усиленное до извѣстнаго предѣла, болѣзненно, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы вездѣ, гдѣ есть страданіе, неудовольствіе, тамъ мы имѣли бы дѣло съ эксцессомъ въ дѣятельности. Невѣрно и слѣдствіе, вытекающее изъ допущенія подобной посылки, а именно, что каждое впечатлѣніе, болѣзненно дѣйствующее, должно имѣть и такую степень, на которой оно могло бы быть пріятнымъ, хотя конечно не подлежитъ сомнѣнію, что непріятное впечатлѣніе можетъ быть въ различной мѣрѣ непріятно, смотря по своей интенсивности[1]). Вотъ и всѣ возраженія Милля. Мы нарочно изложили ихъ подробно, почти дословно, чтобы легче открыть ихъ несостоятельность.

Во первыхъ, Милль очевидно злоупотребляетъ въ своей критикѣ Гамильтоновскимъ понятіемъ способности. Гамильтонъ вовсе не разумѣетъ это понятіе въ томъ *реальномъ* значеніи, какое придаетъ ему Милль. Оно нужно Гамильтону только для полноты и отчетливости общаго опредѣленія. Въ сущности же оно обозначаетъ только уровень *возможной* интенсивности раздраженія каждаго органа при сравненіи съ *дѣйствительной* интенсивностью. Поэтому вопросъ о томъ, на *какую* способность дѣйствуютъ впечатлѣнія горькаго или сладкаго, когда они вызываютъ въ насъ пріятныя или непріятныя ощущенія, совершенно не имѣетъ смысла. Рѣчь идетъ только о томъ или другомъ дѣйствіи извѣстнаго рода впечатлѣній на *органъ* вкуса, при чемъ предполагается, что одни впечатлѣнія, напр. такъ называемыхъ горькихъ предметовъ, раздражаютъ этотъ органъ сильнѣе, чѣмъ то согласно съ его устройствомъ, другія слабѣе, третьи именно въ той степени, въ какой должно. Въ такой формѣ гипотеза Гамильтона не представляетъ никакой несообразности, если только обратить вниманіе на всѣ частные факты въ той области ощущеній, о которой идетъ рѣчь. Милль односторонне посмотрѣлъ на эти факты, и въ этомъ заключается второй недостатокъ его критики. Дѣло въ томъ, что ежедневный опытъ ясно показываетъ, что ни кислое, ни горькое, ни соленое не представляютъ для органа вкуса абсолютно непріятныхъ сферъ впечатлѣній; точно также сладкій вкусъ не значитъ непремѣнно «пріятный» вкусъ. Не только есть субъекты, для которыхъ все сладкое противно, но въ каждомъ человѣкѣ извѣстная мѣра сладости вызываетъ чувство отвращенія. Точно также горькое въ ничтожномъ количествѣ, напр. въ той степени, въ какой вкусъ извѣстныхъ породъ дичи (напр. рябчиковъ) представляетъ оттѣнокъ горечи, почти для всѣхъ людей пріятно; а мало ли людей, которымъ горькое, по привычкѣ

---

[1]) Ср. ibid. 557—560.

или по индивидуальнымъ особенностямъ ихъ устройства, нравится и при бо́льшей интенсивности впечатлѣнія? Для лицъ, привыкшихъ напр. пить пиво, ощущеніе горькаго становится потребностью. Поэтому необходимо согласиться съ Вундтомъ, что «нѣтъ ни одного качества ощущенія (Empfindungsqualität), которое бы было абсолютно пріятно или непріятно, но что напротивъ при какомъ угодно качествѣ *чувство* является *функціею интенсивности*, такъ что при извѣстной умѣренной силѣ ощущенія, тонъ соотвѣтствующаго чувства достигаетъ максимума своего позитивнаго достоинства, и затѣмъ, проходя точку безразличія (den Indifferenzpunkt), переходитъ къ постоянно возрастающимъ негативнымъ величинамъ»[1]). Необходимо только предположить, относительно ощущеній съ болѣе или менѣе выдающимся «чувствительнымъ тономъ», что точка поворота для нихъ лежитъ на *различныхъ ступеняхъ интенсивности*, т. е. что въ нѣкоторыхъ видахъ ощущеній переходъ отъ пріятнаго къ непріятному совершается при меньшей степени интенсивности раздраженія, чѣмъ въ другихъ. Напр. довольно незначительная степень интенсивности горькаго впечатлѣнія у большинства людей уже вызываетъ чувство неудовольствія, напротивъ весьма сильная интенсивность сладкаго впечатлѣнія еще недостаточна для превращенія пріятнаго ощущенія въ непріятное. Эту теорію раздѣляютъ такіе авторитеты, какъ Вундтъ и Горвицъ, слѣдовательно въ ней, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ничего противорѣчащаго законамъ физіологіи[2]). Остается однако нерѣшеннымъ еще одинъ вопросъ: почему же въ области вкуса и отчасти обонянія ощущенія разнаго качества представляютъ такое неравномѣрное распредѣленіе тона съ точки зрѣнія соотвѣтствующихъ имъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій, между тѣмъ какъ въ области зрѣнія и слуха всѣ единичныя ощущенія почти въ одинаковой мѣрѣ могутъ быть пріятны и непріятны? Этотъ вопросъ пока носитъ характеръ метафизическій, ибо организмъ человѣка еще слишкомъ мало изслѣдованъ съ точки зрѣнія приспособленія отдѣльныхъ процессовъ, въ немъ происходящихъ, къ общей гармоніи цѣлаго. Однако наблюденія надъ животными организмами вообще достаточно доказали, что органы вкуса и обонянія имѣютъ подчиненную роль въ экономіи организма и что большее или меньшее соотвѣтствіе извѣстныхъ категорій раздраженій, вкусовыхъ или обонятельныхъ, съ потребностями этихъ органовъ служитъ показателемъ большей или меньшей полезности соотвѣтствующихъ предметовъ въ отношеніи къ болѣе внутреннимъ и кореннымъ

---

[1]) Впрочемъ эта послѣдняя метафора требуетъ особыхъ поясненій, и мы дадимъ ихъ ниже (см. Вундтъ).

[2]) Ср. Wundt. Physiol. Psychol., p. 435 и Horwicz, l. c., II 2, p. 22.

животнымъ процессамъ—питанія, дыханія, кровообращенія. Какимъ бы путемъ ни произошло подобное первоначальное приспособленіе однихъ органическихъ процессовъ къ другимъ, оно несомнѣнно, и если оно не полно или если оно является недостаточнымъ, вслѣдствіе видоизмѣненія нормальныхъ условій существованія организма, какъ въ случаяхъ, указанныхъ Лотце[1]), то всетаки имъ однимъ и можно только объяснить упомянутое разнообразіе отношеній между интенсивностью раздраженій и характеромъ чувствованій въ сферѣ такихъ служебныхъ органовъ, какъ органы вкуса и обонянія. Въ сферѣ дѣятельности другихъ органовъ этого разнообразія нѣтъ, потому что самое приспособленіе имѣетъ иной характеръ. Зрѣніе напр. представляетъ совокупность процессовъ животнаго типа, приспособленныхъ къ другому ряду процессовъ (интеллектуальныхъ) того же *животнаго* типа, и потому польза и вредъ впечатлѣній различной интенсивности оцѣниваются здѣсь гораздо одностороннѣе,—только съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ въ отношеніи къ тѣмъ самымъ внѣшнимъ органамъ, на которые они дѣйствуютъ.

Въ виду всего этого нельзя не признать, что возраженія Милля по меньшей мѣрѣ односторонни. Несомнѣнно, что пріятность и непріятность *всѣхъ* ощущеній *можно* отнести на счетъ ихъ различной интенсивности, хотя конечно *единица измѣренія* этой интенсивности должна быть предположена различная не только для каждой особой сферы ощущеній, но и для многихъ качественно-различныхъ ощущеній той или другой сферы. Эта единица измѣренія, къ сожалѣнію, еще не опредѣлена ни для одной области воспріятій, и это конечно затрудняетъ теперь объясненіе упомянутыхъ явленій; но можно однако легко предвидѣть, что подобное затрудненіе имѣетъ лишь временный характеръ и что будущая физіологія сможетъ устранить его.

Послѣ этого незначительнаго теоретическаго отступленія приступимъ снова къ историческому изложенію. Представленныя нами соображенія въ пользу теоріи Гамильтона отчасти объясняютъ, почему такіе замѣчательные психологи, какъ Бэнъ и Спенсеръ, не были остановлены возраженіями Дж. Ст. Милля, и всетаки положили эту теорію въ основу своихъ собственныхъ[2]). Разборъ анализовъ чувства у Бэна и Спенсера, какъ самыхъ современныхъ авторитетовъ по вопросамъ психологіи въ Англіи, мы впрочемъ оставимъ на конецъ, а теперь коснемся тѣхъ англійскихъ психологовъ, которые разбирали чувствованія только слегка или ради какихъ-либо постороннихъ цѣлей и которые занимаютъ однако такое мѣсто въ совре-

---

[1]) См. выше, стр. 326 и 327

[2]) Ср. Dumont, l. c., p. 67.

менной психологической наукѣ, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ. Я разумѣю Карпентера, Маудсли и Годгсона[1]).

Карпентеръ едва касается природы удовольствія и страданія, сначала въ главѣ объ ощущеніи и затѣмъ въ главѣ о волненіяхъ (Ch. VII). Въ послѣдней онъ впрочемъ говоритъ только о степени участія удовольствія и страданія въ волненіяхъ и о сочетаніи ихъ съ различными идеями — гораздо интереснѣе анализъ удовольствія и страданія въ связи съ ощущеніями. Связь спеціальныхъ ощущеній съ чувствами удовольствія и страданія Карпентеръ объясняетъ первоначальнымъ закономъ природы, и затѣмъ «общее правило» этой связи выражаетъ такъ: сильное возбужденіе какого-нибудь ощущенія непріятно, даже если то же ощущеніе въ умѣренной степени является источникомъ чрезвычайнаго удовольствія (of extreme pleasure)[2]). Несмотря на краткость этой формулы, не трудно узнать въ ней лишь особое выраженіе закона Гамильтона.

Маудсли посвящаетъ анализу чувства VI главу своей «Физіологіи души». Чувство, для Маудсли, есть идея, сопровождаемая ощущеніемъ удовольствія или боли[3]). «Для произведенія чувства необходимы два фактора— органическій элементъ и внѣшній стимулъ»[4]). Вліяніе внѣшняго стимула опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «всякій стимулъ, вызывающій при умѣренномъ дѣйствіи пріятныя идеи, или лучше ощущенія, производитъ—при слишкомъ продолжительномъ или сильномъ дѣйствіи—неудобство и тягостныя чувства»[5]). Но «равновѣсіе между личностью и окружающими обстоятельствами» можетъ нарушиться не только вслѣдствіе необыкновенныхъ впечатлѣній извнѣ, а и вслѣдствіе субъективнаго измѣненія или внутренняго сотрясенія. «Совершенно одно и то же происходитъ, будетъ ли дѣйствовать чрезмѣрно сильный возбудитель на нервные элементы, хотя и здоровые, или будетъ дѣйствовать на нихъ нормальный возбудитель, но они сами бываютъ ослаблены и нестойки»[6]). Изъ этихъ выраженій вытекаетъ повидимому, что и Маудсли ставитъ чувствованія, хотя и въ иныхъ выраженіяхъ, чѣмъ Гамильтонъ, въ зависимость отъ отношенія дѣятельности къ силѣ дѣятельности. Но, какъ поклонникъ Спинозы, «знаменитый трактатъ котораго,

---

[1]) Послѣдній извѣстенъ двухтомнымъ сочиненіемъ Theory of practice, an ethical inquiry. London. 1870 Въ этомъ сочиненіи значительная часть I т посвящена анализу эмоцій и чувствованій вообще, а потому нельзя обойти молчаніемъ воззрѣній этого писателя.

[2]) Principles of mental physiology, l. c., p. 171.

[3]) Физіол. и патол. души, стр. 149.

[4]) Тамъ же, стр. 155.

[5]) Тамъ же, стр. 151.

[6]) Тамъ же, стр. 156.

по мнѣнію Маудсли, не имѣетъ до сихъ поръ себѣ подобнаго и лучше котораго вѣроятно не скоро явится»[1]), нашъ авторъ въ то же время употребляетъ фразы, въ родѣ слѣдующей: «идея, благопріятная влеченіямъ и усиліямъ человѣка, его развитію, сопровождается чувствомъ бо́льшаго или мѐньшаго удовольствія, и на оборотъ—идея, совмѣщающая въ себѣ понятіе о личномъ стѣсненіи, противная стремленіямъ къ саморазвитію, сопровождается ощущеніемъ большей или меньшей непріятности, тягости»[2]). Изъ такого опредѣленія можно думать, что Маудсли считаетъ и стремленіе, желаніе, тоже необходимымъ условіемъ чувства; но далѣе оказывается впрочемъ, что подъ «стремленіями къ развитію» Маудсли разумѣетъ только «безсознательныя органическія потребности»[3]). Поэтому его должно всетаки признать за представителя ученія, по которому чувствованія ставятся въ связь съ безсознательною оцѣнкою относительной гармоніи *внутреннихъ* отношеній, хотя нельзя не замѣтить однако, что онъ ставитъ эту гармонію въ прямую зависимость отъ отношеній субъективнаго къ объективному и объективнаго къ субъективному[4]).

О классификаціи чувствованій въ сочиненіяхъ Карпентера и Маудсли мы не считаемъ нужнымъ говорить подробно, ибо оба они придерживаются давно извѣстнаго намъ мнѣнія, что «особенный характеръ идеи опредѣляетъ и особенный характеръ чувства, и потому чувства столь же многочисленны и разнообразны, какъ идеи». Карпентеръ на этомъ основаніи прибавляетъ даже, что полная классификація волненій невозможна, ибо мы не можемъ предусмотрѣть всѣхъ возможныхъ комбинацій чувствъ при ассоціаціи ихъ съ идеями[5]).

Въ противуположность только что упомянутымъ писателямъ, главный интересъ труда **Годгсона,** автора «Теоріи практики», заключается именно въ попыткѣ новой *классификаціи* чувствованій. Подъ «чувствованіями» Годгсонъ разумѣетъ вообще всѣ состоянія сознанія (states of consciousness), которыя онъ, слѣдуя терминологіи Спенсера, дѣлитъ на презентативныя и репрезентативныя. Къ первому классу относятся всѣ *ощущенія*, ко второму—*волненія*. Но затѣмъ онъ различаетъ еще *общія* чувствованія отъ *спеціальныхъ*: къ общимъ относятся удовольствіе, страданіе и чувство усилія (effort), къ спе-

---

[1]) Ср. тамъ же, стр. 164.

[2]) Тамъ же, стр. 150.

[3]) Ср. стр. 153.

[4]) На стр. 151 онъ говоритъ напр., что «даже въ самыхъ раннихъ ощущеніяхъ боль или удовольствіе составляютъ уже первое, неясное сужденіе *о пользѣ и вредѣ*» (объектовъ въ отношеніи къ субъекту).

[5]) Ср. Карпентеръ, l. c., p. 318 и Маудсли, въ у. с., стр. 157.

ціальнымъ — столько же отдѣльные виды ощущенія, сколько и отдѣльныя формы эмоцій. Контрастъ ощущеній и волненій для него совпадаетъ съ обычными контрастами физическихъ и нравственныхъ, тѣлесныхъ и духовныхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ состояній [1]). Эмоціи образуются изъ ощущеній, при помощи воспроизведенія (representation) или памяти или ассоціаціи (всѣ эти термины повидимому представляютъ синонимы), — поэтому древній принципъ «nihil est in intellectu quod non prius in sensu», Годгсонъ дополняетъ варіантомъ: «nihil est in affectu quod non prius in sensu» [2]). При такомъ воззрѣніи на дѣло, Годгсонъ конечно начинаетъ анализъ чувствованій съ анализа ощущеній, которыя онъ распредѣляетъ въ слѣдующія группы. Во первыхъ, органическія ощущенія (organic or systemic, to adopt Mr. Lewes term) дѣлятся на семь группъ: 1) ощущеній въ пищеварительныхъ органахъ (голодъ, жажда, сытость и т. д.), 2) ощущеній нутритивныхъ органовъ и органовъ кровообращенія, 3) ощущеній дыхательныхъ органовъ, 4) ощущеній органовъ воспроизведенія, 5) ощущеній мускульныхъ, 6) ощущеній самихъ нервовъ (taedium vitae, health etc.), 7) ощущеній общаго чувства (sensus communis), куда относятся физическая боль и температурныя ощущенія [3]). Во всѣхъ этихъ видахъ ощущеній есть элементы удовольствія и страданія, которыя заимствуютъ свой колоритъ (their colour) отъ этихъ самыхъ ощущеній (in which they arise) [4]). Волненія, развивающіяся изъ этихъ элементовъ при помощи воспроизведенія, могутъ быть только четырехъ типовъ: радости, печали, отвращенія и склонности (fondness) [5]). Во вторыхъ, ощущенія *спеціальныхъ* органовъ чувствъ Годгсонъ дѣлитъ на обычные пять классовъ, при чемъ низшія ощущенія, обонянія и вкуса, разсматриваются какъ переходная ступень отъ органическихъ къ высшимъ чувствамъ спеціальнаго характера [6]). Эмоціи, связанныя съ ощущеніями вкусовъ и запаховъ, вмѣстѣ съ эмоціями органическаго происхожденія, Годгсонъ противуполагаетъ эмоціямъ въ области высшихъ чувствъ, называя первыя pleasures and pains of *enjoyment*, вторыя pleasures and pains of *admiration*, т. е. возстановляя въ новой формѣ старый контрастъ чувственныхъ и созерцательныхъ волненій [7]).

Въ слѣдующей главѣ «о волненіяхъ» Годгсонъ проводитъ различіе

---

[1]) The theory of practice, l. c., Book I. Ch. II. P. I. § 8, p. 56—58.
[2]) Ibid. P. II. § 14, p. 117.
[3]) Ibid. P. I. § 9, p. 61.
[4]) Ibid. p. 63.
[5]) Ibid. p. 64—66.
[6]) Ibid. § 10, p. 67 и слѣд.
[7]) Ibid. p. 69.

между воспроизведеніями въ тѣсномъ смыслѣ и «волненіями», съ ними связанными [1]). О физическомъ составѣ всѣхъ волненій мы уже упоминали. Слѣдующая затѣмъ критика ученій Гертли и Спинозы интересна только по окончательному выводу, къ которому приходитъ авторъ, а именно, что общіе феномены удовольствія и страданія имѣютъ источникомъ *успѣхъ* или *не успѣхъ* въ достиженіи искомой цѣли. Затѣмъ авторъ приступаетъ къ классификаціи и разчлененію волненій въ подробностяхъ. Первоначальное дѣленіе основано на различіи прямого и рефлективнаго, т. е. непосредственнаго и посредственнаго, или первичнаго и вторичнаго способовъ воспроизведенія. Кромѣ того важно, участвуетъ ли или нѣтъ въ образованіи эмоцій воображеніе. Отсюда четыре большіе класса волненій: 1) непосредственныхъ, 2) непосредственныхъ съ участіемъ воображенія, 3) рефлективныхъ, 4) рефлективныхъ съ участіемъ воображенія (reflective a. imaginative emotions) [2]). Дальнѣйшія разчлененія главнымъ образомъ основаны на различіи волненій, связанныхъ съ *содержаніемъ* воспроизводимаго объекта (the matter of the object), и тѣхъ, которыя зависятъ отъ его *формы*, — иначе сказать, чувственныхъ и созерцательныхъ; рядомъ съ тѣми и другими возможны впрочемъ въ иныхъ случаяхъ еще волненія «смѣшаннаго» характера. Подробнаго анализа отдѣльныхъ эмоцій каждой группы, кончающагося всегда общею таблицею относящихся къ нему волненій, мы не будемъ касаться [3]). Замѣтимъ только, что вся классификація Годгсона имѣетъ мало научнаго значенія съ точки зрѣнія тѣхъ особенностей ея, которыя имѣютъ новый и оригинальный характеръ. Напр. новая форма противуположенія первичныхъ и вторичныхъ чувствованій едва ли представляетъ какія-нибудь особенныя преимущества, ибо съ одной стороны сопоставленіе ощущеній и эмоцій какъ бы узаконяетъ смѣшеніе объективной стороны нашихъ воспріятій съ субъективною, съ другой стороны контрастъ прямыхъ и рефлективныхъ эмоцій, ведущій начало еще отъ Локка и Юма, представляетъ то неудобство, что классификація чувствованій ставится въ зависимость отъ моментовъ умственной дѣятельности.

Въ III главѣ Годгсонъ даетъ анализъ элементовъ движенія (of action or movement) въ чувствованіяхъ, т. е., по принципамъ Конта, послѣ «статическаго» даетъ «динамическій» анализъ ощущеній и волненій [4]). Онъ выходитъ изъ положенія, что всѣ акты сознанія суть дѣйствія природы, послѣдо-

---

[1]) Ibid. P. II, p. 95 и слѣд.
[2]) Ibid. P. III. § 16, p. 139 и слѣд.
[3]) Ср. таблицы на стр. 179—180, 263 и 334.
[4]) Ibid. Ch. III. § 49, p. 335.

вательности и сочетанія нервныхъ состояній. Законы движенія въ области чувства могутъ быть выяснены лишь на столько, на сколько удастся связать ихъ съ условіями дѣятельности нервнаго механизма[1]). Изложеніе подробнаго разбора этихъ послѣднихъ не можетъ входить въ нашу программу. Мы коснемся только тѣхъ страницъ, на которыхъ Годгсонъ касается физической стороны удовольствія и страданія. Эти явленія онъ считаетъ неразрывными спутниками всякаго воспріятія и, стало быть, зависимыми отъ тѣхъ же нервныхъ движеній, съ которыми связаны и самыя воспріятія. Различая вообще два рода удовольствій и страданій: 1) общихъ (general) и 2) специфичныхъ (specific), связанныхъ съ другими, спеціальными чувствованіями, онъ считаетъ первыя *мѣрою* нервной дѣятельности вообще, вторыя показателями тѣхъ спеціальныхъ состояній сознанія, отъ которыхъ они зависятъ[2]). Вообще же и тѣ и другія онъ ставитъ въ связь съ болѣзненною или здоровою дѣятельностью какого-нибудь нерва[3]). Стало быть, въ теоріи удовольствія и страданія Годгсонъ держится современныхъ физіологическихъ толкованій и ставитъ эти явленія тоже въ связь съ *количественнымъ* отношеніемъ нервнаго возбужденія къ энергіи возбуждаемой среды, хотя эта теорія впрочемъ выражена у него довольно туманно. Если онъ затѣмъ, какъ мы видѣли, объясняетъ удовольствіе и страданіе въ сложныхъ эмоціяхъ степенью *успѣха* въ достиженіи предположенныхъ цѣлей, то тутъ онъ имѣетъ въ виду очевидно не первоначальный, а только производный законъ, основанный на фактѣ постепеннаго осложненія ощущеній нашихъ представленіями о конечной цѣли и о результатахъ нашей дѣятельности; на этой ступени развитія первоначальный законъ конечно можетъ испытывать видоизмѣненія.

Итакъ въ Англіи, послѣ Гамильтона, несомнѣнно господствуетъ теорія, ставящая качество чувствованій въ зависимость отъ степени гармоніи внутреннихъ отношеній и притомъ большею частью отъ количественнаго соотвѣтствія между нашими силами и ихъ дѣйствіемъ, хотя эта теорія до сихъ поръ еще не имѣетъ однообразнаго выраженія, а облекается, напротивъ, въ самыя различныя формулы, то съ *физіологическою*, то съ *метафизическою* окраскою. Самыми близкими къ Гамильтону представителями означенной теоріи въ Англіи являются, какъ мы увидимъ, Бэнъ и Спенсеръ; во Франціи сходныхъ воззрѣній придерживаются Булье и Дюмонъ, причемъ Дюмонъ прямо

---

[1]) Ibid. p. 336.

[2]) Ibid. p. 369 и слѣд.

[3]) Ibid. p. 375: Specific pain and specific pleasure, as well as general, appear to be connected with the diseased or healthy action of nerve.

называетъ себя послѣдователемъ Гамильтона; наконецъ въ Германіи той же теоріи, хотя и самостоятельно возникшей въ этой странѣ, держатся Вундтъ и Горвицъ [1]). Займемся теперь ученіями всѣхъ этихъ современныхъ писателей.

Для насъ очевидно всего существеннѣе ознакомиться съ тѣми опредѣленіями означенныхъ авторовъ, которыя касаются вопроса *объ условіяхъ возникновенія удовольствія и страданія*. Первою задачею нашею и будетъ изложеніе этихъ опредѣленій, конечно въ связи съ общими взглядами каждаго писателя на природу чувствованій. При этомъ разумѣется, какъ уже и было однажды замѣчено, мы слегка коснемся и той мелкой журнальной литературы, которая образовалась изъ рецензій и критикъ, особенно на новѣйшія сочиненія Булье, Дюмона и Горвица. Затѣмъ необходимо будетъ сопоставить воззрѣнія всѣхъ этихъ авторовъ съ современными теоріями настоящихъ физіологовъ, касающимися того же предмета. Когда мы выяснимъ этимъ путемъ современное состояніе вопроса о природѣ удовольствія и страданія, то необходимо будетъ отдѣльно, въ томъ же порядкѣ, ознакомиться съ пріемами *классификаціи* чувствованій у нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ писателей. Тогда настоящее положеніе науки о чувствованіяхъ въ Англіи, Франціи и Германіи будетъ вполнѣ выяснено и необходимо будетъ только сказать еще нѣсколько словъ о положеніи ея въ другихъ странахъ, и затѣмъ можно будетъ приступить къ «выводамъ», какъ о значеніи *послѣдняго періода* въ исторіи вопроса, такъ и о ходѣ *цѣлаго историческаго развитія* въ данной области.

Бэнъ, авторъ обширнаго сочиненія «О волненіяхъ и волѣ» [2]), несомнѣнно долженъ считаться отцемъ современнаго движенія въ наукѣ о чувствованіяхъ. Сочиненіе его представляетъ сводъ отдѣльныхъ трактатовъ, относящихся ко *всѣмъ* вопросамъ, какіе могли только возникнуть въ головѣ изслѣдователя при анализѣ явленій, называемыхъ чувствованіями. Въ этой разносторонности и полнотѣ заключается отчасти и слабая сторона сочиненія, потому что въ анализѣ разсматриваемой Бэномъ области явленій, какъ мы могли убѣдиться изъ предъидущаго, до послѣднихъ десятилѣтій господствовало такое разнообразіе точекъ зрѣнія, такія несогласимыя теоріи и пріемы обработки фактовъ, что каждый новый изслѣдователь поневолѣ долженъ былъ разомъ создавать новыя построенія и въ области содержанія и въ области формы.

---

[1]) Прямымъ предшественникомъ этихъ ученыхъ былъ Лотце.

[2]) Первое изданіе «The Emotions a. the Will» принадлежитъ уже 1859 году, второе, значительно дополненное,—1865 году и наконецъ третье, представляющее еще болѣе передѣлокъ и дополненій во всѣхъ частяхъ своихъ, вышло въ 1875 году.

Естественно, что чѣмъ разнообразнѣе первое, тѣмъ труднѣе, при отсутствіи первоначальнаго неизмѣннаго фундамента, избѣгнуть противорѣчій, достигнуть единства и системы. Всѣ критики Бэна одинаково признаютъ эту часть психологическихъ трудовъ его самою слабою. Описательная сторона почти безукоризненна, но анализъ недостаточно глубокъ, классификація ненаучна и искусственна, система изложенія неудовлетворительна, — словомъ сказать трудъ Бэна имѣетъ только *временное, переходное* значеніе, какъ выражается Спенсеръ въ своей критической статьѣ по поводу книги Бэна [1]).

Разсужденія Бэна о пріемахъ изученія и толкованія чувствованій, составляющія нѣкоторымъ образомъ введеніе въ его трудъ (хотя они стоятъ и не въ самомъ началѣ послѣдняго) мы оставимъ въ сторонѣ и прямо перейдемъ къ изложенію его теоріи удовольствія и страданія, при чемъ на помощь будемъ брать и нѣкоторые отдѣлы другого труда его «Объ ощущеніяхъ и умѣ». Понятіе чувства (feeling) обнимаетъ собою, говоритъ Бэнъ, всѣ наши удовольствія и страданія, вмѣстѣ съ состояніями, которыя безразличны въ отношеніи къ удовольствію и страданію и которыя имѣютъ характеръ простого «возбужденія» (excitement). Изъ этого опредѣленія видно, что понятіе чувства имѣетъ для Бэна болѣе обширный смыслъ, чѣмъ въ какомъ его принимаютъ многіе писатели нашего времени. Къ области чувства относятся и ощущенія, имѣющія характеръ первичный, и *волненія*, имѣющія значеніе «вторичныхъ, производныхъ или сложныхъ чувствованій (complicated feelings)». Анализъ ощущеній составляетъ содержаніе первой части второго изъ упомянутыхъ сочиненій Бэна, анализъ волненій — первой части трактата «о волненіяхъ и волѣ». Но ощущенія и чувствованія для Бэна явленія столь родственныя и трудно отдѣлимыя другъ отъ друга, что и въ трудѣ объ ощущеніяхъ онъ часто касается эмоціональныхъ состояній, — состояній удовольствія и страданія [2]).

«Самое замѣтное различіе въ области нашихъ чувствованій заключается въ контрастѣ удовольствія и страданія», говоритъ Бэнъ [3]). Дѣло въ томъ, что онъ различаетъ въ чувствованіяхъ вообще:

---

[1]) Ср. Ribot. Rsychol. angl contemp., l. c., p. 289 и 290.

[2]) Ср. The Senses a. the Intellect, 3-d Ed., L. 1868, особ. The instinctive play of feeling, p. 271 и слѣд., также Appendix B (Physical accompan. of Pleasure a. Pain), и наконецъ анализъ отдѣльныхъ классовъ ощущеній (Ch. II), гдѣ онъ, особливо при разборѣ «органическихъ ощущеній», весьма часто говоритъ о пріятной и о болѣзненной сторонѣ послѣднихъ.

[3]) The Emotions, p. 10.

1) Физическую сторону:

a) возникновеніе въ органахъ тѣла (bodily origin), — но это впрочемъ касается лишь ощущеній.

b) диффузія въ организмѣ, т. е. воплощеніе чувствованій (embodiment), являющееся главнымъ образомъ результатомъ волненій.

2) Духовную сторону:

Главными характерами чувствованій, какъ таковыхъ, являются:

a) качество ихъ, состоящее въ удовольствіи, страданіи или безразличіи.

b) степень интенсивности или количества, массы или объема.

c) спеціальныя характерныя черты (special characteristics, speciality, or points that may distinguisch states substantially equivalent in quality and in degree)[1]).

Затѣмъ возможны еще другія особенности чувствованій, зависящія отъ взаимодѣйствія ихъ съ *волей* и съ *интеллектомъ*, но для насъ важно только то, что удовольствіе и страданіе составляютъ для Бэна *качественную* сторону чувствованій. «Состояніе удовольствія, говоритъ Бэнъ, представляетъ послѣдній, недоступный опредѣленію, фактъ опыта (experience) души. Этотъ фактъ самъ по себѣ извѣстенъ всякому чрезъ личное сознаніе». То же самое относится и къ состоянію страданія. Но въ третьихъ, какъ мы видѣли, есть еще состояніе безразличія или «нейтральнаго возбужденія», ибо мы можемъ *чувствовать* (напр. удивленіе) и однако не испытывать ни удовольствія, ни страданія; да притомъ и *всякое* пріятное и непріятное ощущеніе проходятъ ступень безразличія, когда удовольствіе, уменьшаясь вслѣдствіе притупленія нашего, превращается въ нуль, а страданіе еще не началось...[2]). Поэтому контрастъ удовольствія и страданія, какъ у Бонне и Канта, приравнивается контрасту + и —, или теплаго и холоднаго, кредита и дебета. Фактъ этого контраста представляетъ одно изъ выраженій закона «соотносительности» (law of relativity), имѣющаго въ области чувствованій такое же примѣненіе, какъ и въ области другихъ психическихъ состояній[3]). Другой законъ, въ особенности примѣнимый къ чувствованіямъ, есть упомянутый уже законъ «диффузіи», т. е. разлитія раздраженія по тѣмъ органамъ тѣла, которыя прямо не подвергнуты возбужденію[4]). Но эти два

---

[1]) См. The Senses etc., p. 74, прим. (the plan) и The Emotions etc., p. 10 и 11.

[2]) The Emot., p. 12 и 13.

[3]) Ср. ibid. p. 4 и The Senses, p. 8 и 9.

[4]) Ср. The Emot., p. 4 и слѣд.

закона однако нисколько еще не объясняютъ различія удовольствія и страданія. Эту цѣль выполняетъ у Бэна рядъ другихъ принциповъ. «Удовольствіе соединяется съ энергіей жизни, страданіе — наоборотъ», говоритъ онъ въ самой общей формѣ. Но такъ какъ не всякое увеличеніе этой энергіи сопровождаются удовольствіемъ и обратно, то надо провести различіе между *болѣе и менѣе* чувствующими органами: несомнѣнно, что увеличеніе и уменьшеніе жизненной энергіи, служащія источниками чувствованій, спеціально соотвѣтствуютъ извѣстнымъ состояніямъ *мозга*, а не другихъ какихъ-либо органовъ [1]). Поэтому законъ жизненности (the law of vitality) есть въ сущности законъ бо́льшаго или ме́ньшаго «возбужденія» центровъ (law of stimulation), при чемъ возбудители собственно не увеличиваютъ силы нервныхъ центровъ, а только даютъ ей *упражненіе* (исходъ). Упражненіе это въ извѣстныхъ предѣлахъ пріятно, прекращеніе его ведетъ за собою утрату удовольствія, излишекъ же въ упражненіи ведетъ къ сознанію пониженія жизненности, т. е. къ страданію. Этотъ законъ примѣнимъ къ ощущеніямъ осязанія, слуха и зрѣнія, и *отчасти* къ ощущеніямъ вкуса и обонянія,—но только отчасти, а *не вполнѣ* (not fully), при современномъ состояніи нашихъ знаній [2]).

Изъ всѣхъ этихъ опредѣленій можно справедливо заключить, что Бэнъ тоже, и даже болѣе другихъ англійскихъ психологовъ, — послѣдователь Гамильтона [3]), хотя самъ онъ и довольно презрительно отзывается о теоріи этого писателя, находя, что опредѣленіе Гамильтона никакъ не можетъ объяснить чувствованій, связанныхъ съ *пассивными* воспріятіями, «а отъ этого самого оно конечно дѣлается такимъ смутнымъ, что теряетъ всякую цѣну» [4]). Намъ кажется однако, что Бэнъ въ этомъ отзывѣ не вполнѣ безпристрастенъ.

Свою теорію удовольствія и страданія Бэнъ еще обстоятельнѣе излагаетъ въ сочиненіи объ ощущеніяхъ, въ упомянутой выше главѣ объ инстинктахъ. Для полноты изложимъ и этотъ варіантъ его ученія. «Упражненіе, говоритъ Бэнъ, пріятно только тогда, когда мы тратимъ *излишекъ* энергіи и когда вслѣдствіе этого ускоряется движеніе крови въ нашей системѣ». Когда наступаетъ усталость (т. е. истощеніе силъ), и упражненіе всетаки продолжается, то энергія жизни понижается и мы испытываемъ

---

[1]) Ibid. p. 11: There is doubtless a certain aspect of brain power more especially condected with the preasurable tone of the system.

[2]) Ibid. p. 12.

[3]) Ср. Dumont, l. c., p. 66—67.

[4]) Ср. The Senses, Append. B, p. 674 и 675.

страданіе. Въ такой формѣ законъ соотношенія между чувствованіями и дѣятельностью нашихъ силъ очевидно тождественъ *закону самосохраненія,* и Бэнъ подробно разъясняетъ, какъ въ силу этого послѣдняго происходитъ возстановленіе потраченной во время дѣятельности энергіи [1]). Къ органическимъ функціямъ этотъ законъ вообще вполнѣ примѣнимъ, но зато въ области *ощущеній,* особенно вкусовыхъ и обонятельныхъ, мы видимъ часто, что польза не совпадаетъ съ удовольствіемъ, и обратно. Поэтому нельзя утверждать, что степень возвышенія энергіи жизни *всегда* соотвѣтствуетъ степени удовольствія. Для полной теоріи удовольствія и страданія необходимо, стало быть, найти дополнительный принципъ [2]). Это подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что еслибы не было вліяній, модифицирующихъ законъ самосохраненія, то мы бы не могли дѣйствовать никогда въ ущербъ нашему благосостоянію (welfare) [3]). И вотъ Бэнъ прибѣгаетъ къ указанному уже выше «закону *возбужденія* (центровъ)»: въ области осязанія, слуха и зрѣнія ощущенія пріятны въ извѣстныхъ предѣлахъ интенсивности; неудовольствіе же въ области трехъ высшихъ чувствъ зависитъ отъ эксцесса въ дѣйствующемъ возбудителѣ. Что же касается до химическихъ чувствъ (the chemical Senses)—вкуса и обонянія, то къ нимъ и это второе правило неприложимо съ такою же достовѣрностью, какъ ко всѣмъ прочимъ: «мы въ настоящее время, говоритъ Бэнъ, не можемъ еще отдать себѣ отчета, въ чемъ состоитъ различное дѣйствіе сладкаго и горькаго вкусовъ на нашу нервную субстанцію, и мы не можемъ сказать, чтобы въ области вкусовъ и запаховъ, ощущеніе, какъ таковое, всегда было пріятно». Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Бэна, этого рода удовольствія и страданія не могутъ быть наглядно объяснены и другимъ закономъ «самосохраненія»; а потому тѣ и другія явленія всетаки скорѣе должно отнести къ закону возбужденія. Этотъ законъ «возбужденія» онъ затѣмъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Мы обладаемъ извѣстнымъ количествомъ нервной силы или возбудимости, которая обращается въ удовольствіе, вполнѣ реальное, и тогда, когда она находится подъ вліяніемъ раздраженій (shocks), которыя не имѣютъ отнюдь назначенія нутритивнаго (?), а только даютъ исходъ накопившейся силѣ и поглощаютъ её» [4]).

Затѣмъ Бэнъ замѣчаетъ, что можетъ быть найдутся лица, которыя захотятъ и законъ самосохраненія свести къ закону возбужденія, такъ

---

[1]) Ibid. p. 283.
[2]) Ср. ibid. p. 285 и 286.
[3]) Ibid. p 292.
[4]) Ibid. p. 293 и 294.

какъ увеличеніе энергіи жизни, при помощи возстановленія тканей, имѣетъ результатомъ только возможность большей продолжительности пріятнаго возбужденія. «Факты несомнѣнно допускаютъ и такого рода толкованіе; но лучше однако, говоритъ Бэнъ, при современномъ состояніи знаній, не доводить ни одного принципа до исключительнаго господства» [1]). Такое соображеніе конечно не имѣетъ большого научнаго значенія, и Бэнъ самъ очевидно сочувствуетъ признанію всеобщности «принципа возбужденія», такъ какъ въ сочиненіи о волненіяхъ онъ уже не говоритъ болѣе о законѣ самосохраненія. Такимъ образомъ ясно, что Бэнъ опять — новый и своеобразный выразитель ученія Гамильтона, ставившаго чувствованія въ связь съ количественнымъ отношеніемъ дѣятельности къ силамъ нашего организма. Вся разница въ томъ, что, вмѣсто нѣсколько двусмысленнаго термина «дѣятельности», Бэнъ принялъ терминъ «возбужденія» (Stimulation). Но засимъ, подобно Гамильтону, онъ тоже не пытается объяснить кажущихся исключеній изъ принятаго имъ закона и довольствуется отнесеніемъ ихъ на счетъ несовершенства и неполноты современныхъ физіологическихъ знаній. Посмотримъ теперь, въ чемъ заключается теорія Спенсера.

Спенсеръ посвящаетъ особую главу своихъ «Принциповъ психологіи» анализу явленій удовольствія и страданія. Онъ говоритъ, что дѣленіе чувствованій (т. е. вообще состояній сознанія) на пріятныя и непріятныя перекрещиваетъ всѣ остальныя «демаркаціонныя линіи» между классами психическихъ явленій; но полный анализъ этихъ двухъ большихъ группъ явленій — задача слишкомъ сложная, ибо именно эти явленія — самыя темныя и затруднительныя для пониманія въ области психологіи; поэтому онъ намѣренъ разсмотрѣть только главнѣйшіе вопросы, къ нимъ относящіеся. «Удовольствія и страданія суть спутники извѣстныхъ состояній нашихъ, мѣстныхъ или же общихъ». Подъ состояніями необходимо разумѣть столько же дѣйствія (actions), сколько и *бездѣйствія* наши (inactions). Впрочемъ не всѣ состоянія организма сопровождаются явленіями удов. и страд.: есть такія, которыя вовсе не ощущаются, и есть кромѣ того ощущенія, которыя безразличны (indifferent feelings); поэтому надо рѣшить вопросъ, какія именно состоянія ведутъ къ удовольствію и какія причиняютъ страданіе [2]).

Сначала Спенсеръ разсматриваетъ, насколько страданія зависятъ отъ *бездѣйствія* тѣхъ или другихъ органовъ. Надо замѣтить, что онъ дѣлитъ всѣ органы наши на три группы: *эпипериферическихъ*, *энтопериферическихъ* и *центральныхъ*, соотвѣтственно которымъ на тѣ же три группы дѣ-

---

[1]) Ibid. p. 295.

[2]) The principles of Psychol., l. c., Vol. I. Ch. IX, p. 272—273.

лятся и всѣ ощущенія. Оказывается, что бездѣйствіе въ области второй и третьей группы органовъ ведетъ къ весьма замѣтнымъ состояніямъ неудовольствія, въ области же первой группы оно рѣдко бываетъ болѣзненнымъ. Далѣе идетъ рѣчь о страданіяхъ, связанныхъ съ *чрезмѣрною* дѣятельностью тѣхъ же органовъ. Наименѣе доступными страданіямъ этого рода оказываются органы центральной воспріимчивости. Такъ или иначе, несомнѣннымъ является контрастъ страданій, связанныхъ съ *недостаткомъ* дѣятельности и зависящихъ отъ *избытка* ея, т. е. противуположность *отрицательныхъ* и *положительныхъ* страданій (negative a. positive pains). Изъ одного этого контраста уже слѣдуетъ, что удовольствіе занимаетъ середину, т. е. является результатомъ *умѣренной дѣятельности*[1]).

Стало быть, и Спенсеръ ставитъ чувствованія, въ тѣсномъ значеніи этого слова, въ зависимость отъ оцѣнки гармоніи *внутреннихъ* отношеній. Но онъ замѣчаетъ однако, что эти внутреннія отношенія плохо опредѣлимы и что такая теорія открыта критикѣ, въ родѣ той, какую Дж. Ст. Милль представилъ на теорію Гамильтона, ибо остается вопросомъ, что́ именно составляетъ среду для дѣятельности (въ каждомъ случаѣ) и что́ опредѣляетъ границы превращенія отрицательнаго страданія въ удовольствіе и послѣдняго въ положительное страданіе? Далѣе слѣдуетъ еще вопросъ, какъ объяснить, что нѣкоторыя ощущенія непріятны, другія пріятны на *всѣхъ* ступеняхъ интенсивности? По мнѣнію Спенсера, отвѣты на всѣ эти вопросы *могутъ* быть найдены, но ихъ должно искать въ такой области, которую психологи до сихъ поръ еще не изслѣдовали; мы вообще не найдемъ рѣшенія ихъ, если будемъ изучать чувствованія въ той формѣ, въ какой они *теперь* существуютъ,—необходимо возвратиться къ тѣмъ *прошедшимъ* условіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались[2]).

Слѣдуетъ затѣмъ изложеніе теоріи *эволюціи* существъ съ точки зрѣнія приспособленія ихъ къ окружающимъ условіямъ при помощи *чувствованій* удовольствія и страданія. Въ результатѣ оказывается, что сохранившіяся породы существъ и индивидуумы должны быть болѣе или менѣе приспособлены къ окружающимъ условіямъ и въ отношеніи къ своимъ чувствованіямъ. Вѣроятно Спенсеръ подъ этимъ разумѣетъ между прочимъ и то, что *постоянная* пріятность или непріятность извѣстныхъ вкусовъ и запаховъ должна быть тоже объясняема такимъ приспособленіемъ. Если же въ ка-

---

[1]) Ibid. p. 273—277: Pleasures are the concomitants of medium activities, но впрочемъ только тамъ, where the activities are of kinds liable to be excessive, ибо въ другихъ случаяхъ pleasures increases as the activity increases.

[2]) Ibid. p. 277 и 278.

кихъ-нибудь данныхъ индивидуумахъ результаты приспособленія оказываются излишними, то это мотивируется тѣмъ, что полезное для цѣлаго поколѣнія обыкновенно не только не совпадаетъ съ полезнымъ по отношенію къ индивидууму, но даже часто бываетъ діаметрально противуположно ему (diametrically opposed)[1]). Эта теорія Спенсера очевидно дополняетъ то, что́ мы выше говорили о томъ же предметѣ по поводу Миллевой критики ученія Гамильтона. Спенсеръ, при помощи гипотезы эволюціи, выясняетъ самый способъ того приспособленія органовъ другъ къ другу и къ окружающимъ обстоятельствамъ, о которомъ мы выше упоминали[2]).

Въ концѣ разсматриваемой нами главы Спенсеръ касается еще внутренней природы удовольствія и страданія съ «психологической» точки зрѣнія. Основываясь на относительной самостоятельности этихъ явленій отъ параллельныхъ ощущеній и на тождествѣ основъ удовольствія и страданія во всѣхъ спеціальныхъ видахъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, онъ ставитъ гипотезу, что удовольствія и страданія главнымъ образомъ (largely, if not mainly) состоятъ изъ *вторичныхъ* элементовъ ощущенія, вызванныхъ косвенно *диффузіей* (*одиночнаго*) *раздраженія* въ нервной системѣ[3]). Эта гипотеза диффузіи, встрѣченная нами и у Бэна, по нашему мнѣнію, ничего не прибавляетъ къ теоріи удовольствія, ибо понятіе диффузіи самое неопредѣленное и вопроса о томъ, гдѣ и какъ образуется сознаніе пріятнаго или непріятнаго впечатлѣній, она всетаки не выясняетъ.

Во Франціи важнѣйшими авторитетами въ нашемъ вопросѣ, какъ мы замѣтили уже, представляются въ настоящее время Булье и Дюмонъ, авторы особыхъ монографій объ удовольствіи и страданіи. Монографія Булье имѣла уже два изданія и во второй разъ (въ 1877 г.) явилась въ значительно переработанномъ видѣ, съ весьма существенными дополненіями и измѣненіями; поэтому эта книжка приняла теперь почти втрое бо́льшіе размѣры, чѣмъ какіе она имѣла въ первомъ изданіи[4]). Между прочимъ она обогатилась многочисленными историческими комментаріями; но надо замѣтить, что *историческая* часть сочиненія Булье, вслѣдствіе неполноты, безпорядочности размѣщенія и краткости цитатъ (не говоря уже о томъ, что авторъ рѣдко черпаетъ ихъ изъ первыхъ источниковъ), — представляетъ лишь весьма сомнительныя достоинства. Затѣмъ намъ кажется, что из-

---

[1]) Ср. ibid. p. 278—286.

[2]) См. стр. 350—351.

[3]) L. c., ibid. p. 288.

[4]) О добавленіяхъ, отличающихъ второе изданіе ср. подробнѣе въ упомянутой ниже статьѣ Marion, p. 318 и слѣд.

реченія поэтовъ, драматурговъ и вообще литераторовъ, обильно примѣшиваемыя авторомъ къ собственному изложенію, должны быть разсматриваемы вообще какъ весьма плохая и безполезная приправа къ научному изслѣдованію. Притомъ всякія цитаты теряютъ половину своего достоинства, когда не указаны точно мѣста, откуда онѣ взяты, а французы такими указаніями, какъ извѣстно, слишкомъ пренебрегаютъ. О книгѣ Булье существуетъ нѣсколько дѣльныхъ рецензій, которыя могутъ оказать пользу при изложеніи его теорій. Мы упомянемъ только о рецензіи Боссира (M. E. Beaussire. De la sensibilité, à propos du livre de M. Bouillier...) въ Revue Scientifique (Paris. 1878, p. 82 — 85) и о другой, еще болѣе обстоятельной, Генриха Маріона (H. Marion. Francisque Bouillier. Du plaisir et de la douleur...) въ Revue philosophique (Paris. 1877. II, p. 318 — 327).

Книга Дюмона, вошедшая въ число изданій «Интернаціональной научной библіотеки», была подготовлена рядомъ мѣньшихъ статей и монографій того же автора объ отдѣльныхъ вопросахъ данной области, появлявшихся большею частью въ тѣхъ же французскихъ ученыхъ журналахъ [1]). Отдѣльно вышла въ 1862 году монографія «О причинахъ смѣха» (Des causes du rire). Главный трудъ его былъ напечатанъ въ 1875 г. Послѣ этого Дюмонъ однако продолжалъ еще печатать статьи, имѣющія отношеніе къ данному вопросу, напр. ему принадлежитъ разборъ теоріи чувствительности Дельбёфа (Revue Philos. 1876. II, p. 452 — 485) и рецензія на первую книжку Горвица о чувствованіяхъ (Revue Philos., ibid. p. 641 — 643). Къ несчастію, преждевременная смерть остановила дальнѣйшую литературную дѣятельность этого плодовитаго и талантливаго ученаго. О книгѣ Дюмона вышло тоже много рецензій въ различныхъ журналахъ. Самую дѣльную критику его теоріи мы нашли въ Revue Scientifique (24 Janvier. 1874, p. 704 и слѣд.) въ статьѣ Веди (H. Védie. Nouvelle théorie du plaisir et de la douleur, fnodée sur la physiologie), относящейся къ одному изъ болѣе раннихъ опытовъ Дюмона по теоріи удовольствія.

Дюмонъ въ своемъ главномъ сочиненіи между прочимъ тоже излагаетъ и *исторію* ученій объ удовольствіи и страданіи. Мы уже указали на его точку зрѣнія въ данномъ вопросѣ [1]). Теперь прибавимъ только, что достоинство этого историческаго очерка несравненно выше, чѣмъ какое мы признали за историческими замѣтками Булье. Очеркъ Дюмона до сихъ поръ былъ несомнѣнно лучшимъ; однако и онъ имѣетъ большіе недостатки: характеръ его всетаки довольно поверхностный, ссылки неточны и неполны,

---

[1]) См. собств. указанія Дюмона, Théorie de la Sensib., p. 20.

[2]) См. выше, стр. 139.

расположеніе цитатъ довольно безпорядочно, самое изложеніе слишкомъ отрывочно... Тѣмъ не менѣе у автора есть хоть какая-нибудь *система* и полнота въ изложеніи, а потому послѣдующимъ историкамъ трудно обойтись безъ матеріала, собраннаго Дюмономъ. Приступимъ теперь къ анализу ученій Булье и Дюмона о *причинахъ* удовольствія и страданія.

Булье, вообще говоря, — представитель *старой* школы французскихъ психологовъ, школы Жуффруа: это спиритуалистъ самого твердаго закала, являющійся противникомъ всякаго взаимодѣйствія между наукою о душѣ и наукою о тѣлѣ, между психологіей и физіологіей. Но это конечно не мѣшаетъ ему объяснять чувствованія удовольствія и страданія бо́льшею или меньшею гармоніею *внутреннихъ* отправленій. Онъ только выражаетъ законъ этого соотношенія не физіологическою, а чисто *метафизическою* формулою. Мы уже знаемъ, что Булье вполнѣ одобряетъ стремленія Канта и Гамильтона упрочить независимость явленій чувства отъ явленій ума и воли. Разсуждая о двусмысленности терминовъ, обозначавшихъ до сихъ поръ феномены удовольствія и страданія, онъ настаиваетъ на томъ, что подъ «чувствительностью» (sensibilité) необходимо понимать исключительно способность человѣка испытывать удовольствіе и страданіе [1]). Въ III главѣ своей монографіи онъ говоритъ о невозможности дать какое-либо реальное опредѣленіе этимъ феноменамъ и о необходимости при объясненіи ихъ ограничиться указаніемъ на ихъ *причину*. Причина эта, по его мнѣнію, внутренняя (intime) и глубокая: она лежитъ не внѣ насъ, а *въ насъ самихъ*, и искать её надо въ самой природѣ нашей (dans notre essence), а именно во внутреннихъ условіяхъ нашей дѣятельности [2]). Чтобы дѣятельность могла сдѣлаться источникомъ чувствованій, необходимо ей имѣть какую-нибудь *цѣль* и затѣмъ быть *сознательной*: полная безсознательность имѣетъ результатомъ абсолютную нечувствительность [3]). Въ чемъ же состоитъ означенная цѣль? Это любовь наша къ бытію, инстинктъ *самосохраненія*. Поэтому Булье допускаетъ принципъ Спинозы, что «всякая вещь, насколько возможно, стремится удержать свойственное ей бытіе» [4]), а потому удовольствіе есть продуктъ всякой дѣятельности души, которая слѣдуетъ по пути, вытекающему изъ природы даннаго существа, т. е. которая совершается въ смыслѣ самосохраненія и развитія его [5]). Такое опредѣленіе предполагаетъ «существованіе *нормальной* дѣятельности, извѣстнаго

---

[1]) Du plaisir et de la douleur, l. c, ср. Ch I и II, особ. p. 28.
[2]) Ibid. p 46 и слѣд.
[3]) Ibid. p. 48 и 49.
[4]) Ibid. p. 50 и 51.
[5]) Idid. p. 52.

типа способностей», согласіе или несогласіе съ которымъ и объясняетъ различіе удовольствія и страданія. Эту гипотезу Булье защищаетъ особенно противъ эволюціонистовъ, признающихъ постоянную трансформацію видовъ; впрочемъ, такъ какъ эта трансформація совершается въ теченіе долгихъ вѣковъ, то даже и теорія эволюціи, по мнѣнію Булье, не препятствуетъ признанію нормальнаго типа дѣятельности для каждой эпохи, предшествующей превращенію [1]). Булье очевидно не понимаетъ, что эволюціонисты считаютъ трансформацію, хотя и медленной, но постепенной, ежечасной, а не періодической. Но и помимо этого соображенія, трудно понять, какъ Булье можетъ настаивать на предположеніи нормальнаго типа, т. е. *абсолютнаго* критерія при оцѣнкѣ гармоніи внутреннихъ процессовъ, когда онъ въ другихъ мѣстахъ сочиненія самъ такъ краснорѣчиво доказываетъ *относительность* чувствованій, ихъ измѣнчивость и подвижность [2])? Вообще Булье одинъ изъ самыхъ туманныхъ выразителей современной теоріи удовольствія и страданія: въ противорѣчіяхъ у него нѣтъ недостатка. Такъ напр., ставя чувствованія въ связь со степенью нормальности нашей дѣятельности, онъ очевидно предполагаетъ ея оцѣнку *качественною* и въ этомъ смыслѣ толкуетъ между прочимъ Гамильтоновское понятіе «совершенной энергіи» [3]); но съ другой стороны онъ не разъ повторяетъ, что удовольствіе связано съ дѣятельностями *умѣренными* и *пропорціонированными*, страданіе — съ отсутствіемъ *равновѣсія* въ дѣятельности, т. е. съ слишкимъ сильнымъ или продолжительнымъ упражненіемъ силъ [4]); въ этихъ случаяхъ оцѣнка конечно признается *количественною*. Какъ понимать также указываемую авторомъ черту «сознательности» чувствованій, тоже не вполнѣ ясно. Стало быть, изъ теоріи Булье мы можемъ извлечь какъ достовѣрное только то, что причину чувствованій онъ считаетъ внутреннею, субъективною, а не внѣшнею, объективною [5]); но этого конечно недостаточно. Еще важнымъ пунктомъ въ его теоріи является утвержденіе, что феномены чувства столь же *реальны*, какъ и всѣ прочіе феномены сознанія [6]). Эту мысль Булье отстаиваетъ противъ Дюмона, утверждающаго обратное, и въ данномъ случаѣ Булье конечно правъ. Но нельзя однако согласиться съ Маріономъ, чтобы во всѣхъ пунктахъ разногласія между этими двумя писателями преимущество лежало

---

[1]) Ibid. p 53—55.

[2]) Ср. ibid. Ch II, p. 32 и слѣд. На это противорѣчіе указываетъ и Beaussire въ упом. выше статьѣ, p. 84

[3]) Ibid. p. 58 и 59.

[4]) Ср. ibid. p. 56, 60 и др.

[5]) Ср. ibid. p. 61: En définitive, les causes externes se ramènent toujours à la cause interne et subjective qui est le déploiement de l'activité....

[6]) Ch. II, p. 23 и слѣд

на сторонѣ Булье[1]): и у Дюмона въ его теоріи мы найдемъ важные недостатки и неточности выраженія, но всетаки соперникъ его далеко перещеголялъ его въ этомъ отношеніи.

Дюмонъ подъ «чувствительностью» понимаетъ тоже всѣ феномены удовольствія и страданія, обозначая ихъ также другимъ терминомъ «волненій». Науку о чувствованіяхъ онъ именуетъ «Эстетикой», хотя употребленіе этого термина въ данномъ значеніи конечно ничѣмъ не оправдывается[2]). Книга Дюмона въ цѣломъ дѣлится на двѣ главныя части: «общій анализъ» и «частный синтезъ». Первая часть содержитъ, вслѣдъ за введеніемъ и предварительной главой, устанавливающей терминологію, большую главу, содержащую упомянутый историческій очеркъ, и затѣмъ рядъ главъ, имѣющихъ предметомъ общій анализъ явленій удовольствія и страданія. Вторая часть заключаетъ въ себѣ общую главу о классификаціи чувствованій, затѣмъ довольно обстоятельный анализъ, въ четырехъ главахъ, спеціальныхъ эмоцій; остальныя главы посвящены разбору второстепенныхъ вопросовъ: о выраженіи чувствованій, о вліяніи волненій на волю и т. д. Теперь намъ важно ознакомиться только съ тѣми главами I части, въ которыхъ изслѣдуется природа удовольствія и страданія. Сначала Дюмонъ почти буквально излагаетъ уже извѣстную намъ теорію Гамильтона и возраженія на неё Дж. Ст. Милля, которыя онъ находитъ, какъ мы уже знаемъ, недостаточными. Онъ соглашается однако съ тѣмъ, что теорію Гамильтона должно въ настоящее время облечь въ иную форму, болѣе соотвѣтствующую послѣднимъ результатамъ физіологическихъ и психологическихъ изслѣдованій, и вотъ такую новую форму мы находимъ въ слѣдующемъ его опредѣленіи: «удовольствіе имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда совокупность силъ, составляющихъ наше «*я*», оказывается увеличенною, и это увеличеніе однако неспособно произвести диссоціаціи этихъ самыхъ силъ; страданіе, напротивъ, является результатомъ уменьшенія количества нашихъ силъ»[3]). Такое опредѣленіе основано на томъ соображеніи, что причиною удовольствія будто бы можетъ быть только «приходъ» въ силахъ, а не «расходъ» ихъ. Дюмонъ не отрицаетъ, что послѣдствіемъ возбужденія, вызвавшаго удовольствіе, являются *трата* силъ и ихъ истощеніе, но эта трата есть именно только *послѣдствіе* удовольствія, само же оно заключается въ притокѣ и возбужденіи силъ[4]). Веди

---

[1]) См. въ упом. статьѣ, p. 327.

[2]) Théorie Scientifique de la Sensibilité, l. c., Ch I. Дюмонъ самъ въ началѣ этой главы возражаетъ противъ обозначенія нѣкоторыхъ чувствованій терминомъ «sensations» (ibid. p. 22).

[3]) Ibid. Ch. III, особ. p. 67.

[4]) Ср. ibid. p. 68.

весьма справедливо указываетъ, въ означенной нами статьѣ, что это выраженіе природы удовольствія и страданія можетъ быть признано вѣрнымъ только въ томъ случаѣ, если разумѣть переходъ большого количества силъ, въ моментъ удовольствія, изъ состоянія *скрытаго*, безсознательнаго — въ состояніе живое, сознательное [1]). Необходимо однако прибавить, по мнѣнію Веди, что рядомъ съ «увеличеніемъ силъ» важнымъ условіемъ удовольствія является «полезная трата» ихъ,—условіемъ же страданія, наоборотъ, рядомъ съ «уменьшеніемъ силъ» безполезная или вредная трата ихъ [2]). Но это дополненіе, какъ мы уже видѣли при изложеніи теорій Лотце и Бэна, не можетъ быть допущено безъ новыхъ ограниченій. Поэтому опредѣленіе Дюмона остается тѣмъ не менѣе двусмысленнымъ и непригоднымъ. Выраженіе законовъ соотношенія явленій психологическаго круга, столько же сколько и физическихъ, должно быть вообще на столько *точно*, чтобы не были возможны никакія недоразумѣнія, а у Дюмона мы этой точности не находимъ, ибо всетаки несомнѣнно, что *всякая* дѣятельность, *всякое* упражненіе силъ, пріятное или непріятное, сопровождается *тратою* вещества, и далѣе, что никакое животное отправленіе, а тѣмъ болѣе если оно сознательно, *само по себѣ* не увеличиваетъ суммы нашихъ энергій, что такое дѣйствіе имѣютъ лишь растительныя отправленія, весьма рѣдко доступныя оцѣнкѣ. Можно подумать, что именно примѣръ немногихъ, доступныхъ оцѣнкѣ растительныхъ функцій, умножающихъ запасъ нашихъ силъ, и послужилъ основаніемъ для теоріи Дюмона и что въ примѣненіи къ послѣднимъ, по крайней мѣрѣ, теорія его правильна. Но къ сожалѣнію и это невѣрно, ибо если отправленія, связанныя напр. съ питаніемъ, и доставляютъ намъ положительныя удовольствія, то опять таки не въ виду увеличенія силъ, достигаемаго чрезъ нихъ, а только въ силу пріятности самой *работы*, въ насъ совершающейся, и конечно всегда сопровождаемой извѣстной *тратой* вещества. Итакъ упомянутое опредѣленіе Дюмона ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться удовлетворительнымъ, и мы увидимъ въ свое время, что можно выразить ту же теорію зависимости чувствованій отъ количественныхъ отношеній нашихъ силъ гораздо лучше и точнѣе.

Установивъ общій законъ отношенія удовольствія и страданія, Дюмонъ въ слѣдующихъ главахъ разъясняетъ дальнѣйшія особенности этихъ феноменовъ. Прежде всего онъ стремится доказать посредствомъ цѣлаго ряда положеній *относительность* пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій въ томъ

---

[1]) См. въ упом. ст., p. 704.
[2]) Ibid. p. 705.

самомъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляли этотъ терминъ [1]). Въ слѣдующей главѣ «О метафизическомъ характерѣ удовольствія и страданія» отъ относительности этихъ феноменовъ онъ переходитъ къ странному предположенію, что они нереальны. Удовольствіе и страданіе «соотвѣтствуютъ *перемѣнѣ* состоянія, а не самому состоянію», — это не особаго вида ощущенія и не особыя направленія ощущеній, ибо направленій психической дѣятельности можетъ быть только два (мысль Круга); чувствованія даже не суть факты или феномены психической жизни, они не суть и проявленія силъ, а лишь *признаки* извѣстныхъ феноменовъ, *показатели* ихъ отношеній, субъективные *образы* сложенія и разложенія силъ [2]). Нечего и говорить, что подобныя разсужденія Дюмона, противъ которыхъ справедливо возстаетъ Булье, не имѣютъ ни малѣйшаго научнаго смысла и имѣютъ источникомъ лишь логическое недоразумѣніе. Особый характеръ относительности явленій удовольствія и страданія, сравнительно съ ощущеніями, стремленіями и другими психическими феноменами, конечно не подлежитъ сомнѣнію, но отъ особаго характера относительности заключать къ *нереальности* явленій нѣтъ основанія. Во первыхъ *всѣ* психическія явленія болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ значеніи слова, относительны и измѣнчивы, и эта относительность почти всегда зависитъ отъ характера феноменовъ какого-нибудь другого порядка (напр. относительность «стремленій» зависитъ отъ характера «удовольствій и страданій», возникающихъ по поводу тѣхъ или другихъ «ощущеній»). Во вторыхъ, что̀ значитъ реальный и нереальный феноменъ сознанія? Все, что̀ мы сознаемъ, eo ipso реально для насъ: реальность эта можетъ имѣть объективную или субъективную окраску, но степень ея отъ этого не измѣняется; для первоначальнаго сознанія субъективное и объективное даже совпадаютъ и представляютъ вмѣстѣ одно конкретное цѣлое. Стало быть, Дюмонъ увлекся метафизическими тонкостями и пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, которые не имѣютъ никакого психологическаго достоинства. Вступивъ разъ на почву праздныхъ словопреній, онъ остается на ней и въ остальныхъ главахъ первой части своей книги, приплетая совершенно не кстати къ анализу чувствованій изслѣдованіе вопросовъ 1) о единствѣ сознанія и 2) о значеніи безсознательнаго. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ въ этихъ главахъ, совершенно невѣрны и односторонни. Можно ли доказать, напримѣръ,

---

[1]) Ibid. Ch. IV, p. 69 и слѣд. Мы отъ Дюмона и заимствовали понятія относительности и абсолютности оцѣнки (гармоніи), опредѣляющей характеръ чувства. Но Дюмонъ примѣняетъ эти понятія только къ оцѣнкѣ *внутренней* гармоніи, тогда какъ мы пользовались ими для характеристики *всѣхъ* способовъ оцѣнки, которыя только могутъ быть предположены.

[2]) Ibid. Ch. V.

что чувствованія, въ противоположность къ ощущеніямъ и идеямъ, *всегда* сливаются другъ съ другомъ и образуютъ одно неразрывное цѣлое (un mode général de sensibilité), когда въ борьбѣ мотивовъ дѣятельности, въ конфликтѣ противуположныхъ стремленій, мы имѣемъ такое наглядное доказательство раздѣльности чувствованій, неспособности ихъ во многихъ случаяхъ войти въ сліяніе другъ съ другомъ? Еще страннѣе доказывать, что безсознательность есть феноменъ, параллельный небытію, пустому пространству, и что даже въ неорганическомъ мірѣ сознаніе, а слѣдовательно и чувствованія пріятнаго и непріятнаго, составляютъ необходимую субъективную сторону обмѣна «силъ». Еслибъ Дюмонъ выпустилъ совершенно послѣднія три главы своего «общаго анализа», то книга его не только бы ничего не потеряла, но скорѣе бы выиграла въ глазахъ многихъ психологовъ. Вообще и Булье и Дюмонъ, слѣдуя отчасти традиціямъ французской философіи первой половины нынѣшняго вѣка, примѣшиваютъ къ психологическому анализу разборъ многихъ метафизическихъ проблемъ, и это конечно отчасти роняетъ достоинство ихъ теорій. Въ общемъ смыслѣ эти оба писателя стоятъ на правильной почвѣ, но въ частностяхъ они почти одинаково далеки отъ строго научнаго метода обработки теоріи удовольствія и страданія.

Кромѣ Булье и Дюмона, между французскими писателями есть и другіе, менѣе важные, хотя и самостоятельные, представители теоріи, ставящей чувствованія въ связь съ внутренними отношеніями нашихъ силъ. Между ними почетное мѣсто занимаетъ напр. бельгійскій ученый Дельбёфъ, особенно извѣстный своими психофизическими этюдами [1]). Но наибо́льшею оригинальностью, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія формы, отличается конечно теорія удовольствія, вкратцѣ изложенная **Пауланомъ** въ одномъ изъ номеровъ Revue scientifique. Этотъ писатель—поклонникъ теоріи эволюціи, и задача его именно этою теоріею объяснить контрастъ удовольствія и страданія. Удовольствіе есть феноменъ, сопровождающій эволюцію «сознательнаго» организма, т. е. всякій актъ приспособленія его къ окружающей средѣ,—страданіе, наоборотъ, есть результатъ всякаго препятствія такому приспособленію. Но, такъ какъ съ субъективной точки зрѣнія критеріемъ степени приспособленія нашего организма къ окружающимъ условіямъ служитъ степень согласія *новыхъ* отношеній феноменовъ сознанія, въ насъ образующихся, съ *старыми* (предшествующими) отношеніями, служащими подкладкою на-

[1]) Съ ученіемъ Дельбёфа, можно познакомиться между прочимъ изъ статьи Дюмона: Delboeuf et la théorie de la sensibilité. Revue Philos. 1876, Vol. II, p. 452 и слѣд. Ср. также статью Дельбёфа о законѣ Фехнера: Rev. Phil. 1877, Vol. III, p. 247—249.

шей индивидуальности, то можно упомянутый законъ свести къ слѣдующему: всякое отношеніе, вновь образующееся въ нашемъ организмѣ или въ нашемъ сознаніи, имѣетъ послѣдствіемъ чувство удовольствія, если мы легко и безпрепятственно можемъ поставить это отношеніе въ согласіе съ отношеніями, прежде образовавшимися, — въ противномъ случаѣ является страданіе. Иначе сказать, всякая интеграція состояній сознанія, представляющая постепенный переходъ его отъ неопредѣленной и безсвязной *гомогенности* къ опредѣленной и связной *гетерогенности* сопровождается удовольствіемъ, и наоборотъ. Состояніе же безразличія или безсознательности является продуктомъ *равновѣсія*, т. е. неизмѣннаго состоянія существующихъ въ насъ отношеній [1]). Въ этой формѣ современная теорія чувствованій *повидимому* получаетъ совершенно оригинальный характеръ. Но вѣдь въ сущности законъ приспособленія есть тотъ же законъ *самосохраненія*, только иначе выраженный. Между тѣмъ изъ разсужденій Бэна мы уже могли видѣть, что однимъ *этимъ* закономъ никакъ нельзя объяснить *всѣхъ* явленій удовольствія и страданія, не говоря о томъ, что этотъ принципъ только даетъ отвлеченное названіе, а не реальное объясненіе означеннымъ феноменамъ. Стало быть, теорія Паулана представляетъ лишь новый образчикъ неустановленности выраженій закона зависимости чувствованій отъ внутреннихъ состояній организма. Почти каждый писатель изобрѣтаетъ *свои* формулы и видитъ въ нихъ важное открытіе, не замѣчая того, что онъ только въ другихъ словахъ выражаетъ принципъ, уже давно извѣстный и давно принятый, хотя и въ иной формѣ, его предшественниками. При этомъ даже часто оказывается, какъ и въ данномъ случаѣ, что вновь предлагаемая формула выраженія закона составляетъ лишь прямую парафразу какой-нибудь старой, уже отвергнутой въ виду ея односторонности. Объяснить такія несообразности можно только отсутствіемъ полной исторіи ученій объ удовольствіи и страданіи и неосновательнымъ знакомствомъ новыхъ писателей съ теоріями предшественниковъ. Никто не знаетъ съ достовѣрностью, что́ именно твердо пріобрѣтено въ данной области и что́ еще остается выяснить, а потому каждый психологъ начинаетъ дѣло сызнова, и оттого конечно оно плохо подвигается впередъ.

Теперь перейдемъ къ нѣмецкимъ писателямъ физіологическаго направленія, — выразителямъ послѣдняго слова *нѣмецкой* науки въ изучаемой области. **Вундтъ** собственно только мимоходомъ и довольно поверхностно разбираетъ вопросъ о природѣ чувствованій въ своей «Физіологической

---

[1]) Revue Scientif., 1 Sept. 1877: M. Fr. Paulhan. Le plaisir et la douleur, особ. p. 210—212.

психологіи», но намъ необходимо изложить вкратцѣ его теорію, такъ какъ послѣдняя частью оказала вліяніе на ученіе Горвица, частью послужила предметомъ критики этого послѣдняго и отрицательной почвой для развитія его собственныхъ воззрѣній. Мы уже видѣли, что Вундтъ ставитъ явленія удовольствія и страданія въ полную зависимость отъ *интенсивности* ощущенія, пытаясь оправдать эту гипотезу и по отношенію къ низшимъ ощущеніямъ вкуса и обонянія, представляющимъ повидимому примѣръ зависимости чувствованій отъ *качества* воспріятія[1]). Теорія Вундта, по которой чувство есть «функція интенсивности *ощущенія*» конечно представляетъ на первый взглядъ лишь *одностороннее* выраженіе того закона, что всѣ чувствованія зависятъ отъ количественнаго отношенія нашихъ отправленій къ силѣ дѣйствія тѣхъ или другихъ органовъ, ибо отправленія наши заключаются не въ однихъ только «ощущеніяхъ». Но если глубже вникнуть въ дѣло, то мы и тутъ найдемъ лишь новое выраженіе означеннаго *общаго* закона, такъ какъ *всѣ* доступныя сознанію отправленія наши, съ субъективной точки зрѣнія, могутъ быть разсматриваемы какъ ощущенія: если напр. мы чувствуемъ удовольствіе, при умѣренномъ движеніи нашихъ членовъ, то это удовольствіе можно пожалуй разсматривать не какъ прямой продуктъ самого дѣйствія мускуловъ, а какъ результатъ умѣренныхъ *мускульныхъ ощущеній*, непосредственно вытекающихъ изъ этого дѣйствія. На этой точкѣ зрѣнія очевидно и стоитъ Вундтъ, и пока остается вопросомъ, не правильнѣе ли именно эта новая форма выраженія физіологическаго закона чувствованій? Свою гипотезу Вундтъ между прочимъ поясняетъ любопытной схемой параллельнаго развитія ощущенія и чувства, и тутъ законъ интенсивности проявляется въ настоящемъ свѣтѣ: одна и та же дуга обозначаетъ своими изгибами какъ различные моменты пріятнаго дѣйствія ощущенія на разныхъ его ступеняхъ, такъ и моменты неудовольствія, постепенно возрастающаго при чрезмѣрной интенсивности ощущенія. Повышаясь сначала до извѣстнаго максимума, удовольствіе засимъ постепенно понижается до состоянія полнаго равнодушія и затѣмъ превращается въ неудовольствіе, постепенно возрастающее до новаго максимума. Позитивнымъ моментомъ въ такомъ развитіи чувства является, по мнѣнію Вундта, только удовольствіе замѣтной интенсивности; въ болѣе ничтожныхъ величинахъ удовольствіе негативно, страданіе же всегда является величиною негативною[2]). Такимъ образомъ Вундтъ новымъ путемъ пришелъ къ старому сравненію удовольствія съ +, страданія съ —. Оригинально у него только то,

---

[1]) См. выше, стр. 350.

[2]) Physiol. Psychol, l. c., p. 431—432.

что и удовольствіе не всегда признается позитивнымъ,—что онъ предполагаетъ возможность и «негативныхъ» величинъ удовольствія (negative Werthe der Lust). Эта мысль отчасти объясняется тѣмъ, что гипотеза негативнаго *конца* въ развитіи чувства естественно выигрываетъ, если признать параллельную негативность его *начала*. Начало же въ развитіи чувства, совпадающее съ первымъ появленіемъ ощущенія въ сознаніи, очевидно не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ зарождающимся удовольствіемъ, слѣдовательно зарождающееся удовольствіе должно быть признано негативною величиною. Но это разсужденіе имѣло бы подобіе правды только въ томъ случаѣ, если бы можно было признать вмѣстѣ съ Вундтомъ, что при негативности, т. е. безсознательности, *ощущенія*, величина чувства равна *нулю*. Между тѣмъ отсутствіе замѣтнаго ощущенія въ сознаніи, какъ мы увидимъ въ свое время, можетъ сопровождаться весьма замѣтнымъ чувствомъ неудовольствія, въ которомъ и лежитъ настоящее отрицательное начало развитія чувства. Стало быть, если и возможны негативныя величины удовольствія, то онѣ совпадаютъ съ совершенно инымъ моментомъ развитія возбужденія нашихъ тканей, чѣмъ полагаетъ Вундтъ; но объ этомъ рѣчь впереди. Неудачное приложеніе въ частностяхъ закона зависимости удовольствія и страданія отъ интенсивности нашего возбужденія всетаки не препятствуетъ тому, чтобы признать Вундта однимъ изъ самыхъ лучшихъ поборниковъ этого закона въ самомъ *общемъ* его значеніи. Странно только то, что контрастъ удовольствія и страданія для Вундта не исчерпываетъ вполнѣ понятія «чувства». *Всѣ* чувствованія движутся въ сферѣ контрастовъ, но въ области «эстетическаго дѣйствія» ощущеній возможенъ рядъ другихъ контрастовъ, имѣющихъ только «отдаленную аналогію» съ чувствованіями удовольствія и страданія [1]). Таковъ напр. контрастъ чувствованій «живости» и «покоя», возбуждаемыхъ дѣйствіемъ различныхъ красокъ, таковъ такъ же контрастъ чувствованій «серіозности» и «веселости» (Heiterkeit), находящихся въ связи съ дѣйствіемъ на нашъ слухъ низкихъ и высокихъ тоновъ, и т. д. [2]). Эти контрасты уже зависятъ не отъ различной интенсивности, а отъ *качества* ощущеній [3]); характеръ ихъ *объективный*, а не субъективный. Въ виду этого общій законъ *чувства* конечно не можетъ вполнѣ совпадать съ закономъ удовольствія и страданія, и Вундтъ ищетъ особаго опредѣленія этого «общаго» закона. Такъ какъ «чувство» всегда является, по его мнѣнію, продуктомъ обратнаго воздѣйствія ощущеній на сознаніе, взятое въ цѣломъ,

---

[1]) Ср. ibid. p. 444 и 456.
[2]) Ibid. p. 445 и 447.
[3]) Ibid. p. 445.

то въ характерѣ этого воздѣйствія и необходимо искать объясненія природы чувства вообще. Воздѣйствіе это играетъ то подавляющую, то возбуждающую роль въ отношеніи къ сознанію въ его цѣломъ. Отсюда принципъ, что подавляющее вліяніе (die Verdrängung) сопровождается чувствомъ неудовольствія или какимъ нибудь *серіознымъ* объективнымъ настроеніемъ, напротивъ возбуждающее вліяніе (die Hebung d. Vorstellungen ins Bewusstsein) — чувствомъ удовольствія или аналогичнымъ *веселымъ* настроеніемъ[1]). Въ этомъ опредѣленіи отражается несомнѣнно косвенное вліяніе Гербартовой психологіи, а въ широкомъ пониманіи термина «чувства» — вліяніе нѣмецкихъ идеалистовъ. Какимъ образомъ Вундтъ могъ подпасть дѣйствію этихъ направленій — для насъ загадка, и разрѣшенія ея вѣроятно надо искать въ общихъ законахъ развитія мысли. Во всякомъ случаѣ, ученіе Вундта о чувствѣ очевидно далеко еще отъ настоящей послѣдовательности и цѣльности: въ немъ смутно сознаешь какое-то внутреннее противорѣчіе, какую-то шаткость и искусственность. Эти черты можно объяснить конечно трудностью и неразработанностью даннаго вопроса вообще, но вѣрнѣе кажется предположить, что главною причиною колебаній служитъ слишкомъ поверхностное изученіе авторомъ соотвѣтствующаго круга явленій: онъ касается данной области только вскользь, мимоходомъ, а между тѣмъ предметъ настолько трудный, что при самомъ глубокомъ изученіи можно достигнуть только относительной ясности пониманія. Послѣдній выводъ найдетъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ засимъ разборѣ ученія Горвица, посвятившаго изслѣдованію чувствованій обширный томъ своихъ общихъ психологическихъ анализовъ, носящій заглавіе «Анализа квалитативныхъ чувствованій» [2]).

Уже ранѣе выхода этой книги **Горвицъ** издалъ маленькую брошюру «Къ естественной исторіи чувствованій» (Zur Naturgeschichte der Gefühle. Berlin. 1876. Samml. gemeinverst. wissensch. Vorträge. XI Serie, Heft 249), въ которой кратко изложилъ свои общіе взгляды на предметъ, не говоря о томъ, что и въ первыхъ частяхъ своего главнаго труда онъ тоже иногда касается природы чувствованій, въ связи съ анализомъ другихъ, смежныхъ явленій. Но все это было лишь вступленіемъ къ послѣднему обширному сочиненію, исчерпывающему всевозможныя стороны вопроса.

---

[1]) Ibid. p. 456—457.

[2]) Die Analyse d. qualitativen Gefuhle. Magdeburg. 1878. Общій разборъ этой книги читатель найдетъ между прочимъ въ Revue philos. Décembre 1878. Но кажется авторъ его, Théodore Reinach, вообще не вполнѣ точно понялъ идеи и задачи Горвица, ибо въ слѣдующемъ № того же журнала (Janvier. 1879) помѣщена полемика обоихъ писателей, по поводу рецензіи Рейнаха на предъидущей томъ «Анализовъ» Горвица.

Изъ маленькой брошюры Горвица мы узнаемъ, что подъ чувствованіями онъ понимаетъ всѣ наши состоянія удовольствія и страданія, что *причину* чувствованій по его мнѣнію нельзя опредѣлять, подобно Канту и его приверженцамъ, понятіями благопріятствуемаго и препятствуемаго развитія жизни, что настоящее объясненіе чувствованій вообще пока невозможно и что удобнѣе всего удовлетвориться на время формулою Лотце, по которой чувство есть результатъ отношенія раздраженія къ функціи нерва; эту формулу необходимо только дополнить оговоркою, что мѣстное дѣйствіе раздраженія на одну какую-нибудь нервную провинцію обыкновенно распространяется далѣе на всю нервную систему, и что степень соотвѣтствія его съ состояніемъ послѣдней и опредѣляетъ въ концѣ концовъ характеръ чувствованія[1]). Засимъ онъ переходитъ къ классификаціи чувствованій и къ разбору болѣе спеціальныхъ вопросовъ, не имѣющихъ для насъ большого интереса въ настоящую минуту. Физіологическія тенденціи Горвица ясно отражаются въ изложенныхъ краткихъ объясненіяхъ, и теперь предстоитъ только рѣшить, въ какую окончательную форму облеклись эти тенденціи въ главномъ трудѣ разбираемаго автора.

«Анализъ квалитативныхъ чувствованій» состоитъ изъ пяти книгъ: первая посвящена общему разбору природы чувствованій и принциповъ ихъ классификаціи, остальныя — изслѣдованію спеціальныхъ классовъ чувствованій. Въ настоящее время мы займемся изложеніемъ только первыхъ главъ I книги.

Въ первой главѣ Горвицъ касается общихъ отношеній чувствованій къ другимъ психическимъ феноменамъ и ставитъ вопросы для дальнѣйшаго изслѣдованія. Мы уже знаемъ, что общая подкладка «Анализовъ» Горвица заключается въ предположеніи, что коренною основою всего психическаго развитія являются чувствованія, т. е. элементарныя состоянія удовольствія и страданія. Вся умственная дѣятельность представляетъ лишь продуктъ реакціи сознанія на эти первоначальныя состоянія его и особую вѣтвь развитія элементарныхъ чувствованій; другою вѣтвью являются сами чувствованія въ болѣе сложныхъ комбинаціяхъ своихъ; третью вѣтвь составляютъ явленія воли. Изъ этихъ трехъ сферъ развитія *основныхъ* феноменовъ, важнѣйшею, самою глубокою и широкою сферою представляется сфера чувствованій въ собственномъ смыслѣ. Но, чтобы рѣшить окончательно вопросъ объ отношеніи чувствованій, въ тѣсномъ значеніи слова, къ явленіямъ сознанія и воли, надо рѣшить вопросъ о *причинѣ* чувствованій, т. е. вопросъ

[1]) Zur Naturgesch. d. Gef., l. c., p. 3—9. Ср. изложеніе этой книжки Горвица въ рецензіи Dumont, въ Revue Philosoph. 1872. II Vol., p. 641—643.

о томъ, отчего иныя ощущенія пріятны, другія непріятны [1]). Психологія имѣетъ мало средствъ для этой цѣли, ибо огромный опытный матеріалъ, относящійся къ данной области, до сихъ поръ совершенно неразработанъ,— не существуетъ даже однообразнаго дѣленія чувствованій и относительно принциповъ анализа ихъ нѣтъ рѣчи о какомъ-либо согласіи психологовъ. Поэтому и *исторія* анализа чувствованій, при разрѣшеніи этого вопроса, по мнѣнію Горвица, не можетъ оказать пользы. На сколько послѣднее сужденіе односторонне, читатель могъ видѣть изъ всего предшествующаго изложенія. Такъ или иначе, по мнѣнію Горвица, только *физіологія* можетъ дать ключъ къ рѣшенію проблемы о природѣ чувствованій: если и она окажется несостоятельною, тогда положеніе будетъ безвыходнымъ. Пользу же, которую можетъ оказать физіологія, должно испытать прежде всего на анализѣ *физическихъ* чувствованій (sinnliche Gefühle), ибо объясненіе послѣднихъ можетъ бросить свѣтъ и на природу болѣе сложныхъ, высшихъ образованій (der höheren Bildungen) [1]). Итакъ изъ числа вопросовъ: 1) что́ такое чувство по своей природѣ и въ чемъ заключается его причина, 2) какъ оно относится къ другимъ психическимъ процессамъ и 3) какимъ образомъ оно все болѣе и болѣе осложняется, — можно надѣяться, при помощи физіологіи, рѣшить одну сторону перваго, а именно касательно органовъ и функцій, служащихъ основаніемъ для чувственныхъ волненій. Чтобы обстоятельно подготовить это рѣшеніе, Горвицъ во второй главѣ подробно излагаетъ современныя физіологическія ученія, относящіяся къ *процессу нервнаго возбужденія* (Nervenerregungs-Process). Нельзя не упрекнуть почтеннаго ученаго даже въ слишкомъ большой обстоятельности этого изложенія: послѣднее заключаетъ въ себѣ массу лишнихъ подробностей даже для неспеціалиста, если онъ мало мальски знаетъ, что́ такое физіологія. Но не въ этомъ дѣло. Въ результатѣ оказывается, что каждый органическій элементъ въ нашемъ тѣлѣ обладаетъ большею или меньшею сложностью конструкціи, болѣе или менѣе высокою способностью къ сгаранью и вмѣстѣ съ тѣмъ способностью накоплять въ себѣ извѣстный запасъ работы. Такъ какъ это накопленіе рабочей силы есть тоже своего рода работа, то Горвицъ, вмѣстѣ съ Вундтомъ, различаетъ двоякую молекулярную работу въ нашихъ тканяхъ: *положительную*, состоящую въ тратѣ вещества, т. е. въ переходѣ болѣе сложныхъ, но менѣе прочныхъ соединеній въ простыя, но болѣе твердыя, и *отрицательную*, которая заключается обратно въ накопленіи вещества — въ образованіи сложныхъ соединеній, служащихъ новымъ запасомъ рабо-

---

[1]) Psychol. Anal., II Th., 2 H., p. 1—5.
[2]) Ibip. p. 6—8. Ср. p. 66 (5 гл.).

чей силы. Обѣ эти работы идутъ совмѣстно: первая сопровождается внѣшнимъ освобожденіемъ силы и является началомъ, *возбуждающимъ* «дѣятельность» тканей въ обычномъ значеніи этого слова, вторая стремится наоборотъ связать силы и играетъ тѣмъ самымъ роль *задерживающаго* начала. Въ нервныхъ клѣткахъ позитивная работа имѣетъ небольшой перевѣсъ надъ негативной, въ гангліяхъ наоборотъ [1]). Повидимому приложеніе этой теоріи къ объясненію элементарныхъ чувствованій, говоритъ Горвицъ въ 3-й главѣ, очень легко и удобно: то, что́ укрѣпляетъ нервныя ткани, производитъ удовольствіе; то, что́ истощаетъ ихъ, — страданіе; наконецъ, равновѣсію нервныхъ элементовъ повидимому соотвѣтствуетъ состояніе безразличія. Но въ сущности примѣненіе не такъ просто, ибо сейчасъ возникаетъ вопросъ: что́ же вызываетъ удовольствіе, — позитивная ли или негативная работа нервовъ, т. е. трата ли вещества, или его накопленіе? На первый взглядъ *возстановленіе* вещества должно служить источникомъ удовольствія; но опытъ не оправдываетъ подобнаго обобщенія. Поэтому обстоятельный ученый, прежде чѣмъ продолжать изслѣдованіе, ставитъ рядъ новыхъ вопросовъ: 1) при какихъ условіяхъ нервнаго возбужденія возникаютъ физическія чувствованія вообще? 2) при какихъ — пріятныя? 3) при какихъ — непріятныя? и 4) можемъ ли мы находиться въ состояніи совершеннаго равнодушія и когда именно [2])?

Нервное возбужденіе имѣетъ двѣ различныя стороны: *количественную* — увеличеніе и уменьшеніе его интенсивности, и *качественную* — специфическій характеръ возбужденія, зависящій отъ формы дѣйствія возбудителя. Очевидно качество возбужденія не оказываетъ замѣтнаго вліянія на процессъ чувства, ибо при какихъ угодно качествахъ оно можетъ быть и пріятно и непріятно. Различіе удовольствія и страданія, стало быть, исключительно зависитъ отъ *интенсивности* нервныхъ процессовъ [3]) и этотъ принципъ Горвицъ, какъ мы видѣли, понимаетъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ Вундтъ [4]). Теперь спрашивается, каково въ частности отношеніе чувствованій къ интенсивности раздраженія? Съ той схемой параллельнаго развитія ощущенія и чувства, которую придумалъ Вундтъ, Горвицъ не соглашается, ибо находитъ прежде всего безсмысленными понятія *отрицательнаго ощущенія* и *отрицательнаго чувствованія*. Отрицательныхъ ощущеній не можетъ быть потому, что безсознательныя ощущенія суть лишь

---

[1]) Ibid. p. 8—20.
[2]) Ibid. p. 20—21.
[3]) Ibid. p. 22.
[4]) Ср. выше, стр. 350.

слабо-сознательныя, точно такъ же, какъ холодъ есть въ сущности ничтожная степень теплоты, а не отрицаніе ея. Отрицательныхъ чувствованій тоже не можетъ быть, ибо, во первыхъ, при слабой интенсивности ощущеній мы испытаемъ не отрицательныя величины удовольствія, а напротивъ весьма замѣтное неудовольствіе: напр. слабыя ощущенія свѣта, продолжаясь извѣстное время, производятъ особое непріятное чувство, а именно неудовлетворенную потребность къ свѣту (Lichthunger), — точно также слабое прикосновеніе къ кожѣ (ползаніе букашки) производитъ непріятное щекотаніе; во вторыхъ, при очень большой интенсивности раздраженія, страданіе, ею вызываемое, совершенно позитивно, и переходъ къ нему отъ состоянія удовольствія, сопровождавшаго умѣренное ощущеніе, отнюдь не предполагаетъ, какъ думаетъ Вундтъ, момента безразличія, равнодушія (нулевой точки развитія чувства),—несомнѣнно, что переходъ отъ замѣтнаго удовольствія къ замѣтному неудовольствію не внезапный, но постепенность тутъ совершенно иного рода, чѣмъ полагаетъ Вундтъ: по мѣрѣ того, какъ удовольствіе длится вмѣстѣ съ усиленіемъ ощущенія, къ нему постепенно начинаютъ присоединяться сначала незначительныя, потомъ все болѣе возрастающія элементы неудовольствія,—удовольствіе съ тѣмъ вмѣстѣ все ослабѣваетъ и наконецъ дѣлается вовсе незамѣтнымъ [1]). Изъ этихъ соображеній слѣдуетъ рядъ выводовъ: во 1) что удовольствіе занимаетъ середину между двумя полюсами непріятныхъ состояній, соотвѣтствующихъ слишкомъ малой и слишкомъ большой интенсивности раздраженія [2]), во 2) что нѣтъ состоянія полнаго безразличія, равнодушія, — что мы всегда испытываемъ, хотя бы и весьма слабыя, чувствованія [3]), и въ 3) что кажущаяся точка безразличія соотвѣтствуетъ смѣшенію, въ равной пропорціи, удовольствія и страданія; этотъ послѣдній выводъ Горвицъ еще болѣе обобщаетъ, ставя принципомъ, что мы никогда не испытываемъ чистаго удовольствія и чистаго страданія, а всегда эти состоянія смѣшиваются: можетъ быть только на высшихъ ступеняхъ своихъ они не обнаруживаютъ такого смѣшенія, но во первыхъ это трудно доказать, а во вторыхъ общій законъ не пострадаетъ отъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ изъ компонентовъ окажется равнымъ нулю [4]). Итакъ на два изъ поставленныхъ Горвицомъ вопросовъ (1-й и 4-й) мы имѣемъ отвѣтъ: чувствованія зависятъ отъ интенсивности возбужденія, и

---

[1]) Ibid. p 23—28.

[2]) Ibid. p. 28. Ср. p. 39—40.

[3]) Ibid. p. 28. Ср. p. 41—43: Es giebt weder einen Nullpunkt des Reizes, noch des Gefuhls (4).

[4]) Ibid. p. 29—31.

безразличное состояніе возможно только въ смыслѣ разновѣсія удовольствія и страданія. На второй и третій вопросы отвѣтъ данъ пока только въ общемъ смыслѣ: пріятно раздраженіе умѣренной интенсивности, непріятно всякое раздраженіе, слишкомъ слабое или слишкомъ сильное. Но спрашивается, когда интенсивность умѣренна и когда—нѣтъ, т. е. какіе молекулярные процессы въ тканяхъ соотвѣтствуютъ тому и другому чувствованію, такъ какъ уже было сказано, что при однихъ обстоятельствахъ пріятно расходованіе вещества, при другихъ — восполненіе его [1])?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, Горвицъ почему-то считаетъ нужнымъ сдѣлать обзоръ всѣхъ когда-либо существовавшихъ ученій о чувствѣ и сводитъ эти ученія къ четыремъ, уже указаннымъ въ свое время, группамъ [2]); потомъ онъ доказываетъ односторонность каждой изъ этихъ теорій, т. е. теоріи оцѣнки *полезнаго*, теоріи зависимости чувствованій отъ *контраста*, теоріи соотношенія ихъ съ *недостаткомъ*, съ желаніемъ, наконецъ теоріи *физіологическаго равновѣсія*, взятой въ отдѣльности отъ другихъ [3]). Такъ какъ наша собственная историческая точка зрѣнія существенно расходится съ исторической классификаціей Горвица, то подробно излагать содержаніе этихъ страницъ его книги мы не будемъ. Мы привели достаточно фактовъ въ подтвержденіе своего взгляда на исторію развитія теоріи чувствованій, чтобы не вступать въ полемику съ каждымъ авторомъ, который держится другихъ убѣжденій. Замѣтимъ только, что этотъ историческій экскурсъ Горвица, при его методѣ изложенія, кажется намъ излишнимъ, запутывающимъ дѣло. Онъ уже ранѣе доказалъ, что всего правильнѣе теорія физіологическаго равновѣсія и достаточно было, какъ онъ и дѣлаетъ послѣ, подробнѣе разобрать вопросъ о наилучшемъ способѣ выраженія этой теоріи. Тѣ понятія, напр. контраста и недостатка, которыя будто бы служили отличительною чертою ученій другихъ писателей (на дѣлѣ мы видѣли, что этого никогда не было), потомъ служатъ только мотивами для полнѣйшаго затемнѣнія теоріи физіологическаго равновѣсія и для приведенія ея къ такимъ абстрактнымъ, метафизическимъ формуламъ, которыя уничтожаютъ все достоинство анализа автора и въ головѣ читателя производятъ совершенную путаницу. Но пойдемъ далѣе.

Изслѣдованіе теоріи равновѣсія приводитъ Горвица къ слѣдующимъ выводамъ. Теорію эту не должно понимать въ томъ смыслѣ, что самое равновѣсіе, т. е. возстановленіе нормальнаго состоянія нервной ткани, хими-

---

[1]) Ср. ibid. p. 31.

[2]) См. выше, стр. 139.

[3]) Psych. Anal., ibid. p. 31—38 и слѣд.

ческое безразличіе нервной молекулы, соотвѣтствуетъ удовольствію, а отклоненіе отъ этого равновѣсія — страданію. Послѣднее, правда, справедливо, ибо страданіе сопровождаетъ какъ недостатокъ дѣятельности нерва, т. е. значительное преобладаніе отрицательной молекулярной работы надъ положительною, такъ и избытокъ ея, т. е. слишкомъ большой перевѣсъ положительной работы надъ отрицательною; но справедливость эта только относительная, ибо всетаки и при преобладаніи позитивной работы возможно состояніе удовольствія и обратно (доказательствомъ тому служитъ истощеніе тканей немедленно послѣ испытаннаго удовольствія). Слѣдовательно упомянутое выраженіе надо измѣнить въ томъ смыслѣ, что чувствованія зависятъ не отъ самыхъ *состояній* органовъ, а отъ *перемѣнъ* въ нихъ (въ этомъ пунктѣ Горвицъ между прочимъ ссылается на Дюмона): удовольствіе связано не съ *состояніемъ* полнаго равновѣсія, котораго вообще никогда не бываетъ, а съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ приближеніемъ къ равновѣсію, страданіе — съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ отдаленіемъ отъ него[1]). Но и этотъ законъ, по мнѣнію Горвица, не можетъ еще считаться «принципомъ чувства», отвѣтомъ на вопросъ о причинѣ и сущности чувствованій, — и вотъ онъ принимается за отысканіе такого «принципа» и начинаетъ громоздить другъ на друга громкія слова, наивно предполагая, что приближается къ истинѣ.

Сдѣлаемъ еще бѣглый очеркъ четвертой главы I книги, посвященной этой непроизводительной работѣ. Всѣ предшествующія разсужденія, по мнѣнію Горвица, привели къ заключенію, что одного понятія «физіологическаго равновѣсія» недостаточно для объясненія феноменовъ удовольствія и страданія. Это понятіе равновѣсія должно дополнить понятіемъ «измѣненія» или еще лучше заимствованнымъ отъ другихъ писателей понятіемъ «контраста». Равновѣсіе и контрастъ — вотъ «существенные составные элементы (wesentliche Grundbestandtheile) какъ психическаго состоянія, обнаруживающагося въ формѣ чувства, такъ и нервныхъ процессовъ, служащихъ ему субстратомъ». Равновѣсіе и контрастъ представляютъ въ области чувства то же коренное отношеніе (Grundverhältniss), какъ тождество и причинность въ области сознанія, — только первыя два понятія болѣе элементарны, первоначальны: равновѣсіе служитъ основою тождества, контрастъ — основою причинности. Но однако и противуположеніе понятій равновѣсія и контраста само по себѣ еще мало приближаетъ къ пониманію настоящей причины чувства.

«Психическимъ коррелатомъ» равновѣсія Горвицъ считаетъ «привычку», такимъ же коррелатомъ контраста является «новое, непривычное». Предѣлы

---

[1]) Ibid. p. 38—43 (особ. p. 43, 1).

привычки, приспособленія, чрезвычайно широки и отсюда фактъ *относительности* чувствованій. Понятіе привычки уже болѣе приближаетъ насъ къ пониманію сущности чувства, но и его еще недостаточно, ибо изъ послѣдующихъ разъясненій очевидно, что источникомъ удовольствія можетъ быть столько же привычное, сколько и непривычное, новое. Однако за понятіемъ привычки скрывается болѣе широкій принципъ — *самосохраненія* (der Selbsterhaltung), и этотъ то принципъ, по мнѣнію Горвица, и выражаетъ истинную сущность процесса чувствованія, ибо онъ одинъ объясняетъ характеръ (die Art u. Weise) органической реакціи на всякую перемѣну, нами испытываемую. Законъ самосохраненія есть въ то же время законъ пользы и вреда, и съ этой точки зрѣнія чувство является «внутреннимъ сознаніемъ полезнаго и вреднаго» (das Innewerden d. Nutzens u. Schadens). Такимъ образомъ Горвицу удалось привлечь такъ или иначе къ опредѣленію природы чувства, съ различныхъ точекъ зрѣнія, почти всѣ понятія, которыя, по его мнѣнію, составляли изъ поконъ-вѣку сущность ученій о чувствѣ, т. е. и понятіе равновѣсія и понятіе контраста и понятіе пользы. Объединеніе всѣхъ ихъ въ одно цѣлое приводитъ, какъ мы видѣли, къ высшему понятію *самосохраненія*. Точно также синтезомъ всѣхъ частныхъ опредѣленій удовольствія и страданія является слѣдующая формула: «удовольствіе есть истеченіе (Ausfluss) силы нашего психическаго бытія, страданіе есть выраженіе его слабости, безсиліе. Средствомъ побѣды надъ страданіемъ безсилія является привычка»[1]). За этимъ опредѣленіемъ слѣдуетъ рекапитуляція предшествующаго, затѣмъ изслѣдованіе степени нормальности удовольствія и страданія, результатомъ котораго является выводъ, что только одно удовольствіе есть *истинное*, настоящее чувство, слагающееся изъ двухъ моментовъ: большой перемѣны, контраста и большой ассимилирующей силы, способности; наконецъ Горвицъ переходитъ къ вопросу объ отношеніи чувства къ сознанію[2]). Предоставляя читателю самому ознакомиться съ этими дальнѣйшими разъясненіями общей теоріи, спросимъ себя въ заключеніе: что же новаго сказалъ Горвицъ въ послѣднемъ изъ переданныхъ нами отрывковъ его анализа? Понятіе «закона самосохраненія» давно намъ знакомо. Десятки писателей и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ вѣкѣ вставляли это понятіе въ свои опредѣленія природы чувства, но приносило ли это какую-нибудь пользу наукѣ? Очевидно нѣтъ, ибо исканіе новаго принципа всетаки продолжалось. Причину неудовлетворенности этимъ

---

[1]) Ср. ibid. 4. Allgem. Gefühlstheorie, p. 43—55.
[2]) Ibid. p. 58 и слѣд.

понятіемъ безсознательно отмѣчаетъ и самъ Горвицъ оговорками, которыя онъ дѣлаетъ, когда приравниваетъ удовольствіе съ пользою, страданіе—съ вредомъ. Принципъ самосохраненія очевидно представляетъ лишь самое общее и далеко не точное обобщеніе условій удовольствія и страданія. Мы видѣли, что Бэнъ считаетъ необходимымъ ограничить сферу его вліянія посредствомъ другого принципа—«возбужденія», частнымъ проявленіемъ котораго можетъ быть должно считать и самый законъ самосохраненія. Горвицъ же старается обратно законъ возбужденія обобщить въ законѣ самосохраненія. Очевидно правъ скорѣе Бэнъ, нежели Горвицъ, ибо задача науки — постепенно замѣнять неопредѣленныя и слишкомъ широкія обобщенія болѣе опредѣленными и точными, а не на оборотъ. Образъ дѣйствія Горвица тѣмъ страннѣе еще, что онъ чуть ли не ближе всѣхъ другихъ писателей подошелъ къ истинному выраженію закона зависимости чувствованій отъ характера *возбужденія*. Ему оставалось превозмочь еще одну незначительную трудность, а именно — опредѣлить точно всѣ существующіе типическіе виды отношенія позитивной и негативной молекулярной работы въ нашихъ тканяхъ другъ къ другу и для каждаго вида найти соотвѣтствующее элементарное состояніе чувствительности, и задача была бы рѣшена, но именно въ этомъ пунктѣ онъ и зашнулся и сталъ колесить во всѣ стороны, постепенно отдаляясь отъ цѣли, достиженіе которой было такъ близко. Мы увидимъ впослѣдствіи, что главною причиною всѣхъ его блужданій была предвзятая мысль, что удовольствіе — нѣчто цѣльное, однообразное, *всегда себѣ равное*. Не будь этого предразсудка, — онъ неизбѣжно нашелъ бы то опредѣленіе, вокругъ котораго безуспѣшно кружилась его мысль.

Итакъ всѣ разобранные *психологи* нашего времени согласны въ томъ, что чувствованія суть продукты оцѣнки *внутреннихъ* отношеній, и притомъ всѣ, за исключеніемъ Булье, ставятъ удовольствіе и страданіе въ *полную* зависимость отъ оцѣнки *интенсивности возбужденія* нашихъ тканей, сравнительно съ измѣнчивою и весьма разнообразною, для каждаго лица и въ каждый моментъ, *нормою ихъ возбудимости*. Этотъ принципъ раздѣляютъ и Бэнъ и Спенсеръ и Дюмонъ и Вундтъ и Горвицъ, хотя каждый изъ нихъ выражаетъ его различно и принимаетъ его съ тѣми или другими оговорками, т. е. признаетъ за нимъ ту или другую *степень всеобщности*. Теперь остается доказать, что и *чистые физіологи* сходятся съ психологами въ объясненіи явленій удовольствія и страданія и что физіологическая теорія *боли* тоже не противорѣчитъ упомянутому направленію въ пониманіи чувствованій. О нѣмецкихъ и англійскихъ физіологахъ мы не будемъ говорить, ибо въ сущности и Вундтъ и Горвицъ, и Бэнъ и Спенсеръ столько же физіологи, сколько пси-

хологи. Но Булье и Дюмонъ еще не выражаютъ направленія современной *французской* физіологіи, и о послѣднемъ мы и скажемъ теперь нѣсколько словъ.

Чтобы дать понятіе, какъ французскіе физіологи понимаютъ явленія удовольствія и страданія *вообще*, приведемъ для примѣра опредѣленія этихъ феноменовъ въ упомянутомъ уже трудѣ доктора Фурнье и въ сочиненія Феррье «О функціяхъ мозга».

Фурнье называетъ чувствованіями явленія, лежащія между контрастами удовольствія и боли и могущія сопровождать всѣ наши отправленія (toutes nos fonctions dans leur accomplissement). Онъ считаетъ вѣрнымъ, но не вполнѣ точнымъ, Аристотелевское опредѣленіе удовольствія, принятое Гамильтономъ и Булье, и полагаетъ, что удовольствіе и страданіе должны быть признаны нераздѣльными спутниками *всякаго функціональнаго* движенія. Источникомъ ихъ всегда служитъ одинъ и тотъ же феноменъ, но на различныхъ ступеняхъ его *интенсивности*. Въ концѣ концовъ *боль*, по его мнѣнію, выражаетъ какое-нибудь нарушеніе жизни (un trouble de la vie), удовольствіе — нормальное ея теченіе. Въ этомъ смыслѣ вѣрно и Декартовское опредѣленіе удовольствія, какъ сознанія какого-нибудь нашего совершенства[1]). **Феррье** примыкаетъ къ сходному Бэновскому опредѣленію, по которому «состоянія удовольствія связаны съ возвышеніемъ, состоянія боли—съ уменьшеніемъ одной или всѣхъ жизненныхъ функцій», ибо ощущеніе боли есть выраженіе физіологическаго разстройства, несогласимаго съ нашимъ здоровьемъ и благосостояніемъ, удовольствіе напротивъ — выраженіе физіологической гармоніи, имѣющей результатомъ здоровье и благосостояніе[2]). Итакъ чистые физіологи не только не отступаютъ отъ тѣхъ принциповъ, которые приняты въ послѣднее время психологіей, но даже прямо *повторяютъ* опредѣленія психологовъ.

Теперь посмотримъ, не противорѣчитъ ли этимъ опредѣленіямъ *экспериментальное* физіологическое ученіе о *боли*, и для рѣшенія этого вопроса остановимся на нѣкоторыхъ выводахъ современнаго спеціалиста въ данной области, физіолога **Рише**, написавшаго большой трудъ «О чувствительности» (Ch. Richet. Recherches expérimentales et cliniques s. la sensibilité. Paris. 1877) и повторившаго затѣмъ главныя свои положенія, спеціально касающіяся нашего предмета, въ особой статьѣ «О боли» (Revue philos., 1877. T. IV, p. 457 и слѣд.: La douleur, étude de psychologie physiologique). Для краткости мы прямо сведемъ въ одно цѣлое всѣ мысли Рише, имѣю-

[1]) Essai de Psychologie, l. c., p. 64—70.
[2]) Les fonctions du cerveau. Paris. 1878, p. 418.

щія для насъ какую-нибудь важность, не различая источниковъ, изъ которыхъ онѣ почерпнуты. Замѣтимъ однако предварительно, что въ большомъ трудѣ Рише для насъ имѣетъ значеніе только III глава второй части (о чувствительности къ боли), ибо Рише, какъ и бо́льшая часть физіологовъ, къ сферѣ чувствительности относитъ *всѣ* ощущенія вообще, а не одно только ощущеніе боли.

Свою особую статью о боли Рише начинаетъ замѣчаніями объ отношеніи явленій боли и удовольствія. Большая часть психологовъ, говоритъ онъ, изучала одновременно и нераздѣльно оба явленія, какъ будто бы нормальное состояніе лежало между этими двумя контрастами. По мнѣнію Рише, это сближеніе не приноситъ никакой пользы и только увеличиваетъ трудность предмета, ибо самое сопоставленіе удовольствія и боли есть уже *гипотеза*, отъ которой лучше воздержаться, если она не необходима. Затѣмъ «физіологическое удовольствіе» есть трудно опредѣлимое и плохо поддающееся экспериментаціи явленіе: только удовольствіе, сопровождающее половой актъ, представляетъ острое состояніе, легко доступное наблюденію; поэтому вообще удовольствіе для современной экспериментальной физіологіи есть еще феноменъ неопредѣленный, измѣнчивый и темный. Другое дѣло — «физіологическая боль»: это явленіе острое, легко констатируемое, легко воспроизводимое и для всѣхъ индивидуумовъ постоянное,—его легко опредѣлить и ограничить... Поэтому для физіолога лучше въ настоящую минуту оставить въ сторонѣ изученіе удовольствія и ограничиться изслѣдованіемъ боли, симптомы которой такъ характеристичны и непосредственныя причины которой такъ легко выяснить, тѣмъ болѣе, что «физіологическое» изученіе этого явленія гораздо доступнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ «метафизическое» [1]).

Анализъ боли въ трудахъ Рише заключается въ разборѣ слѣдующихъ главныхъ вопросовъ: о выраженіи боли, о причинѣ боли и ея характерныхъ чертахъ, о продолжительности этого явленія и о вліяніи на него количества раздраженій. Къ этому присоединяются въ главномъ трудѣ болѣе спеціальное изслѣдованіе о чрезмѣрной чувствительности и о нечувствительности къ боли (analgésie) и ихъ причинахъ, анализъ вопросовъ о различныхъ *видахъ* физіологической боли, и о ея *леченіи*. Для насъ достаточно ознакомиться съ выводами, вытекающими изъ разбора первыхъ трехъ вопросовъ. Изучая *выраженія* боли, Рише приходитъ къ одному выводу, важному для насъ, а именно — объ *относительности* явленій боли; онъ выражаетъ этотъ законъ слѣдующимъ образомъ: «весьма вѣроятно, что, смотря по индивидуумамъ, расамъ и видамъ, чувствительность къ боли претерпѣваетъ значи-

[1]) Revue philos., l. c., p. 457 и 458. Ср. p. 463

тельныя измѣненія, и этимъ объясняется различіе въ способахъ реакціи на ощущеніе боли въ разныхъ индивидуумахъ, расахъ и видахъ»[1]). Разбирая *причину* боли, онъ затѣмъ ставитъ эту относительность въ связь съ *состояніемъ нервовъ*: не слѣдуетъ думать, утверждаетъ онъ, чтобы каждый нервъ имѣлъ неизмѣнную чувствительность,—извѣстные органы, въ нормальномъ состояніи абсолютно нечувствительные, дѣлаются чувствительными къ боли въ состояніи воспаленія (quand ils s'emflamment)[2]). Что касается самой причины боли, то она всецѣло зависитъ отъ слишкомъ интенсивнаго раздраженія нерва; поэтому трудно разграничить сильное сензитивное воспріятіе (perception) отъ слабаго ощущенія боли: переходъ отъ перваго ко второму совершенно незамѣтенъ и часто случается даже, что этотъ переходъ совершается уже по прекращеніи дѣйствія возбудителя «вслѣдствіе постепеннаго накопленія (accumulation) возбужденія въ ткани», какъ бы по закону инерціи всякаго движенія. Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній слѣдуютъ выводы: 1) что боль есть воспріятіе сильнаго или кажущагося сильнымъ (вслѣдствіе гиперэстезіи нервовъ или нервныхъ центровъ) раздраженія, 2) что чувствительность къ боли, завися отъ состоянія нервныхъ центровъ, возрастаетъ съ развитіемъ послѣднихъ, т. е. съ интеллектуальнымъ развитіемъ индивидуума, 3) что ощущеніе боли, будучи связано съ болѣе сильнымъ раздраженіемъ, всегда запаздываетъ сравнительно съ сензитивнымъ воспріятіемъ, 4) что боль, имѣя источникомъ своимъ сильное сотрясеніе сензитивной нервной системы, продолжается всегда долѣе, чѣмъ дѣйствіе причины, её вызвавшей, и 5) что боль, вслѣдствіе этого, главнымъ образомъ и «почти исключительно» есть воспоминаніе боли (какъ звукъ колокола есть главнымъ образомъ *слѣдъ* удара въ него)[3]). Очевидно общая подкладка всѣхъ этихъ положеній, представляющихъ болѣе или менѣе *свободную* передачу выводовъ Рише, заключается въ предположеніи, что боль есть *функція интенсивности* ощущенія или вѣрнѣе *работы* органическихъ тканей[4]). Этотъ выводъ совершенно согласуется съ разсмотрѣнными выше теоріями «психологовъ». Оставляя въ сторонѣ доказательства автора въ пользу *иррадіаціи* и *перемежающагося* характера (intermittence) ощущенія боли, — двухъ свойствъ, подтверждающихъ еще болѣе зависимость боли отъ значительной интенсивности раздра-

---

[1]) Ibid. p. 459.

[2]) Ibid. p. 464 и слѣд. Ср Rech. s. la sensib., II P. III Ch., § II, p. 243 и слѣд. (о гиперэстезіи) и § III, p. 257 и слѣд. (объ анальгезіи).

[3]) Rev. Philos., p. 466—469 и 474—478. Ср. Rech., ibid. § 5, p. 288—296 и Conclusions, p. 331—340.

[4]) Ср. Rech., Conclusions, p. 331: La fonction, soit des centres nerveux, soit des muscles, est un travail, un dégagement de force....

женія [1]), коснемся еще трехъ пунктовъ анализа Рише, имѣющихъ для насъ непосредственную важность. Во первыхъ, не ограничиваясь изученіемъ физіологическаго механизма боли, нашъ ученый касается и телеологической стороны этого явленія, причемъ онъ, подобно психологамъ, raison d'être боли находитъ въ отношеніи ея къ нашему *самосохраненію*, въ значеніи ея, какъ предостереженія организма противъ ненормальныхъ, опасныхъ для него, состояній: «боль, говоритъ онъ, есть воспріятіе внезапной и сильной перемѣны въ состояніи нервовъ и нервныхъ центровъ, и это предостереженіе (avertissement) необходимо для живыхъ существъ, чтобы побуждать ихъ къ удержанію ихъ органовъ въ благопріятномъ (для нихъ) физіологическомъ состояніи» [2]). Поэтому боль можетъ быть разсматриваема и какъ сильное нарушеніе *равновѣсія* нервовъ [3]). Стало быть, и объясненіе *общаго значенія* боли въ экономіи организма, даваемое физіологами и психологами, — одинаково. Второй существенный пунктъ состоитъ въ гипотезѣ особаго *центра* боли. Какъ объяснить въ самомъ дѣлѣ, что до извѣстнаго предѣла интенсивности ощущеніе есть только «воспріятіе», а засимъ вдругъ дѣлается болью? Это удобнѣе всего объяснить гипотезою глубоко лежащаго въ полости мозга центра боли, обладающаго большою силою сопротивленія въ отношеніи къ возбудимости, достижимаго только для весьма сильныхъ раздраженій нервной системы и самое возбужденіе котораго равносильно ощущенію боли [4]). И эту гипотезу мы уже встрѣтили у сенсуалистовъ XVIII в. Если мы укажемъ наконецъ, въ третьихъ, на намекъ Рише, касающійся отношеній удовольствія и боли и состоящій въ указаніи на тотъ фактъ, что иныя раздраженія, обыкновенно вызывающія слабое ощущеніе боли, производятъ при извѣстныхъ условіяхъ удовольствіе, и если мы прибавимъ, что Рише находитъ единственное объясненіе этого факта въ предположеніи, что различіе между удовольствіемъ и страданіемъ не такъ характеристично, какъ можно думать сначала [5]), то для насъ окончательно станетъ ясно, что въ сущности физіологія только *подтверждаетъ* всѣ тѣ обобщенія, къ которымъ пришла — конечно не безъ ея содѣйствія — современная психологія. Разница опять только въ формѣ выраженія: физіологи болѣе осторожны — они различаютъ положенія, добытыя точнымъ экспериментомъ, отъ гипотезъ, основанныхъ на одной аналогіи, и

---

[1]) Rev. Philos., p. 479—481. Ср. Rech. ibid. p. 297—307 (здѣсь между прочимъ изслѣдуется интересный феноменъ *синэстезіи*, составляющій форму иррадіаціи).

[2]) Rev. Philos., p. 468 и 476.

[3]) Ibid p. 465 и 481.

[4]) Ibid. p. 466. Ср. Rech., ibid. p. 296—297 и p. 341.

[5]) См. Rech., ibid. p. 324—325.

поэтому то, что́ они утверждаютъ относительно ощущеній физической боли, только съ оговорками и ограниченіями позволяютъ себѣ примѣнять къ удовольствію. Съ своей точки зрѣнія они конечно правы, ибо ихъ почва — внѣшнее наблюденіе и внѣшній «физическій» опытъ; но точно также правы и психологи, если они идутъ далѣе, обобщаютъ смѣлѣе, основываясь на новыхъ источникахъ — самонаблюденія и внутренняго опыта.

Теперь современное состояніе ученія о природѣ удовольствія и страданія въ европейской наукѣ вполнѣ выяснено нами, и остается только указать на современное же положеніе принциповъ *классификаціи* чувствованій въ тѣхъ спеціальныхъ трудахъ, которые мы разсмотрѣли.

Въ области классификаціи важнѣе всего изслѣдованія Бэна, Дюмона и Горвица, и разборомъ ихъ пріемовъ мы могли бы ограничиться. **Спенсеръ** даетъ весьма разнообразныя дѣленія чувствованій, но ни на одномъ не настаиваетъ по преимуществу. Всего подробнѣе онъ проводитъ дѣленіе сложныхъ чувствованій (sentiments) на четыре группы: эгоистическихъ, эгоальтруистическихъ, альтруистическихъ и эстетическихъ [1]). Классификація эта, основы которой встрѣчаются уже у Конта, очевидно имѣетъ нестолько психологическую, сколько *соціологическую* почву, и для психологическаго разчлененія волненій она слишкомъ неопредѣленна и двусмысленна, такъ какъ тѣ же самыя чувствованія (напр. любви или гнѣва) могутъ имѣть то эгоистическій, то альтруистическій характеръ. Важнѣе общіе принципы анализа волненій, съ цѣлью выдѣленія простѣйшихъ и примитивныхъ, изложенные Спенсеромъ въ его «Опытахъ». Спенсеръ предлагаетъ вообще *сравнительный* методъ изслѣдованія волненій,— сначала у животныхъ разной организаціи, потомъ у людей различныхъ возрастовъ и на различныхъ ступеняхъ общественной культуры [2]). Но самъ Спенсеръ не могъ выполнить въ подробностяхъ этой задачи, ибо понятія, среди которыхъ вращается его психологическая система, слишкомъ отвлеченнаго и общаго свойства. **Булье** оказывается тоже плохимъ классификаторомъ. Изъ двухъ возможныхъ пріемовъ классификаціи чувствованій: по ихъ внутреннему характеру и по ихъ внѣшнимъ признакамъ, т. е. въ связи съ ихъ объектами и причинами, онъ находитъ болѣе раціональнымъ первый, но къ несчастью «интенсивность, объемъ, продолжительность и другія внутреннія свойства явленій удовольствія и страданія слишкомъ неопредѣленнаго и измѣнчиваго характера, чтобы сдѣлать ихъ основою классификаціи» [3]). Поэтому приходится все-

---

[1]) См. Princ. of Psychol., Vol. II, p. 578 и слѣд.

[2]) Ср. краткое изложеніе этихъ началъ у Бэна, Emot. a. Will, Append. B, p. 591.

[3]) Du plaisir et de la douleur, p. 302—311.

таки довольствоваться старымъ методомъ, принятымъ почти всѣми философами и метафизиками, начиная съ Платона и Аристотеля, и состоящимъ въ различеніи чувствованій по ихъ *причинамъ*, т. е. по различнымъ энергіямъ души, отъ которыхъ они зависятъ [1]). Главными проявленіями дѣятельности человѣка должно считать: инстинктъ, привычку, умъ и волю, и отсюда четыре класса удовольствій и страданій: связанныхъ съ инстинктомъ, съ привычкою, съ волей и съ умственною дѣятельностью (интеллектуальныхъ) [2]). Нечего и говорить, что это дѣленіе совершенно произвольно и не даетъ никакого понятія о настоящемъ, *естественномъ* разнообразіи чувствованій [3]). Наконецъ **Вундтъ** въ своей «Физіологической психологіи» вовсе не даетъ цѣльной и общей классификаціи чувствованій, ибо его задача заключается главнымъ образомъ въ анализѣ *механизма* психическихъ процессовъ, при чемъ вопросъ о ихъ *распредѣленіи* остается большею частью въ сторонѣ. Говоря по очереди о *физическихъ* чувствованіяхъ (X Сар.), объ *эстетическихъ* чувствахъ (XVII Сар.) и наконецъ о *душевныхъ движеніяхъ* (XX Сар.), онъ не пытается сдѣлать никакого синтеза принятыхъ имъ спеціальныхъ разчлененій этихъ отдѣльныхъ группъ субъективныхъ состояній сознанія. Поэтому мы перейдемъ прямо къ классификаціямъ Бэна, Горвица и Дюмона, этихъ лучшихъ выразителей современнаго направленія вопроса въ Англіи, Германіи и Франціи.

Бэнъ посвящаетъ вопросу о классификаціи волненій особую главу (Chapt. III) своего труда, но глава эта — скажемъ прямо — одна изъ самыхъ слабыхъ во всемъ сочиненіи. Въ сущности не классификація волненій составляетъ ея содержаніе, а разборъ совершенно празднаго вопроса о томъ, въ какомъ порядкѣ должно изслѣдовать тѣ виды волненій, которымъ соотвѣтствуютъ особыя названія въ популярномъ языкѣ. Такая странная постановка вопроса о классификаціи объясняется главнымъ образомъ неправильнымъ отношеніемъ, установленнымъ Бэномъ, между терминами: чувствованія, ощущенія и волненія. Въ понятіи «чувствованія», какъ мы видѣли выше, Бэнъ объединяетъ понятія ощущенія и волненія; но если и ощущенія и волненія суть чувствованія, то въ чемъ же ихъ различіе? Различіе въ томъ, что ощущенія — первичныя, простыя состоянія, волненія — вторичныя, сложныя. При такомъ значеніи терминовъ, феномены чувственнаго удовольствія и страданія необходимо должны отойти въ область ощущеній, и признаки пріятнаго и непріятнаго получаютъ смыслъ не главныхъ,

---

[1]) Ibid. p. 311.

[2]) Ibid. p. 312 и слѣд.

[3]) Ср сужденія о классификаціи Булье въ упомян. выше (стр. 365) рецензіяхъ Маріона (p 327) и Боссира (p. 83).

а лишь второстепенныхъ элементовъ понятія «волненія». Иначе сказать, различеніе (the vital distinction) феноменовъ удовольствія и страданія уже не можетъ служить основаніемъ для классификаціи эмоцій. Это различеніе относится столько же къ ощущеніямъ, сколько и къ волненіямъ, и входитъ въ анализъ всѣхъ видовъ и индивидуальныхъ проявленій *каждаго* класса «чувствованій»: какъ каждый порядокъ растеній можетъ содержать и элементы, годные для питанія, и элементы, содержащіе отраву, такъ каждый видъ волненій и ощущеній заключаетъ въ себѣ одинаково элементы удовольствія и элементы страданія [1]). Стало быть, для спеціальнаго различенія видовъ волненій должно найти другой критерій. Но тутъ являются новыя трудности: волненія признаны сложными состояніями, слѣдовательно повидимому ихъ должно всѣ свести къ болѣе элементарнымъ, напр. къ ощущеніямъ. Посмотримъ, что́ говоритъ Бэнъ объ образованіи волненій: «Способы композиціи волненій разнообразны. Но главное основаніе ея — процессъ *ассоціаціи*. Ассоціація соединяетъ другъ съ другомъ въ одинъ аггрегатъ или въ одно цѣлое отдѣльныя чувствованія (примѣръ: половая любовь). Она также имѣетъ широкое примѣненіе при перенесеніи чувствованій съ ихъ первоначальной причины на какой-нибудь связанный съ ними объектъ (примѣръ: чувство истины). Иногда такъ же оба эти процесса сочетаются (примѣръ: чувство обладанія, the f. of Property)». До сихъ поръ рѣчь идетъ очевидно о дальнѣйшемъ осложненіи уже образовавшихся эмоцій, но какъ слагаются эти первыя, *коренныя* волненія, такъ какъ вѣдь всѣ волненія сложны? «Другимъ источникомъ волненій служитъ сочетаніе (? the concurrence) различныхъ ощущеній, которыя то гармонируютъ другъ съ другомъ, то находятся въ дисгармоніи. Въ первомъ случаѣ является пріятное волненіе, во второмъ болѣзненное [2])». Итакъ повидимому единственный источникъ *коренныхъ* волненій заключается въ сочетаніи ощущеній. Но, къ удивленію нашему, мы вскорѣ узнаемъ, что есть и такія коренныя волненія, которыя совершенно неразложимы и имѣютъ вполнѣ элементарный характеръ: главныя изъ нихъ (the chief) — любовь, гнѣвъ и страхъ [3]). Какъ согласить это утвержденіе съ первоначальнымъ положеніемъ, что всѣ волненія сложны, мы не беремся рѣшить. Такъ или иначе, оказывается, что только *нѣкоторыя* волненія исключительно состоятъ изъ элементовъ чувственнаго удовольствія и страданія и что повидимому есть еще иные источники волненій, но какіе? Бэнъ предполагаетъ, что такими источниками могутъ быть еще любовь и

---

[1]) Emot. a. Will, l. c., p. 76.
[2]) Ibid. p. 69 и 70.
[3]) Ibid. p. 71, ср. p. 72.

гнѣвъ[1]), но откуда же являются, спросимъ опять, *эти* два вида волненія? Этого вопроса Бэнъ и не рѣшаетъ нигдѣ. Самыми сложными волненіями оказываются, въ концѣ концовъ, эстетическія и нравственныя. Между элементарными тремя видами и этими двумя видами наиболѣе сложныхъ эмоцій лежатъ менѣе сложныя волненія, связанныя съ обладаніемъ, съ силою, съ себялюбіемъ (Pride a Vanity, Emotions of Self), съ преслѣдованіемъ какихъ-либо цѣлей въ дѣятельности (Plot-interest, Emot. of Pursuit) и съ знаніемъ (Knowledge). Особо Бэнъ «намѣренъ подвергнуть разбору» еще три класса эмоцій: 1) связанныхъ съ закономъ «относительности» (Relativity), 2) идеальныхъ и 3) симпатическихъ[2]). Отчего эти классы приводятся *особо*, какое они имѣютъ отношеніе къ другимъ классамъ и т. д., — вопросы, остающіеся нерѣшенными. Все остальное содержаніе разсматриваемой нами главы посвящено, какъ сказано, совершенно празднымъ разсужденіемъ о *порядкѣ* анализа указанныхъ двѣнадцати (тринадцати?)[3]) классовъ волненій. Не трудно видѣть изъ всего этого, что Бэнъ, строго говоря, не имѣетъ никакого критерія, никакихъ научныхъ принциповъ классификаціи, и что недостатокъ послѣднихъ онъ довольно неловко прикрываетъ сбивчивыми разглагольствованіями о степени сложности тѣхъ классовъ волненій, которыя создало его собственное воображеніе, руководившееся лишь обычнымъ словоупотребленіемъ, ненаучность коего уже такъ давно и такъ мѣтко была указана Спинозою. Оттого и получается конечно классификація болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства. Сколько-нибудь опытному читателю тотчасъ бросаются въ глаза слѣдующія ея недостатки: 1) выдѣленіе въ особыя группы такихъ волненій, которыя, по собственному признанію Бэна, представляютъ только результатъ *трансформаціи* болѣе элементарныхъ: таковы напр. идеальныя, эстетическія и нравственныя волненія, 2) различеніе такихъ видовъ, которые несомнѣнно представляютъ *родственный* характеръ, напр. симпатическихъ и нѣжныхъ чувствованій, — волненій, связанныхъ съ сознаніемъ силы, и волненій, связанныхъ съ дѣятельностью вообще (Emotions of Action), — интеллектуальныхъ волненій и тѣхъ, которыя въ частности зависятъ отъ отношенія представленій и т. д., 3) наконецъ, *одностороннее обозначеніе* нѣкоторыхъ классовъ волненій, заставляющее предполагать, вопреки утвержденію Бэна, что есть категоріи волненій, исключительно связанныхъ съ *неудовольствіемъ*, какъ напр. эмоціи *страха* (страхъ ни для кого не можетъ быть пріятенъ). Вслѣдствіе этихъ и многихъ другихъ, менѣе суще-

[1]) Ср. ibid. p. 72—73.

[2]) Ibid. p. 75 и 76.

[3]) Группа волненій, связанныхъ съ «обладаніемъ» (Property), въ спеціальномъ анализѣ перестаетъ быть самостоятельной группой.

ственныхъ, недостатковъ [1]), нельзя не согласиться съ Спенсеромъ и Рибо, что классификація Бэна имѣетъ только провизорный характеръ, что она далеко не удовлетворяетъ настоящимъ требованіямъ науки и что съ нею можно помириться только въ виду ближайшихъ цѣлей Бэна, состоящихъ въ подробномъ описаніи отдѣльныхъ волненій. Это описаніе составляетъ важнѣйшую и даже *единственную* заслугу Бэна. Оно заключаетъ въ себѣ неоцѣненныя наблюденія надъ частными особенностями различныхъ эмоцій, важныя указанія на самыя спеціальныя превращенія ихъ и рядъ физіологическихъ сближеній, которыя уже сами по себѣ могутъ содѣйствовать отысканію настоящихъ законовъ осложненія чувствованій, — законовъ, которыхъ самъ Бэнъ, подавленный обиліемъ фактовъ и мелочныхъ наблюденій, очевидно не открылъ и не въ состояніи былъ открыть.

Горвицъ тоже посвящаетъ вопросу о *классификаціи* чувствованій особую главу своей книги (5 а), не говоря о краткихъ замѣчаніяхъ его о томъ же предметѣ въ названной выше брошюрѣ (p. 9 и слѣд.). Упомянутую главу онъ начинаетъ съ разсужденій о трудности предпринятой задачи. Мнѣнія въ данной области такъ противорѣчивы, что не стоитъ и излагать ихъ въ историческомъ порядкѣ: единственная польза прежнихъ опытовъ классификаціи можетъ заключаться только въ томъ, что во всей совокупности своей они могутъ служить извѣстнымъ ручательствомъ за полноту перечисленія; это соображеніе тѣмъ важнѣе, что и онъ, Горвицъ, еще не можетъ дать окончательнаго, настоящаго принципа дѣленія. Но всетаки отъ изложенія полной исторіи вопроса онъ отказывается, ибо результаты такого изложенія не соотвѣтствовали бы потраченному труду. Поэтому онъ ограничивается только указаніемъ трехъ главныхъ, постоянно повторяющихся дѣленій чувствованій: на физическія и психическія, низшія и высшія, квалитативныя и неопредѣленныя (дѣленіе Гербарта) [2]). Всѣ эти дѣленія односторонни, но заключаютъ въ себѣ каждое извѣстную долю истины — и вотъ Горвицъ предпринимаетъ свою собственную *исправленную* классификацію, основывая её на предшествующемъ анализѣ *общихъ свойствъ* чувствованій [3]). Результаты получаются слѣдующіе. Во 1) всеобщій характеръ чувствованій приводитъ къ тому выводу, что естественное, органическое разнообразіе психической дѣятельности служитъ источникомъ такого же разнообразія чувствованій; отсюда вытекаетъ «намѣченное Кантомъ и выработанное далѣе его

---

[1]) Болѣе подробную критику классификаціи Бэна читатель найдетъ опять въ упомянутой статьѣ нашей въ Rev. Philos., l. c., p. 239 и 240.

[2]) Psychol. Anal., II. 2, p. 78—81.

[3]) Ibid. p. 82.

учениками» дѣленіе чувствованій по *качеству* на a) физическія, связанныя съ ощущеніемъ (sinnliche), b) эстетическія, связанныя съ воображеніемъ, c) интеллектуальныя, связанныя съ дѣятельностью разсудка, и d) нравственныя, связанныя съ желательною способностью. Это дѣленіе «хотя и допускаетъ возраженія, но всетаки всего ближе къ истинѣ и всего болѣе можетъ имѣть притязанія на выраженіе дѣйствительнаго разнообразія явленій чувства[1])». Во 2) различная степень ясности и преобладанія чувствованій въ сознаніи даетъ возможность различать чувствованія со стороны степени ихъ *развитости* (Entwickelung z. Denken, какъ выражается Горвицъ съ своей спеціальной точки зрѣнія). Въ 3) необходимо имѣть въ виду характеръ чувствованій по *порядку* ихъ образованія: есть чувствованія первичныя, вторичныя (Gefühle v. Gefühlen, напр. Furcht vor dem Schmerz), третичнаго образованія и т. д.[2]). Всѣ эти особенности, могущія служить основою для разграниченія чувствованій другъ отъ друга, можно сравнить съ *тремя измѣреніями пространства*: качество соотвѣтствуетъ ширинѣ, степень развитія—длинѣ, порядокъ образованія — глубинѣ въ области пространственныхъ отношеній[3]).

Достоинство всѣхъ разсужденій, только что изложенныхъ нами, не трудно оцѣнить. Всякому ясно, что въ своихъ трехъ пунктахъ Горвицъ еще далеко не исчерпалъ всѣхъ точекъ зрѣнія, могущихъ служить основаніемъ для различенія чувствованій: во первыхъ, признакъ интенсивности смѣшанъ у него съ признакомъ степени сложности (2 п.), во вторыхъ признаки продолжительности и объема вовсе опущены. Стало быть, сравненіе принциповъ дѣленія чувствованій съ измѣреніями пространства совершенно произвольно и для непредвзятаго судьи не имѣетъ никакой цѣны. Что же касается главной, качественной классификаціи, то во первыхъ она, и по собственному признанію автора, не представляетъ интереса новизны и характера окончательной истины, а во вторыхъ и она произвольна, ибо Горвицъ самъ же отвергаетъ множественность способностей въ человѣкѣ, а потому долженъ прежде доказать, что разграниченіе чувственности, воображенія, разсудка и желанія имѣетъ какія-либо научныя основы. Булье вѣдь тоже дѣлитъ чувствованія на четыре класса — по духовнымъ способностямъ человѣка, и однако его дѣленіе совсѣмъ иное. Дюмонъ совершенно правъ, называя принятую Горвицомъ классификацію нашихъ способностей *банальною* и отказываясь вообще признать его дѣленіе чувствованій за

---

[1]) Ibid. p. 82—83. Ср. Naturgesch. d. Gef., p. 9.
[2]) Psych. An., ibid p. 83—85.
[3]) Ibid. p. 85 и слѣд.

настоящее дѣленіе феноменовъ удовольствія и страданія на виды [1]). Заслуга Горвица поэтому, какъ и заслуга Бэна, состоитъ единственно въ *описаніи*, въ анализѣ каждаго малѣйшаго оттѣнка въ чувствованіяхъ. Только въ этомъ смыслѣ имѣютъ цѣну и дальнѣйшія дѣленія каждаго класса на подклассы и перечисленія всѣхъ спеціальныхъ чувствованій, составляющихъ эти послѣдніе [2]). Дюмонъ справедливо указываетъ, что въ этомъ дальнѣйшемъ анализѣ Горвицъ смѣшиваетъ чувствованія съ другими явленіями, напр. съ воспріятіями, страстями, инстинктами и желаніями [3]), но всетаки нельзя отрицать громадной пользы такихъ описаній, какими обогатили нашъ предметъ Бэнъ и Горвицъ, ибо они составляютъ богатый, хотя и сырой, матеріалъ для *дальнѣйшихъ*, болѣе производительныхъ, работъ въ той же области.

Итакъ у Бэна и Горвица, не смотря на объемъ ихъ сочиненій, нѣтъ ни малѣйшаго намека на дѣйствительно научную классификацію феноменовъ чувства. Остается одна надежда, что мы найдемъ такіе намеки у Дюмона, и на этотъ разъ надежда наша не будетъ обманута. **Дюмонъ** дѣйствительно первый, по *нашему* мнѣнію по крайней мѣрѣ, сталъ на правильную почву, попалъ въ настоящую колею и указалъ путь слѣдующимъ писателямъ; но однако и онъ еще далеко не сдѣлалъ всего, что́ надлежало, — далеко не «исчерпалъ» той глубокой мысли, которая ему первому пришла въ голову. Эта мысль въ общихъ чертахъ можетъ быть выражена такъ: въ виду того, что *чувствованіями* психологія называетъ всѣ феномены удовольствія и страданія, *классификація* чувствованій должна быть классификаціей именно этихъ феноменовъ, и *принциповъ* этой классификаціи надо искать въ естественномъ различіи удовольствій и страданій, а не въ иномъ чемъ-либо... Посмотримъ, какъ Дюмонъ самъ выразилъ эту мысль и какъ онъ провелъ её въ подробностяхъ.

Главу «о классификаціи волненій» онъ начинаетъ съ замѣчанія, что до сихъ поръ не было еще предпринято попытокъ настоящаго философскаго различенія разнообразныхъ видовъ удовольствій и страданій. Моралистъ Пэлей высказалъ предположеніе, которое, еслибъ оно было справедливо, уничтожило бы возможность всякой классификаціи, а именно, что удоволь-

---

[1]) Въ упом. выше рецензіи, Rev. Philos. 1876. T. II, p. 642

[2]) Ср. подробную *таблицу* квалитативныхъ чувствованій въ концѣ книги Горвица (p. 521—524) и краткое описаніе четырехъ главныхъ классовъ чувствованій въ его брошюрѣ (p. 10 и слѣд.).

[3]) По поводу *этого* упрека Reinach остроумно замѣчаетъ, что съ точки зрѣнія самого Горвица онъ не имѣетъ большого смысла, ибо послѣдній совершенно *сознательно* смѣшиваетъ всѣ психическіе феномены, считая ихъ только различными формами развитія чувства (Rev. Philos., l. c, 1878. Déc., p. 627).

ствія и страданія всегда одинаковы по *качеству* и различаются только по интенсивности. Всѣ опыты классификаціи чувствованій, до сихъ поръ предпринятые, повидимому косвенно подтверждаютъ эту мысль, ибо они, въ концѣ концовъ, представляютъ собою классификацію не чувствованій, а тѣхъ феноменовъ, которые сопровождаются чувствованіями, т. е. удовольствіемъ или страданіемъ, иначе сказать — въ этихъ опытахъ повторяются обычныя классификаціи психическихъ феноменовъ вообще. Такой пріемъ неправиленъ и бросаетъ мало свѣта на анализъ чувствованій. По мнѣнію Дюмона, основу классификаціи послѣднихъ надо искать въ самомъ опредѣленіи удовольствія и страданія: если удовольствіе есть увеличеніе силъ въ сознательномъ индивидуумѣ, а страданіе уменьшеніе ихъ, то надо различать именно разные виды этого увеличенія и уменьшенія силъ, чтобъ узнать виды удовольствія и виды страданія; далѣе надо изслѣдовать всѣ вообще модификаціи, которыя претерпѣваетъ сила, «когда она проникаетъ въ насъ и когда она насъ покидаетъ», и это укажетъ на новые виды волненій. Такимъ образомъ принципъ классификаціи будетъ заимствованъ изъ самой природы классифицируемыхъ феноменовъ [1]).

Противъ всѣхъ *этихъ* положеній Дюмона можно возразить только одно, а именно, что гипотеза Пэлея, еслибъ она была и вѣрна, не могла бы всетаки никогда уничтожить необходимости классификаціи видовъ удовольствія и страданія, потому что, еслибъ всѣ пріятныя или непріятныя чувствованія и были равны другъ другу *по цѣнѣ* и *качеству*, то по характеру источниковъ въ нихъ всегда остались бы специфическіе оттѣнки, не допускающіе полнаго отождествленія. Но, хотя замѣчаніе о теоріи Пэлея можетъ быть и не вполнѣ правильно, тѣмъ не менѣе общій ходъ мыслей Дюмона всетаки не даетъ повода къ серіознымъ возраженіямъ. Пойдемъ же дальше.

Изслѣдуя, по предположенному плану, природу увеличенія и уменьшенія нашей энергіи, Дюмонъ приходитъ къ фундаментальному различенію двухъ видовъ удовольствія и двухъ видовъ страданія, которое и кладется имъ въ основу всего послѣдующаго анализа волненій. Мы говоримъ о различеніи *положительныхъ* и *отрицательныхъ* удовольствій и страданій. Различеніе это, какъ мы видѣли, давно уже было подготовлено (ср. Локка), многіе писатели нынѣшняго вѣка, напр. Гамильтонъ и Спенсеръ, употребляли даже эти самые *термины*, но во первыхъ они не клали такого дѣленія удовольствій и страданій въ основу *общей* классификаціи чувствованій, во вторыхъ опредѣленія ихъ были односторонни или неполны. Дюмонъ первый пытался

---

[1]) Dumont, l. c., II P. Ch. I, p. 119—123.

дать общее выраженіе указанному принципу, хотя мы увидимъ сейчасъ, что и онъ, въ томъ и въ другомъ отношеніяхъ, еще сдѣлалъ только половину дѣла.

Удовольствія, отрицательныя и положительныя, онъ различаетъ смотря по тому, происходятъ ли они отъ *уменьшенія траты силъ* или отъ *увеличенія возбужденія*. Противъ этого контраста въ общемъ нельзя ничего возразить. Но за то опредѣленіе положительныхъ и отрицательныхъ *страданій* рѣшительно неправильно. Авторъ указываетъ на то, что Спенсеръ ставитъ отрицательное страданіе въ зависимость отъ бездѣйствія нашихъ тканей, положительное — въ связь съ чрезмѣрною ихъ дѣятельностью. По мнѣнію Дюмона, это противуположеніе неправильно, ибо нельзя одинъ и тотъ же феноменъ *боли* объяснять обратными фактами — недостаткомъ и излишкомъ дѣятельности. Страданіе вообще должно зависѣть лишь отъ уменьшенія, потери силы, слѣдовательно надо только узнать, какими способами совершается эта потеря; такихъ способовъ два — потеря или происходитъ отъ *излишка возбужденія, траты*, или отъ *недостаточнаго возстановленія силъ*, иначе сказать—отъ подавленія (suppression) возбужденія[1]).

Если разобрать внимательно эти послѣднія выраженія, то станетъ яснымъ, что Дюмонъ безсознательно допускаетъ явную *тавтологію*: очевидно «излишекъ траты силъ» есть, съ субъективной и динамической точки зрѣнія, то же самое, что́ «недостаточное возстановленіе ихъ»— съ точки зрѣнія объективной и статической. Несомнѣнно напр., что страданія наши будутъ однородны, если мускулы наши будутъ утомлены излишкомъ работы, или если они будутъ неспособны работать по причинѣ недостаточнаго восполненія траты силъ вслѣдствіе испорченнаго пищеваренія или кровообращенія: старикъ, еле передвигающій ноги отъ старческой немощи, чувствуетъ то же самое въ мускулахъ ногъ, что́ чувствуетъ молодой охотникъ, исходившій въ полдня десятка три верстъ по топкимъ болотамъ[2]). Другое опредѣленіе *отрицательной* боли, встрѣчающееся у Дюмона, правильнѣе: отрицательная боль дѣйствительно зависитъ отъ «подавленнаго возбужденія», отъ недостатка «жизненной реакціи» (réaction vitale), но эти послѣднія выраженія всетаки не вполнѣ удобны вслѣдствіе своей двусмысленности. Впрочемъ, къ сожалѣнію, Дюмонъ на этомъ опредѣленіи мало настаиваетъ и понимаетъ и его большею частью въ томъ превратномъ значеніи, на какое мы указали. Стало быть, опредѣленія, данныя Спенсеромъ, гораздо правильнѣе, хотя и ихъ надо дополнить и слегка видоизмѣнить; но объ этомъ мы еще ска-

---

[1]) См. ibid. p. 123—124.

[2]) Болѣе полно мы формулировали свои возраженія противъ Дюмона въ упомян. статьѣ въ Revue Philos., p. 234.

жемъ впослѣдствіи. Мы достаточно убѣдились, что нѣкоторыя формулы Дюмона заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и что его теорія вообще требуетъ пересмотра. Причина его ошибокъ лежитъ въ общемъ опредѣленіи удовольствія и страданія, и недостатки этого опредѣленія надо было бы прежде всего исправить.

Теперь перейдемъ къ *примѣненію* его фундаментальныхъ различеній. Прежде всего ошибка въ основныхъ опредѣленіяхъ привела къ новымъ ошибкамъ при спеціальномъ анализѣ каждаго изъ четырехъ главныхъ классовъ чувствованій: однородные виды страданія Дюмонъ, благодаря этой ошибкѣ, относитъ къ двумъ разнымъ классамъ, напр. усталость и чувство усилія—къ позитивнымъ страданіямъ, слабость и истощеніе—къ негативнымъ [1]), а между тѣмъ на однородность этихъ состояній онъ и самъ отчасти намекаетъ, когда говоритъ, что, при продолжающейся потерѣ силъ, усталость переходитъ въ истощеніе и слабость [2]). Кромѣ этого противорѣчія, послѣдствіемъ первоначальнаго неправильнаго опредѣленія, является нѣкоторая двойственность принциповъ, внесенная Дюмономъ въ анализъ отрицательныхъ страданій; очевидно такія непріятныя чувствованія, какъ скука, нетерпѣніе, ожиданіе, сильный голодъ, страхъ и т. д. не могутъ быть отнесены къ позитивнымъ страданіямъ, ибо они не подходятъ къ типу «усталости», но съ другой стороны ихъ нельзя объяснить и принципомъ недостаточнаго возстановленія силъ, и вотъ Дюмонъ дѣлаетъ натяжку: въ дополненіе къ этому послѣднему онъ придумываетъ означенный выше другой принципъ — *недостаточной реакціи* [3]), — принципъ довольно туманный и плохо гармонирующій съ остальными опредѣленіями. Поясненіемъ для него могутъ служить слѣдующіе примѣры: холодъ производитъ неудовольствіе, ибо въ окружающей насъ атмосферѣ мы болѣе не находимъ привычной *реакціи теплоты* [4]); точно также скука есть непріятное чувство, возникающее вслѣдствіе недостаточной *реакціи внѣшнихъ предметовъ* по отношенію къ нашимъ интеллектуальнымъ способностямъ [5]). Очевидно эти примѣры сами по себѣ ничего не говорятъ. Но мысль Дюмона становится понятною изъ другого опредѣленія скуки: скука есть неудовольствіе, вытекающее изъ недостаточнаго возбужденія нашего ума путемъ воспріятій. Слѣдовательно, подъ недостаткомъ реакціи онъ разумѣетъ недостатокъ воз-

---

[1]) Ср. ibid. Chap. II, p. 125 и слѣд. и Chap. III, p. 134 и слѣд.
[2]) Ibid. p. 130 (§ 1).
[3]) Ibid. p. 138 и слѣд.
[4]) Ibid. p. 142.
[5]) Ibid. p 143

бужденія, недостатокъ дѣятельности, и остается непонятнымъ, послѣ этого, отчего онъ не свелъ къ этому началу *всѣ* отрицательныя страданія, т. е. не принялъ просто упомянутаго выше опредѣленія Спенсера?

Разобранныя два недостатка вытекаютъ изъ ошибочности первоначальныхъ принциповъ. Но есть еще и другой недостатокъ въ пріемахъ Дюмона, имѣющій независимый характеръ. Этотъ недостатокъ состоитъ въ отсутствіи твердаго начала при *дальнѣйшемъ* разчлененіи каждаго *главнаго* вида удовольствій и страданій. Вслѣдствіе этого и описаніе феноменовъ, соотвѣтствующихъ этимъ главнымъ видамъ,—безпорядочно, неравномѣрно и имѣетъ случайную послѣдовательность: глава объ отрицательныхъ удовольствіяхъ поражаетъ краткостью и поверхностностью, и только глава о положительныхъ удовольствіяхъ отличается сравнительною полнотою и подробностью; въ иныхъ главахъ порядокъ разчлененія частныхъ явленій болѣе правильный, напр. позитивныя удовольствія дѣлятся на такія, которыхъ источникъ *внѣшній*, и такія, которыхъ источникъ *внутренній*,—въ другихъ главахъ этой послѣдовательности мы не находимъ, и проч. Словомъ сказать, въ спеціальномъ разчлененіи отдѣльныхъ классовъ нѣтъ руководящей идеи, нѣтъ общаго, неизмѣннаго основанія. Всего болѣе повидимому Дюмонъ склоняется въ пользу упомянутаго различенія удовольствій и страданій каждаго вида на состоянія *внѣшняго* и состоянія *внутренняго* происхожденія [1]), но и эта мысль, которая бы могла служить точкою исхода для дальнѣйшаго анализа, почему то не вездѣ примѣняется. Стало быть и приложеніе общихъ принциповъ, проведеніе ихъ въ частностяхъ у Дюмона недостаточно, — читатель остается неудовлетвореннымъ и сознаетъ, что нужно что́ то дополнить и исправить. Но всетаки Дюмонъ проложилъ *первую* тропу для выработки вполнѣ научной классификаціи чувствованій и нельзя требовать, чтобъ первый опытъ былъ въ то же время совершеннымъ рѣшеніемъ задачи: не всѣ изслѣдователи могутъ быть такъ терпѣливы и упорны, какъ Ньютонъ,—и мы также, надѣясь во многомъ исправить и усовершенствовать новую теорію классификаціи чувствованій, конечно не будемъ претендовать на окончательную разработку ея во всѣхъ мелочахъ, и конечно не скоро еще эта теорія будетъ облечена въ совершенную и недоступную ни для какихъ возраженій форму.

Итакъ Горвицъ всего болѣе приблизился къ научному опредѣленію *основныхъ условій* удовольствія и страданія, Дюмонъ — къ научнымъ принципамъ *классификаціи* чувствованій. Но оба они только *приблизились* къ

---

[1]) Ср. его классификацію «положительныхъ» и «отрицательныхъ» страданій въ статьѣ Philosophie de la douleur: Rev. Scientif. 14 Févr. 1874, p. 771 и 775

истинѣ, но *не достигли* ея вполнѣ. Остается изслѣдовать, не выйдетъ ли чего-нибудь лучшаго изъ сочетанія тѣхъ вѣрныхъ началъ, которыя были выработаны *обоими* писателями и изъ дальнѣйшаго развитія и разъясненія этихъ началъ. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію нашей собственной теоріи, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о современномъ положеніи нашего вопроса въ литературахъ *другихъ странъ*, до сихъ поръ нами не изслѣдованныхъ, и возобновить въ памяти читателя, какъ общія черты послѣдняго изъ разсмотрѣнныхъ нами періодовъ, такъ и характерныя особенности всего историческаго развитія разобранныхъ во второй части нашего труда вопросовъ.

Кромѣ Германіи, Франціи и Англіи, Италія, особенно въ нынѣшнемъ вѣкѣ, какъ мы выше замѣтили, иногда принимала участіе въ рѣшеніи интересовавшихъ европейскую философію проблемъ. Въ изучаемой нами области мы дѣйствительно находимъ работу, достоинства которой оцѣнены и въ другихъ странахъ, и которая можетъ дать понятіе о современномъ положеніи нашего предмета въ Италіи. Рѣчь идетъ объ упомянутой нами уже «Физіологіи удовольствія» **Мантегаццы**. Главная задача автора состоитъ въ *описаніи* разнообразныхъ феноменовъ удовольствія, въ «анатомическомъ анализѣ нравственнаго человѣка», какъ онъ самъ выражается. Къ опредѣленію же общей природы удовольствія, а равно и къ научной классификаціи его частныхъ формъ Мантегацца относится болѣе или менѣе равнодушно и старается «держаться насколько можно далѣе отъ теоріи и отъ гипотезъ». Тому и другому вопросу посвящено лишь небольшое *введеніе*, предшествующее спеціальному анализу. Удовольствіе есть, по мнѣнію автора, элементарный феноменъ жизни, самъ по себѣ не подлежащій опредѣленію. Задача автора «описать только внѣшніе чувственные признаки и изложить исторію развитія» этого феномена. Удовольствіе для автора есть особый видъ *ощущенія*. Отличіе ощущенія удовольствія отъ всякаго другого ощущенія неизвѣстно намъ: оно должно состоять въ какомъ-нибудь особомъ измѣненіи нервной ткани. Но вообще удовольствіе можетъ быть разсматриваемо какъ *преувеличенное* ощущеніе (una sensazione esagerata), какъ обнаруженіе *избытка* (esuberanza) какой-нибудь мѣстной или общей *силы* организма. Въ то же время удовольствіе представляетъ фактъ, сопровождающій *удовлетвореніе* какой-нибудь *потребности*; поэтому авторъ повидимому предполагаетъ нѣкоторую связь удовольствія съ инстинктомъ самосохраненія. Если удовольствіе согласуется съ послѣднимъ, то оно можетъ быть названо *физіологическимъ*, если же оно наноситъ ущербъ, то оно имѣетъ *патологическій* характеръ, представляетъ феноменъ патологической морали. Такимъ образомъ возможны два

класса — физіологическихъ и патологическихъ удовольствій; но не это разграниченіе авторъ кладетъ въ основу анализа. Онъ даетъ опять обычную классификацію удовольствій въ связи съ ихъ источниками, т. е. съ общими проявленіями духовной жизни и различаетъ: 1) удовольствія, связанныя съ ощущеніемъ, 2) удовольствія чувства (del sentimento), 3) удовольствія интеллектуальныя. Эту классификацію онъ даже не считаетъ нужнымъ оправдывать, ибо не придаетъ ей никакого существеннаго значенія: очевидно ему нужны только общія рамки, въ которыя можно было бы удобно распредѣлить частные факты, подлежащіе разбору[1]). Итакъ Мантегацца не прибавилъ ничего новаго къ *общей* теоріи чувствованій. Интересы его — въ *спеціальномъ* анализѣ, и въ этомъ послѣднемъ у него повидимому много оригинальнаго и цѣннаго[2]). Въ общей же теоріи онъ держался обычной въ наше время гипотезы о зависимости удовольствія отъ какихъ-то особыхъ состояній нашихъ нервныхъ тканей, и точно также, по примѣру большинства писателей, различалъ виды удовольствія по характеру тѣхъ психическихъ *способностей*, съ проявленіемъ которыхъ оно связано.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о постановкѣ теоріи чувствованій въ *русской* психологической литературѣ. Спеціальныхъ ученыхъ работъ по этому вопросу, на сколько намъ извѣстно, еще не имѣется въ нашей отечественной литературѣ. Въ «учебникахъ» психологіи по обыкновенію отражаются различныя направленія, господствующія на западѣ.

Ушинскій опредѣляетъ удовольствіе и неудовольствіе, подобно Канту и другимъ нѣмецкимъ писателямъ конца прошлаго и начала настоящаго вѣка, въ связи съ понятіемъ стремленія: чувство неудовольствія онъ объясняетъ неудовлетвореніемъ стремленій, чувство удовольствія — удовлетвореніемъ ихъ[3]). *Классификація* чувствованій основана у него на старомъ нѣмецкомъ же противуположеніи душевныхъ и духовныхъ состояній. Ушинскій различаетъ три рода чувствованій: а) органическихъ, б) душевныхъ и в) духовныхъ. Дальнѣйшее распредѣленіе *душевныхъ* чувствованій, анализомъ которыхъ Ушинскій только и ограничивается[4]), основано прежде всего на столь же старомъ противуположеніи *ума* и *сердца*. Въ частности, душевно-сер-

---

[1]) Mantegazza. Fisiol. del piacere Ediz. stereot Milano. 1877. Introduzione, p. XV—XIX.

[2]) Dumont, напр., хвалитъ талантливое описаніе чувственныхъ наслажденій въ книгѣ Мантегацды, l. c., p. 159.

[3]) Педаг. Антроп., Т. II, стр. 123.

[4]) Разборъ «духовныхъ» долженъ былъ войти въ 3-ю часть Антропологіи, а «органическія» совсѣмъ остаются въ сторонѣ—въ виду «отрывочности наблюденій надъ ними».

дечныя чувствованія распадаются на рядъ контрастовъ, напоминающихъ дѣленіе аффектовъ въ школѣ Декарта, при чемъ удовольствіе и страданіе разсматриваются, сообразно этому дѣленію, только какъ одинъ изъ частныхъ видовъ душевно-сердечныхъ чувствованій [1]). **Каптеревъ** примыкаетъ скорѣе къ ученіямъ англійскихъ психологовъ. Такъ, подобно Бэну, онъ различаетъ физическую, эмоціональную, умственную и волевую сторону (волевое значеніе) чувствованій. Но говоря объ эмоціональной сторонѣ чувствованій, онъ, къ сожалѣнію, не пытается рѣшить общаго вопроса о причинахъ различія пріятныхъ, непріятныхъ и безразличныхъ чувствованій, т. е. вопроса о причинахъ и условіяхъ удовольствія и неудовольствія. *Классификація* чувствованій основана у него прежде всего на довольно обыкновенномъ противуположеніи *физическихъ* и *идеальныхъ* чувствованій, изъ которыхъ первыя считаются болѣе первоначальными и простыми. Затѣмъ дѣленіе идеальныхъ чувствованій на эгоистическія и альтруистическія, дѣленіе первыхъ на чувство силы, чувство безсилія и чувствованія, связанныя съ познавательнымъ процессомъ, дѣленіе вторыхъ на эстетическія, симпатическія, нѣжныя и нравственныя, а равно и дальнѣйшее дробленіе всѣхъ этихъ новыхъ видовъ, — напоминаютъ читателю опять пріемы Спенсера, Бэна и другихъ *англійскихъ* психологовъ, хотя нельзя не признать за авторомъ «Педагогической психологіи» законнаго стремленія переработать и отчасти усовершенствовать прежніе способы дѣленія [2]).

Такимъ образомъ въ русскихъ учебникахъ по психологіи мы встрѣчаемъ до сихъ поръ только стремленіе усвоить и облечь въ болѣе или менѣе своеобразныя формы теоріи чувствованій, господствующія на западѣ, особенно въ Германіи и въ Англіи. При этомъ большее вниманіе было обращено до сихъ поръ на *классификацію* чувствованій, чѣмъ на общую теорію удовольствія и страданія. Физіологическая гипотеза, относящаяся къ объясненію этихъ явленій и принимавшая на западѣ такія разнообразныя выраженія въ эти послѣднія десятилѣтія, въ Россіи не имѣла до сихъ поръ ни одного вполнѣ консеквентнаго представителя. Замѣчательную попытку примѣненія этой гипотезы къ объясненію *одного* спеціальнаго класса чувствованій мы встрѣчаемъ въ недавно вышедшемъ очеркѣ Л. Е. **Оболенскаго**, носящемъ заглавіе «Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты. СП. 1878» (отт. изъ журнала «Свѣтъ»). Книжка эта представляетъ прекрасный вкладъ въ общую теорію чувства, ибо авторъ ея, руководствуясь послѣдними открытіями Гельмгольца и другихъ спеціалистовъ, вполнѣ

---

[1]) Ср. въ ук. мѣстѣ, стр. 118 и 119.

[2]) Ср. Каптеревъ. Педагог. психологія, главы IX—XII.

сознательно и ясно проводитъ мысль о зависимости всякаго неудовольствія въ сферѣ *эстетическихъ* впечатлѣній отъ *утомленія, растраты вещества*, не успѣвающей пополняться приходомъ, удовольствія, напротивъ,—отъ *экономической работы* организма и его тканей [1]). Но всетаки этотъ этюдъ имѣетъ совершенно спеціальный характеръ, и авторъ не предпринимаетъ никакихъ обобщеній касательно природы *всѣхъ* удовольствій и страданій въ совокупности. Такимъ образомъ въ *русской* литературѣ *нашъ* трудъ является первымъ опытомъ въ этомъ родѣ, и это тѣмъ болѣе даетъ намъ право разсчитывать на нѣкоторое снисхожденіе при оцѣнкѣ его.

Перейдемъ теперь къ *выводамъ*. Значеніе прежде разсмотрѣннаго періода, а именно съ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка до тридцатыхъ нынѣшняго, состояло, какъ мы видѣли, въ выработкѣ положенія о независимости чувствованій отъ другихъ феноменовъ сознанія. Но такъ какъ это положеніе не сразу было принято и не сразу было найдено для него подобающее выраженіе, то между психологами, особенно нѣмецкими, разыгралась упорная борьба по поводу наиболѣе правильной постановки вопроса объ отношеніи чувствованій къ другимъ психическимъ явленіямъ. Отчасти эта борьба, а отчасти и другіе факты въ исторіи развитія психологіи въ началѣ нынѣшняго вѣка, отвлекли на столько интересъ психологовъ отъ рѣшенія болѣе спеціальныхъ вопросовъ, касающихся природы чувствованій, что въ развитіи *этихъ* вопросовъ въ это время мы замѣтили нѣкоторый упадокъ и даже *регрессъ*: многія, уже пріобрѣтенныя, истины были забыты, въ другихъ случаяхъ старыя, менѣе совершенныя, толкованія замѣнили опять болѣе новыя и точныя, выработанныя во вторую половину прошлаго столѣтія. Съ развитіемъ естественныхъ наукъ и исторіи философіи, изслѣдованіе упомянутыхъ вопросовъ снова оживилось и вступило на болѣе плодотворную почву. Поэтому съ сороковыхъ годовъ замѣчается опять быстрое поднятіе уровня тѣхъ работъ, которыя относились къ анализу чувствованій. Крупныя особенности этого новаго движенія мы и припомнимъ теперь въ самыхъ общихъ чертахъ, чтобы облегчить себѣ слѣдующую за тѣмъ оцѣнку всего историческаго развитія науки о чувствованіяхъ.

Мы видѣли, что въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, а отчасти и ранѣе, нѣмецкіе психологи-реалисты прежде другихъ возвращаются

---

[1]) Совершенно аналогичную работу на западѣ представляетъ книжка Берга (H. Berg. Die Lust an der Musik. Berlin. 1879. 58 p.), краткій разборъ которой можно найти въ Revue Philos, 1879 Juillet, p. 101—105. Авторъ этой книжки тоже примыкаетъ къ гипотезамъ Гельмгольца и объясняетъ музыкальное удовольствіе легкою работою нервныхъ тканей.

снова къ гипотезѣ о зависимости чувствованій отъ *внутреннихъ отношеній*. Но сперва выраженіе этой гипотезы было довольно односторонне: Гербартъ и его ученики, напр., ставили чувствованія въ связь съ отношеніями *представленій*. Бенеке стоялъ уже на болѣе общей точкѣ зрѣнія, но и его теорія не имѣла настоящаго однообразія и цѣльности. Лотце первый возстановилъ настоящую «физіологическую» теорію. Но болѣе полное развитіе послѣдняя получила въ трудахъ Вундта и Горвица. Однако въ промежуткѣ между работами Лотце и Вундта мы встрѣтили въ Германіи попытки возстановленія ученія совершенно другого порядка, ученія, сходнаго съ Эпикурейскимъ (Шопенгауэръ, Гартманъ). Этотъ фактъ доказываетъ, что до *послѣднихъ* лѣтъ по крайней мѣрѣ физіологическая теорія еще не достигла въ Германіи такого выраженія, которое бы одинаково могло удовлетворить психологовъ всѣхъ направленій. Въ Англіи значеніе физіологической гипотезы въ самой общей ея формѣ прежде всего было возстановлено Гамильтономъ, послѣдователемъ ученія Аристотеля, и, несмотря на нѣкоторыя возраженія противуположнаго лагеря психологовъ, его теорія была принята съ различными видоизмѣненіями большинствомъ новѣйшихъ писателей. Самое полное выраженіе въ Англіи физіологическая теорія получила въ трудахъ Бэна и Спенсера. Во Франціи, долѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, продолжалось господство ученій, ставившихъ чувствованія въ зависимость отъ развитія воли, сознательной или безсознательной, произвольной или непроизвольной. Однако въ 60-хъ годахъ и во Францію, чрезъ посредство Булье, проникли ученія Аристотеля и Гамильтона, и въ лицѣ Булье и Дюмона мы имѣемъ опять своеобразныхъ выразителей той же «физіологической» теоріи. Такимъ образомъ всѣ передовые европейскіе психологи нашего времени согласны между собою въ общихъ основаніяхъ относительно вопроса о природѣ чувствованій. Расходятся они только въ способахъ выраженія общаго закона и въ пріемахъ дальнѣйшаго его примѣненія. Въ области вопроса объ основахъ *классификаціи* чувствованій мы встрѣчаемъ до сихъ поръ гораздо больше разногласій, и это совершенно понятно: *естественная* классификація можетъ возникнуть только при окончательной выработкѣ общихъ началъ и пока относительно выраженія послѣднихъ нѣтъ полнаго единодушія, до тѣхъ поръ и пріемы классификаціи будутъ разнообразны и противорѣчивы. Всѣ опыты классификаціи имѣли однако до послѣдняго времени ту общую черту, что принципомъ дѣленія чувствованій почти всегда служило различіе тѣхъ психическихъ *способностей* человѣка, съ которыми связаны различныя обнаруженія чувства. Отъ этого принципа отступили только Бэнъ и Дюмонъ. Но Классификація Бэна имѣетъ совершенно ненаучный характеръ: Дюмонъ справедливо замѣчаетъ, «что нѣтъ возмож-

ности выяснить (démêler), на какомъ принципѣ основано дѣленіе Бэна и что послѣднее вообще не столько представляетъ характеръ классификаціи, сколько обнаруживаетъ черты произвольнаго и случайнаго перечня»[1]). Остается за симъ классификація самого Дюмона. Основы послѣдней дѣйствительно наиболѣе разумны и научны, но къ сожалѣнію мысль Дюмона не въ достаточной мѣрѣ выработана: этотъ ученый допустилъ рядъ ошибокъ и неточностей и вообще слишкомъ поверхностно отнесся къ предпринятому дѣлу. Его опытъ только указываетъ на то общее направленіе, которому должны слѣдовать его преемники, но самое развитіе его идеи не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ. Итакъ значеніе всѣхъ разсмотрѣнныхъ ученій сводится вообще къ выработкѣ въ послѣднія десятилѣтія болѣе правильныхъ началъ какъ для объясненія условій удовольствія и страданія, такъ и для классификаціи чувствованій. Задача *будущей* науки заключается въ окончательномъ отдѣленіи вѣрнаго отъ невѣрнаго, въ отысканіи наилучшаго выраженія для добытыхъ прежде результатовъ и наилучшихъ путей для всесторонняго примѣненія ихъ къ спеціальному анализу и синтезу чувствованій.

Въ заключеніе остается еще сдѣлать общій обзоръ тѣхъ результатовъ, къ которымъ насъ привела вся *вторая* часть историческаго анализа.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателя на тотъ фактъ, что подробный историческій разборъ вполнѣ подтвердилъ первоначальную гипотезу нашу (стр. 142) о *количествѣ* различныхъ направленій, которыя должно было принимать объясненіе явленій удовольствія и страданія и чувствованій вообще въ разныхъ психологическихъ школахъ. Конечно, большинство писателей примыкали къ тому или другому направленію совершенно безсознательно и, можетъ быть, очень удивились-бы, еслибъ имъ въ точности была указана та роль, которую они играли въ развитіи вопроса. Но такое соображеніе конечно не мѣшаетъ историку группировать историческіе факты и въ частности не помѣшало намъ найти почти для каждаго изъ указанныхъ нами направленій большее или меньшее *число* болѣе или менѣе *послѣдовательныхъ* представителей. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, читатель могъ замѣтить, что степень господства отдѣльныхъ направленій, степень ихъ устойчивости, количество ихъ послѣдователей и наконецъ кругъ примѣненія каждой теоріи были весьма неравномѣрны: нѣкоторыя

[1]) L. c., p. 121.

теоріи имѣли лишь рѣдкихъ и какъ-бы случайныхъ приверженцевъ, другія, напротивъ, постоянно снова пріобрѣтали видныхъ и авторитетныхъ послѣдователей; затѣмъ, иныя теоріи служили какъ-бы только дополненіемъ для другихъ, болѣе господствующихъ способовъ толкованія, когда извѣстные феномены трудно было объяснить при помощи этихъ послѣднихъ, другія теоріи, наоборотъ, играли всегда первостепенную роль и часто даже пріобрѣтали значеніе исключительныхъ принциповъ. Прежде попытки объяснить это явленіе отмѣтимъ кратко *господствовавшія* въ разныя эпохи направленія.

Въ *древности* главные основатели самостоятельныхъ школъ выработали каждый свою особую теорію —Платонъ (XIII), Аристотель (XIV), Зенонъ (IV) и Эпикуръ (X); но Платоновская теорія, повидимому, болѣе соотвѣтствовала духу древней философіи и въ послѣдній періодъ эта теорія снова взяла верхъ надъ другими (Плотинъ). Однако въ Римѣ, а затѣмъ среди Отцовъ церкви, имѣла больше послѣдователей стоическая теорія. Послѣдняя перешла потомъ, въ числѣ другихъ наслѣдій древняго міра, и къ схоластическимъ писателямъ; но съ паденіемъ схоластики ея господству однако еще не наступилъ конецъ: въ школахъ Бэкона и Декарта, несмотря на попытки найти новыя направленія при объясненіи явленій удовольствія и страданія, стоическія опредѣленія чувствованій и аффектовъ сначала всетаки господствовали. Спиноза чуть-ли не былъ единственнымъ писателемъ до начала XVIII вѣка, серіозно пытавшимся раздѣлаться со старыми традиціями; но и его теорія представляетъ еще нѣкоторыя колебанія, въ силу которыхъ этого философа въ одинаковой мѣрѣ можно признать послѣдователемъ и аристотелевской и эпикурейской теорій. Впрочемъ, надо замѣтить, что и въ средніе вѣка уже были сѣмена другихъ ученій, кромѣ стоическаго, имѣвшихъ значеніе тѣхъ *дополнительныхъ* пріемовъ толкованія, о которыхъ мы выше упоминали. Такъ христіанская этика спеціально симпатизировала объясненію нѣкоторыхъ чувствованій изъ сознательной оцѣнки абсолютнаго достоинства нашей дѣятельности (IX), затѣмъ въ средніе вѣка перешло уже Платономъ выработанное воззрѣніе, по которому высшія, эстетическія и интеллектуальныя, чувствованія объяснялись сознательною оцѣнкою абсолютной гармоніи *внѣшнихъ* отношеній (I). Это послѣднее толкованіе феноменовъ удовольствія и страданія нашло благопріятную почву для дальнѣйшаго развитія въ понятіяхъ совершенства и несовершенства (какъ абсолютныхъ величинъ), выработанныхъ въ школѣ Декарта. Вольфъ и его послѣдователи дали этой точкѣ зрѣнія господствующее значеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ началѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ намековъ Локка, Гоббеса и самого Декарта, во Франціи и Англіи (Де-Пульи и Гертли) возникло новое направленіе, сводившее всѣ удовольствія и страданія къ безсознатель-

ной оцѣнкѣ относительной гармоніи внутреннихъ отправленій (XVI). Эта теорія въ разныхъ формахъ выраженія господствовала въ теченіе всего XVIII вѣка среди французскихъ сенсуалистовъ и англійскихъ матеріалистовъ. Въ Германіи, въ концѣ XVIII вѣка, она имѣла тоже своихъ представителей, хотя нѣмцы большею частью подъ внутренними отправленіями разумѣли лишь одни *умственныя* отправленія и предполагали въ человѣкѣ особыя, инстинктивныя, *стремленія* къ гармоніи этихъ умственныхъ отправленій (XII). На этой точкѣ зрѣнія отчасти стоялъ и самъ Кантъ. Въ первыя десятилѣтія нашего вѣка, съ крайнимъ развитіемъ идеализма и спиритуализма, наступила эпоха такого тумана въ опредѣленіяхъ природы чувствованій, что выяснить господствующія симпатіи этой эпохи чрезвычайно трудно. Несомнѣнно, что нѣкоторые нѣмецкіе писатели воротились къ точкѣ зрѣнія Вольфа, но большинство не отдавало себѣ никакого отчета въ истинномъ характерѣ занимающаго насъ вопроса. Въ послѣднія десятилѣтія интересъ къ нему снова пробудился и преобладаніе снова получила «физіологическая» точка зрѣнія, выработанная въ началѣ XVIII столѣтія. Однако, до послѣдняго времени есть представители и другихъ, болѣе старыхъ толкованій, въ особенности эпикурейскаго.

Изъ этого краткаго обозрѣнія мы можемъ заключить, что изъ числа указанныхъ нами шестнадцати точекъ зрѣнія восемь (I, IV, IX, X, XII, XIII, XIV, XVI) имѣли значительное преобладаніе надъ остальными. Объяснить этотъ любопытный историческій фактъ всего удобнѣе бо́льшею *естественностью* однихъ способовъ толкованія чувства сравнительно съ другими, или, лучше сказать — присутствіемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстнаго внутренняго противорѣчія, не для всѣхъ писателей, впрочемъ, одинаково замѣтнаго. Такъ напримѣръ предположеніе, что какія-либо чувствованія могутъ основываться на *безсознательной* оцѣнкѣ *абсолютной* гармоніи тѣхъ или другихъ отношеній было-бы слишкомъ искусственно, ибо возможность абсолютной гармоніи предполагаетъ существованіе абсолютнаго типа таковой гармоніи, который нельзя помѣстить нигдѣ болѣе, какъ въ нашемъ *умѣ*, т. е. въ *сознаніи*. Оттого нѣкоторыя точки зрѣнія (V, VII, XI, XV) и не пользовались сочувствіемъ психологовъ. Затѣмъ, напримѣръ, если предположить, что чувствованія могутъ вытекать изъ оцѣнки *внѣшнихъ* отношеній, или отношеній вещей *къ намъ*, то тоже *естественнѣе* думать, что эта оцѣнка сознательна, а не безсознательна, ибо самыя воспріятія внѣшнихъ предметовъ, какъ источники этой оцѣнки, бываютъ большею частью сознательны. Далѣе, если предположить, что чувствованія слагаются изъ оцѣнки отношеній вещей другъ къ другу, то естественнѣе думать, что эта оцѣнка *абсолютная*, а не относительная, ибо относительное

достоинство предметовъ мы естественно склонны отождествлять съ достоинствомъ ихъ *въ отношеніи къ намъ*; становясь же на эту точку зрѣнія, психологъ уже долженъ отказаться отъ первоначальнаго своего утвержденія, что чувствованія связаны съ оцѣнкою *исключительно внѣшнихъ* отношеній. Точно также, наоборотъ, если чувствованія объяснять оцѣнкою отношеній вещей къ намъ, то естественнѣе думать, что эта оцѣнка относительна, ибо трудно представить себѣ какой-нибудь абсолютный, нормальный типъ дѣйствія на насъ окружающихъ вещей: такому предположенію слишкомъ противорѣчитъ ежедневный опытъ. Вотъ общія соображенія, объясняющія господство однѣхъ точекъ зрѣнія надъ другими, и, если онѣ обыкновенно не служили *сознательными* мотивами для предпочтенія одного толкованія другому, то чрезъ это еще вліяніе ихъ нисколько не умаляется.

Теперь остановимся подробнѣе на исторіи развитія каждаго спеціальнаго момента въ наукѣ о чувствованіяхъ.

Во первыхъ, что́ касается до самыхъ понятій *чувства*, *чувствованія*, то мы видѣли, что они вполнѣ принадлежатъ *новому* времени[1]). Понятія удовольствія и страданія, правда, также древни, какъ сама психологія; но до эпохи Стоиковъ не было потребности объединить ихъ въ *одной* идеѣ, а со времени Стоиковъ и до XVIII вѣка объединяющую роль играло понятіе *аффекта*. Въ началѣ XVIII в. понятія удовольствія и страданія были выдѣлены изъ сферы понятія аффекта, потомъ вошло въ употребленіе понятіе *чувства*, имѣвшее сначала довольно неопредѣленное содержаніе, но пріобрѣтшее постепенно то *родовое* значеніе, которое прежде принадлежало понятію аффекта. Въ настоящее время это понятіе чувства, очищенное въ своемъ содержаніи, для большинства психологовъ обозначаетъ лишь совокупность простыхъ и сложныхъ явленій удовольствія и страданія. Рядомъ съ этимъ понятіемъ утвердилось, впрочемъ, въ нашемъ вѣкѣ, особенно въ англійской и французской психологіи, еще другое понятіе *волненія*, обозначающее тѣ же явленія удовольствія и страданія и состоянія, съ ними связанныя.

Во вторыхъ, коснемся вопроса о томъ, *какія отношенія* считались предметомъ оцѣнки въ чувствованіяхъ въ разныя эпохи. Мы видѣли, что въ древности рѣшенія этого вопроса были весьма разнообразны. Но лучшіе представители древней науки, Платонъ и Аристотель, держались мнѣнія, что въ большинствѣ случаевъ удовольствіе и страданіе вытекаютъ изъ оцѣнки *внутренней гармоніи*. Потомъ, въ періодъ практическаго направленія гре-

[1]) Этотъ выводъ подтверждается, между прочимъ, изслѣдованіями Эйкена о судьбѣ нѣмецкаго термина Gefühl: Eucken. Gesch. d. philos. Terminologie im Umriss. Leipzig. 1879, особ. p. 209 — 210.

ческаго мышленія, взгляды измѣнились — *отношенія вещей къ намъ* и *отношенія насъ къ внѣшнему міру* считались поочередно предметами оцѣнки. Эти воззрѣнія господствовали въ теченіе всей средневѣковой эпохи и даже въ новое время, до XVIII в. Въ XVIII в. возникли двѣ новыя школы, изъ которыхъ одна ставила чувствованія въ зависимость отъ оцѣнки исключительно *внѣшнихъ* отношеній, другая—*внутреннихъ*. Послѣдняя точка зрѣнія была принята почти всѣми лучшими представителями философіи XVIII в. (за исключеніемъ Канта) и въ настоящее время, послѣ небольшаго перерыва, сдѣлалась снова господствующею.

Въ третьихъ, по вопросу о томъ, *сознательна* или *безсознательна* оцѣнка тѣхъ или другихъ отношеній, исторію нашего предмета можно раздѣлить на два, довольно рѣзко граничащіе періода. Въ древности и въ средніе вѣка оцѣнка почти всѣми писателями предполагалась *сознательною*. Въ школѣ Декарта возникли понятія *интуитивнаго познанія*, *темныхъ* или *смутныхъ идей*, и изъ этихъ понятій въ XVIII в. развилось ученіе о *безсознательной*, интуитивной или инстинктивной, оцѣнкѣ, которое постепенно возобладало, и въ XIX в. всецѣло господствуетъ (хотя мы и не отрицаемъ исключеній въ пользу обратной точки зрѣнія).

Наконецъ, въ четвертыхъ, вопросъ о томъ, *относительна* или *абсолютна* оцѣнка, имѣлъ опять особую судьбу. Большинство философовъ и психологовъ всегда сочувствовало признанію *относительности* этой оцѣнки; абсолютизмъ большею частью находилъ себѣ убѣжище только въ морали, которая до нашего вѣка почти всегда сочувствовала признанію абсолютнаго значенія понятій добра и зла. Но время отъ времени абсолютизмъ изъ области морали проникалъ въ область психологіи, и во всѣ эпохи были, вслѣдствіе этого, изолированные представители ученія, по которому всѣ чувствованія основаны на *абсолютной* оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ отношеній (Платонъ, Вольфъ, Шмидтъ, Булье и др.).

Что касается до *классификаціи* чувствованій, то тутъ прежде всего надо различать: 1) развитіе *общаго* контраста простыхъ и сложныхъ чувствованій и соединеннаго съ нимъ ученія о принципахъ *осложненія* чувствованій, и 2) развитіе основаній для классификаціи *спеціальныхъ* чувствованій. Въ первомъ отношеніи въ древности всего замѣчательнѣе опытъ Стоиковъ, потомъ попытки разработки того же вопроса въ трудахъ Ѳомы Аквината, Декарта, Малебранша, Спинозы и Юма. Истинное его значеніе понялъ впрочемъ только Спиноза, — онъ первый пытался выяснить *законы осложненія* чувствованій, которыя Юмъ подвергъ дальнѣйшей обработкѣ. Въ теченіе XVIII в. и въ первыя десятилѣтія XIX в. контрастъ простыхъ и сложныхъ чувствованій постепенно былъ забытъ. Нѣкоторые

писатели и сознаютъ важность его (Броунъ), но не развиваютъ этой мысли. Въ наше время вопросъ объ *элементарныхъ* волненіяхъ снова сталъ на очередь, и главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ англійскимъ психологамъ, особенно Бэну; но на настоящую почву поставилъ его, по нашему мнѣнію, только Дюмонъ.

Основы для группировки спеціальныхъ чувствованій въ древности были нравственныя: чувствованія и аффекты различались по степенямъ нравственной высоты своей, и господствующимъ было дѣленіе ихъ на высшія и низшія, при чемъ послѣднія распадались опять на двѣ области, по различію душевныхъ началъ — concupiscibile et irascibile. Эти принципы были окончательно опрокинуты только Декартомъ; но въ школѣ Декарта не было выработано новыхъ основаній для особаго распредѣленія *спеціальныхъ* чувствованій, представлявшихъ разнообразныя выраженія тѣхъ или другихъ примитивныхъ волненій (напримѣръ у Спинозы — радости, печали и желанія). Въ XVIII в., подъ вліяніемъ новаго развитія ученія о способностяхъ души, опять былъ возстановляемъ въ новыхъ формахъ контрастъ низшихъ и высшихъ чувствованій, которыя распредѣлялись далѣе въ связи съ отдѣльными понятіями способностей (умъ, чувственность, воображеніе, сердце, воля и т. д.). Этотъ пріемъ группировки чувствованій — *по способностямъ* — господствовалъ и въ нашемъ вѣкѣ и отчасти принятъ и до сихъ поръ (Булье, Горвицъ, Мантегацца). Насколько этотъ пріемъ ненаученъ, можно видѣть изъ полнѣйшаго разногласія психологовъ въ своихъ классификаціяхъ. Между тѣмъ уже въ древности, Аристотелемъ, была высказана правильная мысль, что видовъ удовольствія и страданія столько-же, сколько видовъ отправленій организма. Хотя эта мысль изрѣдка находила сочувствіе, но пониманіе ея было слишкомъ односторонне. Подъ «отправленіями» почему-то разумѣлись только «духовныя отправленія», и въ результатѣ получались тѣ же дѣленія чувствованій, какъ и по способностямъ души, — на интеллектуальныя, эстетическія, сердечныя и т. д. Неправильность такихъ пріемовъ понята многими современными изслѣдователями, но новые пріемы для замѣны старыхъ еще не найдены. Попытка Дюмона (въ Revue scientif.) оказалась безплодною, и онъ самъ оставилъ первоначальный свой пріемъ при болѣе подробной обработкѣ предмета и даже предпочелъ ему безпорядочный анализъ чувствованій въ *произвольномъ* порядкѣ.

Итакъ отдѣлъ психологіи, занимающійся анализомъ чувствованій, — еще далеко неустановившійся отдѣлъ нашей науки. Въ настоящее время болѣе или менѣе твердымъ достояніемъ психологіи сдѣлались повидимому только слѣдующія положенія:

1) Что подъ *чувствованіями* должно разумѣть лишь простыя и сложныя явленія *удовольствія* и *страданія*.

2) Что чувствованія, имѣющія *примитивный* характеръ, должно объяснять изъ безсознательной и релативной оцѣнки гармоніи *физіологическихъ* отправленій организма (*внутреннихъ* отношеній въ немъ).

3) Что основою дальнѣйшаго анализа чувствованій должно быть противуположеніе *простыхъ* и *сложныхъ* психическихъ состояній.

4) Что примитивныя чувствованія должно группировать: во первыхъ— по различію тѣхъ примитивныхъ *внутреннихъ отношеній*, которыя служатъ основою для образованія чувствованій, и во вторыхъ, по различію всѣхъ спеціальныхъ *отправленій организма*, съ которыми связано удовольствіе и страданіе.

5) Что для объясненія механизма сложныхъ чувствованій должны быть предварительно выяснены *законы осложненія* примитивныхъ.

6) Что классификація *сложныхъ* чувствованій должна находиться въ ближайшей связи съ классификаціей простыхъ.

Но во первыхъ, всѣ эти положенія, какъ мы видѣли, не исключаютъ пока принциповъ совершенно иного свойства, руководящихъ *многими* психологами. Во вторыхъ, въ частномъ выраженіи и примѣненіи каждаго изъ нихъ господствуютъ самыя непримиримыя разногласія. Такимъ образомъ, каждое изъ этихъ положеній подлежитъ *новому разслѣдованію*, каждый вопросъ, на который отвѣчаетъ то или другое изъ нихъ, долженъ быть вновь подвергнутъ тщательному разбору. Въ этомъ заключается задача *будущей* психологіи чувствованій, въ этомъ будетъ заключаться въ частности и задача *теоретическаго отдѣла* нашей работы—объ «основахъ анализа и синтеза чувствованій».

II. ТЕОРЕТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ОСНОВЫ
АНАЛИЗА И СИНТЕЗА ЧУВСТВОВАНІЙ
ДЛЯ БУДУЩЕЙ ПСИХОЛОГІИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Каждое изслѣдованіе спеціальнаго теоретическаго вопроса, въ области какой бы то ни было науки, естественно примыкаетъ въ *послѣднимъ* работамъ по этому вопросу. Эти послѣднія работы не только служатъ исходною точкою для выработки въ умѣ изслѣдователя новыхъ взглядовъ, являющихся обыкновенно результатомъ повѣрки ранѣе добытыхъ положеній, но онѣ же играютъ роль и первоначальныхъ мотивовъ самого сосредоточенія на данной области явленій предпочтительно передъ всѣми другими. Поэтому къ болѣе обстоятельному историческому изслѣдованію предшествующаго хода развитія вопроса настоящій теоретикъ обыкновенно переходитъ, по естественному процессу ассоціаціи, всего позднѣе, т. е. уже послѣ того, какъ онъ составилъ себѣ собственныя убѣжденія на основаніи самостоятельнаго анализа фактовъ, вызваннаго работами *ближайшихъ* предшественниковъ.

Именно такимъ путемъ сложилась и наша теорія чувствованій. Случайное чтеніе нѣсколькихъ новѣйшихъ монографій, относящихся къ этой группѣ явленій, внушило намъ интересъ къ изученію послѣднихъ, а затѣмъ эти же монографіи дали первоначальную канву и для развитія многихъ собственныхъ воззрѣній нашихъ. Только тогда, когда эти собственныя воззрѣнія уже облеклись въ довольно законченную форму, пробудилось желаніе

къ болѣе обстоятельному изученію всей предшествующей литературы вопроса, и изъ этого изученія возникъ историческій отдѣлъ нашей работы, принявшій понемногу болѣе широкіе размѣры, чѣмъ какіе прдполагались сначала.

Такимъ образомъ, переходя отъ *исторіи* вопроса къ *теоріи*, мы, собственно говоря, возвращаемся назадъ — къ той части работы, которая по времени образованія была первою. Но историческое изученіе, какъ и всегда бываетъ, не пропало даромъ для развитія нашихъ взглядовъ. Если оно и не поколебало въ корнѣ тѣхъ убѣжденій, которыя сложились въ насъ ранѣе, то вліяніе его въ подробностяхъ и частностяхъ проводимой теоріи несомнѣнно сказалось, а главное — всѣ наши убѣжденія сдѣлались теперь болѣе *сознательными*. Историческій разборъ вообще имѣетъ ту выгоду, что онъ ведетъ къ болѣе широкому и ясному пониманію тѣхъ общихъ задачъ, которыя связаны съ изученіемъ той или другой области явленій, что только при его помощи правильно и точно выясняются тѣ предѣлы, до которыхъ изслѣдованіе вопроса было доведено предшественниками; наконецъ, онъ же предостерегаетъ противъ повторенія старыхъ ошибокъ и противъ приписанія себѣ чужихъ, хотя бы и давно позабытыхъ, мыслей. Словомъ сказать, историческое изученіе вопроса позволяетъ не только во многомъ исправить и расширить свои выводы, но и опредѣлить въ точности отношеніе своей работы ко всѣмъ предшествующимъ, а это ведетъ къ болѣе скромной оцѣнкѣ своихъ личныхъ заслугъ въ разработкѣ вопроса. Дѣйствительно, чѣмъ большее количество чужихъ работъ изучаешь по тому же предмету, тѣмъ болѣе убѣждаешься, какъ мало значатъ личные труды одного человѣка при разработкѣ какой-нибудь, хотя бы и весьма тѣсной, области знанія. Труды одного человѣка обыкновенно не только не въ состояніи совершенно перестроить какую-нибудь отрасль науки, но ихъ большею частью бываетъ недостаточно и для того, чтобы дать совершенно новое направленіе анализу вопроса. Каждый изслѣдователь безсознательно и непроизвольно бываетъ подчиненъ не только извѣстному числу предразсудковъ, свойственныхъ всякому моменту развитія той или другой науки, но и тому спеціальному направленію въ изслѣдованіи даннаго вопроса, которое является продуктомъ времени и его условій и составляетъ послѣдній фазисъ развитія вопроса. Такое подчиненіе объясняется законами ассоціаціи: опровергая своихъ ближайшихъ предшественниковъ, мы уже тѣмъ самымъ безсознательно и неизбѣжно становимся до нѣкоторой степени на ихъ точку зрѣнія при постановкѣ вопросовъ; стараясь исправить ихъ выводы, мы невольно ищемъ подтвержденія своимъ мыслямъ въ той самой области фактовъ, которая служила матеріаломъ и для ихъ обобщеній. Все это устанавливаетъ тѣсную, хотя бы и незамѣтную съ перваго взгляда,

связь между новой работой и предыдущими и имѣетъ послѣдствіемъ строгую преемственность въ развитіи каждой вѣтви знанія. Эту преемственность неспособна уничтожить никакая личная воля, если она не хочетъ стать на степень грубаго произвола, безъ сомнѣнія вреднаго для успѣховъ науки, — задерживающаго ея развитіе. Всѣ эти истины однако дѣлаются *сознательнымъ* достояніемъ изслѣдователя только при содѣйствіи историческаго метода, и поэтому легкомысленное отношеніе къ исторіи вопроса совершенно непростительно, хотя бы и въ самыхъ талантливыхъ теоретикахъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мы теперь и надѣемся болѣе сознательно и послѣдовательно изложить свою теорію, чѣмъ мы сдѣлали это полтора года тому назадъ въ статьѣ журнала Revue philosophique (Septembre 1878). Но общаго характера изложенія мы однако не измѣнимъ. Содержаніемъ упомянутой статьи нашей были «принципы классификаціи чувствованій»; теперь мы намѣрены изложить точно такъ же принципы или «основы» анализа и синтеза чувствованій вообще. Мы хотимъ сказать этимъ, что не предполагаемъ дать самаго анализа и синтеза чувствованій во всѣхъ подробностяхъ. Такой анализъ и синтезъ, по нашему мнѣнію,—еще несвоевременное дѣло, и историческія изслѣдованія еще болѣе убѣдили насъ въ этомъ. Во всѣхъ наукахъ, не вполнѣ сложившихся, въ которыхъ не выработаны окончательно даже самые пріемы обработки фактовъ — а такою именно наукою является психологія — серіозную ошибку представляетъ слишкомъ поспѣшное примѣненіе только что выработанныхъ началъ ко всѣмъ частнымъ случаямъ. Конечно такое примѣненіе всегда является самою заманчивою стороною творческой работы ума, но оно же обыкновенно только напрасно увеличиваетъ литературный балластъ науки и содѣйствуетъ укорененію ложныхъ теорій. Весьма нетрудно бываетъ для автора, при нѣкоторой творческой силѣ, успѣшно приложить свою теорію къ объясненію всѣхъ частныхъ явленій соотвѣтственнаго круга, ибо тутъ безсознательно дѣлаются легкія натяжки, незамѣтныя часто и для самаго опытнаго глаза. Такимъ способомъ данная теорія укореняется, пріобрѣтаетъ послѣдователей и даетъ ложное направленіе цѣлому ряду другихъ работъ. Лучше согласиться сначала относительно общихъ началъ изслѣдованія и тогда развитіе ихъ въ подробностяхъ уже не представитъ никакихъ трудностей. Эти соображенія и заставляютъ насъ дать особый характеръ нашему изслѣдованію. Нельзя же предположить, что всѣ наши предшественники совершенно даромъ трудились надъ анализомъ обширной области явленій, называемыхъ чувствованіями. Такъ или иначе, они выработали уже рядъ принциповъ, рядъ различныхъ направленій изслѣдованія этихъ явленій. Если мы, въ связи съ собственными наблюденіями, критически раз-

беремъ эти направленія и опредѣлимъ, которое изъ нихъ наиболѣе правильно, то очевидно будемъ въ состояніи оказать наукѣ лучшую услугу, чѣмъ если, порвавъ связь со всѣми предшествующими изслѣдованіями, начнемъ всю работу сначала, т. е. начнемъ съ новаго собиранія фактовъ, новаго описанія ихъ и самостоятельнаго ихъ разбора. Конечно многіе психологи слѣдуютъ именно такому пріему, но работа ихъ напоминаетъ лишь сказку о Сизифовой работѣ въ аду. До сихъ поръ именно потому анализъ чувствованій и сопровождался такими малыми успѣхами, что каждый изслѣдователь считалъ своей обязанностію *все* дѣло начинать сызнова, не будучи въ состояніи довести его до конца. Поэтому, если намъ удастся критическимъ путемъ опредѣлить только нѣсколько правильныхъ *общихъ* основъ для будущей, болѣе подробной, разработки занимающаго насъ круга явленій, то эта будущая разработка очевидно будетъ значительно облегчена. Если же основы анализа и синтеза чувствованій, нами выработанныя, окажутся, при новой критической повѣркѣ, неправильными, то краткость изложенія представится истинною заслугою.

Итакъ задача нашего теоретическаго очерка будетъ состоять только въ опредѣленіи *основъ* анализа и синтеза чувствованій «для будущей психологіи». — Теперь нужно распредѣлить эту общую задачу на рядъ частныхъ. Это является уже дѣломъ нетруднымъ — въ виду тѣхъ общихъ выводовъ, къ которымъ насъ привелъ разборъ историческихъ фактовъ (см. стр. 409—410). При помощи послѣдняго выяснилось, около какихъ общихъ вопросовъ вращались интересы «психологіи чувствованій» въ новое и новѣйшее время. Видоизмѣнять содержаніе этого круга вопросовъ, придумывать *новые* вопросы не только не представляется надобности, но и было бы вредно въ отношеніи къ успѣшности анализа. Такой образъ дѣйствія былъ бы несогласенъ съ главными требованіями *критическаго* метода и обнаружилъ бы пустое стремленіе къ оригинальничанью. Притомъ, пріобрѣтенная нами постановка вопросовъ является итогомъ изслѣдованія всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія на предметъ при самомъ разнообразномъ пониманіи задачъ психологіи вообще и данной ея области въ частности. Желать перешагнуть за предѣлы вопросовъ, поставленныхъ не однимъ или нѣсколькими изслѣдователями, а всею совокупностью умовъ, изучавшихъ предметъ въ теченіе многихъ столѣтій, было бы нелѣпо и безплодно. Поэтому, извлекая всѣ главныя идеи изъ приведеннаго нами распредѣленія вопросовъ и связанныхъ съ ними отвѣтовъ современной психологіи, мы можемъ слѣдующимъ образомъ опредѣлить частныя задачи нашего изслѣдованія:

1) Прежде всего необходимо выяснить, какія явленія должно обнимать понятіе *чувствованій*.

2) Затѣмъ надо опредѣлить законъ *генезиса* чувствованій на самой первоначальной ступени ихъ развитія.

3) Надо разобрать основы правильнаго *распредѣленія* всѣхъ чувствованій, имѣющихъ примитивный характеръ, и попытаться сдѣлать примѣрное ихъ распредѣленіе.

4) Надо изслѣдовать и точно формулировать *законы осложненія* примитивныхъ чувствованій.

5) Въ связи съ этими законами необходимо точнѣе выяснить отдѣльные *фазисы* осложненія чувствованій и *пріемы* описанія, распредѣленія и изслѣдованія *сложныхъ* чувствъ и волненій.

Болѣе точно мы формулируемъ всѣ эти вопросы впослѣдствіи, по мѣрѣ анализа. Пока замѣтимъ только, что необходимо изслѣдовать всѣ указанныя задачи въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ мы привели ихъ, такъ какъ рѣшеніе каждаго предшествующаго вопроса неизбѣжно должно повліять на рѣшеніе каждаго послѣдующаго. Друзья «индукціи» можетъ быть поспѣшатъ замѣтить намъ, въ видѣ упрека, что мы, значитъ, намѣрены идти въ анализѣ своемъ «отъ общаго къ частному», но въ отвѣтъ на это мы попросимъ ихъ внимательно прочесть слѣдующія главы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Критическій опытъ о значеніи чувствованій въ связи съ классификаціей психическихъ явленій, объ условіяхъ образованія чувствованій и объ основахъ ихъ классификаціи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Значеніе чувствованій въ ряду психическихъ явленій.

Терминъ *чувствованій*, по нашему мнѣнію, долженъ обнимать собою *только*, но за то и *всю* совокупность *явленій удовольствія и страданія*, т. е. всѣ тѣ пассивныя психическія состоянія, которыя можно разсматривать какъ продуктъ *субъективной оцѣнки* дѣйствующихъ на нервную систему раздраженій, какой бы источникъ они ни имѣли — внѣшній или внутренній.

Хотя многіе изъ современныхъ психологовъ, какъ мы видѣли, даютъ именно такой объемъ разбираемому термину, но мотивировать свое опредѣленіе одними обычаями предшественниковъ мы конечно не въ правѣ, ибо мы могли также убѣдиться, что нѣкоторые другіе психологи и въ настоящее время даютъ тому же термину иное значеніе, — то болѣе широкое, то болѣе узкое. Стало быть, мы обязаны *сами* доказать, что данное нами опредѣленіе наиболѣе правильно. Для этого едвали разумно было бы возвращаться къ опредѣленіямъ другихъ писателей, несогласнымъ съ нашимъ, ибо критика таковыхъ могла бы привести насъ только къ *отрицательнымъ* результатамъ: въ концѣ концовъ мы не могли бы поручиться, что сверхъ разсматриваемыхъ нами не остается уже ни одного опредѣленіе чувствованій, которое бы не было лучше и удобнѣе нашего, а этотъ фактъ могъ бы бросить тѣнь сомнѣнія на всѣ наши послѣдующіе выводы. Поэтому бо́льшихъ результатовъ мы достигнемъ, если, разсмотрѣвъ общія основанія и пріемы *психологической терминологіи*, сдѣлаемъ сами примѣненіе этихъ пріемовъ въ виду спеціальной цѣли, нами предположенной.

Главная особенность психологической терминологіи, сравнительно съ терминологіями другихъ наукъ, заключается въ томъ, что она должна *предшествовать* всякому описанію и анализу частныхъ явленій. Въ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ раздѣльно существующими въ пространствѣ предметами, изобрѣтеніе научныхъ терминовъ, какъ извѣстно, обыкновенно составляетъ конечный результатъ описанія и анализа, ибо изслѣдуя «вещественные» предметы и ихъ свойства, наука, при помощи *нагляднаго* или демонстративнаго метода, всегда можетъ сдѣлать подлежащимъ своихъ описательныхъ и аналитическихъ предложеній самый предметъ, замѣняя «терминъ» указательнымъ мѣстоименіемъ въ соединеніи съ предикатомъ самаго общаго и ничего не предрѣшающаго характера. «Это растеніе имѣетъ такія то и такія то особенности устройства...», говоритъ напримѣръ ботаникъ, описывая вновь открытый имъ цвѣтокъ или дерево, и при этомъ глазамъ слушателей или читателей онъ представляетъ самый оригиналъ или точную копію съ него. Подобнымъ же нагляднымъ методомъ въ своихъ описаніяхъ могутъ пользоваться, кромѣ ботаники, и зоологія, и анатомія, и минералогія, и геологія, и астрономія, не говоря уже о нѣкоторыхъ отрасляхъ математики... Въ другихъ наукахъ, напр. въ физикѣ и въ химіи, наглядный методъ имѣетъ менѣе широкое примѣненіе, а именно большею частью только при словесныхъ описаніяхъ и объясненіяхъ; но за то изображеніе самихъ объектовъ изслѣдованія въ «книгахъ» по химіи и физикѣ возмѣщается часто изображеніемъ аппаратовъ, при помощи которыхъ эти объекты добываются и подробнымъ указаніемъ на пріемы этого добыванія. Поэтому подлежащимъ описанія въ этихъ наукахъ является всетаки такой x, который можетъ быть легко превращенъ читателемъ (по указанному методу) въ наглядную и *конкретную* величину. Рядомъ съ физикой и химіей, такой же пріемъ можетъ употреблять въ своихъ описаніяхъ и физіологія, въ которой впрочемъ примѣненіе демонстративнаго метода еще значительно облегчается ближайшею связью ея съ анатоміей. Слѣдовательно во всѣхъ точныхъ наукахъ изобрѣтеніе видовыхъ и родовыхъ названій легко можетъ быть отложено до окончанія описанія и анализа, и это естественно облегчаетъ задачи научной терминологіи. Совершенно иной порядокъ вещей имѣетъ мѣсто въ *психологіи*. Здѣсь нѣтъ средствъ примѣнить наглядный или демонстративный методъ, ибо никакой фигурой нельзя изобразить тѣхъ процессовъ, которые совершаются въ сознаніи, а тѣмъ менѣе возможно непосредственно демонстрировать эти послѣдніе. Поэтому, чтобы имѣть объектъ для описанія и анализа, психологу необходимо нуженъ готовый терминъ, который бы и могъ служить для него *подлежащимъ* описательныхъ предложеній; иначе сказать, терминологія въ этой области науки долж-

на предшествовать всякому изслѣдованію. Впрочемъ, противъ этого положенія намъ возразятъ, пожалуй, что всякій психическій актъ имѣетъ внѣшнее, болѣе или менѣе ясное, *выраженіе* въ чертахъ лица и въ фигурѣ тѣла и что именно такимъ внѣшнимъ выраженіемъ можно воспользоваться для введенія нагляднаго метода и въ область психологіи. Намъ даже укажутъ на атласъ Дюшенна (Duchenne. Mécanisme de la physionomie humaine. 2-me éd. Paris. 1876) и отчасти на трудъ Дарвина о выраженіи волненій (Darwin. The expression of the emotions in man and animals. Lond. 1872), какъ на живое доказательство примѣнимости такого нагляднаго метода и къ психологіи. Къ сожалѣнію, такое возраженіе не имѣло бы ни малѣйшей силы, ибо, не говоря уже о трудности и почти невозможности вполнѣ изолировать другъ отъ друга отдѣльныя психическія состоянія и ихъ выраженія, не надо забывать, что въ сущности только одни волненія, изъ числа всѣхъ психическихъ актовъ, и выражаются въ такихъ рѣзкихъ формахъ, которыя могутъ быть наглядно изображены: смѣна феноменовъ мышленія, самой богатой области душевной дѣятельности человѣка, лишь рѣдко обнаруживается напр. ясными внѣшними знаками. Стало быть, даже при устраненіи всѣхъ прочихъ препятствій, наглядный методъ могъ бы быть примѣняемъ только въ весьма *тѣсныхъ* рамкахъ къ психологическимъ описаніямъ. Но и этого мало: въ области психическихъ процессовъ внѣшнія, доступныя чувствамъ, проявленія дѣятельности далеко не составляютъ еще полнаго выраженія ея механизма; психическіе процессы имѣютъ еще внутреннія выраженія — въ такъ называемой области *сознанія*, и, только благодаря ассоціаціи этихъ внутреннихъ выраженій съ внѣшними, возможно пониманіе и толкованіе послѣднихъ; но если такъ, то терминологія всетаки должна предшествовать анализу, ибо описаніе внѣшнихъ выраженій пріобрѣтаетъ смыслъ только въ связи съ описаніемъ внутреннихъ состояній, а для этого послѣдняго непремѣнно нужны готовые термины (рядъ готовыхъ предикатовъ). Пояснимъ свою мысль примѣромъ. Дюшеннъ, объясняя рисунки своего атласа, употребляетъ обыкновенно такія формулы: «на лѣвой сторонѣ лица — сокращеніе мышцы, сморщивающей брови, взглядъ вверхъ и наружу, ротъ открытъ: крайнее выраженіе боли до степени истощенія, субъектъ повидимому изнемогаетъ отъ страданія, голова Христа; на право — сокращеніе лобной мышцы, со взглядомъ, слегка косымъ (oblique), вверхъ и внутрь, и со ртомъ, немного открытымъ: воспоминаніе любви — экстатическій взглядъ». Если мы спросимъ себя, почему Дюшеннъ знаетъ, что сокращеніе первой мышцы выражаетъ высшую степень страданія, сокращеніе второй — воспоминаніе любви, а не на оборотъ, то отвѣтъ можетъ быть только одинъ: онъ это знаетъ изъ внутренняго опыта, т. е.

во внутреннемъ опытѣ онъ уже предварительно различилъ оба описанныя состоянія, далъ имъ отдѣльныя названія и связалъ послѣднія съ соотвѣтствующими этимъ состояніямъ выраженіями. Но можетъ быть только наименованіе *спеціальныхъ* психическихъ состояній должно предварять описаніе и анализъ, а общіе, *родовые* термины чувствованій, волненій, ощущеній и т. д. могутъ являться потомъ, какъ результатъ этого описанія и анализа? Однако и такое предположеніе не оправдывается: какимъ образомъ Дарвинъ, напр., могъ написать цѣлую книгу о выраженіи «волненій» и въ этой книгѣ описывать выраженіе такихъ состояній, какъ страданіе, страхъ, радость, любовь, гнѣвъ и т. д., если бы онъ не имѣлъ предварительнаго понятія о томъ, что́ такое волненіе, т. е. если бы онъ не имѣлъ готоваго термина, которой бы служилъ для объединенія въ одинъ классъ извѣстнаго ряда спеціальныхъ психическихъ состояній? Намъ скажутъ на это, что и анатомъ, посвящая отдѣльную монографію описанію мышцъ, и ботаникъ, дѣлая то же относительно какого-нибудь вида растеній, должны также имѣть предварительное понятіе о содержаніи употребляемыхъ ими видовыхъ названій и соединять въ умѣ своемъ эти названія съ извѣстными группами спеціальныхъ предметовъ... Хорошо, но вѣдь и анатомъ и ботаникъ опираются въ этомъ случаѣ на общепризнанную уже терминологію, которая въ свое время была добыта всетаки путемъ спеціальнаго описанія и анализа, явилась результатомъ послѣдняго. Психологъ же такихъ основаній не имѣетъ, такъ какъ онъ лишенъ самой возможности описывать и объяснять, если онъ предварительно не выработалъ терминологіи. Этими соображеніями и объясняется лучше всего, почему до сихъ поръ психологи такъ мало согласны между собою въ употребленіи психологическихъ терминовъ. Единственнымъ прямымъ источникомъ различенія для нихъ является *внутренній опытъ, самосознаніе*; но въ этомъ источникѣ лежитъ чуждый наукѣ элементъ *субъективности*, вредное вліяніе котораго сказывается уже въ теченіе болѣе двухъ тысячелѣтій, безуспѣшно прошедшихъ для выработки однообразной, неизмѣнной психологической терминологіи.

Итакъ выводъ, что психологическая терминологія должна предшествовать всякому описанію и изслѣдованію психическихъ явленій, оказывается совершенно неизбѣжнымъ; но въ такомъ случаѣ неизбѣжно также признаніе, что единственнымъ *прямымъ* источникомъ для установленія этой терминологіи можетъ быть только внутренній опытъ, представляющій однако слишкомъ шаткія основанія для научнаго рѣшенія задачи. Въ этихъ двухъ положеніяхъ очевидно заключается противорѣчіе, которое не представляетъ повидимому никакихъ выходовъ для психолога: «для научнаго описанія и анализа психическихъ явленій нужна прочно-установлен-

ная психологическая терминологія, но такая *прочная* терминологія не можетъ быть заимствована изъ единственно остающагося (сверхъ описанія и анализа) прямого источника различенія психическихъ явленій, т. е. изъ внутренняго наблюденія, самосознанія». Остается повидимому сложить оружіе и признать себя побѣжденнымъ. Но такой исходъ былъ бы слишкомъ печаленъ, да и невѣроятенъ, — пришлось бы предположить, что область психическихъ явленій должна быть на всегда исключена изъ сферы научнаго изслѣдованія, а съ этимъ выводомъ умъ человѣческій едва ли можетъ помириться. Поэтому постараемся найти какой-нибудь новый выходъ изъ указаннаго нами противорѣчія.

Наука учитъ насъ, что если нельзя прямымъ путемъ рѣшить какую-нибудь ея задачу, то надо употреблять пути *косвенные*. Кромѣ того, она же научаетъ насъ, что выводы одной науки часто добываются при содѣйствіи другой. Такъ напр. современная физіологія безпрестанно обращается къ содѣйствію химіи и физики. Психологія тоже въ наше время стала прибѣгать къ помощи другихъ наукъ, напр. физіологіи и біологіи, и такой пріемъ, по справедливому замѣчанію Рибо (Psychol. allem. contemp., Paris. 1879, Introd.), отнюдь не означаетъ, чтобы физіологія могла поглотить психологію: «по закону логической необходимости, высшая наука опирается на низшую». Стало быть, убѣдившись въ недостовѣрности прямыхъ источниковъ, психологъ можетъ еще надѣяться косвеннымъ путемъ, изъ данныхъ другихъ наукъ, изслѣдующихъ въ общемъ тотъ же самый объектъ (хотя и съ другихъ сторонъ), выработать прочныя основанія для терминологіи своей науки. Сомнѣніе возбуждаетъ только одинъ фактъ: физіологіи, въ союзѣ съ анатоміей, еще самой далеко не удалось выяснить всѣ свойства и отношенія тѣхъ отправленій организма, которыя находятся въ тѣсной связи съ психическими процессами; ничего выше контраста сензорныхъ и моторныхъ отправленій центровъ физіологія пока не знаетъ. Вопросъ напр. о томъ, въ какой мѣрѣ *чувствованія* физіологически отдѣлимы отъ ощущеній, и есть ли особый центръ (или центры) для чувствованій, находится, какъ мы видѣли, и теперь еще почти въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ сто лѣтъ тому назадъ. Помощь физіологіи въ нашемъ дѣлѣ, стало быть, въ настоящее время можетъ быть лишь весьма ничтожна. Впрочемъ это обстоятельство не должно лишать насъ всякой надежды: физіологія пока по преимуществу наука *частная;* изслѣдуя порознь каждое спеціальное отправленіе той или другой ткани организма, она должна и психологу оказывать помощь по преимуществу въ спеціальномъ анализѣ, — при выработкѣ болѣе спеціальныхъ различеній. Въ общихъ различеніяхъ своихъ психологія должна опираться не на физіологію,

а на біологію, т. е. на общую науку *о жизни и ея развитіи*, такъ какъ психическая жизнь несомнѣнно составляетъ только частную область цѣлой жизни организма. Біологія же конечно можетъ оказать требуемое содѣйствіе, ибо вслѣдствіе характера своихъ пріемовъ, широко сравнительныхъ, она значительно опередила физіологію въ опредѣленіи законовъ существованія и развитія организмовъ. Для насъ впрочемъ помощь біологіи необходима лишь въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Достаточно будетъ заимствовать изъ нея *общее опредѣленіе жизни*, чтобы за тѣмъ изъ этого опредѣленія вывести опредѣленіе психической жизни и ея элементовъ. Но такъ какъ такое общее опредѣленіе жизни біологія несомнѣнно можетъ намъ дать, то мы и вправѣ надѣяться, что дедуктивнымъ путемъ, изъ данныхъ біологіи, мы въ состояніи будемъ извлечь основанія для прочнаго установленія важнѣйшихъ психологическихъ терминовъ.

Однако, приступая къ выполненію подобной задачи, мы прежде всего должны измѣнить постановку вопроса. Первоначальною цѣлью нашею было — опредѣлить, какое значеніе всего правильнѣе давать термину «чувствованій». Прямо отвѣтить на этотъ вопросъ біологія конечно не въ состояніи, ибо своимъ общимъ ученіемъ о жизни она можетъ выяснить характеръ составныхъ элементовъ психической жизни только въ отношеніи ихъ къ цѣлому и въ связи другъ съ другомъ, а не порознь. Вслѣдствіе этого терминологія вообще отступаетъ на второй планъ и на первый планъ выступаетъ *классификація*, — наименованіе должно подчиниться распредѣленію. Жалѣть объ этомъ конечно нечего, ибо терминологія вполнѣ достигаетъ своихъ цѣлей и становится окончательною, *научною*, только тогда, когда она въ то же время представляетъ «прочную организацію нашихъ свѣдѣній, а не простое средство для оріентированія» (ср. Спенсеръ. Основ. біологіи. СП. 1870, Гл. XI). Но такого вида она достигаетъ только тогда, когда подчиняется классификаціи, а не управляетъ ею. Отлично выражаетъ эту мысль Дж. Ст. Милль, когда разсуждаетъ о двухъ родахъ классификаціи. «Въ одной (классификаціи), говоритъ онъ, — сопоставленіе предметовъ въ группы и распредѣленіе ихъ на разряды есть дѣйствіе лишь случайное, вытекающее изъ употребленія названій, данныхъ съ другою цѣлью, именно: выразить только нѣкоторыя изъ свойствъ вещей. Въ другой классификаціи — главная цѣль заключается въ сопоставленіи и распредѣленіи, а называніе есть дѣйствіе второстепенное и не только не управляетъ болѣе важнымъ, а преднамѣренно бываетъ ему подчинено... Съ этой точки зрѣнія классификація есть мѣра для возможно лучшаго приведенія въ порядокъ, въ нашемъ умѣ, идей о предметахъ: она причиною, что идеи сопровождаютъ одна другую или слѣдуютъ одна

за другою въ такомъ порядкѣ, который даетъ намъ наибольшую власть надъ пріобрѣтеннымъ уже нами знаніемъ и всего прямѣе ведетъ къ дальнѣйшему его пріобрѣтенію.... (Система логики. СП. 1866. Т. II, стр. 258)». Слѣдовательно, если мы, пользуясь обобщеніями біологіи, сдѣлаемъ *естественное распредѣленіе элементовъ* психической дѣятельности и основанія для установленія смысла важнѣйшихъ терминовъ заимствуемъ изъ этого естественнаго распредѣленія, то мы выполнимъ по отношенію къ психологіи такую задачу, рѣшеніе которой составляетъ главный залогъ успѣшнаго развитія каждой науки. Впрочемъ, мы не желаемъ сказать этимъ, чтобы психологи до сихъ поръ никогда не пытались поставить свою терминологію въ зависимость отъ классификаціи главныхъ факторовъ психической дѣятельности. Читатель могъ убѣдиться напротивъ (изъ историч. отдѣла), что уже въ древности въ ученіи о частяхъ и о способностяхъ души проявилось стремленіе превратить психологическую терминологію въ строгую организацію всѣхъ свѣдѣній о духовной дѣятельности человѣка. Вообще ученіе о способностяхъ, во всѣ вѣка, выходило именно изъ подобнаго стремленія. Но самая точка зрѣнія и пріемы, которые должны были привести къ разрѣшенію означенной задачи, были неправильны, и оттого результаты не могли быть удовлетворительными. Только съ тѣхъ поръ, какъ понятіе «способности» потеряло свое обаяніе и принципомъ распредѣленія психологическаго матеріала стала одна лишь «разнородность явленій сознанія», сдѣлалась возможна замѣна прежнихъ неправильныхъ пріемовъ болѣе правильными, а потому и попытки психологовъ могли бы привести къ лучшимъ результатамъ. Къ сожалѣнію, всѣ попытки правильной классификаціи именно съ этого времени были оставлены вслѣдствіе ложно-эмпирическаго убѣжденія, что въ анализѣ *явленій* надо непремѣнно долгое время довольствоваться изученіемъ частныхъ фактовъ, воздерживаясь отъ всякихъ системъ. Это убѣжденіе, можетъ быть и правильное въ отношеніи ко всѣмъ другимъ вѣтвямъ знанія, какъ мы видѣли, совершенно неудобопримѣнимо къ области психологіи. Поэтому и психологи-эмпирики обыкновенно начинаютъ свои психологическіе трактаты съ распредѣленія психическихъ явленій на классы и съ установленія психологической терминологіи; но они только ничѣмъ не мотивируютъ своего распредѣленія и соотвѣтствующихъ наименованій, предоставляя читателю самому доискиваться «мотивовъ». Бэнъ напр. всѣ труды свои начинаетъ почти одними и тѣми же словами, что «душа отличается тремя аттрибутами или свойствами, а именно чувствомъ, волею и умомъ»; но отчего именно эти свойства должны считаться коренными,—остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ не всѣ современные психологи эмпирическаго направленія такъ

односторонни. Иные (напр. Маудсли и Спенсеръ) стараются найти болѣе осмысленное распредѣленіе психическихъ явленій, но при рѣшеніи этой задачи хотятъ опираться только на точныя свѣдѣнія о строеніи и отправленіяхъ организма, выработанныя анатоміей и физіологіей. Эта точка зрѣнія самая новая, но къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, какъ мы замѣтили, еще не вполнѣ примѣнимая, ибо анатомія и физіологія нервной системы имѣютъ такіе существенные пробѣлы, которые служатъ непреодолимымъ препятствіемъ для пользованія ими. Поэтому-то мы и предпочли обратиться къ болѣе широкимъ и плодотворнымъ обобщеніямъ *біологіи*.

Имѣя намѣреніе, на основаніи общаго опредѣленія жизни, выработать естественное распредѣленіе элементовъ психической дѣятельности, мы однако предварительно должны рѣшить еще одинъ вопросъ, а именно: какой *общій характеръ* имѣютъ эти элементы? Для рѣшенія этого вопроса достаточно и тѣхъ фактовъ, которые даетъ намъ самонаблюденіе. Во первыхъ, мы знаемъ изъ нашего внутренняго опыта, что всѣ наши психическія состоянія въ дѣйствительности весьма сложны, что каждое содержитъ въ себѣ извѣстное число простыхъ элементовъ, что всякое, такъ называемое «чувство», напр., вытекаетъ изъ множества «ощущеній» и влечетъ за собою рядъ «выраженій», что «желаніе» точно также всегда является итогомъ нѣсколькихъ «ощущеній» и «чувствованій» и проч. Словомъ сказать, на основаніи простого воспроизведенія въ своемъ сознаніи тѣхъ состояній, которыя въ предшествующее время составляли содержаніе нашей психической жизни, мы можемъ заключить, что развитіе психическаго процесса подобно дѣйствію весьма сложной машины, элементы котораго никогда не бываютъ даны въ опытѣ порознь, а всегда вмѣстѣ, и обнаружить которые можно только путемъ особыхъ пріемовъ анализа. Но какого же именно характера эти элементы, съ какими другими элементами въ природѣ можно ихъ сравнить? И для рѣшенія этого вопроса также нѣтъ надобности прибѣгать къ сложному *анализу*, — подобно тому, какъ и для опредѣленія общаго характера «химическихъ элементовъ» еще не нужно «химическаго анализа»: и безъ точнаго химическаго анализа мы знаемъ, что элементы химическихъ тѣлъ должны быть также «тѣлами». Вѣдь элементы всегда бываютъ *подобны* цѣлому: химическія тѣла не могутъ состоять изъ звуковъ, какъ музыкальная гармонія не можетъ имѣть элементами химическихъ тѣлъ. Поэтому, если мы знаемъ изъ внутренняго опыта общій характеръ психической дѣятельности въ ея цѣломъ, то и общее свойство ея элементовъ съ тѣмъ вмѣстѣ должно быть легко опредѣлимо. Назовемъ же пока всѣ внутреннія обнаруженія

психической дѣятельности *психическими явленіями* и постараемся опредѣлить, какой общій характеръ должны имѣть эти явленія. Сначала пойдемъ отрицательнымъ путемъ. Съ «тѣлами» внѣшней среды психическія явленія не имѣютъ ничего сходнаго, ибо почти всѣ тѣла мы представляемъ себѣ доступными оцѣнкѣ по крайней мѣрѣ двухъ чувствъ—зрѣнія и осязанія, что́ вовсе невозможно по отношенію къ психическимъ явленіямъ. Рядомъ съ тѣлами мы различаемъ «явленія внѣшняго міра», доступныя только зрѣнію или слуху, но не осязаемыя: таковы—явленія свѣта, звука, теплоты, электричества. Очевидно, съ этими *физическими* явленіями психическія явленія тоже нельзя сравнивать, ибо послѣднія недоступны никакимъ внѣшнимъ чувствамъ. Кромѣ *тѣлъ* и *явленій*, точная наука ѣще можетъ имѣть дѣло съ «процессами», каковы — пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе, ростъ, воспроизведеніе, которые часто не бываютъ прямо доступны чувствамъ, а только представляютъ особыя измѣненія другихъ доступныхъ чувствамъ предметовъ. Съ такими «процессами» психическія явленія очевидно имѣютъ аналогію, ибо и они представляютъ собою особаго рода измѣненія въ доступномъ чувствамъ предметѣ — организмѣ и несомнѣнно должны быть пріурочены къ различнымъ его тканямъ, безъ участія которыхъ ни одна психическая дѣятельность не совершается. Итакъ психическія явленія могутъ быть уподобляемы съ извѣстной точки зрѣнія физическимъ процессамъ и только поэтому и могутъ быть доступны научному изслѣдованію.

Теперь остается рѣшить еще одинъ вопросъ: можно ли разсматривать психическія явленія, какъ рядъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ процессовъ въ организмѣ или нѣтъ? Безъ сомнѣнія психическія явленія въ отдѣльныхъ организмахъ, хотя бы одного и того же вида, представляютъ рядъ самостоятельныхъ процессовъ. Точно также психическія явленія въ одномъ и томъ же человѣкѣ, отдѣленныя по времени другъ отъ друга болѣе или менѣе продолжительною остановкою психической дѣятельности (напр. во время сна) представляютъ болѣе или менѣе самостоятельные процессы. Наконецъ, если сравнить два психическія явленія—въ одномъ и томъ же организмѣ и въ одинъ и тотъ же періодъ дѣятельности, но всетаки значительно отдаленныя по времени, то можно, если не всегда, то часто разсматривать ихъ тоже какъ самостоятельные другъ отъ друга процессы. Но если рѣчь идетъ о *смежныхъ* во времени явленіяхъ, то тутъ уже трудно одинъ процессъ отдѣлить отъ другого: два психическіе процесса не могутъ происходить одновременно или послѣдовательно, не входя въ непосредственное соприкосновеніе другъ съ другомъ и не связываясь въ *одинъ*, болѣе или менѣе *цѣльный*, процессъ. Если же такъ, то говорить о психическихъ явленіяхъ, а тѣмъ болѣе о ихъ элементахъ, какъ объ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ процессахъ, было

бы совершенно неправильно и несогласно съ дѣйствительностью. Но въ такомъ случаѣ приходится разсматривать элементы психической дѣятельности только какъ фазисы одного непрерывнаго психическаго процесса, и именно эти фазисы или моменты и необходимо опредѣлить прежде всего для выясненія механизма психической дѣятельности. Однако несомнѣнно всетаки, что психическій процессъ имѣетъ начало и конецъ, помимо тѣхъ, которые опредѣляются утреннимъ пробужденіемъ организма отъ сна и вечернимъ погруженіемъ его въ сонъ. Обыкновенно такое начало усматриваютъ въ ощущеніяхъ органовъ чувствъ, конецъ — въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ или движеніяхъ организма по поводу ощущеній. Правильно ли или нѣтъ такое воззрѣніе, мы увидимъ впослѣдствіи; но такъ или иначе общій оборотъ психической дѣятельности въ теченіи дня слагается изъ цѣлаго ряда переходящихъ другъ въ друга частныхъ оборотовъ, съ самостоятельными началами и концами. Элементы этихъ частныхъ оборотовъ и совпадаютъ очевидно съ упомянутыми выше элементарными фазисами или *моментами* психическаго процесса. Стало быть — вопросъ, поставленный нами выше, окончательно рѣшенъ. Намъ надо опредѣлить, *сколько отдѣльныхъ моментовъ и какіе именно* имѣетъ каждый правильный оборотъ психической дѣятельности, входящій въ составъ общаго психическаго процесса, непрерывно развивающагося въ теченіи извѣстнаго періода сознанія? Опредѣленіе этихъ моментовъ и будетъ рѣшеніемъ главнаго вопроса объ «элементахъ» психической дѣятельности.

Опредѣленія *жизни*, даваемыя біологами, не всегда совпадаютъ между собою. Этотъ фактъ естественно объясняется возможностью въ этомъ дѣлѣ весьма разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Для насъ очевидно наилучшую службу можетъ сослужить такое опредѣленіе, которое бы выходило изъ самой широкой точки зрѣнія и совмѣщало бы въ себѣ до нѣкоторой степени всѣ другія опредѣленія. Такую широкую точку зрѣнія мы находимъ въ гипотезѣ современныхъ «эволюціонистовъ», выходящихъ изъ принципа постепеннаго развитія жизни изъ самыхъ простѣйшихъ формъ въ наиболѣе сложныя. Съ этой точки зрѣнія жизнь, какъ её опредѣляетъ Гербертъ Спенсеръ, есть «безпрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ» (Основ. біологіи, Главы IV и V, особ. стр. 57). Ручательствомъ въ правильности этого опредѣленія служитъ не только «естественная исторія» организмовъ, но и «культурная» исторія совокупности организмовъ высшаго типа, т. е. человѣчества, свидѣтельствующая тоже о постоянномъ приспособленіи внутренней жизни народовъ и отдѣльныхъ личностей къ условіямъ внѣшней среды. Однако мы полагаемъ, что опредѣленіе Спенсера сдѣлается еще болѣе точнымъ, если къ нему прибa-

вить нѣсколько словъ. Дѣло въ томъ, что въ приведенномъ опредѣленіи вполнѣ ясно выражены, такъ сказать, *результаты* жизни и тѣмъ самымъ *задачи* ея, но не обозначенъ *путь* достиженія этихъ результатовъ. Если мы скажемъ, что жизнь есть «взаимодѣйствіе организма съ окружающею средою, имѣющее результатомъ приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ», то общій смыслъ опредѣленія Спенсера очевидно не измѣнится, — оно только выиграетъ въ точности и полнотѣ. Теперь предстоитъ изъ этого общаго опредѣленія жизни извлечь спеціальное опредѣленіе психической жизни. Психическая жизнь есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ видовъ взаимодѣйствія организма съ окружающею средою съ цѣлью приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Такихъ видовъ вообще, какъ тоже учитъ насъ біологія, два: одно взаимодѣйствіе имѣетъ задачею приспособленіе отношеній матеріи или вещества организма къ матеріи или веществу окружающей среды, другое — имѣетъ въ виду приспособленіе отношеній силъ и движеній организма къ силамъ и движеніямъ вокругъ него. Этотъ контрастъ обыкновенно выражается терминами *органическая* или *растительная* жизнь и *животная* жизнь. Бишà, если не ошибаемся, первый положилъ основаніе этому различенію (ср. Bichat. Rech. physiol. s. la vie et la mort. Nouv. éd. Paris. 1873, p. 2—3). Мы однако полагаемъ, что если стать на точку зрѣнія *взаимодѣйствія*, то удобнѣе будетъ упомянутые термины замѣнить другими, болѣе точно выражающими природу двоякаго процесса жизни. Для опредѣленія органической жизни и безъ того существуетъ другой терминъ *обмѣна веществъ*. Такой же терминъ можно подъискать и для выраженія природы животной жизни: если мы скажемъ «обмѣнъ силъ» или «обмѣнъ движеній», то мы довольно близко подойдемъ къ этой природѣ; но, можетъ быть, еще лучше будетъ сказать «обмѣнъ впечатлѣній», ибо понятіе «силы» не довольно конкретно, а понятіе «движенія» слишкомъ широко, — вѣдь всякій обмѣнъ есть тѣмъ самымъ уже движеніе или рядъ движеній; притомъ при взаимодѣйствіи животныхъ организмовъ, о которомъ здѣсь и идетъ главнымъ образомъ рѣчь, всякая внѣшняя сила возбуждаетъ внутреннюю, и обратно, только при посредствѣ *впечатлѣній*, сознательныхъ или безсознательныхъ.... Впрочемъ, названіе здѣсь не такъ существенно. Для насъ важно только то, что главныхъ видовъ взаимодѣйствія организма съ средою два и что контрастъ обмѣна веществъ и обмѣна силъ или впечатлѣній вполнѣ совпадаетъ съ контрастомъ «физической» и «психической» жизни организма. О взаимной связи и постоянной зависимости этихъ двухъ видовъ обмѣна мы считаемъ излишнимъ теперь говорить и перейдемъ прямо къ вопросу о *главныхъ моментахъ психическаго взаимодѣйствія*.

Во всякомъ взаимодѣйствіи одного предмета съ другимъ, даже если оба принадлежатъ къ неорганической природѣ, надо различать моментъ дѣйствія *на* предметъ, т. е. претерпѣванія имъ на себѣ дѣйствія другого предмета, отъ момента *собственнаго* дѣйствія его, т. е. противодѣйствія или отвѣтнаго дѣйствія. Затѣмъ надо различать *внѣшній* и *внутренній* моментъ каждаго взаимодѣйствія одного предмета съ другимъ. Внѣшній моментъ есть, иначе сказать, моментъ *непосредственнаго* взаимодѣйствія предмета съ другимъ предметомъ, внутренній моментъ есть моментъ *посредственнаго* взаимодѣйствія — между частями даннаго предмета, имѣющій задачею переработать сообщенный предмету внѣшній импульсъ сообразно съ внутренними условіями, ему присущими. Такая внутренняя переработка импульса тоже имѣетъ мѣсто не только въ организмахъ, но и въ неорганической матеріи, ибо только ею и можно объяснить извѣстный фактъ превращенія движенія изъ одного вида въ другой, — когда напр. какой нибудь химическій элементъ подъ вліяніемъ свѣта измѣняетъ свой запахъ, когда лучистая теплота вызываетъ увеличеніе объема какого-нибудь тѣла, когда электричество, встрѣчая сопротивленіе, превращается въ теплоту и т. д. Въ организмахъ, особенно животныхъ, представляющихъ болѣе сложное внутреннее строеніе, такое превращеніе однихъ силъ или движеній въ другія, подъ вліяніемъ внутренняго взаимодѣйствія частей, бываетъ еще болѣе значительно и замѣтно. Достаточно указать напр. на возможность превращенія свѣтовыхъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на глазъ и имѣющихъ источникомъ фотографическое изображеніе «умершаго друга», въ рядъ внутреннихъ волненій, вызывающихъ сокращеніе различныхъ мускуловъ лица, выдѣленіе железъ (слезы) и т. д. Стало быть, остается только указать, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ психической дѣятельности организмовъ, на характеръ отношенія между моментами дѣйствія и противодѣйствія съ одной стороны и моментами внѣшняго и внутренняго взаимодѣйствія съ другой. Что моментъ внѣшняго соприкосновенія съ средою составляетъ необходимую принадлежность какъ дѣйствія, такъ и противодѣйствія, для всякаго очевидно, ибо сначала предметъ *a* дѣйствуетъ на организмъ *A*, — потомъ, въ отвѣтъ на это, организмъ *A* дѣйствуетъ или покрайней мѣрѣ старается дѣйствовать обратно на предметъ *a*. Надо только рѣшить, присущъ ли и внутренній моментъ развитія какъ дѣйствію *на* организмъ, такъ и противодѣйствію его. Несомнѣнно, что прежде всего «приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ» состоитъ въ переработкѣ впечатлѣнія извнѣ въ такое внутреннее *впечатлѣніе* же, которое бы соотвѣтствовало наличнымъ внутреннимъ условіямъ существованія организма. Безъ этого превращенія впечатлѣніе не можетъ сдѣлаться мотивомъ для одного отвѣта организма пред-

почтительно передъ какимъ-нибудь другимъ. Затѣмъ, точно также несомнѣнно и то, что внутреннее впечатлѣніе, прежде чѣмъ превратиться въ наружное движеніе или дѣйствіе, должно вызвать рядъ внутреннихъ движеній, которыя бы послужили импульсомъ для внѣшнихъ. — Такимъ образомъ, каждый полный оборотъ психическаго процесса долженъ заключать въ себѣ четыре момента или фазиса:

1) Внѣшнее впечатлѣніе на психическій организмъ.

2) Переработка этого внѣшняго впечатлѣнія во внутреннее.

3) Вызванное этимъ внутреннимъ впечатлѣніемъ, такое же внутреннее движеніе.

4) Внѣшнее движеніе организма на встрѣчу предмета.

Необходимо теперь придумать болѣе точныя наименованія или «технические термины» для обозначенія этихъ моментовъ. Наименованій такихъ можно придумать много, и мы только укажемъ на самыя подходящія: контрастъ моментовъ дѣйствія и противодѣйствія, по нашему мнѣнію, всего удобнѣе выразить терминами *воспріимчивости* и *дѣятельности*, ибо вся пассивная жизнь организма подходитъ къ типу того, что принято называть «воспріятіемъ», вся активная жизнь обратно подходитъ къ типу такъ называемыхъ «дѣйствій». Контрастъ внѣшнихъ и внутреннихъ моментовъ развитія психическаго процесса удобнѣе всего выразить обычными терминами: *объективный* и *субъективный* [1]), ибо въ моментахъ внѣшняго взаимодѣйствія главная роль принадлежитъ «объектамъ», въ моментахъ внутренняго взаимодѣйствія выражается, напротивъ, самобытная природа «субъекта». Такимъ образомъ различіе упомянутыхъ моментовъ психическаго процесса можно передать слѣдующими наименованіями:

1) Моментъ объективной воспріимчивости.
2) » субъективной воспріимчивости.
3) » субъективной дѣятельности.
4) » объективной дѣятельности.

Эти наименованія однако еще слишкомъ отвлеченнаго характера. Они выражаютъ общій характеръ явленій, относящихся къ тому или другому моменту въ томъ или другомъ оборотѣ психической дѣятельности, но они не удобны для обозначенія самихъ этихъ *явленій*. Въ примѣненіи къ явленіямъ можно было бы, правда, дать иную форму тѣмъ же самымъ наиме-

---

[1]) Удержать термины «внѣшній» и «внутренній» потому неудобно, что самыя явленія «объективной» воспріимчивости, какъ мы увидимъ ниже, необходимо дѣлить на два класса— внѣшнихъ и внутреннихъ.

нованіямъ, употребляя по очереди термины: объективное воспріятіе, субъективное воспріятіе, субъективное дѣйствіе и объективное дѣйствіе. Но такіе термины представляли бы значительныя неудобства: во первыхъ по тому, что каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ словъ, во вторыхъ по тому, что тѣ же слова повторяются въ различныхъ наименованіяхъ; не говоря о неудобствѣ *длинныхъ* названій, если только можно замѣнить ихъ болѣе краткими, — фактъ *повтореній* могъ бы сдѣлать эти названія сбивчивыми и повести къ частымъ недоразумѣніямъ. Поэтому, параллельно приведеннымъ обозначеніямъ моментовъ психическаго процесса, мы предложимъ другія названія для самыхъ «явленій», имъ соотвѣтствующихъ, и для этого обратимся къ обычной психологической терминологіи. Придумывать новыя названія было бы излишне, если можно обойтись со старыми, примѣнивъ ихъ только къ новой нормѣ распредѣленія. Однако, предполагая черпать термины изъ обычнаго психологическаго языка, мы должны сдѣлать одно замѣчаніе. До сихъ поръ мы искали «элементовъ» психической дѣятельности, въ противуположность болѣе «сложнымъ» образованіямъ, только съ точки зрѣнія *состава* каждаго психическаго оборота *въ отдѣльности*. Если мы сравнимъ другъ съ другомъ всю совокупность психическихъ оборотовъ, то мы должны будемъ еще съ иной точки зрѣнія противуполагать *элементарные* психическіе феномены *сложнымъ*. Дѣло въ томъ, что эти обороты, а стало быть и ихъ элементы, при сравненіи другъ съ другомъ, представляютъ опять различную степень сложности. Этотъ фактъ обусловливается тѣмъ, что ни одинъ оборотъ психической дѣятельности, по прекращеніи своемъ, не исчезаетъ безслѣдно для развитія психической организаціи. Послѣ каждаго оборота остаются *слѣды* и эти слѣды, входя по законамъ ассоціаціи въ соприкосновеніе съ элементами новыхъ оборотовъ, постепенно увеличиваютъ ихъ сложность. Въ виду этого, необходимо различать обороты, подходящіе къ типу *первоначальныхъ* психическихъ преемствъ, не осложненныхъ слѣдами прежнихъ преемствъ, отъ оборотовъ, представляющихъ такое *осложненіе*. Конечно de facto строгаго разграниченія тѣхъ и другихъ въ развитомъ организмѣ сдѣлать не возможно, ибо число переходныхъ ступеней отъ одного типа къ другому безконечно. Но это не мѣшаетъ различать тотъ и другой типъ *въ идеѣ*, ибо несомнѣнно возможны всетаки въ дѣйствительности и такіе обороты (хотя бы при началѣ жизни), которые совершенно независимы отъ слѣдовъ прежнихъ оборотовъ. Наконецъ и въ организмахъ, вполнѣ развитыхъ, можно всетаки противуполагать «сравнительно простые» обороты «сравнительно сложнымъ». Это-то различіе и надо имѣть въ виду при пріурочиваніи названій психическихъ явленій къ наименованіямъ различныхъ моментовъ психическаго оборота. Иначе ска-

зать, въ виду контраста первоначальныхъ и осложненныхъ явленій, необходимо будетъ создать *два ряда* наименованій, соотвѣтствующихъ двумъ типамъ психическихъ оборотовъ. Мы полагаемъ, что слѣдующія двѣ группы терминовъ будутъ въ состояніи всего лучше удовлетворить этой цѣли:

Психическая дѣятельность.

Ея моменты	*Первоначальныя* психическія явленія	*Осложненныя* психическія явленія:
1. Объективная воспріимчивость	Ощущенія,	Представленія и понятія (идеи вообще).
2. Субъективная воспріимчивость.	Чувствованія удовольствія или страданія,	Чувства и волненія.
3. Субъективная дѣятельность.	Стремленія,	Желанія и хотѣнія.
4 Объективная дѣятельность	Движенія,	Дѣйствія и поступки [1])

Мотивы, руководившіе нами въ этомъ распредѣленіи наименованій слишкомъ понятны, чтобы подробно останавливаться на нихъ, ибо въ сущности мы не измѣнили ни одного обычнаго значенія терминовъ, а только воспользовались преобладающими чертами этого значенія для ограниченія содержанія отдѣльныхъ наименованій сообразно съ принципами 1) дѣленія психическаго процесса на моменты и 2) противуположенія простыхъ и сложныхъ явленій психической дѣятельности. Впрочемъ, цѣлесообразность этой терминологіи можетъ быть вполнѣ доказана только при помощи *повѣрки* ея *дѣйствительнымъ* употребленіемъ въ психологическихъ анализахъ, а такая повѣрка, для которой недостаточно единоличнаго опыта,

[1]) Въ первый разъ мы изложили эту классификацію психическихъ явленій почти въ тѣхъ же выраженіяхъ въ упомянутой не разъ статьѣ Revue philos (1878, Sept., p. 253). Не знаемъ, какое впечатлѣніе она произвела въ то время на читателей. Но замѣчательно, что теперь, ровно черезъ годъ послѣ нашей статьи, появилась въ томъ же журналѣ (1879, Octobre, p. 371—386) цѣлая статья г. Рибо «*О движеніяхъ и ихъ психологическомъ значеніи*», въ которой онъ высказываетъ между прочимъ нѣсколько мыслей, весьма напоминающихъ наши слова въ упомянутой статьѣ. Такъ, говоря о трехъ фазисахъ психонервнаго процесса, изъ которыхъ послѣдній есть движеніе, онъ продолжаетъ: Cette dernière phase — celle de la réaction — a été oubliée par les anciens psychologues. Dans l'organisme, ils n'ont considéré que le côté sensitif, ils ont négligé le côté moteur... Le mouvement est un élément de la vie psychique tout aussi bien que la sensation ou l'idée Повліяла ли сколько-нибудь принятая нами классификація на развитіе этого убѣжденія въ почтенномъ редакторѣ Rev. Philos., или оно образовалось самостоятельно, для дѣла безразлично. Мы только хотѣли указать на починъ нашъ въ этомъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на фактъ совпаденія нашихъ взглядовъ съ выводами всѣми уважаемаго вожака французскихъ психологовъ-эмпириковъ нашего времени. Жаль только, что г. Рибо, напирая на психологическое значеніе движеній, почти исключительно говоритъ лишь о «мускульныхъ ощущеніяхъ». На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и г. Рише въ своей замѣткѣ (De l'influence des mouvements), помѣщенной въ Rev. phil. (Décembre 1879) по поводу статьи Рибо.

составляетъ дѣло будущаго. Замѣтимъ еще, что не дурно было бы имѣть и рядъ такихъ терминовъ, которые бы объединяли собою первоначальныя и осложненныя явленія, соотвѣтствующія каждому моменту психическаго оборота, въ одну область. Этой цѣли могли бы удовлетворять, повидимому, обычные термины:

1) Ума или познанія.
2) Чувствительности.
3) Воли.
4) Дѣятельности (въ тѣсномъ значеніи слова).

Но только, употребляя такія наименованія, надо остерегаться приписывать имъ прежнее *реальное* значеніе, т. е. значеніе особыхъ способностей или силъ души. Распредѣленіе психическихъ феноменовъ по *моментамъ* психическаго оборота особенно непримиримо съ гипотезою «отдѣльныхъ способностей».

Теперь, въ виду принятой нами классификаціи психическихъ явленій, уже не подлежитъ сомнѣнію, что терминъ *чувствованій* дѣйствительно долженъ обнимать собою только всю совокупность явленій удовольствія и страданія, т. е. всѣ тѣ пассивныя психическія состоянія, которыя можно разсматривать какъ продуктъ субъективной оцѣнки дѣйствующихъ на нервную систему впечатлѣній. Цѣль настоящей главы, стало быть, выполнена. Но мы считали бы этотъ очеркъ незаконченнымъ, еслибы не подвергли разсмотрѣнію еще двухъ вопросовъ, а именно:

1) О томъ, какія *новыя* стороны представляетъ наша классификація элементовъ психической дѣятельности сравнительно съ господствующею въ наше время классификаціей, и насколько отдѣльныя черты ея сходны съ предположеніями нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ психологовъ.

2) О степени неизмѣнности указаннаго нами преемства психическихъ явленій или моментовъ психическаго процесса, т. е. о томъ, возможны ли какія нибудь *отклоненія* отъ этого преемства.

Особенности нашей классификаціи, сравнительно съ наиболѣе распространеннымъ въ наше время дѣленіемъ душевной дѣятельности на три области (мышленія, чувства и воли, см. Бэна) суть слѣдующія:

1) Въ классификаціи своей мы руководимся не субъективными данными самонаблюденія, а объективными критеріями: направленія взаимодѣйствія и большей или меньшей непосредственности его.

2) Въ основу различенія явленій на классы мы прежде всего ставимъ противуположность простыхъ и сложныхъ психическихъ образованій и вслѣдствіе этого измѣняемъ отчасти термины при распредѣленіи первоначальныхъ классовъ духовныхъ явленій.

3) Мы вводимъ въ число основныхъ психологическихъ понятій новое понятіе «дѣятельности» въ тѣсномъ значеніи слова, т. е. проводимъ еще не признанное въ наше время противоположеніе воли (стремленій, желаній) и дѣятельности (движеній, дѣйствій) и, тѣмъ самымъ, на мѣсто обычной трихотоміи, предлагаемъ тетрахотомію психическихъ явленій, дѣленіе ихъ на *четыре* раздѣльные класса.

Читателю, ознакомившемуся предварительно съ историческими частями нашего сочиненія, должно смутно представляться, что всѣ эти особенности классификаціи не совершенно новы, что въ системахъ, разобранныхъ въ историческомъ отдѣлѣ, онъ встрѣчалъ отдѣльные намеки на всѣ идеи, лежащія въ основѣ нашего новаго распредѣленія. Поэтому мы считаемъ своею обязанностію напомнить ему, кѣмъ и въ какой формѣ всѣ эти намеки были высказываемы.

Во первыхъ, что̀ касается до критеріевъ классификаціи, то уже въ древнемъ противоположеніи страдательныхъ и дѣятельныхъ, пассивныхъ и активныхъ состояній души (разумѣнія и воли) мы имѣемъ намекъ на подчиненіе такой классификаціи принципу «направленій»; болѣе сознательно этотъ принципъ направленій въ развитіи психическаго процесса былъ примѣняемъ въ нашемъ вѣкѣ нѣкоторыми нѣмецкими писателями, каковы Кругъ и Шмидтъ. Дихотомія Круга сознательно опиралась на различіе направленій—отъ объекта къ субъекту и обратно. Шмидтъ съ этой же точки зрѣнія отличаетъ познаніе отъ стремленія. У Шмидта же мы находимъ намекъ и на другой принципъ, состоящій въ различеніи бо́льшей или мѐньшей непосредственности взаимодѣйствія между организмомъ и средою, ибо онъ еще дѣлитъ психическія дѣятельности по внутренней ихъ природѣ на чувство и представленіе, какъ субъективную и объективную сторону духа. Если, несмотря на такіе два вѣрные принципа, принятая имъ классификація не удовлетворяетъ потребностямъ точнаго различенія психическихъ явленій, то виною тому служитъ односторонній выборъ терминовъ. Понятія чувства и представленія могутъ служить типическими выраженіями субъективнаго и объективнаго моментовъ, но не исчерпываютъ явленій, этимъ моментамъ соотвѣтствующихъ. То же самое можно сказать о терминахъ познанія и стремленія. Итакъ Шмидтъ только не сумѣлъ поставить во взаимную связь двухъ отмѣченныхъ имъ принциповъ и примѣнить ихъ на дѣлѣ. Кромѣ Шмидта, — Біунде и за нимъ Гамильтонъ, критикуя систему Круга, правильно противополагаютъ входящій и выходящій моменты психической дѣятельности — моменту имманентному, т. е. непосредственные моменты взаимодѣйствія — посредственнымъ, но къ сожалѣнію они вслѣдъ за тѣмъ сами отказываются отъ принципа «направленій», находя его несостоятельнымъ.

Такой странный взглядъ (и соотвѣтственныя возраженія этихъ писателей) объясняются тѣмъ, что имъ было чуждо понятіе «моментовъ» психическаго оборота, что они разсматривали каждое психическое явленіе, какъ выраженіе самостоятельнаго процесса (хотя въ актѣ чувственнаго воспріятія, напр., противодѣйствіе составляетъ уже иной моментъ, чѣмъ дѣйствіе и, собственно говоря, уже не принадлежитъ къ чувственному «воспріятію»). Итакъ *принципы* нашей классификаціи не новы, — мы только дали этимъ принципамъ новое выраженіе и развитіе.

Во вторыхъ, что̀ касается до противоположенія простыхъ и сложныхъ явленій при распредѣленіи содержанія психической дѣятельности, то и это противоположеніе очень старо. Уже въ древнемъ ученіи о *ступеняхъ* психической жизни, которое всего послѣдовательнѣе было выражено Аристотелемъ, мы имѣемъ первые намеки на такой контрастъ. Понятія чувственной души (αἰσθητικόν) и разумной (νοῦς), лежавшія въ основаніи классификацій душевныхъ силъ — у Аристотеля, Плотина, въ средніе вѣка и въ школѣ Вольфа, соотвѣтствуютъ контрасту двухъ группъ психическихъ явленій — первоначальныхъ и сложныхъ. Въ нашемъ вѣкѣ болѣе сознательно этотъ контрастъ развилъ Фр. Авг. Карусъ, который противополагалъ три класса элементарныхъ психическихъ явленій: ощущеній, чувствованій и стремленій — тремъ классамъ сложныхъ явленій, относящимся къ областямъ: ума, чувства и воли. Но, во первыхъ, у него недоставало терминовъ для объединенія въ особыя понятія отдѣльныхъ классовъ сложныхъ явленій, какъ таковыхъ; во вторыхъ, въ его классификацію не вошли понятія движенія и дѣйствія; въ третьихъ, и онъ не довольно вникнулъ въ идею «моментовъ» психическаго процесса. Кромѣ Каруса, мы встрѣчали у отдѣльныхъ писателей стремленіе замѣнить въ классификаціи элементовъ психической дѣятельности названія сложныхъ явленій названіями болѣе простыхъ, первичныхъ. Такъ напр. Лотце предпочитаетъ термину представленій терминъ ощущеній, «изъ которыхъ развивается вся высшая умственная дѣятельность». Стало быть, противоположеніе простыхъ явленій сложнымъ также не ново, — мы только примѣнили его въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это дѣлали другіе писатели.

Наконецъ, въ третьихъ, новое понятіе «дѣятельности» тоже не вполнѣ оригинально: Аристотелевское понятіе особой способности движенія (κινητικὸν κατὰ τόπον) представляетъ намекъ на ту же идею. Въ новое время многіе писатели понятію воли предпочитали понятіе «дѣятельности» или употребляли ихъ синонимически, напр. въ XVIII в. Тетенсъ (Thätigkeitskraft), въ XIX в. Фризъ (Thatkraft), Нейбигъ (Handlungen), Дробишъ (Thätigkeiten), Кавелинъ (дѣйствія). Новѣйшіе физіологи часто даже вовсе изго-

няютъ понятіе «воли» изъ системы основныхъ психологическихъ понятій, признавая только движенія или дѣйствія, руководимыя или не руководимыя размышленіемъ и выборомъ (и только въ этомъ значеніи — произвольныя и непроизвольныя). Однако, въ простой замѣнѣ понятія воли понятіемъ дѣятельности или въ безразличномъ употребленіи этихъ терминовъ, еще не лежало настоящаго различенія, т. е. *противоположенія* этихъ понятій. Такое противоположеніе имѣло однако тоже своихъ приверженцевъ: во первыхъ, уже Аристотель различалъ понятія ὄρεξις и κίνησις; во вторыхъ, въ новое время въ словарѣ Дидеро различаются способности желать и двигать свое тѣло, а въ XIX в. этотъ же констрастъ признаютъ также нѣкоторые французскіе писатели, напр. Жуффруа (volonté, fac. locomotrice) и Гарнье (fac. motricè, volonté). Но это различеніе или сопровождается признаніемъ еще одного момента дѣятельности — «наклонностей» (penchants primitifs, inclinations), или происходитъ въ ущербъ другихъ различеній; напр. у Дидеро рядомъ съ способностью желанія нѣтъ особой способности чувства. Такимъ образомъ, различеніе воли и дѣятельности обыкновенно не имѣетъ послѣдствіемъ правильной тетрахотоміи душевныхъ явленій. Исключеніе, какъ мы увидимъ ниже, представляетъ только распредѣленіе Аристотеля. Но это однако не значитъ, чтобы тетрахотомія душевной дѣятельности тоже не имѣла своихъ приверженцевъ въ старой и новой психологіи, — она только опиралась на другія основанія: такъ напр. старое дѣленіе души на умъ и волю, и каждой изъ этихъ главныхъ способностей на высшее и низшее проявленіе представляло только особое сочетаніе принципа направленія съ принципомъ различенія простыхъ и сложныхъ образованій. Далѣе, у австрійскихъ психологовъ, послѣдователей Якоби, напр. Лихтенфельса и Прохазки, тетрахотомія опиралась на такое же различеніе чувственной и сверхъ-чувственной сферы какъ воспріятія, такъ и стремленія. У Гарнье правильность тетрахотоміи нарушалась тѣмъ, что *три* класса активныхъ состояній души противополагались только *одному* классу пассивныхъ (intelligence); у Шмидта, наоборотъ, вся тетрахотомія основывалась исключительно на понятіяхъ, соотвѣтствующихъ *пассивнымъ* дѣятельностямъ души (двѣ области чувства и представленія). Наконецъ, у Джона Ст. Милля дѣленіе душевныхъ явленій на четыре класса опирается на признаніе самостоятельности «ощущеній» рядомъ съ мыслями, возбужденіями и желаніями, — иначе сказать — его тетрахотомія является результатомъ неправильнаго соподчиненія классовъ простыхъ явленій съ классами сложныхъ. Итакъ въ разсмотрѣнномъ нами только-что отношеніи отдѣльныя мысли тоже стары, но подробное развитіе ихъ имѣетъ совершенно новыя основанія и характеръ. Только у одного Аристотеля мы

находимъ такое распредѣленіе понятій, которое весьма близко подходитъ къ нашему.

Дѣйствительно, у Аристотеля мы встрѣтили и точку зрѣнія *направленій* (контрастъ страдательныхъ и дѣятельныхъ состояній души) и противоположеніе совокупности *первичныхъ* явленій — совокупности *вторичныхъ* (чувственныя и разумныя силы), и различеніе *внутренней* дѣятельности (стремленіе) отъ *внѣшней* (движеніе). Наконецъ, если мы припомнимъ, что результатомъ примѣненія всѣхъ этихъ принциповъ было признаніе четырехъ «моментовъ» въ дѣятельности чувственной души (αἰσθητικόν), а именно моментовъ ощущенія, чувствованія удовольствія и страданія (ἡδονὴ καὶ λύπη), стремленія, и движенія, то мы дѣйствительно въ правѣ снова повторить уже высказанное нами однажды сужденіе, что Аристотель во многихъ отношеніяхъ былъ дальновиднѣе даже нѣкоторыхъ свѣтилъ современной психологіи (см. выше, стр. 25). Въ классификаціи Аристотеля были только слѣдующіе недостатки:

1) Рядомъ съ чувственною и разумною областью психическихъ отправленій, онъ признавалъ еще область отправленій *растительныхъ*, которыя не было основанія включать въ сферу психической дѣятельности.

2) Различая четыре момента въ дѣятельности чувственной души, онъ дѣлилъ дѣятельность *разумной* души только на *два* момента (страданія и дѣйствія: νοῦς παθητικὸς и ποιητικὸς).

3) Основою его правильной, во многихъ отношеніяхъ, классификаціи была всетаки неправильная гипотеза *реальныхъ способностей* души, отразившаяся отчасти неблагопріятно и на характерѣ терминологіи.

4) Нѣкоторыя обозначенія, принятыя Аристотелемъ, основанныя на особыхъ психологическихъ представленіяхъ его эпохи, не вполнѣ соотвѣтствуютъ принципамъ современной эмпирической психологіи. Напр. названіе «разумной» души заключаетъ въ себѣ чуждую современной психологіи *практическую* идею, а отсюда не довольно широкій терминъ «ума» (νοῦς) для всѣхъ сложныхъ душевныхъ отправленій. Названіе второго момента чувственной дѣятельности — ἡδονὴ καὶ λύπη — тоже недостаточно: надо было объединить эти два понятія въ одномъ, но Аристотель этого не сдѣлалъ.

Теперь мы выяснили вполнѣ отношеніе предложенныхъ нами принциповъ распредѣленія психическихъ явленій къ принципамъ предшествующихъ классификацій элементовъ психической дѣятельности. Всѣ наши принципы стары, но новое выраженіе ихъ, новое ихъ сочетаніе и болѣе широкое развитіе дали въ результатѣ оригинальное, въ цѣломъ, распредѣленіе элементовъ психической жизни, которое вызвало въ свою очередь и болѣе

точное разграниченіе психологическихъ терминовъ. Личная заслуга наша, стало быть, очень невелика.

Въ заключеніе, обратимся наконецъ къ вопросу, насколько теорія четырехъ моментовъ каждаго психическаго оборота, т. е. законъ указаннаго нами преемства психическихъ явленій можетъ допускать отклоненія на практикѣ?

Во первыхъ замѣтимъ, что при дальнѣйшихъ осложненіяхъ психической дѣятельности, начало и конецъ каждаго оборота могутъ сдѣлаться независимыми отъ непосредственнаго взаимодѣйствія между субъектомъ и объектами. Фактъ оставленія ощущеніями слѣдовъ въ организмѣ и возможность воспроизведенія этихъ слѣдовъ по внутреннимъ законамъ ассоціаціи, т. е. независимо отъ прямого вліянія объектовъ, имѣетъ послѣдствіемъ рядъ такихъ психическихъ оборотовъ, начало которыхъ повидимому *субъективное, внутреннее.* Точно также различныя движенія и дѣйствія, подъ вліяніемъ такого внутренняго сосредоточенія психической дѣятельности, постепенно теряютъ значеніе дѣйствій организма, направленныхъ непосредственно на какіе-нибудь опредѣленные объекты. Этотъ законъ превращенія движеній есть тотъ *первый* принципъ образованія *выраженій* внутреннихъ состояній (на мѣсто цѣлесообразныхъ движеній), о которомъ говоритъ Дарвинъ въ своемъ сочиненіи «О выраженіи волненій» (ср. Ch. I: the principle of serviceable associated Habits). Однако въ указанныхъ случаяхъ правильное преемство моментовъ психическаго процесса въ сущности не нарушается, и все дѣло ограничивается лишь кажущимся разрывомъ между субъектомъ и окружающею средою. Но разрывъ этотъ именно только *кажущійся*, ибо первоначальный источникъ объективныхъ воспріятій, которыя даютъ начало психическимъ оборотамъ новаго типа, а равно и первоначальная цѣль движеній въ этихъ оборотахъ, находятся въ объектахъ, въ окружающей средѣ, и такое соотношеніе всегда можетъ быть обнаружено путемъ психологическаго анализа. Бываютъ однако часто и такія отклоненія отъ правильной схемы развитія процесса, которыя могутъ быть истолкованы только дѣйствительнымъ или кажущимся *выпаденіемъ* отдѣльныхъ моментовъ изъ данныхъ психическихъ преемствъ. Это выпаденіе моментовъ можетъ быть сведено къ слѣдующимъ шести главнымъ случаямъ:

1) Выпадаютъ оба средніе звена процесса.
2) Выпадаетъ одно изъ среднихъ звеньевъ.
3) Отсутствуетъ первое звено процесса.
4) Отсутствуютъ два первыя звена.
5) Отсутствуетъ послѣднее звено оборота.
6) Отсутствуютъ оба послѣднія звена.

Всѣ эти случаи, какъ мы сейчасъ увидимъ, возможны и объясняются различными феноменами въ развитіи психическаго организма.

Оба среднія звена *чаще всего* выпадаютъ, такъ какъ многочисленныя *рефлекторныя* движенія и дѣйствія человѣка именно представляютъ большею частью прямое слѣдованіе движенія за ощущеніемъ, дѣйствія или поступка за идеей. Объясняется такое нарушеніе въ преемствѣ психическихъ явленій или большою *интенсивностію* развитія процесса, когда между ощущеніемъ и дѣйствіемъ не успѣваетъ наступить оцѣнка, или же частымъ *повтореніемъ* тѣхъ же преемствъ и превращеніемъ движенія, служащаго отвѣтомъ на ощущеніе, въ автоматическое. Очевидно однако, что въ обоихъ случаяхъ выпаденіе только кажущееся: въ первомъ случаѣ оцѣнка обыкновенно происходитъ лишь такъ быстро, что субъектъ не успѣваетъ себѣ отдать отчета въ ней, не успѣваетъ такъ сказать сознать её, ибо въ слѣдующую затѣмъ минуту обыкновенно обнаруживаются всетаки всѣ явленія, такую оцѣнку сопровождающія. Такъ напр., если, видя падающую намъ на голову штукатурку дома, мы быстро отскакиваемъ въ сторону, то по миновании опасности являются всѣ послѣдствія страха, котораго мы повидимому не ощущали въ себѣ, какъ мотива для сдѣланнаго нами скачка, т. е. сильное біеніе сердца, блѣдность лица, иногда даже трясеніе членовъ и т. д. Конечно всѣ эти явленія представляются уже, строго говоря, моментами новаго оборота, вызваннаго хотя бы и слабымъ воспроизведеніемъ испытаннаго только что ощущенія; но самое это воспроизведеніе со всѣми его послѣдствіями является несомнѣнно результатомъ внутренняго волненія, не успѣвшаго вполнѣ выразиться въ промежуткѣ между ощущеніемъ и движеніемъ. Во второмъ случаѣ выпаденіе потому только кажущееся, что первоначальною связью между ощущеніями и движеніями въ рефлексахъ всетаки служила какая-нибудь субъективная оцѣнка, которая хотя и была постепенно вытѣснена изъ сферы сознанія, но тѣмъ не менѣе является единственнымъ объясненіемъ связи между ощущеніемъ и дѣйствіемъ. Часто эта оцѣнка даже никогда и не принадлежала личному сознанію того субъекта, въ которомъ обнаруживается преемство такого неполнаго типа, ибо многія рефлекторныя движенія унаслѣдованы отъ прежнихъ поколѣній. Но какъ бы то ни было, эта оцѣнка всетаки когда-нибудь имѣла мѣсто и задача науки—возстановить первоначальный типъ преемства. Дарвинъ, напр., задается именно такою проблемою въ упомянутомъ нами сочиненіи. Такимъ образомъ привычка и интенсивность оборота объясняютъ первое изъ указанныхъ отклоненій.

Выпаденіе *одного* изъ среднихъ звеньевъ объясняется тоже привычкою, а именно ассоціаціею, т. е. сліяніемъ двухъ среднихъ моментовъ въ

одинъ: поглощеніемъ одного другимъ. Отсюда понятіе *инстинктовъ*, т. е. такихъ психическихъ преемствъ, въ которыхъ моментъ чувства, т. е. субъективнаго воспріятія, вполнѣ поглощается моментомъ стремленія—субъективнаго движенія. Отсюда также, обратно, возможность прямой послѣдовательности между чувствованіемъ и движеніемъ. Чувствованіе боли напр. часто прямо вызываетъ движеніе съ цѣлью удалить ея причину: такой фактъ объясняется тѣмъ, что послѣдовательность боли, стремленія прекратить ее и движенія въ виду этой цѣли такъ часто повторялась, что наконецъ чувствованіе совершенно поглотило стремленіе и прямо связалось съ движеніемъ. Но и въ этихъ случаяхъ очевидно выпаденіе звеньевъ болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, ибо объяснить прямую связь перваго и третьяго, второго и четвертаго моментовъ можно только при помощи прежде бывшихъ правильныхъ преемствъ.

Третій случай — отсутствіе *перваго* момента — чаще всего объясняется подобнымъ же поглощеніемъ ощущенія чувствованіемъ. Впрочемъ нѣкоторыя сочетанія ощущеній и чувствованій съ несомнѣннымъ преобладаніемъ послѣднихъ повидимому неизбѣжно вытекаютъ уже изъ первоначальной организаціи субъекта. Такъ напр. въ тѣхъ оборотахъ, импульсомъ для которыхъ служатъ не внѣшняя среда, а ткани самого организма, играющія тоже роль особаго рода «внѣшней» среды въ отношеніи къ сознанію, — ощущеніе часто поглощается чувствомъ и притомъ повидимому въ силу самой организаціи. Напр., такъ называемыя чувствованія голода и жажды, несомнѣнно содержатъ въ себѣ объективный элементъ ощущенія, т. е. смутнаго знанія о томъ, что происходитъ въ заинтересованныхъ тканяхъ, но этотъ объективный элементъ почти совершенно поглощенъ субъективнымъ (ср. Horwicz Psychol. Anal. I. Halle. 1872, § 338—343). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда такое поглощеніе не обусловлено организаціей, оно можетъ быть вызвано чрезмѣрною интенсивностью ощущенія, превращающею его непосредственно въ сильную боль или удовольствіе. Бываетъ однако и такъ, что ощущеніе повидимому отсутствуетъ по тому, что вниманіе наше въ данный моментъ было поглощено другими ощущеніями. Тогда новый оборотъ тоже часто начинается прямо съ чувства; напр. если мы сильно увлечены разговоромъ, то можемъ и не замѣтить, какъ на нашу щеку сѣла муха, и замѣчаемъ прямо лишь ту боль, которую вызвало ея укушеніе. Ощущеніе въ этомъ случаѣ несомнѣнно было, ибо было извѣстное раздраженіе кожи, но это ощущеніе было такъ слабо, что оно не достигло нашего сознанія. Въ виду этого и въ виду присутствія слабой доли ощущенія и при поглощеніи его чувствомъ, можно сказать, что и тутъ нарушеніе преемства болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное.

Отсутствіе *двухъ первыхъ* звеньевъ цѣпи встрѣчается очень рѣдко, ибо рѣдко бываетъ, чтобы стремленіе не имѣло источникомъ либо сознательнаго ощущенія, либо чувствованія. Но однако нѣкоторыя инстинктивныя стремленія вызываются «безсознательными» ощущеніями и чувствованіями, какъ напр. стремленіе любить при наступленіи зрѣлости человѣка. Такое стремленіе любить, часто не имѣя никакого объекта и никакихъ вообще сознательныхъ импульсовъ, всетаки выражается рядомъ дѣйствій, косвенно направленныхъ къ указанной природою цѣли (напр. кокетливое украшеніе своего лица дѣвушкою). Здѣсь очевидно первые два момента, т. е. рядъ ощущеній и субъективная ихъ оцѣнка, принадлежатъ области безсознательнаго, — изъ этой области безсознательнаго прямо выплываетъ въ сознаніе смутное стремленіе, заставляющее дѣйствовать, а именно искать подходящаго объекта для болѣе полнаго и сознательнаго общенія (см. по эт. вопр. Hartmann. Philos. d Unbew. 6-te Aufl. 1874. B. II: Das Unbew. in d. geschlechtl. Liebe, особ. p. 206). Впрочемъ и въ этомъ четвертомъ случаѣ безсознательность первыхъ двухъ моментовъ можетъ зависѣть не отъ условій организаціи, а отъ отвлеченія вниманія въ другую сторону: иногда, не отдавая себѣ отчета въ нашихъ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ, ибо наше сознаніе занято другимъ дѣломъ, мы вдругъ замѣчаемъ въ себѣ желаніе перемѣнить положеніе тѣла или перейти въ другую комнату и тутъ только уже начинаемъ сознавать, что мы неловко сидѣли или что въ означенной комнатѣ былъ спертый воздухъ. Однако стремленіе, какъ мы видѣли, всегда имѣетъ, если не сознательный, то безсознательный источникъ въ какихъ-нибудь ощущеніяхъ или чувствахъ.

Пятый и шестой изъ отмѣченныхъ случаевъ основаны на возможности перерыва въ развитіи психическаго процесса. Бываетъ иногда, что новыя впечатлѣнія съ силою врываются въ сферу сознанія, когда развитіе стараго оборота еще не пришло къ концу. Если эти новыя впечатлѣнія очень сильны, то вниманіе отвлекается отъ прежнихъ впечатлѣній, и такимъ образомъ послѣдній или два послѣднихъ момента оборота остаются недовершенными. У «впечатлительныхъ» субъектовъ подобные перерывы бываютъ чаще, чѣмъ у сосредоточенныхъ. Однако нарушеніе послѣдовательности моментовъ и тутъ обыкновенно бываетъ только кажущееся: окончаніе прерваннаго оборота или наступаетъ позже, когда субъектъ освоился съ новыми впечатлѣніями, или оно присоединяется къ окончанію новыхъ оборотовъ, которое въ такомъ случаѣ является равнодѣйствующею двухъ направленныхъ въ разныя стороны дѣйствій, или наконецъ окончаніе прерваннаго оборота всетаки происходитъ своимъ чередомъ и только характеръ его

измѣняется, т. е. сознательныя и цѣлесообразныя движенія и дѣйствія обращаются въ автоматическія и безцѣльныя.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ мы можемъ заключить, что если въ правильномъ преемствѣ психическихъ явленій и бываютъ отклоненія, то послѣднія имѣютъ болѣе *видимый*, чѣмъ дѣйствительный характеръ: одни моменты могутъ быть слабѣе другихъ и могутъ поглощаться этими послѣдними; иные моменты надо искать въ области безсознательныхъ психическихъ отправленій, между тѣмъ какъ другіе принадлежатъ сознанію; наконецъ дополнительныхъ звеньевъ преемства надо иногда искать въ прошедшихъ или будущихъ психическихъ оборотахъ. Все это даетъ намъ право признать общею основою смѣны психическихъ явленій законъ, что *ни одно чувствованіе не можетъ возникнуть безъ участія ощущенія*, какъ ни одно стремленіе безъ участія чувствованія, ни одно движеніе безъ участія стремленія. Тотъ же законъ примѣнимъ и къ смѣнѣ сложныхъ психическихъ явленій и поэтому его можно формулировать такъ: *ни одно психическое явленіе, простое или сложное, не можетъ возникнуть безъ настоящаго или хоть прошедшаго участія явленія, соотвѣтствующаго предыдущему моменту въ правильномъ типѣ психическаго оборота.*

Мы впрочемъ выше не разсмотрѣли еще тѣхъ случаевъ, когда изъ психическаго процесса выпадаютъ два несмежныхъ звена (1 и 3 или 2 и 4), или когда одинъ изъ моментовъ является настолько преобладающимъ, что поглощаетъ всѣ остальные; но въ этихъ случаяхъ очевидно должны быть приняты тѣ же объясненія, какъ и въ предшествующихъ, и поэтому мы считаемъ возможнымъ не подвергать ихъ особому разбору. Притомъ случаи второй категоріи почти невозможны, ибо всякое стремленіе и всякое движеніе должны имѣть свою «причину», какъ мы выражаемся, въ ощущеніяхъ или чувствованіяхъ; съ другой стороны, всякое ощущеніе и всякое чувствованіе точно также должны имѣть свое дѣйствіе или «выраженіе» въ тѣхъ или другихъ стремленіяхъ, желаніяхъ, движеніяхъ или поступкахъ. Только поверхностному и неразвитому наблюдателю нѣкоторыя психическія явленія могутъ казаться изолированными. Но если такъ, то приведенный законъ можно дополнить обратнымъ положеніемъ, что *ни одно психическое явленіе, простое или сложное, не можетъ не вызвать за собою въ настоящемъ или хоть въ будущемъ того явленія, которое соотвѣтствуетъ послѣдующему моменту въ правильномъ типѣ психическаго преемства.* — Иначе сказать, въ каждомъ психическомъ актѣ научный анализъ долженъ умѣть открыть *четыре* раздѣльные момента, хотя бы ему пришлось для этого разлагать слитныя образованія на ихъ элементы, обращаться за помощью къ области безсознательной психической жизни или даже прибѣгать къ изу-

ченію прошедшихъ и будущихъ психическихъ преемствъ. Это и составляетъ главную задачу *психологическаго* анализа, результаты выполненія которой могутъ служить наилучшею повѣркою пріемовъ и методовъ психолога.

Но мы значительно отклонились въ сторону, — подобный анализъ не составляетъ нашей задачи. Мы намѣрены заняться подробнѣе изслѣдованіемъ одного только момента психическаго процесса и природы соотвѣтствующихъ ему явленій, и для этого намъ необходимо было точнѣе ограничить область феноменовъ, обнимаемыхъ понятіемъ *чувствительности*. Выполнивъ эту задачу, мы можемъ приступить теперь къ продолженію нашихъ изслѣдованій въ указанномъ выше направленіи. Но предварительно опредѣлимъ точнѣе, на основаніи предшествующаго, что̀ должно разумѣть подъ *анализомъ* и *синтезомъ* чувствованій. Мы разграничили другъ отъ друга три рода терминовъ, обозначающихъ: 1) цѣлыя области явленій, 2) первичныя явленія различныхъ группъ, и 3) вторичныя или сложныя явленія тѣхъ же группъ. Въ этомъ смыслѣ мы различили область «чувствительности» вообще отъ «чувствованій» и «чувствъ». *Анализъ* чувствованій очевидно долженъ имѣть задачею опредѣленіе ихъ механизма и главныхъ видовъ — на первоначальной ступени развитія. *Синтезъ* же долженъ быть направленъ къ объясненію законовъ осложненія «чувствованій» и къ построенію изъ совокупности элементарныхъ чувствованій тѣхъ многочисленныхъ сложныхъ образованій, которыя мы назвали выше «чувствами и волненіями». Сообразно съ предположеннымъ нами планомъ, мы и перейдемъ теперь къ опредѣленію *принциповъ* сначала анализа, потомъ синтеза чувствованій.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Условія образованія первоначальныхъ чувствованій.

Мы пришли къ заключенію, что чувствованіями всего правильнѣе называть тѣ состоянія сознанія, которыя вытекаютъ изъ субъективной оцѣнки ощущеній. Такая оцѣнка выражается въ противоположныхъ состояніяхъ *удовольствія* и *страданія,* которыя служатъ первоначально *единственными* источниками для образованія стремленій и движеній, т. е. для отвѣтной реакціи организма въ направленіи къ внѣшнему міру.

Послѣдній выводъ однако необходимо подтвердить еще съ одной стороны въ виду того обстоятельства, что многіе писатели и въ древности, и въ новое время, какъ показалъ историческій разборъ, рядомъ съ удовольствіемъ и страданіемъ ставили еще особое, посредствующее состояніе *равнодушія* или *безразличія*, которое иногда прямо называлось «чувствомъ безразличія». Нѣкоторые новѣйшіе писатели, напр. Булье и Горвицъ, серіозно вооружаются противъ этого понятія, но зато другіе, современные же, спеціалисты, напр. Вундтъ, Бэнъ и отчасти Дюмонъ, стоятъ еще на старой точкѣ зрѣнія. Вундтъ напр., какъ было выше указано, полагаетъ, что удовольствіе, постепенно понижаясь, доходитъ до состоянія полнаго равнодушія, составляющаго, такъ сказать, нулевую точку въ развитіи чувства, и потомъ изъ этого состоянія равнодушія постепенно развиваются элементы неудовольствія, возрастающаго по мѣрѣ увеличенія интенсивности ощущенія. Дюмонъ считаетъ чувствованія удовольствія и страданія результатомъ различныхъ *перемѣнъ* въ ощущеніяхъ и потому полагаетъ, что «во всѣхъ случаяхъ, когда ощущенія пребываютъ въ томъ же состояніи (т. е. не измѣняются)», должно наступать равнодушіе (l. c., p. 98—99). Бэнъ, различая термины чувства и волненія, къ области чувства (feeling) относитъ удовольствія, страданія и состоянія безразличныя въ отношеніи къ удовольствію и страданію, т. е. простыя возбужденія. Не трудно видѣть, что всѣ эти три

автора стоятъ на различной точкѣ зрѣнія. Бэнъ собственно подъ безразличнымъ чувствомъ разумѣетъ лишь область ощущеній и, стало быть, всего менѣе ставитъ безразличное состояніе на одну линію съ удовольствіемъ и страданіемъ. Дюмонъ идетъ нѣсколько далѣе: онъ считаетъ безразличное состояніе однимъ изъ послѣдствій ощущенія, т. е. относитъ его ко второму моменту психическаго оборота, хотя очевидно, что и онъ придаетъ безразличному состоянію лишь отрицательный смыслъ, отождествляя его съ отсутствіемъ чувствованій или прекращеніемъ ихъ, подъ вліяніемъ ослабленія впечатлѣній. Далѣе всѣхъ пошелъ Вундтъ, который ввелъ состояніе равнодушія въ число моментовъ развитія чувства и поставилъ его какъ посредствующее звено на одну линію съ удовольствіемъ и страданіемъ. При изложеніи теоріи Горвица, мы встрѣтили у этого писателя весьма сильную критику воззрѣній Вундта на процессъ превращенія удовольствія въ страданіе. Горвицъ совершенно отрицаетъ нулевую точку въ развитіи чувства, ибо полагаетъ, что начало страданія совпадаетъ съ концомъ удовольствія: развитіе обоихъ феноменовъ вообще идетъ параллельно и только при высшихъ степеняхъ интенсивности каждаго явленія противоположный компонентъ можетъ быть равенъ нулю. Въ виду этого въ развитіи чувства нѣтъ момента, который бы могъ соотвѣтствовать полному отсутствію какъ удовольствія, такъ и страданія. А потому Горвицъ думаетъ, 1) что нѣтъ состоянія полнаго безразличія, что мы всегда испытываемъ хотя бы и весьма слабыя чувствованія, и 2) что кажущаяся точка безразличія соотвѣтствуетъ смѣшенію, въ равной пропорціи, удовольствія и страданія. Къ первому изъ этихъ выводовъ, независимо отъ Горвица, приходитъ и Булье, считающій состояніе безразличія совершенною химерою (l. c., Ch. XI, p. 214 и слѣд.)[1]). Но Булье въ то же время отрицаетъ второй выводъ, т. е. предположеніе возможности *полнаго равновѣсія* удовольствія и страданія и ихъ взаимной *нейтрализаціи*, — выводъ, въ пользу котораго высказывается и Дюмонъ. Нѣтъ сомнѣнія, что случаи полнаго равновѣсія противуположныхъ чувствованій должны быть дѣйствительно чрезвычайно рѣдки, но всёже отрицать ихъ полную возможность едва-ли правильно и согласно съ теоріей вѣроятія. Что же касается до нейтрализаціи, то, по крайней мѣрѣ, *кажущееся* ослабленіе и даже уничтоженіе удовольствія соотвѣтственною величиною страданія и наоборотъ несомнѣнно возможно: мы не даромъ употребляемъ выраженіе, что такая-то забота или печаль «отравляетъ» наше удовольствіе, нашу радость. Тутъ не можетъ быть конечно рѣчи о такомъ

[1]) Замѣтимъ кстати, что у Булье весь этотъ вопросъ разсмотрѣнъ всего обстоятельнѣе и что у него читатель найдетъ и довольно подробный очеркъ его исторіи.

полномъ сліяніи, которое бы было подобно химическому соединенію веществъ, имѣющему продуктомъ совершенно новое образованіе, но достаточно признать, что въ сознаніи нашемъ дѣйствіе печали можетъ быть ослаблено дѣйствіемъ радости и обратно, что̀ мы ежедневно испытываемъ на себѣ и видимъ на окружающихъ лицахъ, чтобы согласиться съ тѣмъ, что состояніе равнодушія можетъ быть послѣдствіемъ не только чрезмѣрнаго ослабленія чувствованій въ томъ или другомъ случаѣ, но и сочетанія, въ болѣе или менѣе равныхъ пропорціяхъ, чувствованій противуположнаго типа. Такимъ образомъ считать состояніе безразличія особымъ фазисомъ въ развитіи чувства едва-ли правильно. Говорить же объ особомъ «чувствованіи безразличія или равнодушія» — просто нелѣпо, ибо въ этомъ сочетаніи понятій уже лежитъ внутреннее противорѣчіе: чувствованія тѣмъ и отличаются отъ ощущеній, что послѣднія по *объективному* характеру своему безразличны въ самой природѣ своей, первыя же, наоборотъ, представляютъ продуктъ превращенія «безразличныхъ ощущеній» въ «различныя» для насъ (а именно противоположныя) состоянія сознанія, смотря по результатамъ, къ которымъ приведетъ *субъективная* оцѣнка ощущеній. Конечно можно возразить, что сама эта субъективная оцѣнка можетъ привести всетаки и къ отрицательнымъ результатамъ, т. е. можетъ не повести къ образованію ни удовольствія, ни страданія, но тогда продуктомъ ея будетъ не чувствованіе той или другой категоріи, а отсутствіе всякаго чувствованія. Такой случай, если онъ и возможенъ, что̀ подлежитъ всетаки большому сомнѣнію, конечно долженъ былъ бы считаться *патологическимъ*, ибо при абсолютномъ отсутствіи всякаго, хотя бы и слабаго, чувствованія невозможно образованіе стремленія, т. е. вообще немыслимо дальнѣйшее продолженіе психическаго оборота. Признать же возможность такого событія въ психической жизни организма значило бы допустить, что причина можетъ остаться безъ дѣйствія, что сила, разъ вызванная къ дѣйствію, можетъ внезапно исчезнуть, какъ бы испариться въ пространство, не окончивъ этого дѣйствія и не встрѣтивъ даже противодѣйствія, такъ какъ реакція сознанія на каждое впечатлѣніе именно и обнаруживается превращеніемъ ощущеній въ чувствованія, стремленія и движенія. Но, скажутъ намъ, вы сами признали возможность выпаденія нѣкоторыхъ звеньевъ психическаго оборота безъ вреда для цѣлаго оборота. Совершенно вѣрно, но выпаденіе чувствованій въ этомъ смыслѣ есть въ то же время выпаденіе *всякой субъективной оцѣнки*,—стало быть это выпаденіе не доказываетъ, чтобы субъективная оцѣнка могла быть первоначально чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ удовольствія или страданія. Итакъ всѣ соображенія приводятъ къ выводу, что субъективная оцѣнка ощущеній выражается только въ двухъ коренныхъ и противоположныхъ

другъ другу формахъ, между которыми невозможно ничего средняго. Изъ этого конечно еще не слѣдуетъ, чтобы было вѣрно и то, что въ каждую минуту въ сознаніи непремѣнно имѣется на лицо какое-нибудь чувствованіе, чтобы абсолютно безразличное состояніе сознанія вообще совершенно не было возможно, какъ думаетъ, напр., Булье. Но этотъ вопросъ имѣетъ уже вполнѣ независимый характеръ, и съ точки зрѣнія теоріи «психическаго оборота» сначала представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что такое состояніе возможно. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ психическомъ оборотѣ чувствованію предшествуетъ ощущеніе. Слѣдовательно, пока еще не обнаружилось чувствованіе, въ сознаніи несомнѣнно возможенъ моментъ безразличнаго ощущенія. Однако то, что́ имѣетъ мѣсто въ каждомъ психическомъ оборотѣ порознь, всетаки можетъ быть и непримѣнимо въ отношеніи къ цѣлому психическому процессу, какъ совокупности отдѣльныхъ оборотовъ. Вѣдь въ цѣломъ психическомъ процессѣ отдѣльные психическіе обороты постоянно переплетаются, и, такъ какъ притокъ новыхъ впечатлѣній въ сознаніе, а стало быть и образованіе новыхъ ощущеній никогда совсѣмъ не прекращается въ бодрствующемъ состояніи организма, то весьма вѣроятно, что съ началомъ каждаго новаго оборота совпадаютъ въ сознаніи различные другіе моменты предыдущихъ оборотовъ, и что въ каждый моментъ ощущеніе сосуществуетъ съ какимъ-нибудь чувствованіемъ, стремленіемъ и движеніемъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на большую вѣроятность, и такое предположеніе имѣетъ всетаки *гипотетическій* характеръ и требуетъ болѣе точныхъ фактическихъ подтвержденій. Для насъ, впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса не представляетъ настоятельной необходимости, и мы можемъ удовольствоваться прежнимъ выводомъ, что *субъективная* оцѣнка ощущеній можетъ имѣть послѣдствіемъ только *два типа явленій*, объединяемыхъ въ понятіи чувствованій. Перейдемъ же теперь къ вопросу *объ условіяхъ образованія* явленій этихъ двухъ типовъ, т. е. удовольствій и страданій.

Замѣтимъ прежде всего, что термины «удовольствіе» и «страданіе» мы считаемъ наиболѣе удобными для выраженія контраста между всѣми пріятными и непріятными состояніями сознанія. Мы такъ часто употребляли эти термины въ предыдущихъ главахъ книги, что оправданіе ихъ теперь можетъ показаться страннымъ, но мы его всетаки считаемъ необходимымъ въ виду того, что не имѣли ни разу случая точно мотивировать свою терминологію. Относительно термина «удовольствіе» много распространяться не зачѣмъ, такъ какъ этотъ терминъ—единственный въ своемъ родѣ. Никакимъ другимъ словомъ нельзя удобнѣе обнять всей совокупности пріятныхъ состояній, и физическихъ, и духовныхъ, какъ слабыхъ, такъ и сильныхъ

(интенсивныхъ), какъ краткихъ, такъ и продолжительныхъ. Притомъ этотъ терминъ принятъ и на западѣ, въ психологическихъ литературахъ всѣхъ странъ и народовъ (plaisir, pleasure, piacere, Vergnügen, etc.): старый Декартовскій терминъ «радости» давно признанъ одностороннимъ, терминъ «наслажденія» тоже не такъ удобенъ, ибо не годится для обозначенія пріятныхъ состояній слабой интенсивности и быстро проходящихъ. — Но зато терминъ «страданія» можетъ вызвать возраженія. Другіе психологи, можетъ быть, найдутъ болѣе удобнымъ противополагать удовольствію—«неудовольствіе» или «боль». Но первое выраженіе мы считаемъ непригоднымъ потому, что оно имѣетъ *отрицательной* характеръ. Неудобно обозначать совокупность *позитивныхъ* явленій терминомъ, составленнымъ изъ названія явленій противоположнаго круга съ приложеніемъ частицы отрицанія. Второй терминъ мы считаемъ потому неудобнымъ, что именемъ «боли» принято обозначать по преимуществу физическія чувствованія совершенно спеціальнаго происхожденія. Говорятъ, правда, нравственная боль, умственная боль, эстетическая боль, но безъ приведенныхъ дополненій «боль» всетаки означаетъ для всякаго лишь тѣлесное чувствованіе: нельзя прямо, безъ всякихъ поясненій, назвать болью — чувство, испытываемое нами напр. при утратѣ близкаго родственника, непріятное чувство, вызванное сознаніемъ своего невѣжества или своей низости и т. д. «Боль», словомъ сказать, сама по себѣ не можетъ означать «печали», «горя», «тоски» и т. д., ибо «болью» называются обыкновенно лишь *мѣстныя* непріятныя ощущенія,—при словѣ «боль» сейчасъ возникаетъ вопросъ *гдѣ?* Терминъ же «страданія» несомнѣнно обнимаетъ, подобно удовольствію, всѣ явленія извѣстнаго типа, т. е. какъ физическія, такъ и нравственныя состоянія, къ которымъ приложимъ эпитетъ «непріятныхъ». Конечно онъ не вполнѣ точно переводитъ слова: douleur, Schmerz, столь употребительныя у западныхъ психологовъ, но зато онъ довольно близко соотвѣтствуетъ англійскому техническому термину *pain*, параллельно которому и у французовъ существуетъ не менѣе употребительное выраженіе *peine*. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, дѣло не въ словахъ. Въ другихъ наукахъ общеупотребительными являются термины, часто весьма плохо выражающіе идею называемаго. Желательно было бы только, чтобы всѣ русскіе психологи согласились разъ на всегда въ обозначеніи совокупности пріятныхъ и совокупности непріятныхъ состояній такими опредѣленными терминами, которые бы вошли въ употребленіе и на будущее время, а потому мы и предлагаемъ названія, наиболѣе соотвѣтствующія, по нашему мнѣнію, означенной цѣли. Мы не придаемъ однако этимъ названіямъ преувеличеннаго значенія, ибо не въ нихъ всетаки главная сущность дѣла: многіе психологи грѣшатъ именно тѣмъ, что все свое вниманіе исключительно

посвящаютъ спору о названіяхъ и этимъ способомъ внушаютъ читателямъ совершенно законное недовѣріе къ своей наукѣ. Въ *русской* психологической литературѣ изобрѣтеніе терминовъ конечно еще необходимо, ибо у насъ ощущается въ нихъ большой недостатокъ; но, пользуясь опытомъ запада, мы не должны преувеличивать важности этой, всѣ-же второстепенной, научной задачи. Перейдемъ поэтому къ болѣе существенному вопросу о процессѣ образованія первоначальныхъ чувствованій *удовольствія* и *страданія*.

Мы сдѣлали въ свое время замѣчаніе, что явленія удовольствія и страданія по тѣмъ признакамъ, которые лежатъ уже въ самыхъ понятіяхъ, могутъ быть опредѣляемы какъ *явленія сознанія, вытекающія изъ субъективной оцѣнки гармоніи или дисгармоніи какихъ то отношеній* (ср. стр. 140). Но далѣе поднимаются вопросы: какого характера эта оцѣнка, сознательная или безсознательная? каковъ ея критерій, абсолютный или релативный? наконецъ, какого рода тѣ отношенія, гармонія или дисгармонія которыхъ служитъ матеріаломъ для означенной оцѣнки? Длинный анализъ мнѣній множества психологовъ по этимъ вопросамъ привелъ къ выводу, что рѣшенія ихъ были самыя разностороннія и противорѣчивыя. Но въ то же время этотъ анализъ показалъ, что большинство *современныхъ* психологовъ склоняется къ объясненію всѣхъ чувствованій изъ *безсознательной и релативной оцѣнки степени гармоніи внутреннихъ отношеній*. Прежде всего мы должны убѣдиться, что этотъ выводъ дѣйствительно единственно правильный, и затѣмъ уже надо постараться, на основаніи его, точнѣе формулировать условія образованія удовольствія и страданія.

Во первыхъ, разберемъ вопросъ, какія отношенія, *внутреннія* или другія какія-нибудь, служатъ предметомъ нашей субъективной оцѣнки? Признавъ, что чувствованія соотвѣтствуютъ *второму* моменту психическаго оборота и находятся въ прямой зависимости отъ *ощущеній*,—иначе сказать, что они представляютъ собою какъ бы «вторичныя» ощущенія или «ощущенія ощущеній», мы этимъ самымъ уже опредѣлили общее направленіе, въ которомъ надо изслѣдовать данный вопросъ; необходимо только рѣшить, что́ именно, т. е. какая сторона въ «объективныхъ ощущеніяхъ» служитъ предметомъ той «субъективной» оцѣнки, которая даетъ начало чувствованіямъ удовольствія и страданія?

Для этого прежде всего надо точнѣе вникнуть въ природу и значеніе самыхъ ощущеній. Мы признали ощущеніе первымъ моментомъ каждаго оборота въ психическомъ или животномъ процессѣ организма, въ противоположность физическому или растительному. Этимъ опредѣлилась для насъ роль ощущенія, какъ *самобытнаго* феномена. Но каждый феноменъ въ

жизни организма, кромѣ самобытной роли своей, имѣетъ еще какую-нибудь *служебную* роль по отношенію къ другимъ феноменамъ и этимъ, между прочимъ, опредѣляется его значеніе въ экономіи *цѣлаго* организма. Съ этой точки зрѣнія ощущенія должны быть разсматриваемы какъ показатели (въ сознаніи) разнообразнѣйшихъ дѣйствій *внѣшнихъ силъ* на организмъ. Эти дѣйствія могутъ быть направлены какъ на наружные, такъ и на внутренніе органы, могутъ быть столько же прямыми, сколько и косвенными (отраженными), наконецъ они могутъ имѣть *конечною* цѣлью своею столько же обмѣнъ впечатлѣній или силъ, сколько и обмѣнъ веществъ. Ощущенія извѣщаютъ обо всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ наше сознаніе и даютъ ему возможность направить или видоизмѣнить ихъ сообразно съ требованіями организма. Въ этомъ фактѣ выражается между прочимъ и упомянутое тѣсное соотношеніе обмѣна веществъ и обмѣна впечатлѣній: отдѣльные акты обмѣна веществъ служатъ средствами для правильнаго обмѣна впечатлѣній и точно также, обратно, отдѣльные акты обмѣна впечатлѣній, напр. ощущенія, служатъ средствами для соблюденія правильнаго характера въ обмѣнѣ веществъ. Такимъ образомъ ощущенія въ общей экономіи организма имѣютъ значеніе посредниковъ между дѣйствіями окружающихъ силъ и сознаніемъ. Это значеніе еще лучше выяснится, если мы обратимъ вниманіе на отдѣльныя категоріи ощущеній и ихъ взаимное отношеніе.

Прежде всего ощущенія распадаются на *внѣшнія* и *внутреннія* или органическія, смотря по тому, служатъ ли они показателями дѣйствія окружающей среды на внѣшніе или на внутренніе органы человѣка. Затѣмъ одни ощущенія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, служатъ показателями отправленій, относящихся къ обмѣну веществъ, другія—отправленій, относящихся къ обмѣну силъ или впечатлѣній. Точнѣе содержаніе отдѣльныхъ группъ ощущеній можно опредѣлить слѣдующею *примѣрною* ихъ классификаціею:

	Ощущенія.	
	Внѣшнія:	Внутреннія или органическія:
Показатели процессовъ, составляющихъ обмѣнъ веществъ.	1. Тепловыя 2. Обонятельныя. 3. Вкусовыя. 4. Половыя.	1. Связанныя съ кровообращеніемъ 2. » съ дыханіемъ. 3. » съ пищевареніемъ. 4. » съ воспроизведеніемъ и выдѣленіемъ вообще.
Показатели процессовъ, составляющихъ обмѣнъ впечатлѣній.	5. Мускульныя. 6. Осязательныя. 7. Слуховыя 8. Зрительныя.	5. Связанныя съ воспріятіемъ. 6. » съ движеніемъ (мускульн.-орган.). 7. » съ субъективными процессами сознанія. 8. » съ объективными процессами сознанія, съ познаніемъ или мышленіемъ.

Эта классификація ощущеній существенно отличается отъ обычныхъ въ психологіяхъ классификацій ихъ, въ которыхъ большею частію, рядомъ

съ пятью чувствами, ставятся только еще два класса ощущеній — мускульныхъ и органическихъ вообще. Но почти всѣ ея элементы всетаки могутъ быть найдены порознь или цѣлыми группами въ классификаціяхъ другихъ психологовъ. Такъ напр. Бэнъ въ сочиненіи «Объ ощущеніяхъ и умѣ» дѣлитъ органическія ощущенія на слѣдующія семь группъ: 1) органическихъ мускульныхъ, 2) нервныхъ, 3) органическихъ, связанныхъ съ кровообращеніемъ и питаніемъ (nutrition), 4) органическихъ, связанныхъ съ дыханіемъ, 5) тепловыхъ (f. of heat a. cold), 6) органическихъ, связанныхъ съ пищевареніемъ (s. of the alimentary canal) и 7) электрическихъ. Выдѣленіе въ особую группу ощущеній электрическихъ состояній (of electrical states) едва ли законно, ибо у человѣка, на сколько намъ извѣстно, существованіе особыхъ проводниковъ этихъ ощущеній никѣмъ не было доказано. Существованіе же электрическихъ органовъ у нѣкоторыхъ породъ рыбъ еще не оправдываетъ этого выдѣленія (ср. объ электрич. органахъ у Брюкке: Учебн. физіол. СП. 1876. II, стр. 38 — 43). Далѣе намъ кажется, что правильнѣе не называть особо ощущеній, связанныхъ съ внутреннимъ питаніемъ тканей, такъ какъ всѣ органическія ощущенія вообще въ нѣкоторомъ смыслѣ слова обнаруживаютъ состоянія различныхъ нашихъ органовъ въ отношеніи къ питанію. Затѣмъ подъ органическими мускульными ощущеніями Бэнъ разумѣетъ ощущенія, связанныя съ органическими процессами въ мышцахъ (the changes that they go through in health a. disease). Но сверхъ того, по поводу нѣкоторыхъ внѣшнихъ чувствъ, онъ говоритъ объ особыхъ не органическихъ мускульныхъ ощущеніяхъ, связанныхъ съ движеніемъ мышцъ, съ усиліемъ, и играющихъ весьма важную роль при нѣкоторыхъ внѣшнихъ воспріятіяхъ, особенно зрѣнія и осязанія. Вундтъ, слѣдуя особой гипотезѣ о происхожденіи этихъ мускульныхъ ощущеній, называетъ ихъ «Innervationsgefühle» и тоже отличаетъ отъ «Muskelgefühle im engeren Sinne» (Physiol. Psych., p. 316). Стало быть, отдѣлить эти мускульныя ощущенія усилія въ особую группу и признать ихъ внѣшними, въ виду важной роли ихъ при опредѣленіи различныхъ внѣшнихъ отношеній предметовъ въ пространствѣ (форма, рельефность, разстояніе, направленіе, тяжесть, сопротивленіе, эластичность предметовъ и т. д.), психологъ совершенно въ правѣ. Тепловыя ощущенія мы тоже признали внѣшними, такъ какъ главныя условія ихъ развитія заключаются во внѣшней средѣ, и самъ Бэнъ говоритъ потомъ, въ главѣ объ осязаніи, объ особыхъ внѣшнихъ ощущеніяхъ температуры (sensations of temperature, ib. 170—172). Физіологи тоже говорятъ лишь о проводникахъ внѣшнихъ ощущеній теплоты, хотя конечно весь этотъ вопросъ о нервахъ тепловыхъ ощущеній еще далеко не разъясненъ (ср. Брюкке, тамъ же, стр. 235—237). Объ особыхъ

«половыхъ» ощущеніяхъ Бэнъ въ данномъ мѣстѣ не говоритъ, но при анализѣ нѣжныхъ волненій (Emot. a. Will, p. 126 и слѣд.) онъ упоминаетъ объ особыхъ ощущеніяхъ животнаго прикосновенія (animal contact). Дѣйствительно, нельзя отрицать существованія особой группы *внѣшнихъ* ощущеній, связанныхъ съ животнымъ прикосновеніемъ вообще и въ частности съ дѣйствіями объятія, поцѣлуя и полового акта. Объ особыхъ органическихъ ощущеніяхъ, связанныхъ съ воспроизведеніемъ, говоритъ Годгсонъ (ср. выше, стр. 354), и нѣтъ причины въ самомъ дѣлѣ совершенно игнорировать внутреннія ощущенія, связанныя съ состояніемъ органовъ выдѣленія вообще и органовъ полового выдѣленія въ особенности. Теперь намъ остается только оправдать пятую, седьмую и восьмую группы внутреннихъ ощущеній. Бэнъ и другіе психологи довольно глухо говорятъ о нервныхъ ощущеніяхъ, и дѣйствительно природа послѣднихъ еще весьма мало изслѣдована. Но нѣтъ сомнѣнія однако, что и органическихъ нервныхъ ощущеній нѣсколько видовъ, смотря по заинтересованнымъ частямъ нервной системы. Во первыхъ, можно различать периферическія и центральныя нервныя ощущенія. Первыя связаны съ различными измѣненіями въ состояніи нашихъ чувствующихъ нервовъ во время ихъ дѣятельности; въ самыхъ рѣзкихъ формахъ эти ощущенія выражаются при различныхъ нервныхъ боляхъ (невралгіяхъ) периферическаго происхожденія. Въ физіологіи даже существуетъ гипотеза особыхъ болевыхъ нервовъ, развѣтвляющихся въ кожѣ и передающихъ впечатлѣнія органическихъ дѣйствій щипанія, сильнаго тренія и т. д. (ср. Брюкке, тамъ же, стр. 234). Насъ лично болѣе удовлетворяютъ другія объясненія периферическихъ болевыхъ ощущеній, но, такъ или иначе, съ психологической точки зрѣнія *периферическія нервныя ощущенія* отдѣлимы отъ центральныхъ и потому мы ихъ поставили въ особую группу «органич. ощущеній, связанныхъ съ воспріятіемъ», разумѣя подъ «воспріятіемъ» всѣ процессы передачи внѣшнихъ впечатлѣній отъ периферіи въ центры. Теперь, что касается до центральныхъ нервныхъ ощущеній, то послѣднія опять могутъ быть нѣсколькихъ видовъ. Яснѣе всего можно противопоставить органическія ощущенія въ центрахъ, связанныя съ *субъективными* процессами сознанія,—тѣмъ центральнымъ ощущеніямъ, которыя вытекаютъ изъ *объективной*, познавательной дѣятельности, изъ дѣятельности мышленія, памяти и т. д. Подъ субъективными процессами сознанія мы разумѣемъ, какъ уже не разъ было сказано, смѣну чувствованій, волненій, стремленій, желаній и другихъ подобныхъ феноменовъ. Существуютъ ли для всѣхъ такихъ процессовъ особые органы, для насъ теперь безразлично. Несомнѣнно только одно, что они особымъ образомъ возбуждаютъ и напрягаютъ центры и имѣютъ послѣдствіемъ совершенно особаго рода утомленіе послѣднихъ, и далѣе, что и упомя-

нутое возбужденіе и напряженіе и это утомленіе доступны въ извѣстной мѣрѣ нашему сознанію, т. е. могутъ быть ощущаемы. Совершенно иного рода возбужденіе и утомленіе центровъ ощущаются во время познавательной и вообще мыслительной работы сознанія: ощущеніе напряженной работы мысли при рѣшеніи какой-нибудь математической или философской проблемы совершенно отлично отъ ощущенія, сопровождающаго напряженную борьбу страстей. Вотъ почему мы и позволили себѣ раздѣлить всѣ центральныя органическія ощущенія на два класса. Несомнѣнно, что многія изъ названныхъ классовъ ощущеній можно было бы и еще раздробить на новыя, болѣе спеціальныя группы, но мы надѣемся всетаки, что не забыли ни одного существеннаго класса.... Перейдемъ же теперь къ другому вопросу: о *параллелизмѣ* внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній отмѣченныхъ видовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что многія отправленія организма контролируются столько же внутренними, сколько и внѣшними ощущеніями. Это уже потому несомнѣнно, что отправленія организма можно вообще разсматривать какъ виды взаимодѣйствія съ окружающею средою, требующія участія столько же внѣшнихъ, сколько и внутреннихъ органовъ. Въ виду этого мы и расположили ощущенія обоего рода въ такомъ порядкѣ, чтобы означенный параллелизмъ по возможности ясно выразился. Но намъ кажется даже, что можно было бы доказать, что *всякому* классу *внѣшнихъ* ощущеній соотвѣтствуетъ классъ *внутреннихъ* или органическихъ, и обратно. Ближайшее соотвѣтствіе ощущеній: 1) температурныхъ и орган., связанныхъ съ кровообращеніемъ, 2) обонятельныхъ и орган., связанныхъ съ дыханіемъ, 3) вкусовыхъ и орган., связанныхъ съ пищевареніемъ, 4) половыхъ и орган., связанныхъ съ выдѣленіемъ, 5) мускульныхъ (иннерваціонныхъ) и орган., связанныхъ съ воспріятіемъ, 6) осязательныхъ и орган., связанныхъ съ движеніемъ, наконецъ, 7) зрительныхъ и орган., связанныхъ съ познавательною дѣятельностью,—едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, ибо всѣ упомянутыя внѣшнія ощущенія очевидно служатъ внѣшними средствами контроля для тѣхъ самыхъ внутреннихъ отправленій, съ которыми связаны параллельно-приведенные классы органическихъ ощущеній. Только одна параллель можетъ возбудить серіозное сомнѣніе, а именно между слуховыми ощущеніями и органическими, связанными съ субъективною работою сознанія. Тутъ мы дѣйствительно стоимъ лицомъ къ лицу съ гипотезою, далеко не такъ просто разрѣшимою. Но намъ кажется всетаки, что есть факты, до извѣстной степени оправдывающіе эту гипотезу. Особенное вліяніе музыки и вообще впечатлѣній слуха на субъективные процессы сознанія, на ходъ развитія чувствованій и стремленій (въ особ. страстей) почти такъ же несомнѣнно, какъ вліяніе осязательныхъ ощущеній на процессы движенія.

Связь музыкальныхъ наклонностей съ особеннымъ богатствомъ субъективной жизни, воспріимчивость къ музыкѣ въ индивидумахъ и въ народахъ въ періоды наибольшаго подъема чувствительности (въ періоды молодости и любви) и т. д., — все это факты, надъ которыми психологи еще слишкомъ мало задумывались и которые до нѣкоторой степени дозволяютъ намъ *предположить* упомянутую параллель между внѣшними ощущеніями слуха и внутренними ощущеніями, сопровождающими субъективные процессы сознанія. Конечно, мы пока еще не можемъ объяснить и доказать упомянутую связь, а должны довольствоваться сближеніемъ совершенно эмпирическаго характера. Но не всѣ аналогіи, проводимыя наукою, могутъ быть сейчасъ же доказаны и выражены въ математическихъ формулахъ. Впрочемъ мы и не считаемъ свою классификацію ощущеній совершенною. Окончательно подтвердить, опровергнуть или видоизмѣнить ее можетъ только экспериментальная физіологія. Намъ хотѣлось лишь ярче оттѣнить ту мысль, что всѣ ощущенія могутъ быть разсматриваемы, при сравненіи съ другими явленіями въ жизни организма, какъ *ближайшія* средства контроля надъ всѣми этими явленіями, въ совокупности составляющими процессъ жизни и мы полагаемъ, что послѣ всего нами сказаннаго эта мысль должна быть признана вѣрною. Теперь уже намъ не трудно опредѣлить отношеніе между ощущеніями и *чувствованіями удовольствія* и *страданія*. Ощущенія, сами по себѣ, еще не способны *регулировать* отправленій организма, къ какой бы области — обмѣна веществъ или обмѣна впечатлѣній — они ни относились. Ощущенія служатъ только показателями того, *что происходитъ въ различныхъ нашихъ органахъ*, подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ дѣйствій внѣшней среды. Они, слѣдовательно, представляютъ только первый шагъ къ регулированію процессовъ организма, т. е. снабжаютъ сознаніе *основаніями* для такого регулированія и даютъ ему первый толчокъ. Настоящимъ регуляторомъ взаимодѣйствія организма съ окружающею средою является только *весь психическій оборотъ* въ совокупности, и каждый моментъ этого оборота есть новый шагъ къ окончательному регулированію такого взаимодѣйствія. Какая же роль въ этомъ актѣ регулированія принадлежитъ чувствованіямъ? Чувствованія, какъ продуктъ субъективной оцѣнки ощущеній, очевидно отвѣчаютъ на вопросъ: *какое значеніе въ экономіи цѣлаго организма имѣетъ это нѣчто, происходящее въ какомъ-нибудь нашемъ органѣ и открытое нами при содѣйствіи ощущенія*? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ чувствованія *удовольствія* и *страданія*. Отсюда мы можемъ уже съ полною достовѣрностью утверждать, что чувствованія служатъ продуктомъ оцѣнки *внутреннихъ* отношеній. Но, чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, мы разсмотримъ всетаки и отрицательную сторону вопроса, т. е. постараемся

выяснить, почему предметомъ упомянутой оцѣнки не могутъ быть непосредственно ни *чисто внѣшнія* отношенія, ни отношенія *вещей къ намъ*, ни отношенія *насъ къ внѣшнимъ предметамъ*.

Внѣшнія отношенія оттого не могутъ служить предметомъ непосредственной оцѣнки нашей, что мы судимъ о достоинствѣ и недостаткахъ предметовъ только по тому дѣйствію, которое они производятъ *на насъ*. Отчего мы говоримъ, что пирамидальный тополь красивѣе обыкновеннаго, отчего какую-нибудь мазурку Шопена мы ставимъ выше, чѣмъ мотивъ танца какихъ-нибудь Зулуевъ, отчего «Критику чистаго разума» Канта мы считаемъ болѣе совершеннымъ произведеніемъ ума, чѣмъ какую-нибудь «Исторію души» Шуберта, отчего запахъ резеды мы цѣнимъ больше, чѣмъ запахъ липоваго цвѣта и т. д.? Очевидно оттого, что первыя впечатлѣнія и сочетанія впечатлѣній, сравнительно со вторыми, производятъ болѣе гармоническія возбужденія въ различныхъ органахъ нашей нервной системы. Если отвлечься отъ такого дѣйствія предметовъ на наши органы, то большая часть, если не вся совокупность параллелей, проводимыхъ нами между предметами и явленіями внѣшняго міра, съ точки зрѣнія ихъ относительнаго достоинства, потеряетъ всякій смыслъ. Но можетъ быть тогда *отношенія вещей къ намъ* служатъ почвою для образованія тѣхъ или другихъ чувствованій? Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія послѣ сказаннаго выше, но надо только спросить себя, непосредственно-ли эти отношенія оцѣниваются нами или нѣтъ? Старую истину въ психологіи составляетъ положеніе, что мы ничего не знаемъ, кромѣ своихъ ощущеній. Дѣйствительно, объ *отношеніи предметовъ къ намъ* мы судимъ не прямо, а только черезъ посредство вызываемыхъ ими въ насъ ощущеній. Изъ этого уже само собою слѣдуетъ, что непосредственнымъ объектомъ нашей субъективной оцѣнки служатъ только тѣ *внутреннія отношенія*, которыя вызываются дѣйствіемъ на насъ отношеній внѣшнихъ. Напр., если сзади подошелъ къ намъ человѣкъ и ударилъ насъ кулакомъ въ спину, то предметомъ субъективной оцѣнки является дисгармонія въ означенномъ органѣ, извѣстная намъ по особымъ ощущеніямъ, а не самый ударъ, т. е. совокупность движеній, сдѣланныхъ этимъ человѣкомъ съ цѣлью ловчѣе выполнить свое намѣреніе: о послѣднихъ мы и знаемъ только по вызваннымъ ими ощущеніямъ. Итакъ, и отношенія вещей къ намъ прямо недоступны нашей оцѣнкѣ: какъ внѣшнія отношенія дѣлаются предметомъ оцѣнки только чрезъ посредство отношеній вещей къ намъ, такъ послѣднія въ свою очередь оцѣниваются только при содѣйствіи вызванныхъ ими внутреннихъ отношеній. Теперь остается рѣшить, могутъ-ли быть доступны нашей оцѣнкѣ отношенія *насъ къ внѣшнимъ предметамъ*? Этотъ вопросъ рѣшить всего легче. Очевидно, что о сво-

ихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру мы можемъ знать только — или путемъ *внутреннихъ* ощущеній, сопровождающихъ каждую нашу дѣятельность (напр. ощущеній мышечныхъ), или путемъ *внѣшнихъ* ощущеній, обнаруживающихъ самые результаты этой дѣятельности. Такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ опять непосредственнымъ объектомъ оцѣнки являются наши собственныя ощущенія, т. е. *внутреннія* отношенія, въ нихъ выражающіяся, то, стало быть, и здѣсь мы получаемъ тотъ же выводъ, что чувствованія обязаны своимъ происхожденіемъ единственно оцѣнкѣ внутреннихъ отношеній. Намъ предстоитъ только впослѣдствіи точнѣе опредѣлить, *какія именно* внутреннія отношенія составляютъ объектъ помянутой оцѣнки.

Но сначала посмотримъ, *какимъ критеріемъ* мы руководимся въ этой оцѣнкѣ. Гипотеза Платона о существованіи нормальнаго *типа* организма и его отправленій, составляющаго абсолютный критерій для такой оцѣнки, какъ мы видѣли, нашла себѣ въ послѣднее время новаго приверженца въ лицѣ Булье. Нельзя не замѣтить, что только непримиримая ненависть къ эволюціонистамъ объясняетъ то упорство, съ какимъ Булье защищаетъ этотъ парадоксъ, — тѣмъ болѣе, что онъ всетаки признаетъ относительность и подвижность чувствованій. Если не питать злобы противъ защитниковъ теоріи трансформаціи, то не останется никакихъ основаній для предположенія чтобы чувствованіе удовольствія было связано съ возвращеніемъ организма къ нормальному типу, чувствованіе страданія — со всякимъ отклоненіемъ отъ такого типа. Факты, собранные психологами въ теченіи многихъ столѣтій, особенно же со времени Декарта, и признаваемые самимъ Булье, не позволяютъ усомниться, что причины, вызывающія эти противоположныя состоянія духа, у людей разныхъ темпераментовъ и въ различныхъ обстановкахъ жизни и даже у того же человѣка при измѣненіи условій бываютъ весьма разнородны и часто обратнаго свойства. Притомъ ежедневный опытъ приводитъ каждаго изъ насъ къ тому же заключенію. Поэтому даже противники гипотезы «превращенія видовъ» должны сознаться, что въ области чувствованій, столь разнородныхъ и столь неустойчивыхъ, заключается одно изъ немаловажныхъ доказательствъ въ пользу образованія если не новыхъ видовъ, то, по крайней мѣрѣ, новыхъ и весьма многочисленныхъ разновидностей организмовъ. Стало быть, относительность чувствованій, т. е. относительность критерія субъективной оцѣнки ощущеній едва-ли еще можетъ встрѣтить серіозныхъ противниковъ въ современной психологіи, и доказывать далѣе эту аксіому — значило бы напрасно тратить время. Скептикамъ мы предлагаемъ только внимательнѣе обдумать тѣ фактическіе доводы въ пользу относительности чувствованій, которые

намъ приходилось приводить при изложеніи ученій различныхъ древнихъ и новыхъ психологовъ въ историческомъ отдѣлѣ книги.

Вопросъ о томъ, *сознательна* или *безсознательна* субъективная оцѣнка ощущеній, тоже достаточно хорошо былъ поставленъ нашими предшественниками, и потому едва-ли стоитъ долго на немъ останавливаться. Напомнимъ читателю только объ аргументахъ Лотце въ пользу *механическаго* характера означенной оцѣнки. Лотце справедливо настаиваетъ на томъ, что намъ недоступно ни наблюденіе надъ фактомъ внѣшняго воздѣйствія и условіями функціи, ни сравненіе перваго со вторыми и сознательное обсужденіе степени ихъ соотвѣтствія между собою, — въ сознаніи данъ только конечный результатъ всего этого, т. е. самое чувствованіе. Нельзя отрицать разумѣется, что, съ развитіемъ ума и съ накопленіемъ опытовъ, возможно гораздо болѣе *сознательное* отношеніе къ явленіямъ, совершающимся въ нашемъ организмѣ, но, во первыхъ, мы говоримъ пока только о первоначальныхъ чувствованіяхъ, во вторыхъ — даже и въ очень развитомъ организмѣ чувство часто образуется экспромптомъ, и причины его появленія въ сознаніи только съ трудомъ, да и то не всегда, могутъ быть открыты уже *послѣ* его образованія, при внимательномъ самоанализѣ. Стало быть, мнѣніе большинства современныхъ психологовъ, что чувствованія удовольствія и страданія имѣютъ источникомъ *безсознательную и относительную субъективную оцѣнку внутренней гармоніи и дисгармоніи въ организмѣ или въ какой-нибудь его части*, должно считаться твердою истиною, пріобрѣтенною психологіей.

Теперь необходимо только точнѣе выяснить, гармонія и дисгармонія *какихъ* внутреннихъ отношеній служитъ источникомъ явленій удовольствія и страданія. Послѣ того, что̀ было сказано нами выше о значеніи отношеній вещей къ намъ въ образованіи чувствованій, ясно, что послѣднія должны выражать собою степень гармоніи между возбужденіями нашихъ тканей предметами внѣшней среды и предшествующимъ состояніемъ этихъ возбуждаемыхъ тканей. Но возбужденіе тканей, особенно внутреннихъ, въ сложномъ организмѣ можетъ быть и независимо отъ непосредственнаго воздѣйствія внѣшнихъ предметовъ. Поэтому вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что чувствованія могутъ имѣть источникомъ «всякое отношеніе между возбужденіемъ нашихъ органовъ и даннымъ ихъ состояніемъ», какую бы основу ни имѣло это возбужденіе. Но такою фразою еще не все выражено. Всякое возбужденіе нашихъ тканей, съ точки зрѣнія тѣхъ послѣдствій, какія оно за собою влечетъ, называется *работою* этихъ тканей; всякое состояніе ихъ, предшествующее этой работѣ, принято разсматривать, въ отношеніи къ послѣдней, съ точки зрѣнія *силы* или *энергіи*, какую эти

ткани могутъ обнаружить во время работы; въ этомъ смыслѣ состояніе тканей равносильно присущей имъ энергіи. Поэтому основою для образованія различныхъ чувствованій должно считать *отношеніе работы какой-нибудь ткани организма къ ея энергіи.* Нечего и говорить, что это отношеніе далеко не всегда доступно сознанію; но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно доступно, единственнымъ выраженіемъ его служатъ чувствованія удовольствія или страданія. Теперь остается еще опредѣлить, какое или какія отношенія между работою и энергіею тканей служатъ, въ частности, источникомъ удовольствія, и какое или какія—источникомъ страданія. Для этого припомнимъ прежде всего проводимое Вундтомъ и подробно опредѣляемое Горвицемъ различіе между *положительною* и *отрицательною* молекулярною работою тканей: положительная работа состоитъ въ тратѣ вещества и въ переходѣ болѣе сложныхъ, но менѣе прочныхъ соединеній веществъ въ этихъ тканяхъ въ болѣе простыя, но твердыя; отрицательная, обратно, — въ накопленіи вещества и образованіи болѣе сложныхъ соединеній, служащихъ новымъ запасомъ рабочей силы въ органахъ. Очевидно, что, говоря выше объ отношеніи работы тканей къ ихъ энергіи, мы разумѣли только *положительную* работу ихъ, т. е. трату вещества; напротивъ, подъ энергіей мы разумѣли продукты *отрицательной* молекулярной работы, т. е. результатъ возмѣщенія тканей. Но въ сущности ничто не мѣшаетъ предположить, что и обратное отношеніе *отрицательной* молекулярной работы къ состоянію энергіи, вызванному *положительной* работой, можетъ служить источникомъ чувствованій. Если же такъ, то и гармонія, а равно и дисгармонія, между работой въ тканяхъ и ихъ энергіею можетъ быть двоякая, а именно:

1) *гармонія* имѣетъ мѣсто какъ въ томъ случаѣ, когда *положительная* молекулярная работа тканей происходитъ въ размѣрахъ той энергіи, которая образовалась вслѣдствіе предшествующей отрицательной работы въ тѣхъ же тканяхъ, такъ и тогда, когда *отрицательная* молекулярная работа происходитъ въ предѣлахъ, предписанныхъ предшествующею положительною работою въ томъ же органѣ;

2) *дисгармонія* точно также ощущается какъ въ томъ случаѣ, когда *положительная* молекулярная работа переходитъ за черту, намѣченную предшествующей отрицательной молекулярной работой, такъ и тогда, когда *отрицательная* работа перешла за предѣлы, указанные предшествующею тратою вещества.

Въ двухъ первыхъ случаяхъ, очевидно, продуктомъ указанныхъ отношеній является *удовольствіе,* въ двухъ послѣднихъ—*страданіе* или *неудовольствіе.* Очевидно, наука должна отличать тѣ удовольствія и страданія, ко-

торыя сопровождаютъ нормальную и ненормальную *положительную* молекулярную работу, отъ тѣхъ, которыя сопровождаютъ такую же *отрицательную* работу. Этой цѣли конечно всего лучше должны удовлетворять тѣ самыя понятія, которыя опредѣляютъ двоякій видъ работы въ тканяхъ организма. Поэтому весьма удобно называть удовольствіе и страданіе въ первомъ случаѣ *положительными*, во второмъ—*отрицательными*. Эти термины тѣмъ удобнѣе, что они, какъ мы могли убѣдиться, уже и ранѣе были приняты въ психологіи и даже имѣли приблизительно то же самое значеніе. Гамильтонъ, отчасти Спенсеръ и Вундтъ, и въ особенности Дюмонъ пользовались ими почти для тѣхъ же цѣлей. Мы лично только дали новую мотивировку такому словоупотребленію. Опредѣлимъ же теперь въ *болѣе точныхъ и по возможности краткихъ* формулахъ условія образованія положительныхъ и отрицательныхъ удовольствій и страданій. Въ видахъ краткости, удобнѣе замѣнить упомянутыя выраженія — «положительная молекулярная работа» и «отрицательная молекулярная работа» равнозначущими выраженіями «трата веществъ» и «накопленіе веществъ», тѣмъ болѣе, что понятія «траты» и «накопленія» одинаково удобны, какъ для обозначенія извѣстныхъ процессовъ, такъ и для опредѣленія ихъ послѣдствій. Результатомъ всего нами сказаннаго являются слѣдующія четыре формулы:

1) *Положительное удовольствіе* сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе траты вещества предшествующему его накопленію.

2) *Отрицательное удовольствіе* сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе накопленія вещества предшествующей его тратѣ.

3) *Положительное страданіе* сопровождаетъ всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ.

4) *Отрицательное страданіе* сопровождаетъ всякій избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ этихъ формулахъ не выражены еще два случая: недостатокъ траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ и недостатокъ накопленія—сравнительно съ его тратою. Для нѣкоторыхъ читателей мы считаемъ нелишнимъ замѣтить, что всякій недостатокъ траты вещества равносиленъ избытку его накопленія, всякій недостатокъ накопленія — избытку траты.

Главный вопросъ, стало быть, рѣшенъ: *чувствованія удовольствія и страданія вытекаютъ изъ безсознательной и относительной оцѣнки двоякой гармоніи и двоякой дисгармоніи между тратою нашихъ веществъ и ихъ накопленіемъ.*

Теперь постараемся точнѣе опредѣлить отношеніе упомянутыхъ четырехъ продуктовъ субъективной оцѣнки между собою. Такъ какъ трата и

возстановленіе веществъ слѣдуютъ другъ за другомъ въ опредѣленной преемственности, то представляется весьма вѣроятнымъ, что и упомянутыя чувствованія относятся другъ къ другу не только какъ разнородные продукты субъективной оцѣнки, но и какъ *моменты* одного непрерывнаго психическаго процесса. Это предположеніе вполнѣ подтверждается внимательнымъ сравненіемъ условій образованія отдѣльныхъ типовъ чувствованій.

Положительное удовольствіе, вытекая изъ умѣренной траты вещества, естественно является большею частью прямымъ антецедентомъ положительнаго страданія, связаннаго съ избыткомъ траты вещества сравнительно съ его возстановленіемъ. Даже не увеличиваясьнисколько въ своихъ размѣрахъ, каждая работа всегда въ концѣ концовъ приводитъ къ нѣкоторой дисгармоніи траты и возстановленія, ибо вещество, по мѣрѣ продолженія работы, постепенно истощается и необходимою потребностью является отдыхъ. Но пока мы не принялись отдыхать, мы болѣе или менѣе долго бываемъ жертвою чувства усталости, истощенія, каковыя состоянія и являются первыми образчиками положительнаго страданія. Итакъ положительное страданіе обыкновенно слѣдуетъ за положительнымъ удовольствіемъ. Когда дисгармоническая дѣятельность наконецъ прекратилась, то положительная молекулярная работа сейчасъ же замѣняется отрицательной, ведущей къ новому возстановленію потраченнаго вещества, и этотъ процессъ естественно сопровождается снова удовольствіемъ, но уже не положительнымъ, а отрицательнымъ. Послѣднее длится до тѣхъ поръ, пока количество накопленной силы не слишкомъ превышаетъ количество потраченной. Но если накопленіе вещества значительно превосходитъ предшествующую трату, а новая дѣятельность, т. е. трата, еще не наступила, то мы опять начинаемъ страдать, и это страданіе имѣетъ отрицательный характеръ. Когда работа, соотвѣтствующая накопленію вещества, снова начинается, то отрицательное страданіе опять замѣняется положительнымъ удовольствіемъ, и т. д.

Изъ этого анализа очевидно, что указанныя первоначальныя чувствованія дѣйствительно составляютъ моменты одного процесса и даже одного цѣльнаго, постоянно повторяющагося по отношенію къ каждому органу, круговорота дѣятельности. Строго говоря, въ этомъ круговоротѣ нѣтъ ни начала, ни конца, ибо каждое послѣдующее состояніе предполагаетъ до извѣстной степени предыдущее. Но всёже начало этого круговорота несомнѣнно удобнѣе вести съ одного пункта, чѣмъ съ другого: положительныя звенья процесса, напр., правильнѣе помѣстить въ серединѣ и считать началомъ его—отрицательное страданіе, совпадающее съ потребностью или стремленіемъ къ дѣятельности, концомъ—отрицательное удовольствіе, связанное съ отдохновеніемъ отъ дѣятельности. Такой порядокъ расположенія момен-

товъ уже потому удобнѣе, что серединою и кульминаціоннымъ пунктомъ всякой дѣятельности является моментъ наибольшей гармоніи между тратою вещества и его возстановленіемъ, т. е. моментъ, предшествующій превращенію положительнаго удовольствія въ положительное страданіе. Къ тому же отдыхъ дѣйствительно принято обыкновенно считать настоящимъ заключеніемъ дѣятельности, потребность къ тратѣ вещества — ея началомъ. Такимъ образомъ смѣна моментовъ въ развитіи чувствованій, при нормальномъ ходѣ процесса, слѣдующая:

1) Отрицательное страданіе (потребность, лишеніе).

2) Положительное удовольствіе (наслажденіе, работа).

3) Положительное страданіе (усталость, истощеніе).

4) Отрицательное удовольствіе (отдыхъ, возстановленіе).

Нечего и говорить, что и этотъ спеціальный круговоротъ явленій, вновь нами найденный, допускаетъ такія же видимыя *отклоненія* отъ правильной послѣдовательности моментовъ, какъ прежде разсмотрѣнный общій круговоротъ психической дѣятельности. Бываетъ часто, что дѣятельность начинается и прямо доставляетъ намъ наслажденіе безъ того, чтобы ей предшествовало отрицательное страданіе неудовлетворенной потребности. Бываетъ также, что дѣятельность была окончена или прервана, прежде чѣмъ наступила дисгармонія между тратою и запасомъ накопленной энергіи, — тогда положительное удовольствіе не ведетъ за собою положительнаго страданія. Бываетъ и то, что отрицательное страданіе не имѣло дополненіемъ своимъ положительнаго удовольствія, — дѣятельность такъ и не началась и потребность постепенно затихла: органъ приспособился къ новымъ условіямъ. Точно также возможно, что отрицательное удовольствіе не послѣдовало за положительнымъ страданіемъ, — отдыхъ еще не успѣлъ наступить, какъ началась новая дѣятельность, и органъ опять приспособился къ новымъ условіямъ. Но такъ какъ трата всетаки должна непремѣнно наступить рано или поздно, въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, вслѣдъ за возстановленіемъ силъ, если только органъ функціонируетъ нормально; такъ какъ точно также отдыхъ долженъ тоже всегда послѣдовать рано или поздно за усталостію и, наконецъ, такъ какъ самая усталость и истощеніе тоже несомнѣнно рано или поздно наступаютъ, хотя бы и при весьма умѣренныхъ дѣйствіяхъ органа: то можно сказать, что и тутъ всякое нарушеніе указаннаго преемства моментовъ болѣе или менѣе кажущееся и что въ прошедшихъ или будущихъ состояніяхъ организма и сознанія могутъ быть часто найдены тѣ дополнительныя звенья, которыя отсутствовали въ данномъ круговоротѣ. Но еще несомнѣннѣе то, что *послѣдовательность* тѣхъ моментовъ, которые уже участвуютъ въ томъ или другомъ оборотѣ, отнюдь

никогда не нарушается, ибо она естественно связана съ физіологическими законами самой работы тканей. Вообще же тѣсная связь означенныхъ моментовъ подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что присутствіе предыдущаго момента всегда увеличиваетъ интенсивность послѣдующаго: *чѣмъ продолжительнѣе и интенсивнѣе явленіе, соотвѣтствующее предыдущему моменту, тѣмъ продолжительнѣе и интенсивнѣе въ свою очередь и данное явленіе*; удовольствіе всегда возрастаетъ при нѣкоторомъ лишеніи его, усталость тѣмъ больше, чѣмъ интенсивнѣе была дѣятельность, а съ нею вмѣстѣ и наслажденія отдыха тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ сильнѣе была усталость. Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что *оба типа удовольствія и оба типа страданія относятся къ одному и тому же обороту чувствительности и что моменты послѣдняго неразрывно связаны другъ съ другомъ и служатъ взаимнымъ дополненіемъ другъ друга.*

Въ связи съ этимъ выводомъ возникаетъ вопросъ: какое же отношеніе имѣютъ моменты *спеціальныхъ* оборотовъ чувства къ моментамъ выше разобраннаго *общаго* оборота сознанія. Мы уже убѣдились, что чувствованіе всегда является продуктомъ субъективной оцѣнки ощущеній. Стало быть, теперь необходимо рѣшить прежде всего, какіе четыре типа ощущеній соотвѣтствуютъ указаннымъ четыремъ проявленіямъ означенной субъективной оцѣнки. Отрицательное страданіе неудовлетворенной потребности повидимому совпадаетъ не съ какимъ-либо опредѣленнымъ ощущеніемъ, а напротивъ—съ отсутствіемъ всякаго ощущенія: если насъ мучитъ неудовлетворенный голодъ или жажда, то можетъ казаться, что чувство въ этомъ случаѣ сопровождаетъ отсутствіе извѣстныхъ необходимыхъ намъ въ данную минуту ощущеній, напр. ощущеній вкусовыхъ. Но это предположеніе противорѣчило бы выводу, что всякое чувствованіе вытекаетъ изъ оцѣнки ощущенія, и дѣйствительно: если одни ощущенія (по преимуществу внѣшнія) въ данномъ случаѣ и отсутствуютъ, то они замѣняются другими (внутренними) ощущеніями, связанными съ этимъ отсутствіемъ, которыя и служатъ очевидно предметомъ субъективной оцѣнки въ данномъ случаѣ. Въ этомъ то смыслѣ «отсутствіе замѣтнаго ощущенія въ сознаніи, замѣняющагося однако ощущеніемъ другого порядка, и можетъ сопровождаться весьма замѣтнымъ чувствомъ неудовольствія» (ср. выше, стр. 374). Когда наступаетъ удовлетвореніе потребности, вызвавшей рядъ непріятныхъ органическихъ ощущеній, то эти органическія ощущенія уступаютъ мѣсто тѣмъ по преимуществу внѣшнимъ ощущеніямъ, которыхъ недоставало организму, и съ тѣмъ вмѣстѣ наступаетъ періодъ положительнаго удовольствія. Когда трата вещества, при работѣ, дошла до своего максимума и періодъ высшаго наслажденія прошелъ, тогда то же самое ощущеніе, которое сначала было пріятно,

дѣлается тягостнымъ — наступаетъ положительное страданіе. Наконецъ, когда истощеніе дошло до крайнихъ предѣловъ, то работа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнія ощущенія, её сопровождавшія, прекращаются и наступаетъ удовольствіе, связанное съ отдыхомъ, т. е. возстановленіемъ тканей; предметомъ этого удовольствія уже опять являются иныя ощущенія и притомъ снова органическія или внутреннія, соотвѣтствующія тѣмъ самымъ органическимъ ощущеніямъ, которыя вызвали отрицательное страданіе. Стало быть, въ каждомъ процессѣ развитія чувствованій, участвуютъ двѣ группы ощущеній — группа внѣшнихъ и группа соотвѣтствующихъ имъ, т. е. относящихся къ той же самой *системѣ* органовъ, внутреннихъ ощущеній, и притомъ внѣшнія ощущенія служатъ источникомъ по преимуществу (хотя не исключительно) положительныхъ, внутреннія—отрицательныхъ моментовъ развитія чувствительности. Изъ этого вытекаетъ, что формула Вундта, по которой явленія удовольствія и страданія составляютъ «функцію интенсивности ощущенія», дѣйствительно справедлива, но не вполнѣ точно выражаетъ дѣло, такъ какъ она характеризуетъ смѣну только положительныхъ моментовъ оборота, а не отрицательныхъ, — въ отрицательныхъ моментахъ данное ощущеніе равно нулю и замѣняется ощущеніемъ другой категоріи. Можетъ быть, при помощи тѣхъ же понятій «функціи» и «интенсивности» можно выразить и это *двоякое* отношеніе чувствованій къ ощущеніямъ; но во всякомъ случаѣ формула Вундта требуетъ переработки. Изъ сказаннаго нами уже ясно, что каждый моментъ круговорота чувствительности характеризуютъ лишь частное развитіе одного изъ моментовъ общаго психическаго оборота. Но такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ источникомъ особое ощущеніе, то онъ долженъ составлять принадлежность *особаго* общаго психическаго оборота; иначе сказать, упомянутымъ непрерывнымъ развитіемъ моментовъ чувства какъ бы сплачиваются во едино четыре отдѣльные общіе оборота, составляющіе вмѣстѣ болѣе крупную единицу въ цѣломъ психическомъ процессѣ. Это подтверждается и тѣмъ, что каждому моменту чувствительности соотвѣтствуетъ специфическое стремленіе и специфическое движеніе. Чтобы сдѣлать мысль свою болѣе понятною, приведемъ схемы упомянутыхъ четырехъ связанныхъ между собою элементовъ психическаго процесса:

1) Органическое ощущеніе, происходящее отъ бездѣятельности какого-нибудь органа. — Отрицательное страданіе. — Стремленіе приблизить къ себѣ объектъ, необходимый для взаимодѣйствія. — Движеніе, чтобы достать этотъ объектъ.

2) Внѣшнее ощущеніе, вытекающее изъ взаимодѣйствія съ добытымъ объектомъ. — Положительное удовольствіе. — Стремленіе еще болѣе

приблизить объектъ, удовлетворяющій потребности взаимодѣйствія.— Движеніе съ цѣлью удержать его въ своемъ распоряженіи, пока взаимодѣйствіе съ нимъ пріятно.

3) Внѣшнее ощущеніе, продолжающее сопровождать взаимодѣйствіе съ объектомъ и тогда, когда граница нормальной дѣятельности перейдена.— Положительное страданіе.—Стремленіе удалить объектъ, уже излишній.— Движеніе съ цѣлью удалить его или удалиться самому отъ него.

4) Органическое ощущеніе, сопровождающее возстановленіе потраченной энергіи, по прекращеніи взаимодѣйствія съ объектомъ. — Отрицательное удовольствіе. — Стремленіе продолжить состояніе покоя и процессъ возстановленія. — Движеніе съ цѣлью продолжить и даже увеличить покойное бездѣйствіе органа или всего организма.

Такимъ образомъ цѣльная дѣятельность каждаго органа состоитъ изъ четырехъ раздѣльныхъ, но тѣсно связанныхъ общихъ оборотовъ, ингредіентами которыхъ и являются указанные выше четыре момента въ развитіи чувствительности. Затѣмъ необходимо замѣтить еще, что каждый изъ этихъ отдѣльныхъ оборотовъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частныхъ волнъ сначала возрастающей, а потомъ постепенно ослабѣвающей интенсивности, и въ этомъ смыслѣ *каждое* движеніе, направленное къ достиженію какой-нибудь цѣли, служа поводомъ къ новому ощущенію или новой волнѣ ощущенія, можетъ сдѣлаться косвенно источникомъ если не новаго чувствованія (что бываетъ только при началѣ новаго общаго оборота), то, по крайней мѣрѣ, новой волны того же чувствованія.

Теперь мы дали читателю достаточно полное понятіе объ условіяхъ образованія первоначальныхъ чувствованій и могли бы перейти къ анализу новыхъ вопросовъ; но, подобно тому какъ и въ прошлой главѣ, мы намѣрены прежде провести краткую параллель между изложенной нами теоріей и ученіями тѣхъ изъ нашихъ предшественниковъ, которые ближе всего подходили къ этой теоріи и дали намъ весь необходимый матеріалъ для разносторонняго рѣшенія разобраннаго въ этой главѣ вопроса.

Особенности нашей теоріи касательно условій образованія первоначальныхъ чувствованій, сравнительно съ ученіями ближайшихъ предшественниковъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Основываясь на своемъ историческомъ разборѣ, мы старались болѣе сознательно, чѣмъ прежде, противупоставить гипотезу о зависимости удовольствія и страданія отъ извѣстной оцѣнки *внутреннихъ* отношеній — всѣмъ гипотезамъ о происхожденіи ихъ изъ оцѣнки различныхъ *другихъ* отношеній.

2) Пользуясь физіологическою теоріею положительнаго и отрицательнаго молекулярныхъ процессовъ, мы старались точнѣе предшествен-

никовъ опредѣлить *характеръ* этихъ внутреннихъ отношеній, изгнавъ изъ этого опредѣленія рядъ отвлеченныхъ и относительныхъ понятій: совершенства и несовершенства, силъ и способностей, пользы, самосохраненія и т. д., которыя мы встрѣчали еще и у самыхъ современныхъ психологовъ.

3) Опираясь на болѣе ясную характеристику упомянутыхъ внутреннихъ отношеній, мы имѣли возможность точно и, какъ намъ кажется, научно противопоставить другъ другу *положительныя* и *отрицательныя* удовольствія и страданія, выяснивъ и взаимныя отношенія этихъ явленій, т. е. законы ихъ преемства, и отношеніе ихъ къ моментамъ общаго психическаго процесса.

По всѣмъ этимъ пунктамъ мы имѣли предшественниковъ, которые однако высказывали только отдѣльныя мысли и не пришли къ надлежащему сочетанію ихъ въ одну связную теорію.

Попытки сознательно противопоставить принятое нами общее положеніе касательно условій образованія чувствованій всѣмъ другимъ толкованіямъ послѣднихъ, были встрѣчены нами у Вильйома изъ болѣе древнихъ монографовъ, у Гамильтона, Вундта, Горвица и Дюмона — изъ новыхъ. Но довольно близко къ правильному и разностороннему рѣшенію вопроса подошелъ только Дюмонъ, который однако центромъ тяжести своей собственной теоріи призналъ релативистическую точку зрѣнія и потому положилъ недостаточно широкій принципъ въ основаніе группировки теорій прежнихъ психологическихъ школъ.

Опыты постановки теоріи образованія чувствованій въ зависимость отъ различныхъ физіологическихъ ученій тоже давно начались. Мы встрѣтили таковые, хотя сначала только въ видѣ намековъ, уже при изложеніи теорій натуръ-философовъ эпохи возрожденія, потомъ въ ученіяхъ Декарта, Гоббеса и др. писателей XVII в., затѣмъ съ большимъ успѣхомъ они были возобновляемы англійскими и французскими матеріалистами и сенсуалистами XVIII в. Но только въ настоящемъ вѣкѣ, когда сама физіологія достигла степени точной науки, эти опыты могли сдѣлаться въ полномъ смыслѣ слова плодотворными. Лучше всѣхъ, какъ мы видѣли, сумѣлъ воспользоваться для означенной цѣли гипотезами физіологіи — Горвицъ. Онъ первый пытался извлечь для себя пользу и изъ физіологическаго контраста положительной и отрицательной молекулярной работы организма [1]), контраста, который и намъ

[1]) Мы не знаемъ конечно, на сколько эти термины распространены среди физіологовъ, но еслибы даже только Вундтъ и за нимъ Горвицъ признавали эти обозначенія, то отъ этого дѣло мало измѣнилось бы, ибо контрастъ самыхъ процессовъ, ими выражаемыхъ, признанъ всѣми физіологами, — вѣдь онъ же лежитъ въ основаніи и извѣстнаго противоположенія животныхъ и растительныхъ отправленій.

сослужилъ такую важную службу. Но Горвицъ, какъ мы видѣли, не въ состояніи былъ совершенно справиться съ этими понятіями и вполнѣ точно поставить вопросъ о томъ, *какой* видъ работы (позитивный или негативный) ведетъ къ удовольствію и обратно. Это заставило его искать помощи въ различныхъ другихъ болѣе отвлеченныхъ понятіяхъ, приведшихъ его въ концѣ концовъ къ довольно туманнымъ формуламъ для выраженія условій первоначальныхъ чувствованій. Главною причиною всѣхъ блужданій Горвица было, какъ мы уже замѣтили выше, предположеніе *цѣльности* явленія удовольствія. Онъ допускалъ дробленіе явленій страданія, неудовольствія, въ виду неоспоримаго факта, что страданіе сопровождаетъ какъ недостатокъ дѣятельности нерва, т. е. преобладаніе отрицательной молекулярной работы надъ положительной, такъ и избытокъ ея, т. е. перевѣсъ положительной работы надъ отрицательною. Но, какъ и Спенсеру, ему не пришло въ голову, что и удовольствіе представляетъ такой же *двоякій* характеръ, допускаетъ такое же дробленіе. Выходя изъ общаго понятія «равновѣсія», онъ какъ бы предполагаетъ *одинъ* только путь приближенія къ этому послѣднему. Можетъ быть, еслибы онъ внимательнѣе отнесся къ теоріи Дюмона о положительныхъ и отрицательныхъ чувствованіяхъ, онъ бы измѣнилъ свой взглядъ; но понятіе «положительныхъ и отрицательныхъ» чувствованій было ему извѣстно только съ точки зрѣнія Вундта, который отождествлялъ контрастъ этихъ послѣднихъ съ контрастомъ удовольствія и страданія вообще. Отвергнувъ эту точку зрѣнія, Горвицъ уже къ этимъ понятіямъ болѣе не возвращается, пренебрегая вѣроятно съ высоты своей нѣмецкой учености популярной книжкой французскаго философа. Все это и привело къ тому, что, вступивъ сначала на правильную дорогу, Горвицъ, дойдя до новаго перекрестка, выбралъ такой путь, который не приблизилъ, а отдалилъ его отъ избранной цѣли.

Признаніе контраста двухъ формъ удовольствія и двухъ формъ страданія давно было подготовлено. Уже у Локка мы нашли первые намеки на такое противоположеніе; Гамильтонъ употреблялъ уже и самые термины отрицательныхъ и положительныхъ удовольствій и страданій, и потому можетъ считаться первымъ прямымъ предшественникомъ современныхъ психологовъ — Спенсера, который дѣлитъ страданія на положительныя и отрицательныя, и Дюмона, который предлагаетъ такое-же подраздѣленіе удовольствій. Впрочемъ, и помимо этихъ писателей, всего яснѣе выразившихся, нѣтъ почти ни одного новаго психолога, у котораго бы нельзя было открыть болѣе или менѣе явныхъ указаній или хоть намековъ на упомянутый контрастъ, если только отвлечься отъ самыхъ терминовъ и смотрѣть на сущность дѣла. Обозначеніе однако служитъ несомнѣннымъ

признакомъ болѣе раздѣльнаго пониманія, и Дюмонъ, стремящійся какъ можно болѣе расширить употребленіе означенныхъ названій, первый положилъ *научное* основаніе различенію положительныхъ и отрицательныхъ чувствованій. Къ сожалѣнію, онъ допустилъ уже извѣстную читателю ошибку въ опредѣленіи отрицательнаго страданія и это помѣшало ему пріобрѣсти вѣрное понятіе объ отношеніи и преемствѣ четырехъ первоначальныхъ формъ чувствительности и о роли ихъ въ общемъ психическомъ процессѣ. Кромѣ того, онъ не поставилъ своего опредѣленія условій чувствительности въ достаточную связь съ физіологическимъ ученіемъ объ отправленіяхъ организма, и отсюда объясняется допускаемое имъ злоупотребленіе неопредѣленными понятіями «увеличенія» и «уменьшенія» силъ организма.

Стало быть, и тѣ результаты, къ которымъ насъ привела настоящая глава, не вполнѣ новы и оригинальны. Мы только пытались воспользоваться всѣми дѣльными обобщеніями своихъ предшественниковъ, чтобы изъ взаимнаго ихъ сочетанія и при помощи неизбѣжно связанныхъ съ такимъ сочетаніемъ поправокъ и дополненій, создать полную и точно формулированную теорію въ той области, гдѣ до сихъ поръ почти исключительно приходилось имѣть дѣло съ отдѣльными остроумными обобщеніями, проливавшими лишь неполный свѣтъ на природу изслѣдуемыхъ процессовъ и потому никогда не удовлетворявшими новыхъ спеціалистовъ, принимавшихся за изслѣдованіе того же предмета.

Теперь, ознакомившись съ самымъ процессомъ и его моментами со стороны *общихъ* законовъ его развитія, перейдемъ къ вопросу о *частныхъ проявленіяхъ* этого процесса, — о ихъ количествѣ, о способѣ ихъ распредѣленія и объ отношеніи каждаго изъ нихъ къ общему и первоначальному типу, — иначе сказать, постараемся опредѣлить основы естественной *классификаціи* всѣхъ видовъ первоначальныхъ чувствованій.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Основы классификаціи первоначальныхъ чувствованій.

Классификація какихъ-нибудь частей предмета или явленій, въ немъ совершающихся, можетъ быть признана *естественною* только въ томъ случаѣ, если она находится въ строгой связи съ свойствами, обнаруживаемыми цѣлымъ предметомъ, и съ общими законами его дѣятельности. Если напр. задачу науки составляетъ естественная классификація какихъ-нибудь предметовъ, входящихъ въ составъ всей природы, то, по справедливому замѣчанію Дж. Ст. Милля, «мы не можемъ правильно установить ни одного класса безъ отношенія къ общему дѣленію цѣлой природы; не можемъ опредѣлить группу, въ которую приличнѣе всего можно помѣстить данный предметъ безъ соображенія всѣхъ различій между существующими предметами,—по крайней мѣрѣ всѣми, представляющими какую-либо степень сходства съ даннымъ предметомъ». «Ни одно семейство растеній или животныхъ, продолжаетъ Милль, не можетъ быть разумно установлено, если не признавать его частью систематическаго распорядка всѣхъ растеній или животныхъ; а такой общій порядокъ не можетъ быть правильно установленъ безъ предварительнаго точнаго опредѣленія мѣста, занимаемаго растеніями и животными въ какомъ-либо общемъ дѣленіи природы (Сист. Лог. II, 258 — 259)».

Эти соображенія въ частности должны быть примѣнены и къ распредѣленію психическихъ явленій какого бы то ни было класса, если желаешь, чтобы оно было естественно. Распредѣленіе *психическихъ* явленій должно непремѣнно вытекать изъ общихъ свойствъ организма и общихъ законовъ его дѣятельности, а потому должно быть поставлено въ связь съ общимъ дѣленіемъ всѣхъ его отправленій. Къ сожалѣнію, такой принципъ еще ни разу не былъ примѣненъ во всей своей широтѣ къ классификаціи чувствованій.

До времени Спинозы классификація чувствованій большею частью была лишь простымъ перечнемъ *названій*, употреблявшихся въ обыденной рѣчи, и въ этотъ перечень вносился нѣкоторый порядокъ только въ той мѣрѣ, какая нужна была для болѣе легкаго оріентированья среди этихъ названій. Руководящими принципами такого приведенія въ порядокъ всѣхъ обычныхъ наименованій были большею частью нравственныя различенія ступеней совершенства души, и отсюда вытекало обычное дѣленіе чувствованій на высшія и низшія, связанныя съ желательнымъ и съ страстнымъ началомъ. Декартъ первый возсталъ противъ такого дѣленія, но онъ еще болѣе другихъ писателей превратилъ свою классификацію въ простой распорядокъ названій, ибо поставилъ опредѣленія послѣднихъ даже въ основаніе своихъ выводовъ о *числѣ* примитивныхъ чувствованій. Спиноза первый понялъ, что имена чувствованій образовались болѣе изъ вульгарнаго употребленія, чѣмъ путемъ глубокаго анализа, что возможны не только волненія, не имѣющія спеціальныхъ названій, но что и существующія имена не всегда употребляются въ томъ смыслѣ, въ какомъ должно. Поэтому онъ обратилъ особенное вниманіе на принципы осложненія примитивныхъ чувствованій въ безконечное число производныхъ и, не обращая вниманія на обычное значеніе словъ, пытался выяснить составъ спеціальныхъ чувствъ путемъ строгаго психологическаго анализа. Но, открывъ широкую перспективу для будущаго синтеза чувствованій, Спиноза не нашелъ точныхъ критеріевъ для распредѣленія элементарныхъ явленій чувствительности, а потому настоящая классификація чувствованій и ему не была доступна и всѣ здравыя обобщенія его пропали даромъ для дальнѣйшаго развитія вопроса. Послѣ Спинозы и до настоящаго времени научные принципы классификаціи первоначальныхъ чувствованій всетаки не были открыты. Впрочемъ нѣкоторые писатели, напр. Пэлей, Шмидтъ и другіе, высказывали правильную мысль, что классификація чувствованій должна быть въ зависимости отъ распредѣленія общихъ функцій организма, т. е. общихъ проявленій жизни; но настоящаго развитія и примѣненія этой мысли мы и у нихъ не находимъ. Большинство же писателей XVIII и XIX в. продолжали классифицировать общія и спеціальныя названія чувствованій, руководствуясь при этомъ самыми разнообразными правилами. Главныхъ началъ классификаціи было три:

1) Или чувствованія по прежнему распредѣлялись по ступенямъ совершенствованія души.

2) Или ихъ распредѣленіе основывалось на разнообразіи объектовъ, на которые они направлены.

3) Или оно вытекало изъ разнообразія источниковъ чувствованій, а иногда условій ихъ образованія.

Первый и второй пріемы впрочемъ употреблялись относительно немногими писателями[1]), въ нашемъ вѣкѣ они даже почти совсѣмъ были оставлены, ибо противорѣчили новымъ ученіямъ объ удовольствіи и страданіи. Но третій пріемъ, въ основаніи своемъ впрочемъ совершенно правильный, прилагался въ самыхъ различныхъ, хотя къ сожалѣнію почти всегда неудачныхъ, направленіяхъ. Всего чаще источниками чувствованій считались различныя способности или силы души: ощущеніе, умъ, сердце (школа Зульцера, Мантегацца), ощущеніе и воображеніе (Кантъ), или наконецъ другія какія-нибудь способности души (ср. Булье); иногда также — вообще душа и тѣло (и оба вмѣстѣ), какъ двѣ раздѣльныя половины цѣлаго человѣка (Бонне, Маасъ, Гамильтонъ). Наконецъ случалось (напр. въ школѣ Гербарта и у нѣкоторыхъ англичанъ), что разнообразіе чувствованій сводилось къ разнообразію представленій или идей, съ которыми они связаны (Карпентеръ, Маудсли). Всѣ эти точки зрѣнія теперь отжили свой вѣкъ, ибо ученіе о способностяхъ или силахъ души оставлено, контрастъ тѣла и души для эмпирической науки значительно смягчился, наконецъ идеи и представленія перестали признаваться первоначальными явленіями сознанія, объясняющими дифференціацію всѣхъ другихъ психическихъ феноменовъ. Поэтому многіе современные спеціалисты усердно стали искать новыхъ началъ для классификаціи чувствованій; но, не находя таковыхъ, они часто просто игнорируютъ всякіе строго-научные принципы и de facto возвращаются къ старому пріему «удобнѣйшаго распорядка названій» (Бэнъ). Между тѣмъ нѣтъ ничего легче, какъ найти вѣрный и естественный *принципъ* классификаціи чувствованій. Для этого даже нѣтъ надобности отступать отъ древняго принципа, что распредѣленіе чувствованій должно основываться на различіи ихъ *источниковъ*; необходимо только правильно и по возможности просто понимать характеръ этихъ «источниковъ». Уже у Аристотеля мы встрѣтили мысль, что удовольствій и страданій столько же, сколько ощущеній, — а такъ какъ ощущеніе есть сознаніе какой-нибудь энергіи организма, то каждой энергіи или дѣятельности или *отправленію* послѣдняго долженъ соотвѣтствовать особый видъ удовольствій и особый видъ страданій. Мы уже ска-

[1]) Первый пріемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія практиковался Гертлеемъ, Ридомъ и въ особенности нѣмецкими писателями, воротившимися къ старому различенію въ человѣкѣ животной и собственно-человѣческой природы (Бендавидъ, Веберъ и др.). Второй пріемъ практиковался еще Вольфомъ и Юмомъ, но въ новое время онъ былъ принятъ только среди нѣмецкихъ писателей, различавшихъ чувственный и сверхчувственный міры, какъ двѣ различныя сферы, на которыя направлена дѣятельность души (Кругъ, школа Якоби). Особой точки зрѣнія держались Броунъ и Миллъ, разсматривавшіе объекты чувствованій не столько со стороны содержанія, сколько по отношенію къ степени ихъ непосредственности.

зали въ свое время, что этотъ принципъ составляетъ самую эмпирическую основу для классификаціи первоначальныхъ чувствованій, и теперь намѣрены только болѣе подробно развить эту мысль. Что непосредственными «источниками» чувствованій удовольствія и страданія служатъ ощущенія, это уже не подлежитъ сомнѣнію послѣ сдѣланнаго нами анализа психическаго оборота въ его цѣломъ. Но затѣмъ мы убѣдились также съ одной стороны, что ощущенія составляютъ только прямое отраженіе въ сознаніи тѣхъ или другихъ *отправленій организма*, съ другой стороны, что внутренній смыслъ всѣхъ психическихъ актовъ заключается въ роли ихъ при регулированіи различныхъ процессовъ взаимодѣйствія съ окружающей средою,—процессовъ обмѣна веществъ и обмѣна силъ. Изъ этого вытекаетъ съ полною очевидностью, что классификація первоначальныхъ чувствованій должна быть въ связи съ классификаціей ощущеній и что затѣмъ какъ классификація чувствованій, такъ и классификація ощущеній, должны быть въ прямой зависимости отъ классификаціи всѣхъ отправленій организма, *сколько-нибудь* доступныхъ контролю сознанія, какими должно признать почти всѣ отправленія организма. Стало быть, необходимо только сдѣлать правильное распредѣленіе главныхъ группъ отправленій организма, и основы для классификаціи первоначальныхъ чувствованій съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ найдены. Къ сожалѣнію, выполненіе этой задачи представляетъ еще въ наше время непреодолимыя трудности. Найти естественную классификацію отправленій организма конечно есть дѣло физіологіи, а не психологіи, но физіологія еще не выработала такого распредѣленія, которое можно было бы назвать «естественною системою» отправленій организма: обычная физіологическая классификація послѣднихъ имѣетъ грубо-эмпирическій характеръ, — основанія ея лежатъ въ анатоміи организма, анатомія же далеко еще не выполнила всѣхъ своихъ задачъ. Естественная классификація отправленій организма вообще и человѣческаго въ частности тогда только сдѣлается возможною, когда физіологія вполнѣ выяснитъ взаимную связь и законы соотношенія всѣхъ возможныхъ единичныхъ дѣйствій сложныхъ и разнообразныхъ по устройству механическихъ аппаратовъ, называемыхъ организмами. Когда это удастся ей, то она тѣмъ самымъ освободится отъ вліянія анатоміи и въ свою очередь подчинитъ себѣ послѣднюю, ибо въ каждомъ отдѣлѣ знаній динамика въ концѣ концовъ должна восторжествовать надъ статикой и диктовать послѣдней законы, а не наоборотъ. Подобно тому какъ распредѣленіе и изслѣдованіе строенія небесныхъ свѣтилъ понемногу подчинилось ученію о законахъ и видахъ движенія послѣднихъ, такъ и распредѣленіе и дальнѣйшее изслѣдованіе частей животнаго организма въ свое время подчинится распредѣленію его отправленій и ученію объ общихъ законахъ

его дѣятельности. Но до этого торжества физіологіи еще далеко, и потому психологъ, ищущій основаній для естественной классификаціи чувствованій, поневолѣ недоумѣваетъ, чѣмъ ему руководствоваться при распредѣленіи отправленій организма. Онъ обязанъ конечно искать *такого* критерія, который бы принадлежалъ къ сферѣ его компетентности, а такимъ критеріемъ, кажется намъ, только и можетъ быть *разнообразіе ощущеній*, доступныхъ нашему самосознанію. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы распредѣлять ощущенія по отправленіямъ, психологъ пока принужденъ наоборотъ классифицировать отправленія по ощущеніямъ. Подобный пріемъ разумѣется не можетъ быть безошибоченъ, но къ сожалѣнію онъ одинъ только пока и возможенъ. Попытаемся же, при помощи сдѣланнаго нами выше распредѣленія ощущеній, выяснить главныя группы отправленій организма, съ тѣмъ чтобы потомъ, на основаніи *примѣрной* группировки послѣднихъ, сдѣлать примѣрную группировку первоначальныхъ чувствованій, долженствующую служить повѣркою приложимости принципа классификаціи чувствованій «въ связи съ отправленіями организма». Принципъ этотъ можно будетъ признать вѣрнымъ, если только онъ окажется примѣнимымъ ко всѣмъ доступнымъ, при избранномъ критеріи, случаямъ: если нѣкоторыя отправленія и будутъ нами позабыты или опущены, то и тогда его правильность можетъ быть поколеблена лишь въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что именно по отношенію къ этимъ позабытымъ отправленіямъ онъ невѣренъ.

Распредѣленіе внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній, связанныхъ съ обмѣномъ веществъ, какъ можно видѣть изъ упомянутой классификаціи ощущеній, ведетъ къ различенію слѣдующихъ главныхъ группъ *растительныхъ* отправленій организма, доступныхъ въ различной мѣрѣ контролю сознанія: 1) кровообращеніе, 2) дыханіе, 3) пищевареніе, 4) воспроизведеніе и вообще выдѣленіе. Подобное же распредѣленіе ощущеній, связанныхъ съ обмѣномъ силъ, приводитъ къ дѣленію *животныхъ* отправленій также на четыре главныя группы: 1) движеніе, 2) воспріятіе, 3) субъективная дѣятельность сознанія, 4) объективная или познавательная дѣятельность его. Предположимъ, что эти восемь названій дѣйствительно правильно выражаютъ главныя отправленія организма: тогда первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія должно быть тоже восемь главныхъ классовъ. Необходимо только точнѣе опредѣлить содержаніе каждаго изъ нихъ. Послѣ всего сказаннаго нами въ предыдущей главѣ, это спеціальное содержаніе уже до извѣстной степени знакомо намъ. Въ каждой группѣ чувствованій должны быть четыре момента — отрицательныхъ и положительныхъ удовольствій и страданій. Примѣнить различеніе этихъ послѣднихъ къ классификаціи чувствованій уже пробовалъ Дюмонъ; но такъ какъ онъ не имѣлъ

прочнаго критерія для распредѣленія *спеціальныхъ* классовъ удовольствія и страданія и такъ какъ онъ еще не видѣлъ въ четырехъ общихъ формахъ чувствительности, имъ признаваемыхъ, моментовъ одного *непрерывнаго* процесса, то это примѣненіе было сдѣлано имъ въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ слѣдовало: вмѣсто того чтобы воспользоваться теоріею общихъ формъ чувствительности для раскрытія содержанія каждаго спеціальнаго класса чувствованій, онъ наоборотъ поставилъ это общее различеніе *формъ* во главѣ всѣхъ спеціальныхъ распредѣленій и такимъ образомъ разобщилъ другъ отъ друга всѣ родственныя чувствованія, т. е. такія, которыя связаны съ одними и тѣми же отправленіями организма. Этотъ неправильный пріемъ подчиненія мы и намѣрены замѣнить болѣе правильнымъ и плодотворнымъ, для чего и необходимо было прежде всего найти критерій для дѣленія всѣхъ чувствованій на *спеціальные* классы.

Разграниченіе моментовъ въ развитіи каждой группы чувствованій ведетъ къ различенію въ восьми главныхъ классахъ послѣднихъ тридцати двухъ спеціальныхъ чувствованій. Но затѣмъ, въ виду зависимости чувствованій отъ ощущеній, остается еще вопросъ, не слѣдуетъ-ли удвоить это количество первоначальныхъ чувствованій въ виду того, что каждой группѣ отправленій организма соотвѣтствуетъ одинъ классъ внѣшнихъ и одинъ классъ внутренныхъ ощущеній? Этому предположенію повидимому противорѣчитъ признанный нами фактъ, что *отрицательныя* удовольствія и страданія по преимуществу соотвѣтствуютъ внутреннимъ ощущеніямъ, *положительныя,* напротивъ,—по преимуществу внѣшнимъ ощущеніямъ параллельной категоріи. Однако мы не даромъ употребляли выше ограничительное выраженіе «по преимуществу»: нельзя всетаки отвергать, что отрицательныя страданія и удовольствія могутъ сопровождать и внѣшнія ощущенія въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія слишкомъ слабы (отриц. страд.) или когда, напротивъ, они перестаютъ быть слишкомъ сильными (отриц. удов.). Платонъ и Аристотель совершенно независимо другъ отъ друга (ср. выше стр. 151, прим. 4) утверждали, что лишеніе зрительныхъ, слуховыхъ и другихъ внѣшнихъ ощущеній не сопровождается страданіемъ, но это утвержденіе имѣетъ лишь относительную вѣрность. Несомнѣнно, что отсутствіе объектовъ, связанныхъ съ внѣшнимъ «созерцаніемъ» не такъ тягостно, какъ отсутствіе объектовъ, необходимыхъ для поддержанія прочихъ жизненныхъ отправленій, но всетаки нельзя не признать, вмѣстѣ съ Горвицемъ, что возможенъ особаго рода голодъ въ отношеніи къ свѣтовымъ впечатлѣніямъ (Lichthunger); точно также нѣкоторые люди несомнѣнно способны ощущать неудовольствіе при отсутствіи привычныхъ имъ вкусовыхъ раздраженій и привычныхъ ароматовъ; наконецъ музыканты могутъ испытывать осо-

бый голодъ въ отношеніи къ звуковымъ впечатлѣніямъ. Впрочемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ чувствованія имѣютъ уже вторичное происхожденіе, источникомъ ихъ является привычка; однако и на первоначальной ступени развитія можно предположить слабое подобіе всѣхъ этихъ чувствованій, такъ какъ *недостаточное* раздраженіе чувствующихъ поверхностей всегда непріятно[1]). Чувство облегченія въ органахъ, сопровождающее прекращеніе слишкомъ сильныхъ и вообще ненормальныхъ раздраженій, также очень хорошо извѣстно каждому и распространяться о немъ излишне. — Положительныя удовольствія и страданія, обратно, возможны не только въ области внѣшнихъ ощущеній, но и въ связи съ внутренними ощущеніями, хотя и въ болѣе слабой степени. Положительныя удовольствія, ощущаемыя при правильно совершающемся пищевареніи, при полнотѣ дыханія въ хорошей атмосферѣ, при правильномъ кровообращеніи и нормальныхъ выдѣленіяхъ, при своевременномъ движеніи и умѣренной интеллектуальной работѣ, каждому извѣстны по опыту. Но еще въ большей мѣрѣ извѣстны тягостныя чувства утомленія и даже боли, слѣдующія за слишкомъ интенсивною напряженностью каждаго изъ этихъ отправленій. Такимъ образомъ несомнѣнно, что чувствительность, сопровождающая правильное развитіе каждаго общаго отправленія организма, можетъ содержать въ себѣ до восьми раздѣльныхъ элементовъ и что число всѣхъ элементарныхъ чувствованій, сопровождающихъ главныя отправленія, можетъ доходить до шестидесяти четырехъ, хотя конечно интенсивность и повторяемость этихъ чувствованій на дѣлѣ весьма неравномѣрны. — Нечего и говорить, что, имѣя въ виду удовольствія и страданія, сопровождающія одни только *главныя* отправленія организма, мы отнюдь не намѣрены утверждать, что упомянутыя 64 спеціальныя чувствованія суть единственно возможныя и во всѣхъ случаяхъ самыя простыя и уже неразложимыя на новые элементы. Напротивъ, если обратить вниманіе на различныя побочныя отправленія организма и на составные элементы упомянутыхъ главныхъ отправленій, можно найти еще множество частныхъ видовъ удовольствій и страданій какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Но такъ какъ мы не имѣемъ надобности въ абсолютно-полномъ и непогрѣшимомъ перечнѣ элементарныхъ чувствованій и даже, при современномъ состояніи психологическаго и физіологическаго анализовъ,

---

[1]) Нѣкоторые физіологи считаютъ послѣдствіемъ такого недостаточнаго раздраженія внѣшнихъ органовъ чувствъ особыя чувствованія щекотанія и зуда Тамъ, гдѣ сильное раздраженіе произвело бы боль, говоритъ Рише (Rech. s. la sensib., p. 324—325), раздраженіе слабое и поверхностное производитъ щекотаніе и зудъ Поэтому эти чувствованія онъ называетъ un diminutif de la douleur, une sorte de douleur incomplète.

не могли бы вовсе достигнуть такой полноты и непогрѣшимости, если бы и хотѣли, то мы и приступимъ теперь же къ примѣрной классификаціи упомянутыхъ шестидесяти четырехъ спеціальныхъ чувствованій первичнаго типа, имѣя въ виду этою классификаціею доказать только то, что выработанные нами выше общія *основы* распредѣленія первоначальныхъ чувствованій вполнѣ удобно приложимы къ дѣйствительности. Порядокъ нашей примѣрной классификаціи будетъ совершенно соотвѣтствовать порядку предшествующей классификаціи ощущеній; въ двухъ параллельныхъ столбцахъ мы будемъ называть: въ первомъ — моменты чувствительности, соотвѣтствующіе внутреннимъ ощущеніямъ, во второмъ — параллельные моменты, соотвѣтствующіе внѣшнимъ ощущеніямъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о самомъ обозначеніи первоначальныхъ чувствованій. Спеціальныхъ терминовъ для этого обозначенія не существуетъ, какъ ихъ не существуетъ даже для выраженія первичныхъ осложненій чувствительности (см. гл. XIII). Языкъ возникаетъ уже въ то время, когда чувствованія достигли вторичной и еще большихъ степеней сложности и когда съ другой стороны первоначальныя чувствованія уже прочно связались съ соотвѣтствующими ощущеніями. Поэтому разнообразіе спеціальныхъ чувствованій можно выразить только *описательными* формулами при помощи терминовъ—«пріятное ощущеніе» и «непріятное ощущеніе», съ указаніемъ всякій разъ на объекты послѣднихъ. Но, для краткости и наглядности классификаціи, будетъ еще удобнѣе пользоваться сокращенными знаками $\mp$ страд., $\pm$ удов., рядомъ съ которыми, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должно стоять указаніе, *при какихъ ощущеніяхъ* возникаютъ чувствованія $\pm$ удовольствія и страданія, связанныя съ тѣмъ или другимъ процессомъ. Этотъ *описательный* пріемъ только и возможенъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ спеціальныя различія *первоначальныхъ* чувствованій исключительно зависятъ отъ различнаго характера соотвѣтствующихъ ощущеній и такъ какъ феномены чувствительности только на высшихъ ступеняхъ развитія освобождаются отъ этого непосредственнаго вліянія ощущеній.

I. Чувствованія, связанныя съ процессомъ кровообращенія, возникаютъ:

—	Страд. При ощущеніи замедленнаго кровообращенія, застоя крови.	При ощущеніи холода.
+	Удов. При ощущеніи правильнаго кровообращенія.	При ощущеніи тепла.

+ Страд. При ощ. слишкомъ напряженнаго и быстраго кровообращенія (чувствов. жажды?)	При ощ. чрезмѣрнаго жара.
— Удов. При ощ. возстановленнаго кровообращенія.	При ощ. внѣшней прохлады.

II. Чувствованія, связ. съ проц. дыханія, возникаютъ:

— Страд. При ощ. недостаточнаго дыханія, стѣсненія груди.	(При очень слабыхъ ощ. въ орг. обоняніе, возбуждающихъ только щекотаніе?)
+ Удов. При ощ. полноты дыханія.	При ощ. ароматовъ.
+ Страд. При ощ. напряженнаго дыханія, удушья.	При ощ. тяжелыхъ ароматовъ и запаховъ.
— Удов. При ощ. возстановленнаго дыханія.	(При ощ. облегченія въ орг. по прекращеніи тяжелыхъ запаховъ).

III. Чувствованія, связ. съ проц. пищеваренія, возникаютъ:

— Страд. При ощ. голода, недостатка пищеваренія.	(При очень слабыхъ ощ. въ орг. вкуса, возбуждающихъ только щекотаніе).
+ Удов. При ощ. удовлетвореннаго голода, насыщенія.	При ощ. пріятныхъ вкусовъ (сладкаго и т. д.).
+ Страд. При ощ. напряженнаго пищеваренія, пресыщенія (чувствов. тошноты).	При ощ. непріятныхъ, противныхъ вкусовъ.
— Удов. При ощ. возстановленнаго пищеваренія.	(При ощ. облегченія въ орг. по удаленіи предметовъ, имѣющихъ непріятный вкусъ).

IV. Чувствованія, связ. съ проц. выдѣленія, возникаютъ:

— Страд. При ощ. недостаточнаго выдѣленія (и оплодотворенія).	При очень слабомъ возбужденіи наружныхъ мочеполовыхъ органовъ.
+ Удов. При ощ. удовлетворенной потребности выдѣленія (и оплодотворенія).	При ощущеніяхъ, сопровождающихъ правильное возбужденіе наружныхъ мочеполовыхъ органовъ.
+ Страд. При ощ. слишкомъ напряженныхъ выдѣленій.	При чрезмѣрномъ возбужденіи тѣхъ же органовъ.

— Удов. При ощ. возстановленной гармоніи въ органахъ выдѣленія.	(При ощ. облегченія въ орг. по возстановленіи ихъ энергіи).

V. Чувствованія, связ. съ проц. воспріятія, возникаютъ:

— Страд. При ощ. недостаточной дѣятельности чувствительныхъ аппаратовъ.	(При ощ. недостатка мышечной иннерваціи).
+ Удов. При ощ. правильной дѣятельности чувствительныхъ аппаратовъ.	При мускульныхъ ощущеніяхъ, сопровожд. воспріятіе (наслажденіе формами, рельефами предметовъ, перспективой и т. д.).
+ Страд. При ощ. болѣзненнаго напряженія чувствительныхъ аппаратовъ.	При напряженныхъ мускульныхъ ощущеніяхъ.
— Удов. При ощ. возстановленной гармоніи въ чувствительныхъ аппаратахъ.	(При ощ. облегченія въ орг. по прекращеніи напряженной мускульной иннерваціи).

VI. Чувствованія, связ. съ проц. движенія, дѣятельности, возникаютъ:

— Страд. При ощ. насильственнаго покоя.	При очень слабыхъ ощ. въ орг. осязанія, возбуждающихъ только щекотаніе кожи.
+ Удов. При ощ. умѣреннаго и своевременнаго движенія.	При нормальныхъ осязательныхъ ощущеніяхъ.
+ Страд. При ощ. чрезмѣрнаго движенія, мышечнаго напряженія.	При ощ. сильнаго давленія или же дѣйствія колючихъ, шероховатыхъ предметовъ.
— Удов. При ощ., сопровождающихъ отдыхъ отъ движенія.	(При ощ. облегченія въ орг. по прекращеніи непріятныхъ прикосновеній).

VII. Чувствованія, связ. съ субъективными процессами сознанія, возникаютъ:

— Страд. При ощ. недостатка волненій, внутреннихъ возбужденій.	(При ощ. недостатка слуховыхъ воспріятій).
+ Удов. При ощ. нормальнаго внутренняго возбужденія.	При гармоническихъ музыкальныхъ ощущеніяхъ.
+ Страд. При ощ. напряженнаго волненія или возбужденія.	При ощущеніи дисгармоніи слуховыхъ впечатлѣній.
— Удов. При ощ. улегшихся волненій.	(При ощ. облегченія въ орг. по прекращеніи дисгармоніи).

VIII. Чувствованія, связ. съ объективными или познавательными проц. сознанія, возникаютъ:

— Страд. При ощ. насильственнаго умственнаго покоя.	(При ощ. недостатка зрительныхъ воспріятій).
+ Удов. При ощ. нормальной умственной дѣятельности.	При гармоническихъ зрительныхъ ощущеніяхъ.
+ Страд. При ощ. чрезмѣрнаго умственнаго напряженія.	При чрезмѣрныхъ или ненормальныхъ зрит. ощущеніяхъ.
— Удов. При ощ. возстановленной умственной гармоніи.	(При ощ. облегченія въ орг. по прекращеніи напряж. зрительныхъ воспріятій).

Никакихъ особенныхъ комментаріевъ къ этой классификаціи мы не считаемъ нужнымъ дѣлать. Она сама за себя говоритъ, ибо съ нею очевидно открывается широкій и неизвѣстный еще до сихъ поръ горизонтъ для анализа мельчайшихъ оттѣнковъ чувствованій удовольствія и страданія, участвующихъ потомъ въ образованіи сложныхъ чувствъ и волненій. Единственное серіозное возраженіе, которое мы можемъ ожидать по вопросу объ основахъ нашей классификаціи, касается все того же спорнаго пункта, который былъ выдвинутъ Дж. Ст. Миллемъ,—о томъ, насколько всѣ доступныя намъ положительныя страданія могутъ быть поставлены на счетъ *слишкомъ напряженнаго* возбужденія нашихъ органовъ и тканей вообще, т. е. насколько качественно-болѣзненныя ощущенія могутъ быть разсматриваемы всегда какъ послѣдствія количественно-несоотвѣтственныхъ, а именно слишкомъ интенсивныхъ или продолжительныхъ раздраженій. Мы уже представили въ свое время (см. выше стр. 349—351) всѣ возраженія на критику Милля, какія могутъ быть сдѣланы съ точки зрѣнія современной науки. Теперь намъ приходитъ въ голову только еще одно соображеніе, не безполезное въ виду бѣдности данныхъ для рѣшенія вопроса.

Мы видѣли, что только въ области вкуса, обонянія и отчасти въ области осязанія трудно свести качественно-болѣзненныя ощущенія къ количественно-несоразмѣрнымъ возбужденіямъ и, параллельно этому, качественно-пріятныя ощущенія къ количественно-соразмѣрнымъ возбужденіямъ. Но надо замѣтить, что и всякая физіологическая боль, имѣющая прямымъ источникомъ не чрезмѣрное возбужденіе тканей и органовъ, а какіе-нибудь другіе патологическіе процессы въ нихъ (пораненіе, внутреннее перерожденіе, разрушеніе и т. д.) подходитъ съ перваго взгляда къ схемѣ качественно-непріятныхъ ощу-

щеній, трудно сводимыхъ къ количественной несоразмѣрности раздраженій. Однако именно примѣръ физіологической боли «травматическаго» происхожденія и проливаетъ новый свѣтъ на вопросъ о примиреніи качественной точки зрѣнія съ количественною. Какъ скоро признано, что боль можетъ быть вызвана механическими или химическими агентами, разрушающими нервную ткань (ср. Richet. Rech. s. la sens., p. 319), является возможность и всѣ качественно-болѣзненныя ощущенія поставить на счетъ раздраженій, *разрушающихъ* или *могущихъ разрушить* нервную ткань соотвѣтственнаго органа. Вся разница въ томъ, что нѣкоторыя раздраженія имѣютъ такое разрушительное дѣйствіе лишь при извѣстной, болѣе или менѣе значительной величинѣ своей, другія, напротивъ, — при всякой, хотя бы и ничтожной величинѣ, если только не остановить во́-время ихъ дѣйствіе на ткани. Иначе сказать, одни раздраженія дѣйствуютъ разрушительно только при большой интенсивности, другія—и при малой интенсивности, если дѣйствіе ихъ длится извѣстный промежутокъ времени. Такъ какъ большая интенсивность раздраженій и физіологами признается тождественною малой интенсивности раздраженій, если они дѣйствуютъ постоянно и упорно (l'intensité supplée à la durée и обратно, ср. Richet, ibid. II P. Chap. III, § 5), то очевидно общимъ закономъ можно признать, что *положительныя страданія вызываются всѣми раздраженіями, разрушительно дѣйствующими на нервныя ткани — все равно, связана-ли эта разрушительность съ особенною интенсивностью этихъ раздраженій или нѣтъ*. Но этотъ законъ однако еще не вполнѣ разъясняетъ вопросъ: можно предположить, пожалуй, что нѣкоторыя раздраженія, разрушительно дѣйствующія на наши ткани на всѣхъ ступеняхъ своей интенсивности, дѣйствуютъ такъ всетаки лишь въ силу своихъ *качественныхъ* особенностей, и продолжительность дѣйствія нужна, можетъ быть, только для полнаго обнаруженія этихъ качественныхъ особенностей. Однако и это возраженіе легко уступаетъ критикѣ. Дѣло въ томъ, что если уже есть раздраженія, *постоянно* и *при всякой интенсивности* клонящіяся къ разрушенію нервныхъ тканей, то эти раздраженія, по самому несоотвѣтствію своему съ обычными условіями дѣятельности нашихъ органовъ, должны вызывать въ послѣднихъ болѣе значительную (уже вслѣдствіе своей необычности) *реакцію*, чѣмъ къ какой данные органы привыкли, и эта болѣе значительная реакція естественно эквивалентна той болѣе напряженной реакціи, которая въ другихъ случаяхъ вызывается чрезмѣрною интенсивностью *обычныхъ* раздраженій. Точно такъ же можно провести параллель между умѣренною, соотвѣтствующею организаціи тканей, реакціею, вызываемою обычными раздраженіями нормальной интенсивности, и всегда (на всѣхъ ступеняхъ интенсивности) нормальною реакціею, вызываемою

извѣстными качественно-пригодными раздражителями (пріятные ароматы въ противоположность тяжелымъ, удушливымъ запахамъ). Стало быть, все дѣло повидимому сводится къ тому, что есть *внѣшніе раздражители двоякаго рода*, изъ которыхъ одни *постоянно*, другіе только *при извѣстной интенсивности* дѣйствуютъ разрушительно на организмъ или его части, вслѣдствіе чего первые въ отличіе отъ послѣднихъ и называются *качественно-вредными или полезными для организма раздражителями*. Но это различіе раздражителей, такъ сказать, только *внѣшнее*, — внутреннее дѣйствіе ихъ, внутреннія измѣненія, ими вызываемыя, имѣютъ одинаковый характеръ и притомъ оцѣнка этихъ измѣненій всегда *количественна*, ибо критеріемъ ея служитъ *величина реакціи органовъ на впечатлѣнія*, *напряженность ихъ внутренняго возбужденія*, какой бы источникъ эта напряженность ни имѣла. Вотъ, кажется намъ, единственное, вполнѣ разумное опроверженіе тѣхъ возраженій противъ количественной природы удовольствія и страданія, которыя были сдѣланы Миллемъ. Будемъ надѣяться, что изложенная гипотеза найдетъ себѣ подтвержденіе и со стороны Физіологіи.

Теперь перейдемъ къ изложенію основъ *синтеза* чувствованій и прежде всего къ разбору *законовъ осложненія* примитивныхъ состояній удовольствія и страданія.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Законы осложненія чувствованій.

Законы осложненія и развитія чувствованій естественно должны быть тѣ же самые, какъ законы осложненія и развитія ощущеній. Вообще, въ виду указанной нами тѣсной связи всѣхъ психическихъ явленій, какъ составныхъ частей общихъ психическихъ оборотовъ, не подлежитъ сомнѣнію, что развитіе всѣхъ психическихъ явленій должно быть подчинено однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ законамъ. Болѣе того, при открытой въ наше время тѣсной зависимости между психическими и физическими явленіями въ организмѣ, весьма вѣроятнымъ представляется даже предположеніе, что развитіе психическихъ явленій въ совокупности слѣдуетъ по тому же общему пути, по которому слѣдуетъ развитіе и всѣхъ прочихъ явленій въ органической жизни. Это предположеніе становится еще болѣе правдоподобнымъ съ тѣхъ поръ, какъ въ наукѣ стали являться удачныя попытки сближенія между условіями осложненія психическихъ и физическихъ явленій. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на остроумную гипотезу Геринга, что *память* есть общая функція организованной матеріи (ср. E. Hering. Ueb. d. Gedächtniss, als eine allgem. Function d. organisirten Materie. Wien, 1876). Пока конечно опыты, подобные только что указанному, еще довольно рѣдки и изолированы, но не трудно понять, какую богатую перспективу въ будущемъ открываютъ дальнѣйшія изслѣдованія физіологовъ и психологовъ въ томъ же направленіи. Слѣдовательно, приступая къ разсмотрѣнію законовъ развитія чувствованій, мы должны ознакомиться вообще съ законами развитія психическихъ явленій и не упускать при этомъ изъ виду общихъ принциповъ развитія явленій органической жизни.

Законы и принципы развитія психическихъ явленій далеко еще не выяснены съ должною полнотою и обстоятельностью. До сихъ поръ въ психологическихъ сочиненіяхъ даже и не принято было говорить особо о «законахъ

развитія» психическихъ явленій. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы по этому вопросу ничего не было сдѣлано. Съ древнѣйшаго времени психологи обратили вниманіе на законъ слѣдовъ или памяти, и съ тѣхъ поръ изслѣдованіе условій памяти и ея проявленій никогда не прекращалось. Затѣмъ уже Платонъ и Аристотель говорятъ объ условіяхъ воспроизведенія феноменовъ сознанія (по ассоціаціи). Спиноза, какъ мы видѣли, пытался даже облечь законы сочетанія идей въ опредѣленныя и точныя формулы. Юмъ окончательно утвердилъ и направилъ изслѣдованіе законовъ «ассоціаціи» и съ тѣхъ поръ теорія ассоціаціи такъ же непрерывно развивалась, какъ и теорія памяти. Къ сожалѣнію, почти до послѣдняго времени законы какъ памяти, такъ и ассоціаціи разбирались почти исключительно въ связи съ умственными и познавательными процессами и въ отдѣлѣ о послѣднихъ. Принципъ Джемса Милля, что «память невозможна внѣ идеи», т. е. внѣ представленія (Anal. of the phen. of the h. m. I, p. 320), и въ наше время еще отчасти остается въ своей силѣ. Бэнъ, напр., по прежнему изслѣдуетъ память и ассоціацію въ отдѣлѣ объ умѣ, хотя и не отрицаетъ, что рядомъ съ идеями и чувства, и феномены воли подчинены этимъ началамъ. Только Спенсеръ и Карпентеръ, изъ новѣйшихъ англійскихъ психологовъ, даютъ анализу памяти болѣе самостоятельное мѣсто въ своихъ сочиненіяхъ по психологіи. Но и эти ученые склоняются къ признанію памяти въ настоящемъ значеніи этого слова за процессъ, имѣющій мѣсто лишь въ области идей (ср. Spencer. Princ. of Psychol., V. I, p. 446 и 450; Carpenter. Princ. of ment. physiol., p. 431 и слѣд.). Изъ нѣмецкихъ психологовъ Бенеке первый пытался дать болѣе широкое примѣненіе закону слѣдовъ, но, къ сожалѣнію, онъ облекъ свое ученіе въ слишкомъ отвлеченную и даже нѣсколько мистическую форму. Вслѣдствіе этого упомянутый опытъ Геринга дѣйствительно былъ въ своемъ родѣ первою попыткою правильнаго обобщенія одного изъ законовъ психическаго развитія. У другихъ писателей мы находимъ большею частью только слабые намеки на необходимость болѣе широкаго пониманія такихъ процессовъ, какъ процессъ памяти (ср. Volkmann, l. c., I B., p. 463, anm. 1). Многообѣщающимъ впрочемъ является уже и то, что нѣкоторые психологи нашего времени ясно стали сознавать односторонность прежняго направленія психологическаго анализа и даже нашли ему подобающее объясненіе. Такъ Дюмонъ справедливо ищетъ причинъ недостаточнаго и неправильнаго анализа чувствованій въ томъ историческомъ фактѣ, что «феномены мысли» были изучаемы психологами ранѣе другихъ психическихъ явленій и что они одни почти и изучались до сихъ поръ, вслѣдствіе чего психологи и пріобрѣли въ своихъ анализахъ этихъ явленій привычки разсужденія, терминологіи и изложенія, которыя имъ слѣдовало перенести на феномены совершенно

другого порядка (ср. Dumont, ibid., p. 38). Въ виду всѣхъ подобныхъ соображеній, мы и рѣшаемся изслѣдовать условія осложненія чувствованій въ связи съ общими законами развитія духовныхъ явленій и всѣхъ вообще явленій въ жизни организма.

Законы психическаго развитія, по нашему мнѣнію, необходимо поставить въ связь съ двумя главными процессами — *интеграціи* и *дифференціаціи* психическихъ явленій. Эти термины мы намѣрены употреблять въ томъ значеніи, какое имъ даетъ Спенсеръ въ своихъ «Началахъ». Процессы интеграціи и дифференціаціи онъ признаетъ общими чертами развитія (прогресса) не только организмовъ, но и неорганическихъ тѣлъ. Дифференціація есть такое перераспредѣленіе матеріи и движенія, при которомъ одна дѣйствующая единица (органъ + его сила дѣйствія) распадается на нѣсколько дѣйствующихъ единицъ, въ видахъ болѣе правильнаго и гармоническаго распредѣленія общей работы. Интеграція есть, обратно, такое переустройство матеріи и движенія, при которомъ элементы одной дѣйствующей единицы тѣснѣе сплачиваются въ одно цѣлое для болѣе согласнаго выполненія какихъ-нибудь дѣйствій. Интеграція и дифференціація суть очевидно процессы, неразлучно сопровождающіе другъ друга, и трудно даже опредѣлить, какой изъ этихъ двухъ процессовъ первоначальный и предшествующій. Повидимому ни интеграція невозможна безъ предварительной дифференціаціи, ни дифференціація безъ интеграціи. Но всетаки несомнѣнно, что начало прогресса должно быть опредѣленное—одинъ изъ указанныхъ процессовъ долженъ быть первоначальнымъ, и для нашихъ цѣлей необходимо выяснить, который именно. Если внимательно вникнуть въ процессъ развитія организмовъ, то станетъ ясно, что интеграція должна всегда предшествовать дифференціаціи. Дифференціація есть только результатъ достиженія какой-нибудь органической единицею такой сложной конструкціи и такого сложнаго сплоченія силъ, т. е. такой сложной интеграціи, что дальнѣйшее сплоченіе, дальнѣйшая интеграція уже невозможна безъ вреда для успѣха дѣятельности означенной единицы. Тогда можетъ наступить двоякій феноменъ—или болѣзненный феноменъ дезинтеграціи и дезорганизаціи цѣлаго, или нормальный феноменъ дифференціаціи частей цѣлаго и раздѣленія общей работы между этими частями. Такимъ образомъ дифференціація несомнѣнно зависитъ отъ предшествующей интеграціи. Напротивъ, интеграція не всегда предполагаетъ дифференціацію. Когда совершилась послѣдняя, то дѣйствительно наступаетъ новая интеграція въ каждой отдѣльной части цѣлаго подъ вліяніемъ ея дѣйствія и приспособленія къ окружающимъ условіямъ. Но та интеграція, которая вызвала первую дифференціацію, очевидно была независима отъ послѣдней, ибо иначе была бы невозможна вообще *первая*

дифференціація. Эта независимая и первоначальная интеграція состояла въ томъ, что разрозненные и некоординированные элементы матеріи и силы, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, сплотились въ одно неразрывное цѣлое съ болѣе или менѣе цѣльнымъ и сложнымъ отправленіемъ. Стало быть, первоначальная интеграція въ сферѣ органической жизни должна совпадать съ самымъ происхожденіемъ «органическаго» элемента изъ «неорганическихъ» составныхъ частей. Когда отправленіе этого вновь образовавшагося органическаго элемента достигло нѣкоторой сложности, то необходимо явилась дифференціація, т. е. дѣленіе его на части съ нѣсколькими отдѣльными отправленіями, затѣмъ слѣдовала интеграція каждой части въ отдѣльности и всѣхъ частей въ одно цѣлое, затѣмъ новая дифференціація каждой части и т. д. Такимъ образомъ интеграція въ области органической жизни должна всегда предшествовать дифференціаціи, на одинъ шагъ опережать её, но, разумѣется, чтобы найти моментъ первой интеграціи, нужно прослѣдить развитіе каждаго организма до самыхъ первыхъ его источникомъ, отыскать предѣлъ превращенія неорганическаго вещества и движенія въ органическое вещество съ органическимъ движеніемъ. Если же поставить себѣ задачею изслѣдованіе ступеней *индивидуальнаго* развитія какой-нибудь сложной органической единицы или даже ступеней развитія какого-нибудь *вида* органическихъ единицъ съ момента появленія *этого* вида, то первый процессъ интеграціи, который придется изучать, уже будетъ имѣть основаніемъ извѣстную дифференціацію частей, предполагающую цѣлый рядъ предшествующихъ менѣе сложныхъ интеграцій и дифференціацій. Однако, съ какого бы пункта развитія органической жизни ни приходилось начинать изслѣдованіе, *первымъ* объектомъ его всетаки будетъ извѣстный процессъ интеграціи и затѣмъ уже, во вторыхъ, процессъ вызванной ею дифференціаціи. Та дифференціація, которая предшествовала появленію вида или индивидуума, въ исторіи развитія этого вида или индивидуума уже не подлежитъ анализу, а берется какъ готовое основаніе развитія, какъ начало его.

Процессы интеграціи и дифференціаціи въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ разумѣетъ біологія, суть процессы развитія вещества и силы. Но и въ области явленій *психическихъ*, явленій *сознанія*, даже если ихъ отвлечь отъ той матеріальной среды, съ отправленіями которой они такъ тѣсно связаны, законы интеграціи и дифференціаціи могутъ найти важное примѣненіе,—надо только признать, что и психическія явленія, подобно другимъ органическимъ, подлежатъ развитію, осложненію. Послѣднее несомнѣнно, несомнѣнно также и то, что возможно образованіе такихъ аггрегатовъ психическихъ явленій, въ которыхъ утрачивается самостоятельное значеніе отдѣльныхъ элементовъ, образовавшихъ цѣлое, и что эти аггрегаты, подъ вліяніемъ

разнообразія внѣшнихъ условій. могутъ распадаться на рядъ новыхъ аггрегатовъ болѣе спеціальнаго характера. Нельзя напримѣръ отрицать, что чувство любви и идея пространства суть весьма сложные и всетаки совершенно цѣльные, не легко разложимые аггрегаты, и нельзя также отрицать, что понятіе любви въ обширномъ значеніи обнимаетъ рядъ меньшихъ, но всетаки очень сложныхъ, аггрегатовъ: чувство половой любви, чувство материнской любви, чувство дружбы и проч. Изъ этихъ фактовъ уже ясно, что можно говорить объ интеграціи и дифференціаціи не только органическихъ клѣточекъ и силъ, но и психическихъ явленій и процессовъ, вообще всѣхъ элементовъ, составляющихъ въ совокупности органическую жизнь.

Нашею задачею будетъ разобрать подробнѣе процессы интеграціи и дифференціаціи *психическихъ* явленій и опредѣлить точнѣе *частныя условія* этихъ процессовъ. Такъ какъ интеграція всегда предшествуетъ дифференціаціи, то ея условіями мы и займемся прежде всего.

Интеграція есть продуктъ извѣстнаго рода соединенія, сложенія или сочетанія веществъ, силъ или явленій. Общій характеръ сочетанія психическихъ явленій давно опредѣленъ и выраженъ въ особомъ понятіи «ассоціаціи». Стало быть, интеграція психическихъ явленій предполагаетъ прежде всего ассоціацію ихъ другъ съ другомъ по тѣмъ законамъ, которые были отчасти намѣчены уже Аристотелемъ, точно выражены Юмомъ и еще болѣе полно разработаны современными англійскими психологами. Но сама ассоціація предполагаетъ еще одинъ, предшествующій ей и обусловливающій ее процессъ, а именно процессъ «закрѣпленія» психическихъ явленій въ сознаніи, безъ котораго никакое связываніе ихъ невозможно. Стало быть, законы ассоціаціи въ свою очередь подчинены законамъ «памятованія» или сохраненія слѣдовъ психическихъ явленій въ сензоріумѣ. Такъ какъ единственными условіями этого сбереженія слѣдовъ являются самые феномены воспріятія и дѣятельности сознанія, то можно по справедливости сказать, что законы памятованія суть первыя условія психическаго развитія. Прежде чѣмъ подробнѣе остановиться на законахъ *памяти*, *ассоціаціи* и слѣдующей затѣмъ *интеграціи* психическихъ явленій, разсмотримъ теперь также кратко условія ихъ *дифференціаціи*. Конечно первыми условіями послѣдней являются памятованіе, ассоціація и интеграція, но этихъ условій еще недостаточно. Для того чтобы было возможно распаденіе цѣлаго психическаго аггрегата на нѣсколько болѣе спеціальныхъ аггрегатовъ, необходима вообще возможность отдѣленія психическихъ явленій другъ отъ друга, послѣ того какъ они однажды вошли въ связь. Такой процессъ отдѣленія, разобщенія психическихъ явленій тоже давно признанъ англійскою психологическою школою и выраженъ въ общемъ терминѣ «диссоціа-

ціи». И точно также какъ ассоціація предполагаетъ память, такъ никакая диссоціація психическихъ явленій не могла бы состояться, еслибы не было возможно «забвеніе», т. е. уничтоженіе слѣдовъ психическихъ явленій въ сензоріумѣ. Такимъ образомъ законы *забвенія, диссоціаціи* и *дифференціаціи* составляютъ вторую серію условій, отъ которыхъ зависитъ возможность психическаго развитія вообще и въ частности осложненіе каждой отдѣльной группы психическихъ явленій — ощущеній столько же, сколько чувствованій, стремленій и движеній, — идей въ той же мѣрѣ, какъ чувствъ, желаній и дѣйствій.

Теперь перейдемъ къ болѣе точному опредѣленію главныхъ законовъ памятованія, забвенія, ассоціаціи, диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи психическихъ явленій. Во первыхъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о самыхъ наименованіяхъ всѣхъ этихъ процессовъ. Многіе читатели нашли бы, можетъ быть, умѣстнымъ, чтобы мы не только точно согласовали названія съ ихъ содержаніемъ, но и замѣнили иностранные термины русскими. Но мы держимся убѣжденія, что задача науки по возможности выработать единую и для всѣхъ языковъ обязательную научную терминологію, такъ какъ выработка подобной терминологіи несомнѣнно будетъ содѣйствовать обмѣну мыслей, распространенію знаній и успѣхамъ науки вообще. Во всѣхъ *точныхъ* наукахъ такая терминологія уже и выработана, и всякая попытка въ *другихъ* наукахъ выработать «національную» терминологію, по нашему мнѣнію, нелѣпа и безплодна, ибо она только отдаляетъ наступленіе того, что́ должно рано или поздно *неизбѣжно* совершиться, и тѣмъ самымъ лишь задерживаетъ развитіе науки. Наука стоитъ выше національныхъ интересовъ и «національная» наука въ настоящемъ значеніи слова, т. е. *самостоятельная* наука какого-нибудь народа, создается не изобрѣтеніемъ національныхъ терминовъ, а развитіемъ національныхъ силъ и распространеніемъ знаній въ данномъ народѣ естественнымъ путемъ ассимиляціи его идей съ идеями болѣе образованныхъ народовъ. Поэтому мы не только не намѣрены замѣнять иностранныхъ терминовъ русскими, но были бы даже расположены русскіе термины «памятованія» и «забвенія» замѣнить какими-нибудь техническими названіями классическаго корня, которыя бы могли найти общее примѣненіе въ психологіяхъ всѣхъ образованныхъ странъ, — въ родѣ напр. терминовъ *аккумуляціи* (слѣдовъ въ сензоріумѣ) и *эвакуаціи* (слѣдовъ изъ сензоріума). Но такъ какъ мы, во первыхъ, не чувствуемъ въ себѣ никакой наклонности къ изобрѣтенію новыхъ названій и такъ какъ, во вторыхъ, наши термины, еслибы даже и были хороши, конечно не были бы приняты въ иностранныхъ литературахъ, еще не признавшихъ права авторитета въ такомъ дѣлѣ за представителями русской

психологіи, то мы удержимъ для своего личнаго употребленія прежнія русскія названія въ ожиданіи, чтобы починъ изобрѣтенія недостающихъ техническихъ выраженій былъ принятъ на себя западными психологами. Къ этимъ *двумъ* русскимъ названіямъ мы впрочемъ готовы присоединить *для ясности пониманія* русскіе переводы упомянутыхъ иностранныхъ терминовъ, такъ какъ послѣдніе далеко еще не вошли во всеобщее употребленіе. Но эти переводы будутъ имѣть исключительною цѣлью «наглядность пониманія» и не помѣшаютъ намъ употреблять потомъ въ большинствѣ случаевъ, приведенныя иностранныя техническія выраженія. Термины ассоціаціи и диссоціаціи, по нашему мнѣнію, всего удобнѣе переводить словами «сообщеніе» и «разобщеніе», термины интеграціи и дифференціаціи — словами «совокупленіе» и «распаденіе». Почему эти переводы мы предпочитаемъ всѣмъ другимъ, выяснится позднѣе изъ самого опредѣленія условій соотвѣтствующихъ процессовъ.

Главные *законы* всѣхъ указанныхъ нами шести процессовъ развитія должны быть выраженіемъ главныхъ условій наступленія этихъ процессовъ. Условія эти, какъ мы увидимъ, всегда можно обобщить въ одномъ какомъ-нибудь понятіи, на столько широкомъ, чтобы оно обнимало всѣ болѣе спеціальныя условія однородныхъ процессовъ. Мы лично нашли эти понятія путемъ критики признаваемыхъ психологіей частныхъ условій памятованія, ассоціаціи и т. д. Но ихъ можно до извѣстной степени прямо вывести и изъ общаго принципа психическаго развитія или прогресса. Принципъ же психическаго развитія можно вывести изъ принципа психической жизни. Психическую жизнь, согласно указаннымъ выше соображеніямъ, можно опредѣлять какъ «взаимодѣйствіе организма съ окружающею средою съ цѣлью приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ путемъ обмѣна впечатлѣній» или, что̀ одно и тоже, какъ «взаимодѣйствіе съ окружающею средою съ цѣлью приспособленія отношеній между психическими явленіями къ отношеніямъ между раздраженіями, ихъ вызывающими». Изъ этой формулы уже ясно вытекаетъ, что принципомъ психическаго развитія служитъ «*приспособленіе* отношеній между психическими явленіями къ отношеніямъ между раздраженіями», являющееся результатомъ психическаго взаимодѣйствія организма съ окружающимъ міромъ. Но терминъ «приспособленія» однако еще не довольно опредѣленный. Въ чемъ состоитъ это приспособленіе? Мы видимъ на каждомъ шагу, что сильныя раздраженія ведутъ къ развитію въ насъ сильныхъ ощущеній, чувствованій и т. д., что смежныя раздраженія устанавливаютъ извѣстную смежность и между психическими явленіями, что послѣдовательныя раздраженія ведутъ къ установленію соотвѣтственной послѣдовательности между психическими явленіями, что сложныя отношенія раздраженій вызываютъ такія же сложныя комбинаціи пси-

хическихъ явленій и т. д. Все это убѣждаетъ насъ, что «приспособленіе отношеній психическихъ явленій къ отношеніямъ раздраженій» есть, говоря точнѣе, *«уподобленіе* или ассимиляція отношеній психическихъ явленій отношеніямъ раздраженій». Этотъ принципъ и есть общій принципъ психическаго развитія или прогресса, изъ котораго можно легко опредѣлить общее условіе каждаго частнаго момента развитія. Памятованіе есть процессъ уподобленія отношеній психическихъ явленій отношеніямъ раздраженій со стороны ихъ силы или интенсивности, ассоціація—со стороны ихъ смежности, интеграція—со стороны ихъ сложности и т. д. Но чтобы сдѣлать этотъ выводъ убѣдительнымъ, надо еще доказать, что сила есть общій принципъ устойчивости впечатлѣній, что смежность есть единственный и общій принципъ ихъ взаимной связи и проч. Это возможно всетаки лишь путемъ анализа частныхъ условій памятованія, ассоціаціи и т. д. Къ этому анализу мы и перейдемъ теперь.

Прежде всего необходимо замѣтить, что условія того или другого дѣйствія раздраженій на нашу нервную систему могутъ быть столько же *внѣшнія*, сколько и *внутреннія*. Первоначально они только внѣшнія, но, по мѣрѣ установленія внутреннихъ отношеній, имѣющихъ подобіе съ внѣшними, дѣйствіе раздраженія является продуктомъ не только чисто внѣшнихъ отношеній, но и тѣхъ внѣшнихъ отношеній, которыя уже превратились во внутреннія. Эту мысль легко пояснить примѣромъ: ребенокъ запоминаетъ извѣстный шумъ только въ томъ случаѣ, если этотъ шумъ самъ по себѣ представляетъ сильное раздраженіе; взрослый же человѣкъ можетъ запомнить и весьма слабый шумъ, если этотъ шумъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ другому, болѣе сильному шуму, слышанному прежде и сдѣлавшемуся «внутреннимъ» достояніемъ сензоріума. Такимъ образомъ, если желаешь сдѣлать обзоръ всѣхъ условій каждой формы психическаго развитія, необходимо имѣть въ виду контрастъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій того или другого дѣйствія раздраженій на нервную систему.

Главными условіями *памятованія* считаются: 1) сила раздраженія, 2) продолжительность или повтореніе его, 3) сосредоточеніе на немъ вниманія, 4) припоминаніе его по связи съ другими раздраженіями. Очевидно, что первыя два условія имѣютъ чисто внѣшній характеръ, вторыя два—внутренній. Притомъ не трудно замѣтить, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ условіемъ памятованія является достиженіе психическимъ возбужденіемъ, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ и обстоятельствъ, извѣстной *силы* развитія. Сила эта можетъ имѣть *единовременный* характеръ (какъ въ 1 и 3 случаяхъ) или она можетъ зависѣть отъ продолжительности и повторенія раздраженія и возбужденія (2 и 4 случаи), т. е. можетъ быть

разновременнаго образованія, если такъ можно выразиться,—но во всякомъ случаѣ, только подъ условіемъ внезапной или постепенно образовавшейся *силы* внутренняго возбужденія, послѣднее можетъ оставить въ нервной системѣ прочный слѣдъ. Такимъ образомъ условія памятованія суть: *внѣшняя сила раздраженій или внутренняя сила психическихъ возбужденій — все равно, образовалась ли она единовременно или разновременно*[1]). Условія *забвенія*, разумѣется, обратныя, а именно—*внѣшнее ослабленіе раздраженій или внутреннее ослабленіе возбужденій единовременнаго или разновременнаго образованія:* забвеніе можетъ зависѣть, какъ отъ прямого ослабленія самихъ раздраженій, такъ и отъ ослабленія вызываемыхъ ими возбужденій, вслѣдствіе отвлеченія вниманія въ какую-нибудь другую сторону; оно можетъ также зависѣть отъ недостатка или краткости повторенія раздраженій или отъ того, что, вслѣдствіе измѣненія внутреннихъ отношеній, прекратилось воспроизведеніе соотвѣтствующихъ возбужденій.—Главными законами *ассоціаціи* новѣйшая англійская школа признаетъ законы смежности и сходства психическихъ явленій. Но сходство есть вѣдь тоже извѣстный видъ смежности, а именно—это есть особая *внутренняя* смежность «возбужденій», смежность ихъ въ центрахъ психической дѣятельности, насколько послѣдніе участвуютъ въ воспріятіи каждаго впечатлѣнія, смежность въ сензоріумѣ, какъ бы подраздѣленномъ на различные ящики, въ которыхъ сберегаются слѣды однородныхъ возбужденій[2]). При современной гипотезѣ локализаціи психическихъ отправленій въ центрахъ, такое сравненіе едва-ли можетъ показаться страннымъ. Такимъ образомъ ассоціація основана на внѣшней смежности раздраженій или внутренней смежности возбужденій. Притомъ, какъ сила дѣйствія раздраженій можетъ быть единовременнаго или разновременнаго образованія, такъ точно и смежность можетъ быть *одновременною* и *разновременною*. Внѣшняя одновременная смежность есть смежность сосуществующихъ раздраженій (мѣстная). Внѣшняя разновременная смежность есть смежность послѣдовательныхъ раздраженій. То же различіе сосуществованія и послѣдовательности примѣнимо и къ ассоціаціи возбужденій по внутренней ихъ смежности или внутреннему сродству. Когда возбужденія соединяются по сходству ихъ дѣйствія, то настоящею причиною этого соединенія служитъ образовавшееся въ какомъ-нибудь мѣстѣ сензоріума *сосуществованіе* двухъ возбужденій—даннаго внѣшняго и другого

[1]) Въ этой формулѣ, какъ и въ послѣдующихъ, мы съ намѣреніемъ различаемъ термины «раздраженія» и «возбужденія», отлично выражающіе контрастъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій процессовъ развитія, но для большей точности мы всетаки прилагаемъ соотвѣтственные эпитеты «внѣшній» и «внутренній»

[2]) Вундтъ въ своей новой Логикѣ тоже называетъ ассоціацію по сходству *внутренней*, въ отличіе отъ *внѣшней* — по смежности (Logik I B Stuttg. 1880, p. 20)

внутренняго, воспроизведеннаго новымъ раздраженіемъ того же центра. Если не образуется такого сосуществованія двухъ «сходныхъ» возбужденій, то никакая ассоціація ихъ не можетъ состояться. Но есть однако и другой способъ соединенія возбужденій по внутренней смежности или сродству, а именно—по внутренней или органической ихъ *послѣдовательности*. Внутренніе процессы наши, какъ мы видѣли и изъ анализа моментовъ психическаго оборота, слѣдуютъ другъ за другомъ съ извѣстною первоначальною или пріобрѣтенною неизбѣжностью, и эта неизбѣжность ихъ развитія ведетъ къ цѣлому ряду новыхъ ассоціацій между возбужденіями. Наглядный примѣръ такихъ ассоціацій мы имѣемъ въ ассоціаціи моментовъ суточнаго времени съ извѣстными привычными въ эти моменты впечатлѣніями. Если мы обыкновенно завтракаемъ въ 12 часовъ, то, не смотря на перенесеніе насъ въ совершенно новую и непривычную обстановку (внезапное путешествіе по желѣзной дорогѣ), мы, не видя ни одного предмета, напоминающаго завтракъ, и не испытывая ни одного привычнаго раздраженія, служащаго внѣшнимъ антецедентомъ этого событія, даже не зная точно времени,—въ извѣстный моментъ правильно вспоминаемъ о необходимости позавтракать въ привычный для насъ часъ. Идея завтрака здѣсь очевидно возбуждается болѣе или менѣе яснымъ или смутнымъ ощущеніемъ голода, т. е. условія послѣдовательности чисто внутреннія, а не внѣшнія. Точно такимъ же способомъ надо объяснять напр. нашу способность пробуждаться утромъ отъ сна въ тотъ же часъ, какъ и въ предшествующіе дни, и т. д. Стало быть, и внутренняя смежность возбужденій можетъ имѣть характеръ одновременный или разновременный (если она основана на внутренней послѣдовательности возбужденій). Такимъ образомъ, общія условія ассоціаціи суть: *внѣшняя смежность раздраженій или внутренняя смежность психическихъ возбужденій, одновременная или разновременная*. — Условія *диссоціаціи* обратны условіямъ ассоціаціи: всякое нарушеніе прежней смежности между раздраженіями или возбужденіями, т. е. *разобщеніе* ихъ, ведетъ къ ихъ диссоціаціи. Спеціальныхъ родовъ этого разобщенія, разумѣется, столько же, сколько родовъ сообщенія, т. е. смежности. Поэтому можно прямо сказать, что общими условіями диссоціаціи являются *внѣшнее разобщеніе раздраженій или внутреннее разобщеніе возбужденій, одновременное или разновременное*.— Прежде чѣмъ перейти къ условіямъ интеграціи психическихъ явленій, необходимо замѣтить еще, что условіями ихъ ассоціаціи и диссоціаціи являются не только различные роды смежности и разобщенія раздраженій и возбужденій, но косвенно и условія памятованія и забвенія, т. е. различные роды силы и ослабленія послѣднихъ, такъ какъ ассоціація вѣдь предполагаетъ память и на ней основывается, диссоціація же предполагаетъ забвеніе

и безъ него немыслима. Вообще каждый послѣдующій процессъ развитія, кромѣ собственныхъ условій, основывается на условіяхъ предшествующихъ процессовъ развитія. Несомнѣнно однако и то, что впослѣдствіи каждый новый процессъ обратно отражается на предшествующихъ, и отсюда именно является контрастъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій того или другого феномена осложненія. Внутреннія условія памяти напр. слагаются изъ обратнаго дѣйствія ассоціаціи, опредѣляющей направленіе вниманія и припоминанія. Внутреннія условія ассоціаціи точно также предполагаютъ уже извѣстную интеграцію психическихъ явленій, такъ какъ безъ такой интеграціи не можетъ быть и «однородности» впечатлѣній: однородность предполагаетъ существованіе родовъ или интегрированныхъ группъ психическихъ явленій, внѣ которыхъ ни сходство, ни внутренняя связь возбужденій немыслимы.— Условіями *интеграціи* психическихъ явленій тоже прежде всего являются условія памятованія и ассоціаціи. Но сверхъ того есть и новыя условія, безъ которыхъ интеграція невозможна. Такъ какъ общій принципъ психическаго развитія есть уподобленіе отношеній психическихъ явленій отношеніямъ раздраженій, то для образованія интегрированныхъ цѣлыхъ изъ ассоціировавшихся психическихъ явленій необходимо, чтобы и раздраженія и возбужденія имѣли тотъ характеръ единства и сложности, какой пріобрѣтаютъ постепенно психическія явленія. Такой характеръ мы въ дѣйствительности находимъ въ органическомъ единствѣ извѣстныхъ группъ одиночныхъ раздраженій и возбужденій. Виды этого органическаго единства тѣ же самые, какъ и виды смежности. Одновременное внѣшнее органическое единство состоитъ въ связи различныхъ раздраженій съ однимъ и тѣмъ же предметомъ. Разновременное внѣшнее органическое единство состоитъ въ принадлежности нѣсколькихъ раздраженій къ одной органически-послѣдовательной группѣ (отношеніе *причинъ и дѣйствій*). Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ образованія интегрированныхъ группъ психическихъ явленій въ связи съ внѣшними, органически-цѣлыми группами раздраженій, является возможность новыхъ интеграцій, при содѣйствіи чисто внутреннихъ условій органическаго единства и органической послѣдовательности возбужденій (построительная работа сознанія, называемая воображеніемъ), — причемъ эти новые аггрегаты опять имѣютъ характеръ одновременныхъ или разновременныхъ единствъ. Такимъ образомъ, общими условіями интеграціи являются: *внѣшнее органическое единство раздраженій или внутреннее органическое единство возбужденій, одновременнаго и разновременнаго характера.*—Условія *дифференціаціи* психическихъ явленій, помимо косвенныхъ условій забвенія и диссоціаціи, опять обратны условіямъ интеграціи: всякое распаденіе единства раздраженій и возбужденій на нѣсколько меньшихъ

единствъ, т. е. дифференцированіе ихъ на меньшія группы, ведетъ къ дифференцированію и соотвѣтственныхъ аггрегатовъ психическихъ явленій. Иначе сказать, *внѣшнее распаденіе группъ раздраженій или внутреннее распаденіе образовавшихся группъ возбужденій, имѣющее то одновременный, то разновременный характеръ,* ведетъ къ дифференціаціи и психическихъ аггрегатовъ.

Вотъ общій очеркъ условій различныхъ моментовъ психическаго развитія. Если выразить эти условія полными формулами, то мы получимъ совокупность *законовъ* психическаго развитія. Для насъ лично это формулированіе теперь не принесло бы особенной пользы, такъ какъ насъ должны занимать главнымъ образомъ законы развитія не всѣхъ психическихъ явленій вообще, а однихъ только *чувствованій.* Мы хотѣли только показать, что психологія обязана въ основу анализа всѣхъ частныхъ осложненій психическихъ феноменовъ ставить теорію общихъ условій психическаго прогресса, нами разсмотрѣнныхъ. Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію спеціальныхъ законовъ осложненія чувствованій, мы однако должны отмѣтить еще одинъ фактъ, о которомъ мы уже кратко упомянули, но который могъ ускользнуть отъ вниманія читателей. При анализѣ развитія какихъ бы то ни было психическихъ явленій не надо забывать, что упомянутые нами процессы интеграціи и дифференціаціи повторяются не разъ и не два, а множество разъ послѣдовательно другъ за другомъ. Вслѣдствіе этого и ступеней осложненія въ каждой области явленій можетъ быть нѣсколько. Примѣръ этому мы имѣемъ въ осложненіи ощущеній: ощущенія интегрируются сначала въ представленія, потомъ при содѣйствіи представленій—въ понятія, наконецъ понятія могутъ выражать собою различныя ступени отвлеченія отъ первоначальныхъ ощущеній и интегрироваться въ новыя единства различной высоты и всеобщности. Дифференціаціи точно также могутъ быть болѣе или менѣе частными, смотря по ступенямъ интеграцій, за которыми онѣ слѣдуютъ: дифференціація представленій иной степени, чѣмъ дифференціація понятій и проч. Эту послѣдовательность ступеней осложненія психическихъ явленій надо будетъ имѣть въ виду и при анализѣ спеціальныхъ законовъ развитія чувствованій. Выразимъ сначала въ общей формѣ законы указанныхъ нами различныхъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ этого развитія, и прослѣдимъ затѣмъ различныя направленія, въ которыхъ эти законы прилагаются:

I. Чувствованія удерживаются въ *памяти,* когда возбужденія, имъ соотвѣтствующія, обладаютъ извѣстною *силою,*—все равно, слагается ли послѣдняя подъ вліяніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ условій раздраженія и имѣетъ ли она источникомъ единовременное или разновременное дѣйствіе раздраженій.

II. Чувствованія входятъ въ *ассоціацію* между собою и съ другими психическими явленіями, когда возбужденія, соотвѣтствующія тѣмъ и другимъ, при извѣстной силѣ представляютъ и извѣстную *смежность* въ сознаніи,—все равно, вытекаетъ ли эта смежность изъ внѣшнихъ или внутреннихъ условій и касается ли она одновременныхъ или разновременныхъ раздраженій.

III. Чувствованія *интегрируются* другъ съ другомъ и съ другими явленіями въ сложныя группы, когда соотвѣтственныя возбужденія, при извѣстной силѣ и смежности, представляютъ еще извѣстное *органическое единство*,—все равно, слагается ли оно подъ вліяніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ условій раздраженія и имѣетъ ли оно источникомъ совокупность одновременныхъ или разновременныхъ раздраженій.

IV. Чувствованія подвергаются *забвенію*, когда возбужденія, имъ соотвѣтствующія, постепенно или внезапно *ослабѣваютъ*,—подъ вліяніемъ ли внѣшнихъ, или же внутреннихъ условій дѣйствія раздраженій.

V. Чувствованія *диссоціируются* другъ отъ друга и отъ другихъ явленій, когда соотвѣтственныя возбужденія, ослабѣвая, сверхъ того *разобщаются*,—при чемъ это разобщеніе столько же можетъ зависѣть отъ внѣшнихъ, сколько отъ внутреннихъ условій психической дѣятельности и можетъ относиться какъ къ одновременнымъ, такъ и къ разновременнымъ раздраженіямъ.

VI. Сложные аггрегаты какъ однихъ только чувствованій, такъ и въ связи ихъ съ другими явленіями, *дифференцируются*, когда соотвѣтственныя возбужденія, вмѣстѣ съ ослабленіемъ ихъ взаимной связи, *распадаются* на нѣсколько *меньшихъ* группъ,—при чемъ это распаденіе можетъ вытекать столько же и изъ внѣшнихъ, сколько и изъ внутреннихъ условій дѣйствія раздраженій и можетъ касаться единства столько же одновременныхъ, сколько и разновременныхъ раздраженій.

Очевидно эти формулы, еслибы замѣнить въ нихъ терминъ «чувствованій» терминомъ «психическихъ явленій», вполнѣ годились бы и для выраженія законовъ развитія *всѣхъ* психическихъ феноменовъ *вообще*. Но ради особыхъ цѣлей нашего анализа, мы предпочли дать имъ *частный* характеръ. Посмотримъ теперь, въ какихъ разнообразныхъ *направленіяхъ* прилагаются изслѣдованные нами законы развитія къ осложненію чувствованій.

Прежде всего замѣтимъ, что процессы памяти и забвенія, какъ чисто *отрицательныя* условія осложненія психическихъ явленій (такъ какъ они ничего существеннаго не измѣняютъ въ явленіяхъ элементарнаго характера, а только закрѣпляютъ или стушевываютъ эти послѣднія), могутъ и не быть предметомъ особаго разговора при изслѣдованіи превращеній первоначальныхъ чувствованій въ болѣе сложныя. Слѣдовательно нашею задачею будетъ

прослѣдить ближе только процессы ассоціаціи, интеграціи, диссоціаціи и дифференціаціи элементарныхъ явленій удовольствія и страданія.

Въ выше приведенныхъ формулахъ мы уже отмѣтили, что чувствованія могутъ входить въ связь не только между собою, но и съ психическими явленіями другихъ категорій. Точно также и разобщеніе происходитъ не только въ тѣхъ аггрегатахъ, которые состоятъ изъ однихъ только чувствованій, но и въ тѣхъ, которые слагаются изъ совокупленія чувствованій съ другими явленіями. Это различіе состава аггрегатовъ тотчасъ указываетъ на рядъ различныхъ направленій въ развитіи чувствованій. Чувствованія могутъ совокупляться: 1) другъ съ другомъ, 2) съ ощущеніями или идеями, 3) съ стремленіями или желаніями, 4) съ движеніями или поступками; не говоримъ уже о болѣе сложныхъ сочетаніяхъ чувствованій — 1) съ ощущеніями (или идеями) и стремленіями (или желаніями), 2) съ ощущеніями (или идеями) и движеніями (или дѣйствіями), 3) съ стремленіями (или желаніями) и движеніями (или дѣйствіями), и наконецъ 4) съ ощущеніями (или идеями), стремленіями (или желаніями) и движеніями (или дѣйствіями). Въ аггрегатахъ этой послѣдней категоріи очевидно связаны явленія, соотвѣтствующія всѣмъ моментамъ психическаго оборота (такими аггрегатами представляются напр. всѣ неизмѣнныя и сложныя послѣдовательности психическихъ явленій, которыя считаются выраженіемъ опредѣленнаго «характера» даннаго индивидуума). Однако не всѣ продукты упомянутыхъ способовъ сложенія чувствованій могутъ быть названы «сложными *чувствованіями*». Очевидно, еслибы мы перечисляли способы осложненія другихъ психическихъ явленій, мы должны были бы повторить многія изъ упомянутыхъ комбинацій. Стало быть, надо опредѣлить критерій для различенія сложныхъ психическихъ состояній, которыя могутъ быть названы *чувствованіями* или лучше сказать «чувствами и волненіями», отъ тѣхъ сложныхъ состояній, которымъ правильнѣе давать другія названія. Очевидно, что названія «чувствъ и волненій», вообще говоря, примѣнимы лишь къ тѣмъ состояніямъ, въ которыхъ моментъ чувствительности играетъ *преобладающую* роль. Но весь вопросъ именно въ томъ, при какихъ условіяхъ является подобное преобладаніе. Если мы имѣемъ дѣло съ двумя явленіями, находящимися въ причинной зависимости, то естественно склонны обращать главное вниманіе на дѣйствіе, т. е. на послѣдующее изъ двухъ явленій, и давать обоимъ явленіямъ названіе, болѣе характеризующее дѣйствіе, чѣмъ причину. Это совершается по тому же закону мысли, по которому на вопросъ: «куда вы ѣдете?», мы отвѣтимъ «въ Кіевъ», хотя бы до Кіева намъ пришлось побывать и въ Тулѣ, и въ Орлѣ, и въ Курскѣ и во многихъ другихъ менѣе важныхъ городахъ. Сознаніе наше склонно придавать больше

значенія послѣдующему, чѣмъ предыдущему, — результату, чѣмъ средствамъ его достиженія, — дѣйствію, чѣмъ причинѣ. Въ силу такой особенности сознанія и при совокупленіи психическихъ явленій, послѣдующіе элементы аггрегата всегда пріобрѣтаютъ для сознанія бо́льшую важность, чѣмъ предыдущіе, и послѣдній изъ нихъ бо́льшую, чѣмъ всѣ остальные. Недаромъ напр. образовалось и общее названіе «психической дѣятельности» для выраженія совокупности моментовъ психическаго оборота, въ которомъ «дѣятельность», въ настоящемъ значеніи этого слова, составляетъ лишь послѣднее звено. Такіе факты объясняются и тѣмъ соображеніемъ еще, что, при прохожденіи совокупленнаго ряда психическихъ явленій, сознаніе обыкновенно скользитъ поверхностно надъ первыми звеньями этого ряда и сосредоточивается сильнѣе на послѣднемъ, такъ какъ *за его предѣлами* лежитъ неизвѣстность, возможность нѣсколькихъ различныхъ путей. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что общимъ закономъ, выражающимъ относительное преобладаніе психическихъ явленій въ ихъ аггрегатахъ, является законъ, что *послѣдующее явленіе всегда склонно поглощать предыдущее и, въ ущербъ ему, сосредоточивать на себѣ вниманіе*. Этотъ законъ служитъ критеріемъ и для *называнія* психическихъ аггрегатовъ. Мы не называемъ идеями аггрегаты представленій или понятій съ волненіями или чувствами, неправильно также называть и ощущеніями аггрегаты ощущеній и чувствованій (оттого въ нѣмецкомъ языкѣ терминъ Gemeingefühle гораздо употребительнѣе термина Gemeinempfindungen). Стало быть, въ результатѣ мы приходимъ къ выводу, что «сложными чувствованіями» слѣдуетъ признавать только два рода сочетаній, а именно:

1) Чувствованій между собою,

2) Чувствованій (или чувствъ и волненій) съ ощущеніями (или идеями).

Такимъ образомъ главныхъ *направленій* ассоціаціи, интеграціи, диссоціаціи и дифференціаціи чувствованій два. Одно направленіе, такъ сказать, внутреннее (интенсивное), другое внѣшнее (экстенсивное): въ первомъ отношеніи развивается отчетливость и сознательность чувствованій, какъ внутреннихъ состояній, — во второмъ увеличивается ихъ сознательность, какъ продуктовъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій и отношеній. Конечно въ обоихъ направленіяхъ развитіе идетъ параллельно и совмѣстно. Поэтому de facto весьма трудно отдѣлить одно отъ другого. Нельзя даже сомнѣваться, что развитіе чувствованій въ одномъ направленіи вліяетъ и на развитіе ихъ въ другомъ. Но такъ какъ главныя и первыя условія сочетанія психическихъ явленій лежатъ всетаки во внѣшней обстановкѣ, ихъ вызывающей, то естественно, что сочетаніе чувствованій съ ощущеніями и идеями обыкновенно предшествуетъ ихъ совокупленію другъ съ другомъ: по мѣрѣ того какъ возрастаетъ сознательность ихъ соотношеній съ извѣстными внѣшними

условіями, развивается постепенно и отчетливость ихъ, какъ внутреннихъ состояній. Такимъ образомъ осложненіе чувствованій, въ концѣ концовъ, происходитъ всетаки въ *одной* непрерывной линіи, въ которой два упомянутыя направленія такъ тѣсно переплетены, что разъединить ихъ почти нѣтъ никакой возможности. Прослѣдить всѣ *частные* фазисы осложненія *каждой* группы чувствованій въ этой непревывной линіи развитія,—задача, которая едва ли можетъ быть выполнена даже при помощи долговременнаго и отнюдь не единоличнаго труда. Поэтому наша задача можетъ состоять лишь въ опредѣленіи тѣхъ *главныхъ ступеней* развитія чувствованій, которыя бы могли служить основаніемъ для различныхъ видовъ *синтеза* элементарныхъ чувствованій въ сложныя. Такихъ главныхъ ступеней три:

1) Первоначальныя чувствованія сочетаются съ ощущеніями въ чувствованія, обнаруживающія сознаніе ихъ объективныхъ причинъ и источниковъ, и въ связи съ этимъ тѣ же чувствованія ассоціируются и интегрируются другъ съ другомъ въ *первичныя* чувства и волненія.

2) Первичныя чувства и волненія совокупляются съ ощущеніями и идеями въ чувства и волненія, обладающія сознаніемъ своихъ объектовъ, и въ связи съ этимъ они же ассоціируются и интегрируются другъ съ другомъ въ чувства и волненія *вторичнаго* образованія.

3) Вторичныя чувства и волненія совокупляются съ идеями въ сложныя чувства-идеи и въ связи съ этимъ они же ассоціируются и интегрируются другъ съ другомъ въ чувства и волненія еще болѣе сложнаго состава.

Параллельно этому, возможно столько же ступеней диссоціаціи и дифференціаціи чувствованій. Эти процессы происходятъ столько же въ области первичныхъ чувствъ и волненій, сколько и въ области вторичныхъ и еще болѣе сложныхъ аггрегатовъ чувствованій другъ съ другомъ и чувствованій съ ощущеніями и идеями.

Несомнѣнно, что три указанныя главныя ступени осложненія могли бы быть отмѣчены и въ области развитія всѣхъ другихъ психическихъ явленій, но направленія, въ которыхъ это развитіе совершается, въ каждой области явленій различны по числу и по характеру. Напр. осложненіе ощущеній и идей происходитъ лишь въ одномъ направленіи, ибо характеръ интеллектуальныхъ явленій удерживается только въ комбинаціяхъ ихъ между собою, тогда какъ осложненіе чувствованій, какъ мы видѣли, совершается въ двухъ направленіяхъ, а осложненіе стремленій и движеній еще многообразнѣе. Наибольшею простотою и однообразіемъ отличается очевидно осложненіе ощущеній, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что отмѣченныя выше три главныя ступени развитія уже давно были указаны въ

области *познавательной* дѣятельности. Эти три ступени принято обозначать слѣдующими выраженіями:

1. Изъ ощущеній образуются *конкретныя представленія* (объ отдѣльныхъ предметахъ, явленіяхъ и т. д.).

2. Изъ конкретныхъ представленій образуются *отвлеченныя представленія* или *конкретныя понятія* (объ отдѣльныхъ видахъ и родахъ предметовъ).

3. Изъ конкретныхъ понятій образуются *отвлеченныя понятія* (не соотвѣтствующія никакимъ опредѣленнымъ предметамъ или ихъ группамъ).

Такимъ образомъ первичныя чувства и волненія по своему составу имѣютъ аналогію съ конкретными представленіями въ области познанія; вторичныя—съ конкретными понятіями; чувства и волненія, еще болѣе сложныя и составныя,—съ отвлеченными понятіями. Эти сближенія значительно освѣщаютъ характеръ различныхъ осложненій въ области чувствительности, ибо область ума гораздо болѣе извѣстна и разработана наукою, чѣмъ область чувствованій.

Опредѣливъ главные процессы, ведущіе къ развитію чувствованій и законы этихъ процессовъ, затѣмъ различныя направленія и ступени этого развитія, мы перейдемъ теперь къ разбору самыхъ *продуктовъ* его, т. е. чувствъ и волненій, образующихся изъ сочетанія первоначальныхъ явленій удовольствія и страданія. Подобный разборъ очевидно будетъ имѣть всѣ черты *синтеза* и, какъ всякій синтезъ, онъ представляетъ собою далеко не легкую задачу. Число возможныхъ продуктовъ осложненія чувствованій разумѣется безсчетно и предвидѣть всѣ частныя комбинаціи немыслимо. Современемъ психологіи можетъ быть и удастся достигнуть значительной полноты результатовъ при постепенномъ выполненіи этой задачи; но мы лично, въ этомъ первомъ опытѣ синтеза чувствованій на строго научныхъ основаніяхъ, не можемъ и думать о такой полнотѣ. Притомъ мы предположили, въ числѣ другихъ задачъ, разсмотрѣть *основы классификаціи* сложныхъ чувствъ въ связи съ основами классификаціи первоначальныхъ чувствованій. Классификація же, какъ извѣстно, всегда имѣетъ предметомъ лишь типическія и общія, а отнюдь не индивидуальныя формы явленій. Поэтому мы считаемъ возможнымъ въ этомъ сочиненіи ограничиться выполненіемъ еще двухъ задачъ, а именно 1) очеркомъ развитія *первичныхъ* чувствъ и волненій въ связи съ основами ихъ классификаціи, и 2) краткимъ очеркомъ дальнѣйшаго развитія первичныхъ чувствъ во вторичные и еще болѣе сложные аггрегаты въ связи съ процессами ихъ интеграціи и дифференціаціи. При выполненіи этихъ двухъ задачъ мы должны будемъ коснуться въ той или другой мѣрѣ *всѣхъ* процессовъ и видовъ осложненія чувство-

ваній и потому, не смотря на ограниченные размѣры нашей программы, намъ нельзя будетъ пройти молчаніемъ ни одного изъ главныхъ началъ синтеза чувствованій.

Въ заключеніе замѣтимъ, что мы не безъ намѣренія сопоставляли до сихъ поръ, когда рѣчь шла о сложныхъ чувствованіяхъ, термины «чувствъ» и «волненій». Есть явленія чувствительности, имѣющія болѣе спокойное и ровное теченіе, и есть другія болѣе живого и порывистаго качества. На первоначальной ступени развитія, т. е. въ чувствованіяхъ, этотъ контрастъ выражается весьма слабо, и потому мы не считали нужнымъ отмѣчать его при описаніи элементарныхъ явленій удовольствія и страданія. Но при постепенномъ осложненіи послѣднихъ онъ выражается въ болѣе и болѣе рѣзкихъ формахъ и при анализѣ сложныхъ явленій чувствительности его постоянно придется имѣть въ виду. Объ условіяхъ образованія такого двоякаго характера сложныхъ чувствованій мы подробнѣе скажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Развитіе первичныхъ чувствъ (и волненій) въ связи съ основами ихъ классификаціи.

Первоначально всѣ чувствованія удовольствія и страданія, какъ выяснилось изъ анализа этихъ явленій въ самой элементарной ихъ формѣ, представляются результатомъ *безсознательной* оцѣнки гармоніи и дисгармоніи внутреннихъ отношеній (между тратою и накопленіемъ вещества въ нашихъ тканяхъ) и притомъ, какъ выяснилось далѣе изъ разбора отдѣльныхъ видовъ первоначальныхъ чувствованій, они представляются продуктами безсознательной оцѣнки гармоніи и дисгармоніи *единичныхъ* отношеній между работою и возстановленіемъ тканей въ *томъ* или *другомъ* органѣ. Въ элементарныхъ чувствованіяхъ удовольствія и страданія, возникающихъ этимъ путемъ, конечно нѣтъ и не можетъ быть яснаго представленія объ объектахъ и вообще причинахъ, ихъ вызывающихъ, и точно также нѣтъ и не можетъ быть никакой взаимной связи между отдѣльными чувствованіями этого типа. На лицѣ ребенка, черезъ мѣсяцъ или два послѣ его рожденія, уже ясно выражается смѣна пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій, но онъ разумѣется не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о причинахъ, вызывающихъ въ немъ эту смѣну состояній. Оттого нѣкоторые нѣмецкіе психологи и прежде и въ послѣднее время (Горвицъ) являлись защитниками положенія о первенствѣ (Priorität) чувствованій удовольствія и страданія въ развитіи психическихъ явленій въ каждомъ организмѣ и видѣ организмовъ. Но это положеніе едва ли вѣрно, ибо едва ли можно отрицать, что ребенокъ видитъ, слышитъ и осязаетъ, т. е. вообще ощущаетъ также рано, какъ испытываетъ удовольствіе и страданіе. Онъ только не способенъ связывать отдѣльныя чувствованія съ отдѣльными, специфическими ощущеніями, и потому можетъ казаться, что тотъ или другой классъ психическихъ явленій возникаетъ независимо и ранѣе другихъ: одному психологу кажется,

что ощущенія въ этомъ возрастѣ имѣютъ первенство, другому — что чувствованія первоначальнѣе, третьему — что стремленія составляютъ основу всѣхъ остальныхъ психическихъ явленій (школа Шопенгауэра) и т. д. Но въ сущности всѣ феномены сознанія возникаютъ разомъ, т. е. другъ изъ друга на неизмѣримо малыхъ промежуткахъ времени и безъ сознательной связи между собою. Послѣднее обстоятельство всего важнѣе: не только чувствованія не имѣютъ въ сознаніи ребенка прямой связи съ ощущеніями, стремленіями и движеніями, но и отдѣльныя чувствованія не имѣютъ для него никакого соотношенія другъ съ другомъ, хотя бы для взрослаго человѣка связь ихъ была внѣ всякаго сомнѣнія. Удовольствіе вкуса при сосаніи здороваго молока матери или кормилицы напр. первоначально не имѣетъ никакой связи съ удовольствіемъ насыщенія голоднаго желудка, а равно и удовольствіе, испытываемое ребенкомъ въ данный моментъ при сосаніи груди, не имѣетъ никакой связи съ удовольствіемъ, испытаннымъ вчера или даже два часа тому назадъ при томъ же сосаніи и т. д. Только постепенно чувствованія ребенка развиваются въ двухъ указанныхъ направленіяхъ, и мы легко можемъ прослѣдить, какъ, при накопленіи слѣдовъ прежнихъ психическихъ состояній, у него образуется съ одной стороны ассоціація чувствованій съ ощущеніями и представленіями объ окружающихъ предметахъ (удовольствіе при узнаваніи вещей и лицъ) и, съ другой стороны, ассоціація между собою родственныхъ чувствованій, одновременныхъ или разновременныхъ. Первый родъ ассоціаціи ведетъ къ образованію такихъ цѣльныхъ воспріятій, въ которыхъ явленія ощущенія и чувствованія уже представляются нераздѣльными (сосаніе груди ребенкомъ 2—3 мѣсяцевъ). Второй рядъ ассоціацій ведетъ къ образованію болѣе сложныхъ аггрегатовъ чувствованій, вслѣдствіе ихъ ассоціаціи другъ съ другомъ, и отсюда возникаютъ въ ребенкѣ *первичныя чувства* и *волненія*. Соединенія ощущеній и чувствованій сами по себѣ для насъ не такъ интересны, ибо они непосредственно не измѣняютъ нисколько самого содержанія чувствованій удовольствія и страданія, а дѣлаютъ ихъ только болѣе сознательными. Поэтому мы остановимся подробнѣе лишь на условіяхъ образованія первичныхъ чувствъ, — тѣмъ болѣе, что въ этомъ образованіи сочетанія ощущеній и чувствованій между собою и безъ того будутъ играть важную роль.

Несомнѣнно, что въ ребенкѣ уже съ самаго рожденія существуютъ зародыши извѣстныхъ чувствъ и волненій, ибо признаки радости и печали, любви и гнѣва, страха и надежды, скуки и интереса и т. д., могутъ быть замѣчены у дитяти уже въ самые первые мѣсяцы послѣ его рожденія (ср. B. Perez. Les trois premières années de l'enfant, Ch. II. Sensibilité, p. 17 и слѣд.). Но несомнѣнно также, что ни одинъ ребенокъ не рождается съ

готовою способностью *немедленно* испытывать эти состоянія, какъ не рождается съ готовою способностью сразу воспринимать предметы въ формѣ представленій и понятій; несомнѣнно однако и то, что расположеніе къ образованію извѣстныхъ чувствъ и волненій ребенокъ всетаки получаетъ уже наслѣдственно отъ родителей и предковъ и что организму другого типа или вовсе могутъ быть недоступны вскорѣ послѣ его рожденія на свѣтъ подобныя состоянія, или могутъ быть доступны чувства и волненія совершенно другого рода. Есть напр. породы кроткихъ (б. ч. травоядныхъ) животныхъ (кролики), которымъ повидимому и вообще въ теченіе всей ихъ жизни, а тѣмъ болѣе въ первое время по рожденіи, недоступно волненіе гнѣва, а между тѣмъ въ человѣческихъ индивидуумахъ признаки этого волненія появляются уже со второго, третьяго мѣсяца и даже ранѣе (ср. Perez, ib., p. 23—24). Точно также большинство животныхъ въ теченіе всей жизни не бываетъ повидимому знакомо съ чувствомъ скуки, а между тѣмъ у иного ребенка это чувство проявляется, по нашимъ наблюденіямъ, уже съ пятаго или шестого мѣсяца по рожденіи. Изъ подобныхъ фактовъ можно заключать, что такъ называемыя чувства и волненія суть *сложныя* проявленія чувствительности, которыя и въ индивидуумахъ и въ расахъ составляютъ *продуктъ сочетанія другъ съ другомъ отдѣльныхъ элементарныхъ чувствованій* удовольствія и страданія. Конечно каждое первоначальное удовольствіе и страданіе уже съ самаго начала заключаетъ въ себѣ нѣкоторый элементъ того или другого сложнаго чувства или волненія; но этотъ элементъ, взятый въ отдѣльности, весьма слабъ, какъ видно напр. изъ того, что у ребенка въ первые мѣсяцы жизни очень трудно по непосредственнымъ выраженіямъ удовольствія и страданія правильно уловить качество волненія или чувства, въ немъ развивающагося. Какъ часто напр. бываетъ, что у постели плачущаго ребенка окружающіе спорятъ о томъ, сердится ли онъ, или страдаетъ отъ какой-нибудь боли, или наконецъ чего-нибудь испугался. А между тѣмъ выраженія внутреннихъ состояній у ребенка самыя непосредственныя и должны служить повидимому вполнѣ вѣрнымъ отраженіемъ этихъ состояній. Объяснить такое противорѣчіе можно только предположеніемъ, что у ребенка самыя волненія и чувства еще неопредѣленны и не сформировались. Онъ повидимому сначала обладаетъ способностью испытывать только двоякаго типа волненія и чувства, а именно — пріятныя и непріятныя, которыя еще не дифференцировались въ болѣе спеціальные виды. А между тѣмъ чувствованія удовольствія и страданія несомнѣнно уже дифференцированы, ибо ребенокъ имѣетъ отдѣльные органы воспріятій, доставляющіе каждый свои удовольствія и страданія. Стало быть, необходимо рѣшить, какъ образуются въ человѣкѣ *раздѣльныя* чувства

и волненія, параллельно повторенію и развитію отъ природы раздѣльныхъ первоначальныхъ чувствованій?

Вопросъ этотъ очень сложный, такъ какъ для правильнаго и окончательнаго отвѣта на него необходимо было бы прослѣдить развитіе первичныхъ чувствъ не только въ одномъ человѣческомъ индивидуумѣ, но и во всей человѣческой расѣ и далѣе во всей совокупности животныхъ организмовъ, составляющихъ одушевленную природу[1]). Мы конечно не имѣемъ ни времени, ни средствъ выполнить такую задачу: она должна быть предметомъ совершенно особаго труда, и притомъ, чтобы выполненіе ея принесло настоящую пользу, нужно предварительно выяснить, въ какомъ направленіи вести наблюденія и опыты, а для этого нужна какая-нибудь гипотеза относительно происхожденія чувствъ и волненій, точная повѣрка которой могла бы указать и на цѣль и на средства осуществленія упомянутой задачи. Мы вообще держимся того убѣжденія, что гипотезы должны предшествовать всякому изслѣдованію и направлять его, ибо гипотеза есть опредѣленная постановка вопроса, а безъ постановки того или другого вопроса какой интересъ можетъ имѣть работа и откуда она будетъ черпать свои пріемы? Къ этому тезису мы надѣемся еще воротиться въ другое время и въ другомъ сочиненіи, а теперь мы позволимъ себѣ построить новое предположеніе относительно процесса происхожденія первичныхъ чувствъ и волненій и попытаемся примѣнить его къ описанію и распредѣленію ихъ главныхъ видовъ. Это примѣненіе будетъ отчасти средствомъ оправданія нашей гипотезы и повѣркою ея правильности; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что гипотеза все-таки останется до тѣхъ поръ гипотезою, пока её не удастся подтвердить многочисленными фактами и наблюденіями.

Что волненія и чувства, на первой ступени своего развитія, представляютъ вообще продуктъ ассоціаціи и интеграціи первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію послѣ того, что́ мы сказали выше объ образованіи этихъ состояній у ребенка въ первые мѣсяцы его жизни. Весь вопросъ состоитъ только въ томъ, изъ какихъ первоначальныхъ чувствованій слагается каждое отдѣльное чувство? Изъ ассоціаціи и интеграціи какихъ чувствованій напр. образуется въ животномъ и въ ребенкѣ чувство страха, или чувство надежды, чувство скуки, или чувство интереса? Древнія объясненія, что всѣ подоб-

---

[1]) О томъ, на сколько всѣ доступныя человѣку первичныя чувства и волненія въ то же время доступны и животнымъ разныхъ породъ и видовъ, ср. у Houzeau. Etudes s. les fac. mentales des animaux, comparées à celles de l'homme. Mons. 1872. T. II, Sect. IV.

ныя состоянія происходятъ отъ связыванія первоначальныхъ чувствованій съ идеями различныхъ объектовъ и разныхъ отношеній между объектами, конечно въ наше время должны казаться смѣшными, ибо одни внѣшнія отношенія ничего не объясняютъ. Какъ дѣйствіе извѣстнаго числа колебаній эфира не способно само по себѣ объяснить ощущеній того или другого цвѣта предметовъ, такъ точно столкновеніе падающей гири съ поверхностью пола и колебанія воздуха, вызываемыя этимъ столкновеніемъ и производящія ощущенія сильнаго шума, неспособно объяснить «испуга», являющагося результатомъ такого шума отъ паденія на полъ тяжести. Всякое волненіе и чувство должно быть объясняемо какими-нибудь *внутренними* отношеніями, вызываемыми тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ объектовъ. Но природу этихъ внутреннихъ отношеній и процессовъ гораздо труднѣе опредѣлить, чѣмъ природу процессовъ, сопровождающихъ напр. различныя ощущенія и первоначальныя чувствованія. Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ опредѣленными органами и ихъ физіологическими отправленіями; въ первомъ же случаѣ такихъ опредѣленныхъ органовъ повидимому нѣтъ, и физіологическіе процессы, сопровождающіе волненія и чувства, очень сложнаго и смѣшаннаго характера: почти всѣ органы въ разной степени испытываютъ измѣненія подъ вліяніемъ каждаго чувства и особенно «волненія». Стало быть, чувства и волненія на первый взглядъ нельзя *локализировать*. Но въ такомъ случаѣ нельзя было бы объяснять и ихъ образованія изъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ группъ первоначальныхъ чувствованій, обладающихъ, какъ мы видѣли, совершенно ясными *мѣстными* чертами. Пришлось бы предположить, какъ и дѣлали многіе психологи, что каждое «чувство» можетъ представлять особый фазисъ развитія каждаго класса первоначальныхъ чувствованій, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Но тогда рождается вопросъ: какія же причины того, что одно и то же страданіе опредѣленнаго мѣстнаго, т. е. *периферическаго*, происхожденія превращается то въ страхъ, то въ печаль, то въ гнѣвъ и проч.? Опять пришлось бы привлечь къ дѣлу отношенія объектовъ, что̀, какъ мы видѣли, было бы совершенно неправильно. Такимъ образомъ предположеніе *общаго*, не допускающаго локализаціи, характера чувствъ и волненій нисколько не могло бы объяснить процесса ихъ образованія. Пришлось бы признать, что различные виды подобныхъ состояній *прирождены* организму и сознанію, а это не только не было бы согласно съ основными положеніями новѣйшей психологіи, но и противорѣчило бы фактамъ, приведеннымъ выше въ пользу *постепеннаго* происхожденія различныхъ волненій и чувствъ у человѣка и животныхъ. Такимъ образомъ уже a priori приходится предположить, что и эти *сложныя* явленія, по крайней мѣрѣ на

первой ступени своего развитія, должны быть доступны такой же *периферической локализаціи*, какъ и первоначальныя чувствованія. Это подтверждается впрочемъ и рядомъ другихъ, болѣе *положительныхъ* соображеній. Во первыхъ и «представленія», т. е. первичныя идеи о предметахъ, имѣющія явную аналогію съ первичными чувствами (ср. выше стр. 497), тоже большею частью доступны такой периферической локализаціи наравнѣ съ ощущеніями, изъ которыхъ они образовались (представленіе о какой-нибудь лампѣ напр. въ главной мѣрѣ есть зрительное представленіе, представленіе о какой-нибудь сонатѣ Бетховена есть слуховое представленіе и т. д.). Во вторыхъ, всѣ вообще психическія чувства и волненія имѣютъ источникомъ тѣ или другія одиночныя или совокупныя периферическія раздраженія различныхъ органовъ. Въ третьихъ, нѣкоторыя волненія и чувства и безъ того обнаруживаютъ явную связь съ периферическими раздраженіями того или другого опредѣленнаго типа (волненія половой любви, материнской любви, эстетическія чувства, интеллектуальныя чувства и т. д.). Всѣ эти и подобныя соображенія и утвердили въ насъ убѣжденіе, что всѣ главныя формы *первичныхъ* чувствъ и волненій могутъ и должны имѣть источникомъ своимъ ассоціацію и интеграцію совершенно опредѣленныхъ группъ первоначальныхъ чувствованій того или другого периферическаго характера. Иначе сказать, первичныя чувства и волненія съ субъективной точки зрѣнія должны быть разсматриваемы какъ *отраженныя центральныя явленія чувствительности*, возникающія изъ интеграціи извѣстныхъ однородныхъ периферическихъ чувствованій удовольствія и страданія. Постепенно съ этими первичными волненіями и чувствами связываются идеи о новыхъ причинахъ и источникахъ, и это даетъ имъ характеръ нѣкоторой самостоятельности въ отношеніи къ элементарнымъ чувствованіямъ, изъ которыхъ они образовались. Затѣмъ, по упомянутымъ въ свое время законамъ, происходитъ параллельно диссоціація между ними и идеями о первоначальныхъ ихъ причинахъ и объектахъ. Этимъ путемъ дѣлается возможно перенесеніе волненій и чувствъ на другія, болѣе широкія идеи объектовъ, т. е. ихъ обобщеніе и еще бо́льшее развитіе ихъ самостоятельности: на этой ступени периферическій характеръ ихъ совершенно утрачивается. Позднѣе они входятъ еще въ новыя ассоціаціи и интеграціи другъ съ другомъ и такимъ способомъ образуются все болѣе и болѣе сложныя и общія состоянія чувствительности. Кромѣ того, параллельно интеграціи чувствъ и волненій происходитъ постоянная дифференціація ихъ, возможная на всѣхъ ступеняхъ ихъ осложненія.

Вотъ общій ходъ развитія чувствованій, если принять гипотезу объ упомянутомъ *периферическомъ* образованіи первичныхъ чувствъ и волненій. Предположимъ, что эта гипотеза правильна, и попробуемъ примѣнить ее къ

синтезу сначала первичныхъ, а потомъ (въ слѣд. главѣ) вторичныхъ и еще болѣе сложныхъ, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ чувствъ.

Принципами синтеза *первичныхъ* чувствъ и волненій, въ виду всего вышесказаннаго, должны быть слѣдующія положенія:

1) каждая группа первоначальныхъ удовольствій и страданій должна вести къ образованію специфической группы волненій и чувствъ;

2) число и распредѣленіе главныхъ группъ первичныхъ чувствъ и волненій должно равняться числу и распредѣленію разсмотрѣнныхъ группъ первоначальныхъ чувствованій.

Въ связи съ этими положеніями, въ описаніи и классификаціи первичныхъ осложненій чувствительности можно было бы слѣдовать двоякому пути, а именно мы могли бы: или сначала попытаться опредѣлить, въ связи съ каждой разсмотрѣнной группой первоначальныхъ чувствованій, соотвѣтствующія ей первичныя чувства или волненія, съ тѣмъ чтобы потомъ дать общее распредѣленіе чувствъ и волненій,—или наоборотъ, сначала распредѣлить всѣ сложныя чувства первичнаго характера параллельно отдѣльнымъ группамъ первоначальныхъ чувствованій, а потомъ подвергнуть разбору вопросъ о постепенномъ образованіи каждаго отдѣльнаго чувства или волненія въ связи съ предполагаемыми его источниками. Первый путь былъ бы болѣе правильнымъ и научнымъ, но онъ трудно приложимъ, ибо пока не можетъ быть даже вполнѣ ясно опредѣленъ *методъ* непосредственнаго безошибочнаго производства отъ каждой группы первоначальныхъ чувствованій соотвѣтствующей ей группы чувствъ или волненій. Мы по крайней мѣрѣ такого метода не знаемъ и полагаемъ только, что онъ долженъ заключаться въ весьма сложныхъ *наблюденіяхъ* надъ физіологическимъ и психическимъ развитіемъ организмовъ. Намъ лично удалось найти подходящую локализацію чувствъ и волненій лишь при помощи чисто *логическаго* пріема исключенія (ср. упом. статью Classif. nouv. des sentiments, II.). Поэтому мы рѣшаемся избрать второй путь, въ которомъ общее распредѣленіе сложныхъ состояній чувствительности будетъ служить исходною точкою для ихъ анализа,—тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ значительно сократятся и время и мѣсто, потребныя для изложенія даннаго предмета, и самое это изложеніе выиграетъ въ ясности и наглядности. Здѣсь мы даже не станемъ повторять уже разъ употребленнаго нами прежде пріема восхожденія отъ извѣстныхъ отношеній къ неизвѣстнымъ, а прямо представимъ готовые результаты подобной работы и затѣмъ уже перейдемъ къ разбору спеціальныхъ мотивовъ, руководившихъ нами въ отдѣльныхъ случаяхъ. Предварительно однако считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о терминологіи чувствъ и волненій.

Начнемъ съ *общаго* вопроса о томъ, въ какихъ случаяхъ необходимо предпочитать терминъ «чувства» и въ какихъ столь же употребительный терминъ «волненія». Мы уже упоминали выше о томъ, что, при опредѣленіи сложныхъ состояній чувствительности, нужно непремѣнно имѣть въ виду уже давно отмѣченный психологами контрастъ между «тихими» и «порывистыми» чувствованіями. Но, собственно говоря, только теперь, признавъ, что каждое примитивное волненіе и чувство должно быть продуктомъ развитія какой-нибудь спеціальной группы первоначальныхъ чувствованій, мы обладаемъ правильнымъ критеріемъ для опредѣленія условій различія между чувствами и волненіями. Въ сущности всѣ волненія могутъ быть названы «чувствами», ибо нѣтъ ни одного волненія, которое при слабой интенсивности не превращалось бы изъ порывистаго психическаго возбужденія въ тихое душевное состояніе (даже слабый гнѣвъ можно «чувствовать», нисколько не волнуясь). Но зато, наоборотъ, далеко не всѣ чувства могутъ достигать степени волненій. Поэтому контрастъ между чувствами и волненіями сводится на дѣлѣ къ контрасту между чувствами въ тѣсномъ смыслѣ слова и чувствами-волненіями, и вопросъ, поставленный выше, превращается въ вопросъ: въ какихъ случаяхъ чувства могутъ переходить въ волненія и въ какихъ не могутъ? Личныя наши наблюденія надъ характеромъ отдѣльныхъ первичныхъ чувствъ привели насъ къ выводу, что чувства, представляющія осложненіе тѣхъ первоначальныхъ явленій чувствительности, которыя соотвѣтствуютъ *первымъ двумъ* моментамъ въ оборотѣ субъективной воспріимчивости, имѣютъ большею частью наклонность легко превращаться въ волненія; напротивъ, чувства, соотвѣтствующія *двумъ послѣднимъ* моментамъ, обыкновенно менѣе способны и частью даже вовсе неспособны переходить въ волненія. Объяснить такой феноменъ очень легко тѣмъ обстоятельствомъ, что первые два момента въ развитіи чувствительности совпадаютъ съ *избыткомъ* силъ въ организмѣ и его отдѣльныхъ частяхъ, напротивъ два послѣдніе момента — съ *истощеніемъ* и недостаткомъ силъ. Волненіе же разумѣется возможно только подъ условіемъ извѣстной свѣжести и избытка силъ, такъ какъ оно всегда является результатомъ разлитія или *диффузіи* возбужденія въ мозгу и въ другихъ органахъ (о законѣ диффузіи, ср. у Бэна, l. c., p. 4 и слѣд.); эта диффузія конечно не такъ легко происходитъ, если организмъ утомленъ и истощенъ. Однако упомянутый принципъ для различенія чувствъ и чувствъ-волненій допускаетъ нѣкоторыя *исключенія*. Во первыхъ, положительное страданіе, доведенное до значительныхъ предѣловъ, можетъ тоже на разсматриваемой ступени развитія чувствительности, выразиться въ формѣ волненія (волненіе, какъ результатъ всякой *острой* боли). Во вторыхъ, обратно, есть

отрицательныя страданія, которыя и при своемъ осложненіи никогда не могутъ переходить въ волненія; напр. отрицательныя страданія въ области высшихъ отправленій сознанія никогда не превращаются въ волненія вѣроятно, съ одной стороны, потому, что бо́льшая или ме́ньшая интенсивность этихъ высшихъ отправленій (напр. познавательныхъ) не играетъ такой непосредственной роли въ общей экономіи организма (лишеніе умственной дѣятельности, иначе какъ въ случаѣ сильной привычки къ ней, не можетъ отразиться болѣзненно на состояніи организма), съ другой стороны и потому еще, что удовлетвореніе потребностей нашихъ въ этихъ отправленіяхъ гораздо менѣе зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и гораздо болѣе находится въ нашей собственной власти. Только въ области отрицательныхъ удовольствій, связанныхъ прямо съ бездѣятельностью тканей, соотвѣтствующей состоянію бо́льшаго или ме́ньшаго ихъ истощенія, никакія исключенія невозможны: сложныя состоянія этого рода всегда представляютъ чистый типъ «чувствъ», никогда неспособныхъ перейти въ волненія. Всѣ остальныя категоріи чувствъ могутъ быть то чистыми чувствами, то чувствами-волненіями, хотя въ разной степени: отрицательныя страданія рѣдко бываютъ только чувствами, положительныя страданія — чувствами-волненіями. Что же касается до положительныхъ удовольствій, то они, въ противуположность отрицательнымъ, представляются по преимуществу «чувствами-волненіями»: мы не знаемъ случаевъ, когда бы положительное удовольствіе не могло вовсе перейти въ волненіе, при достиженіи соотвѣтствующимъ впечатлѣніемъ извѣстной интенсивности.

Въ виду всего сказаннаго, изъ двухъ разсматриваемыхъ терминовъ— терминъ «чувства» болѣе способенъ быть *родовымъ* понятіемъ, чѣмъ терминъ «волненія», и англійскіе психологи едва-ли правы, давая этому послѣднему такое обширное примѣненіе. Мы лично намѣрены отдавать во всѣхъ случаяхъ предпочтеніе термину «чувства», а терминъ волненія, въ своей классификаціи, будемъ ставить только въ скобкахъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно будетъ обозначить возможность достиженія чувствами степени волненій. Замѣтимъ, что есть еще третій родственный терминъ — «настроеній», который удобно было бы противуполагать термину «волненій». Всѣ чувства которыя не переходятъ въ волненіе, могутъ принимать характеръ «настроеній». Такимъ образомъ можно было-бы сказать, что родовое понятіе *чувствъ* обнимаетъ двѣ разновидности: *чувствъ-настроеній* и *чувствъ-волненій*. Впрочемъ терминъ «настроеній» иногда употребляется и въ болѣе широкомъ значеніи: волненія въ извѣстныхъ случаяхъ тоже относятъ къ области настроеній, когда они дѣлаются хроническими состояніями сознанія. Намъ кажется однако, что этимъ названіемъ слѣдовало бы обозначать

только извѣстную ступень развитія первичныхъ «чувствъ» въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о *спеціальной* терминологіи чувствъ и волненій. Что касается до послѣдней, то едва-ли нужно теперь вновь доказывать вѣрность мысли, высказанной Спинозою, что *обыкновенный языкъ* далеко не исчерпываетъ дѣйствительнаго разнообразія чувствъ и волненій и что не только возможны состоянія, не имѣющія особыхъ названій, но что и тѣ имена, которыя есть, употребляются часто не въ томъ значеніи, въ какомъ ихъ должно понимать. Мысль эта справедлива не только по отношенію къ чувствамъ, но и въ отношеніи ко всѣмъ явленіямъ какъ психическимъ, такъ и физическимъ. Популярный языкъ, служа мѣстомъ склада всѣхъ *случайныхъ* и большею частью *поверхностныхъ* человѣческихъ наблюденій, предшествующихъ развитію точнаго, методическаго познанія, естественно не способенъ удовлетворять statu quo всѣмъ потребностямъ этого послѣдняго. Главные недостатки обыденной рѣчи заключаются: 1) въ недовольно строгомъ отношеніи ея къ *опредѣленности* и *точности* названій и 2) въ *неполнотѣ* системы знаковъ, называемыхъ «именами», при сравненіи ея съ системою соозначаемыхъ явленій. Эти недостатки объясняются именно поверхностностью и неполнотою анализа, предшествующаго образованію популярныхъ названій, и потому неспособностью его правильно уловить настоящіе элементы явленій и ихъ отношенія и выразить какъ *контрастъ первоначальныхъ* и *производныхъ* феноменовъ, такъ и различіе всѣхъ *спеціальныхъ ихъ оттѣнковъ*. Требованія же «философскаго (т. е. научнаго) языка», по выраженію Дж. Ст. Милля, именно заключаются въ томъ, 1) чтобы каждое общее названіе имѣло смыслъ, твердо установленный и точно опредѣленный, и 2) чтобы не было ни одного важнаго значенія безъ особаго, присвоеннаго ему, названія (Сист. Лог. II, кн. IV). Только при выполненіи этихъ условій возможно образованіе «точной описательной терминологіи» въ каждой наукѣ.

Въ примѣненіи къ теоріи чувствъ и волненій изъ этихъ соображеній вытекаетъ, что мы едва ли можемъ надѣяться найти въ популярномъ психологическомъ языкѣ всѣ термины, необходимые намъ для выраженія спеціальныхъ видовъ этихъ состояній, и что психологу въ данной области явленій предстоитъ вѣроятно не только придумывать *новыя названія*, но и значительно *перерабатывать* смыслъ уже существующихъ, съ цѣлью приспособленія ихъ къ задачамъ и выводамъ точнаго анализа. «Не объясненіе словъ, а изслѣдованіе природы вещей составляетъ мою задачу», говорилъ еще Спиноза.

Непосредственное пользованіе существующими названіями при распре-

дѣленіи *первичныхъ* волненій и чувствъ тѣмъ болѣе неудобно, что въ популярномъ языкѣ и этотъ стадій развитія чувствительности еще никакимъ образомъ не могъ быть запечатлѣнъ особыми терминами. Прежде чѣмъ въ человѣческихъ расахъ и индивидуумахъ является потребность выражать словами какія бы то ни было внутреннія состоянія наши, первичныя волненія и чувства уже обобщились и утратили ясную связь съ первоначальными периферическими элементами, изъ которыхъ они сложились. Ребенокъ еще не умѣетъ назвать ни одного предмета, когда уже почти всѣ первичныя волненія и чувства перешли въ немъ во вторичные и еще болѣе сложные комплексы. Положимъ, въ ребенкѣ такой фактъ можно объяснить наслѣдственными предрасположеніями (хотя несомнѣнно, что и образованіе словъ параллельно ускоряется въ немъ такими же наслѣдственными предрасположеніями); но вѣдь и въ судьбѣ человѣчества и его отдѣльныхъ расъ образованіе терминовъ для выраженія волненій и чувствъ возможно не прежде, какъ уже по превращеніи первичныхъ волненій и чувствъ во вторичныя и болѣе сложныя. Это ясно доказывается тѣмъ фактомъ, что образованіе человѣческаго языка является только послѣ появленія первыхъ формъ общественности. Между тѣмъ развитіе общественныхъ инстинктовъ возможно лишь по образованіи вторичныхъ и еще болѣе сложныхъ чувствъ, такъ какъ развитію этихъ общественныхъ инстинктовъ очевидно предшествуетъ нѣкоторое развитіе личнаго самосознанія, а послѣднее возможно лишь подъ условіемъ образованія весьма сложныхъ «себялюбивыхъ» чувствъ и волненій (Emotions of Self). Итакъ, строго говоря, въ языкѣ нѣтъ и не можетъ быть точныхъ терминовъ для выраженія всѣхъ первичныхъ осложненій чувствованій, какъ нѣтъ и отдѣльныхъ терминовъ для выраженія большинства первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія. Распредѣляя послѣднія, мы прибѣгали часто къ весьма сложнымъ *описаніямъ;* теперь же намъ предстоитъ найти какой-нибудь новый пріемъ и для выраженія отдѣльныхъ первичныхъ осложненій чувствительности. Прежній пріемъ *описанія* въ данномъ случаѣ уже не подходитъ, ибо для выраженія природы первоначальныхъ чувствованій можно было косвенно пользоваться названіями соотвѣтствующихъ имъ ощущеній и даже органовъ этихъ ощущеній и ихъ физіологическихъ функцій,—для описанія же волненій и чувствъ можно было бы воспользоваться только именами первоначальныхъ чувствованій, изъ которыхъ они слагаются; но такъ какъ и эти имена уже были замѣнены описаніями, то подобный пріемъ привелъ бы насъ къ слишкомъ сложнымъ и туманнымъ опредѣленіямъ. Съ другой стороны, придумывать *совершенно новые* термины, при полной неразработанности предмета и при новизнѣ самой точки зрѣнія, нами принятой, было бы дѣломъ слишкомъ рискованнымъ. Выполненіе такой задачи

можетъ быть предпринято только при дальнѣйшемъ подтвержденіи правильности нашей гипотезы и при примѣненіи ея во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ. Остается, стало быть, прибѣгнуть къ пріему, уже однажды нами употребленному (Classif. nouv. des sent.), а именно воспользоваться существующими названіями *вторичныхъ* волненій и чувствъ для выраженія разнообразія *первичныхъ*. Этотъ пріемъ тѣмъ болѣе удобенъ, что вторичныя осложненія представляютъ только *обобщеніе* первичныхъ, расширеніе сферы ихъ примѣненія, и что самый характеръ ихъ, какъ волненій и чувствъ, остается почти неизмѣннымъ. Оправданіемъ такого пріема можетъ служить впрочемъ еще и *другое* соображеніе, а именно что и при выраженіи *идей* о внѣшнихъ предметахъ языкъ постоянно пользуется пріемомъ подстановки (субституціи) названій, соотвѣтствующихъ конкретнымъ *понятіямъ*, т е. идеямъ *вторичнаго* образованія, для выраженія представленій о *единичныхъ* предметахъ и явленіяхъ, т. е. идей *первичнаго* характера. Такимъ образомъ, при распредѣленіи первичныхъ чувствъ и волненій, мы будемъ пользоваться популярными и литературными названіями, въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствующими на дѣлѣ вторичнымъ волненіямъ и чувствамъ, отвлекаясь конечно при этомъ совершенно отъ всего искусственно сложившагося круга ассоціацій, связанныхъ съ каждымъ изъ этихъ названій и выражающихъ всю совокупность случаевъ, въ которыхъ данное волненіе или чувство можетъ обнаружиться на вторичной ступени своего развитія: нами будутъ руководить при выборѣ названій только соображенія о *внутреннемъ, субъективномъ* содержаніи данныхъ феноменовъ и объ органическихъ условіяхъ, при которыхъ они сложились.

Порядокъ перечисленія важнѣйшихъ категорій волненій и чувствъ будетъ принятъ обратный тому, которому мы слѣдовали при распредѣленіи первоначальныхъ чувствованій[1]). Причиною такого измѣненія порядка является желаніе начать съ *болѣе* извѣстныхъ и достовѣрныхъ отношеній между чувствованіями и ихъ осложненіями, съ тѣмъ чтобы затѣмъ уже перейти къ *менѣе* извѣстнымъ и болѣе гипотетическимъ сближеніямъ, къ которымъ мы лично пришли, какъ было сказано, только пріемомъ исключенія. Въ частности, распредѣленіе чувствъ по *моментамъ* каждаго отправленія будетъ вполнѣ соотвѣтствовать предложенному выше распредѣленію первоначальныхъ чувствованій въ связи съ этими моментами. Знакъ (?) при терминѣ волненія, поставленномъ въ скобки, будетъ означать, что соотвѣтствующія чувства не во всѣхъ случаяхъ способны переходить въ волненіе.

---

[1]) Номерація главныхъ группъ однако для ясности будетъ удержана прежняя, ср. стр. 475—478.

VIII. Чувства (и волненія), связанныя съ объективными или познавательными процессами сознанія:

— Страд. Чувство скуки, однообразія.
+ Удов. Чувство (волн.) интереса, новости, разнообразія.
+ Страд. Чувство (волн.?) затрудненія, безпорядка, противорѣчія.
— Удов. Чувство возстановленнаго согласія, чувство одобренія.

VII. Чувства (и волненія), связ. съ субъективными процессами сознанія:

— Страд. Чувство томленія, меланхоліи.
+ Удов. Чувство (волн.) наслажденія, гармоніи.
+ Страд. Чувство (волн.?) страданія, дисгармоніи.
— Удов. Чувство возстановленной гармоніи.

VI. Чувства (и волненія), связ. съ процессами движенія, дѣятельности:

— Страд. Чувство (волн.) стѣсненія, бездѣйствія.
+ Удов. Чувство (волн.) силы, энергіи, бодрости.
+ Страд. Чувство (волн.?) напряженія, безсилія, усталости.
— Удов. Чувство покоя, отдохновенія.

V. Чувства (и волненія), связ. съ процессами воспріятія:

— Страд. Чувство (волн.) ожиданія, нетерпѣнія.
+ Удов. Чувство (волн.) красоты, удивленія, (admiration).
+ Страд. Чувство (волн.?) безобразнаго, уродливаго.
— Удов. Чувство облегченія (чувство смѣшного).

IV. Чувства (и волненія), связ. съ процессомъ взаимодѣйствія организмовъ[1]):

— Страд. Чувство (волн.) грусти, ревности.
+ Удов. Чувство (волн.) любви, нѣжности, симпатіи.
+ Страд. Чувство (волн.?) огорченія, разочарованія.
— Удов. Чувство утѣшенія.

III. Чувства (и волненія), связ. съ процессомъ питанія:

— Страд. Чувство (волн.) злобы, гнѣва.
+ Удов. Чувство (волн.) торжества, мести.
+ Страд. Чувство (волн.?) отвращенія, антипатіи.
— Удов. Чувство снисходительности, благорасположенія.

---

[1]) Терминъ «взаимодѣйствія организмовъ» не вполнѣ насъ удовлетворяетъ, но мы не могли придумать лучшаго для идеи, выраженной Бэномъ посредствомъ терм. «animal contact».

II. Чувства (и волненія), связ. съ процессомъ дыханія:

— Страд. Чувство (волн.) страха, ужаса.
+ Удов. Чувство (волн.) надежды, увѣренности.
+ Страд. Чувство (волн.?) унынія, отчаянія.
— Удов. Чувство спокойствія, безопасности.

I. Чувства (и волненія), связ. съ процессомъ кровообращенія:

— Страд. Чувство вялости, апатіи.
+ Удов. Чувство (волн.) оживленія, веселости.
+ Страд. Чувство (волн.?) тоски, печали.
— Удов. Чувство физическаго облегченія [1]).

Если читатель будетъ обращать вниманіе на привычное ему значеніе всѣхъ приведенныхъ понятій, то наше распредѣленіе можетъ показаться ему во многихъ отношеніяхъ произвольнымъ и парадоксальнымъ. Но если онъ вспомнитъ, что мы стремились словами выразить невыразимое, т. е. явленія, которымъ пока не соотвѣтствуетъ никакихъ особыхъ знаковъ въ языкѣ, вслѣдствіе чего необходимо было прибѣгнуть къ болѣе или менѣе близкимъ или отдаленнымъ *аналогіямъ* и *метафорамъ*, то онъ едва ли найдетъ означенное распредѣленіе страннымъ и несогласнымъ съ дѣйствительностью. Единственное сомнѣніе, которое онъ затѣмъ имѣетъ право возбудить, касается вопроса о томъ, почему напр. чувство страха должно имѣть *первоначальнымъ источникомъ* отрицательное страданіе, связанное съ неправильностью дыхательнаго процесса, или почему чувство гнѣва должно имѣть такимъ же источникомъ отрицательное страданіе, связанное съ лишеніемъ организма пищи и т. д.? Всѣ подобныя сомнѣнія мы и намѣрены теперь разрѣшить.

Нѣкоторыя сближенія наши, впрочемъ, не требуютъ дальнѣйшихъ оправданій, а именно: въ первыхъ пяти приведенныхъ классахъ «чувствъ» эти сближенія едва ли могутъ повести къ серіознымъ недоумѣніямъ, такъ какъ выборъ терминовъ основывался здѣсь на случаяхъ дѣйствительнаго употребленія ихъ въ томъ самомъ значеніи, какое мы имъ дали. Можно даже сказать, что употребленіе этихъ терминовъ въ *другихъ* значеніяхъ (тамъ, гдѣ это бываетъ) произошло большею частью вслѣдствіе *переноса*, а также послѣдующаго обобщенія понятій. Далѣе сомнѣваться въ томъ, что всѣ соот-

[1]) Двоякое и иногда даже троякое названіе мы приводили большею частью съ тою цѣлью, чтобы рельефнѣе охарактеризовать специальный характеръ каждаго первичнаго чувства.

вѣтствующія этимъ понятіямъ чувства болѣе или менѣе *сложнаго* происхожденія, т. е. что они слагаются постепенно изъ повторенія, ассоціаціи и интеграціи единичныхъ чувствованій удовольствія и страданія параллельныхъ классовъ, тоже едва ли возможно, ибо всѣ эти чувства предполагаютъ рядъ предшествующихъ субъективныхъ «опытовъ» въ каждомъ изъ указанныхъ направленій и соотвѣтствуютъ болѣе или менѣе высокой ступени развитія сознательности въ индивидуумѣ. Поэтому мы подвергнемъ разбору только болѣе гипотетическія сближенія и, разобравъ ихъ мотивы, потомъ для примѣра подробнѣе разберемъ въ нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ самый процессъ образованія первичныхъ осложненій чувствованій.

Начнемъ съ чувствъ и волненій, возникающихъ изъ первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія, связанныхъ съ *пищевареніемъ* и вообще *питаніемъ* организма. Чтобы найти связь между тѣми и другими, нужно разумѣется отвлечься отъ искусственныхъ способовъ добыванія пищи и принятія ея, распространенныхъ въ человѣческомъ обществѣ, нужно также отвлечься отъ тѣхъ способовъ доставленія пищи животнымъ, которые введены человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ приручать послѣднихъ. Если совершить подобное отвлеченіе, то станетъ ясно, что первоначальнымъ способомъ добыванія пищи по крайней мѣрѣ для организмовъ, питающихся мясомъ другихъ животныхъ, служитъ умерщвленіе послѣднихъ. На болѣе низкихъ ступеняхъ животнаго царства такое поглощеніе однихъ организмовъ другими происходитъ болѣе пассивнымъ путемъ. Тѣ животныя, которыя питаются букашками и насѣкомыми, такъ легко овладѣваютъ своею добычею, что голодъ удовлетворяется большею частью, не давая повода къ активной борьбѣ. Но стоитъ только животному встрѣтить малѣйшее сопротивленіе со стороны своей добычи и между чувствомъ голода и удовлетвореніемъ его является новый моментъ *борьбы* съ добычею. Чѣмъ выше и сложнѣе организація животныхъ, питающихся другими животными, тѣмъ болѣе вѣроятія въ наступленіи подобной борьбы, ибо и добыча въ этихъ случаяхъ всегда обладаетъ бо́льшими средствами сопротивленія, защиты. Притомъ чѣмъ дольше и сложнѣе борьба, тѣмъ значительнѣе время, проходящее между появленіемъ потребности и ея удовлетвореніемъ. Вслѣдствіе этого и чувство, сопровождающее органическую потребность пріема пищи, т. е. чувство голода, достигаетъ въ этихъ случаяхъ большей интенсивности и легче превращается въ волненіе. Необходимость превращенія его въ волненіе подтверждается еще и тѣмъ, что продолжительное неудовлетвореніе голода постепенно отражается на всѣхъ органахъ тѣла, а такое совокупное измѣненіе во всѣхъ органахъ и составляетъ внѣшній аккомпаниментъ волненія. Внутренній, субъективный характеръ этого вол-

ненія отчасти мотивируется обстановкой, въ которой оно возникаетъ. Источникомъ перехода чувствованія голода въ болѣе сильное и общее волненіе является первоначально, какъ мы видѣли, сопротивленіе другого организма, играющаго роль добычи для даннаго организма. Это сопротивленіе и даетъ волненію ту субъективную окраску, которую мы называемъ злобой, гнѣвомъ, ненавистью. Но всетаки самый фактъ возможности превращенія чувств. голода въ злобу долженъ быть объясняемъ органическими причинами: въ самыхъ первоначальныхъ проявленіяхъ голода уже должны быть элементы волненія, побуждающаго организмъ безжалостно умерщвлять свою добычу. Замѣтимъ, что приведенныя нами выше три понятія имѣютъ различные оттѣнки: «ненависть» можетъ возникнуть только при частомъ повтореніи гнѣва, обращеннаго на какой-либо постоянный объектъ,—ненависть есть хроническій гнѣвъ; «гнѣвъ» можетъ возникнуть только послѣ нѣсколькихъ случаевъ повторенія злобы и вслѣдствіе ассоціаціи «безличной злобы» съ идеею извѣстнаго класса ея объектовъ. Такимъ образомъ «безличная злоба», переходящая на высшей ступени интенсивности въ волненіе, еще болѣе рѣзкое, а именно въ «ярость», есть первое чувство, въ которое переходятъ отрицательныя страданія голода, когда они встрѣчаютъ препятствія къ своему устраненію. Но разумѣется, прежде чѣмъ совершится ясный переходъ чувств. голода въ злобу, необходимо опять таки неоднократное повтореніе такихъ обстоятельствъ, при которыхъ этотъ переходъ дѣлается неизбѣженъ. Нужно прежде всего, чтобы страданія голода повторялись извѣстное число разъ или достигали извѣстной силы, потребной для того чтобы чувствованіе голода сдѣлалось сознательнымъ и способно было вызвать сознательную реакцію; нужно затѣмъ, чтобы это чувствованіе прочно ассоціировалось по законамъ смежности съ элементами волненія, имъ вызываемаго, и чтобъ эти элементы волненія, въ свою очередь повторяясь, способны были тоже укрѣпиться въ сознаніи; нужно наконецъ, чтобы, подъ вліяніемъ одной и той же повторяющейся причины (сопротивленія добычи), эти элементы волненія сочетались другъ съ другомъ въ одно цѣлое, т. е. интегрировались въ одно общее волненіе злобы, которое бы потомъ и повторялось правильно вслѣдъ за каждымъ новымъ конфликтомъ между потребностью животнаго къ принятію пищи и сопротивленіемъ удовлетворенію этой потребности въ окружающей средѣ. Необходимость всѣхъ этихъ *посредствующихъ ступеней* превращенія можетъ быть ясно выведена изъ сравнительныхъ наблюденій надъ организмами низшими, надъ высшими организмами въ первое время жизни и надъ животными, употребляющими растительную пищу. Изъ этихъ наблюденій должно выясниться, что чувствованіе голода далеко не всегда переходитъ въ чувство злобы и затѣмъ гнѣва, что даже волненіе, вызываемое голо-

домъ, не всегда одинаково ясно обнаруживаетъ черты злобы, что низшіе организмы и высшіе во время младенчества являются часто совершенно безпомощными, когда необходимость заставляетъ ихъ голодать, и погибаютъ отъ недостатка пищи безъ всякой замѣтной съ ихъ стороны реакціи и т. д. Стало быть, только частое повтореніе случаевъ голода и обстановки борьбы ведетъ къ развитію тѣхъ сторонъ въ отрицательномъ страданіи голода, которыя слагаются впослѣдствіи въ чувство злобы и затѣмъ гнѣва.

Кромѣ анализа послѣдствій, къ которымъ должно приводить организмъ частое повтореніе голода и условій борьбы съ добычею, на ближайшую связь чувства злобы съ развитіемъ неудовольствій голода указываетъ и рядъ другихъ побочныхъ соображеній:

1) Степень злобы, къ которой способны организмы различныхъ видовъ, всегда прямо пропорціональна той роли, которую въ ихъ пищѣ играютъ другіе живые организмы: животныя травоядныя далеко не обладаютъ той способностью къ злобѣ и гнѣву, какъ животныя плотоядныя, ибо обстановка добыванія пищи въ обоихъ случаяхъ неодинаковая; у приручаемыхъ животныхъ, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, вслѣдствіе измѣненія условій добыванія пищи, тоже замѣтно уменьшается сила злобы, на какую они способны, а также число ея проявленій, вообще легкость образованія этого чувства. Въ различныхъ сословіяхъ и индивидуумахъ образованнаго человѣческаго общества наклонность къ чувствамъ злобы, гнѣва и ненависти обыкновенно тоже прямо пропорціональна трудности добыванія средствъ къ жизни, на сколько разумѣется эта наклонность не зависитъ отъ наслѣдственной передачи и отъ вліяній атавизма.

2) Выраженія злобы, гнѣва и ненависти (ср. Darwin, The express. of the emot., особ. p. 74 и 243) даже въ высшихъ организмахъ остаются сходными съ выраженіями сильнаго голода и той борьбы съ добычею, которую этотъ голодъ вызываетъ (скрежетаніе зубовъ, отдѣленіе слюны, наступательная поза туловища и т. д.). Притомъ внутреннее дѣйствіе волненія злобы всего болѣе обнаруживается на органахъ пищеваренія (измѣненія печени, разлитіе желчи).

Такимъ образомъ происхожденіе чувства-волненія злобы изъ осложненія отрицательныхъ страданій, сопровождающихъ ощущенія голода, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Остается только естествоиспытателямъ подтвердить это происхожденіе болѣе точными наблюденіями и экспериментами.

Чувство злобы, по самому происхожденію и признакамъ своимъ, разумѣется, есть видъ отрицательнаго страданія. Но между психологами принято говорить и объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ гнѣвомъ (ср. Bain,

Emot., p. 178). Нѣтъ сомнѣнія, что удовлетвореніе злобы, гнѣва, какъ и удовлетвореніе голода, пріятно; но то пріятное чувство, которое возникаетъ при такомъ удовлетвореніи, не есть уже чувство гнѣва, а особое чувство, которое по нашему мнѣнію удобнѣе всего назвать *чувствомъ торжества* или чувствомъ мести (на болѣе высокой ступени развитія). У Гузо мы находимъ интересныя подробности о томъ, какое удовольствіе испытываютъ различныя животныя при видѣ предсмертныхъ судорогъ своей добычи (Houzeau, Fac. ment. des anim., II, p. 4). Это чувство удовольствія, не будучи уже непосредственно чувствомъ злобы или гнѣва, а лишь чувствомъ удовлетворенія злобы, и есть чувство торжества надъ добычею. Происхожденіе этого чувства такъ же сложно, какъ и происхожденіе чувства гнѣва. Его можно назвать продуктомъ интеграціи всѣхъ тѣхъ пріятныхъ чувствованій и элементовъ волненія, которые являются, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, послѣдствіемъ удовлетворенія голода, т. е. послѣдствіемъ добыванія и принятія желанной пищи и совершающагося затѣмъ пищеваренія. Животное, въ первый разъ удовлетворившее свой голодъ поглощеніемъ другого животнаго, еще не способно чувствовать торжества надъ добычею, особенно если послѣдняя ему легко досталась; но, если повторялись многіе случаи упорной, злобной борьбы съ добычею, то наклонность къ чувству торжества непремѣнно должна явиться, и, разъ возникнувъ, это чувство будетъ повторяться при всякомъ новомъ случаѣ удачной борьбы и послѣдующаго удовлетворенія аппетита.

Чувство отвращенія точно также должно постепенно развиться въ томъ случаѣ, если много разъ повторялись физическія страданія, вызываемыя чрезмѣрнымъ переполненіемъ органовъ пищеваренія или пріемомъ пищи, имѣющей дурной вкусъ и вызывающей тошноту, вообще недоброкачественной.

Наконецъ, когда много разъ подъ рядъ наступало правильное удовлетвореніе голода и правильно совершался или оканчивался (неправильно начатой) процессъ пищеваренія, то отдѣльныя удовольствія покоя, успокоенія въ органахъ пищеварительной системы должны постепенно совокупиться въ одно цѣльное, постоянно сопровождающее окончаніе упомянутыхъ процессовъ, чувство облегченія въ данной системѣ органовъ, переходящее вмѣстѣ съ тѣмъ въ *чувство снисходительности* къ невольнымъ или даже произвольнымъ виновникамъ предшествовавшихъ нарушеній процесса. Можно наблюдать даже, какъ *люди*, упитанные и сытые, особенно наклонны къ чувству снисходительности и благорасположенія въ отношеніи ко всѣмъ окружающимъ ихъ живымъ существамъ.

Мы могли бы привести и множество другихъ наблюденій и примѣ-

ровъ, подтверждающихъ *связь* моментовъ эволюціи непріязненныхъ чувствъ въ животномъ и человѣкѣ съ моментами смѣны первоначальныхъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій, сопровождающихъ процессъ пищеваренія; но полагаемъ, что и приведенныхъ нами соображеній вполнѣ достаточно, чтобы *мотивировать* данное нами объясненіе III группы чувствъ и волненій.

Перейдемъ теперь ко II группѣ чувствъ и волненій, — связанныхъ съ процессомъ *дыханія*. Прежде всего надо доказать связь *чувства страха* съ отрицательными страданіями, вызываемыми остановкою дыхательныхъ процессовъ и вообще всякими препятствіями къ нормальному теченію этихъ процессовъ. Если мы опять отвлечемся отъ искусственной обстановки жизни, созданной человѣкомъ, и вникнемъ въ природныя условія жизни организмовъ, то легко придемъ къ выводу, что всякое совершенно еще молодое и неопытное существо, если оно не предрасположено наслѣдственно испытывать инстинктивный страхъ подъ вліяніемъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ комплексовъ внѣшнихъ впечатлѣній, не можетъ извѣдать это чувство иначе, какъ вслѣдствіе остановки или замедленія процесса дыханія. Отсутствіе умственныхъ возбужденій, недостатокъ чувственныхъ волненій, бездѣйствіе органовъ движенія, бѣдность воспріятій—все это явленія, очевидно не грозящія непосредственно благосостоянію организма, а потому и не могущія вызвать того волненія, которое носитъ названіе страха и которое прямо связано въ организмѣ съ его безсознательнымъ инстинктомъ самосохраненія. Задержка въ отправленіяхъ другихъ органовъ растительной системы точно также неспособна непосредственно вызвать это волненіе: задержка пищеваренія, какъ мы видѣли, имѣетъ послѣдствіемъ развитіе чувства злобы и чувства гнѣва, вызывающихъ къ наступательной, аггрессивной дѣятельности, а отнюдь не къ оборонительному поведенію животнаго, одержимаго страхомъ; задержка кровообращенія, какъ мы увидимъ ниже, обнаруживается особымъ чувствомъ апатіи и вялости, тоже не имѣющимъ ничего общаго съ чувствомъ страха, связаннымъ напротивъ съ извѣстнымъ *подъемомъ* силъ и дѣятельности; наконецъ задержка въ процессахъ, имѣющихъ задачею размноженіе, тоже первоначально не можетъ повести къ развитію въ животномъ страха уже потому, что помѣха этимъ процессамъ тоже необходимо побуждаетъ (подобно голоду) къ преслѣдованію другихъ существъ, а не къ бѣгству передъ ними. Что же касается до процессовъ, связанныхъ съ выдѣленіями въ собственномъ смыслѣ, то въ природныхъ условіяхъ жизни организмовъ никакой помѣхи и препятствія этимъ процессамъ быть не можетъ: такія препятствія могутъ быть созданы только чрезвычайно искусственными и отчасти даже непормальными условіями жизни организмовъ, между

тѣмъ какъ чувство страха одно изъ наиболѣе распространенныхъ между животными въ самой безъискусственной обстановкѣ существованія. Изъ всего этого и приходится заключать, что только помѣха дыхательнымъ отправленіямъ организмовъ и можетъ непосредственно вызвать образованіе чувства страха, что̀ легко подтвердить и рядомъ положительныхъ доказательствъ.

Во первыхъ, если внезапно прекратить доступъ воздуха въ дыхательные пути животнаго, то оно начнетъ биться и будетъ употреблять вообще всѣ усилія, чтобы освободиться отъ обстоятельствъ, стѣсняющихъ его дыханіе, обнаруживая при этомъ всѣ признаки высшаго безпокойства и страха. Даже и позднѣе, когда страхъ, подъ вліяніемъ новыхъ ассоціацій, можетъ быть вызванъ совершенно другими поводами, онъ всетаки никогда такъ ярко и отчетливо не обнаруживается, какъ вслѣдствіе дѣйствія на организмъ явленій, грозящихъ прекращеніемъ дыхательныхъ отправленій: и животныя и люди особенно боятся напр. стихійнаго дѣйствія воды и огня, грозящихъ заживо прекратить дыханіе, задушить. Кто не видѣлъ, какіе явные признаки страха и ужаса обнаруживаетъ напр. молодой щенокъ, когда его хотятъ бросить въ воду, чтобы научить плавать? Болѣзненная органическая задержка въ дыхательныхъ процессахъ, напр. у чахоточныхъ людей, тоже всегда обнаруживается припадками страха и безпокойства. Во снѣ кошемары, т. е. дремы, сопровождаемыя страхомъ, также съ одной стороны объясняются задержкою дыханія (вслѣдствіе дурного состава окружающей атмосферы или неловкаго положенія тѣла), съ другой стороны обыкновенно выражаются въ видѣніяхъ, представляющихъ сцены удушенія человѣка какимъ-нибудь чудовищемъ, стиснувшимъ его въ своихъ лапахъ или раздавливающемъ его своею тяжестью и т. д.

Во вторыхъ, *выраженія* страха тоже, на всѣхъ ступеняхъ его развитія, сходны съ выраженіями, сопровождающими недостатокъ или задержку дыханія (расширеніе зрачковъ, дрожаніе членовъ, прекращеніе отдѣленія слюны, блѣдность лица и т. д.).

Въ третьихъ, замѣчательно и то, что главнымъ проводникомъ инстинкта самосохраненія и главнымъ критеріемъ при рѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли бояться какого-нибудь непріятеля или нѣтъ, у животныхъ является обоняніе, регулирующее *первоначально* только дыхательные процессы.

Такимъ образомъ связь страха съ отрицательными страданіями, могущими сопровождать дыхательныя функціи, ясно обнаруживается. Но необходимо замѣтить, что чувство страха, какъ и чувство гнѣва, есть всетаки сложный продуктъ развитія, т. е. интеграціи извѣстныхъ первоначальныхъ чувствованій. Чувство страха, какъ его обыкновенно понимаютъ, уже предполагаетъ какой-либо объектъ. Предварительно существуетъ только безпред-

метное чувство страха или безпокойства (anxiété), которое составляетъ въ свою очередь интеграцію тѣхъ одиночныхъ элементовъ волненія, какіе образуются подъ вліяніемъ повторяющихся стѣсненій дыханія въ борьбѣ напр. съ другими животными, болѣе или одинаково сильными, стремящимися уничтожить данный организмъ. Вообще въ природной обстановкѣ животныхъ почти нѣтъ другихъ поводовъ для образованія чувства страха, кромѣ той же борьбы за существованіе съ другими животными, въ которой образуется чувство злобы, но борьбы изъ-за обратныхъ побужденій,—борьбы оборонительной, а не наступательной. Въ такой борьбѣ—болѣе слабаго организма съ болѣе сильнымъ съ цѣлью *самозащиты* — послѣдній всегда стремится задушить или удавить противника, такъ какъ это самое легкое средство прекратить его сопротивленіе. Не только змѣя торжествуетъ этимъ путемъ надъ своею добычею, но и всѣ крупныя плотоядныя животныя, стремясь прежде всего повалить и придавить свою добычу, естественно прежде всего грозятъ ей удушеніемъ, и если «добыча» нѣсколько разъ вырвалась невредимою изъ лапъ притѣснителя,—что̀ несомнѣнно должно случаться и что̀ единственно и объясняетъ сохраненіе въ природѣ слабыхъ породъ существъ на ряду съ сильными,—то въ ней развивается постепенно способность испытывать опредѣленное и болѣе сложное чувство страха при новой встрѣчѣ съ притѣснителями, способность, передаваемая наслѣдственно въ болѣе и болѣе опредѣленныхъ формахъ и дающая начало опредѣленнымъ направленіямъ инстинкта самосохраненія.

Подобно тому, какъ отрицательныя страданія, въ области дыхательныхъ процессовъ, постепенно осложняются въ чувство-волненіе страха, такъ точно положительныя удовольствія, въ той же области, постепенно совокупляются въ *волненіе надежды* и *чувство самоувѣренности*. Дѣло въ томъ, что при нормальныхъ условіяхъ процессъ дыханія вовсе не ведетъ къ сознательнымъ удовольствіямъ; но если условія этого процесса однажды были нарушены, то возстановленіе ихъ естественно ведетъ къ удовольствію, и притомъ если нарушеніе уже способно было вызвать страхъ, то возстановленіе ведетъ къ подобной же сложной реакціи организма въ формѣ чувства надежды (наклонность чахоточныхъ къ частымъ приступамъ надежды). Дѣйствительно, неоднократное прекращеніе опасности, считавшейся смертельною, должно вызвать появленіе совершенно особаго волненія или чувства, выражающаго пробужденіе всѣхъ силъ организма къ новой жизни и новой борьбѣ съ внѣшнею средою уже при болѣе благопріятной обстановкѣ «пріобрѣтеннаго опыта». Связь гармоніи дыхательныхъ отправленій съ чувствомъ надежды обнаруживается даже при наблюденіи условій образованія падежды въ развитомъ человѣкѣ. Чувство надежды

есть особаго рода иллюзія, заставляющая предполагать, что наше настоящее здоровое и безопасное существованіе безконечно будетъ длиться и въ будущемъ; эта иллюзія всего легче возобновляется въ такую пору года и при такой обстановкѣ, когда всего легче дышется и когда все вокругъ насъ благоухаетъ и нѣжно ласкаетъ наше обоняніе. Поэтому чувство надежды и упованія на будущее никогда не волнуетъ насъ такъ сильно, какъ весной, при выходѣ въ ясную погоду на свѣжій, здоровый воздухъ, наполненный ароматами цвѣтовъ и растеній; то же чувство возникаетъ въ человѣкѣ и при путешествіи въ горахъ, среди роскошной южной природы, въ горномъ, болѣе чистомъ воздухѣ.

Чувство унынія и *отчаянія* точно такимъ же способомъ образуется подъ вліяніемъ *слишкомъ напряженной* дѣятельности органовъ дыханія. Если мы, находясь въ самомъ пріятномъ настроеніи духа и одушевленные ласкающими надеждами, идемъ по широкой улицѣ большого города къ своему пріятелю и внезапно принуждены войти въ грязный, вонючій дворъ и затѣмъ въ удушливую атмосферу «задней» лѣстницы, то всѣ наши надежды внезапно уступаютъ мѣсто овладѣвающему нами чувству унынія, подавленнаго настроенія духа. Расположеніе къ этому чувству унынія, превращающемуся, при большей интенсивности, въ чувство отчаянія, образуется въ организмахъ тоже лишь постепенно и развивается наслѣдственно въ борьбѣ за существованіе. Многіе считаютъ отчаяніе только высшею ступенью развитія страха, но страхъ на такой высшей ступени называется ужасомъ (terror). Отчаяніе же развивается изъ унынія, и оба эти чувства, хотя и родственны чувствамъ страха и ужаса, представляютъ всетаки совершенно особый характеръ. Чувства унынія и отчаянія непремѣнно предполагаютъ разбитую надежду или увѣренность, тогда какъ страхъ и ужасъ такихъ антецедентовъ не требуютъ. Физіологически уныніе объясняется утомленіемъ дыхательныхъ органовъ, отчаяніе—совершеннымъ истощеніемъ ихъ силъ. Всякій животный организмъ, принужденный долгое время дышать въ тяжелой и вредной атмосферѣ, приходитъ въ состояніе *унынія;* но животное, застигнутое врасплохъ лѣснымъ пожаромъ, отъ котораго нѣтъ спасенія, послѣ долгой борьбы съ удушающей атмосферой дыма и копоти, чувствуя истощеніе дыхательныхъ средствъ, погружается въ совершенное *отчаяніе*, предшествующее смертельной агоніи.

Когда утомленіе и истощеніе органовъ дыханія имѣетъ временный характеръ и при измѣнившихся обстоятельствахъ исчезаетъ, то чувство унынія смѣняется *чувствомъ спокойствія.*

Установивъ такимъ образомъ связь между чувствами-волненіями, относящимися къ сферѣ инстинкта самосохраненія съ одной стороны и перво-

начальными чувствованіями удовольствія и страданія, связанными съ различными перипетіями въ процессѣ дыханія, съ другой, скажемъ еще нѣсколько словъ о чувствахъ и волненіяхъ, образующихся въ связи съ *процессомъ кровообращенія*.

Бо́льшая или ме́ньшая правильность и быстрота кровообращенія конечно тоже должны отражаться въ сознаніи человѣка и животныхъ тѣмъ или другимъ чувствомъ, но характеръ чувствъ, возникающихъ при измѣненіяхъ въ кровообращеніи, долженъ быть совершенно особенный. Во первыхъ, такъ какъ другія существа неспособны непосредственно оказывать вліяніе на этотъ процессъ, то соотвѣтственныя чувства должны быть всегда безпредметны, т. е. неспособны обратиться на другое существо. Затѣмъ, такъ какъ отъ характера кровообращенія зависитъ обыкновенно *общая* правильность отправленій организма, то чувства эти должны имѣть по преимуществу *общій* характеръ. Отрицательныя страданія, сопровождающія всякую задержку, замедленіе кровообращенія, подъ вліяніемъ ли внѣшнихъ температурныхъ условій или подъ вліяніемъ внутреннихъ органическихъ причинъ, должны повести къ образованію общаго *чувства вялости, апатіи*, такъ какъ съ замедленіемъ кровообращенія ослабляется энергія дѣятельности всѣхъ нашихъ тканей. Напротивъ, положительныя удовольствія, сопровождающія правильное и быстрое кровообращеніе, оживляющее энергію тканей, должны выразиться въ обратномъ *чувствѣ оживленія, веселости*. Что этотъ контрастъ чувствъ дѣйствительно имѣетъ источникомъ различную скорость кровообращенія, видно между прочимъ изъ различія въ характерѣ и темпераментѣ людей сѣвера, т. е. холоднаго климата (апатичность и флегма), и людей юга, т. е. теплаго климата (сангвиническій темпераментъ). Вообще различіе темпераментовъ, тѣсно связанное съ различіемъ въ степени развитости упомянутыхъ чувствъ, въ то же время всегда зависитъ отъ окружающихъ человѣка климатическихъ условій, прежде всего вліяющихъ на процессъ кровообращенія. Найти остальныя два чувства той же группы уже не трудно. Слишкомъ напряженное кровообращеніе, подъ вліяніемъ напр. слишкомъ высокой температуры, всегда вызываетъ *чувство тоски, печали*, тоже въ своемъ родѣ обратное чувству оживленія и веселости. Способъ образованія этого чувства «тоски», подъ вліяніемъ указанныхъ условій, мы всего лучше можемъ прослѣдить во время палящаго лѣтняго зноя или въ сильно нагрѣтой атмосферѣ различныхъ «собраній» (напр. театровъ). Однако, такъ какъ значительное повышеніе температуры въ большихъ собраніяхъ людей почти всегда связано съ одновременнымъ ухудшеніемъ качества воздуха и съ вредомъ для дыхательныхъ процессовъ, то чувство тоски часто сочетается съ

чувствомъ унынія, и потому принято думать, что это родственныя чувства, хотя сочетаніе ихъ обусловливается лишь чисто внѣшними обстоятельствами. — Когда изъ удушливой атмосферы, напр. театра, человѣкъ выходитъ опять на свѣжій воздухъ, то чувство тоски смѣняется *чувствомъ физическаго облегченія.*

Такимъ образомъ всѣ сближенія, сдѣланныя нами между первичными чувствами и отдѣльными группами первоначальныхъ удовольствій и страданій, связанныхъ съ тѣмъ или другимъ отправленіемъ организма, имѣютъ основаніемъ дѣйствительныя наблюденія надъ процессомъ образованія каждаго сложнаго чувства и волненія. Мы вполнѣ убѣждены однако, что многіе читатели найдутъ наблюденія, нами приведенныя, недостаточными и потому, можетъ быть, не будутъ удовлетворены и нѣкоторыми изъ проведенныхъ нами параллелей. Но дѣло не въ частностяхъ. Мы стремились только доказать рядомъ примѣровъ *общую мысль*, что всѣ сложныя чувства и волненія *можно* объяснять *периферическимъ* происхожденіемъ и что первичныя осложненія чувствованій устанавливаютъ тѣсную связь между всѣми первоначальными и чисто мѣстными явленіями удовольствія и страданія съ одной стороны и еще болѣе сложными и совершенно утратившими мѣстный характеръ чувствами съ другой. Чтобы доказать правильность каждой отдѣльной локализаціи чувствъ конечно недостаточно отрывочныхъ фактовъ, нами приведенныхъ. Для этого необходимы точныя и продолжительныя наблюденія:

1) надъ условіями развитія каждаго изъ означенныхъ чувствъ въ ребенкѣ и вообще въ человѣкѣ;

2) надъ условіями образованія тѣхъ же чувствъ въ отдѣльныхъ животныхъ особяхъ того или другого вида;

3) надъ условіями ихъ сравнительнаго развитія у различныхъ видовъ животныхъ;

4) надъ условіями ихъ видоизмѣненія и ослабленія подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ индивидуальныхъ обстоятельствъ въ жизни организмовъ;

5) надъ внѣшними и внутренними выраженіями каждаго чувства въ человѣкѣ и животныхъ;

6) надъ случаями болѣзненнаго усиленія и преувеличенія каждаго изъ нихъ въ связи съ болѣзненными процессами въ организмѣ.

Когда всѣ *эти* наблюденія будутъ сдѣланы, тогда «локализація первичныхъ чувствъ» можетъ быть поставлена на дѣйствительно твердую и непоколебимую научную почву. Но въ ожиданіи подобнаго результата, мы всетаки считали полезнымъ подтвердить свои обобщенія всѣми доступными намъ доказательствами. Эти доказательства, кажется намъ, достаточны по крайней мѣрѣ для того, чтобы сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1) Всѣ такъ называемыя общія чувства и волненія имѣютъ *сложное* происхожденіе.

2) Каждое изъ упомянутыхъ общихъ чувствъ *можетъ* быть поставлено въ связь по преимуществу *съ тою или другою группою первоначальныхъ чувствованій* удовольствія и страданія.

3) Всѣ они должны быть распредѣлены въ *родственныя группы*; среди которыхъ остается въ силѣ различіе *четырехъ моментовъ* развитія чувствованій.

4) Каждая изъ этихъ группъ первичныхъ чувствъ и волненій вѣроятно имѣетъ такую же спеціальную связь съ какою-нибудь группою *отправленій организма*, какъ и каждая группа первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія.

Изъ числа этихъ тезисовъ всего менѣе былъ до сихъ поръ затронутъ нами первый — о *сложности* всѣхъ общихъ чувствъ и волненій, ибо мы лишь поверхностно и въ главныхъ чертахъ касались выше самаго процесса образованія каждаго общаго волненія изъ первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія. Поэтому теперь мы постараемся подробнѣе прослѣдить фазисы подобнаго осложненія на какихъ-нибудь двухъ, совершенно несходныхъ, примѣрахъ, которые бы опредѣлили *общую схему* совокупленія всѣхъ первоначальныхъ чувствованій.

Возьмемъ два какія-нибудь чувства изъ различныхъ сферъ, — положимъ чувство *скуки* и чувство-волненіе *силы*, *энергіи*. Мы избираемъ эти чувства потому, что относительно ихъ уже не можетъ быть сомнѣнія въ принадлежности — перваго къ интеллектуальнымъ чувствамъ, второго — къ чувствамъ, связаннымъ съ движеніемъ и дѣятельностью въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Животныя, какъ мы уже замѣтили выше, весьма рѣдко способны испытывать *скуку*, хотя нельзя отрицать, что перенесеніе ихъ въ искусственныя условія существованія, напр. помѣщеніе въ клѣтку зоологическаго сада, можетъ подать поводъ къ образованію весьма сходныхъ состояній, но только совершенно *элементарнаго* характера. Притомъ тигръ, упорно бѣгающій взадъ и впередъ по своей клѣткѣ, гораздо больше страдаетъ отъ невозможности «двигаться» съ достаточной свободою, т. е. отъ чувства *стѣсненія* или *бездѣйствія*, чѣмъ отъ недостатка умственной работы, которая на свободѣ несомнѣнно совершается въ немъ — при исканіи добычи и овладѣваніи ею, при борьбѣ съ другими животными, одинаково сильными или болѣе хитрыми и т. д., но которая всетаки не составляетъ для него *насущной потребности*. Лишеніе умственной дѣятельности уже потому не можетъ быть особенно замѣтно для животныхъ, что самая дѣятельность эта всетаки ни-

чтожна и направлена лишь на удовлетвореніе самыхъ непосредственныхъ нуждъ. Даже человѣкъ, на низкой ступени культуры, рѣдко и слабо испытываетъ это чувство, и образованные люди часто удивляются, какъ можетъ какой-нибудь безграмотный «сторожъ», сидя или стоя, проводить длинные часы на опредѣленномъ ему мѣстѣ, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ скуки и недовольства. Въ вагонѣ желѣзнодорожнаго поѣзда мы можемъ тоже легко наблюдать, въ какой степени большинство необразованныхъ и малообразованныхъ людей одарено способностью цѣлые часы и даже дни обходиться безъ всякой интеллектуальной работы, не испытывая никакого замѣтнаго тягостнаго чувства. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ конечно людямъ доступны *опдѣльныя* и болѣе или менѣе *слабыя* непріятныя ощущенія въ бездѣйствующихъ центрахъ, заставляющія ихъ принимать различныя положенія съ цѣлью доставить новыя впечатлѣнія своему уму, напр. въ вагонѣ и необразованный человѣкъ не все время пребываетъ въ полной нравственной апатіи, а иногда проявляетъ потребность выглянуть въ окошко или прислушаться къ разговору сосѣдей и т. д.; но всѐже настоящее и весьма тяжелое для развитаго человѣка чувство скуки при подобныхъ условіяхъ не можетъ образоваться, и намъ часто приходилось убѣждаться, что даже точный смыслъ этого слова не для всякаго человѣка понятенъ. Когда же и при какихъ условіяхъ образуется въ человѣкѣ настоящее чувство скуки? Мы можемъ прослѣдить этотъ процессъ и надъ ребенкомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, если только онъ имѣетъ наслѣдственное предрасположеніе къ умственной дѣятельности и окруженъ обстановкою, рано развивающею его интеллектуальныя дарованія. Много разъ напр. случалось намъ наблюдать, какъ частый разговоръ матери или няньки съ ребенкомъ, начиная съ первыхъ мѣсяцевъ по рожденіи, и раннія попытки объяснять ему значеніе окружающихъ предметовъ приводили къ тому, что уже семи-восьми мѣсяцевъ и даже ранѣе ребенокъ обнаруживалъ явные признаки скуки, когда въ урочный часъ нянька не брала его на руки и не подводила къ различнымъ предметамъ, называя ихъ и объясняя ихъ значеніе. Въ девять мѣсяцевъ одно изъ такихъ дѣтей пріучилось даже отчетливо требовать, чтобы въ извѣстную пору дня (а именно вечеромъ) нянька носила его по комнатамъ и называла предметы. Оно указывало рукою, въ какую сторону его слѣдовало нести, и пальцемъ показывало на каждую изъ картинъ, висѣвшихъ по стѣнамъ, требуя, чтобы ее называли. Ребенокъ этотъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока каждая картина не была названа, и затѣмъ обращался къ другой стѣнѣ, требуя повторенія той же операція. Когда его долго не брали на руки и лишали этой прогулки и бесѣды, онъ плакалъ и не хотѣлъ болѣе играть тѣми игрушками, которыя часа два тому назадъ вполнѣ поглощали

его вниманіе. Изъ подобныхъ случаевъ мы видимъ, что чувство скуки зарождается въ ребенкѣ только подъ вліяніемъ *привычки ума работать* въ извѣстное время въ какомъ-нибудь направленіи. Вѣдь есть другія дѣти гораздо старше, которыя цѣлые часы способны сидѣть въ апатичной позѣ, не требуя никакого развлеченія и довольствуясь тѣми немногими впечатлѣніями, которыя имъ случайно навязываетъ внѣшняя обстановка. Если въ болѣе поздній возрастъ и въ нихъ образуется всетаки способность испытывать чувство скуки, то это значитъ, что обстоятельства воспитанія выработали въ нихъ позднѣе подобную же привычку размышлять и вообще работать интеллектуально. Въ такомъ случаѣ продолжительное отсутствіе умственной работы, повторенное нѣсколько разъ, поведетъ таки наконецъ къ образованію весьма опредѣленнаго непріятнаго чувства, готоваго проявиться каждый разъ, какъ обстоятельства вновь лишатъ данный субъектъ обычной для него дѣятельности ума; а это чувство и есть чувство скуки. Сознательное чувство скуки представляется такимъ образомъ послѣдствіемъ съ одной стороны привычки къ умственной работѣ, съ другой стороны — ассоціаціи этой привычки съ извѣстными условіями внѣшней обстановки, въ третьихъ — ассоціаціи между собою нѣсколькихъ прошедшихъ и болѣе слабыхъ чувствованій неудовольствія, подъ вліяніемъ бездѣятельности ума, и накопецъ интеграціи всѣхъ подобныхъ единичныхъ чувствованій, одновременно или разновременно наполнявшихъ сознаніе, въ одно слитное явленіе сознанія, извѣстное намъ подъ именемъ скуки и возникающее неизмѣнно подъ вліяніемъ извѣстной комбинаціи внѣшнихъ условій. Разъ образовавшись, чувство скуки можетъ понемногу изъ конкретнаго (первичнаго) сдѣлаться отвлеченнымъ (вторичнымъ), т. е. ассоціаціи, его выражающія, могутъ пріобрѣсти болѣе *общій* характеръ; затѣмъ оно можетъ дифференцироваться, т. е. принимать различныя формы развитія подъ вліяніемъ повторенія различныхъ спеціальныхъ условій, дающихъ поводъ къ его образованію; наконецъ оно можетъ входить въ связь и сочетаться съ различными другими чувствами. Мы желали въ данномъ случаѣ указать лишь на способъ возникновенія *первичнаго* чувства скуки. На этой ступени развитія условія, способныя вызвать данное чувство, всегда имѣютъ однообразный, рѣзко очерченный и совершенно конкретный характеръ. Этотъ характеръ всегда опредѣляется складомъ умственной дѣятельности индивидуума. Отсутствіе умственной дѣятельности, къ которой *онъ* спеціально пріученъ, и вызываетъ въ его сознаніи чувство скуки. Отсутствіе всякой другой умственной дѣятельности (ему непривычной) не имѣетъ подобнаго дѣйствія. Изъ этого мы можемъ заключать между прочимъ, что первичное чувство скуки въ каждомъ человѣкѣ можетъ имѣть свои особыя *индивидуальныя* черты.

Вообще *всѣ первичныя чувства въ сознаніи отдѣльныхъ людей носятъ на себѣ индивидуальный отпечатокъ*, сообразно съ условіями ихъ возникновенія. Только *вторичныя*, т. е. обобщенныя или отвлеченныя чувства принимаютъ болѣе однообразный характеръ, по крайней мѣрѣ для существъ одного и того же вида, такъ какъ они выражаютъ уже не столько личныя, сколько *общія* для всего вида условія развитія каждаго волненія или настроенія. Но затѣмъ дальнѣйшее дифференцированіе вторичнаго или обобщеннаго чувства опять обнаруживаетъ индивидуальныя черты. Итакъ анализъ чувства скуки привелъ насъ къ выводу, что каждое первичное чувство дѣйствительно является продуктомъ памятованія, ассоціаціи и интеграціи *одиночныхъ* первоначальныхъ чувствованій той или другой категоріи; но такъ какъ самые *элементы* и *условія ихъ сочетанія* зависятъ отъ индивидуальныхъ особенностей организма и его обстановки, то и продуктъ сложенія всегда носитъ на себѣ отпечатокъ личнаго характера индивидуума.

Прослѣдимъ теперь развитіе еще одного первичнаго чувства, а именно чувства-волненія *силы*, *энергіи*. Это чувство образуется на болѣе ранней ступени развитія, чѣмъ предыдущее: почти всѣ животныя знакомы съ этимъ чувствомъ, какъ видно изъ инстинктивной наклонности болѣе сильныхъ нападать на болѣе слабыхъ. Эта инстинктивная наклонность могла образоваться въ каждомъ видѣ животныхъ только потому, что въ теченіе многочисленныхъ поколѣній въ каждомъ индивидуумѣ развивалось и закрѣплялось вновь чувство силы, столь необходимое для удачной борьбы съ другими существами. Но зато въ человѣческихъ индивидуумахъ чувство силы образуется гораздо позднѣе, потому что искусственныя условія человѣческаго быта значительно ослабили жизненное значеніе этого чувства; несомнѣнно, что въ первомъ возрастѣ человѣкъ вполнѣ можетъ безъ него обходиться; ребенокъ вѣдь рождается совершенно слабымъ и безпомощнымъ и почти неспособенъ ни къ какому самостоятельному управленію своими мышцами; самая потребность къ движенію и дѣйствію является у него тоже лишь черезъ нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ послѣ рожденія. Между тѣмъ чувство силы именно образуется изъ многократнаго удовлетворенія такой потребности. Когда ребенокъ научается брать предметы, т. е. когда слагается привычка извѣстнаго движенія рукъ и упражненія соотвѣтственныхъ мышцъ, то продолжительное лишеніе такого упражненія мышцъ, служащихъ для схватыванія и держанія предметовъ, для ребенка тягостно—онъ тянется къ предметамъ и плачетъ, если ему не даютъ ничего въ руки. Очевидно онъ начинаетъ страдать отъ непріятныхъ чувствованій, изъ которыхъ впослѣдствіи слагается чувство бездѣйствія. Когда наконецъ предметъ попался ему въ руки, то улыбка служитъ выраженіемъ его удовольствія; онъ

начинаетъ трясти предметъ, бросаетъ его на полъ, потомъ снова тянется къ нему, схватываетъ его опять и т. д. Всѣ эти движенія очевидно доставляютъ ему рядъ отдѣльныхъ, весьма замѣтныхъ удовольствій. Когда ребенокъ научается ползать, а потомъ ходить, то точно также лишеніе обычныхъ способовъ упражненія мышцъ заставляетъ его тосковать, а возвращеніе къ привычнымъ движеніямъ вызываетъ удовольствіе. Но всѣ эти отдѣльныя ощущенія удовольствія еще не составляютъ чувства силы: пока ребенокъ не научился владѣть вполнѣ всѣми своими членами, до тѣхъ поръ чувство силы въ настоящемъ своемъ составѣ ему недоступно. Это чувство мы наблюдаемъ впервые только въ ребенкѣ четырехъ-пяти лѣтъ, который уже научился бѣгать, прыгать и вообще достигъ полной свободы въ управленіи своими движеніями. Веселая улыбка, оживляющая его лицо, когда онъ занимается бѣготней по комнатамъ, дѣлая прыжки, взлѣзая на мебель, спрыгивая съ нея и проч., служитъ яснымъ отраженіемъ перваго пробужденія въ немъ *чувства силы*. Между тѣмъ элементы этого чувства давно существовали и мы имѣемъ въ данномъ случаѣ одинъ изъ самыхъ наглядныхъ образчиковъ различія между первоначальными чувствованіями и продуктомъ ихъ полной интеграціи. Иная мать можетъ быть и въ состояніи, при внимательномъ наблюденіи, уловить знаменательный для нея моментъ улыбки ребенка, наконецъ сознавшаго вполнѣ и въ первый разъ свою силу, и между тѣмъ та же мать должна будетъ признаться, что она видѣла множество весьма сходныхъ, но однако *менѣе сознательныхъ* улыбокъ съ того самаго момента, какъ она подала ребенку первый предметъ, къ которому онъ тянулся. Такимъ образомъ если долженъ быть моментъ перехода отдѣльныхъ и разрозненныхъ чувствованій каждаго класса въ одно совершенно слитное и сознательное чувство, то уловить этотъ моментъ не всегда одинаково легко. Въ данномъ случаѣ это легче, чѣмъ во многихъ другихъ, но и тутъ всегда возможны ошибки, ибо психическое развитіе, какъ и вообще органическое, не поддается такимъ математически-точнымъ наблюденіямъ, какъ различныя превращенія неорганическихъ тѣлъ. Притомъ осложненіе чувствованій въ первичныя чувства совершается всетаки *постепенно* и есть рядъ *переходныхъ ступеней*, которыя трудно прослѣдить. Это не помѣшало намъ однако провести различіе между *чувствованіями* и *чувствами*, ибо задача науки и познанія вообще состоитъ именно въ томъ, чтобы отмѣчать и различать *главныя ступени* превращенія явленій. Мы различаемъ зрѣлое яблоко отъ незрѣлаго, но уловить моментъ полнаго созрѣванія едва ли возможно; мы различаемъ точно также цвѣтъ и плодъ растеній, хотя при превращеніи перваго въ послѣдній бываютъ моменты, когда такое рѣзкое противуположеніе неумѣстно; въ развитіи животнаго зародыша эмбріологія тоже различаетъ

нѣсколько фазисовъ, но опредѣлить точно моменты наступленія каждаго новаго фазиса едвали всегда возможно.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ частныхъ результатовъ, добытыхъ нами при анализѣ процесса образованія различныхъ чувствъ, мы въ заключеніе можемъ сдѣлать слѣдующую болѣе точную характеристику *первичныхъ* чувствъ, при сравненіи ихъ съ первоначальными чувствованіями удовольствія и страданія:

1) Первичныя чувства составляютъ первую замѣтную ступень осложненія первоначальныхъ чувствованій.

2) Они являются продуктами накопленія слѣдовъ первоначальныхъ чувствованій отдѣльныхъ классовъ, ихъ ассоціаціи между собою и интеграціи въ одно цѣлое чувство-волненіе или чувство-настроеніе.

3) Такъ какъ каждое первичное чувство образуется изъ сложенія первоначальныхъ чувствованій опредѣленной группы, то оно имѣетъ всегда основою рядъ опредѣленныхъ периферическихъ возбужденій.

4) Вслѣдствіе этого первичныя чувства можно локализировать въ связи съ отправленіями различныхъ органовъ въ такой же мѣрѣ, какъ первоначальныя чувствованія удовольствія и страданія.

5) Каждой группѣ первоначальныхъ чувствованій соотвѣтствуетъ особое первичное чувство-волненіе или чувство-настроеніе.

6) Но характеръ различныхъ первичныхъ чувствъ совершенно относительный: въ различныхъ индивидуумахъ тѣ же первичныя чувства представляютъ различныя особенности, ибо элементы, изъ которыхъ они сложились, и процессы сложенія этихъ элементовъ разнообразны и носятъ на себѣ отпечатокъ какъ индивидуальныхъ, такъ и наслѣдственныхъ условій развитія каждаго организма.

7) Для первичныхъ чувствъ нѣтъ пока соотвѣтствующихъ названій ни въ разговорномъ, ни въ литературномъ языкѣ; но такъ какъ вторичныя чувства мало отличаются отъ первичныхъ своимъ внутреннимъ (эмоціональнымъ?) характеромъ, то для распредѣленія первичныхъ чувствъ можно пользоваться *названіями вторичныхъ*, давая имъ однако болѣе тѣсное значеніе, т. е. отвлекаясь отъ искусственныхъ ассоціацій, представляющихъ новую ступень развитія чувствительности.

Въ слѣдующей главѣ намъ предстоитъ вкратцѣ ознакомиться съ процессомъ превращенія первичныхъ чувствъ во вторичныя и вторичныхъ въ еще болѣе сложныя единства. Согласно съ общимъ планомъ нашей работы, мы конечно ограничимся лишь примѣрнымъ разборомъ *нѣсколькихъ* осложненій каждаго типа.

ГЛАВА XIV.

Кратній очеркъ дальнѣйшаго развитія чувствъ (и волненій) изъ первичныхъ во вторичныя и еще болѣе сложныя.

Развитіе психическихъ явленій, какъ мы показали выше, можетъ быть признано особымъ видомъ *уподобленія* внутреннихъ отношеній внѣшнимъ. Каждый высшій фазисъ этого развитія можно объяснять напечатлѣніемъ въ сознаніи болѣе сложныхъ внѣшнихъ отношеній, чѣмъ въ предшествующій. Въ первоначальныхъ чувствованіяхъ косвенно отражаются элементарныя и единичныя раздраженія изъ внѣшней среды; въ первичныхъ чувствахъ мы имѣемъ дѣло съ уподобленіемъ внутреннихъ отношеній болѣе сложнымъ комплексамъ внѣшнихъ отношеній, а именно отношеніямъ, которыя могутъ быть выражены въ понятіи «непосредственной или прямой» борьбы за существованіе, требующей разумѣется развитія самыхъ разностороннихъ силъ въ организмѣ. Но самая эта непосредственная борьба за существованіе можетъ быть болѣе или менѣе сложною и можетъ вызывать различнаго характера реакціи со стороны организма. Сообразно съ этимъ даже и первичныя чувства различныхъ классовъ образуются въ организмѣ не одновременно и не съ одинаковою быстротою. Первичныя чувства и волненія, соотвѣтствующія низшимъ, растительнымъ функціямъ организма образуются гораздо ранѣе, нежели первичныя чувства, соотвѣтствующія высшимъ, животнымъ отправленіямъ его. Затѣмъ изъ числа первыхъ, какъ и изъ числа послѣднихъ, одни развиваются ранѣе, нежели другія; напр. чувства и волненія, соотвѣтствующія процессамъ питанія и дыханія, образуются ранѣе, чѣмъ чувства, которыя соотвѣтствуютъ процессу размноженія. Изъ числа первичныхъ чувствъ, развивающихся чрезъ обмѣнъ впечатлѣній, тѣ, которыя связаны съ процессами движенія и воспріятія, образуются ранѣе прочихъ. Всего позднѣе образуются первич-

ныя чувства, связанныя съ объективными процессами сознанія. Стало быть, всѣ классы первичныхъ чувствъ можно было бы распредѣлить въ такую схему, которая бы изображала *обычную* послѣдовательность ихъ развитія. [1]) Разумѣется, при *разновременности* образованія первичныхъ чувствъ различныхъ классовъ, зависящей отъ различныхъ условій борьбы за существованіе, можно легко представить себѣ, что въ однихъ видахъ организмовъ извѣстныя чувства уже образовались, въ то время какъ другія вовсе не доступны этимъ видамъ организмовъ; но можно себѣ представить также, что, подъ вліяніемъ особыхъ условій борьбы за существованіе, обычный порядокъ развитія чувствъ въ данномъ видѣ измѣняется, или что отдѣльныя звенья въ линіи постепенной эволюціи первичныхъ чувствъ въ этомъ видѣ организмовъ выпадаютъ и т. д. Только въ человѣкѣ, представляющемъ самое полное развитіе органическаго типа, всѣ первичныя чувства развиваются болѣе или менѣе равномѣрно, хотя всетаки въ извѣстной преемственности и не всегда съ одинаковой полнотою и характерностью.

Но если уже *первичныя* чувства образуются въ организмахъ не одновременно и не съ одинаковой рельефностью, то и *вторичныя*, а равно и болѣе сложныя чувства, представляющія уподобленіе еще болѣе сложнымъ внѣшнимъ отношеніямъ, возникающимъ изъ посредственной или косвенной борьбы за существованіе, развиваются въ томъ же организмѣ и въ различныхъ организмахъ еще менѣе равномѣрно и въ еще болѣе разнообразной степени. Несомнѣнно случается и то, что нѣкоторыя первичныя чувства уже перешли въ данномъ организмѣ во вторичныя и другія образованія, въ то время какъ первичныя чувства иныхъ классовъ вовсе еще не образовались въ немъ. Характеръ подобныхъ послѣдовательностей въ развитіи чувствительности опредѣляется въ каждомъ *видѣ* организмовъ спеціальными условіями *его* борьбы за жизнь, и затѣмъ возможны еще часто *индивидуальныя* колебанія въ преемствѣ образованія сложныхъ чувствъ, зависящія отъ спеціальныхъ условій въ обстановкѣ существованія каждаго индивидуума. Никакихъ общихъ правилъ послѣдовательности на этихъ ступеняхъ развитія чувствительности пока нельзя установить. Для каждаго вида организмовъ наука (біологія) должна *эмпирическимъ методомъ* опредѣлить свойственную ему особую схему осложненія чувствованій и выяснить *предѣлы* индивидуальныхъ отклоненій отъ этой схемы развитія. Эта задача такъ обширна, что сколько-нибудь точное выполненіе ея можетъ потребовать многихъ десятилѣтій работы большого круга спеціалистовъ,

[1]) Намъ кажется, что эта *обычная* схема развитія слѣдующая: I, III, II, IV, VI, V, VII, VIII. Окончательно опредѣлить ее можетъ только *біологическая наука* въ широкомъ значеніи слова

не говоря уже о томъ, что удачное выполненіе ея во многомъ зависитъ и отъ успѣховъ всѣхъ біологическихъ наукъ въ совокупности, а потому въ настоящее время эта задача можетъ даже оказаться еще несвоевременною. Въ виду этихъ соображеній, мы и намѣрены ограничиться анализомъ лишь самыхъ типическихъ сторонъ означеннаго развитія чувствъ и притомъ только на отдѣльныхъ *примѣрахъ* превращенія первичныхъ чувствъ во вторичныя и еще болѣе сложныя, такъ какъ законы этого превращенія вездѣ одни и тѣ же, и два-три примѣра могутъ вполнѣ выяснить природу каждаго общаго процесса.

Прежде всего не надо забывать, что каждая интеграція явленій сознанія, прежде чѣмъ перейти въ интеграцію высшей степени, предполагаетъ предварительную дифференціацію даннаго цѣлаго. Слѣдовательно намъ предстоитъ теперь разобрать собственно не два, а цѣлыхъ пять моментовъ въ развитіи чувствъ и волненій, а именно: моментъ *дифференціаціи первичныхъ чувствъ*, моментъ *интеграціи этихъ дифференцированныхъ первичныхъ чувствъ во вторичныя*, моментъ *дифференціаціи вторичныхъ чувствъ*, моментъ *интеграціи продуктовъ этой вторичной дифференціаціи въ еще болѣе сложныя единства* и наконецъ моментъ *дифференціаціи этихъ болѣе сложныхъ единствъ*.

Для того, чтобы опредѣлить условія всѣхъ этихъ моментовъ развитія, необходимо ближе вникнуть въ процессъ осложненія феноменовъ чувствительности ощущеніями и идеями, т. е. въ процессъ развитія, такъ сказать, «объективной» сознательности этихъ феноменовъ. Мы уже говорили, что совокупленіе чувствованій и чувствъ съ ощущеніями и идеями въ извѣстномъ отношеніи всегда предшествуетъ взаимному ихъ сочетанію.

Первоначальныя чувствованія совокупляются въ первичныя чувства только благодаря предшествующему осложненію ихъ объективными ощущеніями. Точно также и первичныя чувства и волненія сначала имѣютъ безпредметный и чисто субъективный характеръ, и только послѣ установленія ихъ объективныхъ связей возможна дальнѣйшая ихъ дифференціація и интеграція во вторичныя чувства. Этотъ феноменъ легко объясняется характеромъ состава психическихъ оборотовъ. Ощущенія и идеи всегда предшествуютъ чувствованіямъ и чувствамъ, и такъ какъ развитію чувствъ всегда предшествуетъ повтореніе чувствованій, а такое повтореніе чувствованій возможно лишь подъ условіемъ повторенія цѣлыхъ психическихъ оборотовъ, ведущаго къ ассоціаціи чувствованій съ ощущеніями, то такая ассоціація чувствованій и ощущеній естественно предшествуетъ образованію первичныхъ чувствъ. Точно также общія первичныя чувства, прежде чѣмъ перейти въ спеціальныя, естественно должны прочно сочетаться съ соотвѣт-

ствующими имъ въ данныхъ оборотахъ представленіями и т. д. Однако *преемство моментовъ* психическаго оборота объясняетъ всетаки только внѣшнимъ образомъ отмѣченную послѣдовательность объективныхъ и субъективныхъ осложненій феноменовъ чувствительности на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія, не будучи способно мотивировать и ихъ внутреннюю связь и зависимость. Оно не объясняетъ напр., отчего для превращенія чувствованій въ первичныя чувства *непремѣнно нужна* предварительная ассоціація ихъ съ ощущеніями. Необходимость этой внутренней связи вытекаетъ лишь изъ самыхъ законовъ ассоціаціи и вообще развитія психическихъ явленій. Мы видѣли, что всѣ *главныя* и *коренныя* условія осложненія психическихъ явленій лежатъ въ характерѣ *внѣшнихъ* соотношеній. Эти внѣшнія соотношенія запечатлѣваются непосредственно лишь въ ощущеніяхъ и идеяхъ, и такимъ образомъ связь между отдѣльными чувствованіями и чувствами не можетъ установиться безъ участія ощущеній и идей, выражающихъ соотношенія внѣшнихъ явленій, къ которымъ приспособляются данные феномены чувствительности. Такое положеніе вещей и повело къ тому, что психологи долгое время считали память, ассоціацію и другіе подобные процессы исключительною принадлежностью развитія ощущеній и идей,—между тѣмъ какъ въ сущности дѣло ограничивается лишь тѣмъ, что памятованіе чувствованій и чувствъ подчинено памятованію ощущеній и идей (точно также какъ напр. удержаніе въ памяти стремленій находится въ зависимости отъ памятованія чувствованій и ощущеній), что ассоціація и интеграція чувствованій и чувствъ тоже въ извѣстной мѣрѣ подчинена ассоціаціи и интеграціи ощущеній и идей и т. д. Такимъ образомъ процессъ осложненія феноменовъ чувствительности ощущеніями и идеями въ извѣстномъ отношеніи предшествуетъ ихъ взаимному сочетанію. Но съ другой стороны не надо забывать, что продукты этаго взаимнаго сочетанія, основываясь на совокупленіи каждаго изъ ихъ элементовъ съ извѣстными ощущеніями, сами отнюдь еще не бываютъ съ самаго начала связаны съ идеями болѣе сложныхъ отношеній, непосредственно *имъ* соотвѣтствующихъ. Связь чувствъ съ этими болѣе общими идеями выясняется лишь впослѣдствіи, при повтореніи вновь образовавшихся сложныхъ оборотовъ сознанія. Поэтому, съ другой стороны, сочетаніе чувствъ съ идеями предваряется ихъ внутреннимъ развитіемъ и настоящая «объективная» сознательность каждаго феномена чувствительности развивается уже послѣ «субъективной» его сознательности. Это двоякое отношеніе чувствъ и идей и необходимо имѣть въ виду при разборѣ дальнѣйшихъ превращеній чувствъ.

I. Первичныя чувства и волненія, какъ мы говорили не разъ, образу-

ются изъ сочетанія между собою и съ ощущеніями однородныхъ первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія. Имъ соотвѣтствуютъ идеи болѣе сложныхъ отношеній, вытекающихъ изъ борьбы за существованіе, которую ведетъ организмъ съ цѣлью доставить себѣ все необходимое для жизни. Но эти идеи сложныхъ отношеній возникаютъ не сразу, а лишь послѣ нѣсколькихъ случаевъ повторенія чувства въ связи съ извѣстною обстановкою. Чувство страха напр. сначала совершенно безпредметно, но постепенно оно прикрѣпляется къ представленію о животномъ, нападающемъ на данный организмъ и стремящемся задавить и задушить его съ цѣлью употребить его потомъ себѣ въ пищу. На этой ступени развитія чувство страха изъ субъективно-сознательнаго сдѣлалось въ то же время и объективно-сознательнымъ, — интеграція достигла полнаго предѣла и вскорѣ наступаетъ дифференціація. Дѣло въ томъ, что обстоятельства возникновенія чувства въ различныхъ случаяхъ не бываютъ совершенно тождественными; но сначала ихъ разнообразіе не замѣчается, ибо пока тѣ или другіе случаи образованія чувства единичны и разрознены, связь чувствъ съ различными частными представленіями обстоятельствъ болѣе или менѣе зыбка и неустойчива: ассоціаціи безпрестанно мѣняются и неизмѣнными остаются только самая основа чувства или волненія и общее представленіе объ обстановкѣ, его сопровождающей. Только по мѣрѣ приспособленія организма къ этой общей обстановкѣ въ немъ вырабатывается постепенно опредѣленный способъ реакціи на неё и съ тѣмъ вмѣстѣ одни сочетанія обстоятельствъ берутъ въ его личномъ опытѣ перевѣсъ надъ другими. Это небольшое число опредѣленныхъ сочетаній обстоятельствъ постепенно прочнѣе и прочнѣе ассоціируется съ чувствомъ, тогда какъ всѣ другія сочетанія обстоятельствъ параллельно диссоціируются отъ чувства, и такъ какъ самое чувство испытываетъ различныя превращенія подъ вліяніемъ той или другой обстановки, его вызвавшей, то твердое установленіе нѣсколькихъ подобныхъ ассоціацій ведетъ въ концѣ концовъ къ дифференціаціи первичнаго чувства на нѣсколько болѣе спеціальныхъ чувствъ одного и того же вида.

Примѣры дифференціаціи первичныхъ чувствъ:

1) Первичное *чувство злобы*, образовавшееся изъ элементовъ волненія, сопровождавшихъ недостатокъ пищи, и вызванное борьбою съ другими организмами изъ-за ея пріобрѣтенія, сначала совершенно безпредметно; но постепенно оно ассоціируется съ представленіемъ борьбы противъ какого-либо другого животнаго съ цѣлью умерщвленія этого послѣдняго и обращенія его въ пищу. Сперва на частный характеръ этой борьбы въ отдѣльныхъ случаяхъ не обращается вниманія; но позднѣе, когда данное животное вы-

работало опредѣленные пріемы такой борьбы и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлало выборъ между животными, могущими служить удобною для него добычею, а равно и опредѣлило средства овладѣванія добычею въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, то ассоціаціи чувства съ разнообразными условіями его возникновенія перестали быть случайными, а напротивъ постепенно сдѣлались болѣе прочными и постоянными. Такъ называемый «царскій орелъ» напр., какъ извѣстно, питается зайцами, овцами, дикими козами и другими подобными животными. Когда какой-либо индивидуумъ изъ этой породы хищныхъ птицъ, приспособляясь къ условіямъ окружающей обстановки, остановилъ, положимъ, окончательный выборъ свой на трехъ упомянутыхъ породахъ животныхъ, то чувство злобы или гнѣва, возникающее при видѣ отдѣльныхъ особей каждой такой породы въ періодъ голода, должно постепенно принять различныя формы, зависящія отъ обстоятельствъ и характера борьбы во всѣхъ трехъ случаяхъ. Эти различныя формы конечно будутъ зависѣть отъ ассоціаціи даннаго чувства злобы съ различными другими однородными чувствами; съ овцею орлу легче всего справиться, ибо сила сопротивленія этого животнаго самая ничтожная, и потому воспоминаніе цѣлаго ряда легкихъ побѣдъ надъ особями этого вида поведетъ къ ассоціаціи чувства злобы съ чувствомъ торжества и чувствомъ снисходительности, и этотъ комплексъ чувствъ, объединяемыхъ въ чувствѣ злобы, будетъ возникать при каждомъ видѣ овцы въ періодъ голода и исканія добычи; напротивъ заяцъ, обладая скоростью бѣга и меньшимъ объемомъ, часто имѣетъ возможность спрятаться отъ своего противника въ какую-нибудь щель между скалами, недоступную для послѣдняго, а потому случаи побѣды и торжества надъ этимъ животнымъ должны наступать далеко не такъ легко, и чувство торжества должно гораздо чаще замѣняться чувствомъ негодованія на ускользнувшую добычу вмѣстѣ съ чувствомъ мести къ ней; стало быть и характеръ чувства гнѣва при видѣ зайца будетъ уже совершенно другой. Такимъ образомъ первоначальное чувство злобы съ теченіемъ времени дифференцируется въ каждой особи на нѣсколько спеціальныхъ чувствъ различнаго характера, связанныхъ съ различными спеціальными объектами взаимодѣйствія.

2) Изъ отдѣльныхъ положительныхъ удовольствій, связанныхъ съ нѣкоторыми процессами воспріятія, образуется постепенно первичное *чувство красоты* (удивленнаго созерцанія). Это чувство, какъ и всѣ другія, связавшись понемногу съ представленіемъ гармоніи въ чувственныхъ воспріятіяхъ, тоже дифференцируется впослѣдствіи въ рядъ спеціальныхъ чувствъ, отражающихъ на себѣ нѣсколько привычныхъ организму ассоціацій эстетическаго наслажденія съ различными сочетаніями внѣшнихъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ напр., при видѣ живописныхъ мѣстностей, мы пріучаемся испытывать иное чувство красоты, чѣмъ при видѣ изящныхъ архитектурныхъ зданій или при видѣ красивой одежды и другихъ украшеній предметовъ и т. д. [1]). Каждое изъ этихъ чувствъ вырабатывается не ранѣе, какъ когда чувство красоты вообще изъ безпредметнаго и не связаннаго съ объективной сознательностью перешло въ предметное и вполнѣ сознательное, т. е. стало ассоціироваться съ различными представленіями о единичныхъ предметахъ, доставляющихъ чувственное наслажденіе; притомъ долженъ былъ еще произойти извѣстный естественный подборъ предметовъ въ группы родственнаго характера и диссоціація между чувствомъ и предметами, стоящими внѣ этихъ группъ.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ способъ дифференціаціи первичныхъ чувствъ, перейдемъ теперь къ вопросу о новой интеграціи спеціальныхъ продуктовъ, образующихся этимъ путемъ во *вторичныя* чувства.

II. Подъ вторичными чувствами, какъ уже не разъ было говорено, мы разумѣемъ *обобщенныя* или *отвлеченныя* первичныя. Такое обобщеніе или отвлеченіе возможно лишь послѣ дифференціаціи первичныхъ чувствъ, ибо оно основывается на совершенной утратѣ каждымъ чувствомъ его *периферическаго* характера; а такая утрата периферическаго характера требуетъ полной диссоціаціи между чувствами и ихъ первыми источниками, возможной лишь по образованіи спеціальныхъ разновидностей каждаго. Извѣстный рядъ диссоціацій конечно совершается уже и при самой спеціализаціи каждаго первичнаго чувства, но лишь при дальнѣйшемъ развитіи всѣхъ новыхъ разновидностей диссоціаціи эти достигаютъ необходимаго въ данномъ случаѣ предѣла. Дѣйствительно, разновидности чувства злобы напр., развиваясь въ связи съ представленіями о предметахъ, давшихъ толчокъ для ихъ образованія, естественно должны постепенно отвлекаться болѣе и болѣе отъ спеціальныхъ условій, среди которыхъ эти предметы первоначально дѣйствовали на сознаніе. Какъ средства постепенно могутъ превращаться въ цѣль нашей дѣятельности, такъ точно предметы, служившіе первоначально только частными пружинами въ извѣстномъ механизмѣ условій, вызвавшихъ то или другое спеціальное чувство, постепенно могутъ сдѣлаться средоточіемъ этихъ чувствъ и мотивомъ для ихъ образованія даже *внѣ* прежнихъ неизбѣжныхъ условій [2]). Чувство злобнаго негодованія напр., будучи первона-

[1]) Чувство красоты «украшеній» присуще уже и животнымъ, какъ видно изъ фактовъ, приводимыхъ Гузо (l. c., II, p. 75)

[2]) Противъ такого превращенія чувствъ въ отношеніи къ ихъ объектамъ мы нашли недавно рядъ возраженій въ одной новой и очень дѣльной русской книгѣ А. Мальцева.

чально связано въ «царскомъ орлѣ» лишь съ видомъ зайца, какъ «добычи» и средства удовлетворенія голода, можетъ постепенно связаться съ образомъ каждаго зайца, хотя бы въ данный моментъ встрѣчи съ этимъ животнымъ его противникъ и не нуждался въ немъ, какъ средствѣ удовлетворенія голода. Затѣмъ можетъ наступить моментъ, когда это чувство злобнаго негодованія возникнетъ въ какой-либо особи орла и при видѣ всякаго другого предмета, сходнаго съ зайцемъ и напоминающаго его. Бываетъ напр., что комнатная собаченка принимается съ ожесточеніемъ лаять на чучело своего исконнаго врага кошки, или что кошка, наоборотъ, щетинится при видѣ чучела собаки или при видѣ другого животнаго, похожаго на неё. Разъ связавшись съ идеею какого-нибудь объекта, та или другая разновидность

Нравственная философія утилитаризма. СП. 1879, стр. 225—227. Но мы не можемъ согласиться съ доводами почтеннаго автора этой книги. По его мнѣнію, «приводимое ассоціаціонистами объясненіе факта любви къ деньгамъ, сначала какъ *средству* счастія, а затѣмъ какъ *цѣли* самой по себѣ, есть объясненіе ошибочное»: если бы золото и серебро утратили свое настоящее значеніе (были де-монетизированы), то этого достаточно было бы, чтобы самаго величайшаго скупца излечить отъ его любви къ деньгамъ, какъ деньгамъ, такъ какъ деньги продолжаютъ всегда служить только *символомъ* многихъ, существующихъ въ возможности средствъ пріобрѣтенія. Обладаніе возможностью пріобрѣсти комфортъ, вліяніе и пр. предпочитается скупцомъ непосредственному удовольствію пріобрѣтенія и пользованія этими вещами. Удовольствія *воображенія* предпочитаются удовольствіямъ дѣйствительнымъ, реальнымъ. Любить же золото, просто какъ золото, серебро, только какъ серебро, — несвойственно разумному существу.—Намъ кажется, что всѣ эти разсужденія заключаютъ въ себѣ рядъ недоразумѣній. Во-первыхъ, достаточно вспомнить вполнѣ живой и правдивый типъ Плюшкина, чтобы признать, что разумное существо можетъ любить не только золото, какъ золото, но и грязныя тряпки, и свѣчные огарки, и кусочки бумаги, и старыя подошвы и т. д., не только какъ символы извѣстнаго благосостоянія, но и просто какъ таковыя, т. е. какъ тряпки, огарки, подошвы и проч. Что же касается до денегъ, то такое явленіе еще болѣе возможно и заурядно. Мы знали старую женщину въ городкѣ Баденъ-Баденѣ, которая, накопивъ цѣлый сундукъ старыхъ южно-нѣмецкихъ монетъ и банковыхъ билетовъ, ни за что не хотѣла разлюбить ихъ и разстаться съ ними, когда ее увѣряли самые довѣренные ей люди, что эти монеты и билеты скоро не будутъ болѣе обращаться и что въ особенности билеты, вслѣдствіе новыхъ германскихъ законовъ, должны утратить всякую цѣну, если ихъ немедленно не промѣнять на другіе. Эта женщина, слишкомъ 80 лѣтъ, сопротивлялась совѣтамъ своихъ близкихъ не столько потому, что она не вѣрила измѣненію монетной системы, въ которомъ она, какъ домовладѣлица, ежедневно имѣла случай убѣждаться, сколько именно въ силу своей привязанности къ тѣмъ бумажкамъ и кусочкамъ металла, которые она привыкла любить именно «на ихъ собственный счетъ».—Во-вторыхъ, говоря, что удовольствія реальныя замѣнились въ скупомъ удовольствіями воображенія, г. Мальцевъ самъ подтверждаетъ возможность превращенія средствъ въ цѣль, ибо объектомъ «удовольствія воображенія» въ каждомъ частномъ случаѣ являются для скупца именно блестящія монеты и разноцвѣтныя ассигнаціи, а отнюдь не всѣ тѣ спеціальные предметы, которые бы онъ могъ пріобрѣсти или достать на эти деньги, такъ какъ онъ уже совершенно привыкъ обходиться безъ этихъ предметовъ и можетъ быть даже уже неспособенъ и вспоминать о нихъ, т. е. ясно представлять себѣ ихъ видъ и значеніе. Очевидно авторъ увлекся монологами «Скупого рыцаря» Пушкина, забывъ совершенно о гораздо болѣе реальной и живой фигурѣ героя «Мертвыхъ душъ».

злобы можетъ даже возникать по поводу представленія этого объекта и въ томъ случаѣ, когда, вслѣдствіе измѣненія условій жизни цѣлаго вида организмовъ, этотъ объектъ на дѣлѣ уже пересталъ служить добычею для особей этого вида. Такимъ способомъ объясняются всѣ прирожденныя или, лучше сказать, *наслѣдственныя* формы ненависти животныхъ другъ къ другу. Ненависть собаки и кошки можетъ быть объяснена тоже лишь подобнымъ перенесеніемъ чувства злобы съ животнаго, какъ добычи, на животное данной породы вообще. Процессъ такого перенесенія чувствъ очевидно основанъ на цѣломъ рядѣ ассоціацій и диссоціацій и можетъ быть названъ полной интеграціей спеціальныхъ первичныхъ чувствъ съ идеями опредѣленныхъ внѣшнихъ объектовъ. Результатомъ такого перенесенія является совершенная утрата каждымъ спеціальнымъ чувствомъ прямой связи съ его периферическими источниками и возможность образованія вторичныхъ или обобщенныхъ чувствъ, т. е. интеграціи спеціальныхъ первичныхъ чувствъ другъ съ другомъ.

Мотивомъ для такой интеграціи служитъ сначала совершенно *смутная* идея извѣстнаго однообразія всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ отношеній, съ которыми ассоціировались спеціальные виды какого-нибудь первичнаго чувства или волненія. Средствомъ для такой интеграціи является закрѣпленіе въ сознаніи этихъ спеціальныхъ чувствъ и ассоціація ихъ другъ съ другомъ. Послѣдствіемъ ея является новое единство всѣхъ спеціальныхъ чувствъ каждой группы, которое постепенно связывается съ болѣе общей или отвлеченной идеей ихъ источниковъ. Сначала эта связь не только смутная, какъ мы сказали, но часто даже совершенно безсознательная, — субъектъ, испытывая какое-либо отвлеченное чувство, не отдаетъ себѣ никакого яснаго отчета въ той общей идеѣ внѣшнихъ соотношеній, которая лежитъ въ основѣ новаго аггрегата чувствъ; но понемногу понятіе это проясняется и съ тѣмъ вмѣстѣ возникаетъ, какъ мы увидимъ ниже, возможность новой дифференціаціи каждаго вторичнаго чувства.

Примѣры интеграціи первичныхъ чувствъ во вторичныя.

1) Спеціальныя формы *страха*, возникшія изъ перенесенія этого чувства, вслѣдствіе извѣстныхъ условій борьбы за существованіе, на нѣсколько раздѣльныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ группъ объектовъ, напр. на нѣсколько видовъ животныхъ, болѣе сильныхъ и способныхъ питать въ себѣ злонамѣренные замыслы противъ даннаго организма, должны впослѣдствіи вновь интегрироваться въ одно общее чувство страха подъ знаменемъ новой, болѣе общей идеи *вреда*, причиняемаго намъ, т. е. всему нашему организму въ цѣломъ, другими враждебными существами или силами. Источникомъ образованія такой общей идеи служитъ, разумѣется, опытъ. Прослѣдимъ ея

развитіе. Первоначально организмъ не имѣетъ, разумѣется, никакого понятія о вредѣ, который можетъ быть причиненъ ему внѣшними предметами; потомъ, подъ вліяніемъ первой борьбы съ другими, болѣе сильными, существами образуется органическое чувство страха, вызываемое стремленіемъ этихъ существъ задушить и задавить данный организмъ; послѣ нѣсколькихъ удачныхъ исходовъ такой борьбы происходитъ ассоціація этого чувства страха сперва съ общимъ представленіемъ о животномъ, стремящемся задавить данный организмъ, потомъ — съ представленіями о нѣсколькихъ опредѣленныхъ видахъ существъ, грозящихъ организму подобною опасностью, и съ тѣмъ вмѣстѣ, вслѣдствіе различныхъ пріемовъ, употребляемыхъ этими существами въ борьбѣ и различныхъ исходовъ ея, первичное чувство вскорѣ спеціализируется на нѣсколько частныхъ формъ; затѣмъ каждая форма страха, обращеннаго на какую-либо группу существъ, тѣснѣе связывается съ представленіемъ именно этой группы существъ и, отвлекаясь отъ первоначальныхъ условій борьбы съ ними, прикрѣпляется къ представленіямъ о нихъ, какъ «символахъ» извѣстныхъ дурныхъ для организма послѣдствій. Только теперь изъ всѣхъ этихъ частныхъ представленій можетъ быть отвлечена *общая идея вреда* или *ущерба*, наносимаго организму враждебными ему началами во внѣшней средѣ, и въ то же время всѣ первичныя чувства даннаго класса естественно совокупляются въ одинъ цѣльный аггрегатъ. Эта идея вреда или, лучше сказать, связь ея со вторичнымъ чувствомъ страха сначала безсознательна и совершенно смутна. На этой ступени общее вторичное чувство является *инстинктивнымъ*; но постепенно связь эта проясняется и тогда является необходимость перенесенія отвлеченнаго чувства на рядъ новыхъ, болѣе спеціальныхъ идей, что̀ ведетъ съ одной стороны къ интеграціи вторичнаго чувства съ различными новыми идеями или понятіями, съ другой стороны къ дифференціаціи его.

2) Чувство злобы такимъ же путемъ, обобщаясь, связывается постепенно съ идеею *сопротивленія вообще*; чувство *торжества* связывается съ идеею *успѣха* вообще, тогда какъ на первой ступени развитія оно было связано лишь съ идеею успѣха въ борьбѣ съ какою-либо добычею и въ добываніи пищи; чувство *скуки* постепенно обобщается въ идеѣ *праздности* вообще, а не только праздности въ какой-нибудь спеціальной сферѣ умственной жизни; чувство *интереса* связывается съ идеею всякой *дѣятельности* вообще; чувство *безсилія, усталости* сочетается съ идеею всякаго *изнеможенія*; чувство *веселости* соединяется съ идеею всякаго оживленія, хотя бы прямой источникъ его былъ не въ быстротѣ кровообращенія, а въ возбужденіяхъ совершенно другого рода; чувство *любви, симпатіи*, связывается съ идеею всякаго *мирнаго общенія* съ другими существами, а

не только того общенія, которое относится къ процессу размноженія; чувство *нетерпѣнія* связывается съ идеею всякой *задержки* въ дѣятельности, а не только задержки въ воспріятіяхъ отдѣльныхъ органовъ чувствъ; чувство *дисгармоніи* сочетается съ идеею всякаго *нарушенія правильности* въ нашей дѣятельности и т. д. и т. д. Можно было бы, параллельно представленной выше классификаціи первичныхъ чувствъ и волненій, сдѣлать распредѣленіе *всѣхъ* общихъ идей, которыя соотвѣтствуютъ вторичному фазису развитія этихъ состояній; но такую классификацію каждый читатель можетъ самъ себѣ составить, ибо смыслъ вторичныхъ чувствъ, изъ которыхъ и слагается по преимуществу «чувствительность человѣка», хорошо извѣстенъ всякому.

III. Перейдемъ теперь къ вопросу о *дифференціаціи вторичныхъ чувствъ*. Этотъ процессъ уже гораздо легче описать, чѣмъ всѣ предшествующіе, такъ какъ только теперь мы собственно переходимъ въ ту сферу развитія чувствъ, которую обнимаетъ «человѣческій опытъ». Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы сложныя чувства, вытекающія изъ спеціализаціи и дальнѣйшаго совокупленія вторичныхъ чувствъ, не были вовсе доступны другимъ существамъ, кромѣ человѣка; напротивъ, высшимъ животнымъ доступны многія чувства весьма сложнаго образованія. Съ другой стороны мы не намѣрены утверждать, чтобы человѣку были доступны *только* чувства вторичнаго и болѣе высокихъ образованій, ибо мы сами показали выше, что ему свойственны и болѣе простыя чувства, отчасти даже самыя простѣйшія и первоначальныя чувствованія; но мы разумѣемъ только, что все дальнѣйшее развитіе чувствъ, начиная съ дифференціаціи вторичныхъ, можетъ быть предметомъ *самонаблюденія* человѣка, а равно и сознательнаго *наблюденія* его надъ другими человѣческими индивидуумами, тогда какъ даже общія вторичныя чувства *большею частью* образуются въ человѣкѣ еще въ весьма ранній возрастъ, когда онъ не только не способенъ къ самонаблюденію, но даже почти не можетъ и помнить себя. Такое раннее образованіе общихъ чувствъ конечно можетъ быть объясняемо только при помощи *наслѣдственныхъ расположеній* къ извѣстнымъ чувствамъ и эмоціямъ (ср. Ribot. L'hérédité. I P., Ch. VI); но такъ или иначе, оно значительно затрудняетъ психологу анализъ первыхъ ступеней развитія чувствительности.

Дифференціація общихъ вторичныхъ чувствъ зависитъ также отъ дальнѣйшаго развитія ихъ «объективной» сознательности: только когда упомянутыя нами общія идеи окончательно связались въ сознаніи со вторичными чувствами, имъ соотвѣтствующими, является возможность спеціализаціи послѣднихъ. Опять и здѣсь источникомъ этой спеціализаціи служитъ ассоціація

каждаго вторичнаго чувства съ бо́льшимъ или меньшимъ числомъ опредѣленныхъ группъ внѣшнихъ впечатлѣній, его вызывающихъ. Но въ этой группировкѣ внѣшнихъ впечатлѣній участвуетъ еще одинъ *новый* моментъ, отсутствующій въ предшествующей дифференціаціи «первичныхъ» чувствъ. Дѣло въ томъ, что образованіе вторичныхъ общихъ чувствъ совпадаетъ съ образованіемъ «понятій» въ умственной сферѣ. Съ появленіемъ же понятій развивается сознательная *творческая* дѣятельность ума, иначе сказать, начинаютъ возникать, часто внѣ сферы естественныхъ отношеній, такія новыя понятія объ (искусственныхъ) отношеніяхъ предметовъ, которыя не могутъ не повліять на спеціализацію вторичныхъ чувствъ. Условіемъ для образованія такихъ понятій служитъ не только болѣе живая репродукція прежнихъ сочетаній обстоятельствъ, но и развитіе самостоятельныхъ и вполнѣ сознательныхъ сужденій и умозаключеній о вещахъ и ихъ свойствахъ, каковые процессы до образованія первыхъ понятій имѣютъ лишь случайный и полусознательный характеръ. Результатомъ развитія самобытныхъ понятій объ отношеніяхъ вещей, является во внѣшней средѣ развитіе новыхъ искусственныхъ сочетаній предметовъ и явленій (напр. развитіе общежитія и различныхъ общественныхъ учрежденій), въ сферѣ же чувствительности параллельно — спеціализація вторичныхъ чувствъ не только въ связи съ группами естественныхъ внѣшнихъ отношеній, но и въ связи съ *идеальными* комбинаціями такихъ отношеній, созданными творческою работою ума. Такимъ путемъ вторичныя чувства спеціализируются въ двоякомъ направленіи — *реальномъ* и *идеальномъ*, и съ тѣмъ вмѣстѣ возникаютъ столь обычныя въ человѣческомъ опытѣ *идеальныя чувства и волненія* (ср. Bain. Emot. a. Will. Ch. V, p. 89 и слѣд.). Отличить реальныя и идеальныя спеціальныя чувства каждой группы другъ отъ друга большею частью весьма трудно, ибо творческая работа ума постоянно переплетается съ работою пассивнаго усвоенія. Поэтому мы и не намѣрены рѣзко противуполагать другъ другу тѣ и другія, а приведемъ только нѣсколько примѣровъ спеціализаціи вторичныхъ чувствъ *вообще*. Но всѣже необходимо было обозначить упомянутое различіе источниковъ спеціализаціи, такъ какъ *идеальный момент*ъ только и можетъ объяснить напримѣръ развитіе вторичныхъ чувствъ въ связи не съ одними лишь настоящими и прошедшими, но и съ предполагаемыми, *будущими* отношеніями предметовъ.

Примѣры дифференціаціи вторичныхъ чувствъ:

1) Чувство *любви* или *симпатіи*, будучи отвлечено отъ первоначальной органической основы, дифференцируется въ рядъ спеціальныхъ вторичныхъ чувствъ: половой любви, родительской любви, любви дѣтей къ роди-

телямъ, дружбы, любви къ родинѣ и къ своему народу (идеальный моментъ), любви ко всему человѣчеству (тоже идеальный моментъ), привязанности къ различнымъ классамъ неодушевленныхъ предметовъ, привязанности къ извѣстнымъ занятіямъ своимъ и условіямъ жизни, и т. д.

2) Чувство *страха* такимъ же путемъ, связавшись съ идеею опасности вообще, дифференцируется въ рядъ спеціальныхъ чувствъ: въ чувство страха къ извѣстнымъ силамъ и явленіямъ природы, страха передъ хищными животными, страха передъ извѣстными созданіями воображенія или *суевѣрнаго* страха (идеальный моментъ), страха предъ злонамѣренными людьми (чувство *подозрѣнія*, идеальный моментъ) и проч.

3) Чувство *красоты* подобнымъ же образомъ, связавшись съ идеею всякой «гармоніи» вообще, дифференцируется въ рядъ спеціальныхъ чувствъ, называемыхъ «эстетическими»: въ чувство музыкальной гармоніи, чувство красоты живописныхъ произведеній, чувство скульптурной красоты, чувство красоты природы, чувство красоты поэзіи (идеальный моментъ) и т. д., хотя надо замѣтить, что большая часть такъ называемыхъ эстетическихъ чувствъ представляетъ не простую спеціализацію вторичныхъ чувствъ, возникающихъ изъ процесса воспріятія, а принимаетъ въ себя еще рядъ постороннихъ элементовъ изъ области другихъ чувствъ, особенно нѣжныхъ, интеллектуальныхъ (поэтическій восторгъ) и связанныхъ съ субъективными процессами сознанія (чувство музыкальной гармоніи даже въ меньшей степени связано съ свойствами внѣшнихъ или внутреннихъ воспріятій, чѣмъ съ характеромъ субъективныхъ возбужденій). — Теперь мы и перейдемъ именно къ анализу такихъ, еще болѣе сложныхъ, комбинацій вторичныхъ чувствъ.

IV. Пока чувства не сдѣлались отвлеченными, т. е. сохраняли хотя бы и незначительную связь съ периферическими возбужденіями, служившими исходною точкою для ихъ развитія, до тѣхъ поръ всякое сочетаніе чувствъ различныхъ группъ другъ съ другомъ въ совершенно *новыя* органическія единства разумѣется было невозможно, ибо всякій элементъ чувства другой группы, присоединявшійся къ данному чувству, долженъ былъ поглощаться этимъ послѣднимъ въ силу тѣхъ чисто мѣстныхъ связей, которыя составляли его отличительную черту. Простая механическая *ассоціація* первичныхъ чувствъ различныхъ классовъ конечно вполнѣ возможна, особенно послѣ ихъ дифференціаціи въ связи съ опредѣленными группами внѣшнихъ предметовъ. Такая ассоціація даже способна слегка видоизмѣнять характеръ даннаго чувства, какъ мы и видѣли выше на примѣрахъ спеціализаціи первичнаго чувства злобы (стр. 534). Но интеграція «первичныхъ» чувствъ различныхъ классовъ въ совершенно новыя цѣлыя уже и потому немыслима, что такая

интеграція предполагаетъ образованіе сложныхъ *отвлеченныхъ* понятій о внѣшнихъ отношеніяхъ, которыя возможны лишь на ступени развитія сознанія, слѣдующей за образованіемъ конкретныхъ понятій и вторичныхъ чувствъ. Поэтому-то до сихъ поръ мы и не говорили еще о совокупленіи чувствъ различныхъ классовъ другъ съ другомъ. Переходя теперь къ дальнѣйшимъ осложненіямъ вторичныхъ чувствъ, мы уже не можетъ обойти молчаніемъ этого новаго феномена въ развитіи чувствительности.

Интеграція вторичныхъ чувствъ, общихъ и спеціальныхъ, въ еще болѣе сложныя чувства, вообще происходитъ въ *двухъ направленіяхъ:* съ одной стороны вторичныя чувства каждаго класса опять интегрируются *другъ съ другомъ* въ третичныя и высшихъ степеней образованія, т. е. объединяются вновь при помощи еще болѣе отвлеченныхъ идей (напр. страхъ въ нѣкоторыхъ человѣческихъ субъектахъ уже связанъ не съ идеею вреда или опасности, а съ высшими отвлеченными идеями рока, судьбы, провидѣнія и т. д.), съ другой стороны, вторичныя чувства *различныхъ классовъ* интегрируются въ болѣе сложныя чувства совершенно новаго состава, въ которыхъ даже субъективный элементъ чувства и волненія совершенно видоизмѣняется, такъ что потомъ бываетъ трудно опредѣлить настоящія основы чувства, разложить его на составные ингредіенты. Такимъ характеромъ отличаются напр. себялюбивыя, соціальныя, затѣмъ многія эстетическія и, наконецъ, нравственныя чувства.

Первый способъ осложненія вторичныхъ чувствъ не представляетъ для насъ теперь особеннаго интереса, ибо въ немъ мы имѣемъ дѣло лишь съ дальнѣйшимъ развитіемъ уже разсмотрѣнныхъ нами процессовъ. Поэтому мы остановимся еще, въ заключеніе, только на интеграціи и дифференціаціи вторичныхъ чувствъ *различныхъ классовъ*. Интеграція такихъ чувствъ слѣдуетъ опять *двумъ направленіямъ:* съ одной стороны совокупляются въ одно цѣлое чувства различныхъ классовъ, относящіяся къ *тому же* моменту чувствительности, съ другой стороны — чувства различныхъ видовъ, относящіяся къ *разнообразнымъ* моментамъ чувствительности. Всѣ упомянутыя выше группы сложныхъ чувствъ и состоятъ именно — частью изъ *однородныхъ*, частью изъ *разнородныхъ* по своимъ элементамъ феноменовъ.

При сложеніи чувствъ изъ однородныхъ элементовъ, различіе четырехъ моментовъ въ каждой группѣ чувствъ разумѣется удерживается. Въ области *себялюбивыхъ* чувствъ напр. различіе это можно выразить слѣдующими понятіями:

— Страд. Неудовлетворенное самолюбіе, честолюбіе и т. д.

+ Удов. Удовлетворенное самолюбіе, самодовольство, самоуваженіе.

+ Страд. Чувство оскорбленія, стыда, униженія.

— Удов. Чувство удовлетворенной, возстановленной чести.

Всѣ эти чувства представляютъ собою продукты сложенія *однородныхъ* чувствъ различныхъ классовъ. Чувство самодовольства однако самое коренное изъ нихъ, и оно образуется слѣдующимъ способомъ.

Представимъ себѣ ребенка въ томъ возрастѣ, когда въ немъ уже образовались вторичныя чувства: красоты, интереса, симпатіи. Замѣчая какія-нибудь сложныя дѣйствія взрослыхъ людей, возбуждающія въ немъ эстетическое наслажденіе красоты и интеллектуальное удовольствіе интереса, онъ чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ симпатію къ существу, способному выполнять такія дѣйствія. Естественная интеграція всѣхъ этихъ чувствъ, вслѣдствіе повторенія, ведетъ къ образованію сложнаго чувства *уваженія*, переходящаго постепенно въ чисто личное чувство: ребенокъ обыкновенно начинаетъ рано уважать отца, мать и вообще всѣхъ окружающихъ его взрослыхъ людей. Но къ чувству уваженія вскорѣ присоединяется еще одно чувство, примѣшивающее извѣстную долю горечи къ удовольствіямъ интереса, красоты и симпатіи, совокупившимся въ одно неразрывное цѣлое. Дѣло въ томъ, что нѣсколько позднѣе въ ребенкѣ образуется чувство силы и онъ пытается воспроизводить его во всевозможныхъ направленіяхъ. Направленія эти опредѣляются для него не только органическими потребностями, но и примѣромъ окружающихъ лицъ. При этомъ однако онъ невольно приходитъ къ попыткамъ подражанія и такимъ дѣйствіямъ, которыя превышаютъ его силы и умѣніе и составляютъ однако источникъ уваженія его къ другимъ людямъ. Тогда чувство силы замѣняется чувствомъ безсилія, слабости, отравляющимъ одновременное чувство уваженія къ близкимъ. Постепенно эти чувства уваженія къ другимъ лицамъ и собственнаго безсилія тѣсно связываются и результатомъ является чувство *зависти*. Но вотъ ребенку, послѣ долгихъ усилій, удалось наконецъ совершить именно одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыя составляли источникъ уваженія его къ кому-либо изъ близкихъ; тогда чувства красоты, интереса и симпатіи сочетаются еще съ чувствомъ силы и, вслѣдствіе повторенія этого комплекса чувствъ, образуется постепенно сложное чувство *самодовольства*. Самодовольство чисто «острое» чувство, но, повторяясь, оно дѣлается «хроническимъ» состояніемъ, которое мы называемъ чувствомъ *самоуваженія*. Разъ образовавшись, чувство самоуваженія содѣйствуетъ развитію другихъ моментовъ себялюбивой чувствительности. Дѣло въ томъ, что самоуваженіе, сдѣлавшись вполнѣ сознательнымъ чувствомъ, начинаетъ требовать себѣ дополненія въ сознаніи уваженія къ намъ другихъ людей. Когда этого сознанія нѣтъ, чувство самоуваженія не удовлетворено и такимъ образомъ является чувство *неудовлетвореннаго самолюбія*, въ которомъ участвуютъ элементы чувства ожиданія или нетерпѣнія,

чувства скуки, чувства бездѣйствія и чувства ревности. Такимъ же способомъ образуется *чувство стыда* или *униженія*, когда уваженіе къ намъ другихъ людей не просто отсутствуетъ, а замѣняется прямо-обратнымъ отношеніемъ ихъ къ намъ. Въ это чувство входятъ элементы ч. дисгармоніи, ч. противорѣчія, ч. безсилія и ч. разочарованія.

Подобныхъ примѣровъ достаточно для поясненія способовъ развитія однородныхъ сложныхъ чувствъ. Перейдемъ къ *разнороднымъ*.

Мы видѣли, какъ образуется чувство *зависти*, въ которомъ связаны чувство уваженія, сложившееся изъ положительно-пріятныхъ вторичныхъ чувствъ, и чувство собственнаго безсилія, относящееся къ положительно-непріятнымъ состояніямъ. Такимъ же способомъ образуются и всѣ другія сложныя разнородныя чувства, напр. презрѣнія, состраданія, благодарности и проч. Разберемъ, для примѣра, элементы этихъ послѣднихъ.

Чувство презрѣнія, будучи основано на сознаніи чужаго ничтожества и своего собственнаго превосходства, есть смѣшанное чувство—оно частью пріятно, частью непріятно. Пріятная сторона заключается въ чувствѣ самодовольства, которое, какъ мы видѣли, состоитъ, изъ однихъ только элементовъ + удов; непріятная сторона состоитъ въ чувствѣ, опредѣляющемъ наше отношеніе къ другому лицу; при видѣ чужихъ дѣйствій, несогласныхъ съ нашимъ понятіемъ о человѣческой личности, мы испытываемъ сложное чувство, по составу подобное чувству уваженія: въ него входятъ элементы чувства уродливаго, чувства противорѣчія и чувства антипатіи. Вмѣстѣ взятыя, эти чувства образуютъ чувство неуваженія къ виновнику ихъ возникновенія, но когда къ нимъ присоединяется еще сознаніе собственнаго превосходства и чувство самодовольства, то неуваженіе переходитъ въ болѣе рѣзкое чувство презрѣнія.

Чувство состраданія составляется также изъ нѣсколькихъ элементовъ. Въ немъ могутъ участвовать: чувство симпатіи къ пострадавшему лицу, чувство дисгармоніи по поводу наблюдаемыхъ страданій и при мысли, что мы сами могли бы быть имъ подвержены, чувство страха передъ повтореніемъ подобнаго же несчастья въ примѣненіи къ намъ, чувство антипатіи къ виновнику его, если только мы въ правѣ предполагать существованіе такого виновника, чувство собственной силы и чувство нашей личной безопасности. Иногда ко всѣмъ этимъ чувствамъ еще можетъ присоединяться чувство новости или интереса. Изъ этихъ элементовъ одни относятся къ типу страданій (2. 3. 4), другія—къ типу удовольствій (1. 5. 6. 7). У различныхъ людей и при различныхъ обстоятельствахъ составъ чувства состраданія можетъ быть различенъ какъ по числу и характеру элементовъ, въ него входящихъ, такъ и по степени преобладанія однихъ, сравнительно съ

другими. Оттого чувство состраданія можетъ быть различныхъ видовъ и затѣмъ для однихъ людей можетъ служить источникомъ наслажденія, для другихъ быть чрезвычайно тягостнымъ.

Чувство благодарности тоже слагается по крайней мѣрѣ изъ трехъ различныхъ элементовъ: чувства собственной слабости, чувства возстановленной гармоніи и чувства симпатіи къ виновнику этого возстановленія. Но въ него могутъ входить и другіе элементы, напр. чувство уваженія можетъ замѣнять простую симпатію; иногда присоединяются также чувство согласія, или напр. чувство надежды на будущее и т. д. Такъ какъ и въ этомъ комплексѣ чувствъ есть элементы удовольствія и элементы страданія, то и чувство благодарности можетъ для однихъ людей быть источникомъ удовольствія, для другихъ—причиною страданій, смотря по преобладанію тѣхъ или другихъ ингредіентовъ. Есть однако нѣкоторые ингредіенты въ такихъ сложныхъ чувствахъ, которые никакъ не могутъ быть изъяты, безъ того чтобы самое чувство не исчезло, между тѣмъ какъ другіе могутъ быть и не быть. Первые можно назвать *основами* чувства въ настоящемъ смыслѣ слова, остальные — второстепенными *придатками*.

Всѣ разобранные нами примѣры сложныхъ чувствъ разнороднаго состава относятся къ области *соціальныхъ чувствъ*, т. е. чувствъ, возникающихъ изъ развитія общественности. Въ извѣстныхъ предѣлахъ эти соціальныя чувства, какъ и прежде разсмотрѣнныя себялюбивыя, доступны также и животнымъ; но есть другія, еще болѣе сложныя чувства, доступныя одному только человѣку. Они образуются тѣмъ же путемъ, какъ и прежде разсмотрѣнныя, съ тою разницею, что элементы, участвующіе въ ихъ образованіи, становятся все сложнѣе и сложнѣе. Этихъ высшихъ интеграцій, за недостаткомъ времени, мы уже не станемъ касаться. Теперь скажемъ лишь два слова о *дифференціаціи* всѣхъ сложныхъ чувствъ.

V. Дифференціація эта происходитъ тѣмъ же способомъ, какъ и всѣ предыдущія. Каждое изъ разсмотрѣнныхъ нами сложныхъ чувствъ можетъ спеціализироваться въ различныхъ направленіяхъ, смотря по группамъ внѣшнихъ отношеній, въ связи съ которыми развивается его объективная сознательность. Такимъ образомъ самолюбіе напр. можетъ принимать нѣсколько формъ: тщеславія, честолюбія, властолюбія и проч., или напр. чувство состраданія, какъ мы уже замѣтили, тоже принимаетъ различные виды: чувства жалости, чувства состраданія въ собственномъ смыслѣ и проч. Чувство благодарности дифференцируется точно также. Всѣ эти спеціализаціи основаны однако не только на характерѣ различныхъ объективныхъ соотношеній, реальныхъ или идеальныхъ, но и на составѣ, способѣ

распредѣленія и различной интенсивности участвующихъ въ сложеніи элементовъ. Число подобныхъ спеціализацій безконечно, — въ каждомъ человѣкѣ и при каждомъ сочетаніи обстоятельствъ каждое чувство можетъ принимать спеціальные оттѣнки. Задачею *будущей* психологіи конечно будетъ опредѣлить точнѣе лишь самыя *типическія разновидности* всѣхъ сложныхъ чувствъ; индивидуальныя же проявленія, какъ и въ области наукъ объ организмахъ, должны будутъ навсегда остаться безъ особыхъ наименованій и опредѣленій, ибо число такихъ индивидуальныхъ проявленій безсчетно: если бы даже можно было исчерпать ихъ въ настоящемъ, то по отношенію къ прошедшему и къ будущему эта задача неосуществима.

Послѣ сдѣланнаго нами краткаго очерка постепеннаго развитія первичныхъ чувствъ во вторичныя и еще болѣе сложныя, — очерка, конечно поверхностнаго и лишь схематическаго, но всетаки, кажется намъ, исчерпывающаго всѣ *главныя стороны* вопроса, мы, какъ и прежде, подведемъ итоги, т. е. сдѣлаемъ общій сводъ всѣмъ выводамъ, къ которымъ насъ привело *теоретическое* изслѣдованіе феноменовъ чувствительности.

Этими общими выводами должны опредѣлиться, во первыхъ, уже пріобрѣтенныя нами *основы анализа и синтеза чувствованій* и, во вторыхъ, *задачи будущей психологіи чувствованій* — въ связи съ этими готовыми основами.

I. Основы анализа и синтеза чувствованій:

1) Анализъ и синтезъ чувствованій прежде всего долженъ опираться на правильное пониманіе *отношенія чувствованій* къ другимъ психическимъ явленіямъ. Это отношеніе, по нашему мнѣнію, всего удобнѣе опредѣляется теоріею *психическихъ оборотовъ*, основанною на опредѣленіи психической жизни въ связи съ понятіемъ жизни вообще, заимствованнымъ изъ біологіи. Чувствованія съ этой точки зрѣнія представляются продуктомъ *субъективной оцѣнки* ощущеній и соотвѣтствуютъ *второму моменту* психическаго оборота. Результатомъ такой субъективной оцѣнки могутъ быть только явленія *удовольствія* и *страданія*, между которыми нѣтъ ничего средняго, но которыя могутъ представлять различную степень сложности.

2) Контрастъ *простыхъ* и *сложныхъ* явленій сознанія долженъ лежать, поэтому, въ основѣ всего послѣдующаго анализа чувствованій, какъ и вообще въ основѣ всякаго психологическаго анализа. Элементарныя и осложнен-

ныя явленія чувствительности необходимо различать какими-нибудь особыми *терминами*. Намъ кажется, что первыя удобнѣе всего обозначать терминомъ «первоначальныхъ чувствованій», вторыя — терминомъ «чувствъ» (осложненныхъ чувствованій), при чемъ чувства по внутреннему ихъ характеру должно дѣлить на «чувства-волненія» и «чувства-настроенія». Чувства сами могутъ быть опять различной сложности и главныя ступени ихъ развитія всего лучше обозначать выраженіями «первичныя чувства», «вторичныя чувства» и «чувства еще болѣе сложнаго состава», такъ какъ за предѣломъ *вторичныхъ* чувствъ уже трудно вполнѣ точно различать *степени* осложненности чувствъ; въ послѣднемъ случаѣ уже возможно совокупленіе чувствъ различныхъ классовъ и, стало быть, различной степени сложности, ибо чувства отдѣльныхъ классовъ развиваются далеко не равномѣрно и не одновременно. Наконецъ необходимо еще противуполагать другъ другу «общія» и «спеціальныя» чувства.

3) Основами анализа всѣхъ первоначальныхъ чувствованій должны служить слѣдующіе принципы: во первыхъ, первоначальныя чувствованія возникаютъ изъ безсознательной и относительной оцѣнки какихъ-либо *внутреннихъ* отношеній; во вторыхъ, всѣ эти внутреннія отношенія сводятся къ отношеніямъ положительной и отрицательной молекулярной работы въ тканяхъ организма, т. е. траты и возстановленія вещества и его энергіи, каковыхъ отношеній можетъ быть четыре; въ третьихъ, согласно съ четырьмя типами внутреннихъ отношеній, надо различать четыре возможные продукта субъективной оцѣнки ощущеній, а именно *двѣ формы удовольствія* и *двѣ формы страданія*; въ четвертыхъ, контрастъ этихъ формъ въ обоихъ случаяхъ удобнѣе всего выражать терминами *положительныхъ* и *отрицательныхъ* формъ удовольствія и страданія, указывающими на то, какая молекулярная работа преобладаетъ въ тканяхъ; въ пятыхъ, эти четыре типа внутреннихъ отношеній и соотвѣтствующихъ явленій чувствительности тѣсно соединены между собою какъ *моменты новыхъ, болѣе частныхъ, оборотовъ* психической дѣятельности, связывающихъ въ свою очередь четыре общіе оборота этой послѣдней въ одну, болѣе крупную, единицу въ цѣломъ составъ психическаго процесса; въ шестыхъ, это различіе четырехъ послѣдовательныхъ моментовъ въ развитіи чувствительности хотя и допускаетъ на дѣлѣ рядъ отклоненій, всетаки должно служить главнымъ принципомъ и при *распредѣленіи спеціальныхъ классовъ* первоначальныхъ чувствованій; въ седьмыхъ, другимъ принципомъ такого распредѣленія, какъ и вообще всякаго естественнаго распредѣленія психическихъ явленій на классы, должно служить *разнообразіе отправленій* организма, доступныхъ сознанію, при чемъ первый принципъ долженъ быть подчиненъ этому второму.

4) При анализѣ осложненій первоначальныхъ чувствованій, соотвѣтствующихъ различнымъ отправленіямъ организма, первымъ основаніемъ должно быть изслѣдованіе и опредѣленіе *общихъ законовъ психическаго развитія.* Такихъ законовъ *шесть*: три изъ нихъ — законы памятованія, ассоціаціи и интеграціи — ведутъ главнымъ образомъ къ развитію *общихъ* явленій болѣе сложнаго состава (т. е. высшихъ степеней); три другіе — законы забвенія, диссоціаціи и дифференціаціи ведутъ по преимуществу къ образованію *спеціальныхъ* видовъ этихъ общихъ явленій различной сложности. Эти законы и должны служить основою для объясненія всѣхъ осложненій чувствительности; но кромѣ того должно быть принято въ разсчетъ, что чувства различныхъ степеней образуются не только путемъ сочетанія феноменовъ чувствительности съ другими феноменами той же категоріи, но и феноменовъ чувствительности съ феноменами познанія, т. е. съ ощущеніями и идеями. Въ первомъ смыслѣ развитіе чувствованій есть развитіе ихъ «субъективной» сознательности, во второмъ оно является развитіемъ ихъ «объективной» сознательности, т. е. ихъ постепеннымъ объективированіемъ. Развитіе полной объективной сознательности чувствованій и чувствъ всегда слѣдуетъ за развитіемъ ихъ субъективной сознательности; но за то каждое *высшее* образованіе въ области чувствъ предполагаетъ «объективированіе» *низшихъ* образованій и даже обусловливается послѣднимъ, ибо развитіе чувствъ, какъ и другихъ психическихъ явленій, имѣетъ задачею «приспособленіе внутреннихъ отношеній къ *внѣшнимъ*».

5) Эти принципы осложненія феноменовъ чувствительности должны быть основаніемъ всякаго *синтеза* простыхъ чувствованій и чувствъ въ болѣе сложныя. Прежде всего чувствованія совокупляются съ ощущеніями и другъ съ другомъ въ *первичныя* чувства-волненія и чувства-настроенія, еще сохраняющія связь съ мѣстными или периферическими раздраженіями, изъ которыхъ они возникли. Потому и *классификація* этихъ первичныхъ чувствъ должна быть совершенно параллельна классификаціи первоначальныхъ чувствованій. Такъ какъ первичныя чувства соотвѣтствуютъ низшему стадію развитія организма, то въ языкѣ они не запечатлѣны особыми *названіями;* однако ихъ можно съ удобствомъ обозначать именами вторичныхъ чувствъ, которыя произошли изъ первичныхъ и еще не обнаруживаютъ существенныхъ измѣненій въ отношеніи къ внутреннему составу. Изъ первичныхъ чувствъ постепенно образуются *вторичныя*, въ которыхъ связь съ периферическими и мѣстными ихъ источниками уже утрачена и которыя представляются какъ-бы «отвлеченными первичными чувствами» (и соотвѣтствуютъ конкретнымъ понятіямъ). Когда произошло такое отвлеченіе чувствъ, то односторонность развитія каждой группы чувствъ теряется

и начинается сочетаніе чувствъ *различныхъ классовъ*, которое тоже имѣетъ много степеней и путемъ котораго слагаются совершенно *новыя категоріи* чувствъ, соотвѣтствующихъ уже не какимъ-либо классамъ внутреннихъ отправленій, а сложнымъ группамъ искусственныхъ внѣшнихъ отношеній, главнымъ образомъ вырабатываемыхъ условіями общественной жизни. Анализъ этихъ чувствъ уже болѣе составляетъ предметъ *соціологіи*, чѣмъ психологіи, точно также какъ правильный разборъ первоначальныхъ чувствованій скорѣе доступенъ *физіологіи*, чѣмъ психологіи. Къ области *психологіи*, въ тѣсномъ значеніи слова, принадлежатъ только среднія ступени развитія чувствительности (анализъ первичныхъ и вторичныхъ чувствъ и ихъ дифференціацій). Рядомъ съ интеграціей чувствованій въ первичныя, вторичныя и болѣе сложныя, идетъ параллельно, хотя одною ступенью позади, *дифференціація* ихъ въ спеціальные виды. Первоначальныя чувствованія удовольствія и страданія въ высшихъ организмахъ уже съ самаго начала дифференцированы; всѣ остальныя дифференціаціи совершаются вновь въ каждомъ индивидуальномъ организмѣ, хотя развитіе чувствительности все-таки значительно ускоряется *наслѣдственными* предрасположеніями.

Всѣ эти выводы служатъ очевидно прямымъ отвѣтомъ на вопросы, поставленные нами въ началѣ теоретической части (ср. стр. 416—417), и дальнѣйшимъ развитіемъ положеній, выработанныхъ всей предшествующей психологіей и перечисленныхъ нами въ концѣ историческаго отдѣла (ср. стр. 409—410).

Въ связи съ этими выводами, а также и съ прежде высказанными (въ разныхъ мѣстахъ теоретическаго отдѣла) соображеніями постараемся опредѣлить —

II. Задачи будущей психологіи чувствованій:

Эти задачи, съ одной стороны (по своимъ предѣламъ) далеко не такъ обширны, какъ часто думаютъ психологи; съ другой стороны (по своему выполненію въ частностяхъ) гораздо обширнѣе, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ.

Сузить задачи «психологіи чувствованій» необходимо въ виду того обстоятельства, что разрѣшеніе многихъ смутныхъ вопросовъ надо предоставить другимъ наукамъ, въ особенности *физіологіи*, которая единственно способна напр. окончательно формулировать различіе органическихъ условій образованія первоначальныхъ чувствованій и лучшій способъ распредѣленія ихъ въ связи съ отправленіями организма. Кромѣ физіологіи, и другія науки объ организмѣ могутъ содѣйствовать рѣшенію многихъ вопросовъ, напр.

анатомія должна рѣшить, существуютъ-ли особые центры, въ которыхъ развиваются чувствованія. Изъ числа прочихъ наукъ *соціологія* должна выяснить условія развитія чувствъ въ связи съ развитіемъ общественной жизни организмовъ, *филологія* должна разъяснить «способъ образованія» въ различныхъ языкахъ а равно и «точный смыслъ» различныхъ терминовъ, выражающихъ разнообразіе чувствъ у того или другого народа[1]), а также можетъ быть способна помочь и при образованіи новыхъ терминовъ и т. д.

Стало быть, на долю будущей *психологіи* остается только прослѣдить, путемъ «наблюденія» и при содѣйствіи «самонаблюденія», условія и особенности развитія каждаго уже образовавшагося, общаго или спеціальнаго, чувства въ индивидуумахъ различныхъ видовъ организмовъ, начиная съ низшихъ животныхъ и кончая человѣкомъ.

Уже Спенсеръ въ своихъ «Опытахъ» старался точнѣе опредѣлить характеръ этихъ задачъ психологіи (ср. Ribot. Psychol. Angl., p. 291) и мы попытаемся только дать имъ болѣе полное выраженіе:

1) Прежде всего психологъ долженъ направить свои наблюденія и самонаблюденія на трансформацію чувствъ въ *развитыхъ* человѣческихъ индивидуумахъ.

2) Затѣмъ онъ долженъ стараться опредѣлить условія образованія и превращанія чувствъ въ *неразвитыхъ* человѣческихъ индивидуумахъ — въ дѣтяхъ съ самаго ихъ рожденія и въ людяхъ, стоящихъ на болѣе или менѣе низкой ступени культуры.

3) Отъ неразвитыхъ человѣческихъ индивидуумовъ онъ долженъ перейти къ *высшимъ* животнымъ организмамъ, устроеннымъ приблизительно по тому же типу, какъ и человѣкъ, и опредѣлить характеръ и предѣлы развитія каждаго чувства въ различныхъ видахъ такихъ животныхъ.

4) Наконецъ онъ долженъ обратить свои наблюденія на *низшихъ* животныхъ, имѣющихъ тотъ же или другой типъ организаціи, и стараться опредѣлить, на сколько и они способны испытывать чувствованія и чувства.

Всѣ эти задачи могутъ быть выполнены путемъ различныхъ пріемовъ, каковы:

1) Наблюденія надъ *нормальными* и *постоянными* условіями возникновенія чувствъ.

2) Наблюденія надъ превращеніями ихъ при *измѣненныхъ условіяхъ существованія* организмовъ.

---

[1]) Какъ на образчикъ подобной работы, укажемъ на монографію Абеля (C. Abel. Ueber d. Begriff d Liebe in einigen alten u. neuen Sprachen. Berlin 1872).

3) Наблюденія надъ превращеніями чувствъ подъ вліяніемъ *болѣзненныхъ* условій (патологическая психологія чувствъ).

4) Наблюденія надъ *внѣшними выраженіями* чувствованій и чувствъ.

Когда всѣ эти пріемы будутъ приложены и всѣ упомянутыя задачи выполнены, то можно будетъ окончательно рѣшить: въ какой степени сдѣланные нами общіе выводы правильны и въ какомъ направленіи ихъ должно развивать въ частностяхъ. Къ сожалѣнію, достиженіе этой цѣли — дѣло не легкое: оно потребуетъ усиленной работы многихъ поколѣній психологовъ, и въ этомъ именно состоитъ *обширный* характеръ задачъ психологіи.

Въ нѣкоторыхъ направленіяхъ *опыты* указанныхъ работъ уже были предприняты. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сочиненія «о выраженіяхъ» Дюшенна, Дарвина и др., сочиненія «о духовной дѣятельности животныхъ» Гузо, Эспинаса и проч., сочиненія «о развитіи духовной жизни въ ребенкѣ» Куссмауля, Эггера, Переца и т. д., — не говорю уже о многочисленныхъ трудахъ, посвященныхъ анализу чувствъ «въ развитомъ человѣкѣ», изъ числа которыхъ достаточно упомянуть снова о новѣйшихъ монографіяхъ Бэна, Дюмона и Горвица. Но всѣ эти опыты до сихъ поръ были слишкомъ разбросаны, изолированы другъ отъ друга, а главное отличались лишь болѣе или менѣе *смутнымъ сознаніемъ* конечныхъ *цѣлей* анализа.

Въ настоящемъ сочиненіи мы и старались именно, при помощи *историческаго* и *теоретическаго* разбора, выяснить точнѣе задачи «психологіи чувствованій» и основы или краеугольные камни этой науки, которые бы могли какъ содѣйствовать *объединенію* всѣхъ такихъ разрозненныхъ попытокъ анализа, такъ и дать имъ *правильное* и *вполнѣ сознательное направленіе*. Надѣемся, что эта цѣль хоть отчасти нами достигнута.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ КЪ ИСТОРИЧЕСКОМУ ОТДѢЛУ [*]).

Абеляръ. О сил. д. 51.

Аберкромби. О сил. д. 124—125. Уп. 136.

Абихтъ. Мнгр. 91. Способ. д. 91. О чувствѣ 281—284 Срвн. 285. 301. Уп. 279.

Аверроэсъ. О сил. д. 55. Срвн. 178. Уп. 53. 179.

Августинъ. О способ. д. 43—44. 48. Афф. и ихъ классфк. 173—174. Отз. о его уч. 110. Срвн. 50. 52. 53. 55. 59. 66. 175. 180. 184. 185. 189. 212. 308. Уп. 42. 56. 171. 176. 179.

Ависенна. О сил. д. 55. Афф. 178. Срвн. 57. 58. Уп. 53. 54.

Агрикола. Уп. 66.

Агриппа изъ Неттесгейма. Уп. 63.

Академія, древняя. Дѣл. души 30.

Аквинатъ, Ѳома. Классфк. способ. д. 56—58. Афф. 179—186. Классфк. афф. 181—183. Срвн. 59. 64. 67. 178. 187. 199. 201. 204. 207. 408. К. посб. 172. 173. 175. Уп. 41. 176. 189.

Аланъ Риссельскій. О начал. д. 53.

Александръ Алезскій. О способ. д. 56.

Алкуинъ. О способ. д. 56.

Альбертъ Великій. О способ. д. 56—57. Срвн. 64. Уп. 41. 58.

Альхеръ. О способ. д. 52.

Анаксагоръ. О начал. д. 12—13. Знач. чувств. 13. Удов. и страд. 146—147. Отз. о его уч. 139. Уп. 11.

Анаксименъ. Уп. 146.

Андре (Père André). Уп. 255. 256.

Анникеридъ. Уп. 164.

---

[*]) Объясненіе сокращеній.

Мнгр. = монографія, ст. = статья, сил. = силы, способ = способности, начал = начала част. = части, элем = элементы, ступ. = ступени, явл. = явленія, отпр. = отправленія, сост. = состоянія, душ. = душевный, дух. = духовный, д = душа, дѣят. = дѣятельность, знач. = значеніе, чувств. = чувствованія, афф. = аффекты, наклон. = наклонности, дѣл. = дѣленіе, классфк = классификація, теор. = теорія, удов. = удовольствіе, страд. = страданіе, волн. = волненіе; срвн. = сравнивается (съ друг писателями), к истор = какъ историкъ (въ разбираемой области вопросовъ), к. посб. = какъ пособіе (при изученіи теоріи друг. писателя), отз. о его уч. = отзывъ о его ученіи (к. н. другого писателя), уп. = упоминается мимоходомъ.

Арабскіе философы. О способ. д. 53—56. О чувств. 177—178. Уп. 25. 49. 62.
Арабскіе филос. X в. О способ. д. 54. Объ удов. и классфк. чувств. 177—178
Арезъ Кротонскій. О част. д. 14.
Ареопагитъ, Діонисій. Уп. 173.
Аристиппъ. Объ удов. и страд. 148. Срвн. 158. 161. Уп. 164.
Аристотель. Способ. д. и ихъ классфк. 8. 17—25. Знач. чувств. 23—25. Удов., страд. и афф. 154—160. Классфк. чувств. и афф. 158—160. Отз. о его уч. 138. 139. 186. 195. 233. 342. Срвн. 27. 30. 31. 35—38. 44. 46. 48. 54—58. 61. 63. 65—67. 97. 161—164. 170. 175. 177. 180. 183—185. 198. 201. 215. 216. 243. 248. 258. 263. 301. 303. 344. 345. 389. 403. 405. 407. 409. К. посб. 11—13. 146. 148—151. Уп. 4. 26. 28. 32. 39. 53. 60. 62. 106. 119. 145. 171. 178. 192. 224. 275. 339. 384.
Архитъ. О част. и способ. д. 12. 30.
Атомисты. Уп. 11.

Баллантинъ (Ballantyne). О душ. начал. 124.
Баттэ (Batteux). Уп. 89. 256.
Баумгартенъ. О чувств. 252. Уп. 89.
Беккеръ (H. Becker). Мнгр. 289.
Бендавидъ. Мнгр. 270. Удов. и страд. 285—286. Дѣл. удов. 286. Срвн. 288. 295.
Бенеке. Мнгр. 290. 330. О способ. д. 111—112. Знач. чувств. 112. Удов., страд. и чувств. 330—334. Классфк. чувств. 33—334. Отз. о его уч. 131. 139. Срвн. 403. Уп. 308. 318.
Бергъ (H. Berg). Мнгр. 402.
Беркли. О. способ. д. 78. Дѣл. удов. 226. Срвн. 81. 234. Уп. 83. 225.
Бертранъ. Мнгр 256. Объ удов. 256. Уп. 201.
Бикъ. К. посб. 11. 146. 147.
Біунде. Классфк. псих. явл. 126—127. Уп. 100.
Блэкей. К. посб. 71. 85. 123—125. 247. 269. Уп. 3.
Бо, см. Дю-Бо.
Бонавентура. О способ. д. 59. Срвн. 60. Уп. 61.
Бонне. Классфк способ. д. 90. Знач. чувств. 258. Удов., страд. и афф. 268—260. Классфк чувств. 260. Срвн. 273. 275. 277. 287. 359. Уп. 256.
Боссиръ (Beaussire). Мнгр. ст. 365. К. посб. 367. 389.
Боссюэтъ. Уп. 16.
Боэцій. О способ. д. 44.
Брентано. К. посб. 18. 23.
Броунъ. Классфк. душ. сост. 123—124. 136. О волн. и ихъ классфк. 311—313. Срвн. 125. 315. 317. 409. Уп. 225. 310.
Бруно, Джордано. О сил. д. 62.
Букардъ (Boucardus). Уп. 69.
Булье, Франциск (Fr. Bouillier). Мнгр. 4. 364. Классфк. душ. явл. 122. Удов. и страд. 366—368. Классфк. чувств. 388—389. Отз. о его уч. 365. Срвн. 356. 370. 371. 383. 393. 403. 408. 409. К. истор. 4. 364—365. К. посб. 246. 256. Уп. 265. 310. 337. 357. 384.
Булье, Шарль (Bovillus). О сил. д. 62.
Буриданъ, Іоаннъ. О способ. д. 60.
Бэконъ. Классфк. способ. д. 70—71.

Знач. чувств. 71. Удов., страд. и афф. 194—195. Классфк. чувств. 195. Срвн. 83. 198. 226. 236. 405. Уп. 67. 69. 72. 191. 237. 242. 243.

Бэли, Самуилъ. Классфк. душ. явл. 128. 136. Срвн. 122. Уп. 127. 135.

Бэме, Яковъ. О част. д. 69. Уп. 61. 68.

Бэнъ, Александръ. Мнгр. 5. Классфк. душ. явл. 94. 128. Знач. чувств. 358. Удов., страд. и волн. 357 — 362. Классф. волн. 389 — 392. Отз. о его уч. 358. 404. Срвн. 219. 220. 351. 356. 364. 369. 372. 383. 384. 394. 401. 403. 409. К. истор. 5. К. посб. 269. 314. 343. Уп. 127. 388.

Вайцъ. Уп. 106. 321. 324.

Валентиніанцы. О част. д. 45.

Валла, Лаврентій. Уп. 61. 66.

Веберъ (E. H. Weber). Уп. 113.

Веберъ (H. B. Weber). Мнгр. 96. 289. О душ. начал. 96. Знач. чувств. 294. О чувствѣ 293 — 295. Классфк. чувств. 295. Срвн. 97. Уп. 95. 296.

Веди. Мнгр. ст. 365. К. посб. 368—369.

Вейгольдтъ. К. посб. 26.

Вейсъ. Элем. душ. дѣят. 98—99. Знач. чувств. 98. Уп. 101. 102. 290.

Велико-греческіе филос. Уп. 11.

Верри, графъ. Мнгр. 287. Удов. и страд. 287.

Вивесъ, Людовикъ. Классфк. способ. д. 66. Удоб., страд. и афф. 186 — 189. Классфк. афф. 188 — 189. Срвн. 191. 195. 198. Уп. 61.

Вильгельмъ Овернскій. О способ. д. 56.

Вильйомъ. Мнгр. 4 (270). Теор. удов. 275 — 279. Классфк. удов. 278. Срвн. 289. К. истор. 4. 275—276. К. посб. 246. 247. 252. 256. Уп. 316.

Винкельманъ. Мнгр. 270.

Виргилій. Срвн. 166. Уп. 344.

Витмаакъ. Мнгр. 308.

Владиславлевъ. К. посб. 32. 34—38. 169.

Вольтеръ. Уп. 256.

Вольфъ. Классфк. способ. д. 78 — 81. Знач. чувств. 80—81. Удов., страд. и афф. 227—234. Классфк. чувств. и афф. 231 — 234. Отз. о его уч. 139. 276. Срвн. 85. 88. 90. 96. 98. 224. 240. 242. 243. 249. 252—254. 281. 301. 302. 307. 317. 405. 406. 408. К. посб. 197. 201. Уп. 5. 26. 104. 225. 244. 269. 300.

Вундтъ. Мнгр. ст. 115. Классфк. душ. явл. 113 — 116. Знач. чувств. 113 — 115. 374. Удов. и страд. 350. 372—375. Классфк. чувств. 389. Отз. о его уч. 139. 378 — 379. Срвн. 357. 377. 383. 403. К. истор. 4. 5. 139. К. посб. 24. 157. 223. 225. Уп. 111. 136. 138. 330. 337.

Галенъ. О част. д. 31. 54. Срвн. 47.

Гамильтонъ. Классфк. душ. силъ 123. 126 — 127. Знач. чувств. 127. Удов. и страд. 223. 342 — 347. Классфк. чувств. 345 — 346. Отз. о его уч. 347 — 349. Срвн. 117. 122. 160. 352. 357. 358. 360. 362. 366. 367. 384. 395. 403. К. истор. 4. 5. 138—138. К. посб. 84. 99. 100. 160. 190. 201. 223. 225. 227. 246. 247. 252. 266.

287. 288. 315. Уп. 125. 265. 276. 310. 318. 351. 363. 364. 368.
Гарве. Мнгр. 270.
Гарлесъ (Harless). Уп. 328.
Гармсъ. К. посб. 42. 43. 44. 51. 58. Уп. 3.
Гарнье. Классфк. способ. д. 119. О наклон. 338. Уп. 136. 318. 337.
Гартманъ. Знач. чувств. 110. Удов. и страд. 335—337. Классфк. чувств. 336—337. Отз. о его уч. 139. Срвн. 266. 403. К. посб. 334. Уп. 109.
Гассенди, Петръ. О душ. начал. 63. Срвн. 207.
Гегеліанцы. О способ. д. 103. Уп. 102. 104. 131. 290.
Гегель. Знач. чувств. 101. 103. Срвн. 104. Уп. 5. 99. 102. 307. 308.
Гезеній. Уп. 290.
Гей (Gay). Объ удов. 247.
Гейнротъ. Уп. 290.
Гейнце. Истор. мнгр. 5.
Гельвецій. Знач. чувств. 87. Уп. 256.
Гельмгольцъ. Уп. 401. 402.
Гельмонтъ. О сил. д. 69. Уп. 68.
Генрихъ Гентскій. О способ. д. 59.
Гераклитъ. Объ удов. 146.
Гербартъ. Классфк. сост. д. 104—106. Знач. чувств. 105. Удов. и страд. 319—321. Классфк. чувств. 320—321. Отз. о его уч. 131. 139. Срвн. 108. 109. 111. 128. 323. 324. 331. 334. 375. 403. К. посб. 291. Уп. 5. 135. 290. 308. 318. 325. 328. 330. 332. 392.
Гердеръ. Мнгр. 270.
Герсонъ, Іоаннъ. О способ. д. 60.
Гертли. Объ. душ. явл. и о способ. д. 82—83. Удов., страд. и афф. 247—252. Классфк. чувств. и афф. 248. 250. Срвн. 236. 258—260. 266. 272. 277. 295. 313. 315. 405. Уп. 238. 267. 269. 275. 355.
Гетчесонъ. Мнгр. 226. Удов., страд. и афф. 226—227. Уп. 225.
Гоббесъ. О способ. д. 72. Удов., страд. и афф. 195—196. Классфк. афф. 196. Срвн. 74. 77. 199. 215. 223. 225—227. 236. 237. 243. 246. 405. Уп. 76. 339.
Годгсонъ. Удов., страд. и волн. 353—356. Классфк. волн. 353—355. Уп. 352
Гокленіусъ. Уп. 69. 197.
Гольбахъ. Уп. 87. 256.
Гомеръ. О душ. начал. 9. 10.
Гомъ, Генри. Уп. 265.
Горвицъ. Мнгр. 375. Классфк. душ. явл. 94. 116. Знач. чувств. 116. Удов. и страд. 375—383. Классфк. чувств. 392—394. Срвн. 325. 350. 357. 373. 398. 403. 409. К. истор. 4. 5. 139. 377. 380. 392. (ср. Вступл.) К. посб. 9. 90. Уп. 138. 330. 337. 365. 388. 389.
Григорій Назіанзинъ. Уп. 45.
Григорій Нисскій. О способ. д. 45. Уп. 4. 42. 43. 44. 172.
Губеръ. К. посб. 42. 43—45. 47. 48.
Гугонъ. О сил. д. 51. О чувств. 176. Срвн. 53.
Гузо (Houzeau). Уп. 121.

Даламберъ. Уп. 87. 261.
Дамаскинъ, Іоаннъ. О способ. д. 48. Объ афф. и классфк. ихъ 175—176. Срвн. 184. Уп. 47. 173.
Дамиронъ. К. посб. 87.
Декартъ. Мнгр. 72. 73. 197. Классфк.

душ. явл. 72—73. Знач. чувств. 73. Удов., страд. и афф. 197—206. Классфк. чувств. и афф. 203—206. Отз. о его уч. 139. 211. 233. 255. 276. Срвн. 75. 76. 81. 120. 167. 179. 180 188. 195. 208—217. 220. 221. 223. 224. 227. 229. 230 234. 238. 243. 246. 253. 256. 261. 264. 288 293. 312. 339 384. 401. 405. 408. 409. Уп. 69. 79. 171. 185. 186. 189. 191. 194. 207. 242.

Дельбёфъ Уп. 365. 371.

Демокритъ. О начал. д. и о знач. чувств. 12—13. Удов. и страд. 146—147. Срвн. 29 Уп. 4. 11.

Де-Пульи, см. Пульи.

Дескюре. Мнгр. 340.

Дидеро: Энциклопедія. О способ. д. 87—88 Удов., страд. и афф. 261—264 Класс. чувств. и афф. 261. 264. Срвн. 277. К посб. 247. Уп. 256.

Дитерици. К. посб. 54. 177. Уп. 4.

Діогенъ изъ Аполлоніи. Удов. и страд. 146. 147.

Діогенъ Лаэрціи. К. посб. 11. 12. 26—30. 148. 157. 158. 161—166. 175.

Дробишъ. Классфк. душ. явл. 106—107. К. посб. 18. 26. 79. 90. Уп. 321.

Дрэвесъ. Мнгр. 270.

Дугласъ. Уп. 125.

Дунсъ Скотъ. О способ. д. 59. Срвн. 60. Уп. 41. 186.

Дю-Бо (Du Bos). Срвн. 246. 256.

Дюгальтъ Стюартъ. Классфк. душ. способ. 85—86. О чувств. 269. Срвн. 118. Уп. 125. 225. 265.

Дюмонъ. Мнгр. 4. 365. (ср. Вступл.) Классфк. душ. явл. 122. Знач. чувств. 122. Удов. и страд. 368—371. Классфк. чувств. 394—398. Отз. о его уч. 365. Срвн. 356. 367. 381. 383. 403. 404. 408. К. истор. 4. 5. 139. 365—366. К. посб. 126. 149—151. 155. 164. 166. 179. 190. 223. 225. 246. 256. 266. 287. 324. 335. 347. 351 360. 376. 393. 400. Уп. 138. 265 276. 337. 357. 364. 384. 388. 389.

Жуффруа. Классфк. способ. д. 118—119. Удов., страд. и афф. 308—310. Уп. 121. 136. 366.

Зейлеръ. К. посб. 9.

Зеленогорскій. К. посб. 18.

Зенонъ, Стоикъ. О част. д. 26. Срвн. 29. 30. 405. Уп. 28. 163. 166.

Зульцеръ. Мнгр. 253. О душ. сил. 89. Знач. чувств. 96. Удов. и страд. 253—255. Классфк. чувств. 254—255. Отз. о его уч. 276. Срвн. 96. 261. 272. 279—281. 289. 293. 307. Уп. 269. 316.

Ибервегъ. К. посб. 264. Уп. 31.

Идеалисты, нѣмецкіе. Знач. чувств. 101. Срвн. 375. Уп. 111. 307.

Іегеръ. Уп. 95.

Іоаннъ Саллисберійскій. Объ афф. 53.

Іоническіе философы. Уп. 11. 146.

Іоссій, Никандръ. Мнгр. 179. Срвн. 197.

Іудейскіе философы. Уп. 53.

Кабанисъ. Удов. и страд. 264—265. Уп. 117. 256.

Кавелинъ. Классфк. душ. явл. 132—134. Уп. 131.

Кампанелла, Ѳома. О дух. начал. 68. Срвн. 119. Уп. 61.
Кампе. Мнгр. 270. О способ. д. 90. Срвн. 272.
Кантъ. Мнгр. 270. 286. Классфк. способ. д. 90. 92—93. Знач. чувств. 91. 90—93. Удов., страд. и афф. 281—289. Классфк. чувств. и афф. 286. 288. Отз. о его уч. 139. Срвн. 94—99. 101. 104. 108. 116. 117. 119. 122. 123. 126. 130. 132. 258. 268. 269. 282—285. 291—294. 296. 316. 359. 366. 376. 393. 400. 406. 408. Уп. 4. 89. 242. 271. 279. 323.
Каптеревъ. Классфк. душ. явл. и знач. чувств. 132. Удов., страд. и классфк. чувств. 401. Уп. 131.
Карданъ, Іеронимъ. О способ. д 68. Удов., страд. и афф. 189—191. Срвн. 193. 195. Уп. 67. 186. 229.
Карнери. Мнгр. 337.
Карпентеръ. Классфк. душ. явл. 129. Удов. и страд. 352. Классфк. чувств. 353. Уп. 136.
Карусъ, К. Г. Уп. 101. 102. 308.
Карусъ, Фр. Авг. Классфк. душ. способ. 96—97. Знач. чувств. 97. Срвн. 98. 294. К. посб. 12. 31. 43—47. 51. 57. 59. 67—69. 197. Уп. 3. 95. 136. 290.
Касманъ. Уп. 69.
Кассіанъ. О душ. сил. 44.
Кирванъ. Дѣл. душ. явл. 123.
Киренаики. Знач. чувств. 16. Удов. 147. 148. 157. Срвн. 164.
Кирхманъ. К. посб. 93. 157.
Кларкъ. Уп. 89.
Клеанѳъ. Знач. чувств. 28. Уп. 30.
Климентъ Александрійскій. О душ. сил. 44—45. К. посб. 27. 172. Уп. 42. 43.
Колонна, Эгидій. О способ. д. 58.
Компайрэ (Compayré). Уп. 340.
Кондильякъ. О способ. д. 86—87. Удов. и страд. 256 — 258. Классфк. чувств. 257. Срвн. 260. Уп. 117. 264. 272. 308.
Контъ. Уп. 355. 388.
Косиба. Мнгр. 325. Классфк. чувств. 325.
Кохіусъ. Мнгр. 270. Удов. 276. Срвн. 272.
Кошъ, М. К. посб. 225. 226. 240.
Краузе, Альбр. Мнгр. 308.
Кремонинъ. Уп. 63.
Кругъ. Мнгр. 99. 289. Элем. дух. дѣят. и о знач. чувств. 99—100. Теор. чувства 297. Отз. о его уч. 101. 126. 127. Срвн. 122. 299. 301. 302. 337. 370. Уп. 98. 102. 136.
Кузанъ, см. Николай Кузанскій.
Кузенъ. О способ. д. 118. О чувствѣ 308. К. посб. 117. Уп. 119. 121.
Курціусъ. К. посб. 9.
Кэстнеръ. Мнгр. 256. Объ удов. 256. Уп. 201. 261.

Лазарусъ. Уп. 106.
Лактанцій. О способ. д. 43.
Ламменэ. О душ. начал. 119.
Ламметри. Уп. 256.
Ларомигьеръ. О способ. д. 117. Уп. 118. 136.
Ла-Шамбръ (De la Chambre) Мнгр. 207. Афф. 207—208.
Левэкъ де- Пульи, см. Пульи.
Левэкъ, Шарль. Уп. 310.
Лейбницъ. О способ. д. и о знач. чувств. 77. Удов. и страд. 223—225. Отз. о его уч. 139. Срвн. 227. 271. Уп. 78.
Лелю (Lélut). О способ. д. 120. Объ афф.

339. К. посб. 118. Уп. 119. 136. 337.

Лемуанъ. Классфк. душ. явл. 122.

Леру. Дѣл. душ. 119.

Лё-Сено (Le Senault). Мнгр. 197.

Летурно. Мнгр. 122. Классфк. душ. явл. 122. Объ удов. и страст. 339—340.

Ливій, Титъ. Уп. 166.

Линднеръ. Уп. 106.

Липсій, Юстъ. Дѣл. душ. 63.

Лихтенфельсъ. Классфк. способ. д. 95.

Локкъ, Джонъ. О способ. д. 76—77. Знач. чувств. 76. Удов. и страд. 221—223. Классфк. чувств. 222—223. Отз. о его уч. 87. 139. Срвн. 77. 81. 83. 85. 224—227. 234—237. 246. 247. 253. 258. 259. 312. 315. 355. 395. 405. Уп. 78. 119. 238. 243.

Лонгинъ. Уп. 39.

Лотце. Классфк. душ. явл. 108. 109. 111. Знач. чувств. 109. Удов. и страд. 325—330. Классфк. чувств. 329—330. Отз. о его уч. 376. Срвн. 331. 337. 357. 369. 403. Уп. 136. 336. 351.

Лукрецій. О душ. начал. 29. 30. Срвн. 43.

Льюисъ (G. Lewes). Объ элемент. душ. дѣят. 129. Уп. 136. 354.

Маасъ. Мнгр. 98. 289. О душ. сил. и о знач. чувств. 98. Удов., страд. и афф. 290—293. Классфк. чувств. и афф. 292—293. Срвн. 294. К. посб. 270. Уп. 136.

Мажи. Мнгр. 340. О страст. 340. Уп. 339.

Маймонидъ, Моисей. Уп. 53. 55.

Максимъ Исповѣдникъ. О способ. д. 48. Уп. 47.

Малебраншъ. О способ. д. 74—75. Объ афф. 208—210. Классфк. афф. 210. Срвн. 120. 214. 217. 218. 264. 293. 339. 408. Уп. 76. 207. 243.

Малье (Maillet). Мнгр. 340. Уп. 339.

Мантегацца. Мнгр. 131. Удов. и страд. 399—400. Классфк. чувств. 400. Срвн. 409.

Маріонъ. Мнгр. ст. 365. К. посб. 364. 367. 389.

Мартиніусъ. Уп. 197.

Маудсли. О душ. отпр. 129. Удов. и страд. 352—353. Классфк. чувств. 353. Уп. 136.

Мейеръ, Бона. К посб. 92.

Мейеръ (Meyer. H. G.). К. посб. 252.

Мейнерсъ. Мнгр. 270.

Милль, Джемсъ. Классфк. душ. силъ и знач. чувств. 125. Удов., страд. и волн. 313—315. Классфк. волн. 313. 314. Срвн. 317. Уп. 124. 136. 310.

Милль, Джонъ Ст. Классфк. душ. явл. 128—129. Удов. и страд. 347—351. Срвн. 342. 363. К. посб. 218. 314. Уп. 136. 318. 364. 368.

Мистики, нѣмецкіе. Уп. 61.

Мишеле. Уп. 102.

Монже. Уп. 290.

Монтескьё. Уп. 256.

Мопертюи. Уп. 256.

Морготъ. Истор. мнгр. 5. 180.

Морелли. Уп. 256.

Муллахіусъ. К. посб. 14. 147.

Мэнъ де-Биранъ. О душ. отправл. 118.

Мюллеръ, Іоаннъ. Уп. 113.

Нагловскій. Мнгр. 107. Классфк. душ. явл. и знач. чувств. 107—108. Удов. и страд. 321—325. Классфк. чувств. 324—325. Уп. 106. 319.
Немезій. Классфк. душ. способ. 44. 45—47. Знач. чувств. 47. Афф. 174—175. Классфк. афф. 175 Срвн. 176. Уп. 42. 43. 173.
Нейбигъ. Мнгр. 100. 289. Классфк. душ. явл. 100—101. Знач. чувств. 100. Удов. и страд. 299—301. Уп. 136.
Никандръ Іоссій, см. Іоссій.
Николай Кузанскій. О душ. начал. 62.
Ноакъ. К. посб. 44.
Новопиѳагорейцы. О душ. начал. 31. 32.
Новопиѳагорейцы-Платоники. Уп. 31.
Новоплатоники. Срвн. 44 46. 50. 55. 63. Уп. 25. 42. 170.
Нуменій. О душ. начал. 32. Срвн. 38.
Ньютонъ. Уп. 247. 398.

Оболенскій. Мнгр. 401. Удов. и страд. 401—402.
Оккамъ, Вильгельмъ. О способ. д. 60. 65. Уп. 186.
Оригенъ. О способ. д. 45. Уп. 172.

Панэцій. О част. д. 27. Срвн. 47.
Парацельзъ. О душ. сил. 67—68. Срвн. 69.
Пауланъ. Мнгр. 372. Удов. и страд. 371—372.
Перипатетики. О способ. д. 30.
Петръ Ломбардскій. Уп. 52.
Пирронъ. Уп. 30.
Пиѳагорейцы. О способ. д. 30. Уп. 11. 12. 211.
Пиѳагоръ. О способ. д. 11—12. Удов. и страд. 146. 147. Срвн. 13. 14. Уп. 30.
Платнеръ. О сил. д. 89. Уп. 270.
Платонъ. О част. д. 8. 14—16. Знач. чувств. 15—16. Удов., страд. и афф. 148—154. Классфк. чувств. и афф. 151—154. Отз. о его уч. 17. 19. 43. Срвн. 9. 12. 13. 20. 23. 24. 27. 30. 31. 35—37. 44—47. 51. 52. 54. 62. 97. 155. 157—165. 168—170. 171. 174—176. 190. 191. 214. 223. 225. 243. 263. 288. 321. 389. 405. 407. 408. К. посб. 147. Уп. 4. 32. 119. 145. 180. 186. 275. 339.
Плотинъ. О способ. д. 25. 32—38. Знач. чувств. 37—38. 40. Удов., страд. и афф. 167—170. Дѣл. чувств. 170. Срвн. 46. 50. 55. 63. 65. 164. 166. 174. 184. 185. 188. 213. 216. 405. Уп. 4. 145. 186.
Плутархъ Херонейскій. О душ. начал. 31—32. К. посб. 12. 13. 26. 27. 29.
Покорный (Pokorny). Истор. мнгр. 4. К. посб. 89. 90. 95. 96. 101. 105. 272. 291. 308. 319. 320. 321.
Помпонацій, Петръ. О способ. д. 63.
Порфирій. О способ. д. 38. К. посб. 15.
Посидоній. О част. души 26. Уп. 31.
Прейсъ. Мнгр. 319. Уп. 321.
Пристли. О душ. волн. 266—267. Уп. 85. 86.
Проклъ. О способ. д. 39. Срвн. 50.
Прохазка. Классфк. душ. способ. 95. Уп. 136.
Пульи (Lévesque de Pouilly). Мнгр.

246. Удов. и страд. 246 — 247. Срвн. 256. 261. 405.
Пэйнъ (Paine). О душ. отпр. 124.
Пэлей. Объ удов. 266. Класс. волн. 266. Отз. о его уч. 394. 395. Срвн. 337. Уп. 89. 265.

Раймундъ Сэбундскій. Уп. 6.
Рамусъ, Петръ. Уп. 61. 66.
Ребергъ. Мнгр. 270.
Рейнахъ. К. посб. 375. 394.
Рейнгольдъ. Истор. мнгр. 4. Уп. 247.
Рейхлинъ. Уп. 63.
Ренанъ. К. посб. 178. 179.
Ренувье. О душ. начал. 119—120. Знач. чувств. 120. Объ афф. 338. К. посб. 117. Уп. 136. 318. 337.
Рехе. Мнгр. 270.
Рибо. Классфк. душ. явл. 121—122. Удов. и страд. 341. К. посб. 128. 212. 358. 392. Уп. 4. 135. 136.
Ридъ, Томасъ. Классфк. душ. силъ 83 — 85. Знач. чувств. 84 — 85. Удов., страд. и афф. 267 — 269. Классфк. афф. 268 — 269. Срвн. 118. 123 — 125. 234. 315. Уп. 225. 265. 317. 343.
Риттеръ. К. посб. 12. 61. 64. 67.
Риттеръ и Преллеръ. К. посб. 26. 165. 166.
Рихардъ. О способ. д. 51 — 52. Классфк. афф. 176. Срвн. 60.
Рихтеръ, Артуръ. К. посб. 36. 37. 169. 170.
Рихтеръ (H. Richter). Мнгр. 100. 289. Теор. чувства 297 — 298. Срвн. 301. Уп. 100.
Рише. Мнгр. 384. Объ удов. 385. 387. Теор. боли. 384—387. Срвн. 264.
Розенкранцъ. Ступ. дух. дѣят. и знач. чувства 103. К. посб. 92. Уп. 102.
Ройе Колларъ. Уп. 118. 308.
Росмини. О душ. начал. 130.
Руссо. Уп. 256.

Секстъ Эмпирикъ. К. посб. 13. 27. 28.
Сиріанъ. Уп. 39.
Сирчъ. О чувств. 273. Уп. 272. 275.
Скептики. Уп. 30.
Скептики эпохи возрожд. Уп. 64.
Скотъ, см. Дунсъ Скотъ и Эригена.
Сметсъ. Мнгр. 289.
Смитъ, Адамъ. Мнгр. 266. Теор. чувств. 266. Срвн. 268. Уп. 89. 265.
Сократъ. Уп. 11. 14. 145. 147.
Софисты. Уп. 14.
Спальдингъ. Мнгр. 270.
Спевсиппъ. Уп. 161.
Спенсеръ, Гербертъ. Классфк. душ. явл. 129—130. Знач. чувств. 130. Удов. и страд. 362—364. Классфк. чувств. 388. Отз. о его уч. 396. Срвн. 351. 352. 383. 395. 396. 398. 401. 403. К. посб. 358. 392. Уп. 136. 356.
Спиноза. О душ. начал. 75—76. Удов., страд. и афф. 210—221. Классфк. чувств. и афф. 217 — 221. Отз. о его уч. 341. 352. Срвн. 77. 167. 168. 170. 200. 202. 223. 227. 228. 232. 234. 237. 242—244. 293. 312. 366. 391. 405. 409. Уп. 185. 207. 208. 355.
Стелла, Исаакъ. О душ. сил. 52. Классфк. афф. 176 — 177. Срвн. 184. Уп. 62.
Стобей. К. посб. 11 — 14. 18. 26. 29. 30. 32. 38. 146.
Стоики. О част. д. 26—29. Знач.

чувств. 28. Удов., страд. и афф. 161—164. Классфк. афф. 162—164. Отз. о ихъ уч. 139. 186. 195. Срвн. 31. 33. 45. 46. 62. 63. 160. 165. 166. 174—176. 179. 184. 187. 192. 196. 200. 224. 405. 407. 408. Уп. 30. 145. 171.
Стюартъ, см. Дюгальтъ Стюартъ.
Суабедиссенъ. Мнгр. 289. Срвн. 294.
Суарецъ, Францискъ. О способ. д. 64. Срвн. 66. Уп. 62.
Сѣченовъ. Классфк. психич. явл. 134—135. Уп. 131. 136.
Сэссé (Em. Saisset). К. посб. 308.

Таубертъ. К. посб. 14. 17. 20. 23. 79. 90.
Таулеръ. Уп. 61.
Телесій, Бернардинъ. О душ. нач. 68. Афф. 189. Срвн. 71. 191. Уп. 61. 67. 186. 193.
Тертулліанъ. О способ. д. 43. К. посб. 26. Уп. 172.
Тетенсъ. О способ. д. 81. 90 — 91. Знач. чувств. 91. 273. Удов. и страд. 272—275. Классфк. чувств. 275. Срвн. 89. 130. 258. 298. Уп. 4. 270. 271.
Тидеманъ. Мнгр. 270. Уп. 90.
Траси. Уп. 117.
Тренделенбургъ. Уп. 18.
Троицкій. К. посб. 101. 102. 247. 269. 320. 321. 324.
Тэнъ. К. посб. 118.

Ушинскій. Классфк. душ. явл. 131—132. Удов., страд. и классфк. чувств. 400—401.

Федеръ. Мнгр. 270.
Фергюсонъ. Удов. 266. Уп. 89. 265.
Ферри. К. посб. 131.
Феррье. Объ удов. и боли 384.
Фехнеръ. Уп. 113. 371.
Филонъ, Александрійскій. О сил. д. 31. 32. Объ афф. 166.
Филопонъ, Іоаннъ. О част. д. 48. Уп. 47.
Фихте, Старшій. Знач. чувств. 99. 101. Уп. 307. 308.
Фичинъ, Марсилій. О сил. д. 63.
Флемингъ. Мнгр. 93. 270. О способ. д. 93—94. Теор. чувства 279—281. Классфк. чувств. 281. Срвн. 293.
Флоренци. Уп. 131.
Флуддъ, Робертъ. О душ. начал. 69. Уп. 68.
Флурансъ. Классфк. душ. явл. 121.
Фогтъ. К. посб. 289.
Фолькманъ, Вильгельмъ. К. истор. 4. 94. Срвн. 324. К. посб. 9. 14. 43 — 45. 48. 57. 89. 90. 96. 99. 101. 180. 270. 272. 291. 298. 337. Уп. 106. 321.
Фолькманъ (Медикъ). Уп. 290.
Франкъ. К. посб. 207. 226. 246. 272.
Фризъ. О сил. д. 97—98. Знач. чувств. 98. Срвн. 302. Уп. 95. 136. 290.
Фурнье. О сил. д. 121. Объ удов. и боли. 384. Уп. 136.

Хризиппъ. Уп. 30. 162. 163.

Цабарелла. О сил. д. 63.
Цезальпинъ. О душ. начал. 63.
Целлеръ. К. посб. 12. 14. 26. 31. 36. 38. 39. 67. 147. 155. 161. 166. 169.
Циники. Объ удов. 147.
Цицеронъ. Срвн. 31. 166. К. посб. 12. 28. 161. 113. 165. Уп. 339.
Цорци, Францискъ. Уп. 63.

Чистовичъ. И. Уп. 325.

Шарронъ. О душ. начал. 64.
Шеллингіанцы. О сил. д. 101—103. Уп. 290. 308.
Шеллингъ. Знач. чувств. 101. Уп 99. 102 308.
Шенье. К. посб. 15. 149. 152
Шефтесбэри. Уп. 89. 225. 226.
Шлейермахеръ. Знач. чувства 101
Шмидтъ (M. J. Schmidt). Мнгр. 270.
Шмидтъ, Эдуардъ. Мнгр. 290. О способ. д. 301. Знач. чувств. 302—303. Теор. чувств 301—307. Классфк чувств. 303—304. Срвн. 408. Уп. 318.
Шопенгауэръ О душ. начал 109—110. Знач чувств. 110. Удов. 334. Отз. о его уч. 139. Срвн. 115. 335. 403. Уп. 104. 111. 308. 330.
Штегеръ. К. посб 154
Штёкль. К. посб. 18. 31. 42—45 48—52. 55—64. 67. 69. 172 173 176. 180. 189. Уп. 4.
Штиглеръ. К. посб. 43. 45. 172.
Штиденротъ. Отз. о его уч. 139.
Шубертъ. О сил. д. 102—103. Знач. чувства 102. Классфк. чувств. 307. Срвн. 308. Уп. 101.
Шютцъ. Мнгр. 270.

Эберхардъ. Мнгр. 270 Знач. чувств. 271. Удов. и страд. 271—272. Срвн. 90. 279. 280.
Эвдоксъ. Уп. 161.
Эйкенъ (Eucken). К. посб. 407.
Эклектики. Уп. 31.
Экхардтъ (Мейстеръ Э.) Уп. 61.
Элейскіе философы. Уп. 11.
Эмпедоклъ. О душ. начал. 12—13. Знач. чувств. 13. Удов. и страд. 146. 147. Уп. 11.
Эннiй. Уп. 166.
Эпикурейцы. Дѣл. души. 29—30. Удов. и страд. 164. Классифк. афф. 166. Отз. о ихъ уч. 139. Срвн. 43. 62. 63. 177. 178. 185. 215. 224. Уп. 161
Эпикуръ. О душ. начал. 29—30. Знач. чувств. 29. Удов., страд. и афф. 164—166. Классфк. афф. 165—166. Срвн. 175. 190. 405. Уп. 30. 145.
Эпхамъ. Классфк. душ. явл. 127. О чувств. 315.
Эрдманъ. Дѣл. души. 104. Уп. 102.
Эригена, Іоаннъ Скотъ. О сил. д. 50. Срвн. 51.

Юмъ, Давидъ. Мнгр. 235. Классфк. душ. явл. 81—82. Удов., страд. и афф. 234—242. Классфк. афф. 238—240. Отз. о его уч. 268. Срвн. 83. 244. 247. 252. 312. 313. 355. 408. Уп. 225. 226. 227. 243. 269. 272.
Юнгманъ. Мнгр. 337.
Юнгъ, Джонъ. О душ. начал. 124.

Якоби. Знач. чувства. 95. 298. Срвн. 101.
Якобсонъ. Уп. 4.
Якобъ. Мнгр. 270. Дѣл. души и о знач. чувств. 96. Дѣл. чувств. 96. Уп. 95. 290.
Ямвлихъ. О душ. начал. 38. Уп. 15.

Ѳеодоръ. Уп. 164.
Ѳеофрастъ. Мнгр. 161. Удов. и страд. 161. К. посб. 12. 13. 146. 147.
Ѳома Аквинатъ, см. Аквинатъ.

II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ КЪ ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ОТДѢЛУ *).

*Абель. Мнгр. о пон. любви. 550.

Аристотель. Ступ. душ. отпр. 435. Пон. движенія 436. Оцѣнка его классфк. чувств. 470. Объ отриц. страд. 473. Усл. воспроизведенія 482. Уп. 485.

Бендавидъ. Осн. классфк. чувств. 470.

Бенеке. Зак. слѣдовъ. 482.

*Биша. Дѣл. отпр. организма 428.

Біунде. Критр. классфк. душ. явл. 434.

Бонне. Осн. классфк. чувств. 470.

Броунъ. Осн. классфк. чувств. 470.

*Брюкке. Объ органахъ электрич. ощ. 451. О болевыхъ нервахъ 452.

Булье, Фр. О безразл. чувств. 444. 445. 447. Абсолютизмъ 456. Осн. классфк. чувств. 470.

Бэнъ. Классфк. душ. явл. 424. Безразл. чувств. 444. 445. Классфк. ощ. и ея критика 451—452. Осн. классфк. чувств. 470. Теор. памяти и ассоц. 482. Зак. диффузіи 506. Терминл. 511. Удов. гнѣва 515. Идеальныя чувства 540. Уп. 433. 551.

Веберъ, Г. Осн. классфк. чувств. 470.

Вильйомъ. Усл. образ. чувств. 465.

Вольфъ. Ступ. душ. отпр. 435. Осн. классфк. чувств. 470.

Вундтъ. Безразл. чувств. 444. 445. Мускульн. ощ. 451. Полож. и отриц. молекуляр. работа 458. 465. Полож. и отриц. чувств. 459. 466. Усл. образ. чувств. 463. 465. Теор. ассоц. 489.

*) Объясненіе сокращеній:

Пон. = понятіе, осн. = основы, усл. = условіе, зак. = законъ, ощ. = ощущеніе, критр. = критерій, ассоц. = ассоціація, отнош. = отношеніе, выраж. = выраженіе, терминл. = терминологія, образ. = образованіе, безразл. = безразличный, полож = положительный, отриц. = отрицательный. Остальныя сокращ. см. Указат. I, стр. 03.

Имена, обозначенныя крестикомъ, не встрѣчались въ Историческомъ отдѣлѣ.

Гамильтонъ. Критр. классфк. душ. явл. 434. Полож. и отриц. удов. и страд. 459. 466. Усл. образ. чувств. 465. Осн. ихъ классфк. 470.
Гарнье. Пон. движенія. 436.
Гартманъ. Безсознат. осн. стремленій 441.
Гербартъ. Осн. классф. чувств. 470.
*Герингъ. Теор. памяти 481. 482.
Гертли. Осн. классфк. чувств. 470.
Гоббесъ. Усл. образ. чувств. 465.
Годгсонъ. Объ органич. половыхъ ощ. 452.
Горвицъ. Отнош. ощ. и чувств. 440. О безразл. чувств. 444. 445. Полож. и отриц. молекуляр. работа 458. 465. 466. Усл. образ. чувств. 465. Объ отриц. страд. 473. Первенство чувств. 499. Уп. 551.
Гузо. О чувств. у животн. 502. 516. 535. Уп. 551.

*Дарвинъ. Осн. описанія выраж. 420. 421. Первый принципъ ихъ образ. 438. Общая задача Д. 439. Выраж. гнѣва 515. Уп. 551.
Декартъ. Усл. образ. чувств. 465. Критика классфк. чувств. 469. Уп. 448. 456.
Дидеро. Пон. движенія 436.
Дробишъ. Пон. дѣятельности 435.
Дюмонъ. Безразл. чувств. 444. 445. Полож. и отриц. удов. и страд. 459. 466. 467. Усл. образ. чувств. 465. Осн. классфк. чувств. 472. Недостатокъ старой психологіи 482 — 483. Уп. 551.
*Дюшеннъ. Осн. описанія выраж. 420. Уп. 551.

Жуффруа. Пон. движенія 436.

Зульцеръ. Осн. классфк. чувств. 470.

Кавелинъ. Пон. дѣйствій 435.
Кантъ. Осн. классфк. чувств. 470. Уп. 455.
Карпентеръ. Осн. классфк. чувств. 470. Теор. памяти 482.
Карусъ, Фр. Авг. Простыя и сложныя душ. явл. 435.
Кругъ. Критр. классфк. душ. явл. 434. Осн. классфк. чувств. 470.
*Куссмауль. Уп. 551.

Лихтенфельсъ. Осн. тетрахотоміи 436.
Локкъ. Полож. и отриц. чувств. 466.
Лотце. Его терминл. 435. Усл. образ. чувств. 457.

Маасъ. Осн. классфк. чувств. 470.
*Мальцевъ. Его критика теор. ассоц. 535—536.
Мантегацца. Осн. классфк. чувств. 470.
Маудсли. Осн. классфк. душ. явл. 425. Осн. классфк. чувств. 470.
Милль, Джемсъ. Осн. классфк. чувств. 470. Теор. памяти 482.
Милль, Дж. Ст. Теор. классфк. 423—424. 468. Требованія терминл. 508. Осн. тетрахотоміи 436. Усл. образ. чувств. и критика его теор. 478—480.

Нейбигъ. Пон. дѣйствій 435.

*Перецъ. О чувств. у дѣтей 500. 501. Уп. 551.
Платонъ. Абсолютизмъ 456. Объ отриц. страд 473. Усл. воспроизведенія 482.
Плотинъ. Ступ. душ. силъ 435.
Прохазка. Осн. тетрахотоміи 436.

Пэлей. Осн. классфк. чувств. 469.

Рибо. Самостоятельн. психол. 422 (ср. Вступл.). Психолог. знач. движеній 432. Наслѣдственность чувствъ 539. Уп. 550.
Ридъ. Осн. классфк. чувств. 470.
Рише. Психолог. знач. движеній 432. Степени боли 474. Причины боли 479.

Спенсеръ. Принципы терминл. 423. Осн. классфк. душ. явл. 425. Опредѣленіе жизни 427—428. Полож. и отриц. страд. 459. 466. Теор. памяти 482. Процессы интегр. и дифференц. 483. Задачи псих. чувств. 550.
Спиноза. Осн. классфк. чувств. и ихъ критика 469. Теор. ассоц. 482. Теор. терминл. чувств. 508.

Тетенсъ. Пон. дѣятельности 435.

Фолькманъ, В. Теор. памяти 482.
Фризъ. Пон. дѣятельности 435.

Шмидтъ, Эд. Критр. классфк. душ. явл. 434. Осн. тетрахотоміи 436. Осн. классфк. чувств. 469.
Шопенгауэръ. Первенство стремленій 500.
Шубертъ. Уп. 455.

*Эггеръ. Уп. 551.
*Эспинасъ. Уп. 551.

Юмъ. Осн. классфк. чувств. 470. Теор. ассоц. 482. Уп. 485.

[illegible]. Осн. тетрахотоміи 436. Уп. 470.

БИБЛИОТЕКА

УЧЕТ 1935 г.

НѢКОТОРЫЯ ПОПРАВКИ.

На стран. 5 108 109. 111 128. 131. 135 139. 290. 291. 318 и 325 читай Гербартъ вм. Гербардтъ.

»	»	3	въ	3	строкѣ	снизу	читай	1878	вмѣсто	1818
»	»	5	»	16	»	сверху	»	31	»	301
»	»	5	»	22	»	»	»	богословская	»	богословная
»	»	8	»	4	»	снизу	»	Аристотелевской	»	Аристотельской
»	»	21	»	16	»	»	»	Ср. ib b. 18	»	Τοῦτο, т е δυνάμει, ср. ib b. 18
»	»	24	»	9	»	»	»	λυπηρόν	»	λιπηρόν
»	»	45	»	3	»	сверху	»	признавались Стоиками	»	ими признавались
»	»	51	»	8	»	»	»	Однимъ изъ важнѣйшихъ представителей	»	Основателемъ
»	»	51	»	8	»	»	»	въ приписываемомъ ему сочиненіи	»	въ своемъ
»	»	52	»	5	»	снизу	»	Антропологія	»	Атропологія
»	»	62	»	7	»	сверху	»	въ XII в	»	въ XV в
»	»	75	»	6	»	»	»	passions и appétits	»	appetits и passions
»	»	77	»	3	»	»	»	«Новыхъ опытахъ»	»	«Новомъ опытѣ»
»	»	100	»	2	»	»	»	отъ субъекта къ объекту	»	отъ объекта къ субъекту
»	»	132	»	7	»	»	»	поверхностной	»	поверхностей
»	»	148	»	20	»	»	»	Киренаиковъ	»	Киренайковъ
»	»	153	»	11	»	»	»	(встѣдствіе какого то неудовлетвореннаго стремленія къ надеждѣ — προσδοκίας τινὶ πόθῳ)	»	(при мысли о желаемомъ — προσδοκία τινὶ πόθῳ)
»	»	155	»	10	»	»	»	съ *нравственной* точки зрѣнія онъ вѣрилъ	»	онъ вѣрилъ съ *нравственной* точки зрѣнія
»	»	180	»	5	»	»	»	было бы	»	было быть
»	»	211	»	10	»	»	»	самостоятельности	»	самостоятельность
»	»	225	»	10	»	»	»	своихъ «Новыхъ опытахъ	»	своемъ «Новомъ опытѣ»
»	»	234	»	14	»	»	»	своихъ предшественниковъ	»	своего предшественника
»	»	250	»	6	»	снизу	»	степень	»	ступень
»	»	306	»	7	»	сверху	»	5) *повтореніе*	»	3) *повтореніе*
»	»	325	»	5	»	снизу	»	Kosiba	»	Kosibę
»	»	337	»	18	»	»	»	въ этой	»	съ этой
»	»	337	»	4	»	»	»	neuer. Psychol. Innsbr	»	neur. Psychol. Innsbt
»	»	340	»	16	»	»	»	основою	»	основною
»	»	365	»	11	»	»	»	fondée	»	fnodée